

ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
РОССИЙСКИЙ ФОНД ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

АНАНЬЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ — 2020.

**Психология служебной деятельности: достижения и перспективы развития
(в честь 75-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.)**

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

8–11 декабря 2020 года

Санкт-Петербург
2020

УДК 159.9
ББК 88.3
А64

Редакционная коллегия:

Головей Л. А., доктор психологических наук, профессор;
Гуриева С. Д., доктор психологических наук, профессор;
Логина Н. А., доктор психологических наук, профессор;
Солдатова Е. Л., доктор психологических наук, профессор;
Маничев С. А., кандидат психологических наук, доцент;
Хрусталева Н. С., доктор психологических наук, профессор;
Защиринская О. В., доктор психологических наук, доцент;
Медина Бракомонте Н. А., кандидат психологических наук, доцент;
Дейнека О. С., доктор психологических наук, профессор;
Вартамян Г. А., кандидат психологических наук;
Мамайчук И. И., доктор психологических наук, профессор;

Миланич Ю. М., кандидат психологических наук, доцент;
Петраш М. Д., кандидат психологических наук, доцент;
Данилова М. В., кандидат психологических наук, доцент;
Наследов А. Д., кандидат психологических наук, доцент;
Аникина В. О., кандидат психологических наук, доцент;
Блох М. Е., кандидат медицинских наук, доцент;
Бордовская Н. В., доктор психологических наук, профессор;
Никифоров Г. С., доктор психологических наук, профессор;
Ловягина А. Е., кандидат психологических наук, доцент;
Ильина Н. Л., кандидат психологических наук, доцент;
Исурина Г. Л., кандидат психологических наук, доцент;

Щербакова О. В., кандидат психологических наук, доцент;
Андрущенко Н. В., кандидат медицинских наук, доцент;
Почепут Л. Г., доктор психологических наук, профессор;
Вассерман Л. И., доктор психологических наук, профессор;
Щелкова О. Ю., доктор психологических наук, профессор;
Шойгу Ю. С., кандидат психологических наук;
Шаболтас А. В., доктор психологических наук, профессор;
Костромина С. Н., доктор психологических наук, профессор.

А64 Ананьевские чтения — 2020. Психология служебной деятельности: достижения и перспективы развития (в честь 75-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.): материалы международной научной конференции, 8–11 декабря 2020 года / Под общей редакцией А.В. Шаболтас, Е.Л. Солдатовой. Отв. ред. А.К. Кулиева. — СПб.: Скифия-принт, 2020. — 1052 с. ISBN 978-5-98620-481-9

В настоящем издании представлены публикации, подготовленные на основе материалов международной научной конференции «Ананьевские чтения», проходившей 8-11 декабря 2020 года в Санкт-Петербургском государственном университете и приуроченной к 75-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Конференция посвящена проблематике достижений и перспектив психологии на службе Отечеству. Материалы сборника отражают широкий круг задач, связанных с методологией психологического сопровождения профессионалов и подразделений в государственных, силовых и других ведомственных структурах, в сфере социально-политических отношений, а также проблемы адаптации людей к социально-политическим изменениям, психологии кризисных и экстремальных ситуаций, проблемы управления, развития и образования. В сборнике представлены работы как сотрудников Санкт-Петербургского государственного университета, так и многих других образовательных, практических и научных центров России, а также стран ближнего и дальнего зарубежья.

УДК 159.9
ББК 88.3
А64

Конференция «Ананьевские чтения 2020» проведено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-013-22072».

ISBN 978-5-98620-481-9

© Авторы тезисов, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ

<i>Алмазова О.В., Артемова Е.А.</i> Механизмы морального самооправдания в подростковом возрасте и в юности	41
<i>Ануфришок К.Ю.</i> Психологическое благополучие в связи с самоосуществлением в юношеском возрасте	43
<i>Барбанова В.В., Мухортова Е.А.</i> Образы живой природы в представлении студентов	45
<i>Ван С., Микляева А.В.</i> Сравнительный анализ показателей психологического благополучия китайских и российских подростков	47
<i>Галеева А.В., Казанцева Т.В.</i> Опыт отношений с родителями и представления о будущей семье студентов высших учебных заведений	49
<i>Григорьева И.Б., Трошихина Е.Г.</i> Воспитательные установки и психологическое благополучие родителей как предикторы самооценки дошкольников	51
<i>Гудзовская А.А.</i> Идентификационные особенности коллективистически и индивидуалистически ориентированных младших школьников	53
<i>Джаббарова Л.А., Офицерова С.В.</i> Возможности применения контекста сочинения сказок в развитии вербальной креативности детей младшего подросткового возраста	55
<i>Дивисенко К.С.</i> Биографическое проектирование старшеклассниками собственного будущего: соотносённость жизненных планов и стратегий их реализации	57
<i>Дмитриева Д.Ю., Василенко В.Е.</i> Параметры восприятия детско-родительских отношений как предикторы личностной идентичности и кризисных переживаний студентов-первокурсников	59
<i>Дуботолова М.М., Казанцева Т.В.</i> Отношение взрослой дочери к матери: амбивалентность и качество отношения	61
<i>Екимчик О.А., Рулева Е.С.</i> Психологические факторы фаббинга в студенческой среде	63

<i>Карпинский К.В.</i> Динамика смысложизненных состояний личности: лонгитюдное исследование	65
<i>Ключко Д.С., Чернова А.А.</i> Психологические особенности личностной направленности подростка . . .	67
<i>Кобзева О.В.</i> Социальное пространство как детерминанта развития в подростковом возрасте	69
<i>Кракович-Красовская Ю.А.</i> «Образ дома» и психологическая зрелость личности взрослого	71
<i>Крюкова Т.Л., Арзубова А.Ю.</i> Совладание со стрессом перемен у женщин разного возраста.	73
<i>Крюкова Т.Л., Екимчик О.А.</i> Апробация опросника самовоспринимаемой гибкости копинга со стрессом	75
<i>Кулинченко А.В., Шаповал В.А.</i> Особенности личностной направленности воспитанников суворовского военного училища МВД России	77
<i>Ларин И.А., Садовникова Т.Ю.</i> Коммуникативные потребности подростков в общении с родителями в форматах «онлайн» и «офлайн».	79
<i>Манукян В.Р., Некрасова А.Е.</i> Стремление к самоизменениям и его предикторы в период ранней взрослости	81
<i>Меньшикова Л.В., Пономаренко И.В.</i> Динамика временной перспективы в студенческом возрасте.	83
<i>Микляева А.В.</i> Самооценка готовности к взрослению у подростков в современных социокультурных условиях	85
<i>Молчанов С.В.</i> Представления о цифровом волонтерстве молодежи периода вступления во взрослость	87
<i>Молчанов С.В.</i> Особенности использования механизмов морального самооправдания в подростковом возрасте. Кросс-культурный анализ	89
<i>Мотовилова Р.В., Александрова О.В.</i> Особенности переживания комперсии в партнерских отношениях.	91
<i>Полякова М.К.</i> Особенности генеративности и социальной желательности в период вхождения во взрослость	93

<i>Савеньшиева С.С., Пахтусова М.О.</i>	
Динамика отношения к ребенку и удовлетворенности браком у женщин в период беременности и после рождения ребенка	95
<i>Садовникова Т.Ю.</i>	
Исследование взаимосвязи ценностей и экологического сознания старших подростков	97
<i>Симаева И.Н., Петрова Т.Э.</i>	
Взаимосвязь организаторских способностей и стилей семейного воспитания интеллектуально одарённых подростков	99
<i>Скворцова Л.Л.</i>	
Структура имплицитных концепций личностной незрелости у белорусов	101
<i>Спицына В.В., Орлова М.С., Лабодина К.В.</i>	
Из опыта коррекционной и развивающей работы на дисциплине «Детская практическая психология»	103
<i>Степанова М.А.</i>	
Формирование научных понятий: теоретический и практический аспекты	105
<i>Степанова М.А., Насибли А.</i>	
Кросскультурный подход к изучению психологической готовности к школе	107
<i>Стукалова В.В, Ложечкина А.Д.</i>	
Исследование стратегий преодоления стресса у юношей и девушек	109
<i>Тибеева Л.Ф., Устин П.Н.</i>	
Проблема этического развития личности: философско-психологический обзор	111
<i>Тихомирова Е.В., Киселькова А.А.</i>	
Социальная тревожность и отношения с противоположным полом в юношеском возрасте	113
<i>Троцкая К.Б., Данилова М.В.</i>	
Жизнестойкость в связи с локусом контроля и поведением в трудных жизненных ситуациях в подростково-юношеском возрасте	115
<i>Трушина И.А., Забелина Е.В.</i>	
Особенности эмоционального компонента психологического времени у студентов разного возраста.	117
<i>Цветков В.В.</i>	
Личностная зрелость при разных вариантах взросления подростков	119
<i>Чернова А.А., Никитенко Е.С.</i>	
Роль социального и культурного интеллекта в процессе самоактуализации личности.	121
<i>Швалева В.А., Трошихина Е.Г.</i>	
Родительские установки матери и характер отношений матери и взрослой дочери как факторы психологического благополучия дочери . . .	123

<i>Шипова Н.С., Хазова С.А.</i>	
Рождение ребенка с ОВЗ как стресс-фактор для близких отношений	125
<i>Юрченко Н.И.</i>	
Особенности социальной идентичности студентов разных возрастов	127

ЖЕНЩИНА НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ: СЕМЬЯ И КАРЬЕРА

<i>Александрова Е.С., Марарица Л.В., Гуриева С.Д.</i>	
Феномен «карьерной скидки» как способ совладания с гендерным неравенством на индивидуальном уровне	129
<i>Виноградова Я.Е., Гуриева С.Д.</i>	
Атрибуции поведения в ситуации предательства.	131
<i>Ильина Т.И.</i>	
Социально-психологические особенности материнства как особого вида деятельности	133
<i>Лагузова Т.П., Рикель А.М.</i>	
Социальные представления молодежи о жизненном успехе	135
<i>Осьмак Е.О.</i>	
Восприятие гендерного неравенства российскими женщинами: анализ нарративов с позиции женщины как наблюдателя.	137

ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ: ПСИХОЛОГИ НА СЛУЖБЕ ОТЕЧЕСТВУ

<i>Беломестнова Н.В.</i>	
Образы-представления в структуре психики: ленинградская модель	139
<i>Бородина А.Н., Левченко Е.В.</i>	
О видах репликаций в психологических исследованиях.	141
<i>Войводич Д., Логинова Н.А.</i>	
Развитие психологии в Сербии	143
<i>Горбатов Д.С.</i>	
Вклад Г.Е. Шумкова в исследования стихийных социальных объединений	145
<i>Дронова М.С.</i>	
К.К. Платонов — Психология в полете: история и актуальность	147
<i>Ждан А.Н.</i>	
Научные школы МГУ в условиях Великой Отечественной войны	149
<i>Йованович (Jovanovic)</i>	
Revisions of history and challenges to psychology	151
<i>Кошутин О.Н.</i>	
Б.Г. Ананьев о сознании и семиотике поведения.	153

<i>Левченко Е.В.</i>	О проблеме объективности современных историко-психологических исследований	155
<i>Логинова Н.А.</i>	Августа Викторовна Ярмоленко — представитель Петербургской (Ленинградской) психологической школы	157
<i>Няголова М.Д., Олейник Ю.Н.</i>	Характер историко-психологических исследований в болгарской и советской науке военных лет (1939-1945).	159
<i>Няголова М.Д.</i>	Болгарская военная психология в годы второй мировой войны.	161
<i>Панферов В.Н.</i>	Зарождение интегративной психологии в Ленинградской школе профессора Б.Г. Ананьева.	163
<i>Рафикова В.А., Мироненко И.А.</i>	К вопросу об институционализации психологии в Германии и США перед Второй мировой войной.	165
<i>Сидорчук И.В.</i>	Психология спорта в СССР: особенности государственного заказа 1920-х гг.	167
<i>Соколова Е.Е.</i>	Служение науке: об административно-организационной деятельности А.Н. Леонтьева в годы войны (на материале эпистолярного наследия)*	169
<i>Сорокин В.М., Шукин А.В.</i>	Вклад А.В. Ярмоленко в развитие отечественной психологии дизонтогенеза (к 120 –летию со дня рождения).	171
<i>Стоюхина Н.Ю.</i>	Психологи на службе Отечеству: последователи Лиги Время — Лиги НОТ в РККА	173
<i>Теплякова С.А., Ерохина В.А.</i>	Влияние учения А.В. Суворова о личности военнослужащего на развитие современной военной психологии.	175
<i>Шеховцова Л.Ф.</i>	В. Зеньковский О психической причинности.	177
<i>Щукина М.А., Бутузова С.В.</i>	Проблема историографии отечественной психологии Новой России	179
<i>Юмкина Е.А., Медведева А.А.</i>	Исторические и методологические аспекты в изучении взаимоотношений сиблингов	181
<i>Ярмоленко А.Д.</i>	Ровесница XX века (к юбилею А.В. Ярмоленко, профессора психологического факультета ЛГУ-СПбГУ)	183

КОГНИТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

<i>Варламов А.В., Яковлева Н.В.</i> Образ тела в виртуальной реальности: искажение размеров тела и особенности VR-среды	185
<i>Вьюнова Н.И., Романова Я.Ю.</i> Особенности развития общих понятий у детей младшего школьного возраста с нарушениями речи	187
<i>Кашапов М.М.</i> Метод экспликации в контексте понимания ресурсности мышления субъекта	189
<i>Климочкина Е.Н., Фоломеева Т.В.</i> Социальные метакогниции в процессе выделения значимых тенденций	191
<i>Крюкова А.П., Агафонов А.Ю.</i> Перенос имплицитной закономерности при запоминании последовательностей.	193
<i>Кулиева А.К.</i> Возможность использования Яндекс.Толока для проведения онлайн-экспериментов (на примере решения сенсомоторной задачи)	195
<i>Куликов Л.В.</i> Структура лексико-семантического поля выражения аттракции	197
<i>Куражова А.В.</i> Характеристики речи детей-близнецов в возрасте 5 лет.	199
<i>Лямзенко А.Д., Зайцева Ю.Е.</i> Трансляция внутренней Я-позиции при пересказе автобиографических историй.	201
<i>Мышкина М.С., Егорова Л.А.</i> Расовая идентичность в имплицитных предпочтениях мальчиков и девочек	203
<i>Осипова Н.В., Посохова Н.А.</i> Исследование индивидуальных особенностей личности и копинг-стратегий (на примере сотрудников воинских частей)	205
<i>Осорина М.В., Молошина Д.В.</i> Феномен воображаемых компаньонов в повседневном фантазировании студентов	207
<i>Попова Т.А., Стряпунина Н.А.</i> Особенности социальных представлений об имидже (гендерный аспект)	209
<i>Руслякова Е.Е., Зеленская А.Д.</i> Взаимосвязь уровня зрительно-пространственного развития и восприятия зрительных иллюзий	211

<i>Соколова Е.Т., Андреюк К.О.</i>	
Сравнение способности к пониманию социальной причинности в зависимости от иррациональных ментальных установок и нетерпимости к неопределенности: клиника и норма	213
<i>Ткачева Л.О., Седёлкина Ю.Г., Флакман М.А.</i>	
Психосемантическое исследование звукоизобразительности*	215
<i>Хайрудинова Р.И., Афанасьева В.М.</i>	
Особенности креативности у студентов с разным когнитивным стилем . .	217
<i>Шестова М.А., Корнилова Т.В.</i>	
Связи эмоциональной креативности с имплицитными теориями эмоций и «психологической разумностью»	219
<i>Ширяев Д.И., Зайцева Ю.Е.</i>	
Цели актуализации дискурса несправедливости при рассказывании автобиографических историй.	221

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ СТАНДАРТЫ И РЕГЛАМЕНТЫ В ПОДГОТОВКЕ ПСИХОЛОГОВ СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

<i>Борисова Е.В., Бураков Р.З.</i>	
Опыт взаимодействия Астраханского государственного университета и психологической службы Главного управления МЧС России по Астраханской области как условие формирования профессиональных компетенций будущих специалистов.	223
<i>Григорьев Д.А., Котлярова Л.Н.</i>	
Психологическое обеспечение профессионализации будущих юристов в уголовно-правовой сфере	225
<i>Курусь И.А., Солдатова Е.Л.</i>	
Психологическое благополучие в контексте профессионального образования в ситуации пандемии	227
<i>Леонова Е.В.</i>	
Подготовка психологов служебной деятельности в гражданском вузе: проблемы и решения.	229
<i>Лысенко Е.В., Зиннатуллина Л.В.</i>	
Дуальный характер компетентности работников в сфере служебной деятельности: профессиональные и этические компетенции как ключевые элементы модели компетенций	231
<i>Москаленко Г.В.</i>	
Формирование профессиональной идентичности студентов специальности 37.05.02 «Психология служебной деятельности» в образовательном процессе.	233

<i>Рубцова Н.Е.</i>	
Развитие толерантности к неопределенности у студентов специальности «Психология служебной деятельности»	235
<i>Хрипунова С.В., Забазнова Н.И.</i>	
Проблемы и опыт подготовки будущих психологов МЧС РФ	237
<i>Шипитко О.Ю.</i>	
К вопросу организации производственной практики студентов, обучающихся по специальности 37.05.02 — «Психология служебной деятельности»	239
<i>Шойгу Ю.С.</i>	
Закон о психологической деятельности: актуальность проблемы и перспективы внедрения	241

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ МЕНЕДЖМЕНТА

<i>Абдина М.А., Лепехин Н.Н.</i>	
Предикторы проактивных изменений в работе персонала медицинской клиники	243
<i>Астапенко Е.Е., Полякова Н.В.</i>	
Соотношение организации и дизайна работы при формировании удовлетворенности трудом	245
<i>Бельских А.В., Третьяков В.П.</i>	
Мотиваторы игровой деятельности на примере деловых игр.	247
<i>Васильева И.И.</i>	
Коллективизм — идеологическая фикция или функциональная характеристика?	249
<i>Гижук Т.В., Парфёнова Т.В.</i>	
Особенности осознанной саморегуляции профессиональной жизни предпринимателей.	251
<i>Горбушина А.В., Савватеева М.С.</i>	
Метакомпетенция как фактор организации деятельности личности	253
<i>Горчинская А.А.</i>	
Психологические приемы положительного воздействия на сотрудников органов внутренних дел	255
<i>Горюнова Л.Н., Федоров С.И.</i>	
Баланс психологических факторов саморегуляции функционального состояния специалистов сложных и потенциально опасных видов деятельности	257
<i>Залевский Г.В.</i>	
Фиксированные формы поведения как барьеры успешной профессиональной деятельности.	259

<i>Казаева Е.А., Токарева Ю.А.</i>	
Психологические механизмы готовности к инновациям и риску в профессиональной деятельности руководителя	260
<i>Кашанов М.М., Лукина А.С.</i>	
К вопросу структурной организации конфликтной компетентности в профессиональной деятельности руководителя	262
<i>Кирой В.Н., Лазуренко Д.М., Кривко Е.М., Бахтин О.М.</i>	
Возможности управления человеческим капиталом на основе новых каналов коммуникации и нейротехнологий	264
<i>Кондрашихина О.А., Якубовская К.Г.</i>	
Мыслительные установки будущих психологов	266
<i>Коропец О.А.</i>	
Психологическая безопасность работника: направления исследований и меры организационной поддержки	268
<i>Кузьмин А.Ю., Родионова Е.А., Доминяк В.И.</i>	
О перспективах развития культуры безопасности организаций и сотрудников	270
<i>Куклина М.В., Круглов В.Г.</i>	
Юмор в потребительских отзывах	272
<i>Лепехин Н.Н.</i>	
Самооценка и удовлетворенность работой как предикторы инициативности в Agile-командах	274
<i>Лях И.В.</i>	
Супервизия как социальная функция	276
<i>Маничев С.А., Горбунова Е.С.</i>	
Проактивное поведение в agile — командах	278
<i>Марищук Л.В., Яценко И.В.</i>	
Нравственные качества и нравственная надежность офицеров	280
<i>Мисюк Ю.В., Хазова С.А.</i>	
Личностно-ролевой конфликт как фактор, влияющий на субъективное благополучие субъекта профессиональной деятельности	282
<i>Митина О.В., Цой С.В.</i>	
Мотивы и тактики переговорного процесса: психосемантический анализ .	284
<i>Михеева И.В., Ворстер Е.В.</i>	
Эмпирическое исследование взаимосвязи стратегического мышления с типом реагирования личности на изменения у медицинских работников .	286
<i>Мищенко Т.А.</i>	
Поддержание и коррекция процессов операторской работоспособности в рамках мероприятий психофизиологической поддержки работников Ростовской АЭС	288

<i>Мищенко Т.А., Невечера О.В.</i>	
Психофизиологическая поддержка работников, как часть системы обеспечения профессиональной надежности персонала Ростовской АЭС .	290
<i>Непраш О.В.</i>	
Коммуникативные особенности HR-менеджера в ситуации организационного конфликта.	292
<i>Пан Ю.П., Мясникова С.В.</i>	
Психологические факторы готовности руководителей к прохождению коучинга	293
<i>Передельская С.А., Тихомиров М.Ю.</i>	
Исследование ценностно-смысловых аспектов организационной культуры образовательных учреждений в контексте проблемы профессионального долголетия	295
<i>Погребницкая В.Е.</i>	
Личностные черты в ситуационном контексте.	297
<i>Райчев И.</i>	
Организационная психология как наука: проблемы психологии и социологии менеджмента.	299
<i>Ракитская О.Н.</i>	
Представления сотрудников о сущности конструктивного и деструктивного общения в профессиональном взаимодействии	301
<i>Ракитская О.Н., Лебедева А.Д.</i>	
К вопросу о конструктивных стратегиях поведения в конфликте у сотрудников пенитенциарной системы	303
<i>Сарсенова А.А., Гончарова Н.А.</i>	
Прогноз организационной лояльности сотрудников органов внутренних дел в зависимости от возможностей реализации мотивов	305
<i>Селезнева Е.П., Тромбчиньски П.</i>	
Особенности личностной динамики в начале карьеры психолога-консультанта.	307
<i>Сергиенко Е.Л.</i>	
Психологическое сопровождение публичных профессий.	309
<i>Смирнова Е.О., Котлярова Л.Н.</i>	
Мотивационная направленность как предиктор профессиональной адаптация иностранных специалистов к деятельности на промышленном предприятии.	311
<i>Степанова Е.С., Передельская И.Г.</i>	
Применение технологии балинтовских групп в психологическом сопровождении личного состава УИС	313
<i>Столярчук Е.А.</i>	
Личностный профиль менеджеров туризма	315

<i>Столярчук Е.А., Юркова Ю.Ю., Заручникова Н.О.</i>	
Психологические факторы безопасности в профессиональной деятельности IT организаций: актуальные проблемы	317
<i>Тучина О.Р., Бурлаченко Л.С.</i>	
Самопонимание профессиональной идентичности: субъектно-бытийный подход	319
<i>Хребина С.В., Зверева Р.Г.</i>	
Психологическая компетентность как условие профессиональной успешности сотрудников в сфере служебной деятельности.	321
<i>Шумейко Е., Верещагина Л.А.</i>	
Внутренняя мотивация как предиктор проактивного поведения IT-специалистов	323
<i>Яковлев Б.П., Думова Т.Б.</i>	
Личностная готовность студентов в структуре и содержании деятельностного подхода в системе высшего профессионального образования	325

ПАНДЕМИЯ: ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ СИТУАЦИЯ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ КРИЗИС

<i>Бызова В.М., Перикова Е.И.</i>	
Переживания молодых людей в период пандемии COVID-19	327
<i>Дмитриева В.Ю.</i>	
Подготовка специалистов к оказанию психологической помощи населению по телефону	329
<i>Жижина М.В.</i>	
Новое звучание проблемы медиаповедения личности в условиях пандемии	331
<i>Звездина Г.П., Хачатурян Н.Н., Звездина Е.Ю.</i>	
Особенности восприятия коронавирусной пандемии студентами Вуза, находящимися на самоизоляции	333
<i>Иванова Н.Е., Хрусталева Н.С.</i>	
Тревожность и депрессивные переживания в условиях пандемии коронавируса у пожилых мигрантов в Германии.	335
<i>Казачкова А.Ю., Бурина Е.А.</i>	
Интерпретация невербального поведения как необходимый навык консультанта при Интернет-консультировании в условиях ЧС	337
<i>Ковальчук Ю.В., Кузнецова Е.А.</i>	
К слову об актуализации переживания одиночества в условиях пандемии	339
<i>Козлова Ю.В.</i>	
Организация психологической поддержки в Санкт-Петербургском университете ГПС МЧС России в условиях дистанционной работы	341

<i>Константинов В.В., Осин Р.В., Бабаева М.В.</i>	
Особенности отношения к трудовым мигрантам в изменяющихся условиях среды	343
<i>Корнилова О.А., Лукьянова Е.Л.</i>	
Психологическая защита как ресурс адаптивного поведения русских студентов в Лондоне во время пандемии 2020 года.	345
<i>Коршиков Б.Н. Кострома, КГУ, Хазова С.А.</i>	
Особенности совладающего поведения операторов Call-центра в условиях пандемии COVID-19.	347
<i>Маркелова Т.В., Бурова Е.А.</i>	
Духовность как личностный ресурс психологической устойчивости в кризисных ситуациях, спровоцированных пандемией	349
<i>Миргород Н.В., Новых Э.М.</i>	
Представления студентов о будущем в условиях пандемии	351
<i>Николаева Е.А., Шклярук С.П.</i>	
Отношения к самоизоляции и негативные психологические последствия ограничительных мер в условиях пандемии COVID-19 у лиц, относящихся к группе риска	353
<i>Первушин Н.С.</i>	
Особенности динамики медиасферы в период пандемии COVID-19.	355
<i>Пудикова К.В., Хрусталева Н.С.</i>	
Взаимосвязь тревожности, особенностей копинг-стратегий и социально-демографических факторов у пожилых людей в условиях пандемии коронавируса (На примере русскоязычных мигрантов в Германии)	357
<i>Родермель Т.А.</i>	
Работа с тревожностью в период пандемии в рамках психологической консультации	359
<i>Руденко К.А., Меткин М.В., Лукьянова Е.Л.</i>	
Ценностно-смысловые аспекты работы студентов-медиков с больными с COVID-19 во время пандемии 2020 года	361
<i>Токарева Ю.А., Сороколат Е.В.</i>	
Динамика профессиональной мотивации медицинского персонала в кризисный период на примере борьбы с коронавирусом	363
<i>Удалова В.А., Карпова Э.Б.</i>	
Режим “самоизоляции” в период пандемии Covid-19: анализ опроса о его соблюдении	365
<i>Шойгу Ю.С., Тимофеева Л.Н.</i>	
Особенности организации психологической помощи населению в период пандемии (на примере организации работы психологической службы МЧС России)	367

<i>Шойгу Ю.С., Тимофеева Л.Н., Толубаева Н.В., Варфоломеева Е.И., Соколова А.С., Курилова Е.В., Кармилова М.Е.</i>	
Особенности оказания экстренной психологической помощи при переживании утраты в чрезвычайных ситуациях	369

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

<i>Белимова П.А., Лыкова М.К.</i>	
Влияние возраста и уровня интеллекта на восприятие текста детьми с интеллектуальной недостаточностью	371
<i>Бубновская О.В.</i>	
Развитие личностных ресурсов психологической безопасности курсантов	373
<i>Бубновская О.В., Леонидова В.А.</i>	
Психологические особенности личности курсантов в контексте безопасности и ее обеспечения	375
<i>Двоеглазова М.Ю.</i>	
Миссия университета как института социализации и инкультурации личности.	377
<i>Завьялова Е.К., Посохова С.Т.</i>	
Личностный аспект дополнительного образования взрослых	379
<i>Защиринская О.В., Белимова П.А.</i>	
Особенности восприятия и понимания невербальных стимулов учащимися с интеллектуальной недостаточностью	381
<i>Лебедева Н.В.</i>	
Связь математической самооценки и выбора женщинами образования в областях STEM	383
<i>Матвеева Елена Юрьевна., Медина Бракамонте Наталья Анатольевна,</i>	
Творческий потенциал студентов психологов	385
<i>Попова И.П., Снигирёва Н.В.</i>	
Формирование образа офицера у воспитанников суворовского училища. .	387
<i>Саркисян Л.В.</i>	
Психологическая безопасность инклюзивной образовательной среды вуза	389
<i>Станкевич Н.Л.</i>	
Экспериментальная модель изучения самоконтроля обучающихся	391
<i>Ушакова Н.Е., Малинова А.В.</i>	
Эмпирическое исследование психологической безопасности образовательной среды школы.	393
<i>Шляпников В.Н.</i>	
Особенности волевой регуляции у студентов разных вузов	395
<i>Ярцева М.А.</i>	
Добровольческое движение как ресурс в формировании и трансляции культуры безопасного поведения для населения	397

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ В СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ЭКОНОМИКЕ И БИЗНЕСЕ

<i>Бакулева К.К., Самуйлова И.А.</i> Психологические детерминанты образа России в условиях угрозы жизни и здоровью населения страны*	399
<i>Белашева И.В.</i> Эмоциональная компетентность личности в контексте выполнения задач служебной деятельности	401
<i>Гагарина М.А.</i> Социальные представления о денежном долге	403
<i>Дейнека О.С., Кузнецова Ю.С.</i> Образ России у иностранных студентов в контексте международного гуманитарного сотрудничества	405
<i>Дейнека О.С., Медяник С.И.</i> Образ-представление России в обыденном сознании немецких граждан	407
<i>Иванов А.А., Сариева И.Р.</i> Особенности адаптации методики оправдания экономической системы на российской выборке	409
<i>Медяник О.В.</i> Измерение финансовой тревожности в контексте страхового поведения российских граждан в условиях пандемии 2019-пCoV	411
<i>Мельник Г.С., Ерофеева И.В.</i> Медиаобраз Республики Крым в представлении студентов Санкт-петербургских вузов	413
<i>Мисонжников Б.Я.</i> Тактические медиа как энтропийный фактор политической психологии	415
<i>Петренко В.Ф.</i> Теория поля Курта Левина, теория личностных конструкторов Дж. Келли и современная психосемантика	417
<i>Свешникова Н.О., Евтухова З.М.</i> Образ будущего в Российском медиапространстве	419
<i>Свешникова Н.О., Кошелев М.М.</i> Особенности социализации как фактор формирования политических установок у молодежи	421
<i>Сизова Я.Н., Трушина И.А.</i> Экономические аттитуды работающих пенсионеров	423

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ ДЕТЯМ И ПОДРОСТКАМ С НАРУШЕНИЯМИ В РАЗВИТИИ И ИХ СЕМЬЯМ

Бизюк А.П., Колосова Т.А., Кац Е.Э., Сорокин В.М.

Особенности структуры интеллекта у детей с расстройствами
аутистического спектра. 425

Васильев В.С., Вассерман М.В.

Взаимосвязь межполушарного взаимодействия и пространственно-
временных представлений у детей младшего школьного возраста 427

Городный В.А., Ляксо Е.Е.

Распознавание эмоций детьми с синдромом Дауна по статическим
изображениям эмоциональных лиц: пилотное исследование. 429

Дорошева Е.А.

Роль формирования стратегий совладания со стрессом в комплексном
сопровождении семей, воспитывающих ребенка с расстройствами
аутистического спектра. 431

Жукова Н.Ю.

Взаимосвязь самооценки, склонности к саморазрушающему
поведению и отношения к смерти у подростков 433

Кожневникова А.О., Пятакова Г.В.

Факторы риска и ресурсы психологической адаптации в раннем
постоперационном периоде у подростков с идиопатическим сколиозом . . 435

Лантвева А.В.

Диагностика отношения ребенка к родителям в рамках судебной
психологической экспертизы по делам, связанным со спорами о праве
на воспитание детей 437

Ляксо Е.Е.

Особенности речи и психофизиологические характеристики детей с
расстройствами аутистического спектра. 439

Мамайчук И.И., Миланич Ю.М., Шумова Т.Ю.

Клинико-психологическое интервью в работе с матерями
госпитализированных новорожденных. 441

Мирзоева Т.Н.

Использование кинетического песка в психокоррекционной работе с
детьми с расстройствами аутистического спектра. 443

Первушина О.Н., Дулина Н.С.

Семья как основной ресурс развития социального взаимодействия у
ребенка с РАС. 445

Пятакова Г.В.

Личностные ресурсы подростков в условиях ортопедического
заболевания 447

<i>Смирнова Я.К.</i>	Проявления дефицита совместного внимания у дошкольников с атипичными формами развития: айтрекер исследование	449
<i>Фролова О.В., Николаев А.С.</i>	Сравнительный анализ речи детей 5-8 лет с расстройствами аутистического спектра и умственной отсталостью лёгкой степени: перцептивный эксперимент	451
<i>Цветков В.В.</i>	Системно-функциональный и деятельностный подходы в оценке причин несформированности компонентов учебной деятельности у детей с СДВГ	453

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ

<i>Атаманова И.В., Богомаз С.А.</i>	Модель исследования ценностных и деятельностных ориентаций молодежи: безопасность Versus инновационность.	455
<i>Буравлева Н.А., Богомаз С.А.</i>	Психологические характеристики готовности студентов к инновационной деятельности	457
<i>Васильева Н.Л., Трунин А.А.</i>	Профессиональная успешность юристов: региональные особенности.	459
<i>Гармонова А.Е., Петраш М.Д.</i>	Особенности межпоколенных отношений в структуре профессионального самоопределения в период перехода от юности к взрослости	461
<i>Головей Л.А., Иляшевская Д.Д.</i>	Готовность к выбору профессии в связи с социальной ситуацией развития подростков	463
<i>Данилова М.В.</i>	Субъективное благополучие взрослых в связи со сформированностью профессионального самоопределения	465
<i>Завьялова И.Ю., Домброван С.О.</i>	Возрастные аспекты взаимосвязи нервно-психической устойчивости и индивидуально-психологических особенностей личности младших инспекторов по конвоированию.	467
<i>Захарова Е.И., Карабанова О.А., Старостина Ю.А.</i>	Соотношение семейной и профессиональной карьер в жизненных планах девушек в период вхождения во взрослость	469
<i>Каримова Ю.М., Петраш М.Д.</i>	Психологические детерминанты профессионального взаимодействия в связи со сменой пола.	471

<i>Пилипенко Т.С.</i>	Исследование самопринятия на этапе адаптации курсантов к учебно-служебной деятельности вуза (на примере курсантов Дальневосточного юридического института МВД России)	473
<i>Поскребышева Н.Н., Пряжников Н.С.</i>	Особенности мотивации к социальному волонтерству современной российской молодежи	475
<i>Самбикина О.С.</i>	Особенности мотивационно-потребностной сферы в зависимости от возраста военнослужащих контрактной службы	477
<i>Сергеева Т.Б., Жураховская А.Ю.</i>	Самоактуализация и рефлексивность работающих и неработающих людей пожилого возраста	479
<i>Софронова А.Ю., Шаранов Ю.А.</i>	Темпоральная модель становления и развития профессионального самосознания сотрудника полиции на различных этапах профессионализма	481
<i>Чернышева Е.В.</i>	Особенности самореализации сотрудников полиции в отставке	483

ПСИХИЧЕСКАЯ ТРАВМАТИЗАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: РИСКИ, ПОСЛЕДСТВИЯ, ПОМОЩЬ

<i>Антонова Д.В.</i>	Мотивация сокрытия положительного ВИЧ-статуса: анализ исследований	485
<i>Бочаров В.В., Шишкова А.М.</i>	Современные представления о феномене посттравматического роста у родственников, опекающих хронически больного	487
<i>Елагина М.Ю., Ханина Ю.Ю.</i>	Особенности проявления фактора наличия хронических заболеваний у подростков со склонностью к суицидальному поведению	489
<i>Заманаева Ю.В.</i>	Профессиональное выгорание медицинского персонала родильного дома	491
<i>Ильянкова Е.И., Стрельникова Ю.Ю.</i>	Особенности личности несовершеннолетних, совершивших кражи	493
<i>Кузнецова А.С., Хавыло А.В.</i>	Взаимосвязь взглядов экстремистской направленности с психологическими чертами личности у молодежи	495
<i>Курилова Е.В., Логачева Е.А., Алтатова О.С.</i>	Особенности когнитивного оценивания и способов совладания с трудными жизненными ситуациями молодежи г. Черкесск	497

<i>Мильчарек Н.А., Мильчарек Т.П., Горбунов В.В.</i>	
Диагностика психологических рисков экстремизма на ранних этапах формирования: взаимосвязь психологического комплекса экстремиста с акцентуациями характера личности	499
<i>Мильчарек Т.П., Гришкина А.П.</i>	
Психологические риски формирования экстремистской направленности личности в когнитивном смысловом пространстве интернет-мессенджера telegram	501
<i>Мишина С.С., Акопян Л.С.</i>	
Матрица суицидального риска в психологии кризисных состояний	503
<i>Нартова-Бочавер С.К., Ковалева М.А.</i>	
Аутентичность личности в условиях хронического и повседневного стресса	505
<i>Павловец А.В.</i>	
Аналитический подход в работе с родными и близкими онкобольных	507
<i>Ставская К.С.</i>	
Развитие коммуникативного компонента психологической готовности к оказанию помощи пострадавшим в экстремальной ситуации	509
<i>Степанова Е.С.</i>	
Проблема ресоциализации осужденных к длительным срокам лишения свободы.	511
<i>Тиссен Ю.А., Куприна Н.С., Суботялов М. А.</i>	
Социально-психологические особенности студентов, занимающихся спасательным делом	513
<i>Учаев Е.Г.</i>	
Использование кейс-метода при проведении занятий по психологической подготовке пожарных и спасателей в рамках получения специальности и повышения квалификации.	515
<i>Цецов В.А.</i>	
Экстремальные переговоры: типология стратегий взаимодействия в кризисной ситуации	517
<i>Шойгу Ю.С</i>	
Психология в особых условиях: психологическая помощь в чрезвычайных ситуациях	519
<i>Якунина Л.В.</i>	
Опыт применения методики десенсибилизации и переработки движениями глаз при оказании помощи в ситуации психологической травмы	521

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ДИАГНОСТИКА В СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

<i>Баринов П.Н., Ускова А.В.</i> Личностные профили сотрудников пожарно-спасательных формирований с различными показателями успешности действий в непригодной для дыхания и зрения среде.	523
<i>Гижук Т.В.</i> Психодиагностика осознанной саморегуляции профессиональной жизни.	525
<i>Горбунов И.А., Морозова С.В.</i> Диагностика использования математико-статистических методов в психологических исследованиях по текстовым данным резюме с помощью нелинейных алгоритмов	527
<i>Дорошева Е.А., Гольдфельд С.В.</i> Интенсивность мыслительного потока во взаимосвязи с алекситимией и дисрегуляцией эмоций	529
<i>Медведева С.А.</i> Особенности психодиагностики профессиональной направленности личности студентов специальности «Психология служебной деятельности»	531
<i>Митина О.В., Акимова А.</i> Личностные корреляты антисоциальной креативности	533
<i>Морозова С.В.</i> Две методологии в психологии	535
<i>Наследов А.Д., Ткачева Л.О., Мирошников С.А.</i> Разработка скрининговых шкал для диагностики нарушений психического развития детей дошкольного возраста в России: психометрический подход	537
<i>Пуговкина О.Д., Сырковашина А.Д.</i> Руминации и рефлексия: субъективная иллюзия сходства у больных депрессиями.	539
<i>Редина Е.А.</i> Исследование самооценки мотивационной готовности специалистов-психологов РСЧС к оказанию экстренной психологической помощи при ЧС и пожарах	541
<i>Решетова Е.А., Большунова Н.Я.</i> Использование методики ДАП-2 для оценки нервно-психической устойчивости курсантов после каникулярного отпуска	543
<i>Учаев А.В., Александров Ю.И.</i> Системно-эволюционный подход (СЭП) как методологический базис проверок на полиграфе	545

<i>Чикалова Е.А.</i>	Разработка комплексной модели диагностики свойств внимания в системе психодиагностических мероприятий в МЧС России	547
<i>Чудакова Т.Л., Субботина Л.Ю.</i>	Методика диагностики склонности к переживанию состояния безопасности как инструмент военного психолога	549

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ СПЕЦИАЛИСТОВ СОЦИАЛЬНЫХ И МЕДИЦИНСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

<i>Андрущенко Н.В.</i>	Феномены группового процесса при работе специалистов помогающих профессий в балинтовском формате	551
<i>Аникина В.О., Аринцина И.А.</i>	Специфика и основные функции психолога, работающего со специалистами социальных и медицинских учреждений для детей	553
<i>Асламазова Л.А.</i>	Деятельность службы сопровождения замещающих семей в Республике Адыгея	555
<i>Блох М.Е.</i>	Психологическая помощь врачам клиник вспомогательных репродуктивных технологий	557
<i>Блохина А.В., Куперман Е.И.</i>	Опыт разработки и внедрения дистанционных программ развития для детей от 0 до 2 лет	559
<i>Коргожа М.А.</i>	Организация дистанционной работы службы ранней помощи в условиях мер самоизоляции	561
<i>Кречмар М.В., Блох М.Е.</i>	Психологическая помощь в структуре медико-генетического консультирования в рамках программ ВРТ	563
<i>Пальмов О.И., Шарагина А.С.</i>	Потребности родителей детей с нарушениями развития в семейно-центрированных программах ранней помощи	565
<i>Пальмов О.И., Ярыгина О.Ю., Бондарева Е.И.</i>	Потребности и психологические характеристики воспитателей детских домов как фокус программы сопровождения персонала	567
<i>Санникова М.В.</i>	Психолого-педагогическое сопровождение профессиональной деятельности воспитателей специализированного дома ребенка	569

<i>Ямщикова Н.А., Каган А.В., Плотникова Е.В., Андрущенко Н.В.</i> Опыт организации и особенности дистанционной формы ранней помощи недоношенным детям в младенческом возрасте и членам их семей в условиях пандемии	571

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РАЗЛИЧНЫХ ВЕДОМСТВАХ

<i>Андреева О.С., Лукьяненко А.Е., Толкунова А.С.</i> Обеспечение психологической безопасности граждан в ситуациях взаимодействия с «черными» коллекторами	573
<i>Боброва И.А.</i> Психологические особенности применения копинг-стратегий сотрудниками органов внутренних дел женского пола	575
<i>Бондаренко Е.В., Папина М.И.</i> Психологическое сопровождение адаптации молодых сотрудников к профессиональной деятельности в силовых структурах	577
<i>Васильева И.В.</i> Волевые качества личности рядовых сотрудников и младшего начальствующего состава органов внутренних дел.	579
<i>Гудкова Е.В., Богоева К.Г.</i> Мотивационно-личностные корреляты жизнеспособности у сотрудников УИС.	581
<i>Духновский С.В.</i> Мотивационные кадровые риски государственных гражданских служащих с разным отношением к себе как профессионалу	583
<i>Ермолин А.В, Сурманидзе И.Н.</i> Психолого-правовые аспекты проявления конфликтов интересов в мотивационном менталитете государственных гражданских служащих	585
<i>Есяян М.Л.</i> Исследование взаимосвязи акцентуаций характера и копинг-стратегии у сотрудников силовых структур	587
<i>Крутелева Л.Ю.</i> Специфика влияния служебной деятельности на ценностно-смысловую сферу личности и индивидуально-типологические особенности сотрудников органов внутренних дел	589
<i>Лаврова Е.Е.</i> Психологическая готовность к службе в Вооруженных силах Российской Федерации призывников-срочников и курсантов-кадетов	591
<i>Леонова Е.В., Кривова О.И., Соболев А.А., Мураев Н.А.</i> Стрессогенные факторы в профессиональной деятельности сотрудников МВД	593

<i>Попинако Е.А., Гончарова Н.А.</i>	
Гендерные особенности ценностных ориентаций сотрудников органов внутренних дел в прогнозе надежности	595
<i>Розанов В.А.</i>	
Самоубийства в вооруженных силах — факторы риска, закономерности и международный опыт превенции	597
<i>Сапоровская М.В., Приставко Е.А.</i>	
Влияние психологического благополучия на профессиональный стресс у сотрудников органов внутренних дел	599
<i>Середенко Ю.С., Сеницына Л.В.</i>	
Взаимосвязь профессиональной мотивации с уровнем удовлетворенности трудом у военнослужащих	601
<i>Стрельникова Ю.Ю.</i>	
Прогностические факторы негативных последствий служебно-боевой деятельности сотрудников правоохранительных органов.	603
<i>Тарасова А.А.</i>	
Устойчивость психологических характеристик во времени у специалистов МЧС России.	605
<i>Харитонова Т.Г.</i>	
Готовность к риску сотрудников ГПС в зависимости от мотивационной направленности	607
<i>Черемисова И.В., Нельга Л.П.</i>	
Мотивация военно-профессиональной деятельности и выраженность патриотизма современных военнослужащих контрактной службы Вооружённых Сил Российской Федерации	609
<i>Шамишкова О.А., Ермолова Е.О., Пикалова Е.С.</i>	
Индивидуально-типологические особенности кандидатов на службу в правоохранительные органы	611
<i>Щелокова Е.Г.</i>	
Содержание ролевых конфликтов у сотрудников отдела безопасности ФСИН России	613

ПСИХОЛОГИЯ ЖИЗНЕННОГО ПРОСТРАНСТВА (К 130-ЛЕТИЮ КУРТА ЛЕВИНА)

<i>Алмакина Т.А.</i>	
Проявление поля власти родителя в невербальном поведении ребенка в ситуации психолого-педагогической экспертизы.	615
<i>Аянян А.Н.</i>	
Прекаритизация современной студенческой молодежи мегаполиса	617
<i>Базаров Т.Ю., Битюцкая Е.В.</i>	
Разработка нового опросника «Типы реагирования на ситуацию изменений» (ТРСИ).	619

<i>Баранова В.А.</i>	Дом как метафорическое осмысление жизненного пространства человека	621
<i>Белинская Е.П., Джураева М.Р.</i>	Осознанность как ресурс проактивного совладания с трудными ситуациями.	623
<i>Голубева Н.А.</i>	Особенности построения самопрезентации в социальных сетях молодыми людьми.	625
<i>Гребенникова О.В.</i>	Проблема толерантности к неопределенности современных подростков в транзитивном обществе.	627
<i>Гришина Н.В.</i>	Экзистенциальный кризис: дезинтеграция жизненного пространства	629
<i>Гусельцева М.С.</i>	«Жизненное пространство» в контексте психологии повседневности	631
<i>Гуткевич Е.В.</i>	Домашняя среда как фактор сохранения психического здоровья личности	633
<i>Данилова В.Ю., Аванесян М.О.</i>	Взаимосвязь характеристик Возможных Я с особенностями самопрезентации в социальных сетях.	635
<i>Доценко А.Е., Зиновьева Е.В.</i>	Представления о жизненном успехе у молодых людей с разным уровнем самоофективности.	637
<i>Дьяков С.И.</i>	Семантика психической самоорганизации личности в жизненном пространстве индивидуального опыта	639
<i>Журавлев А.Л., Китова Д.А.</i>	Структура интереса к личностному пространству Петра I (на примере поисковых запросов Яндекс)	641
<i>Камешкерова К.И., Аванесян М.О.</i>	Негативные возможные Я и самоактуализация у людей с различной самооценкой.	643
<i>Карпук В.А.</i>	Сетевое и реальное пространство информационной социализации	645
<i>Киселёва Е.А.</i>	Сетевое пространство социализации — кроскультурный контекст.	647
<i>Клементьева М.В.</i>	Жизненное пространство подлинного Я.	649
<i>Козлова Ю.В.</i>	Представления обыденного сознания о родительстве: связь с ценностными установками и традиционными представлениями о мир . . .	651

<i>Кондратова Н.А.</i>	О возможном подходе к типологии жизненного пространства личности . . .	653
<i>Кузмицкая Ю.Л.</i>	Теория поля: от категории «поле» к мировоззрению практикующих гештальт-терапевтов (переосмысление идей Курта Левина)	655
<i>Кузнецова Е.А., Зиновьева Е.В.</i>	К вопросу о психологических исследованиях лидеров мнений среди молодежи в социальных сетях	657
<i>Луцуляк П.В., Гришина Н.В.</i>	Межличностные отношения в период пандемии	659
<i>Марцинковская Т.Д.</i>	Социальное, личностное и интернет-пространства в ситуации кризисной транзитивности	661
<i>Марцинковская Т.Д., Преображенская С.В.</i>	Роль виртуального пространства в трансформации языка современных подростков	663
<i>Москвичева Н.Л., Костромина С.Н.</i>	Исследование жизненных моделей молодых людей: близость «реальных» и «сетевых» ориентиров	665
<i>Московских В.П., Мироненко И.А.</i>	Переживание ситуации неудачи людьми с различными типами совладающего поведения	667
<i>Муртазина И.Р.</i>	Связь потенциала самоизменений личности с жизнестойкостью и толерантностью к неопределенности	669
<i>Орестова В.Р., Соколова А.А.</i>	Социальные сети как жизненное пространство человека: возрастной контекст	671
<i>Полева Н.С.</i>	Прекарность как стратегия адаптации и развития субъектности в условиях транзитивной повседневности	673
<i>Ткаченко Д.П.</i>	Жизненное пространство подростков в контексте социализации в условиях жесткой и текучей транзитивности	675
<i>Хорошилов Д.А.</i>	Проблема социальной детерминации личности во «Второй книге» Н.Я. Мандельштам	677
<i>Шишканова М.В., Муртазина И.Р.</i>	Способы совладания с тревогой в ситуации переезда в другой город	679

ПСИХОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И БЕЗОПАСНОСТЬ

<i>Антонова Н.Л.</i> Иностранцы студенты: взаимодействие в поликультурном пространстве университета	681
<i>Артюхова Т.Ю., Федорова Е.П.</i> Личностная мобильность как необходимое качество современного педагога	683
<i>Бордовская Н.В., Кошкина Е.А.</i> Образовательные технологии в педагогическом образовании: анализ отечественных и зарубежных публикаций	685
<i>Ботнарчук Е.М., Халфиева А.Р.</i> Мотивы выбора профессиональной деятельности студентов сестринского отделения медицинского колледжа	687
<i>Виндекер О.С.</i> К вопросу об образовательной мотивации студентов	689
<i>Гнедых Д.С.</i> Проблемы обеспечения безопасности дистанционной компьютерной психодиагностики в образовании	691
<i>Даринская Л.А., Молодцова Г.И.</i> Невербальная коммуникация в условиях онлайн-обучения как вызов профессиональному мастерству педагогов.	693
<i>Даукина Л.М., Бондарук Н.Н.</i> Риск буллинга в школе и субъективное благополучие подростков	695
<i>Демьянчук Р.В.</i> Теоретические предпосылки моделирования системы психологического сопровождения профессионально-личностного развития педагогов.	697
<i>Жебровская О.О.</i> Организация командной работы студентов на занятии в онлайн-формате	699
<i>Змеева А.С.</i> Субъективный контроль у учителей с признаками личностной беспомощности на стадии профессионального мастерства	701
<i>Зотова Н.Г., Тихомиров М.Ю.</i> Профессиональный путь педагога в контексте проблемы профессионального долголетия	703
<i>Колосова Т.А.</i> Дифференциация эмоций младшими школьниками с расстройствами аутистического спектра и легкой степенью умственной отсталости	705
<i>Кузьмичева Т.В., Афонькина Ю.А.</i> Рефлексивный анализ как инструмент изучения субъектной активности педагога в инклюзивном образовании*.	707

<i>Купцова С.А.</i>	Структурно-функциональная модель воспитания культуры здорового и безопасного образа жизни	709
<i>Оськина А.Н., Даринская Л.А.</i>	Развитие творческой активности студентов как способ решения проблем дистанционной формы обучения в кризисной ситуации.	711
<i>Пархоменко И. А.</i>	Developing psychologically comfortable and safe environment in an inclusive educational system.	713
<i>Печеркина А.А., Каранетян Л.В.</i>	Возможности внеучебной деятельности в формировании профессиональной идентичности будущих психологов	714
<i>Пушкина А.В., Салыгин Ю.Н.</i>	Отношение к будущему курсантов образовательного учреждения	716
<i>Савина О.О., Смирнова О.М.</i>	Реорганизация работы психологической службы школы: апробация модели в связи с переходом на дистанционное обучение в условиях пандемии 2020 года.	718
<i>Тихомирова М.А., Бордовская Н.В.</i>	Мотивы учения и терминологическая компетентность студентов с разным стилем мышления	720
<i>Упакова Л.Г.</i>	Введение программ по хатха-йоге в систему дополнительного образования младших школьников	722
<i>Федорова А.В., Демьянчук Р.В.</i>	Обеспечение безопасности учебного процесса путем выявления факторов саморазвития педагогов дополнительного образования детей	724
<i>Харькова Е.Г.</i>	Возможности и проблемные зоны школьной медиации	726
<i>Чернов А.В.</i>	Особенности самоотношения и эффективность саморегуляции состояний студентов на экзамене.	728
<i>Шаньгина Е.П., Виндекер О.С.</i>	Динамика показателей личностных ресурсов старших подростков в условиях исследовательской и творческой деятельности	730
<i>Шингаев С.М., Перешивайлова С.А.</i>	Особенности эмоционального интеллекта как важной составляющей профессионально-личностного развития педагогов	732

ПСИХОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ЗДОРОВЬЯ

<i>Filyasova Y.A.</i> The Problem of University Faculty's Burnout: Students' Perception	734
<i>Алфёрова И.С., Потапов О.А., Акулова Д.А.</i> Копинг-поведение медицинских работников в особых условиях деятельности	736
<i>Балашова Е.Ю.</i> Профессиональная деятельность в позднем возрасте: возможные нейропсихологические детерминанты	738
<i>Бехтер А.А., Прохорова А.Е.</i> Особенности проактивного совладающего поведения студентов	740
<i>Бондаренко Е.В.</i> Особенности представлений о здоровой жизнедеятельности у студентов- психологов в процессе обучения в вузе	742
<i>Бородина Н.В., Щетинина Е.В.</i> К вопросу о профессиональной деформации сотрудников службы безопасности с различной личностной направленностью	744
<i>Вассерман Л.И., Чугунов Д.Н., Никифорова Е.А.</i> Социально-психологические факторы в системных механизмах личности при мотивированной профессиональной деятельности.	746
<i>Водопьянова Н.Е., Пастух Е.</i> Личностные факторы социальных работников, противодействующие профессиональному выгоранию	748
<i>Горчинская А.А., Капелюшник Р.Е.</i> Оперативная саморегуляция в деятельности сотрудников органов внутренних дел	750
<i>Гребешкова О.Ю., Ткаченко И.Д.</i> Специфика проявления синдрома эмоционального выгорания врачей- хирургов	752
<i>Ефремов Е.Г., Литневская А.В.</i> Психологическое сопровождение сотрудников сферы обслуживания пассажиrow при профессиональном стрессе	754
<i>Зайцева О.Ю., Аршинская Е.Л.</i> Проблема совершенствования профессионального здоровья педагогов. . .	756
<i>Ипатов А.В.</i> Технология развивающей беседы со специалистами социального профиля	758
<i>Карапетян Л.В.</i> Профессиональное психологическое благополучие специалистов МЧС России.	760

<i>Касьянова Е.Н., Иванов М.С.</i>	
Эмоциональное выгорание врачей-неонатологов как психологическая проблема.	762
<i>Катцова А.П., Зорина Е.С.</i>	
Преодоление профессионального выгорания у педагогов госпитальных школ	764
<i>Кизиярова А.А., Белинская Т.В.</i>	
Нервно-психическая устойчивость в системе подготовки студентов военных учебных центров гражданских университетов.	766
<i>Киселева Т.В., Мельник Е.В.</i>	
Динамика процессуально-результативного компонентов эмпатии как фактор профессионального здоровья будущих педагогов инклюзивного образования	768
<i>Коноплева Е.А.</i>	
Личностные детерминанты склонности к переживанию экстремальных состояний у сотрудников правоохранительных органов.	770
<i>Леженина А.А.</i>	
Ответственность специалиста железнодорожного транспорта как фактор профессионального выгорания	772
<i>Макушина О.П.</i>	
Особенности копинг-стратегий у студентов военного и гражданского вузов	774
<i>Малеева С.Ю., Папанян А.И.</i>	
Эмпирическое изучение эмоционального интеллекта как фактора профилактики эмоционального выгорания	776
<i>Мищенко В.А.</i>	
Особенности совладающего поведения у сотрудников органов внутренних дел с разным уровнем эмоционального выгорания	778
<i>Набойченко Е.С., Вершинина Т.С.</i>	
Подготовка психологов силовых структур: когнитивный аспект.	780
<i>Низамова Е.С.</i>	
Структура Темной Триады личности у представителей профессионального сообщества педагогов.	782
<i>Никифоров Г.С., Гофман О.О.</i>	
Психолог здоровья: профессия XXI века	784
<i>Носкова М.В.</i>	
Психическая устойчивость и саморегуляция поведения у будущих врачей	786
<i>Опкина Т.П.</i>	
Влияние повседневных стрессоров на удовлетворенность жизнью курсантов военных вузов	788

<i>Отраднава А.С.</i>	
Психологические предикторы удовлетворенности качеством жизни сотрудников органов внутренних дел	790
<i>Пирогова Л.В.</i>	
Практические психокоррекционные мероприятия для сотрудников МЧС России различного профиля профессиональной деятельности	792
<i>Пономарева О.А., Дмитриева Ю.А.</i>	
Взаимосвязь психологических защит и психодинамических свойств курсантов	794
<i>Правдина Л.Р.</i>	
Травматический стресс и посттравматический рост у военнослужащих по призыву	796
<i>Прохоров А.О., Карташева М.И.</i>	
Система Я и психические состояния студентов: регуляторный аспект.	798
<i>Пугачева В.В., Бондарь Е.А.</i>	
Профилактика манипулятивного поведения сотрудников у сотрудников, контактирующих с осужденными	800
<i>Раковский Д.Н., Анисимов А.И.</i>	
Психологические ресурсы здоровья как фактор профессионального развития	802
<i>Родионова Е.А., Никифоров Г.С., Доминяк В.И.</i>	
Отношение к профессиональному здоровью в контексте с вовлеченностью в работу	804
<i>Русякова Е.Е.</i>	
Нервно-психическое напряжение у студентов в условиях самоизоляции.	806
<i>Старченкова Е.С., Чепурнова К.В.</i>	
Взаимосвязь профессионального выгорания и особенностей профессиональной мотивации у специалистов социномических профессий	808
<i>Степанова Д.С., Долотина Т.М.</i>	
Психологические факторы профессионального стресса и модель поведения в стрессовой ситуации у сотрудников, входящих в кадровый резерв ОАО «РЖД»	810
<i>Шаповал В.А., Курдюкова В.Ю.</i>	
Информационно-психологическая устойчивость как показатель профессионального психологического здоровья сотрудников полиции	812
<i>Шахторина Е.В., Розная М.О.</i>	
Семейные проблемы авиадиспетчеров как предикторы рисков в профессиональной деятельности.	814
<i>Шевелева М.С.</i>	
Синдром самозванца: определение, история изучения, способы измерения	816

<i>Шингаев С.М.</i>	Психология профессионального здоровья руководителей как научное направление	818
<i>Шкроб Н.В.</i>	Проблема формирования продуктивных копинг-стратегий курсантов образовательных учреждений МЧС России в процессе профессионального обучения	820
<i>Шойгу Ю.С., Цыбуля В.И., Мамедова Э.А.</i>	Модель интегральной оценки здоровья специалистов МЧС России	822
<i>Штумф В.О.</i>	Эмоциональное выгорание у специалистов МЧС России: возможности профилактики и коррекции	824
<i>Юртаева М.Н., Глуханюк Н.С.</i>	Догматизм и темная триада в контексте профессиональной подготовки к служебной деятельности	826

ПСИХОЛОГИЯ СПОРТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

<i>Астраханцева А.М.</i>	Развитие чувства времени у юношей — боксеров	828
<i>Астраханцева А.М., Иванова И.Г.</i>	Психологические аспекты применения принципа наглядности при обучении спортсменов новым упражнениям	830
<i>Белоконь В.О.</i>	Специфика вклада социального и эмоционального интеллекта в профессиональные достижения спортсменов	832
<i>Бочавер К.А., Довжик Л.М.</i>	Антиценности в спорте высших достижений: эксплораторное исследование позиции тренера	834
<i>Горская Г.Б.</i>	Динамическая регуляция психической устойчивости к долговременным стрессовым воздействиям.	836
<i>Деговцев Н.С., Фомиченко С.В.</i>	Восприятие спортсменами-подростками деятельности тренера как фактор влияющий на формирование самооценки	838
<i>Ивашко С.Г., Гаврилова В.В.</i>	Особенности самоактуализации студентов-спортсменов	840
<i>Кажарская О.Н., Эйвазова А.М.</i>	Мотивация спортивной деятельности студентов-психологов.	842
<i>Китова Я.В.</i>	Мотивационный климат и психологическая атмосфера в спортивном коллективе	844

<i>Коваль Т.Е., Лукина С.М., Ярчиковская Л.В.</i>	
Психологические особенности студенческого спорта в период пандемии (на примере занятий северной ходьбой в СПбГУ)	846
<i>Кузьмич В.А., Ивашко С.Г.</i>	
Влияние психической надежности легкоатлетов на успешность в спорте .	848
<i>Курочкина М.Г., Тихомирова М.А.</i>	
Особенности самоотношения подростков, занимающихся спортом, в связи с их проблемными переживаниями	850
<i>Ловягина А.Е.</i>	
Метакогнитивные умения спортсменов при принятии решений в ситуациях неопределенности	852
<i>Макарова А.Н., Успенский А.С.</i>	
Копинг-стратегии преодоления психологических барьеров у футболистов	853
<i>Маликова Л.А., Яковлева Н.В.</i>	
Самооценка здоровья в модели здоровьесберегающего поведения профессиональных спортсменов с травмами конечностей	855
<i>Мельник Е.В., Боровская Н.И.</i>	
Особенности проявления этических принципов в спортивной психологии	857
<i>Попова В.В., Вяткин Б.А.</i>	
Индивидуальность как фактор преодоления психического стресса в спортивных соревнованиях	859
<i>Романовская М.В., Андреева Е.Ю., Зиннурова В.Р., Чугунов Д.Н.</i>	
Кризис завершения спортивной карьеры	861
<i>Скорынина В.И., Куваева И.О.</i>	
Исследование диспозиционных переменных и копинг-стратегий у девушек, занимающихся профессиональным спортом	863
<i>Сопов В.Ф., Макаров А. Ю.</i>	
Модельные характеристики личности хоккеистов различных игровых амплуа	865
<i>Тиунова О.В.</i>	
Системный подход в анализе и структурировании практических рекомендаций по психологической подготовке спортсменов	867
<i>Шумова Н.С., Байковский Ю.В.</i>	
Повышение экстремальности деятельности спортсменов на современном этапе развития спорта	869

ПСИХОТЕРАПИЯ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ: ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПСИХОЛОГА

<i>Артемьева А.А., Тромбчиньски П.</i>	
Исследование невротических компонентов личности у лиц с пограничной личностной организацией	871

<i>Григалиюнайте-Плерпене В.В.</i>	
Арт терапия в помощи гармонизации состояния психиатрических пациентов в больнице	873
<i>Жегурова О.А., Антипина Д.С.</i>	
Представления о краткосрочном формате консультирования студентов- психологов	875
<i>Исурина Г.Л.</i>	
Профессиональные и личностные качества в работе психотерапевта.	877
<i>Кубекова А.С., Мамина В.П.</i>	
Техники Эриксоновского гипноза в деятельности психолога.	879
<i>Лебедева Е.И., Ежов Д.И.</i>	
Проблемы взрослых детей эмоционально незрелых родителей: направления психологической помощи	881
<i>Нечаева И.П.</i>	
Взаимосвязь регуляции психологических границ и когнитивных искажений у лиц с социальными фобиями.	883
<i>Рецер Р.А., Соловьева И.Г., Патрикеева О.Н.</i>	
Психологические трансформационные игры как способ профилактики отклоняющегося поведения у подростков	885

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ В СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

<i>Азарко Е.М.</i>	
Методы аппаратной коррекции функционального состояния, применяемые в работе со специалистами опасных профессий	887
<i>Балин В.Д.</i>	
Сферическая модель психики и изоморфизм сфер	889
<i>Балин В.Д., Жукова Д.И.</i>	
Создание опросника «36 сюжетов». Процедура и результаты	891
<i>Березниковский В.В., Матасов Ю.Т.</i>	
Реабилитация инвалидов по зрению посредством танцев	893
<i>Греченко Т.Н.</i>	
Механизмы синхронизации электрической активности у живых существ разного эволюционного возраста.	895
<i>Жукова Д.И.</i>	
Взаимосвязь перфекционизма с психофизиологическими показателями	897
<i>Кристалль В.Н., Гончаров О.А.</i>	
Методы исследования бимануальной координации	899
<i>Пайгалик М.А., Горбунов И.А.</i>	
Научение восприятию глубины изображения с помощью звукового кодирования зрительной информации.	901

Хавыло А.В., Енгальцев В.Ф., Леонова Е.В., Еремина И.И., Никуличева Е.О., Седенкова И.С., Семин А.В.

Оценка психических состояний с использованием объективных аппаратных методов 903

РЕЧЕВАЯ ФУНКЦИЯ ЧЕЛОВЕКА: ФЕНОМЕНОЛОГИЯ И НЕЙРОКОГНИТИВНЫЕ ОСНОВЫ

Андрющенко Е.А., Щербакова О.В.

Вклад эмоциональных характеристик личности в полноту понимания переносного смысла вербальных текстов 905

Воскресенская В.А., Васильева М.Ю., Князева В.М., Александров А.А., Штыров Ю.Ю.

Влияние артикуляторных паттернов на освоение новых словоформ родного языка у детей 907

Гнедых Д.С., Мкртычян Н.А., Курмакаева Д.М., Благовещенский Е.Д., Костромина С.Н., Штыров Ю.Ю.

Влияние транскраниальной электрической стимуляции зоны Вернике и ее правополушарного гомолога на усвоение новых конкретных и абстрактных понятий 909

Исаева Т.Е., Щербакова О.В.

Взаимосвязь полноты понимания текста и цифрового или печатного формата его предъявления 911

Кирсанов А.С., Мирошник К.Г., Благовещенский Е.Д., Щербакова О.В., Филиппова М.Г., Штыров Ю.Ю.

Влияние артикуляции на интеграцию новых словоформ в лексикон: данные ВП-эксперимента с семантическим надпороговым праймигом . . 913

Новиковская Н.А., Штыров Ю.Ю., Андрющенко Е.А., Блинова Е.Н., Щербакова О.В.

Динамика ментальных репрезентаций конкретных и абстрактных понятий: отсроченные эффекты транскраниальной электрической стимуляции. 915

Перикова Е.И., Благовещенский Е.Д., Филиппова М.Г., Щербакова О.В., Кирсанов А.С., Андрющенко Е.А., Блинова Е.Н., Штыров Ю.Ю.

Влияние транскраниальной электрической стимуляции зон Брока и Вернике на эксплицитное и имплицитное научение новым словам 917

Филиппова М.Г., Перикова Е.И., Благовещенский Е.Д., Новиковская Е.И., Щербакова О.В., Кирсанов А.С., Штыров Ю.Ю.

Нейрокогнитивные механизмы имплицитной и эксплицитной стратегий научения: связь между поведенческими и электрофизиологическими данными 919

СОПРОВОЖДЕНИЕ ДЕТЕЙ РАННЕГО ВОЗРАСТА И ИХ БЛИЗКИХ ВЗРОСЛЫХ

Аринцина И.А.

Направления современных исследований пищевого поведения детей
младенческого и раннего возраста. 921

Майер М.А., Андрущенко Н.В., Мухамедрахимов Р.Ж.

Особенности моторного функционирования у недоношенных детей
в младенческом возрасте в связи с биологическими и социальными
факторами риска* 923

Туманьян К.Г., Черного Д.И., Дождер Мэри, Мухамедрахимов Р.Д.

Взаимодействие матерей с детьми и социально-эмоциональное развитие
детей в замещающих семьях РФ* 925

Черного Д.И., Туманьян К.Г., Мухамедрахимов Р.Ж.

Особенности дневного ритма секреции кортизола у детей младенческого
и раннего возраста в замещающих семьях 927

Шабалина Е.В., Мухамедрахимов Р.Ж.

Взаимодействие детей с опытом институционализации с близкими
взрослыми в родственных и неродственных замещающих семьях 929

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Блинова Н.Н., Васильева О.С., Кондратьева Т.Н.

Взаимосвязь эмоционального интеллекта и готовности к прощению у
студентов технического вуза 931

Васягина Н.Н., Шемтелева Н.И.

Модель комплектования групп воспитанников специального учебно-
воспитательного учреждения закрытого типа 933

Даниленко О.И.

Приемлемость нарушения правил пунктуальности: как ее оценивают
студенты 935

Злоказов К.В.

Представление о взаимодействии с окружающими у хулиганствующих
подростков 937

Казачёнок Ж.И., Марицук Л.В.

Учет фактора влияния социальной среды в психологическом
сопровождении специалиста 939

Кара Ж.Ю.

Феномен чайлдфри: жизненный выбор, удовлетворенность, эгоизм. 941

Корниенко Д.С., Руднова Н.А.

Самопрезентация и личностные черты у студентов — пользователей
социальных сетей ВКонтакте и Instagram. 943

<i>Короткина Е.Д.</i>	Взаимосвязь видов отношения к праву с личностными особенностями и системой ценностей студентов.	945
<i>Крюкова Е.А., Чжоу Ц., Корнилова Т.В.</i>	Эмпатия у студентов-медиков: кросс-культурное сравнение российской и китайской выборок.	947
<i>Кузнецова И.В., Эрнеспесова Е.</i>	Политические установки студенческой молодежи к российской власти	949
<i>Леонтьева А.Е., Соловьева И.Г.</i>	Модели поведения в конфликтных ситуациях курсантов военного института	951
<i>Меньшикова Л.В., Лазюк И.В.</i>	Развитие толерантности к неопределенности у студентов вуза	953
<i>Подольская М.В., Воронина Н.В.</i>	Исследование этнической идентичности у молодежи России и молодежи-мигрантов из Центральной Азии.	955
<i>Синякова М.Г., Овчинникова Д.Г.</i>	Психологические особенности мотивации и профессиональных ценностей студентов, обучающихся в вузах МЧС России	957
<i>Ситников В.Л., Слотина Т.В.</i>	К вопросу о связи понятий взаимоотношения и социально-перцептивный образ в отечественной психологии	960
<i>Татьянина Л.Г.</i>	Личностные детерминанты доверия в Военно-морских экипажах	962
<i>Титова О.И.</i>	Отношение сотрудников полиции к партнерству — ресурс или тормоз в развитии взаимодействия с обществом?	964
<i>Тихомирова Е.В., Маланина А.А.</i>	Стратегии жизни женщин в семейной контекстуализации.	966
<i>Фадеева Т.Ю.</i>	Индивидуальные представления как предикторы диспозиционной надежды	968
<i>Чикер В.А., Гошко А.С.</i>	Коммуникативная структура организации в метафорических образах сотрудников IT-компаний	970
<i>Шумская Л.И.</i>	Социально-психологические аспекты реализации преподавателем проектной деятельности в образовательном процессе ВУЗа	972
<i>Яничева Т.Г., Непочатых А.В.</i>	Социальные представления педагогов о буллинге.	974

СТРЕСС ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ПОГРАНИЧНЫЕ ПСИХИЧЕСКИЕ И ПСИХОСОМАТИЧЕСКИЕ РАССТРОЙСТВА

- Баранова А.В., Яковлева Н.В.*
Психологическое время личности и его взаимосвязь с особенностями
здоровьесберегающей деятельности у больных 976
- Белашева Х.В.*
К вопросу о роли межполушарных асимметрий в формировании
нарушений пищевого поведения 978
- Бурина Е.А., Мошквивская В.А., Кулиева А.К.*
Личностные особенности женщин, беременных в результате
применения вспомогательных репродуктивных технологий 980
- Бурина Е.А., Пазарацкас Е.А., Абабков В.А., Капранова С.В., Мизинова Е.Б.*
Особенности дистресса у беременных женщин 982
- Быченко И.В.*
Механизмы развития алекситимии у пациентов с алкогольной и
наркотической зависимостью. 984
- Воликова С.В., Данилова Е.К., Снегирева Т.В.*
Эмоциональные коммуникации в родительских семьях у молодежи с
запретом на выражение чувств 986
- Грандилевская И.В., Исурина Г.Л., Подсадная М.О., Тарарыкова В.О.,
Тромбчиньски П.*
Восприятие студентами-медиками особенностей обучения с
использованием высокотехнологичных тренажеров 988
- Григорьева А.В., Польшакова И.Н.*
Сравнительный анализ тревожности, стрессоустойчивости, личностно-
характерологических свойств сотрудников силовых структур и
государственных учреждений 990
- Грицишина А.Д., Trombchinьски П.*
Образ тела у больных шизофренией 992
- Губейдулина Т.А., Родыгина Ю.К.*
Психоэмоциональное состояние пациентов травматолого-
ортопедического профиля на амбулаторном этапе реабилитации 994
- Давыдова Е.В., Исурина Г.Л.*
Взаимосвязь детского травматического опыта, ранних дезадаптивных
схем и психопатологической симптоматики у пациентов с параноидной
шизофренией 996
- Долгих А.Г., Алмазова О.В., МГУ имени М.В. Ломоносова*
Связь психологического благополучия с оценками физического и
эмоционального состояния. 998

<i>Еремина Д.А.</i>	Прогностическая оценка когнитивного функционирования пациентов, перенесших коронарное шунтирование	1000
<i>Есманская Н.Е., Семеновская Н.А.</i>	Связь эмоционального состояния и репродуктивной мотивации беременных женщин	1002
<i>Козлова Н.В., Левицкая Т.Е., Атаманова И.В.</i>	Quality of life in post-stroke patients with different lesion localizations	1004
<i>Колмогорцева А.А.</i>	Психологические предикторы возникновения интернет-зависимости . . .	1006
<i>Кошанская А.Г.</i>	Особенности восприятия болезни пациентами сахарным диабетом II типа	1008
<i>Краско А.С., Михайлова Н.Ф., Одинова Г.В.</i>	Влияние предгравидарной подготовки беременности женщин, страдающих эпилепсией на психическое развитие их детей	1010
<i>Ларионов П.М.</i>	Алекситимия в контексте враждебности и ее роль в развитии психоэмоциональных нарушений	1012
<i>Ларионов П.М., Алёхин А.Н.</i>	Враждебность и дисфункциональная когнитивная регуляция эмоций как факторы риска дистресса, тревожной и депрессивной симптоматики у практически здоровых молодых лиц	1014
<i>Летягин П.И., Яковлева М.В.</i>	Индивидуально-психологические особенности девушек с расстройством пищевого поведения	1016
<i>Маркина О.С.</i>	Особенности образа тела у пациентов с избыточной массой тела и ожирением	1018
<i>Миронченко М.Н., Важенин А.В., Циринг Д.А.</i>	Особенности психологических факторов риска заболевания люминальным раком молочной железы в зависимости от средовых условий жизнедеятельности	1020
<i>Пепеляева И.М., Игнатова Е.С.</i>	Панические атаки у лиц, больных миастенией	1022
<i>Пинкевич О.Ю.</i>	Программа психологической реабилитации больных с ОНМК (острое нарушение мозгового кровообращения)	1024
<i>Польская Н.А., Мазко О.А.</i>	Специфика самоповреждения и эмоциональной дисрегуляции при пограничных психических расстройствах	1026

<i>Польская Н.А., Соловьянова Ю.А.</i> Эмоциональная дисрегуляция и психологический дистресс при нарушениях пищевого поведения	1028
<i>Пономарева И.В.</i> Субъективное восприятие физического и ментального здоровья у женщин с онкологическим диагнозом, проживающих в промышленном мегаполисе и сельской местности	1030
<i>Пономарева И.В., Важенин А.В.</i> Жизненная ориентация и картина мира у женщин, больных раком молочной железы.	1032
<i>Попова Т.Л., Семикин В.В., Кострицын В.В.</i> Социально-психологические и клинические аспекты адаптации коренных жителей в условиях трансформации образа жизни на Ямале . .	1034
<i>Сетянова Е.Б., Воробьева Е.В.</i> К вопросу о влиянии пандемии COVID-19 на психическое здоровье населения	1036
<i>Сизова Я.Н., Миронченко М.Н.</i> Локус контроля у пациентов с раком молочной железы с разными личностными характеристиками	1038
<i>Трусова А.В., Березина А.А., Гвоздецкий А.Н., Климанова С.Г.</i> Взаимосвязь показателей импульсивности и воспринимаемого стресса у лиц с зависимостью от алкоголя	1040
<i>Усманова Е.Б., Щелкова О.Ю., Сушенцов Е.А., Софронов Д.И.</i> Качество жизни пациентов с опухолевым поражением таза в предоперационном периоде	1042
<i>Циринг Д.А., Абрамовская О.Р.</i> Особенности личности женщин с диагнозом рак молочной железы.	1044
<i>Червинская М.С., Малеева С.Ю.</i> Эмпирическое исследование внутренней картины болезни у лиц с разными типами наркомании	1046
<i>Широких А.И., Вечерин А.В.</i> Взаимосвязь проактивных копинг-стратегий и склонности к суициду . . .	1048
<i>Яковлева М.В., Усманова Е.Б., Щелкова О.Ю.</i> Взаимосвязь качества жизни и выраженности болевого синдрома у пациентов, перенесших ампутацию нижней конечности в связи с онкологическим заболеванием: пилотное исследование.	1050

Алмазова О.В.

Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова

Артемова Е.А.

Москва, СУНЦ МГУ им. А.Н. Колмогорова

Механизмы морального самооправдания в подростковом возрасте и в юности

Механизмы моральной свободы, подростковый возраст, юность

В работах А. Бандуры была предложена модель, объясняющая возможность аморального поведения в социально значимых отношениях. Механизмы морального самооправдания понимаются как «тенденция к оправданию действий, приносящих вред другому с целью сохранения самооценки, минимизации индивидуальной ответственности за причинение вреда другому. К психологическим механизмам, позволяющим обходить активизацию системы саморегуляции и обеспечивающих так называемую «моральную свободу» человека, относятся моральное оправдание, речевой эвфемизм, сравнение как оправдание, распределение ответственности, дегуманизация жертвы, атрибуция вины. Все механизмы морального самооправдания связаны с тремя процессами саморегуляции: восприятием ситуации морального выбора, оценкой последствий поступка для людей и оценкой фигуры жертвы и отношение к ней [3].

Отметим противоречивость результатов изучения возрастной динамики в использовании механизмов морального самооправдания — в одних исследованиях не было выявлено связи между механизмами «моральной свободы» и возрастом детей [4], в других выявлено, что интенсивность использования механизмов морального самооправдания в подростковом и юношеском возрастах стабильна, но зато значительно снижается в молодости [2]. В связи с чем целью данного исследования выступило сравнение использования механизмов моральной свободы у старших подростков и молодых людей юношеского возраста.

В исследовании приняли участие 689 человек. Из них 459 — старшие подростки, ученики 8-10 классов школ, а 230 — студенты. Выраженность использования механизмов моральной свободы выяснялась при помощи методики отчуждения моральной ответственности С. Мур, выделяющей предпочитаемые механизмы морального самооправдания [1]

Самыми выраженными механизмами моральной свободы для подростков являются «дегуманизация жертвы» и «атрибуция вины», а для студентов — «дегуманизация жертвы» и «моральное оправдание». Реже всего школьники используют механизмы «выгодное сравнение» и «искажение последствий», а молодые люди юношеского возраста — «выгодное сравнение» и «распределение ответственности».

При помощи t-критерия для независимых выборок, были проверены различия в оценках использования механизмов моральной свободы у школьников и студентов. Было получено, что:

1) механизмы «диффузия ответственности» ($t=3,222$; $p=0,001$) и «атрибуция вины» ($t=2,021$; $p=0,044$) значимо чаще используют школьники старшего подросткового возраста, чем студенты;

2) механизмы «выгодное сравнение» ($t=-2,701$; $p=0,007$) и «дегуманизация жертвы» ($t=-4,432$; $p=0,001$) значимо чаще используются студентами, чем школьниками старшего подросткового возраста.

Полученные данные свидетельствует о нелинейной динамике изменения частоты использования механизмов моральной свободы. В дальнейшем планируется, кроме рассмотрения возраста, ввести в рассмотрение как внешние (такие как пол), так и внутренние (личностные черты и т.д.) факторы для получения более полной картины изменения механизмов моральной свободы в процессе взросления.

1. Ледовая А.Я., Тихонов Р.В., Боголюбова О.Н., Казенная Е.В., Сорокина Ю.Л. Отчуждение моральной ответственности: психологический конструкт и методы его измерения // Вестник СПбГУ. Сер. 16. 2016, 4, с. 23-29.
2. Bandura A., Barbaranelli C., Caprara G.V. & Pastorelli C. Multifaceted Impact of Self-Efficacy Beliefs on Academic Functioning // Child Development, 1996. № 67 (3). P. 1206-1222.
3. Bandura A. Moral Disengagement: How People Do Harm and Live with Themselves. New York, NY: Worth, 2015. 544 p.
4. Cairns R. B., Cairns B. D., Neckerman H. J., Gest S. D., & Gariépy J.-L. Social networks and aggressive behavior: Peer support or peer rejection? Developmental Psychology, 1988. № 24 (6). P. 815-823."

Работа выполнена при поддержке проекта РФФИ (Проект №19-013-00823А "Личностные и когнитивные факторы использования подростками механизмов морального самооправдания девиантного поведения (буллинга и кибербуллинга) в условиях информационной социализации")

Психологическое благополучие в связи с самоосуществлением в юношеском возрасте

Психологическое благополучие, самоосуществление, юношеский возраст

Юношеский возраст — один из наиболее ответственных этапов индивидуального развития человека. В это время развитие самосознания, открытие своего внутреннего мира порождают потребность обернуться на самих себя, познать себя как личность, усиливают стремление к самоосуществлению.

В самом общем виде под самоосуществлением понимается процесс воплощения себя, своего потенциала в материальной и духовной действительности. Одна из попыток структурировать разные понятия, относящиеся к разным аспектам самоосуществления, была предпринята Лукиной Е.А. (2006), которая рассматривает самовыражение, самореализацию и самотрансценденцию как разные его способы, или формы. Под самовыражением понимается самопроявление, самопредъявление, демонстрация себя, под самореализацией — продуктивное использование, реализация своего потенциала в социально значимой области, под самотрансценденцией — стремление к смыслу, посвящение себя чему-то или кому-то.

Способы самоосуществления во многом определяются психологическим благополучием личности. Психологическое благополучие, в свою очередь, задает вектор поведения, определяет способы самоосуществления личности.

Мы поставили перед собой цель — выявить взаимосвязи параметров психологического благополучия со способами самоосуществления в юношеском возрасте.

Психологическое благополучие исследовалось с применением Шкалы психологического благополучия К.Рифф (в адаптации Л.В. Жуковской и Е.Г. Трошихиной, краткий вариант).

Для изучения способов самоосуществления использовалась авторская анкета «Варианты и направленность самоосуществления». В этой анкете испытуемого просили отметить значимость представленных форм поведения в баллах от 1 до 7, где один балл означает, что это совсем неважно, а 7 — очень важно, а также насколько им это удастся (по той же семибалльной шкале).

В исследовании приняли участие 96 десятиклассников школ г. Санкт-Петербурга (средний возраст — 16 лет).

Результаты корреляционного анализа параметров психологического благополучия и способов самоосуществления показали следующее.

Признание важности и позитивная оценка эффективности самоосуществления обнаруживает наиболее тесную связь с такими параметрами психологического благополучия, как жизненные цели и позитивные отношения. Поддержание близких отношений с другими людьми, получение от этого удовольствия, понимание того, чего хочется добиться в жизни, сопряжены с успешностью и важностью разных способов самоосуществления.

Важность самореализации (1) и самотрансценденции (2) соответствует более высоким показателям психологического благополучия, таким как личностный рост

($r_1=0,232$, $r_2=0,234$ при $p=0,05$), жизненные цели ($r_1=0,341$, $r_2=0,292$ при $p=0,01$), а в случае самотрансценденции еще и позитивные отношения с окружающими ($r=0,321$, $p=0,01$). Чувство направленности, продолжающегося развития и реализации своего потенциала предполагает, таким образом, признание важности достижений в различных областях и необходимости поступаться своими интересами ради благополучия окружающих. Готовность «быть для других», в свою очередь, сопряжена с получением удовлетворения от теплых, доверительных межличностных отношений.

Психологическое благополучие связано в большей степени с успешностью самореализации (7 связей) и самовыражения (6 связей), нежели с их важностью (с самореализацией 3 связи, с самовыражением — 1). Ощущение самореализованности, результативность самовыражения выступают значимыми факторами переживания психологического благополучия в юношеском возрасте. Эффективность самотрансценденции связана с тремя показателями психологического благополучия: самопринятием ($r=0,238$, $p=0,05$), позитивными отношениями ($r=0,324$, $p=0,01$) и жизненными целями ($r=0,226$, $p=0,05$). Таким образом, эффективное выстраивание бескорыстных отношений с другими людьми, способность забыть о своих интересах ради общего дела, заботы о близких сопряжены с принятием себя, чувством осмысленности своей жизни, удовлетворенностью отношениями с другими людьми.

Образы живой природы в представлении студентов

Природа, образы живой природы, студенты

В последние годы растет интерес к исследованию жизненного пространства человека, например, дом, домашняя среда, живая природа, а также их роль в развитии и позитивном функционировании человека (1). В связи с актуальностью проблем развития у молодежи экологического мировоззрения, мы полагаем актуальным изучение отношения молодых людей к живой природе.

Целью нашего исследования было изучение сопоставления студентами образа самих себя и образов живой природы. Мы предполагаем, что, чем больше взаимосвязаны образы природных объектов с образом себя, тем более позитивно человек к ним относится. В исследовании принимали участие 75 студентов педагогов-психологов, в возрасте от 17 до 20 лет.

Методика исследования: Семантический дифференциал (СД). Респондентам предлагалось оценить по 12 биполярным шкалам (размерность 1 — 7) понятия: «Я сам», «Цветок», «Дерево», «Домашнее животное». Шкалы объединены в 3 фактора: фактор «Оценка» (хороший — плохой), фактор «Сила» (сильный-слабый) и фактор «Активность» (активный-пассивный).

Результаты исследования. Сравнение образов себя и объектов живой природы по факторам СД. Образ «Я», у студентов сначала «хороший» (фактор «Оценка» — 5,76), «активный» (фактор «Активности» -4,81), затем «сильный» (4,16). «Цветок» глазами студентов — «хороший» (5,59), менее «сильный» (3,02), скорее пассивный, чем активный (2,66). «Дерево» — «сильное» (5,71), «хорошее» (5,33) и неактивное (2,44). «Домашнее животное» — «хорошее» (5,61), «активное» (5,22) и менее «сильное» (3,97). Образ «Я» прежде всего: чистый, хороший, красивый и активный. «Цветок»: красивый, хороший, светлый, чистый, спокойный. Образ «Дерево»: сильный, хороший, красивый, медленный, спокойный. «Домашнее животное»: красивое, хорошее, активное, быстрое. Результаты корреляционного изучения образов. Образ «Я» значимо положительно коррелирует с образами «Домашнее животное» ($r=0,803$, $p=0,01$) и «Цветок» ($r=0,677$, $p=0,05$). Образы природных объектов также связаны: «Цветок» с «Деревом» ($r=0,615$, $p=0,05$) и с «Домашним животным» ($r=0,566$, $p=0,05$). Образ «Дерева» не коррелирует с образами «Я» и «Домашнее животное». Рассмотрим взаимосвязи образов по отдельным факторам СД. По фактору «Оценка»: «Я» положительно коррелирует с «Домашним животным» ($r=0,418$, $p=0,01$), «Деревом» ($r=0,372$, $p=0,01$) и менее значимо с «Цветком» ($r=0,209$), по фактору «Сила» — только на уровне тенденции с «Домашним животным», а по фактору «Активность» только с «Домашним животным» ($r=0,424$, $p=0,01$). Образ «Цветок» положительно коррелирует по фактору «Оценка» с «Деревом» ($r=0,506$, $p=0,01$) и «Домашним животным» ($r=0,23$, $p=0,05$), по фактору «Сила» только с «Домашним животным»

($r=0,369$, $p=0,05$), а по фактору «Активность» положительно коррелирует с «Деревом» ($r=0,42$, $p=0,01$) и отрицательно с «Домашним животным» ($r=-0,239$, $p=0,05$). Сравнивая образы «Домашнего животного» и «Дерева», мы обнаружили положительную связь по фактору «Оценка» ($r=0,605$, $p=0,01$) и отрицательную по фактору «Активность» ($r=-0,241$, $p=0,05$). По фактору «Оценка» образы «Я», «Цветок», «Дерева» и «Домашнее животное» имеют баллы выше среднего, приближаясь к высокому, и статистически не различаются. Так как этот фактор отражает в основном эмоционально — положительное отношение, то можно сказать, что эти образы близки друг другу и воспринимаются позитивно, т.е. студенты проявляют положительное отношение к изучаемым образам природного мира.

Таким образом, результаты исследования показывают, что студенты педагоги-психологи воспринимают себя и образы живой природы «Цветок», «Дерево» и «Домашнее животное» эмоционально позитивно. Студенты оценивают себя высоко: они видят себя хорошими, активными и средне сильными. «Цветок» глазами студентов — хороший, средне сильный и неактивный, «Дерево» — сильное, хорошее и неактивное, «Домашнее животное» — хорошее, активное, средне сильное. У студентов образы себя и домашнего животного наиболее близки в семантическом пространстве, что, скорее всего, объясняется эмоционально насыщенным взаимодействием с домашними питомцами.

1. Нартова-Бочавер С.К. Жизненные среды как стресс и ресурс: возвращаясь к психологии повседневности // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 5. С. 15–26.

Исследование Мухортовой Е.А. поддержано Российским фондом фундаментальных исследований (Проект № 19-013-00216)

Сравнительный анализ показателей психологического благополучия китайских и российских подростков

Психологическое благополучие, автономия, управление окружением, личностный рост, самопринятие

Психологическое благополучие как многофакторный феномен, тесно связанный с проблемой позитивной жизнедеятельности человека, занимает приоритетное место в психологии. Можно отметить особую актуальность изучения психологического благополучия подростков, ведь данный возрастной период является основным этапом формирования личности человека. При этом повышение психологического благополучия в подростковом возрасте позволяет обеспечить подросткам реализацию собственного потенциала и приводит к повышению удовлетворенности своей жизнью.

В нашей работе рассматривается разница психологического благополучия китайских и российских подростков. Выборка представлена 39 китайскими и 25 российскими подростками. В процессе исследования была использована методика оценки психологического благополучия К. Рифф в адаптации Л.В. Жуковской и Е.Г. Трошихиной, а также использованы результаты научных исследований Е.Р. Алимовой, Е.А. Филимоновой [1]. Статистическая обработка проводилась с помощью описательной статистики, метода определения средних величин и сравнительного анализа.

В ходе исследования были получены следующие результаты: по шкале оценки положительных отношений с другими людьми у китайских подростков показатели высокого, среднего и низкого уровня составили 25.64%, 43.59% и 30.77%. У российских 80% показателей среднего уровня, 20% — низкого. В шкале автономии у китайских подростков 12.82% высоких, 74.36% средних и 12.82% низких показателей. У российских 60% показателей среднего уровня, 40% — низкого. В шкале управления окружением у 20.51% китайских подростков высокий уровень, у 64.1% средний, у 25.38% низкий. А у российских подростков у 40% средний уровень, у 60% низкий. В шкале личностного роста у 25.64% китайских подростков высокий уровень, у 53.85% средний, у 20.51% низкий. У 40% российских подростков средний уровень, у 60% низкий. В шкале цели в жизни у 20.51% китайских респондентов высокий уровень, у 48.72% средний, у 30.77% низкий, а у российских у 20% средний уровень, у 80% низкий. В шкале самопринятия у 12.82% китайских респондентов высокий уровень, у 53.85% средний, у 33.33% низкий, у 40% российских подростков средний уровень, у 60% низкий. В общей оценке психологического благополучия у 25.64% китайских респондентов высокий уровень, у 43.59% средний, у 30.77% низкий, у 30% российских сверстников средний уровень, у 70% низкий.

Суммировав данные высокого и среднего уровня каждой шкалы, а также сравнив показатели низкого уровня, можно прийти к следующим выводам: 1) Китайские подростки демонстрируют более позитивные оценки по всем шкалам кроме шкалы положительного отношения с другими людьми. Высокие баллы по данным шкалам характеризуют китайских респондентов как людей, которые, зная и признавая свои достоинства и недостатки, позитивно относятся к себе, положительно оценивают свое прошлое. Они считают, что жизнь имеет смысл, придерживаются своих убеждений, стараются реализовать свой потенциал и готовы к постоянному саморазвитию. Благодаря своей способности к управлению окружением и автономии, они самостоятельно регулируют свое поведение, создают условия для удовлетворения потребностей и достижения целей. Большинство китайских респондентов поддерживает позитивные отношения с окружающими людьми. 2) По сравнению с китайскими сверстниками, российские подростки испытывают большее удовлетворение только по шкале положительных отношений с другими. Это позволяет говорить о том, что российские подростки более склонны к поддержанию доверительных отношений с окружающими и допускают привязанности и близкие отношения, при этом соперничая друг с другом.

Выполненное исследование позволит сформировать рекомендации по поддержке психологического благополучия китайских и российских подростков.

1. Алимова, Е. Р., Оценка социально-психологического благополучия личности подростков / Е. Р. Алимова, Е. А. Филимонова. — Текст : непосредственный // International scientific review of the problems and prospects of modern science and education. — 2018. — С. 163-166.

Опыт отношений с родителями и представления о будущей семье студентов высших учебных заведений

Теория привязанности, детско-родительские отношения, тревога отвержения, избегание близости, представления о семье

Нестабильность брачных союзов обуславливает высокий интерес исследователей к факторам, определяющим способность личности построить гармоничную семью. Отношения с родителями, во многом определяющие представления человека о себе, других людях и правилах взаимодействия в семье — один из важнейших таких факторов.

Ученые по-разному объясняют механизмы межпоколенной трансляции модели семьи, используя понятия компульсивного повторения, семейного сценария, идентификации, социальных норм. В данном исследовании мы опирались на теорию привязанности во взрослом возрасте — подход, мало представленный в русскоязычной литературе. Теория привязанности строится на идее о «безопасном тыле» как основной функции близких отношений.

Представления молодежи о структуре и динамике семьи, наилучшим образом реализующим эту функцию, и стало предметом исследования. Проверялись гипотезы о связи этих представлений с особенностями родительской семьи и отношений в ней, и о различии представлений мужчин и женщин.

Обследовано 84 респондента: 30 мужчин и 54 женщины 18-28 лет ($m=22$ года). Использовались опросники: «Самооценка генерализованного типа привязанности» (Bartholomew, Horowitz в адаптации Казанцевой Т.В.), «Опыт близких отношений» (Fraley, Waller & Brennan, 2000, в адаптации Казанцевой Т.В.), «Измерение установок в семейной паре» Ю.Е. Алешиной, «Имплицитные установки к близким отношениям» (С. R. Klee, Н. Patrick, С. Lonsbary, 2003, в адаптации Казанцевой Т.В., Галеевой А.В.), а также анкета, включавшая вопросы о детском опыте и представлениях о будущей семье. Использовались критерий Манна-Уитни для независимых выборок и коэффициент корреляции Спирмена.

Сравнительный анализ женской и мужской подвыборок показал их сходство по основным исследуемым параметрам. Исключение составил преобладающий тип привязанности, или репрезентативная модель близких отношений. У женщин преобладает боязливый тип (с противоречивыми установками на избегание зависимости и боязнь расставания), у мужчин — надёжный тип. Мужчины отмечают у себя большую выраженность сверхвовлеченного типа ($p=0,014$) — то есть стремления слиться воедино с другим человеком, традиционно приписываемого женщинам.

Большая часть респондентов (87%) не хотели бы повторить опыт родителей. Нежелание сделать свой брак похожим на брак родителей связано с высоким уровнем избегания близости в отношениях с матерью ($r=0,223$), высокой значимостью детей

($r=0,299$) и романтической любви ($r=0,238$), неверием в предопределённость успеха отношений ($r=-0,254$).

Избегание близости в отношениях с матерью также связано с высокой значимостью сексуальной сферы ($r=-0,217$), нежеланием заводить детей ($r=0,335$) и вступать в брачные отношения ($r=0,284$).

Уровень тревожности в отношениях с матерью связан с формированием боязливой типа привязанности ($r=0,218$), низкой значимостью сексуальной сферы в будущих отношениях ($r=0,228$), отсутствием веры в возможность развития отношений ($r=-0,274$).

Выявлены связи стиля воспитания с установками о семье и близких отношениях ($p<0,05$). Авторитарный стиль воспитания отрицательно связан с надёжным типом генерализованной привязанности. Либерально-попустительский стиль связан с позитивным отношением к людям. Отчуждённый стиль воспитания связан с предпочтением жить в незарегистрированном браке с будущим партнёром. Демократический стиль положительно связан с установкой на вступление в брак в возрасте 30-35 лет и желанием завести детей.

Явной ориентации на традиционную либо эгалитарную модель брака в данной выборке выявлено не было. Преобладает установка на возможность развития отношений в противовес их предопределённости.

Воспитательные установки и психологическое благополучие родителей как предикторы самооценки дошкольников

Самооценка дошкольника, психологическое благополучие, родительские установки

Цель исследования: изучить самооценку детей дошкольного возраста, родительские установки и компоненты психологического благополучия матерей и отцов, и выявить из их числа предикторы, влияющие на самооценку дошкольника.

Исследование самооценки дошкольника остается актуальным, ведь она отражает психоэмоциональное благополучие ребенка. Л.И. Божович [1] отмечала, что дошкольник воспринимает родительскую оценку и начинает осознавать черты своего характера, свое положение в семье и обществе. Важным фактором формирования самооценки являются воспитательные установки, которые во многом определяются психологическим благополучием родителей [2,3].

Мы предполагаем, что самооценка дошкольника тем выше, чем выше психологическое благополучие его родителей и что самооценка дошкольника более взаимосвязана с родительскими установками матери, чем отца. Для изучения самооценки дошкольника в связи с родительскими установками и психологическим благополучием матери и отца обследована 61 семья, возраст родителей 30–42 года ($M=37$), детей — 5–7 лет (23 девочки, 38 мальчиков). Использовались «Шкала психологического благополучия» К. Рифф, методики PARI (Шефер и Белл) и Father's PARI Q4 (Eduard, Shirin Schludermann), методика «Отношение к семье и работе» П. Войданофф, методика «Лесенка» С.Г. Якобсон, В.Г. Щур. Статистический анализ данных производился с помощью программы SPSS v. 23 (регрессионный анализ).

Исследование показало, что влияние компонентов психологического благополучия родителей на самооценку дошкольника неоднозначно. Самопринятие матери и отца позитивно влияет на самооценку дошкольника, тогда как автономность и позитивные отношения — негативно. Для высокой самооценки дошкольника важно внимание уверенных в себе родителей, а если родители очень независимые люди и много общаются с друзьями и близкими, то самооценка дошкольника снижается.

Со стороны отца наибольший вклад в прогноз высокой самооценки дошкольника вносит распределение ролей в семье, за которое отвечает отец, а именно то, что отец не приемлет доминирования жены и в тоже время не главенствует в семье, удовлетворен работой и семейной жизнью, и считает свою жену заботливой и внимательной. Уверенность отца и принятие им ответственности за формирование демократических отношений в семье вносит значительный вклад в прогноз высокой самооценки дошкольника.

Родительские установки отца на «воспитание самостоятельности», «ориентация на изменения», «строгость» и «непринятие наказаний» позитивные предикторы высокой самооценки дошкольника. Если отец предоставляет возможность ребенку быть

самостоятельным и ответственным, руководит дошкольником, ориентирован на изменения к лучшему, на будущее развитие своего ребенка, то это положительно сказывается на самооценке дошкольника.

Со стороны матери наибольший вклад в прогноз самооценки дошкольника вносят: «напряжение на работе», «раздражительность», «избегание общения с ребенком» и «ускорение его развития» — негативный вклад, а «предоставление ребенку возможности высказаться» «ограничение матери ролью хозяйки дома» и «личностный рост» — позитивный. Напряжение на работе и раздражительность матери негативно влияют на самооценку дошкольника. Для дошкольника важно, чтобы мать была направлена на личностный рост, но оставалась внутри семьи, чтобы дом для нее был самым главным. На высокую самооценку дошкольника положительно влияет возможность высказываться и быть услышанным, когда мать заинтересована в общении с дошкольником, не спешит ускорить его развитие, и позволяет насладиться детством.

1. Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. СПб, Питер, 2008.
2. Манукян В.Р., Трошихина Е.Г. Современные психологические концепции благополучия и зрелости личности: области сходства и различий // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 2(26). С. 77–85.
3. Ryff C.D. Happiness is everything, or is it? Explorations on the meaning of psychological well-being // Journal of Personality and Social Psychology. 1989. № 57. P. 10

Идентификационные особенности коллективистически и индивидуалистически ориентированных младших школьников

Идентичность, коллективистическая ориентация, индивидуалистическая ориентация, ингруппа, аутгруппа, младшие школьники, социальная идентичность, персональная идентичность

Коллективистическая и индивидуалистическая когнитивные ориентации рассматриваются, с одной стороны, как результат влияния факторов, обусловивших их развитие, а с другой, как механизм восприятия и понимания мира их носителем (Nisbett, 2001). Индивидуалистическая/коллективистическая социальная ориентация проявляется в способах решения мыслительных, творческих, поведенческих задач. Соотношение количества человек с коллективистическими/индивидуалистическими ориентациями является отличительной чертой той или иной культуры. В индивидуалистических культурах Я определяется как независимая, способная выжить вне группы единица (Schwartz, 1990), в альтернативных культурах — с точки зрения группового членства, социальная идентичность является более значимой, чем личностная (Triandis, 1994). Насколько когнитивные ориентации представлены в младшем возрасте в современном транзитивном обществе? Как они связаны с процессом социализации и становлением социальной идентичности?

Целью эмпирического исследования стало выявление идентификационных особенностей младших школьников, делающих коллективистический или индивидуалистический выбор. Для выявления осознания ребенком своего сходства с другими (коллективистическая ориентация, КО) или своей уникальности (индивидуалистическая ориентация, ИО) использована методика «Определение эмоциональной самооценки» А.В. Захарова (субтест «Индивидуализация»). Для диагностики идентификационных особенностей использован контент-анализ сочинения «Я человек».

Результаты. Из обследованных 54 учащихся третьих классов общеобразовательной школы почти две трети (63,0%) сделали предпочтение фигуры, сходной с остальными, что свидетельствует об ориентации на включенность в группу, коллективистическую ориентацию (КО). Закрашенную фигуру, отличающуюся от остальных, предпочли 37% третьеклассников — индивидуалистическая ориентация (ИО). Та же тенденция наблюдается в гендерных подгруппах, у мальчиков она чуть ярче, чем у девочек.

Большое количество слов в сочинении говорит о близости темы для автора и ее продуманности (Выготский, 1983). Такой предложенная тема оказалась для индивидуалистически ориентированных третьеклассников (в среднем 37,7 слов у ИО и 25,5 у КО). Ее величина складывается из большей частоты я глагольных форм слов, отражающих «Деятельное Я» в персональной идентичности (6,1 в группе ИО и 4,8 в КО) (Я сегодня пойду на английский язык), желаний (Я хочу кошку), предпочтений (Мне очень нравится ходить на гимнастику). Преобладание в речи глаголов в рассказах о себе, упоминание конкретных действий и желаний более характерно детям в возрасте

6-8 лет. Вместе с взрослением происходит их замена на более обобщенные характеристики (Я хожу в школу) (Бернс, 1986).

Чаще третьеклассники группы ИО используют категорию оценки (Я хорошо играю футбол. Эмираты очень красивая страна) (1,6/0,3). Оценки встречаются почти в 90% сочинений группы ИО. Среди КО школьников оценочной категорией пользуется 29,4%. Эти данные согласуются с исследованиями Р. Нисбетта о подчеркивании различий в индивидуалистических культурах и о сглаживании противоречий в коллективистических (2011).

Спонтанно называемые компоненты социальной идентичности в сочинениях — семья, возрастная группа, круг друзей, территориальная группа. Упоминание социальной идентичности встречается примерно одинаково в обеих подгруппах (64,7% КО, 60% ИО). Наличие большого количества групп идентичности может являться критерием успешной социализации (Марцинковская, 2012). Значимые различия отмечены в отнесении себя к общности «я человек» (63,6% КО, 36,4% ИО). Этот уровень ингруппы требует сформированной способности к обобщению в социальном пространстве, может являться признаком более высокого развития социальной идентичности.

Таким образом, простой выбор, основанный на стремлении к сходству или отлучию от других, отражает некоторые идентификационные особенности в младшем школьном возрасте.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, грант № 19-29-07489

Джаббарова Л.А.
Ставрополь, Северо-Кавказский федеральный университет

Офицера С.В.
Ставрополь, Северо-Кавказский федеральный университет

Возможности применения контекста сочинения сказок в развитии вербальной креативности детей младшего подросткового возраста

Креативность, вербальная креативность, сказкотерапия, младший подростковый возраст, развитие креативности

В настоящее время активного распространения информационных технологий многие исследователи отмечают факт снижения оригинальности как критерия креативности, влияющего на развитие творческой продуктивности детей и взрослых [2]. Особую роль приобретает вопрос о создании условий для развития креативности на разных возрастных этапах.

Младший подростковый возраст, являясь сензитивным периодом для развития креативности, оказывает воздействие на дальнейшую самоактуализацию личности в целом. В работах Т. В. Драгуновой подчеркивается роль активности подростков в межличностном взаимодействии, которая способствует большей восприимчивости к усвоению норм, вариантов поведения, принятых во взрослом мире [3]. Все это обуславливает значимость творческой активности подростка при адаптации в непривычных для него условиях социума, на первый план выступает вербальная креативность.

Вербальная креативность отражает специфику актуализации креативности через речевое опосредование и проявляется как интериоризация литературного опыта в индивидуальное сознание, где продуктом выступает сочиненный самостоятельно сюжет [1].

Вопрос о создании условий для развития вербальной креативности в младшем подростковом возрасте не имеет на настоящее время единого решения. Сочинение сказок является одной из первых сфер, где возможна актуализации вербальной креативности в детском возрасте [4].

В настоящее время в психологической науке сложилось противоречие между превалирующим использованием контекста сочинения сказок в развитии вербальной креативности детей дошкольного возраста и недостатком стратегий по развитию вербальной креативности с применением сказкотерапевтических технологий в подростковом возрасте. В подростковом возрасте сказка выступает как созидательный инструмент, как способ самовыражения.

Основываясь на вышесказанном, нами было проведено эмпирическое исследование развития вербальной креативности в младшем подростковом возрасте в контексте сочинения сказок. Для оценки показателей вербальной креативности проводилась первичная диагностика с использованием следующих методик: тест диагностики вербальной креативности А. Н. Воронина, Т. В. Галкина (адаптация теста

С. Медника); батарея тестов «Творческое мышление» Е.Е. Туник (модификация тестов Гилфорда и Торренса); методика «Предложения». Выборка составила 56 испытуемых в возрасте 10-12 лет.

Результаты первичной диагностики, позволили выявить у значительной части испытуемых низкие показатели по параметрам вербальной креативности. У значительной части выборки (39%) отмечается низкий уровень вербальной креативности.

На втором этапе исследования нами была разработана и реализована программа тренинга, направленная на развитие вербальной креативности младших подростков в контексте сочинения сказки. С целью анализа эффективности применения данного тренинга нами был проведен корреляционный анализ. Выявлены достоверные различия между первичной и повторной диагностикой по критерию беглость ($t = 2.05, p \leq 0,05$); по параметру гибкость ($t = 2,09, p \leq 0,05$); по показателю оригинальность ($t = 3.03, p \leq 0,01$).

При рассмотрении полученных данных можно сделать вывод об эффективности реализации предложенного нами тренинга по развитию вербальной креативности младших подростков в контексте сочинения сказок.

1. Клементьева М. В. Предпосылки развития вербальной креативности в дошкольном возрасте на материале сочинения сказочного текста : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.13 / Клементьева М. В. — Тул. гос. ун-т. — М., 2004. — 22 с.
2. Барышева Т. А. Креативность. Диагностика и развитие: моногр. — СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, — 2002. — 257 с.
3. Андреев А. М. Девиантное поведение подростков и молодежи: причины, особенности и меры предупреждения // Вестник Российского государственного торгово-экономического университета. — 2010. — № 4. — С. 120-125.
4. Зинкевич-Евстигнеева Т. Д. Практикум по сказкотерапии. — СПб.: Речь, — 2000. — 310 с.

Биографическое проектирование старшеклассниками собственного будущего: соотносённость жизненных планов и стратегий их реализации

Биографический проект, жизненные притязания и стратегии, старшеклассники, психология развития

В современных обществах социальная идентичность индивида определяется рефлексивным самосознанием своей биографической непрерывности, а одной из ключевых задач личности оказывается разработка и постоянная корректировка траектории собственной жизни на основе прошлого опыта и прогнозирования будущего (Giddens 1991, 75–81).

В настоящем исследовании анализируются изменения в биографическом проектировании старшеклассниками собственного будущего на примере жизненных планов и стратегий их реализации. Биографический проект старшеклассника, определяемый индивидуальными интенциями во многом ограничен их прошлым и настоящим: экономическим и культурным капиталом семьи, экспектацией со стороны родителей и референтной группы, социальным самочувствием и др. Наличие в биографическом проекте устремлений, превосходящих простое воспроизводство «усредненной» жизненной траектории, наделяет его определенным личностным потенциалом для формирования области «возможного», которая может быть актуализирована индивидом в процессе его жизни (Личностный потенциал 2011: 27–29). Однако формирование личностного потенциала связано не столько со степенью амбициозности планов, сколько с намерениями их осуществления. С нашей точки зрения, на основе соотносённости уровня жизненных притязаний и степени готовности использовать различные жизненные стратегии для их осуществления могут быть выделены отдельные типы биографических проектов: инфантильный (высокий уровень притязаний и неготовность реализации собственных планов) и реалистический (соотносённость желаемого будущего положения и способов его достижения).

Эмпирическое обоснование предложенной типологии осуществлено на данных двух опросов старшеклассников (2010 и 2019 гг., n=256). Кластерный анализ показал наличие трех групп респондентов, по-разному строящих свои жизненные проекты. Первый кластер объединил школьников, чей уровень притязаний достаточно низкий, а степень готовности реализовывать планы — средняя. Респонденты, попавшие во второй кластер, отличаются высоким уровнем притязаний и высокой степенью готовности их реализовывать. В третьем кластере оказались те учащиеся, которые имеют практически такой же высокий уровень притязаний, однако, их отличает минимальная степень готовности что-либо предпринять для реализации своих планов. Взгляды на будущее представителей первого кластера условно могут быть названы «непритязательными», второго — «амбициозными», а третьего — «фантазийными». Наиболее частым взглядом на будущее оказался «фантазийный» — 44,4%, наименее распространенным «амбициозный» — 22,2%, «непритязательный» занял промежуточную позицию — 33,5%. «Фантазийные» взгляды более свойственны учащимся

2010 года, а для школьников 2019 года — «непритязательные» и «амбициозные» ($V = 0,311$ $p = 0,000$). Выявлены гендерные особенности биографического проектирования: если «фантазийное» отношение к будущему не связано с полом респондентов, то «амбициозный» взгляд характерен для юношей (64,2%), а «непритязательный» — для девушек (68,8%). Неожиданным оказалось отсутствие сильных связей между различными типами взглядов на будущее и субъективным благополучием. Выявленные отдельные корреляции, однако, не позволяют говорить о связи образа будущего с удовлетворенностью различными сторонами жизни в настоящем.

Результаты показывают изменения в представлениях о будущей жизни у старшеклассников, связанные со становлением реалистической жизненной позиции. Очевидно, что выявленные типы — «непритязательный» и «амбициозный» — соотносятся с реалистичным биографическим проектом, а «фантазийный» — с инфантильным. Последний тип, можно предположить, связан как с социальной незрелостью, так и с компенсаторным механизмом переживания структурной и культурной депривации, что требует дальнейшего изучения.

1. Личностный потенциал: структура и диагностика / под. ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2011. 680 с.
2. Giddens A. *Modernity and Self-Identity. Self and Society in the Late Modern Age*. Cambridge: Polity Press, 1991. 264 p.

Параметры восприятия детско-родительских отношений как предикторы личностной идентичности и кризисных переживаний студентов-первокурсников

Студенты-первокурсники, личностная идентичность, кризисные переживания, детско-родительские отношения

Обучение на первом курсе высшего учебного заведения — это период вхождения во взрослость и мир профессии, связанный со многими жизненными изменениями.

Цель исследования — выявление влияния характеристик детско-родительских отношений на личностную идентичность и кризисные переживания студентов-первокурсников.

Выборку составили 94 первокурсника (37 юношей и 57 девушек) в возрасте от 17 до 20 лет из 16 ВУЗов России.

Методы: МИЛИ Л.Б. Шнейдер, анкета кризисных переживаний для студентов В.Р. Манукян, опросник «ВРР» И.М. Марковской и опросник «семейные эмоциональные коммуникации» А.Б. Холмогоровой, С.В. Воликовой.

Большинство первокурсников нашей выборки характеризуются статусом личностной идентичности «диффузная» (45,55%). Наиболее выражены переживания кризиса идентичности, наименее — кризиса вхождения во взрослость. У девушек более выражены кризис опустошенности (p0,05), кризис идентичности (p0,05) и общепсихологический показатель кризиса (p0,1).

Что касается восприятия детско-родительских отношений, первокурсники высоко оценивают принятие и последовательность в отношениях с матерями и отцами. Наименее характерны для обоих родителей строгость, требовательность и контроль. При этом первокурсники больше удовлетворены отношениями с матерями и выше оценивают ее авторитет по сравнению с отцами. Юноши больше удовлетворены отношениями с матерями и отцами, чем девушки (p0,05) и выше оценивают эмоциональную близость, сотрудничество (p0,01), авторитетность (p0,05) и требовательность (p0,1) со стороны отцов.

Для семей первокурсников наиболее характерными семейными дисфункциями являются индуцирование тревоги, семейный перфекционизм и внешнее благополучие. Менее характерными являются критика и элиминирование эмоций. В семьях юношей более выражен семейный перфекционизм (p0,1).

Регрессионный анализ выявил два предиктора личностной идентичности первокурсников: она более сформирована при меньшей выраженности в семье элиминирования эмоций (запрета на их проявление) (p0,01) и большей авторитетности матери

($p < 0,05$). По всей видимости, именно пример матери, ее оценка, а также свобода высказывать свои переживания являются компонентами, которые помогают студентам выстраивать идентичность.

Для кризисных переживаний выявлено большее количество предикторов. Так, эмоциональная близость с матерью и наличие критики в семье влияют на выраженность переживаний конфликта между разными сферами жизни ($p < 0,001$). На выраженность кризиса идентичности влияют наличие критики ($p < 0,001$), согласие с матерью и отсутствие фиксации на негативе ($p < 0,05$). Переживания, связанные с кризисом вхождения во взрослость, включая адаптацию к университету, обусловлены влиянием материнского контроля ($p < 0,01$; $p < 0,05$) и «сверхвключенностью» ($p < 0,01$; $p < 0,05$), а кризис вхождения в профессию обусловлен наличием в семье критики ($p < 0,01$), «сверхвключенностью» ($p < 0,01$), отсутствием материнского принятия ($p < 0,01$) и семейного перфекционизма ($p < 0,05$). Возможно, студенты недостаточно внимания начинают уделять семье, в связи с чем испытывают чувство вины. Также матери могут пытаться «оставить» ребенка в его прежней роли. Выраженность биографического кризиса обусловлена отцовским контролем и удовлетворенностью отношениями с отцом ($p < 0,001$).

Несмотря на низкий процент дисперсии (в диапазоне от 5% до 26%) полученные данные позволяют говорить о том, что параметры восприятия детско-родительских отношений, особенно эмоциональной стороны взаимодействия, оказывают некоторое влияние на кризисные переживания и личностную идентичность первокурсников. Наиболее значимыми являются низкая степень удовлетворенности отношениями с отцом, контроль родителей, критика, отсутствие принятия матерью, сверхвключенность и отсутствие семейного перфекционизма. Результаты исследования согласуются со взглядами других авторов, изучавших возрастные и личностные кризисы (Э. Эрикссон, В.Р. Манукян), они могут быть использованы в консультировании, при работе с родителями и первокурсниками, для помощи студентам в адаптации.

Отношение взрослой дочери к матери: амбивалентность и качество отношения

Амбивалентность, отношения мать-дочь, качество отношений, привязанность

Отношения с матерью — одна из самых важных эмоциональных связей в жизни женщины, поскольку в этих отношениях формируется ее идентичность, развивается личность, они являются важнейшим ресурсом поддержания психического здоровья. В период становления самостоятельной взрослой жизни отношения с матерью претерпевают существенные изменения. Для понимания процессов, способствующих достижению благополучия в отношениях с матерью, необходимо всесторонне оценивать их качество.

Мы исходили из того, что традиционный показатель качества отношений — удовлетворенность ими — не исчерпывает всей сложности этих отношений, и предположили рассматривать амбивалентность как еще один критерий.

Мы предположили, что амбивалентность в той или иной степени характерна для любых диад дочь-мать и связана с другими показателями качества их отношений (удовлетворенность, частота и адекватность контакта, решение конфликтов, выражение негативных и позитивных эмоций, тревога отвержения и избегание близости с матерью). Все эти показатели качества отношения к матери могут быть также связаны с генерализованным типом привязанности взрослой дочери.

Опрошены 57 женщин 18-34 лет (средний возраст 24 года). Исследование проводилось в онлайн формате, использованы следующие методики: опросник «Амбивалентность отношения взрослой дочери к матери» (авторский); опросник «Опыт близких отношений» К. Бреннан и Р. К. Фрейли (в адаптации Казанцевой Т. В.); анкета «Качество отношений между взрослой дочерью и матерью» (авторская); самооценка генерализованного типа привязанности К. Бартоломью (в адаптации Казанцевой Т. В.).

Результаты. Амбивалентность можно рассматривать с точки зрения свойства, присущего отношению взрослой дочери к матери. Амбивалентность целесообразно измерять сочетанием двух способов: прямого (самооценка) и косвенного (через силу и соотношение позитивных и негативных эмоций в определенных аспектах отношений, вычисленных по формуле Гриффина [1]).

Выраженные прямые оценки амбивалентности положительно связаны с тревожностью ($p \leq 0,05$), избеганием близости с мамой ($p \leq 0,05$), низкой удовлетворенностью отношениями ($p \leq 0,05$), желанием сократить частоту контакта ($p \leq 0,05$), неспособностью адекватно и открыто выражать свои эмоции маме ($p \leq 0,05$) и неэффективными стратегиями выхода из конфликтных ситуаций ($p \leq 0,05$). Все это может говорить о неготовности дочерей учитывать в своем опыте все аспекты отношений с

матерью, о восприятии негативных эмоций как угрожающих стабильности отношений.

Косвенные оценки амбивалентности не связаны с удовлетворенностью отношениями, значимые связи получены только с тревогой отвержения ($p \leq 0,05$) и более частым личным контактом с мамой ($p \leq 0,05$), который увеличивает вероятность возникновения противоречий и выхода эмоций. То есть, даже при высокой общей удовлетворенности отношениями, по отдельным аспектам дочь может испытывать интенсивные противоречивые чувства.

Осознание и принятие своих негативных эмоций в отношениях, умение и возможность их конструктивно выразить, положительно связаны с надежным (автономным) типом генерализованной привязанности ($p \leq 0,05$), который в свою очередь, связан с высокими показателями качества отношений дочери с матерью ($p \leq 0,05$).

Финансовая независимость и поддержка мамой самостоятельности дочери в период ранней взрослости связана с формированием автономного типа генерализованной привязанности ($p \leq 0,05$) и более высоким качеством отношений ($p \leq 0,05$).

Таким образом, понятие амбивалентности, которое незаслуженно забыто в научной литературе, имеет важное теоретическое и прикладное значение и требует дальнейшей разработки в русле диалектического подхода к близким отношениям и теории привязанности.

1. Thompson M. M., Zanna M.P., Griffin D. W. Let's not be indifferent about (attitudinal) ambivalence // In Attitude strength: Antecedents and consequences, Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum, 1995, 361–386

Психологические факторы фаббинга в студенческой среде

Фаббинг, личностные черты, студенчество, Большая пятерка

Фаббинг — как пренебрежение собеседником в процессе общения посредством отвлечения на смартфон (Крюкова, Екимчик, 2019); является сравнительно новым социальным явлением, получившим широкое распространение среди подростков, юношей и молодежи. Исследования причин возникновения данного феномена мало-численны (Chotpitayasonondh, Douglas, 2016; Kircaburun, Griffiths, 2018; Крюкова, Екимчик, 2019). Практически не изучен аспект взаимосвязи личностных черт и проявлений фаббинга.

Проблема: Существует ли взаимосвязь между проявлениями фаббинга и личностными чертами?

Цель — изучить проявления фаббинга и их взаимосвязь с чертами Большой пятерки в студенческой среде.

Гипотеза: Отдельные черты «Большой пятерки» способствуют проявлению фаббинга.

Выборка: 44 студента вузов РФ в возрасте от 18 до 24 лет: 17 юношей (Средний возраст — 21) и 27 девушек (Средний возраст — 20).

Методы: Шкала «Фаббинг» (Phubbing, J.A. Roberts, 2015, апробирована Т.Л. Крюковой, О.А. Екимчик, А.Д. Крыловой 2019), Пятифакторный личностный опросник (5PFQ, Н. Tsuji, 1992, адаптирована А.Б. Хромовым, 1999); методы статистического анализа данных.

Были получены следующие результаты. В целом фаббинг выражен умеренно ($M=29,95$; $SD=8,39$), из «Большой пятерки» преобладают открытость новому ($M=52,93$; $SD=29,95$), добросовестность ($M=50,11$; $SD=13,24$), наименьшие показатели наблюдаются по экстраверсии ($M=45,14$; $SD=13,65$).

Корреляционный анализ выявил наличие достоверно значимых разнонаправленных связей между личностными чертами и интенсивностью проявлений фаббинга. Отрицательные корреляции между фаббингом: и экстраверсией ($R = -0,41$; $p \leq 0,01$); дружелюбием ($R = -0,50$; $p \leq 0,000$). Для высокого уровня экстраверсии характерны ориентированность на общение с людьми и склонность искать возможности для социального взаимодействия, поддерживать контакты, а дружелюбие предполагает гармоничность существования человека в обществе, уважение к другим людям.

Положительная корреляция была выявлена между проявлениями фаббинга и нейротизмом ($R = 0,42$; $p \leq 0,01$). Люди с высоким уровнем эмоциональной нестабильности более уязвимы к критике и негативу из реального мира. Уход от общения в социальные сети может служить им защитным механизмом.

Также обнаружена отрицательная тенденция к связи между фаббингом и открытостью новому ($R = -0,39$; $p \leq 0,073$). Открытость новому проявляется в любознательности и интересе к изучению окружающей среды. Живое общение в большей степени удовлетворяет сенсорные потребности, в отличие от виртуального. Полученные по этому фактору данные согласуются с зарубежными исследованиями (T'ng, Ho, Low, 2018).

Таким образом, наше предположение о сопряженности личностных черт Большой пятерки и фаббинга подтвердилось. Черты личности, характеризующие ее направленность на социальное взаимодействие и общительность снижают проявления интенсивности фаббинга у студентов, а вот эмоциональная неустойчивость, наоборот способствует ему.

1. Крюкова Т.Л., Екимчик О.А. Фаббинг как угроза благополучию близких отношений // Консультативная психология и психотерапия. 2019. Том 27. № 3. С. 61–76.
2. Chotpitayasunondh V., Douglas K.M. How “phubbing” becomes the norm: The antecedents and consequences of snubbing via smartphone // Computers in Human Behavior. — 2016.
3. Kircaburun K., Griffiths M. D. Instagram addiction and the big five of personality: The mediating role of self-liking // Journal of Behavioral Addictions. — 2018. — №7.
4. T'ng S. T., Ho K. H., & Low S. K. Are you “phubbing” me? The Determinants of Phubbing Behavior and Assessment of Measurement Invariance across Sex Differences // International and Multidisciplinary Journal of Social Sciences. — 2018.

Динамика смысложизненных состояний личности: лонгитюдное исследование

Личность, субъект жизни, смысл жизни, смысложизненные состояния

Становление личности в качестве субъекта жизни является агентивным процессом, который предполагает активное решение смысложизненных противоречий и задач, связанных с поиском, сохранением и практической реализацией индивидуального смысла жизни. Психологическими индикаторами, сигнализирующими об успешности этого процесса, выступают субъективные переживания осмысленности жизни и смысложизненного кризиса. Устойчивые конstellации этих переживаний формируют особый класс психических состояний — смысложизненные состояния, которые отражают текущее состояние объективных отношений личности с собственной жизнью как целостностью и характеризуют актуальный (достигнутый) статус развития личности в качестве субъекта жизни. Эмпирические исследования показывают, что путем типологического анализа может быть выделено до четырех типов смысложизненного состояния: благополучное (высокая осмысленность, слабый кризис), кризисное (низкая осмысленность, сильный кризис), конфликтное (высокая осмысленность, сильный кризис) и стагнативное (низкая осмысленность, слабый кризис).

В теории смысложизненные состояния концептуализируются как долговременные (продолгованные и устойчивые во времени) феномены, тогда как на эмпирическом уровне лонгитюдному анализу не подвергались. В этой связи нами было предпринято панельное исследование с 12-месячным интервалом между первичным и повторным замерами. Выборку исследования составили 90 человек — 48 мужчин и 42 женщины в возрасте от 20 до 60 лет. Смысложизненные переживания измерялись субшкалой «Цель в жизни» многомерного опросника К. Рифф и кратким опросником смысложизненного кризиса К.В. Карпинского.

Результаты данного этапа исследования можно резюмировать в следующих выводах:

1. Субъективные переживания осмысленности жизни и смысложизненного кризиса характеризуются высокой нормативной стабильностью в годичном интервале ($r_{1-2} = 0,48$ и $0,61$ соответственно, $p \leq 0,001$). При психометрической интерпретации эти данные свидетельствуют о ретестовой надежности вышеупомянутых личностных опросников.

2. Зафиксирована легкая уровневая нестабильность переживаний осмысленности жизни ($d = 0,27$) и смысложизненного кризиса ($d = 0,21$). Установлен общий тренд на возрастание интенсивности переживания как осмысленности жизни ($\Delta_{1-2} = 0,50$), так и смысложизненного кризиса ($\Delta_{1-2} = 1,69$). Перекрестный регрессионный анализ (cross-lagged panel analysis) показал, что в отношении смысложизненного кризиса данный тренд значимо обусловлен возрастом ($\beta = 0,39$, $t = 5,15$, $p = 0,000002$): в пределах зрелости чем старше становится человек, тем острее он испытывает дефицит смысла в собственной жизни.

3. Взаимосвязь переживаний осмысленности жизни и смысложизненного кризиса ($r_1 = -0,47$, $r_2 = -0,60$) отличается структурной стабильностью-инвариантностью ($p = 0,22$).

4. Судя по значению коэффициента сопряженности (контингенции) Пирсона, смысложизненные состояния личности обладают высокой нормативной устойчивостью ($P = 0,78$). Наиболее стабильным является состояние благополучия (изменчивость между 1 и 2 замером 14 %), тогда как наименее стабильными — состояния конфликта (100 %), стагнации (93 %) и кризиса (33 %). Стагнативное состояние с наибольшей вероятностью трансформируется в конфликтное, конфликтное — в кризисное и благополучное, а кризисное и благополучное — тяготеют к стагнативному. Если смысложизненную стагнацию («ни смысла, ни кризиса») принять за условную «нулевую точку», то цикл развития и функционирования личности как субъекта жизни включает следующие фазы: «стагнация — конфликт — кризис или благополучие — стагнация ...».

Таким образом, сравнение нормативной стабильности изученных смысложизненных феноменов с имеющимися в литературе показателями лонгитюдной (годовой) устойчивости интеллекта и диспозиционных свойств личности (как правило, $0,70 \sim 0,80$) подтверждает справедливость их определения как долговременных (продолжительных) психических состояний, а не свойств личности.

Ключко Д.С.
Ростов-на-Дону, ЮФУ

Чернова А.А.
Ростов-на-Дону, ЮФУ

Психологические особенности личностной направленности подростка

Подростки, личностная направленность, ценностные ориентации, школьная тревожность, копинг-стратегии, мотивация успеха и боязни неудачи

Подростковый возраст рассматривается как переходный, критический, а также как возраст полового созревания. Направленность личности является системообразующей характеристикой, которая предопределяет потребностно-мотивационную сферу и регулирует поведение человека [4]. Важной является взаимосвязь направленности личности с ценностными ориентациями, реакциями в стрессовых ситуациях, мотивацией и уровнем тревожности. Все это необходимо для понимания внутреннего мира «маленького взрослого». От того, как пройдет этот период, что вынесет из него подросток и чему научится, зависит какая сформируется модель поведения, которая предопределил его траекторию жизни [1, 2, 3].

Целью данной работы является изучение психологических особенностей подростка с различной личностной направленностью.

Объект: ученики средних классов (7-8-е) общеобразовательной школы в количестве 106 человек.

Предмет: личностная направленность, ценностные ориентации, школьная тревожность, копинг-стратегии, мотивация успеха и боязни неудач.

Гипотеза: предполагается, что у подростков будут наблюдаться специфические особенности проявления совладающего поведения, школьной тревожности, ценностных ориентаций и мотивации с различной личностной направленностью.

Методический инструментарий: методика определения доминирующей личностной направленности подростка И.Д. Егорычевой; методика ""Ценностные ориентации"" М.Рокича; методика «Мотивация успеха и боязни неудач (МУН)» А. А. Реан; методика «Способы совладающего поведения» Р.Лазаруса; тест школьной тревожности Филлипа.

Статистические методы: коэффициент ранговой корреляции Спирмена; U-критерий Манн-Уитни.

Можно сделать следующие выводы: подросткам с гуманистической направленностью характерна оптимальная мера отношения к окружающему миру и к себе, адаптивные копинг-стратегии и нормальный уровень школьной тревожности. Ученики с эгоистической направленностью ориентированы в основном на себя, однако при этом у них проявляется боязнь не соответствовать ожиданиям окружающих, что может вызывать определенные внутриличностные конфликты. Также им свойственно использование в основном адаптивных и пограничных копинг-стратегий. Школьники с депрессивной направленностью ориентированы на внешний мир, им важно получение любви и заботы, однако дезадаптивные варианты копинг-стратегий

«Бегство-избегание», «Поиск социальной поддержки» и «Дистанцирование» могут мешать в достижении данных ценностных ориентиров. У подростков с депрессивной и суицидальной направленностью наблюдается приоритетная ценность счастливой семейной жизни, что может указывать на некоторые проблемные зоны в этой сфере. Для школьников с суицидальной направленностью характерно отгораживание от себя и от окружающего мира. Актуальная деятельная жизнь и наличие хороших друзей являются значимыми ценностями, однако их развитию могут препятствовать дезадаптивные варианты копинг-стратегий «Бегство-избегание» и «Дистанцирование», а также мотивация избегания неудачи и высокий уровень тревожности.

1. Абрамова, Г.С. Психология развития и возрастная психология : учебное пособие : / Г.С. Абрамова. — изд. испр. и перераб. — Москва : Прометей, 2018. — 708 с.
2. Ефремова, О.И. Психология развития: учебное пособие для студентов педагогических институтов / О.И. Ефремова, Л.И. Кобышева. — Москва ; Берлин : Директ-Медиа, 2018. — 194 с.
3. Нартова-Бочавер, С.К. Введение в психологию развития : учебное пособие / С.К. Нартова-Бочавер, А.В. Потапова. — 4-е изд. стер. — Москва : Флинта, 2017. — 216 с. — (Библиотека психолога).
4. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М.1989г.

Социальное пространство как детерминанта развития в подростковом возрасте

Социализация, подростковый возраст, социальное пространство, референтная группа

Трансформация социального пространства современного человека приводит к существенным изменениям задач развития на каждом возрастном этапе. Современная ситуация развития вынуждает индивида использовать все имеющиеся у него потенциальные способности для самореализации и личностного роста в рамках тех социальных условий и той культуры, в которой он растет и развивается (Марцинковская, 2010). Расширяющееся в подростковый период социальное пространство стимулирует стремление эмансипироваться и определить свое место в жизни.

Социальное пространство — это гибридная сущность, сформировавшаяся по отношению к природному пространству (Kharlamov, 2009). Оно не устанавливается как фон для социальной жизни, а формируется через множество изменений текущей социальной жизни.

Чувство «принадлежности» к группе — это важное чувство для социального развития индивида. Если подростки не становятся членами референтной группы, то и не идентифицируют себя с ее социальным пространством (Кобзева, 2019).

В исследовании проходившем в 2019 году приняли участие 118 подростков, обучающихся образовательных организаций г. Мурманска в возрасте 12–14 лет. Диагностика отношения к социальному пространству проходила с помощью методики «Значимые сферы социального пространства», наиболее важные и значимые для индивида группы определялись анкетой «Референтные группы».

Подростки положительно относятся ко всем составляющим социального пространства. Наибольшее доверие демонстрируют к своему социальному окружению (79%), себе и своей деятельности (78%). Выстраивая взаимоотношения с родителями, учителями, друзьями они принимают их ценности и модели поведения. Они считают, что значимые результаты в их жизни являются результатом собственного труда и ответственности.

Информационное пространство как структурный компонент социального пространства имеет ярко выраженный социальный контекст. Подростки демонстрируют доверие к информации, которую получают из интернета и СМИ (68%). У большинства респондентов (66%) сформировано положительное отношение, как к месту своего проживания, так и к месту обучения.

Семья — доминирующая референтная группа в подростковом возрасте (5,8+2,1). Она определяет траекторию их развития и обеспечивает определенный социальный статус, престиж, социальную мобильность. Поэтому жизненная позиция подростков, в основном, ориентирована на социальные нормы и ценности, принятые в собственной семье. Однако «важность мнения» членов семьи не всегда означает наличие доверительных отношений в семье. Общие интересы и связанное с ним общение способствуют развитию у них референтности и аттракции. Подростки предпочитают не только проводить свободное время с приятелями по интересам (3,4+3,8),

но и доверяют им, прислушиваются к их мнению чаще, чем к мнению друзей по учебе.

Итак, современное социальное пространство требует от личности гибкой позиции, наиболее отвечающей контексту социальной ситуации. Подростки демонстрирует положительное отношение ко всем структурным компонентам социального пространства. В подростковом возрасте семья не только сфера интимного общения, но и референтная группа при принятии важных решений. Члены семьи помогают формировать информационное и социальное пространство, а семейные ценности способствуют развитию социальных контактов подростков.

1. Марцинковская, Т. Д. Теоретико-эмпирические исследования соотношения процессов социализации и индивидуализации / Т. Д. Марцинковская // Концепция социализации и индивидуализации в современной психологии. — Москва — Обнинск. — С. 264 — 282.
2. Kharlamov, N. A. Politicizing attachment: A sociological glance at Zentella's model / N. A. Kharlamov // Culture & Psychology. — 2009. — № 15 (2). — URL: <https://doi.org/10.1177/1354067X08099622> (дата обращения: 10.06.2020).
3. Kobzeva, O. V. Sociocultural Identity in a Transitive Society / O. V. Kobzeva // Advances in Economics, Business and Management Research. — 2019. — № 114. — URL: <https://doi.org/10.2991/aebmr.k.200114.082> (дата обращения: 14.06.2020).

«Образ дома» и психологическая зрелость личности взрослого

Образ дома, психология дома, психологические ресурсы, взрослость, психологическая зрелость, психологическая зрелость личности, развитие личности

В рамках работы изучались особенности феномена «образа дома» и психологической зрелости личности в период средней и поздней взрослости.

Актуальность обусловлена малой исследованностью феномена «образ дома», как предмета субъектно-средовой психологии, представляющим собой, в настоящее время, развивающееся и перспективное направление. Взаимосвязь феномена «образа дома» и психологической зрелости личности взрослого рассмотрена в исследовании впервые.

Гипотеза исследования: параметры психологической зрелости личности тесно взаимосвязаны с особенностями «образа дома» у взрослого, при этом в разные периоды взрослости характер этих взаимосвязей будет различаться.

Феномен «Образ дома» определён, как модель выражения собственного Я человека в мире и одновременно, его среда развития, а также источник физических, социальных, экономических, психологических и иных ресурсов.

Феномен «Психологическая зрелость личности» рассмотрен как целостное и комплексное понятие — модель Л.А. Головей с соавторами [1], многоуровневый конструкт, включающий в себя ряд критериев: ответственность, осознанность и рефлексивность, самопринятие и самоуважение, жизнестойкость, широту связей с миром.

Участники исследования: 80 человек (40% мужчин и 60 % женщин) средней и поздней взрослости.

Группа 1: 38 — 46 лет (N = 40), средний возраст 42,7 л.

Группа 2: 54 — 66 лет (N = 40), средний возраст 59,5 л.

Для выявления особенностей феномена «образ дома» применены: опросник «Функциональность домашней среды» С.К. Нартовой-Бочавер, 2015 г; опросник «СОД — Семейные отношения и дом» В.Н. Куницыной, Е.А. Юмкиной, 2015 г; методика «Территориальность — широта охвата»; Метод незаконченных предложений (модификация теста М. Сакса и С. Леви).

Для выявления показателей психологической зрелости личности применены: методика по выявлению локуса субъективного контроля Дж.Роттера; тест самоактуализации САМОАЛ; опросник на самоотношение — МИС; тест жизнестойкости С. Мадди.

В качестве методов статистической обработки использованы описательные статистики, коэффициент корреляции Пирсона, t-критерий Стьюдента для независимых выборок. Для качественной обработки данных применен контент-анализ.

По результатам исследования были сформулированы следующие выводы:

Выявлены тесные взаимосвязи исследуемых характеристик образа дома и критериев психологической зрелости взрослого. В период средней и поздней взрослости

определено примерно идентичное количество положительных и отрицательных связей характеристик образа дома с критериями психологической зрелости, с преобладанием положительных в обеих группах.

В период средней зрелости особенность связей проявляется в однонаправленности связей параметров зрелости личности и близких людей в образе дома, возможно, как части общественного статуса, демонстрируемого обществу. Одновременно, для периода средней зрелости Дом является местом эмоционального и психологического отдыха от конкурентной борьбы в социуме и защиты от агрессии и влияния внешнего мира.

В период поздней зрелости особенность связей проявляется в однонаправленности зрелости личности и самих отношений с близкими, наполненными эмоциональными компонентами. Одновременно, для старшего поколения характерен, Дом, как «место силы», где выстроена стабильная структура, дающая ощущение контроля над собственной жизнью.

Выявленная взаимосвязь «образа дома» и психологической зрелости подтверждает идею о двойственности понятия «образ дома», являющимся проявлением личностного Я в мире и средой, влияющей на человека, формирующую его идентичность. Домашняя среда человека может обладать «компенсаторным свойством», что делает возможным наполнение пространства дома необходимыми компонентами (с устранением «негативно влияющих»), способствующими повышению уровню психологической зрелости.

Полученные данные существенно расширяют возможности анализа психологического состояния взрослого человека и практической работы, связанной с образом дома.

1. Головей Л. А. и др. Психологическая зрелость личности. — 2014

Совладание со стрессом перемен у женщин разного возраста

Жизненные перемены, стресс, совладание, копинг-стратегии, типы гибкости копинга

Рассматривая ситуации перемен как цепь событий повседневной жизни, отметим, что они переживаются по-разному и влияют на эмоционально-когнитивное состояние и поведение человека. Они вызывают разный уровень стресса, имеют разное содержание, внутреннюю динамику; по-разному сопряжены с чертами личности, такими как самооффективность, готовность к переменам, толерантность к неопределенности в разных контекстах (работа, здоровье, отношения) (Крюкова, 2017). Потребность в лучшем понимании, как перемены действуют на человека, велика. Проблема исследования заключается в поиске ответа на вопросы, каким образом на человека влияют стрессы перемен в сферах здоровья и межличностных отношений, как происходит совладание с этим стрессом. Поставив цель — выявить копинг-стратегии и типы гибкости копинга при различном уровне стресса перемен/жизненных событий у женщин разного возраста, мы предположили, что возраст является важной детерминантой качества совладания у женщин. Среди методов: Оценка влияния изменений в жизни (LES, Sarason, и др., 1978); Шкала воспринимаемого стресса-10, Абабков и др., 2016; Опросник способов совладания WCQ Лазаруса и Фолкман, в адаптации Крюковой и др., 2004; Опросник самовоспринимаемой гибкости копинга со стрессом (Self-Perceived Flexible Coping with Stress) Zimmer-Gembeck, Skinner, и др., 2018); интервью. Участвовали женщины трёх возрастных групп, у которых в течение предыдущего года возникали жизненные перемены в здоровье и межличностных отношениях: 90 человек от 15 до 65 лет; ср. возраст — 37 лет (Эриксон, 2000). Результаты. У более молодых женщин негативные события происходят намного реже, но их воздействие сильнее ($p < 0.01$). Более половины женщин (53%) описывают жизненные перемены как нечто негативное, вызывающее напряжение. Из интервью: «это новое событие, которое требует от меня вынужденного внимания, вызывает напряжение, усталость, иногда даже гнев», «это тяжесть и неприятность, как правило», таким образом, воспринимая жизненные перемены как отрицательный опыт. Причем они не ищут положительные стороны в возникающих переменных, т.к. «перемены заставляют менять привычный уклад жизни, становятся своего рода бедой». При возникающих серьёзных жизненных переменных большинство предпочитает стратегии «дистанцирование», «избегание» и «социальная поддержка». Типы гибкости копинга распределились неравномерно: менее гибкий тип совладания — ригидный копинг оказалась выше у более молодых женщин (часто это использование нескольких менее продуктивных способов, например, дистанцирование или избегание). Старшие женщины чаще использовали множественный и ситуативный типы гибкости копинга ($p < 0.001$). Адаптация к стрессогенной ситуации жизненных перемен предполагает продуктивное совладание со стрессом перемен. При воспринимаемых

существенных переменах возникает сопротивление, а также менее продуктивные / пассивные копинг-стратегии, и менее эффективный негибкий тип копинга у более молодых женщин. Возможно и несовладание со стрессом перемен, которое связано с чрезмерным беспокойством, навязчивыми и тревожными мыслями о стрессоре; руминацией. Неспособность адаптироваться эксплицируется в симптомах сбоя повседневного функционирования, что приводит к нарушению работоспособности. Оговоримся, что сбор эмпирических данных проходил в период начала введения самоизоляции в Костромской области, что могло сказаться на результатах.

1. Крюкова Т.Л. Совладание как когнитивная адаптация к изменениям. Материалы съезда Российского психологического общества / сост. Л.В. Артищева; под ред. А.О. Прохорова, Л.М. Попова, Л.Ф. Баяновой и др. — Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2017. — Т. 1. — 478 с. С. 31- 34.
2. Эриксон Э.Г. Детство и общество / Э.Г. Эриксон. — СПб.: Речь, 2000.
3. Zimmer-Gembeck, M. J., Skinner, E. A., Modecki, K., Webb, H. J., & Rapee, R. M., Hawes, T., & Gardner, A. (2018). The self-perception of flexible coping with stress: A new measure and relations with emotional adjustment. *Cogent Psychology*. doi:10.1080/23311908.2018.1537908

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект 18-013-01005

Апробация опросника самовоспринимаемой гибкости копинга со стрессом

Совладающее поведение, когнитивная адаптация, перемены, стратегии совладания, типы гибкости копинга, психодиагностика

Проблема совладания со стрессом, несущим перемены, новое, — актуальна. Стресс часто связан с жизненными событиями, воспринимаемыми как вызывающие, угрожающие потерей контроля, смысла или позитивных эмоций, здоровья. Когнитивно-эмоциональная адаптация к стрессу перемен включает и уровень стресса, и качества совладания — выбор копинг-стратегий и уровень гибкости копинга. Именно гибкий тип копинга способствует лучшей адаптации к новизне. Тщательный анализ имеющихся копинг-шкал и других методик приводит к выводу, что они не дают ответа на вопрос: за счет чего происходит совладание со стрессом перемен, почему при одинаковом наборе копинг-стратегий одни справляются со стрессом, а другие нет. Необходимо сфокусировать внимание на конструкте гибкость копинга, определяемом через успешную адаптацию к стрессу при использовании большого количества разнообразных копинг-стратегий или использовании разных копинг-реакций в определенных ситуациях (Zimmer-Gembeck и Skinner и др., 2018). Есть данные, что эффективность адаптации к ситуации перемен связана с тем, насколько быстро и точно человек применит копинг-действие в изменяющихся стрессовых условиях. В данной работе внимание обращено на разработку и адаптацию психодиагностических методов, позволяющих изучать особенности адаптации и совладание с переменами. Цель: апробация Опросника самовоспринимаемой гибкости копинга со стрессом (Self-Perceived Flexible Coping with Stress, Zimmer-Gembeck, Skinner, и др., 2018) для измерения гибкости совладающего поведения для русскоговорящих респондентов. Метод. Выборка: 73 респондента в возрасте 18-51 год ($m=25,8$, $StD=8,1$) из них 24 мужчины и 49 женщин, студенты и работающие люди. Методы: Опросник Самовоспринимаемой гибкости копинга со стрессом (Zimmer-Gembeck, Skinner, и др., 2018), Опросник способов совладания, OCC (Фолкман, Лазарус, 1988, адаптация Крюковой и др., 2004), методы статистического анализа. В структуру гибкости копинга заложено 3 параметра: множественность (несколько стратегий), ригидность (негибкость) и ситуационность (связь с контекстом переживаемого стресса). Опросник состоит из двух открытых вопросов о том, что такое стресс и копинг, и 18-ти закрытых пунктов с 7-балльной шкалой Лайкерта. Закрытые вопросы образуют 3 субшкалы/типа: множественный, ригидный и ситуационный копинги. После прямого-обратного перевода опросника несколькими экспертами, он была предложен вместе с опросником OCC респондентам. При статистической обработке данных получены следующие результаты: множественный копинг ($m=26,5$ $StD=7,1$), ситуационный копинг ($m=26,5$ $StD=6,7$) и ригидный копинг ($m=20,2$ $StD=6,7$). Распределение по всем субшкалам не

отличается от нормального, половых различий в гибкости копинга не выявлено. Для респондентов характерна вариативность копинга в зависимости от ситуаций и разнообразии стратегий. Меньше выражен тип –антигибкий — ригидный, который предполагает использование одних и тех же стратегий, независимо от характеристик ситуации и эффективности. Далее для проверки внешней валидности апробируемой шкалы использовался корреляционный анализ со шкалами ОСС/WCQ. Выявлены достоверно значимые прямые связи: между ситуационным копингом и самоконтролем ($r=0,23$ $p=0,05$), ситуационным копингом и планированием решения проблемы ($r=0,31$ $p=0,01$); множественным копингом и планированием решения проблемы ($r=0,28$ $p=0,02$). Между ригидным копингом и стратегиями по ОСС связей не выявлено. Таким образом, опросник самовоспринимаемой гибкости копинга измеряет новый параметр совладающего поведения: следует продолжить работу по его психометрической проверке.

1. Крюкова Т.Л. Методы изучения совладающего поведения: три копинг-шкалы. — Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2010. 64 с.
2. Zimmer-Gembeck, M. J., Skinner, E. A., et al. (2018). The self-perception of flexible coping with stress: A new measure and relations with emotional adjustment. *Cogent Psychology*. 5(1), Article 1537908. DOI:10.1080/23311908.2018.1537908

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ,
проект № 18-013-01005*

Особенности личностной направленности воспитанников суворовского военного училища МВД России

Ранняя профессионализация, воспитанники суворовских военных училищ, типы направленности личности, ресурс личностной конструктивности, группа психологического здоровья, подростковая версия Психодинамически ориентированного личностного опросника (ПОЛО) «Ресурс»

Актуальность довузовской профессиональной подготовки квалифицированных кадров для системы МВД России, возложенная на ведомственные суворовские военные училища (СВУ) не вызывает сомнений. Ключевую роль в ней играет ранняя профессионализация воспитанников, в ходе которой за счет профессиональной направленности и определяющей её направленности личности (НЛ) достигается профессиональное самоопределение.

НЛ рассматривается как сложное личностное образование, определяющее отношение к себе, к окружающим и к деятельности, а также как система устойчивых побуждений. Традиционно выделяется 3 основных типа НЛ: на себя, на общение и на дело. Психодиагностическая операционализация и квалиметрия указанных типов НЛ достигается с помощью ориентационной анкеты Б. Басса, с помощью которой нами были обследованы воспитанники Санкт-Петербургского СВУ МВД России.

Новизна нашего исследования заключается в специфике его объекта и оригинальности дизайна, а практическая значимость — в прикладном его характере.

Цель исследования — сравнительный анализ особенностей НЛ воспитанников СВУ, разделенных по внешним критериям: курс обучения, желание служить в МВД и группа психологического здоровья (ГПЗ).

Выборка составила 148 испытуемых мужского пола в возрасте от 14 до 18 лет, обучающихся на 1 (n=67), 2 (n=44) и 3 (n=37) курсах, прошедших при поступлении медицинский и психологический отбор.

Сопоставление независимых выборок курсантов разных курсов по частоте встречаемости 3 типов НЛ осуществлялось с помощью χ^2 -критерия Фишера, а сравнительный анализ психодиагностических показателей различных градаций испытуемых с помощью непараметрических критериев (IBM SPSS Statistics 21).

Результаты исследования. 23% всех испытуемых имели НЛ на себя. Частоты её встречаемости на 1, 2 и 3 курсах (28, 16 и 23 %) достоверных отличий не выявили. У 27% общей выборки преобладала НЛ на общение (31, 39 и 5 % от числа испытуемых 1, 2 и 3 курсов), причем достоверность различий подтверждена при сравнении долей данного типа НЛ на 1 и 3 курсе ($p < 0,001$). НЛ на дело, отмеченная у 50% выборки, в том числе у 41, 45, 70% испытуемых 1, 2 и 3 курсов, показала достоверные отличия в частоте её встречаемости у 3-курсников по сравнению с 1 ($p < 0,01$) и со 2 ($p < 0,05$) курсом.

Сравнение показателей НЛ у испытуемых разных курсов показало лишь достоверно более высокие значения НЛ на дело у 3 курса, чем у 1 ($p < 0,05$). При этом на графиках средних значений показателей 3-х курсов отмечено линейное снижение 1-х 2-х показателей НЛ и повышение 3-го.

Сравнение независимых выборок, разделенных по «желанию служить в МВД» на основе анкетного опроса ($n_1=49$ и $n_2=96$) достоверных отличий по показателям НЛ не выявило.

Сравнение независимых выборок ($n_1=50$, $n_2=50$ и $n_3=45$), разделенных по ГПЗ на основе результатов обследования испытуемых с помощью подростковой версии Психодинамически ориентированного личностного опросника (ПОЛО) «Ресурс» (В.А. Шаповала) показало достоверные отличия 3 ГПЗ по всем 3-м показателям НЛ от 1 и 2 ГПЗ, причем на графике средних отмечено линейное повышение показателя НЛ на себя от 1ГПЗ к 3ГПЗ и линейное снижение НЛ на общение и на дело от 1ГПЗ к 3ГПЗ. Характер данной зависимости был подтвержден достоверными результатами корреляционного анализа (по Спирмену) показателей НЛ и показателя ресурс личностной конструктивности ПОЛО «Ресурс» ($p < 0,01$), на основе которого осуществлялась градация испытуемых на ГПЗ.

Выводы. НЛ воспитанников 3 курса, а также отнесенных к более высоким ГПЗ (1 и 2) в большей степени ориентированы на дело, добросовестное и ответственное выполнение учебных и служебных задач, конструктивное сотрудничество. Типы НЛ обнаруживают достоверную связь не с декларируемым «желанием или нежеланием служить в МВД», а с курсом обучения и ГПЗ, базирующейся на качестве неосознаваемых центральных Я-функций личности. Психодиагностические показатели НЛ могут служить валидными ориентирами профессиональной направленности воспитанников и эффективности функционирования образовательной системы СВУ.

Коммуникативные потребности подростков в общении с родителями в форматах «онлайн» и «офлайн»

Старший подростковый возраст, детско-родительские отношения, общение, общение «онлайн»

Феномен общения в интернете в информационном российском обществе активно изучается (А.Е. Войскунский, Е.П. Белинская, А.Е. Жичкина, Т.Д. Марцинковская, Н.Е. Голубева, Г.У. Солдатова, Е.И. Рассказова, О.А. Карабанова, М.А. Георгиевская и др.). Однако, детско-родительское общение, опосредствованное информационно-компьютерными технология, т.е. общение «онлайн», остается малоизученным.

Цель: изучить выраженность коммуникативных потребностей (КоммП) подростков в общении с родителями в форматах «онлайн» и «офлайн». Выборка: 128 старших подростков 15-17 лет. Методики: 1). Inventory of Parent and Peer Attachment (IPPA) (Armsden, Greenberg 1987); 2). авторский опросник для изучения мотивационно-потребностного компонента общения подростков с родителями — Форматы общения подростков с родителями (ФОПР) (Ларин, 2020). ФОПР состоит из двух основных шкал, для выявления потребности подростков в общении с родителями в форматах «онлайн» и «офлайн», каждая из которых включает девять субшкал, характеризующих КоммП подростков, выделенные в классификации Л.И. Марисовой (1978): потребности 1. другом человеке и во взаимоотношениях с ним (ПДр); 2. принадлежности к социальной общности (ППр); 3. сопереживании и сочувствии (ПСоп); 4. заботе, помощи и поддержке со стороны других (ППодд); 5. оказании помощи, заботы и поддержки другим (ПЗаб); 6. установлении деловых связей для осуществления совместной деятельности и сотрудничестве (ПСотр); 7. постоянном обмене опытом, знаниями (ПОбОп); 8. оценке со стороны других, уважении, авторитете (ПУваж); 9. выработке общего с другими людьми понимания и объяснения объективного метода и всего происходящего в нем (ППоним).

Психометрические характеристики ФОПР отражают достаточную внутреннюю согласованность и расщепленную надежность для двух шкал (α Кронбаха = 0,713; k Спирмена Брауна = 0,682) и девяти субшкал ФОПР (α Кронбаха = 0,892 и 0,908; k Спирмена-Брауна = 0,815 и 0,869).

Методом кластерного анализа выделены три группы подростков, значительно различающиеся характеристиками детско-родительских отношений (ДРО) (критерий Краскала-Уоллеса): 1). более гармоничные отношения с отцом, чем с матерью (24 %); 2). гармоничные отношения с обоими родителями (50 %); 3). более гармоничные отношения с матерью, чем с отцом (26 %).

Результаты. ПСотр является наиболее выраженной КомМП в общении с родителями для трех выделенных групп подростков. Подростки с более гармоничными отношениями с одним из родителей реализуют ПСотр в форматах общения с родителями «онлайн» и «офлайн», а подростки с гармоничными отношениями с обоими родителями, реализуют ПСотр, в основном, в формате «онлайн».

Второй, по выраженности, для трех выделенных групп подростков, выступает в общении подростков с родителями КомМП ПДр. Подростки с более гармоничными отношениями с одним из родителей реализуют ПДр в форматах общения «офлайн» и «онлайн», а подростки с гармоничными отношениями с обоими родителями для реализации ПДр чаще используют общение «онлайн», а для реализации ППр и ПОбОп «офлайн» общение.

У подростков с более гармоничными отношениями с отцом ППр является более выраженной при общении «офлайн», а при общении «онлайн» -- более выражена ПЗаб. У подростков с более гармоничными отношениями с матерью наиболее выраженной при общении «офлайн» является ППодд, а при общении «онлайн» -- ПУваж.

Апробирован авторский опросник ФОПР. Установлено, что существует связь между особенностями детско-родительских отношений в подростковом возрасте и выраженностью коммуникативных потребностей подростков в общении с родителями в форматах «онлайн» и «офлайн».

1. Ларин И.А. Место онлайн и офлайн коммуникации в общении подростков и их родителей // *Дипломная работа*. Москва, МГУ. 2020. — 111 с.
2. Armsden G.C., Greenberg M.T. The inventory of parents and peers attachment // *Journal of Youth and Adolescence*. 16(5). 1987. — P. 427 — 454.

Стремление к самоизменениям и его предикторы в период ранней взрослости

Самоизменение, стремление к самоизменениям, личностный динамизм, саморазвитие, открытость опыту, самоэффективность, концепция изменяемости, ранняя взрослость

Все большее число современных исследований подтверждает тезис о том, что личностные изменения представляют собой не столько итог конкретных событий или изменений социальных ролей, сколько результат активной позиции самой личности. В психологии развития уже давно является установленным, что в период взрослости вклад саморазвития существенно повышается по сравнению с детско-юношеским этапом. Зарубежные исследователи говорят о том, что люди активно развиваются посредством постановки целей, направленных на поддержание или изменение своих актуальных характеристик, используя при этом понятие «самоизменение» (self-change) наряду с понятием саморазвития, а произвольное, саморегулируемое изменение рассматривается как один из механизмов личностного развития в течение жизни. Особое значение этот процесс приобретает в период ранней взрослости, когда происходит становление самостоятельности, авторства собственной жизни, когда личность максимально открыта к различным влияниям и, вместе с тем, уже обладает свободой выбора.

Целью данного исследования явилось изучение стремления к самоизменениям и его предикторов у студенческой молодежи.

Стремление к самоизменениям является частью процесса самоизменений, отражающей ее мотивационно-ценностный компонент — желание и направленность изменений собственной личности и жизни; оно может характеризоваться как общей направленностью на изменения (динамический аспект), так и определенными стремлениями по изменению собственной личности, отражающимися в целях самоизменений (содержательный аспект). Динамический аспект стремления к самоизменениям близок к понятию «личностный динамизм» (Д.А. Леонтьев).

Выборку составили 93 студента вузов Санкт-Петербурга, 36 мужчин и 57 женщин 18-25 лет, средний возраст 19,7 лет. Методики: «Личностный динамизм» (Д.А. Леонтьев, Д.В. Сапронов), шкала оценки концепции изменяемости (К. Двек), шкала удовлетворенности жизнью (Э. Динер), шкала самоуважения (М. Розенберг), тест самоэффективности (Дж. Маддукс, М. Шеер), краткий опросник черт Большой пятёрки (ТРИ, КОБТ) (Т.В. Корнилова, М.А.Чумакова) и его модифицированный вариант «Цели личностных изменений», анкета о желании и опыте самоизменений.

Результаты исследования показали довольно высокое стремление к самоизменениям у молодых взрослых: большая часть респондентов хотели бы что-то изменить как в своей жизненной ситуации, так и в своей личности (92,5% по обоим вопросам). План жизненных и личностных изменений имеют около 60% респондентов. Опыт

изменений в прошлом для двух сфер различается: опыт самоизменений своей личности имели 90,3% респондентов, в сфере жизненных ситуаций — 79,6%. Наиболее актуальной для респондентов целью самоизменений является увеличение эмоциональной стабильности (88,2% стремятся быть более эмоционально стабильными); наименее — экстраверсия (62,4%). В целом, респонденты стремятся к увеличению выраженности всех базовых черт, а цели изменений своей личности превышают цели сохранения стабильности личностных черт.

Регрессионный анализ позволил изучить предикторы личностного динамизма и целей самоизменений. На личностный динамизм влияют: самоэффективность, имплицитная концепция изменяемости и экстраверсия, то есть стремление к изменениям повышается с увеличением уверенности в положительном результате своих действий, преобладанием внутренней концепции изменяемости личности, повышением активности, общительности, направленности на поиск впечатлений (дисперсия модели 40,1%). Из пяти целей самоизменения личности значимая модель построена только для «открытость опыту», на которую влияют самоуважение и открытость опыту как черта (дисперсия модели 13,2%). Таким образом, цели самоизменения, связанные с увеличением гибкости, экспрессивности, широты кругозора склонны ставить молодые люди, уже обладающие этими качествами, а также характеризующиеся позитивным отношением к себе, что возможно связано с актуальностью данных качеств в современном обществе.

Исследование поддержано грантом РФФИ №№18-013-00703

Динамика временной перспективы в студенческом возрасте

Временная перспектива, динамика, студенческий возраст

Развитие потребительских установок и инфантилизма в молодежной среде, которые отмечают многие исследователи, приводят к дисгармонии временной перспективы у молодых людей. Это проявляется у студентов в доминировании настоящего и отсутствии ориентации на будущее, недостаточной рефлексии своего прошлого, что искажает сферу мотивации и умение рационально планировать свою жизнь. Это отражается на поведении студентов в вузе и снижении их успеваемости. Поэтому изучение временной перспективы студентов и возможностей ее коррекции является одной из актуальных проблем, от решения которой зависит повышение эффективности системы высшего образования и формирование профессиональных компетенций будущих специалистов.

Целью нашего исследования было выявление динамики временной перспективы в студенческом возрасте в ситуации ее естественного формирования в процессе обучения в вузе и исследование связи временной перспективы с характеристиками смыслового кризиса, уровнем тревожности и показателями успешности обучения.

Методики исследования: опросник временной перспективы Зимбардо, проективная методика «Жизненный путь», графический тест Коттла, методика «Пятилетние интервалы» А.А. Кроника, Е.А. Головахи, опросник смыслового кризиса (К.В. Карпинский), шкала ситуативной и личностной тревожности Спилбергера-Ханина. В лонгитюдном исследовании принимали участие 133 студента Новосибирского государственного медицинского университета, обучающиеся по специальности «Клиническая психология». У одних и тех же студентов психодиагностическое исследование с помощью указанных выше методик было проведено вначале обучения и через год.

Результаты исследования показали следующее:

1. При исходном исследовании параметров временной перспективы у большинства студентов преобладает несбалансированная временная перспектива. Временные зоны более чем у половины студентов не связаны между собой, преобладает выделение зоны будущего. Однако, как показывают проективные методики, оно имеет негативную окраску, признаки тревоги и неопределенности.

2. При исследовании динамики временной перспективы у студентов через год установлено увеличение показателей ориентации на будущее по методике Зимбардо, однако при этом наблюдается снижение частоты выделения зоны будущего по проективной методике «Круги Коттла», что свидетельствует о несовпадении рациональных и иррациональных бессознательных установок, определяющих статус будущего среди других компонентов временной перспективы. Возрастает частота нормативной

связи временных зон, снижается частота избыточности их связи. Возрастает процент студентов, относящих себя к более старшему психологическому возрасту.

3. При проведении корреляционного анализа установлена положительная взаимосвязь негативного прошлого и фаталистического настоящего с личностной тревожностью. Негативное прошлое и будущее прямо, а гедонистическое настоящее и позитивное прошлое обратно связаны с показателями смысложизненного кризиса.

4. Установлено, что показатели будущего и фаталистического настоящего у лиц мужского пола значимо ниже, чем у лиц женского пола. Показатели фаталистического настоящего значимо выше у студентов с несбалансированной временной перспективой и высокой личностной тревожностью. Показатели негативного прошлого значимо выше, а показатели позитивного прошлого и будущего значимо ниже у лиц с высокими показателями смысложизненного кризиса.

5. Получены данные, свидетельствующие о том, что у неуспевающих студентов ориентация на будущее менее выражена, чем у успевающих. Это позволяет предположить, что развитие у неуспевающих студентов ориентации на будущее с помощью специально разработанных психолого-педагогических процедур может привести к повышению мотивацию к обучению и способствовать улучшению их показателей учебной деятельности.

Самооценка готовности к взрослению у подростков в современных социокультурных условиях

Взросление, подростки, самооценка готовности к взрослению, самооценка зрелости, социокультурная ситуация развития

В условиях современной социокультурной действительности отмечается негативная динамика показателей готовности подростков к взрослению [2; 4; 5], традиционно рассматриваемых как одно из центральных новообразований личности в подростковом возрасте. Анализ литературы позволяет предположить, что закономерности взросления подростков сегодня отличаются от тех, которые были описаны в середине XX века. В нашем исследовании динамика самооценки готовности к взрослению в контексте изменения социокультурных условий личностного становления анализируется путем сопоставления данных, полученных в 1998 и 2019 гг.

Материалы и методы. В исследовании принимали участие петербургские подростки в возрасте 13-16 лет: $n=76$, 59.2 % девочек в 1998 г.; $n=150$, 51.3 % девочек в 2019 г. Сбор эмпирических данных осуществлялся с помощью модифицированной Методики изучения самооценки Дембо-Рубинштейн, с полюсами самооценочных шкал «ребенок — взрослый» и «человек, не готовый к тому, чтобы стать взрослым — человек, готовый к тому, чтобы стать взрослым». Статистическая обработка осуществлялась с помощью Statistica 12.0 и включала расчет описательных статистик и дисперсионный анализ (F).

Результаты. Показатели самооценки зрелости подростков, полученные в 2019 г., достоверно ниже, чем показатели 1998 г. ($F=4.12$). Аналогичные различия получены по показателю самооценки готовности быть взрослым ($F=3.97$). Динамика самооценки зрелости в 1998 г. носила линейный характер и последовательно повышалась от возраста 13 лет к возрасту 16 лет ($F=3.40$). В 2019 г. самооценка зрелости возрастает с период с 13 до 15 лет, но существенно снижается к 16 годам ($F=2.99$). В обоих исследованиях мальчики декларируют более высокую самооценку зрелости, в сравнении с девочками ($F=3.23$ и $F=3.02$ в 1998 и 2019 гг. соответственно), однако показатели самооценки готовности быть взрослым не различаются.

Обсуждение и выводы. На основании полученных результатов можно констатировать снижение самооценки достигнутой зрелости и субъективной готовности к реализации возрастной роли взрослого у подростков 13-16 лет в течение последних десятилетий, что может указывать на изменение нормативных стратегий взросления подростков в современных социокультурных условиях, в сравнении со второй половиной XX века. Такая интерпретация поддерживается данными о более яркой выраженности описанных тенденций в мегаполисе, где социокультурная ситуация взросления изменяется интенсивнее, в сравнении с небольшими городами [1]. «Критическая точка» в динамике самооценки взросления в современных условиях приходится на 15-летний возраст и, вероятно, сопряжена с окончанием средней школы и

первой ситуацией жизненного выбора. Взросление мальчиков является более внутренне противоречивым, в сравнении с девочками, что, вероятно, отражает существующие в современном российском обществе «двойные стандарты взросления» [3].

1. Безгодова, С. А. Отношение к взрослению у старших подростков Санкт-Петербурга и Смоленска в контексте их жизнестойкости // С. А. Безгодова, А. В. Микляева, В. В. Терещенко // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2018. — № 3 (75). — С. 77–84.
2. Гаврилова, Т. А. Самооценка взрослости у школьников 1980-х и 2010-х гг. / Т. А. Гаврилова, Ф. А. Швец // Вопросы психологии. — 2015. — № 5. — С. 13–21.
3. Микляева, А. В. Личностный инфантилизм в постиндустриальном обществе. Социально-психологический подход к проблеме инфантилизации личности в условиях современной социальной действительности. — Дюссельдорф: LAP LAMBERT, 2018. — 224 с. — ISBN: 978-613-9-97962-2.
4. Поливанова, К. Н. Взросление пятиклассников: 1960-е vs 2010-е / К. Н. Поливанова, А. А. Бочавер // Вопросы образования. — 2017. — № 2. — С. 185–205.
5. Толстых, Н. Н. Современное взросление / Н. Н. Толстых // Консультативная психология и психотерапия. — 2015. — Том 23, № 4. — С. 7–24.

Работа выполнена в рамках государственного задания при финансовой поддержке Минобрнауки России (проект № FSN-2020-0027)

Представления о цифровом волонтерстве молодежи периода вступления во взрослость

Волонтерство, цифровое волонтерство, период вступления во взрослость, социальные представления

Волонтерская деятельность является добровольной и бескорыстной деятельностью по оказанию помощи нуждающемуся (Алмазова и др, 2017). Наблюдается активное развитие популярности волонтерской деятельности в РФ в последние годы, что обусловлено в том числе и легализацией статуса волонтерской деятельности на законодательном уровне — принятием федерального закон о волонтерской деятельности 1 мая 2018 года. Отдельной формой добровольческой деятельности выступает цифровое волонтерство, которое в широком понимании рассматривается как форма волонтерства, реализуемая посредством интернета (Cravens, 2007; Mukherjee, 2011). Одной из наиболее активных возрастных групп, участвующих в деятельности по оказанию бескорыстной помощи, является молодежь периода вхождения во взрослость. 17-22 лет являются периодом самоопределения через активное взаимодействие с окружающим социальным миром, в том числе потенциально в рамках деятельности человека помогающего и заботящегося о других. Социологические исследования демонстрируют возрастающую заинтересованность современной молодежи в участии в волонтерской деятельности, в том числе и в цифровой форме (Башева, Ермолаева, 2020).

Целью нашего исследования было изучение особенностей представлений современной молодежи о волонтерстве, в том числе о цифровом волонтерстве. В условиях информационной социализации наблюдается значительное возрастание интереса к использованию интернета в различных видах активности, включая волонтерскую. В исследовании приняло участие 104 человека в возрасте от 17 до 22 лет. В нашем исследовании была использована оригинальная методика анализа представлений о волонтерской деятельности. Данные были собраны в дистантной форме, посредством интернет-опроса. Полученные результаты позволили выделить позитивное и достаточно дифференцированное отношение молодежи к волонтерской деятельности. Проанализированы представления о формах реализации цифрового волонтерства, выделена специфика интернет-волонтерства по сравнению с традиционной формой добровольческой активности. Качественный анализ результатов позволил выделить основные преимущества и ограничения цифрового волонтерства. Был проведен анализ гендерных различий в особенностях понимания содержания добровольческой деятельности, особенностях цифрового волонтерства: девушки более активны в волонтерской активности по сравнению с юношами (t-критерий, $p < 0,05$), имеют более четкие представления о форме и содержании волонтерской деятельности. Было показано, что наличие опыта волонтерства повышает дифференцированность оценки значения, содержания, возможностей волонтерской деятельности. Проанализировано видение возможностей привлечения молодежи к различным проектам волонтерского характера: государственная поддержка, участие ВУЗов на этапе

привлечения и организации добровольческой активности, реклама в социальных сетях, пример значимого социального окружения рассматриваются как эффективные способы популяризации волонтерства.

1. Алмазова О.В., Пряжников Н.С., Чурбанова С.М. Профориентация в системе социального волонтерства// Национальный психологический журнал. — 2017. — № 1(25). — С. 45-55.
2. Башева О. А., Ермолаева П. О. Феномен цифрового волонтерства в чрезвычайных ситуациях: сущность, виды, теоретические рамки // Вестник Института социологии. 2020. -Том 11. — No 1. — С. 47–69. DOI: 10.19181/vis.2020.11.1.625
3. Молчанов С.В., Алмазова О.В. , Поскребышева Н.Н. Когнитивные способы переработки социальной информации из интернет-сети в подростковом возрасте. // Национальный психологический журнал. — 2018. — №3(31). — С. 57-68.
4. Cravens, Jayne (2007) Online Volunteering Enters Middle Age. Nonprofit Quarterly, 2, 65-68.
5. Mukherjee D. (2011). Participation of older adults in virtual volunteering: a qualitative analysis. Ageing International, Vol. 36 (2), 253–266

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ проекта «Моральная идентичность как условие участия в волонтерской деятельности молодежи-пользователей социальных сетей в период вхождения во взрослость» № 20-013-00439

Особенности использования механизмов морального самооправдания в подростковом возрасте. Кросс-культурный анализ

Моральное развитие, механизмы морального самооправдания, подростковый возраст, кросс-культурный анализ

Моральное развитие является одной из центральных линий личностного развития в подростковом и юношеском возрасте. В условиях информационной социализации молодежь сталкивается с многообразием моральных и социальных норм, присущих для различных социальных и культурных групп (Марцинковская, 2012). Это повышает вероятность столкновения с новыми и противоположными нормами взаимодействия при межличностной взаимодействии, в частности при межкультурной коммуникации. Развитие ориентировки на личный и индивидуальный интерес, неготовность к принятию позиции другого повышает вероятность потенциального аморального поведения, значение которое должно быть обосновано для самого себя с целью сохранению позитивной самооценки. А. Бандура предложил модель механизмов морального самооправдания, которые являются социо-когнитивными процессами, оправдывающими собственные действия, приносящих вред другому с целью сохранения самооценки (Молчанов, 2019). Были выделены механизмы моральной самооправдания: моральное оправдание, речевой эвфемизм, сравнение как оправдание, распределение ответственности, дегуманизация жертвы, атрибуция вины (Bandura, 2015).

Целью исследования был кросс-культурный анализ особенностей использования механизмов морального самооправдания в подростковом и юношеском возрасте, а также анализ гендерных различий. В исследовании приняли участие 307 подростков от 13 до 18 лет ($M=15,5$; $SD=1,39$) из России (148 человек) и Азербайджана (159 человек). Из них 125 юношей и 182 девушки.

Для российской молодежи иерархия предпочтений механизмов морального самооправдания составила: дегуманизация жертвы, атрибуция вины, моральное оправдание, речевой эвфемизм, искажение последствий, диффузия ответственности, распределение ответственности, оправдательное сравнение. Иерархия предпочтений азербайджанской молодежи состоит: дегуманизация жертвы, моральное оправдание, атрибуция вины, речевой эвфемизм, диффузия ответственности, искажение последствий, распределение ответственности, оправдательное сравнение. И для российских, и для азербайджанских подростков самыми выраженными являются механизмы «дегуманизация жертвы», «атрибуция вины» и «моральное оправдание», а самым невыраженным — «оправдательное сравнение». Механизмы «речевой эвфемизм» и «дегуманизация жертвы» значительно чаще используется подростками Азербайджана, чем России, а механизм «атрибуция вины», напротив, значительно чаще используется подростками России. Был проведен анализ оценок всех механизмов морального самооправдания отдельно для девушек и юношей России и Азербайджана. В России у юношей выраженность всех механизмов, кроме «дегуманизация жертвы»,

«оправдательное сравнение» и «распределение ответственности» значимо выше, чем у девушек (t -критерий, $p < 0,05$). Тогда как в Азербайджане девушки значимо чаще, чем юноши используют «речевой эвфемизм» (t -критерий, $p < 0,05$), по другим механизмам различий нет. Проведенный одномерный дисперсионный анализ (два фактора — пол и возраст) показал, что для некоторых механизмов морального самооправдания можно отметить, что значимо пересечение двух факторов — пол и страна, что означает, что выраженность механизмов самооправдания определяется не только и не столько страной или полом, сколько взаимодействием этих двух факторов.

1. Марцинковская Т.Д. Информационная социализация в изменяющемся информационном пространстве // Психологические исследования, 2012. Т. 5. № 26. С. 7. <http://psystudy.ru/num/2012v5n26/766-martsinkovskaya26.html>
2. Молчанов С.В. Моральное самооправдание как миф «моральной свободы» личности. Национальный психологический журнал., 2019. 12(3), с. 60-70.
3. Bandura, A. Moral Disengagement: How People Do Harm and Live with Themselves. New York, NY: Worth. 2015.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ проекта «Личностные и когнитивные факторы использования подростками механизмов морального самооправдания девиантного поведения (буллинга и кибербуллинга) в условиях информационной социализации» № 19-013-00823

Мотовилова Р.В.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Александрова О.В.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Особенности переживания комперсии в партнерских отношениях

Комперсия, полиамория, партнерские отношения, романтические отношения, ревность

Комперсия — чувство радости от того, что партнер вовлечен в другие романтические и/или сексуальные отношения и получает от них удовольствие [2]. Комперсия часто трактуется как чувство противоположное ревности. Феномен комперсии обычно обсуждается в контексте полиаморных отношений, набирающих все большую популярность. По статистическим данным Newsweek за 2014 год, в США более 500 тысяч людей живет в открытых полиаморных семьях [1]. Однако и полиамория, и связанные с ней феномены по-прежнему подвергаются стигматизации и мифологизации. Научные исследования представлены крайне узко как в России, так и за рубежом.

Целью данной работы было изучение особенностей переживания комперсии в партнерских отношениях. Объектом исследования — переживание комперсии. Предметом — комперсия в партнерских отношениях и комперсия, вызванная отношениями партнера и метамура.

В исследовании принял участие 71 респондент в возрасте от 18 до 50 лет, от респондента требовалось идентифицировать себя как полиамор, состоять в настоящий момент в партнерских отношениях и иметь как минимум одного метамура. (Метамур — партнер партнера, при этом не являющийся сексуальным или романтическим партнером говорящего [2].)

В исследовании использовались: Интегративный тест тревожности, Опросник межличностных отношений, Торонтская Алекситимическая Шкала, Опросник качества жизни ВОЗ, методика «Шкала дифференциальных эмоций», авторский опросник отношений с партнером и метамуром. Применялись следующие математико-статистические методы обработки данных: методы описательной статистики, метод сравнения двух независимых выборок (критерий U-Манна-Уитни), анализ таблиц сопряженности (критерий хи-квадрат Пирсона), а также проводился качественный анализ.

В рамках исследования было установлено, что респонденты, переживавшие комперсию в партнерских отношениях, имеют более низкие показатели выраженности компонента «социальные реакции защиты», как в составе личностной, так и в составе ситуативной тревожности ($p \leq 0,05$). Также было обнаружено, что респонденты, переживавшие комперсию, вызванную отношениями партнера и метамура, лучше относятся к метамуру ($p \leq 0,01$), отличаются большей выраженностью реакции радости ($p \leq 0,01$), меньшей выраженностью реакций отвращения ($p \leq 0,01$) и презрения ($p \leq 0,05$) и меньшей выраженностью негативных эмоциональных реакций в целом ($p \leq 0,05$) на отношения партнера и метамура. В свою очередь респондентов,

переживавших ревность, вызванную отношениями партнера и метамура, отличало более негативное отношение к метамуру ($p \leq 0,01$), более высокие показатели индекса негативных ($p0,001$) и индекса тревожно-депрессивных ($p0,001$) эмоций, как реакции на отношения партнер–метамур, а также непосредственно более высокие показатели горя ($p0,001$), гнева ($p \leq 0,05$), отвращения ($p0,001$), презрения ($p \leq 0,01$), страха ($p0,001$) и вины ($p \leq 0,01$). Респонденты, переживавшие комперсию в партнерских отношениях, демонстрировали разнообразие форм построения отношений (отношения на расстоянии, брак, отношения по типу триады, анархичная полиамория) и типов отношения к метамуру (дружеское, приятельское, влюбленность).

Проведенное исследование показало присутствие различий между людьми, имеющими и не имеющими опыт переживания комперсии. Кроме того, полученные данные свидетельствуют, что переживание ревности и переживание комперсии в отношениях демонстрируют противоположные тенденции, однако, характеризуются и другими уникальными для каждого связями, поэтому представляется некорректным говорить о полной противоположности данных феноменов.

1. Карлин Е.А. Полиамория как форма отношений. Размышления в контексте психотерапии // Журнал практической психологии и психоанализа. 2017. №2. URL: <https://psyjournal.ru/articles/poliamoriya-kak-forma-otnosheniy-razmyshleniya-v-kontekste-psihoterapii> (дата обращения: 12.09.2019)
2. Veaux F. Glossary. Learning the Lingo // More Than Two. URL: <https://www.morethantwo.com/polyglossary.html> (дата обращения 17.10.2019).

Особенности генеративности и социальной желательности в период вхождения во взрослость

Генеративность, социальная желательность, вхождение во взрослость

Изучение развития личности в период вхождения во взрослость является востребованным направлением современных исследований. Понимание, какие механизмы сопровождают переход человека в самую продуктивную стадию жизненного периода, и исследование факторов достижения личностной зрелости в контексте современного глобального информационного общества представляют интерес для исследователей. Особую актуальность приобретает генеративность как желание передать свой опыт и навыки следующим поколениям. Под генеративностью мы понимаем овладение навыками участия в жизни следующих поколений путём передачи собственных умений и опыта, что предполагает высокий уровень умений ориентирования в возможных формах совершения личного вклада в следующие поколения (Эриксон Э., 1996; МакАдамс, Д. П., 1998; Полякова М.К., 2019). Структура генеративности может быть представлена следующими блоками: представления об ожиданиях со стороны семьи и общества (особенности идентичности и ролевые модели), представления об уже сделанном «вкладе» в более молодых людей, направленность на совершение вклада в будущее генеративная направленность и желание оставить наследие), отношение с собственным наставником, реализация генеративности (реальные действия) (Полякова, 2019). Отметим, что на важность представлений о возрастных ожиданиях и желание соответствовать требованиям культуры и общества, обращали внимание как в зарубежных исследованиях (МакАдамс, Д.П. 1998), так и в отечественных (Полякова М.К., 2019). Это указывает на особую роль мотивации человека быть одобренным окружающими в формировании особенностей генеративности.

Исследование проведено с целью изучения взаимосвязи особенностей генеративности с желанием получить одобрение окружающих. Выборку составили респонденты 17-21 год ($N=125$). Респонденты были поделены на две возрастные группы: 17-18 лет и 19-21 год. Использовались методики: Лойольская шкала генеративности (LGS) в адаптации О.Ю.Стрижицкой, М.К.Поляковой (2018), Список генеративных действий (GBC) и Методика диагностики тенденции к социальной желательности Д.Марлоу и Д.Краун. Статистический анализ данных проводился с корреляционного анализа (r -критерий Пирсона).

По результатам исследования было выявлено, что как в целом по всей выборке ($r=0,89$; $p<0,001$), так и в отдельных возрастных группах наблюдается сильная связь между генеративной направленностью и частотой совершения генеративных действий. Это может указывать на то, что в период вхождения во взрослость становление желания передачи себя следующим поколениям находит отражение в конкретных действиях. Уровень социальной желательности у респондентов 19-21 года был ниже у респондентов как с высоким уровнем генеративной направленности ($r=-0,23$; $p=0,037$), так и часто совершающих генеративные действия ($r=-0,22$; $p=0,044$). Это

может свидетельствовать о том, что эти два показателя являются отражением зрелости личности.

Таким образом, было показано, что в период вхождения во взрослость генеративная направленность находит отражение в поведении. Также были найдены указания на то, что, несмотря на социальный характер генеративности, для её становления важным является личностная автономия. Возможно, такие результаты связаны с успешным прохождением возрастного этапа идентичности.

1. Эриксон Э. Детство и общество. СПб., Ленато, АСТ, Фонд «Университетская книга», 1996.
2. McAdams D.P., Hart H.M., Maruna S. The anatomy of generativity/In D.P. McAdams and E. de St. Aubin (Eds.), Generativity and adult development: How and why we care for the next generation. Washington, DC, American Psychological Association Press, 1998. Pp. 7-43.
3. Полякова М. К. Теоретические подходы к пониманию генеративности: проблемы и перспективы // Мир науки. Педагогика и психология. 2019. №6.
4. Полякова М. К. Структура генеративности в период ранней взрослости // Петербургский психологический журнал 2019. №29. С. 38-59.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ,
проект 19-013-00812 А*

Динамика отношения к ребенку и удовлетворенности браком у женщин в период беременности и после рождения ребенка

Отношение к беременности, отношение к ребенку, удовлетворенность браком, отношение к супругу, пренатальная привязанность, постнатальная привязанность

Отношения с ребенком и супругом у женщин в перинатальный период — фундамент для всей последующей жизни ребенка. По результатам исследований, детерминантами постнатального отношения к ребенку являются первоначальный уровень психологической готовности к материнству и пренатальной привязанности к ребенку (Мещерякова С.Ю.,1996, Anver S., Bruno H.,2000). Результаты изучения динамики удовлетворенности браком до и после рождения ребенка противоречивы: в большинстве пар наблюдается значимое снижение, но в некоторых парах удовлетворенность браком может возрастать (Савеньшева С.С.,2016). В настоящее время данные процессы практически не изучены на российской выборке, а зарубежные исследования сосредоточены чаще всего на изучении динамики одного компонента: либо отношения к ребенку, либо к супругу, что обуславливает актуальность данного исследования. На решение этой задачи было направлено лонгитюдное исследование, целью которого являлось изучение особенности, взаимосвязи и динамики отношения к ребенку и удовлетворенности браком у женщин во время беременности и после рождения ребенка. В 1 части исследования приняли участие 68 беременных женщин (16 — 44 года), во 2 части — 21 женщина (22-44 года). На 1 этапе исследования для оценки отношения к еще не рожденному ребенку использовалась «Шкала материнской пренатальной привязанности» Дж. Кондона, для оценки отношения к беременности— «Тест отношений беременной» Добрякова И.В. На 2 этапе исследования в постнатальный период, для диагностики отношения к ребенку — «Шкала материнской привязанности к ребенку в постнатальный период» Дж.Кондона. На каждом этапе для изучения удовлетворенности браком использовался «Опросник удовлетворенности браком» Алешиной Ю.Е. Предполагалось, что отношение к ребенку до и после его рождения тесно связаны у женщин, и уровень привязанности к ребенку после рождения увеличивается, а удовлетворенность браком у женщин после рождения ребенка снижается.

Изучение динамики привязанности к ребенку и удовлетворенности браком и их сравнение с помощью t-критерия для зависимых выборок показало, что после рождения привязанность к ребенку увеличивается ($p<0,01$). Мы предполагаем, что это связано с возможностью реального взаимодействия с ребенком. А результаты динамики удовлетворенности браком показывают значимое снижение после рождения ребенка ($p<0,01$). Это может быть связано со многими факторами: снижение количества совместного времяпрепровождения, вхождение в новые роли, усталость и недостаток сна, возможные экономические трудности.

Корреляционный анализ выявил положительную связь удовлетворенности браком до и после рождения ребенка ($p < 0,05$), а также тесную связь показателей пре- и постнатальной привязанности.

Результаты регрессионного анализа отношения матери к ребенку до и после родов показали, что показатель поведения привязанности женщины в пренатальный период выступает предиктором общего показателя привязанности ($\beta = 0,668$; $p < 0,001$), качества привязанности ($\beta = 0,711$; $p < 0,001$) и удовольствия от взаимодействия с ребенком ($\beta = 0,439$, $p < 0,05$) у женщин в постнатальный период. Также прогностическим параметром для выявления показателя удовольствия от взаимодействия с ребенком является эйфорический тип отношения к беременности ($\beta = 0,462$, $p < 0,05$). В отношении к ребенку матери после рождения вносит положительный вклад качество привязанности к ребенку на пренатальном этапе ($\beta = 0,639$, $p < 0,01$).

Таким образом, гипотезы нашего исследования подтвердились.

1. Мещерякова С.Ю., Авдеева Н.Н., Ганошенко Н.И. Изучение психологической готовности к материнству как фактора развития последующих взаимоотношений ребенка и матери // Соросовские лауреаты. Философия. Психология. Социология–М., 1996–С.42
2. Савеньшева С.С. Динамика супружеских отношений при переходе к родительству: анализ зарубежных исследований // Психологические исследования. 2016. Т. 9, №47.С.11.
3. Anver S., Bruno H. Does maternal prenatal attachment predict postnatal mother–infant interaction? // Early Human Development, 2000, 59(1):13-25

Исследование взаимосвязи ценностей и экологического сознания старших подростков

Старший подростковый возраст, экологическое сознание, личностные ценности, мировоззрение, взаимосвязь ценностей и экологического сознания

Изучение детерминант и факторов формирования в онтогенезе экологического сознания (ЭС) эгоцентрического типа, основой которого является личностно-значимое отношение к природе и к человеку является теоретически и практически значимой задачей психологии развития и смежных областей науки (С.В. Дерябо, С.К. Нартова-Бочавер, В.И. Панов, В.А. Ясвин).

Старший подростковый возраст является сензитивным периодом становления иерархии ценностей, возрастом становления мировоззрения и собственного отношения личности к окружающей действительности.

Ценности выступают как личные идеалы, являются источником индивидуальной мотивации, смысловыми образованиями и определяют значимость для человека тех или иных объектов или явлений, «связывают» когнитивную и мотивационную сферы, интегрируя их в единую систему в структуре личности (Г.М. Андреева, Д.А. Леонтьев, Е.М. Дубовская, Е.П. Белинская, О.А. Тихомандрицкая, Д.В. Каширский).

Теория универсального содержания и структуры ценностей Ш. Шварца является широко известной и авторитетной (1994, 2000, 2005). На основании большого количества эмпирических исследований Ш. Шварцем (2012) предложена модификация модели.

Цель исследования: анализ ценностных структур личности как одного из факторов экологического сознания старшеклассников. Выборка: 182 подростка в возрасте 15-17 лет .

Методики: 1). Опросник экологического сознания [1]; 2). Методика ценностных ориентаций Ш. Шварца [2].

Исследование экологического сознания (ЭС) современных подростков. Подростки оценивают отрицательное влияние человека на природу как значительное, при этом ярко выражен эстетический компонент единения с природой и экологическая мотивация. Ряд характеристик ЭС, экологическая ответственность, единение с природой, -- представлены на среднем уровне. Предпочтение природной среды подростками незначительно, по сравнению с техногенной и социальной средами, что отражает риск экологических угроз (параметр ЭС «конфликт сред»).

Обнаружены значимые гендерные различия ЭС старших подростков.

Кластерный анализ позволил выделить три группы подростков отличающихся особенностями ЭС (критерий Краскала-Уоллеса): 1). высокий уровень восприятия экологических угроз при высоких уровнях единения с природой и экологической ответственности (34,07 %); 2). средний уровень восприятия экологических угроз при высоком -- восприятии конфликта сред и среднем -- единения с природой и экологической ответственности (16,48 %); 3). низкий уровень восприятия экологических

угроз при среднем -- восприятия конфликта сред и низким -- единения с природой и экологической ответственности (49,45 %).

Исследование ценностей. Анализ ценностей подростков показал преимущественную ориентацию подростков на ценности как личного, так и социального фокуса.

Для подростков высокую значимость имеют ценности «самостоятельность», «благожелательность», «безопасность», «универсализм», а низкую — ценности «конформизм», «традиции», «власть».

Выявлены как сходства, так и различия в трех группах, отличающихся показателями ЭС по предпочитаемому мотивационному типу ценностей, варьирующему по преобладанию социального, либо личного фокуса.

Модель ценностей Ш. Шварца (2001, 2012) позволяет изучать смысловые аспекты экологического сознания подростков, исследовать, какие смысловые структуры наблюдаются у старшеклассников с разным типом экологического сознания.

1. Панов В.И., Мдивани М.О., Лидская Э.В., Хисамбеев Ш.Р. Методика и результаты исследования иерархии экологических угроз в сознании разных возрастных групп жителей крупных городов России // Экопсихологические исследования—2: к 15-летию лаборатории экпсихологии развития: Монографический сб. / Под ред. В.И. Панова. — М.; СПб., 2011. — С. 103–119.
2. Шварц Ш., Бутенко Т.П., Седова Д.С., Липатова А.С. Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России. Психология. Журнал Высшей школы экономики, 2012, 9(2), 43–70.

Симаева И.Н.

Калининград, Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта
(БФУ им. И. Канта)

Петрова Т.Э.

Калининград, Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта
(БФУ им. И. Канта)

Взаимосвязь организаторских способностей и стилей семейного воспитания интеллектуально одарённых подростков

Организаторские способности, коммуникативные способности, одаренные дети, стили семейного воспитания

Развитие и социализация интеллектуально одаренных детей находится в фокусе внимания современных психологов и педагогов. Это обусловлено переходом к стадии информационной цивилизации, когда экономическое и социальное развитие общества обеспечивается в первую очередь научными достижениями, а также трансформацией идеологии общего образования в идеологию инклюзивного образования и воспитания, призванного удовлетворить особые образовательные потребности для обучения и развития личности, в частности— детей и подростков с высоким интеллектом. Проблема заключается в том, что в интеллектуальная одаренность не гарантирует индивидуальный успех и достижение поставленных целей самореализации. Одарённому ребенку необходимы качества, которые обеспечат возможность кооперации с другими индивидами: коммуникативные и организаторские способности, в формировании которых семья играет главенствующую роль. Анализ психологии одарённости ребенка [1; 3; 4], стилей семейного воспитания [5], а также проблем психологии общения [2] позволил предположить, что развитие организаторских и коммуникативных способностей у одаренных подростков связано с уровнем и характером протекции в стиле семейного воспитания. Эмпирическое исследование проведено на базе Центра современных компетенций детей БФУ им. И. Канта в г. Калининграде. Выборка составила 100 респондентов: 50 подростков 14- 16 лет (с IQ= 115-140) и 50 их матерей, в возрасте от 33 до 45 лет. Для диагностики использована методика «Анализ семейных взаимоотношений» Э.Г. Эйдемиллера и В.В. Юстицкиса и методика КОС-1 В.В. Синявского Б.А. Федоришина. Взаимосвязь стилей воспитания по АСВ и уровней организаторских и коммуникативных способностей по КОС-1 выявлена методом корреляционного анализа по Спирмену. Диагностика показала, что для одаренных подростков типичен средний уровень коммуникативных склонностей и организаторских способностей (Гэмпирич 13 Скритич 18 при $p=0,05$). Корреляционный анализ связи стилей воспитания и организаторских и коммуникативных способностей одаренных подростков выявил положительную связь между уровнем организаторских способностей и предпочтением в подростке детских качеств ($r=0,93$), вынесением конфликта в сферу воспитания ($r=0,84$) и расширением сферы родительских чувств ($r=0,72$). А также отрицательную корреляцию с гиперпротекцией ($r= -0,92$), игнорированием потребностей ($r= -0,91$), чрезмерностью санкций ($r= -0,93$), неустойчивым ($r= -0,93$) и неуверенным стилем воспитания ($r= -$

0,73). Уровень коммуникативных способностей коррелирует с потворствующим стилем воспитания ($r=0,7$) и предпочтением в подростковом возрасте детских качеств ($r=0,6$), обратная связь при недостаточности требований-обязанностей ($r=-0,6$). Выводы. Как высокий уровень доминирования матерей, так и гипопека негативно коррелируют с развитием организаторских и коммуникативных способностей у одаренных детей.

1. Бабаева Ю.Д., Брушлинский А.В., Дружинин В.Н., Ильясов И.И., Калиш И.В., Лейтес Н.С., Матюшкин А.М., Мелик-Пашаев А.А., Панов В.И., Ушаков Д.В., Шумакова Н.Б., Юркевич В.С. Рабочая концепция одаренности. Монография / Отв. ред. Боговяленская Д.Б. Науч. ред. Шадриков В.Д. — М.: изд-во ООО Магистр, 2003. 94 с.
2. Почебут Л.Г., Свенцицкий А.Л., Капустина А.Н., Чикер В.А., Гуриева С.Д., Сидоренко Е.В., Михалюк О.С., Куликов Л.В., Юмкина Е.А., Доминяк В.И., Панферов В.Н., Яничева Т.Г. Социальная психология общения.-М., 2017. Сер. Научная мысль. 256с.
3. Савенков А.И. Психология детской одаренности. —М.: Изд-во Юрайт, 2020. 334 с.
4. Холодная М.А. Психологические механизмы интеллектуальной одаренности //Вопросы психологии. — 1993. — №. 1. — С. 32-39.
5. Эйдемиллер Э. Г., Юстицкис В.В. Психология и психотерапия семьи — СПб.: Питер. — 2009. — 672 с.

Структура имплицитных концепций личностной незрелости у белорусов

Имплицитные концепции, личностная зрелость, личностная незрелость, обыденное сознание

Зрелость личности в функциональном измерении можно определить как такое количественно-качественное состояние ее развития, которое способно устойчиво сохранять психологическое здоровье и благополучие личности, обеспечивать полноценное функционирование в деятельности и в собственном развитии в изменяющихся условиях и обстоятельствах жизни. С позиций культурно-исторического подхода личностная зрелость — идеальная форма развития в период взрослости, эталон и одновременно норматив развития личности.

В обыденном сознании идеальные формы представлены в виде имплицитных концепций личности, формирование которых обусловлено социальными, историческими, культурными и идеологическими условиями жизни. Изучение имплицитных концепций личностной зрелости/незрелости, позволяет установить, каков эталон зрелой личности, сложившийся в обыденном сознании, а также на основе каких представлений судят о личностной зрелости или незрелости современники.

Цель исследования — определение структурных особенностей представлений о незрелой личности у белорусов. В нем приняли участие 322 испытуемых (63% — женщины, 37% — мужчины), в возрасте от 17 до 50 лет ($M=25,01$ лет). Основным инструментом измерения был разработанный личностный дифференциал (63 шкалы), который предъявлялся испытуемым дважды с различными инструкциями (представить лично зрелого и лично незрелого человека).

В результате факторного анализа получена четырехфакторная структурная модель личностной незрелости. Первый фактор составили характеристики, отражающие дефицитарность проявлений духовности у незрелой личности. Характеристики, вошедшие во второй фактор, описывают человека, незаинтересованного в собственном развитии, потерявшего ориентиры, вследствие этого никак не проявленного в социуме.

Третий фактор содержательно описывает незрелую личность, как неуспешную, безвольную, неудовлетворенную, сомневающуюся, ведомую, безинициативную, ограниченную. Все эти характеристики свидетельствуют об отсутствии автономии и способности к самодетерминации. Характеристики, отражающие дефицитарность осознанной саморегуляции (легкомысленный, безответственный, некомпетентный, несдержанный, зависимый, импульсивный, непродуктивный), образовали четвертый фактор.

Ранее нами была определена 4 факторная структурная модель имплицитных концепций личностной зрелости, включающая в себя духовность, автономию, способность к саморегуляции и социальную реализованность (Скворцова, 2018).

В сравнении со структурной моделью имплицитных концепций личностной зрелости, установленная в результате данного исследования структурная модель имплицитных концепций личностной незрелости, включающая бездуховность, отчуждение, зависимость и низкую способность к саморегуляции, является сходной по содержанию факторов, но несимметричной по структуре. В образе незрелой личности более значимое место занимает фактор отчуждения, отражающий дефицитарность смысловой регуляции жизнедеятельности.

Таким образом, свойственный обыденному сознанию белорусов образ незрелой личности, включает в себя характеристики, отражающие недостаток субъектного потенциала личности и дефицит духовно-нравственных качеств, что согласуется с рядом теоретических концепций.

В заключение отметим, что имплицитные концепции личностной зрелости и незрелости выступают, как теории-компаньоны, задающие ориентиры для построения будущего на этапе взросления, а их структурно — содержательные особенности представляют два полюса интервала, которые позволяют на субъективном уровне оценить степень приближения к личностной зрелости как оптимуму личностного развития.

1. Скворцова, Л.Л. Структура имплицитных концепций личностной зрелости у белорусов /Л.Л. Скворцова. —Текст: непосредственный // Личность в эпоху перемен: *mobilis in mobili* : Материалы международной научно-практической конференции 17-18 декабря 2018 / Под ред. Е.Ю. Патяевой, Е.И. Шлягиной. — М.: Смысл, 2018. — С. 242—244.

Спицына В.В.
Волгоград, ВГСПУ

Орлова М.С.
Волгоград, ВГСПУ

Лабодина К.В.
Волгоград, ВГСПУ

Из опыта коррекционной и развивающей работы на дисциплине «Детская практическая психология»

Волевая регуляция, произвольность, развитие речи, произвольность речевого общения, дошкольный возраст

В возрастной психологии одной из главных проблем на современном этапе остается проблема развития психических процессов, качеств, образований в дошкольном возрасте. Важное место принадлежит теоретическим и прикладным психолого-педагогическим аспектам развития произвольности. Исследования Д.Б. Эльконина показали, что основы произвольного поведения формируются по мере усложнения и развития игры, т.к. в ролевой игре со сверстниками формируются правила, а коллектив корректирует возможные отклонения от правил (Эльконин, 2008).

Функциями развития произвольности являются целеполагание, контроль и планирование. В работах З.М. Истоминой, А.В. Запорожца, Е.Е. Кравцовой говорится, что к возрасту 6-7 лет дошкольник приобретает способность произвольно регулировать свое общение со сверстниками и взрослыми (Кравцова, 1991).

Эмпирическое исследование особенностей произвольности речевого общения было организовано в контексте дисциплины «Детская практическая психология», и реализовано на базе МОУ «Детский сад №280 Ворошиловского района Волгограда». Для проведения исследований особенностей развития произвольности речевого общения, был использован диагностический инструментарий методики диагностики Л. Красильниковой «Да» и «нет» не говорите» (Лидерс, 1995).

В диагностике приняли участие 23 ребенка старшего дошкольного возраста.

44% — неверные ответы, которые содержали слова «да» или «нет». Ребенок, зная правила, не в достаточной степени может волевыми усилиями подчиняться этим правилам. Об этом косвенно свидетельствует малый процент ответов с исправлениями (3,5%). Около 3,3% — были молчанием, что свидетельствует о затруднении в речемыслительной деятельности построения своего высказывания.

Для проведения коррекционной и развивающей работы с детьми была избрана тактика развития процессов волевой регуляции в целом: для этого целесообразно использовать игры «Горячо — холодно», «Восьмерки вокруг стульев», «Рисование с закрытыми глазами» (Геворкян, Горбачева, Спицына, 2017). Среди трудностей, были отмечены затруднения использования речевой коммуникации для выражения своих эмоций. У многих детей отмечалась пассивность речевой деятельности, когда они подчинялись регуляции игровых действий со стороны взрослых, а при смене ролей не могли быть ведущими и давать команды взрослому, стереотипизированное поведение.

Исследование проходило в совместной работе студентов и преподавателя. В начале каждого занятия обсуждались цели и задачи работы, в завершении проходила рефлексия и планирование последующих этапов взаимодействия. Достижения студентов в исследовании характеризуется как опыт, полученный в:

- длительном взаимодействии (3 месяца) со всеми субъектами образовательного процесса;
- оформлении протоколов диагностической, коррекционной и развивающей работы;
- наблюдении проявлений детей в процессе коррекционной работы;
- понимании необходимости оказания психологической помощи детям, родителям, воспитателям.

Трудности студентов в исследовании: включение в режимные моменты и в распорядок дня подготовительной к школе группе детского сада, в выражении адекватного и профессионально — компетентного отклика на проявления детей и педагогов.

В следующем семестре студенты под руководством преподавателя (психолога) продолжили развивающую работу с детьми данной группы на практических и лабораторно-практических занятиях в курсе по выбору: «Психологическое сопровождение дошкольников».

1. Геворкян С.Г., Горбачева Е.О., Спицына В.В. Развитие произвольности речевого общения у детей старшего дошкольного возраста // Студенческий электронный журнал «Стриж». — 2017. — №5 (16).
2. Кравцова Е.Е. Психологические проблемы готовности детей к обучению в школе. — М.: Педагогика, 1991.
3. Лидерс А.Г. Развитие и коррекция произвольности речевого общения у детей 6-8 лет. Психология в начальной школе. — Волгоград, 1995.
4. Эльконин Д.Б. Детская психология. — М.: Академия, 2008.

Формирование научных понятий: теоретический и практический аспекты

Умственное развитие, возраст, научные понятия, образование

Проблема формирования научных понятий в школьном возрасте по праву считается одной из самых сложных в психолого-педагогической науке. Несмотря на богатство исследований, до сих пор многие ее аспекты остаются недостаточно изученными, к тому же полученные данные зачастую оказываются противоречивыми. К последним относятся сведения, касающиеся возрастных возможностей усвоения научных понятий.

Л.С. Выготский считал, что в проблеме развития научных понятий содержится ключ ко всей истории умственного развития ребенка. Выполненное Ж.И. Шиф под руководством Л.С. Выготского исследование, посвященное сравнительному анализу развития житейских и научных понятий (противопоставление спонтанного и произвольного, неосознанного и осознанного, несистемного и системного), стало хрестоматийным: было показано, во-первых, своеобразие пути развития научных понятий по сравнению с житейскими, и, во-вторых, как овладение в возрасте 11-12 лет научными понятиями перестраивает умственные процессы ребенка.

Формирование понятий выступило предметом изучения П.Я. Гальперина, который писал о том, что многие исследователи приходили к одному и тому же выводу относительно сроков овладения научными понятиями школьниками — к 12 годам. В силу этого делалось заключение о внутренней закономерности самого процесса. Однако проведенные П.Я. Гальпериным эксперименты позволили говорить о возможности при определенных условиях значительно более раннего усвоения детьми научных понятий, которое оказывается доступным уже к концу дошкольного возраста. При этом П.Я. Гальперин обратил внимание на важную особенность: совершенство приемов интеллектуальной деятельности составляет лишь потенциальные возможности умственного развития, и даже хорошее усвоение этих приемов не ведет к развитию в целом. Возможности реализуются лишь при условии, если они используются, а это имеет место только тогда, когда они отвечают интересам ребенка. Таким образом необходимо говорить о возрастных возможностях усвоения с учетом интересов ребенка, которые забегают вперед умственного развития. Из этих данных следует практический вывод, касающийся организации дошкольного образования, ошибочности наполнения его учебными по своему содержанию занятиями. Эти результаты согласуются с представлениями А.В. Запорожца о соотношении функционального и возрастного развития ребенка и об обогащении детского развития теми видами деятельности, которые являются ведущими на данном возрастном этапе.

Продолжая исследования П.Я. Гальперина, Н.Ф. Талызина также рассматривала условия образования полноценных научных понятий. Она выяснила причины формализма понятий в школьном возрасте и обнаружила, что осознанность как выделенная Л.С. Выготским особенность научных понятий не обеспечивает полноценного их усвоения: знание определения не является достаточным для овладения понятием.

Причина формализма в усвоении понятий — заучивание их определения без организации поэтапного усвоения. На основании этих исследований Н.Ф. Тальзина сделала важный в практическом отношении вывод о невозможности передачи понятий в готовом виде. Она показала, что даже в подростковом возрасте при стихийном формировании научных понятий, то есть без создания условий, обеспечивающих их усвоение с желаемыми свойствами, полноценные понятия не образуются.

Выполненное нами исследование убедительным образом показало, что дети 10-11 и 12-13 лет мало отличаются по показателям качества имеющихся у них понятий: при выполнении действия подведения под понятие они совершают одинаковые ошибки, опираясь при решении задачи одновременно на научные и обыденные представления.

Все это говорит о необходимости дальнейшей разработки программ обучения, с одной стороны, учитывающих возрастные возможности детей, а с другой — предполагающих специальную работу по формированию педагогом учебных, предметных по своему содержанию умственных действий.

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 19-013-00717

Кросскультурный подход к изучению психологической готовности к школе

Психологическая готовность к школе, дошкольное образование, школьное обучение, адаптация к школе

Проблема психологической готовности к школе не является новой, однако сохраняет свою актуальность. В научной литературе недостаточно данных, касающихся сведений о психологической готовности азербайджанских детей к школьному обучению. В Азербайджане дошкольное образование имеет свои особенности: до поступления в школу дети обязаны посещать специальные занятия по подготовке к школе, при этом в подготовительные к школе группы дети приходят из средних, минувшая традиционно существующие старшие. Анализ программы дошкольного образования, которая основывается на системе курикулума, показал, что занятия в подготовительной группе носят проучебный характер (арифметика, языки, грамота и развитие речи, чтение, окружающий мир). Сравнение же образовательной системы Азербайджана с образовательной системой России привело к выделению главного отличия — возраста будущих первоклассников [2, 3]. Этот факт побудил провести сравнительный анализ психологической готовности к школе бакинских и московских дошкольников.

Опираясь на работы российских авторов, мы рассматриваем психологическую готовность к школе как многокомпонентную структуру, включающую в себе мотивационную и интеллектуальную готовность, а также зрелость произвольной сферы. В исследовании были использованы следующие методики: диагностическая батарея Н.И. Гуткиной, методика исследования мотивации учения старших дошкольников и первоклассников (М. Р. Гинзбург) и методика «Узор» Л.И. Цеханской [1]. Кроме всего с каждым из дошкольников была проведена беседа с целью составления общей картины развития, интересов, увлечений.

Исследование проводилось в детских садах Баку (Азербайджан) и Москвы (Россия). Всего в исследовании приняло участие 113 дошкольников: 63 дошкольника подготовительных групп (5-6 лет) бакинских детских садов, средний возраст — 5 лет 9 месяцев и 50 московских дошкольников, из которых 25 дошкольников старшей группы (5-6 лет) и 25 дошкольников подготовительной группы (6-7 лет), средний возраст детей соответственно 5 лет 8 месяцев и 6 лет 9 месяцев.

В результате исследования были получены статистически значимые различия между бакинскими и московскими детьми подготовительной группы. При этом показатели московских дошкольников по всем методикам оказались выше, чем показатели бакинских. Что касается сравнения детей 5-6 лет, то показатели были разные: по каким-то у бакинских детей выше, по другим — у московских, но эти показатели не имели статистически значимых различий.

Анализ результатов исследования дает возможность сделать следующие основные выводы:

1. Дети 5-6 лет, вне зависимости от того, обучаются они в старшей или подготовительной группе, еще не обладают психологическими новообразованиями, которые входят в понятие психологической готовности к школе.

2. Современные дети 6-7 лет, так же, как и дети 5-6 лет, в подавляющем большинстве не обладают сформированной внутренней позицией школьника.

3. В структуре мотивационной сферы современных дошкольников наиболее распространены 3 вида мотивов: широкий социальный мотив (учеба как необходимое условие для получения профессии), мотив отметки и учебный мотив.

Суммируя, мы можем сделать практические выводы: дошкольники, посещающие подготовительную к школе группу, нуждаются в такой организации их жизни, которая способствовала бы формированию у них психологической готовности к школе. Это предполагает сосредоточение педагогических усилий в первую очередь на поддержании интереса дошкольников к специфически детским видам деятельности.

1. Гуткина Н. И. Психологическая готовность к школе Спб.: Питер, 2009. — 208 с: ил. 4-е изд., перераб. и дополн. — Серия «Учебное пособие».
2. <https://edu.gov.az/ru/page/255/4372>
3. <https://pravobraz.ru/federalnyj-gosudarstvennyj-obrazovatelnyj-standart-doshkolnoobrazovaniya/>

Исследование стратегий преодоления стресса у юношей и девушек

Стресс, стратегии, юношеский возраст, дифференциальные различия

В современном обществе жизнедеятельность человека неразрывно связана с влиянием различных негативных факторов, вызывающих физическое и эмоциональное напряжение, именуемое стрессом. Факторы стресса и пути их преодоления меняются в различные периоды жизни человека. Особенную важность данная проблема приобретает в юношестве, являющимся значимым для дальнейшего становления личности. Юность является достаточно сензитивным периодом в жизни человека и поэтому многие проблемы, возникающие в силу специфической возрастной ситуации глубоко отзываются у молодых людей и оказывают серьезное влияние на их психоэмоциональное состояние.

Для исследования дифференциальных различий в выборе стратегий преодоления стресса у юношей и девушек использовались следующие методики: Методика «Шкала психологического стресса PSM-25»; методика определения стрессоустойчивости и социальной адаптации Холмса и Раге; Юношеская копинг-шкала; павловский опросник темперамента; «Индикатор копинг-стратегий» Д. Амирхана.

Испытуемыми выступили 80 студентов в возрасте от 18 до 23 лет, из них 40 человек мужского пола и 40 человек испытуемых женского пола.

Проведенное эмпирическое исследование дифференциальных различий в использовании стратегий преодоления стресса у юношей и девушек показало сходства и различия в использовании копинг-стратегий. Для девушек характерны высокие были по таким шкалам стратегий, как «Социальная поддержка», «Работа», «Решение проблемы», «Беспокойство», «Чудо», «Принадлежность». Данный факт говорит о том, что помимо поиска решения проблемы, девушки также склонны искать помощь среди близкого окружения, беспокоятся о будущем, надеясь на то, что все само по себе урегулируется.

У юношей доминируют такие стратегии преодоления, как «Решение проблемы», «Работа», «Активный отдых», «Отвлечение». Большую часть ресурсов юноши направляют на конструктивное решение проблемы или на упорную работу и достижение успеха, имеется склонность справляться со стрессом физическими нагрузками или заниматься чем-нибудь, что помогает отвлечься.

Были выявлены также и общие тенденции в использовании стратегий преодоления стресса в юношеском возрасте. Доминирующим типом стратегий преодоления стресса среди респондентов является продуктивный. Ведущей стратегией преодоления стресса является стратегия решения проблем.

На основе корреляционного анализа методом дендрограмм, выявлены взаимосвязи показали, что такие возрастные особенности, такие как уровень подвижности,

торможения и возбуждения нервных процессов, влияют на выбор стратегий преодоления стресса. Показатель уровня торможения имеет взаимосвязь со стратегией «Духовность» на достоверном уровне значимости ($p \leq 0,0$), а также со стратегией «Друзья» ($p \leq 0,05$), что имеет непосредственную обуславливающую связь с уровнем стресса. Это указывает на то, что в юношеском возрасте могут быть определённые, характерные для данного периода, копинг-стратегии. Наиболее значимые связи обнаружены между непродуктивными стратегиями преодоления стресса. Показатель стратегии «Игнорирование» взаимосвязана со стратегией «Самообвинение» на достоверном уровне значимости ($p \leq 0,01$), что имеет непосредственную обуславливающую связь со стратегией «Разрядка» ($p \leq 0,05$). Непродуктивные формы влияют на удовлетворенность жизнью. Это говорит о том, что в большинстве своем, молодые люди, сталкиваясь с необходимостью выбора, часть могут быть недовольны им из-за неуверенности, давления родителей и т.д. Молодые люди, имеют стремление игнорировать проблему, но несмотря на это, не всегда могут скрыть свои эмоциональные проявления, которые могут выражаться также в самообвинении. Это связано с возрастной особенностью юношеского периода, который является наиболее сензитивным, а также взаимосвязью между нервными процессами, уровнем стресса и взаимодействием данных процессов с выбором стратегий преодоления стресса.

Проблема этического развития личности: философско-психологический обзор

Морально-нравственные ценности, этическое развитие, этическая психология личности

Морально-этические ценности определяли жизнь людей с древних времён. Однако на протяжении веков философы, психологи, педагоги постоянно полемизировали о сущности этических категорий и их месте в общественной и личной жизни. Согласно гуманистической этике Э. Фромма, человек способен «различать добро и зло и совершать этические оценки» на основе сформулированных им самим «правильных этических норм». В антропологическом подходе В.И. Слободчиков называет регулятором поведения духовность человека, представляющая собой «...принятие высших ценностей бытия человека как своих собственных» [5].

С.Л. Рубинштейн связывает этическое начало в человеке с «признанием другого как ценности, как субъекта развития и саморазвития, а не как объекта воздействия» [4]. Для такого отношения к другому важно положительное самоотношение, осознание себя как «самости». Б.Г. Ананьев указывает, что с накоплением опыта осознания себя субъектом поведения у человека развиваются рефлексивные свойства характера, которые «наиболее интимно связаны с целями жизни и деятельностью, ценностными ориентациями, установками, выполняя функцию саморегулирования и контроля развития, способствуя образованию и стабилизации единства личности» [1, с.280].

Этическое развитие личности осуществляется в процессе обучения и воспитания. На необходимость развития у детей в учебной деятельности нравственно-этической ориентации, включающую в себя способность оценивания усваиваемого содержания (исходя из социальных и личностных ценностей), обеспечивающее личностный моральный выбор, указывают А.Г. Асмолов, Г.В. Бурменская и др. [2, с.28].

О взаимосвязи воспитания и развития подрастающего поколения Б.Г. Ананьев говорил, как о «фундаментальной философской проблеме педагогики и психологии». На современном этапе проблема морально-этического воспитания детей и подростков приобретает особое звучание в связи с системным нравственным кризисом российского общества, о признаках которого писали А.Л. Журавлев и А.В. Юревич. Как результат — становление этической психологии личности — нового направления в отечественной психологии, где Л.М. Попов и авторы выделяют ведущую категорию «должное», которая «отображает то, к чему следует стремиться личности, ориентирующейся на определенный нравственный идеал» [3, с.31].

Всеобщая цифровизация, при всех преимуществах, ведёт к появлению и негативных тенденций: нарастанию отчуждённости между детьми и взрослыми; увеличению доли виртуального общения, в частности, в социальных сетях, с его характерными признаками: ограниченность выразительных средств, широта контактов при их формальности, безответственность суждений, агрессивность и цинизм,

низкий уровень речевой культуры; размыванию норм морали не только на уровне слоганов («Неважно, что ты смотришь, главное- оставайся дома!»), но и недостойного поведения, которое демонстрирует популярный певец, блогер или телеведущий. В данной ситуации оставаться на нейтральных позициях — значит способствовать дальнейшему разрастанию деструктивных тенденций, создающих прямую угрозу нравственному здоровью нации.

В связи с этим актуальным представляется вопрос о месте, условиях, формах, средствах изучения этического развития и духовно-нравственного воспитания детей и подростков в системе образования в условиях цифрового общества.

1. Ананьев Б. Г. А Человек как предмет познания. СПб.: Питер, 2001. 288 с. (Серия «Мастера психологии»).
2. Как проектировать универсальные учебные действия в начальной школе: от действия к мысли: пособие для учителя / [А.Г. Асмолов, Г.В. Бурменская, И.А. Володарская и др.]; под ред. А.Г. Асмолова. — М.: Просвещение, 2008. — 151 с. : ил.
3. Попов Л.М., Голубева О.Ю., Устин П.Н. Добро и зло в этической психологии личности. — М. ИП РАН, 2008. — 240 с.
4. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир. — СПб.: Питер, 2003. — 508 с.
5. Слободчиков, В.И., Исаев Е.И. Психология человека. Введение в психологию субъективности / В.И. Слободчиков, Е.И. Исаев — М.: Школа — Пресс, 1995. — 383 с.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Психология развития и саморазвития инновационного потенциала субъектов образовательной деятельности», № 19-013-00664

Социальная тревожность и отношения с противоположным полом в юношеском возрасте

Социальная тревожность, романтические отношения, юность, опыт близких отношений, привязанность

Современный мир в силу стрессогенности стимулирует проявление социальной тревожности у людей, сталкивающихся с вызовами действительности, с одной стороны, и необходимостью решать задачи развития — с другой. При этом социальная тревожность носит безобъективный характер и может влиять на все сферы жизни человека (Никитина, Холмогорова, 2011; Булатова, Гребенникова, Шелехов, 2015). В юношеском возрасте приоритетом становится построение романтических отношений с противоположным полом. При этом они являются прототипом родительских и складываются, главным образом, под влиянием индивидуального опыта (Frale, Shaver, 2000). Мы предположили, что существует специфика связи показателей социальной тревожности с особенностями построения романтических отношений в юношеском возрасте у тех, кто состоит в актуальных отношениях с романтическим партнером и нет. Методический инструментарий: анкета, опросник социальной тревоги и социофобии (Сагалакова, Труевцева, 2012), краткая версия шкалы страха негативной оценки (BFNE, 1983) (Клименкова, Холмогорова, 2017), методика «Опыт близких отношений» К. Бреннан и Р.К. Фрейли (ECR-R, 2000) (Казанцева, 2008), Треугольная шкала любви Р.Д. Стернберга (TLS) (1986) (Екимчик, 2011). Выборка: 140 человек от 18 до 23 лет, состоящие в романтических отношениях и одинокие, но имеющие опыт близких отношений. 90 человек с показателем социальной тревожности выше среднего с романтическим партнером и без.

Были получены следующие результаты. Не было выявлено значимых различий в уровне социальной тревожности у одиноких и состоящих в романтических отношениях респондентов. Данный показатель тяготеет к средним значениям и выше среднего ($37,8 \pm 15,6$). Респонденты, испытывающие социальную тревожность больше склонны ограничивать физическое, психологическое сближение ($U=337,5$; $p=0,01$), испытывать тревогу в отношениях с противоположным полом ($U=366$; $p=0,04$), опасаясь неверности и безответности партнера. Особенно, стремление ограничить сближение выражено среди одиноких респондентов ($U=1387,5$; $p=0,00$), что может быть связано с болезненным опытом отношений. Помимо связи со страхом негативной оценки ($R=0,55$), социальная тревожность значимо связана со шкалами избегания близости ($R=0,31$) и тревожности в отношении привязанности ($R=0,29$), что объясняется чувством дискомфорта при сближении. Тревога в отношении привязанности к романтическому партнёру имеет связь с физическим компонентом любви — «страсть» ($R=0,30$) и с компонентом, характеризующим намерение поддерживать эти отношения — «обязательство» ($R=0,24$). Стремление избегать контактов с партнером

может увеличиваться при низкой выраженности компонентов любви (страсти $R=-0.38$, интимности $R=-0.45$; обязательства $R=-0.38$). Все связи при $p \leq 0.001$. Мы пришли к выводу, что уровень социальной тревожности не значимо связан с наличием романтического партнёра. Избегание близости и тревога в отношениях привязанности являются компонентами социальной тревожности в юношеском возрасте.

1. Екимчик О.А. (2011) Результаты адаптации методики «Треугольная шкала любви» Р. Стернберга. Вестник КГУ им. Некрасова. Том 17. С.216-221.
2. Казанцева Т.В. (2008) Адаптация модифицированной методики «Опыт близких отношений» К. Бреннан и Р.К. Фрейли. Педагогика, психология, теория и методика обучения. Т.74. №2. С.139-143.
3. Клименкова Е.Н., Холмогорова А.Б. (2017) Валидизация методик диагностики социальной тревожности на Российской подростковой выборке. Консультативная психология и психотерапия. Т. 25. № 1 . С. 28—39.
4. Сагалакова О.А., Труевцев Д.В. (2012) Опросник социальной тревоги и социофобии. Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. — 2012. — N 4 (15). — URL: <http://medpsy.ru> (дата обращения: 21.06.2020).
5. Fraley, R. C., & Shaver, P. R. (2000). Adult romantic attachment: Theoretical developments, emerging controversies, and unanswered questions. Review of General Psychology. 4. 132-154.

Исследование выполнено при финансовой поддержке госзадания Министерства науки и высшего образования FZEW-2020-0005

Жизнестойкость в связи с локусом контроля и поведением в трудных жизненных ситуациях в подростково-юношеском возрасте

Подростковый и юношеский возраст, жизнестойкость, локус контроля, трудные ситуации

Понятие жизнестойкости является актуальным и обсуждаемым в научном сообществе. Обобщенно оно может быть определено как способность личности выдерживать стрессовые ситуации, сохраняя внутреннее равновесие, успешность в деятельности и эффективность использования имеющихся ресурсов [2, 3]. Проблемные, неопределенные ситуации, сопровождающиеся дискомфортом, беспокойством и высокими затратами ресурсов, могут быть оценены как трудные [1]. При разрешении трудных жизненных ситуаций, человек опирается либо на свою активную ответственность, либо на пассивное принятие, что отражают его «локус контроля».

Мы предполагаем, что жизнестойкость в подростковом и юношеском возрасте проявляется по-разному и связана с показателями локуса контроля.

В пилотажном исследовании участвовали 30 учащихся школы (14 подростков 13-15 лет и 16 юношей 16-18 лет).

Методики: анкета с вопросами о трудных жизненных ситуациях и поведении в них, тест жизнестойкости С. Мадди, (в адаптации Д.А. Леонтьева), методика определения локуса контроля Дж. Роттера.

Респонденты отмечали как трудные ситуации конфликтов с друзьями и родными, одиночество, экзамены, необходимости выбора, незнакомые и неопределенные ситуации. Изучение наиболее часто предлагаемых ими поведенческих реакций в этих ситуациях показало, что подростки в тенденции чаще ($p=0,08$), чем юноши и девушки, обращаются за помощью взрослых. Тогда как респонденты юношеского возраста стремятся к большей независимости от взрослых, но чаще демонстрируют реакции временного отстранения от трудных ситуаций: включают наушники с любимой музыкой ($p=0,06$), уходят гулять по улицам ($p=0,002$), обращаются к внешней атрибутике (к приметам, бросанию монетки и пр.) ($p=0,04$).

По методике Дж. Роттера, по всей выборке преобладает интернальный локус контроля, различий между группами не обнаружено. Однако более высокая дифференциация между показателями интернальности и экстернальности наблюдается в юношеской группе.

У юношей общая жизнестойкость выражена на уровне выше среднего (73,8; $\sigma=10,2$) и достоверно выше ($p=0,026$), чем у подростков (61,7; $\sigma=16,3$), у которых она не достигает среднего уровня. Отдельные параметры жизнестойкости также выше в юношеской группе, в том числе на уровне тенденции (контроль, $p=0,017$ и принятие риска, $p=0,08$).

Корреляционный анализ ($p \leq 0,05$) показал, что в подростковом и юношеском возрасте способы реагирования на трудные ситуации связаны с разными параметрами жизнестойкости. Показатель «вовлеченность» у подростков связан со значимостью компьютерных игр, а в юношеской — с возможностью отвлечься от ситуации в общении с друзьями. Показатель «контроль» в обеих группах обнаружил только отрицательные связи: с показателями «любимая музыка» и «уход на улицу» у подростков и с эмоциональной реакцией снятия напряжения в виде плача у юношества. Стоит отметить, что показатели локуса контроля, в частности, интернальность, связаны с жизнестойкостью только в юношеской группе.

Для юношества более характерно принятие ответственности за события своей жизни, менее выраженная, чем у подростков, направленность на помощь взрослых. Однако, респонденты юношеской группы склонны откладывать принятие решений в трудных жизненных ситуациях, очевидно, еще не видя своих потенциалов, не имея выработанных эффективных способов реагирования на ситуационные трудности. Расширение репертуара конструктивных способов решения трудных жизненных ситуаций, доступных для подростков и юношества, может способствовать повышению их ответственности за свою жизнь и жизнестойкости в целом.

1. Битюцкая Е.В. Современные подходы к изучению совладания с трудными жизненными ситуациями. Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2011. № 1. С. 100–111.
2. Леонтьев Д.А., Расказова Е.И. Тест жизнестойкости. М.: Смысл, 2006. 63 с.
3. Maddi S. R. (2007) Relevance of Hardiness Assessment and Training to the Military Context. *Military Psychology*. 19(1), p. 61-70. DOI: 10.1080/08995600701323301

Трушина И.А.
Челябинск, ЧелГУ

Забелина Е.В.
Челябинск, ЧелГУ

Особенности эмоционального компонента психологического времени у студентов разного возраста

Психологическое время личности, эмоциональный компонент, отношение ко времени, студенчество

В современном мире восприятие человеком времени и отношение к нему (так называемое психологическое время личности) становятся той переменной, которая позволяет наиболее точно выявить детерминанты существования личности. Осознание личностью времени своего существования — важное дополнение к осознанию собственной идентичности (Андреева, 2001). Целостное восприятие своего психологического времени, умение помнить прошлое и жить в настоящем, самостоятельно планировать свое будущее помогает выстраивать жизненные перспективы и успешно проходить первые этапы профессионального самоопределения и профессиональной социализации. (Гут Ю.Н., Кабардов М.К., 2019)

Отношение ко времени входит в эмоциональный компонент психологического времени (Веденеева Е.В., Забелина Е.В, 2019). В теории Ж. Нюттена аттитуды ко времени отражают комплекс чувств, которые испытывает человек в отношении некоторого периода жизни. Поскольку представление о времени конструируется социально, отношение к прошлому, настоящему, будущему могут отражать жизненные установки и ценности человека. (Нюттен, 2004)

С целью исследования особенностей восприятия времени у молодых людей была использована методика «Временные аттитуды» Ж. Нюттена (в модификации К. Муздыбаева), в основе которой лежит семантический дифференциал Ч. Осгуда, позволяющий изучить эмоциональное отношение к своему прошлому, настоящему и будущему. Для оценки различий между группами студентов младших и старших курсов использовался критерий U Манна-Уитни.

В исследовании приняли участие студенты Челябинского государственного университета. В первую группу вошли 218 человек в возрасте 20-21 год, вторую группу составили 76 человек в возрасте 17-19 лет.

В результате исследования не было обнаружено значимых различий в итоговых показателях отношении к прошлому и будущему у студентов двух возрастных когорт. Вероятно, за ту часть жизни, которая проходит за получением высшего образования, представления и отношение ко времени не изменяется критически. Тем не менее, обнаружена тенденция к различию по показателю «отношение к настоящему» ($U = 7115$, $p = 0,0669$): у студентов выпускных курсов восприятие событий настоящего в целом более позитивно и радужно, чем у студентов первых курсов.

Студенты старшекурсники в отличие от студентов младших курсов воспринимают свою настоящее как более приятное ($U = 6971$, $p = 0,035$), легкое ($U = 7234,5$, $p = 0,095$), успешное ($U = 7113$, $p = 0,076$), светлое ($U = 6711$, $p = 0,011$).

Текущая жизнь с ее заботами и делами воспринимается студентами старших курсов как возможность реализации идей, достижения успеха, получения удовольствий. В настоящем у выпускников больше созидательной творческой активности и смысла, их личностный потенциал находит пути для реализации. Вероятно, процесс профессионализации увлекает молодых людей, они становятся более уверенными в своих силах, картина профессиональной жизни становится четче, отсюда и позитивные сдвиги в эмоциональном восприятии времени.

1. Андреева Г.М. Социальная идентичность: временные и средовые компоненты//Психология личности в трудах отечественных психологов. СПб. 2001. С.344
2. Веденеева Е.В., Забелина Е.В. Модель психологического времени включенной в процесс глобализации (на материале исследования студентов)//Научно-педагогическое обозрение. Pedagogical Review. 2019. 5(27), С.166
3. Гут Ю.Н., Кабардов М.К. Особенности временной перспективы личности на этапе профессионального самоопределения. Научный результат. Педагогика и психология образования.2019. Т.5. № 3. С 85-97
4. Нютген Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего. М.: Смысл. 2004.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-013-00201 А

Личностная зрелость при разных вариантах взросления подростков

Личностная зрелость, инфантильность, психологическое благополучие, просоциальность, чувство взрослости

Специфика подросткового возраста, где центральным новообразованием является чувство взрослости, характеризуется у современных подростков предпочтением обладания правами взрослого (свобод взрослого) и обязанностями ребенка. Такая диспропорция приводит к конфликтности и формирует у подростка ощущение враждебности внешнего мира. В то же время «подростки, переживающие качественно новое психологическое состояние — чувство взрослости, не получают со стороны общества качественно нового отношения» [2]. Одна из причин этого — изменение мира взрослых, который сам зачастую обладает признаками инфантилизма, размытостью эталонов гендерного поведения, социальных ролей и другими признаками постиндустриального общества. В связи с этим становится актуальным изучение личностной зрелости на всех этапах онтогенеза и социогенеза (например, семьи, сообществ). Рассматриваемая в парадигме социального конструкционизма личностная зрелость определяется регуляторной, нравственной, когнитивной и рефлексивной зрелостью, которая может быть свойственна как подросткам, так и взрослым [1].

Нами ранее выявлена эмпирическая модель взрослости [4], определяемая двумя факторами — просоциальностью и психологическим благополучием [3]. Соотношение просоциальности и благополучия выявило варианты взросления: инфантильность, негативный инфантилизм, квазивзрослость и позитивное взросление.

Гипотеза: разному типу взрослости свойственна различная степень личностной зрелости, детерминированной и семейным психологическим климатом.

Исследование школьников 9-11 классов Санкт-Петербурга ($n=135$) выявило, что рефлексивная, регуляторная, когнитивная и суммарная зрелость в четырех представленных типах взросления имеет статистически значимые различия (кр-й Краскела-Уоллеса) от 0,003 до 0,001, но не достигает критических значений по шкале «Нравственная зрелость». Это означает, что личностная зрелость ниже у вариантов взросления «Негативный инфантилизм» и «Квазивзрослость». Эти два варианта взросления имеют низкое психологическое благополучие, обусловленное результативностью функционирования личности.

Проанализированы данные оценки подростками психологического климата своей семьи («Шкала социального окружения») (Куприянов, 1985). Статистические различия между вариантами взросления и интегральными оценками семьи выявлены по шкалам «Сплоченность» ($p \leq 0.01$), «Личностный рост» ($p \leq 0.001$) и «Управление семейной системой» ($p \leq 0.001$).

Наиболее низкие значения по шкалам: «Сплоченность» — у варианта взросления «Квазивзрослость», «Личностный рост» — у «Негативный инфантилизм» и «Квазивзрослость», «Управление семейной системой» — у «Негативный инфантилизм» и «Квазивзрослость».

Выводы: Типы взросления «Негативный инфантилизм» и «Квазивзрослость» характеризуются более низкой личностной зрелостью, а характеристики семейного климата при них достоверно ниже. Вероятно, «чувство взрослости» при разных типах взросления имеет различную психологическую структуру, которая определяется субъектной результативностью в виде психологического благополучия, достигаемой за счет зрелой или незрелой стратегии устранения внутренних противоречий.

Полученные результаты могут быть использованы в профориентации и при психологическом консультировании подростков.

1. Микляева А.В. Личностный инфантилизм в постиндустриальном обществе. Социально-психологический подход к проблеме инфантилизации личности в условиях современной социальной действительности (монография). — Дюссельдорф: LAMBERT Academic Publishing, 2018. — 224 с.
2. Новгородцева А.П. Переживание подростками «чувства взрослости» // Психологическая наука и образование, 2006, №2, с. 39-54.
3. Шевеленкова Т. Д., Фесенко Т. П. Психологическое благополучие личности. Психологическая диагностика, 2005, №3, с. 95–121.
4. Цветков В.В. Субъективная оценка взрослости у подростков с разным уровнем психологического благополучия./ Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. 2019. Вып.2., с. 724-731.

Чернова А.А.
Ростов-на-Дону, ЮФУ

Никитенко Е.С.
Ростов-на-Дону, ЮФУ

Роль социального и культурного интеллекта в процессе самоактуализации личности

Социальный интеллект, культурный интеллект, самоактуализация личности, профессиональное самоопределение, межкультурное взаимодействие, юношеский возраст

В науке самоактуализация выступает как процесс раскрытия внутреннего потенциала личности, осознания ею своих реальных способностей и воплощение их в деятельности. Актуализирующаяся личность отличается ориентацией на реальность. Поэтому весьма актуальным является исследование самоактуализации в одном из самых активных периодов выбора пути профессионального развития — юношеском возрасте. В период студенчества профессиональное самоопределение связано с пересмотром своих первичных представлений о будущей профессии, с первым опытом реализации себя в профессиональной деятельности и первым опытом общения с профессиональным коллективом. Экспрессивные умения и способность гибко реагировать на изменение ситуации взаимодействия способствуют быстрой адаптации и успешному профессиональному становлению. Из этого следует, что необходимо обладать высоким уровнем культурного и социального интеллекта.

Культурный интеллект определяется как способность индивида эффективно функционировать и взаимодействовать в ситуациях, характеризующихся культурным разнообразием (Ang et al., 2007). От людей с более развитым уровнем культурного интеллекта ожидается более эффективное решение проблем в различных культурных ситуациях.

Целью исследования является изучение особенностей социального и культурного интеллекта во взаимосвязи с самоактуализацией личности.

В нашем исследовании приняли участие учащиеся 10-х классов общеобразовательной школы г. Ростова-на-Дону в возрасте 16-17 лет и студенты Южного федерального университета в возрасте 19-22 года в общем количестве 88 человек. Тестирование проводилось с помощью батареи методик: Тест Гилфорда-О'Салливан «Социальный интеллект» (адаптация Е.С. Михайловой);

Опросник «Шкала культурного интеллекта» К. Эрли и С. Анга (адаптация Беловол Е.В., Шкварило К.А., Хворовой Е.М.); Самоактуализационный тест (авторы Ю.Е. Алешина, Л.Я. Гозман и др.). Определение достоверности различий вычислялось с помощью U-критерия Манна–Уитни; а для определения существующих взаимосвязей был использован корреляционный анализ Спирмена.

Результаты исследования. Сравнивая уровни социального и культурного интеллекта в группах, видим: в группе студентов социальный интеллект выше, чем у старшеклассников; культурный интеллект развит лучше у старшеклассников. В следствии кризиса юности, студенты более рационально оценивают свои реальные

способности к познанию и взаимодействию с людьми других культур и соответственно уровень культурного интеллекта может снижаться. В обеих группах респонденты разделяют ценности самоактуализирующейся личности. Они ценят свои положительные черты характера и используют их для выстраивания доброжелательных взаимоотношений с культурно разнообразным окружением.

В обеих группах установлены значимые корреляционные взаимосвязи между контактностью и компонентами культурного интеллекта. У старшеклассников выявлено больше взаимосвязей социального интеллекта с самоактуализацией, которые к тому же отрицательны. Это говорит о том, что представления о взаимодействии с людьми и способности к реализации соответствующего поведения могут не совпадать за счет преувеличения собственных умений. В студенческом возрасте эмпирически установлено преобладание культурного интеллекта над социальным. Вероятно, этот период более чувствителен к повышению общего уровня культурного интеллекта.

1. Ang S., Van Dyne, L., Koh, C., Ng, K. Y., Templer, K. J., Tay, C., & Chandrasekar, N. A. Cultural intelligence: Its Measurement and Effects on Cultural Judgment and Decision Making, Cultural Adaptation and Task Performance // *Management and Organization Review* — 2007 — no.3 — P. 335–371.

Родительские установки матери и характер отношений матери и взрослой дочери как факторы психологического благополучия дочери

Психологическое благополучие, родительские установки, привязанность, отношения

Диада мать-дочь представляет собой отношения, основанные на самой крепкой привязанности, прежде всего, ввиду гендерной принадлежности [1]. С точки зрения психологии развития, индивидуум формирует образ себя и других через взаимодействие со значимым близким, который о нем заботится [2]. Доказано, что присутствие матери в жизни дочери, активная поддержка с ее стороны, помогают дочери легче справиться с негативными переживаниями и понижают уровень стресса, независимо от степени поддержки со стороны отца [3]. Изучение родительских установок матери, а также особенностей взаимоотношений матери и взрослой дочери представляет большой интерес, поскольку можно отследить влияние воспитания на сформировавшуюся личность дочери.

Цель исследования — выявить взаимосвязи между психологическим благополучием дочери, родительскими установками матери и характером отношений матери и дочери. Предполагаем, что авторитарные родительские установки матери отрицательно связаны с психологическим благополучием дочери. Также, эмоционально близкие и доверительные отношения матери и дочери способствуют психологическому благополучию дочери.

В исследовании приняли участие 38 пар «мать — взрослая дочь»: матери в возрасте 39 — 57 лет и дочери в возрасте 20 — 28 лет. Методы исследования: Шкала психологического благополучия К. Рифф (адаптация Л.В. Жуковской, Е.Г. Трошихиной, 2011). Методика изучения родительских установок ПАРИ Е.С. Шеффера, Р.К. Белла (адаптация Т.В. Архиреевой, 2002). Опросник «Мать — взрослая дочь» М. Растожи («Mother — Adult Daughter Questionnaire» M. Rastogi, 2002, перевод с английского Швалевой В.А., Трошихиной Е.Г.). Краткий авторский опросник, изучающий отношение матери к дочери. Математическая обработка результатов исследования проводилась при помощи программы SPSS с использованием корреляционного и регрессионного анализа.

Результаты исследования. Авторитарные установки матери отрицательно связаны с психологическим благополучием дочери. Если мать подавляет сексуальные проявления дочери, а также воспринимает материнство как бремя, то дочь зависима от чужого мнения. Строгое воспитание родителей, с ориентацией на уважение к дисциплине и социальным нормам поведения, способствует тому, что дочь более автономна в своих мыслях и суждениях, способна противостоять социальному давлению. Дочь в большей степени принимает себя, свои плохие и хорошие стороны, когда мать

не вмешивается в ее личную жизнь, не требует от нее результатов развития сверх ее возрастных и индивидуальных особенностей.

Чем в большей степени мать считает, что у нее и дочери единые взгляды на жизнь и мнения по различным вопросам, тем более зависима дочь от общественных суждений и менее открыта новому опыту и личностному росту. В то же время, наличие теплых, эмоционально близких отношений дочери с матерью играет важную роль в том, насколько дочь комфортно чувствует себя в близких отношениях с другими людьми. Властность матери, напротив, формирует у дочери ощущение недостатка близких отношений.

Выводы. Авторитарные родительские установки матери, направленные на подавление и контролирование ребенка, способствуют тому, что, вырастая, дочь становится зависимой от мнения других людей и в меньшей степени принимает себя. Также единые, по мнению матери, взгляды с дочерними взаимосвязаны с неспособностью дочери противостоять социальному давлению. В свою очередь, теплые отношения дочери с матерью способствуют тому, что дочь легко устанавливает доверительные отношения с другими людьми и получает удовольствие от таких отношений, а также более уверена в своих силах.

1. Fischer L.R. Between mothers and daughters // *Marriage and Family Review*, 1991. V. 16. P. 237–248.
2. Russell A., Saebel J. Mother–son, mother–daughter, father–son, and father–daughter: Are they distinct relationships? // *Developmental Review*. 1997. V. 17. №. 2. P. 111-147
3. Flouri E. Women’s Psychological Distress in Midadulthood: The Role of Childhood Parenting Experiences // *European Psychologist*. 2005. V. 10(2). P. 116–12

Рождение ребенка с ОВЗ как стресс-фактор для близких отношений

Дети с ограниченными возможностями здоровья, адаптация, сплоченность, близкие отношения

Для ребенка огромное значение в жизни имеет семья. Для детей с ОВЗ ее значение возрастает, поскольку она играет роль коррекционно-развивающей среды, призванной обеспечить компенсацию имеющегося дефекта [1]. Однако функционирование большинства семей, воспитывающих детей с проблемами здоровья, нередко сопровождается рядом деструктивных переживаний (страха, разочарования, вины, одиночества, отчаяния), что осложняет супружеские отношения [2]. В целом, рождение ребенка с нарушениями в развитии зачастую рассматривается как дестабилизирующий фактор, который может разрушить жизнедеятельность семьи.

Нами предпринято исследование с целью рассмотрения влияния наличия ребенка с ОВЗ на семейное взаимодействие и близкие отношения супругов. В методический инструментарий была включена Шкала адаптации и сплоченности (FACES-3) (Д. Х. Олсон, Дж. Портнер и И. Лави; адаптация в 1986 году М. Перре (Эйдемиллер Э. Г., Добряков И. В., Никольская И. М., 2003)).

Выборка пилотажного исследования включала 20 родителей: 10 имели ребенка с типичным развитием, 10 ребенка с ОВЗ.

По его результатам, у родителей ребенка с типичным развитием наблюдается разделенный тип сплоченности семьи, который характеризуется успешностью функционирования системы, а у родителей ребенка с ОВЗ — разобщенный тип, являющийся дисфункциональным. Тип семейной адаптации у родителей ребенка с типичным развитием структурированный (сбалансированный параметр), а у родителей ребенка с ОВЗ, типом семейной адаптации ригидный (дисгармоничный параметр).

Результаты исследования «Шкалы субъективного благополучия» (в адаптации М.В. Соколовой, 1996), показали более высокий уровень субъективного благополучия у родителей, воспитывающих типично развивающегося ребенка ($M=3.1$) по сравнению с показателями родителей ребенка с ОВЗ ($M=7.1$).

Эмпирическая база основного исследования состояла из 60 человек (30 пар), 30 из которых (15 пар) имеют детей с ОВЗ, а 30 — детей с типичным развитием. Стаж супружеской жизни варьировал от 6 до 10 лет. Средний возраст 28 лет.

В целом, уровень удовлетворенности браком был выше у женщин, воспитывающих здоровых детей ($U=21$, $p .05$ для низкой удовлетворенности браком; $U=24$, $p .05$ для высокой). В группе, имеющей детей с ОВЗ, мужчины значимо чаще указывали на низкую удовлетворенность браком ($U=21$, $p .05$).

При сравнительном анализе было выявлено, что женщины из группы, имеющей детей с ОВЗ, достоверно выше оценивали реальную адаптацию и сплоченность своей семьи (по параметру адаптации: в группе, имеющей детей с ОВЗ $M=42.45$, $SD=3.28$; в группе, имеющей детей с нормативным развитием $M=51.11$, $SD=2.87$; по параметру сплоченности: в группе, имеющей детей с ОВЗ $M=32.76$, $SD=2.88$; в группе, имеющей детей с нормативным развитием $M=42.21$, $SD=2.33$). Адаптацию мужчины в группах исследования оценивали практически одинаково, тогда как сплоченность была значимо выше в семьях, воспитывающих здорового ребенка ($M=24.31$, $SD=2.82$; $M=43.11$, $SD=2.94$).

Таким образом, родители с ребенком с ОВЗ больше подвержены депрессиям и тревогам, большинство из них пессимистичны, замкнуты, имеют зависимости и плохо переносят стрессовые ситуации, даже после пережитого стресса полного эмоционального комфорта не наблюдается.

1. Елисеева Н. Г. Опыт социального партнерства с семьями, воспитывающими детей-инвалидов и детей с ОВЗ: Современные направления психолого-педагогического сопровождения детства: Материалы VI Международной научно-практической конференции. / Н. Г. Елисеева, Ю. А. Оборина, М. Г. Исарева, Т. Б. Цыганова; под ред. Г.С. Чесноковой, Е.В. Ушаковой. — 2019. — с. 178-180. — Текст: непосредственный.
2. Максимова Е. И. К вопросу о психологии отношения родителей детей с ОВЗ к причинам рождения такого ребёнка в семье: Современные проблемы гуманитарных и естественных наук: Материалы XXIII междунар. научно-практи. конференции./ Е. И. Максимова — 2015. — с. 303-305. — Текст: непосредственный.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке Государственного задания
FZEW-2020-0005*

Особенности социальной идентичности студентов разных возрастов

Идентичность, социальная идентичность, структура социальной идентичности, современные студенты

Идентичность сегодня — это не только трансдисциплинарное понятие, являющееся связующим звеном между психологией и смежными областями социогуманитарного знания, а также термин, интегрирующий знание внутри психологии, включая исследование структур личного, социального, культурного и индивидуального поведения [1].

При выборе группы в качестве объекта идентификации доминирующей становится стратегия социальной идентичности. Выбор человеком групп и ролей в качестве объектов идентификации оказывает непосредственное влияние на определение себя с ними. Стратегия социальной идентичности находит отражение в описаниях себя как личности, когда представления о себе формируются исходя из того образа Я, который видят другие. Такие социальные представления о себе зависят от коммуникативной ситуации. Согласно Д.А. Леонтьеву, именно они создают лабиринт идентичностей человека [2; 3; 5].

Мы предложили 104 студентам Московских университетов принять участие в исследовании для определения структуры их социальной идентичности.

Выборку исследования составили студенты разных возрастов и разных вузов (МГОУ, МПГУ, МИТУ-МАСИ). В первую исследовательскую группу вошли студенты-бакалавры в возрасте от 19 до 22 лет. Во вторую группу — студенты, обучающиеся на факультете дополнительного образования, и студенты, получающие второе высшее образование, в возрасте от 27 до 36 лет.

Для определения структуры социальной идентичности современных студентов использована методика «Структура социальной идентичности» Г.Р. Хузеевой и Т.Д. Марцинковской [4].

Студентам было предложено проранжировать 11 предложений по степени значимости. Проанализировав результаты, мы выяснили, что для студентов обеих групп идентификация себя как части своей семьи является наиболее приоритетной. Второе и последующие места у разных групп не совпадают.

Для молодёжи первой группы второе место по значимости разделяют позиции «представитель своего пола», а также «представитель своего хобби». На третьем месте у студентов младшего возраста идентификация себя с поколением и профессией. Позиция «поколение» у респондентов старшего возраста занимает в структуре также третье место, а второе уступает позиции «профессия».

Примечательно, последней по значимости среди предложенных вариантов для студентов младшего возраста является ассоциация себя с религией, а также с национальностью, однако для студентов старшего возраста — с национальностью и человечеством.

Выводы. Таким образом, для респондентов обеих исследуемых групп наиболее значимой оказалась семья. Возможно, это связано с тем, что в ситуации изменений наиболее стабильной группой остается семья, выполняющая роль и убежища, укрытия, и опоры. Также стоит отметить, что многие студенты младшего возраста, например, живут в общежитии и скучают по своим родным, особенно в начале обучения, а многие студенты старшего возраста, как правило, уже сформировали свою собственную семью. Анализ полученных результатов также показал, что для юношей и девушек младшего возраста наиболее важным в настоящий момент является идентификация со своим полом, а также со своими хобби. Студентам старшего возраста не столько важна принадлежность к гендерной когорте, сколько к профессиональной и возрастной группе.

1. Гусельцева М.С. Изучение идентичности в контексте культуры: методология латентных изменений // Психологические исследования. 2018. Т. 11, № 58. С. 2. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 18.11.2019).
2. Леонтьев Д.А. Лабиринт идентичностей: не человек для идентичности, а идентичность для человека. Философские науки, 2009, №. 10, 5–10.
3. Леонтьев Д.А. Идентичность личности в полисоциальном мире. Философские науки, 2012, №. 11, 89–105.
4. Марцинковская Т.Д. (Ред.). Идентичность и социализация в современном мире. Сборник методик. — М.: МПГУ, 2015б.
5. Полева Н.С. От идентификации к идентичности // Психологические исследования. 2018. Т. 11, № 58. С. 3. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 20.11.2019).

ЖЕНЩИНА НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ: СЕМЬЯ И КАРЬЕРА

Александрова Е.С.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Марарица Л.В.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Гуриева С.Д.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Феномен «карьерной скидки» как способ совладания с гендерным неравенством на индивидуальном уровне

Управление карьерой, карьерное планирование, гендерное неравенство, карьерные барьеры, женская карьера

В психологии служебной деятельности активно исследуют способы преодоления гендерного неравенства (Athanasopoulou, A., et al., 2018; Campruzano, M. V., 2019). Особо актуальна эта тема ввиду ухудшения прогнозов по достижению гендерного равенства в экономике (Global Gender Gap Report 2020, 2019). Цель данного исследования: изучить, как гендерное неравенство отражается в субъективной оценке управляемости карьерой. Механизмы воспроизведения гендерного неравенства проявляются и в субъективной картине карьеры женщин, позволяя оценить барьеры к его преодолению на индивидуальном уровне.

Наша работа — поисковое исследование методом полуструктурированного интервью, направленное на анализ психологической составляющей гендерных барьеров женщин при построении карьеры. В психологии описан механизм самоограничения, как способ адаптации к ситуации, где достижения одного человека представляются менее значимыми, чем другого, занятого в той же области. Тогда ожидания и притязания изначально корректируются (Налчаджян А. А., 2009).

Выборка исследования состояла из 51 женщины, возраст от 22 до 60 лет, средний — 33,2 года. У всех — высшее образование, 92% живут в Санкт-Петербурге, остальные — в других крупных городах России.

Для изучения субъективной картины влияния гендера на управляемость карьерой, был разработан специальный приём. После актуализации карьерного пути участниц просили оценить по 7-балльной шкале: «Насколько вы управляете собственной карьерой, следуете своему плану?», а затем — ответить на тот же вопрос, если бы они были мужчиной, и прокомментировать разницу в оценках, при наличии.

У 30 участниц (59%) оценки отличались. 14 из них поставили себе оценку ниже (47% от различающихся), а 16 — выше (53%), чем когда они представили себя мужчиной.

Качественный анализ ответов показал, что женщины предъявляют разные требования к оценке успехов и управляемости карьерой, когда делают это из мужской и женской позиции. Нами предлагается назвать этот феномен «карьерной скидкой», подразумевая, что женщины делают «скидку» на пол, как на значимый фактор при оценке профессиональных результатов. По словам участниц, это отражает взгляды общества на карьеру как на сферу, где женщине сложно или не так важно добиться успеха.

Мы выделили разные варианты объяснений, почему делается «карьерная скидка». Приведём примеры высказываний по каждому:

1. «От мужчин требуется больше»:
 - «Для мужчины, он кормилец, надо руководящую, текущая моя профессия, задачи для мужчины, мало для кого приемлемы. Поэтому в обществе он бы воспринимался хуже».
2. «Женщинам лучше — больше поблажек»:
 - «Будто бы мне больше «скидки» Я сама себе будто бы больше даю времени, гибкости».
 - «Они делают иногда поблажки. Типа не ждут от меня очень много. Женщина и ладно».
3. «Женщинам сложнее — у мужчин больше возможностей»:
 - «Я женщина, от меня, помимо бизнеса, требуется и внимание детям, дому, маме и так далее. У мужчин это время есть, чтобы сделать карьеру лучше».

Таким образом, феномен «карьерной скидки» можно считать отдельной карьерной стратегией женщин. Не важно, повышает женщина или понижает оценку управляемости карьерой при ее оценке из «мужской позиции»: это говорит о разнице, позволяющей меньше требовать от себя или объяснить, почему результат оказывается ниже ожиданий. Это самоограничение отражает барьеры, которые объективно или субъективно есть в жизни женщин, влияют на планирование карьеры. Мы полагаем, этот внутренний барьер — один из субъективных механизмов воспроизведения гендерного неравенства на рабочем месте.

Результаты этого исследования можно использовать в карьерном консультировании: осознание внутренних барьеров и личных ограничивающих представлений — важный этап профессионального саморазвития. Он должен быть частью программы по преодолению гендерного неравенства на индивидуальном уровне.

Выполнено при поддержке гранта РФФИ 19-013-00686 А «Феномен гендерного неравенства как фактор карьерного капитала женщины»

Атрибуции поведения в ситуации предательства

Атрибуции, феномен «предательство», социальные представления, социальное поведение

В психологии актуальной принята точка зрения равных отношений, как ситуации, так и личности к детерминированию поведения в социальной среде. Регуляция социального поведения представляется как многомерная система, в которой активность человека направляется специфическими разноуровневыми регуляторами [1]. В исследовании предпринята попытка анализа поведения человека в социальной ситуации. Для целей исследования мы выбрали ситуацию предательства. В психологии существуют исследования, где предательство характеризуется как символический образ-ситуация. Такая ситуация случается, когда в культуре, обществе, группе возникает высокая неопределенность и напряжение. Ситуации, обобщенные в предательство, сравнивают с катастрофой [3]. Обобщенные представления о предательстве содержат социотипическое поведение в ситуации, показывают весь репертуар поведения. Для определения социотипического поведения мы обратились к подходу С. Московичи о социальных представлениях как о форме обыденного знания здравого смысла, позволяющего снижать неопределенность, возникающую в социальной среде [2].

Нас интересовали представления респондентов о феномене «предательство»: во-первых: суждения о предательстве; во-вторых, причины объясняющие действия в ситуациях предательства; в-третьих, типы поведения. Для этих целей респондентам предлагалось написать эссе о феномене «предательства». Затем, заполнить «Незаконченные предложения» и анкету. Для анализа применялся метод контент-анализа. Применялись математические методы: описательные статистики, сравнение средних, анализ частот и значимых различий. В исследовании принимали участие 25 мужчин и 28 женщин, в возрасте 19-24 ($21,5 \pm 3,53$) года. Все участники исследования получают высшее образование.

Анализ 53 эссе показал различия в описаниях феномена «предательства», сходных для мужчин и женщин в исследуемой возрастной группе. В 49,1% описаний предательство представлялось как обман. Из них 30,2% респондентов отличались готовностью к активным действиям, прекращению взаимодействия, а также переключению внимания на оценку происходящего. Респонденты говорят об эмоции «отчаяния», им свойственно подчеркивание «плохого», как определяющего действия и переживания. Тогда как в 18,9% представлений о предательстве акцент смещается на осознание ситуации обмана. Респонденты не готовы к активным действиям, обращают внимание на себя в ситуации. Среди эмоций: «разочарование», «растерянность». Действия направляются оценкой своего Я, а не качествами Другого. 50,9% респондентов представляют предательство через конкретные ситуации взаимодей-

ствия: «раскрытие секрета», «информация о тебе», «некорректное поведение» и предлагают стратегии: «внимательно относись — кому доверяешь», «ожидай час расплаты», «лучше быть одному». Среди эмоций: «удивление», «шок», «обида», «печаль», «злость». Действия направляют подчеркнутые респондентами сходные аспекты ситуаций взаимодействия.

Таким образом, представления о предательстве различаются, что определяет отношение к феномену.

Причины, представляемые как, объясняющие поведение в ситуации:

1) атрибуции предательства в Другом человеке, предательство происходит от «всего плохого»;

2) атрибуции предательства — нормы Я: «предам — стану плохим человеком», «будет трудно сделать, чтобы мне снова поверили»;

3) атрибуции в ситуации: аспекты, которые необходимо не допустить.

Действия в ситуации предательства представляют собой совладание с напряжением во взаимодействии: эмоции, преодоление напряженных ситуаций и действия по предотвращению негативных взаимодействий. В дальнейшем важно проследить взаимосвязь типа атрибуции и личностных ресурсов.

1. Белинская Е.П. Социальная психология личности: учеб. пособие для студ. учеб. заведений. — М.: Издательский центр «Академия», 2009. — 304 с.
2. Московичи С. От коллективных представлений — к социальным // Вопросы социологии. 1992. № 2. С. 83–95.
3. Rachman S. Betrayal: a psychological analysis. Behavioral Research and Therapy. 2010, Apr., 48(4): pp. 304-11.

Выполнено при поддержке гранта РФФИ 19-013-00560 А «Методология и социально-психологические методы исследования социального капитала организации»

Социально-психологические особенности материнства как особого вида деятельности

Материнство, профессии социномического типа, материнская деятельность, эмоциональное выгорание

Современная модель материнства представляет собой сложную социально-психологическую деятельность женщины, состоящую в рождении ребенка, удовлетворении его витальных потребностей, воспитании, поддержании благоприятного психологического климата в семье. Традиционные взгляды на вопросы материнства, сформировавшиеся в культуре каждого народа на протяжении столетий, сегодня потеряли свою актуальность. Деятельность современной матери характеризуется особым сочетанием аспектов, которые позволяют определять эту деятельность как трудовую. Современное общество отличается беспрецедентным отношением к ценности жизни ребенка. С одной стороны, это отношение определяет высокий уровень эмоциональной вовлеченности женщины в процесс взаимодействия с ребенком. С другой стороны, сегодня материнская функция состоит не только в том чтобы родить и вырастить ребенка, но и в том, чтобы воспитать его психологически устойчивым, успешным, образованным — «достойным членом общества». Эта функция определяет требование к женщине обладать особыми личностными качествами, а также — определенным уровнем знаний в вопросах психологии развития, педагогики, иметь представление об основах педиатрии, ориентироваться в широком ассортименте товаров для детей.

Все указанные аспекты позволяют рассматривать материнство как особый вид деятельности, схожий по своим характеристикам с деятельностью работников помогающих профессий:

- социальный запрос на высокое качество подготовки женщины к выполнению материнских функций,
- востребованность определенных личностных качеств, необходимых для более успешного освоения роли матери
- законодательно закрепленная добровольность выбора материнства как вида деятельности
- возможное средство самореализации
- возможность приобретения новых навыков, опыта, приобретение определенного «материнского статуса», определяемого этим опытом [2].

Попытка применить очевидные объективные критерии оценки деятельности современной матери в сравнении с деятельностью матери традиционной часто приводят к суждениям о том, что современные женщины просто чрезмерно бережно относятся к себе, и нагрузки материнства в современном мире несопоставимо меньше, чем даже сто лет назад. Тем не менее, практика работы с женщинами-матерями показывает, что наличие определенных благ цивилизации, призванными облегчить повседневную деятельность женщины-матери нисколько не способствует поддержанию устойчивого эмоционально-психологического состояния. В результате

современные женщины-матери проявляют симптомы эмоционального выгорания, характерного для работников помогающих профессий [1].

Наше исследование показывает, что 15% женщин-матерей имеют высокий уровень эмоционального выгорания и еще 31% находятся в «группе риска». В ходе исследования были выявлены факторы, связанные с высоким уровнем эмоционального выгорания. К ним относятся такие личностные особенности женщин-матерей как «Предпочитаемые стратегии совладания со стрессом», «Статус личностной идентичности», «Уровень удовлетворенности жизнью», «Представления о распределении ролей в семье». Существует также ряд социально-психологических факторов, способствующих развитию синдрома эмоционального выгорания: наличие помощи от окружающих, занятость женщины активностью, не связанной с воспитанием ребенка. Кроме того, для многих женщин-матерей состояние эмоционального выгорания связано с отношением к некоторым установкам о гендерном распределении ролей.

Полученные в ходе исследования результаты легли в основу разработанной концепции программы мероприятий по профилактике, ранней диагностике и коррекции симптомов, характерных для синдрома эмоционального выгорания у женщин-матерей.

1. Ильина Т.И., Гуриева С.Д. Кризис идентичности как фактор проявления синдрома эмоционального выгорания у женщин-матерей // Человек и образование. — 2019. — №3. — С. 85-93.
2. Ильина Т.И. Эмоциональное выгорание матерей как социально-психологический феномен в контексте современной культуры // Человек и образование. — 2020. — № 1.

Социальные представления молодежи о жизненном успехе

Успех, большие города, малые города, представления об успехе

Успех является значимым феноменом в настоящее время. Проводятся различные социологические и социально-психологические исследования образа успешного человека, ценности успеха (Котовский, Краснощеченко, 2014, Малолетнева и др, 2018). Также существует много исследований представлений об успехе у молодежи (Курдюкова, 2012, , Лукьянченко и др., 2019, Маршак, Рожкова, 2015).

Изучаются социальные представления об успехе у разных социальных групп (мужчин и женщин, студентов разных специализаций, представителей разных поколений, разных профессиональных сообществ). Тем не менее, социальные представления на тему успеха у представителей сообществ больших и малых городов исследованы недостаточно.

Отсутствие данных о представлениях об успехе у жителей больших и малых городов необходимо восполнить, потому что в современной России в массовом сознании переезд в большой город является естественным социальным лифтом к успешной стратегии. В этом контексте представляется значимым выделить различия в представлениях об успехе у данных двух групп россиян.

Метод: для изучения представлений об успехе применяется концепция социальных представлений С. Московиси, поскольку изначально данная теория разрабатывалась для изучения стремительно меняющейся социальной действительности. В качестве метода сбора данных был использован метод опроса, для чего была разработана специальная анкета. В качестве метода анализа собранных данных был использован контент-анализ. Для анализа структуры социальных представлений была использована методика Вержесса. Выборка: в нашем исследовании приняли участие 276 людей (жители больших и малых городов России) в возрасте от 20 до 35 лет.

Анализ структуры социальных представлений российской молодежи о жизненном успехе показал, что успех рассматривается в первую очередь как реализация собственного потенциала. Область ядра, выражающая разделяемые молодежью общегрупповые ценности, представлена категорией «Самореализация», к области периферии относятся категории «Свобода», «Материальный достаток», «Эмоции», «Достижение целей».

Анализ структуры социальных представлений об успехе у представителей больших и малых городов демонстрирует, что категории, составляющие область ядра, не совпадают полностью у жителей больших и у жителей малых городов. Общим является видение успеха как реализации себя, однако, люди из малых городов также видят успех как достижение поставленных целей и положительные эмоции.

Таким образом, можно сделать вывод о том, социальные представления о жизненном успехе у молодых россиян обладают определенной структурой: область ядра

(выражает ценность самореализации как разделяемой большинством) и периферия (представлена категориями успеха как свободы, материального благополучия, позитивных эмоций и достижение целей).

Можно сказать о некотором сходстве социальных представлений о жизненном успехе у жителей больших и малых городов. Общим является то, что в область ядра входит категория самореализации. Тем не менее, у жителей малых городов в ядро также входят категории достижения целей и положительных эмоций. Можно сделать вывод о том, что, возможно, место проживания связано с некоторыми особенностями социальных представлений об успехе.

1. Котовский В. В., Краснощеченко И. П. Профессиональный успех в представлениях студентов разных направлений подготовки: психологический и социально-психологический аспекты// Акмеология, 2014, 1, с. 130-136.
2. Курдюкова Н. А. Социальный успех как социокод современной молодежи// Актуальные проблемы психологического знания, 2012, 4, с. 121-131.
3. Лукьянченко Н. В., Довыденко Л. В., Аликин И. А. Ценности успеха в представлении студенческой молодежи поколения Z// Социальная психология и общество, 2019, 2, с. 82-94.
4. Малолетнева И. В., Жираткова Ж. В., Элиарова Т. С. Трансформация ценностей студенческой молодежи: миф и реальность// Вестник университета, 2018, 4, с. 150-155.
5. Маршак А. Л., Рожкова Л. В. Жизненный успех в представлениях российской молодежи// Социологические исследования, 2015, 8, с. 15

Восприятие гендерного неравенства российскими женщинами: анализ нарративов с позиции женщины как наблюдателя

Гендерное неравенство, восприятие, феминистический подход с позиции наблюдателя, карьера, стереотипы

Актуальность исследования обусловлена, с одной стороны, низким уровнем индекса гендерного неравенства России — 81 место из 153 в мире(4); с другой — необходимостью изучения социально-психологических особенностей восприятия и отношения у женщин с позиции наблюдателя, как возможности услышать непосредственно женский дискурс.(3)

Целью исследования был анализ восприятия гендерного неравенства в рамках субъективного опыта с позиции женщины как наблюдателя, значимых вызовов и способов их преодоления. Предметом исследования выступило изучение восприятия феноменов «гендерного неравенства» в обществе женщинами. В связи с этим выбранной методологией стала феминистическая теория с позиции наблюдателя(2), получившая развитие в философии науки (1), поскольку данный эпистемологический подход изучает восприятие именно с позиции женщины, как субъекта восприятия на микро и макро уровнях, часто дихотомических.(3)

Объектом исследования стали российские женщины в возрасте от 22 до 60 лет,средний возраст 33 года, имеющие высшее образование.

Методы исследования представляли собой глубинное полуструктурированное интервью. Вопрос, открывающий исследование после подписания информированного согласия, звучал как: «Подумайте и расскажите о жизненном вызове, трудности, препятствии, с которыми Вы как женщина (или Ваша мама, бабушка, сестра, подруга) столкнулись в своей жизни и как Вы с этим справились?». Вопрос был взят из работы американских коллег (3), с целью кросскультурного сравнения ответов женщин в США и России.

В результате было проведено 51 интервью и собрано 72 истории, описывающих период с 1950-60-х до настоящего времени в России и СССР, в которых участницы рассказывали значимые в их восприятии ситуации преодоления вызовов как женщин. Межпоколенческие дискурсы были у 31% (23) респондентов, где преодоление жизненных сложностей членами семьи были значимым опытом в восприятии женщин, который они проецировали на себя, показывая схожесть сценариев у 11% (8). Значимо, что 94% российской выборки отметили в целом присутствие жизненных вызовов как женщины, 6% затруднились с ответом.

В американском исследовании были собраны 21 история и на основании нарративов были выделены 4 темы: «межличностные отношения», «образовательные вызовы», «непредвиденные путешествия» и «самовыражение». В российской выборке были выделены темы:1) карьера у 88% респондентов, включающая образование у 20% (14 историй), в американской работе 25% проанализированных нарративов (5 историй) были связаны с образовательными вызовами; 2) тема межличностных отношений проявилась в нарративах 32% респондентов.

Темы 1 и 2 пересекались в 26% случаев, демонстрируя феномены «работы в 2 смены» и «стену материнства», «липкого пола» и «стеклянного потолка», тормозящих женщину в карьере и обучении. Такие же барьеры наблюдались у женщин в США.

Тем «непредвиденных путешествий» и «самовыражения» в российской выборке не было, что объясняется высоким уровнем мобильности в США и важностью культуры индивидуализма в отличие от России.

Основные выводы: гендерное неравенство в восприятии, как российских, так и американских женщин присутствует в значительной мере, проявляясь в сферах карьеры и материнства. Неравенство в разрыве оплаты, барьерные феномены, проявления харассмента и стереотипов ведут к негативным последствиям для развития общества. Стратегиями преодоления неравенства в США и в России являются инвестиции в образование и карьерный капитал, а также анализ исторической памяти и барьеров.

1. Anderson E., Feminist Epistemology and Philosophy of Science, The Stanford Encyclopedia of Philosophy, 2020
2. Harding S. (1986.) The Science Question in Feminism, Cornell University Press
3. Lesavoy B., Bergeroni J., "Now I Have Something That Is Mine": Women's Higher Education Gains as Feminist Standpoint. 2011
4. World Economic Forum. Global Gender Gap Report 2020.

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ 19-013-00686А «Феномен гендерного неравенства как фактор карьерного капитала женщины»

ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ: ПСИХОЛОГИ НА СЛУЖБЕ ОТЕЧЕСТВУ

Беломестнова Н.В.
Санкт-Петербург, ЛГУ им. А.С. Пушкина

Образы-представления в структуре психики: ленинградская модель

Модель строения психики, образы-восприятия, образы-представления

Ещё в философских трудах по психологии возникла категория образа-представления как «вторичного» образа, т.е. образа, возникающего в отсутствие объекта или предмета в сенсорно-перцептивном поле. Эти образы-представления назывались представлениями, мысленными образами, мыслеобразами, вторичными образами, в настоящее время — образами-репрезентантами, но обсуждались отдельно от модели строения психики, хотя и в контексте их роли в порождении абстрактного мышления (в архаической терминологии).

Действительно, в большинстве современных моделей строения психики нет места образам-представлениям; там есть только ощущения (которым не придаётся родовое обозначение «образ»), восприятия (перцепты, которые в традиционной психологии до сих пор называют «образами», имея в виду, что так именуются только образы-восприятия), мышление и воображение и иные компоненты психики некогнитивной природы (не имеющие функцию познания).

В ленинградской школе общей (теоретической) психологии ещё трудами Б.Г. Ананьева была заложена модель строения когнитивного блока психики, включающая образы-представления. В монографии Н.А. Тих «Предыстория общества» (1970) в обзоре литературы по исследованиям приматов и их психических способностей часть, посвящённая познавательным способностям приматов, структурирована следующим образом: ощущения у приматов, восприятия у приматов, представления у приматов, мышление у приматов. То есть образы-представления уже входили структуру когнитивного блока психики в ананьевской теоретической модели.

Более того, Б.Г. Ананьев в работе, материал для которой был собран ещё в 1941-44 годах в военном госпитале, где Б.Г. Ананьев находился в эвакуации (Ананьев Б.Г. О расстройствах слюнной деятельности при афазиях // Психология чувственного познания. — М.: Изд-во АПН СССР, 1960. стр.336-347), прямо указывается на связь представленческих образов с вербальной деятельностью человека. Это указывает на то, что уже в ту пору Б.Г. Ананьев понимал необходимость «представленческого» уровня в познавательной деятельности человека.

А.Н.Леонтьев в трудах по эволюции психики выделяет четыре этапа развития психики в филогенезе — сенсорная психика, где регулятором поведения животного является образ-ощущение; перцептивная психика у животных, способных видеть

«вещно оформленный мир», то есть мир, состоящий из отдельных предметов, выделенных из фонового окружения; интеллект у животных, способных «мысленно» оперировать образами и решать наглядные задачи с предметами, не представленными в актуальном поле зрения; сознание у человека, наделённого даром сигнификативной деятельности.

Л.М. Веккер (1974-1981) в явной форме ввёл представления в когнитивный блок модели строения психики как необходимого «мостика» между перцептами и понятиями, между перцептивной деятельностью и мышлением, без которого не произойдёт «отрыва» чувственной наглядности и детализированности перцепта и обобщённости абстрактного понятия. Но и это не всё. В теории мышления Л.М. Веккера необходимо заложено понятие «языка образов», который во взаимодействии с «языком слов» даёт рациональное мышление (мышление — психический процесс непрерывного взаимно-обратимого перевода с языка сукцессивных дискретных алгоритмических логико-символических речевых структур на язык симультанных континуальных структурно-образных пространственных гештальтов). «Язык образов» — это «коллекция» образов-представлений в сознании человека, которая обеспечивает реалистичность абстрактному мышлению.

Таким образом, ввод представлений в иерархию когниций — один из идейных прорывов ленинградской психологической школы. Это даёт истинную (природную) модель организации когнитивных процессов; отсюда — программу изучения психологии (особенно процессы перехода репрезентанта в слово-понятие); отсюда следуют алгоритмы обучения и контроля развития (психодиагностика).

О видах репликаций в психологических исследованиях

Репликации, проблема воспроизводимости психологических исследований, реконструкция

В последнее десятилетие проблема репликаций (от лат. *replicare* — обращать назад, отражать) в психологических исследованиях привлекла внимание многих ученых. Главной причиной этого явился проект «*Reproducibility*», который был реализован в 2011–2015 гг. и имел целью ревизию результатов современных психологических исследований. Одним из условий его осуществления было требование высокого качества повторно проводимых исследований, для чего применялись разнообразные меры, в том числе тесное взаимодействие с авторами оригинальных исследований (Стебаков, 2017).

В то же время в психологии существует традиция репликационных исследований, при которой оригинальное и повторное исследования разделены значительной временной дистанцией (Корепанова, 2010; Левченко, Смирнова, 2014), а целью является подтверждение либо опровержение полученных в иных социально-исторических условиях психологических закономерностей, выявление их устойчивости либо изменчивости. В этом случае об общении с автором оригинального исследования при попытке его повторения остается только мечтать.

Для двух разных видов репликаций в психологических исследованиях будет различаться понимание как проблемы воспроизводимости, так и методологических трудностей ее осуществления. В том и другом случаях репликация связана с неявным знанием. При повторении современных эмпирических исследований появляется возможность и необходимость эксплицировать имплицитную составляющую их методологии. Экспликация осуществляется носителями тех же норм научного познания, которыми руководствовался автор оригинального исследования. Репликация при этом стремится к пределу точности воспроизведения его методологии.

Если же поставлена задача репликации исследования прежних лет, то возникает задача реконструкции как знания, которое стало неявным по прошествии времени, так и тех архаичных для реплицирующего норм познания, в соответствии с которыми знание было получено и представлено научному сообществу в прошлом. В этом случае репликация в идеале должна достигнуть максимальной глубины понимания замысла автора оригинального исследования и быть адекватной тому историческому контексту, в котором оно было задумано и проведено.

1. Вачков И.В., Вачкова С.Н. Воспроизводимость психологических экспериментов как проблема постнеклассической науки // Культурно-историческая психология. 2016. Т. 12. № 1. С. 97—101.
2. Корепанова И.А. И вновь о параллелограмме развития памяти: данные московской выборки // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна». — 2010. — № 4. <http://www.psyanima.ru>.

3. Левченко Е.В., Смирнова И.В. О методологических трудностях эмпирического исследования представлений современных россиян о психоанализе // Сибирский психологический журнал // 2014. № 51. С.141-147.
4. Стебаков Д.А. Психологический эксперимент в контексте проблемы сложности // Философия науки и техники. 2017. Т. 22. № 1. С. 46–60.

Развитие психологии в Сербии

Сербская психология, научные институции, психологи

Психология в Сербии развивалась с опозданием по сравнению с психологией западных стран и России (Тодорович, 2002). Историю психологии в Сербии можно разделить на три периода. В первом периоде (1835-1905) психология была метафизической. Тогда нынешний философский факультет Белградского университета был Лицеумом и Великой школой, где психологию читали философы. Все авторы по психологии этого периода занимались преподавательской деятельностью и не имели психологического образования (Йеркович, 2009).

Второй период (1905-1953) господствовала эмпирическая психология. Выделяются имена Константина Бранковича читающего курс психологии с логикой в Лицеум и Великой школе, который опирался на философию Канта и Крюгера. Милан Куюнджич составил программу курса психологии и логики (по сути, общей психологии). Алимий Василевич — основатель этнопсихологии в Сербии. Он учился в Киеве, интересовался идеями русского психолога-позитивиста Матвея Троицкого, а также написал первый сербский учебник психологии для высшей школы. Любомир Нэдич в 1878 получил докторскую степень в Лейпциге у Вундта и стал первым профессором, ориентированным на экспериментальную психологию. Самый блестящий психолог в Сербии того времени — Павел Пайа Радосавлевич, пионер экспериментальной психологии и экспериментальной педагогики. Он защитил первую докторскую диссертацию в Цюрихе у Эрнста Меймана, одного из основателей экспериментальной психологии, а вторую — в Нью-Йоркском университете. В США он стал доцентом и профессором и работал до конца жизни. Пайа Радосавлевич отлично знал пять языков и написал больше 1000 научных работ на сербском, английском, русском, немецком и других языках (Йеркович, 2009). П. Радосавлевич внёс большой вклад особенно в проблему памяти и забвения. Не менее важны его произведения в истории и культуры, этнопсихологии и педагогической антропологии. Он автор книги «Кто есть славяне, вклад в психологию расы» (1919), в которой предрекал большое будущее славянам.

Второй период начинался с преобразованием Великой школы в Белградский Университет, а завершился основанием кафедры Психологии на его философском факультете в 1953. Это период эмпирической психологии. Тогда активно работали Бранислав Петрониевич, концептуально близкий к Вундту и Тиченеру (читал курс психологии в Белградском университете), Борислав Стеванович — первый психолог, с английским психологическим образованием, защитил в Лондоне докторскую диссертацию «Экспериментальное исследование ментальных процессов, включенных в суждение». В Белградском университете передавал общую, детскую и педагогиче-

скую психологию, собрал там группу психологов, а потом открыл кафедру психологии. Он был единственный психолог — член Сербской академии наук и искусств. Прикладная психология Сербии много обязана Живораду Васичу.

Третий период (1953 — по настоящее время) — современная психология. 1953 — открыта кафедра психологии на философском факультете Белградского университета. В 1961 основан Институт психологии, его директор — известный сербский психолог Николай Рот. Психологические исследования проводились в Институте криминологических и социологических исследований, Институте социальных наук и в военных институтах армии (Стоянович, 2003).

В связи с политическими событиями в стране в 1990-х гг., военными действиями, миграцией и жертвами, востребованными стали клиническая психология и психотерапия (Биро; Михич, 2007). Исторически сербская психология ориентирована на зарубежные теории особенно Центральной Европы и США.

1. Биро М., Михич В. 40 лет Психологии // Психология, 2007, в.40, с. 3-89.
2. Йеркович И., П. Радосавлевич (1879-1958): Урок из успешной карьеры и неуспешной миссии // Матица сербской за социальные науки, 2009, в. 128, с. 89-100.
3. Стоянович, М. Пятьдесят лет Общества психологов Сербии 1953-2003. Белград: Общ-во психологов Сербии, 2003.
4. Тодорович, М.: История психологии в Сербии до 1918. года. Белград, 2002.

Вклад Г.Е. Шумкова в исследования стихийных социальных объединений

Стихийные социальные объединения, психология толпы, массовое поведение, состояние тревоги, психика бойца, российские психологи, Г.Е. Шумков

Последней публикацией в дореволюционной российской традиции изучения стихийных социальных объединений стала статья Г.Е. Шумкова, посвященная значению переживаний тревоги в нивелировке личностных различий (Шумков, 1914). При этом основоположник отечественной военной психологии являлся сторонником сугубо индивидуального подхода в исследованиях толпы. Выражая позицию, позже получившую логическое завершение в формулировке т.н. «групповой ошибки», тенденции опираться на понятие группы при объяснении персональных реакций (Allport, 1924), Г.Е. Шумков подчеркивал, что пребывание в толпе является лишь условием активизации сходных поведенческих проявлений и личностных свойств, входящих в сферу индивидуальной психологии.

Постановка проблемы

Большинство современных исследователей стихийных объединений отказалось от учета наследия предшественников в пользу социально-когнитивных объяснительных конструкций (Stott, Drury, 2016). Однако поиск ответов на вызовы сегодняшнего дня требует возвращения в данное предметное поле концептов, отражающих аффективные и иррациональные аспекты поведения масс. В связи с этим обращение к научному вкладу отечественного психолога представляется вполне перспективным.

Целью исследования стала историко-психологическая реконструкция концепции тревоги Г.Е. Шумкова в контексте разработки основ системного подхода к проблематике стихийных объединений. В качестве методов исследования использован теоретический анализ наследия российского ученого, систематизация его научных представлений, а также сравнительно-исторический анализ, направленный на соотнесение трактовок Г.Е. Шумкова с релевантными идеями и подходами современной науки.

В серии публикаций в «Военном сборнике» в 1913-1914 гг Г.Е. Шумков представил концепцию тревоги в условиях войны. Для исследований толпы важно то, что именно в тревоге автор видел «психологический цемент, при помощи которого люди даже разных душевных свойств могут объединиться... с наличием однородных мыслей, чувств и действий» [Шумков, 1914, 94]. Более того, отсутствие этого переживания делает образование толпы фактически невозможным. Таким образом, не случайно замеченное им абсолютное сходство характеристик индивидов в «одухотворенной толпе» (Лебон, 1896) с особенностями людей, испытывающих сильную тревогу. Исследователь отмечал, что для тех и других характерна концентрация мыслей на предмете беспокойства, снижение критических способностей, внушаемость, изменчивость настроений, нетерпение, стремление к группированию, готовность подчиняться ""вожакам"".

Анализ Г.Е. Шумковым переживаний солдат перед боем создает предпосылки к доработке современных концепций стихийных объединений. Состояние тревоги при этом может рассматриваться как психологический фундамент, необходимый для обоснования декларируемого в качестве принципиального перехода от личной идентичности к общей социальной (Stott, Drury, 2016). В противном случае, по выражению К. Борча, иррациональное так и останется рационализированным, а аномальное — нормализованным (Borch, 2006, 85).

1. Лебон, Г. Психология народов и масс / Г. Лебон. — СПб.: изд. Ф. Павленкова, 1896. — 329 с.
2. Шумков, Г. Роль чувства тревоги в психологии масс как начала, нивелирующего индивидуальности / Г. Шумков // Военный сборник. — 1914. — № 9. — С. 85-94.
3. Allport, F.H. Social psychology / F.H. Allport. — Boston: Houghton Mifflin, 1924. — 453 p.
4. Stott, C. Contemporary understanding of riots: Classical crowd psychology, ideology and the social identity approach / C. Stott, J. Drury // Public Understanding of Science. — 2016. — Vol. 26. — № 1. — P. 2-14.
5. Borch, C. The exclusion of the crowd: The destiny of a sociological figure of the irrational / C. Borch // European Journal of Social Theory. — 2006. — Vol. 9. — № 1. — P. 83-102.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 18-013-00302, «Толпа и личность: историко-психологическое исследование теорий XIX — начала XX вв.»

К.К. Платонов — Психология в полете: история и актуальность

Военная психология, авиационная психология, советские психологи, история психологии

Платонов Константин Константинович (7.06.1906 — 5.10.1984) — знаковая фигура в отечественной психологии, выдающийся советский учёный и экспериментатор, невропатолог, биолог, доктор медицинских и психологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР. Родившись в Харькове, в семье потомственного врача (отец — психиатр и невропатолог, мать — педагог), будущий учёный воспитывался в среде всепоглощающей любви к науке и естествознанию.

Свою карьеру он начинает в 15 лет в Институте распространения естествознания с должности коллектора-препаратора, что во многом определило его желание поступить на биологический факультет. Однако, закончит он его гораздо позже, экстерном, поскольку интерес молодого учёного всецело привлечёт медицина и психология. Применение своих знаний начинающий специалист находит в работе в составе психофизиологических лабораторий крупных транспортных предприятий СССР, где активно изучает психогигиену и психологию труда. Но одним из ключевых событий для Константина Константиновича станет получение должности в Научно-исследовательском санитарном институте, в котором он плотно займётся изучением и практическим исследованием авиационной психологии и медицины. Вступление в ряды Красной Армии, присвоение звания военврача III ранга, получение степени кандидата медицинских наук, назначение на должность начальника филиала института в Качинской авиационной школе, где он сам сядет за штурвал, — все это в итоге приведёт к написанию ряда книг о психологии и медицине полёта. Свою ключевую работу — рукопись книги «Человек в полёте», он закончит буквально в последний мирный день перед началом Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.

В годы войны он продолжит практическую деятельность психолога и врача. Как председатель военно-врачебной лётной комиссии, Платонов проводит экспертизу профессиональной пригодности лётчиков, оценивает динамику их восстановления и перспективу возвращения в строй после боевых ранений. Начальник санитарной дивизии, майор, а впоследствии полковник, Платонов, в составе 16-й воздушной армии I Белорусского фронта дойдёт до Берлина. И в этом пути его рукопись пополнится боевым опытом и богатой практикой. Окончательный вариант книги выйдет в 1958 г. В послевоенные годы он создаст самолёт-лабораторию для изучения лётных навыков, будет уделять много внимания проблемам отбора кандидатов в лётчики и их дальнейшей подготовке. Одним из неоспоримых достоинств ученого был талант говорить просто о сложных вещах, он стремился к тому, чтобы его работы были доступны широкому кругу читателей. Наиболее ярко это проявилось в книге «Занимательная психология», которая была переведена на 18 языков и вдохновила целое поколение будущих психологов.

Труды Платонова не теряют своей актуальности и в современном мире. Его идеи и наработки в области профессионального психологического отбора находят применение в работе психологов многих силовых ведомств, в том числе и МЧС России. Научные труды профессора использовались при разработке учебно-методического комплекса по психологической подготовке для лётно-подъёмного состава МЧС России. В частности, учитывались результаты исследований свойств внимания и памяти человека, их изменения под влиянием полёта, а также наиболее эффективные способы тренировки и обучения лётчиков. Широкий круг его научных изысканий позволил не только обогатить представления об авиационной психологии и медицине, но и внести существенный вклад в психологию труда, юридическую и криминальную психологию, исследования структуры личности, зоопсихологии, социальной психологии и психологии религии.

1. Глоточкин, А.Д. Жизнь и научное творчество К.К. Платонова /А.Д. Глоточкин, А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова — Текст: непосредственный //Психологический журнал. — 2006. — №3. — Т. 27. — С. 117-126.
2. Благинин, А.А. Развитие психологической мысли (к 110-летию К.К. Платонова) / А.А. Благинин, Н.С. Бар — Текст непосредственный // Вестник Российской военно-медицинской академии. — 2016. — №3. — Т. 55. — С. 269-272.

Научные школы МГУ в условиях Великой Отечественной войны

МГУ, научные школы, раненые, восстановление движений рук, методология, деятельностный подход, А.Р.Лурия, С.Л. Рубинштейн, П.Я.Гальперин, Н.А. Бернштейн, С.Г.Геллерштейн

В годы Великой Отечественной войны научная работа университетских психологов была направлена на решение задач, связанных с нуждами военного времени. К этому испытанию она была подготовлена достижениями, накопленными дореволюционной русской наукой и более чем 20-летней историей становления и развития системы советской психологии после революции 1917 г. К 1940г. в Московском университете сложились крупные научные школы. Во главе школ стояли ученые, чьи труды сохраняют свою значимость до настоящего времени. Не могут устареть труды Л.С.Выготского об исторической природе психики и сознания человека; методологические принципы психологических исследований С.Л.Рубинштейна и его книга «Основы общей психологии». Эта книга и сегодня является энциклопедией психологической науки, образцом психологического познания. Были сформулированы методологические установки психологии, согласно которым в исследованиях теоретические обобщения и практические положения образуют две стороны единого процесса. Была достаточно тщательно разработана психологическая теория деятельности А.Н.Леонтьева; намечена оригинальная теория происхождения психических процессов из материальной практической деятельности П.Я.Гальперина. Особенно важную роль в военное время получили методология и батарея методик по изучению мозговых механизмов психики А.Р.Лурии, получившая известность во всем мире под названием луриевских. В 1947 г. вышла в свет его «Травматическая афазия», а в 1948 г. — «Восстановление функций мозга после военной травмы». В этих книгах был обобщен опыт практической работы психологов в военные годы. В глубоком тылу в эвакогоспиталях психологами в содружестве с медиками была создана теоретически обоснованная система рациональной восстановительной терапии функций мозга, нарушенных после ранений. Были созданы специальные условия с продуманной системой требований к работе над собой раненых бойцов, достаточно оправившихся соматически. Изучение психологического строения дефектов, которые являются результатом травмы, позволило обеспечить диагностику поражений, создать основы для адекватной восстановительной терапии, включая терапию трудом и рационального трудового устройства после выписки из госпиталя. С.Г.Геллерштейн был научным руководителем всех эвакогоспиталей по восстановительной трудовой терапии при ранениях рук. Он разработал эффективную концепцию восстановительной индивидуализированной трудотерапии функций руки на послеоперационном этапе, которая позволяла, подобрав специально для конкретного бойца изготовленный инструмент для проведения занятий.

Во время войны и в ближайший послевоенный период оформилась при самом активном участии А.Р.Лурии нейропсихология как самостоятельная, междисциплинарная отрасль психологии. Нейрофизиолог и глубокий мыслитель Н.А.Бернштейн создал теорию об иерархической системе уровней построения движений человека. Он доказал, что для построения движений различной сложности включаются различные уровни нервной системы. Исследования Н.А.Бернштейна имели не только большое теоретическое значение, но были важны и для практиков -: для спортивного тренера и спортсмена, для музыкального педагога и музыканта-исполнителя, для балетмейстера и артиста балета, для всех профессий, для которых важна точность движения. А.Н.Леонтьев совместно с А.В.Запорожцем осуществил исследование психофизиологических путей восстановления движений руки после ранения. П.Я.Гальперин установил факт зависимости объема движений раненой руки от психологического характера задачи. Задача должна быть не абстрактной инструкцией, например, «поднять руку как можно выше», а иметь практический смысл «достать со шкафа шапку».

Практическая работа психологов военных лет способствовали и способствует поныне развитию психологической теории, особенно деятельностного подхода, сформулированного С.Л.Рубинштейном в его методологических принципах.

Revisions of history and challenges to psychology

Revisions of history, Vygotsky, cultural-historical psychology, discourse, meaning, Charles Taylor, Baudrillard, Marxism, Nazism

The aim of this paper is to engage cultural-historical theory and later developments in form of discursive and narrative psychologies in order to approach ongoing revisions of history, including the World War 2, and especially post-hoc discursive redistributions of the roles and merits of involved parties, with the explicit intent to diminish or even reverse the role of Soviet Union in defeating Nazism.

It will be argued that current revisionist discourses pose undeniable political challenges, but beyond that they pose challenges to some basic assumptions of understanding human beings as historical and cultural beings and understanding of their world as historically constituted.

To claim a psychological relevance — already at a theoretical level — of revisions of history presupposes understanding humans as fundamentally historical beings and arguing for cultural psychology as a human science (Jovanović, 2019). It is a great contribution of Vygotsky (Vygotsky, 1931) that he has developed the first historical psychology, relying on Marxist understanding of human beings as historical beings — it is history which distinguishes humans from other species. Vygotsky has historized human psyche, tracing the ways how historical achievements (tools, signs) become part of the structure of human cultural psychic functions. It seems that in his model of asymmetric transmission of knowledge from more competent adults to not yet competent children, Vygotsky implicitly assumed that adults transmit universal true meanings, while the domain of sense remains open to particular connotations.

Even though discursive and narrative turns in human and social sciences, which have eventually reached also psychology, don't assume a long-term historical perspective, it is their theoretical merit to have provided insights into processes of construction of meaning which are shaped also by conditions related to social position and power resources of parties involved in discursive struggles for or against a certain meaning. Those aspects were missing in original Vygotsky's cultural-historical theory.

However, discursive turns have led to beliefs into supremacy of discourse over material, factual conditions — Baudrillard (Baudrillard, 1983) has described this phenomenon as „referenceless“ signs, or carnival of signs. The second objection I am raising here, which applies more generally to psychology, even before it accepted discursive and narrative approaches, is related to conceptual exclusion or neutralization of indispensable evaluative dimensions of human activity, including mental one — Charles Taylor (1985) named moral or aesthetic evaluations second order evaluations and they define humans as species.

Revisions of history, especially on the occasions when commemorations are expected as is the case in this year with the 75th anniversary of the defeat of Nazism, are additional practical and political reasons to point out insights into power-conditioned meaning-constructions. But at the same time this requires to argue for necessity to include normative

evaluations of discursive constructions — not all discourses are loyal to lived reality and justice.

1. Baudrillard, J. (1983). *In the shadow of the silent majorities, or the End of the social and other essays*. New York:Semiotext(e).
2. Jovanović, G. (2019). Cultural psychology as a human science. In G. Jovanović et al. (eds). *The challenges of cultural psychology* (pp. 15-36). New York & London: Routledge.
3. Ricouer, P. (1998). *Herrmeneutics and the human sciences*. (J. Thpompson, ed. and trans). Cambridge University Press.
4. Taylor, Ch. Taylor, Ch. (1985). *Human agency and language*. *Philosophical papers*, Vol. 1. Cambridge: Cambridge University Press.
5. Vygotsky, L. S.(1931/1960/1997). The history of the development of higher mental functions. In R. Rieber & J. Wollock (Eds.) *The collected works of L.S. Vygotsky*, vol. 4 (M. Hall, Trans.) (pp. 1-298). New York: Springer.

Б.Г. Ананьев о сознании и семиотике поведения

Жизнь, сознание, поведение, семиотика, знак, неязыковые средства общения, сигнализация, символизация

Вне жизни нет сознания и только человеческая атрибутируется таковым. Об интрузии сознания свидетельствуют религиозная/философская/психологическая рефлексии: знаю, что живу (Августин) — мыслю, значит существую (Р. Декарт) — жизнедеятельность человека сознательна (К. Маркс) — переживание жизни для осознания жизни (Б.Г. Ананьев). Закономерность развития в единстве сознания и деятельности — реальной жизни и в ее в потоке сознание наиболее общая черта психических процессов (Б.Г. Ананьев, 1945). В пору классовых/расовых трактовок сознания Б.Г. Ананьев обозначил принципиальным для психологии изучение индивидуальной формы сознания (отзыв на диссертацию Е.С. Кузьмина, 1952); в статье о рефлексе (1967) определил сознание общим конвергентным эффектом труда, познания и общения. Субъективность производится/творится субъектом. Фронтир человеческого (индивидуально/связью людей в целом) задается речью, производные от нее языки разведены по национальным корпусам и групповым кластерам. По Ананьеву: общение — движущая сила психологической эволюции (1967), личность характеризуется глубиной переживания и осознания исторического процесса (1968). Направляемого: законом развития общества (борьба классов), стратифицирующим выделением элитарных групп (эмерджентность меритократии), все больше влияющими на жизнь общества креативами индивидуальных проектов. Ф. Сосюр предлагал психологу определить место семиологии. Б.Г. Ананьев указал на оперирование значениями и смыслами в психологическом анализе (1945). Семанализ по Ю. Кристевой (2015) рассматривает знак спекулятивно указывая языку операции приписывающие к субъекту и истории с критикой смысла и его элементов. К. Бутырин (2017) отметил феномен двусмысленного состояния сознания. Способ/стиль/идиолект режиссера «читать» жизнь — «реальность» (в оппозиции к безудержному вымыслу) Р. Барт видит в третьем смысле — открывающимся «неполным» знаком в бесконечность речи (2015). Удобный для математических/статистических моделей формат структуралистской бинарной оппозиции не объясняет противоречивости эмпирии поведения. В.В. Иванов (2018) полагает продуктивной точку зрения Р.О. Якобсона отнесшего лингвистику к семиотике, в свою очередь, соподчиненной этнологии — исследующей обмена в обществе. Критически рассмотрев концепции дара у М. Мосса и К. Стросса, антрополог М. Годелье (2007) исходит из фактов поведения различающегося в обществе в разные времена и имеющего в разных обществах разный смысл и разное значение, сам модус психического бессознательного недостаточен для толкования поведения и поэтому востребована теория символического — использующегося живущими в определенном обществе в определенную эпоху, что по Б.Г. Ананьеву идентифицирует современников (1967). Жизнь общества (бытие людей) соотнесена с исторически сложившимися значениями (содержанием знаков)

обобщенного опыта, правил поведения, стереотипов и эталонов. Лингвисты не поясняют сознание. Б.Г. Ананьев (1968) подчеркивал: в языкознании не берутся в единстве коммуникативная и логико-гносеологическая стороны языка представленные в функции сообщения и сигнализации. Особо ценные тезисы Б.Г. Ананьева (1967) о неязыковых средствах общения — экспрессивных реакциях поведения: мимико-соматических, интонационных и жестиколярно-тонических и о неязыковых знаках (сигналах и символах) с помощью которых осуществляются различные процедуры общественного поведения и организация взаимоотношений, правовых, нравственных отношений. Коллективные действия согласовываются правилами сигнализации. Для регулирования коллективного поведения применяется символизация традиций, обычаев, иерархий отношений, прав и обязанностей членов групп, общей функции групп. Восприятие речи и знаков (символов, сигналов) — психическая регуляция. Соглашаясь с Л.С. Выготским по психологической функции знака в эффектах коммуникации, Б.Г. Ананьев указал на выделение и эмансипацию коммуникации от производства материальной жизни, роль знаков в познании, соотношение знаков — орудий в научном познании (1968).

О проблеме объективности современных историко-психологических исследований

История психологии, методология и методы истории психологии, проблема объективности историко-психологического исследования

В последние десятилетия произошли кардинальные изменения условий труда историка психологии. Сравнительно недавно исторические изыскания осуществлялись в течение длительного времени. Успех работы во многом определялся доступностью редких архивных материалов, авторитетом и статусом исследователя, его кропотливым трудом, поддержкой солидного научного учреждения.

Сегодня существенно изменились как характер историко-психологических исследований, так и применяемые к ним конвенциональные нормы. Появились научные технологии, облегчающие доступ к исторической информации и ее обработку. Произошла смена поколений, вследствие которой оказался устранен контроль непосредственных свидетелей за достоверностью интерпретаций многих событий советского прошлого. Постмодернистский подход с его представлением об относительности истины также способствовал большой свободе выражения мнений. Историко-психологические исследования в большинстве своем стали историко-методологическими, причем нередко осуществляемыми аспирантами за 3-4 года обучения в аспирантуре. Таким образом, оказалась нарушенной прежняя конвенциональная норма научного сообщества психологов, состоявшая в том, что занятия методологией поощрялись только у тех его членов, которые имели значительный исследовательский опыт и высокий статус [Левченко, 1994].

Сокращение сроков получения результатов ряда историко-психологических изысканий делает актуальным вопрос об их объективности и обсуждение опасности превращения истории в мифологию. Ведь не случайно в последнее время так редки случаи, когда историк психологии берется за изучение взглядов представителя той научной школы, к которой он не принадлежит ни исторически, ни географически. Не является ли известная доля корпоративности при выборе темы историко-психологического исследования проявлением спроса на мифы о преемственности психологической науки, укрепляющие сплоченность академического сообщества и исследовательскую идентичность?

Эти предположения заставляют тщательно анализировать методологию современных историко-психологических исследований и обращать внимание на ее возможные дефициты. Можно выделить по крайней мере четыре индикатора сомнений по поводу объективности полученных результатов.

Во-первых, в современных историко-психологических работах зачастую отсутствует описание источниковой базы, не обсуждается вопрос о том, какие источники необходимы для работы, какие оказались недоступными, как в конечном счете она формировалась.

Во-вторых, большую трудность для начинающих исследователей представляет рефлексия примененных в работе методов. Она может осуществляться задним числом, после реализации интуитивных исследовательских действий, по принципу «все

или ничего», то есть либо путем эксплицирования пестрого набора всевозможных методов, либо посредством указания на банальный анализ литературы.

В-третьих, недостаточно дифференцируются исторические факты и их интерпретация. Из-за «прыжка к обобщениям» не всегда можно понять, на каком именно фактическом основании выстроено исследование.

В-четвертых, предлагаемая автором интерпретация оказывается единственной. Альтернативные варианты не рассматриваются.

Выявленные индикаторы и сама проблема объективности историко-психологического исследования в настоящее время нуждаются в обсуждении. Вместе с тем, анализ этой проблемы историками неизменно приводит к заключению о высокой значимости ее этических аспектов: морально-нравственных качеств, научной добросовестности, норм и ценностей исследователя [Международная..., 2012] .

1. Левченко Е.В. Влияние социокультурных факторов на восприятие психологического знания научным сообществом // Материалы конференции Социально-психологические проблемы человека в современной социокультурной ситуации / Под ред. Б.Д.Парыгина. СПб., 1994. С.22-23.
2. Международная научная конференция на истфаке МГУ Может ли история быть объективной / Л. В. Байбакова и др. // Новая и новейшая история. — 2012. — № 3. — С. 3–40.

Августа Викторовна Ярмоленко — представитель Петербургской (Ленинградской) психологической школы

История российской психологии, А.В.Ярмоленко, Институт мозга, война, блокада, Ленинградский гос. университет, дефектология, осязание, слепоглухота, педагогическая деятельность

Жизнь и творчество А.В. Ярмоленко, чье 120-летие со дня рождения отмечается в 2020 г., неразрывно связано с историей Петербургской психологической школы. Она училась у В.М. Бехтерева, закончила педологическое отделение основанной им Психоневрологической академии, работала в Институте мозга (кстати, где работала и ее мать А.А. Дернова-Ярмоленко ученица Бехтерева, выпускница петербургского Женского медицинского института 1902 г.). А.В. Ярмоленко долгие годы сотрудничала с Б.Г. Ананьевым и В.Н. Мясищевым, была в числе основателей отделения и факультета психологии ЛГУ (ныне СПбГУ). Человек с гимназическим прошлым, Августа Викторовна Ярмоленко знала несколько иностранных языков, включая древние. В лаборатории рефлексологии Института мозга она изучала психомоторику, проводила корректирующие рефлексологические опыты с трудными детьми, в том числе с клептоманами. Ее первая книга «Исследование моторной сферы нормальных и аномальных детей» издана в 1931 г. Накануне войны А.В. Ярмоленко заявила проблему, по которой претендовала на ученое звание, «Психическое развитие слепоглухонемых детей до начала обучения» (архив РГПУ им. А.И. Герцена, опись 31 «Дела и др. материалы за 1925-1950» №734).

Владение экспериментальными методами послужило дальнейшей научной работе. В годы войны А.В. Ярмоленко оставалась в блокадном Ленинграде, закончила сестринские курсы и работала медсестрой в военном госпитале при Психоневрологическом институте им. В.М. Бехтерева. Военный опыт пригодился в разработке проблем дефектологии. После войны Августа Викторовна получила известность как крупный специалист по комбинированным тяжелым дефектам — слепоглухонемоте.

В 1944 г. А.В. Ярмоленко перешла на работу в ЛГУ (СПбГУ) на вновь созданное отделение психологии и кафедру психологии. Вместе с руководителем отделения и кафедры Б.Г. Ананьевым, профессором В.Н. Мясищевым, В.И. Кауфманом и другими бывшими сотрудниками Института мозга закладывала основы психологического образования и научно-исследовательской работы в Ленинградском университете. Она была членом Всесоюзного общества культурной связи с границей (ВОКС), вела библиографическую работу зарубежных публикаций по психологии. Проводила учебные занятия по общей, экспериментальной, юридической психологии, основам дефектологии, психологии многоязычия. Вместе с Б.Г. Ананьевым, Л.М. Веккером и Б.Ф. Ломовым участвовала в инициированном Ананьевым исследовании осязания. В этом коллективном исследовании отвечала за раздел программы, посвященный осязанию у людей с ограниченными возможностями. По результатам совместной работы была написана по сей день непревзойденная в данной области монография «Осязание в процессах познания и труда» (1959), удостоенная

премии им. К.Д. Ушинского Академии педагогических наук РСФСР. Многолетний труд Августы Викторовны в области дефектологии увенчался успешной защитой докторской диссертации по педагогическим наукам на тему «Развитие познавательной деятельности слепоглухонемых» (1955), материалы которой отражены в ее монографии «Очерки психологии слепоглухонемых»(1961).

Августа Викторовна была талантливым педагогом высшей школы. Кто слушал ее лекции, помнит ее личностную речь, случаи из ее собственного опыта, например, о психологической экспертизе в годы войны. Во многом благодаря ей в учебных планах факультета утвердились юридическая психология и дефектология. Августа Викторовна заботилась о студентах, особенно заочного отделения. Долгие годы она вела рукописный журнал учета всех выпускников отделения психологии, записывала их адреса и вела переписку. Этот журнал содержал ценную информацию биографического характера, что очень помогло в налаживании контактов с бывшими выпускниками и, по замыслу Б.Г. Ананьева, изучении демографии Ленинградской научной школы. Добрая память о замечательном человеке Августе Викторовне Ярмоленко останется навсегда в истории отечественной психологии.

Няголова М.Д.
Болгария, г. Велико Търново, Великотърновский университет им. святых Кирилла и
Мефодия

Олейник Ю.Н.
Москва, МГУ

Характер историко-психологических исследований в болгарской и советской науке военных лет (1939-1945)

История психологии, историография психологии, Вторая мировая война, Великая Отечественная война, Отечественная война болгарского народа против фашизма

Развитие отечественной историографии психологии в Болгарии и СССР, в годы Второй мировой войны, является одним из наиболее ярких достижений психологического знания в обеих странах. Речь идет о проблеме «Психология и война», о развитии истории психологии в условиях военного времени. Цель исследования явилось изучение общей направленности развития историко-психологических исследований в Болгарии и СССР в военный период с 1939 по 1945 г. Проведенный, в рамках реализации совместного болгаро-российского научного проекта «Развитие психологической науки в период Второй мировой войны в Болгарии и Советском Союзе: характеристика, особенности, последствия», анализ историографических публикаций болгарской и советской психологии в годы Второй мировой войны показал, что основное внимание исследователей сосредоточено, прежде всего, на результатах и достижениях отечественной науки. Большой вклад в разработку болгарской историографии психологии вносят представители ремкеанской научной школы Дмитрия Михалчева. Ивана Балтова (1940) проводит параллельный анализ развития болгарской философии и психологии. Ангел Бънков посвящает свое творчество военным лет комплексному изучению истории отечественной психологии, в следующих направлениях: историко-психологическое исследование персоналий (1942), сопоставительный анализ развития иностранной и отечественной истории психологии (1942), систематическое (1943) и проблемологическое (1945) исследование болгарской философии и психологии. За время военного периода, историко-психологическая проблематика разработана и в произведениях известного болгарского психолога Михаила Димитрова, историка философии Сава Гановского (1941), психоаналитика Младена Николова и некоторых других авторов. В этот же период, значительно нарастает интерес к отечественной психологии и в СССР. Начало ставится Б. Г. Ананьевым, в 1939 г., защитой докторской диссертации «Формирование научной психологии в СССР» (Н. В. Кузьмина, 2007). В своем систематическом труде «Основы общей психологии» 1940 г., С. Л. Рубинштейн уделяет значительное место не только истории зарубежной психологии, но и историческому развитию психологии в России и СССР. В 1945 г., Л. М. Веккер проводит исследование психологических идей русских ученых XVIII — начала XIX вв. Д. Велланского и А. Галича (Кольцова, Олейник, 2006). Во время Великой Отечественной войны, к отечественным корням и развитию психологии, обращаются известные советские психологи Б.Г. Ананьев, Г.С. Костюк, Н. А. Рыбников, А. А. Смирнов, Б. Н. Теплов и др. Ярким примером

полифункционального подхода в истории психологии, явилось исследование наследия К.Д. Ушинского. В литературе по психологии военных лет значительное внимание уделено научной деятельности И. М. Сеченова. В 1945 г., Л. М. Веккер проводит исследование психологических идей русских ученых XVIII — начала XIX вв. Д. Велланского и А. Галича (Кольцова, Олейник, 2006). Историография отечественной психологии, в том числе и тематика советской психологии периода Великой Отечественной войны, изучена в работах Н.А. Рыбникова (1940; 1943; 1944). Проведенный сопоставительный анализ развития болгарской и советской историографии психологии военных лет позволяет обнаружить существенные сходства в тематике исследований историков психологии обеих стран. В сложной социальной ситуации военного времени, историко-психологические исследования направлены, прежде всего, на изучение отечественных достижений психологической мысли. Наряду с хронологическим, значительное место в исследованиях занимает и проблемологический подход. Несмотря на политические и дипломатические различия между двумя государствами тех лет, в болгарских публикациях по психологии, нарастает цитируемость советских и российских авторов, и их произведений.

Работа подготовлена при финансовой поддержке гранта Болгарского Фонда научных исследований (ФНИ) № ДНТС Русия / 02/ 19, 18.06. 2018 г. и гранта РФФИ №18-513-18017

Болгарская военная психология в годы второй мировой войны

История психологии, военная психология, война, боевой дух личного состава, страх смерти, Вторая мировая война

Становление военной психологии в Болгарии обусловлено общественно-историческими условиями развития государства, общества и армии, запросами подготовки и ведения боя, быстро нарастающим интересом к применению психологических знаний в военной практике и теории. В первой половине прошедшего века, ее развитие происходит как поэтапный процесс, сначала эмпирический (с конца XIX в. — до середины 20-х годов XX в.) и научный (с середины 20-х годов — до конца 40-х годов XX в.). Начало научного этапа ставится исследованием Петра Дървингова «Психологическая и стратегическая студия взятия в плен Явера — Паша» (1924), которая посвящена деятельности болгарского македонско — адриано-польского ополчения, во время Первой Балканской войны. В ней, автор, впервые, вводит новый подход в разработку военной психологии, основывающийся одновременно на данных военной истории и на принципах исторической психологии. Развитие научного этапа болгарской военной психологии становится возможным на фоне двух важных исторических периода организации и существования болгарской армии. Первый из них, относится к 1923 — 1938 гг., когда, согласно международным договоренностям после Первой мировой войны, болгарская армия не имеет права на вооружение и ее деятельность связана, скорее всего, с военными задачами мирного времени. Лишь, во второй период (1938 — 1945 гг.), после Соглашения в Салониках, в 1938 году, указанные дипломатические ограничения отменяются. Болгарская армия постепенно восстанавливает свой милитаристический характер. В соответствии с общей направленностью болгарской военной политики, разрабатывается тематика военной теории и практики. Для первого периода научного этапа, характерно исследование психологии личности воина и военачальника (П. Пеев, 1936; 1937) психология воинской службы, учебы и воспитания (К. Коцев, 1933; С. Алексиев, 1936). Наряду с военной психологией, существенное значение приобретает развитие военной педагогики (П. Цонев, 1934) и военной социологии (Н. Агънски, 1937). Для методологии военной психологии ведущую роль выполняет труд генерала Н. Т. Жекова «Война, как общественное явление и неизбежное злодеяние» (1930). После 1938 г., проблематика конкретных военно-психологических исследований значительно изменяется, в зависимости от новых тенденций военной политики болгарского государства. Цель настоящего исследования заключается в том, чтобы на основе обобщения достижений военной психологии за время с 1938 по 1945 гг., воссоздать процесс ее развития в Болгарии и выявить ее основные тенденции в условиях Второй мировой войны. На этом этапе военная психология формируется как самостоятельная отрасль психологической науки. Военно-психологические знания превращаются в систему. Выходят в свет две систематические произведения — «Психологические основы войны» ген. К. Соларова (1942) и «Военная психология» проф. С. Казанджиева

(1943). Расширяется круг исследований индивидуальной военной психологии, благодаря работам, посвященные личности выдающихся болгарских генералов Балканских войн и Первой мировой войны, а также, главнокомандующего болгарской армии во время Сербско-болгарской войны 1885 г., Князя Александра I Батемберга (П. Пеев, 1939, 1940, 1943). Особое внимание уделяется психологии боя, войны и психическим особенностям боевой деятельности солдатам и офицерам. Оригинально и профессионально, с учетом достижений общей психологии, проведено исследование подполковника Г. Генова «Страх смерти» (1941). С позиции актуальных принципов социальной психологии развиты военно-психологические идеи подполковника Ст. Таралежкова в его книге «Сила духа и кризис в бою» (1941). В итоге, необходимо подчеркнуть, что время Второй мировой войны оказывается самым плодотворным периодом развития болгарской военной психологии. Почти все исследования болгарских военных психологов той эпохи не потеряли своего исторического значения и до сих пор.

Работа подготовлена при финансовой поддержке гранта Болгарского Фонда научных исследований (ФНИ) № ДНТС Русия / 02/ 19, 18.06. 2018 г.

Зарождение интегративной психологии в Ленинградской школе профессора Б.Г. Ананьева

Интегративная психология, принцип целостности, общая чувствительность, осознание как орган познания и труда, человекознание, структура психики, психическая организация, психология человека

Интеграция знаний в науке и образовании предполагает синтез эмпирических фактов науки в теоретических моделях, воспроизводящих психологическую реальность во взаимодействии человека с миром вещей, людей и самим собой. В психологии человека речь идет о функциональных возможностях его психической организации. Необходимо рассматривать психологические явления в единстве субъект/объектного взаимодействия, Такой взгляд был присущ Б.Г. Ананьеву как имплицитная особенность его научного интеллекта, которая вступала в противоречие с господствующей тогда парадигмой психофизического параллелизма.

Б.Г. Ананьеву был свойственен целостный взгляд на изучаемые им психологические явления. Так, в его теории ощущений целостность обнаруживается в концепции общей чувствительности человека (сенситивности). Она рассматривается как интегративное проявление индивидуальности человека в сенсорном взаимодействии с материальными свойствами объектов. Это, пожалуй, первый опыт интегрального синтеза эмпирических достижений экспериментальной психологии на уровне целостности психологии человека. [1].

Следующим шагом к интегративной психологии была инициированное им коллективное исследование осознания. Был изучен интегральный синтез проприоцептивных, тактильных и кинестетических ощущений при восприятии объектов. Осознание наделялось функцией интегратора ощущений разной модальности и рассматривалось как естественная форма предметного восприятия [2].

В книге «Человек как предмет познания» Б.Г. Ананьев напрямую связал разработку классификации наук с идеей синтетического человекознания. В реализации этой идеи психологической науке была отведена главная роль. Эта роль обосновывалась Ананьевым единством природного и общественного в человеке, индивидуальных и личностных свойств, которое реализуется в субъекте познания, общения и труда [3].

Реализация этой идеи Ананьева тормозилась отсутствием целостного конструкта психической организации человека и модели психологии человека, представленной в реальных формах проявления этого конструкта. Эти формы окрылись в исследованиях социально-психологической интерпретации личности по внешним проявлениям партнера социального взаимодействия. Результатом осмысления этого явления стали теоретический конструкт психической организации человека и онтологическая модель личности, представляющая психологию человека как реальность социального взаимодействия людей [4].

Отсутствие целостного конструкта психической организации человека в науке не позволяет продуктивно интерпретировать результаты эмпирических исследований для объяснения парадоксальных проявлений психологии человека на практике как субъекта, взаимодействующего с миром вещей, людей и самим собой.

Набор понятий о психических процессах, состояниях и свойствах, сложившийся в общей психологии не дает целостного представления о психологии человека как феномене индивидуальности. Эти понятия расчленяют целостную психическую организацию человека на элементы, которые изучаются и трактуются как отделенные друг от друга сущности вне конкретного человека как субъекта общения, познания, труда и других форм жизнедеятельности.

Принцип целостности субъект/объектного взаимодействия становится методологическим инструментом развития и оформления интегративной психологии [5].

1. Ананьев Б.Г. Теория ощущений. Л.: ЛГУ, 1961.
2. Ананьев Б.Г., Веккер Л.М., Ломов Б.Ф., Ярмоленко А.В. Осознание в процессах познания и труда. М.: АПН РСФСР, 1959.
3. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. Л.: ЛГУ, 1968
4. Панферов В.Н. Интегральный синтез психологии человека в науке, в образовании, в социальном взаимодействии. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И.Герцена, 2015.
5. Панферов В.Н., Микляева А.В. Принцип целостности в интеграции психологического знания. Психологический журнал, 2019. № 2, с. 5-14.

К вопросу об институционализации психологии в Германии и США перед Второй мировой войной

История психологии, психология предвоенного периода, институционализация психологии, американская психология, немецкая психология

Предвоенный период является важной вехой в развитии психологии потому, что Вторая мировая война оказалась временем перелома в развитии мировой науки, так как главный центр влияния в зарубежной психологии переместился из Германии, которая, по общему мнению, играла эту роль до войны, в США, которые в послевоенный период стали здесь безоговорочным лидером. Мы полагаем, что уже в предвоенный период были сформированы предпосылки, определяющие то, в каком статусе психология подошла к принятию такого удара, как Вторая мировая война и как развивались события в дальнейшем.

Как известно, зарождению своего академического статуса психология обязана Германии, где впервые была разработана широкая система экспериментальных лабораторий, занимающихся изучением проблем на стыке психологии и физиологии, начало чему положил В. Вундт и его коллеги. Однако институциональное развитие психологии быстрее происходило в Америке, чем в Германии (Greenwood, 2013): к 1892 г. в США насчитывалось больше лабораторий, чем в Германии, а к концу 19-го века в США была сформирована широкая сеть профессиональных организаций и академических журналов; к концу 19 в. психология была представлена во многих университетах США. Так, к 1904 г. в США насчитывалось 49 лабораторий, 169 членов Американской психологической ассоциации и 62 учреждения, предлагающих три или более курсов по психологии.

Активный рост психологии в США объясняется несколькими причинами. Пока начинающим психологам в Германии и Британии приходилось соперничать с довольно реактивными философами и консервативной администрацией, американская интеллектуальная элита в целом приветствовала психологию, так как она ассоциировалась с экспериментальной психологией, что привлекало прагматично ориентированных бизнесменов и, соответственно, обещало хорошее будущее в виде щедрой материальной поддержки.

Однако некоторые философы в США сопротивлялись развитию научной психологии. Ф. Боуэн, профессор философии в Гарварде, протестовал против списка курсов У. Джеймса «Физиологическая психология» в 1877 г., введенных на кафедре философии. В первые годы институционализации психологии некоторые философы и сами психологи видели «новую психологию» лишь как средство возрождения традиционной философии (Pickren, 2009).

Тем не менее, многие поддержали развитие психологии и сами философы, такие как Д. Дьюи сыграли важную роль в становлении психологии как научной отрасли.

Чувствуя ограничения, исходящие от философии, американская академическая психология стала развиваться более автономно, но дисциплинарная связь между ними сохранялась: академическая философия была разработана в ответ на возникающие дисциплины научной психологии. Англо-американская аналитическая философия, основанная Г. Фреге и Б. Расселом, и континентальная феноменологическая философия, основанная на феноменологии Ф. Brentano и Э. Гуссерля, были разработаны в ответ на набирающий популярность психологизм. Так, и психология, и философия, разделяющие общую предысторию, развивались в 20-м веке как автономные, но тесно связанные друг с другом дисциплины.

После 1920-х гг. американская психология значительно расширялась, но с точки зрения теоретической сущности в нее мало что было добавлено. Эта ситуация не менялась до 1950-х годов, когда появилась когнитивная наука (Jalali, 2013). В Германии же в связи с политической ситуацией в 1920-1930-х годах наступает кризис в психологии, в частности — разрушение психотехники как самостоятельной области знания.

1. Greenwood, John D. A conceptual history of psychology/John Greenwood.—1st ed. 2013.696 p.
2. Pickren W. Tension and opportunity in Post-World War II American psychology // History of Psychology. 2009. Vol. 10. No. 3.Pp. 279-299
3. Jalali Y. Prewar & Postwar Psychology // Taghi Erani, a Polymath in Interwar Berlin, 2019. P

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ 20-013-00260 «Национальные и локальные школы психологии в контексте глобальных социально-культурных трендов: проблемы и перспективы», РФФИ 20-313-90004 Развитие российской и зарубежной психологии личности в период тысяча девятьсот тридцатых-тысяча девятьсот сороковых годов: сравнительный анализ

Психология спорта в СССР: особенности государственного заказа 1920-х гг.

История спорта, история психологии, Н.А. Семашко, история досуга, физкультура

Развитие физической культуры и спорта признавалось лидерами большевистской партии одной из важнейших составляющих преобразований в области культуры. В отличие от предреволюционного периода, это стало государственной задачей, на решение которой бросались колоссальные ресурсы. С одной стороны, это способствовало их массовости и популяризации, но, с другой, лишало автономного и свободного развития вне государственных установок. В связи с этим, историю научного изучения спорта нельзя рассматривать без учета государственного заказа, транслировавшегося чиновниками не только рядовым потребителям досуговых практик, но и профессиональному ученому сообществу.

Среди целей, преследуемых властью в отношении физкультуры и спорта, можно выделить две основные. Во-первых, реальная забота о физическом развитии, пропаганда здорового образа жизни и правил гигиены. Во-вторых, стремление наладить допризывную подготовку, воспитывать сильных и ловких будущих защитников революционных завоеваний. При этом сложно сказать, что являлось более значимым, учитывавшим отчасти искусственно поддерживаемое, отчасти реально существовавшее положение постоянной военной угрозы.

Говорить о начале полноценного развития психологии спорта в СССР уместно с 1940-х гг. Однако работы по данной проблематике начали активно публиковаться еще в 1920-е — 1930-е гг. на фоне развертывания государством масштабной кампании по борьбе за интеграцию физкультуры и спорта в досуговые практики различных слоев населения и особенно молодежи. Для понимания идеологического фона научного исследования спорта представляется интересным обращение к творческому наследию партийных лидеров, например, многолетнего народного комиссара здравоохранения РСФСР, а с 1923 по 1926 г. председателя Высшего совета физической культуры при ВЦИК Н.А. Семашко. Не являясь психологом, он активно участвовал в обсуждении вопросов, находившихся в центре внимания психологии спорта, в частности, о задачах физической культуры, особенностях спортивной подготовки, нужных советскому физкультурнику психологических качествах и навыках, связи физической подготовки с психологической.

По мнению Н.А. Семашко, физическое воспитание должно стать «основной задачей нашего культурного строительства», а главная цель физической культуры в СССР — это «оздоровление трудящихся», что важно и для будущих защитников страны. На Первом всесоюзном совещании советов физической культуры в апреле апреля 1924 г. он призывал идти «к усилению и оздоровлению наших трудовых ресурсов, поднятие которых даст нам в дальнейшем возможность бороться на фронте труда, и если потребуются, то и фронте войны». В работе «Физкультура зимой» (М.; Л., 1927) он заявлял: «Нам приходится жить в окружении врагов. И их миролюбие в

отношении нас будет всегда тем больше, чем крепче наши кулаки. Чем надежнее зашита СССР, тем меньше у наших противников охоты напасть на нас. Физкультура — могучее средство подготовки таких надежных защитников».

Подобные установки вполне логично оказывались связанными с идеями первых отечественных специалистов по психологии спорта. В частности, П.А. Рудик среди основных особенностей психологической подготовки спортсмена указывал необходимость активации чувства долга и ответственности, чувства родины и любви к родине. Стойкость характера, как одно из важных качеств, воспитываемых спортом, обозначалась А.П. Нечаевым. Весьма показательной также является биография А.Ц. Пуни, чьи военные подвиги и мужество являются примерами некоего идеала советского спортсмена. Таким образом, в условиях государственного регулирования и патронажа физической культуры и спорта установки, транслировавшиеся партийными лидерами, косвенно влияли на развитие психологии спорта. В частности, речь шла о понимании спорта как составляющей подготовки будущего защитника страны.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00728

Служение науке: об административно-организационной деятельности А.Н. Леонтьева в годы войны (на материале эпистолярного наследия)*

А.Н. Леонтьев, Великая Отечественная война, Психологический институт, административно-организационная деятельность

В настоящем тексте кратко представлены результаты историко-психологического анализа документов, имеющих отношение к той стороне деятельности А.Н. Леонтьева, о которой в различных статьях перестроечного и постперестроечного времени чаще всего говорилось с легкой иронией, а именно о его встроеной в советскую систему административно-организационной работе (прежде всего как декана созданного в 1966 году факультета психологии МГУ). Однако высшим смыслом данной деятельности А.Н. Леонтьева, как отмечали его современники, было развитие психологической науки и сохранение людей этой науки. Это происходило и во время Великой Отечественной войны.

В наибольшей степени проявились организаторские способности А.Н. Леонтьева тогда, когда коллектив сотрудников Психологического института, обнаружив отсутствие всего руководства, избрал его 20 октября 1941 года директором. После утверждения его на этом посту Наркомпросом А.Н. Леонтьев пошел к тогдашнему ректору университета Б.П. Орлову и добился от него, чтобы Психологический институт вернули университету. Об этом периоде своей жизни он писал Н.Г. Морозовой 11 марта 1942 г.: «теоретически я не работал, старался зато всю эксплуатировать свои организаторские таланты (в обычное время я ленился это делать)...».

Еще больше это умение «концентрировать ресурсы в нужное время и в нужном месте» (Василюк, 2003, с. 237) пригодилось А.Н. Леонтьеву чуть позже, когда он сделался «эвакуатором»: организовал эвакуацию сотрудников и преподавателей института в Ашхабад, а затем в Свердловск, с горечью признаваясь в письме Н.Г. Морозовой от 18 июня 1942 г.: «опять придется отложить науку неизвестно на сколько месяцев...». В местечке Коуровка под Свердловском, где 6 сентября 1942 года была организована Восстановительная клиника НИИ психологии МГУ на базе госпиталя № 4008, Леонтьев, назначенный ее директором, записывает в своем дневнике 11 февраля 1943 года, что мечтает сбросить с себя «это административное дело. Но так нельзя. Нужно стянуть с себя это состояние. Я буду делать госпиталь и сделаю его, и выгнать воз Института». Из писем, хранящихся в семейном архиве А.Н. Леонтьева, можно узнать, какую бурную деятельность (письма, телеграммы, звонки в соответствующие инстанции и пр.) А.Н. Леонтьев развивал в период руководства им указанной клиникой, чтобы, например, заполучить к себе П.Я. Гальперина (из госпиталя в Тюмени) и А.В. Запорожца (из госпиталя А.Р. Лурии в Кисегаче Челябинской области), которых местное начальство вовсе не стремилось отпускать. А те рвались в Коуровку: «Поеду с великой радостью и даже не хочу знать куда и на что» (из письма П.Я. Гальперина А.Н. Леонтьеву от 22 августа 1942 г.), «Очень здорово

было бы, если бы ты поднажал оттуда, это здесь бы помогло. Очень уж хочется быть вместе» (из письма А.В. Запорожца от 6 ноября 1942 г.).

Столь же организованно была осуществлена А.Н. Леонтьевым реэвакуация Института в Москву. Из открытки П.Я. Гальперина М.П. Леонтьевой, датированной 12 июля 1943 г.: «У А.Н. страшно много адм.-хоз. дел по ликвидации имущества и по реэвакуации остатков кадров Ун-та. И не меньше — по налаживанию работы лабораторий и мастерских Коуровки. Он очень устает и порой это остро чувствует. Правда, он необыкновенно быстро оправляется и снова начинает действовать». Возвратившись в Москву, А.Н. Леонтьев продолжает — параллельно различным линиям своей научной и педагогической работы — выступать в роли, по его собственному выражению в дневнике, «устроителя людей и дел», став заведующим лабораторией (затем Отделом) детской психологии Психологического института.

Отдельного подробного рассмотрения требуют еще более разнообразные послевоенные достижения А.Н. Леонтьева в области административно-организационной деятельности, осуществляемой им ради сохранения и развития психологической науки.

Работа поддержана грантом РФФ, проект № 20-18-00028 «Культурно-историческая психология в архивах ее творцов»

Сорокин В.М.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Щужин А.В.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Вклад А.В. Ярмоленко в развитие отечественной психологии дизонтогенеза (к 120 –летию со дня рождения).

Нарушенное развитие, осознание, комплексный подход, логопатология, специальная психология, слепоглухота

Научное наследие А.В. Ярмоленко (1900 -1972) прочно вошло в фундамент современной отечественной психологии дизонтогенеза. В середине двадцатых годов она закончила Психоневрологическую Академию в Ленинграде. Ученица В.М. Бехтерева, она так же, как и Б.Г. Ананьев, сохраняла и развивала традиции Ленинградской — Петербургской психологической школы. Все годы блокады А.В. Ярмоленко не покидала Ленинград, работая в госпиталях. С 1948 года ее судьба связана с отделением психологии философского факультета Ленинградского государственного университета. Она пришла в университет уже зрелым самостоятельным ученым с собственной исследовательской программой. Это позволило ей стать настоящим соратником Б.Г. Ананьева. Именно в университете она реализовала большую часть своих творческих замыслов, многие из которых активно поддерживались Б.Г. Ананьевым.

Это касается прежде всего идеи о том, что исследование патологических явлений расширяет наши представления о норме. Как подчеркивал В.М. Бехтерев законы природы лучше всего обнаруживают себя, когда нарушаются. В этом смысле специальная психология может рассматриваться как особый универсальный метод научного познания. Благодаря в том числе и усилиям А.В. Ярмоленко специальная психология начала оформляться в вполне самостоятельную отрасль знания. В особенности это относится к одному из ее разделов — психологии лиц с множественными нарушениями развития. Идеи комплексного подхода, выдвинутая В. М. Бехтеревым, суть которого сводится к тому, что изучение человека разными науками направлено в конечном счете на понимание его психической организации. В сфере специальной психологии идеология комплексного подхода впервые были реализованы Г.Я. Трошиным в исследованиях детей с патологией интеллектуального развития и А.В. Ярмоленко в процессе изучении лиц с множественными сенсорными нарушениями. Еще до Великой Отечественной войны она проводила научно-педагогическую работу с группой слепоглухих детей. При этом методологической основой анализа психологического статуса слепоглухих стала, разработанная Б.Г. Ананьевым теория сенсорной организации человека. В этой области специальной психологии А.В. Ярмоленко принадлежат первые в нашей стране исследования клинико-психологического направления в отличие от наиболее распространенного психолого-педагогического. Обобщенные результаты многолетних исследований были представлены А.В. Ярмоленко в книге «Очерки психологии слепоглухонемых». Следует отдельно указать на ряд фундаментальных исследований в области изучения

моторных функций у детей с нарушениями в развитии, в частности комплексное исследование осязания у незрячих. Полученные результаты, представленные в фундаментальной монографии «Осязание в процессе познания и труда», убедительно доказали, что именно осязание, а не слух в большей степени компенсирует недостатки зрения. Это имело особое значение для перестройки системы образования слепых детей в нашей стране.

Научные интересы А.В. Ярмоленко были так же связаны с нарушениями речевого развития у детей. Ее исследования в этой области остаются актуальными до сих пор для логопатологии.

Подлинное научное наследие не представляет собой застывший музейный экспонат, а вплетается в живую ткань современно научного поиска, являясь его базой и ориентиром. Наследие А.В. Ярмоленко воплощено в научной школе современной детской патопсихологии ее ученицы и последователя профессора факультета психологии СПбГУ И.И. Мамайчук.

1. Ярмоленко А.В. Очерки психологии слепоглухонемых. ЛГУ., 1961
2. Ананьев Б.Г., Веккер Л.М., Ломов Б.Ф., Ярмоленко А.В. Осязание в процессах познания и труда. М., 1959.

Психологи на службе Отечеству: последователи Лиги Время — Лиги НОТ в РККА

История психологии, Лига «Время», Лига НОТ, эльвисты, нотизация, Красная Армия

В 1923 г. в газете «Правда» вышла статья «Время строить аэропланы» экономиста П.М. Керженцева (1881-1940), провозгласившего борьбу за время, как экономический ресурс. «Первый этап — борьба за время — лишь начальный этап, далее предстоит второй — борьба за систему, где борьба за время превратится в борьбу за НОТ. Время — лишь один из элементов научной организации труда» (Стоюхина, Вакуленко, 2019). Движение за время стали проникать во все стороны экономической жизни страны, в том числе и в Красную Армию. В Туркестане, в центральной России, на Кубани, в Москве и т.д., в частях Красной Армии создались ячейки Лиги «Время», которые устраивали собрание сочувствующих Лиге, обсуждали устав и открывали запись в ячейки. На первых порах армейские эльвисты (так называли себя приверженцы движения — по первым буквам ЛВ) решили выработать и на себе проверить карточки учета времени для политсостава, комсостава и работников штаба, установить связь с гражданскими ячейками ЛВ и пропагандировать идеи Лиги среди красноармейцев.

19 октября 1923 г. прошло первое совещание бюро военных ячеек Лиги «Время» московского гарнизона, где присутствовали представители от 14 ячеек (360 последователей). Представитель ячейки политуправления РККА и член московского комитета ЛВ Е. Косьмин доложил о роли ячеек ЛВ в Красной армии и отметил подсобное значение ячеек ЛВ в общей работе армии, способствующее выработке профессиональных качеств у всякого военного работника. Поэтому ЛВ в РККА должна стать массовой организацией и распространить свое влияние на всю гущу красноармейских кадров. Совещание выработало план работы, исходя из четырех моментов: воздейственного — борьба с растратой времени, агитации и пропаганды идей ЛВ, самовоспитание членов ЛВ, знакомство с принципами НОТ и организационных вопросов ячейки ЛВ.

Одним из важных мест применения принципов ЛВ в Красной Армии было военное обучение. Сроки пребывания в армии были короткие, важность нотизации Красной армии как в ее бытовом укладе, так и в системе подготовки личного состава была очевидной. Разрабатывались отдельные проблемы научной организации труда и методы рационализации обучения в отношении задач, прилаемых к военному делу, устанавливалась постоянная организационная связь соответственных военных и гражданских научных учреждений. От военно-научного общества — руководящего центра военно-научной мысли в Советском Союзе — ожидалась организация в наиболее крупных военно-научных учреждениях секций по НОТ для проведения научно-организационных начал в практике обучения Красной армии.

В качестве примера применения принципов объединенных Лиги «Время» и Лиги НОТ можно привести работу ячейки ЛВ-НОТ при береговом отделении специ-

альной школы старшего и среднего комсостава Армии Особого Назначения (для оперативных нужд объединялись авиация РККА и другие виды войск, например, артиллерия). Для поражения быстро движущихся целей бойцы береговой артиллерии должны быстро стрелять, т.е. «необходима такая организация людей, участвующих в стрельбе, и машин (орудий), которая позволяла бы в каждый данный момент нахождения цели послать в нее снаряд и поразить ее». Чем меньше употребляется времени на все действия для производства выстрела, тем больше будет скорострельность орудий, и тем большее будет достигнуто поражение цели. Очевидны два пути решения задач: на основе психофизических методов исследования подобрать кадры, наиболее соответствующие выполняемому процессу; рассчитав все простые действия, убрать лишние движения, сконструировать приборы и механизмы.

1. Стоюхина Н.Ю. Психология воздействия в советской психотехнике: 1920-1930-е гг. монография. Ярославль: РИО: ЯГПУ, 2016. 429 с.
2. Стоюхина Н.Ю., Вакуленко Р.Я. Лига «Время» как первая форма развития экономической психологии // Экономическая психология: прошлое, настоящее, будущее. Вып. 4. Материалы IV международной научно-практической конференции 27-30 мая 2019 г. / под ред. А.Н. Неверова, А.В. Неверовой. Саратов: АННИО ИПЭИ, 295 с. С. 142-149.

Теплякова С.А.
Москва, РНИМУ им. Н.И. Пирогова Минздрава России

Ерохина В.А.
Москва, РНИМУ им. Н.И. Пирогова Минздрава России

Влияние учения А.В. Суворова о личности военнослужащего на развитие современной военной психологии

Военная психология, история психологии, военная педагогика

Первые упоминания о том, какими должны быть облик и личность настоящего бойца появились еще в Древней Руси, когда формировались первые дружин, ведь дружинники были реальной военной силой, всегда готовой к наступлению, обороне и ведению боя, а также советниками князя, что говорит о высоком уровне профессионального отбора в княжеское войско.

Тем не менее, считается, что наиболее весомый вклад в становление и развитие отечественной военно-педагогической школы внес отечественный полководец А.В. Суворов, ведь именно он в своем учении, которое легло в основу труда «Наука побеждать». По мнению Александра Васильевича, солдатам и офицерам необходимо было совершенствовать не только практические навыки, но и собственную личность, развивая общечеловеческие качества.

Целью данного исследования является изучение вопроса об историческом развитии военной психологии в рамках изучения психолого-педагогической теории воспитания А.В. Суворова.

А.В. Суворов в своих трудах затрагивал актуальные и для сегодняшнего дня проблемы, которые сейчас можно отнести к целям и задачам военной психологии: изучение индивидуальных психологических особенностей военнослужащих, а также социально-психологических процессов и явлений в воинских коллективах и прогнозирование их развития. Уже в 18 веке к аспектам успешного несения службы относили наличие здорового морально-психологического климата в воинских коллективах.

В своих военно-стратегических заметках А.В. Суворов пишет о том, что необходимо заботиться о здоровье физическом, ведь это также способствует развитию личности: соблюдение графика отдыха и труда, наличие «во всем крайней чистоты» — как в во внешнем виде (мундир, оружие), так и в особенностях собственной личности. Отечественный генералиссимус считал, что важно «господство духа над материей», поэтому требовал повышения сознательности и ответственности у своих войск, а также был основоположником идеи, что досуг также необходимо проводить с пользой для личности, ведь «Праздность, есть «корень всему злу», постоянное же трудолюбие есть основа каждому в совершенстве овладеть своим делом.» По мнению Суворова, армия — не механический аппарат, а целый организм, способный осмысленно действовать не только во время боя, но и в условиях службы.

«Солдату надлежит быть, — отмечал Суворов, — храбру, тверду, решиму, справедливу, благочестиву, молись Богу, от него победа», ведь именно эти личностные

качества формируются и в регулярном учении и в бою. «Не надлежит мыслить, что слепая храбрость дает над неприятелем победу...»

В своей военно-педагогической системе великий русский полководец доказал идею о способности воспитания и обучения формировать у воинов боевые качества, развивая у них личностные качества, а строгость воспитания и обучения он допускал только в сочетании с милосердием, ведь «При строгости надобна милость, иначе строгость тиранство».

Таким образом, А.В. Суворова можно отнести не только к основоположникам военной психологии и педагогики, но и к методологам военной науки. В период после 1918 был проведен ряд теоретических и эмпирических исследований, где были затронуты вопросы, обсуждаемые великим отечественным полководцем: психология обучения и воспитания воинов, психология боя, психология воинской дисциплины и психология военного управления. В современных реалиях фундаментальной военной психологии присутствуют идеи, предложенные Александром Васильевичем несколько столетий назад, но не потерявшие своей актуальности и сейчас.

В. Зеньковский О психической причинности

Причинность, сила, энергия, физическая сила, душевная сила

Василий Васильевич Зеньковский (1881-1962) – педагог, психолог, философ, богослов, протоиерей, общественный деятель. Будучи студентом Киевского университета и посещая семинар Г.И. Челпанова, В. Зеньковский оставил о нем очень теплые воспоминания, отмечая у него «поразительную честность», «духовную правдивость с самим собой» и сочетанность в нем философа и психолога. О. Т. Ермишин, исследователь творчества Зеньковского, отмечает, что ученик всецело усвоил черты своего учителя /2/.

В 1915г. после заграничной научной командировки В.Зеньковский защищает магистерскую диссертацию « Проблема психической причинности», которую годы спустя считал своей самой сильной и удачной работой, т.к. там оригинальным и новым оказалось само применение закона причинности к пониманию психики.

Сущность причинности, по мнению Василия Зеньковского и многих других мыслителей, состоит в необходимости, с которой действие следует за своей причиной. Поставив вопрос — возможно ли вообще приложение понятия причинности в психологии- он так отвечает на него: в понятии причинности охватывается реальная подвижность бытия, его « подчиненность» времени. Где есть время, там есть изменчивость и подвижность. Психическая феноменология не существует в пространстве, но существует во времени: смена одних психических процессов, протекающих во времени, другими, происходит для чего-то, т.е. при действии некоей телеологической силы. Понятие силы как источника изменчивости является при этом необходимым вспомогательным понятием. Причина движения- сила; сущность причинности- действие сил, констатирует Василий Зеньковский /2/.

ФИЛОСОФ, ПСИХОЛОГ, ФИЗИОЛОГ В.Вундт также полагает, что из понятия причины необходимо выводить понятие силы. Понятие причинности может сливаться с понятием действия сил, затем отодвигаться от закономерности. Все, что находится позади явлений, отбрасывается наукой, поэтому из науки выпадает понятие причинности, остается закономерности /2/.

Следует четко различать понятия «физической силы», связанной с материей, веществом и понятие «душевной силы» или психической энергии. Материалисты сводили силу к веществу- нет сил без вещества, сила-свойство только вещества, которое делает возможным его движение. Духовная же или душевная сила имеет другую природу и происхождение.

В.М. Бехтерев также для объяснения параллелизма / еще в 1929 г. в работе «Рефлексология или психология» он показывал, что всякая умственная деятельность сопровождается телесным движением /вводил общую причину- скрытую мировую энергию. Энергия или сила есть деятельное начало, разлитое в природе Вселенной. Проявление этого начала- не представляющее собой чего-либо материального в

настоящем смысле, (энергия лишена материальной основы), но вызывающее постоянные превращения вещества; проявление этого деятельного начала присуще всякой вообще живой организованной среде/цит .по 1/ .

Если следовать за панентеистичеким воззрением современных физиков-философов, то в основе всего мира лежит одна сила духовной природы, атрибут Божества/3/.

В физике энергия, сила понимается как способность тела совершать какую-либо работу, движение. Что является причиной психической активности , какая энергия требуется для « психической работы», исполнения психической деятельности — об этом размышляли психологи-философы в начале XXвека- В. Зеньковский, Н. Я. Грот, Л. М.Лопатин, В.Вундт.

1. Ждан А. Н. Российская психология. Антология М. Академический Проект 2009 1279стр.
2. Василий Зеньковский Собрание сочинений т.3 М. 2011
3. Н.А. Соловьев, С.В. Посадский Панентеистическая метафизика и квантовая парадигма СПб2014

Щукина М.А.
Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный
институт психологии и социальной работы

Бутузова С.В.
Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный
институт психологии и социальной работы

Проблема историографии отечественной психологии Новой России

История психологии, историография, отечественная психология, Новая Россия, постсоветский период

Историко-психологическая наука позволяет осмыслить достижения и пробелы психологической науки и практики и тем самым способствует планированию путей развития психологического знания, приращению мощности сферы психологической помощи. Однако для получения подобных эффектов само историческое знание должно предоставлять полный, структурированный и хорошо проанализированный и материал, целостно представляющий опыт психологии. Анализ историко-психологических публикаций показывает, что своеобразной лакуной является история отечественной психологии постсоветского периода, который насчитывает без малого три десятилетия. Среди издаваемых и переиздаваемых за последние годы учебников по истории психологии только в учебниках А.Н. Ждан (2007) и Т.Д. Марцинковской, А.В. Юревича (2011) содержится анализ основных тенденций развития психологии Новой России. Среди защищенных за последние десять лет диссертаций по специальности 19.00.01 — общая психология, психология личности, история психологии 16 были посвящены истории психологии, из которых лишь две могут быть признаны затрагивающими недавний исторический этап. Историко-методологические тенденции были затронуты в работе М.С. Гусельцевой (2015), но с большим уклоном в методологические трансформации в масштабе мировой психологической науки. В работе Н.Г. Немировской (2017) реконструирован жизненный путь и творческая деятельность яркой фигуры ответственной психологии 1990-х годов — В.Н. Дружинина.

Немногочисленные тезисы докладов, даже на профильных конференциях по истории психологии, также не могут в достаточной мере информационно и аналитически насытить историографию отечественной психологии последних десятилетий. Названные факты обнаруживают необходимость констатации проблемы недостаточной осмысленности и разработанности истории отечественной психологии Новой России.

Предположим причины дефицита историко-психологических исследований указанного периода.

1. Сосредоточенность на исторических материалах, фактах, персоналиях, которые были возвращены в поле историко-психологической мысли в конце 1980-х. Доступ к ранее закрытым или невозможным для обсуждения вопросам, темам, лицам потребовал колоссальных интеллектуальных усилий для восстановления целостной

картины развития психологической мысли в дореволюционный и советский периоды.

2. Иллюзия современности. Исторический подход предполагает апелляцию к прошлому. Однако при всеобщем признании убыстрения исторического времени оно, похоже, сжимается в восприятии современного человека — молодость, современность, новизна политических и технологических изменений расширяет настоящее до размеров бестропромелькнувших десятилетий.

3. Цивилизационный уклад России политико-технологический (В.А. Павлов), поэтому рефлексивные процессы по отношению к собственной истории активизируются в периоды смены политических лидеров, курсов, систем с доминированием посткритического анализа к пройденному историческому этапу. В достаточно стабильную, с этой точки зрения, эпоху последних лет к такому подходу нет предпосылок.

4. «Патовое мышление» (Ф.И. Гиренок) современной истории психологии — слабость и неопределенность теоретического аппарата и методологических позиций самой историко-психологической науки, которая еще не нашла новую оптику, релевантную изучению самобытного, неоднородного, противоречивого постсоветского периода в развитии отечественной психологии.

Исторические и методологические аспекты в изучении взаимоотношений сиблингов

История науки, методология науки, историческая психология, психология родственных отношений

Цель настоящего исследования — представить краткий обзор тенденций в истории и методологии изучения взаимоотношений сиблингов, а также предложить собственный аспект в разработке этой проблемы.

За рубежом история изучения братьев и сестер более продолжительна. По запросу на ключевое слово «sibling relationships» (ограничение областью «психология») в базе данных Scopus было получено 493 публикации. Анализ статистики по годам позволил выделить ряд содержательных изменений.

До 80-х годов XX века преимущественным направлением изучения сиблингов был анализ их психологических особенностей в связи с порядком рождения. Эта традиция уходит к работам Ф. Гальтона, а также к психоаналитическим теориям (Зырянова, 2008). Отсутствие значимых корреляций привело к смене основной исследовательской магистральной и переходу к анализу качества взаимоотношений сиблингов (Furman et al, 1985). В теоретическом плане это было связано с разработкой теории семейной системы М. Боуэна (Bowen, 1960).

Основные проблемы, затрагиваемые зарубежными коллегами: 1) характеристики привязанности к сиблингу (Teti et al, 1989); 2) взаимосвязи привязанностей к родителям и к сиблингу (Stocker et al, 1992); 3) качество отношений в супружеской и в сиблинговой системах (Stocker et al, 1997) 3) эмоциональные аспекты и конфликтность между сиблингами (Volling et al, 1992) (Lecce, 2009), (Campione-Barr et al, 2019). Особую область занимает изучение особенностей взаимоотношений сиблингов в ситуации, когда один из них имеет какие-то отклонения (McHale et al, 1989), (Razza et al, 2019).

В методическом плане существует тенденция к использованию какого-либо одного типа методик: А) интервьюирования с последующим контент-анализом (Furman et al, 1985), (Davides et al, 2019); Б) стандартизированных опросов; В) эксперимента (Teti et al, 1989), (Farnfield, 2009), (Aksan et al, 2009), (Lecce et al, 2009). Наиболее популярными тестами являются следующие: SIDE — Sibling Inventory of Differential Experience (Daniels, 1985), SRI- Sibling Relationship Inventory (Stocker et al, 1992), SIBS — The social interaction between siblings (Slomkowski et al, 1997), Lifespan Sibling Relationship Scale Items (Riggio, 2000). В них измеряются такие аспекты, как привязанность (близость), власть, конфликт и соперничество.

Отечественная традиция также представлена рядом довольно масштабных исследований, главная специфика которых состоит в применении широкого арсенала тестов в русле изучения привязанностей к сиблингу, родителям или романтическому

партнеру (Козлова, 2008), (Круглова, 2009), (Баландина, 2010). Кроме того, значительный интерес направлен и на анализ порядка рождения в семье (Алмазова, 2013), (Шир, Варга и др., 2018). Главными объяснительными подходами выступают теория привязанностей, семейных систем и теория отношений.

В наших исследованиях мы поставили задачу задействовать практически не представленную в публикациях область изучения исторических тенденций в изменении отношений сиблингов, опираясь на анализ документов и биографий. Нами были отобраны воспоминания сиблингов об известных личностях (Ф Раневской, А. Чехова, П. Филонова). На основе теории отношений В.Н. Мясищева была предложена матрица кодировки текстов, включающая комплексный анализ трех-компонентной структуры отношений к сиблингу и иным фигурам значимого окружения. В настоящий момент ведется процедура отработки и валидации данной схемы, готовится развернутая публикация.

В завершении отметим, что в исторической ретроспективе содержательная проблематика взаимоотношений сиблингов обогащается новыми сторонами качества их взаимодействия. Диагностический арсенал очень медленно пополняется новыми методиками, а новые данные получаются в результате эклектического соединения разноплановых опросников и техник. Практически без внимания остается такая область, как историческая психология семейных и родственных отношений (Куницына, 2010), главной задачей которой стала бы оценка социально-исторической эволюции отношений сиблингов.

Ровесница XX века (к юбилею А.В. Ярмоленко, профессора психологического факультета ЛГУ-СПбГУ)

История психологии, А.В. Ярмоленко, А.А. Дернова-Ярмоленко, В.М. Бехтерев, Институт мозга, война, Ленинградский государственный университет, тематика исследований, педагогическая деятельность

В 2020-м году петербургской общественности предстоит отметить памятный юбилей: 120-летие со дня рождения профессора факультета психологии ЛГУ (СПбГУ), доктора педагогических наук, специалиста по проблемам многоязычия и психопатологии Августы Викторовны Ярмоленко. Она родилась в семье Виктора Ильича Ярмоленко и Августы Александровны Дерновой-Ярмоленко. Мать закончила первый в России Женский медицинский институт. Дед по материнской линии Александр Тимофеевич Дернов — был председателем Земской управы г. Вятки.

Революция и гражданская война поставили семью на грань выживания. После нескольких арестов в Екатеринославе, где тогда жила семья профессор А.А. Дернова-Ярмоленко с семейством вынуждена была согласиться с настойчивыми просьбами В. М. Бехтерева о переезде в Петроград, где стала работать в Институте мозга.

В Ленинграде Августа Викторовна прошла обучение в Психоневрологической академии, основанной В.М. Бехтеревым, защитила диссертацию и работала в Институте мозга.

В годы Отечественной войны, во время Ленинградской блокады она оставалась в городе и работала в госпитале. Тогда же Августу Викторовну Ярмоленко пригласил на работу в Военно-медицинскую академию Л.А. Орбели в качестве переводчика при допросах военнопленных. И не случайно, ведь она владела двенадцатью языками, включая древние.

В условиях военных действий разработка приобрела первостепенное значение, вместе с Августой Викторовной внесла большой вклад в исследование актуальных проблем компенсации психоневрологических травм и роли осязания у ослепших вследствие ранений и контузий.

Уже в 1945-м году ею были сделаны два доклада: «Пространственные представления на ограниченной сенсорной основе» и «Роль руки как органа труда, общения и познания». В дальнейшем исследования в этой области успешно продолжались, на полученном материале была написана и защищена докторская диссертация. В 1961 году вышла в свет монография А.В. Ярмоленко «Очерки психологии слепоглухонемых», где дана история изучения проблемы и анализ современного ее состояния.

Августа Викторовна принимала активное участие в организации отделения и позже факультета психологии Ленинградского университета. Одно время занимала должность декана вечернего отделения и разрабатывала учебные планы и программы. Основные курсы, которые читала А.В. Ярмоленко, «Введение в психологию», «Юридическая психология» и «Психологии многоязычия», вела семинары по психологии слепоглухонемых.

По отзывам ее учеников, Августа Викторовна Ярмоленко знала каждого студента, проявляла заботу и внимание к тем, кто в этом особенно нуждался. Она всегда следила за публикациями статей и книг по психологии и делилась новостями. На доске объявлений факультета вывешивала объявления, о встречах с учёными, писателями, представителями искусства. Как вспоминала проф. Е.И. Степанова; «Мы её считали хранительницей очага кафедры и всего психологического отделения». Целая плеяда выпускников Ленинградского университета считает А.В. Ярмоленко своим учителем.

Наряду с обширной научной и педагогической деятельностью она неоднократно избиралась секретарём партийного бюро философского и психологического факультетов ЛГУ, была активным членом бюро Ленинградского отделения Общества психологов СССР и психологической секции Ленинградского Дома Учёных.

Участница Великой Отечественной войны, коммунист с 1944 г., А.В. Ярмоленко имела пять правительственных наград. Её богатое научное наследие является существенным вкладом в развитие советской психологической науки.

Варламов А.В.

Рязань, РязГМУ им. акад. И.П. Павлова

Яковлева Н.В.

Рязань, РязГМУ им. акад. И.П. Павлова

Образ тела в виртуальной реальности: искажение размеров тела и особенности VR-среды

Виртуальная психология, виртуальная реальность, VR, образ тела

Виртуальное состояние психики человека исследуется в отечественной и зарубежной психологии. В зарубежных исследованиях преобладает практико-ориентированный подход, в русле которого разрабатываются технологии использования VR в терапии ПТСР, фобий и других расстройств. Ученые лаборатории виртуалистики РАН занимались изучением механизмов возникновения виртуального состояния человека. Здесь была разработана философско-психологическая концепция виртуального переживания. Н.А. Носов определил виртуальное переживание как «актуализацию отстраненного образа в самообразе» [2]. Необходимость интеграции подходов обуславливает актуальность нашего исследования.

Предметом исследования является образ тела человека, погруженного в виртуальную реальность, как динамичное психологическое образование [4]. Установление особенностей его изменения может пролить свет на механизмы функционирования психики человека, находящегося в непосредственном контакте с VR-средой. Дизайн нашего исследования предполагал изучение особенностей компьютерной VR-среды, вызывающих искажения образа тела. В основу эксперимента легли предположения о том, что искажение образа тела человека в VR-среде связано с особенностями осуществляемых там действий: освоение пространства, освоение границ виртуального тела и ассоциация с цифровым персонажем [1].

Измерение показателей восприятия размеров тела было проведено по методике «Промеры по М. Фельденкрайзу» [3]. Исследование включило 3 серии. Первое измерение производилось за день до воздействия, второе — сразу после (t воздействия = 15 минут).

Всего участвовали 103 человека (52, 25 и 26 соответственно). Испытуемыми выступили студенты образовательных учреждений г. Рязани в возрасте 16-23 года.

Выявлено, что в ситуации освоения VR-среды в образе тела достоверно искажается восприятие высоты головы, длины правой плечевой кости, правого предплечья, ширины груди и талии, длины левых бедра и голени, а также длины стоп. При активном выполнении подвижных заданий — восприятие длины шеи, плеч, ширины локтевых суставов, кистей и длины туловища. При исследовании пространства в роли

младенца — восприятие ширины головы, длины правого плеча, длины предплечий, ширины груди.

Выявленные искажения восприятия тела в разных средах специфичны. Изменения происходят в восприятии тех частей тела, которые наиболее активно задействованы в виртуальных средах. Они связаны с выполнением движений в VR-среде, важны для приближения всего образа тела реципиента к размерам цифрового персонажа, либо упрощают адаптацию к средовым условиям.

Статистически выявлено, что погружение в VR-среды приводит к изменениям в образе тела человека. Эти изменения могут быть вызваны намеренно во время психологического эксперимента. Полученные данные могут быть полезны для психокоррекционной работы с людьми, страдающими от дисморфофобий или испытывающими неудовлетворенность своим телом.

1. Варламов А.В., Яковлева Н.В. Исследование динамики образа тела в различных экспериментальных условиях виртуальной реальности // Мат. междунар. конф. “Ананьевские чтения — 2019: Психология обществу, государству, политике” Скифия-Принт / СПбГУ — СПб., 2019. — С. 166 — 167.
2. Носов Н.А. Виртуальная психология М.: Аграф, 2000 — 430 с.;
3. Соловьева, И. А. Бессознательный образ тела: кто ты на самом деле? [Электронный ресурс] / И.А. Соловьева // URL: <https://irsol.wordpress.com/2014/08/12/бессознательный-образ-тела-кто-ты-на-с/> (дата обращения: 02.06.2020);
4. Фельденкрайз М. Сознание через движение: 12 практ. уроков — М.: Институт общегуманитарных исследований, 2001 — 151 с.

Особенности развития общих понятий у детей младшего школьного возраста с нарушениями речи

Когнитивные процессы, нарушения речи, дети младшего школьного возраста, развитие общих понятий

Когнитивные процессы личности являются одним из важнейших ее компонентов, где центральное место отводится мышлению, в частности, сформированности общих понятий у ребенка. Большое влияние на их развитие оказывает речь, овладение которой помогает в формировании мыслительных операций. Отсюда — нарушение речи на каком-либо этапе развития может привести к необратимым последствиям в развитии мыслительных процессов и в формировании общих понятий у детей. Н. Н. Трагоутт [2] отмечает, что ребенок с нарушениями речи как бы перерастает свои речевые возможности, оформление его мыслей соответствует более раннему возрастному этапу.

В норме развития уровень сформированности общих понятий и мышления как познавательного процесса в младшем школьном возрасте характеризуется успешным овладением мыслительных операций, переходом к словесно-логическому мышлению, произвольностью, появлением внутреннего плана действий.

Исследуя особенности мыслительной деятельности, Т. А. Фотекова [3] в развитии логического мышления у детей младшего школьного с возраста с нарушениями речи выделяет ряд особенностей: трудности в прогностической деятельности, несформированность рациональной стратегии, низкий уровень продуктивной организации мыслительной деятельности.

Согласно исследованиям В. А. Ковшикова и Ю. А. Элькина [1], нарушения речи ограничивают запас общих понятий. Во время исследования детей с нарушениями речи были обнаружены также трудности в выделении и понимании временной и логической последовательности событий, недостаток знаний об окружающем мире, о свойствах и функциях предметов, трудности самоорганизации при выполнении мыслительной деятельности.

С целью изучения уровня развития мыслительной деятельности у детей младшего школьного возраста с нарушениями речи нами было проведено эмпирическое исследование. Объектом исследования выступали дети младшего школьного возраста с нормой в развитии речи и младшего школьного возраста с нарушениями речи.

Выборку составили: дети младшего школьного возраста с нормой в развитии речи в возрасте 9-10 лет — 20 человек и дети младшего школьного возраста с нарушениями речи в возрасте 9-10 лет — 20 человек. Всего в эмпирическом исследовании приняли участие 40 человек.

В качестве базы исследования выступила МБОУ СОШ № 94 им. генерала Лизюкова А.И. г. Воронежа.

В комплекс диагностических методик вошли следующие методики: «Выявление общих понятий»; исследования словесно-логического мышления Э. Ф. Замбацвичене; «Прогрессивные матрицы Дж. Равена». С целью обработки эмпирического материала использовался U-критерий Манна-Уитни.

Анализ результатов исследования показал, что уровень развития общих понятий младших школьников с нарушениями речи значительно отличается от нормативных сверстников.

Особенности развития общих понятий у детей младшего школьного возраста с нарушениями речи проявляются в ряде трудностей. В частности, речь идет о затруднениях в дифференциации основных элементов структуры и установления связей между ними, о несформированности операций обобщения, анализа, абстрагирования. В целом их мышление отличается шаблонностью, стереотипностью, недостаточной гибкостью и динамичностью.

Таким образом, изучение и осознание особенностей развития общих понятий у детей младшего школьного возраста с нарушениями речи, создает определенную основу для разработки дифференцированных и индивидуальных траекторий диагностического и развивающего сопровождения ребенка с целью ориентации на зону его ближайшего развития.

1. Ковшиков В. А. К вопросу о мышлении у детей с экспрессивной моторной алалией / В. А. Ковшиков, Ю. А. Элькин // Дефектология. — 1980. — №2. — С. 14-21.
2. Трагоутт Н. Н. Как помочь детям, которые плохо говорят / Н. Н. Трагоутт. — Санкт-Петербург : СМАРТ, 1994. — 59 с.
3. Фотекова Т. А. Состояние вербальных и невербальных функций при общем недоразвитии речи и задержки психического развития: нейропсихический анализ: автореф. дис. док. психолог. наук, доц. / Т. А. Фотекова. — Москва : 2003. — 382 с.

Метод экспликации в контексте понимания ресурсности мышления субъекта

Экспликация, профессионализация, мышление, деятельность, ресурсность мышления, субъект

Экспликация применяется и как метод психологического обеспечения деятельности и как технология развития ментальных ресурсов человека (Л.Г. Дикая, А.Л. Журавлев, М.А. Холодная, С.А. Хазова, В.А. Толочек). Она используется как способ экспресс-мониторинга, в котором одновременно разворачивается содержание обучения и профессиональной деятельности. При помощи вопросов, уточнений, а также совместных действий тьютора (или наставника) и обучаемого происходят профессиональные изменения и оперативно корректируется процесс обучения и повышения квалификации. Так, В.П. Песковым исследована роль стиля мышления ученого в процессе экспликации представления как психического явления. Показано, что какой-то один из способов представления информации и ее анализа в нашем сознании не является одновременно необходимым и достаточным (Песков, 2014).

Метод экспликации применяется нами с целью объяснения содержания ранее неизвестных понятий «ресурсность мышления», «ресурсное мышление». Раскрытие психологического содержания нового понятия осуществляется посредством сопоставления с другими понятиями, характеризующими качества профессионального мышления (событийность, надситуативность, абнотивность), а также с уже известными характеристиками мышления, такими как прогностичность, метакогнитивность. В этом контексте экспликация использовалась как метод углубленного психологического проникновения в эксплицируемые понятия.

Принципиально новое явление не может быть понято только посредством известных субъекту законов и обобщений. При этом возникает иллюзия противоречия нового здравому смыслу, сформированному прошлым опытом. Все переломные этапы познания неизбежно связаны с «шоком новизны». Посредством применения метода экспликации нами (Кашапов, 2000; Кашапов, Пошехонова, 2017; Кашапов, 2017; Кашапов, Филатова, Кашапов, 2018;) проведена исходная селекция множества признаков и параметров ресурсности мышления (РМ), посредством которых данный вид мышления осуществляется:

1. Перенос свойств от эксплицируемого явления к эксплицирующим. Прежде всего, следует выделить дихотомические признаки РМ: оперативность — отсроченность, оригинальность — традиционность; спонтанность — планируемость; импульсивность — рефлексивность. Субъект, познавая сложную ситуацию, стремится найти в ней реперные точки, которые потенциально могут стать внутренней духовной опорой его личностно-профессионального развития.

2. Поиск и отбор характеристик — носителей выделенных признаков РМ как основы личностно-профессионального развития.

3. Экспликация (выражение, распространение) выделенных признаков РМ как эксплицируемого явления через отобранные предметы (явления): духовные как проявление силы и содержательности внутренней жизни; социальные как преломление общественных требований; средовые как выражение условий среды, которые становятся средствами оперативного совладания с возникшими трудностями.

РМ рассматривается как высший психический познавательный метапроцесс, выступающий психическим ресурсом реализации творческой активности субъекта в выдвижении и достижении жизненных (личных и профессиональных) целей. Эта активность обеспечивается целостной системой процессов, явлений и уровней психики, являющихся средствами ее реализации.

1. Песков В.П. Роль аналитического и холистического стилей мышления для экспликации представления // Вестник Московского педагогического университета. Серия. Педагогика и психология. 2014. № 1 (27). С. 74-80.
2. Кашапов М.М. Психология профессионального педагогического мышления. Автореф. дисс. ... доктора психологических наук. М. 2000. 48 с.
3. Кашапов М.М., Филатова Ю.С., Кашапов А.С. Событийно-когнитивные компоненты профессионализации субъекта. Ярославль, 2018.
4. Кашапов М.М., Пошехонова Ю.В. Роль метапознания в профессиональном педагогическом мышлении // Психологический журнал, 2017. Том 38, № 3, С. 57–65.
5. Кашапов М.М. Надситуативное мышление как когнитивный ресурс личности // Известия Иркут

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (Проект № 19-013-00102а)

Социальные метакогниции в процессе выделения значимых тенденций

Социальные метакогниции, индивидуальные метакогниции, метакогнитивная включенность, метакогнитивные убеждения, тенденции

Индивидуальные метакогниции (ИМ) отвечают за мониторинг и контроль наших знаний, эмоций, действий, в то время как социальные метакогниции (СМ) включены в процесс мониторинга, контроля знаний, эмоций и действий друг друга членами группы, а также направлены на усиление значения ИМ каждого во время общего взаимодействия (Chiu, 2009). СМ позволяют распределять метакогнитивные обязанности между членами группы, повышают видимость ИМ способностей, облегчают обучение и улучшают возможности реализации индивидуальных когнитивных процессов. СМ смягчают недостаточность индивидуальных метакогнитивных ресурсов, неточных самооценок, неправильного распределения когнитивных ресурсов, неподходящий выбора стратегии решения или неправильного использования обратной связи (Carlson, 2006).

Проблема. Проследить индивидуальные и социальные метакогниции в процессе выделения значимых тенденций современности.

Метод. Выборка составила 40 участников (женщины и мужчины молодого возраста (первая часть $M=27,7$, $Sd=3,6$; вторая часть $M=21$, $Sd=0,94$).

Для первой части формирование выборки происходило по критерию профессионального или личного интереса к моде, для второй части участники были подобраны рандомизировано. Сбор информации на первом этапе происходил через интервью, для второго этапа разрабатывался дневник. Участникам второго этапа было предложено создать коллективные коллажи в мини-группах.

Для изучения особенностей метакогнитивных процессов были выбраны: опросник метакогнитивной включенности в деятельность Schraw & Dennison, краткая версия опросника метакогнитивных убеждений Wells & Cartwright-Hatton.

Обработка результатов с помощью качественного контент-анализа.

Результаты. Показатели метакогнитивной включенности в деятельность (МАИ) различаются у представителей выборки ($M=197,28$; $Sd=20,007$). Обнаружено, что высокая МАИ связана с метакогнитивным убеждением (МУ) «Внимательность к собственным мыслительным процессам» ($M = 15,56$, $Sd = 3,35$) с коэфф. корр. Пирсона $0,004$ при $p=0.001$ (2-tailed), что выражается в уверенных, развернутых ответах участников.

У участников низко оценивающих свою удовлетворенность днем ($M=5,6$, $Sd=3$) более выражены МУ о пользе беспокойства, необходимости контролировать свои когнитивные процессы, недоверие к собственной памяти, что негативно сказывается на их уверенности при ответах и выражается в сомнениях, изменении мнения.

На основе личного опыта в индивидуальной работе выстраиваются способы использования ИМ, знания о собственных стратегиях работы, как организовывать собственные ресурсы, оценивать информацию и выделять значимое.

Убеждения человека влияют на восприятие переживаний его собственной системой убеждений (Frith, 2012). В соответствии с системой убеждений некоторые участники считали себя не обладающим достаточными знаниями, их оценки дня были низкими, а уверенность в собственной осведомленности трендами была низкой.

Знание участника о себе (ИМ) может помочь ему нивелировать индивидуальные сложности за счет коллективной работы, за счет наблюдения за ИМ других участников. Командная работа предоставляет индивиду ресурс в виде других участников. Распределяя задачи между членами группы, основываясь на индивидуальном знании о собственных метакогнициях, повышается видимость ИМ, что благоприятно влияет на обучение между участниками взаимодействия и улучшает индивидуальные когнитивные процессы.

Следовательно, в нашем исследовании было продемонстрировано, что участники не обладавшие знаниями о актуальных трендах во время индивидуальной работе, предпочли роли аналитиков в групповой работе, что позволило им по завершению показать уровень знания совпадающий с теми, кто при индивидуальной работе был осведомлен в значимых тенденциях и был уверен в своих решениях.

Таким образом, менее уверенные и осведомленные в актуальных тенденциях участники основываясь на знании о ИМ повысили свою осведомленность и уверенность за счет СМ в групповой работе, что продемонстрировали в заключительных отчетах.

1. Carlson, E. (2016). Meta-Accuracy and Relatio.

Перенос имплицитной закономерности при запоминании последовательностей

Имплицитное научение, выучивание последовательностей, эффект переноса

Во многих когнитивных исследованиях показано, что человек способен успешно применять имплицитное знание, не осознавая того, как он это делает. Эффект переноса является одним из примеров усвоения и использования имплицитных закономерностей. «Переносом» называют процесс, при котором паттерн, усвоенный во время выполнения одной задачи, влияет на ход и результат решения последующей. В экспериментах по имплицитному выучиванию последовательностей в качестве такого паттерна выступает знание правила чередования стимулов [1].

Цель проведенного нами исследования: обнаружить эффект переноса имплицитной закономерности при усвоении последовательностей разного типа (перцептивная и последовательность локализации). В эксперименте участвовали 40 добровольцев, которых случайным образом распределили на экспериментальную (ЭГ) и контрольную (КГ) группы, по 20 человек в каждой. Эксперимент проводился с помощью персонального компьютера.

На первом этапе в ЭГ использовалась перцептивная последовательность из рисунков со смайликами. Они были подобраны так, чтобы отличались только одним элементом. Последовательность имела следующий вид: 4-1-3-2-3-1-2-4-1-2, где 1 — смайлик с сердечком, 2 — с тортом, 3 — с цветами, 4 — с бабочкой. Предъявлялось по одному изображению в центре экрана. Задача участников: нажимать клавишу «Пробел» при появлении смайлика с сердечком; нажимать клавишу «→», когда появится любой другой стимул. Время экспозиции 400 мс. Интервал от нажатия клавиши до демонстрации стимула 250 мс.

Стимульная серия включала 12 блоков (по 120 проб в каждом). В первых 8-ми блоках последовательность повторялась по 12 раз. В 9-ом блоке правило нарушалось. С 10-го по 12-й блоки рисунки снова появлялись согласно заданной последовательности. В КГ условия были такие же, как в ЭГ, но стимулы предъявлялись случайно.

На втором этапе в ЭГ и КГ была использована пространственная последовательность, которая повторялась 30 раз. На экране были горизонтально изображены четыре квадрата, пронумерованные слева направо. Они окрашивались в зеленый цвет в соответствии с той же последовательностью, что использовалась на первом этапе, только теперь цифры означали номер квадрата. Испытуемые реагировали на изменение локализации зеленого сигнала на экране: нужно было нажать клавишу с буквой «Б», если станет зеленым квадрат под номером 1 или 2; нажать клавишу с буквой «Ю», если окрасится квадрат под номером 3 или 4. Условия экспозиций были такими же, как на первом этапе.

Результаты трех испытуемых, обративших внимание на сочетания стимулов, были удалены из обработки.

Было установлено, что испытуемые ЭГ имплицитно усвоили перцептивную последовательность. Использовался t-критерий Стьюдента для связанных выборок. Сравнивались исходные результаты 1-го блока с результатами 8-го блока, к которому, предположительно, должна быть имплицитно усвоена последовательность. В ЭГ было обнаружено, что в 1-ом блоке время реакции (397 мс) значительно больше, чем в 8-ом (284 мс): $t=5,2$, $p=0,01$. Девятый блок являлся тестовым. Было зафиксировано значимое увеличение времени реакции в 9-ом блоке (320 мс), по сравнению с 8-ым: $t=2,6$, $p=0,042$. В КГ время реакции только сокращалось.

Обработка результатов второго этапа проходила с помощью t-критерия для несвязанных выборок. С 11-ой по 70-ю пробу в ЭГ время реакции (302 мс) значительно меньше, чем в КГ (367 мс): $t=2,4$, $p=0,035$. Начиная с 71-й пробы, время ответа уменьшалось в обеих группах, и различия стали незначимыми: ЭГ (272 мс), КГ (320 мс), $t=1,9$, $p=0,097$. Это связано с имплицитным научением КГ той же пространственной последовательности, как в ЭГ.

Полученные данные позволяют сделать вывод, что в ЭГ обнаружен эффект переноса, проявившийся в неосознанном применении имплицитного знания структуры перцептивной последовательности при решении задач с пространственной последовательностью.

1. Крюкова, А. П. Знание без осознания: опыт исследований имплицитного научения // Вестник КемГУ. — 2016. — №4. — С.

Исследование выполнено при поддержке РФФИ (проект №19-013-00103)

Возможность использования Яндекс.Толока для проведения онлайн-экспериментов (на примере решения сенсомоторной задачи)

Онлайн эксперименты, Яндекс.Толока, сенсомоторная деятельность, сбор данных онлайн

Все большую актуальность приобретает вопрос, возможен ли сбор качественных психологических данных в сети Интернет [1, 2]. Хотя Интернет давно используется для сбора Q-данных (Google Формы и т.д.), выборка все еще наиболее часто формируется по принципу доступности. Обычно исследователи размещают ссылку на исследования на странице в социальных сетях. При этом развитие краудсорсинговых платформ (Amazon Mechanical Turk, Яндекс.Толока) позволяет получить доступ к десяткам тысяч потенциальных участников исследования одновременно, хотя вопрос о качестве данных остается открытым [3]. Некоторые известные экспериментальные парадигмы уже были успешно реплицированы на выборке из MTurk [4], но на русскоязычной выборке из Яндекс.Толока подобных исследований пока нет.

В рамках данного исследования была поставлена задача сравнить специфику решения сенсомоторной задачи в двух выборках. Первая была набрана по объявлению в социальной сети VK и включила преимущественно студентов факультета психологии СПбГУ, вторая — через платформу Яндекс.Толока. Все участники исследования проходили эксперимент на персональных компьютерах через Интернет. Эксперимент был реализован в программе PsychoPy3 и размещен на платформе Pavlovia.

В виде компьютерной игры испытуемые должны были попасть «ракетой» в «Луну». Задача была построена на оценке временных интервалов — дальность полета «ракеты» зависела от длительности между двумя нажатиями клавиши «пробел». Расстояние до «Луны» рандомно варьировалась в пределах пяти позиций. Эксперимент включал 10 тренировочных и 150 основных проб.

Выборку «VK» составили 40 человек (34 ж, 5 м, 1 — нет данных); возраст варьировался от 13 до 45 лет ($M = 22,15$; $SD = 4,73$). В выборку «Яндекс.Толока» вошли 21 человек (7 ж, 11 м, 3 — нет данных); возраст варьировался от 25 до 58 лет ($M = 37,53$; $SD = 8,54$). Различия в половом ($\chi^2 = 11,93$; $p < 0,001$) и возрастном ($U = 21$; $p < 0,01$) составе статистически значимы.

Вероятность попадания в цель в выборке «Яндекс.Толока» ($M = 0,47$; $SD = 0,50$) выше, чем в выборке «VK» ($M = 0,40$; $SD = 0,49$) ($F(1, 59) = 7,69$; $p < 0,01$). При этом не обнаружено значимых отличий в абсолютной величине ошибки от центра цели и длительности подготовки к выполнению пробы. Анализ влияния дальности цели на точность выполнения задачи показал, что обе группы с отдалением цели промахивались чаще ($F(4, 236) = 86,10$; $p < 0,001$), и этот результат не зависел от группы.

Результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что выборка, набранная через платформу Яндекс.Толока, принципиально не отличается в специфике выполнения сенсомоторной задачи от выборки, сформированной по принципу

доступности. Более того, эффективность решения задачи в выборке «Яндекс.Толока» оказалась выше, что может свидетельствовать о большей мотивированности. В то же время было показано, что Яндекс.Толока предоставляет большее разнообразие в половозрастном составе участников и, следовательно, репрезентативность выборки. Хотя данная тема требует дальнейших многочисленных исследований, уже сейчас можно сказать, что краудсорсинговые платформы являются подходящим пространством для проведения психологических исследований.

1. Sauter M., Draschcow D., Mack W. Building, Hosting and Recruiting: A Brief Introduction to Running Behavioral Experiments Online //Brain Sciences. — 2020. — V 10. — № 4. — P 251.
2. Grootswagers T. A primer on running human behavioural experiments online //PsyArXiv. — March 2020. — V 18.
3. Chandler J., Mueller P., Paolacci G. Nonnaïveté among Amazon Mechanical Turk workers: Consequences and solutions for behavioral researchers //Behavior research methods. — 2014. — V 46. — № 1. — P 112-130.
4. Crump M. J. C., McDonnell J. V., Gureckis T. M. Evaluating Amazon's Mechanical Turk as a tool for experimental behavioral research //PloS one. — 2013. — V 8. — № 3. — e57410.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-313-90007 Аспиранты

Структура лексико-семантического поля выражения аттракции

Психолингвистика чувств и эмоций, оценочные высказывания, эмотивная и когнитивная лингвистика, лингвостатистический подход

Предметом исследования выступила структура лексико-семантического поля выражения аттракции к Другому. Ранее нами был определен состав шкалы притяжения (привлекательности). В неё вошли оценочные прилагательные: милый, красивый, прекрасный, приятный, симпатичный, скромный, любимый, любезный, нежный, интересный, обаятельный, тонкий, спокойный, прелестный, ласковый, легкий, душевный, очаровательный, яркий, приветливый, вежливый, привлекательный, элегантный, обходительный, чудный, чудесный. Первые 11 образуют ядро шкалы, остальные образуют ближний пояс. В данном сообщении рассматривается частотность словесных конструкций, включающих оценочное прилагательное и одну из персон определенного пола. Перечень именовании персон женского пола включал следующие лексемы: женщина, жена, девушка, девочка, девица, баба, старуха, дама. Перечень именовании персон мужского пола включал следующие лексемы: парень, мальчик, старик, ученик, муж, работник, учитель, мужик, гражданин, мужчина, юноша. В данные перечни включены высокочастотные имена существительные, не имеющие выраженной эмоциональной коннотации.

Методический подход. В исследовании применялись методы и методики корпусной лингвистики. Материалом исследования послужили нехудожественные тексты (автобиографии, биографии, дневники, записные книжки, мемуары, записки, личные письма, тексты блогов, конференций, смс-сообщений, форумов), входящие в Национальный корпус русского языка (Национальный корпус...) — доступный для поиска электронный онлайн-корпус русских текстов (далее, НКРЯ).. Подкорпус авторов женского пола имеет объем 607 документов, 586316 предложений, 6926986 слов. Подкорпус авторов мужского пола имеет объем 3539 документов, 2929960 предложений, 39533971 слово. Собирались статистические данные о частоте словесных конструкций, включающих оценочное прилагательное и одну из персон определенного пола. Всего было обнаружено 4485 искомых словесных конструкций.

Сбор данных происходил с использованием поисковых запросов в НКРЯ. Серия поисковых запросов позволила определить абсолютные частоты (число найденных словесных конструкций, включающих прилагательное и существительное) оценочных определений в пользовательских подкорпусах авторов-мужчин и авторов-женщин. Статистику составляли данные четырех видов: 1) оценочные определения (прилагательные) персон женского пола в текстах авторов-мужчин; 2) оценочные определения персон мужского пола в текстах авторов-мужчин; 3) оценочные определения персон женского пола в текстах авторов-женщин; 4) оценочные определения персон мужского пола в текстах авторов-женщин.

Результаты. По шкале притяжения (привлекательности) женщины чаще оценивают Другого, чем мужчины (42,98 и 37,00). Оценки приятности лицам своего пола

женщины дают почти в три раза чаще, чем мужчины (29,36 и 10,75). Привлекательность женщин оценивается существенно чаще, чем мужчин, как мужчинами (относительные частоты 26,25 и 10,75), так и женщинами (относительные частоты 29,36 и 13,62). Женщины чаще обнаруживают в мужчинах приятные черты (13,62), чем мужчины у мужчин (10,75). Суммарные частоты характеристик привлекательности, даваемые мужчинами и женщинами, мужчинам и женщинам сильно различаются (24,37 и 55,61). У авторов мужчин и женщин ранги частотности лексических единиц шкалы притяжения в оценках мужчин и женщин не имеют выраженных различий.

В оценочных высказываниях у мужчин и женщин красивый выступает наиболее частотным прилагательным. У женщин в оценках персон мужского и женского пола на втором месте любимый, на третьем — милый; у мужчин на втором месте прекрасный в оценках персон женского пола, на третьем месте в оценках персон женского пола милый, а персон мужского пола — любимый.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект 18-013-01194

Характеристики речи детей-близнецов в возрасте 5 лет

Речь, акустический анализ, перцептивный анализ, близнецы

Овладение детьми-близнецами навыками общения с близкими и сверстниками связано с особенностями формирования их речи, и спецификой их речевого развития на каждом из возрастных этапов. Показано, что особенности речевого развития близнецов обусловлены спецификой их пренатального и раннего постнатального развития, взаимодействия с ними матери, выявлены различия в уровне речевого развития первых и вторых по порядку рождения детей-близнецов в паре (Куражова, Ляксо, 2020).

Цель исследования: проанализировать временные, спектральные характеристики речи детей-близнецов в возрасте 5 лет, сравнить уровень речевого развития детей в паре.

Работа выполнена согласно методике, разработанной группой по изучению детской речи СПбГУ (Ляксо и др., 2012). В исследовании приняли участие пять пар dizygotic близнецов в возрасте 5 лет. Аудиозапись и видеосъемку речи детей в процессе взаимодействия с матерью или экспериментатором осуществляли в домашних условиях в модельных ситуациях. Применялись методы инструментального спектрографического, фонетического и перцептивного анализа речевых сигналов.

У первых и у вторых по порядку рождения детей в речи преобладают реплики из одного слова и простой фразы, но при этом увеличивается частота встречаемости реплик из нескольких фраз. При описании картинки частота встречаемости реплик из нескольких фраз значимо выше ($p < 0,05$) у первых по порядку рождения детей. При пересказе у первых детей преобладают реплики из одного слова и нескольких фраз, у вторых — простые фразы и реплики из одного слова.

Количество слов, распознаваемых аудиторами с вероятностью 0,75, составляет 40% и 35% у первого и второго ребенка соответственно. В тех словах, значение которых аудиторы не распознают, они правильно указывают количество слогов (10% и 20%), гласные звуки (20% и 15%), согласные звуки только в словах первого ребенка (10%). Больше количество слогов, правильно указанных в словах пятилетних вторых по порядку рождения детей по сравнению с первыми, можно объяснить более простым фонетическим составом их слов.

В словах детей описаны 34 и 29 согласных звука соответственно у первых и вторых детей. В речи детей присутствуют слова, содержащие звуки с несформированной артикуляцией. Чаще первые и вторые дети заменяют согласные [r], [tS'], [S], [Z] по сравнению с другими звуками. У вторых детей описаны замены согласного [s], у первых детей отмечается нормативное произнесение этого звука.

Значение ЧОТ ударных гласных в словах близнецов составляет 345 ± 72 Гц, 345 — медиана и 380 ± 64 Гц, 375 Гц — медиана соответственно у первых и вторых детей, и с возрастом значимо не изменяется.

Полученные данные о характеристиках речевого развития dizygotic близнецов позволяют заключить, что в возрасте пяти лет происходит увеличение частоты

встречаемости реплик из нескольких фраз, увеличение количества произносимых согласных, улучшается четкость их произнесения. В речи первых детей выявлено большее количество сложных фраз и реплик из нескольких фраз. У первых детей по сравнению со вторыми отмечается нормативное произнесение звуков [Sʹ], [г], [zʹ]. Однако над нормативным произнесением небно-язычных звуков преобладают их замены на другие более легко артикулируемые звуки. У первых детей по сравнению со вторыми выявлены более низкие значения ЧОТ.

Таким образом, речевое развитие детей-близнецов не достигает нормативного уровня, вторые по порядку рождения дети из близнецовых пар характеризуются более низким уровнем речевого развития.

1. Куражова А.В., Ляко Е.Е. Речевое взаимодействие в триадах «мать-дизиготные близнецы» в 4-6 — летнем возрасте детей // Экспериментальная психология. 2020. Т.13 № 2. С. 40-56.
2. Ляко Е.Е., Фролова О.В., Смирнов А.Г., Куражова А.В., Гайкова Ю.С., Бедная Е.Д., Григорьев А.С. Уровень речевого развития детей на этапе формирования навыка чтения // Психологический журнал. 2012. Том 33. № 1. С. 73—87.

Работа выполнена при поддержке гранта РФФ 18-18-00063

Лямзенко А.Д.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Зайцева Ю.Е.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Трансляция внутренней Я-позиции при пересказе автобиографических историй

Я-нарратив, рефлексивная перспектива, истории о себе и о других, тематическая согласованность

Нарратив выступает одновременно как способ достижения взаимопонимания и как когнитивная схема познания социальных ситуаций.

Через призму нарративных структур кодируется и воспринимается ситуация, описывается ее значение и смысл. Нарративная схема достаточно стабильна и характерна для личности. Стабильность обеспечивает самождественность рассказчика с рассказываемыми им историями, а с другой стороны обеспечивает легкость взаимопонимания между членами общества, использующими принятые в данном социокультурном окружении схемы.

По мере личностного развития человек может понимать себя и других с точки зрения трех типов рефлексивной перспективы: социального актера, мотивированного агента и автобиографического автора. Каждые из этих трех перспектив соотносятся с тремя уровнями развития Я, появляющимися на разных этапах онтогенеза и сопровождающих их собственную траекторию развития в течении жизни человека (McAdams, 2013).

Актуальная жизненная ситуация обосновывает истории с точки зрения транслируемых в данный момент ценностных ориентаций, убеждений и установок.

Воспоминания, позаимствованные у других, выполняют те же жизненные функции что и личные воспоминания (Pillemer, Thomsen, 2015). Делиться воспоминаниями о своей жизни с детьми входит в часть семейной интеграции ценностей. С помощью рассказов о собственном прошлом родители передают культурные и семейные ценности детям.

В проведенном нами исследовании (Zaitseva, Lyamzenko, 2018) установлено, что при пересказе родительских историй дети чаще переинтерпретируют защитный тип нарратива (преодоление препятствий) на проактивный (достижение целей). Добавляется значимость события, хотя в оригинальном тексте она может и отсутствовать. Таким образом в нарративной структуре транслируется личная интерпретация полученного опыта исходя из собственных установок и ценностей.

Традиционно можно наблюдать контекстно-зависимую природу я-нарратива человека. В разных контекстах и разным людям транслируются по крайней мере до некоторой степени различающиеся я-нарративы. Динамичность и множественность культурных сред предполагает гибкость и изменчивость личности к текущей ситуации. Что предполагает изменения в традиционном представлении о том, что личность

стремится к конструированию тематической согласованности во временной перспективе собственной жизни и жизни множества других людей, включаемых общих дискурс. (Зайцева, 2019)

Встает вопрос о характере нарратива вне семейных пересказов. Насколько сильны семейные и культурные паттерны в историях не только социального актера, но и автобиографического автора. Центральным вопросом будущих исследований ставится попытка определить проявления внутренней Я-позиции в пересказах автобиографических историй.

1. Pillemer, D. B. Vicarious memories / Pillemer, D. B., Steiner, K. L., Kuwabara, K. J., Thomsen, D. K., & Svob, C. // *Consciousness and Cognition: An International Journal* — 2015. — 36, 233–245. <https://doi.org/10.1016/j.concog.2015.06.010>
2. McAdams, D. P. The Psychological Self as Actor, Agent, and Author / McAdams, D. P. // *Perspectives on Psychological Science* — 2013. — 8(3), 272–295. <https://doi.org/10.1177/1745691612464657>
3. Zaitseva J. Memories about Childhood: Family Transmission of Narrative Structure in Uzbekistanis and Russians / Zaitseva J., Lyamzenko A. // *Neurobiology of speech and language. Proceedings of the 2nd International Workshop "Neurobiology of Speech and Language"*. — St. Petersburg.: Skifiya-print, 2018. — 76 p.
4. Зайцева Ю. Е. «Это не Адам становится меньше, просто дерево растет»: методологические заметки об изменчивом человеке в изменчивом мире (по мотивам одной рецензии) // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология*. 2019. Т. 9. Вып. 4. С. 346–358. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2019.402>

Расовая идентичность в имплицитных предпочтениях мальчиков и девочек

Социальная, расовая идентичность, имплицитные предпочтения, младший школьный возраст, ингруппа, аутгруппа

Проблематика социальной идентичности — одна из актуальных в динамике современной жизни. Раса, этнопринадлежность, пол, возраст — базовые параметры идентичности. Расовая идентичность редка в фокусе внимания исследователей, особенно там, где нет расового разнообразия. Феномен расовой идентичности исследовался в аспекте дискриминации, стереотипизации, степени близости человека к культуре меньшинства (Cross, 1971). Дж. Хелмс (Helms, 1998) охарактеризовала структуру белой расовой идентичности, этапы ее развития (от нечувствительности к различиям до понимания ценностей расового разнообразия). Синтез расовой и культурной идентичности, где расовая идентичность — часть культурной и этноидентичности, позволяет выстроить продуктивный межрасовый диалог, коррелирует с психологическим благополучием, повышением самооценки, является важным компонентом развития личности членов этнических меньшинств через сильную позитивную этноидентичность (модели D.R. Atkinson, G.Morten, D.W. Sue, B. Sue et al.) (Ставропольский, 2011).

Отсутствие осознания расовой принадлежности — «слепое пятно», снижающее ресурс индивидуальности и общечеловечности, что особенно важно в младшем школьном возрасте. Гипотеза: расовая идентичность младших школьников в условиях отсутствия расового разнообразия зависит от желаемого уровня социальной близости.

Методы. Дети индивидуально отвечали на вопросы о ситуациях дистантного взаимодействия (социальный блок: игра, общие занятия) и общения в личном пространстве и выбирали фото партнера (18 образов детей европеоидной, монголоидной, негроидной рас, по 6 для каждой расы (3 девочки, 3 мальчика). Велся подсчет общего количества выборов, их распределения по социальному (с) и личному (л) блокам, с учетом пола респондентов, их половых и расовых предпочтений, применялся критерий ϕ^* . Испытуемые: первоклассники (88, 42 мальчика, 46 девочек), все европеоиды, русскоговорящие.

Результаты. Общее количество выборов всех испытуемых равно распределено между личным и социальным блоками; каждый представлен единообразием расовых предпочтений: европеоиды (л-395, с-365), монголоиды (л-174, с-172), негроиды (л-133, с-146). Пилотажный характер исследования позволил получить первичные выводы по половым подгруппам. В ситуациях дистантного общения девочки чаще мальчиков выбирали негроидов (при $p \leq 0,012$); в ситуациях общения в личном пространстве — девочек (при $p \leq 0,004$).

Обсуждение. Расовые выборы говорят об имплицитной европеоидной расовой идентичности испытуемых, что отвечает закономерностям формирования личности в расово однородном обществе. Внутри расовых выборов у всех детей выявлено предпочтение партнера своего пола, что также отвечает характеру формирования субъектной активности в младшем школьном возрасте и подтверждает результаты М. Бревер об иерархичности социальной идентичности. При этом девочки проявляют более широкий репертуар стратегий выбора в социальном взаимодействии, выбирая детей другой расы (ингруппа негроидов). В общении в личном пространстве представители других рас остаются аутгруппами. Это свидетельствует о большей значимости для девочек уровня социальной близости.

Выводы. Выявлена имплицитная расовая идентичность младших школьников, более широкий репертуар расовых имплицитных предпочтений в социальном взаимодействии и приоритет половой идентичности в личном пространстве у девочек. Это может рассматриваться как зона ближайшего эксплицитного развития позитивной социальной идентичности (Нисбетт Р., 2011) и профилактики шаблонного образа мышления младших школьников.

1. Ставропольский Ю.В. Применение коммитмент-модели идентичности к практическим этнопсихологическим исследованиям // Практическая этнопсихология: актуальные проблемы и перспективы развития.
https://psyjournals.ru/files/40434/ethnoconf_2011_sbornik_Stavropolsky.pdf
2. Нисбетт Р., Пенг К., Чой И., Норензяна А. Культура и системы мышления: сравнение холистического и аналитического познания — М.: Фонд «Либеральная миссия», 2011. — 68 с.

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 20-013-0056

Исследование индивидуальных особенностей личности и копинг-стратегий (на примере сотрудников воинских частей)

Стратегии совладающего поведения, индивидуальные особенности личности, стрессовые ситуации

Военная служба – это напряженный вид профессиональной деятельности, во время которой возникает повышенный риск возникновения психологических расстройств, т.к. сотрудники воинских частей, находясь на работе, испытывают уникальное многообразие стрессоров. [2]

Одной из ключевых проблем, приводящих к исследованию факторов, влияющих на процесс совладания, является формирование у специалистов экстремальных професий таких личностных характеристик, которые оказываются пусковыми механизмами в действии эмоционально-волевой устойчивости и как следствие способности совладать со стрессовыми и неблагоприятными ситуациями, [1].

Наличие на индивидуальном уровне защитных факторов, свойственных личности, может снизить риск возникновения психологически неблагоприятных состояний; эти факторы максимально актуализируются при возрастающих уровнях дистресса. [3]

Наше исследование было направлено на изучение взаимосвязи между некоторыми индивидуальными характеристиками личности и сформированными у нее копинг-стратегиями в процессе жизнедеятельности.

Методика исследования

Испытуемые. Общее число респондентов — 48 сотрудников воинских частей. Метод формирования выборки испытуемых — рандомизация.

Методики исследования: опросник совладания со стрессом COPE (Рассказова Е.И., Гордеева Т.О., Осин Е.Н., Сычев А.О., Шевяхов В.Ю.); методика рисуночной фрустрации Розенцвейга (модификация Тарабриной Н.В.); методика «Фигуры Готтшальдта»; Тауэр-тест.

Результаты и их обсуждение. Проведенный частотный анализ по методике Тауэр-тест было выявлено, что эвристический метод решения задачи использовали 67% сотрудников; механический перебор — 33%. Эпизодическая память: низкие значения были выявлены у 27%, средние значения — у 58%, высокие значения — у 15%. Ригидность когнитивных стратегий выявлена у 52% испытуемых.

Преобладающий когнитивный стиль в исследуемой группе военнослужащих — «полезависимость» (92%).

Проведенный статистический анализ позволил установить достоверные корреляционные связи ($p=0,05$) между копинг-стратегиями и особенностями личности: отрицательная связь между стратегией совладающего поведения «отрицание» и когнитивными личностными стилями «полезависимость-полenezависимость» (-

0,383); положительная связь между стратегией совладающего поведения «юмор» и экстрапунитивным направлением реакции во фрустрирующей ситуации (0,306); положительная связь между стратегией совладания «поведенческий уход от проблемы» и когнитивными стилями «полезависимость-полenezависимость» (0,301); отрицательная связь между стратегией совладающего поведения «сдерживание совладания» и типом реакции во фрустрирующей ситуации с «фиксацией на удовлетворении потребности» (-0,318); положительная связь между стратегией совладающего поведения «эмоциональная социальная поддержка» и типом реакции во фрустрирующей ситуации с «фиксацией на самозащите» (0,321).

Заклучение. Данное исследование показало, что некоторые индивидуальные характеристики личности связаны с копинг-стратегиями, которые она применяет в стрессовых ситуациях.

Дальнейшие исследования данной проблемы позволят укрепить некоторые индивидуальные способности личности, работающей в экстремальных условиях, посредством психологической работы с ней, а так же, как следствие, обеспечить проактивную стратегию совладания, которая может быть применена во время потенциально стрессовой ситуации.

1. Дьяченко М.И., Кандыбович Л.А., Кандыбович С.Л., Урбанович А.А., Шабуневич Б.Б. Военная психология и педагогика. — Минск: Военная академия. — 1999. — 357 с.
2. Cunningham, Craig A.; Cramer, Robert J.; Casace, Sam The Coping Self-Efficacy Scale: Psychometric properties in an outpatient sample of active duty military personnel // *Military psychology*. — 2020. — Vol. 32. — №3. — P. 261-272.
3. Rabon, Jessica Kelliher; Hirsch, Jameson K.; Kaniuka, Andrea R. Self-Compassion and Suicide Risk in Veterans: When the Going Gets Tough, Do the Tough Benefit More from Self-Compassion? // *Mindfulness*. — 2019. — Vol.10. — №12. — P. 2544-2554.

Осорина М.В.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Молошина Д.В.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Феномен воображаемых компаньонов в повседневном фантазировании студентов

Воображаемые компаньоны (ВК), ВК как ментальный образ, функции ВК, повседневное фантазирование студентов

Феномен воображаемых компаньонов (далее — ВК) присутствует в повседневном фантазировании людей всех возрастов (Осорина М.В., Чечик А.А., 2013). Однако он изучался только на детях (до 65% имеют ВК) (Taylor M., Mottweiler C. M., 2008; Taylor M., Mottweiler C. M., Naylor E. R., Levernier J. G., 2015). Наша работа восполняет этот пробел.

Мы рассматриваем ВК как продукт ментальной активности субъекта, воплощаемый в виде образа представления. В нем субъект персонифицирует для себя воображаемого партнера, обладающего нужными субъекту качествами и способного поддержать его в определенных ситуациях. Признаком нормы психической адекватности субъекта является его абсолютная уверенность в том, что ВК является продуктом его фантазии и не имеет статуса существования в материальной реальности.

Цели работы: 1) рассмотреть феномен ВК как вид продуктивной работы воображения психически здорового человека; 2) разработать адекватные психологические методы сбора и анализа эмпирических данных о феномене ВК у взрослых людей; 3) описать эмпирические характеристики образов ВК, длительность существования и функции ВК в повседневной жизни студентов.

Участники: 70 успешных студентов (18–25 лет, 35- жен.) разных ф-тов и ВУЗов СПб из 58 городов и сел РФ (65 из них живут в общежитиях).

Метод исследования: глубинное полуструктурированное интервьюирование, состоявшее из 2-3 встреч.

Результаты и выводы

1. Выявлено, что все образы ВК обладают основным набором пространственных, временных и модальных характеристик, присутствующих в любом психическом образе.

2. Описаны особенности модальности образов ВК, установлена причинно-следственная связь между модальностью образа ВК и местом его локализации по отношению к субъекту.

3. Обнаружены факторы, детерминирующие величину образов ВК.

4. Установлена длительность существования образов ВК в душевной жизни субъекта и продолжительность актуализации образов ВК в конкретных ситуациях.

5. Актуализация образа ВК в виде воображаемого коммуникативного партнера обусловлена участием субъекта в трудной, напрягающей его социальной ситуации, которую можно назвать «внешним триггером».

6. ВК наделён субъектом качествами идеального партнера: он полностью принимает и понимает субъекта, знает все его нужды, мгновенно откликается на запрос и оказывает субъекту эффективную и адекватную помощь.

7. Многообразные функции, выполняемые воображаемыми компаньонами наших 70 респондентов, классифицированы и сгруппированы в три больших кластера. Их названия соответствуют тем ролевым позициям, которые обычно занимают в социуме люди, чаще всего реализующие набор функций, вошедших в каждый кластер — это Мать, Наставник и Друг.

8. Образ ВК можно рассматривать как проекцию соответствующих способностей и свойств самого субъекта, по разным причинам отчуждаемую субъектом от самого себя в виде псевдосамостоятельного партнера — воображаемого компаньона. На этом основании можно предполагать и искать наличие связи между набором свойств, приписываемых ВК, и субъективным переживанием нехватки этих же свойств у самого субъекта.

1. Осорина М. В., Чечик А. А. Исследование повседневного фантазирования взрослых. Часть I: подход и методы // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2013. Сер. 16. Вып. 3. С. 25–34.
2. Taylor M., Mottweiler C. M. Imaginary Companions, Pretending They Are Real but Knowing They Are Not // *American journal of play*. 2008. P. 47-54.
3. Taylor M., Mottweiler C. M., Naylor E. R., Levernier J. G. Imaginary Worlds in Middle Childhood: A Qualitative Study of Two Pairs of Coordinated Paracosms // *Creativity Research Journal*. 2015. Vol. 27(2). P.167-174.

Особенности социальных представлений об имидже (гендерный аспект)

Социальные представления, имидж, гендерные различия, поле представлений, образ, метод формализованного анализа изображений, метод свободных описаний, контент-анализ

В современных социально-психологических исследованиях весьма актуальной является проблема исследования такой категории социального познания как «социальные представления», которые определяют содержание картины мира человека, его отношение к социальным процессам (Г. М. Андреева, 2013, Л. Г. Почебут, 2017). В то же время, социальное представление об имидже изучено недостаточно.

В нашем исследовании изучались особенности представлений об имидже. Мы предположили, что существуют гендерные различия в социальных представлениях об имидже (пилотное исследование проведено на выборке из 30 человек (15 мужчин и 15 женщин (средний возраст:36,4г.). Был использован комплекс методик: метод формализованного анализа изображений («Арт-экспресс») (Батов В.И., 1997; Фоломеева Т.В., Бартенева О.М., 2000); метод свободных описаний (метод определений), контент-анализ, математико-статистический метод обработки и анализа результатов — критерий «φ-угловое преобразование» Фишера. Ответы испытуемых были поделены на три категории: 1) информация (сумма знаний о понятии «имидж» или ядро этих представлений); 2) периферийная область (образные и смысловые свойства понятия) и 3) установка к понятию «имидж».

Результаты исследования показали, что общими в структуре социальных представлений категории «имидж» у мужчин и женщин являются представления об имидже через понимание конкретного образа, соотнесения с внешним видом человека. В категорию «поле представлений» понятия «имидж» испытуемые включают внешний вид человека, его поведение и личностные черты, абстрактно-символические понятия («стиль», «красота», «эстетика»). Общими для мужчин и женщин в поле представлений входят образ и детали фигуры человека, изображения окружающей среды и представления об имидже в действии или сюжете.

Сопоставление выборок по частоте встречаемости различных элементов социальных представлений показывает значимые различия социальных представлений об имидже (частота встречаемости представления у женщин значимо выше ($\varphi=2,806$; $p\leq 0,01$). Знания женщин об имидже содержат в себе представление об имидже не только как об образе, но и как о процессе создания образа человека. У женщин понятие «имидж» отражает самопрезентацию человека, его внешний вид ($\varphi =2,320$, $p\leq 0,01$) и поведение ($\varphi =3,054$, $p\leq 0,01$). В поле представлений об имидже у женщин включены предметы повседневной жизни ($\varphi =2,54$, $p\leq 0,01$). У мужчин представление

об имидже связано в целом с образом человека, без дополнительных деталей, и включает черты, необходимые для достижения человеком успеха.

Выводы:

1. Социальные представления являют собой ментальное образование, которое включает любые формы знаний, взглядов, воззрений.

2. Социальные представления об имидже содержат в себе понимание имиджа как внешнего вида человека, который необходим в достижении какой-либо цели; отражение представлений человека о мире, самом себе, окружающей действительности.

3. Существует общее поле представлений об имидже у мужчин и женщин. Общей является структура социальных представлений понятия «имидж», представленная суммой знаний о данном понятии, включающая понимание об имидже как об «образе».

4. Поле представлений включает в себя такие элементы как внешний вид, поведение и личностные черты, изображение окружающей среды, сюжета или действия, конкретно-предметные образы и абстрактно-символические понятия; и установкой, то есть отношением к понятию «имидж» и его значением для человека.

5. Существуют гендерные различия в социальных представлениях об имидже:

а) у женщин более выражено поле представлений, более разнообразны понятийные и образные смыслы, ориентированные на создание образа человека с направленностью на межличностное общение;

б) у мужчин более выражена ориентация представлений на точность и лаконичность, знания об имидже выражены в большей степени, чем поля представлений, ориентированность понятия на личные достижения.

Взаимосвязь уровня зрительно-пространственного развития и восприятия зрительных иллюзий

Зрительно-пространственное восприятие, иллюзия, иллюзия Поггендорфа, развитие, ошибки восприятия

На зрительно-пространственное восприятие построен весь процесс обучения в любом возрасте. С одной стороны, сама по себе зрительная иллюзия способна развивать зрительно-пространственное восприятие, а с другой стороны, являться диагностическим методом, оценивающим уровень зрительно-пространственного развития и даже психического состояния [4]. Подобные знания очень важны для людей, они могут помочь в архитектуре, дизайне, изобразительном творчестве 2D, 3D, в формировании образов в цифровом пространстве AR / VR, в компьютерном моделировании, где пересечение линий, основано на геометрических иллюзиях и пр., Навык восприятия иллюзии, знание практических способов ее устранения, самопроверка облегчают жизнь и устраняют ошибки, обманы, самообманы, формируют пластичность восприятия и развивают критичность мышления.

Иллюзии — это систематические, закономерные ошибки восприятия в форме искаженных разнообразных зрительных эффектов. Кроме особенностей строения мозга человека в качестве других причин выделяют: психологические установки, особенности строения глаза, функциональные естественные сбои в работе мозга [3].

Цель исследования: выявить связь между уровнем зрительно-пространственного гнозиса и ошибкой восприятия (иллюзией Поггендорфа).

Объект — девушки и юноши 18-20 лет, студенты гуманитарного института, 140 человек: по 70 юношей и девушек.

Предполагаем, что уровень зрительно-пространственного развития связан со склонностью к восприятию иллюзий, чем он выше, тем меньше искажениям подвержено восприятие человека.

Методы исследования: субтест на оценку зрительно-пространственного развития Айзенка (из теста Айзенка на IQ) [1]; Зрительные пробы: «Иллюзия Поггендорфа» в модификации Джастроу (1890г.).

В юношеском возрасте уже хорошо сформированы зрительно-пространственные функции восприятия. Формируя выборку испытуемых юношеского возраста, мы исключаем фактор возрастной незрелости и наличия слабости зрительно-пространственных функций [2].

По результатам теста Айзенка. У девушек: в группе 90-110 баллов вошли 47% девушек; в группу 111-130 баллов — 32%; в группу 131-150 баллов — 21%. У юношей: в группе 90-110 баллов вошли 23% юноши; в группу 111-130 баллов — 30%; в группу 131-150 баллов — 47% юношей.

В первой группе у 77% девушек с уровнем зрительно-пространственного развития 90-110 баллов было искажение фигуры; во второй группе у девушек с уровнем зрительно-пространственного развития 111-130 баллов выявили процент искажения равный 17%; в третьей группе у девушек с уровнем зрительно-пространственного развития 131-150 баллов процент искажения был равен 6%. У юношей в первой группе с уровнем зрительно-пространственного развития 90-110 баллов было 71% искажения фигуры; во второй группе с уровнем зрительно-пространственного развития 111-130 баллов, процент искажений составил 24%; в третьей группе где самые высокие оценки от 131 до 150, процент искажения оказался минимальным, всего лишь 5%. Ошибка восприятия в иллюзии Поггендорфа встречается почти у $\frac{3}{4}$ всех наших испытуемых.

В целом, соотнеся уровень зрительно-пространственного восприятия и восприятия фигуры Поггендорфа можно сказать, что уровень зрительно-пространственного восприятия связан с наличием или отсутствием ошибок, но не связан с полом. Таким образом, сенсорно-перцептивные процессы, к которым относится зрительно-пространственное восприятие требуют комплексного изучения.

1. Айзенк Г. Новые IQ тесты. М. — Изд-во: Эксмо, 2003. — 192с.
2. Ананьев Б.Г. Особенности восприятия пространства у детей. [Электонный ресурс]. URL: http://www.koob.pro/ananyev_b_g/ (дата обращения: 18.03.2018).
3. Данилова Н.Н. Психофизиология: учебник для вузов. — М.: Аспект Пресс, 2001. — 373с.
4. Русякова Е.Е. Исследование гетерохронности и неравномерности зрительно-пространственного восприятия детей дошкольного возраста, как компонента психического здоровья // В книге: аспекты психологического здоровья в современных условиях. Коллективная монография. Уфа, 2016. С. 67-91.

Соколова Е.Т.
Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова

Андреюк К.О.
Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова

Сравнение способности к пониманию социальной причинности в зависимости от иррациональных ментальных установок и нетерпимости к неопределенности: клиника и норма

Понимание социальной причинности, магическое мышление, толерантность к неопределенности, ментализация

Современная социокультурная обстановка предполагает альтернативность толкования противоречивой информации. В межличностных отношениях непрозрачность внутреннего мира Другого и амбивалентность переживаний могут усугублять сложности ментализации, затруднять понимание социальных контекстов и детерминации поступков ввиду тревоги перед неопределенностью, что порождает нереалистичные ожидания и искажения когнитивных процессов, в том числе в виде магического мышления.

Целью исследования было сопоставление способности к пониманию социальной причинности в зависимости от иррациональных ментальных установок и отношения к неопределенности в клинической и контрольной группах.

Выборка. В исследовании приняло участие 80 человек: 40 пациентов с параноидной шизофренией, наблюдавшихся на базе ФГБНУ НЦПЗ, и 40 лиц без психических заболеваний.

Методы. Шкала «понимание социальной причинности» была взята из методики Вестена применительно к продукции ТАТ (Westen, 1990). Иррациональные установки рассматривались на материале шкалы магического мышления из опросника SPQ-74 (Ефремов, Ениколопов, 2001), толерантность к неопределенности исследовалась при помощи «Нового опросника толерантности-интолерантности к неопределенности» (Корнилова, 2010).

Результаты. Возможности понимания социальной причинности шире у лиц контрольной группы ($p \leq 0,001$) — пациенты с шизофренией характеризуются нарушениями ментализации: в их суждениях стабильно пропущены психологические компоненты в детерминации социальных ситуаций, присутствуют логические ошибки и несоответствия.

Когнитивные искажения в виде магического мышления у пациентов более выражены в сравнении с контрольной группой ($p \leq 0,001$), причем их суждения о телепатии и сверхъестественном характеризуются грубым нарушением тестирования реальности. Однако магическое мышление сопряжено с нарушениями ментализации в обеих группах ($p \leq 0,05$): преобладание иррациональных суждений способно оказывать влияние на снижение возможностей в области понимания социальной причинности (за счет замещения психологической детерминации алогическими постулатами или чрезмерно материализованными представлениями, буквальными трактовками происходящего).

Лица контрольной группы в целом оказались более толерантными к неопределенности, чем пациенты с параноидной шизофренией ($p \leq 0,001$), которые стремятся к следованию неким ритуалам чаще без аналитического подхода к их содержанию, но за счёт ригидности и страха перед неизвестностью и собственным выбором. Результаты регрессионного анализа позволяют рассматривать высокую толерантность к неопределенности в качестве основы для адекватного, психологически наполненного понимания социальной причинности ($p \leq 0,05$). В психически здоровой популяции именно межличностная интолерантность к неопределенности, усиливая тревожность, снижает возможности когнитивного анализа репрезентации отношений в аспекте понимания социальной причинности ($p \leq 0,05$).

Таким образом, у лиц без психических заболеваний больше ресурсов для того, чтобы справиться с социокультурной неоднозначностью, так как их интолерантность к неопределенности не настолько глобальна, а иррациональные установки не столь выражены, как у пациентов с шизофренией. Характерное для последних сочетание магического мышления со сниженной толерантностью к неопределенности может препятствовать образованию комплаенса, реадaptации в социальных сообществах, осложнять самореализацию в учебной и профессиональной среде.

Выводы. Иррациональные ментальные установки и интолерантность к неопределенности способствуют снижению возможностей ментализации в контексте понимания социальной причинности происходящего в социокультурной среде, что приводит к попыткам дисфункциональной структуризации ситуации, не вполне соответствующей с действительностью. Лица без психиатрических диагнозов имеют больше ресурсов для того, чтобы справиться с неопределенностью, нежели пациенты с параноидной шизофренией, у которых отмеченные черты заострены и затрагивают больше жизненных аспектов.

Ткачева Л.О.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Седёлкина Ю.Г.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Флакман М.А.
Санкт-Петербург, СПбГЭТУ "ЛЭТИ"

Психосемантическое исследование звукоизобразительности*

Психосемантика, звукоимовелизм, звукоизобразительность, лексическое решение

Несмотря на абстрактный характер естественных языков, во всех них присутствуют звукоизобразительные (ЗИ) слова, которые сохраняют явную или скрытую связь между обозначаемым объектом и означающим словом. Эти слова отличаются тем, что в них отражена близость между акустической формой и значением. На первом этапе исследования, мы задались целью выявить когнитивные параметры восприятия ЗИ слов, фиксируемые в показателях скорости, точности и количестве ошибок опознания. Сначала было проведено психосемантическое исследование с использованием методики Лексическое Решение на примере русского языка (N=58) с участием 3 возрастных групп испытуемых. Обнаружилось, что ЗИ слова опознавались медленнее и с большим количеством ошибок, не зависимо от возраста испытуемых (Ткачева и др., 2018). Затем, было проведено аналогичное психосемантическое исследование на примере английского языка (N=90) с участием 4 групп испытуемых, распределенных по группам в соответствии с уровнем владения языком. Оказалось, что ЗИ слова также опознавались медленнее и с большим количеством ошибок, не зависимо от уровня владения языком. Таким образом, мы установили устойчивый статистически значимый эффект задержки в опознании ЗИ слов не зависимо от языка (русский, английский), возраста испытуемых и уровня владения английским языком (Ткачева et al., 2019). Предположительно, зафиксированная задержка связана с когнитивной сложностью опознания ЗИ слов, требующей обработки не только семантической информации, но также декодирования образного послания, что задействует дополнительные информационные и энергетические ресурсы. Для проверки этого предположения необходимо использовать междисциплинарный подход. Второй этап исследования посвящен всестороннему изучению восприятия различных типов ЗИ слов. Известно, что ЗИ лексика подразделяется на несколько подтипов в зависимости от различных стадий деиконизации (утраты звукоизобразительности) — слова на ранних стадиях деиконизации являются наиболее явными звукоизображениями, слова на поздних стадиях деиконизации в результате семантических сдвигов и воздействия регулярных фонетических изменений полностью утрачивают ассоциативную связь между формой и смыслом (Флакман, 2015). С помощью методики Лексическое Решение будут получены данные о точности и скорости опознания двух типов ЗИ слов (сильно и слабо деиконизированных) по сравнению с нейтральными и квази-словами. При этом, с целью контроля вмешивающихся переменных, нейтральные слова будут соответствовать ЗИ словам по частотности встречаемости, а квази-

слова будут созданы, учитывая законы фонотактики языка. Благодаря этой процедуре будут отобраны стимулы для психофизиологического эксперимента, суть которого будет заключаться в изучении электрической активности мозга с помощью ЭЭГ в процессе визуального и аудиального опознания деиконизированных звукоизобразительных слов родного (русского) и иностранного (английского) языков. На основании полученных экспериментальных данных будет разработана методика обучения учащихся средней школы лексическому аспекту английского языка с опорой на ЗИ компонент речи.

1. Ткачева Л.О., Седёлкина Ю.Г., Наследов А.Д. Возможные когнитивные механизмы опознания носителями языка визуально предъявляемых звукоизобразительных слов (на примере русского языка). Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. 2018. № 4. С. 31-41.
2. Tkacheva L.O., Sedelkina Y.G., Nalsedov A.D. Possible Cognitive Mechanisms for Identifying Visually-presented Sound-Symbolic Words. Psychology in Russia: State of the Art, 12, 1, 2019: 188-200.
3. Флакман М.А. Универсальные черты звукоизобразительной лексики: опыт типологического сравнения / Известия СПбГЭТУ «ЛЭТИ» — №1 (2015). — СПб.: Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2015. — с. 87-92"

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ №20-013-00575 «Психофизиологические индикаторы восприятия звукоизобразительных слов родного и иностранного языка»

Хайрудинова Р.И.
Ульяновск, УлГУ

Афанасьева В.М.
Ульяновск, УлГУ

Особенности креативности у студентов с разным когнитивным стилем

Креативность, когнитивный стиль, полезависимость, полenezависимость, студент

Актуальность данной темы можно обозначить двумя факторами. Первый состоит в прикладной значимости, а именно, составлении рекомендаций для каждого когнитивного стиля в развитии способности к более эффективной познавательной и творческой деятельности. Вторым фактором является теоретическая значимость проведенного исследования. На данный момент данная тематика недостаточно изучена на примере студентов, и может внести свой вклад в развитие и поддержание учения о когнитивных стилях.

Нами было проведено исследование, направленное на выявление взаимосвязи компонентов креативности и когнитивного стиля полезависимость/полenezависимость. В исследовании приняло участие 36 студентов Ульяновского государственного университета.

В исследовании приняло участие 36 студентов Ульяновского Государственного Университета с 1 по 3 курс (19-21 год), из них 18 юношей и 18 девушек. С целью изучения основных характеристик креативности: склонности к риску, любознательности, сложности и воображению, был использован опросник Е.Е. Туника «Диагностика личностной креативности», результаты которого распределились следующим образом: высокие баллы по шкале «Общая креативность» показал 1 человек, что составило 2,78% от всей выборки. Низкие баллы по шкале «Общая креативность» были выявлены у 7 человек, что составило 19,44%. Примечательно, что по шкале «Сложность» ни один респондент не показал высокий результат, низкий результат по шкале показало 6 человек, что составляет 16,67%, что может свидетельствовать о низкой потребности среди студентов в преодолении и постановке сложных задач и вопросов.

Для изучения когнитивного стиля «полезависимость/полenezависимость» мы использовали методику «Включенные фигуры» Р. Готтшальда. Когнитивный стиль полезависимость/полenezависимость, характеризуется отношением восприятия к внешнему видимому полю. Полenezависимость понимается, как возможность субъекта преодолеть влияние контекста, полезависимость же как зависимость от него. В ходе исследования было выяснено, что к числу полезависимых относится всего 10 человек, что составляет 27,8%, к числу полenezависимых относится 72,2%, что составляет 26 человек. Мы можем предположить, что такие показатели могут быть объяснены спецификой юношеского возраста, а именно, направленностью на реализацию собственного потенциала, ориентацией на внутренние потребности и поиск своего места в мире, а также активность личностной позиции, самостоятельность и независимость. [1]

Для исследования взаимосвязи количественных переменных между показателями креативности и когнитивного стиля «Полезависимость/полнезависимость» была вычислена линейная корреляция Пирсона (r). Вычисление корреляции показало значимую отрицательную корреляцию (-0,369) между показателями «Склонность к риску» и полнезависимостью. Отрицательная корреляция является обратной, и при ней значения полнезависимости снижается, в то время как значение склонности к риску повышается, что в итоге характеризует полнезависимых студентов как более склонных к риску. Склонность к риску характеризуется способностью индивида к отстаиванию собственных идей, склонность ставить перед собой высокие цели и достигать их, допуск для себя возможностей ошибок и провалов. Взаимосвязь между полнезависимостью и склонностью к риску можно объяснить высокой ориентацией на общение полнезависимых студентов, их раскрепощенностью в общении, высокой популярностью, и как следствие, большей склонностью к риску в социальных ситуациях. В то время как полнезависимые стараются держать большую дистанцию при общении, более интеллектуальны, рассудительны, и как следствие, склонны к риску в меньшей степени, чем полнезависимые студенты. [2]

1. Холодная М.А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. // М.А. Холодная, — СПб.: Питер, 2004. — 384 с.
2. Witkin H.A., Goodenough D.R. Cognitive control: Essence and origins field dependence and field independence // *Psychological Issues, Monograph 51 (Serial No. 51)*, 1981.

Шестова М.А.
Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова

Корнилова Т.В.
Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова

Связи эмоциональной креативности с имплицитными теориями эмоций и «психологической разумностью»

Эмоции, эмоциональная креативность, имплицитные теории эмоций, психологическая разумность

Проблема взаимосвязи между отношением человека к неопределенности и эмоциональной регуляцией познания стали обсуждаться в литературе сравнительно недавно [3]. Учет контекстуальных переменных и индивидуальных различий, стратегий регулирования эмоций и эмоционального интеллекта (ЭИ), доступность внутреннего опыта (как составляющая «психологической разумности» — ПР) и отношение человека к неопределенности — эти и другие темы выступили в качестве направляющих поиск звеньев, опосредствующих единое функционирование интеллектуально-личностного потенциала человека [1].

Постановка проблемы. Если гипотезы о взаимосвязи ЭИ и эмоциональной креативности (ЭК) уже проверялись, то вопрос о соотношении второй из этих двух видов эмоциональных способностей с толерантностью к неопределенности (ТН) и имплицитными теориями эмоций (ИТЭ), а также с ПР — как умением «работать» со своей сферой переживаний — еще не ставился. Выдвижение соответствующих гипотез о связях подготовлено обоснованием ЭК в концепции Дж. Эверилла [4] и «позитивной триады» ТН-ЭИ-Креативность [2].

Метод. Участники корреляционного исследования 356 ч., из них 168 м. и 188 ж. в возрасте от 17 до 43 лет ($M = 20$; $SD = 4.7$). Опросники: Шкалы «психологической разумности» (ШПР) [2], Опросник эмоциональной креативности Дж. Эверилла (ОЭК), опросник Имплицитные теории эмоций (ИТЭ) [5] — все в русскоязычных апробациях.

Результаты: На основании полученных результатов приняты гипотезы о положительных связях компонентов ЭК (1) с представлением об управляемости эмоций (ИТЭ): для шкалы «эффективность» $r = .271$, $p .01$; и (2) о связях ЭК с компонентами «психологической разумности»: «пользы от обсуждения переживаний» — с «готовностью размышлять над эмоциями» ($r = .286$, $p .01$), «эффективностью» ($r = .326$, $p .01$) и «аутентичностью» ($r = .185$, $p .05$); «желания обсуждать переживания» — «эффективностью» ($r = .237$, $p .01$); «открытости новому опыту» — с «эффективностью» ($r = .255$, $p .01$) и «новизной-уникальностью» ($r = .188$, $p .05$). Гипотеза (3) о связях ЭК с ЭИ принимается: «новизна-уникальность» положительно связана с межличностным ЭИ ($r = .159$, $p .01$) и отрицательно с внутриличностным ЭИ ($r = -.170$, $p .01$). Шкалы ОЭК «готовность размышлять над эмоциями» «эффективность» и «аутентичность» положительно связаны с МЭИ и с ВЭИ, а «многообразие порождаемых эмоций» отрицательно с ВЭИ ($r = -.302$, $p .01$). Гипотеза (4) о положительных связях ЭК с ТН принимается для 4- из 5 шкал ЭК.

Обсуждение. Установленные связи ТН с ЭК и ЭК с ИТЭ, ПР и ЭИ свидетельствуют о возможности конкретизации «позитивной триады» как «ТН-ЭК-доступность контролю эмоций».

Выводы. ЭК взаимосвязана с ИТЭ и ПР, а также с позитивным отношением к неопределенности, что позволяет рассматривать эти переменные как составляющие единой динамической системы эмоциональной регуляции креативности.

1. Корнилова Т.В. Интеллектуально-личностный потенциал человека в условиях неопределенности и риска // СПб.: Нестор-История. — 2016.
2. Новикова М.А., Корнилова Т.В. «Психологическая разумность» в структуре интеллектуально-личностного потенциала (адаптация опросника) // Психологический журнал. — 2014. — Т. 35. — №1. — С. — 63-78.
3. Anderson E.C., Carleton R.N., Diefenbach M., [et al]; The relationship between uncertainty and affect // *Frontiers in psychology*. — 2019. — V. 10. — P. 2504. — doi: 10.3389/fpsyg.2019.02504
4. Averill J. R. Individual differences in emotional creativity: Structure and correlates // *Journal of personality*. — 1999. —V. 67. — N 2. — P. 331-371. — doi: 10.1111/1467-6494.00058
5. Tamir M., John O.P., Srivastava S., [et al]; Implicit theories of emotion: Affective and social outcomes across a major life transition // *Journal of Personality and Social Psychology*. — 2007. — V. 92. — N 4. — P. 731–744. — doi: 10.1037/0022-3514.92.4.731

Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект 19-29-07069

Цели актуализации дискурса несправедливости при рассказывании автобиографических историй

Справедливость, несправедливость, дискурсивное предписание, наказание, вознаграждение

Социальное взаимодействие само по себе не является справедливым или несправедливым. Для того чтобы история прозвучала для человека таким образом, ее нужно рассказать или прочитать в дискурсе справедливости / несправедливости (Сарбин Т.Р., 2004; Зайцева Ю. Е., 2016).

В результате проведенного нарративного анализа 9 автобиографических интервью респондентов от 25 до 52 лет, мы предполагаем, что цель, по которой человек начинает рассказывать историю в дискурсе несправедливости — привлечение внимания к нарушению (по его мнению) дискурсивного предписания (социального договора): как должно вести себя в конкретной ситуации (Гулевич О. А., 2012), а также правил распределения вознаграждения и наказания: не наказание или вознаграждение (если делаешь все правильно); лишение вознаграждения или наказание (если нарушаешь договор).

Информированные согласия в исследовании от респондентов были получены. Транскрибирование — смысловое. Нарративный анализ проводился двумя независимыми экспертами.

История женщины 38 лет: «Мы прожили с мужем вместе 12 лет, но как только у нас родился третий ребенок муж сказал, что нашёл себе другую семью и он уходит туда жить. Мне кажется, что это несправедливо».

В данной истории нарушенное правило распределения вознаграждения/наказания — это полученное героиней незаслуженное наказание. Нарушенные дискурсивные предписания, несоответствие которым вызывает переживание несправедливости: мужчина должен оберегать жену и заботиться о ней, особенно, если она родила ему ребенка; мать новорожденного уязвима, это трудный период, требующий помощи, а муж должен помогать жене (особенно в трудные периоды); «хорошая» жена проявляется в рождении детей; от хорошей жены муж не уходит; долгие отношения не должны прерываться внезапно и в одностороннем порядке (особенно, когда одна сторона нуждается в помощи и ничем не заслужила «наказания»).

В истории молодого человека 25 лет нарушенное распределение иное — недополученное вознаграждение: «Учитель географии, когда я приводил контраргументы к ее аргументам на уроке, начинала называть меня демагогом. Я не имел возможности доказать обратное, потому что чем больше я начинал доказывать тем большим демагогом я становился в ее глазах, хотя я всего лишь пытался развивать тему. Когда такая ситуация возникала, я всегда чувствовал, что меня никто не поддерживает в этом. Одному приходилось противостоять».

В этой истории герой имитировал интеллектуальную дискуссию, считая, что это правильно, ведь таким образом он как бы проявлял интерес к собеседнику. При этом несправедливым ему кажется то, что его не поддерживают в его стремлении сыграть по правилам. Его «раскрывают» — он (по всей видимости) понимает, что то, что он делает — содержательно имитационная деятельность, но формально она правильная. Дискурсивное предписание, которое нарушается — мы молодец, если «играешь» по правилам; в этом случае ты получишь поддержку и признание.

Таким образом, при актуализации дискурса несправедливости идет апелляция к гласному (или негласному) дискурсивному предписанию и происходит озвучивание правил распределения вознаграждения и наказания.

Авторы будут благодарны за альтернативные трактовки своих предположений.

1. Сарбин Т.Р. Нарратив как базовая метафора для психологии // Постнеклассическая психология. 2004. № 1. С. 6–28.
2. Зайцева Ю. Е. Я-нарратив как инструмент конструирования идентичности: экзистенциально-нарративный подход // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 16. Психология. Педагогика. — 2016. — № 1. — С. 118-136.
3. Гулевич О. А. Структурно-функциональная модель регуляции обыденных представлений о справедливости: автореф. дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.05 / Гулевич Ольга Александровна. — Институт психологии РАН, 2012. — 53 с.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ СТАНДАРТЫ И РЕГЛАМЕНТЫ В ПОДГОТОВКЕ ПСИХОЛОГОВ СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Борисова Е.В.
Астрахань, АГУ

Бураков Р.З.
Главное управление МЧС России по Астраханской области

Опыт взаимодействия Астраханского государственного университета и психологической службы Главного управления МЧС России по Астраханской области как условие формирования профессиональных компетенций будущих специалистов

Профессиональное образование, образовательные и профессиональные стандарты, готовность к оказанию психологической поддержки в ЧС

Формирование профессиональных компетенций, востребованных предприятиями-работодателями, происходит в условиях погружения студентов в профессиональную среду в процессе взаимодействия вуза и профильных организаций.

Практика современного профессионального образования показывает, что требования к уровню подготовки компетентного специалиста не могут быть удовлетворены только базовым вузовским образованием. Оно все больше нуждается в дополнительном, неформальном образовании, которое углубляет и расширяет фундаментальную теоретическую базу в соответствии с образовательными потребностями личности, а также актуальными запросами профессиональной среды. Таким образом, требования к профессиональным компетенциям специалистов становятся гораздо более обширными, разнообразными, усложняясь в соответствии с социальными задачами, в то же время, превращая освоение профессии в увлекательный творческий процесс.

Анализ Федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования по направлениям подготовки «Психология», «Психолого-педагогическое образование» позволяет выделить один из важных ориентиров в подготовке специалиста: оказание помощи и психологической поддержки в трудных, в том числе чрезвычайных, ситуациях. В описании трудовых функций, входящих в профессиональные стандарты психолога в сфере образования и психолога в социальной сфере, следует отметить обеспечение психологической безопасности и комфортности образовательной среды и среды проживания населения. В качестве необходимых умений

указано «владение навыками оказания психологической поддержки», «оказание психологической помощи населению, нуждающемуся в ней, ... с целью снижения социальной и психологической напряженности».

Названные трудовые действия в полной мере реализуются специалистом в условиях чрезвычайной ситуации, поскольку пострадавшие, а также свидетели ситуации нуждаются не только в помощи спасателей, но и в психологической поддержке. Оказавшись на месте чрезвычайной ситуации, психолог должен олицетворять собой не только проявление гуманизма, толерантности, нравственности, социальной и профессиональной ответственности, но и тонкую проницательность, способность к эффективному общению, перцепции, эмпатии, рефлексии. Специалист должен владеть техниками, направленными на регуляцию психоэмоциональных состояний и острых стрессовых реакций.

Очевидно, что для формирования профессиональных компетенций такой направленности необходима квази-профессиональная деятельность, организация которой возможна в условиях сотрудничества вуза и профильной организации.

Опыт такого взаимодействия между факультетом психологии Астраханского государственного университета и психологической службой Главного управления МЧС России по Астраханской области позволяет оценить эффективность проводимой совместной работы. Одной из форм сотрудничества является участие студентов во Все-российских соревнованиях по оказанию первой помощи и психологической поддержки среди студенческих и добровольческих отрядов «Человеческий фактор» как в роли участников соревнований, так и в роли статистов-«пострадавших».

Выступлению команды всегда предшествует серьезная подготовительная работа, в том числе обучение навыкам оказания первой помощи в Территориальном центре медицины катастроф Астраханской области, занятия в психологической службе Главного управления МЧС России по Астраханской области, самостоятельное изучение теоретического материала, обсуждение и слаженная командная работа. Участие в соревнованиях «Человеческий фактор» дает студентам-психологам возможность приобрести ценный опыт взаимодействия с пострадавшими людьми в моделях ситуаций, приближенных к реальным, позволяет преодолеть психологические барьеры, оценить собственные силы и степень готовности в решении профессиональных задач по оказанию психологической поддержки, вжиться в образ «пострадавшего», не теряя из виду всей ситуации, и провести анализ собственных ошибок.

Григорьев Д.А.

Москва, Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)

Котлярова Л.Н.

Москва, Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)

Психологическое обеспечение профессионализации будущих юристов в уголовно-правовой сфере

Личностный потенциал, профессионализация, юристы

Потребность правоохранительных органов в активных, инициативных и образованных специалистах, стремящихся к самосовершенствованию в профессии, способных ответственно и успешно решать текущие и сложные служебные задачи в любых условиях деятельности, становится все более актуальной в непредсказуемом современном мире.

Создание условий, необходимых для развития и совершенствования личностного потенциала на ранних стадиях профессионализации будущих юристов, обеспечение психологической подготовленности к правоохранительной деятельности, является актуальной задачей для учреждений, реализующих образовательные программы в области юриспруденции.

Для оказания содействия студентам ВГУЮ (РПА Минюста России) в формировании психологической компетентности и развитии личностного потенциала, ведется преподавание учебных дисциплин психология и юридическая психология, и обеспечивается психологическое сопровождение на всех стадиях обучения. Со многими выпускниками университета поддерживаются контакты, что позволяет привлекать их к исследованиям и изучать профессионализацию молодых сотрудников в процессе службы в правоохранительных органах.

Алгоритм психологического сопровождения обучающихся и выпускников включает два направления — исследовательское и практическое. Исследовательское направление предусматривает изучение механизмов формирования субъектов юридических видов деятельности на различных стадиях профессионализации. Программа основана на современных теориях и концепциях в области профессионального развития субъектов деятельности. Особое внимание уделяется изучению личностного, нравственного и творческого потенциала, организационного поведения, учебной и профессиональной адаптации, лидерства (Котлярова Л.Н., Григорьев Д.А., 2015, 2019; Bodayavlenskaya, L. Kotlyarova, 2017; L. Kotlyarova, V.Rostovskij, 2016). На основе результатов проведенных исследований разрабатываются рекомендации для практической работы.

Практическое направление включает просветительскую и консультативную деятельность, осуществляемые в разнообразных интерактивных формах. Составной частью консультативной деятельности является психодиагностика личностных ресурсов. На базе ассесмент-центра обучающимся предоставляется возможность участвовать в опросах и проходить тестирование (самостоятельно или под наблюдением психологов), определять особенности личностных ресурсов, оценивать динамику развития профессионально важных личностных качеств и сопоставлять их с

моделями личностных профилей успешных сотрудников различных направлений правоохранительной и правоприменительной деятельности. Ведение мониторинга позволяет выявить изменения в структуре и содержательной стороне личностного потенциала и своевременно реагировать на эти факторы. При необходимости, для каждого обучающегося составляется индивидуальная программа, направленная на развитие личностного и творческого потенциала, овладение коммуникативными навыками, необходимыми для организации эффективного взаимодействия с различными субъектами правовых отношений, основанного на соблюдении процессуальных требований.

Программа практического блока реализуется через психологическое консультирование, направленное на оказание студентам содействия в понимании своего личностного потенциала, формировании умений оптимально использовать личностные ресурсы в будущей профессиональной деятельности.

Обобщая опыт применения психологических технологий на различных стадиях профессионализации, можно сделать вывод о том, что психологическое сопровождение обучающихся в юридическом университете способствует: формированию психологической компетентности; совершенствованию личностных ресурсов обучающихся; изменению поведенческих стратегий в процессе профессионализации — от адаптивных к развивающим; быстрой адаптации первокурсников к учебной деятельности; осознанному выбору студентами средних курсов направления подготовки; более глубокому пониманию психологических аспектов юридической деятельности и требований, предъявляемых к ее субъекту.

Психологическое благополучие в контексте профессионального образования в ситуации пандемии

COVID-19, образовательные стандарты, профессиональные компетенции, субъективное благополучие, кризисные переживания, тревожность

Ситуация, связанная с пандемией COVID-19 актуализировала внимание психологов к кризисным переживаниям людей разных социальных групп. Переход образовательной системы в дистанционный формат сформулировал вызовы к системе обучения и к психологическому статусу субъектов образования.

В период перехода к образовательным стандартам высшего образования, ориентированным на профессиональные компетенции, особого внимания заслуживает возможное влияние дистанционных форм на формирование профессиональных компетенций психолога.

Цель исследования — проверить гипотезу о различном вкладе вынужденного дистанционного образовательного взаимодействия в психологический статус обучающихся в контексте формирования профессиональных компетенций.

Материал и методы исследования:

В исследовании (июнь 2020г) приняли участие 84 студента-психолога г. Новосибирска: 50 человек (1 курс) и 34 человека (5 курс).

Методики исследования: интервью, интегративный тест тревожности (А.П. Бизюк и др.); шкала субъективного благополучия (М.В. Соколова); методика «Индекс жизненного стиля» (адаптация — Л.И. Вассерман).

Результаты исследования:

Сравнительный анализ выявил, что у студентов 1 курса показатели по шкале «социальная защита» ситуативной тревожности ($116,8 \pm 74,8$) достоверно выше, чем у студентов 5 курса ($83,1 \pm 68,8$) ($t=2,09$, $p \leq 0,01$). Для них характерна высокая тревожность, вызванная ситуацией общения, взаимодействия, в т.ч. в образовательном контексте. Учитывая, что для представителей этого поколения виртуальное взаимодействие является привычным, тревожность, вероятно, вызвана трудностями адаптации к системе вуза. Между тем, даже старшекурсники в интервью отмечали недовольство переходом на дистанционное взаимодействие в связи с затруднением овладения профессиональными навыками, которые наиболее сопряжены с коммуникативными компетенциями, лежащими в основе основных профессиональных компетенций психолога в областях консультирования, психодиагностики, коррекции, интервенции.

Достоверно более высокие показатели личностной тревожности у первокурсников по шкалам: «эмоциональный дискомфорт» ($189,8 \pm 52,4$; $t=2,52$, $p \leq 0,01$) и «астенический компонент» ($184,1 \pm 56,8$; $t=2,2$, $p \leq 0,05$) свидетельствуют о

дезадаптационных тенденциях: сниженный эмоциональный фон, эмоциональная напряженность, наличие усталости, расстройств сна.

У респондентов 1 курса достоверно выше общая напряженность психологической защиты «проекция» ($57,5 \pm 22,0$; $t=2,16$, $p \leq 0,05$), что может свидетельствовать (Е.Р. Исаева, 2009) о выраженности психологической защиты «проекция» — неблагоприятного показателя для психологического здоровья.

Несмотря на то, что распределение показателей субъективного благополучия соответствует умеренному уровню, следует рассмотреть отсроченные влияния переломного этапа.

Вывод: Пилотажное исследование переживаний, сопряженных с адаптационными ресурсами личности выявило тенденции к увеличению дезадаптационных форм у первокурсников по сравнению со старшекурсниками. Особенно «страдает» сфера коммуникации, которая должна являться фундаментом формирования основных профессиональных компетенций.

1. Солдатова, Е.Л. Личностные детерминанты профессионального развития в образовательных стандартах нового поколения «Психология служебной деятельности» / Е.Л. Солдатова // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. — 2018. — Т. 24. — № 3 (177). — С. 151-155.
2. Исаева, Е.Р. Копинг-поведение и психологическая защита личности в условиях здоровья и болезни / Е.Р. Исаева — Санкт-Петербург: Издательство СПбГМУ, 2009. — 135 с.
3. Профессиональный стандарт «Психолог в социальной сфере»: <http://fgosvo.ru/uploadfiles/profstandart/03.008.pdf>.
4. ФГОС ВО — 370502 (проект): http://fgosvo.ru/uploadfiles/ProjFGOSVO3++/Spec3++/370502_C_3plus_15102019.pdf.

Подготовка психологов служебной деятельности в гражданском вузе: проблемы и решения

ФГОС 37.05.02 Психология служебной деятельности, компетенции, деятельностный подход в образовании

В Калужском государственном университете им. К.Э. Циолковского в 2006 году создана кафедра общей и юридической психологии. К сегодняшнему дню накоплен богатый опыт подготовки юридических психологов и психологов служебной деятельности.

В соответствии с ФГОС 37.05.02 «Психология служебной деятельности» (ПСД) требования к результатам освоения основной профессиональной образовательной программы сформулированы в виде компетенций. По мнению М.А. Холодной, «понятие компетентности — это пример понятия, отвечающего требованиям экологического подхода в психологических исследованиях человека» (Холодная, 2002). Психологическая составляющая компетентностного подхода связана как с отражением в результатах подготовки психологической устойчивости в сложных и экстремальных условиях, так и с деятельностной сущностью компетенций (выпускник должен обладать способностью разрабатывать, использовать, применять, осуществлять и так далее).

Опыт подготовки студентов в соответствии с ФГОС ПСД выявил ряд проблем по реализации деятельностного подхода. Так, например, в применяемых на практике методах оценки компетенций студентов не отражена деятельностная сущность понятий «компетенция» и «компетентность». Оценка результатов образования большей частью производится традиционными способами, с помощью тестов, контрольных работ, коллоквиумов и экзаменов. Для профессиональных компетенций эти способы оценивания могут быть модифицированы, надстроены (например, с использованием метода кейсов), а для оценивания сформированности общекультурных компетенций (таких как готовность и способность к работе в коллективе; к предупреждению и конструктивному разрешению конфликтов; к проявлению психологической устойчивости в сложных и экстремальных условиях; к проявлению инициативы, в том числе, в ситуациях риска; к принятию ответственности за свои решения; способность креативно мыслить, творчески решать профессиональные задачи) необходимы принципиально другие методы. И проблема их разработки, на наш взгляд, является одной из основных проблем обеспечения качества подготовки специалистов.

Решение этой проблемы мы видим в двух тесно взаимосвязанных аспектах: во-первых, в осознании преподавателями высшей школы изменения своей роли в эпоху свершившейся научно-технологической революции, и, во-вторых, во внедрении практики качественного оценивания результатов образования студентов.

Не секрет, что у современного преподавателя вуза вследствие катастрофической бюрократизации его труда (творческого, по своей изначальной сути) всё больше закрепляется «информационный» стиль преподавания и количественный метод оце-

нивания результатов. Заметим, что при расстановке приоритетов в своей образовательной деятельности студенты, как правило, ориентируются на критерии выставления оценок по итогам семестра. Поэтому для стимулирования творческой активности студентов, в которой, как показали наши исследования (Леонова, 2012), и развиваются субъектные качества, имеющие прямое отношение к перечисленным выше общекультурным компетенциям, необходима влияющая на итоговый результат качественная оценка этих качеств в различных учебных ситуациях.

Наш опыт обеспечения деятельностного подхода к подготовке психологов служебной деятельности в гражданском вузе показывает необходимость выполнения следующих условий.

1) Привлечение сотрудников региональных правоохранительных органов и силовых структур к преподаванию специализированных дисциплин.

2) Прохождение производственной практики на базе организаций МВД, МЧС, ФСИН.

3) Участие студентов в профильных конкурсах, волонтерской деятельности на базе правоохранительных организаций.

4) Курсовое и дипломное проектирование — как исследовательские, так и практические работы (выполнение конкретной профессиональной задачи).

1. Леонова Е.В. Развитие творческой личности студента в исследовательском университете//Высшее образование в России. 2012. №1, С. 151-156.
2. Холодная М.А. Предисловие к книге Равен Дж. Компетентность в современном обществе. М., 2002.

Дуальный характер компетентности работников в сфере служебной деятельности: профессиональные и этические компетенции как ключевые элементы модели компетенций

*Компетентностный подход, модель компетенций, профессиональные компетенции,
этические компетенции*

Компетентностный подход является современным методом управления человеческими ресурсами, который находит применение в различных сферах профессиональной деятельности, включая служебную. Компетентностный подход связан с формированием компетентного работника, способного выполнять свои функциональные обязанности в соответствии со стандартами труда, гарантирующими её высокий результат. Служебная деятельность является особой сферой, поскольку реализует важные государственные функции.

Требования компетентности государственного служащего и его поведение регламентируются нормативными актами государства, в которых закреплён принцип профессионализма, сформулирован перечень условий для добросовестного и эффективного исполнения госслужащими должностных обязанностей [1]; установлены принципы противодействия коррупции и способы предупреждения, борьбы с ней [2]. Парадигма компетентности для понимания сути государственной гражданской службы является основополагающей, определяя как содержание, так и форму деятельности государственных служащих.

Трактовка компетентностного подхода до сих пор является предметом дискуссий в российской научной литературе. А.В. Хуторской [3] в понятие «компетенция» включает совокупность взаимосвязанных качеств личности, необходимых для результативной деятельности. Т.Ю. Базаров [4] указывает на комбинированный характер компетентности, обеспечивающий эффективное решение исполнителем задач при выполнении трудовых обязанностей. Значимо также, что особое внимание в нормативных актах о госслужбе уделяется этике поведения представителей власти. Таким образом, объединение профессиональных и этических компетенций является обязательным требованием при создании компетентностной модели государственного служащего.

Реализация кадровой политики должна строиться на моделировании компетенций с учётом этого дуального характера служебной компетентности, а компетентностная модель — формироваться из двух блоков требований: высокого профессионализма и этического поведения. Компетентностный подход позволяет позиционировать служебную деятельность на рынке труда как одну из наиболее привлекательных сфер для талантливых сотрудников. Данный подход решаем ряд

важнейших задач: формировать бренд работодателя, привлекать и рекрутировать лучшие человеческие ресурсы, грамотно выстраивать адаптацию сотрудников и прививать этические нормы служебной деятельности; применять разнообразные методы материальной (монетарной, немонетарной) и нематериальной (социально-психологической и организационно-административной) мотивации, развивать потенциал сотрудников благодаря инновационным технологиям обучения, формирования кадрового резерва и служебного продвижения. Моделирование компетенций способствует управлению человеческими ресурсами, занятыми в служебной деятельности, наилучшим образом.

1. Об утверждении общих принципов служебного поведения государственных служащих: Указ Президента РФ от 12.08.2002 N 885 (ред. от 16.07.2009). — Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс»: [сайт]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_38140/ (дата обращения: 26.05.2020)
2. О противодействии коррупции: Федеральный закон: (Российская газета, 30 декабря 2008 года. № 266). — М.: Ось-89, 2009. — 78 с. — (Федеральный закон). — ISBN 978-5-9957-0134-7. — Текст: непосредственный
3. Хуторской, А.В. Компетентность как дидактическое понятие: содержание, структура и модели конструирования / А.В. Хуторской, Л.Н. Хуторская. — Текст: непосредственный // Проектирование и организация самостоятельной работы студентов в контексте компетентностного подхода. Межвузовский сб. науч. тр. / Под ред. А.А.Орлова. — Тула: Изд-во Тул. гос. пед. унта им. Л.Н. Толстого, 2008. — Вып. 1. — С. 117-137
4. Базаров, Т.Ю. Коллективное определение понятия «компетенции»: попытка извлечения смысловых тенденций из размытого экспертного знания / Т.Ю. Базаров, А.К. Ерофеев, А.Г. Шмельёв. — Текст: электронный // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. — 2014. — № 1. — С. 99-105

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ гранта «Разработка инструментария оценки влияния социального загрязнения трудовых отношений на благополучие работников в условиях цифровизации экономики» No19-010-00705

Формирование профессиональной идентичности студентов специальности 37.05.02 "Психология служебной деятельности" в образовательном процессе

Профессиональная идентичность, психология служебной деятельности, психолог, образовательный процесс

С 2012 Санкт-петербургский университет ГПС МЧС России проводит подготовку психологов, специализирующихся в психологическом обеспечении служебной деятельности в экстремальных условиях. От психологов, занятых в сфере сопровождения служебной деятельности, требуются не только специальные знания, умения и навыки, обеспечивающие эффективное выполнение профессиональных обязанностей как в условиях развертывания мероприятий по ликвидации чрезвычайных ситуаций, так и в условиях повседневного несения службы, но и особые требования к личностным особенностям (Иванова С.П., 2011).

Все обязанности психолога служебной деятельности и необходимые компетенции для успешного их выполнения обозначены в Федеральном государственном образовательном стандарте высшего образования по специальности 37.05.02 «Психология служебной деятельности» (далее — ФГОС). Однако за пределами ФГОСа остались принципиально значимые характеристики эффективного психолога — его профессионально-важные качества. Одним из таких качеств является профессиональная идентичность.

Профессиональная идентичность, формируясь в результате профессионального обучения и профессиональной деятельности человека, описывает осознание своей принадлежности к определенной профессиональной группе. Профессиональная идентичность имеет прямую взаимосвязь с профессиональной компетентностью: чем выше профессиональная компетентность, тем сильнее профессиональная идентичность и наоборот (Евтешина Н.В., 2007, 2012). Низкий уровень профессиональной идентичности приводит к трудностям в трудоустройстве, в профессиональной адаптации и низкому качеству оказания психологической помощи.

С помощью методики изучения профессиональной идентичности Л.Б. Шнейдера были протестированы студенты 1 (45 человек) и 5 (13 человек) курсов, обучающихся по специальности 37.05.02 «Психология служебной деятельности» на предмет сформированности профессиональной идентичности психолога. Предполагалось, что к пятому курсу профессиональная идентичность будет сформирована на уровне диффузной идентичности, для которой характерно отсутствие конкретных ценностей и целей, но активное стремление их сформировать, сомнение в себе как в специалисте, готовность признать свою некомпетентность, нежелание меняться.

Однако, испытуемые обеих групп продемонстрировали преждевременную идентичность (1 курс — 0,38, 5 курс — 0,48). Преждевременная идентичность — это навязанная извне идентичность. В рамках образовательного процесса студенты «примеряют» на себя роль психолога, но не действуют как психологи — не работают с

клиентами, не проводят тренинги, не принимают никаких профессионально значимых решений (Шнейдер Л.Б., 2000). В результате проведенного исследования можно сделать вывод, что образовательный процесс, давая теоретические знания, не способствует приобретению практического опыта, введению будущего специалиста в профессиональный круг коллег, а также не влияет на формирование образа Я как психолога.

В этой связи, представляет интерес исследование профессиональной идентичности психологов силовых структур (Евтешина Н.В., 2012). Согласно Евтешиной Н.В., психологи силовых структур характеризуются низким общим уровнем профессиональной идентичности, низкой оценкой собственной квалификации, степени информированности и интерактивности профессиональной группы, низкий уровень удовлетворенности своей профессией. Следовательно, высока вероятность того, что выпускаясь и поступая на службу в качестве психолога в сфере сопровождения служебной деятельности, молодой психолог не приобретет зрелую профессиональную идентичность, а в лучшем случае — диффузную, либо так и сохранит преждевременную.

Развитие толерантности к неопределенности у студентов специальности «Психология служебной деятельности»

Психолог служебной деятельности, профессиональное становление, толерантность к неопределенности, устойчивость к стрессу

Устойчивость к неопределенности в психологии изучалась на протяжении длительного времени и продолжается в последние годы (Т.В. Корнилова, А. Furnham и др.). В то же время, в отечественной психологии служебной деятельности подобных исследований недостаточно. Динамика сферы служебной деятельности является одним из механизмов создания условий неопределенности и выступает в качестве одного из стрессогенных факторов (Леньков, 2019).

В исследовании рассматривается подготовка психологов служебной деятельности в системе высшего образования. Цель состояла в проверке эффективности модели профессиональной подготовки, направленной на повышение толерантности к неопределенности.

Для определения показателей устойчивости к неопределенности применялся опросник С. Баднера в адаптации и модификации Т.В. Корниловой, М.А. Чумаковой, позволяющий определить интолерантность к неопределенности (ИТН) и толерантность к неопределенности (ТН).

Для выявления личностной обусловленности устойчивости к неопределенности применялся личностный опросник SPFQ в русскоязычной адаптации А.Б. Хромова. Анализировались средовые факторы индивидуальных различий «Большой пятерки» личностных черт (Низамова, 2013).

Для выявления связей устойчивости к неопределенности с показателями профессионального становления использовался опросник «Профессиональное выгорание» Н.Е. Водопьяновой, Е.С. Старченковой.

Корреляционные связи выявлялись с помощью рангового коэффициента корреляции Спирмена. Для проверки достоверности сдвига применялся непараметрический знаковый ранговый критерий Вилкоксона.

Выборку составили студенты 2 курса направления подготовки «Психология служебной деятельности» Тверского государственного технического университета (г. Тверь): 124 чел. (56 чел. мужского пола, 68 чел. женского) в возрасте от 17 до 22 лет: экспериментальная группа (ЭГ): 61 чел. (14 чел. мужского пола, 47 чел. женского); контрольная группа (КГ): 63 чел. (13 чел. мужского пола, 50 чел. женского).

Формирующий эксперимент включал применение приемов повышения толерантности к неопределенности. Студенты тренировались в выборе и обосновании вариантов решений нестандартных психологических задач, моделируемых с помощью компьютерных технологий (Рубцова, 2002), в организации и планировании исследовательских проектов, в целеполагании и антиципации и т.д.

В ходе эксперимента ИТН в ЭГ статистически достоверно ($Z=-4,42$, $p=0,001$) уменьшилась, в то время как в КГ она осталась неизменной ($m_1=4,83$, $m_2=4,79$, $Z=-0,254$, $p=0,872$). При этом на конец эксперимента среднее значение ИТН в ЭГ стало

существенно ниже ($Z=-2,53$, $p=0,011$), чем в КГ, при этом в начале эксперимента они статистически не различались.

ТН за время проведения эксперимента значимо повысилась и в ЭГ ($p=0,001$), и в КГ ($p=0,046$). Вместе с тем, среднее значение в ЭГ ($m=6,14$) стало значимо выше ($Z=-2,10$, $p=0,035$), чем в КГ ($m=5,44$). Приближается к уровню статистической значимости ($p=0,067$) и превышение среднего значения сдвига ТН для ЭГ по сравнению с КГ.

Выявлены значимые корреляции со шкалами и субшкалами методики 5FPO. Структура связей ИТН и ТН с личностными и профессиональными факторами изменилась.

Таким образом, результаты формирующего эксперимента показывают, что апробируемая модель повышения толерантности к неопределенности в целом доказала свою эффективность.

1. Леньков С.Л., Рубцова Н.Е. Профессиональная подготовка психолога служебной деятельности к работе в условиях неопределенности // Международный журнал психологии и педагогики в служебной деятельности. — 2019. — № 3. — С. 17-20.
2. Низамова Е.С. Генетические и средовые факторы индивидуальных различий «Большой пятетки» личностных черт: дис. ... канд. психол. наук / Психологический институт РАО. М. — 2013. — 197 с.
3. Рубцова Н.Е. Психологические особенности профессиональной деятельности преподавателя компьютерных технологий: Монография. — Тверь, 2002. — 96 с.

Хрипунова С.В.
Волгоград, ВИУ РАНХиГС

Забазнова Н.И.
Волгоград, ГУ МЧС РФ по Волгоградской области

Проблемы и опыт подготовки будущих психологов МЧС РФ

Психологическое сопровождение, чрезвычайные ситуации, травматический стресс, экстренная психологическая помощь, Психологическая Служба МЧС РФ, волонтерская деятельность, добровольческие отряды

Сохранение жизни, здоровья и благополучия населения РФ в любых обстоятельствах, в том числе и в экстремальных ситуациях — это одна из основополагающих ценностей нашего государства. Поэтому была создана Психологическая Служба МЧС РФ в рамках Министерства РФ по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий.

В профессиональные задачи психологов МЧС РФ входят психологическое сопровождение личного состава МЧС РФ для сохранения их психологической устойчивости, профессионального здоровья и активного трудоспособного состояния, а также оказание всесторонней психологической помощи населению РФ, пострадавшему при возникновении чрезвычайных ситуаций. Работа в системе «ЧС — психолог-спасатель — пострадавшие» сопровождается высокими эмоциональными нагрузками и ликвидации последствий стихийными затратами [Тарабина, 2009].

Таким образом, Психологическая Служба ориентирована как на экстренную помощь при наличии у пострадавших острых стрессовых реакций, так и на пролонгированное действие и информационно-психологическое сопровождение пострадавшего населения.

В основной круг обязанностей и компетентностей психологов входят умения купирования последствий травматического стресса, эмоционального соучастия и поддержки пострадавших [Василюк, 1984]. При этом сами психологи МЧС также подвержены острым эмоциональным переживаниям вследствие соучастия, стремления облегчить страдания пострадавших. Желание облегчить боль и страдания людей не минуемо ведет к эмоциональным стрессам, большим психо-энергетическим затратам, что активизирует механизмы совладания и психологической защиты, перенапряжение которых может запускать психо-деформационные процессы и снижение профессионального здоровья.

Высокие требования к психологической устойчивости и профессиональным компетентностям специалистов Психологической Службы МЧС РФ ставят задачи совершенствования профессиональной подготовки и личностного развития в образовательной практике студентов, готовых к работе в экстремальных условиях.

Подготовка психологов МЧС РФ осуществляется в нескольких направлениях: на специализированных факультетах учебных заведений системы МЧС России, на базе психологических факультетов вузов страны (в частности специальности «Психология служебной деятельности»). В связи с этим, существует необходимость создания практико-ориентированных учебных программ профессиональной

подготовки, четко работающего механизма по осуществлению процесса преемственности в обучении студентов и создании возможностей для прохождения практики в условиях, приближенных к экстремальным: участие в тренировочных занятиях; осуществление деятельности в составе волонтерских подразделений; а также участие в специализированных профессиональных конкурсах.

Также хочется отметить, что идея добровольческого (волонтерского) движения в рамках МЧС РФ уже на протяжении нескольких лет активно претворяется в жизнь и находит положительные отклики в студенческой среде более пяти лет [Клименских М.В., Ершова И.А., Виндекер О.С., 2015].

Все вышесказанное приводит к мысли о том, что в Волгоградском регионе необходимо рассмотреть вопрос об организации студенческого волонтерского движения на базе ГУ МЧС РФ по Волгоградской области и специальности «Психология служебной деятельности» РАНГХиГС (Волгоградский институт управления). Принятие данного решения сыграло бы свою позитивную роль в приобретении опыта и формированию профессионально-важных компетентностей у будущих психологов МЧС.

Использование субъектно-формирующих образовательных практик в учебно-воспитательном процессе молодых специалистов — психологов представляется перспективным для пополнения структурных подразделений МЧС РФ получить в свои ряды сотрудников, ясно представляющих себе, в чем состоит их будущая работа со всеми ее сложностями и трудностями. Использование волонтерства как одного из вида образовательной практик позволит укрепить ряды Психологической службы МЧС РФ мотивированными сотрудниками и сократить текучесть кадров данного подразделения.

В рамках созданного механизма можно будет реализовать способы постоянного взаимодействия студентов специализированных факультетов и специальностей с Психологической службой ГУ МЧС РФ по субъектам Федерации. Например, участие студентов в тренировках по отработке алгоритмов оказания психологической помощи и сопровождению пострадавшего населения в чрезвычайных ситуациях. В связи с этим, необходимо в рамках заключенных договоров по практике осуществлять взаимодействие студентов и Психологической Службы ГУ МЧС РФ на постоянной основе. Это создавало бы возможность для ГУ МЧС РФ заранее подбирать себе для наполнения кадрового состава таких будущих специалистов, которые знают проблематику профессии.

ВУЗ может быть заинтересован в постоянно действующей площадке по практической работе и подготовки студентов для дальнейшей деятельности.

1. Василюк Ф.Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. — 200 с.
2. Клименских М.В., Ершова И.А., Виндекер О.С. Роль волонтерской деятельности в профессиональной подготовке студентов-психологов // Современные проблемы науки и образования. — 2015. — № 2-2. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=21466>.
3. Тарабрина Н.В. Психология посттравматического стресса. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.-304 с.

К вопросу организации производственной практики студентов, обучающихся по специальности 37.05.02 — «Психология служебной деятельности»

Производственная практика, служебная деятельность, компетентностный подход, специалист

Южный федеральный университет обладает многолетним опытом подготовки специалистов в области служебной деятельности, реализуя основную профессиональную образовательную программу по специальности 37.05.02 — «Психология служебной деятельности», специализация «Морально-психологическое обеспечение служебной деятельности». Отдельное внимание в подготовке студентов отводится организации производственной практики: по получению профессиональных умений и опыта профессиональной деятельности по специальности. Данный тип практики ориентирован на формирование у студентов умений и навыков в области решения задач практической психодиагностики, подбора кадров и управления служебной деятельностью сотрудников правоохранительных органов, силовых и государственных структур, имеющих отдельную уникальную специфику труда, что требует от будущего специалиста сформированных уникальных компетенций. Отметим, что образовательная программа реализуется с применением активных и интерактивных образовательных технологий, основанных на компетентностном подходе к процессу образования. Современный выпускник должен быть готов к интенсивным трудовым нагрузкам, владеть инновационными методами работы и решать задачи, находясь порой в экстремальных условиях деятельности.

Современная ситуация развития общества и отдельных организаций требует незамедлительного пересмотра традиционных подходов к организации производственной практики студентов. В основу организации практики психологов служебной деятельности необходимо заложить новые, актуальные для потенциального работодателя принципы.

Во-первых, важно погрузить практикантов в среду организации, позволить им увидеть и оценить реально существующие проблемы, которыми занимается психолог. Однако временной ресурс, отведенный на освоение практических навыков, не всегда позволяет это реализовать. Кроме этого, в данной концептуальной рамке необходим наставник, достаточно мотивированный к процессу обучения потенциального коллеги. Эффективность производственной практики определяется включением студентов в продуктивную, социально значимую профессиональную деятельность [1]. Поэтому, организаторы практики обязаны приложить максимум усилий с целью создания благоприятной психологической атмосферы и включения студента в процесс практического освоения профессиональных умений и навыков.

Во-вторых, производственная практика естественным образом должна носить творческий и одновременно проектный характер. Целесообразно выделить специфические треки освоения практических знаний, умений и навыков. Например, студент

понимает, что его интересует исключительно научно-исследовательская деятельность, следовательно, актуально организовать исследовательский трек прохождения практики, где личность получит возможность сконцентрироваться именно на формировании исследовательской компетенции. Кроме исследовательского трека студенту предлагается практико-ориентированный трек и бизнес-трек. Каждое направление позволяет будущему специалисту осознать каким образом строится работа в силовых структурах, какие используются инструменты психодиагностики и психокоррекции, а также наметить пути профессионального развития в целом.

Перед организаторами практики стоит сложная задача, заключающаяся в координации потребностей работодателя и профессиональных устремлений студента. Для ее решения необходимо ежегодно расширять базу практик, где тоже существуют ограничения, которые обусловлены рядом бюрократических элементов (согласования типового договора, допуск студента в структуры, требующие специального разрешения на ведение деятельности). Обновление базы практик возможно за счет регулярной коммуникации между образовательными учреждениями и организациями, которые в дальнейшем получают высококвалифицированные кадры.

1. Васина Н.В. Проектная деятельность в организации производственной практики студентов-психологов / Н.В. Васина, С.С. Костыря // Вопросы региональной экономики. — 2010. — №3. — С. 112.

Закон о психологической деятельности: актуальность проблемы и перспективы внедрения

Закон о психологической деятельности, психологическая помощь, нормативные акты, регламентация работы психолога

Оказание психологической помощи является областью деятельности, направленной на сохранение и поддержание психического здоровья граждан. Существующее в настоящий момент регулирование взаимоотношений между предоставляющим психологическую помощь и получающим ее осуществляется, как правило, на сложившейся практике и существующих условных (устных) договоренностях. Так же, важным обстоятельством является и то, что участились примеры обращения внимания на случаи некачественного оказания психологической помощи, либо услуг, анонсируемых как оказание психологической помощи, что свидетельствуют о сформировавшейся в обществе потребности в регламентировании данного вида деятельности. Принимая во внимание вышеизложенное, можно говорить о том, что на данный момент в Российской Федерации, в достаточной мере не обеспечены права граждан, нуждающихся в квалифицированной психологической помощи. Принятие подобного документа, позволит реализовать права человека на сохранение психического здоровья.

Если конкретизировать, то необходимость разработки законопроекта «О психологической деятельности в Российской Федерации» обусловлена отсутствием на федеральном уровне единого нормативного акта, регулирующего порядок организации и оказания профессиональной психологической помощи населению в Российской Федерации.

Принятие единого нормативного акта на федеральном уровне позволит:

- Определить основные понятия, принципы психологической деятельности; выделить виды и формы психологической помощи;
- Осуществлять регулирование профессиональной деятельности лиц, занимающихся психологической деятельностью;
- Определить стандарты по оказанию психологической помощи;
- Определить порядок деятельности органов государственной власти, частных лиц по организации и реализации психологической деятельности в Российской Федерации.

Создание федерального закона «О психологической деятельности в Российской Федерации» является глобальной задачей, требующей консолидации профессионального сообщества, необходимой для выработки единых подходов и требований, которые должны найти свое отражение в этом документе.

Первоначально концепция законопроекта «О психологической деятельности в Российской Федерации» была представлена на пленарном заседании Съезда Российского Психологического Общества (далее — РПО) в г. Казань в октябре 2017 г., обсуждение которой было продолжено в рамках круглого стола конференции.

25.10.2017г. Президиумом РПО утверждена рабочая группа, в которую вошли представители факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, Института психологии РАН, представители региональных отделений РПО. Путь, выбранный для воплощения данной инициативы наиболее целесообразен, так как создание Рабочей группы, утвержденной Президиумом РПО, позволило исключить субъективность одного человека и обеспечило возможность выражения мнения сообщества через выбранных представителей, в том числе от региональных отделений.

Итогом работы по данному направлению является создание в течение 2017-2018гг. проекта текста документа, который мог бы быть представлен как законопроект. 12 ноября 2019 года данный текст проекта одобрен членами Президиума РПО.

Принятие подобного документа позволит не только регламентировать и систематизировать психологическую деятельность в Российской Федерации, обеспечив реализацию и защиту прав граждан, но и в целом позволит сделать шаг в сторону формирования целостной системы сохранения психического здоровья населения страны.

Абдина М.А.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Лепехин Н.Н.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Предикторы проактивных изменений в работе персонала медицинской клиники

Психологическая устойчивость, проактивные изменения, job-crafting, модель требований-ресурсов, дизайн работы, медицинский персонал

Деятельность медицинского персонала требует гибкого реагирования на вариативность внешней и организационной среды, что предъявляет высокие требования к психологической устойчивости (Braithwaite, 2019). Для проактивного изменения деятельности в ответ на нестандартные требования используются стратегии Job Crafting (Tims, Derks, Bakker, 2016). Удовлетворение потребности в самодетерминации рассматривается как условие возникновения различных форм проактивного рабочего поведения (Fay & Sonnentag, 2012). Модель требований и ресурсов (JD-R) выделяет требования, предъявляемые работой, и воспринимаемые ресурсы работы. Представление о ресурсах работы складывается из восприятия своего личного «психологического капитала» и оценке дизайна работы, и влияет на мотивацию проактивного поведения (Bakker A.V., Demerouti E., 2017).

В исследовании проверялись гипотезы о значении потребности в самодетерминации, базовой самооценки и дизайна работы для выбора стратегий Job Crafting медицинским персоналом.

Выборка: персонал медицинских клиник, врачи и медсестры, N1 = 96, и руководители и администраторы, N2 = 55.

Методы: «Шкала базового самооценивания (CSE, Judge, 2003), адапт. — Маничев, Лепехин, Ильина, 2019; опросник «Дизайн работы» (Morgeson, 2006), адапт. — Маничев, 2016; «Шкала изменения в работе» (JCS, Tims, 2012); шкала удовлетворения базовых потребностей общих и на работе, Осин, 2015.

Результаты. Регрессионный анализ, множественная, пошаговый метод. Врачи и медсестры, N1 = 96. Предикторы стратегий JC. «Увеличение структурных ресурсов»: базовая самооценка, $\beta = 0,221$, $p = 0,02$; автономность в принятии решений, $\beta = 0,221$, взаимодействие за пределами организации, $\beta = 0,221$, $p = 0,01$, $R = 0,521$, $R^2 = 0,272$, $p = 0,001$. «Усложнение рабочих требований»: удовлетворение потребности в компетентности на работе, $\beta = 0,322$; обратная связь от других, $\beta = 0,275$, $p = 0,01$, $R = 0,485$, $R^2 = 0,236$; «Увеличение социальных ресурсов»: обратная связь от других, $\beta = 0,536$,

$R = 0,536$, $R^2=0,287$, $p < 0,001$; «Снижение рабочих требований»: удовлетворение потребности в компетентности на работе, $\beta = -0,420$; разнообразие задач, $\beta = 0,335$, сложность задач, $\beta = 0,292$, социальная поддержка, $\beta = -0,245$; обратная связь от других, $\beta = 0,363$, $p < 0,01$, $R = 0,629$, $R^2=0,395$, $p < 0,001$.

Руководители и администраторы, $N_2 = 55$. Характеристики дизайна работы как предикторы стратегий JS. «Увеличение структурных ресурсов»: специализация, $\beta = 0,367$, разнообразие задач, $\beta = 0,343$, $p < 0,01$, $R = 0,517$, $R^2=0,267$, $p < 0,001$. «Усложнение рабочих требований»: обработка информации, $\beta = 0,381$, обратная связь от других, $\beta = 0,305$, $p < 0,01$, $R = 0,532$, $R^2=0,283$, $p < 0,001$. «Увеличение социальных ресурсов»: значимость задач, $\beta = 0,334$, обратная связь от других, $\beta = 0,305$, $p < 0,01$, $R = 0,518$, $R^2=0,268$, $p < 0,001$;

Выводы. Предикторы выбора стратегий изменений в работе различаются для лечебного и административного персонала. У руководителей и администраторов выбор стратегий изменений обусловлен характеристиками дизайна работы, а у врачей и медсестер добавляется влияние личностных ресурсов: самооценки и потребности в самодетерминации. Наиболее частым предиктором в отношении стратегий изменений является обратная связь от других, что косвенно подтверждает значение потребности в аффилиации.

1. Braithwaite, J. (Ed.), Hollnagel, E. (Ed.), Hunte, G. (Ed.). Working Across Boundaries. Resilient Health Care. — Volume 5. London: CRC Press, 2019.
2. Fay D., Sonnentag S. Within-Person Fluctuations of Proactive Behavior : How Affect and Experienced Competence Regulate Work Behavior // Human Performance. 2012. № 1 (25). pp. 72–93.
3. Tims M., Derks D., Bakker A.B. Job-crafting and its relationships with person — job fit and meaningfulness : A three-wave study // Journal of Vocational Behavior. 2016. (92). pp. 44–53.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ: проект «Проактивное поведение в современном дизайне работы» № 19-013-00947

Соотношение организации и дизайна работы при формировании удовлетворенности трудом

Организационный контекст, удовлетворенность трудом, дизайн работы

Основной моделью влияния ситуационных характеристик является модель Хакмана-Олдхема. Однако контекст работы не исчерпывается только ее дизайном. Важно учитывать более высокий уровень контекста деятельности — организационный. Организационный контекст включает культуру, структуру и технологии организации. Предполагается, что организационный контекст не оказывает прямого влияния на личные результаты работы. Его влияние опосредуется дизайном работы и характеристиками рабочего места (контекстом должностной позиции). Для оценки влияния организационного контекста необходимо оценить, оказывается ли такое влияние непосредственно.

В данной работе приведены результаты исследования 71 сотрудника предприятий Санкт-Петербурга. Исследование проводилось онлайн (каждому участнику отправлялась личная ссылка на опрос). Испытуемым предлагалось заполнить методiku «Диагностика рабочей мотивации» Р. Хакмана и Г. Олдхема» (Бондаренко И. Н., 2010). Дополнительно испытуемые заполняли биографическую анкету и ответили на несколько вопросов, посвященных организации (в рамках модели К. Камерон, Р. Куинн, 2001). В исследовании приняли участие 45 женщин и 26 мужчин. Средний возраст испытуемых — 38 лет, стаж работы в текущей организации от 5 до 10 лет, средний стаж в должности — 5 лет. Для оценки воздействия различных характеристик контекста работы был проведен регрессионный анализ полученных данных. В качестве зависимой переменной использовалась шкала «общая удовлетворенность». В качестве независимых переменных в анализе были использованы базовые измерения дизайна работы как отдельно, так и совместно с особенностями организации.

В первую очередь был проведен анализ регрессии общей удовлетворенности на базовые характеристики дизайна. Полученная методом шагового отбора модель ($R^2=0,279$) включила два аспекта дизайна — разнообразие используемых работником профессиональных навыков и интенсивность обратной связи от других сотрудников и руководителя. При дополнении анализа особенностями организации, коэффициент детерминации для построенной модели резко вырос ($R^2=0,563$). В итоговую модель, кроме характеристик дизайна, представленных и в первой модели, в ходе шагового отбора были включены особенности организации: участие сотрудников в процессе принятия решений, регулярный пересмотр процессов работы (рефлексия), степень давления на сотрудников при достижении организационных целей (нажим на производство). Любопытно, что указанные характеристики организации относятся к разным квадрантам структуры в модели Кэмерона-Куинна: участие в

принятии решений — внутренняя направленность, гибкие ориентации (Человеческие отношения), рефлексия — внешняя направленность и гибкая ориентация (Открытые системы), нажим на производство — фокус внешнего внимания и ориентация на контроль (Рациональные цели). В рамках полученных результатов напрашивается два вывода: с одной стороны, изучение дизайна работ в отрыве от общего контекста — недостаточно для прогнозирования субъективных результатов работы, — по крайней мере, если речь идет об удовлетворенности. С другой стороны, различная направленность особенностей организационного контекста (культуры), включенных в модель общей удовлетворенности трудом, может свидетельствовать о необходимости интеграции разных культур для обеспечения высокой удовлетворенности.

1. К. Камерон, Р. Куинн. Диагностика и изменение организационной культуры / Пер. с англ. под ред. И. В. Андреевой. — СПб: Питер, 2001. — 320 с.
2. Бондаренко И. Н. Адаптация опросника “Диагностика рабочей мотивации” Р. Хакмана и Г. Олдхема на русскоязычной выборке// Психологический журнал, 2010, том 31, № 3, с. 109–124

Работа выполнена в рамках гранта Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) «Проактивное поведение в современном дизайне работы», 19-013-00947

Мотиваторы игровой деятельности на примере деловых игр

Игра, деловые игры, обучение, мотивация

Отечественная психология и педагогика в лице таких исследователей, как К. Д. Ушинский, Б. Г. Ананьев, С. Л. Рубинштейн, Л. С. Выготский и Д. Б. Эльконин сформировала целостную триаду поведенческих моделей человека: игра, обучение и труд [1]. Так как советская наука воспитывала «человека будущего», мы можем видеть, что в отношении последних двух проведено много исследований и написано очень много статей и книг, позволяющих понять, как замотивировать человека заниматься учебной и трудовой деятельностью. Однако, в отношении игры такого сказать нельзя. Если такие исследования и проводились, то они были узко направлены на анализ поведения детей и соотнесение с их развитием, а также этнографические особенности детского воспитания разных народов СССР [3].

Так вышло, что мотивировать человека заниматься игрой не нужно; если человек заинтересован тем опытом, который он может спроецировать на игровую модель, то он мотивирует себя сам без посторонней помощи. Это хорошо видно в поведении маленьких детей, которым достаточно дать в руки палочку, камешек, тряпочку, и он с позиции своего опыта уже выстраивает с этими стимулами игровую процесс. Разумеется, взрослому, чтобы захотеть играть стимул нужен другой; однако, принцип прослеживается тот же.

Нас интересует проблема: что в играх является запускающим мотивацию механизмом?

В 1938 году голландский философ Йохан Хёйзинга в своей книге *Homo Ludens* [2] многое привнес в понимание игры. Игра — это то, чему нас никто никогда не учил. Игра также не является имманентной только человеку деятельностью, поскольку и животные играют. Очевидно, что этот вид деятельности лежит в основе внутренних психических процессов. И вдвойне странно, что ему уделяется так мало внимания.

Уже сейчас появляется всё больше игровых моделей в обучении. Это связано с увеличением и ускорением потоков информации и, как следствие, изменением в восприятии человека: оно становится более расфокусированным, более подвижным, менее сосредоточенным. Хорошая игра разработана таким образом, что позволяет довольно долго увлекать человека, концентрировать и удерживать его внимание. Мы предполагаем, что в будущем игры займут центральное место в образовательном процессе.

Цель данной работы: дать ответы на следующие вопросы:

1. Какова сущность игры?
2. Почему игры не нуждаются во внешней мотивации?
3. Какой сущностный аспект позволяет игре увлечь человека?

4. Что есть в одних играх, запускающих внутреннюю мотивацию человека, чего нет в других?

Ответив на эти вопросы, мы сможем вычленить ключевой компонент или компоненты для создания самозапускающих игр, которые в последствие можно использовать в образовательных целях. Для этого мы планируем провести исследования отобранных деловых игр в сравнении их с салонными. В качестве метода будет использован контент-анализ. А в качестве выборки используем исключительно взрослых людей, сравнив тех, кто играет в игры для целей получения знаний с теми, кто играет для время проведения.

На основании данной работы будут разработаны принципы создания игр, которые будут свободно запускать процесс мотивации, что позволит эффективнее применять их для обучения, тренинга и оценки сотрудников.

1. Третьяков В.П. Порождающие игры. Практическое руководство по применению. — Х., Изд-во «Гуманитарный центр», 2016. — 240 с;
2. Хёйзинга Й. Человек играющий / Йохан Хёйзинга ; [пер.с нидерл. Д.В. Сильвестрова; коммент. Д.Э. Харитоновича]. — СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 400 с. — (Азбука-классика. Non-fiction);
3. Эльконин Д.Б. Психология игры. — 2-е изд. — М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1999. — 360 с.

Коллективизм — идеологическая фикция или функциональная характеристика?

Коллектив, демократизм, свободная инициатива, организационный климат, формирование организационного климата

Понятие коллектива в отечественной науке всегда было нагружено идеологическим содержанием. Коллектив рассматривался как инструмент воспитания высоко-нравственного человека новой социальной формации. В педагогической науке говорится о студенческих коллективах, коллективах школьников и даже — дошкольников: в «коллективах» детсадовцев осуществляется «трудовая деятельность», которая рассматривается как «среда воспитания дисциплины».

Этот подход оформился как самостоятельное научное направление, потеряв связь с его научно-теоретическим источником — идеями Маркса о всеобщем труде, об отчуждении и о «подлинной коллективности», в которой достигается личная свобода через преодоление отчуждения. Именно в особо организованном труде возникают условия для спонтанного развития качеств свободной творческой личности.

Анализ ряда производств, оборудование которых работает как единый агрегат в силу технологических особенностей (энергетическое производство, химические производства с непрерывным циклом и т.п.), позволяет обнаружить такого рода труд.

В качестве примера рассмотрим энергетическое производство. На территории в несколько гектаров расположены сотни единиц оборудования, которые, тем не менее, работают как единая машина: выход из строя одного механизма требует изменения режимов работы всех остальных механизмов. Персонал смены, обслуживающий этот общий объект труда, самими условиями труда поставлен в отношения зависимости всех от каждого и каждого от всех и является по сути единым субъектом труда. Ошибка одного работника переводит в аварийный режим реагирования всех остальных. Соревновательность, а тем более конфликт внутри коллектива невозможен в силу того, что делает невозможным даже минимально приемлемый общий результат. Объективная взаимозависимость и, как следствие, взаимное управление каждого всеми и наоборот делает стратегию взаимопомощи единственно результативной общей стратегией. Деятельностная равнозначность всех членов коллектива утверждает подлинный демократизм и означает, что каждый может и даже обязан, обнаружив, например, слабые сигналы нештатной работы оборудования, принять на себя инициативу оперативного решения — стать ситуативным лидером. Способность принимать самостоятельные творческие решения становится оперативной необходимостью. Развитие такой способности приобретает коллективное значение и становится коллективной нормой, обнаруживая полное соответствие критериям коллектива по К. Марксу: свободное развитие каждого становится условием свободного развития всех.

Для сравнения, в других подразделениях того же предприятия, технологические особенности которого не дают возможностей для вмешательства в управление каж-

дого работника, укореняются совсем другие отношения, а состав смены только формально может быть назван коллективом, что являет собой пример «мнимой коллективности» [1].

Рассмотренный пример показывает, что отношения коллективизма, а также личные качества членов коллектива не воспитываются, а спонтанно вызревают в условиях общих для всех (обобществлённых) средств труда, что открывает объективные возможности для управления социальными отношениями через трансформацию и развитие технологий. Для сравнения: в педагогической практике закрепилось воспитание не свободы, а конформности: подчинения каждого заданным педагогом нормам и участие в подчинении других этим нормам.

Цифровая эра, в которую мы вступаем, открывает дверь именно технологиям с общими (обобществлёнными) средствами труда — базами данных (блокчейн, криптовалюты и т.п.). А выразительные социальные последствия таких трансформаций уже активно обсуждаются в связи с идеями К. Маркса [2].

1. Васильева И. И. Об объектной детерминации организационной культуры // Организационная психология. 2016. Т. 6. № 3. С. 8-21.
2. Shannon R. Karl Marx, Capitalism and the political implications of Blockchain and Big Data //medium.com. 2020. URL:<https://tinyurl.com/ybj8nneu> (access date 20.06.2020).

Гижук Т.В.
Беларусь, Гродно, ГрГУ

Парфёнова Т.В.
Беларусь, Гродно, ГрГУ

Особенности осознанной саморегуляции профессиональной жизни предпринимателей

Деловая инициатива, карьера, осознанная саморегуляция профессиональной жизни, предпринимательская деятельность

В настоящее время, несмотря на попытки обобщить и систематизировать личностные особенности, выступающие факторами формирования и развития предпринимательской деятельности, наблюдается их раздробленность и фрагментарность. Из этого следует вывод о целесообразности выделения единого фактора, объединяющего детерминанты деловой инициативы. В качестве такого фактора может выступать сформированность и функциональная оптимальность системы осознанной саморегуляции профессиональной жизни, которая проявляется в наличии целей и оптимальных планов по их достижению, умении замечать и использовать возможности, готовности действовать, умении контролировать свою деятельность и корректировать её и т.д. Можно предположить, что несформированность или неоптимальность системы осознанной саморегуляции будет препятствовать развитию предпринимательской деятельности и может приводить даже к отказу от её осуществления.

Осознанная саморегуляция профессиональной жизни представляет собой системно организованный психический процесс, направленный на её построение и управление в соответствии с субъективно принятыми карьерными целями личности. Процесс саморегуляции является целостной, замкнутой (кольцевой) по структуре, информационно открытой системой, реализуемой взаимодействием функциональных звеньев, основанием для выделения которых являются присутствие им специфические регуляторные функции, системное «сотрудничество» которых реализует целостный процесс регуляции.

Основная гипотеза предпринятого исследования заключалась в предположении об отличиях в системе осознанной саморегуляции у людей занимающихся и не занимающихся предпринимательской деятельностью.

Эмпирическое исследование проводилось на репрезентативной популяционной выборке белорусов в возрасте от 18 до 68 лет (средний возраст $32,87 \pm 11,38$ лет). Выборка была гетерогенной по половозрастным, социально-демографическим признакам (семейное положение, родительский статус), должностному положению в организационной иерархии и уровню оплаты труда. Испытуемые принимали участие в исследовании на добровольной безвозмездной основе. Общее количество респондентов составило 1193 человека.

Сбор эмпирических данных производился с помощью личностного опросника «Саморегуляция профессиональной жизни» (Т.В. Гижук), диагностирующего сформированность и функциональную оптимальность системы осознанной саморегуляции профессиональной жизни. Величина коэффициента дискриминативности для

пунктов опросника варьирует от 0,30 до 0,56; значение показателя α -Кронбаха равняется 0,87. С учетом приведенных характеристик опросник может быть признан соответствующим психометрическим стандартам надежности, а полученные с ее помощью диагностические результаты — заслуживающими доверия.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что вся система осознанной саморегуляции предпринимателей имеет статистически значимые отличия (по средствам Т-критерия Стьюдента выявлены статистически значимые отличия по всем анализируемым параметрам). На основании этого можно заключить, что для предпринимателей присущи следующие особенности: наличие краткосрочных и долгосрочных профессиональных целей; сформированность модели значимых условий, то есть умение замечать, создавать и использовать возможности для достижения своих целей; наличие конкретных планов по достижению целей; стремление осуществлять своевременный контроль и оценку достигнутых результатов, привычка отслеживать и оценивать насколько реализуются имеющиеся профессиональные планы; сформированность блока коррекции системы саморегулирования, то есть склонность вносить своевременные коррективы в имеющиеся планы либо, даже, в изменение целей; практическая реализуемость намерений, указывающая на активность личности относительно реализации составленных планов.

Исследование проводилось при поддержке гранта БРФФИ № Г19М-065 от 02.05.2019 г. «Психологические факторы раскрепощения деловой инициативы студенческой молодежи»

Горбушина А.В.
Киров, Вятский государственный университет

Савватеева М.С.
Киров, Вятский государственный университет

Метакомпетенция как фактор организации деятельности личности

Рефлексивное поле, системогенез, психологическая система деятельности, метакомпетенция

На сегодняшний день актуальным является поиск детерминант, влияющих на эффективность деятельности личности. К ним, на наш взгляд, можно отнести метакомпетенции личности, которые рассматриваются в рамках метасистемного подхода и метакогнитивизма. Но их описание и механизмы влияния недостаточно изучены.

В результате анализа работ В.Д. Шадрикова [3], А.В. Карпова [2] и других авторов, метакомпетенция была определена нами как качество человека, не связанное со спецификой его деятельности, но влияющее на ее эффективность. Она выступает на метасистемном уровне, позволяя человеку переструктурировать и контролировать свою деятельность за счет включения рефлексии как метарегулятивного процесса. Благодаря этому становится возможным фасилитировать системогенез психологической системы деятельности личности. На основе данного анализа была сформулирована рабочая гипотеза нашего исследования о том, что метакомпетенция является системообразующим фактором деятельности личности.

В условиях отсутствия диагностического инструментария по определению метакомпетенции было спроектировано авторское рефлексивное поле «Конкурентное преимущество» (далее РП). В его основу были заложены такие теоретико-методологические основания как теория системогенеза деятельности и концепция психологической системы деятельности В.Д. Шадрикова, структурно-уровневый подход к исследованию психики и метасистемный подход, рассмотренный в трудах А.В. Карпова, а также положения концепции метакогнитивизма и другие [1].

Целью работы в РП является повышение эффективности деятельности через фасилитацию системогенеза деятельности субъекта на основе системообразующего фактора — ключевых метакомпетенций.

РП состоит из пяти уровней, на каждом из которых выявляются необходимые для успешного достижения результата функциональные блоки деятельности человека, такие как цель, мотивация, информационная основа деятельности, индивидуальные качества человека и т.д.

Базой исследования стал Центр психодиагностики и консультирования при ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет». Исследование проходило в период с октября 2019 года по март 2020 года. В нем приняли участие 42 человека, из них 6 юношей и 36 девушек в возрасте от 18 до 42 лет.

Дополнительно нами была использована авторская анкета, направленная на выявление сформированности функциональных блоков и психологической системы деятельности в целом, в соответствии с концепцией В.Д. Шадрикова. Заполнить анкету

испытуемым предлагалось два раза: непосредственно перед началом работы в РП и через несколько месяцев после.

Математический анализ данных, полученных в ходе обработки анкет показал, что произошли значимые сдвиги в формировании таких функциональных блоков как программа деятельности ($p=0,026$; $T_{эмп}=192,5$), коррекция действий ($p=0,008$; $T_{эмп}=156$) и системы деятельности в целом ($p=0,006$; $T_{эмп}=364$). Поэтому можно утверждать, что выявленные метакомпетенции в процессе работы в РП повлияли на реорганизацию личной системы деятельности испытуемых.

Таким образом, нами было спроектировано рефлексивное поле «Конкурентное преимущество», в результате работы в котором мы выявили метакомпетенции испытуемых, повлиявших на организацию их системы деятельности. Это дает основание утверждать, что гипотеза о том, что метакомпетенция является системообразующим фактором деятельности личности, доказана.

1. Горбушина, А.В. Проектирование рефлексивного поля как способа организации деятельности личности [Текст] / А.В. Горбушина, М.С. Савватеева // Ярославский психологический вестник. — 2019, № 3. — С. 60-64.
2. Карпов, А.В. Метасистемный подход к исследованию системогенетических закономерностей [Электронный ресурс] / А.В. Карпов. — Режим доступа: http://yspu.org/images/4/43/03_Карпов_А.В..pdf/ (дата обращения: 16.03.2020).
3. Шадриков, В. Д. Системогенез деятельности. Игра. Учение. Труд: в 4 т. – Т.1. Системогенез профессиональной и учебной деятельности [Текст] / В.Д. Шадриков. — М.: Изд. дом РАО; Ярославль: ЯрГУ, 2017.

Психологические приемы положительного воздействия на сотрудников органов внутренних дел

Сотрудники органов внутренних дел, психологическая компетентность, психологические приемы положительного воздействия

Руководители подразделений органов внутренних дел несут личную ответственность за морально-психологический климат в служебном коллективе и поведение подчиненных, что обеспечивается их психологической компетентностью. Сотрудники правоохранительных органов наиболее подвержены влиянию профессиональной деформации, что может обусловить совершение ими нерегламентированных и, в ряде случаев, противоправных поступков. В связи с этим основная задача руководителя заключается в том, чтобы своевременно выявить признаки профессиональной деформации у сотрудников и ухудшения морально-психологического климата в служебном коллективе. Профессиональную помощь в этом оказывают штатные психологи. Однако основное психологическое воздействие на сотрудников осуществляется непосредственно руководителями органов внутренних дел, так как они находятся в постоянном взаимодействии с подчиненными.

В рамках профессиональной деятельности выявляется информация о личностных особенностях каждого сотрудника и межличностных отношениях в служебном коллективе, что определяет характер профилактического и коррекционного воздействия, способствует развитию профессионально-значимых качеств подчиненных и позволяет поддерживать оптимальный морально-психологический климат в служебном коллективе. При этом важную роль, наряду с правильной организацией и содержательным наполнением указанной работы, играет выбор психологических приемов воздействия на личность, адекватных сложившейся ситуации, ориентированных на получение положительных результатов. В то же время, анализ проведенного анкетирования руководителей органов внутренних дел показал, что они испытывают недостаток в знании приемов психологического воздействия на сотрудников и умении применять их в процессе проведения работы с личным составом органов внутренних дел. Так, около 80% респондентов при опросе 340 руководителей территориальных органов МВД России Челябинской области отметили необходимость получения указанных знаний и умений.

Современные психологические исследования предлагают достаточное количество апробированных приемов психологического воздействия на личность, которые на основе практического опыта с учетом специфики оперативно-служебной деятельности могут быть адаптированы к проведению профилактической и коррекционной работы с сотрудниками органов внутренних дел. Таким образом, руководителям необходимо подобрать оптимальное сочетание психологических приемов положительного воздействия на подчиненных и служебный коллектив. В данном случае под психологическим приемом положительного воздействия понимается относительно законченный психологический элемент, способ психологического воздействия на

личность сотрудника органов внутренних дел и служебный коллектив в определенных условиях профессиональной деятельности.

В качестве таких психологических приемов положительного воздействия на сотрудников руководителем органов внутренних дел могут быть использованы:

1. «Подавление» сотрудника выдержкой и спокойствием.
2. Акцент.
3. Положительное мнение.
4. Неожиданное решение.
5. Авансирование.
6. Поставь себя на место руководителя.
7. Упреждение.
8. Нейтральная информация.
9. Акцентная информация.
10. Уверенная позиция.
11. Консенсус.
12. Отсрочка.
13. Бумеранг.
14. Гротеск.

Преимущество предложенных психологических приемов заключается в том, что они не требуют дополнительных условий и подготовительной работы для использования в процессе взаимодействия с сотрудниками и служебным коллективом. Наблюдения руководителя и анализ характера профессиональной ситуации способствуют выбору необходимого психологического воздействия и обеспечивают реализацию дифференцированного и личностно-ориентированного подходов в процессе коррекционной и профилактической работы с подчиненными. Использование руководителем психологических приемов положительного воздействия на сотрудников позволяет избежать формального отношения к проведению указанных видов работ, следовательно, качественно улучшает их результативность.

Баланс психологических факторов саморегуляции функционального состояния специалистов сложных и потенциально опасных видов деятельности

Профессиональное становление, психологические факторы, баланс, автономия, интеграция, саморегуляция функционального состояния, операторы атомной станции

Профессиональное становление специалистов сложных и потенциально опасных видов деятельности основано на успешном преодолении проблем профессионального развития. Такие проблемы выявляются в трудных профессиональных ситуациях. В штатных, стандартных обстоятельствах работники действуют согласно усвоенному алгоритму рабочего процесса. В критических и аварийных случаях создаются условия не только для проявления имеющихся ограничений профессионального развития, но также и для их преодоления.

В предыдущих исследованиях (Горюнова, Фёдоров, Водопьянова, 2017) выявлены психологические основания перехода от одной стадии профессионального становления к другой, которые заключаются в изменении у специалистов в период интенсивного профессионального развития баланса автономии и интеграции. Было показано, что при переходе от одной стадии профессионального становления к другой, баланс факторов автономии и интеграции меняются на противоположный. При этом, изменение баланса этих качеств сопровождается снижением профессионального благополучия, удовлетворённости профессиональными компетенциями и составляет психологические риски безопасности и охраны труда. Было сделано предположение, что без нарушения имеющегося баланса качеств невозможно дальнейшее профессиональное развитие, профессиональный рост, интеграция в профессию и переход на другую стадию. Следовательно, нарушение баланса качеств на одной стадии является также отправной точкой профессионального развития и началом перехода на другую. Д. А. Леонтьев сформулировал основные позиции современного взгляда на личность как динамичный процесс, уделяя особое внимание личностной автономии (Леонтьев, 2010).

Косвенное подтверждение данного заключения было получено в исследовании психологических предикторов успешности саморегуляции у операторов атомной станции на материалах 5-летнего лонгитюдного обследования (всего участников 70 человек).

В результате исследования было установлено, что в состав предикторов успешности саморегуляции входят фактор С (личностный опросник Кеттелла) и шкала 4 (опросник ММИЛ Собчик Л. Н.). Однако, для группы с успешным уровнем саморегуляции фактор С является предиктором с положительным знаком, шкала 4 — с отрицательным. А для группы со средним уровнем саморегуляции, фактор С является предиктором с отрицательным знаком, шкала 4 — с положительным. Для группы с

неудовлетворительным уровнем саморегуляции фактор С и шкала 4 не вошли в состав предиторов.

Участники обследования в процессе 5 летнего опыта работы совершенствовали своё профессиональное мастерство и показывали различные уровни успешности саморегуляции, который измерялся с использованием программного комплекса Омега на основе множества психо-физиологических показателей (Усольцева, 2020).

Возможной интерпретацией полученных данных является предположение, что фактор С и шкала 4 является одними из показателей интегрального качества «автономия» и «интеграция». Автономия — это способность действовать согласно своим личным установкам, связанным с устойчивостью к психологическим стрессам. Интеграция понимается как способность интегрироваться в рабочем контексте.

По мере профессионального становления, баланс данных качеств меняется: в группе с высоким уровнем успешности саморегуляции преобладает фактор С, а шкала 4 имеет отрицательное значение. В группе со средним уровнем самоконтроля преобладает шкала 4, а фактор С имеет отрицательное значение. То есть по мере перехода со средней стадии на высокую происходит реструктуризация психологического содержания деятельности, приводящую к изменению баланса профессионально значимых качеств от преобладания высокого самоконтроля на среднем уровне до преобладания эмоциональной устойчивости на высоком. Если говорить об автономии и интеграции, то от преобладания интеграции на среднем уровне, до преобладания автономии на высоком уровне. Надо заметить, что данный вывод подтверждается в практической сфере профессиональной деятельности.

Фиксированные формы поведения как барьеры успешной профессиональной деятельности

Фиксированные формы поведения, открытость новому опыту, привычки, стереотипы, объяснительные субмодели

Как известно, успешная профессиональная деятельность предполагает открытость новому опыту в постоянной изменчивости реальной жизнедеятельности. Но готовность и способность открываться новому опыту нередко препятствует старый, прежний опыт, даже прежний успешный профессиональный опыт. В новых, непривычных, нестандартных условиях, особенно в экстремальных ситуациях, например, в ситуации коронавирусной пандемии, в прошлом адаптивные привычки, стереотипы, шаблоны, стандарты, установки и традиции, не оказываются таковыми в новых, изменившихся условиях. Они становятся барьерами при необходимости отказаться от прошлого опыта и усвоить новый опыт. Иначе говоря, они становятся фиксированными формами поведения. Фиксированные формы поведения (ФФП) — это формы поведения индивидуальной системы (личности) или групповой системы (семьи, производственных и общественных организаций, этноса, общества и государства), упорно повторяющиеся и/или продолжающиеся и в ситуациях, которые объективно требуют их прекращения и/или изменения; при этом уровень осознания и принятия личностью (или группой) этой необходимости может быть разным. В докладе будет представлен целый ряд объяснительных субмоделей фиксированных форм поведения, систематизированных автором на основании многолетних экспериментально-психологических исследований и наблюдений их проявления в норме и патологии с позиции системно-сетевых принципа и представлений о биопсихосоциодуховной природе человека, его развития и здоровья: нейродинамическая, энергетическая, филогенетическая, личностно-средовая, диспозиционная, стрессогенная, патогенетическая, психодинамическая, научения (бихевиоральная и когнитивная), неконгруэнтности Я-концепции и нового опыта, акциональная структурно-уровневая и избыточной устойчивости систем (Залевский Г.В., 2003-2019).

1. Залевский Г.В. Теория субъекта и фиксированные формы поведения. //Психологический журнал. 2003, Т. 24, № 3, С.32-36
2. Залевский Г.В. Фиксированные формы поведения индивидуальных и групповых систем. Томск-Москва, 2004
3. Залевский Г.В. , Залевский В.Г. Фиксированные формы экономического поведения в контексте избыточной устойчивости индивидуальных и групповых систем. //Вестник Томского государственного университета. Серия ""Психология"", 2005, № 86, С.90-96
4. Залевский Г.В. Психология личности: фиксированные формы поведения. М.: Юрайт, 2019
5. Залевский Г.В. ""Строительные леса"" на здании, которое называется психология человека. //Сибирский психологический журнал. 2019, № 71, С.61-79

Казаева Е.А.
Екатеринбург, УрФУ

Токарева Ю.А.
Екатеринбург, УрФУ

Психологические механизмы готовности к инновациям и риску в профессиональной деятельности руководителя

Инновационная деятельность, риск, психологические механизмы, руководитель, профессиональная деятельность

В условиях всесторонности и масштабности инновационных процессов в современном образовании повышается ответственность субъектов управления за принятие решений, их ресурсное и технологическое обеспечение. Сложность управленческих процессов, высокая ответственность коррелируют с ценой управленческих ошибок, последствия которых могут оказаться негативными и необратимыми — это могут быть как принятие успешных и необдуманных решений, так и отказ изменять управленческую ситуацию (Елагина М.Ю., 2011).

Несмотря на то, что психологические проблемы инноваций получили направленное изучение, однако психологическая проблематика остается фрагментарной в общем потоке комплексных междисциплинарных проблем оптимизации профессиональной деятельности руководителя.

Научный интерес к исследованию особенностей формирования психологической готовности к риску инновационной деятельности руководителей в процессе непрерывного образования детерминирован потребностями в оперативном реагировании на прогрессивные изменения в обществе.

В исследовании приняли участие 40 руководителей (школа (директор), техникум (директор), банк (руководители отделов), собственный бизнес (бизнесмены)). Методики исследования: Диагностика личностной готовности к риску «PSK» Шуберта; «Тест мотивации достижения А. Махрабиана»; Экспресс-диагностика барьеров в управленческой деятельности (Фетискин Н.П.); «Опросник инновационной готовности персонала» (Пантелеева В.В., Кнышева Т.П.).

По данным исследования, наибольшей готовностью к риску обладают бизнесмены (мужчины, 32-45 лет). Наименьшая склонность к рискам была выявлена у директоров школ (женщины 51-65 лет). Согласно результатам теста мотивации достижения, высокая готовность к рискам у руководителей-бизнесменов коррелирует с высоким уровнем мотивации к достижению успеха. Результаты исследования директоров школ, напротив, показывают преобладание мотивации к избеганию неудач, что обуславливает столь низкий показатель его готовности к рискам.

Результаты исследования барьеров в управленческой деятельности руководителей показали: в отношении уровня конфликтности рабочей обстановки наибольшее количество баллов у директоров учреждений СПО. Наименьшее количество баллов по данному блоку набрали руководители отделов в банковских структурах.

В отношении степени перегрузки в процессе выполнения своих служебных обязанностей наибольшее количество баллов набрали директора школ. Наименьшее — у бизнесменов.

Блок неопределенности положения в организации показал, что наибольшие баллы выявлены у бизнесменов (25% от всех участников).

В блоке взаимоотношений с вышестоящим руководством нет больших различий в баллах, полученных руководителями (100% участников), что свидетельствует о взаимопонимании между сотрудниками и вышестоящими руководителями.

В целом по исследуемым параметрам, в отношении каждого руководителя не было выявлено показателя, превышающего 12 баллов, что указывает на отсутствие барьеров, мешающих успешному разрешению проблем, возникающих в процессе осуществления управленческой деятельности.

Все итоговые значения в исследуемых организациях не превышают 36 баллов, что свидетельствует о соответствии личностных особенностей руководителей требованиям к занимаемой должности.

Таким образом, психологические механизмы готовности к рискам и инновационной деятельности у руководителей заключаются в наличии управленческих барьеров, препятствующих принятию решений в отношении рискованной и инновационной деятельности, низким уровнем личностной готовности к принятию решений в условиях риска, а также в наличии или отсутствии у руководителей потребности в саморазвитии.

1. Елагина М.Ю. Психологическая готовность к рискам инновационной деятельности руководителей учреждений общего образования : автореферат дисс. кандидата психологических наук : 19.00.07. — Ростов н/Д, 2011.

К вопросу структурной организации конфликтной компетентности в профессиональной деятельности руководителя

Конфликтная компетентность, структурно-уровневая организация конфликтной компетентности, управленческая деятельность

В настоящее время происходят изменения в научном дискурсе конфликта: от непринятия и интерпретации конфликта в качестве деструктивного явления к пониманию его неоднозначной природы и признанию его конструктивного потенциала (Карпов, Кашапов, 2012). Высокий уровень конфликтности среды современных организаций обуславливают необходимость формирования и развития у руководителей конфликтной компетентности.

Нами проведено системное исследование, позволяющее установить эмпирико-феноменологические характеристики и уровневый состав конфликтной компетентности (на примере руководителей образовательных организаций). Структурная организация конфликтной компетентности базируется на уровневом принципе. Дифференциация этих уровней осуществляется на основе положений, сформулированных в метасистемном подходе. Теоретическая модель структурно-уровневой организации конфликтной компетентности в профессиональной деятельности руководителя включает в себя совокупность элементного, компонентного, субсистемного, общесистемного и метасистемного уровней. В концептуальном плане наиболее конструктивно рассматривать конфликтную компетентность руководителя как сложноорганизованную систему, онтологически включенную в более высокоорганизованные метасистемы: «личность» и «деятельность». Особую роль в общей организации конфликтной компетентности руководителя играет субсистемный уровень (Лукина, 2019). Психологический анализ профессиональной деятельности руководителя позволил выделить на данном уровне конфликтной компетентности отдельные подсистемы метакогнитивного потенциала личности, формирующиеся для обеспечения различных ее функциональных проявлений. При этом 4 из них детерминированы метасистемой «личность» — это метакогнитивная, метарегулятивная, метакоммуникативная и метаэмоциональная подсистемы, а 4 других имеют деятельностьную детерминацию — это процедуральная, мониторинговая, интеракционная и ингибиторная подсистемы. Структурно-уровневая организация конфликтной компетентности в профессиональной деятельности руководителя обусловлена закономерностями структурной детерминации подсистем метакогнитивного потенциала личности (Метакогнитивные основы конфликтной компетентности, 2012). Для руководителей с разной степенью выраженности конфликтной компетентности характерна дифференциация подсистем метакогнитивного потенциала. Для руководителей со средней степенью выраженности конфликтной компетентности

все подсистемы метакогнитивного потенциала являются базовыми. Динамика обобщенного показателя степени структурированности параметров конфликтной компетентности носит характер инвертированной U-образной кривой. Анализ установленного факта позволяет сделать вывод принципиального характера — наибольший уровень структурной организации основных подсистем конфликтной компетентности имеет место на среднем уровне развития общей степени ее выраженности. Кроме того, эти данные позволяют говорить, что общий уровень конфликтной компетентности может при его относительно наиболее высоких значениях ингибировать эффективность деятельности.

Совокупность теоретико-методологических подходов и полученных эмпирических данных создают ресурсную основу для более глубокого исследования профессионально важных качеств как интегральных регуляторов профессиональной деятельности (Кашапов, 2017).

1. Кашапов М.М., Карпов А.В. Обсуждение современных проблем теоретической и прикладной психологии // Психологический журнал. Т. 33, № 2, 2012. С. 133-136.
2. Кашапов М.М. Надситуативное мышление как когнитивный ресурс личности // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. 2017. Т. 22. С. 3-9.
3. Лукина А.С. Многомерная модель структуры конфликтной компетентности руководителя на субсистемном уровне ее организации // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. № 3 (48), 2019. С. 227-233.
4. Метакогнитивные основы конфликтной компетентности / под науч. ред. проф. М.М. Кашапова; ЯрГУ. Ярославль, 2012. 428 с.

Кирой В.Н.
Ростов-на-Дону, ЮФУ

Лазуренко Д.М.
Ростов-на-Дону, ЮФУ

Кривко Е.М.
Ростов-на-Дону, ЮФУ

Бахтин О.М.
Ростов-на-Дону, ЮФУ

Возможности управления человеческим капиталом на основе новых каналов коммуникации и нейротехнологий

Человеческий капитал, интеллектуальный труд, нейротехнологии, интерфейс мозг-компьютер, прогнозирование функционального состояния

На развитие человеческого капитала и эффективность интеллектуального труда оказывает влияние целый ряд факторов, определяющими среди которых, является состояние работающего человека и ограничения, накладываемые его природой. Именно они лежат в основе пресловутого «человеческого фактора», который все более лимитирует эффективность функционирования управляющих устройств и систем, создает предпосылки для возникновения аварийных ситуаций, зачастую имеющих катастрофические последствия. Человек-оператор в условиях все возрастающих информационных и нервно-психических нагрузок уже не способен длительно демонстрировать высокую производительность труда даже в высокотехнологичных производствах. Практически он подошел к пределу своих возможной, которые определяются его антропометрическими и психофизиологическими характеристиками [2].

Наиболее актуальными в настоящее время проблемами, решение которых способно качественно повлиять на развитие человеческого капитала, является мониторинг и прогнозирование состояния работающего человека через каналы коммуникации и управления на основе технологии интерфейс мозг-компьютер (ИМК).

Новизна предлагаемых решений в части, касающейся мониторинга и прогнозирования функционального (в т.ч., психоэмоционального) состояния человека состоит в разработке универсальной модели поведения человека-оператора при выполнении поставленной задачи. Состояние человека определяется по степени отклонения показателей его действий от модельных. Используется запатентованный оригинальный метод событийно-ориентированного анализа электроэнцефалограммы (ЭЭГ) человека, реализованного на базе нейросетевых алгоритмов, обеспечивающих распознавание произвольно генерируемых пользователем мысленных команд в режиме реального времени. Параметры настройки и калибровки нейроинтерфейса позволяют учитывать индивидуальные особенности работы мозга пользователя и его текущее функциональное состояние. Программа реализации нейрообратной связи, используемой на этапе обучения пользователя, основана на использовании пространственно-

частотно-временных характеристик сигналов мозга, алгоритмы и методы декодирования и интерпретации которых позволяют транслировать выделенные команды управления в мобильные устройства различного назначения беспроводным способом. С целью повышения соотношения сигнал/шум и информативности детектируемых паттернов ЭЭГ разработана и успешно применяется процедура пространственной (многомерной) фильтрации сигналов, новые методы интерпретации «константности» сигналов мозга и автоматизированного детектирования мысленных команд на основе использования алгоритмов самообучения нейронной сети, что обеспечивает адаптивное формирование в интерфейсе индивидуального набора мысленных команд пользователя [1]. Метод основан на построении авторегрессионной нейросетевой модели для прогнозирования сигнала ЭЭГ на короткий временной интервал. Он позволяет разрабатывать новые интерактивные мобильные приложения на основе технологии дополненной и виртуальной реальности и произвольно генерируемых пользователем мысленных команд.

Исследования и разработки в указанном направлении способны обеспечить качественное повышение уровня конкурентоспособности российской экономики и качество жизни граждан за счет оптимизации рабочих нагрузок, построения индивидуальных траекторий профессионального развития, снижения риска психогенных соматических и психических заболеваний.

Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ в рамках Постановления №218 "Создание высокотехнологичного производства программного комплекса для управления человеческим капиталом на основе нейротехнологий для предприятий высокотехнологичного сектора Российской Федерации" (Шифр: 2019-218-11-8185).

1. В.Н. Кирой, Д.М. Лазуренко, И.Е.Шепелев, Е.В. Асланян, Н.Р. Миняева, О.М. Бахтин. Нейротехнологии: нейро-бос и интерфейс мозг-компьютер. // Монография. Ростов-на-Дону: Изд-во Южный федеральный университет, 2017. — 244
2. Cybernetics (SMC), 2017 IEEE I" Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ в рамках Постановления №218 "Создание высокотехнологичного производства программного комплекса для управления человеческим капиталом на основе нейротехнологий для предприятий высокотехнологичного сектора Российской Федерации" (Шифр: 2019-218-11-8185).

Мыслительные установки будущих психологов

Мышление, мыслительные установки, профессиональная деятельность, студент, психолог

Для достижения в деятельности психолога профессионального мастерства наряду со специальными знаниями и навыками необходима интеллектуальная компетентность специалиста. Актуальными являются исследования, связанные с изучением профессионально значимых мыслительных установок у будущих психологов.

Постановка проблемы. Е.Б.Старовойтенко (2009) определяет мыслительные установки как результат динамичной реализации определенных интеллектуальных позиций при взаимодействии с конкретными объектами в определенных ситуациях; при этом мыслительные установки задают характер интеллектуальных изменений объектов, определяют уровень личной заинтересованности, рефлексивности, интуитивности и экзистенциальности в решении мыслительных задач. М.В.Бадаловой (2014) перечислены ценностно-ассоциированные установки психолога-практика: на диалогичность мышления, на преодолении противоречий, рефлексии и др. Перечень мыслительных установок психолога крайне разнообразен. Нам кажется возможным пополнить ансамбль выделенных психических образовыми следующими значимыми в практической деятельности психолога установками: установка на творческое преобразование ситуации, установка на поиск / припоминание информации, на гибкость/ригидность мышления, установка на практическую/теоретическую направленность мышления, установка на рефлексивность. Целью эмпирического исследования явилось изучение мыслительных установок студентов-психологов выпускного курса.

Методы исследования: в психодиагностический комплекс вошли методика диагностики практической направленности мышления Л.П. Урванцевой — Н.В. Володиной; методика диагностики выраженности творческого потенциала Н.П. Локаловой; методика диагностики направленности на поиск / припоминание информации И.Ю. Владимировой, Е.А. Горишиной; опросник Н.Н. Мехтиновой на определение степени выраженности склонности к вербализации; методика диагностики индивидуальной меры выраженности свойства рефлексивности А.В. Карпова. Выборку составили студенты выпускного курса, обучающиеся в ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет» по специальности «Психология служебной деятельности».

Результаты исследования. Обобщение эмпирических данных позволяют сделать следующие выводы:

- у 81% выпускников-психологов преобладает средняя выраженность практического мышления; низкую выраженность практического мышления показали 19% студентов;

- диагностика степени выраженности творческого потенциала показала, что у 97% студентов преобладают средние способности к творчеству;
- у 61% студентов-выпускников в значительной степени выражена установка на припоминание информации, что свидетельствует о тенденции испытуемых к использованию готовых заготовок решений, недостаточной мыслительной гибкости и преобладающем конвергентном мышлении; у 39% студентов выявлена установка на поиск информации, мыслительную гибкость, они характеризуются большей результативностью при ориентировке в новых условиях;
- наличие у преобладающего большинства студентов высокого и среднего уровня развития способности к рефлексии (53% и 36% выпускников соответственно).

Таким образом, для мыслительных установок студентов-выпускников характерна установка на творческое решение проблемы, установка на рефлексия, установка на припоминание информации. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования полученных результатов при разработке программ профессионального и когнитивного развития, тренингов профессиональных умений будущих специалистов-психологов.

1. Бадалова М.В. Мыслительные установки практического психолога как фактор решения профессиональных задач / М.В. Бадалова // Горизонты образования. — 2014. — № 2. — С.61–67.
2. Старовойтенко Е.Б. Мыслительные установки творческой личности в культурной динамике / Е.Б. Старовойтенко // Мир психологии. — 2009. — №1. — С.260–271.

Психологическая безопасность работника: направления исследований и меры организационной поддержки

Глобальные риски, глобализация экономики, культура безопасности, организационная поддержка, психологическая безопасность, трудовые отношения, угрозы

Категория «психологическая безопасность» несколько десятилетий находится в центре внимания специалистов в области организационной психологии. Психологическая безопасность определяется, как ощущение возможности реализовать себя, не опасаясь негативных последствий для своего имиджа, статуса или карьеры [3]. Психологическая безопасность является необходимым условием обеспечения эффективной деятельности сотрудников различных организаций, в том числе тех, чья деятельность связана с работой в экстремальных условиях. Основные направления исследований психологической безопасности работника связаны с выделением трех основных уровней анализа: индивидуального, командного и организационного. На индивидуальном уровне анализа преимущественно исследуется потребность человека в безопасности во взаимосвязи с различными аспектами его поведения и чертами личности [5]. На командном уровне психологическая безопасность рассматривается как общее убеждение членов команды, в том, что команда безопасна для принятия межличностных рисков. На данном уровне анализа, особое значение приобретает поведение лидера, направленное на снижение степени индивидуального риска и страха ошибки у сотрудников [2]. Организационный уровень анализа предполагает рассмотрение психологической безопасности работника в контексте культуры безопасности организации. Меры поддержки культуры безопасности могут быть направлены на создание баланса между ее элементами. Например, между управлением психологической безопасностью работника и его поведением в области соблюдения техники безопасности труда [4]. В отечественной науке акцент сделан на целостном анализе социокультурной ситуации. По мнению И.А. Басовой, структура психологии безопасности включает в себя два взаимосвязанных раздела: психологическую безопасность среды и психологическую безопасность личности [1]. Глобализация и цифровизация экономики оказывает беспрецедентное влияние на сферу занятости. Развитие Индустрии 4.0 сопровождается возникновением новых конфигурации трудовых отношений и новых профессий. Цифровизация экономики связана не только с позитивными изменениями, но и с глобальными экономическими и социальными рисками. Увеличивается прекаризация занятости, растет неравенство доходов населения, возникает угроза технологической безработицы. Для разработки мер организационной поддержки психологической безопасности работников в условиях глобальных рисков Индустрии 4.0, нами проведено пилотажное исследование с использованием метода нарративного интервью. В исследовании приняли участие 50 человек. Выявлены индивидуальные особенности восприятия угроз у различных категорий работников, в том числе нестандартно занятых. Результаты показали, что меры поддержания психологической безопасности сотрудников в современных организациях не должны ограничиваться выбором экономических и организационно-

распорядительных методов управления. Важную роль играют социально-психологические методы управления, заключающиеся в создании психологического контракта, атмосферы доверия и позитивной коммуникации в организации.

1. Баева И. А. Психология безопасности: теоретическая основа помощи в экстремальной ситуации // Развитие личности. — 2016. — №. 3. — С. 57-74.
2. Edmondson A. Psychological safety and learning behavior in work teams // Administrative science quarterly. — 1999. — Т. 44. — №. 2. — С. 350-383.
3. May D. R., Gilson R. L., Harter L. M. The psychological conditions of meaningfulness, safety and availability and the engagement of the human spirit at work // Journal of occupational and organizational psychology. — 2004. — Т. 77. — №. 1. — С. 11-37.
4. Merry M. Assessing the safety culture of an organisation // Safety and Reliability. — Taylor & Francis, 1998. — Т. 18. — №. 3. — С. 14-31.
5. Wilson J. P., Wilson S. B. Psychological needs and moral judgment // Psychological Reports. — 1977. — Т. 41. — №. 2. — С. 475-479.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-010-00952

Кузьмин А.Ю.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Родионова Е.А.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Доминяк В.И.
Санкт-Петербург, СПбГУ

О перспективах развития культуры безопасности организаций и сотрудников

Культура безопасности, безопасность сотрудников, травматизм, менеджмент безопасности

В последнее время культура безопасности (КБ) организаций стала важной областью исследований. Недостаточное внимание к КБ со стороны компаний не раз было причиной аварий на транспорте (столкновение в аэропорту Лос-Родос в Испании 1977 г.), АЭС (Чернобыльская авария 1986 г.), производствах (Бхопальская катастрофа в Индии 1984 г.). Хотя такие аварии и были вызваны разными причинами, одной из основных проблем в большом числе случаев признается недостаточная сформированность КБ.

Постановка проблемы. Термин «культура безопасности» возник в итоговом докладе комиссии МАГАТЭ при рассмотрении причин аварии на ЧАЭС в 1986 г. С тех пор ведутся активные попытки представить все новые варианты концептуализации и подходы к данному феномену. Общее число публикаций по теме КБ за последние 30 лет увеличилось в среднем по отраслям примерно вдвое (Fleming, 2018). Основной вопрос состоит в рассмотрении структуры феномена КБ, её факторов, выводимого из них определения и, следовательно, подхода к пониманию безопасности в организации. Исследователи по-разному подходят к решению поставленной проблемы. Изначально имели место «культурные» подходы, как например (Guldenmund, 2000), которые определяли КБ как «родственника» организационной культуры. Существуют и неявные функционалисты-критики КБ — так, (Соорег, 2016) заявляет о необходимости рассмотрения конкретных действий и процедур, а не «культурных абстракций». Широкое распространение приобрело и направление выделения факторов КБ. В обзоре (Fleming, 2018) авторы приходят к тому, что большинство из них сводится к 5 основным компонентам: лидерство, коммуникации, вовлеченность, обучение, справедливость. В каком направлении действовать исследователям сегодня? В статье (Hofmann et al, 2017) из Journal of Applied Psychology авторы призывают к развитию интегрированных моделей, сочетающих персональную безопасность, безопасность процессов и здоровье работников. В статье (Casey et al, 2017) из Journal of Occupational Health Psychology авторы объединяют факторы менеджмента безопасности и культурные особенности. Они показывают необходимость комплексного подхода к безопасности.

Методы и результаты исследования. В ответ на эти требования нами предлагается рассмотрение КБ через призму имплицитных установок работника, его мотивационно-ценностных ориентаций и организационных характеристик на примере компаний разных отраслей (энергетика, транспорт, нефтепереработка).

Обсуждение и выводы. Наша стратегия представляет свежий взгляд в отечественном сегменте исследований КБ, который отвечает запросам мирового сообщества. Мы подходим к изучению феномена КБ как на уровне организационных ценностей и норм, так и со стороны индивида. Уделяя внимание активности субъекта, изучению его мотивации и имплицитных установок по отношению к здоровью/болезни (Родионова и др., 2019), мы рассматриваем личностные типы в их связи с организацией и деятельностью. Сочетание анализа субъектных и организационных характеристик задает интегрированный подход к КБ, который глубже проникает в сущность безопасности, аварий и травматизма.

1. Fleming M., Harvey K., Cregan B. Safety culture research and practice: A review of 30 years of research collaboration //Journal of Applied Biobehavioral Research. — 2018. — Т. 23. — №. 4. — С. e12155.
2. Guldenmund F. W. The nature of safety culture: a review of theory and research //Safety science. — 2000. — Т. 34. — №. 1-3. — С. 215-257.
3. Cooper M. D. Navigating the safety culture construct: A review of the evidence //B-Safe Management Solutions Inc. — 2016.
4. Casey T. et al. Safety climate and culture: Integrating psychological and systems perspectives //Journal of occupational health psychology. — 2017. — Т. 22. — №. 3. — С. 341.
5. Родионова Е.А. и др. Отношение к профессиональному здоровью как фактор безаварийности водителей-дальнобойщиков: материалы II Межд. науч.-практ. конф. Архангельск: Издательство РАО, С.152-154. — 2019"

Тезисы подготовлены при поддержке гранта РФФИ, номер проекта 18-013-00568

Куклина М.В.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Круглов В.Г.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Юмор в потребительских отзывах

Потребительские отзывы, юмор, стили юмора, личные ценности, самооценка

В настоящее время, потребители, принимая решение о покупке продукта, гораздо чаще опираются на интернет-отзывы, чем на традиционные СМИ. Пользовательский контент в форме интернет-обзора оказывает значительное влияние на решение о покупке потребителем [3]. Механизмы влияния юмора на потребительское поведение на данный момент изучены недостаточно, а результаты исследований часто расходятся. Как следствие, эффективность юмора в маркетинговых коммуникациях часто ставится под сомнение [4]. Вместе с тем, юмор может поднимать престиж источника сообщения и обеспечивать хорошее настроение [1]. Род Мартин выделяет следующие стили юмора: аффилиативный, самоподдерживающий, агрессивный и самоуничижительный [2]. Логично предположить, что отзыв лучше воспринимается, когда стиль использованного в нем юмора соответствует индивидуальным предпочтениям и характеристикам читателя.

Цель данного исследования заключалась в том, чтобы определить факторы эффективности использования юмора в потребительских отзывах социальных медиа. На первом этапе были отобраны 36 юмористических высказываний, содержащихся в реальных отзывах о смартфонах, обнаруженных в социальных медиа. Эти высказывания были оценены шестью экспертами по степени соответствия отдельным стилям, а также по качеству юмора. Были разработаны 5 стимульных наборов, соответствующих 5 экспериментальным условиям. Юмористические отрывки текста варьировались по схеме «латинского квадрата» для пяти отобранных отзывов о разных моделях смартфона. Каждый стимульный набор представлял собой пять текстов: четыре включали в себя юмористическое высказывание определенного стиля, и один текст не содержал юмористического высказывания. На втором этапе был проведен опрос с использованием этих наборов.

Выборку исследования составили интернет-пользователи от 18 до 30 лет — всего 288 человек: 202 женщины и 86 мужчин. По мере привлечения, респонденты случайным образом распределялись по пяти экспериментальным условиям, в которых варьировались: (1) различные по содержанию тексты отзывов, (2) юмористические высказывания. Респондентам предлагалось ознакомиться с потребительскими отзывами и оценить каждый текст по степени его привлекательности, вызываемого доверия, и полезности. Для оценки индивидуальных характеристик испытуемых были использованы следующие методики: опросник на чувство юмора Свебака; шкала Зайчковски для оценки вовлеченности; шкала Лакшманана и Кришнана для оценки уровня знаний о смартфонах; шкала Розенберга для определения уровня самооценки; методика оценки ценностных ориентаций Ш. Шварца («Профиль личности»); вопросник для оценки социально-демографических характеристик.

Результаты исследования позволили сделать вывод о том, что:

1) Соответствие стиля юмора ценностям реципиента повышает оценки потребительского отзыва, в котором используется такой юмор, но только для респондентов с менее высокой самооценкой. Аффилиативному юмору соответствует ценность доброты (по Т-критерию Стьюдента, достоверность различий составила $p=0,01$), а агрессивному юмору соответствует ценность власти (по Т-критерию Стьюдента, достоверность различий составила $p=0,002$).

2) Включение в текст отзыва юмористических высказываний в целом приводит к некоторому снижению воспринимаемой полезности таких отзывов, за исключением отзывов с аффилиативным юмором.

1. Мартин Р., Психология юмора / Пер. с англ. Под ред. Л. В. Куликова. — 489 с.
2. Мозер К., Психология маркетинга и рекламы / Пер. с нем. —Х.: Изд-во Гуманитарный Центр, 2004, — 380 с.
3. Cheung, C. M. K., & Thadani, D. R. (2012). The impact of electronic word-of-mouth communication: A literature analysis and integrative model. *Decision Support Systems*, 54, 461–470.
4. Spielmann Nathalie, (2014) ""How funny was that? Uncovering humor mechanisms"", *European Journal of Marketing*, Vol. 48 Issue: 9/10, pp.1892-1910

Самооценка и удовлетворенность работой как предикторы инициативности в Agile-командах

Agile-команды, проактивное поведение, теория «требований-ресурсов», личностная инициативность

Agile-команды разработчиков ПО являются примером самоорганизующихся команд, предполагающих личную ответственность за распределение задач, разрешение технических проблем, организацию коммуникаций. Среди различных форм проактивного поведения выделяется конструкт личностной инициативности (Personal Initiative, Frese, Fay, 2001), который описывает поведение с независимой от внешних побудителей направленностью (self-starting) и стремлением к преодолению трудностей, возникающих на пути к достижению цели. Теория «требований-ресурсов» предполагает, что мотивация проактивного поведения работника формируется на основе представления, с одной стороны, о собственной эффективности и высокой оценке своего «психологического капитала», а с другой — высокой оценке ресурсов рабочей среды (Bakker A.B., Demerouti E., 2017).

В исследовании проактивности членов Agile-команд проверялась гипотеза о значении личностного ресурса — самооценки (Baloch T., 2019) и оценки ресурсов рабочей среды — показателей удовлетворенности трудом и командой, как предикторов инициативности (ВКР, Валеева Р.Р., 2020).

Выборка: 113 программистов и руководителей (scrum-master/project owner/manager) Agile — команд, использующих фреймворки: Scrum — 51 ч., Kanban — 34 ч., Lean — 12 ч., и другие; стаж работы: 1 — 5 лет; возраст: 23 — 42 года.

Методы. «Шкала личностной инициативности» (Personal Initiative, Frese M., 1997), в адаптации каф. эрг. и инж. психологии, Маничев, 2019; «Шкала базового самооценивания» (CSE, Judge T., 2003), адаптация — Маничев, Лепехин, Ильина, 2019; «Удовлетворенность работой» (А.С. Розанова, 1999); вопросы анкеты: 1. Насколько вы удовлетворены работой своей команды (группы) разработчиков; 2. Оцените свое желание продолжать работу в той команде разработчиков (группе), в которой работаете на данный момент; порядковая шкала от 1 до 5.

Результаты. Дисперсионный анализ. Фактор должности: у руководителей команд показатели инициативности, самооценки, удовлетворенность командой превышают показатели рядовых членов команд на уровне значимости $p < 0,001$, а показатель «желание продолжать работу в команде» — на уровне $p < 0,02$.

Корреляционный анализ. Взаимосвязь показателя инициативности: с самооценкой, $r = 0,786$; с удовлетворенностью трудом, $r = 0,593$; с удовлетворенностью командой, $r = 0,323$ ($p < 0,001$); с желанием продолжать работу в данной команде, $r = 0,237$ ($p < 0,01$), а также стажем работы, $r = 0,715$; возрастом, $r = 0,546$ ($p < 0,001$).

Регрессионный анализ. Самооценка как предиктор инициативности: линейная регрессия, ск. $R^2=0,615$, $\beta = 0,786$, $p < 0,001$. Показатели удовлетворенности как предикторы инициативности: множественная регрессия (пошаговый метод). Модель 1:

предиктор — удовлетворенность трудом: $R = 0,593$, ск. $R^2=0,346$, $\beta = 0,593$, ($p 0,001$); модель 2, предикторы: удовлетворенность трудом, удовлетворенностью командой, $R = 0,613$, ск. $R^2=0,364$, β уд. тр. = $0,593$, β уд. ком. = $0,162$, ($p 0,042$).

Выводы. Модель «требований/ресурсов» подтвердилась на данной выборке. Обнаружена детерминированность персональной инициативности со стороны самооценки и удовлетворенности трудом. Для детального уточнения характеристик рабочей среды, стимулирующих проактивное рабочее поведение, необходимы дальнейшие исследования.

1. Frese M., Fay D. Personal Initiative (PI): A concept for work in the 21st century // Research in Organizational Behavior. 2001. № 23. С. 133 — 188.
2. Bakker A.B., Demerouti E. Job Demands-Resources theory: Taking stock and looking forward // Journal of Occupational Health Psychology. — 2017. — Т.22., — С. 273–285.
3. Baloch T., Nadeem M. S., Rehman M. Z. U. Impact of Employees Core Self-Evaluations on Employee Engagement: Moderating Role of Organizational Culture // Review of Economics and Development Studies. — 2019. — Т. 5. — №.2. — С. 303-314

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ: проект «Проактивное поведение в современном дизайне работы» № 19-013-00947

Супервизия как социальная функция

Супервизия, психология, психотерапия, профессиональное развитие, безопасность

В современном мире супервизионная деятельность имеет особое значение и выполняет ряд важных функций. Кроме общеизвестной роли наставничества и мерила профессиональной идентичности, супервизия обеспечивает систему стабилизации и совершенствования профессионального сообщества и способствует формированию доверия общества к соответствующей профессии и к её представителям.

В рамках построения гражданского общества супервизия является институтом формирования ответственности специалиста в отношениях с клиентами, между собой и гражданским обществом в целом

Функция экспертизы качества услуги супервизором предполагает, прежде всего, оценку безопасности в отношении: клиента, специалиста, общества в целом. Очевидно, что оказание услуг имеет не только индивидуальную, но и общественную ценность, консолидируя социальные группы.

В работе супервизора элемент экспертной оценки присутствует, в отличие, к примеру, от работы психолога, который, как правило, имеет безоценочную позицию. Однако супервизия — это не только экспертная оценка качества и допуск к работе.

Экспертная оценка непосредственно касается результатов профессиональной деятельности, в супервизии же оценке подвергается область эффективности оказания услуги, а также этичность взаимодействия, область, непосредственно связанная со специалистом и его микросоциумом, ресурсами развития личности специалиста и профессионального сообщества, коллегиальные и междисциплинарные взаимодействия.

Супервизия регулирует:

1. Подтверждение безопасности.
2. Подтверждения эффективности.
3. Соответствие специалиста той социальной роли, которую он взял на себя.

Супервизия как процедура — универсальная форма социального взаимодействия, которая возникает при наличии высокого уровня потребности в данной услуге и профессиональной личной ответственности лица, услугу оказывающего. Как правило, высокий уровень потребности в супервизии связан с необходимостью подтверждения безопасности этой услуги.

Супервизия как практика быстрее появляется в тех областях, где некачественно оказанная услуга может нанести вред клиенту, то есть потенциально опасна. В сфере медицинских услуг, где потенциальная ошибка специалиста может стоить клиенту жизни, супервизия является неотъемлемым элементом профессионального контроля.

Супервизоры с их социальными функциями — характерный элемент гражданского общества. В гражданском обществе скорость стандартизации, скорость изменения критериев эффективности многократно выше, так как она автоматически

стремится к условно естественному ритму формирования социальной системы и изменению оказания услуги, как части социальной системы. Общество стремится постоянно улучшать качество услуг.

Итак, супервизоры концентрируют новые знания. Профессиональное сообщество спланируется благодаря супервизии. В доинформационную эпоху профессиональное сообщество было вынуждено меняться в связи с внешними влияниями, в постиндустриальном обществе оно трансформируется изнутри. Постиндустриальное общество отличается тем, что каждый индивид имеет приоритет гражданской позиции и выстраивает свою идентичность в отношении к обществу. Каждый член профессионального сообщества сам является членом гражданского общества и способен быстрее принимать необходимые для развития решения.

1. Bernard, J., & Goodyear, R. (1998). *Fundamentals of Clinical Supervision* (2nd ed.). Needham Heights, MA: Allyn & Bacon.
2. Булюбаш И. Д. Основы супервизии в гештальт-терапии. М.: Институт Психотерапии, 2003.
3. Винер Дж., Майзен Р., Дакхэм Дж. «Супервизия супервизора. Практика в поиске теории». М.: Когито-центр, 2006.
4. Залевский Г. В. Супервизия: практика в поисках теории // Сибирский психологический журнал. 2008. № 30.
5. Кулаков С. А. Супервизия в психотерапии. СПб.: «Вита», 2004.

Проактивное поведение в agile — командах

Организационные изменения в настоящее время становятся непрерывным и постоянным процессом, в который вовлекается практически весь персонал. Изменения в организации могут проводиться «сверху» — по воле менеджмента компании. Изменения могут осуществляться и «снизу» — спонтанно, проактивно, по воле самих работников. Идеальный случай — когда работники проявляют проактивное поведение, и существуют организационные формы, которые интегрируют эти инициативы в целенаправленные изменения продукта и технологий. Примерами таких форм могут быть различные фреймворки Agile.

Проактивное поведение в самом общем его понимании проявляется в том, что сотрудники предпринимают инициативы, чтобы предвидеть и создавать изменения в работе, связанные с растущей неопределенностью и динамичностью условий, технологий и требований деятельности [1].

Проактивное поведение на индивидуальном уровне может иметь две формы:

- проактивность (в общем контексте модели требований-ресурсов Беккера и Демерути), как поведение, которое позволяет работнику справиться с высокими требованиями рабочей ситуации и сохранить позитивное эмоционально-мотивационное состояние. Проактивность понимается как индивидуальное, целенаправленное поведение, направленное на управление физической и психической энергией для обеспечения оптимального функционирования человека на работе [2]. В этом случае проактивность фактически является копингом, основное назначение которого — овладение с трудными рабочими ситуациями.

- личная инициатива (модель личной инициативы Фрезе), когда работник, сталкиваясь с изменениями в деятельности или прогнозируя возможные изменения, перепределяет свои задачи и ищет новые способы и условия эффективного исполнения работы. Личная инициатива рассматривается в контексте теории действия как процесс собственно исполнения работы, самоуправляемый и самоиницируемый, позволяющий преодолевать препятствия для достижения цели [3]. Инициатива — поведение, направленное на повышение продуктивности работы.

В проведенном эмпирическом исследовании проверялась гипотеза о том, что уровень проактивности работника связан с уровнем развития agile — команд, членом которой он является. Кроме ситуативной переменной — уровня развития команды, учитывались и личностные характеристики работников. В исследовании участвовало 142 респондента, работающие в составе 18 agile — команд в 5 организациях. Уровень развития agile — команд оценивался с помощью опросника M. Applebaum, разработанного на основе модели развития команд S. Kozlowski [4]. Личностные черты оценивались с помощью Big Five Inventory в адаптации С. А. Щебетенко [5]. Формы проактивности измерялись с помощью шкалы личной инициативы (Frese, M., Fay, D., Hilburger, T., Leng, K., Tag, A., 1997) и шкалы проактивности [2].

Построены модели регрессии инициативы (скорректированный R-квадрат = 0,301) и проактивности (скорректированный R-квадрат = 0,331) на характеристики уровня развития команд и личностные особенности членов команд.

Общими предикторами инициативности и проактивности оказались такие характеристики уровня развития команд как уровень планирования (цели, распределение задач, стратегия продвижения в разработке продукта), уровень эффективности командной работы (исполнение договоренностей, ответственность, разрешение противоречий, уровень навыков, качество решений), уровень обратной связи. Позитивным личностным фактором оказалась экстраверсия как одно из проявлений пластичности поведения (входит во вторичный фактор пластичности биг файв).

Проактивность как копинг, зависит, кроме того, от уровня взаимопонимания и взаимной поддержки членов команд (взаимодействие с лидерами, возможности профессионального развития, общее видение задач, взаимопонимание и поддержка в трудных ситуациях).

Подводя итоги исследования, можно сделать следующие выводы.

1) Проактивность как копинг и инициативность как повышение продуктивности деятельности связаны с уровнем планирования, исполнения работы и обратной связи в agile — командах. Более высокий уровень организации исполнения рабочих задач в командах, таким образом, облегчает проявление обеих исследованных форм проактивности.

2) Проявления проактивности как копинга связаны с более высоким уровнем взаимопонимания и поддержки в командах.

3) Проактивность и личная инициатива членов команд выше у членов команд с более пластичным поведением (экстравертов).

1. Grant, A. M., Parker, S. K. (2009). Redesigning work design theories: The rise of relational and proactive perspectives. *Academy of Management Annals*, 3: 317-375.
2. Op den Kamp, E., Tims, M., Bakker, AB, & Demerouti, E. (2018). Proactive vitality management in the work context: development and validation of a new instrument . *European journal of labor and organizational psychology*, 27, 493-505.
3. Frese, M., & Fay, D. (2001). Personal initiative (PI): An active performance concept for work in the 21st century. In B.M. Staw & R.M. Sutton (Eds.), *Research in Organizational Behavior*. Vol. 23, pp. 133-187
4. Kozlowski, S., Gully, S. M., Nason, E. R., & Smith, E. M. (1999). The changing nature of work performance: Implications for staffing, personnel actions, and development. San Francisco, CA: Jossey-Bass.
5. Shchebetenko, S. (2014). "The best man in the world": Attitudes toward personality traits. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 11(3), 129-148. Retrieved from http://psy-journal.hse.ru/data/2015/02/24/1090738157/Shchebetenko_3_2014_129_148.pdf.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ: проект «Проактивное поведение в современном дизайне работы» № 19-013-00947

Марищук Л.В.
Беларусь, Минск, Научно-исследовательская часть, ГУО «Институт пограничной службы Республики Беларусь»

Яценко И.В.
Беларусь, Минск, Научно-исследовательская часть, ГУО «Институт пограничной службы Республики Беларусь»

Нравственные качества и нравственная надежность офицеров

Нравственные качества, нравственная надежность, офицеры

Профессиональная надежность офицеров органов пограничной службы Республики Беларусь как системная характеристика личности обеспечивает способность выполнять задачи по предназначению, не допуская срывов деятельности, в условиях различной степени сложности, вплоть до экстремальных. Системообразующим фактором многоуровневой системы профессиональной надежности выступает нравственная надежность — обеспечивающая сохранение социально одобряемых ценностных ориентаций, как регуляторов поведения, и нравственных качеств (НК) личности, принимаемых профессиональным сообществом, в условиях различной степени сложности, вплоть до экстремальных. Механизм обратной связи — успешность профессиональной деятельности офицеров-пограничников.

Проведено психологическое исследование НК, обеспечивающих нравственную и профессиональную надежность офицеров. Исследование проводилось с помощью опросного листа, в который вошли 55 пар (антиподов) НК, отобранных по результатам теоретико-библиографического анализа по проблеме нравственности и НК военнослужащих и классифицированных в 9 групп. Экспертам предлагалось оценить значимость НК по семибальной шкале. Сопоставление уровней значимости НК в эталонах с учетом исследуемых специальностей, устанавливаемое с помощью критерия Н–Краскала–Уоллеса, показало, что значимость НК для успешности профессиональной деятельности (ПД) офицеров является одинаково выраженной в эталонах всех исследуемых специалистов — НК универсальны.

Наиважнейшими стали качества, характеризующие верность и преданность Отечеству и воинской службе. Большинство НК являются обязательными (21,82%) и рекомендованными (69,09%). Обязательны: патриотизм; ответственность и чувство долга; дисциплинированность, добросовестность, трудолюбие; войсковое товарищество и боевая дружба. Наиболее широко представлены качества морального регулирования поведения и морально-деловые качества.

С целью реконструкции структуры психологического пространства значимости НК применялся метод многомерного шкалирования оценок экспертов. Расположение НК относительно измерения 1 (оси абсцисс) в двухмерном пространстве (критерий каменной осыпи Кеттелла) позволило подтвердить описанную с помощью одномерных методов структуру НК, обязательных или противопоказанных для успешности ПД, выявить особенность, которую одномерный метод обработки данных не определил. Отдельно от нравственных антиподов (между полюсами положительных и отрицательных качеств) находятся НК и их антиподы: верность Отечеству, верность Военной присяге и воинскому долгу — измена Отечеству, измена Военной

присяге и воинскому долгу; патриотизм и национализм, принципиальность и беспринципность, интернационализм и шовинизм, а также НК и антиподы, не являющиеся парными: верность, взыскательность, войсковое товарищество и боевая дружба, коллективизм, идейность, моральная активность (способность к самоотверженности и готовность к подвигу во имя общего блага), простота, прямота, скромность, целеустремленность, чувство долга, трусость, самоуверенность, уступчивость, снисходительность. Следовательно, в субъективном психологическом пространстве экспертов эти качества тесно взаимосвязаны и находятся отдельно от остальных, что свидетельствует в пользу их отдельной, особой значимости для успешности ПД, и, следовательно, надежности нравственной.

Результаты психографического исследования свидетельствуют, во-первых, об универсальности НК для успешности профессиональной деятельности офицеров-пограничников различных специальностей; во-вторых, об особой значимости ряда НК, среди которых характеризующие верность и преданность Отечеству и воинской службе — наиважнейшие НК пограничников, обеспечивающих профессиональную и нравственную надежность.

Личностно-ролевой конфликт как фактор, влияющий на субъективное благополучие субъекта профессиональной деятельности

Личностно-ролевой конфликт, субъективное благополучие, «Я», профессиональная роль

Неудовлетворённость своей работой, занимаемой должностью, несоответствие индивидуальных особенностей человека и выполняемой им профессиональной роли — факторы, свидетельствующие о невысокой выраженности такого качества, как ощущение субъективного благополучия. Субъективное благополучие как интегративное и особо значимое переживание оказывает постоянное влияние на различные параметры психического состояния человека и, как следствие, на успешность поведения и продуктивность деятельности (Трошихина, Манукян, 2017). Известно влияние таких факторов как статус, социальная цена профессии, а так же то, как этот статус воспринимается его носителем. В сообществах с традиционно высоким социальным статусом профессии, профессиональная идентичность выступает как ведущий фактор психологического благополучия (Ермолаева, 2001).

Цель исследования — проследить как степень выраженности «Я» — ролевого согласия влияет на субъективное благополучие в группах с разным социальным статусом профессий. Выборка составила 100 человек в возрасте от 18 до 48 лет: учителя общеобразовательных школ (N=50); менеджеры (N=50). Методический комплекс: методика С.И. Ериной «Диагностика уровня ролевого конфликта в деятельности управленца»; опросник «Шкала субъективного благополучия» в адаптации М.В. Соколовой. Статистическая обработка результатов проводилась с применением пакета STATISTICA. Использовался непараметрический критерий U Манна-Уитни, корреляционный анализ Спирмена.

По результатам исследования состояний психологического конфликта в ходе выполнения социальной роли в условиях несовместимых требований и ожиданий к ролевою исполнителю выявили преобладание личностно-ролевого конфликта в группе педагогов, различия достоверны ($U=858$, $Z=2.73$) на уровне значимости $p < 0,001$. Это подтверждает, что в группе менеджеров характеристики «Я» в большей степени совпадают с требованиями роли, нежели в группе педагогов. Иными словами, менеджеры внутренне более тождественны со своей профессиональной ролью, комфортней ощущают себя в ней. В исследуемых группах были выявлены значимые различия в выраженности субъективного благополучия. Достоверность различий по группам, ($U=673.5$, $Z=3.98$) на уровне значимости $p < 0,001$. Результаты в группе менеджеров говорят об умеренном эмоциональном комфорте, они не испытывают серьёзных проблем, достаточно уверены в себе, активны, успешно взаимодействуют с окружающими, адекватно управляют своим поведением. Группа педагогов, где «Я» и роль в большей степени неконгруэнтны характеризуются низкой выраженностью

субъективного благополучия, непреодолимые трудности у них отсутствуют, но и о полном эмоциональном комфорте говорить нельзя. В группе педагогов была выявлена отрицательная корреляция между выраженностью субъективного благополучия и ролевого конфликта ($r=-0.44$, $P<0.01$), что свидетельствует о том, что высокая выраженность ролевого конфликта снижает ощущение субъективного благополучия.

Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что существуют различия в согласованности «Я» и роли в профессиях с разным социальным статусом. Ролевые исполнители с низким личностно-ролевым конфликтом обладают большей выраженностью субъективного благополучия, считают себя более счастливыми, удовлетворены своей работой и занимаемой должностью. Несоответствие индивидуально-личностных особенностей субъекта и выполняемой им профессиональной роли — это фактор, способствующий снижению ощущения субъективного благополучия.

1. Трошихина Е.Г., Манукян В.Р. Тревожность и устойчивые эмоциональные состояния в структуре психоэмоционального благополучия // Вестник СПбГУ. Серия 16: Психология. Педагогика. 2017. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/trevozhnost-i-ustoychivye-emotsionalnye-sostoyaniya-v-strukture-psihoemotsionalnogo-blagopoluchiya> (дата обращения: 10.06.2020).
2. Ермолаева, Е. Психология профессионального маргинала в социально-значимых видах труда / Е. Ермолаева. — Текст: непосредственный // Психологический журнал. 2001. №5. С.69-78.

Мотивы и тактики переговорного процесса: психосемантический анализ

Переговоры, мотивы, тактики, психосемантика, мотив аффилиации, мотив власти, мотив достижений, кооперация, конкуренция

В современном мире в связи со стремительной глобализацией все большую значимость приобретают переговоры между двумя и более сторонами. Переговоры и переговорный процесс становятся все более значимы в урегулировании социальных, политических и экономических конфликтов. В переговорах мотивация выступает как звено, которое предопределяет действия личности, обуславливает выбор конкретных тактик и определяет ход переговоров. Таким образом, изучение мотивов личности переговорщика необходимо для того, чтобы помочь переговорщикам выстраивать свою переговорную линию таким образом, чтобы добиться лучшего исхода переговоров.

Мотивационный профиль переговорщиков был исследован с помощью психосемантических методик схемы и парадигмы которых разработаны В.Ф. Петренко [3]. Так в первой методике роли и амплуа участников переговорного процесса сопоставлялись с мотивами переговорщиков [1,2], во второй методике те же роли и амплуа сопоставлялись с различными действиями и тактиками, применяемые в процессе переговоров [4]. Третья методика сопоставляла мотивы из методики 1 и действия/тактики из методики 2.

Были выявлены категориальные системы мотивов и тактик, соотнесены этих категорий между собой и с типическими ролями переговорного процесса, различающимися по побуждающим их мотивам и применяемым ими стратегиям.

Исследование проводилось в г. Ташкенте на русскоязычной выборке. Всего участвовало 70 респондентов — профессиональных переговорщиков. В результате анализа эмпирических данных все мотивационные конструкторы были сгруппированы в три базисных фактора: Аффилиации, Власти, Достижения. Переговорщик, имеющий мотив аффилиации, приобретает позитивный образ у общества. Мотив власти больше всех атрибутирован переговорщикам, реализующим роли конкурента/соперника, подчиненного, предпринимателя и специалиста. Позитивная оценка роли не коррелирует с приписываемыми им мотивами власти и достижения.

Действия и тактики, используемые переговорщиками в процессе переговоров, оказались сгруппированными в 5 факторов, три из которых это конкуренция в разных стилях:

«по-японски» — включает тактики, направленные на то, чтобы обходными путями вынудить оппонента на уступку, все воздействия происходят косвенно, абсолютно не директивно, что характерно как раз для японской культуры);

«по-бандитски» — включает действия деструктивного, иногда криминального характера;

«по-лондонски» — включает действия характерные для конструктивного, рационального поведения на переговорах.

Еще два фактора отражают кооперативное поведение. Кооперацию с верхней позиции, по мнению респондентов предпочитает одобряющий переговорщик, который предлагает решения и считает, что его слово имеет не меньшее значение, чем договор, он как бы принимает позицию сверху и настроен на кооперацию. Все тактики, вошедшие в другой фактор, говорят о стремлении к кооперации, но с позиции ведомого, которой обычно придерживаются переговорщики с позиции снизу. Поэтому, этот фактор был назван кооперацией с нижней позиции.

Полученные результаты, по нашему мнению, позволяют улучшить ориентировку собеседников в ситуации переговоров, а также выработать эффективные тактики и стратегии поведения с учетом специфики наблюдаемых поведенческих и мотивационных паттернов. Результаты данного исследования могут быть также применены не только переговорщиками, но и медиаторами, выступающих в качестве посредников, в различных сферах переговорной деятельности.

1. Евдокименко А.С. Диагностика мотивационного профиля личности в переговорной ситуации: дисс. на соиск. уч. степени канд. психол. наук. МГУ им. М.В. Ломоносова, М., 2010.
2. Митина О.В., Евдокименко А.С. Опыт психосемантической реконструкции смыслового поля участников целенаправленного общения //Психология субъективной психосемантики в новом тысячелетии: Тезисы докладов Всероссийской научной конференции. М.: Смысл, 2010. С. 53-56.
3. Петеренко В.Ф. Основы психосемантики. 2-е изд., доп. СПб.: Питер, 2005.
4. Шеллинг Т. Стратегия конфликта /Пер. с англ. М.: ИРИСЭН, 2007.

Эмпирическое исследование взаимосвязи стратегического мышления с типом реагирования личности на изменения у медицинских работников

Стратегическое мышление, Готовность к изменениям, организационные изменения, стили реагирования на изменения у медицинских работников, особенности профессиональной сферы медицины

Поиск способов развития стратегического мышления и методов построения работающей стратегии — область изучения многих исследователей, психологов, управленцев, экономистов и бизнесменов. Но наряду с данными сферами деятельности не стоит забывать про другие профессиональные ниши. Например, медицина — важная структура для общества. Медицинская профессиональная деятельность также требует современного управления. Данная работа направлена на выявление взаимосвязи стратегического мышления с типом реагирования личности на изменения у медицинских работников.

Т. Ю. Базаров и М. П. Сычева провели несколько исследований и в итоге выявили типа реагирования на изменения: отрицание, переживание, обоснование, принятие. Личностные характеристики во многом определяют тип реагирования на изменения в рабочей структуре и жизни в целом.

В исследовании приняли участие 52 медицинских работника, которые уже находятся на заведующих должностях либо идут к этому. В работе используется методика на выявление стилей реагирования на изменения (методика Т. Ю. Базарова и М. П. Сычевой).

По результатам методики лидирующими оказались консервативный стиль реагирования и реализующий. Высокий уровень консервативного стиля выявлен у 60% респондентов. Такие личности характеризуются негативным отношением к изменениям. Изменения представляются ненужными для общей системы и иногда вредными. Обладают некоторой ригидностью и сложностью с перестройкой на новое понимание. Наряду с данным стилем располагается реализующий стиль реагирования (62% выборки). Общая характеристика стиля отмечает наличие понимания причин, для чего внедряются изменения. Происходит принятие перемен как необходимости. Поиск методов их внедрения и приспособления для эффективного пользования. Избирательны в новых идеях, однако принимают нововведения легче, чем неэффективную стабильность. Значения группы медиков высокие, следовательно, реализующий тип является эффективным и распространенным среди профессии.

Кроме данного был проведен анализ в программе SPSS на различия в стилях реагирования между мужчинами и женщинами. Результат анализа показал, что различий между полами нет. По всем четырем стилям реагирования Дв. Значимость

больше 0,05. Значения объясняются особенностями профессии и развивающимися профессиональными качествами. Функционал и отношение к специалисту не делится на отдельные части мужского и женского. Следовательно, гендерный аспект не влияет на особенности реагирования на изменения.

Таким образом, одна из характерных черт — нейтральное либо негативное отношение к изменениям с целью сохранения старого порядка. При этом способность к прогнозированию и аналитическое мышление, характерное для управленца, достаточно развито. У большей половины (62%) сформировалось избирательное реагирование на изменения, где последние рассматриваются либо как возможность улучшения системы, либо как угроза устоявшемуся порядку. Такая особенность выявляет наличие логического мышления и наличие качеств руководителя, который ответственен за принятия решений в сторону организации. В целом для медицинской системы управления данные типы реагирования и профили личности удовлетворяют реализацию рабочего функционала. Однако для развития всей системы управления и медицинской сферы в целом, скорее всего, может возникнуть нехватка человеческих ресурсов и возможностей. Одна из причин такой нехватки будет реагирование на изменения как на негативное явление или как на угрозу работающей системе. Тогда новые возможности развития и внедрения нововведений не представляются ценными, необходимыми и реальными.

1. Халитова, И. В. Организационная готовность к изменениям: социально-управленческие механизмы и технология управления: дисс ... к. соц. н.: 22.00.08 // Московский педагогический государственный университет, 2016 — 136 с.
2. Базаров Т. Ю. Стили реагирования персонала на организационные изменения: методика измерения / Т. Ю. Базаров, М. П. Сычева // Психологические исследования. 2017. — С. 22-40.

Поддержание и коррекция процессов операторской работоспособности в рамках мероприятий психофизиологической поддержки работников Ростовской АЭС

Надёжность человеческого фактора, психические процессы, процессы операторской работоспособности, мероприятия психологической и психофизиологической поддержки, программа поддержания и коррекции, внимание, память, психоэмоциональная нагрузка

Эффективность атомных станций основывается на надёжной и безопасной эксплуатации АС, что является основополагающим фактором конкурентного преимущества Российской атомной энергетики на мировом уровне. Основная цель создания и деятельности лаборатории психофизиологического обеспечения (ЛПФО) — практическое решение комплексных задач по повышению и поддержанию должного уровня надёжности человеческого фактора, для предупреждения ошибок персонала и обеспечения безопасной и эффективной работы предприятия. Одним из признаков профессиональной деятельности является уровень сформированности профессионально важных психологических и психофизиологических качеств работников. Именно поэтому сформированность таких психических процессов, как внимание и память, играют огромную роль в обеспечении безопасной эксплуатации атомной станции.

Специалистами ЛПФО Ростовской АЭС разработана и успешно внедряется «Программа поддержания и коррекции процессов операторской работоспособности» при проведении мероприятий психологической и психофизиологической поддержки (ППП). Работоспособность — это свойство человека, оно определяется состоянием психических и физиологических функций и характеризует способность выполнять профессиональную деятельность с требуемым качеством, в любых условиях, в течение определенного интервала времени.

Основные методы работы, используемые в ходе мероприятий ППП — аутогенная тренировка, психокоррекционные упражнения по поддержанию операторской работоспособности, звукотерапия, цветотерапия, светотерапия, ароматерапия, глубокая мышечная релаксация с использованием релаксационных массажных кресел. Программа является системой целенаправленно выстроенных методов, направленных на снятие психоэмоционального напряжения, обучение навыкам приведения собственного организма в состояние биологического равновесия в сочетании с упражнениями на поддержание внимания и памяти.

Программа прошла апробацию и успешно используется с категорией персонала, включенного в «Группу риска» по результатам диагностики. Психологами проведен анализ данных диагностики в рамках ЛПФО, входного и выходного контроля и результатов текущего мониторинга выполнения заданий персоналом на протяжении курса мероприятий ППП. В оценку эффективности вошли результаты статистической обработки данных по показателям процессов операторской работоспособности, таких

как устойчивость, концентрация, переключаемость и помехоустойчивость внимания, оперативная память, объем памяти с критериями по количеству отвлечений, ошибок и среднего времени, затраченного на выполнение задания. Полученные данные свидетельствуют о том, что существуют статистически значимые различия в уровне выраженности процессов операторской работоспособности у персонала до и после прохождения мероприятий ППП. Выявлено наличие общей положительной динамики у 67% персонала. Отмечается повышение устойчивости, концентрации, переключаемости внимания, улучшение качества и повышение объема памяти, снижение кол-ва ошибок, отвлечений и времени, затраченного на выполнение задания. Работники отмечают повышение общего тонуса (86%), улучшение физического самочувствия (83%), улучшение настроения (82%), снижение эмоционального напряжения (78%), повышение физической работоспособности (62%), снижение утомляемости (61%), улучшение умственной работоспособности (55%). Отрицательной динамики не выявлено. На основании данных апробации сделаны выводы о том, что существуют статистически значимые позитивные изменения процессов операторской работоспособности (внимание, память).

Данные выводы указывают, что проведение мероприятий в зале психоэмоциональной разгрузки ЛПФО с использованием инновационной интерактивной сенсорной среды комнаты психологической разгрузки и «Программы поддержания и коррекции процессов операторской работоспособности» подтверждают эффективность применяемых методов психологической и психофизиологической поддержки персонала объекта использования атомной энергии.

Мищенко Т.А.
Волгодонск, Лаборатория психофизиологического обеспечения филиала ОАО «Концерн
Росэнергоатом» «Ростовская атомная станция»

Невечера О.В.
Волгодонск, Лаборатория психофизиологического обеспечения филиала ОАО «Концерн
Росэнергоатом» «Ростовская атомная станция»

Психофизиологическая поддержка работников, как часть системы обеспечения профессиональной надежности персонала Ростовской АЭС

Психофизиологическая поддержка, профессиональная надёжность, сеансы психоэмоциональной разгрузки, стрессоустойчивость, программы групповых/индивидуальных мероприятий поддержки, восстановление работоспособности

Лаборатория психофизиологического обеспечения (ЛПФО) является структурным подразделением службы персонала Ростовской атомной станции и её работа подчинена единственной цели — свести к нулю вероятность негативного влияния человеческого фактора и обеспечить надежную и безопасную работу атомной станции. Характер деятельности оперативного персонала связан с воздействием стрессовых факторов, таких как высокая личная ответственность и психоэмоциональное напряжение, работа в условиях дефицита времени и многозадачности, необходимость поддержания высокой работоспособности в режиме монотонной деятельности и в ситуациях быстрого перехода к режиму экстренного реагирования.

В число основных задач ЛПФО входит проведение мероприятий психологической и психофизиологической поддержки персонала (ППП) с целью: восстановления и поддержания уровня психологического и психофизиологического состояния и функциональных резервов; развития и поддержания необходимого уровня профессионально важных личностных качеств (ПВЛК); профилактики нервно-психического напряжения; повышения стрессоустойчивости.

Выполнение этих задач начинается с проведения оценки психологического и психофизиологического состояния работников в рамках психофизиологического обследования (ПФО) для определения актуального состояния работников и разработки программы групповых/индивидуальных мероприятий ППП. По результатам оценки выносятся итоговое заключение с учетом признаков наличия отклонений (снижения уровня функциональных возможностей организма, профессиональной работоспособности, показателей внимания, памяти, темпа умственной работы, скорости и точности двигательных реакций). Персонал с выявленными неблагоприятными особенностями включается в «Группу психологической и психофизиологической поддержки» для которой разрабатываются и реализуются программы ППП, организуются реабилитационно-оздоровительные мероприятия. Мероприятия ППП проводятся в специально оборудованных помещениях, отвечающих требованиям конфиденциальности, комфорта, звукоизоляции и могут быть организованы групповым и/или индивидуальным методом.

К индивидуальным формам поддержки относится консультирование персонала и членов семей в решении профессиональных, личностных, семейных проблем с использованием различных методов (арт-терапии, символдрамы, когнитивно-поведенческой терапии, гештальт-терапии). Так же к индивидуальным формам поддержки относятся тренинги на основе биологической обратной связи (БОС–тренинги) направленные на нормализацию функционального состояния организма, повышение адаптационных возможностей и стрессоустойчивости, оптимизацию психоэмоциональной сферы. Они реализуются по принципу «физиологического зеркала» благодаря чему появляется возможность видеть нюансы изменения своего состояния, обучаться приемам управления и закреплять новую стратегию поведения.

К групповым формам поддержки относится проведение сеансов психоэмоциональной разгрузки с использованием способов немедикаментозного восстановления работоспособности, освоения приемов саморегуляции и аутогенной тренировки, программ коррекции операторской работоспособности (внимание, память, мышление), упражнения на активизацию деятельности мозга (кинезиология) и т.д.. При проведении сеансов используются специально разработанные методики цвето- и светотерапии, звуко- и музыкотерапии, ароматерапии, глубокой мышечной релаксации средствами механического и воздушно-компрессионного массажа.

Для оценки качества и контроля динамики показателей ПВЛК проводится оценка эффективности мероприятий ППП с использованием психодиагностических методов и данных субъективных показателей работников. Результаты оценки качества и рекомендации отражаются в отчетах по оценке эффективности и предоставляются руководителям подразделений с соблюдением требований конфиденциальности.

Данная система позволяет своевременно выявлять, оперативно реагировать, предупреждать появление различных проблем у персонала и осуществлять эффективное взаимодействие между работником, психологом и руководителем, включенными в единый процесс обеспечения безопасной эксплуатации объекта использования атомной энергии.

Коммуникативные особенности HR-менеджера в ситуации организационного конфликта

Конфликт, коммуникация, личность

Организационные конфликты являются неизбежной реальностью любого коллектива на производстве или в учреждении. В тоже время они несут в себе мощный потенциал для развития компании.

Ключевой фигурой в этой ситуации является менеджер по персоналу. Именно от его грамотных действий зависит с какими потерями или приобретениями выйдут участники из сложной ситуации, будет ли конфликт затяжным. Конечно, лучшей стратегией поведения менеджера является создание условий для профилактики "" опасных "" столкновений. Следующей важной компетенцией является умение диагностировать начало конфликта на ранней стадии, когда возможно разрешение конфликта в 92 % случаев (на фазе подъема этот показатель будет почти в два раза меньше). Но если этого избежать не удалось, то найти конструктивные пути решения. Какие особенности поведения HR-менеджера имеют при этом значение?

Его отношение к сотрудникам. Относится ли он к ним как к инструменту достижения цели, обезличивание их, отсутствие эмпатии. Сотрудниками. В языке менеджера это может выражаться в безличных конструкциях, императивах. Слишком тесное сближение с сотрудниками, напротив, может помешать объективному подходу к разрешению конфликта. Здесь важно придерживаться "" золотой середины "" и соблюдать иерархию. Следующая стратегия поведения менеджера по персоналу в ситуации конфликта - поиск виноватого. Несмотря на явную неэффективность такого поведения, персонализация конфликта встречается довольно часто и проявляется в оскорбительных замечаниях в адрес конфликтующих сторон. Такое поведение является защитным механизмом, поэтому вызывает трудности при коррекции.

Важным качеством HR-менеджера является умение сделать правильную диагностическую оценку ситуации. Как идет эскалация конфликта, количество вовлеченных участников? И исходя из этого выбрать нужную стратегию поведения. Принятие стратегии поведения сотрудников по разрешению конфликта, если эти стратегии могут оказаться более эффективными, является профессиональным качеством. Вообще способность видеть и признавать свои ошибки характеризует зрелую личность. Менеджер с адекватной самооценкой не будет навязывать свой путь решения проблемы, если это ошибочный путь. Кроме человеческого ресурса, предметом труда в менеджменте является также информация. Умение "" читать "" и информацию, определить, где произошел обрыв информации, а где искажение также является важным для менеджера по персоналу. Таким образом, несмотря на наличие множества исследований по конфликтологии, тема особенностей поведения личности в ситуации конфликта требует более комплексного и глубокого понимания.

Психологические факторы готовности руководителей к прохождению коучинга

Коучинг, готовность, самоактуализация, осмысленность жизни, готовность к инновациям

Коучинг, на настоящий момент, является быстро развивающейся технологией развития во всем мире. А в современных условиях для руководителей важно использовать быстрые и эффективные методы своего развития, раскрытия, как своего потенциала, так и потенциала организации, для повышения эффективности деятельности. Важной частью процесса развития является сам клиент, от усилий и действий которого напрямую зависит результативность процесса коучинга. В том числе результат организационных изменений во многом также зависит от включенности субъекта в коучинг. В связи с этим возникает проблема готовности руководителей к прохождению в целях повышения эффективности деятельности организации.

Таким образом, целью исследования стало изучение психологических факторов готовности руководителей к прохождению коучинга.

Выборка составила 134 человека, из них руководителей высшего звена (директора и их заместители, собственники бизнеса, региональные менеджеры и их заместители) — 58 человек, руководителей среднего звена управления (руководители отделов, направлений, подразделений, групп и их заместители) — 76 человек. Среди всех участников исследования: мужчин — 38, женщин — 96. Стаж управленческой деятельности от 1 до 28 лет, средний стаж — 6,5 лет. Изучены: готовность к прохождению коучинга (авторская анкета), самоактуализация личности (тест САМОАЛ, Э. Шостром, адаптация Н.Ф. Калиной), смысложизненные ориентации (тест СЖО, Д. Крамбо, Л. Махолика, адаптация Д.А. Леонтьева), типы готовности к инновациям (И.О. Загашева).

На основе сочетания четырех показателей анкеты (знание о том, что такое коучинг, наличие консультации у коуча, готовность консультироваться у коуча и готовность уделять на это время) руководители были разбиты на две группы — готовые к прохождению коучинга (70 человек) и не готовые (64 человека). Было установлено, что руководители женщины в большей степени готовы к прохождению коучинга, чем мужчины.

Руководители готовые к прохождению коучинга имеют более высокий уровень самоактуализации личности ($p=0,000$) (в частности по таким параметрам самоактуализации, как ориентация во времени ($p=0,000$), ценности ($p=0,000$), креативность ($p=0,000$), спонтанность ($p=0,048$), самопонимание ($p=0,037$), аутосимпатия ($p=0,004$), контактность ($p=0,001$), гибкость в общении ($p=0,019$)), более высокий

уровень осмысленности жизни ($p=0,004$), а также более позитивно относятся к любому рода новшествам ($p=0,044$), готовы взять ответственность за новшество на себя ($p=0,007$), при условии профессиональной и личностной самореализации ($p=0,049$).

Корреляционный анализ показал, положительные взаимосвязи стажа работы руководителей с характеристиками самоактуализированной личности «ориентация во времени» ($r=0,310^{**}$) и «ценности» ($r=0,176^*$), и отрицательную взаимосвязь со смысложизненной ориентацией «локус контроля — Я» ($r=-0,173^*$).

Проведенное исследование показывает, что готовность руководителей к прохождению коучинга определяется высоким уровнем самоактуализации личности, осмысленности жизни, позитивным восприятием всего нового и готовностью взять ответственность за новшество на себя при условии личностной и профессиональной самореализации. А также, что женщины руководители в большей степени готовы к прохождению коучинга.

Полученные результаты можно использовать как для расширения теоретических знаний о коучинге, так и в практическом применении полученных данных — при формировании условий повышающих готовность руководителей к прохождению коучинга. Они могут быть полезны руководителям, HR специалистам, организационным психологам, коучам в осуществлении своей профессиональной деятельности.

Исследование ценностно-смысловых аспектов организационной культуры образовательных учреждений в контексте проблемы профессионального долголетия

Организационная культура, профессиональное долголетие, ценностно-смысловая регуляция, педагоги

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-013-00712

В современных условиях развития образования в России возрастает интерес исследователей и практиков к организационной культуре образовательных учреждений. Так, в организационной культуре видят ресурс повышения качества образования [Черниковская, 2011], условие качества профессиональной деятельности педагога, например, дошкольного образовательного учреждения [Медведникова, 2007], инструмент стратегического управления образовательной организацией [Ясвин и др., 2018], социально-психологический регулятор и инструмент формирования профессиональной идентичности учителей и трудовой мотивации выпускников школы [Шакурова, 2013], фактор развития образовательного учреждения [Спиридонова, 2013], и др.

В контексте исследования профессионального долголетия педагогов организационная культура образовательного учреждения рассматривается нами как важнейший фактор, определяющий направленность личности педагога на заключительном этапе профессионального развития. Проведенный ранее анализ научной литературы позволил выдвинуть гипотезу о содержании ценностно-смысловых аспектов организационной культуры, ориентирующей педагогов на длительную продуктивную деятельность, создающую условия для профессионального долголетия. Для проверки этой гипотезы в эмпирическом исследовании была разработана анкета, в которой выделены следующие блоки:

1) Коммуникативный, отражающий значимость для педагогов цивилизованных форм взаимодействия субъектов образовательной среды;

2) Личностный, отражающий наличие условий для непрерывного профессионального развития педагогов в контексте стратегии развития образовательного учреждения;

3) Интерактивный, отражающий наличие условий для накопления и трансляции опыта продуктивной профессиональной деятельности в рамках образовательной организации (наставничество и т.п.), ориентирующих учителей на различные формы кооперации, а также отсутствие конкурентных стратегии взаимодействия;

4) Эмоциональный, отражающий эмоциональное благополучие субъектов образовательной среды, положительный эмоциональный климат в организации в целом, преобладающий оптимистический настрой коллектива;

5) Продуктивный, отражающий ориентацию сотрудников и администрации на качественные, а не количественные показатели в работе.

Основные результаты исследования более 210 педагогов 16 ДОУ Волгоградской области можно свести к следующему:

1) Для педагогов с большим стажем работы важным оказывается наличие особой позиции в коллективе, которая: а) пользуется уважением других коллег, б) более дистанцирована от администрации (по сравнению с другими педагогами), в) получает безусловную поддержку своего стремления к саморазвитию, совершенствованию со стороны администрации, г) успешно выполняет функцию поддержки других сотрудников.

2) Педагоги-долгожители более чувствительны к позиции руководства в отношении критериев оценки эффективности их деятельности, а также к возможным ситуациям конкуренции с другими педагогами.

Подытоживая, можно сказать, что для фазы профессионального долголетьства в профессии наиболее адекватной ролевой позицией в структуре образовательной организации является особая позиция, которую можно обозначить термином «наставник». Правда, в настоящее время ее организационное и психологическое содержание в условиях образовательной реформы остается дискуссионным и нуждается в уточнении.

В целом, наши гипотезы о содержательных сторонах ценностно-смысловых аспектов организационной культуры ДОУ находят свое подтверждение и в эмпирическом исследовании. В тех образовательных организациях, которые создают адекватные условия для реализации указанной позиции «наставника», обеспечивается наиболее продуктивный сплав «молодости и опыта», позволяющий не только эффективно решать задачи обучения и воспитания дошкольников, но и создавать условия для профессионального долголетия педагогов.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-013-00712

Личностные черты в ситуационном контексте

Ситуационный контекст, поведение, личностные черты

В современном быстро изменяющемся мире изучение различных контекстуальных аспектов жизни и деятельности человека становится все более актуальным, поскольку без учета контекста ситуации невозможно прогнозировать поведение человека.

Разрабатывая таксономию ситуаций Тен Берг и де Раад опирались на необходимость исследовать черты личности в контексте конкретных ситуаций, поскольку контекст предполагает индивидуальные различия в проявлении поведения, связанного с данной чертой. В разных ситуационных контекстах одинаковое проявление в поведении одной и той же личностной черты может быть как уместным, так и неадекватным, т.е. ситуация задает границы проявления черты личности. В исследовании ситуаций с использованием описания личностных черт из Big Five и своей циркумплексной модели, авторы показали, что «ограничительные ситуации» ограничивают индивидуальные проявления, а «вызывающие ситуации» их стимулируют, т.е. ситуационная информация (контекст) улучшает прогноз проявления личностных черт в поведении человека в ситуациях, связанных с этими чертами [3].

В метаанализе Мейер и коллеги [2] утверждают, что слабая ситуация способствует проявлению разнообразия индивидуальных поведенческих реакций, а в сильной ситуации поведение людей более однородное, поскольку сильные ситуационные сигналы заменяют индивидуальное разнообразие поведенческих проявлений. Авторы рассматривали влияние силы ситуации в различных профессиях в качестве модератора отношения «добросовестность–исполнение работы», поскольку во многих исследованиях добросовестность принято считать одним из предикторов исполнения работы. Было получено, что величина этого отношения возрастает по мере снижения ситуационной силы профессии, и что добросовестность лучше предсказывает производительность в характерно слабых профессиях, чем в характерно сильных.

Джадж и Запата изучали зависимость активизации личностных черт от силы ситуации в контексте рабочего поведения [1]. Объединив три концепции: личностную (Big Five), ситуационную (сила ситуации — контекст работы) и поведенческую (теория активизации черты — исполнения работы), авторы утверждают, что в общем смысле сила ситуации — это степень, в которой ситуационные ограничения присутствуют в окружающей среде, и поведение регулируется структурами, правилами, указаниями. Слабые ситуации определяются условиями, при которых нет четкой централизованной организационной структуры, социальные роли неопределенные, имеется ограниченное внешнее управление и значительная свобода в работе. В результате метаанализа было выделено 2 фактора: сила ситуации — процесс и сила ситуации — результат, и 6 переменных рабочего контекста, способствующих активизации черт. Было показано, что все черты Big Five связаны с фактором сила ситуации — процесс, демонстрируя, что ситуации, слабые в отношении требований к исполнению работы, способствуют более яркому проявлению личностных черт в

прогнозировании исполнения работы. Фактор сила ситуации — результат связан с проявлением двух черт — доброжелательности и открытости новому опыту, которые больше влияют на разброс результатов в слабых ситуациях, предъявляющих меньше требований в отношении результатов работы. Для переменных рабочего контекста, способствующих активизации черт, было показано, что в разных контекстах более прогнозируемыми оказались разные наборы черт, в зависимости от жесткости требований, уровня конкуренции, независимости, взаимодействия и др., т.е. не учитывая силу рабочего контекста, нельзя говорить об устойчивых связях личностных черт с исполнением и результатами работы.

На основании анализа приведенных исследований видно, что личностные черты и контекст ситуации в совокупности являются предикторами поведения человека, в общем, и рабочего поведения, в частности. Однако в различных контекстах одни и те же личностные черты будут проявляться с разной интенсивностью. Контекст сильной ситуации не даст явно проявиться личности, он будет «диктовать» свои условия поведения. Слабая ситуация, наоборот, предоставляет широкие возможности для проявления личностных черт. То есть контекст ситуации является модератором поведения человека.

1. Judge T.A., Zapata C.P. (2015) The person-situation debate revisited: effect of situation strength and trait activation on the validity of the big five personality traits in predicting job/ *Academy of Management Journal*, 58 (4), 1149-1179.
2. Meyer R.D., Dalal R.S., Bonaccio S. (2009) A meta-analytic investigation into the moderating effects of situational strength on the conscientiousness–performance relationship/ *Journal of Organizational Behavior*, 30, 1077-1102.
3. Ten Berge M.A., de Raad B. (2001) The construction of a joint taxonomy of traits and situations/ *European Journal of Personality*, 15, 253-276.

Организационная психология как наука: проблемы психологии и социологии менеджмента

Психология, социология, менеджмент, менеджер

Цель доклада — привлечь внимание исследователей к становлению предмета организационной психологии, а также к проблемам изучения природы менеджмента как социального феномена.

Организационная психология является частью системы психологических наук, но она тесно связана с организационной наукой, в целом. Она изучает элементы человеческого фактора в организациях и их взаимодействие. Как наука, она интересуется психологическими механизмами поведения людей, в условиях их участия в определенной организационной структуре. Ее предметом, являются индивидуальные и групповые психические явления, возникающие в условиях межгруппового и межличностного взаимодействия.

Что касается понятия менеджмента, необходимо уточнить, что между двумя похожими, по своему содержанию, понятиями «социальное управление» и «социальный менеджмент», последнее из них, является неотъемлемой частью социологии и психологии управления. Само применение терминов «менеджмент» и «менеджментализм» прочно связано с именем Джеймса Бэрнама и его книгой “Революция менеджеров” (1941).

Понятие управления применимо в разных науках организационной системы (социальных, биологических, технических). Управление определяется как целенаправленное воздействие на объект или систему для того, чтобы изменить его или ее состояние в нужном направлении, в соответствии с объективными условиями и возможностями (С. Илиева, 2005). В данном контексте, можно рассматривать психологический и социологический смысл менеджмента как социальное явление.

Менеджмент как процесс управления (со всеми его элементами) применяется, не только в области организованной экономической деятельности человека, но и во всех видах его трудовой деятельности, детерминированных социальной среды. Он характеризуется следующими особенностями: целенаправленностью, приведением системы из одного состояния в другое и принятием управленческого решения. Психологию и социологию управления, следует рассматривать и с точки зрения основных функций управления: планирования намеченных целей; организации и формирования команды; мотивации; контроля и достижения оптимальных межличностных отношений.

В конечном итоге, управление является высшей психической деятельности, но оно обуславливается и социальной средой. В психологии, личность рассматривается как психо-физиологическую и социально-психологическую систему. Внимание направляется в сторону ее психической организации, механизмов ее функционирования, процессов развития отдельных психических качеств и состояний личности, а также и на ее целостную психическую сущность и статус.

Человек является уникальной, сложной био-социальной психической системы. В связи с этим, необходимо отдать должное менеджеру, в его качестве руководителя и вдохновителя трудовой и социальной деятельности, используя свои психологические и социологические знания для решения проблем самой различной природы: от создания нормальной микро — среды, мотивации сотрудников, до разрешения конфликтов. В данном контексте, необходимо вспомнить сказанное Ф. Тейлором в его книге „Принципы управления“ (1911): “Каждый человек является человеком высшего класса, но для точно определенной работы”. Поэтому, деятельность менеджера следует рассматривать в двух направлениях: психологическом и социологическом.

Основной вывод заключается в том, что социологии и психологии менеджмента необходимо определять свой предмет, не только с позиции “экономичности экономики”, “производительности труда” и “повышения прибыли”. Они должны, прежде всего, учитывать в какой степени управление, при определенном типе организованности и организаций, способствует реализации человека, как свободного и созидательного существа, которое испытывает необходимость быть признанным и уважаемым, как со стороны остальных людей, так и в рамках системы управления. Уважение целостности и достоинства человека в организации и управлении, является неотъемлемой предпосылкой реализации целей и их достижения, на что и направлен менеджмент.

Представления сотрудников о сущности конструктивного и деструктивного общения в профессиональном взаимодействии

Сотрудники пенитенциарной системы, конструктивное общение, профессиональное взаимодействие

В условиях гуманизации уголовно-исполнительной системы Российской Федерации деятельность ее сотрудников направлена на исправление и ресоциализацию лиц, осужденных за преступления к наказаниям, связанным с лишением свободы. Психологическое сопровождение сотрудников в направлении развития их коммуникативной компетентности представляется нам наиболее востребованным в плане совершенствования умений и навыков конструктивного общения, которое выступает основным средством выполнения указанных задач.

В ходе анкетирования сотрудников (n=730) нами (Д. А. Кузнецова, Е. С. Лобанова; 2019) выяснялось их отношении к возможностям конструктивного общения влиять на состояние служебных отношений и обстановку в учреждении. Признавая данное влияние (78%), сотрудники согласились, что взаимодействие с коллегами по работе отражает состояние психологического благополучия человека (73%), а обращение, унижающее другого человека, приводит к разрушительным эффектам, связанным с возникновением враждебности (72%), потерей желания общаться (40%), решать исходную проблему (22%).

Некоторые сотрудники (17%) признали, что их действия, даже если осуществлялись с благими намерениями, приводили к разрушительным последствиям хотя бы иногда (27%). Следует отметить, что увеличение критичности в отношении собственного поведения возможно в случае большей осведомленности об особенностях конструктивного и деструктивного общения, узнать о которых выразили желание многие респонденты (63%). Отказ от информирования трети участников опроса (33%) свидетельствует об их недостаточной осведомленности, на субъективном уровне представленной как уверенность в собственной компетентности.

Определяя содержание конструктивного общения, в тройке наиболее часто выбираемых признаков респонденты называют: «использование в речи слов, понятных для другого человека»; «уважительное отношение к личности собеседника», которое реализуется в рассмотрении его мнения как уместного и значимого; «учет интересов обеих сторон при принятии решения или взаимовыгодность принимаемых решений».

К дефицитным признакам своего коммуникативного поведения сотрудники относят «равноправие» и учет интересов обеих сторон при принятии решения, наличие в качестве ориентира своих действий общей для всех участников взаимодействия цели.

Из предложенного списка деструктивных действий в профессиональном общении большая часть сотрудников на первые места ставит оскорбления, а также игнорирование мнения другого человека, сквернословие, использование угроз в качестве

средства принуждения. При чем именно эти действия оценивают как наиболее деструктивные по последствиям. При этом лезть в своих интересах, вызывая сочувствия к себе и «непрощенные» советы редко определялись как деструктивные.

При выраженном нежелании отвечать на вопрос о собственных действиях, используемых во взаимодействии с коллегами, 141 человек отмечает обращение к коллегам в пренебрежительной манере (на «ты», без имени и отчества). Далее наиболее упоминаемыми действиями являются сквернословие, использование шуток по поводу действий и особенностей личности коллег.

При анализе взаимодействия с осужденными все испытуемые указывают на необходимость соблюдения корректности высказываний и понятную речь на основе уважительного отношения к личности собеседника. В качестве конструктивного рассматривается общение без скандалов и угроз с ориентацией на уточнение проблемы и поиск вариантов ее решения. При этом на первое место у сотрудников по частоте применения выходят воспитывающие воздействия, стремление «научить жить», которые нами были отнесены к деструктивным. Сотрудники часто запрещают осужденным какие-либо действия без обоснований и пояснений, не выслушивают их мнение и точку зрения, опираясь на более высокий статус и обосновывая свои действия миссией по исправлению осужденных.

На наш взгляд, дискуссия о конструктивном профессиональном общении гуманистического характера нуждается в продолжении и популяризации на основе соответствующих исследований.

К вопросу о конструктивных стратегиях поведения в конфликте у сотрудников пенитенциарной системы

Межличностный функциональный конфликт, конструктивность разрешения конфликта, стратегии поведения в конфликте

Межличностный конфликт сопровождает профессиональное общение, проявляясь в столкновении противоположно направленных целей и интересов, позиций и мнений участников взаимодействия. В основе конфликтного взаимодействия лежит субъективно понимаемая конфликтная ситуация и актуализировавшееся в ней противоречие, которое является проблемой, требующей разрешения.

Функциональность или дисфункциональность конфликтов определяется как наличием в них реальной проблемы, от решения которой зависит оптимизация межличностных и общественных отношений, так и количеством их полезных эффектов. Для решения задач профессиональной деятельности сотрудников пенитенциарной системы предпочтительным является направление возникающих конфликтов на путь функционального развития.

Наиболее полно спектр конфликтного поведения на сегодняшний день представлен в типологии К. Томаса, включающей пять стратегий взаимодействия: соперничество, уход, приспособление, компромисс, сотрудничество.

Конструктивность разрешения конфликта, на наш взгляд, зависит от функционального использования стратегии поведения, отражающей сумму позитивных последствий конфликта, но напрямую к данной характеристике не сводится. Так, под конструктивностью общения мы понимаем действия участников, ориентированные на удовлетворение потребностей обеих сторон, обеспечивающие интеграцию конфликтных межличностных отношений. Среди стратегий конфликтного поведения данному критерию соответствуют стили — сотрудничество, компромисс, приспособление.

По сути, речь идет о коммуникативной компетентности сотрудников трансформировать конфликтные отношения в условиях профессиональной деятельности из состояния дезинтеграции в русло их интеграции, развитие которой связывается с их психолого-педагогической подготовкой. В связи с этим мы исследовали интересующий нас феномен у сотрудников уголовно-исполнительной системы на этапе профессиональной подготовки в вузе, обучающихся по специальности «Психология служебной деятельности» (n=50) с 1 по 5 курс.

Как оказалось, рациональный выбор не всегда обеспечивает конструктивное разрешение ситуации межличностного конфликта, как в случае со стратегией «со-

перничество», но способствует использованию стратегий, направленных на активный поиск решений проблемной ситуации. В свою очередь конструктивные стратегии не всегда рациональны.

Так, несмотря на то, что «приспособление» может быть конструктивно в разрешении конфликтной ситуации, оно не обеспечивает развитие обоих партнёров, делая одного «добровольно» зависящим от принятия решения другого, что создаёт лишь иллюзию «здоровых» партнерских отношений.

«Компромисс», в свою очередь, хоть и обеспечивает активный поиск решений проблемы и конструктивное разрешение конфликта, всё же вызывает значительное эмоциональное напряжение, ощущение дискомфорта у его участников, особенно при ярко выраженной «асимметрии» в удовлетворении потребностей сторон. Это делает данную стратегию довольно энергозатратной. Возможно, она применяется тогда, человек не имеет ресурсов для сотрудничества (в том числе в виде эмоционального и поведенческого совладания).

В целом наши испытуемые наиболее часто прибегают к компромиссу и чуть реже к сотрудничеству. Наименьшим выбором пользуются стратегии «приспособление» и «избегание». Это позволяет говорить о том, что учащиеся данной выборки, используют в основном функциональные в поиске решений (активные) и конструктивные для разрешения межличностного конфликта стратегии поведения.

Мы считаем, что данный навык особенно необходим не только будущим специалистам — психологам, но и сотрудникам юридических специальностей, участвующим в процессе исправления и ресоциализации осужденных. Поэтому необходимо развитие основ конструктивного взаимодействия в процессе профессионального образования на основе использования конструктивных задач и конструктивной образовательной среды не только в профессиональном обучении, но и в профессиональной среде сотрудников (например, в рамках служебной подготовки).

Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел
Российской Федерации

Сарсенова А.А.

Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел
Российской Федерации

Гончарова Н.А.

Прогноз организационной лояльности сотрудников органов внутренних дел в зависимости от возможностей реализации мотивов

Возможность реализации мотивов, организационная лояльность, лояльность сотрудников органов внутренних дел, факторы профессиональной лояльности

В современных научных исследованиях лояльность сотрудников органов внутренних дел практически не обсуждается и не рассматривается как система значимых и необходимых отношений позитивной направленности, в соответствии с высшей духовной ценностью служения [1]. Лояльность субъекта правоохранительной деятельности, основу которой составляет удовлетворенность службой и возможность реализации мотивов, является одним из ключевых факторов, обеспечивающих эффективность служебной деятельности.

Современные исследования показывают, что лояльность сотрудника детерминирована возможностью реализации профессиональных потребностей сотрудников [3], предыдущим профессиональным опытом [4], удовлетворенностью службой, возможностями обучения сотрудников, расширением прав и полномочий, характером взаимодействия в коллективе [2].

Исследование возможностей реализации мотивов позволяет прогнозировать изменение организационной лояльности сотрудников органов внутренних дел. В доказательстве данной гипотезы нами были исследованы показатели организационной лояльности («Шкала организационной лояльности» Дж.Мейера и Н.Аллен) и мотивационная сфера личности курсантов вуза системы МВД России (Методика «Возможность реализации мотивов» В.И.Доминьяка).

Выборка двух экспериментальных групп была представлена в возрасте от 18 до 21 года, в количестве 60 человек. С помощью лонгитюдного метода в первой экспериментальной группе были исследованы показатели, полученные на первом и на третьем курсе обучения. Установлены достоверно значимые отрицательные изменения аффективной лояльности ($5,03 \pm 0,64 / 4,39 \pm 1,35$; $p \leq 0,02$), нормативной лояльности ($4,49 \pm 0,93 / 3,73 \pm 1,16$; $p \leq 0,003$). Выявлена регрессия (при $p \leq 0,01$) в показателях возможностей реализации следующих мотивов: стабильность, общение с коллегами, продвижение по службе, повышение профессиональных компетенций, удовлетворенность процессом, удовлетворенность результатом, управление, свобода, успех, полезность, азарт, самореализация, удовлетворение внерабочих интересов.

Во второй экспериментальной группе были изучены показатели лояльности и мотивации в период третьего и пятого курса обучения в вузе. Показатели лояльности

в данный временной отрезок остались стабильными, а в значениях продолженной лояльности установлена тенденция к росту ($3,85 \pm 0,95 / 4,28 \pm 1,96$; $p \leq 0,06$). Отмечается стабильность в мотивационной сфере, однако имеются отрицательные тенденции мотива «повышение профессиональных компетенций» ($7,4 \pm 1,65 / 6,63 \pm 2,2$; $p \leq 0,06$), и мотива «азарт» ($5,07 \pm 2,75 / 3,9 \pm 2,1$; $p \leq 0,04$).

Таким образом, прогноз организационной лояльности сотрудников органов внутренних дел можно производить при помощи исследования возможностей реализации мотивов. Стабильность мотивационной направленности, благоприятные отношения с коллегами, способствуют переживанию эмоциональной приверженности организации и профессии. Удовлетворение от процесса и результата деятельности, ощущение успеха и собственной полезности, создают условия для реализации в профессии, обеспечивают формирование морально-этических убеждений и приверженности организации.

1. Гончарова Н.А., Костылева И.В. Психологические особенности аксиологической надежности сотрудников органов внутренних дел на различных стадиях профессионализма [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018. Том 8. № 3. С. 25–33. doi:10.17759/psylaw.2018080302 (дата обращения: 25.05.20)
2. Hang, N.T. An investigation of factors affecting employee satisfaction and loyalty in the Fire Fighting and Prevention Police of Ho Chi Minh City Vietnam [Электронный ресурс]. — URL: <https://trepo.tuni.fi/bitstream/handle/10024/99596/gradu07322.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (дата обращения 25.04.20)
3. Hofmeyr, J., & Rice, B. Commitment-led Marketing: The key to brand profits is in the customer's mind. — Chichester, England : John Wiley & Sons Ltd. 2000. — 320 p.
4. Locke, E.A. The Nature and Causes of Job Satisfaction. In: Dunnette, M.D., Ed., Handbook of Industrial and Organizational Psychology, Vol. 1, 1976. — pp. 1297-1343.

Особенности личностной динамики в начале карьеры психолога-консультанта

Динамика личностных характеристик, психолог-консультант, вхождение в профессию, профессиональная идентичность

Профессия психолога предъявляет высокие требования к личности консультанта, и большое количество трудностей, с которыми сталкиваются представители данной профессии, сосредоточенно в самом начале карьеры, в процессе вступления на профессиональный путь (Rogers С.Р., 1961). Изучению личностных изменений у психологов-консультантов в самом начале профессионального пути уделено очень мало внимания (Burina E.A. et al, 2015). Целью проведённого лонгитюдного исследования являлось изучение динамики личностных и профессиональных характеристик у начинающих психологов-консультантов на последнем этапе обучения профессии, в начале карьеры.

Для решения поставленных задач было разработано полуструктурированное интервью, а также использованы следующие методы: методика «Опросник невротической личности KON-2006», методика «Личностный семантический дифференциал», шкала самооценки уровня тревожности Ч.Д. Спилбергера, опросник «Мотивация успеха и боязнь неудачи» А.А. Реана. Обработка интервью производилась методами контент-анализа и частотного анализа. Статистический анализ полученного эмпирического материала проводился с помощью методов статистического анализа: описательные статистики, ANOVA, Т-критерий Вилкоксона.

Проведённое лонгитюдное исследование динамики личностных и профессиональных характеристик психологов-консультантов в начале карьеры дало несколько интересных результатов, которые могут оказаться полезными при разработке программ поддержки начинающих психологов-консультантов.

Результаты показывают, что на первом, начальном этапе профессиональной карьеры психолога-консультанта происходят активные изменения в представлениях о профессии: они становятся более реалистичными, чёткими, конкретными; на первый план выдвигаются вопросы обеспечения психологической деятельности; демонстрируется более чёткое понимание роли профессии в личностном развитии; формируются собственные позиции о качествах личности консультанта, необходимых для успешной работы, среди которых чаще всего выделяются волевые характеристики личности. Также был получен статистически значимый результат по характеристике иррациональность ($P=0,029$), что говорит о том, что на первых этапах вхождения в профессию уровень иррациональных установок, нереалистичного мышления и стремления выдавать желаемое за действительное снижается. Снизившаяся нереалистичность мышления согласуется с результатами интервью, в которых можно проследить изменение представлений о профессии в сторону более реалистичных.

Субъективные отношения к себе как к психологу-консультанту у начинающих специалистов показало статистически значимое изменение в оценке активности ($P=0,067$): активность в ходе практики психологического консультирования достоверно снижается, и становится ближе к промежуточным значениям между разговорчивостью и молчаливостью, импульсивностью и спокойными эмоциональными реакциями, активностью и пассивностью. Результаты изучения динамики ситуативной и личностной тревожности начинающих психологов-консультантов показали, что выраженность личностной тревожности во всех трёх замерах была выше ситуативной, однако статистически значимых изменений выявлено не было.

Таким образом, результаты исследования показали, что в течение первого года практики консультирования у начинающих специалистов снижается уровень иррациональных установок, в значительной мере меняются представления о профессии: они становятся более чёткими, конкретными и реалистичными. Также начинает выстраиваться профессиональная идентичность, основной вектор развития которой в этот период — поиск оптимальной степени активности в процессе консультирования.

Тема вхождения в профессию и развития качеств, необходимых для консультирования, продолжает оставаться актуальной и малоизученной. Вопросы эффективной подготовки специалистов в сфере психологического консультирования могут решаться с учётом полученных в данной работе результатов. Полученные данные можно использовать для разработки программ обучения и поддержки психологов-консультантов.

Психологическое сопровождение публичных профессий

Психологическое сопровождение, субъект профессиональной деятельности, публичная профессия

Публичная сфера жизнедеятельности характеризуются открытостью к вниманию, доступностью наблюдения, гласностью; связывает общественные процессы с микропроцессами приватной жизни отдельного человека. Профессии политика, журналиста, педагога, актера, священника и т.п. относятся к психологическому типу, для которого характерна интенсивность человеческих контактов в процессе профессиональной деятельности.

В современном мире в силу общей информатизации общества количество непубличных профессий стремительно сокращается в пользу публичной деятельности [2], так как все чаще представителям разных профессий приходится презентовать себя и продукты своего труда, выдерживать конкуренцию.

Для публичных профессий характерны и значимы три аспекта: профессиональная и личностная содержательность субъекта данного вида труда; направленность на межличностное взаимодействие; а также аспект неопределенности, непредсказуемости, связанный как с результатом деятельности, так и с условиями ее осуществления. В связи с данной спецификой публичные профессии имеют как явные преимущества, так и сопряжены с выраженными сложностями.

Субъекты труда, выбирающие публичные профессии, в профиле характера имеют выраженность демонстративных черт [3]. Эти черты формируют поведение как яркое и заметное, что проявляется в походке, голосе, осанке, жестах и т.п. Наличие собственной темы, личный индивидуальный стиль, внешняя привлекательность, харизма, особенности темперамента, соответствующие выполняемой задаче, не могут остаться незамеченными.

Очевидным преимуществом публичных профессий является также присутствие в деятельности творческого компонента, креативности. Креативность проявляется в быстроте, гибкости, точности, оригинальности мышления, богатом воображении, чувстве юмора, приверженности высоким эстетическим ценностям, степени детализации образа проблемы. Существенным условием актуализации этой способности является самообладание и уверенность в себе. Отсутствие элемента постоянства в условиях публичного труда ставит задачу проявить способность к воображению, к моделированию новых ситуаций в межличностных отношениях, дарит состояния воодушевления и вдохновения, чувство особых ожиданий, сопровождающихся одновременно радостными и волнительными переживаниями. Публичные профессии создают условия для выхода за рамки заданного, за границу матричного мира и относятся к классу особо сложных профессий [4]. Знание оборотной стороны профессии или призвания — это та цена, которую платят за овладение профессиональными навыками публичности.

В публичных профессиях выгорание — ответная реакция на продолжительные стрессы межличностных коммуникаций [1]. Эмоциональное выгорание, как характерное явление для публичных профессий, связано с психической усталостью и, как следствие, со снижением профессиональной мотивации, работоспособности. Например, для журналистов, педагогов, священников причиной профессионального выгорания может быть несимметричное резонансное общение; для актеров — истощение эмоционального ресурса.

Если профессия способствует становлению всей личности человека, становится образом его жизни, то ремесло превращается в искусство. Как отмечал деятель публичной сферы, выдающийся римский комедиограф древности Плавт Тит Макций: «Кто желает съесть орех, должен разбить скорлупу».

1. Гришина, Н.В. Психология конфликта / Н.В. Гришина. — СПб: Питер, 2000. — 464 с.
2. Леньков, С.Л. Это неудовимое понятие профессии / С.Л. Леньков, Н.Е. Рубцова // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. — 2018. — Т. 3. № 3. — С. 9–38.
3. Рубцова, Н.Е. Экзистенциальный и духовный смыслы профессионального самоопределения / Н.Е. Рубцова // Философские науки. 2007. № 11. С. 125-142.
4. Сергиенко, Е.Л. Копинг-стратегии в структуре деятельности актеров драматических театров / Е.Л. Сергиенко // Инициативы XXI века. — 2015 — № 3. — С. 90–93.

Мотивационная направленность как предиктор профессиональной адаптации иностранных специалистов к деятельности на промышленном предприятии

Адаптация, иностранные специалисты, мотивационная направленность

Одним из векторов глобализации является усиление миграции населения, охватившей все страны и социальные слои. В миграционном потоке прослеживается закономерность: концентрация мигрантов в странах и мегаполисах с развитой промышленностью и социально-экономической инфраструктурой.

Актуальность изучения адаптации трудовых иммигрантов обусловлена практической значимостью и недостаточной изученностью социально-психологических механизмов данного процесса.

Настоящее исследование выполнено в рамках более масштабного проекта, в рамках которого поставлены задачи по разработке системы административно-управленческих мер, направленных на повышение эффективности производственной адаптации персонала, в том числе высококвалифицированных специалистов, прибывших в Российскую Федерацию из стран СНГ и дальнего зарубежья для осуществления деятельности на промышленных предприятиях по трудовому договору.

Целью настоящего исследования является выявление структуры мотивационной направленности и трудовых мотивов у иностранных специалистов (мигрантов) с разной степенью адаптированности к производственной деятельности.

В качестве ведущих психологических факторов, влияющих на производственную адаптацию субъектов деятельности, рассматривались и изучались мотивационные свойства личности (Карпов А.В., 2003; Мильман В.Э., 2005).

В исследовании участвовали 246 сотрудников промышленного предприятия в возрасте 24 — 38 лет, мужчины, образование — техническое, трудоустроены в соответствии с действующим российским законодательством.

Психологическое обследование (опросы, тестирование, беседы, интервью и др.) проводилось непосредственно после трудоустройства и далее — с запланированной периодичностью в течение первого года работы.

Адаптированность к деятельности и предприятию определялась по интегральному критерию, представляющему собой совокупность субъективного и объективного компонентов. В качестве объективных критериев рассматривалась оценка со стороны администрации (показатели трудовой дисциплины, эффективности деятельности). В качестве субъективного критерия использовались результаты оценки адаптации и мотивационной направленности.

Производственная адаптация рассматривалась в качестве динамического процесса приспособления специалистов к содержанию деятельности, рабочему месту, организационному поведению, организационной культуре (и другим составляющим

производственной среды). Для оценки особенностей адаптации разработан опросник, позволяющий выявить представление о влиянии на адаптацию/дезадаптацию к деятельности и производственной среде предприятия организационных, эргономических, социальных, экономических, административных факторов (таких как: график работы; дизайн и физические характеристики рабочего пространства; организационная культура на предприятии; отношения с руководителем; взаимоотношения с сотрудниками трудового коллектива; организация рабочего времени; социальная программа предприятия; условия для развития профессиональных компетенций; возможности для профессионального продвижения и другие).

На основе результатов исследования выявлено существование устойчивых связей между мотивационной направленностью и производственной адаптацией: у подавляющего большинства иностранных специалистов производственная адаптация завершается успешно и способствует активной включенности сотрудников в производственные процессы и обеспечению безопасной деятельности; пятая часть из числа привлекаемых к трудовой деятельности иностранных специалистов нуждаются в оказании содействия со стороны администрации по обеспечению мер, направленных на повышение эффективности производственной адаптации.

На основе выявленных в исследовании закономерностей, для службы управления персоналом промышленного предприятия, составлены рекомендации по организации психологического сопровождения иностранных специалистов, направленного на содействие в формировании личностного ресурса, необходимого для эффективной производственной адаптации.

Применение технологии балинтовских групп в психологическом сопровождении личного состава УИС

Уголовно-исполнительная система, балинтовская группа, силовые структуры, сотрудники УИС, пенитенциарные психологи

Психологическое сопровождение личного состава подразделений уголовно-исполнительной системы (далее — УИС) осуществляется с учетом требований, предъявляемых к персоналу УИС, а также особенностей профессиональной деятельности, осуществляемой сотрудниками.

Использование такого вида групповой аналитической супервизии как балинтовская группа позволяет решать задачи профессионального самосовершенствования и эффективного предупреждения выгорания специалистов (Винокур В.А., 2015). Балинтовские группы представляют собой специфическую форму обучающего тренинга, обмена опытом и психологической поддержки при анализе конфликтных, трудных случаев из служебной деятельности

(Максименко М.В., Крыжевская Н.Н., 2016). В силовых структурах имеется опыт применения балинтовских групп для различных категорий сотрудников. Существуют варианты использования балинтовской сессии в учебном процессе повышения квалификации сотрудников подразделений МВД России (Токарев Н.А., Токарева Л.А., Келих В.Р., 1997).

Балинтовские группы используются нами при работе с пенитенциарными психологами, а также руководителями подразделений, то есть сотрудниками, чья профессиональной компетенцией является эффективное межличностное взаимодействие в системе «человек-человек» (как с персоналом, так и с осужденными). Данный метод групповой работы повышает профессиональную самооценку и степень удовлетворенности своей работой. Профессиональная и эмоциональная поддержка, получаемая в группе, является хорошим средством устранения чувства профессионального «одиночества».

Технология проведения занятий в формате балинтовских групп имеет четкую структуру: 1. определение «заказчика» (участника группы, чей запрос будет обсуждаться в ходе сессии); 2. озвучивание «заказчиком» случая из практики, выбранного группой для обсуждения; 3. формулирование «заказчиком» вопросов к группе по своему случаю, вынесенному на обсуждение; 4. уточняющие вопросы группы к «заказчику» (по одному по кругу); 5. окончательное формулирование «заказчиком» вопросов к группе и их корректировка, в случае необходимости; 6. ответы участников группы на вопросы «заказчика». Ведущий группы выполняет функцию модератора и следит за соблюдением правил и технологии работы балинтовской группы.

В состав балинговской группы включаются только сотрудники, находящиеся на одной ступени служебной иерархии. Нежелательно включать в одну группу участников, связанных служебно-иерархическими отношениями (начальник-подчиненный).

Балинговской группы выполняют две основные функции: решение задач и оказания поддержки. Функции решения задачи мобилизуют группу для достижения поставленных целей, являются инструментальными процессами решения проблемы. Функции оказания поддержки способствуют межличностному объединению и сплоченности для достижения групповых целей, а также улучшению социального и эмоционального климата в коллективе.

Данный формат групповой работы получил положительные отзывы как психологов, так и руководителей подразделений УИС. На наш взгляд, применение балинговских групп является эффективным средством профилактики профессиональных деформаций, возникающих в ходе служебной деятельности, и может использоваться с различными категориями сотрудников УИС.

1. Винокур В. А. Балинговские группы: история, технология, структура, границы и ресурсы: учебное пособие/В. А. Винокур. — Санкт-Петербург: СпецЛит, 2015. —191 с.
2. Келих В.Р. Об опыте проведения балинговских групп в ИПК работников МВД России/ В.Р. Келих, Н.А. Токарев, Л.А.Токарева //Психопедагогика в правоохранительных органах. — 1997. — № 1(5).– С.103-105.
3. Крыжевская Н.Н. Балинговская сессия как способ психической саморегуляции сотрудников специальных подразделений: педагогический аспект/ Н.Н. Крыжевская, М.В. Максименко //КАНТ. — 2016. — №4 (21). — С.73-75.

Личностный профиль менеджеров туризма

Особенности и установки личности, типы трудовой мотивации, самоактуализация, смысложизненные ориентации

Пандемия коронавируса 2020 года внесла изменения и в сферу туризма, трансформация привычной профессиональной деятельности заставляет менеджеров туризма искать новые направления в сфере туризма, приспосабливаясь к новым формам деятельности, что вызывает психическое и эмоциональное напряжение в профессиональной деятельности менеджеров туризма (Столярчук, 2016).

Постановка проблемы. Наше исследование связано с научно-прикладной проблемой выявления личностного профиля менеджеров туризма для адаптации к новым условиям профессиональной деятельности с актуализацией личностного, творческого и профессионального потенциала и получения удовлетворения от профессиональной деятельности.

Методы исследования 16-факторный опросник Р. Кеттелла (особенности личности), методика О.Ф. Потемкиной (социально-психологические установки личности в мотивационно-потребностной сфере), анкета Ю.К. Балашева, А.Г. Коваль (типы трудовой мотивации) (анкета Ю.К. Балашева, А.Г. Коваль), тест Э. Шострома (самоактуализация), тест Д.А. Леонтьева (смысложизненные ориентации); корреляционный анализ с использованием коэффициента Спирмена.

Выборка. Менеджеры туризма в количестве 60 человек, из них 34 мужчин и 26 женщины, со стажем работы от 1 года до 15 лет в туристической индустрии

Результаты исследования. Менеджеры туризма (78%) имеют средние значения показателей по блокам эмоционально-волевому, коммуникативному и интеллектуальному, только 7% менеджеров туризма заинтересованы в личном росте в профессиональной деятельности и имеют высокий самоконтроль, 2% — свойственны прямолинейность, необщительность, скептицизм и скрытность, а у 13% — преобладают ограниченность, консерватизм, неприятие перемен. Ведущими ценностями являются для них являются ориентация на результат, деньги, свобода и эгоизм, меньше выражен альтруизм. Преобладающие мотивационные типы для менеджеров туризма инструментальный (48%) и профессиональный (35%) и значимы самоуважение, ориентация во времени, гибкость поведения и не свойственно принятие агрессии. В смысложизненных ориентациях у них преобладают цели, процесс и не выражен локус Я. С повышением стажа работы менеджеры туризма больше контролируют себя и склонны к доминированию, что повышает их интеллектуальную активность, эмоциональное реагирование, ответственность и прогнозирование результатов. У опытных менеджеров туризма высокий уровень самоконтроля, осмысленности жизни, насыщенности жизни, удовлетворенности самореализацией, они менее склонны ставить свои интересы выше интересов других людей.

Обсуждение и выводы. Менеджеры туризма ориентированы в большей степени на материальное стимулирование, результат своей деятельности и свободу. Для них

важны материальные ценности и мотивы, а не социальные и моральные. Они способны оценить свои достоинства и положительные черты, уважают себя за них. Для более половины менеджеров туризма характерны неудовлетворённость прожитой частью жизни, низкая осмысленность в настоящем, отсутствие целей на будущее и, соответственно, дискретное восприятие своей жизни в целом.

В связи с тем, что более половины опрошенных менеджеров нуждается в определенных условиях с целью повышения самоконтроля, понимания важности планирования и достижения целей в жизни, повышения жизненной активности, повышения готовности к самореализации, в качестве рекомендаций может выступать работа психолога с сотрудниками в форме семинаров, тренингов, индивидуальных и групповых психологических консультаций.

1. Столярчук, Е.А. (2016). Эмоциональный интеллект как ресурс преодоления организационного стресса в профессиональной деятельности менеджеров туризма. Вестник Тверского государственного университета. Серия, Педагогика и Психология, 4, 200 -205.

Столярчук Е.А.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Юркова Ю.Ю.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Заручникова Н.О.
Санкт-Петербург, СПбПУ Петра Великого

Психологические факторы безопасности в профессиональной деятельности IT организаций: актуальные проблемы

Психологическая безопасность, психологическое обеспечение деятельности, IT-специалисты

В современном мире область информационных технологий считается одной из наиболее динамично развивающихся и перспективных отраслей в России. Условием развития информационно-технологической среды является психологическая безопасность.

Понятие «безопасность» определяется как состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз. Психологическая безопасность личности — это состояние защищенности личности, обеспечивающее ее целостность как активного социального субъекта и возможности развития в условиях информационного взаимодействия с окружающей средой (Баева, 2006).

Профессиональное развитие личности предполагает прогресс, восхождение по профессиональному пути, которое обеспечивает формирование позитивного профессионального сознания, развитие профессионально важных качеств, умений преодоление кризисных ситуаций в профессии и становление профессионала.

В систему психологической безопасности к внешним факторам окружающей среды входит профессионально важное качество надежность и ее аспекты (Никифоров, 1996).

Постановка проблемы. Проблема обеспечения безопасности — это задача любой организации информационных технологий. Человеческий капитал, является основным ресурсом организации, успешное управление становится возможным, когда есть представление не только о профессиональных и личных качествах менеджеров высшего звена и сотрудников, но и изучена проблематика психологической безопасности личности.

Психологическая безопасность рассматривается как интегральное психологическое явление, субъективно переживаемое как защищенность от внутренних и внешних угроз, и обеспечивающее оптимальное функционирование личности. Особое внимание уделяется вопросу о роли психологической безопасности в конструктивном профессиональном развитии личности. Теоретико-методологические основания для изучения психологической безопасности — деятельностный подход к развитию личности; идеи о психологических отношениях личности; концептуальные подходы, раскрывающие специфику феномена безопасности (Тесля, 2012).

Психологическая безопасность является одной из психологических характеристик в области информационных технологий (ИТ) и становится значимой проблемой для эффективности организаций, повышения производительности труда и для формирования культуры организаций.

Основными актуальными проблемами психологической безопасности в области ИТ являются направления исследования: организационно-психологические феномены в области ИТ; организационная культура, ценности компании и ценности ИТ специалистов; мотивационно-потребностная сфера менеджеров и ИТ специалистов в создании доверительных отношений, в обмене информацией, передаче опыта и знаний.

Изучение психологических факторов безопасности, влияющих на особенности поведения личности и поведения взаимодействия в профессиональной деятельности ИТ специалистов определить динамику изменения мотивов на их основании, позволит разработать психологическое обеспечение деятельности для устранения отрицательных факторов рабочего процесса и профессиональной среды с целью повышения организационной эффективности и создания благоприятных условий для труда, индивидуального развития и психического здоровья (Шингаев, Никифоров, 2013).

1. Баева, И.А. (2006). Психология безопасности как направление психологической науки и практики. Национальный психологический журнал, 1(1),66-68.
2. Никифоров, Г. С. (1996). Надежность в профессиональной деятельности. Санкт-Петербург. Санкт-Петербургский университет.
3. Тесля, С.Н., Шуванова, И.Б. (2012). Психология опасности и безопасности. Сочи. РИЦ СГУ.
4. Шингаев, С. М., Никифоров, Г. С. (2013). Становление концепции психологического обеспечения профессиональной деятельности. Вестник Санкт-Петербургского университета, Серия 16: Психология. Педагогика, 3, 15–24.

Самопонимание профессиональной идентичности: субъектно-бытийный подход

Профессиональная идентичность, самопонимание, инженеры, субъектно-бытийный подход

Актуальной проблемой современной психологической науки становится исследование особенностей самопонимания профессиональной идентичности в разных профессиональных сообществах, а также изучение динамики самопонимания профессиональной идентичности в процессе профессионализации личности. Для исследования феномена самопонимания профессиональной идентичности нам представляется продуктивным использование субъектно-бытийного подхода, который сосредоточен на потребности человека трансцендировать себя через создание новых реальностей, на стремлении личности продолжить себя в разнообразные пространства своего бытия, в том числе и профессиональное пространство. В процессе самопонимания профессиональной идентичности личности происходит воплощение индивидуализированного эталона, несущего в себе высший личностный смысл, интегрирующий смысловое пространство личности в единое целое, обеспечивающий чувство идентичности, возможность аутентичного бытия и истинной самоактуализации в структурировании внутреннего психологического и внешних пространств бытийности (Рябикина, 2015).

Личность реализует себя непосредственно в профессиональной деятельности: в решении производственных задач, выполнении поручений, и в профессиональных коммуникациях с коллегами, и в неформальном общении внутри профессиональной группы. При этом на высокой ступени профессионального развития профессия становится не просто способом получения дохода для существования, но призванием, делом жизни, которые удовлетворяют высшие потребности в призвании, социальном одобрении, искреннем желании помогать своим трудом другим людям, самореализации и раскрытии своего потенциала.

Целью нашего исследования является выявление динамики самопонимания профессиональной идентичности инженера. В исследовании приняли участие 97 молодых инженеров и 98 студентов инженерных специальностей. Для выявления профессиональных стереотипов инженера респондентов просили перечислить характеристики, свойственные людям данной профессии. В качестве экспертов выступили преподаватели и студенты КубГТУ, 440 человек. На основании результатов исследования были выделены главные характеристики представителей инженерной профессии.

На следующем этапе на основе результатов предыдущего этапа исследования был составлен опросник «Образ профессии», в котором респондентов просили оце-

нить по пятибалльной системе, насколько каждое из данных качеств присуще инженеру. Анализ результатов сравнения образа инженера в группах студентов и инженеров показал целый ряд значимых различий. Инженеры склонны считать более значимыми те качества, что определяют добросовестное отношение к труду (дисциплинированный, кропотливый, ответственный, осторожный, прагматичный, скучный), волевые (решительный, целеустремленный) и интеллектуальные (изобретатель, технический склад ума, эрудит); студенты выше оценивают финансовую состоятельность инженера.

В качестве метода исследования ценностно-смысловых аспектов самопонимания профессиональной идентичности была использована методика «граф-схем» Б. В. Кайгородова в авторской модификации. Респондентам предлагали ответить на вопрос: «Что для вас значит быть инженером?». Для обработки результатов был использован метод контент-анализа. Результаты исследования показали, что основными смысловыми доминантами самопонимания профессиональной идентичности инженера являются «профессионализм», «творчество» и «общественная значимость» профессиональной деятельности. Были выявлены значительные различия в группах инженеров и студентов инженерных специальностей: для первой группы творчество и общественная значимость оказались важнее, чем для второй, в которой большое место занимает формальное описание инженерной профессии.

Подготовлено при поддержке РФФИ, проект 19-413-235002 «Самопонимание профессиональной идентичности молодежи в контексте представлений о будущем (на примере профессии инженера)».

Психологическая компетентность как условие профессиональной успешности сотрудников в сфере служебной деятельности

Психологическая компетентность, профессиональная успешность, сфера служебной деятельности

Психологическое обеспечение деятельности сотрудников служебной деятельности относится к одной из актуальных проблем современной психологии. Профессиональная деятельность таких специалистов характеризуется напряженностью, наличием стрессовых и экстремальных ситуаций, и предъявляет особые требования к их способностям устанавливать межличностное взаимодействие, владению навыками саморегуляции, умениям конструктивного решения конфликтных ситуаций и т.д.

Для того, чтобы сотрудник служебной деятельности был успешен в профессиональной деятельности, ему необходим соответствующий уровень психологической компетентности, который позволит эффективно решать служебные задачи, справляться со стрессом, овладеть навыками саморегуляции, оказывать первую психологическую помощь и налаживать эффективное межличностное взаимодействие.

Различные аспекты исследования проблемы психологической компетентности нашли отражение в публикациях отечественных и зарубежных психологов. Так, психологическая компетентность рассматривалась в качестве профессиональной успешности человека в работах таких исследователей, как А. Бандура, Дж. Равен и т.д. В психолого-педагогических исследованиях, следует отметить труды Л.С. Колмогоровой, А.К. Марковой, Л.М. Митиной, Т.Н., Щербаковой, в управленческой психологии труды В.Г. Зазыкиной, И.А. Савиной, Л.Л. Михайловой, в медицинской психологии Б. Д. Карвасарского, О. Б. Благовидовой, Л. М. Житниковой, в экстремальной психологии и психологии служебной деятельности исследования Ю. С. Шойгу, Л. С. Качкина.

Н.В. Яковлева в своих исследованиях показала, что психологическая компетентность выступает особой функциональной системой саморегуляции человека как субъекта общения и деятельности. Согласно автору, специфическое содержание психологической компетентности заключается в системе реализации самоотношения субъекта в ходе выполнения определенной деятельности [3].

Теоретический анализ показал, что психологическая компетентность рассматривается в структуре личности как единство теоретической и практической готовности к осуществлению профессиональной деятельности; представляет собой единство знаний, умений, навыков и личностно-профессиональных качеств, которые позво-

ляют личности эффективно управлять поведением и конструктивно решать профессиональные задачи, что в совокупности выступает условием успешной профессиональной деятельности [1,2].

Следовательно, развитие психологической компетентности сотрудников служебной деятельности позволит повысить эффективность их профессиональной деятельности, добиться высокой продуктивности, при этом сохраняя своё психологическое здоровье.

Для организации работы по развитию психологической компетентности сотрудников служебной деятельности необходимо учитывать три главных направления: теоретическое, которое предполагает их обогащение психологическими знаниями, умениями и навыками; практическое, которое заключается в способности использовать имеющиеся знания в практической деятельности; личностное, которое включает формирование потребности у сотрудника в саморазвитии и самореализации.

1. Акимова, М.О. Специалист МЧС как субъект проявления эмоций М.О. / Акимова, Т.Н. Ищенко // МНКО. — 2017. — №6 (67). — С. 368-371.
2. Есавкина, Н.А. Формирование профессиональных компетенций сотрудников МЧС России на примере гарнизона пожарной охраны // Труды Академии управления МВД России. — 2016. — №2 (38). — С. 43-45.
3. Яковлева, Н.В. Психологическая компетентность и ее формирование в процессе обучения в вузе: диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук : 19.00.01 / Наталья Валентиновна Яковлева. — Ярославль, 1994. — 277 с.

Внутренняя мотивация как предиктор проактивного поведения IT-специалистов

Проактивное поведение, информационные технологии, внутренние мотивы, психологические предикторы, самооффективность, удовлетворенность

В настоящее время феномен проактивности набирает все большую популярность с точки зрения бизнеса и науки. Проактивное поведение, в отличие от реактивного реагирования, направлено на инновационную деятельность, предупреждение возможных трудностей, возникающих на пути достижения значимых целей, и изменение окружающей среды. [2]. Проактивного сотрудника отличает готовность взять на себя ответственность, не дожидаясь распоряжений сверху. В современном, быстро изменяющемся мире очень важно, чтобы сотрудник вовремя реагировал на возникающие проблемы и решал их по мере поступления, эффективно используя собственные ресурсы. Такой сотрудник будет не только сам предлагать инициативу, но и сможет поддержать активность коллег, повышая эффективность компании в целом. Важно определить, какие факторы способствуют проявлению проактивных форм поведения работников. Т. Бейтман и Дж. Крант рассматривали проактивное поведение как особую форму мотивированного труда [1]. При преобладании внутренней мотивации люди выбирают более креативные задачи, продолжая выполнять их без всякого поощрения, так как реализация таких задач вызывает у работников чувство радости. Внутренние мотивы являются наиболее прогностическими предикторами проактивного поведения.

Целью нашего исследования было изучение содержания внутренних мотивов работников сферы IT — технологий и их влияние на проактивное поведение. Гипотезы исследования: 1. IT — специалистов характеризует сформированность внутренних мотивов (удовлетворенность процессом труда, свобода и самореализация), и высокие показатели проактивного поведения (самооффективность, удовлетворенность жизнью и работой). 2. Доминирующие внутренние мотивы коррелируют с показателями проактивного поведения IT-специалистов.

Дизайн эмпирического исследования. Выборку составили 110 человек (31 женщина и 79 мужчин): 95 IT — специалистов и 15 студентов выпускных курсов. Средний возраст — 27 лет, средний стаж работы — 6 лет. Психодиагностические методики: опросник общей самооффективности (Р. Шварцера и М. Ерусалема); шкала удовлетворенности жизнью (SWLS, Dieneretal., в адаптации Осина и Леонтьева), «Оценка удовлетворенности работой» (В.А.Розанова), «Жизненные стремления как личностный конструкт» (Э.Деси и Р. Райана); «Возможность реализации мотивов» (В.И. Доминьяк, Е.А. Родионова). Математико-статистическая обработка данных осуществлялась с использованием описательных статистик и корреляционного анализа (коэффициент корреляции Пирсона).

Результаты исследования показали, что у IT-специалистов высокие показатели проактивного поведения: их уровень самоэффективности выше среднего ($M = 32,65$), они удовлетворены жизнью ($M = 23,99$) и работой ($M = 22,80$). Также для них характерна сформированность внутренних мотивов. Доминирующими мотивами IT-специалистов являются мотив удовлетворенность процессом (9,24 балла из 10 возможных) и ощущение свободы (9,03). Была обнаружена статистически значимая корреляция между показателями проактивного поведения и внутренними мотивами IT-специалистов.

Полученные данные можно использовать при разработке системы управления IT-специалистами, например, реализации адекватных потребностям работников, приемов внутреннего мотивирования. Именно поддержка внутренних мотивов, будет способствовать их эффективной работе. С этой целью можно поручать работнику достаточно сложные и интересные проекты, которые выбирает он сам, поддерживать его стремление к самосовершенствованию и повышению профессиональной компетентности и многое другое.

1. Bateman T., Crant J. Proactive Behavior: Meaning, Impact, Recommendations // *Business Horizons*. -1999. — 42- №. 3. — С. 63 — 70.
2. Bateman, T., Crant, J. The Proactive Component of Organizational Behavior: A Measure and Correlates // *Journal of Organizational Behavior*. -1993. -Т.14 — №. 2. — С. 103-118.

Личностная готовность студентов в структуре и содержании деятельностного подхода в системе высшего профессионального образования

Образование, учебная деятельность, студенты, саморазвитие

Под реформированием современного образования понимается психолого-педагогическое интерактивное взаимодействие двух процессов: во-первых, творческая учебная деятельность, направленная на развитие креативных способностей, приобретение новых знаний, умений и навыков (опыта) и, во-вторых, изменения традиционных подходов, под руководством педагогов, в интересах общества и государства, а также деятельность самого учащегося по самообразованию в соответствии с предъявляемыми учебными планами, программами, стандартными требованиями и собственными личностными ценностями, целями и задачами (саморазвития).

Цель исследования: теоретически обосновать значимость формирования личностной готовности на основе деятельностного подхода в системе высшего профессионального образования.

Методы исследования: теоретический анализ, обобщение, сравнение, абстракция.

Обобщение результатов исследования.

Согласно деятельностному подходу, чтобы студент выступал как полноценный субъект учебно-познавательной деятельности, важно реализовать определенные психолого-педагогические условия в процессе его взаимодействия с педагогом. Основными формами оптимальной реализации взаимодействия является — подготовка, для преподавателя — профессионально-психологическая подготовка, где основное внимание акцентируется на профессиональном развитии, самореализации; для учащегося — психолого-педагогическая подготовка, где основное внимание должно быть направлено на личностное развитие. При данных условиях, через систему ""субъект-субъектных отношений"" формируется личностная готовность к саморазвитию, самоопределению [5]. Особую роль в формировании личностной готовности принадлежит мотивационному компоненту. Здесь он представляет собой первую очередь состояние мотивационно-смысловой, мотивационно-рефлексивной сфер личности, при которых ценности, связанные с деятельностью не будут конкурировать с базовыми личностными ценностями. В противном случае приходится говорить о формировании индифферентного отношения к деятельности [3]. Поэтому, структурой и содержанием деятельности здесь является принятие определенной позиции, формировании ее как субъектной (внутренней). Мотивационная сфера традиционно выделяется как связующее звено в деятельности, которое обуславливает целенаправленный, избирательный, произвольный характер действий человека и определяет потенциальные возможности личности [1, 2]. Потребность в том или ином виде

деятельности (учебной, спортивной, профессиональной), в организации социального взаимодействия в специфической среде, в совершенствовании личности, в творческой деятельности, выступает как активное стимулирование развития личности в целом [4, 5].

Вывод. Организация обучения на основе деятельностного подхода означает, что все методические решения преподавателя, например, организация учебного материала, использование тех или иных приемов, способов должны преломляться через призму личности обучаемого, его потребностей, мотивов, опыта, способностей, активности, интеллекта и других индивидуально-психологических особенностей.

1. Ананьев, Б. Г. Человек как предмет познания / Б. Г. Ананьев. — 3-е изд. — СПб. [и др.] : Питер, 2018. — 282 с. — (Мастера психологии).
2. Леонтьев, А. Н. Деятельность, сознание, личность / А. Н. Леонтьев. — М. : Смысл : Academia, 2005. — 345,[1] с. — (Высшее образование) (Классическая учебная книга) (Classicus).
3. Телегина, Э. Д. О влиянии значимости мотивов на процессы решения мыслительных задач / Э. Д. Телегина, Т. Г. Богданова // Вопросы психологии. — 1980. — № 1. — С. 121–124.
4. Яковлев, Б. П. Предметно-рефлексивный анализ педагогических умений студентов на занятиях по физическому воспитанию / Б. П. Яковлев, Л. В. Диордица // Теория и практика физической культуры. — 2005. — № 5. — С. 49–53.
5. Яковлев, Б. П. Взаимосвязь мотивации и эмоций в физкультурно-спортивной деятельности / Б. П. Яковлев, Г. Д. Бабушкин, Е. Г. Бабушкин // Теория и практика физической культуры. — 2014. — № 2. — С. 87–89."

ПАНДЕМИЯ: ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ СИТУАЦИЯ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ КРИЗИС

Бызова В.М.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Перикова Е.И.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Переживания молодых людей в период пандемии COVID-19

COVID-19, пандемия, травматический опыт, трудная жизненная ситуация

Ситуация пандемии COVID-19 является уникальной, поскольку не имеет аналогов по масштабу катастрофы, в том числе из-за повсеместного распространения интернет-технологий. В связи с этим имеющиеся результаты психологических исследований по реакциям людей в травматичных ситуациях могут интерпретироваться ограниченно в отношении пандемии. Усугубляет ситуацию то, что пандемия объединяет несколько факторов риска: угроза для жизни, неопределенность будущего, невозможность контролировать ситуацию или влиять на нее, что позволяет прогнозировать высокий риск психологической травматизации.

Настоящее исследование направлено на выявление особенностей психических состояний молодых людей и стратегий преодоления стресса в период пандемии COVID-19.

В опросе, проведенном в интернете (апрель — май 2020г.), приняли участие 37 молодых людей (9 юношей и 28 девушек) в возрасте 19-23 лет. Респондентам предлагалось написать эссе на тему, связанную с переживанием пандемии COVID-19 и необходимостью самоизоляции. Использовались качественные методы анализа данных.

Результаты исследования позволили описать эмоциональные, когнитивные и физиологические реакции молодых людей в ответ на пандемию COVID-19. Среди эмоциональных переживаний респонденты описывали страхи («страх неизвестности, болезни, страх что-то упустить»), тревогу («тревога по поводу будущего и состояния здоровья»), беспомощность, возмущение и гнев («компьютер иногда хочется сжечь»), впечатлительность («рабочие вопросы вызывают у меня неконтролируемый глубокий эмоциональный отклик»). Среди когнитивных изменений респонденты называли ухудшение внимательности («рассеянность») и трудности обучения. Наибольшее число высказываний связано с физиологическими реакциями от общего увеличения чувствительности («стала лучше слышать, чувствовать, обонять, видеть») до нарушений сна и пищеварения, а также различных форм аутоагрессии («раздиране кончиков пальцев»).

Среди факторов, усугубляющих психологическое состояние во время пандемии COVID-19, респонденты называли неопределенность будущего, в том числе профессионального и материально-экономических перспектив; ограничение свободы; снижение работоспособности; невозможность саморазвития; отсутствие значимых социальных контактов; перфекционизм.

Более половины респондентов при описании переживаний относительно пандемии COVID-19 фокусировались на аспекте самоизоляции. Выявлены две формы отношения к самоизоляции, как к ограничению («ситуация самоизоляции и связанной с ней неопределенности выражается в отсутствии четких планов и руководств к действию, недостатке информации об окружающем мире, непонимании перспектив») и как к возможности («Самоизоляция для меня — это возможность пообщаться со своей семьей, подумать о перспективах»). Исходя из двух интерпретаций респонденты использовали различные копинг-стратегии: 1. Уход от проблемы («напрягаюсь от того, что мне ничего непонятно и просто жду, когда станет понятно»); 2. Использование эмоциональной социальной поддержки; 3. Подавление конкурирующей деятельности («занятия спортом», «работа над ВКР»); 4. Позитивное переформулирование («Осознание того, что не все зависит от меня, помогает мне преодолеть тревогу и негативные реакции моего тела»); 5. Планирование; 6. Позитивный настрой («Искренне верю, что скоро закончится пандемия, всех больных вылечат и у мира будет теплое, яркое, беззаботное и счастливое лето»).

Качественный анализ переживаний молодых людей в период пандемии COVID-19 позволяет составить целостное описание стрессового состояния молодых людей и вероятных посттравматических реакций. Полученные результаты позволяют повысить практическую обоснованность оказания психологической помощи и обозначить мишени психологической работы: информирование о способах нормализации сна и бодрствования; обучение навыкам эмоциональной регуляции; усиление социальной поддержки; работа с перфекционизмом и детализация образа будущего.

Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект 18-013-00256а

Подготовка специалистов к оказанию психологической помощи населению по телефону

Психологическое консультирование по телефону, профессиональная позиция, дистанционное обучение

Психологическое консультирование по телефону является отдельной, имеющей выраженную специфику сферой деятельности. Практический опыт и анализ работы разного рода «Горячих линий» и телефонов доверия показывает: чтобы оказывать психологическую помощь эффективно и экологично, не только начинающие, но и имеющие опыт очного консультирования специалисты должны проходить специальное обучение.

Задача обучить в короткие сроки значительное число специалистов-психологов оказанию психологической помощи по телефону была поставлена перед специалистами Северо-Западного филиала ФКУ ЦЭПП МЧС России в связи с введением на территории округа режима самоизоляции. Что касается проходивших обучение, то для части из них необходимость подготовки была обусловлена высокой вероятностью привлечения к работе телефонов Горячей линии. Остальным важно было научиться или хотя бы получить ясное представление о консультировании по телефону в ситуации, в которой до этого предполагался очный формат работы. В связи со сложившейся эпидемиологической ситуацией занятия должны были проводиться дистанционно.

Специалистами филиала были подготовлены как отдельные занятия по запросам различных организаций и служб, так и программа подготовки к оказанию психологической помощи по телефону. Целью занятий стало формирование системы теоретических знаний и практических умений в области телефонного консультирования. Приоритетными задачами обучения были определены: формирование целостного представления о телефонном консультировании как сфере деятельности, выявление и коррекция мотивационно-смысловых установок учащихся, создание условий для формирования и совершенствования необходимых для работы консультанта практических навыков, поддержка и содействие в формировании и поддержании профессиональной позиции при консультировании по телефону.

При подготовке и проведении занятий учитывались изменения, которым подвергается сфера оказания психологической помощи по телефону при возникновении чрезвычайных ситуаций и особых условий функционирования общества. Речь идет, в частности, о снижении или исчезновении эффекта анонимности, возможности осуществления исходящих звонков, значительном числе и очень различном при этом уровне подготовленности одновременно работающих консультантов на региональных и общероссийских линиях. Соответственно, особое внимание уделялось формированию профессиональной позиции консультанта, понимания работы телефона психологической помощи как системы и ее включенности в более широкий социальный контекст.

Основу занятий в рамках программы составили активные методы обучения: групповая дискуссия, индивидуальная работа по заданию с последующим обсуждением, разбор случаев из практики (case-study), работа в малых группах, ролевая игра. Активность участников между занятиями направлялась домашними заданиями по пройденному материалу. Занятия проводились с использованием облачной платформы «Zoom», возможности которой позволяют обеспечить полноценную подачу теоретического материала, поддерживать групповую дискуссию, моделировать рабочие ситуации в практической части занятия.

Опыт проведения занятий показал, что они интересны психологам и возможно в достаточно короткие сроки дать обучающимся основы для освоения новой сферы деятельности. Однако и в плане качества работы, и в плане становления специалиста оптимальным вариантом является включение в работу постепенно, с регуляцией уровня нагрузки, супервизорской поддержкой.

Если речь идет об оперативном включении специалистов в работу после прохождения курса, то группа должна состоять из психологов, имеющих опыт консультирования, прохождения супервизии и личной терапии. Кроме того, не все обучившиеся могут стать эффективными телефонными консультантами, и по завершении необходимо проводить отбор.

На данном этапе можно говорить о целесообразности создания резерва подготовленных к оказанию помощи по телефону специалистов, проведении занятий и обеспечении возможности прохождения практики для наработки необходимых навыков.

Новое звучание проблемы медиаповедения личности в условиях пандемии

Медиаповедение, массмедиа, пандемия, социальные представления

Все происходящие сегодня события в мировом масштабе, обусловленные пандемией влекут за собой изменения в жизнеустройстве людей, и как бы то ни было, эти изменения затрагивают медиа, связаны с медиа, отчасти ими обусловлены. Следовательно, в ближайшей перспективе это приведет к серьезным трансформациям в социальных представлениях о массмедиа, а значит и в медиаповедении человека. Результаты многих исследований, проводимых за последние три года, свидетельствуют о том, что большинство россиян достаточно высоко оценивают свой уровень медиакомпетентности и не считают необходимым те или иные формы медиаобразования. Однако как показала практика, точнее события последних трех месяцев, (еще раз подтвердив теоретическое положения), что свои собственные представления и самооценка человека о том или ином своем качестве могут значительно отличаться от реального положения дел. Сегодняшние дни беспрецедентно повысили значимость медиаобразования главной практической целью которого является формирование медиакомпетентности, обеспечивающей психологическую безопасность человека.

В связи с тем, что уже имеются эмпирические данные о влиянии массмедиа на формирование представлений о болезни и ее масштабе (в свою очередь представления человека о заболевании влияют на поведение), то сейчас крайне необходимы консолидируемая совместная работа медиапедагогов, психологов, врачей, работников медийной сферы. И сегодня должна осуществляться не только борьба с фейковыми «новостями» (распространением дезинформации), но и вестись огромная работа в целом по повышению психологической культуры населения и, в особенно, людей, которые работают в медиа. Порой даже достоверные данные нуждаются в корректном преподнесении аудитории, для предупреждения панических настроений и психологических травм. Безусловно, проблема осложняется тем, что сегодняшние медиа, в отличии от времен, когда были только старые медиа, являются крайне неоднородной средой. Остается открытым вопрос как бороться в сетях с токсичными троллями, когда старые способы не работают. К этому еще присоединяется проблема доверия/недоверия аудитории к массмедиа.

В нынешней ситуации, связанной с пандемией, к числу наиболее заметных и распространенных особенностей медиаповедения, требующих специального медиапсихологического анализа, можно отнести:

- трансформации в социальных представлениях личности о массмедиа;
- возрастание медиавовлеченности, что, в свою очередь, усиливает искажения в восприятии жизненной среды, влияя на когнитивные способности;
- доминирование домашнего медиапотребления, с акцентированием коллективного фокуса внимание на новости, связанные с пандемией;

- возрастание зависимости от медиа;
- формирование и развитие панических и иных форм защитного и адаптивного медиаповедения, в том числе, в условиях самоизоляции и карантина;
- размывание психологических границ, минимизация личного пространства — изменения отношения к приватности;
- увеличении виртуализации взаимоотношений;
- анализ динамики медиаповедения — изучение особенностей реакции человека на медийные стимулы во времени;
- анализ медиа в текущей ситуации с пандемией как модератора, регулирующим и управляющим общественным мнением.
- проблему доверия к массмедиа;
- медиатерапию в целях профилактики информационного вируса -инфодемии;
- медиаобразовательный и психотерапевтический потенциал медиа в условиях повышенной стрессогенности.

Таким образом, сегодняшняя ситуация с пандемией поставила перед психологией много задач с неизвестными слагаемыми и в целом вопросов больше, чем ответов, и тем не менее, уже сейчас со всей очевидностью можно говорить о необходимости повышения уровня медиакомпетентности личности.

Звездина Г.П.
Ростов-на-Дону, ДГТУ

Хачатурян Н.Н.
Ростов-на-Дону, ДГТУ

Звездина Е.Ю.
Ростов-на-Дону, ДГТУ

Особенности восприятия коронавирусной пандемии студентами Вуза, находящимися на самоизоляции

Коронавирусный кризис, эпидемия, коронавирус, самоизоляция, ассоциативный эксперимент, семантическая универсалия, семантический базис

Современная социореальность характеризуется высоким уровнем неопределенности, интенсивностью изменений, требующих от человека быстрого реагирования и преадаптации. Коронавирусная эпидемия, которая буквально ворвалась в нашу жизнь, изменила образ жизни и мировосприятие человека. Самоизоляция, в которой оказался человек, массированное информационное воздействие, которому подверглось население спровоцировали и состояние внутренней неопределенности, непонимание того, что нужно делать. В условиях самоизоляции сузилось жизненное пространство и обострились базовые потребности выживания.

В таких условиях актуализировалась проблема изучения отношения современного человека к сложившейся ситуации, восприятия коронавирусной пандемии разными категориями населения.

Нами была предпринята попытка изучения особенностей восприятия коронавирусной пандемии студентами, находящимися в условиях самоизоляции, что и определило цель нашего исследования.

В качестве объекта исследования выступили студенты гуманитарного факультета, очного обучения, находящиеся на самоизоляции, в количестве 73 человека, в возрасте 20-22 года.

В качестве гипотезы было выдвинуто предположение о том, что коронавирусная пандемия в восприятии студентов может быть представлен единым семантическим базисом для значений — «коронавирус», «эпидемия», «самоизоляция».

В качестве метода исследования использовался групповой ассоциативный эксперимент. Ассоциативный эксперимент проводился онлайн во время занятий со студентами. В качестве слов-стимулов были предложены «самоизоляция», «коронавирус», «эпидемия». Наибольшее количество слов-ассоциаций было высказано на стимул «самоизоляция»- 126 слов, «коронавирус»-120, «эпидемия»-111 слов.

На основе полученных результатов нами были определены семантические универсалии стимулов для данной группы студентов. Вслед за учеными (Артемьева Е.Ю. 1999, Серкин В.П., 2009) мы понимаем под семантической универсалией набор неслучайных ассоциаций на определенное слово (стимул) для данной группы.

На основе анализа результатов ассоциативного эксперимента нами был выделен базис групповой семантической универсалии, представленный высокочастотными ассоциациями. Семантическим базисом значения (базисная универсалия) называется

минимальная совокупность описаний значения, позволяющая группе испытуемых реконструировать (восстановить) значение.

Согласно исследованиям ученых (Серкин В.П., 2009) групповой результат считается неслучайным, если слово-реакция употребляется не менее 4 раз, при $p = 0,01$, для выборки в количестве $5 < n < 99$. На основании данного критерия, можно констатировать, что слово-стимул «эпидемия» набрало большее количество неслучайных слов-реакций — болезнь (8), смерть (3), вирус (9), страх (8), пандемия (7), больница (4), заражение (4).

Базис слова «коронавирус» составили следующие слова-реакции, которые являются однозначно неслучайными для данной выборки — болезнь (19), смерть (9), страх (7), маски (8), больница (5) и определяют валидность высказанных реакций. Семантический базис слова-стимула «самоизоляция» составил следующий набор неслучайных ассоциаций — страх (5), бедность (5), безопасность (4), защита (3).

Согласно полученным результатам наибольшую смысловую и эмоциональную нагрузку несут значения «коронавирус» и «эпидемия» которые ассоциируются с болезнью, смертью, страхом. Самоизоляция ассоциируется с безопасностью, бедностью и страхом, что приводит к актуализации защитного поведения личности.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что восприятие коронавирусной пандемии студентами, находящимися на самоизоляции, характеризуется негативными коннотациями и свидетельствует о наличии психологического кризиса, спровоцированного эмоцией страха.

1. Артемьева Е. Ю. Основы психологии субъективной семантики / Под ред. И. Б. Ханиной. — М. : Наука : Смысл, 1999. — 349, с.
2. Серкин В.П. Решение задачи о случайности/неслучайности количества групповых ассоциаций // Психодиагностика. — 2009. — № 4. — С. 22 — 31.

Тревожность и депрессивные переживания в условиях пандемии коронавируса у пожилых мигрантов в Германии

Психология миграции, психология старения, пожилой возраст, COVID-19

Пожилые люди вынуждены приспосабливаться к стремительно меняющимся условиям современного мира, в том числе участвовать в миграционных процессах. Эти процессы весьма неоднородны, поскольку включают в себя большое разнообразие отправляющих и принимающих обществ, временную или постоянную миграцию, трудовых мигрантов, а также беженцев. Широко распространено мнение, что миграция и связанные с ней процессы оказывают значительное влияние на психическое здоровье людей (как молодых, так и пожилых), однако, этот феномен еще не изучен в полной мере. Основные проблемы, с которыми сталкиваются пожилые мигранты включают потерю социального статуса, ощущение эмоциональной отверженности, нарушение контактов с родственниками и друзьями, сложности с национальной идентификацией, а также потерю смысла жизни. Изучением психологической адаптации пожилых людей в условиях эмиграции занимались отечественные и зарубежные авторы (Стефаненко Т.Г., 2013; Хрусталева Н.С., 2010; Berry J. 1997).

В настоящее время дополнительным стресс-фактором является пандемия Covid-19. Не только высокая скорость распространения инфекции, но и введенные ограничения на передвижение являются почвой для развития чувства одиночества и социальной изоляции среди пожилых людей. Вынужденная разлука является фактором дополнительного самостоятельного углубления в тему вируса. Пожилые люди изучают большой объем информации, что увеличивает тревожные переживания, а близость к Италии, куда пандемия принесла страшные последствия, способствует развитию феномена социального заражения [5].

Исследование проводилось с целью изучить взаимосвязь между личностной тревожностью и наличием депрессивных симптомов у пожилых русскоязычных мигрантов. Выборку составили 29 человек в возрасте от 62 до 85 лет. В качестве исследовательских методов были использованы: Авторская анкета для общих сведений о респондентах, Интегративный тест тревожности, Шкала депрессии Бека. Для обработки данных применены контент-анализ, частотный анализ, коэффициент корреляции Спирмена.

В результате обработки данных было установлено, что симптомы высокой тревожности выражены у 80% опрошенных, а симптомы депрессии — у 41%. Полученный результат с низким уровнем симптомов депрессии и их отсутствием может быть вызван спецификой выборки, так как в исследовании принимали участие грамотные пожилые люди, проживающие в Германии в комфортных условиях, имеющие возможность общаться с родственниками и друзьями, обращаться за качественной медицинской и социальной помощью, а также пользоваться в достаточной мере рынком

услуг страны, несмотря на ограничения, введенные в связи с пандемией коронавируса.

По результатам корреляционного анализа была обнаружена положительная связь достоверной степени значимости между показателями личностной тревожности и симптомами депрессии ($r=0,463$, $p=0,011$). Таким образом, можно утверждать, что степень выраженности депрессивных симптомов зависит от уровня личностной тревожности, соответственно, гипотеза о том, что у пожилых людей с более выраженными показателями тревожности будут наблюдаться симптомы депрессии, подтвердилась.

Результаты могут быть использованы в разработке программ помощи в адаптации пожилым людям в условиях эмиграции, а также могут быть полезны для специалистов социальных и консультационных служб, работающих с пожилыми людьми по программам интеграционной поддержки мигрантов.

1. Хрусталева Н. С. Переживание психической травмы и печали в условиях эмиграции // Вестник СПбГУ. Серия 12. Социология. 2010.
2. Berry, J. W. Handbook of Cross-cultural Psychology: Theory and method, 1997, 406.
3. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология: Практикум: Учеб. пособие для студентов вузов / Т.Г. Стефаненко. — Москва : Аспект Пресс, 2013. — 224 с.
4. Ornell, F., Schuch, J.B., Sordi, A.O., Kessler, F.H.P. "Pandemic fear" and COVID-19: mental health burden and strategies (2020). Brazilian Journal of Psychology 42(3).

Интерпретация невербального поведения как необходимый навык консультанта при Интернет-консультировании в условиях ЧС

Консультирование, ЧС, кризисное консультирование, невербальное поведение, поведение, Интернет, Интернет-консультирование

Начало 2020 года было ознаменовано вспышкой пандемии от нового штамма вируса из уже известной группы коронавирусов [1]. Вскоре правительство практически всех стран объявило о самоизоляции или карантине.

Однако с этим смогли самостоятельно справиться не все. Поэтому данная ситуация породила рост тревоги, увеличение числа страхов, рост случаев жестокого обращения. Всё это привело к увеличению спроса на психологическое консультирование.

Карантин и самоизоляция вынудили практически все сервисы переместиться из офлайн среды в онлайн. Так и консультирование стало проводиться в сети Интернет. В этой связи стало особо необходимым обратить пристальное внимание на форму психологической интервенции в Интернет. На данный момент выделяют 4 таких формы: разговор по телефону, классический письменный чат, чат с голосовыми сообщениями и видео-встречи. Консультирование при данных условиях чаще всего является кризисным, ведь ситуация пандемии вызывает кризисное состояние у людей. Помощь человеку в подобном состоянии имеет особый характер.

Специалисту необходимо в короткие сроки собрать как можно больше информации о своем клиенте, корректно её интерпретировать и провести психологическую интервенцию. Как известно, существует два информационных канала: вербальный и невербальный. Вербальная коммуникация является универсальной формой общения и осуществляется посредством речи. Невербальная же — осуществляется при помощи мимики, жестов, походки, тактильных движений, характера визуального контакта, пара и экстралингвистических средств.

Несмотря на свою универсальность, вербальный канал передаёт меньшее количество информации. По разным подсчётам от 60 до 80% информации передается через невербальные проявления.

При Интернет-консультировании резко сокращается количество невербальной информации. При телефонном разговоре её могут передать экстра и паралингвистические средства. Классический чат позволяет сделать выводы по: скорости присылания сообщений, количеству и качеству знаков препинания, размеру и количеству сообщений, используемым медиа-материалам. Чат с голосовыми сообщениями сочетает в себе характеристики двух предыдущих форм. Видео-встречи позволяют получить максимально возможное при таких условиях количество невербальной

информации: все пара- и экстралингвистические проявления, визуальный контакт, экспрессивно-выразительные проявления.

Следует понимать, что каждый единичный её фрагмент не несёт в себе однозначного толкования. Он скорее отражает точку пересечения различных смысловых линий. Поэтому важно рассматривать невербальную часть коммуникативного контакта комплексно и сознательно стараться не допускать ошибок при интерпретации поведения собеседника.

В этой связи необходимо учитывать факторы, влияющие на коммуникацию [2;3]: характеристики контекстов (общественно-исторический, физический и социальный) и особенности коммуникаторов (физиологические, психологические, социальные и культурные).

В условиях кризисного консультирования значение невербальной информации возрастает. Ведь вербально человек способен передать далеко не всё в силу разных причин: экспрессивная функция речи у многих людей недостаточно развита (они плохо передают свои состояния и эмоции), состояние кризиса часто искажает вербальную функцию речи, в актуальном состоянии сознания какой-то информации может не быть, информацию могут скрывать механизмы психологической защиты.

Таким образом, консультанту необходимо уметь корректно интерпретировать невербальное поведение, особенно в условиях кризисного Интернет консультирования.

1. Beeching N. J., Fletcher T. E., Fowler R. COVID-19. BMJ Best Practices. BMJ Publishing Group; June 19, 2020; 171 p.
2. Вердербер Р., Вердербер К. Психология общения. — СПб.: Праймеврознак, 2003. — 320 с. (Серия «Главный учебник») ISBN 5938780853.
3. Морозов В.П. Искусство и наука общения: невербальная коммуникация. — М, Изд-во «Институт психологии РАН», 1998. — 164 с. ISBN-5-201-02288-X.

К слову об актуализации переживания одиночества в условиях пандемии

Коронавирус, пандемия, социальная изоляция, одиночество

Ситуация пандемии коронавирусной инфекции и связанные с этим социальные ограничения, введенные в большинстве стран мира, неизбежно приводят к социальной изоляции. Известно, что в ситуации социальной изоляции переживания одиночества актуализируются, однако до сих пор такие исследования касались отдельных категорий людей, так или иначе ограниченных в общении и взаимодействии с остальным обществом. Однако неясно, будут ли переживания одиночества актуализироваться, если изоляция касается сразу всего общества.

В данном исследовании изучалось поведение и отношение к сложившимся условиям самоизоляции у людей с разной выраженностью переживания одиночества. Использовался опросник ДОПО-3 (Е.Н. Осин, Д.А. Леонтьев, 2013), а также авторская анкета. В анкете выделено несколько смысловых блоков, включающих оценку социальных условий пребывания в самоизоляции, отношение и приверженность режиму самоизоляции, отнесение к группе риска, уровень эмоционального дискомфорта и негативных переживаний в условиях самоизоляции.

В исследовании приняли участие 449 человек в возрасте от 18 до 82 лет (средний возраст — 30 лет), из них 80% — женщины, 20% — мужчины. На момент опроса у 52% респондентов срок ограничительного режима был меньше месяца, у 48% — от 1 до 2 месяцев.

Средние значения показателей шкал ДОПО-3 на данной выборке («общее одиночество» $13,15 \pm 4,7$, «зависимость от общения» $10,99 \pm 4,1$, «позитивное одиночество» $26,92 \pm 5,2$) оказались ниже, чем полученные при валидации опросника. То есть нельзя говорить о том, что переживание одиночества из-за режима самоизоляции ощутило возросло. При этом возрастной анализ выборки показал, что переживания одиночества более выражены в группе 18-35 лет, и менее выражены в старших возрастных группах, что может быть связано с более высокой потребностью в общении и более активным, подвижным образом жизни в молодом возрасте. Также выявлено, что переживания одиночества росли с ростом срока пребывания в условиях самоизоляции.

Были выделены и сравнены между собой группы с высоким, средним и низким уровнем общего одиночества, выявлен ряд статистически достоверных различий. Так, люди с выраженными переживаниями общего одиночества демонстрировали более высокий уровень эмоционального неблагополучия ($\chi^2=46,12$; $p0,001$), отмечали, что их отношения с близкими ухудшились во время самоизоляции ($\chi^2=19,67$; $p0,001$), им сложнее находиться дома ($\chi^2=39,84$; $p0,001$), а также они демонстрировали более

высокий уровень зависимости от общения. Кроме того, люди с высоким уровнем переживания одиночества отмечали, что никак не могут повлиять на распространение коронавирусной инфекции ($\chi^2=9,147$; $p0,01$), в то время как люди с низким уровнем — напротив, гораздо чаще отмечали, что могут оказать влияние на ситуацию своими действиями. Вероятно, ощущение себя как субъекта сложившейся ситуации, способного повлиять на происходящее, является ресурсом, который помогает справиться с ощущением одиночества.

Не было выявлено различий между респондентами с разным уровнем одиночества по степени приверженности режиму самоизоляции, осведомленности о коронавирусной инфекции, доверию к публикуемым данным, наличию личного опыта соприкосновения с угрозой, изменениям образа жизни и уровню конформности. Также не было выявлено никаких различий между респондентами с разным уровнем позитивного одиночества.

Таким образом, нельзя сказать, что ситуация пандемии значительно усилила переживания одиночества в исследуемой группе. Вероятно, это связано с масштабом ситуации — практически все люди планеты оказались в сходных условиях самоизоляции, и сама ситуация является поводом для ощущения единения, что отрицательно влияет на ощущение одиночества. В то же время, необходимо отметить, что уровень переживания одиночества оказался выше у молодых людей, рос по мере увеличения сроков самоизоляции и был связан как с уровнем зависимости от общения, так и с ощущением возможности повлиять на сложившуюся ситуацию.

Организация психологической поддержки в Санкт-Петербургском университете ГПС МЧС России в условиях дистанционной работы

Психологическая помощь, психологическая поддержка, самоизоляция, дистанционная работа

Вспышка заболевания новой коронавирусной инфекции (COVID-19) за считанные недели распространилась по всему миру и повлекла угрозу жизни и здоровью миллионов людей на планете. Для снижения темпов заболеваемости и борьбы с эпидемией были введены серьезные меры, ограничивающие социальные контакты и передвижения людей. Последние месяцы внесли кардинальные изменения в жизнь каждого человека, поменялись планы, образ жизни.

В образовательной среде вузов также произошли изменения: в соответствии с разъяснениями постановления Правительства Санкт-Петербурга от 13.03.2020 №121 «О мерах по противодействию распространению в Санкт-Петербурге новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» (с изменениями и дополнениями) обучение студентов в высших учебных заведениях до окончания 2019/2020 учебного года осуществляется с применением дистанционных технологий во внеаудиторной форме.

Ведомственные вузы МЧС России, в том числе Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России (далее — университет), перешли на дистанционный формат обучения. Но если студенты и курсанты старших курсов университета в период осложнения эпидемиологической обстановки и дистанционного обучения находились в самоизоляции дома или на съемных квартирах, то курсанты младших курсов, а также курсанты из числа иностранных граждан оказались изолированы на территории вуза, продолжая проходить обучение дистанционно и осуществлять служебную деятельность в суточных нарядах в усиленном режиме.

Создавшаяся ситуация вызвала беспокойство и недовольство родителей курсантов, широкое обсуждение в социальных сетях, обращения к руководству Университета.

Большинство сотрудников, преподавателей, работников университета в этот период были переведены на удаленную работу и не имели возможности находиться на территории учебного заведения. Для психологической службы остро встал вопрос, каким образом осуществлять свои профессиональные обязанности в условиях пандемии и тотального дистанта.

Для осуществления психологической помощи оставались некоторые возможности дистанционной работы, которые продолжались использоваться: on-line и off-line консультирование, использование телефона, скайпа, интернет-платформ (социальные сети, электронная почта, Zoom, Discord и др.). Однако охват личного состава данными мероприятиями остается небольшим, помощь оказывается адресно и по запросу. Поэтому было принято решение о необходимости создания в социальной сети

Вконтакте сообщества «Психологическая поддержка СПб УГПС МЧС России», что и реализовано 4 апреля 2020 года.

Основной целью сообщества стало формирование для курсантов, студентов, родителей, а также сотрудников и работников университета атмосферы доброжелательности, спокойствия, уверенности в своих силах, безопасного пространства для дальнейшего развития, способствующей снижению тревоги и остроты переживаний в условиях самоизоляции. Задача психологической поддержки определена, как формирование оптимального фона, на котором будут происходить изменения (спонтанно или в рамках оказания специалистом психологической помощи).

Первоначально работа сообщества была стихийной, но в дальнейшем определилась четкая структура недели, что позволило оптимально распределить ресурсы психологов и поставить четкие задачи по сбору, подготовке и публикации материалов.

Рубрики сообщества позволяют психологам решать задачи психологического информирования и просвещения, направленного на психопрофилактику и психогигиену.

Работа в дистанционном режиме также позволила специалистам психологам расширить профессиональные границы за счет освоения тонкостей представления видеоматериалов на странице сообщества.

На данный момент рано делать какие-то глобальные выводы, но подобная практика дистанционной работы по психологической поддержке имеет свое право на существование и будет развиваться дальше, по окончании режима самоизоляции и возвращении обучающихся в аудитории университета.

Константинов В.В.
Пенза, ПГУ

Осин Р.В.
Пенза, ПГУ

Бабаева М.В.
Пенза, ПГУ

Особенности отношения к трудовым мигрантам в изменяющихся условиях среды

Мигранты, трудовая миграция, социальная дистанция, коронавирус, цифровизация, пенсионная реформа, COVID-19

Миграция — один из самых динамичных процессов, который может существенно повлиять на численность населения, его размещение, возрастной и национальный состав, количественную и качественную составляющие трудовых ресурсов. Современные волны миграций, продолжающие тенденции 20 века, обретают новые черты. За последние несколько лет появившиеся в нашей стране общественные тренды не могут не оказывать влияние на различные сферы жизни, в том числе и трудовую миграцию. Речь идет о повышении пенсионного возраста среди граждан РФ [1], цифровизации, в первую очередь экономики [2], а также пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 в 2020 году.

Как именно эти факторы повлияли на отношение принимающего русского населения к трудовым мигрантам мы выяснили в ходе нашего исследования. Участие в нем приняли 142 человека (98 женщин, 44 мужчины) в возрасте 18-65 лет проживающих на территории Российской Федерации и являющимися по своей национальности русскими.

С утверждением «За время эпидемии COVID-19 отношения между трудовыми мигрантами и местным населением ухудшились» треть опрошенных согласилась (31%), треть не согласилась (30%) и еще треть затруднилась ответить (39%). Также респонденты не пришли к единому мнению по поводу того уменьшится ли количество трудовых мигрантов в связи с эпидемией COVID-19. 25% россиян думают, что не уменьшится, 38% думают, что уменьшится и 37% затруднились с ответом. Возможно местное население еще не осознало последствия COVID-19 в этой проблематике.

Более 60% россиян согласны с тем, что внедрение цифровых (компьютерных) технологий будет способствовать наведению порядка в сфере занятости. Однако с утверждением, что с внедрением цифровых платформ потребность в трудовых мигрантов уменьшится больше половины не согласны. Возможно, представители местного населения свыклись с мыслью, что трудовые мигранты в России навсегда. Об этом говорит и мнение россиян по вопросу недавнего повышения пенсионного возраста, которое должно привести к увеличению количества трудоспособного населения в стране. Больше половины опрошенных не согласны, что с повышением пенсионного возраста потребность в трудовых мигрантах снизится. Однако явное

большинство (73%) считает, что граждане РФ пенсионного и предпенсионного возраста должны иметь преимущество перед мигрантами при трудоустройстве.

С помощью методики «Шкала социальной дистанции Э. Богардуса» мы выяснили мигранты из каких стран более предпочтительны у принимающего населения России. Выявлено, что на наиболее большую социальную дистанцию поставлены китайцы (32% опрошенных рассматривают их только как интуристов, а 11% не хотят их видеть вообще в России). Возможно это связано с тем, что в последнее время именно Китай рассматривается как разносчик коронавирусной инфекции. Также не особо хотят видеть русское население в своей стране узбеков (30% рассматривают их как интуристов, а 10% не хотят их видеть вообще) и таджиков (28% рассматривают их как интуристов, 10% не хотят их видеть в России).

Наиболее маленькая социальная дистанция с армянами (34% опрошенных видят представителей этой нации в круг своих друзей, 13% готовы заключить брак и 8% видят в качестве соседей по улице) и азербайджанцами (34% видят представителей этой нации в кругу своих друзей, 14% готовы заключить брак и 14% видят в качестве соседей по улице). Предположительно представители этих наций более предпочтительны так как они менее заняты в низкоквалифицированном труде и более близки по религиозным взглядам (армяне).

1. Кашепов А.В. Прогнозирование занятости населения и безработицы в условиях повышения пенсионного возраста / А.В. Кашепов // Уровень жизни населения регионов России. — 2018. — №4 (210). — С. 9-17
2. Осин Р.В. Нужны ли трудовые мигранты в эпоху четвертой промышленной революции, развития искусственного интеллекта и цифровизации общества? / Р.В. Осин // Социально-психологическая адаптация мигрантов в современном мире: материалы 5-й меж. науч.-прак. конф. (Пенза, 27-28 марта 2020). Москва: Издательство «Перо», 2020. С. 16

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 20-013-00445 «Социально-психологическая адаптация трудовых мигрантов в России: условия, факторы и механизмы»

Психологическая защита как ресурс адаптивного поведения русских студентов в Лондоне во время пандемии 2020 года

Психологическая защита, проекция, отрицание, вытеснение, пандемия, адаптивное поведение, студенты, кризисная ситуация

Ситуацию, которая сложилась в феврале-июне 2020 года во всем мире, Lazarus (1984) обозначал, как превышающую человеческие ресурсы, Kolk (1996) — травматический стресс, Caughey (1985) — бедствие. В таких ситуациях включается психологическая защита (ПЗ), направленная на стабилизацию внутриспсихического напряжения.

С целью изучения является ли ПЗ ресурсом адаптивного поведения в кризисной ситуации у русских студентов, обучающихся и проживающих в Лондоне, использовались методики «Life style index» (Plutchik et al.), «Diagnosis of social and psychological adaptation» (Rogers, Diamonds), «State-trait Anxiety Inventory» (Spielberger).

В исследовании участвовали 32 студента университетов Лондона, возраст от 20 до 24 лет, проживающих в Великобритании от 5 до 9 лет, из них 18 юношей и 12 девушек.

На 1-ой неделе карантина у обследуемых в ядре ПЗ выявлены следующие механизмы: отрицание — 6,98 ($t=2,96$ $p0,01$), вытеснение — 5,79 ($t=2,04$ $p0,05$), проекция — 7,86 ($t=5,3$ $p0,01$). Выявлена взаимосвязь между отрицанием, вытеснением и высоким уровнем социально-психологической адаптации. Возможно, действие данных защитных механизмов обесценило опасность ситуации, и этим объясняется отказ вернуться в Россию, несмотря на уговоры родителей. Желание жить прежней жизнью сохранялось, но обстоятельства уже не позволяли. Эмоциональный фон первые три дня карантина был благополучным, происходящее воспринималось, как игра, строились оптимистичные планы (выучить еще один язык, прочитывать, походить, посмотреть, подготовиться к экзаменам, поиграть в компьютерные игры и т.д.). К концу 1-ой недели стала нарастать тревожность, причем ситуативная преобладала над личностной ($p0,05$). Появились первые панические реакции у девушек, увеличилось проявление отрицательных эмоций, появились чувство безысходности, страх. Встречи в начале 2-ой недели стали более редкими и малочисленными. К концу 2-ой недели пришло понимание, что это все быстро не закончится, осознание серьезности ситуации. Стала проявляться агрессия, больше направленная на себя, желание что-то изменить. Две девушки организовали сбор средств совместно с одним Лондонским рестораном, который готовил обеды врачам для трех госпиталей, остальные активно их поддерживали. Вечером, каждый четверг, выходя на балконы, включались в акцию поддержки врачей аплодисментами, наблюдали, как молча и с достоинством англичане переносят сложности ситуации. Даже в трогательной речи Королевы

Елизаветы основной посыл звучал как «Keel calm and Carry on» (сохраняй спокойствие и продолжай). На 3-ей неделе встречи проходили в режиме онлайн, любая тема сводилась к обсуждению пандемии, но депрессивный фон настроения стал меняться на более позитивный, появились шутки. На 4-ой неделе продолжалось уточнение планов, которые так и не начали реализовываться. Пятая и шестая недели характеризуются как «карантинная рутина». Отсутствие новых инфоповодов привело к усталости друг от друга, появились конфликты, обиды, обвинения. Количество контактов сократилось, происходило погружение в собственное «Я». На 7-8 неделях появилась злость на ситуацию, т.к. она мешала реализации жизненных планов. Онлайн общение сменилось поездками к морю, компьютерные игры на настольные, преобладали разговоры об экзаменах. На 9-10 неделях дистанционно сдавали экзамены, активно поддерживали друг друга, неожиданно включились в прохождение образовательных курсов и курсов личностного роста. Большая часть планов так и осталась нереализованной. В ядре ПЗ отрицание сменилось реактивными образованиями — 5,86 ($t=3,53$ $p0,01$). Все то, что «вчера» казалось странным, «сегодня» стало новой нормой.

Таким образом, психологическая защита, функционирующая на стыке сознательного и бессознательного психического, не только регулятор эмоциональных реакций, но и ресурс адаптивного поведения в кризисной ситуации, механизм, позволяющий адаптироваться к ситуации и способствующий раскрытию личностного потенциала.

Особенности совладающего поведения операторов Call-центра в условиях пандемии COVID-19

Стресс, совладающее поведение

Работа оператора Call-центра связана с большим объемом информации, необходимостью подстраиваться под каждого клиента и наличием жесткого регламента консультаций. Исследователи ставят эту работу в один ряд с наиболее напряженными, которые приводят к проявлению симптомов стрессовых состояний [1]. На совладание с особенностями работы оператор тратит психологические ресурсы и использует набор разнообразных копинг-стратегий, в основном состоящих из вредных для здоровья привычек [1]. Учитывая нынешнее положение в мире, а именно пандемия COVID-19, возросло количество вызовов, с которыми сталкиваются операторы Call-центров. Переход на дистанционный формат работы вызвал больший спрос на услуги дистанционных консультаций. К обычной работе оператора Call-центра добавились вызовы, связанные со страхом заболеть, остаться без работы, а также вырос уровень напряженности клиентов, обращающихся на горячие линии.

Таким образом, можно обозначить цель нашего исследования: выявить особенности динамики совладающего поведения у операторов Call-центра в условиях пандемии COVID-19.

В качестве методики исследования был использован «Опросник Способов Совладания» (Ways of Coping Questionnaire) Р. Лазаруса и С. Фолкман в адаптации Т. Л. Крюковой, Е. В. Куфтык, М. С. Замышляевой (2004). В исследовании приняли участие 60 операторов в возрасте от 19 до 62 лет, на момент исследования работающих в организации как минимум полгода. Было проведено два сбора данных, в ноябре 2019 года и в апреле 2020. Для проверки различий между двумя замерами использовался Т-критерий Вилкоксона.

В ходе проведения эмпирического анализа нами были обнаружены статистически значимые различия между следующими стратегиями совладания: «Дистанцирование» ($T=10$, $Z=5.44$, $p .000$), «Бегство-избегание» ($T=0$, $Z=5.64$, $p .000$), «Положительная переоценка» ($T=121.5$, $Z=3.16$, $p .001$). При этом во время работы в период пандемии операторы чаще дистанцировались от проблемы за счет когнитивных усилий, мечтали о том, чтобы все это быстрее закончилось, либо пытались посмотреть на ситуацию с позиции самоизменения, положительно переоценить ее, снять напряжение через творчество. Возросло и стремление изменить свое состояние за счет сна, еды, приема лекарств или алкоголя. Эти различия подтверждаются данными, полученными другими исследователями [1,2]. Можно говорить о том, что в ситуации повышенных требований у операторов преобладает желание изолироваться от проблем, снизить субъективную значимость трудных ситуаций, оперативно снять

эмоциональное напряжение, что несет в себе риски обесценивания ситуации, а также истощения ресурсов.

Стратегии совладания «Самоконтроль» ($T=123.5$, $Z=4.66$, $p .000$), «Поиск социальной поддержки» ($T=34.5$, $Z=5.37$, $p .000$) и «Планирование решения проблемы» ($T=141.5$, $Z=3$, $p .002$) оказались менее выраженными, чем в первом замере. На наш взгляд, данное различие можно объяснить тем, что ситуация пандемии предполагает ограничение социальных контактов и, как следствие, напряжение и стресс труднее поддаются рациональному контролю. Отсутствие четкого понимания того, что ждет в будущем, снижает эффективность планирования поведения.

Таким образом, полученные нами данные свидетельствуют о том, что пандемия явилась определенным вызовом, к которому большинство респондентов оказались не готовы и, в принципе, не могли быть готовы в связи с отсутствием опыта переживания подобных ситуаций. Поэтому выбор стратегий совладания сместился на те из них, которые могут помочь снизить уровень стресса «здесь и сейчас». Полученные данные обладают потенциалом для дальнейшего изучения адаптивности и становления профессионала в среде наполненной вызовами.

1. Куваева И. О. Профессиональный стресс у операторов контакт-центров //Известия Уральского государственного университета. Сер.1, Проблемы образования, науки и культуры. 2010. N 4 (81).
2. Бочкарёва Е. Н. Компоненты выгорания и стратегия поведения в стрессовых ситуациях операторов контактного центра //Организационная психология. — 2016. — Т. 6. — №. 2.

Духовность как личностный ресурс психологической устойчивости в кризисных ситуациях, спровоцированных пандемией

Духовность личности, психологическая устойчивость, личностный ресурс, кризисная ситуация

Пандемия COVID-19 как бедствие является кризисной ситуацией мирового масштаба, нарушающей целенаправленную жизнедеятельность человека. Человечество, оказавшееся в кризисной ситуации, спровоцированной пандемией, обнаружило, что упорядоченный и тщательно выстроенный мир стал шатким и неопределенным. Привычные способы, с помощью которых человек привык справляться с жизненными трудностями, стали недоступны. Кризисная ситуация вызвана угрозой целям и системе ценностей, «перекрытием» источников жизненных смыслов.

Сохранять внутренний психологический баланс позволяет психологическая устойчивость личности. Психологическая устойчивость отражает стабильность функционирования личности в условиях воздействия психотравмирующих факторов. Выделяются внутренние и внешние ресурсы психологической устойчивости. К внешним можно отнести межличностную и социальную поддержку близких, друзей, сотрудников, сохранение или желаемое изменение семейного, должностного, социального статуса и др. К внутренним ресурсам относятся согласованность реального и желаемого образа Я личности, вера в достижимость поставленных целей, умение использовать эффективные способы преодоления трудных жизненных ситуаций и др. Одним из важнейших личностных ресурсов психологической устойчивости в кризисных ситуациях является духовность.

Проблема духовности как личностного ресурса психологической устойчивости в кризисных ситуациях рассматривалась в работах Буровой Е.А., Вольвич Ю.К., Маркеловой Т.В., Чхиквадзе Т.В. и др. [1,2,3,4].

Авторами выделяется и обосновывается:

- приоритетная роль мотивационно-ценностных образований среди комплекса личностных и психологических качеств, составляющих психологические ресурсы личности и актуализирующихся в кризисной ситуации [1];

- ценностно-смысловой комплекс, образующий конструктивную модель психологических ресурсов устойчивости в кризисных ситуациях (мотивация успеха, ценности перспективы потенциальных достижений, стабильности объема деятельности; способность самопознания, оптимально выраженная трудовая активность и продуктивность деятельности; конструктивные копинг-стратегии «дистанцирование», «поиск социальной поддержки», «планирование решения проблемы») [3];

- духовность как генерирующая опора психологической устойчивости в кризисных ситуациях, проявляющаяся в добровольном исполнении норм нравственности

при реализации поставленных задач и связанная с эмоционально-ценностным отношением к профессиональной деятельности, волевой регуляцией и интеллектуальной лабильностью [2];

- духовность как важнейший ресурс, позволяющий человеку организовать свои действия и поведение в соответствии со своей системой ценностных ориентаций и выстраивать позитивные взаимоотношения с обществом, другими людьми и с самим собой на высоком уровне морали и нравственности, в том числе и в условиях кризисной ситуации [4].

Таким образом, изучение духовности как личностного ресурса психологической устойчивости является актуальной проблемой, направленной на расширение научного знания о психологических резервах человека и прогнозирования его поведения в кризисных ситуациях.

1. Вольвич Ю.К. Психологические ресурсы устойчивости личности к стрессу в организациях разных сфер и видов деятельности: диссертация ...к.психол. наук: 2018.- 266 с.
2. Маркелова Т.В., Бутова Е.А., Дунаева Н.И. О духовности человека и возвращении понятия души в психологию. Проблемы современного педагогического образования. Серия: Педагогика и психология. — Сборник научных трудов: — Ялта: РИО ГПА, 2017.- Вып. 60. —Ч.4.-С. 442-445.
3. Маркелова Т.В., Бутова Е.А., Кашеева А.В. Сформированность психологических компонентов духовности в зависимости от типа выбранной профессии. Проблемы современного педагогического образования. Серия: Педагогика и психология. — Сборник научных трудов: — Ялта: РИО ГПА, 2017.- Вып. 56. —Ч.5. — С. 293-302.
4. Чхиквадзе Т. В. Духовность личности: сущностные признаки, структура и особенности проявления у студентов: автореф. дис. ... канд. психол. наук-М.,2011.-27 с.

Представления студентов о будущем в условиях пандемии

Студенты, пандемия, представления о будущем, семантический дифференциал времени, толерантность к неопределенности, смысложизненные ориентации

Начало третьего десятилетия XXI века ознаменовалось вспышкой эпидемии COVID-19, которая оказала значительное психологическое и экономическое влияние на весь мир, общество и каждого человека. 12 марта 2020 года ВОЗ объявила быстро распространяющийся вирус пандемией. Актуальность данного исследования бесспорна в связи с уникальностью и масштабом происходящего. Особенность данной ситуации заключается в том, что нависшая угроза практически невидима, но существует повсеместно, затрагивая большинство сфер жизни человека и обладает высокой энтропией будущего. Образ будущего — важнейший конструкт для формирования личностной идентичности и психической регуляции жизненного пути человека. Ситуации неопределенности вызывают не только неуверенность в будущем, но и влияют на эмоциональное состояние, становятся причиной различных переживаний от интереса, любопытства до страха, тревоги, которые могут неоднократно сменять друг друга, приводя к нестабильному состоянию на протяжении всего периода развития событий. В процессе переживания кризисной ситуации человек сталкивается с основными экзистенциальными вопросами: конечностью бытия (смертью), свободой, одиночеством (изоляция) и бессмысленностью. Как известно, находясь в сложных эмоциональных состояниях, осмысляя полученный опыт, человек может обрести новые жизненные смыслы, ориентиры, провести переоценку ценностей, таким образом переходя на новую ступень своего развития.

Проведенное в период действия режима самоизоляции исследование было направлено на изучение представления студентов о будущем в условиях пандемии. Студенты психологического и экономического факультетов (N=36) были обследованы с помощью авторской анкеты, теста «Смысложизненных ориентаций» (Леонтьев Д.А.), шкалы толерантности к неопределенности (МакЛейн Д., адаптация Луковицкой Е.Г.), методики «Семантический дифференциал времени» (Вассерман Л.И., Трифонова Е.А. и Червинская К.Р.).

Представления студентов о будущем до объявления пандемии коронавируса, ретроспективно описанные по нашей просьбе с помощью прилагательных, были объединены в три группы в соответствии с эмоциональной составляющей — позитивные (так ответили 66,7% респондентов), негативные (19,4%) и нейтральные (13,9%). Ответы на этот вопрос были соотнесены с результатами по шкале «Эмоциональная окраска» будущего методики «Семантический дифференциал времени». Повышенный и существенно повышенный уровень этой характеристики будущего показали 83,3% респондентов и только 16,7 — пониженный или существенно пониженный. Такие данные свидетельствуют о том, что большинство студентов представляют будущее светлым, ярким, радостным, спокойным, т.е. преимущественно позитивным.

При этом также большая часть студентов (86,1%) считают, что будут вынуждены изменить или отложить выстроенные ранее планы. Нами установлено, что эмоциональная и интеллектуальная вовлеченность в будущее значимо выше у студентов, считающих себя «хозяином своей жизни» ($r=0,387$, $p<0,05$), считающих жизнь управляемым процессом ($r=0,383$, $p<0,05$) и имеющий более высокий общий показатель осмысленности жизни ($r=0,349$, $p<0,05$). Подтвердились гипотезы о взаимосвязи образа будущего, его эмоциональной окраски с локализацией локуса контроля и толерантностью к неопределенности.

Результаты проведенного нами исследования позволяют сделать вывод о том, что позитивная эмоциональная окраска будущего имела место до начала пандемии и сохранилась с ее наступлением, несмотря на ситуацию высокой неопределенности, к которой, по результатам диагностики, 61% испытуемых имеют высокий уровень толерантности. Студенты продемонстрировали ожидаемо низкие показатели по прогнозируемости, ощущаемости будущего, но при этом представляют его более радостным, насыщенным, активным, имеющим большее пространство для самореализации и большую наполненность смыслом, чем прошлое и настоящее.

Отношения к самоизоляции и негативные психологические последствия ограничительных мер в условиях пандемии COVID-19 у лиц, относящихся к группе риска

Пандемия COVID-19, самоизоляция, группа риска, психологическое состояние

Наряду с угрозой жизни и соматическому здоровью людей, пандемия COVID-19 приводит к снижению качества жизни и нарушениям психического здоровья, особенно это проявляется в наиболее пострадавших странах [1]. В группу риска по COVID-19 входят люди с хроническими заболеваниями и пожилые (старше 65 лет). В отношении данной группы населения предпринимается наибольшее количество ограничений [2]. В проведенном исследовании мы изучали психологическое состояние и отношение к самоизоляции группы риска COVID-19. Исследование проводилось с помощью формы «Google-опрос», размещенной в социальных сетях. В исследовании приняли участие 451 человек в возрасте 12-82 года ($M=22$ года, 80% женского пола). Было сформировано 2 группы: «группа риска», в которую вошли лица, указывающие на наличие заболеваний из списка риска для COVID-19, а также все респонденты старше 65 лет ($n=81$); не относящие себя к группе риска респонденты — «группа здоровья» ($n=270$). Для реализации задач исследования была разработана анкета «Отношение к самоизоляции», а также использованы методики «Дифференциальный опросник переживания одиночества», «Краткая шкала тревоги, депрессии и ПТСР» в модификации Карповой Э.Б. Результаты обрабатывались в программе SPSS Statistics 23 с применением описательных статистик, построения таблиц сопряженности и критерия χ^2 -Пирсона. В ходе анализа результатов выявлено, что приверженность к самоизоляции не связана с принадлежностью к группе риска ($\chi^2=0,054$, $p=0,816$). В обеих группах считают, что соблюдают режим 80% респондентов. При этом действительно соблюдают режим 65% группы риска, т.е. выходят из дома лишь по необходимости или не выходят на улицу totally (2,4%). 35% групп риска при этом продолжали гулять без цели и ходить в гости. Вероятно, такое расхождение связано с разной интерпретацией понятия «самоизоляция», разными источниками информации о режиме, степенью доверия к ней. Была обнаружена значимая связь между принадлежностью к группе риска и такими симптомами психологической травматизации, как: неспособность расслабиться ($p=0,04$), раздражение и плохое настроение ($p=0,04$), рассеянность ($p=0,000$), сильная усталость ($p=0,001$), ухудшение сна и трудности засыпания ($p=0,035$), снижение интереса к жизни ($p=0,002$). Интегральный показатель наличия негативных психологических последствий также значимо взаимосвязан с принадлежностью к группе риска ($p=0,002$). Частотный анализ отражает тенденцию к большей выраженности травматизации среди «группы здоровья», по всем вышеперечисленным симптомам. Признаки негативных психологических последствий травматизации, связанной с

COVID-19, отмечаются у 45% «группы здоровья» и 26% группы риска. Подобные показатели могут свидетельствовать о более резкой перемене условий и качества жизни у «группы здоровья», нежели у группы риска. Также значимой оказалась связь показателя общего одиночества и принадлежности к группе риска ($p=0,004$). В ходе частотного анализа выяснилось, что среди членов группы риска реже встречается высокий уровень одиночества, чем в «группе здоровья» (1% и 8%, соответственно), чаще низкий уровень — 64% (в «группе здоровья 52%). Это может быть связано с большей поддержкой группы риска со стороны окружающих, либо с отсутствием кардинальных изменений в уровне выраженности одиночества, который может быть высок и значительно распространен в группе риска в целом.

Полученную информацию можно использовать для выделения зон риска возникновения и развития психологических последствий пандемии и учитывать при составлении программ их профилактики в разных группах населения.

1. Fiorillo A. The consequences of the COVID-19 pandemic on mental health and implications for clinical practice / A. Fiorillo, P. Gorwood // *European Psychiatry*. — 2020. — Vol. 63, № 2. — P. 74–80.
2. Brooks S. The psychological impact of quarantine and how to reduce it: rapid review of the evidence / S. Brooks, R. Webster, L. Smith *Lancet* // *Lancet*. — 2020. — Vol. 395, №10227. — P. 912-920.

Особенности динамики медиасферы в период пандемии COVID-19

COVID-19, медиа, свобода, безопасность, неопределенность, самоизоляция, толерантность к неопределенности, экстремальная ситуация

С конца 2019 г. в медиаповестке всего мира присутствует Covid-19. Жизнь предложила человечеству уникальный эксперимент переживания реальной угрозы и беспрецедентной реакции на нее в виде самоизоляции. Очевиден научный интерес к тому, как люди воспринимают происходящее, как интерпретируют, как меняется их отношение; какие стратегии поведения выбирают, от каких факторов зависит или иное отношение к проблеме и соответствующее поведение. Создана практически идеальная экспериментальная ситуация, которую можно трактовать как ситуацию неопределенности. Ее исследование интересно и как анализ конкретного кейса, и как возможность для понимания и прогнозирования поведения людей в аналогичных ситуациях в будущем.

Особую роль в ситуации самоизоляции имеет медийная коммуникация. Медиа работают на конструирование образа опасности или ее отсутствия, через медиа поставляется информация о распространении пандемии, необходимых и предпринимаемых мерах, а также благодаря медиаресурсам люди могут выразить свою реакцию на происходящее. Целью данного исследования был мониторинг наиболее востребованного и комментируемого новосибирского новостного сайта ngs.ru (439000 пользователей ежедневно) для анализа динамики новостного дискурса о пандемии и реакций на него пользователей. Были собраны данные с начала появления первой информации о коронавирусе (22 января) по середину июня 2020 года, которые включают количество новостей о Covid-19 за сутки, количество их просмотров за сутки, количество комментариев к ним за сутки, а также анализ и содержание комментариев, вызвавших наибольший интерес, одобрение или неодобрение, наибольший эмоциональный отклик.

Сайт НГС и его пользователи начали проявлять доминирующее внимание новостям о вирусе с середины марта и продолжают это делать до сих пор, однако с 31 марта (день с наибольшим количеством статей -33, комментариев — 5953 и просмотров — 2,8 млн) наблюдается устойчивая тенденция к снижению интереса СМИ и пользователей и эмоционального отклика (например, 30 апреля: 21 статья, 2692 комментария и 615 тыс. просмотров; 4 июня: 9 статей; 1420 комментариев; 289 тыс. просмотров). В марте все эти показатели росли по мере распространения Covid-19 в мире, России и Новосибирске. С 31 марта наблюдается устойчивый рост числа зараженных в Новосибирской области (31 марта: 9 зараженных всего и 0 новых; 30 апреля: 471 всего и 35 новых; 4 июня: 3226 всего и 104 новых), а интерес к теме и эмоциональная реакция уменьшаются. Это падение интереса и эмоциональных реакций началось и устойчиво продолжается с 31 марта, практически с самого начала самоизоляции, вне зависимости от политической повестки и экономических проблем

(нельзя сказать, что внимание к проблеме сдерживается искусственно). Пики интереса и эмоциональных реакций связаны с решениями власти, ограничительными мерами, введением режимов самоизоляции, масочного, электронных пропусков и пр. Кроме того, всплеск интереса и резонанс вызывали новости о первом зараженном в городе, первой смерти, молодом возрасте умерших; вечеринках во время самоизоляции; условиях в ковидных больницах и системе здравоохранения.

Выделены этапы отношения пользователей к проблематике коронавируса: 1) отрицание, скепсис в отношении угрозы; 2) осознание необходимости специальных мер на фоне оценки действий властей как избыточных; 3) оценка мер властей как недостаточных и непоследовательных; 4) усталость, экономические сложности на фоне понимания возможности заражения; принятие необходимости жить в условиях опасности заражения и соблюдать все меры предосторожности, невзирая на утомленность.

В настоящее время исследование продолжается, но выявленное противоречие между реальной угрозой и реакцией на нее дает почву для психологических интерпретаций, особенно касающихся переживания ситуаций неопределенности и выбора между свободой и безопасностью.

Взаимосвязь тревожности, особенностей копинг-стратегий и социально-демографических факторов у пожилых людей в условиях пандемии коронавируса (На примере русскоязычных мигрантов в Германии)

Психология миграции, психология старения, копинг-стратегии, тревожность, пожилой возраст, COVID-19, социально-демографические данные

Вспышка пандемии covid-19 и изменения, которые она внесла в жизнь современного мира, привлекли внимание к теме ментального и физического здоровья пожилых людей. Стремительно нарастающая угроза показала, насколько уязвимыми они могут быть. Миллионы пожилых людей неожиданно оказались в изоляции от друзей и родных, от привычной жизни, один на один со своими переживаниями. Ситуация существенно осложняется для пожилых мигрантов, у которых трудности в адаптации, чувство тоски по дому и многие другие стрессоры могут усугублять развитие тревожных симптомов, повышая риск развития психических расстройств.

Очевидно, что копинг является важным посредником между тревогой и психическим благополучием, и эффективное совладание играет большую роль в сохранении здоровья пожилых людей.

Исследование проводилось с целью изучить взаимосвязь социально-демографических факторов пожилых мигрантов в условия пандемии со спецификой совладающего поведения и проявлением тревожных симптомов. Выборку составили 27 человек в возрасте от 62 до 85 лет. В качестве методов исследования использовались: Авторская анкета для сбора социально-демографических данных, Интегративный тест тревожности, Опросник “ССП” Лазаруса. Для обработки применялись анализ частот, коэффициент корреляции Спирмена, сравнительные критерии U-Манна-Уитни и Краскела-Уоллиса.

Согласно результатам выраженность всех копинг-стратегий находится в умеренном диапазоне, что говорит о сбалансированной картине совладающего поведения у пожилых людей. Наиболее выраженными стратегиями являются самоконтроль, поиск социальной поддержки и планирование решения проблемы, наименее — принятие ответственности и положительная переоценка.

Обнаружены следующие статистически значимые взаимосвязи между копингами и социально-демографическими факторами:

- У женщин более выражена тенденция к избеганию, чем мужчин
- Существует связь между принятием ответственности и возрастом. Наиболее выражен этот копинг в группе старше 80 лет.
- Связь между склонностью к положительной переоценке и сроком проживания в Германии. В меньшей степени предпочитают эту стратегию респонденты, имеющие стаж эмиграции менее 5 лет.

Выявлен повышенный уровень личностной тревожности (ЛТ), в уровень ситуативной тревоги (СТ) находится в пределах нормы. По шкале ЛТ наиболее выраженной является тревожная оценка перспективы (ОП), которая характеризуется проекцией страхов на будущее. В структуре СТ данная шкала так же имеет высокие значения, указывая, что беспокойства о будущем являются актуальным и острым переживанием пожилых людей. Выраженность астенического компонента (АСТ) по обеим шкалам, указывает, что в структуре тревоги у пожилых людей значительное место занимают различные аспекты их физического самочувствия. Эмоциональный дискомфорт (ЭД), фобический компонент (ФОБ) и социальные реакции защиты (СЗ) в структуре как ЛТ, так и СТ находятся в пределах нормы.

Были выявлены следующие значимые взаимосвязи между социально-демографическими факторами респондентов и проявлением у них тревожных симптомов:

- Уровень ФОБ ситуативной тревожности различается у разных возрастных групп. Слабее всего он выражен у респондентов младше 70 лет, сильнее — у лиц старше 80.
- Связь между сроком проживания в Германии и уровнем ЭД и ФОБ в структуре ЛТ. Наиболее склонны испытывать тревожные переживания люди со стажем миграции до 5 лет.
- Астенические переживания сильнее проявляются у людей, проживающих в одиночестве, чем у тех, кто живет с семьей.
- Людям, соблюдающим самоизоляцию, свойственны более яркие страхи относительно будущего (ОП), чем тем, кто соблюдает ее частично или не соблюдает вовсе. Предполагается, что обеспокоенность пожилых людей своим будущим является для них сдерживающим стимулом и заставляет серьезнее относиться к угрозе заражения.

Полученные данные могут учитываться социальными службами Германии при работе с пожилыми русскоязычными мигрантами, выявлении потенциальных групп риска и профилактике у них возникновения тревожных расстройств.

Работа с тревожностью в период пандемии в рамках психологической консультации

Тревога, когнитивно-поведенческая терапия, психологическое консультирование, изоляция, поведенческая активность, тревожное мышление

Сложившаяся ситуация в стране и в мире трактуют нам свои алгоритмы жизнедеятельности. Неожиданная ситуация повергла в шок многих и держит по — настоящее время. Вирус, который поразил все производственные структуры, и не только, страдает деятельность человека, которая поражает своей масштабностью. Часть населения в растерянности, а многие в тревоге за свое будущее.

Понятие тревоги трактуется как расплывчатый, длительный и смутный страх по поводу будущих событий. По мнению некоторых исследователей, тревога представляет собой комбинацию из нескольких эмоций — страха, печали, стыда и чувства вины. [Изард, Кэррол Эллис. Психология эмоций = The Psychology of Emotions. — Питер, 2007. — 464 с.]

В данном случае, мы предполагаем, что угроза неопределенности, отсутствие привычной работы и средств существования, изоляция (давайте не забывать, что человек общественное существо), все это создает почву для возникновения тревоги. [Щербатых Ю. В., Ивлева Е. И. Психофизиологические и клинические аспекты страха, тревоги и фобий. — Истоки, 1998. — 282 с.]

Следуя теории поведенческой активности, как указывает в своих работах Р. Лихи приводят к депрессии — пассивность, избегание, изоляция. [Лихи Роберт Свобода от тревоги. Справься с тревогой, пока она не справилась с тобой. -СПб, 2017. - 368с.]

Подобный комплект действий приводит, также, к появлению абсурдных страхов, которые влияют негативно на психику человека. Проявляется у человека это, через расстройство сна, аппетита.

Пример из практики психологического консультирования: пришел на консультацию мужчина, 42 лет. Голос тихий, робкий, он все время говорил, что теряет семью и теперь жена обязательно от него уйдет.

Тревожное мышление вызывать у него спутанность и расстройства восприятия не только времени, но и пространства. Применение техник метода когнитивно-поведенческой терапии (далее по — тексту — КПТ) позволило разобрать перспективу позитивного будущего.

Мы придерживались определения в работе Б.Г.Ананьева «Образование и дифференцировка временных связей—условных рефлексов с того или иного анализатора — расширяют границы в области его деятельности». [Ананьев Б.Г. Психология и проблемы человекознания: Серия: Психология России. — 2018.-435-2с.]. В целом, дисфункциональное мышление (которое влияло на настроение и поведение мужчины) подтверждало расстройство поведения.

В своей работе мы рассматривали рискованные мысли, поведение и пробовали перевести в полезные и перспективные мысли и действия. Например, «я никогда

больше не трудоустроюсь на хорошую работу». Когда проанализировали ситуацию, оказалось, что «удовлетворенность трудом», отмечено из 10 по предложенной шкале, всего — 5. На вопрос, «что можно поменять?», «какой путь вы выберете?», мужчина оживился, «О!», произнес он, повод найти лучшее место работы. Оказывается, и отрицательные моменты могут быть ресурсными, и изоляцию можно превратить в ресурс для деятельности.

В рамках КПТ клиент выделил следующие положительные для себя особенности: — чаще акцент ставится на настоящее; — домашние задания дают возможность, полученные знания применять в реальной жизни.

Основной задачей КПТ в психологической консультации, в данном случае, является изменение в восприятии себя и окружающей действительности, при этом мужчина признается, что приобретенные знания о себе и мире влияют на поведение в социуме. [Бек Джудит Когнитивно-поведенческая терапия. От основ к направлениям. -СПб: Питер, 2018. — 416с.].

Далее, была применена техника фигурной скульптуры (*figure placement techniques* — FPT), для отработки отрицательных эмоций, которые родом из детства.

Таким образом, в комплексе, данные техники в ходе психологического консультирования повлияли на изменение схем и поведенческих копинг-стратегий в период изоляции.

Руденко К.А.

Санкт-Петербург, Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет им. акад. И.П. Павлова

Меткин М.В.

Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский университет государственной противопожарной службы МЧС России

Лукьянова Е.Л.
Санкт-Петербург

Ценностно-смысловые аспекты работы студентов-медиков с больными с COVID-19 во время пандемии 2020 года

Ценности, смысло-жизненные ориентации, COVID-больные, студенты-медики, пандемия

Экстремальные условия пандемии, связанные с распространением коронавируса, не могут не сказываться на психологии выпускников медицинских вузов, принимающих участие в работе с COVID-больными, на мотивации их поведения, смысло-жизненных ориентациях.

С целью исследования ценностно-смысловых аспектов работы студентов медицинского университета, работающих во время пандемии в 2020 году, использовались методика М. Рокича «Ценностные ориентации», тест «Смысло-жизненные ориентации» Д.А. Леонтьева, тест Спилбергера-Ханина, анкета для уточнения информации об обследуемых.

В исследовании приняли участие 56 студентов 6-го курса Первого Санкт-Петербургского государственного медицинского университета им. акад. И.П. Павлова, 42 девушки и 14 юношей, работавшие во время пандемии и 50 студентов этого же курса, не работавшие с COVID-больными, из них 35 девушек и 15 юношей. Средний возраст обследуемых составил 23,7 года.

Студенты приступили к работе в апреле-мае 2020 года, из 73-х продолжают работу по настоящее время (20.06) 50 человек, выполняя обязанности среднего медицинского персонала.

Инициативу работать с больными с COVID-19 поддержали 64,4% родителей, 28,6% родителей были против, 7% родителей не знали о решении своих детей.

Для того, чтобы не подвергнуть опасности родных 25% студентов переехали в отдельное жилье, 14,3% остались проживать с родителями или супругами, остальные проживали отдельно и до начала работы. К работе с COVID-больными, включились 92,9% студентов, у которых по итогам текущей успеваемости оценки только «хорошо» и «отлично».

На момент начала работы основные переживания были связаны со страхом заразиться и стать переносчиком болезни у 46,4% студентов, выглядеть непрофессионально в глазах коллег у 32,7%, не справиться со своим эмоциональным состоянием у 10,2%, страх смерти присутствовал у 7,1%.

Предпочитаемые терминальные ценности — «активная деятельная жизнь», «уверенность в себе», «здоровье», «любовь», «материально обеспеченная жизнь»,

«познание». Предпочитаемые инструментальные ценности — «широта взглядов», «ответственность», «самоконтроль», «исполнительность», «чуткость». Значимые различия ($p < 0,05$) со студентами, не работающими с COVID-большими обнаружены по таким ценностям, как «свобода», «друзья», «независимость».

Общий показатель СЖО достаточно высокий, также высокие значения по субшкалам «Цели», «ЛК-образ Я», остальные показатели находятся в пределах средних значений. Это объясняется не столько экстремальными условиями работы, сколько возрастным фактором. Значимые различия выявлены по субшкале «ЛК-жизнь» ($p < 0,05$). Студенты, работающие с COVID-большими, допускают возможность, что внешние обстоятельства могут быть регуляторами их собственной жизни, хотя и считают себя сильными, уверенными личностями.

Значимые различия выявлены по показателю «личностная тревожность» ($p < 0,01$), он выше у студентов, не работающих с COVID-большими. В анкетах студенты, работающие с COVID-большими, отмечали, что ко второй неделе работы тревожность стала снижаться, но нарастала усталость.

Таким образом, ценностно-смысловыми ориентирами у студентов-медиков, работающих с COVID-большими, являются целеустремленность, нацеленность на будущее, уверенность в себе, интерес и осмысленность жизни, готовность к профессиональной деятельности, любовь к людям, желание помогать.

Полученные результаты исследований могут использоваться для уточнения системы психологической подготовки будущих медицинских работников к профессиональной деятельности в экстремальных условиях.

Динамика профессиональной мотивации медицинского персонала в кризисный период на примере борьбы с коронавирусом

Медицинский персонал, профессиональная мотивация, профессиональная деятельность, кризисный период

Научно-исследовательский интерес к изучению динамики профессиональной мотивации медицинского персонала детерминирован сложившейся в стране и мире ситуацией борьбы с пандемией. Современные исследования, проводимые в России, показывают достаточно серьезные отличия в мотивах труда персонала, находящегося в кризисной ситуации, угрожающей жизни и здоровью.

Медицинский персонал является главной ценностью любого медицинского учреждения и в целом различные мотивационные предпочтения реализуются достаточно широко (Л. С. Бабынина, 2016), (С.В. Мерзлякова, Н.В. Кулигина, 2018), (Е.Ю. Панчук, 2019). Но в мотивации профессиональной деятельности медицинского работника также имеют важное значение психоэмоциональные состояния, которые переживает человек, оказавшийся в экстремальной ситуации. В. В. Козлов описывает следующие паттерны, присущие кризису: страх, зачастую недифференцированный, возникающей перед неминуемой угрозой или катастрофой; чувство одиночества; чувство отчужденности вследствие изменения привычных правил жизни; переживание символической смерти. Рассмотрение данных паттернов позволяет сделать вывод о том, что кризис приводит к изменению чувства значимости всего того, что было до него.

С целью исследования динамики профессиональной мотивации медицинского персонала в кризисной ситуации, проведено исследование, в котором приняли участие 24 медицинских работника, участвующих в борьбе с пандемией COVID -19 на территории Екатеринбурга и Свердловской области.

В качестве психодиагностического инструментария были применены методики: 1) Измерение мотивации достижения А. Мехрабиана; 2) Оценка мотивации одобрения Д. Крауна и Д. Марлоу; 3) Ориентационная анкета направленности личности Б. Басса.

Сравнение показателей мотивации медицинского персонала в первую неделю карантина в стране (март) и на завершающем этапе (май), позволило выделить следующие особенности. В начале карантина медицинский персонал демонстрирует высокий уровень мотивации к достижению успеха (150 б.), мотивацию одобрения (15,67) и направленность на себя не превышает 76. На завершающем этапе преобладает мотивация избегания неудач -112 б., снижение значимости мотива одобрения -9,97 и повышается уровень направленности на себя (8,5).

На основании полученных данных, проведен статистический анализ с использованием U-критерия Манна-Уитни. При расчетном значении 11, показано наличие статистически значимых различий в профессиональной мотивации медицинского персонала на начальном и на завершающем этапе борьбы с пандемией COVID -19.

Таким образом, данное исследование позволило увидеть различия, свидетельствующие о снижении уровня мотивационной активности и соответственно профессионализма, и сделать следующие выводы: на завершающем этапе карантинного периода происходит заметное снижение уровня мотивации, переход мотивации в категорию «избегания неудачи» и направленности на себя. Данный факт свидетельствует о нарастании чувства усталости и стресса.

Результаты проведенного исследования выступают в качестве фундамента формирования модели психологического сопровождения и мотивации медицинского персонала в кризисный период профессиональной деятельности.

1. Бабынина Л. С. Развитие систем вознаграждения персонала // Инновационные доминанты социально-трудовой сферы : экономика и управление : материалы ежегодной междунар. науч.-практ. конф. Воронеж, 2016. С. 191-193.
2. Панчук Е. Ю. Изучение мотивации труда медицинских работников // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. -2019. Т. 19, вып. 2. С.183-186.
3. Мерзлякова С.В., Кулигина Н.В. Особенности мотивации профессиональной деятельности медицинских работников // Russian Journal of Education and Psychology, 2018, № 8. С. 127-138.

Режим “самоизоляции” в период пандемии Covid-19: анализ опроса о его соблюдении

Самоизоляция, социальная ответственность, смысловое наполнение

Понятие «самоизоляция», появившееся в период пандемии Covid-19 как комплекс ограничительных мер для населения, которые вводит правительство на определенный срок для борьбы с распространением заболевания, не имеет четкого определения, в том числе и вследствие того, что оно не закреплено юридически. Смысловое наполнение понятия «самоизоляция» может влиять на соблюдение рекомендованных мер. В проведенном исследовании мы попросили участников рассказать о том, как и почему они соблюдают рекомендованный режим самоизоляции. Исследование проводилось с помощью гугл-опросника, размещенного в различных социальных сетях. В нашем исследовании приняли участие 449 человек (в возрасте от 12 до 79 лет, 80% — женщины), средний возраст выборки составил 30 лет ($\pm 12,2$).

373 человека (83,1%) указали, что придерживаются самоизоляции, при этом только 2,9% из них находятся исключительно дома; 62,5% выходят в случаях вынужденной необходимости (в магазин, на прогулку с питомцами, на работу); 26,3% гуляют у дома или на дальние расстояния; 8,3% практически не придерживаются самоизоляции, так как ходят в гости.

Среди 76 (16,9%) ответивших о несоблюдении режима самоизоляции 27,6% выходят из дома в случаях вынужденной необходимости (как и те, кто считают, что соблюдают режим); 31,6% гуляют у дома или на дальнем расстоянии (такое же поведение наблюдается и среди «соблюдающих» самоизоляцию); 40,8% ходят в гости.

Мы предположили, что само понятие “самоизоляция” связано с изменением привычной активности. При помощи расчета таблиц сопряженности была обнаружена связь изменения образа жизни с представлением о соблюдении самоизоляции ($\chi^2=9,98$; $p=0,02$).

374 человека (83,2%) указали, что считают самоизоляцию необходимой мерой. Проведенный качественный анализ позволяет увидеть смысловое наполнение понятия о необходимости мер. 29,9% считают меры необходимыми для снижения роста заболевших и борьбы с пандемией; 16,3% указали важность мер для снижения нагрузки на систему здравоохранения; 9% сочли меры необходимыми исходя из данных статистики/опыта других стран; 4,3% указали страх собственного заражения; 2,1% указали, что меры нужны для защиты людей из групп риска; 6,4% указали иные причины, в том числе оставили комментарии — часть людей сомневается в необходимости мер, часть утверждает, что они чрезмерны или малоэффективны; остальные 31,8% не указали причину.

75 человек (16,7%) считают, что самоизоляция не является необходимой мерой. Из них 13,3% написали, что меры бессмысленны, так как “все переболеют в любом

случае”; 10,6% не верят в эффективность мер; 9,3 % указали, что необходимой мерой является принудительный карантин/режим ЧС; 8% сослались на экономические трудности; 8% считают, что меры необходимы только для лиц из группы риска; 6,7% указали, что находиться дома тяжело или вредно для здоровья; 4% считают, что проблема преувеличена; 4% определили меры как абсурдные или невозможные. 18,6% ответов не подходили к перечисленным категориям и носили характер одиночных, среди них встречались такие как “интуиция”, “секрет”, “политика”; остальные 17,3% не указали причину.

При помощи таблиц сопряженности мы установили, что социальная ответственность, под которой мы понимаем заботу о здоровье окружающих, связана с представлением о соблюдении режима самоизоляции ($\chi^2 = 48,2$; $p=0.00$), а осознание своей причастности к происходящему, под которым мы понимаем представление о личном вкладе в распространение инфекции, связано как с представлением о соблюдении режима самоизоляции ($\chi^2=65,8$; $p=0.00$), так и с действительным ее соблюдением ($\chi^2 = 30$; $p=0.00$).

Таким образом, соблюдение рекомендованных мер по самоизоляции связано со смыслом, который человек вкладывает в это понятие. Среди причин отношения к самоизоляционным мерам как к важным выделяются желание снизить общее количество зараженных и нагрузку на систему здравоохранения, а также чувство причастности к происходящему, а причины отношения к самоизоляционным мерам как к ненужным более разнообразны.

Шойгу Ю.С.
Москва, ФКУ "Центр экстренной психологической помощи МЧС России"

Тимофеева Л.Н.
Москва, ФКУ "Центр экстренной психологической помощи МЧС России"

Особенности организации психологической помощи населению в период пандемии (на примере организации работы психологической службы МЧС России)

Психологическая помощь населению, экстренная психологическая помощь, психологическое просвещение

Весной 2020 наша страна столкнулась с опасным явлением, распространением новой коронавирусной инфекции. Для того, чтобы сохранить жизни и здоровье людей предпринимались меры, которые затронули каждого жителя страны. События, происходящие, в этот период, стали для многих серьезным эмоциональным испытанием.

В условиях чрезвычайной ситуации, в период ликвидации ее последствий у людей возникает острая потребность в информации. По результатам исследований, проведенных на базе Центра экстренной психологической помощи МЧС России, неверно построенная информационная работа в чрезвычайной ситуации, является одной из основных причин приводящих, самое безобидное — к неконтролируемому распространению слухов; а как более серьезное последствие — к возможному возникновению массовых негативных реакций. Таким образом, мы видим, что в период ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций, особенно характеризующихся масштабностью и широким общественным резонансом, вопросы информационного обеспечения приобретают важнейшее значение.

В данной статье авторами рассматривается процесс построения системы информирования в условиях пандемии с точки зрения психологических аспектов информационного обеспечения и оказания информационно-психологической поддержки населению, поднимаются вопросы необходимости психологического просвещения как основополагающей составляющей в формировании знаний населения о психологическом благополучии и психическом здоровье, возможностях и способах его сохранения. Под данной формулировкой авторами понимается не только информация, имеющая профильную, специальную профессиональную принадлежность, но и информация, потребность в которой является непосредственным следствием тех объективных процессов, которые непосредственно связаны с ситуацией или спровоцированы ей. А также общие знания о психических процессах, которые могут происходить с человеком в условиях переживания стресса, методы само и взаимопомощи при различных состояниях.

Чрезвычайная ситуация, связанная с распространением новой коронавирусной инфекции, безусловно, уникальна по своим характеристикам. Масштабность, беспрецедентный общественный резонанс, количество людей, непосредственно вовлеченных в ситуацию, неопределенность и необходимость минимизации очных контактов

между людьми — все это оказало непосредственное влияние на организацию оказания психологической помощи населению.

Принимая во внимание особенности развития ситуации, требования, диктуемые эпидемиологической обстановкой — основными направлениями работы в этот период являлись: оказание дистанционной экстренной психологической помощи и информационно-психологической поддержки, а также психологическое просвещение.

Таким образом, авторами сделан вывод о том, что построение системы информирования в условиях чрезвычайной ситуации представляет собой систему, комплекс мероприятий и является сложным и многогранным процессом, направленным как на стабилизацию обстановки, так и влияющим на общий эмоциональный фон населения в период пандемии. При реализации комплексного подхода в построении системы информирования необходимо задействовать не только большое число специалистов различных профилей; учитывать все аспекты того, каким образом информация будет воспринята теми, на кого направлена, но и первостепенную потребность людей в получении информационно-психологической поддержки. Вместе с тем важнейшим стратегическим направлением является реализация задач в области психологического просвещения населения. Знания в области психического здоровья и психологического благополучия, наличие навыков оценки собственного состояния, характерного для переживания эмоционально сложных жизненных периодов — все это является частью здоровьесориентированного подхода и может являться одной из составляющих сохранения психического здоровья граждан.

Шойгу Ю.С.
Москва, ФКУ "Центр экстренной психологической помощи МЧС России"

Тимофеева Л.Н.
Москва, ФКУ "Центр экстренной психологической помощи МЧС России"

Толубаева Н.В.
Москва, ФКУ ЦЭПП МЧС России

Варфоломеева Е.И.
Москва, ФКУ ЦЭПП МЧС России

Соколова А.С.
Москва, ФКУ ЦЭПП МЧС России

Курилова Е.В.
Москва, ФКУ ЦЭПП МЧС России

Кармилова М.Е.
Москва, ФКУ ЦЭПП МЧС России

Особенности оказания экстренной психологической помощи при переживании утраты в чрезвычайных ситуациях

Утрата, чрезвычайная ситуация, экстренная психологическая помощь

В данной статье авторами, на основе материалов, описывающих опыт зарубежных коллег при работе с жертвами катастроф, сформулирован ряд обязательных характеристик, учет которых необходим при выборе стратегии работы с пострадавшим переживающим утрату.

Знакомясь с опытом зарубежных коллег, нами отмечено, что существует ряд аспектов, которые справедливы и для нашего государства и являются составляющими системного подхода в области оказания помощи пострадавшим. Однако важно заметить, что имеется и значимое отличие — в нашей стране существует система оказания экстренной психологической помощи пострадавшим в чрезвычайных ситуациях (далее — ЧС) различного масштаба, началом становления которой, стало создание профессиональной службы в составе МЧС России. Направления деятельности специалистов включают не только оказание собственно психологической помощи, но и участие в реализации ряда организационных мер, направленных на оптимизацию психоэмоционального состояния человека.

Направления работы специалистов могут быть различны и зависеть от каждой конкретной ситуации, однако содержательно можно выделить несколько блоков факторов, учет которых необходим для выбора специалистом эффективной стратегии оказания ЭПП.

Условно можно выделить три тематических блока: особенности ситуации; переживающий утрату (пострадавший); специалист. Каждый из перечисленных блоков включает содержательные характеристики, которые авторами будут рассмотрены далее.

В данной статье рассмотрен процесс реализации системного подхода к оказанию экстренной психологической помощи при переживании утраты в чрезвычайных ситуациях. Описана важность реализации психологического сопровождения пострадавших как единого процесса, включающего оценку и учет как объективных характеристик ситуации, личностных особенностей и способа реагирования пострадавшего, так и индивидуальных характеристик самого специалиста. Нами подчеркивается важность внимания не только к наличию у специалиста профильного образования, но и такой составляющей как этика. Авторы полагают, что понятие этика в отношении специалиста включает в себя такие характеристики как профессиональная и личностная позиция специалиста, знания, умения и навыки, а также профессионально-важные качества и опыт.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Белимова П.А.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Лыкова М.К.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Влияние возраста и уровня интеллекта на восприятие текста детьми с интеллектуальной недостаточностью

Понимание текста, айтрекинг, распознавание, восприятие, интеллектуальная недостаточность, умственная отсталость, смешанные специфические расстройства психического развития, младшие школьники, старшекласники

Восприятие и понимание визуальной информации детьми с интеллектуальными нарушениями является одной из важнейших проблем коррекционной психологии и образования в целом. При рассмотрении невербальной коммуникации детей с интеллектуальной недостаточностью учитывается когнитивный аспект данного процесса. Сложности в этой сфере связаны, в первую очередь, с нарушениями моторики, неразвитостью эмоций и неумением как выражать свои собственные эмоции, так и понимать выражения лица других людей, на что также влияют особенности прагматики — способности правильно использовать коммуникативные знаки [2, 3].

Данная проблема в контексте образовательного процесса касается способности детей к чтению текстов, их анализу и осмыслению прочитанного. Актуальным представляется понять, как уровень интеллекта и возраст ребенка влияет на его способность восприятия текстов. Основной характеристикой навыков чтения у детей с интеллектуальной недостаточностью является отставание по важнейшим процессуальным составляющим акта понимания, которые обусловлены следующими факторами: не сформирован механизм предвосхищающего анализа (антиципация), трудности в установлении взаимосвязи нового и имеющегося опыта, нарушена целенаправленность мышления, существенно снижена саморегуляция [1]. В исследованиях обнаруживается, что эффективность понимания текстов зависит не только от недостаточного развития интеллектуальной и эмоциональной сферы, но также от особенностей самого текста. Наиболее успешными для понимания оказываются простые рассказы, где события разворачиваются последовательно, а смысловые связи более простые по своему когнитивному контексту.

Современные исследования с помощью технологии айтрекинга (eye-tracking) позволяют лучше изучить психофизиологические аспекты восприятия и распознавания зрительной информации. В экспериментальном исследовании приняли участие 120 школьников: 60 учащихся 3 классов и 60 учащихся 9 классов. В каждой возрастной группе было обследовано 20 учащихся общеобразовательной школы, и по 20

школьников с диагнозами: «смешанные специфические расстройства психического развития» (F83) и «легкая умственная отсталость» (F70) (по МКБ-10). В качестве вербального стимула был использован небольшой отрывок из русской народной сказки «Волк и семеро козлят».

Для изучения влияния возраста и уровня интеллекта на выделенные переменные понимания и восприятия использовался регрессионный линейный анализ. Рассматривалось влияние уровня интеллекта на зависимые переменные. Независимая переменная «группа» при чтении текста связана только с длительностью просмотра ($R^2=0,055$, $\beta=0,234$, $P=0,010$). При коэффициенте бета положительном — выше номер группы, а длительность просмотра текста дольше. Таким образом, детей с легкой умственной отсталостью существенно дольше просматривает текст, чем сверстники других групп.

Исследовалось влияние возраста на зависимые переменные. Выяснилось, что независимая переменная «возраст» связана со следующими переменными: «трудности» ($R^2=0,173$, $\beta= -0,416$, $P=0,000$) (чем младше ребенок, тем дольше он просматривает текст), «герои» ($R^2=0,125$, $\beta= -0,354$, $P=0,000$) (чем младше ребенок тем больше он фиксируется на герое), «интерес» ($R^2=0,179$, $\beta= -0,423$, $P=0,000$) (чем младше ребенок, тем интереснее ему выполнять задание), «глаголы» ($R^2=0,036$, $\beta= -0,189$, $P=0,039$), «существительные» ($R^2=0,049$, $\beta= -0,220$, $P=0,016$) (чем младше ребенок, тем чаще он пользуется глаголами и существительными при пересказе текста), «длительность просмотра» ($R^2=0,171$, $\beta= -0,414$, $P=0,000$) (чем младше ребенок, тем дольше он просматривает текст) и «средняя длина саккад» ($R^2=0,040$, $\beta= 0,201$, $P=0,028$) (чем старше ребенок, тем дольше длина саккад — он как бы охватывает всю картину целиком, тогда как младшие дети фиксируются на небольших фрагментах). «Последовательность пересказа» и «понимание», а также «количество фиксации» с возрастом не связаны.

Полученные в исследовании результаты могут применяться школьными психологами и учителями, работающими с применением коррекционных технологий, логопедами при коррекции навыков письма и чтения, а также родителями, которые оказывают поддержку в обучении своих детей.

1. Богачек И.С. Специфика понимания детьми с задержкой психического развития графических изображений: Автореферат дис. ... кандидата психологических наук : 19.00.10 / Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена. — Санкт-Петербург, 2002. — 18 с.
2. Embregts P., Nieuwenhuijzen M. Van. Social information processing in boys with autistic spectrum disorder and mild to borderline intellectual disabilities // *Journal of Intellectual Disability Research*. — 2009. — Vol. 53 (11). — pp. 922–931.
3. Embregts P. J. C. M. Effectiveness of video feedback and self-management on inappropriate social behavior of youth with mild mental retardation // *Research in Developmental Disabilities*. — 2000. — Vol. 21 (5). — pp. 409–423.

Развитие личностных ресурсов психологической безопасности курсантов

Развитие личности, личностные ресурсы, психологическая безопасность и ее самообеспечение, индивидуально-психологические характеристики, мотивационно-личностная сфера, совладание и копинг-стратегии, саморегуляция, лонгитюд

В процессе сопровождения развития личности сотрудников и курсантов силовых ведомств необходима выработка стратегий поведения, не влекущих за собой неоправданные риски, угрозу для баланса мотивационно-личностной сферы и стабильности позитивного образа «Я». Самообеспечение безопасности посредством личностных ресурсов как достижение психического состояния подконтрольности внутренних и внешних факторов позволяет поддерживать динамическое равновесие со средой, не снижая вероятность достижения личностью жизненно важных целей.

Для проверки гипотезы о положительной динамике в процессе обучения самообеспечения безопасности курсантов, что проявляется в развитии соответствующих личностных ресурсов, использованы психодиагностические методики (Фанталова, 2001; Lazarus, 1984; Моросанова, 2010), статистические критерии U-Манна-Уитни и t-Стьюдента. Выборка — 97 курсантов филиала Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России в г. Владивостоке от 18 до 24 лет (10 девушек и 87 юношей, все курсы). Включение формата лонгитюда позволило оценить динамику развития изменяемых показателей у начальных курсов.

В отношении мотивационно-личностной сферы курсантов ее дезинтеграция имеет более высокий уровень выраженности, чем у выпускников, достигая своего пика на четвертом курсе. Конфликтными являются сферы семьи, любви, здоровья и свободы личности, вакуумными — активная деятельность, творчество, красота природы и искусства. Часто у ребят нет возможности сформировать близкие межличностные отношения и семью, многие потребности не удовлетворяются в достаточной степени, интенсивная физическая подготовка и казарменное положение влияют на здоровье и личностную свободу.

Курсанты-выпускники характеризуются гармонизацией мотивационно-личностной сферы, значимым снижением уровня расогласования за счёт большей самостоятельности, автономии и расширения своих возможностей ($p \leq 0,05$ для сравнения со вторым и третьим курсами и $p \leq 0,01$ — с четвертым). Вплоть до выпускного курса обучающиеся отмечают жесткий контроль, большое количество учебных и служебных обязанностей, отсутствие свободы и возможностей удовлетворения своих потребностей. У выпускников соотношение ценности и доступности жизненно важных сфер становится более сбалансированным.

В динамике совладания развитыми адаптивными копинг-стратегиями у всех курсов являются планирование решения и самоконтроль, применение которых помогает курсантам успешно решать учебные, профессиональные и служебные задачи. Неадаптивные копинги бегство и дистанцирование в выборке практически не представлены.

Положительная переоценка, требующая от личности самостоятельных усилий по решению проблемы, сменяется к выпускному курсу поиском социальной поддержки. Возможно, из-за интенсивной учебной и профессиональной нагрузки, ответственности выпуска и смены ролей выпускники вынуждены прибегать к использованию внешних ресурсов для преодоления трудностей.

Таким образом, стилевые характеристики личности, включающие стратегии совладания, могут выступать внутренними ресурсами психологической безопасности курсантов, проявляясь в их поведении и деятельности (Пучков, 2015). Результаты проведенного исследования соотносятся с выявленными исследователями индивидуально-психологическими особенностями курсантов и опытных сотрудников МЧС (например, Иващенко, 2003), их стрессоустойчивостью, саморегуляцией, хладнокровием, ответственностью, адекватной самооценкой, самообладанием и самоконтролем.

1. Фанталова, Е.Б. Диагностика и психотерапия внутреннего конфликта. Самара: БАХРАХ, 2001. — 20 с.
2. Lazarus, R.S. Stress, Appraisal and Coping. — N.Y., 1984. — P.218.
3. Моросанова, В.И. Индивидуальные особенности осознанной саморегуляции произвольной активности человека. — М.: Вестн. МГУ. 14. — № 1. 2010. — С. 37.
4. Иващенко, С.А. Изучение индивидуально-психологических особенностей спасателей МЧС России. — СПб.: СПбГУ, 2003. — 192 с.
5. Пучков, В.А. Гражданская защита. Энциклопедический словарь. — М.: ФГБУ ВНИИ ГОЧС (ФЦ), 2015. — 706 с.

Психологические особенности личности курсантов в контексте безопасности и ее обеспечения

Личность, развитие, личностные черты, индивидуально-психологические характеристики, безопасность и защищенность, курсанты

Сложные условия учебы курсантов силовых ведомств могут подвергать риску их физическое и психическое здоровье, порождая психическую напряженность, предъявляя повышенные требования к индивидуально-психологическим характеристикам. Их безопасность, складываясь из защищенности от внешних угроз и психологического чувства безопасности (Баева, Тарасов, 2017; Краснянская, 2010), обусловлена устойчивыми психодинамическими личностными чертами, проявляющимися в поведении и деятельности (Иващенко, 2003).

Для проверки гипотезы о развитии в процессе обучения индивидуально-психологических особенностей курсантов, способствующих их чувству безопасности и защищенности, использованы психодиагностические методики («Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса, «Стиль саморегуляции поведения» В.И. Моросановой, 16-факторный личностный опросник Р.Б. Кеттела, «Уровень соотношения «ценности» и «доступности» в различных жизненных сферах» Е.Б. Фанталовой) и сравнительный анализ (расчет U-критерия Манна-Уитни и t-критерия Стьюдента). Исследование проведено в Дальневосточной пожарно-спасательной Академии (г. Владивосток, 97 курсантов всех курсов, средний возраст — 21 год).

В результате анализа полученных данных в усредненном личностном профиле курсантов выделены как общие для всех курсов характеристики (например, высокая выраженность самоконтроля, эмоциональная стабильность, развитая способность к коммуникации, тактичность, терпимость, открытость, практичность, высокий уровень интеллектуального развития, уверенность в себе, активность, смелость, хладнокровие, спокойствие, готовность к риску и сотрудничеству), так и различные (при $p \leq 0,01$) в разные годы обучения психологические черты курсантов, включая экспрессивность, нормативность, жесткость и чувствительность.

Так, первый и старшие курсы характеризуются благоразумностью, осторожностью, разборчивостью в социальных контактах, а также большей добросовестностью, исполнительностью, дисциплинированностью, поскольку бывшие абитуриенты ещё только осваивают роль курсанта, а выпускники, уже адаптировавшиеся в новых условиях, становятся более избирательны. Возможно в отличие от первокурсников средние курсы уже адаптировались и хорошо знакомы, но ещё недостаточно разборчивы и стабильны в межличностных контактах, по сравнению со старшими курсами. Также это может быть связано с более строгим контролем и повышенным вниманием со стороны руководства к курсантам-первокурсникам и выпускникам, большей по

сравнению с началом обучения свободой средних курсов и меньшей их ответственностью, чем в конце периода обучения.

Проводя диагностику индивидуально-психологических характеристик, необходимо учитывать результаты психологического отбора при поступлении, регулярного мониторинга и работы с психологом в процессе обучения, что может способствовать унификации результатов психодиагностики. Устойчивые личностные черты к началу обучения в основном сформированы, а период подготовки недостаточно продолжителен, чтобы существенно влиять на их изменение.

В перспективе было бы интересно представить системный анализ проблемы безопасности и ее самообеспечения с учетом специфики работы психологической службы, сопровождающей профессиональное развитие курсантов, и оценки их образовательных результатов.

Рассмотрение основных характеристик, принципов и стратегий психологического самообеспечения безопасности с учетом индивидуально-психологических особенностей курсантов военизированных учреждений позволит выстраивать эффективную систему психологического сопровождения развития внутренних ресурсов психологической безопасности обучающихся и служащих силовых ведомств.

1. Баева, И.А., Тарасов, С.В. и др. Безопасная образовательная среда: моделирование и развитие. — СПб.: ЛОИРО, 2017.
2. Краснянская, Т.М. Психология самообеспечения безопасности: феноменология, механизмы, стратегии. — Таганрог, 2003. — С.85.
3. Ивашенко, С. А. Изучение индивидуально-психологических особенностей спасателей МЧС России. — СПб.: изд-во СПбГУ, 2003. — 192 с.

Миссия университета как института социализации и инкультурации личности

Миссия высшего образования, общественные смыслы бытия, личностные смыслы бытия, устойчивое социально-экономическое развитие, глобальная конкурентоспособность, национальная безопасность, благосостояние нации

Стратегической целью государственной политики РФ сформулированной в Федеральном законе от 28.06.2014 г. №172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», Указе Президента Российской Федерации от 07.05.2018 №204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», Распоряжении Правительства Российской Федерации от 17.11.2008 № 1662-р (ред. от 28.09.2018) «О концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» является социокультурное и научно-технологическое развитие общества, определяющее научно-технический прогресс как основу устойчивого социально-экономического развития, национальной безопасности РФ. Реализация данной цели осуществляется всеми социальными институтами общества, гражданами страны, социально-ответственно выполняющими профессиональную деятельность, направленную на создание общественно-ценной и личностно-значимой продукции как условия развития общества и человека, национальной конкурентоспособности, лидирующего места страны среди высокоразвитых держав мира.

Общественные смыслы бытия, присваиваясь в детстве в процессе семейного и государственного воспитания, становятся личностными смыслами, внутренними регуляторами жизнедеятельности субъекта, стремящегося к самореализации своих сущностных сил в социально-значимой и позитивно социальной оцениваемой совместной деятельности, результаты которой являются условием благополучия нации.

Целью высшего образования как уровня образовательной системы РФ, является обеспечение глобальной конкурентоспособности отечественного образования определяющего создание наукоемких технологий, направленных на решение геополитических, макроэкономических целей и задач, в свою очередь обеспечивающих экономическое благосостояние и национальную безопасность.

Миссия университета [2] как института социализации и инкультурации состоит в получении индивидуумом высшего образования как всеобщего блага, являющегося основой: формирования национального менталитета и национального сознания; присвоения национальных идеалов, ценностей и традиций; созидательной деятельности, реализуемой всесторонне и гармонично развитой личностью, руководствующейся в жизнедеятельности общественными ценностями и общественными смыслами, стремящейся к принесению пользы своему Отечеству.

Показателем реализации миссии высшего образования является присвоение обучающимися в процессе образования и реализация в жизнедеятельности общественного смысла бытия — создание общественно ценных продуктов деятельности

(материальных и духовных), что в свою очередь свидетельствует о достижении человеком высшего уровня развития названного Е.А. Климовым — Человеком: «Человек начинается с того, что он становится способным стараться ради другого человека, ради народа, общества» [1, с. 106].

1. Климов Е.А. Развивающийся человек в мире профессий // Климов Е.А. Психология профессионала: Избранные психологические труды. — М.: Изд-во «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996. — С. 102–149.
2. Повзун В.Д. Миссия университета как аксиологический феномен — Текст : электронный // Электронное научное издание «Аксиология и инноватика образования». — 2011. — №2. — С. 42–56. URL: <http://www.orenport.ru/axiology/docs/19/17.pdf> (дата обращения: 14.04.2020 г.)

Личностный аспект дополнительного образования взрослых

Образование, непрерывное образование, пожизненное образование, дополнительное образование, взрослые, личность, личностный потенциал

В современной социокультурной ситуации возрастает потребность в пожизненном образовании. Динамичная интеграция в систему непрерывного образования становится основополагающим принципом всей жизнедеятельности человека и одновременно инструментом успешного развития личностных потенциалов. Пожизненное образование успешно реализуется в системе специально организованного дополнительного образования, опирающегося на специфические психологические и педагогические подходы к обучению взрослых, имеющих уже профессиональную квалификацию и карьерные достижения. Однако доля взрослых, вовлеченных в дополнительное образование в нашей стране, в настоящее время в 2–3 раза меньше, чем в развитых странах (Завьялова Е.К., Латуха М.О., 2017). Среди причин такой пассивности можно назвать затянувшуюся социальную девальвацию дополнительного образования, формальный подход к его получению, а также низкую эффективность обучающих программ. Одновременно ряд специалистов самостежительно финансирует дополнительное обучение и включается в его систему, стремясь к карьерной самореализации и повышению своей ценности на рынке труда. К числу ведущих факторов, мотивирующих к получению дополнительного образования, относятся личностные свойства.

Цель исследования заключалась в определении личностного потенциала слушателей программы МБА, необходимого для ее успешного овладения. В исследовании участвовало 324 человека, среди которых 84 женщины и 240 мужчин. Использовался опросник Р. Кэттелла (Посохова, 2005). В структуре личностных свойств слушателей дополнительной программы наиболее выражены некоторые интеллектуальные свойства (приведены в скобках). Для них характерны высокие интеллектуальные возможности, увлечение абстрактными идеями, относительная легкость решения отвлеченных задач, установления причинно-следственных соотношений (фактор В: $7,67 \pm 1,87$). Они склонны экспериментировать, не боятся новых подходов, ошибок и просчетов (фактор Q1: $7,44 \pm 1,67$). Они быстро ориентируются в проблемных ситуациях, но не всегда видят все возможные варианты решения. Поэтому принятые решения бывает неоптимальными (фактор N: $5,33 \pm 1,75$). Способны к творческой, детальной разработке идей, которые выдвигаются другими (фактор M: $5,18 \pm 1,64$). Коммуникативные свойства отражают выраженную собственную активность слушателей МБА в установлении и сохранении контактов с окружающими людьми. Хотя в общении избирательны и насторожены, но межличностных взаимоотношений не избегают, конфликты обычно непродолжительны. Иницируют общение в том случае, если затрагиваются личные интересы или проблема решается только с помощью об-

щения. Общение с большой аудиторией или авторитетными людьми требует преодоления напряжения (факторы А: $6,48 \pm 1,93$; Н: $6,18 \pm 1,78$; L: $6,81 \pm 1,62$). Стремятся занять лидерское положение, утвердить собственную точку зрения. Мнение группы уважают так же, как и свое. Однако ответственные решения предпочитают принимать самостоятельно (факторы Е: $6,93 \pm 1,45$; Q2: $5,05 \pm 1,82$). Эмоциональное равновесие сохраняют преимущественно в привычной для себя обстановке. При неожиданном появлении дополнительных трудностей испытывают кратковременное чувство тревоги и беспомощности (факторы С: $6,19 \pm 3,36$; I: $4,93 \pm 2,01$; O: $5,56 \pm 1,64$). Препятствия на пути к достижению цели воспринимают как преодолимые, но довольно долго ищут оптимальный выход из сложившейся проблемной ситуации. Рискуют взвешенно (факторы F: $5,04 \pm 1,98$; Q4: $4,84 \pm 2,00$). В привычной обстановке успешно контролируют свое поведение. При неожиданном появлении дополнительных нагрузок возможны хаотичность действий и неорганизованность. Высокая ответственность в лично значимых ситуациях сочетается с формальным выполнением обязанностей тогда, когда не затрагиваются личные интересы (фактор G: $5,46 \pm 1,83$; Q3 $5,18 \pm 1,61$).

Выявленные личностные особенности обеспечивают успешное овладение программой MBA и в дальнейшем могут быть рассмотрены как предикторы карьеры.

Исследование выполнено при поддержке РФФИ, грант № 20-013-00427

Особенности восприятия и понимания невербальных стимулов учащимися с интеллектуальной недостаточностью

Понимание картинки, восприятие невербального стимула, айтрекинг, интеллектуальная недостаточность, умственная отсталость, смешанные специфические расстройства психического развития, младшие школьники, старшеклассники

Интеллектуальная недостаточность как сложный полиструктурный феномен характеризуется целым спектром нарушений, отражающихся на развитии коммуникативных способностей детей. Для них при общении со сверстниками характерна выражение чувств, сопровождающееся изменениями интонаций и выражением эмоций, не уместных в данных социальных ситуациях. В общении детей с легкой степенью умственной отсталости наблюдается почти в десять раз больше экспрессивно-мимических проявлений, чрезмерно выраженных интонаций от аффектов до восторга, но при этом эмоции у таких детей трудно дифференцируются и осознаются, носят, в целом, импульсивный характер (Matheson E., Jahoda A., 2005; Jahoda A., Pert C., Trower P., 2006). [2, 3]

Изучение понимания невербальных стимулов (картинок, иллюстративных сюжетов) детьми с интеллектуальной недостаточностью является важной темой для коррекционной психологии. Осмысление сюжетных картинок детьми с задержкой психического развития осложняется ограниченностью их словаря, недостаточной сформированностью понятий и низким уровнем практических языковых обобщений [1]. При этом их спонтанная речь не содержит грубых нарушений и аграмматизмов и вполне удовлетворяет потребности повседневного общения ребенка. У старшего возраста в процесс восприятия улучшается понимание зрительных стимулов, что выявляется при наличии эмпирических характеристик психического состояния старших школьников [1].

Цель исследования заключалась в определении степени влияния возраста и уровня интеллекта на параметры визуального восприятия и понимания сюжета невербального стимульного материала.

Выборка исследования составила 120 школьников: 60 учащихся 3 классов и 60 учащихся 9 классов. В каждой возрастной группе было обследовано 20 учащихся общеобразовательной школы, и по 20 школьников с диагнозами: «смешанные специфические расстройства психического развития» (F83) и «легкая умственная отсталость» (F70). В качестве невербального стимула использовался комикс Х. Бидструпа.

Дисперсионный двухфакторный анализ выявил, что возраст и уровень интеллекта влияют только на количество используемых прилагательных при пересказе содержания картинки ($F=4,312$, $P=0,016$). В тоже время возраст оказывает влияние на семь переменных: «Понимание» ($F=5,631$, $P=0,019$), «Интерес» ($F=9,717$, $P=0,002$),

«Глаголы» ($F=26,273$, $P=0,000$), «Существительные» ($F=29,864$, $P=0,000$), «Длительность просмотра» ($F=38,392$, $P=0,000$) и «Средняя длина саккад» ($F=29,296$, $P=0,000$). Очень высокая взаимосвязь обнаружена между возрастом и частями речи, а также параметрами восприятия картинки. Уровень интеллекта выявил слабую взаимосвязь с изучаемыми переменными. Только переменные визуального восприятия коррелируют с уровнем интеллекта: «Количество фиксаций» ($F=3,497$, $P=0,034$) и «Длительность просмотра» ($F=10,000$, $P=0,000$).

Таким образом, обработка невербальной зрительной информации на уровне физиологических паттернов реализуется различными способами у детей с разным уровнем интеллекта. Дети с легкой умственной отсталостью больше других сверстников вовлечены в процесс анализа картинки, что проявляется в наибольшем количестве фиксаций глаз. При восприятии картинок они смотрят на лицо и движения героев, изучают их эмоциональное состояние. К девятому классу реже отмечаются затруднения в зрительном восприятии, но снижается познавательный интерес в процессе переработки информации, что проявляется в ограниченном использовании существительных и глаголов при пересказе сюжета.

1. Богачек И.С. Специфика понимания детьми с задержкой психического развития графических изображений : автореферат дис. ... кандидата психологических наук : 19.00.10 / Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена. — Санкт-Петербург, 2002. — 18 с.
2. Matheson E. Emotional understanding in aggressive and nonaggressive individuals with mild or moderate mental retardation / E. Matheson, A. Jahoda // *American Journal on Mental Retardation*. — 2005. — Vol. 110 (1). — pp. 57–67.
3. Jahoda A. Frequent aggression and attribution of hostile intent in people with mild to moderate intellectual disabilities: an empirical investigation / A. Jahoda, C. Pert, P. Trower // *American journal on mental retardation*. — 2006. — Vol. 111 (2). — pp. 90–99.

Связь математической самооценки и выбора женщинами образования в областях STEM

Самооценка, карьера, образование, STEM

Активное развитие технологий и инноваций расширяет и популяризирует области STEM (science, technology, engineering, mathematics). Обучение на STEM специальностях становится более престижным. Согласно статистическим данным в STEM областях преобладают мужчины: средняя доля женщин менее 30% [1]. Такая ситуация является отражением того, что традиционно карьера в STEM ассоциируется с мужской занятостью. Привлечение и закрепление женщин в STEM будет способствовать социальному и экономическому развитию общества в целом.

Психологическое и материальное благополучие личности зависит от работы, а именно, от удачно сложившейся карьеры. Предикторами в выборе карьерной и образовательной траектории выступают ценности, мотивация, самооценка, интересы другие близкие конструкты [2].

Согласно исследованиям, именно от самооценки в большей степени зависит выбор карьерной и образовательной траектории женщинами [3]. У женщин уровень самооценки существенно ниже по сравнению с мужчинами [3]. Женщины меньше привлекают карьера в STEM, так как самооценка определяет гендерные различия в интересах (например, интерес к математике) и карьерных предпочтениях.

Измерение самооценки как многомерного конструкта дает более точное представление о человеке [4]. На основе многомерной модели самооценки была разработана и апробирована краткая версия опросника «Многофакторная самооценка личности» [5]. В опросник заложено пять факторов самооценки: «Математическая самооценка», «Гуманитарная самооценка», «Оценка внешности», «Общение с представителями своего пола» и «Общение с представителями противоположного пола».

Цель исследования — оценить выраженность математической самооценки у женщин, получивших образование в STEM по сравнению с женщинами, получившими образование в гуманитарных областях.

Опросник «Многофакторная самооценка личности» состоит из 35 утверждений: заложено 5 факторов по 7 утверждений на каждый фактор. Используется шкала согласия Ликерта с ответными категориями от 1 — «полностью не согласен» до 5 — «полностью согласен». Опросник обладает достаточно высокой надежностью (Альфа Кронбаха — 0.89, надежность IRT — 0.92).

Данные для исследования собирались анонимно с использованием онлайн-формы для заполнения. Эмпирическую базу исследования составили 532 женщины. Большая часть участниц в возрасте от 26 до 45 лет (84%), 70% имеют STEM образование.

По результатам дисперсионного анализа, женщины, получившие образование в областях STEM, демонстрируют более высокий уровень математической самооценки. Настоящее исследование подтверждает тот факт, что уровень математической самооценки выступает ключевым предиктором при выборе образовательной и

карьерной траектории в областях STEM. В настоящем исследовании не было определено существенных различий между женщинами, имеющими образование в областях STEM, работающими и не работающими по полученной специальности.

1. Проект Global Classrooms («Международные аудитории») Американской ассоциации содействия Организации Объединенных Наций — мини-тренинг Тема: «Гендерные вопросы и наука» Комитет: ЮНЕСКО, 2015 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.state.gov/documents/organization/240763.pdf>
2. Trauth, E. M., Quesenberry, J. L., & Huang, H. (2008). A multicultural analysis of factors influencing career choice for women in the information technology workforce. *Journal of Global Information Management*, 16(4), 1.
3. Wigfield, A., Battle, A., Keller, L. B., & Eccles, J. S. (2002). Sex differences in motivation, self-concept, career aspiration, and career choice: Implications for cognitive development. *Biology, society, and behavior: The development of sex differences in cognition*, 21, 93-124
4. Shavelson, R. J., Hubner, J. J., & Stanton, G. C. (1976). Self-concept: Validation of construct interpretations. *Review of educational research*, 46(3), 407-441.
5. Marsh, H. W. (1988). *SDQ I Manual & Research Monograph: Self-description Questionnaire*. Psychological Corporation [and] Harcourt Brace Jovanovich.

Матвеева Елена Юрьевна,
Санкт-Петербург, СПбГУ

Медина Бракамонте Наталья Анатольевна,
Санкт-Петербург, СПбГУ

Творческий потенциал студентов психологов

Творческий потенциал студентов психологов, навык экспертного оценивания

На современном этапе развития высшего образования происходит переосмысление роли ценности приобретаемых студентами знаний, умений и навыков, поскольку современному обществу необходим выпускник способный к оценке, на основе которой делается выбор и могут приниматься решения в будущей профессиональной деятельности. Креативность становится востребованным качеством. В психолого-педагогической литературе выделяют такие качества современного творческого студента как: научное мышление, исследовательская смелость, критический анализ, потребность в профессиональном самовоспитании и использование передового опыта. В процессе становления творческой личности будущего психолога наиважнейшей задачей является выявление и совершенствование творческих возможностей личности и их превращение в устойчивые, социально-ценностные творческие параметры. В таких видах профессиональной деятельности как служебная и воинская от психолога-практика требуется способность «видеть» психологические особенности клиента не только в символическом смысле слова, но и в самом его прямом смысле. Вопрос заключается в подготовке такого психолога и выработке навыка экспертного оценивания.

На основе анализа литературы при неоднозначности определения творческого потенциала можно сказать, что это внутренняя готовность личности к самореализации в творческой деятельности. Данное утверждение строилось на изучении онтологического, аксиологического, деятельностно-организационного, способностного, развивающего, интегративного, энергетического подходов к пониманию сути и структуры понятия. К компонентам творческого потенциала относят: ценностный, рефлексивный, мотивационный, деятельностный. Признавая необходимость и информативность классических тестовых процедур в диагностике (опросник, рисуночные и графические методики и т.п.), для подготовки экспертной оценки клиента использование классических методик не всегда уместно или даже невозможно по разным основаниям. В этой связи подготовка будущего психолога-практика должна обеспечивать его способность «видеть» психологические особенности клиента, оценивать. Важной формой подготовки психолога может стать включение в образовательный процесс отработки навыка экспертной оценки студентом фото- и видеоматериалов, на которых были бы отражено поведение людей в различных ситуациях. Экспертная работа с фотографиями обучает студента умению детально видеть то, каким образом психологические особенности человека выражаются в его поведении. Видеозапись некоего события позволит уточнить экспертные оценки за счет неоднократного просмотра ситуации и ее группового обсуждения. Результатов

развития такого навыка учебной работы может стать экспертное оценивание человека в реальной ситуации. Ценность последнего варианта состоит в том, что он одновременно обучает навыку концентрации исключительно на наблюдении, сохранении в памяти всех элементов поведения клиента, наиболее важных для последующего формулирования и обоснования экспертного суждения.

1. Горовая В.И. Белозубова Е.Н. Творческий потенциал студента и его развитие в образовательном процессе магистратуры. Смоленск.: 2018. С.84-87.
2. Горовая В.И., Петрова Н.Ф. Творческий потенциал личности и его развитие. М.: 2013 С : 135-139.
3. Махлова О. А. Структура творческой готовности к профессиональной деятельности у будущих практических психологов. М.:– 2012 – 24 С.
4. Медина Бракамонте Н.А., Филимоненко Ю.И. Навык экспертного оценивания в подготовке практика-психолога// Проблемы теории и практики современной психологии: материалы XIX Всероссийской научно-практической конференции с международным участием.Иркутск: 2020 — С.252-257
5. Сорокоумова Г.В. Некоторые методы развития творческого потенциала студентов-будущих психологов. М.:2018 С. 4-7
6. Шандрук С.К. Роль креативности и творческих способностей в профессиональном становлении будущих практических психологов. Киев -2015 С.-134-144.

Екатеринбург, ФГКОУ "Екатеринбургское суворовское военное училище" Министерства обороны РФ

Попова И.П.

Екатеринбург, ФГКОУ "Екатеринбургское суворовское военное училище" Министерства обороны РФ

Снигурёва Н.В.

Формирование образа офицера у воспитанников суворовского училища

Кинематограф, офицер, восприятие, средства массовой информации, воспитанники, суворовское училище

Офицерство в России существует более четырехсот лет. Офицерский корпус по-прежнему осуществляет надежную защиту граждан Российской Федерации. Анализ истории России показывает, что во все времена именно офицерский корпус был стержнем армии и оплотом своего государства.

Каким должен быть офицер современной России, какими личностными качествами должен обладать? В обществе образ офицера формируется под воздействием системы различных факторов. Это и сложившаяся система экономических отношений, и функционирующая политическая система, и господствующие духовные ценности и нормы. Важным фактором, определяющим формирование образа современного российского офицера, является воспитательное и просветительское воздействие на различные категории общества посредством массовой информации, в общем, и влиянием кинематографа в частности.

То, что кинематограф прочно входит в систему средств массовой коммуникации, сегодня не требует специального доказательства. Социолог Борис Фирсов характеризует массовые коммуникации как процесс распространения информации (знаний, духовных ценностей, моральных и правовых норм и так далее) на численно большие рассредоточенные аудитории с помощью технических средств, среди которых наряду с печатью, радио и телевидением, есть и кинематограф (Зелинский С. А., 2014). Кинематограф осуществляет воздействие, как на зрительное, так и на слуховое восприятие информации. Это позволяет создавать многомерные яркие образы в сознании человека.

Кино и телевидение использует негласно принятую вступившими в коммуникацию договоренность: поверить в реальность персонажей, которые предстают на экране, а значит идентифицировать себя с ними, переживать их радости и печали. Говоря о влиянии кинематографа на общественное сознание с целью формирования положительного образа современного российского офицера, необходимо отметить, что кинематограф выполняет следующие функции: воспитательную; образовательную; эстетическую.

В исследовании предпринята попытка выявить особенности влияния кинематографа на формирование образа офицера российской армии у воспитанников суворовского военного училища. Респонденты в возрасте 14-17 лет в количестве 231 человека на вопрос, «Какие из российских (советских) фильмов, раскрывающие, по

вашему мнению, образ офицера Российской (советской) армии, вы смотрели?», ответили следующим образом:

1. «Офицеры» — 158 человек.
2. «В бой идут одни старики» — 67 человек.
3. «А зори здесь тихие» — 63 человека.
4. «9 рота» — 49 человек.
5. «Т-34» — 44 человека.
6. «Брестская крепость» — 38 человек.
7. «Сталинград» — 35 человек.
8. «Белое солнце пустыни» — 14 человек.

В ходе исследования 67% респондентов ответили, что кинематограф, несомненно, оказывает влияние на формирование образа современного российского офицера. Не задумывались над этим 15% респондентов и 18% ответили, что кинематограф не оказывает влияния на формирование образа офицера.

Косвенное влияние на формирование образа офицера можно наблюдать, например, в циклах художественных фильмов и сериалов, посвященных военной службе в Вооруженных силах России. Существует золотой фонд отечественного кинематографа, который и до настоящего времени оказывает существенное влияние на формирование положительного отношения молодежи к армии, военнослужащим и офицерскому составу.

1. Зелинский С. А. Информационно-психологическое воздействие на массовое сознание. — CANADA.: Altaspera Publishing & Literary Agency Inc. — 2014. — 403 с.

Психологическая безопасность инклюзивной образовательной среды вуза

Психологическая безопасность, инклюзивная образовательная среда, вуз, безбарьерная среда

В современной образовательной практике одним из актуальных направлений является развитие высшего инклюзивного образования, которое по сути повышает социальную защиту людей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), их социальный статус и способствует успешной интеграции в общество. В связи с этим, наряду с решением вопросов обеспечения безбарьерной среды инклюзивного образования особую значимость приобрела проблема психологической безопасности инклюзивной образовательной среды вуза.

Психологическая безопасность является такой характеристикой образовательной среды, которая придает ей развивающий характер и способствует сохранению психического и социального здоровья ее участников. [1]

Инклюзивная образовательная среда — это вид образовательной среды, призванный обеспечить всем субъектам образовательного процесса условия для эффективного саморазвития посредством адаптации образовательного пространства к потребностям студентов с ОВЗ, включая учебно-методическую гибкость и вариативность; личностную и профессиональную готовность ППС к работе в инклюзивных группах; благоприятный психологический климат и безбарьерную среду.

Одним из условий психологической безопасности инклюзивной образовательной среды является психологическая культура, предполагающая «понимание и уважение уникальности, сложности и ценности каждого человека, а также активную нравственную позицию по отношению к людям, в том числе с ОВЗ». [2]

В вузах, осуществляющих инклюзивное образование, могут возникать угрозы психологической безопасности. Как правило, они связаны с необходимостью изменения стратегии деятельности вуза в процессе организации инклюзивного образования, личностной и профессиональной неподготовленностью ППС к реализации инклюзивного образования; недостаточно высоким уровнем его психолого-педагогического сопровождения и низким уровнем психологической культуры всех субъектов учебного процесса. Поэтому отдельным направлением деятельности вуза является развитие социально-правовых и психолого-педагогических технологий повышения психологической безопасности инклюзивной образовательной среды, включающей профилактику, устранение последствий и последующее сопровождение всех субъектов инклюзивной образовательной среды в ситуации нарушения их безопасности. [3]

В Костанайском государственном университете им. Байтурсынова эти задачи решаются Центром практической психологии и инклюзивного образования на основе комплексной программы «Развитие инклюзивного вуза» на 2020-2025 гг. и с 2019 г. — в рамках реализации международного проекта DECIDE «Развитие услуг

для лиц с ограниченными возможностями здоровья». Основными направлениями деятельности по обеспечению психологической безопасности инклюзивной образовательной среды университета являются: широкое распространение знаний о научных психолого-педагогических основах организации инклюзивного образования с учетом нозологии нарушения; формирование толерантного отношения к студентам с ОВЗ; подготовка ППС к реализации инклюзивного образования; разработка адаптированных учебно-методических материалов для студентов с ОВЗ психолого-педагогическое сопровождение адаптации к вузу студентов с ОВЗ; развитие прикладных исследований в области обеспечения психологической безопасности инклюзивной образовательной среды вуза.

Формирование психологически безопасности инклюзивной образовательной среды вуза является долгосрочной стратегией, требующей системности, поэтапности и непрерывности в ее реализации на основе комплексного подхода.

1. Баева И.А. Психологическая безопасность в образовании. — СПб, 2002.
2. Рубцов В.В., Баева И.А., Гаязова Л.А. Обеспечение безопасности образовательной среды: комплексный подход. Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Психологическая безопасность образовательной среды». т.1, МГППУ, 2011.
3. Дубровина И.В. Психологическое благополучие школьников в системе современного образования. — СПб, 2016.

Экспериментальная модель изучения самоконтроля обучающихся

Самоконтроль, экспериментальная модель, концептуальный и прикладной уровень, регуляторно-личностный и процессуальный компоненты, факторы внутреннего и внешнего порядка, методологическая триангуляция

В настоящее время в условиях современной информационной среды умение контролировать, произвольно управлять собственным поведением и деятельностью выступает важнейшей качественной характеристикой личности. Нельзя отрицать тот факт, что характерные для современных обучающихся условия цифровой многозадачности, оказываят дополнительную нагрузку на психические процессы, влияют на сознательное регулирование современной личностью собственных действий и качественное осуществление ими деятельности.

Теоретический анализ научной литературы позволяет нам рассматривать экспериментальную модель изучения самоконтроля обучающихся как целостную систему, состоящую из компонентов, присущих определенному уровню. На концептуальном уровне экспериментальной модели раскрыты его структура и факторы, определяющие формирование и осуществление контроля обучающимися над собственным поведением и деятельностью. Ядро самоконтроля образуют структурные компоненты: регуляторно-личностный и процессуальный. В свою очередь, каждый из компонентов включает несколько составляющих. Регуляторные способности обучающихся проявляются через личностные свойства: локус контроля, настойчивость и самообладание. Характер протекания контроля обучающихся над собственным поведением и деятельностью отражают когнитивная, аффективная и волевая составляющие. Концептуальный уровень экспериментальной модели также включает факторы внутреннего и внешнего порядка, влияющие на формирование и осуществление самоконтроля обучающимися. В настоящей модели биологические характеристики (пол и возраст) мы относим к факторам внутреннего порядка. Однако не исключаем вероятность расширения данной группы факторов, так как научно установлено влияние врожденных типологических особенностей, свойств нервной системы на способность личности к управлению собственным поведением и деятельностью. К факторам внешнего порядка в экспериментальной модели мы относим условия деятельности, особенности обучения и воспитания, под влиянием которых обнаруживаются индивидуальные особенности проявления самоконтроля обучающихся.

Прикладной уровень экспериментальной модели включает совокупность методов исследования самоконтроля обучающихся. Опираясь на данные современных научных трудов, нами было установлено, что для изучения особенностей самоконтроля обучающихся целесообразно использовать как количественные, так и качественные методы: психодиагностические методики, эксперимент, наблюдение, беседа, статистические методы исследования. В современной методологии психологического исследования такое комбинирование качественных и количественных методов обозначено термином «методологическая триангуляция». Триангуляция

сочетает независимые и взаимодополняющие методы с целью «улучшения качества описания исследуемых процессов; подтверждения результатов исследования; для понимания и контекстуальной репрезентации результатов исследования феномена» (В.А. Янчук, 2007). Несмотря на существующие требования, обеспечивающие эффективность триангуляции (определение исследуемого вопроса; компенсация сильных и слабых сторон методов; пригодность избранных методов), данная методология предоставляет возможность подвижности и глубинности исследования, что невозможно при использовании отдельных методов.

Таким образом, описанная экспериментальная модель изучения самоконтроля обучающихся представляет собой целостную систему построения и реализации исследования самоконтроля личности. На концептуальном уровне описанная модель включает структуру, факторы определяющее формирование и осуществление самоконтроля. Рассматривая триангуляцию в качестве методологической основы исследования, на прикладном уровне экспериментальной модели решена задача нахождения методов исследования самоконтроля обучающихся.

1. Янчук, В. А. Эволюция метода социально-психологического исследования: от модернистской экстраспекции к постмодернистской диалогической методологии / В. А. Янчук // Психологический журнал. — 2007. — №1 (13). — С. 4–17.

Эмпирическое исследование психологической безопасности образовательной среды школы

Психологическая безопасность, образовательная среда школы

Проблема формирования психологически безопасной образовательной среды на современном этапе развития отечественного образования является приоритетным направлением психологических исследований.

Постановка проблемы. Удовлетворение одной из базовых потребностей человека в безопасности становится важным не только в силу значимости этой потребности в процессе личностного развития, но приобретает особую актуальность в свете социальных трансформаций, введения новых государственных образовательных стандартов. За последние годы в РФ был издан ряд правовых документов, в которых подчеркивается необходимость обеспечения условий безопасности личности. Учитывая такое внимание к теме безопасности личности на государственном уровне, в психолого-педагогическом сообществе, интересно было бы проанализировать ситуацию с психологической безопасностью на примере одной школы.

Методы и результаты исследования. Было обследовано 203 человека: 80 учащихся 6-10 классов, 45 учителей, 78 родителей учащихся МБОУ «СОШ с УИОП №66» г. Кирова с помощью методики «Психологическая безопасность образовательной среды» (И.А.Баевой).

Позитивное отношение к образовательной среде школы демонстрируют 85 % учеников, 81 % родителей, 93 % учителей; нейтральное — 4 %, 8 %, 0 %, негативное — 11 %, 11 %, 7 % соответственно.

Выраженность уровней удовлетворенности характеристиками образовательной среды школы у учеников: очень высокий — 39%, высокий — 35%, средний — 21%, ниже среднего — 4%, низкий — 1%. У родителей: очень высокий — 45%, высокий — 40%, средний — 10%, ниже среднего — 5%, низкий — 0%. У учителей: очень высокий — 49%, высокий — 32%, средний — 13%, ниже среднего — 5%, низкий — 1%. Есть различия между обучающимися старшего и младшего подросткового возраста ($U=566,5$ при $p=0,049$).

Выраженность уровней защищенности в образовательной среде школы ($N=6,72$ при $p=0,035$) у учеников: очень высокий — 44%, высокий — 24%, средний — 25%, ниже среднего — 6%, низкий — 1%. У родителей: очень высокий — 49%, высокий — 35%, средний — 11%, ниже среднего — 4%, низкий — 2%. У учителей: очень высокий — 27%, высокий — 47%, средний — 13%, ниже среднего — 11%, низкий — 2%. Есть различия между обучающимися старшего и младшего подросткового возраста ($U=278$ при $p=0,01$).

Обсуждение результатов. Подавляющее большинство испытуемых позитивно относятся к образовательной среде школы, что свидетельствует о ее высокой референтной значимости. 20% учеников указали негативное отношение по эмоциональному компоненту, что может быть связано с возрастными особенностями подросткового возраста, а также влиянием неудовлетворенности организацией дистанционного формата обучения в связи с ограничительными мерами из-за COVID-19.

Учителя оценивают свое рабочее место выше, чем родители учащихся и сами учащиеся, что обусловлено различной степенью «организационного патриотизма» у различных субъектов образования.

Сравнение учащихся младшего и старшего подросткового возраста показало удовлетворенность характеристиками образовательной среды и защищенность от угроз старших и уязвимость младших к угрозам, связанным со значимыми характеристиками образовательной среды учреждения.

Для большинства участников образовательного процесса характерен очень высокий и высокий уровни защищенности в образовательной среде, при этом наиболее защищенными в образовательной среде себя чувствуют учителя, менее защищенными — ученики и их родители. 20% учеников определяют уровень защищенности образовательной среды школы как средний, т.к. примерно каждый четвертый ребенок подвергается психологическому насилию со стороны одноклассников.

Оценка данных составляющих психологической безопасности у педагогов находится на более высоком уровне, чем у родителей и учеников.

Выводы. Защищенность участников образовательного процесса в целом находится на высоком уровне, но более комфортно себя чувствуют педагоги, а наименее — ученики, часть из которых сталкивалась с психологическим насилием со стороны одноклассников.

Особенности волевой регуляции у студентов разных вузов

Воля, волевая регуляция, самоконтроль, саморегуляция, высшее образование, организационная культура, учебная деятельность, студенты

Как отмечал С.Л. Рубинштейн, воля составляет хребет личности, обеспечивая устойчивое и прогрессивное развитие субъекта деятельности на протяжении всего жизненного пути (Рубинштейн, 2015). Исследования показывают, что волевая регуляция развивается в процессе освоения новых видов деятельности, в частности, в обучении в вузе (Иванников и др., 2014). Было показано, что у старшекурсников формируется набор устойчивых волевых качеств, который определяет их уникальный стиль волевой регуляции (Барабанов, 2013). Однако обучение в вузе — это сложный и многоаспектный процесс, который включает в себя не только освоение новых видов деятельности, но и формирование системы отношений в новом социальном окружении.

В связи с этим встает вопрос, какой вклад в развитие волевой регуляции вносят характер осваиваемой деятельности и особенности организационной культуры в вузе? — Чтобы дать ответ на этот вопрос было проведено сравнение состояния волевой регуляции у студентов 1 и 4 курсов, обучающихся по направлению подготовки «Психология», в четырех московских вузах: МГУ имени М.В. Ломоносова, МГОУ, АСОУ, Московский институт психоанализа (по 40 человек в каждой группе). Всего в исследовании приняло участие 240 человек.

Для диагностики состояния волевой регуляции респондентов использовались: «Шкала контроля за действием» Ю. Куля, «Вопросник для выявления выраженности самоконтроля в эмоциональной сфере, деятельности и поведении», модификация Методики самооценки волевых качеств личности.

Для оценки статистической значимости различий нами использовался непараметрический критерий Краскела-Уоллиса.

Результаты сравнения групп показали, что первокурсники из разных вузов значительно различаются лишь по самооценке нескольких волевых качеств: дисциплинированный ($X_2(3)=24,87, p0,01$), принципиальный ($X_2(3)=8,23, p0,01$), обязательный ($X_2(3)=14,78, p0,01$), волевой ($X_2(3)=15,77, p0,01$), инициативный ($X_2(3)=8,00, p0,01$), выдержанный ($X_2(3)=7,87, p0,01$), энергичный ($X_2(3)=8,90, p0,01$), деловитый ($X_2(3)=11,17, p0,01$). Наибольшие значения показателей наблюдаются у студентов МГУ, что можно объяснить более высокими требованиями, предъявляемыми к абитуриентам.

Наряду с этим, старшекурсники из разных вузов значительно различаются по большому числу показателей: «Шкала контроля за действием» ($X_2(3)=8,99, p0,01$), выраженность эмоционального самоконтроля ($X_2(3)=10,79, p0,01$), самооценки качества ответственного ($X_2(3)=25,97, p0,01$), дисциплинированного ($X_2(3)=7,27, p0,01$), целеустремленного ($X_2(3)=7,62, p0,01$), обязательного ($X_2(3)=7,57, p0,01$), волевой ($X_2(3)=11,16, p0,01$), инициативного ($X_2(3)=36,69, p0,01$), деловитого ($X_2(3)=12,29, p0,01$), а также среднему баллу самооценки волевых качеств ($X_2(3)=9,14, p0,01$).

Наибольшие показатели «Шкалы контроля за действием» и выраженности эмоционального самоконтроля наблюдаются у студентов МГУ и Московского института психоанализа, а самооценки волевых качеств — у студентов МГУ.

Таким образом, различия в состоянии волевой регуляции у студентов разных вузов на первом курсе практически отсутствуют, но к четвертому курсу становятся значительными. Можно предположить, что эти различия скорее являются следствиям различных требований, которые предъявляет к студенту организационная культура вуза, чем требованиями осваиваемой профессиональной деятельности, которая является общей для всех студентов.

1. Барабанов Д. Д. Сравнительный анализ изменений волевой регуляции у студентов первого и второго курса (мониторинг) // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. — 2013. — № 4. — С. 119–130.
2. Иванников В.А., Барабанов Д.Д., Монроз А.В., Шляпников В.Н. Эйдман Е.В. Место понятия «воля» в современной психологии // Вопросы психологии. 2014. № 2. С. 15–23.
3. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии. — Санкт-Петербург [и др.] : Питер, 2015. — 705 с.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта №18-013-01108

Добровольческое движение как ресурс в формировании и трансляции культуры безопасного поведения для населения

Добровольчество, культура безопасности жизнедеятельности

В текущем году можно наблюдать повышение значимости формирования культуры безопасного поведения. Организация жизни в пандемию позволила наглядно увидеть практическую необходимость следования правилам, направленным на заботу о собственном здоровье и здоровье близких людей. Культура безопасности жизнедеятельности является частью общей культуры, характеризующей уровень подготовки в области безопасности жизнедеятельности и осознанную потребность в соблюдении норм и правил безопасного поведения [с.4,1]. Знания и навыки безопасного поведения человек получает в семье, во время обучения в образовательных учреждениях, в профессиональной среде и в общественных организациях. Они необходимы для предупреждения возникновения опасных ситуаций в быту, во время дорожного движения, на природе, при исполнении трудовой деятельности, в информационной, радиационной и энергетической областях, а также для совершения осмысленных действий во время чрезвычайной ситуации.

Одним из приоритетных направлений деятельности Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий (далее — МЧС России) является подготовка разных групп населения в области безопасности жизнедеятельности. И в этом большую роль играют добровольческие объединения.

В добровольческой деятельности МЧС России заняты добровольные пожарные, спасатели, студенты-психологи, студенты-спасатели, детско-юношеские объединения. В конце 2019 года в МЧС России насчитывалось 35 137 общественных объединений общей численностью более 520 тыс. добровольцев, которые оказывают адресную помощь населению, проводят профилактические мероприятия, участвуют в ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций, тушат лесные пожары [2]. В это число входят члены студенческого психологического добровольческого движения «Надежда» (далее — СПДД), которое создано по инициативе Федерального казенного учреждения «Центра экстренной психологической помощи МЧС России» (далее — ФКУ ЦЭПП МЧС России). Оно начало свою работу в 2009 году с одного небольшого отряда в г. Москва. Сейчас это движение насчитывает 17 отрядов по всей Российской Федерации с общей численностью более 280 добровольцев. За последние 5 лет было проведено около 250 тысяч мероприятий с охватом населения более 100 тысяч человек.

Добровольцы транслируют полученные в ходе обучения знания и навыки через регулярное проведение уроков безопасности, тренингов по психологической поддержке, мастер-классов по первой помощи, интерактивных занятий с различными возрастными категориями населения: от воспитанников детских садов до пожилых

людей, проживающих в домах престарелых. Добровольцы принимают активное участие в разработке актуальных занятий для населения. Например, в летний период проводится активная работа по пропаганде безопасного поведения в детских оздоровительных лагерях, зимой — по противопожарной безопасности и безопасности на льду. Работа по обучению населения первой помощи и психологической поддержке проводится круглый год.

В Санкт-Петербурге на базе Северо-Западного филиала ФКУ ЦЭПП МЧС России также действует добровольческий отряд. За 5 лет Санкт-Петербургский добровольческий отряд студентов-психологов провел около 200 мероприятий для 5962 человек. Численность отряда на данный момент составляет 29 человек.

1. Национальный стандарт Российской Федерации ГОСТ Р 22.3.07-2014 «Безопасность в чрезвычайных ситуациях. Культура безопасности жизнедеятельности» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/1200109440>
2. Добровольчество (волонтерство) в МЧС России [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.mchs.gov.ru/deyatelnost/dobrovolchestvo-volonterstvo-v-mchs-rossii>

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ В СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ЭКОНОМИКЕ И БИЗНЕСЕ

Бакулева К.К.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Самуйлова И.А.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Психологические детерминанты образа России в условиях угрозы жизни и здоровью населения страны*

Образ России, медиакомпетентность, реактивная и личностная тревожность, COVID-19, национальная безопасность

Выявление психологических детерминант динамики образа государства, а также факторов его благоприятной или отрицательной оценки остается актуальной проблемой. Образ государства — субъективная конструкция, генерируемая общественным сознанием на основе объективной экономической реальности и впоследствии оказывающая на нее значительное влияние (Петренко, Митина, 2018). Во многих работах отмечается, что в последнее время в восприятии России усиливаются негативные тенденции. В мировом общественном мнении это активно поддерживается зарубежными СМИ, которые продолжают формировать медиаобраз агрессивной, тоталитарной страны со слабой ресурсозависимой экономикой (Громов, 2016).

В 2020 году нами проведено эмпирическое исследование образа России в условиях пандемии новой коронавирусной инфекции (COVID-2019). Нас интересовало, как жители страны воспринимают меры, принимаемые в России в связи с угрозой распространения коронавируса. Мы предположили, что в оценках различных компонентов образа России (экономика, политика, история, культура и др.) будут наблюдаться различия между респондентами с различным уровнем ситуативной и личностной тревожности, а также уровнем их медиакомпетентности. Применялись методики «Уровень медиакомпетентности» (Бакулева, 2016), «Образ страны» (Петренко, Митина, 2005), «Психолого-политическая стабильность» (Самуйлова, 2013), Шкала оценки уровня реактивной и личностной Ч. Д. Спилбергера (в адаптации Ю. Л. Ханина). Исследование проводилось дистанционно, с помощью специальных форм, размещенных в сети Интернет. В выборку первого этапа (30.03.20-15.06.20, период «самоизоляции») вошли 144 респондента в возрасте от 18 до 74 лет (из них 73% — женщины) из С-Петербурга, Москвы, а также ряда некоторых регионов России.

Результаты исследования свидетельствуют, что в период угрозы жизни и здоровью жители России достаточно низко оценивают уровень жизни ($M=2,4\pm 1,3$), экономическое положение ($M=3,2\pm 1,4$) и демократический потенциал ($M=2,9\pm 1,5$) своей

страны. При этом показатели положительного отношения к стране (симпатии) остаются достаточно высокими ($M=5,6\pm 1,5$; $M=4,8\pm 1,6$). Большинство респондентов не поддерживают изменения, происходящие в России ($M=2,5\pm 1,1$), и полагают, что страна должна развиваться по-другому ($M=3,7\pm 1,1$).

Проведение факторного анализа позволило выделить 7 факторов, объясняющих 69% всей дисперсии. Так, оценки России по факторам «Политической агрессии» (9,3%) и «Политической стабильности» (4,7%) связаны с возрастом респондентов ($p \leq 0,01$; $r = -0,25$; $r = -0,28$). Следовательно, граждане старшего возраста более склонны оценивать политику России как агрессивную и авторитарную, а также как недостаточно стабильную. Оценка России как политически стабильного государства более свойственна респондентам, поддерживающим политический курс страны ($p \leq 0,01$; $r = 0,53$) и не желающих радикальных перемен ($p \leq 0,01$; $r = -0,35$). Респонденты, которых не устраивают изменения, происходящие в стране ($p \leq 0,01$; $r = -0,34$), полагают, что страна должна развиваться по-другому ($p \leq 0,01$; $r = 0,37$). Уровень реактивной тревожности респондентов связан с их представлениями о наличии внутренних конфликтов в стране ($p \leq 0,01$; $r = -0,24$). Люди с высоким уровнем реактивной тревожности полагают, что в стране присутствуют внутренние конфликты и не соблюдаются права отдельных национальностей.

В заключение, отметим, что проведение исследований образа государства с учетом психологической специфики его формирования и репрезентации в сознании граждан позволяет выявлять возможные причины реакций людей на актуальные социально-политические изменения и ситуации, объяснять и сглаживать диссонанс массовых представлений о стране (в том числе в международном медиапространстве), способствовать разработке алгоритма психологической оценки реализации Стратегии национальной безопасности РФ (указ Президента РФ 31.12.2015 N 683).

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ: проект №19-013-00725 «Медиаобраз России в контексте национальной безопасности»

Эмоциональная компетентность личности в контексте выполнения задач служебной деятельности

Эмоциональная компетентность, эмоциональный интеллект, психологическое благополучие, невротические состояния

К специалистам, решающим задачи служебной деятельности, сопряженной с высоким уровнем психологической напряженности труда, риском и опасностью для жизни, ответственностью за жизнь и здоровье других людей, жесткими временными ограничениями, предъявляются повышенные требования как в части нормативности их поведения, так и к личностным качествам, в том числе к наличию у них высоких адаптивных способностей и сформированной эмоциональной компетентности.

Эмоциональная компетентность представляет собой совокупность развивающихся способностей к саморегуляции и регуляции интерперсональных отношений путем понимания собственных эмоций и эмоций окружающих (Г.В. Юсупова, 2006), адекватного их оценивания, контроля, конструктивного выражения и использования для управления своим поведением (Райнольдс М., 2003) и межличностных коммуникаций. Основу эмоциональной компетентности составляет эмоциональный интеллект как способность понимать отношения личности, репрезентируемые в эмоциях, и управлять эмоциональной сферой на основе интеллектуального анализа и синтеза (Г.Г. Гарскова, 1999). Механизмами формирования и реализации эмоциональной компетентности выступают саморегуляция, регуляция отношений, рефлексия и эмпатия.

Наше исследование было направлено на выявление взаимосвязи эмоциональной компетентности и психологического благополучия у сотрудников силовых структур.

Методика исследования. В исследовании приняли участие 120 сотрудников УФСИН и 75 сотрудников ГУ МВД России по Ставропольскому краю. Стаж работы — от 2-х лет. Возраст — 29 — 47 лет.

Психодиагностические методики: опросник эмоционального интеллекта Д.В.Люсина, методика диагностики уровня эмпатии В.В.Бойко, опросник «Дифференциальный тип рефлексии» (Д.А.Леонтьев и др.), опросник «Стиль саморегуляции поведения» В.И.Моросановой, шкала психологического благополучия К.Рифф, клинический опросник для выявления и оценки невротического состояния В.Д.Менделевича, К.К.Яхина. Статистическая обработка данных: г-критерий Пирсона, непараметрический U-критерий Манна-Уитни.

Результаты исследования. Анализ результатов исследования показал, что сотрудники, имеющие высокий уровень развития общего эмоционального интеллекта и средний уровень развития эмпатии, саморегуляции поведения, системной рефлексии, имеют высокие показатели психологического благополучия, у них отсутствуют признаки невротических состояний. Они составляют 27% выборочной совокупности. Сотрудники (37% выборки) со средними значениями общего эмоционального интел-

лекта, заниженным уровнем эмпатических способностей, средним уровнем системной рефлексии и саморегуляции характеризуются средним уровнем психологического благополучия; значения шкал невротического состояния находятся в диапазоне «неопределенного диагноза». Сотрудники (16% выборки), имеющие средние значения общего эмоционального интеллекта с тенденциями к низкому уровню (пограничные значения), пограничные значения эмпатических способностей и саморегуляции (показатели рефлексии колеблются от высоких до низких), отличаются пограничным и низким уровнем психологического благополучия, а по ряду шкал невротического состояния находятся в критическом диапазоне.

Таким образом, параметры эмоциональной компетентности, оказывая влияние на психологическое благополучие сотрудников силовых структур, определяют успешность выполнения ими задач служебной деятельности.

1. Гарскова, Г.Г. Введение понятия «эмоциональный интеллект» в психологическую теорию // *Ананьевские чтения: тезисы научно-практической конференции*. - СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1999. С. 25-26
2. Райнольдс М. Коучинг: эмоциональная компетентность/ пер. с англ. Центра поддержки корпоративного управления и бизнеса, 2003. — 112 с.
3. Юсупова Г.В. Состав и измерение эмоциональной компетентности: дис. ... канд. психол. наук. — Казань, 2006. 208 с.

Социальные представления о денежном долге

Социальные представления, структура социальных представлений, долг, опыт заимствования, поколение

Актуальность изучения социальных представлений о долге и их согласованности с научным понятием «денежный долг» связана с возможностью повышения взаимопонимания между заемщиками (как институциональными, так и неинституциональными) и теми, кто предоставляет займы. Существуют различия в понимании долга обывателями и специалистами, работающими с деньгами: не всегда долги признаются таковыми, а из-за недооценки уровня задолженностей домохозяйств строятся неверные модели, описывающие долговое поведение [3]. Социальные представления (СП) — это совокупность индивидуальных представлений членов группы о каком-то объекте, который должен обладать рядом характеристик: быть абстрактным, важным, значимым и обсуждаемым [2]. Понятие «Долг» определено удовлетворяет этим критериям. Гипотезы: 1. СП о долге (денежном) характеризуются приоритетом рациональных убеждений и действий, направленных на своевременный возврат. 2. Ядро СП одинаково у разных поколений. 3. Должники будут иметь менее рациональные СП о долге. Всего нами было опрошено 1159 человек, в возрасте от 17 до 82 лет, ср. 24,9; 54% женщины. Использовался Опросник долгового поведения [1]. Для оценки структуры СП о денежном долге был рассчитан коэффициент позитивных оценок (ТСП) утверждений по Ж.К. Абрику [2]. Для респондентов, предоставивших данные об опыте заимствования (N=426) было проведено сравнение. Отдельно были проанализированы 391 респондент, из которых 71 — беби-бумеры, 103 — поколение X, 104 — поколение Y и 113 — поколение Z. Результаты. В общей выборке в ядро социальных представлений о денежном долге попали утверждения: «19. Я всегда стараюсь отдавать долги как можно быстрее», «3. Только я несу ответственность за возврат своих долгов», «27. Прежде чем взять кредит, я анализирую необходимую информацию и выберу наиболее выгодное предложение», «30. Жить надо в соответствии со своими доходами», «8. Чтобы получить кредит на выгодных условиях я готов собирать все необходимые справки и документы», описывающие рациональные убеждения о долге и готовность к рациональным действиям. Содержательно ядро социальных представлений о долге можно охарактеризовать как рациональные убеждения, связанные с ответственностью, расчетливостью и исполнением обязательств. Утверждения, связанные эмоциональным переживанием, с отношением к кредитам и отражающие уровень субъективного контроля и приемлемость жизни в долг респондентом и его социальным окружением, попали в периферию социальных представлений. По этим утверждениям было проведено сравнение респондентов с различным опытом заимствования. В результате, достоверные различия (ANOVA, $p < 0,05$) получены только по двум утверждениям, описывающим быстрый возврат долгов и жизнь в соответствии с доходами: ниже у должников. Анализ результатов четырех поколений показал, что в ядро попали одни и те же утверждения, описывающие убеждения о собственной ответственности за

возврат долгов, необходимости жизни в соответствии с доходами, минимизации стоимости займа и максимально быстром погашении имеющихся задолженностей. Однако корреляции этих утверждений со шкалами опросников УСК, Большая пятерка и опросника склонности к переживанию чувств вины и стыда — разные, что указывает на разные основания для одних и тех же представлений.

1. Гагарина М.А., Павлова О.Е. Ограниченная рациональность и долговое поведение работающих и неработающих россиян // Социальная политика и социология. 2013. № 3-2 (95). С. 251-265.
2. Емельянова Т.П. Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества. М.: ИПРАН, 2006. 400 с.
3. Aller C., Chapela J.G. Misclassification of the dependent variable in a debt-repayment behavior context // *Journal of Empirical Finance*. 2013. V. 23. P. 162-172." Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, грант № 19-29-07463

Образ России у иностранных студентов в контексте международного гуманитарного сотрудничества

Образ России, гуманитарная политика, иностранные студенты, семантический дифференциал, авто- и гетеростереотипы

Один из компонентов международного гуманитарного сотрудничества — формирование позитивного образа России за рубежом у молодежи. Согласно Концепции продвижения российского образования на базе представительств Россотрудничества за рубежом, высшее образование признается «одним из наиболее эффективных инструментов создания и поддержания положительного образа страны за рубежом» [1]. Образ России у иностранных студентов формируется не только под воздействием СМИ, но и личного опыта пребывания в стране и взаимодействия с россиянами и русской культурой. Настоящее исследование посвящено изучению образа России у студентов из разных стран и его взаимосвязи со стереотипными представлениями, ценностями и аккультурационными установками. Для изучения образа России использовались МСД — модифицированный семантический дифференциал (Дейнека, 2000) и авторский опросник «Образ России», проверенный на надежность и валидность. Дополнительно применялись: методика «Приписывание качеств» Д. Каца и К. Брейли для выявления и оценки авто- и гетеростереотипов, методика изучения аккультурации (отдельные шкалы MIRIPS) Дж. Берри и экспресс-методика ранжирования политических ценностей О.С. Дейнека. В исследовании приняли участие 76 студентов из разных стран (79% из стран Запада, 21% из стран Востока), 47% респондентов имели опыт пребывания и обучения в России. Контрольная выборка состояла из российских студентов (61 чел.). Выполненное с помощью МСД исследование показало, что в целом у иностранных студентов сформирован положительный образ России. В отрицательной зоне семантического пространства оказались характеристики государства, связанные с проявлениями демократии. Эксплораторный факторный анализ данных опросника «Образ России» позволил выявить три фактора: статус России на международной арене, признание/непризнание роли России и представления об экономике России. Результаты исследования с помощью опросника показали, что иностранные студенты признают политическое, экономическое и культурное влияние России на международные процессы. Согласно данным МСД и опросника, у иностранных студентов образ России оказался более позитивным, чем у российских студентов, что было подтверждено с помощью однофакторного дисперсионного анализа ANOVA. Российские студенты ниже, чем иностранные, оценили экономическое положение и потенциал России. Студенты из разных стран, которые проходили обучение в России, оценили экономическое положение нашей страны ниже, чем не имеющие такого опыта. Авто- и гетеростереотипы о русских в основном положительно окрашены. Общее в авто- и гетеростереотипах заключается в силе русского

народа, консервативности (сохранении культуры и традиций), гостеприимстве, пассивности и дисциплинированности. В автостереотипе выделяются выносливость, адаптивность, терпеливость русских людей, а также душевные качества (отзывчивость, чувство юмора). Результаты корреляционного анализа показали взаимосвязь гетеростереотипов и компонентов образа страны. Позитивная окраска стереотипов связана в основном с моральным авторитетом России. В целом, образ России в обыденном сознании у студентов из разных стран отличается от клише из зарубежных СМИ, транслирующих навязываемые некоторыми политическими элитами стереотипы демонизации и русофобии, что подтверждает роль гуманитарной политики [2] в формировании образа России у иностранцев, в частности, при образовательных и культурных обменах.

1. Концепция продвижения российского образования на базе представительств Россотрудничества за рубежом. 27.03.2014. URL: <https://legalacts.ru/doc/kontseptsija-prodvizhenija-rossiiskogo-obrazovanija-na-baze-predstavitelstv-rossotrudnichestva-za/>
2. Великая А.А. Публичная дипломатия России и США: сравнительные аспекты двух систем и роль в развитии двустороннего диалога // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2019. Т. 12. Вып. 4. С. 500–517."

Исследование выполнено при поддержке РФФИ, грант № 19-013-00725 2019

Дейнека О.С.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Медяник С.И.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Образ-представление России в обыденном сознании немецких граждан

Образ России, немецкие граждане, эмоции, образ врага, радикальные установки

Образ страны и народа на международной арене играет важную роль во внутренней и внешней политике любого государства, влияет на эффективность международного сотрудничества. Образ нашей страны, нации складывается в культуре других народов на основе культурно-исторических факторов и под воздействием текущей обстановки в мире. Несмотря на активные взаимосвязи России и Германии, психологические аспекты отношения граждан Германии к России исследованы недостаточно. Целью настоящего исследования являлось изучение образа России и отношения граждан Германии к нашей стране на фоне усиления глобальной конкуренции и проявлений западной русофобии. Объектом онлайн исследования стали 120 граждан Германии из Мюнхена, Берлина, Франкфурта и Бад Зооден-Аллендорфа (в основном жители исторических территорий ФРГ) от 19 до 70 лет, среди которых был 51% мужчин и 49% женщин. Методический инструментарий исследования (О.С.Дейнека) состоял их 4 методик и сочетал полупроективные и опросные методы. 1) Для получения эмоционального образа России была разработана методика из списка эмоций и чувств, используемых при анализе аффективной сферы политики (например, Бозаджиев В.Л., 2015; Нагорных О.В., 2018; Юрьев А.И., 1996). 2) Методика ранжирования вариантов отношений Германии с Россией корреспондировала с описанной в лингвистической литературе структурой концепта «Russland» в немецкой языковой картине мира [1]. 3) Методика «Партнеры для Германии» выявляла страны, предпочитаемые немецкими гражданами для стратегического партнерства. 4) Опросник отношения к России позволял измерять аттитуды в отношении сотрудничества России и Германии, имидж России у немецких граждан, проявления радикализма и навыки информационной культуры у респондентов. Результаты исследования показали, что в обыденном сознании немецких граждан образ России имеет негативную окраску. У респондентов доминировали «ненависть» (5,52), «вина» (4,87) и «обида» (4,74), в меньшей степени представлены «страх» (4,48) и «жалость» (4,01), а менее всего «уважение» (2,67). Полученный результат характеризует массовое сознание, а в контенте обращений к россиянам от научной интеллигенции Германии присутствуют чувство уважения, солидарности и даже восхищения [2]. Среди ранговых позиций, которые показывают, что представляет Россия для Германии, доминировали ассоциативные единицы «враг» (M=4,83), «источник ресурсов» (M=3,84), «никто» (M=3,72), а наименее популярным вариантом ответа был «друг» (M=1,55). Демонизация России в СМИ европейских стран активно поддерживается, особенно с 2014 года, и постоянно подпитывается, например, благодаря сравнительно недавнему инциденту в Британии, связанному с отравлением Скрипаля. Немецкий политолог Александр Рар

(AlexanderRahr), выросший в западной Германии, считает, что главным препятствием на пути к сближению России и Германии сегодня является менталитет холодной войны. Результаты исследования с помощью опросника показали, что респонденты не демонстрируют понимания того, что санкции против России не выгодны, а также не осуждают уничтожение в Европе памятников освободителям от фашизма. Помимо преобладания негативных тенденций в образе-представлении о России и россиянах, обнаружена еще и высокая степень проявления радикализма у респондентов. Более негативный образ России, оказался у тех респондентов, у которых в большей степени выражены радикальные и экстремистские установки, а также у тех, кто ищет справедливости из интернет-ресурсов.

1. Точилина Ю.Н. Особенности вербализации концепта Russland (Россия) в немецких СМИ // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2, Языкозн. 2013. № 1 (17), 92-97.
2. Offener Briefaus Berlin an die russländische Bevölkerung (Открытое письмо из Берлина народу России).URL: <http://www.frikoberlin.de/offener-brief-an-die-russlaendische-bevoelkerung/>

Исследование выполнено при поддержке РФФИ, грант № 19-013-00725 2019

Особенности адаптации методики оправдания экономической системы на российской выборке

Оправдание системы, оправдание экономической системы, коллективные действия, апробация, методика

Оправдание — важный психологический механизм, направленный на легитимизацию различных убеждений, явлений и поведения. Теория оправдания социальной системы (ОСС), предложенная Джостом и Банаджи (Jost, 2019) предлагает рассматривать оправдание не отдельных факторов, а всей системы социальных отношений, понимая под этим мотивированный процесс поддержания статус кво путем разделения стереотипов и предрассудков, направленных на легитимизацию существующей системы общественных отношений (Jost, 2019). Эта теория объясняет аутгрупповой фаворитизм, низкую протестную активность низкостатусных групп и другие парадоксы (Jost, 2019). Существует как общее ОСС, так и домен-специфичные варианты. Конструкт ОСС уже 25 лет остается одним из самых популярных в психологии и используются в огромном количестве исследований (Jost, 2019).

Данные тезисы представляют результаты апробации на российской выборке шкалы оправдания экономической системы (ОЭС). Данная шкала позволяет измерить оправдание текущей экономической системы (Jost, Thompson, 2000).

Несмотря на популярность данного конструкта, существует проблема того, что шкалы ОСС до сих пор не адаптированы в России, и исследования, направленные на изучение восприятия текущей социально-экономической ситуации (восприятие выраженного экономического неравенства как неизбежного и естественного (Мареева, 2015) при парадоксально низком уровне протестной активности (Электронный ресурс: trudprava.ru (20.05.2020)), пропуская такой важный объяснительный принцип, как ОСС, остаются неполными. Выяснение механизмов ОСС способствовало бы пониманию развития гражданского общества в России.

Адаптация проводилась на выборке из 553 человек, среди них 273 мужчины ($M=34,2$, $SD=10,6$) и 280 женщин ($M=34,3$, $SD=10,7$). Испытуемые отвечали на 18 суждений шкалы ОЭС, а также вопрос, направленный на измерение уровня восприятия экономического неравенства (ВЭН), для проверки конвергентной валидности.

Структура шкалы была проверена при помощи КФА, результаты которого показали, что модель из 6 суждений обладает хорошими показателями структурной валидности ($RMSEA=.047$, $CFI=.981$, $TLI=.968$, $\chi^2=19.884$, $df=9$) и надежности ($\alpha=.78$). Корреляция модели с ВЭН ($r=-.23$, $p.01$) показала, что методика обладает конвергентной валидностью. Главной особенностью работы является то, что оригинальная шкала не воспроизвелась полностью, однако сработали суждения, сформированные в оправдательном ключе с учетом российской специфики, такие как “Сегодня в Рос-

сии санкции других стран не влияют существенно на экономику”. Такой качественный состав можно объяснить низкой финансовой грамотностью населения (Патрахина, 2016).

Таким образом, предложенный инструментарий демонстрирует хорошие психометрические показатели и может быть использован как эффективный инструмент для измерения уровня оправдания экономического неравенства и коррупции и изучения механизмов развития гражданского общества.

1. Как протестуют россияне? Результаты мониторинга протестной активности в четвертом квартале 2019 года, подготовленного Центром социально-трудовых прав. [Электронный ресурс]. 2019. URL: http://trudprava.ru/images/content/Monitoring_4_Quart_2019.pdf (дата обращения: 22.06.2020).
2. Мареева С.В. Институциональное доверие и эффективность институтов в сложных жизненных ситуациях: мнение россиян // Пространство экономики. 2015. №3.
3. Патрахина Т.Н. Современные тенденции развития финансовой грамотности в России // Дискуссия. 2016. №9 (72).
4. Jost, J.T. A quarter century of system justification theory: Questions, answers, criticisms, and societal applications // British Journal of Social Psychology. 2019. 58(2). P. 263-314
5. Jost, J.T., Thompson, E.P. Group-based dominance and opposition to equality as independent predictors of self-esteem, ethnocentrism, and social policy attitudes among African Americans and European Americans // Journal of Experimental Social Psychology. 2000. 36(3). P. 209–232

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20-18-00142)

Измерение финансовой тревожности в контексте страхового поведения российских граждан в условиях пандемии 2019-nCoV

Финансовая тревожность, страховое поведение, экономическая безопасность личности

Введение. В условиях экономической и политической неопределенности, связанной с пандемией 2019-nCoV возникает необходимость определения социально-психологических факторов трансформации поведения потребителей страховых услуг под влиянием биогенной угрозы. Данное исследование посвящено измерению финансовой тревожности, ее влияния на страховое поведение российских граждан. Сравнительный эмпирический анализ финансовой тревожности российских граждан охватывает на три этапа замеров: до возникновения пандемии 2019-nCoV (далее Опрос ""FA prior to 19-nCoV""), в период карантинных мер, объявленных в России в марте 2020 года (далее Опрос ""FA 19-nCoV-1""), и после ослабления карантинных мер в апреле 2020 (далее Опрос ""FA 19-nCoV-2"").

Метод. Данные психологического анализа были получены в результате on-line опроса ""Финансовой тревожности (в контексте страхования)"" [1] — далее опросник FA (insure), проведенного на трех выборках российских граждан. Опрос ""FA prior to 19-nCoV"" был проведен 09.03.2020. В нем приняли участие — 766 респондентов (375 мужчин, 391 женщин). Второй Опрос ""FA 19-nCoV-1"" был проведен 30.03.2020 — 856 респондентов (400 мужчин, 456 женщин). Опрос ""FA 19-nCoV-2"" был проведен 17.05.2020 с участием 963 граждан (422 мужчин и 538 женщин).

Опросник FA (insure) является психометрически прочным и легко реализуемым инструментом, включающий 5 измерительных шкал: MR1. Физические проявления тревожности на финансовые стимулы, MR2. Переживание дефицита денег и финансовой неопределенности, MR3. Ценность страховой защиты, MR4. Финансовая уверенность, MR5. Восприятие страховых и инвестиционных рисков.

Обработка результатов проходила с использованием оборудования ресурсного центра Научного парка СПбГУ ""Социологические и интернет исследования"" [<https://researchpark.spbu.ru/rcsoc-rus>].

Результаты и обсуждение результатов. Корреляционный анализ данных трех волн замеров опросника финансовой тревожности российских граждан показал следующие результаты:

Гендерные различия. Значимые гендерные различия были обнаружены сразу по трем факторам MR1, MR2 и MR3. Мужчины менее тревожны на финансовые стимулы, чем женщины. Эти данные подтвердились в 3-х замерах. Но мужчины более остро переживают проблемы дефицита денег, финансовой неопределенности будущего и менее всего рассчитывают на страховую защиту. Второй и третий замеры показали гендерные различия по фактору финансовой уверенности. Мужчины показали большую уверенность в завтрашнем дне, чем женщины. В период 19-nCoV-2 были

получены значимые различия в отношении переживания страховых и инвестиционных рисков. Женщины сильнее переживали страх перед имущественными рисками и возможностью брать кредиты в банке.

Возрастные различия. Значимые возрастные различия были получены только по пятому фактору — MR5. Переживание за неожиданные имущественные потери и проблемы с кредитованием испытывали чаще граждане 45-65 лет в период prior to 19-nCoV и 19-nCoV-2.

Субъективное материальное положение. В период "prior to 19-nCoV" респонденты с низким материальным положением чаще испытывали физические проявления тревоги на финансовые проблемы, чем граждане со средним материальным положением. В период "19-nCoV-1" были получены те же схожие результаты, но о выраженных признаках тревожности на финансовые стимулы заявили еще и граждане с очень низкими доходами. Замер, проведенный в период "19-nCoV-2" не дал значимых различий по фактору MR1.

Занятость. Были получены различия по фактору MR2: в период "prior to 19-nCoV" безработные чаще были обеспокоены нехваткой денег в отличие от пенсионеров. Большую финансовую уверенность (MR4) в биогенный кризис продемонстрировали студенты, бюджетники и коммерсанты в отличие от безработных.

Образование и финансовая грамотность. В замере 19-nCoV-1 была введена новая переменная: наличие экономического образования или курсов по финансовой грамотности. Гражданам с наличием экономического образования статистически больше подвержены проявлениям финансовой тревожности.

Потребление страховых программ. В третьем замере 19-nCoV-2 была введена новая переменная — предпочтения в потреблении страховых программ. Те потребители, у которых были выше оценки по шкале финансовой уверенности чаще ориентированы на страховую защиту.

Сравнительный анализ данных финансовой тревожности 3 волн замеров. Российские граждане подсчитали важным иметь страховую защиту на "черный день" и показали доверие страховому рынку в период биогенного кризиса. Но к сожалению, значимые различия были получены по фактору финансовой уверенности в будущем: российские граждане в период prior to 19-nCoV чувствовали финансовую уверенность в завтрашнем дне в отличие от периодов 19-nCoV-1 и 19-nCoV-2".

1. Медяник О.В. Отношение российских граждан к политике страхования как фактор экономической безопасности личности. Дисс...канд.псих. наукСПбГУ. СПб, 29.01.2020[ссылка на:<https://disser.spbu.ru/zashchita-uchenoj-stepeni-spbgu/251-medyanik-olga-viktorovna.html>].

Исследование выполнено в рамках Инициативного гранта СПбГУ № 106-16838 (2020 г.). «Исследование финансовой тревожности российских граждан»

Мельник Г.С.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Ерофеева И.В.
Чита, ЗабГУ

Медиаобраз Республики Крым в представлении студентов санкт-петербургских вузов

Крым, СМИ, медиаобраз, представления, студенты, опрос

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ: проект № 19-013-00725 «Медиаобраз России в контексте национальной безопасности»

В статье приводятся данные опроса студентов гуманитарных факультетов вузов Санкт-Петербурга с целью выявления у них представлений о медиаобразе Республике Крым.

В марте 2014 г. по итогам референдума Крымский полуостров перестал быть территорией Украины и вошел в состав России. В результате было образовано два новых субъекта: республика Крым и город федерального значения Севастополь. Сегодня Крым является значимым компонентом в структуре современного образа России. Однако далеко не все проблемы территории решены, прежде всего, проблема ее узнаваемости. Как показывают социологические исследования, Республика редко включается в повестку дня федеральных и региональных СМИ, а поток разрозненных новостей не в состоянии сформировать ее цельный образ. Под медиаобразом будем понимать образ социального мира, формируемый системой СМИ и «закодированное в медийном тексте ценностное представление автора о медиаобъекте, имеющее диалогический (полилогический) характер и вызывающее ценностную реакцию адресата» (Хочунская, 2017).

Опрошено 70 студентов гуманитарных факультетов РАНХиГС СЗИУ, СПбГУ, ЛЭТИ (проект пилотный) в мае 2020 г. На вопрос, считаете ли вы, что воссоединение России и Крыма положительно сказалось на политической, социальной, культурной и экономической жизни, респонденты ответили: конечно, да – 50%; 44,1% – не вижу никакой пользы, как жили раньше, так и сейчас живем. На вопрос, изменилось ли ваше мнение относительно воссоединения Крыма и России спустя 6 лет, 85,3% ответили, что не изменилось, 14,7% – изменилось; но все равно они за воссоединение.

На вопрос, что Вы слышали о Крыме до воссоединения с Россией 73,5% ответили, что знали только о курортах и отдыхе, 23,5% – конечно, у меня там живут знакомые, родственники; 4% – узнала, когда речь зашла о воссоединении

Ответы на вопрос, достаточно ли информации в СМИ и интернете о жизни крымчан после воссоединения в Россией, показали следующие результаты – 41,2% посчитали, что информации много и она разнообразна; 26,5% отметил, что информации много, но она однообразна; 32,4% ответили, что информации мало, появляется только в период празднования годовщины воссоединения.

Вопрос о доверии к новостям о Крыме в традиционных СМИ показал следующие результаты: 20,6% – конечно, доверяю, СМИ не обманывают; 76,5% – не очень,

новости все однобокие; не верю ни одному слову – остальные опрошенные. Вопрос о доверии к новостям о Крыме, размещенным в интернете, показал сопоставимые результаты: доверяю, если только информация подтверждается несколькими источниками – 64,7% 23,5% доверяю только официальным сайтам органов власти и СМИ, но не верю соцсетям, 11,8% .

Опрошенные посчитали, что не хватает следующей информации: о культурной жизни крымчан; внутриэкономическом положении полуострова: (магазины, инфраструктура, тарифы и цены на продовольственные товары и пр.); о социальном положении (льготы, пособия, доступная среда и пр.); информации об инвестиционном климате и инвестиционной привлекательности; информации о здравоохранении.

Исследование показало, что информация, транслируемая в СМИ, способствовала созданию единого облика Крыма только у 32,4% опрошенных, 26,5% посчитали, что СМИ дают противоречивую информацию, трудно определить, какой из обликов правдивый. 32,4% ответили: затрудняюсь ответить, а 8,8% посетовали на то, что нет целенаправленной политики конструирования образа.

Данные показательны, поскольку получены у будущих специалистов гуманитарной сферы (журналистов, рекламистов, специалистов по связям с общественностью, психологов, международников), призванных формировать облик будущей страны.

1. Хочунская Л. В. Феномен медиаобраза: социально-психологический аспект // Вестн. Российского ун-та дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика. 2013. № 2.

Исследование выполнено при поддержке РФФИ «Медиаобраз России в контексте национальной безопасности», №19-013-00725 2019

Тактические медиа как энтропийный фактор политической психологии

Политическая психология, тактические медиа, суггестия, социум, общественная угроза

Политическая психология реализуется как процесс воздействия психологических факторов на политическое поведение субъекта, проявляется в отношениях между ним и обществом, а также в отношениях с различными по масштабам, качественным доминантам и ориентирам социальными группами. Центральной фигурой процесса, таким образом, становится человек, совершающий определенные политические действия, которые детерминированы его внутренними и глубоко имманентными ему личными интересами. Их стимулами могут выступать этические, этнологические, религиозные, философские и прочие императивы. Многие из них могут создаваться также искусственно, путем выстраивания с определенной целью соответствующей информационной парадигмы. Акторами этого действия часто выступают так называемые тактические медиа. Они определяются как альтернативные средства массовой информации, которые в социальных сетях представляют мнение, как правило, политическое, разного рода меньшинств. Механизмы их политико-идеологического воздействия, семантика их текстовых материалов, подчас становящихся перформативными средствами агитации и сигналами к различного рода провокационным действиям, достаточно серьезно исследованы, в том числе и на академическом уровне. Однако при этом забывают то, что тактические медиа выполняют функцию в сфере политической психологии и при этом не только решают частные тактические задачи, но формируют устойчивые социально-политические стереотипы в сознании реципиентов.

Поведение субъекта, особенно в его профессиональной и служебной деятельности, во многом может быть обусловлено воздействием медийных средств, что в настоящее время, прежде всего с развитием высокоэффективных мультимедийных технологий, начинает играть особенно важную роль, становится фактором политического воздействия и откровенного манипулирования. Возрастающее значение в этом могут приобретать именно тактические медиа, которые становятся средством целенаправленной и последовательной суггестии, воздействующей также и на субъекта, исполняющего определенные служебные обязанности на разных уровнях. Тактические медиа особенно опасны тем, что, как правило, не коррелируют с медийным мейнстримом, воссоздают альтернативный информационный, идеологический и социально-политический континуум. Это, с одной стороны, привлекает субъекта оригинальностью и независимостью мнения, а с другой стороны, уводит его от экзистенциальных реалий. Едва ли не главная задача тактических медиа — воссоздание искаженной картины мира, обнуление политической, социальной и гражданской повестки, стимулирование формирования провокативного дискурса. Это может быть привлекательным и для субъектов, исполняющих очень ответственные социальные обязанности, но практически всегда акционизм тактических медиа заводит в тупик,

имеет исключительно автореференциальный эффект. Субъект вовлекается в процессы, генерируемые сугубо агитационными схемами, не имеющими идеологической и духовной глубины.

В связи с этим есть все основания утверждать, что тактические медиа, воссоздавая искаженные и, как правило, разрушительные онтологические континуумы, обуславливают появление альтернативной идентичности, должны рассматриваться также как энтропийный фактор политической психологии. Они играют порой откровенно провокативную и губительную роль в социуме, крайне негативно могут влиять на общественные и государственные институты.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ: проект «Медиаобраз России в контексте национальной безопасности», №19-013-00725

Теория поля Курта Левина, теория личностных конструкторов Дж. Келли и современная психосемантика

Методология психологии, Курт Левин, Дж. Келли, психосемантика, квантовая телепортация

Вызывает удивление, что среди научных тем конференции памяти выдающегося психолога питерской школы психологии Б.Г.Ананьева, только одна тема касается непосредственно основ психологической науки, да и то в историческом аспекте. Это тематика исследования школы Курта Левина и ее значения для современной психологии. Этой проблематике и посвящены мои тезисы. Остальные темы «Ананьевских чтений» связаны с прикладными задачами так называемой «психологии служебной деятельности», призванной обслуживать действующую власть и силовые структуры. Конечно, имеет право на существование и такая тематика, но явный перебор ее представленности на конференции, сводит гуманитарную науку, коей и является психология, призванная не только исследовать психику, но и конструировать возможные миры развития личности (А.Г.Асмолов), к положению прислуги властных структур. Аналогично, как если бы математику пытались свести к налоговой бухгалтерии, пусть и цифровой; а филологию, к задачам правильного написания служебных инструкций.

Тем не менее, наши тезисы посвящены выдающемуся психологу, исследователю динамики менталитета человека, одному из основателей социальной психологии и автору групповой психотерапии в форме так называемых т- группы (или групп личностного роста). Курта Левина называют немецко-американским психологом, что частично справедливо, так как он получил естественно-научное образование, близкое по духу к школе гештальтпсихологии в Германии, а раскрылся как всеми признанный выдающийся психолог в США. Его мать не захотевшая эмигрировать, погибла в фашистском концлагере, и корни коллективного бессознательного, повлиявшего на мировоззрение самого К. Левина, следует искать и в еврейской среде. Тем самым Курт Левин являет собой пример интернационального по духу ученого, к концепции которого весьма уважительно относились и мэтры российской психологии, создатели факультета психологии Московского Университета (МГУ) А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, а также и читавшая нам лекции, ученица Левина, профессор Блома Вульфова Зейгарник. Получивший естественнонаучное образование в университетах Германии, Курт Левин в психологии тяготел к гештальтизму и, естественно, что его «психологическая теория поля», включает понятия, взятые из физики, такие как: «напряженность», «потенциал», «энергия», а также образы математической топологии. Физика, как наиболее развитая на то время наука, дала множество метафорических понятий и аналогий, моделирующих психологическую динамику картины мира человека. Методология постнеклассической рациональности (терминология В.С. Стёпина) набирающая вес в квантовой физике, стимулировала и Курта Левина в объяснении активности и целенаправленности личности, выйти за рамки самой личности, во взаимодействие и диалог с другими людьми. Большим достижение К. Левина

стала разработка им проблем групповой динамики и психотерапии (так называемых т- групп). Как показали наши теоретические разработки (Петренко, Супрун, 2015), на семантические пространства, выступающие операциональной моделью сознания распространяются преобразования Лоренца, лежащие в основе Теории Относительности А. Эйнштейна. Это позволяет исследователю вносить релятивистские поправки, вызванные аффективными состояниями субъекта, а в описании его картины мира, проводить аналогии с искривлением пространства, вызванными присутствием мощных гравитационных масс. В настоящее время, следуя за К. Юнгом и Дж. Паули (Линдорф, 2013) в исследовании феноменов синхронии, нами (Петренко, Супрун, 2017), в рамках изучения коллективного бессознательного, ведутся психосемантические исследования измененных состояний сознания, выступающих аналогом феноменов квантовой телепортации.

1. Келли Дж. Психология личности: психологич личностных конструкторов. СПб.: Речь, 2000.
2. Линдорф Д. Юнг и Паули. М.: Кристалля. 2013.
3. Левин К. Теория поля в социальных науках / [Пер. Е. Сурпина]. — СПб.: Речь, 2000.
4. Левин К. Динамическая психология: Избранные труды / Под общ. ред. Д. А. Леонтьева и Е. Ю. Патяевой; [сост., пер. с нем. и англ. яз. и науч. ред. Д. А. Леонтьева, Е. Ю. Патяевой]. — М.: Смысл, 2001.
5. Петренко В.Ф., Супрун А.П. Методология психосемантики в контексте философии постнеклассической рациональности и квантовой физики// Вестник Российской академии наук), издательство Наука: МАИК , М., том 85, № 10, 2015, с. 896-905
6. Петренко В.Ф., Супрун А.П. Методологические пересечения психосемантики сознания и квантовой физики. Изд. Нестор- История . М. СПб, 2017.

Свешникова Н.О.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Евтухова З.М.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Образ будущего в Российском медиапространстве

Образ будущего, медиапространство, контент-анализ, Россия

В современном мире человечество все чаще сталкивается с различными глобальными проблемами, катаклизмами и кризисами. На их основе многие эксперты пытаются создать модель предполагаемого будущего. Сейчас большинство прогнозов неутешительны. Именно в такие моменты обществу становится необходим положительный образ будущего. Важную роль в этом играют средства массовой информации. Они, как основной источник распространения информации, способны создавать картину не только настоящего, но и будущего.

Исследованием вопросов будущего занимались — К. Юнг, Э. Фромм, Дж. Ньютен. Сейчас в этой проблематике известны такие имена как Т. А. Нестик и А. В. Михальский.

Цель нашего исследования — выявить тенденции в формировании образа будущего в российских изданиях. Нами были отобраны аналитические статьи, посвященные анализу изменений в мире после пандемии COVID-19 и образа России в этом новом мире. Для этого был проведен контент-анализ трех прогностических журналистских текстов из изданий: Газета, Новая газета, ТАСС — мнение. Нами использовалась методика контент-анализа текстовых материалов Свешниковой Н.О. Описание будущего России в системе международных отношений в анализируемых изданиях отражает их идеологическую направленность. В либерально ориентированном издании «Новая газета» выражается сомнение в возможности России занять лидирующие позиции в мире и видит Россию только в качестве стратегического партнера Китая, который постепенно увеличивает свое влияние на процессы, происходящие в мире. А это, в свою очередь, приведет к новой биполярности. В отличие от «Газета. Ru» и «ТАСС», которые по сути являются провластными, где отводится стране важная роль на мировой арене в качестве одного из ведущих акторов геополитики. Особо необходимо отметить, что пристальное внимание в изданиях отводится будущему системы государственного управления. В «Газете» и «ТАСС-мнение» аналитически оценивается возможность и необходимость государственного регулирования различных сфер жизни общества и экономики для дальнейшего развития страны и повышения уровня благосостояния всех ее жителей. В «Новой газете» выражается опасение об усилении государственного регулирования и оценивается этот факт негативно.

Вторая проблема, которая была затронута в статьях — это судьба Евросоюза и глобализации. Издания солидарны, что в ближайшее время на фоне неспособности подобных объединений решать существующие проблемы, роль национальных госу-

дарств будет возрастать, а конфликты между странами-участниками нарастать. Однако, они отмечают, что, несмотря на внутренний кризис, такие организации продолжают свое существование.

Издания также затрагивали проблему социальных изменений в обществе. В материалах исследуемых изданий особое внимание уделяется будущему системы образования, роли онлайн-образования. Эти проблемы интересны прежде всего тем, что образование как социальный институт полифункционален. Особую роль образование играет в жизни отдельной личности и общества в целом как коммуникационная сфера. В анализируемых материалах изданий высказываются предположения, что основные изменения будут связаны со все большим уходом работы и образования в онлайн. Обсуждаются аспекты качества профессиональной подготовки ввиду грядущих трансформаций. При этом необходимо отметить, что акцентируется внимание на повышении значимости личного общения и фактора гуманности социальной среды.

Таким образом, после проведенного исследования можно сделать вывод, что несмотря на разную идеологическую направленность изданий, они все выражают определенные позиции по отношению к будущему после пандемии COVID-19 в социальной сфере, системе международных отношений. Они прогнозируют существенные изменения в мире, которые будут сопровождаться длительным кризисом.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ: проект «Медиаобраз России в контексте национальной безопасности», No19-013-00725

Свешникова Н.О.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Кошелев М.М.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Особенности социализации как фактор формирования политических установок у молодёжи

Социализация, молодёжь, политические убеждения, политические установки

Социализация играет ключевую роль в сохранении и воспроизведении человеческого социума. Именно оснащение индивида опытом предыдущих поколений обеспечивает их преемственность и возможность развития общества. Вместе с тем, формируемые в процессе социализации политические установки в существенной мере определяют конкретное политическое поведение, а именно от этого зависит то, как будет выглядеть наше общество завтра.

Актуальные исследования социализации в основном фокусируются на отдельных аспектах данного процесса: гендерном, образовательном, отклонениях в адаптации и пр. Весьма редко современные исследователи касаются роли социальных институтов в воспроизводстве или становлении политических установок личности. А собственно политические установки чаще рассматриваются в их прикладном значении, в контексте частных ситуаций и мнения общественности о настоящих событиях. Такой подход не даёт возможности видеть общую картину и рассматривать тенденции её изменения.

Цель нашего исследования заключалась в изучении взаимосвязи особенностей социализации и политических установок у молодёжи. Собственно характер социализации современной молодежи во многом предопределяет актуальные политические позиции и взгляды.

Исследование проводилось в период с февраля по март 2020 года. Выборку составили 136 человек из разных городов России: 48 юношей и 88 девушек в возрасте от 18 до 26. Из них 69 респондентов получают высшее образование и 67 среднее специальное образование.

В исследовании использованы следующие методы: Анкета для выявления особенностей социализации (Свешникова Н.О.). Методика «ЦО-36» (В.Н. Куницыной). Методика исследования личностной идентичности (В.Б. Никишиной Е. А. Петраш). Опросник социально-политических позиций (Айзенк Г. Ю.), а также анкета политических убеждений (Вешеникин С.Н. в мод. Свешниковой Н.О. Кошелева М.М.).

Результаты исследования показывают, что в целом характер основных институтов и агентов социализации схожи у всех молодых людей. Однако обнаружена специфика некоторых факторов социализации, а именно: уровня образования, города проживания, характера взаимоотношений между родителями и наличие сиблингов в семье, размера населённого пункта, в котором воспитывались респонденты, а также поло-ролевые особенности.

Полученные результаты свидетельствуют в пользу того, что семья как первичный институт социализации, а именно характер её структуры (наличие сиблингов) и

агентов (отношения между родителями), вносит значительный вклад в формирование мировоззрения в целом и политических установок в частности. При этом, в зависимости от размеров населённого пункта, в котором происходила основная часть социализации респондентов, их политические установки различаются.

В своих установках студенты склонны к позитивным преобразованиям в обществе и отличаются гуманностью социально-политических позиций. Обнаружена положительная корреляция между группой ценностей традиции и консерватизмом социально-политических позиций ($p \leq 0.01$, $r = 0.444$). Таким образом, чем больше студенты склонны следовать существующим традициям, тем больше они поддерживают устоявшийся общественно-политический строй. Также обнаружена положительная взаимосвязь между значением группы индивидуальных ценностей и «жесткостью» социально-политических позиций ($p \leq 0.01$, $r = 0.285$). Так, чем важнее для молодых людей достижение успеха и честолюбие, тем более агрессивных позиций они придерживаются.

Проведённое исследование может быть полезно для органов государственной власти и общественно-политических организаций, работающих с молодёжью. Результаты могут быть применены как в работе по повышению политической активности студентов, так и для выстраивания эффективной политической коммуникации.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ: проект «Медиаобраз России в контексте национальной безопасности», №19-013-00725

Сизова Я.Н.
Челябинск, Томский государственный университет, Челябинский государственный университет;

Трушина И.А.
Челябинск, ЧелГУ

Экономические аттитюды работающих пенсионеров

Экономические аттитюды, пенсионный возраст, стареющее общество

Интерес к проблемам старости и вопросам психологических особенностей людей пожилого возраста обусловлен демографическим старением населения.

Вопросы улучшения уровня жизни и благополучия лиц старшего поколения в условиях старения общества обуславливают необходимость изучения особенностей повседневного экономического поведения и экономических установок пенсионеров.

Целью данного исследования является изучение особенностей экономических аттитюдов у людей пенсионного возраста. Под экономическими аттитюдами мы понимаем установки человека, которые связаны с его экономическим поведением (Дейнека, Забелина, 2018). В качестве метода исследования выступил опросник диагностики экономических аттитюдов (Дейнека, Забелина, 2018). Следует отметить, что данное исследование является продолжением проведённого ранее (Честюнина, Забелина, Трушина, Веденеева и др., 2019). Полученные нами данные несколько отличаются, мы предполагаем, что это связано с тем, что объём выборки увеличился, в частности, стало примерно одинаковое количество мужчин и женщин среди испытуемых, а также примерно равное соотношение между работающими и неработающими пенсионерами. В исследовании приняли участие люди пенсионного возраста, на данном этапе было опрошено 206 испытуемых (средний возраст 65,7 лет), среди них 99 мужчин, 93 женщины и 14 человек, не указавших свой пол, 111 — работающих пенсионеров, 95 — неработающих пенсионеров. С целью анализа результатов исследования проводились описательная статистика и анализ различий по U-критерию Манна-Уитни.

Анализ средних значений показал, что наиболее выраженными экономическими установками среди работающих и неработающих пенсионеров являются избегание долгов ($M=5,98$ и $M=5,66$, соответственно) и ценность самостоятельных экономических достижений ($M=5,55$ и $M=5,24$, соответственно). Стремление избежать финансовых долговых обязательств, рациональная оценка собственного финансового положения и чувство уважения перед людьми, добившимися успеха, характеризуют особенности экономического сознания людей пенсионного возраста вне зависимости от рабочего статуса. И работающие, и неработающие пенсионеры отрицательно относятся к кредитам ($M=2,14$ и $M=1,76$, соответственно), также в группе неработающих пенсионеров отмечается отрицательное отношение к установке «Приоритет заработка здоровью» ($M=2,28$), которые не готовы работать в ущерб своему здоровью.

В результате проведённого сравнительного анализа экономических аттитюдов среди работающих и неработающих пенсионеров были обнаружены значимые раз-

личия по показателям «Потребительская активность» ($p=0,052$), «Значимость финансового статуса» ($p=0,039$) и «Социальная ответственность» ($p=0,045$). Неработающие пенсионеры проявляют более выраженную активность в сфере потребительского поведения, предпочитают сравнивать цены в магазинах, искать более выгодные варианты для совершения покупки. Для работающих пенсионеров в большей степени важно иметь статус обеспеченного человека, а также они признают, что благотворительность является неотъемлемой частью богатства.

Таким образом, полученные результаты исследования дополняют имеющиеся работы по проблемам экономического поведения и экономических установок пенсионеров. Изучение особенностей экономического поведения работающих и неработающих пенсионеров позволяет выработать способы наиболее эффективного взаимодействия с ними, способствующие их гармоничной интеграции в экономические отношения.

1. Дейнека О.С., Забелина Е.В. Многофакторная анкета для экспресс-диагностики экономических установок: результаты разработки (электронный журнал) // Психологические исследования, 2018 (58), 9. URL: <http://psystudy.ru>.
2. Честюнина Ю.В., Забелина Е.В., Трушина И.А., Веденеева Е.В., Лисичкина А.Г. Особенности структуры и содержания экономических установок работающих пенсионеров // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование», 2019, № 1".

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-013-00447 А

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ ДЕТЯМ И ПОДРОСТКАМ С НАРУШЕНИЯМИ В РАЗВИТИИ И ИХ СЕМЬЯМ

Бизюк А.П.

Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО "Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет имени академика И.П. Павлова

Колосова Т.А.

Санкт-Петербург, СПбГУ

Кац Е.Э.

Санкт-Петербург, ГБОУ школа №755 ""Региональный Центр аутизма"" Василеостровского района

Сорокин В.М.

Санкт-Петербург, СПбГУ

Особенности структуры интеллекта у детей с расстройствами аутистического спектра

Структура интеллекта, расстройства аутистического спектра, умственная отсталость, тест Векслера, невербальный интеллект, вербальный интеллект

По данным статистики в последние годы фиксируется постоянный рост числа лиц с расстройствами аутистического спектра (РАС), характеризующихся в частности нарушениями в сфере социально-психологических отношений и специфическими изменениями в когнитивной сфере, мешающими протеканию естественной психологической адаптации [1-3]. Корректное построение технологий работы с такими детьми и эффективное их встраивание в систему социально-психологических отношений возможно без учета интеллектуального потенциала и дифференцированного подхода, опирающегося на общие и индивидуальные закономерности когнитивного развития ребенка.

В представленном исследовании была предпринята попытка сравнительного сопоставления характеристик интеллектуальной деятельности детей с РАС и детей того же возраста с умственной отсталостью.

В исследовании приняли участие по 45 обучающихся 3-7 классов с РАС и легкой степенью умственной отсталости и обучающихся с легкой степенью умственной отсталости. Исследование проводилось по 10 субтестам теста Векслера (WISC), были исключены субтесты «Словарный» и «Лабиринты».

Наиболее выраженные различия обнаружились в отношении субтестов «Кубики Коса» и «Складывание фигур» (по критерию $TSt=8,32$; $p=,0000001$; по критерию Манна-Уитни — $p=0,000001$ и $TSt=4,65$; $p=0,000012$; по критерию Манна-

Уитни — $p=0,000085$, соответственно), что указывает на действительно высокий уровень наглядного анализа и синтеза, оптико-пространственного гнозиса у детей с РАС по сравнению с их сверстниками с умственной отсталостью. В слабой степени различается исполнение субтеста «Последовательные картинки» ($TSt=2,9$; $p=0,005$; по критерию Манна-Уитни — $p=0,014$), в котором явно прирастает смысловая составляющая. Однако, она сочетается с наглядностью и внутренним радикалом упорядоченности, что и делает это пробу более доступной для исполнения испытуемыми с РАС по сравнению с умственно отсталыми детьми.

Противоположная тенденция была обнаружена для субтеста «Шифровка», в которой исполнение задания не упорядочивается никакой логикой, кроме формального соответствия знаков. В этом случае приоритеты относительно простого и механического по сути исполнения принадлежат детям с умственной отсталостью ($TSt=-2,8$; $p=0,006$; по критерию Манна-Уитни — $p=0,0055$). Аналогичное соотношение показателей наблюдается и в результатах по субтесту «Повторение» ($TSt=-2,4$; $p=0,018$; по критерию Манна-Уитни — $p=0,007$).

Наши данные оказались практически полностью совпадающими с результатами, полученными в работе [4], касательно субтеста «Понятливость», который у аутичных детей продемонстрировал самые низкие показатели ($TSt=-3,11$; $p=0,003$; по критерию Манна-Уитни — $p=0,000157$). Принципиальное отличие этого субтеста от остальных состоит в том, что в нем высока роль социально-психологической оценки предлагаемых ситуаций, что для лиц с РАС и является ключевой проблемой.

Остальные сравниваемые показатели шкал методики Векслера по своим средним значениям оказались статистически неразличимыми. Это касается и вербального и общего интеллекта, но не распространяется на интеллект невербальный, показатель которого обнаружил существенное превышение в группе детей с РАС ($TSt=4,74$; $p=0,000008$; по критерию Манна-Уитни — $p=0,000143$).

Таким образом, было обнаружено, что дети с РАС статистически значимо «выигрывают» в исполнении тех психических функций, которые предполагают привлечение оптико-пространственного гнозиса и конструктивного праксиса, но ожидаемо «проигрывают» в случаях, требующих моделирования поведения в социальных ситуациях и учета житейского опыта.

1. Каган В.Е. Аутизм у детей. — Л. : Медицина, 1981. — 190 с.
2. Мамайчук И.И. Помощь психолога детям с аутизмом. — СПб. : Речь, 2007. — 288 с.
3. Микиртурмов Б.Е., Завитаев П.Ю. Аутизм: история вопроса и современный взгляд. — СПб. : Издательство Н-Л, 2012. — 94 с.
4. Dawson M., Soulières I., Gernsbacher M. A., Mottron L. The Level and Nature of Autistic Intelligence. / Psychological Science. — 2007. — Vol. 18. — No 8. — P. 657–662

Взаимосвязь межполушарного взаимодействия и пространственно-временных представлений у детей младшего школьного возраста

Пространственные представления, межполушарное взаимодействие, представления о времени, школьник

Восприятие и переработка пространственных характеристик являются важными компонентами успешности школьного обучения. [1,2]. Наряду с этим, не менее важным условием развития познавательной деятельности ребенка являются сформированные представления о времени. Это субъективное переживание временного континуума, восприятие длительности временных отрезков и последовательности событий, ориентировка в текущем времени, понимание речевых конструкций, описывающих различные временные интервалы и их соотношения. Данные исследования показывают, что трудности контроля за временным протеканием собственной деятельности, оценки длительности выполненной работы, ориентировка в речевых обозначениях временных интервалов является одной из возможных причин задержки формирования школьных навыков [3]. Пространственно-временные представления обеспечиваются интегративной деятельностью мозга, во взаимодействии обоих полушарий. Вклад межполушарных взаимодействий в обеспечении пространственных представлений изучен достаточно подробно[4]. В отечественной школе нейропсихологии психическое отражение времени изучено недостаточно. Отдельные работы связывают восприятие времени с работой гиппокампа, подкорковых структур, мозжечка, правого и левого полушария мозга [5]. При этом, роль межполушарных взаимодействий в обеспечении восприятия времени практически не исследовалась.

Гипотеза исследования: особенности пространственных и временных представлений будут связаны с уровнем сформированности межполушарного взаимодействия. В исследовании участвовали 30 детей младшего школьного возраста. 15 детей имеют диагноз специфическое расстройство развития учебных навыков, 15 не имеющие трудностей в обучении. Для диагностики уровня сформированности межполушарного взаимодействия использовались: проба на реципрокную координацию, перенос позы по кинестетическому образцу, модифицированная проба Сегена. Пространственные представления исследовались с помощью методик: «Кубики Кооса», «рисунок с перешифровкой», проба на понимание логико-грамматических конструкций. Представления о времени исследовались с помощью методики «субъективная минута», также оценивалось субъективное время обследования.

Результаты исследования. Для сравнительного анализа был использован критерий U-Манна-Уитни, оценка взаимосвязи была проведена с помощью коэффициента ранговой корреляции Спирмена. При сопоставлении групп по уровню межполушар-

ного взаимодействия и сформированности пространственно-временных представлений, достоверные отличия были найдены только в группе здоровых детей. Была найдена взаимосвязь между пониманием логико-грамматических конструкций и оценкой временных интервалов. Чем лучше ребенок понимает логико-грамматические конструкции, тем более точно он оценивает временные интервалы ($r=-0,533$; $p\leq 0,01$). Также понимание логико-грамматических конструкций положительно коррелирует с конструктивным праксисом ($r=-0,397$; $p\leq 0,01$). Таким образом, исследовательская гипотеза подтвердилась частично только в группе здоровых детей.

1. Балашова Е.Ю., Ковязина М.С. Исследование оптико-пространственных функций в норме // Журнал прикладной психологии. — 2006. № 6-1. — С. 36-44.
2. Глозман Ж.М. Нейропсихология детского возраста. М., 2009. — 270 с.
3. Вяхирева И.Ю., Балашова Е.Ю. О некоторых особенностях оценки временных интервалов в младшем школьном возрасте // Журнал практического психолога. 2009. № 1. С. 101–111
4. Балашова Е. Ю., Ковязина М. С. О пространственных представлениях у детей с разной степенью сформированности межполушарного взаимодействия // Психологические исследования (электронный журнал). — 2009. — № 1 (3).
5. Брагина Н.Н., Доброхотова Т.А. Функциональные асимметрии человека. М., Медицина, 1988. — 240 с.

Распознавание эмоций детьми с синдромом Дауна по статическим изображениям эмоциональных лиц: пилотное исследование

Синдром Дауна, эмоциональное состояние, мимическая экспрессия, статические изображения

Синдром Дауна (СД) — распространенное хромосомное заболевание, характеризующееся обширным спектром различных нарушений, включающие снижение умственного развития и задержку речевого развития (Лебединский, 2003). Людей с СД описывают как общительных и добродушных, они легче идут на контакт, чем люди с другими интеллектуальными нарушениями (Pochon et al., 2017). Вопрос о распознавании детьми с СД эмоциональных состояний других людей по их мимической экспрессии недостаточно изучен.

Цель исследования — определить возможность распознавания детьми с синдромом Дауна эмоционального состояния по статическим изображениям эмоциональных лиц детей. Данная работа является частью исследования речевого и когнитивного развития детей с типичным и атипичным развитием.

В исследовании приняло участие 10 детей в возрасте 8-17 лет с синдромом Дауна (Q90 — МКБ-10). Запись проводили в условиях «Даун центра» в перерыве между развивающими занятиями. Исследование включало диалог экспериментатора с ребенком, игровое взаимодействие, показ ребенку картинок и его ответы об эмоциональном состоянии ребенка, изображенного на картинке. Во время эксперимента рядом с ребенком находился родитель. Стимульный материал, предъявляемый ребенку, включал пять картинок, на каждой из которых было изображено лицо ребенка, демонстрирующего определенное эмоциональное состояние: радость, печаль, гнев, страх и нейтральное. Каждое изображение предъявляли один раз и задавали вопрос, какую эмоцию испытывает ребенок на нем. Время предъявления было неограниченным, при необходимости ребенку задавали наводящие вопросы. Во время теста поведение детей записывали на камеру “Sony Handycam HDR-CX330”. Мимическую экспрессию детей с СД во время проведения теста определяли по видеозаписям в программе “FaceReader 8.0” (Noldus).

Анализ ответов детей на стимульный материал выявил, что состояние печали правильно распознали 9 детей, радость и гнев — 7 детей. Страх и нейтральное состояние распознали только 4 ребенка. Дети путали страх с гневом и удивлением: изображение с лицом испуганного ребенка двое детей отнесли к гневу и двое к удивлению; нейтральное состояние с радостью, печалью и удивлением: два ребенка отнесли изображение лица ребенка в нейтральном состоянии к радости, один к грусти и один к удивлению. Дети не всегда были способны назвать эмоциональное состояние; в этом случае они старались продемонстрировать его мимикой.

Анализ мимической экспрессии, которую дети демонстрировали во время проведения теста, показал, что дети с СД чаще проявляли нейтральное состояние (41,7% времени) и радость (20,7%), остальные эмоции демонстрировали реже: страх (4,7%), гнев (6,6%), печаль (8,1%), отвращение (5,9%), удивление (8,5%).

Полученные пилотные данные свидетельствуют о том, что дети с СД способны правильно распознавать эмоциональное состояние по статическим изображениям эмоциональных лиц детей, при лучшем распознавании состояний печали, радости и гнева. Продолжением исследования будет являться увеличение выборки детей и анализ речи детей в разных эмоциональных состояниях.

1. Лебединский, В. В. Нарушения психического развития в детском возрасте: учеб. пособие для студ. психол. фак. высш. учеб. заведений / В. В. Лебединский. — М. : Академия, 2003. — 144 с.
2. Pochon, R. Emotion recognition in adolescents with Down syndrome: a nonverbal approach / R. Pochon, C. Touchet, L. Ibernou // Brain sciences. — 2017. — Vol. 7. — No. 6. — P. 55.

Работа выполнена при поддержке гранта РФФ № 18-18-00063

Роль формирования стратегий совладания со стрессом в комплексном сопровождении семей, воспитывающих ребенка с расстройствами аутистического спектра

Расстройства аутистического спектра (РАС), родители детей с РАС, родительский стресс, эмоциональная регуляция, совладающее поведение

Расстройства аутистического спектра (РАС) относятся к группе дизонтогенетических нарушений, сопровождаются выраженной дефицитарностью коммуникативной сферы, поражениями мотивации и саморегуляции, характеризуются тяжелым протеканием. В семьях, где воспитываются дети с РАС, отмечается высокий уровень родительского стресса. Показаны его прямые взаимосвязи с тяжестью симптомов аутизма, нарушениями внимания и гиперактивностью, обратные — с уровнем речевого развития детей (Pastor-Cerezuola et al., 2016). Отмечен больший уровень материнского стресса по сравнению с отцовским, что объясняется различием функций родителей в воспитании ребенка с РАС (Dabrowska, Pisula, 2010). Обратное соотношение уровня материнского стресса и «разгрузки» матери, получения ею социальной поддержки (Baker et al., 2011) также указывают на значительный вклад семейной вовлеченности матери «особого ребенка» в повышение уровня кумулятивного стресса.

Специфичность формирования стрессовых реакций у родителей детей с РАС по сравнению с родителями, воспитывающими детей с другими психическими и соматическими заболеваниями, связывают с глубоким поражением сферы социальных взаимодействий при РАС. Это ведет к сложностям социализации детей, неприятно их другими людьми, снижению позитивной обратной связи для родителей, затруднениях в построении контакта детей и родителей. Зачастую отмечают сложности в получении медицинской и психолого-педагогической помощи, что также усиливает родительский стресс. Полагают, что стресс родителей первоначально является производным от тяжести состояния ребенка, но в дальнейшем негативно влияет на состояние детей и может снижать результативность коррекционной работы с ними.

На выборке, в совокупности включающей 40 матерей, воспитывающих детей с РАС, нами показано увеличение материнского эмоционального выгорания в данной группе, усиление субъективной оценки негативного воздействия сопутствующих стрессовых факторов, изменение спектра эффективных стратегий совладания со стрессом (Дорошева и др., 2018). Описанная нами структура связей компонентов тревоги и показателей благополучия у матерей детей с РАС указывает на ведущую роль психосоциального стресса в формировании у них тревожных состояний. Показано снижение эффективности совладающего со стрессом поведения, прямо направленного на решение проблем, на достижение высоких результатов в работе с ребенком.

Не вызывает сомнения необходимость включения работы с родителями в общую программу сопровождения семей с детьми с РАС. Мы предлагаем акцентировать внимание на формировании у родителей навыков эмоциональной

саморегуляции, на их овладении способами получения психологических ресурсов, в том числе, социальной поддержки. Согласно нашим данным, матери детей с РАС в силу опыта фрустрации в социальных ситуациях не направлены на поиск социальной поддержки, однако ее наличие оказывается для них важнейшим ресурсом совладания со стрессом. Таким образом, одной из задач становится создание для них безопасной поддерживающей среды.

1. Дорошева Е.А., Грабельникова У.К., Колупаева С.Г. Особенности восприятия стрессовых факторов и совладания с ними у матерей, воспитывающих детей с расстройствами аутистического спектра // Reflexio. Т. 11, №2. С. 43-62.
2. Baker J.K., Smith L.E., Greenberg J.S., Seltzer, M.M., Taylor J.L. (2011). Change in maternal criticism and behavior problems in adolescents and adults with autism across a 7-year period // Journal of Abnormal Psychology, 2011. V. 120, №2, 465-475.
3. Dabrowska A., Pisula E. Parenting stress and coping styles in mothers and fathers of preschool children with autism and Down syndrome // Journal of Intellectual Disability Research Volume, 2010. V. 54, №3. P. 266 — 280.
4. Pastor-Cerezuela G., Fernandez-Andrés I., Tarraga-Minguez R., Navarro-Peña J.M. Parental Stress and ASD // Focus on Autism and Other Developmental Disabilities, 2016. V.31, №4. P. 300–311.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-013-00925)

Взаимосвязь самоотношения, склонности к саморазрушающему поведению и отношения к смерти у подростков

Подростки, саморазрушающее поведение, суицидальное поведение, самоотношение, отношение к смерти

Проблема саморазрушающего поведения подростков актуальна на протяжении нескольких десятилетий. Часто её связывают с социально-экономическими особенностями современного мира (Алёхин, Королёва, 2013). Возрастно-психологические особенности подростков также способствуют формированию саморазрушающих моделей поведения.

Профилактика саморазрушающего поведения должна опираться на актуальные возрастно-психологические изменения в психике подростка.

Самоотношение обеспечивает переживание смысла «Я» личностью. Оно занимает центральное место в структуре субъективного благополучия личности (Тарасова, 2013), тесно связано с готовностью к риску, жизнестойкостью и уровнем социально-психологической адаптации (Чеховская, Рожней, 2018).

Цель исследования: изучение взаимосвязи самоотношения, склонности к саморазрушающему поведению и отношения к смерти у подростков.

Участники исследования: 112 подростков в возрасте 14-18 лет (65 мальчиков и 47 девочек).

Методы исследования: методика исследования самоотношения (В.В. Столин, С.Р. Пантеев), опросник суицидального риска (А.Г. Шмелев), тест-опросник определения склонности к отклоняющемуся поведению (А.Н. Орел), шкала тревожности по поводу смерти Д. Темплера (в адаптации Т.А. Гавриловой), задание на исследование доступности мыслей о смерти «Придумай слово», авторская методика исследования отношения к смерти.

Методы математической статистики: коэффициент корреляции Пирсона.

Результаты исследования. В результате корреляционного анализа было обнаружено множество взаимосвязей показателей самоотношения с показателями склонности к отклоняющемуся, суицидальному поведению, а также отношением к смерти.

Самоотношение подростков тесно связано со склонностью к отклоняющемуся поведению. Наибольшее количество положительных корреляций обнаружено с установкой на самообвинение. Множество отрицательных корреляций выявлено с глобальным самоотношением, самоуважением, аутосимпатией, а так же с установками на самопонимание, саморуководство.

Самоуважение отрицательно связано практически со всеми факторами суицидального риска (временная перспектива, аффективность, несостоятельность, социальный пессимизм, максимализм, демонстративность). Множество корреляций с обнаружено с аутосимпатией, ожидаемым отношением, с установками на самопонимание, саморуководство, самообвинение.

Самоуважение, установка на самопонимание и самопоследовательность отрицательно коррелируют с тревогой по поводу смерти. Самоинтерес положительно

коррелирует с беспокойством по поводу физических изменений, связанных со смертью. Взаимосвязей самооотношения с уровнем доступности мыслей о смерти выявлено не было.

Глобальное самооотношение, самоуважение, ожидаемое отношение от других, самоинтерес, установка на самопоследовательность отрицательно коррелируют с негативным принятием смерти. Самоинтерес отрицательно связан с пониманием смерти как абсолютного конца, а самопоследовательность с отрицанием смерти.

Самоотношение и личностное самоопределение подростков могут выступать в роли ключевых ресурсов для осуществления профилактики и коррекции саморазрушающего поведения.

1. Алёхин А. Н. Феномен саморазрушающего поведения подростков в современных российских условиях / А. Н. Алёхин, Н. Н. Королёва // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. — 2013. — № 3 (Т. 5). — С. 83–90.
2. Тарасова Л. Е. Самоотношение как детерминанта субъективного благополучия личности / Л. Е. Тарасова // Известия Саратовского университета. — 2013. — № 3 (Т. 13). — С. 86–89.
3. Чеховская М. В. Особенности самооотношения и жизнестойкости у старших подростков с девиантным поведением / М. В. Чеховская, Д. А. Рожней // Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. — 2018. — № 2. — С. 159–166.

Факторы риска и ресурсы психологической адаптации в раннем постоперационном периоде у подростков с идиопатическим сколиозом

Психологические защиты, копинг, подростки, идиопатический сколиоз, хирургическая операция, психологические ресурсы, посттравматический стресс

Хирургическая операция является методом лечения тяжелых степеней идиопатического сколиоза (ИС). Г.В. Пятаковой показано нарастание травматической симптоматики и снижение показателей функционального состояния у подростков в ранний послеоперационный период. [1] А.-С. Rullander et al. обнаружили связи симптомов психологической дезадаптации с интенсивностью боли на третий день после операции. [2].

Цель исследования — выявить факторы риска и психологические ресурсы адаптации подростков с ИС в раннем постоперационном периоде.

В исследовании приняли участие 25 подростков с диагнозом «Идиопатический сколиоз» (M041) III-IV степени. Они были обследованы в период госпитализации перед проведением хирургической операции (Т1) и на 7-10 день после нее (Т2).

Психодиагностические методики в Т1: опросник «Индекс жизненного стиля», идентификатор копинг-стратегий Дж. Амирхана, тест-опросник самооотношения В.В. Столина-С.Р. Пантелеева; в Т2: методика САН, «Шкала оценки влияния травматических переживаний» (ШОВТС). Для описания клинических характеристик использовался анализ медицинской документации.

В постоперационный период функциональное состояние подростков характеризуется сниженными показателями самочувствия и активности, уровень настроения превышает средне-популяционное значение.

Подростки различаются между собой степенью выраженности травматических переживаний в Т2. У 13 подростков (52%) все показатели соответствуют «очень низкому» нормативному уровню. 10 подростков сообщают о симптомах вторжения в диапазоне выраженности от «низкой» до «повышенной» (сновидения и навязчивые воспоминания об операции). По 6 подростков сообщают о симптомах избегания и физиологического возбуждения «низкого» и «среднего» уровней интенсивности (проблемы с засыпанием, нежелание рассказывать об операции).

Мы не обнаружили значимых корреляционных связей показателей в Т2 с клиническими характеристиками (длительность операции и наркоза, объем кровопотери), а также между функциональным состоянием и симптомами травматического стресса.

Корреляционный анализ позволяет говорить, что напряженность механизма регрессии в Т1 связана с более выраженными симптомами возбуждения и вторжения в Т2 ($p<0,05$); вытеснения — с более низким субъективным уровне активности ($p<0,01$);

отрицания (p0,01), компенсации и использование копинг-стратегии «Поиск социальной поддержки» (p0,05) связаны с более высокой субъективной оценкой активности.

С более высоким показателем активности связана выраженность таких параметров самоотношения как самоинтерес, отношение окружающих (p0,01), аутосимпатия (p0,05). Выраженность самопринятия связана с более высоким показателем настроения (p0,01) и меньшей интенсивностью симптомов вторжения и возбуждения (p0,05). С менее выраженным возбуждением в T2 также связаны параметры самоуважения, аутосимпатии (p0,01), отношение окружающих, самопонимание, самоуверенность (p0,05).

Таким образом, незрелые защитные механизмы могут выступать факторами риска психологической дезадаптации, а сформированное позитивное самоотношение у подростков с ИС в предоперационный период может рассматриваться как ресурс в раннем постоперационном периоде.

1. Пятакова Г.В., Лебедева Е.И., Виссарионов С.В. Динамика переживаний на этапах хирургического лечения у подростков с идиопатическим сколиозом // Электронный научный журнал «Современные проблемы науки и образования», 2020, №3. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=29689> (дата обращения 02.06.2020)
2. Rullander A.-C., Lundstrom M., Lindkvist M., Haggl E., Lindh B. V. Stress symptoms among adolescents before and after scoliosis surgery: correlations with postoperative pain // Journal of Clinical Nursing, 2016. № 25. P. 1086-1094, doi : 10.1111 / jocn.13137.

Выполнено при поддержке РФФИ №17-29-02321

Диагностика отношения ребенка к родителям в рамках судебной психологической экспертизы по делам, связанным со спорами о праве на воспитание детей

Судебная психологическая экспертиза, детско-родительские отношения, диагностика, семейные споры, дети, родители

Защита интересов и прав детей является приоритетной задачей в семейном законодательстве Российской Федерации, а также других стран. Особую актуальность в связи с ростом бракоразводных процессов имеют судебно-психологические и комплексные психолого-психиатрические экспертизы по судебным спорам о воспитании детей. Данные экспертизы отличаются многообъектностью, трудоемкостью и сложностью. За 2018-2019 года в Северо-Западном региональном центре судебной экспертизы количество судебно-психологических экспертиз выросло в два раза в сравнении с 2015-2017 годами.

Одной из ключевых задач при производстве судебно-психологической экспертизы по данным категориям дел является клинико-психологический анализ особенностей отношения ребенка к каждому из родителей (другому фактическому воспитателю). Данная задача является приоритетной и требует дополнительного освещения в научном сообществе.

Задача исследования отношения ребенка к родителю рассматривается в рамках системно-структурного подхода с его основными методологическими принципами. В связи с этим мы попытались выделить и конкретизировать этапы решения именно этой задачи. Первый этап направлен на психологический анализ материалов гражданского дела с целью предварительного ознакомления эксперта со всеми обстоятельствами судебного разбирательства, в том числе изучения особенностей взаимоотношений ребенка с родителями, его места жительства, частоты встреч с отдельно-проживающим родителем и др. Второй этап решения обозначенной задачи — это клинико-психологическая беседа с ребенком, в ходе которой изучается восприятие семейной ситуации, система отношений ребенка с каждым родителем, роли родителей в жизни ребенка и т.д. Третий этап — экспериментально-психологическое обследование, которое помимо изучения индивидуально-психологических особенностей и уровня развития ребенка направлено на изучение характера детско-родительских отношений. В зависимости от возраста ребенка используются различные методы. Последним этапом получения данных о взаимоотношениях ребенка и родителя является обязательное совместное обследование. В ряде случаев некоторые авторы указывают, что при производстве экспертизы высказанное отношение ребенка к родителю, которое выявляется в ходе клинико-психологической беседы, зачастую не подтверждается результатами психологической диагностики и результатами наблюдения за совместной деятельностью ребенка и родителя. В нашей практике такие случаи тоже встречаются. Именно поэтому необходима синтезирующая часть, которая позволит сопоставить и проверить данные об отношении ребенка к каждому из родителей, полученные на обозначенных выше четырех этапах.

Исходя из данной структуры изучения отношения ребенка к родителю, нами было проанализировано 31 заключение с участием 36 детей. В 75% случаев дети проживали с матерью. В литературе описаны различные виды отношения ребенка как к совместно проживающему, так и к отдельно проживающему родителю. В результате анализа исследуемых нами заключений в 95% случаев дети имеют позитивное отношение к совместно проживающему родителю, крайне редко встречается конфликтное или негативное. Выделено 43% детей с позитивным отношением к отдельно проживающему родителю, 32% — с конфликтным, реже встречается негативное и недифференцированное. Особую значимость представляет описание данных видов отношений, уточнение их специфики.

Таким образом, решение задачи об изучении отношения ребенка к каждому из родителей в рамках судебной психологической экспертизы должно быть реализовано только в рамках комплексного подхода, с проведением очных встреч родителя и ребенка.

Особенности речи и психофизиологические характеристики детей с расстройствами аутистического спектра

Дети типично развивающиеся, дети с расстройствами аутистического спектра, уровень речевого развития, психофизиологические характеристики

Расстройства аутистического спектра (РАС) — группа расстройств, характеризующихся множественной симптоматикой, включающей нарушение социального поведения и речи, ограниченность форм поведения и стереотипии [1]. Разнообразие симптоматики связывают с абнормальным развитием и функционированием центральной нервной системы [2], поражение которой может происходить в процессе пренатального и раннего постнатального развития. Возраст проявления характерной симптоматики, степень ее выраженности наличие ведущего симптомокомплекса являются индивидуальными для детей с РАС. Целью исследования явилось определение связи между уровнем сформированности речи и психофизиологическими характеристиками детей с РАС в сравнении с соответствующими данными для типично развивающихся (ТР) детей.

В исследовании приняли участие дети в возрасте 4-13 лет с РАС (n=68) и ТР (n=140). Дети с РАС разделены на две группы: в РАС-1 вошли дети с регрессом в развитии в возрасте до 3 лет, у детей, отнесенных в группу РАС-2, риск развития диагностирован при рождении. Для оценки тяжести аутистических расстройств использовали шкалу CARS. Запись речи детей с параллельной записью поведения осуществляли в максимально сходных ситуациях: диалог с экспериментатором, просмотр картинок и рассказ по ним. Запись детей с РАС проведена в условиях лаборатории и медицинского центра, ТР детей — в условиях лаборатории, детского сада, школы. Оценка психофизиологических характеристик ребенка проводили по разработанной методике [3], включающей определение ведущего полушария по речи, фонематического слуха, порогов слуха, профиля латеральной функциональной асимметрии (ПЛФА), регистрации ЭЭГ.

Установлено, что дети группы РАС-1 имеет более высокие баллы по шкале CARS, чем дети группы РАС-2. Показана связь между баллами по шкале CARS и сроком гестации, баллами по шкале Апгар, уровнем сформированности речи (чем выше баллы, тем ниже уровень речевого развития ребенка — использование вокализаций, слоговых конструкций и простых слов; выше значения частоты основного тона (ЧОТ — высота голоса)). Между баллами по шкале CARS и способностью ребенка к ответу на вопросы по картинкам (не обращает внимания; показывает что-то; показывает, но отвлекается; показывает и рассказывает); и ПЛФА. Срок гестации и баллы по шкале Апгар влияют на сформированность фонематического слуха и ПЛФА ребенка с РАС. Для детей с РАС (n=8), у которых зарегистрирована ЭЭГ, установлены связи между сроком гестации и показателями по шкале Апгар-1, возрастом и асимметрией альфа ритма; ЧОТ в речи и индексом артикуляции (показатель, характеризующий четкость произнесения гласных в словах), частотой альфа ритма и ЧОТ.

Для детей, посещающих медицинский центр, выявлено влияние родов (способ родовспоможения) на фонематический слух. Определена связь: между сроком гестации и адекватностью проявлений эмоций; баллами по шкале Апгар и временем появления лепета и первых слов, весом ребенка при рождении и временем, когда ребенок встал и пошел; ведущим левым полушарием по речи и употреблением слов, простых фраз и способностью показа изображенного на картинке. Проведено сравнение данных, полученных для детей с РАС и ТР. Показаны связи между ранним развитием ребенка, уровнем сформированности его речи, степенью выраженности РАС и психофизиологическими показателями, отражающие сложную траекторию развития.

- 1 Wing L. The definition and prevalence of autism: a Review. Eur. Child Adolesc. Psychiatry. 2 (1): 61–74. 1993.
2. Casanova M., Trippe J. Radial cytoarchitecture and patterns of cortical connectivity in autism. Philos. Trans. R Soc. Lond. B. Biol. Sci. 364 (1522): 1433–1436. 2009.
3. Ляко Е. Е., Фролова О. В., Смирнов А. Г., и др. Уровень речевого развития детей на этапе формирования навыка чтения. Психологический журнал. 33 (1): 73-87. 2012.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ (№ 18-18-00063), РФФИ (№ 16-06-00024а). В рамках проекта РФФ осуществлена запись речи и тестирование детей в медицинском центре.

Мамайчук И.И.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Миланич Ю.М.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Шумова Т.Ю.
Санкт-Петербург, Институт перинатологии и педиатрии
ФГБУ «НМИЦ им. В.А. Алмазова»

Клинико-психологическое интервью в работе с матерями госпитализированных новорожденных

*Клинико-психологическое интервью, матери, госпитализированные новорожденные,
психологическая адаптация, стрессоры, дистресс*

Цель сообщения — представить основания, лежащие в основе дизайна клинико-психологического интервью для матерей госпитализированных новорожденных.

В большинстве современных исследований, изучающих адаптацию родителей новорожденных в период госпитализации, оценивается выраженность депрессии, тревоги, симптомов острого и посттравматического стрессового расстройства (Bloom et al., 2010; Lefkowitz et al., 2010; Brandon et al., 2011; Verreault et al., 2012; Rogers et al., 2013; Carmen et al., 2016; Trost et al., 2016; Field, 2018; Laudi & Peeples, 2019). Преимущественно используются скрининговые психометрические шкалы. Они позволяют получить количественные данные, которые расширяют наши знания о влиянии болезни и госпитализации ребенка на эмоциональное состояние родственников, выявляют родителей с высоким уровнем дистресса, что дает возможность своевременно начать психологическую или медицинскую помощь. Однако, средние и низкие диапазоны значений шкал могут привести к опрометчивому выводу об отсутствии проблем и исключению поддержки (Hall & Ruby, 2017). Важно учитывать, что аспекты жизненной ситуации воспринимаются родителями как более или менее стрессовые в зависимости от индивидуальной уязвимости. Так, наше исследование показало неоднородность группы матерей новорожденных с патологией ЦНС в отношении когнитивно-эмоционального и поведенческого компонентов адаптации (Мамайчук, Миланич, 2019). Очевидно, что количественных показателей недостаточно для детальной оценки стресс-факторов, составления целостной картины переживаний и способов совладания, что помогло бы специалисту определить направления помощи родителю. Таким образом, есть потребность в качественных, основанных на интервьюировании, исследованиях.

Разработанное нами клинико-психологическое полуструктурированное интервью направлено на оценку стрессоров и компонентов психологической адаптации матерей. Под когнитивно-эмоциональным компонентом понимается преобладание позитивно-ровного или негативного фона переживаний и восприятия жизненной ситуации, будущего и ребенка. Поведенческий компонент представлен преобладанием активных или пассивных стратегий преодоления ситуативных проблем. Интервьюирование позволяет отнести рожицу к одному из четырех выделяемых нами типов адаптации (позитивно-пассивному, позитивно-активному, негативно-пассивному,

негативно-активному) и индивидуализировать психологическую помощь. Ожидаемый эффект помощи — снижение симптомов дистресса матери и гармонизация отношения к ребенку. Продолжительность интервью — от 30 до 90 минут. Полуструктурированная форма позволяет, с одной стороны, систематизировать сбор данных, с другой стороны, гибко варьировать порядок тем и задавать уточняющие вопросы с учетом понимания и эмоционального состояния респондента. Закрытые и открытые вопросы объединены в три блока:

- Первый блок предполагает знакомство и сбор общих биографических сведений.
- Второй блок направлен на диагностику когнитивно-эмоционального компонента адаптации. Женщине предлагается дать собственную оценку состояния ребенка; описать наиболее волнующие проблемы и вспомнить о моментах, вызывающих положительные эмоции во время госпитализации; представить, что будет особенно сложным и приятным в воспитании ребенка в будущем. Особую информативность имеет проективный вопрос: что первое новорожденный сказал бы матери сейчас, если бы мог говорить?
- Третий блок нацелен на оценку поведенческого компонента адаптации. Предлагается описать, что женщина делает, когда ребенок проснулся и бодрствует; насколько активно и из каких источников она узнает информацию о медицинском диагнозе и особенностях развития, готова ли осваивать новые навыки ухода и воспитания. Задаются также вопросы об источниках, субъективной оценке эффективности и готовности просить и принимать информационно-эмоциональную поддержку в данной жизненной ситуации.

Исследование поддержано грантом РФФИ (проект № 19-013-00450 А)

Использование кинетического песка в психокоррекционной работе с детьми с расстройствами аутистического спектра

Расстройства аутистического спектра, аутизм, психологическая помощь, психологическая коррекция, песочная терапия, кинетический песок

Технология работы с кинетическим песком является одним из новых направлений арт-терапии [1, 2], здоровьесберегающий потенциал которой особо ценен для детей с расстройствами аутистического спектра (РАС). Данная категория воспитанников и обучающихся имеет целый ряд психологических проблем, основными из которых являются: трудности коммуникации, эмоциональная отгороженность, стереотипность поведения, отставание в интеллектуальном развитии [3]. В связи с этим вопрос поиска и совершенствования существующих и поиска новых методик психокоррекции крайне актуален [4, 5].

Целью исследования было выявление изменений эмоциональной и коммуникативной сфер у обучающихся с РАС в результате работы с кинетическим песком.

Для анализа динамики эмоциональной и коммуникативной сфер использовался комплекс методов и методик: наблюдение, беседа, «Рисунок человека». Важно отметить, что использование стандартизированных методик в обследовании аутичных детей затруднено вследствие значительных сложностей понимания ими инструкции, а также особенностей мотивационно-волевой и поведенческой сфер. По этой же причине качественная обработка данных более приоритетна, так как имеет большую информативность, чем количественная. В исследовании приняли участие 30 детей в возрасте 7 — 10 лет с РАС. В экспериментальную группу вошли 15 детей, получавших индивидуальные занятия с использованием кинетического песка (обучающиеся ГБОУ школы № 755 «Региональный Центр аутизма» г. Санкт-Петербурга), в контрольную группу — 15 детей (обучающиеся других образовательных учреждений г. Санкт-Петербурга), с которыми подобная коррекционная работа не проводилась.

Во время первичного обследования у детей обеих групп был выявлены следующие особенности: бедность эмоций, снижение потребности в общении, трудности использования вербальных и невербальных средств коммуникации, стереотипность интересов и поведения. После диагностического этапа дети экспериментальной группы были включены в коррекционно-развивающую работу с использованием кинетического песка. Занятия проводились в течение полугода с периодичностью 2 раза в неделю.

В результате сравнительного анализа получены данные, свидетельствующие об эффективности технологии работы с кинетическим песком применительно к детям, имеющим РАС. У детей экспериментальной группы, в отличие от контрольной, значительно повысился уровень эмоциональной откликаемости и коммуникации, включенности в общение доступными речевыми и неречевыми средствами. Снизилась выраженность тревожности и агрессии. Кроме того, улучшились другие показатели: активизировались мотивационно-волевые процессы, расширился поведенческий ре-

пертуар. Дети проявляли выраженный интерес и активность на занятиях, усидчивость, способность к большей концентрации и переключения внимания. В контрольной группе вышеуказанные параметры также имели позитивную динамику, но менее выраженную.

Таким образом, можно сделать вывод, что использование кинетического песка в работе с аутичными детьми позволяет достичь комплексного результата и позитивного влияния на все стороны психического развития. Необходимо отметить важность систематической коррекционно-развивающей работы и налаживания преемственной связи между образовательным учреждением и семьей ребенка с аутизмом для повышения стойкости получаемых результатов.

1. Грабенко Т. М. Игры с песком, или песочная терапия // Дошкольная педагогика. 2004. № 5. С. 26–29.
2. Грабенко, Т. М. Чудеса на песке / Т. М. Грабенко, Т. Д. Зинкевич-Евстигнеева. – СПб. : Речь, 2008. – 340 с.
3. Иванов, Е. С. Детский аутизм: диагностика и коррекция : учебное пособие / Е. С. Иванов, Л. Н. Демьянчук, Р. В. Демьянчук. — СПб: Дидактика Плюс, 2004. — 80 с.
4. Котлованова О.В., Малинина Е.В. Опыт применения песочной арт-терапии в работе с детьми, имеющими расстройства аутистического спектра // Аутизм и нарушения развития. 2015. № 2 (47). С. 53–59.
5. Мальцева Н.А. Песочная терапия в работе с особым ребенком // Особый ребенок. Исследования и опыт помощи. 2014. № 8. С. 120–125.

Семья как основной ресурс развития социального взаимодействия у ребенка с РАС

Расстройства аутистического спектра, социальное взаимодействие, родительские функции, тип привязанности, родительская проницательность

Одной из главных особенностей РАС является нарушение социального взаимодействия. Ребенок с РАС не испытывает потребности проявлять активность в отношении других людей. Существующие центры помощи детям с РАС используют различные методы, способствующие формированию навыков социального взаимодействия. Но основную часть времени своей жизни ребенок пребывает в семье. Поэтому упование только на помощь специализированных центров ошибочно. Мы исходим из ведущей роли семьи и необходимости создания семейного контекста, максимально адекватного для развития социального взаимодействия.

Чтобы способствовать развитию социального взаимодействия у ребенка с РАС, родители должны уметь выстраивать адекватное взаимодействие, а для этого понимать ситуативные потребности ребенка и в случае их актуализации создавать ситуации, в которых ребенок вынужден обращаться к родителям для удовлетворения потребностей. Это сложная многоаспектная задача, но в данном исследовании в центре внимания были родительская проницательность, способствующая пониманию состояния ребенка, а также распределение родительских ролей и функций между матерью и отцом.

Мы исследовали 29 полных семей, имеющих ребенка с РАС. Дети в этих семьях в течение 3 лет занимаются в реабилитационных центрах Новосибирска. На протяжении всего периода работы фиксируется динамика их поведения. В исследовании использовалось авторское интервью для анализа семейного взаимодействия, анализ видеозаписей взаимодействия родителей с ребенком, полуструктурированное интервью, разработанное Д. Оппенгеймом (Oppenheim D., Koren-Karie N., 2018) для определения родительской проницательности, а также методика М. Эйнсворт «Странная ситуация» для определения типа привязанности ребенка.

Результаты исследования показали следующее.

1. Выявлена прямая связь между успешностью ребенка в освоении навыков социального взаимодействия и надежным типом привязанности.

2. Получена связь положительной материнской проницательности с надежным типом привязанности у детей с РАС. Этот результат работает на подтверждение гипотезы Д. Оппенгейма о том, что положительная проницательность матери является возможной основой для развития надежного типа привязанности у детей с аутизмом. Эти матери выражают твердую веру в своих детей, в их сильные стороны и способности; они с большим интересом наблюдают за ребенком в видеофрагментах и проявляют открытость к новой информации, которую они могут получить, наблюдая за

ребенком. Необходимо отметить и обратную сторону этой связи. Возможно, дети с надежной привязанностью более открыты для социального взаимодействия.

3. Эффективность изменения поведения ребенка оказалась связанной с распределением ролей между матерью и отцом. Наибольшие позитивные изменения наблюдались у детей в случае, если мать брала на себя функции заботы и обучения, а отец преимущественно проявлял себя в играх с ребенком. В большинстве случаев эти игры предполагают наличие физического контакта с ребенком, а также наличие таких упражнений, которые способствуют развитию сенсорной интеграции. Подбрасывание в воздух, имитация борьбы, погони способствуют формированию позитивного отношения ребенка к взаимодействию, актуализируют потребность в общении.

Полученные данные свидетельствуют о необходимости организации системной помощи семье с ребенком с аутизмом. Необходимо совместное терапевтическое и обучающее взаимодействие ребенка, родителей и специалиста. Терапия должна включать в себя групповые занятия с семьями, нацеленные на укрепление привязанности между ребенком и родителями, а также на привлечение детей к взаимодействию с окружающим миром. В индивидуальных занятиях с каждой семьей необходимо развивать взаимодействие на равных, умение делать что-либо не для ребенка, а с ребенком, что будет способствовать появлению или укреплению надежной привязанности у ребенка и явится основой для развития социального взаимодействия.

Выполнено при поддержке гранта РФФИ. Проект №18-013-00925

Личностные ресурсы подростков в условиях ортопедического заболевания

Ресурсы, подростки, ортопедическое заболевание, трудная жизненная ситуация

В психологической литературе существует дефицит сведений о ресурсах, позволяющих подросткам с ортопедическими заболеваниями успешно преодолевать трудные жизненные ситуации, связанные с заболеванием и, одновременно, успешно решать задачи возрастного развития в осложненных условиях [1]. Тяжелое ортопедическое заболевание и ситуация восстановительного лечения актуализируют психологические адаптационные механизмы, которые в критические периоды возрастного развития могут способствовать формированию психологических новообразований, имеющих позитивное значение для становления личности. Такими психологическими новообразованиями в подростковом возрасте в условиях болезни, являются отношение подростка к себе и отношение к собственному заболеванию [2]. В исследовании, на основании добровольного информированного согласия, приняли участие пациенты детской ортопедической клиники подросткового возраста (112 человек). Среди них: подростки с ювенильным хроническим артритом (ЮХА), подростки с отдаленными последствиями механических травм (ПМТ), полученных в результате несчастного случая и по неосторожности, подростки с идиопатическим сколиозом (ИС). Критериями включения в основные группы были: диагноз, клинические характеристики, отсутствие тяжелых сопутствующих диагнозов, воспитание в семье, сохраненные возможности интеллектуального развития. Психодиагностическое обследование включало измерение общего уровня интеллектуального развития с помощью методики Слоссона, изучение медицинской документации, изучение копинг-стратегий с помощью опросника Амирхана (адаптация Ялтонского, Сироты), изучение различных вариантов отношения к заболеванию с помощью теста отношения к болезни (Вассерман), изучение характеристик самооотношения с помощью тест-опросника самооотношения (Столин, Пантелеев). В качестве математико-статистических методов применялись: корреляционный анализ, дисперсионный анализ. Было сделано предположение, что копинг-стратегии, актуализирующиеся в трудной жизненной ситуации, в условиях ортопедического заболевания и восстановительного лечения, могут способствовать формированию устойчивых психологических новообразований подросткового возраста. Были получены результаты, свидетельствующие о том, что активный, ориентированный на решение проблем стиль преодоления трудностей в условиях ортопедического заболевания, может способствовать формированию устойчивого положительного отношения к себе, а также отношения к заболеванию по гармоническому и эргопатическому типам. Пассивные избегающие стили совладания с трудностями, могут привести к формированию негативных проявлений самооотношения, поддерживать выраженность дезадаптивных реакций по интер- и интрапсихическому типам, у пациентов с ортопедическими заболевани-

ями. Таким образом, активный, ориентированный на решение проблем стиль преодоления трудностей у подростков с ИС, ЮХА, ПМТ способствует формированию устойчивого положительного отношения к себе и формированию отношения к заболеванию без выраженных дезадаптивных проявлений и может представлять собой маркер личностного роста в условиях болезни. Пассивная копинг — стратегия «избегание» является фактором риска по снижению возможностей саморегуляции поведения и деятельности у подростков с ортопедическими заболеваниями в условиях восстановительного лечения.

1. Coping, Attributions, and Health Functioning Among Adolescents with Chronic Illness and Their Parents: Reciprocal Relations Over Time / Christina M. D'Angelo et al. // Journal of Clinical Psychology in Medical Settings. <https://doi.org/10.1007/s10880-018-9597-0>.
2. Пятакова Г.В. Оконешникова О.В. Кудрявцева С.В. Виссарионов С.В. Критерии психологического здоровья подростков с ортопедическими заболеваниями // Ортопедия, травматология и восстановительная хирургия детского возраста. — 2019. — Т. 7. — № 1. — С.71-80. <https://doi.org/10.17816/PTORS7171-80> опубликовано, SCOPUS

Выполнено при поддержке РФФИ, грант № 17-29-02321

Проявления дефицита совместного внимания у дошкольников с атипичными формами развития: айтрекер исследование

Совместное внимание, разделённое внимание, айтрекер, атипичное развитие, дошкольный возраст

Совместное внимание — способность координировать визуальное внимание с другим человеком в сторону общего объекта или события на основе процесса прослеживания направления взгляда собеседника (gaze following). На базовом уровне совместное внимание относится к способности учитывать информацию о собственном зрительном внимании параллельно с информацией о зрительном внимании других людей. На современном этапе к нарушениям раннего социального взаимодействия относят дефицит механизма совместного внимания. Клинические наблюдения показали, что способность устанавливать совместное внимание на основе детекции взгляда недоступно для ряда нозологических групп. Накоплены эмпирические данные, демонстрирующие, что дети с атипичным развитием испытывают трудности в регуляции внимания другого человека и способности отслеживать направление фокуса. Однако, остаётся мало изучен вопрос сравнительного анализа картины атипичного совместного внимания на выборке детей с разными формами отклонений в развитии.

Предыдущие исследования показали, что метод регистрации движения глаз может выявить поведенческие маркеры патологической симптоматики совместного внимания и более точно измерить нарушения триадических отношений ребёнок-объект-взрослый, выявив критические моменты нарушения внутри эпизода совместного внимания.

Цель исследования — методом слежения за движением глаз провести сравнительный анализ картины атипичного совместного внимания на выборке детей с разными формами отклонений в развитии.

Эмпирическую выборку исследования составили дошкольники 5-7 лет (средний возраст 6 лет 2 месяца) разных нозологических групп: типично развивающиеся дошкольники (n=20), дошкольники с задержкой психического развития (F83) (n=20), дошкольники с задержкой речевого развития (R47) (n=20), дошкольники с нарушением слуха (сенсоневральной тугоухостью, H90) (n=10); дошкольники с нарушением зрения (с амблиопией и косоглазием, H53) (n=20).

Процедура исследования включала эксперимент. Перед ребёнком на столе располагались 2 различных предмета (игрушки), после чего ему предлагалась игра, в которой ребёнок, наблюдая за направлением взгляда взрослого-экспериментатора, должен был отгадать и указать, какой предмет он выберет. Главной задачей ребёнка было проследить за направлением взгляда взрослого и указать на тот предмет, на котором он остановился.

В ходе эксперимента был использован метод регистрации движения глаз с использованием портативного трекера Pupil Headset — PLabs — айтрекер в форме очков, бинокулярное исполнение.

Результаты и обсуждение. По результатам исследования были построены тепловые карты. На картах зафиксированы различия контрастных групп в: 1) предпочитаемом содержании (предмете) восприятия в эпизодах совместного; 2) способе установления совместного внимания; 3) области интереса типично развивающихся детей и детей с разными формами атипичного развития; 4) смене траектории слежения за направлением взгляда партнёра; 5) атипичной направленности взора у детей с атипичным развитием в ситуации совместного внимания; 6) точности фиксации элементов объекта при дефиците совместного внимания.

По результатам исследования в группах дошкольников с атипичными формами развития выделены маркеры деструкции процессов, участвующих в совместном внимании: снижение чувствительности к ориентирующему значению взгляда, атипичная направленность взора (трудности установления взаимного взгляда, трудности следования за взором, фиксации на целевом объекте, нарушение интеграции совместного внимания, снижение распознавания ориентирующего значения взгляда); специфика динамики оперативного поля визуального внимания (изменение зон интереса и зон поиска при дефиците совместного внимания; предпочтение нейтральных стимулов социальным стимулам); изменение длительности пути сканирования визуального поля, пространственной плотности фиксаций визуального внимания (сужение/увеличение), регулярность сканирования визуального поля (повторяемость), направление сканирования визуального поля (стратегии поиска); отличия стратегий прослеживания и маршрутов сканирования объектов, воспринимаемых в ситуации совместного внимания детей с разными формами атипичного развития.

Заключение. В качестве диагностических маркеров нарушения совместного внимания у дошкольников с разными формами атипичного развития были зафиксированы: трудности следования за направлением взгляда взрослого; опережающие действия ребёнка или принятие решение методом «угадывания» / «проб и ошибок»; преобладание ориентации внимания ребёнка на объект, а не на взрослого; рассредоточенность фиксаций визуального внимания; поиск дополнительной информации для выделения целевого объекта; использование дополнительных мультимодальных средств установления совместного внимания (поворот головы, жесты, речь и др.); снижение точности фиксации визуального внимания.

1. Acarturk C., Tajaddini M., Kilic O. Group Eye Tracking (GET) Applications in Gaming and Decision [abstract]. In Radach, R., Deubel, H., Vorstius, C., & Hofmann, M.J. (Eds.), Abstracts of the 19th European Conference on Eye Movements // Wuppertal. Journal of Eye Movement Research. 2017. Vol. 10(6).
2. Chen C., Castellanos I., Yu C., Houston D.M. Effects of children's hearing loss on the synchrony between parents' object naming and children's attention // Infant Behavior and Development. 2019. Vol. 57.
3. Mundy P. A Review of Joint Attention and Social-Cognitive Brain Systems in Typical Development and Autism Spectrum Disorder // European Journal of Neuroscience. 2017. Vol. 47.

*Исследование выполнено при поддержке гранта президента МК-307.2020.6
"Айтрекинг исследование нарушений координации социального взаимодействия в
дошкольном возрасте"*

Сравнительный анализ речи детей 5-8 лет с расстройствами аутистического спектра и умственной отсталостью лёгкой степени: перцептивный эксперимент

Расстройства аутистического спектра, умственная отсталость, перцептивный эксперимент, опыт взаимодействия с детьми с нарушениями развития, акустический анализ

Речь детей с расстройствами аутистического спектра (РАС) характеризуется особенностями: специфическая просодика, эхолалия, неправильное употребление местоимений, ограниченный репертуар эмоций [1]. Акустические характеристики речи детей с РАС отличаются от характеристик речи типично развивающихся (ТР) детей [2]. При прослушивании речи детей с РАС, синдромом Дауна и ТР взрослые способны правильно определить психоневрологическое состояние ребенка (ТР/нарушения развития), наличие опыта взаимодействия с детьми с атипичным развитием приводит к улучшению распознавания состояния детей с РАС и синдромом Дауна [3].

Цель данного исследования — выявить особенности распознавания взрослыми с различным опытом взаимодействия с детьми психоневрологического состояния детей 5-8 лет с РАС и умственной отсталостью лёгкой степени (УО) при прослушивании их речи.

Участники исследования — дети с диагнозами РАС (F 84.0, n=10), воспитывающиеся в семьях, и УО (F 70, n=10), растущие в детском доме. Для перцептивного эксперимента созданы тестовые последовательности, включающие 40 речевых сигналов детей: слова, фразы и речевые конструкции (слова и звукосочетания, значение которых непонятно). В исследовании приняли участие взрослые носители языка (аудиторы) с разным опытом взаимодействия с детьми: студенты-педиатры 1 курса (n=25) определяли состояние детей: типичное развитие (ТР), лёгкие или тяжёлые нарушения развития; студенты-педиатры 5 курса (n=12), студенты лечебного отделения 5 курса (n=15), ординаторы-психиатры (n=11) и врачи-психиатры (n=5) относили речевые сигналы к категориям: ТР — легкие, средние, тяжелые нарушения развития. Вторая группа студентов 1 курса (n=25) определяла пол и возраст детей.

Установлено, что студенты 1 курса чаще относили речевые сигналы детей с РАС к нарушениям развития (71% ответов), чем речевые сигналы детей с УО (48%). Студенты 5 курса определяли состояние детей с РАС и УО лучше, чем студенты первого курса, но хуже, чем врачи и ординаторы: к нарушениям развития относили речевые сигналы детей с РАС в 80%, 77%, 90%, 87% ответов и сигналы детей с УО в 50%, 54%, 59%, 60% ответов — студенты-педиатры, студенты лечебного отделения, ординаторы и врачи-психиатры, соответственно.

Студенты 1 курса определяли пол детей с РАС более правильно, чем пол детей с УО, пол мальчиков — правильнее, чем пол девочек. Возраст детей указывался

аудиторами меньше, чем в действительности. С увеличением возраста детей с УО увеличивался возраст, определённый аудиторами; для детей с РАС не выявлено связи между реальным возрастом детей и указанным аудиторами возрастом.

Произведен анализ акустических характеристик речи детей: определены значения длительности звуковых сигналов и пауз между ними, частоты основного тона и формантных частот гласных.

Таким образом, профессиональный опыт взаимодействия с детьми с нарушениями развития влияет на определение психоневрологического состояния ребёнка по его речи; состояние детей с РАС распознаётся взрослыми с большей вероятностью, чем состояние детей с УО. Способность взрослого получить правильную информацию о нарушениях развития ребенка при прослушивании его речевых образцов может учитываться при подборе персонала для работы с детьми с атипичным развитием.

1. Ляксо Е.Е., Фролова О.В., Григорьев А.С., Городный В.А. Особенности речи, физиологические и психофизиологические характеристики детей с расстройствами аутистического спектра. Российский физиологический журнал им. И.М. Сеченова. 2018. Т. 104. № 5. С. 600-615.
2. Lyakso E., Frolova O., Grigorev A. A comparison of acoustic features of speech of typically developing children and children with autism spectrum disorders. LNAI. 2016. Т. 9811. С. 43-50.
3. Frolova O., Gorodnyi V., Nikolaev A., Grigorev A., Grechanyi S., Lyakso E. Developmental disorders manifestation in the characteristics of the child's voice and speech: perceptual and acoustic study. LNAI. 2019. Т. 11658 С. 103-112.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ (№ 18-18-00063)

Системно-функциональный и деятельностный подходы в оценке причин несформированности компонентов учебной деятельности у детей с СДВГ

СДВГ, учебная деятельность, системно-функциональный подход, деятельностный подход, учебно-важные качества, индивидуальные учебно-важные качества

Проблема произвольной саморегуляции обучающихся в условиях реализации ФГОС — одна из ключевых в виду высоких требований к функционированию психики в учебной деятельности. Значительную роль играет внимание, определяющее степень произвольности учащихся. Умение учиться является субъектным свойством обучающегося и в полной мере выражено в концепции универсальных учебных действий. Учебная деятельность осуществляется в совместно-распределенной форме, ее субъекты — учащийся, учитель и учебный класс (Давыдов, Слободчиков, Цукерман, 1991). Функционирование внимания необходимо рассматривать через его индивидуальные и групповые формы.

Единицей деятельности является действие (Леонтьев, 1974, Рубинштейн, 2002). «Действия связаны с целью, операции — с условиями». Осуществляющееся действие отвечает задаче. Задача — это и есть цель, данная в определенных условиях» [1]. Учебная задача в структуре учебной деятельности занимает особое место и приводит к преобразованию самого субъекта обучения — учащегося (Эльконин, 1989).

Исследование направлено на выявление взаимосвязи структурных элементов учебной деятельности у детей с СДВГ. Для оценки деятельности учащихся педагогам были предложены вопросы, составленные с опорой на деятельностный и системно-функциональный подходы.

Участвовали 117 учителей и 122 учащихся 2-8 классов Санкт-Петербурга с установленным диагнозом СДВГ и обратившихся за психологической помощью по другим причинам. Использован перечень симптомов СДВГ (по DSM-IV).

Результаты и обсуждение:

1. Взаимосвязь симптомов СДВГ и параметров учебной деятельности на уроке (кр-й Спирмена) составляет 55,6% значимых корреляций и выявляет взаимосвязь параметров учебной деятельности и симптомо-комплексов СДВГ.

2. Выявлены кластеры: 1) принятие учебной задачи; 2) темп и переключаемость деятельности; 3) коррекция учебных действий и операций; 4) импульсивность; 5) мотивация; 6) дисциплина и поведение на уроке.

3. Для выявления сформированности компонентов учебной деятельности разные учителя независимо друг от друга оценили одного и того же ученика. Качественный анализ (кр-й t-Стюдента для одной выборки, кластерный анализ) данных двух учащихся (6 и 5 предметов соответственно) показал, что вне зависимости от типа СДВГ в одном случае проблемы были связаны с мотивацией, темпом и коррекцией учебных действий, в другом — с учебной задачей и темпом деятельности на уроке. Оценка симптомов СДВГ достоверных различий не выявила, что указывает на однородность оценок.

4. Внимание влияет на результативность на уровне деятельности, действий и операций. Его следует рассматривать не только в плане свойств, но и видов — индивидуального и совместного (группового и коллективного).

Выводы:

1. Несформированность компонентов учебной деятельности связана с проявлениями СДВГ, что указывает на схожую природу нарушения учебной деятельности и нарушений внимания и поведения. Видимо, ребенок с СДВГ не достигает результата из-за несформированности нормативных способов деятельности [3], а недостаточность разных компонентов функциональной системы не позволяет перейти на более высокий уровень.

2. В рамках системогенеза деятельности [3] выделение учебно-важных качеств [2] позволяет говорить, что именно сформированность базовых умений и качеств субъекта учебной деятельности обеспечивает результат. Рассмотренные нами структура и качество компонентов учебной деятельности подтверждают это. Вероятно, можно говорить и о существовании индивидуальных учебно-важных качеств, определяющихся индивидуальными характеристиками ученика. Имеет значение не изолированная представленность различных психических функций, а их роль в функциональной системе, ее динамике и развитии.

1. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность.- М.: Политиздат, 1974 — 304 с.
2. Нижегородцева Н. В. Психологическая структура готовности детей к усвоению грамоты: Дис. ... канд. психол. наук. Ярославль, 1993.
3. Шадриков В.Д. Психология деятельности человека. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. — 464 с.

Атаманова И.В.
Томск, НИ ТГУ

Богомаз С.А.
Томск, НИ ТГУ

Модель исследования ценностных и деятельностных ориентаций молодежи: безопасность Versus инновационность

Ценности безопасности, инновативность, ценностные ориентации, личностная готовность к деятельности, человеческий капитал, исследовательская модель

Возникновение цифровой экономики в России актуализирует инновационное развитие общества по всем направлениям для обеспечения эффективного взаимодействия бизнеса, научно-образовательного комплекса и государства и выводит на первый план проблему развития высококачественного человеческого капитала, способного ответить на вызовы современного мира, характеризующегося изменчивостью и нестабильностью. Глобальная пандемия коронавируса максимально обнажила существующие противоречия между необходимостью современного общества эффективно реагировать на быстро меняющиеся условия и готовностью человека к соответствующим трансформациям в контексте его жизнеосуществления.

Критическое и творческое мышление, предприимчивость, инновативность, гибкость, эмоциональный интеллект рассматриваются исследователями в качестве приоритетных качеств современного человека. В этой связи ценностные ориентации на «безопасность» (сохранение существующих установок и поведенческих паттернов) и «инновационность» (выход за пределы известного) могут служить индикаторами степени готовности современной молодежи отвечать на вызовы времени, выбирая соответствующие стратегии своего лично-профессионального становления. Понимание этой специфики способно пролить свет на составляющие развития инновативных качеств личности в условиях постоянно меняющегося мира.

Данный исследовательский проект направлен на выявление специфики взаимодействия ценностных и деятельностных ориентаций с позиции развития инновативных качеств личности с учетом специфики направлений подготовки вузовской молодежи (гуманитарные и технические) с позиции выбора между «безопасностью» и «инновационностью» своего жизнеосуществления. Гипотеза исследования, сформулированная на основе проведенных нашим коллективом исследований ценностных ориентаций и ведущих параметров психологической системы деятельности вузовской молодежи, заключается в том, что выбор между «безопасностью» и «инновационностью» своего жизнеосуществления у гуманитарно- и технически-ориентированной молодежи определяется спецификой взаимосвязи между ценностными

(ценности как ведущие личностные диспозиции и реализуемость базисных ценностей) и деятельностными ориентациями (параметры самоорганизации деятельности, личностная готовность к деятельности, стили реагирования на изменения).

Разработанная модель исследования включает три блока психологических параметров для оценки: 1) ценностных ориентаций как личностных диспозиций — Модифицированный опросник ценностей Р. Инглхарта; Методика Ш. Шварца «Портретный ценностный опросник-Пересмотренный», модификация К.В. Сугоныева; Методика «Субъективная оценка реализуемости базисных ценностей» (СОРБЦ); 2) деятельностных ориентаций — Опросник самоорганизации деятельности Е.Ю. Мандриковой; Опросник «Дифференциальный тест рефлексивности» Д.А. Леонтьева и Е.Н. Осина; Шкала удовлетворенности жизнью (Э. Динер; в адаптации Д.А. Леонтьева, Е.Н. Осина); Авторская методика «Индекс личностной готовности к деятельности» (С.А. Богомаз); «Шкалы академической мотивации» (The Academic Motivation Scale) в модификации Т.О. Гордеевой, О.А. Сычева и Е.Н. Осина; 3) инновационных ориентаций — Шкала самооценки инновативных качеств личности (СИКЛ, Н.М. Лебедева, А.Н. Татарко); Опросник стилей реагирования на изменения Т.Ю. Базарова и М.П. Сычевой; Шкала «Открытость» В5 («Большая пятерка»; две субшкалы: «Открытость знаниям (культуре)» и «Открытость опыту» (Barbaranelli, 2000)).

Понимание специфики взаимосвязи ценностных и деятельностных ориентаций современной молодежи в контексте баланса выбора между «безопасностью» и «инновационностью» своего жизнеосуществления позволит осуществлять психологической мониторинг процесса личностно-профессионального становления в условиях вуза с учетом направления подготовки с целью активного вовлечения в научно-исследовательскую, инновационную и предпринимательскую деятельность.

Исследование поддержано Программой повышения конкурентоспособности ТГУ, проект № 8.1.25.2020"

Психологические характеристики готовности студентов к инновационной деятельности

Личность, инновационная деятельность, психолого-педагогическое сопровождение, образовательная среда

Современные условия жизни, связанные с ускорением изменений, ситуациями неопределенности, полифоничности, предъявляют особые требования к человеку, актуализируют исследования его личностных особенностей, а также готовности действовать в обстановке сложности, разнообразия, мобильности. Особый интерес представляют исследования личностных характеристик и готовности к деятельности студентов вузов, стоящих на пороге самостоятельной жизни и профессиональной деятельности. Сегодня перед высшей школой ставится задача подготовки кадров для работы в новых условиях, во многом связанных с инновационными преобразованиями, форсированным развитием высоких технологий в стране.

Целью нашего исследования было изучение личностных особенностей студентов вузов, с точки зрения их готовности к инновационной деятельности. В нем были использованы методики: Шкала самооценки инновативных качеств личности (СИКЛ, Н.М. Лебедева, А.Н. Татарко); Шкалы академической мотивации (The Academic Motivation Scale, AMS, Т.О. Гордеева, О.А. Сычев и Е.Н. Осин на основе Шкалы академической мотивации Валлеранда); Модифицированный опросник ценностей Р. Инглхарта (адаптированный Р.К. Хабибулиным); Методика Ш. Шварца «Портретный ценностный опросник-Пересмотренный» (Шварц, 2012; модификация К.В. Сугоняева); Опросник самоорганизации деятельности (Е.Ю. Мандрикова); Дифференциальный тест рефлексивности (Д.А. Леонтьев, Е.Н. Осин, 2014); Шкала удовлетворенности жизнью (Э. Динер; в адаптации Д.А. Леонтьева, Е.Н. Осина, 2008); Шкала «Открытость» опросника «Большая пятерка» (Big Five Questionnaire, BFQ — Caprara, Barbaranelli, Borgogni); Индекс личностной готовности к деятельности (Богомаз С.А., 2014). Выборку исследования составили 160 студентов.

Факторный анализ ($N=160$, число переменных — 14; количество факторов — 5, объясняющих 64,5% дисперсии исходной корреляционной матрицы) показал, что важным критерием в определении готовности к инновационной деятельности молодых людей являются ценности: самоопределение (0,839 здесь и далее факторная нагрузка), открытость изменениям (0,771), самоуверждение (0,609), сохранение (0,575). В ходе регрессионного анализа установлено, что ведущими параметрами при определении готовности студентов к инновационной деятельности являются «Открытость опыту» (скоррект. $R^2 = 0,567$), «Индекс личностной готовности к деятельности» (скоррект. $R^2 = 0,489$) и «Индекс инновативности» (скоррект. $R^2 = 0,380$).

Корреляционный анализ выявил, что креативность и такие ценности как самостоятельность поступков, стимуляция имеют положительную связь ($r=0,480$, $r=0,484$

соответственно при $p(0,000)$); риск ради успехов и самостоятельность поступков ($r=0,307$ при $p(0,000)$); интегральный индекс инновативности и самостоятельность поступков, открытость изменениям, стимуляция ($r=0,451$; $r=0,492$; $r=0,460$ соответственно при $p(0,000)$). Кроме этого мотивация достижения взаимосвязана с самостоятельностью поступков, самостоятельностью мысли ($r=0,314$; $r=0,467$ при $p(0,000)$); мотивация саморазвития и самостоятельность поступков, самостоятельность мысли, открытость изменениям ($r=0,422$; $r=0,426$; $r=0,457$; соответственно при $p(0,000)$).

Результаты исследования свидетельствуют о том, что готовность к инновационной деятельности студентов зависит от их личностных характеристик, и это очень важно учитывать в процессе подготовки студентов вузов к профессиональной деятельности. Для формирования у студентов инновационной активности, а также компетенций, соответствующих требованиям времени, необходимо использовать в высших учебных учреждениях психолого-педагогическое сопровождение образовательного процесса, ориентированное на развитие личности и инновационного потенциала обучающихся. Результаты исследования могут служить основой для программ личностно-профессионального развития студенческой молодежи в вузах.

Исследование выполнено при поддержке Программы повышения конкурентоспособности ТГУ по гранту 8.1.25.2020.

Профессиональная успешность юристов: региональные особенности

Профессиональная успешность, профессия юриста, юрист

Современные экономические условия определяют актуальность исследований профессиональной успешности с позиций региональных особенностей. Одной из проблем выступает неравномерность распределения населения и трудовых ресурсов в регионах России. Представим результаты исследования, предпринятого по более широкому предмету, на примере региональных особенностей проявления профессиональной успешности юристов.

В исследовании приняло участие 136 человек (юристов) из 4 стран: Беларусь (15), Казахстан (8), Киргизия (3) и Россия (110 человек из 47 субъектов РФ, 11 макрорегионов РФ (распоряжение Правительства РФ № 207-р от 13.02.2019). В первой тройке субъектов РФ — Санкт-Петербург, Москва, Саратовская и Московская области; в первой тройке макрорегионов РФ — Центральный, Северо-Западный, Волго-Уральский. Из 136 респондентов: 33 мужчины и 103 женщины; от 21 до 53 лет (средний возраст 27 лет); 69 в браке и 67 не в браке; со среднемесячным доходом до 50 тыс. руб. (92), от 50 до 100 тыс. руб. (30) и свыше 100 тыс. руб. (14); с неполным высшим (6), высшим (122) образованием и ученой степенью (8). Представлены различные направления юридической деятельности: адвокатура, нотариат, судебная и преподавательская деятельность, государственная и муниципальная служба, юридический консалтинг и др.

Для определения параметров профессиональной успешности использовалась авторская анкета. Профессиональная успешность оценивалась с позиций объективных (уровень дохода, карьерное повышение и др.) и субъективных (удовлетворенность работой, карьерой, и др.) критериев, объективных и субъективных факторов. Использовались методы математической статистики: кресттабуляция, N-критерий Краскела-Уоллеса.

Обнаружена тенденция определения респондентами критерия своей профессиональной успешности (прежде всего внутреннее удовлетворение от профессиональной деятельности; прежде всего наличие внешнего результата профессиональной деятельности; как внутреннее удовлетворение от профессиональной деятельности, так и наличие внешнего результата профессиональной деятельности) в связи с регионом проживания: Владимирская, Калининградская, Новгородская области, Республика Карелия, Приморский и Хабаровский край (хи-квадрат Пирсона 154,939; V Крамера 0,755; Фи 1,067; р-уровень точной значимости 0,019). Обнаружена статистически достоверная связь макрорегиона (N-критерий Краскела-Уоллеса 38,967, р (Монте-Карло) = 0,000) и региона (N-критерий Краскела-Уоллеса 82,398, р (Монте-Карло) = 0,000) проживания со среднемесячным доходом: первое место по среднему

рангу из макрорегионов у Центрального макрорегиона, из регионов — у Приморского края и Сахалинской области. При этом отношение к работе, как к призванию, характерно более для Ангаро-Енисейского (Иркутская область, Красноярский край) и Южно-Сибирского (Кемеровская и Томская области) макрорегионов (H-критерий Краскела-Уоллеса 22,887, p (Монте-Карло) = 0,017).

Различное отношение респондентов к критериям своей профессиональной успешности может быть вызвано влиянием общих условий проживания в регионе, значимостью отдельных ее параметров. Так, для Приморского края можно предположить значимость дохода, который может выступать решающим фактором для привлечения работников из других регионов. Проявленность отношения к работе, как к призванию, только в двух макрорегионах позволяет обратиться к факторам формирования такого отношения: характерные для этих регионов традиции, особенности воспитания, образования, профессиональной деятельности (например, нотариальной) и т.п. Выдвинутые предположения могут послужить основой для исследований региональных особенностей проявления профессиональной успешности у представителей других профессий.

Особенности межпоколенных отношений в структуре профессионального самоопределения в период перехода от юности к взрослости

Профессиональное самоопределение, межпоколенные отношения, профессиональный выбор, студенты, юность, ранняя взрослость

Профессиональное самоопределение — это задача, стоящая наиболее злободневно для молодого человека перед окончанием школы. Такой ответственный процесс формирует потребность у будущего студента в помощи педагогов, членов семьи, сверстников. Однако участие близких людей и коллег в профессиональном выборе не всегда производит положительный эффект. В связи с тем, что вопрос, затрагивающий роль межпоколенных отношений (МПО), в том числе и внесемейных, остается малоизученным, это определило цель нашего исследования, которая заключалась в изучении взаимосвязей профессионального самоопределения с межпокольными отношениями в период перехода от юности к взрослости. В качестве гипотезы мы выдвинули предположение о том, что МПО являются сложной системой взаимодействия, которая может, как способствовать конструктивному характеру профессионального самоопределения, так и выступать источником стресса.

В исследовании приняли участие 176 человек, в том числе: студенты вуза — 72 человека (студенты СПбГЭУ), 104 человека — студенты колледжа (Колледж Водных ресурсов и Выборгский политехнический колледж «Александровский»).

Методы исследования: биографическая анкета, опросники «Факторы профессионального развития», «Эмоциональное отношение к профессиональному будущему»; «Межпоколенные отношения» (личный дифференциал); «Семейные эмоциональные коммуникации»; «Межпоколенные социальные отношения».

С помощью кластерного анализа были выделены группы с разной ситуацией профессионального развития: «кризисная», со средне-негативной оценкой своего профессионального развития (96 чел.) и «благополучная», отличающаяся позитивной оценкой развития в профессии (80 чел.)

Изучение межпоколенных отношений показало, что у студентов обеих групп конструктивные отношения с сокурсниками, преподавателями и друзьями, а также выраженная коммуникативная активность с прародителями и позитивное отношение к представителям старших поколений способствуют повышению факторов профессионального развития и формированию планов профессионального будущего. Также выявлены отличительные особенности. В кризисной группе выраженная поведенческая активность с друзьями снижает факт осознанного выбора профессии; гиперопека со стороны родителей снижает удовлетворенность профессиональным

обучением. Для студентов благополучной группы свойственна выраженная эмоциональная составляющая взаимоотношений с друзьями и сокурсниками, способствующая снижению страха перед профессиональным будущим.

В нашем исследовании было обнаружено, что сверхвключенность родителей в жизнь студента мешает процессам восстановления сил, что подтверждает результаты исследования Коньшиной Т. М. и Садовниковой Т. Ю. [1]. Также нами была подтверждена значимая роль внесемейных МПО (учителей и преподавателей), затронутых исследователями ранее [2].

Нами были выявлены ресурсная и деструктивная стороны МПО в профессиональном развитии молодых людей. Ресурсная сторона проявляется в положительном влиянии на профессиональное развитие семейных и внесемейных МПО: активные отношения с родителями и прародителями; сильные и теплые отношения с сокурсниками, активное и эмоциональное общение с преподавателями; семейные дисфункции: «Семейный перфекционизм», «Фиксация на негативных переживаниях», «Внешнее благополучие». Деструктивная сторона МПО отражается в следующем: сильные, эмоциональные и активные отношения с друзьями затрудняют профессиональное развитие; со стороны семейных МПО — это гиперопека, отрицательно влияющая на УПД; семейные дисфункции: повышенный уровень шкал «Критика» и «Элиминирование эмоций» в родительской семье, способные привести к ошибочному выбору специальности абитуриентом.

1. Коньшина Т.М., Садовникова Т.Ю. Представление подростков об участии родителей в предварительном профессиональном самоопределении детей // Национальный психологический журнал. 2018. №1 (29).
2. Сапоровская М.В. Психология межпоколенных отношений: конфликты и ресурсы, 2012. -384 с.

Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 19-013-00861 А «Профессиональное развитие в структуре межпоколенных отношений при переходе от юности к взрослости»

Готовность к выбору профессии в связи с социальной ситуацией развития подростков

Профессиональная готовность, профессиональная мотивация, социальная ситуация развития, подростковый возраст

Выбор профессии важный шаг, который оказывает влияние на всю дальнейшую жизнь. Учёные описывают профессиональное самоопределение как многомерный, динамический процесс, охватывающий много уровней жизни личности (Божович, Абулханова-Славская, Климов, Сьюпер, Холланд и др.). Готовность к выбору профессии трактуют и как устойчивое состояние, определяемое направленностью личности, её интересами, опытом, самосознанием, и как внутреннюю осознанность факта выбора профессии (Чернявская, 2004). Социальная ситуация развития является одним из факторов, влияющих на профессиональное самоопределение. Показано, что подростки, воспитывающиеся без семейной поддержки, сталкиваются со множеством сложностей при выборе профессии (Головей с соавт., 2015; Прихожан, Толстых, 2005 и др.)

Задачи исследования: выявить особенности готовности к выбору профессии у подростков, воспитывающихся в семьях и в интернатных учреждениях. Выборка: 74 подростка в возрасте 13-17 лет, в том числе 48 проживают в семьях, 26 — в школе — интернате для сирот.

Методы: опросники «Профессиональная готовность» А.П. Чернявской, «Мотивы выбора профессии» Р.В. Овчаровой, «Карта интересов» в модификации Л.А. Головей.

Сравнительный анализ характеристик готовности профессионального выбора (методика А.П. Чернявской) позволяет сделать вывод о том, что респонденты, воспитывающиеся в семьях, более позитивно относятся к выбору будущей профессии, эмоционально включены в это (значения по шкале «эмоциональное отношение» у подростков из семьи — 14,75; у воспитанников интерната — 10,1; $p=0,09$). Они могут принимать самостоятельные решения, основанные на внутренней картине мира (значения по шкале «автономность» у подростков из семьи — 15,64; у воспитанников интерната — 11,4; $p=0,018$). В тоже время подростки, воспитывающиеся в сиротских учреждениях, более склонны осознавать ответственность за свои решения и то, что решение зависит только от них (среднее по шкале «принятие решений» у подростков из семьи — 11,3; у воспитанников интерната — 15,1; $p=0,003$).

Различия в уровне профессиональной мотивации (методика Р.В. Овчаровой) свидетельствуют о большей выраженности внутренних индивидуально-значимых мотивов ($p=0,013$), внутренних социально-значимых ($p=0,049$), внешних положительных ($p=0,001$) и внешних отрицательных мотивов ($p=0,019$) у воспитанников интерната. Обнаружены более высокие показатели выраженности всех видов

профессиональной мотивации у подростков детского дома, что может свидетельствовать о более высокой значимости выбора профессии и, возможно о слабой дифференцированности мотивации.

Различия в профессиональных интересах проявились в меньшем уровне их сформированности и преобладании у подростков из интерната интересов к рабочим и военным специальностям, к сфере обслуживания, а также в очень низкой направленности на получение высшего образования.

Результаты исследования показали, что подростки, воспитывающиеся в сиротских учреждениях, имеют недостаточно сформированную и недифференцированную мотивацию к выбору профессии, низкие показатели готовности и дефицит информации о мире профессий и профессиональном самоопределении. Это указывает на необходимость разработки программ психологической поддержки профессионального самоопределения подростков из сиротских учреждений.

1. Головей Л. А. и соавт. Профессиональное развитие личности: начало пути (эмпирическое исследование), СПб., Нестор-История, 2015. — 336 с.
2. Прихожан А.М., Толстых Н.Н. Психология сиротства, СПб: Питер, 2005. — 400с.
3. Чернявская А.П. Психологическое консультирование по профессиональной ориентации. М.: Владос-Пресс, 2004. — 96 с.

Субъективное благополучие взрослых в связи со сформированностью профессионального самоопределения

Ранняя зрелость, субъективное психологическое благополучие, профессиональная идентичность

Исследования благополучия человека, акцентируя внимание прежде всего на его субъективном характере, обнаруживают его серьезную обусловленность личностными и социальными факторами [2, 3]. Детерминантой субъективного благополучия может выступать, в том числе, чувство идентичности, общности с референтной группой. Для взрослого человека важной составляющей жизни является включенность в трудовую деятельность и оценка ее профессиональным сообществом [1].

В нашем исследовании ретроспективная оценка ситуации профессионального выбора, статус профессиональной идентичности и сформированность профессионального типа личности рассматриваются в качестве показателей, связанных с субъективным психологическим благополучием в период ранней зрелости.

Методики: анкета с социально-демографическими характеристиками респондентов, Шкала удовлетворенности жизнью Э. Динера, «Опросник профессиональных предпочтений» Д. Холланда и «Методика изучения профессиональной идентичности» Л.Б. Шнейдер. Выборка: 193 респондента в возрасте 20-30 лет.

Субъективное благополучие взрослых, по методике Э. Динера, проявляется на среднестатистическом уровне ($M = 23,29$, $\sigma = 6,7$). По результатам индивидуальных показателей выделены 3 группы: 1 группа — субъективное благополучие ниже среднего (52 человека); 2 группа — с уровнем, соответствующим среднестатистическим значениям (56 человек); 3 группа — субъективного благополучия выше среднего уровня (85 человек).

Анализ профессионального самоопределения выявил как общие его характеристики, так и специфические для каждой группы. В целом по выборке профессиональный тип личности слабо сформирован, однако профессиональный выбор отмечается как осознанный и самостоятельный. Однако в оценке его удачности и влияния на личностное и профессиональное развитие обнаружены значимые различия. Респонденты третьей группы чаще ($p=0,002$) отмечают удачность выбора, чем представители 1 группы, а его влияние на их развитие оказалось более существенным ($p \leq 0,05$), чем для двух других групп. Статус предрешенной идентичности чаще ($p=0,007$) сопровождается низким уровнем субъективного психологического благополучия, тогда как псевдопозитивный статус — в тенденции ($p=0,08$) чаще характерен для представителей группы с уровнем субъективного благополучия выше среднего.

Корреляционный анализ выявил больше всего связей (10) в группе с более высоким уровнем психологического благополучия, в двух других группах обнаружено одинаковое количество связей (по 6). В целом, предрешенная идентичность препятствует субъективному благополучию, тогда как псевдопозитивная, наоборот, тесно и положительно связана с ним.

Итак, в период ранней взрослости субъективное психологическое благополучие обеспечивается в том числе сформированностью профессионального самоопределения. Незрелый статус предрешенной профессиональной идентичности, при котором личность не проходит кризиса выбора, не относится к нему серьезно, принимая чужие решения о своем профессиональном образовании и профессиональном пути, препятствует субъективному благополучию, тогда как псевдопозитивный статус, когда личность порой гипертрофированно оценивает свои профессиональные способности и возможности, тем не менее, отражается на нем благоприятно. При этом уровень зрелости, сформированности профессионального типа личности в ранней взрослости никак не сказывается на ощущении субъективного психологического благополучия.

1. Зуева С. П. Самореализация человека в профессиональной деятельности // Концепт. 2013. № 02. URL: <https://e-koncept.ru/2013/13027.htm> (дата обращения: 10.06.2020).
2. Рикель М.А. и др. Понятие субъективного благополучия в гедонистическом и эвдемонистическом подходах. Вестник МГУ. Серия 14. Психология. 2017. № 2, С. 64–79.
3. Diener E., Ng W., Harter J., Arora R. (2010). Wealth and happiness across the world: material prosperity predicts life evaluation, whereas psychosocial prosperity predicts positive feeling. *Journal of Personality and Social Psychology*, 99 (1). P. 52–61. DOI: 10.1037/a.

Завьялова И.Ю.
Челябинск, ЮУрГУ

Домброван С.О.
Челябинск, ЮУрГУ

Возрастные аспекты взаимосвязи нервно-психической устойчивости и индивидуально-психологических особенностей личности младших инспекторов по конвоированию

Служебная деятельность, нервно-психическая устойчивость, индивидуально-психологические особенности, инспектор по конвоированию, развитие профессионала

Профессиональная деятельность инспекторов по конвоированию предъявляет высокие требования к психологическому и психофизиологическому состоянию сотрудников в силу стрессогенного характера и высокой степени непредсказуемости условий труда. Помимо профессиональных навыков, приобретенных в процессе обучения и закрепившихся на службе, имеют значение также индивидуально-психологические качества личности сотрудников, и прежде всего, нервно-психическая устойчивость.

Развитие профессионала предполагает изменение не только профессиональных способностей, но и личностных особенностей сотрудников, которое может происходить за счет выстраивания специфических взаимосвязей между различными структурами личности в ходе профессионального развития. Это позволяет предположить, что в разные периоды жизни нервно-психическая устойчивость может быть связана с различными индивидуально-психологическими особенностями личности конвоиров.

Целью исследования является выявление взаимосвязей между индивидуально-психологическими особенностями и нервно-психической устойчивостью у инспекторов по конвоированию молодого, среднего и старшего возраста.

Методы исследования: 16-факторный опросник Р. Кеттелла Формы С, анкета оценки нервно-психической устойчивости: «Прогноз», опросник волевого самоконтроля (А.Г. Зверков и Е.В. Эйдман).

Выборка исследования: 201 человек, работники управления по конвоированию, мужчины в возрасте от 21 до 56 лет. Они были разделены на 3 возрастные группы: 1 — молодой возраст до 25 лет, 23 человека; 2 — средний возраст: 26 — 44 года, 161 человек; 3 — начало поздней зрелости: 45 — 56 лет, 17 человек.

По результатам проведенного корреляционного исследования в группе конвоиров молодого возраста не было выявлено взаимосвязи между индивидуально-психологическими особенностями и нервно-психической устойчивостью. Возможно, данная взаимосвязь возникает лишь в процессе трудовой деятельности.

В группе конвоиров среднего возраста обнаружены многочисленные взаимосвязи между нервно-психической устойчивостью и индивидуально-психологическими особенностями личности конвоиров. Так чем выше нервно-психическая устойчивость, тем выше общительность ($r=0,165$, $p=0,036$), эмоциональная стабиль-

ность ($r=0,252$, $p=0,001$), самоконтроль ($r=0,168$, $p=0,033$) и тем ниже подозрительность ($r=-0,205$, $p=0,009$), тревожность ($r=-0,266$, $p=0,001$), конформизм ($r=-0,191$, $p=0,015$). В группе данного возраста высокая нервно-психическая устойчивость положительно коррелирует с самообладанием ($r=0,259$, $p=0,001$) и настойчивостью ($r=0,238$, $p=0,002$), и в целом с общим уровнем самоконтроля ($r=0,253$, $p=0,001$). Исходя из полученных данных, можно предположить, что именно в среднем возрасте от индивидуально-психологических особенностей личности конвоиров максимально зависит вероятность неблагоприятного реагирования в ответ на негативное воздействие окружающей среды, обеспечиваемое уровнем нервно-психической устойчивости.

В группе инспекторов по конвоированию старшего возраста была обнаружена прямая взаимосвязь между нервно-психической устойчивостью и уровнем настойчивости конвоиров ($r=0,517$, $p=0,034$). Можно предположить, что в данной возрастной группе не так много корреляций, поскольку человек завершает свой профессиональный путь и начинает растождествлять себя с профессией, для него становятся более значимыми другие аспекты его жизни.

Таким образом, существует возрастная специфика взаимосвязи индивидуально-психологических особенностей и нервно-психической устойчивости конвоиров. В молодом возрасте такая взаимосвязь отсутствует. В среднем возрасте у конвоиров, чем выше нервно-психическая устойчивость, тем выше показатели общительности, эмоциональной стабильности, общего волевого самоконтроля, самообладания, настойчивости и тем ниже показатели подозрительности, тревожности, конформизма. У инспекторов по конвоированию старшего возраста, чем выше нервно-психическая устойчивость, тем выше уровень настойчивости.

Захарова Е.И.
Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова

Карабанова О.А.
Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова

Старостина Ю.А.
Москва, МГУ им.М.В.Ломоносова

Соотношение семейной и профессиональной карьер в жизненных планах девушек в период вхождения во взрослость

Профессиональная карьера, семейная карьера, жизненные планы, вхождение во взрослость

Центральной задачей развития в период вхождения во взрослость, является личностное самоопределение, итогом которого становятся жизненные планы во временной перспективе. Широкий спектр возможностей самореализации и высокая социальная неопределенность при усилении ориентации на личный успех и достижения преимущественно в профессии, оставляя в тени семейную сферу самореализации определяет актуальность проведенного исследования. Цель исследования — изучение соотношения профессиональной и семейной карьер в жизненной перспективе девушек в период вхождения во взрослость. Полученные результаты позволяют, на наш взгляд, выявить реальные риски построения жизненных планов девушками в период вхождения во взрослость, и наметить направления психологической помощи для гармоничного согласования семейной и профессиональной карьер.

Методики. Был разработан авторский опросник «Профессиональная и семейная карьера», содержащий 6 шкал (мотивы, карьерный план, локус контроля в отношении карьеры, временная перспектива для профессиональной и семейной карьеры и согласованность семейной и профессиональной карьер), использующий 5-балльную шкалу. Выборку составили 88 девушек-студенток в возрасте от 18 до 20 лет. Большинство девушек воспитывались в полной семье (76,1%).

Результаты. Выявлена приоритетная ориентация респондентов на сбалансированность семейной и профессиональной карьер при высокой значимости семейной карьеры как сферы самореализации. Ориентация на профессиональную карьеру оказалась существенно слабее (t -критерий 30,06 при $p=0,000$). Однако с учетом временной перспективы соотношение семейной и временной карьер меняется. Ближайшие жизненные планы девушки связывают с построением профессиональной карьеры, в то время как построение семейной карьеры планируется на отдаленную перспективу. Именно с профессиональной карьерой связан мотив самореализации и саморазвития ($r=0,445$ при $p=0,000$). К построению семейной карьеры девушек побуждают мотивы, связанные с поиском психологической близости ($r=0,414$ при $p=0,000$), психологической безопасностью и защищенности ($r=0,496$ при $p=0,000$), стремлением реализовать родительскую позицию ($r=0,517$ при $p=0,000$). Важно, что возможность управления семейной карьерой девушки оценивают значимо выше, чем карьерой профессиональной, где по их мнению, велико влияние внешних обстоятельств (t -критерий 34,48 при $p=0,000$).

Существенным оказалось влияние фактора полноты родительской семьи. Девушки, воспитывающиеся в неполной семье, значимо ниже оценивают перспективу построения семейной карьеры (t -критерий 0,51 при $p=0,04$), причем построение профессиональной карьеры занимает значимо более близкое место в их жизненных планах (t -критерий 0,75 при $p=0,040$) чем у девушек из полных семей.

Выводы. 1. Девушки в возрасте вхождения во взрослость ориентируются в большей степени на возможность гармоничного сочетания семейной и профессиональной карьеры. 2. Ближайшее будущее девушки связывают с построением профессиональной карьеры, связывая с ней возможность реализации мотивов саморазвития и самореализации. 3. Ведущими мотивами семейной карьеры для девушек являются поиск психологической близости, защищенности и реализация родительства. 4. Неполная семья является существенным фактором формирования планов построения карьеры в пространстве жизненной перспективы.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-013-00819 «Личностные факторы согласования семейной и профессиональной карьер в построении жизненных планов во временной перспективе молодыми людьми в период вхождения во взрослость»)

Каримова Ю.М.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Петраш М.Д.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Психологические детерминанты профессионального взаимодействия в связи со сменой пола

Гендерная идентичность, самоотношение, профессиональное развитие, трансгендерность, трансгендер, цисгендер

Проблемы профессионального развития трансгендеров мало изучены, но очень важны, т.к. большинство из них совершают смену пола в возрастном периоде, который приходится на пик карьерного роста в профессии — возраст 30-37 лет. По результатам исследований, западные ученые [Budge S.L., Adelson, J.L., Howard K.A.S.; Miyajima E., Taira N., Koda M., Kondo T] отмечают возникновение трудностей профессионального взаимодействия с коллективом у людей в новом гендерном статусе. Цель представленного исследования заключалась в выявлении психологических характеристик, определяющих характер профессионального взаимодействия после смены пола.

В качестве гипотезы исследования нами выдвинуты предположения о том, что смена пола отразится на оценке собственного профессионального развития таким образом, что основные изменения проявятся в части профессионального взаимодействия и адаптации к профессиональному социуму; в зависимости от характера профессионального взаимодействия, факторы профессионального развития могут по-разному соотноситься с параметрами самоотношения.

В исследовании приняли участие 100 человек (50 мужского и 50 женского пола при рождении, $M_{возр}=32,61 \pm 5,2$). Методы исследования: Анкета, Опросник «Факторы профессионального развития», методика изучения профессиональной идентичности Шнейдер, опросник ШПАНА, Методика исследования самоотношения Пантिलеева.

С помощью кластерного анализа нами выделены две группы с разным характером профессионального взаимодействия после смены пола: «негативные изменения» (ухудшение профессионального контекста взаимоотношений) и «без изменений» (качество профессиональных связей осталось прежним). Изучение предикторов профессионального взаимодействия в выделенных группах выявил свои специфические особенности.

Было обнаружено, что случае изменений профессионального взаимодействия в сторону негативного спектра (гр.«негативные изменения»), благоприятная оценка отношения со стороны коллектива детерминируется эмоциональными характеристиками «уверенный» и «испуганный», а такие характеристики самоотношения, как «самопривязанность» и эмоциональная характеристика «сосредоточенный» вносят отрицательный вклад. Параметр самоотношения «закрытость» и эмоциональная характеристика «радостный» способствуют позитивной оценке отношения со стороны

руководства. Показано, что предиктором удовлетворенности профессиональной деятельностью выступает параметр самоотношения «самопривязанность» с отрицательным полюсом. Негативный вклад в профессиональную самооценку после смены пола вносит саморуководство.

В ситуации отсутствия ухудшений контекста взаимоотношений в профессиональном социуме (гр.«без изменений»), позитивная оценка отношения со стороны коллектива опосредствуется эмоциональной характеристикой «беспокойный», а модальности «решительный» и «тревожный» вносят отрицательный вклад. Также выявлен ряд эмоциональных характеристик, которые можно рассматривать в качестве предикторов отношения со стороны руководств: характеристики «уверенный» и «увлеченный» вносят позитивный вклад в оценку отношения со стороны руководства, а «радостный» и «внимательный» — отрицательный. В группе отсутствуют взаимосвязи психологических характеристик с параметром взаимодействия с коллегами. Было выявлено, что параметр самоотношения самопривязанность с отрицательным полюсом выступает в качестве предиктора целеустремленности, а «внутренняя конфликтность» вносит позитивный вклад в профессиональную самооценку после смены пола.

Проведенное исследование показало, что факторы профессионального развития могут по-разному соотноситься с параметрами самоотношения. В качестве общей тенденции было отмечено включенность 4 факторов самоотношения — самоуверенность, саморуководство, самопринятие и самопривязанность, которые образуют связи в обеих группах, но характер их отличается.

Исследование самопринятия на этапе адаптации курсантов к учебно-служебной деятельности вуза (на примере курсантов Дальневосточного юридического института МВД России)

Условное и безусловное самопринятие, адаптационный потенциал

Феномен самопринятия на современном этапе исследований рассматривается как компонент психологического благополучия и здоровья личности, как характеристика личности субъекта адаптации. Самопринятие обеспечивает целостность и устойчивость личности (Киселева, 2008), способствует повышению уровня толерантности и принятию других, является заключительным этапом работы самопознания, запускает механизмы саморегулирования, способствующие дальнейшему самоутверждению, самосовершенствованию и самоактуализации личности (Маралов, 2004).

Проблема. Кризис юности и психологические новообразования: повышение уровня рефлексии, дифференциация образа «Я», формирование самоуважения, которое связано с принятием, одобрением себя или неприятием, неудовлетворенностью собой приходится на период поступления в специализированное учебное заведение. Перечисленные факторы оказывают существенное влияние на формирование адаптивного поведения курсантов высших учебных организаций системы МВД России.

Согласно позиции С. Т. Посоховой, ведущим ориентиром в поисках внутренних резервов в организации адаптационного поведения является осознание изменений в собственном «Я». Таким личностным «ориентиром» можно определить феномен самопринятия, при котором возможен доступ к огромным ресурсам самопознания, целенаправленного поведения, обеспечивающего рост и развитие.

Таким образом, исследование самопринятия на этапе адаптации курсантов к учебно-служебной деятельности вуза может не только способствовать формированию их представлений о самом себе, снижать категоричность в оценивании окружающей действительности, самого себя и окружающих, но и вырабатывать адаптивные стратегии поведения. В связи с этим было предпринято изучение самопринятия курсантов первого года обучения на этапе адаптации к учебно-служебной деятельности вуза.

Методы и результаты исследования. Для изучения уровня самопринятия была использована шкала методики самоактуализационного теста, адаптированного Ю.Е. Алешинной, Л.Я. Гозманом, М.В. Загикой и М.В. Крозом.

Для изучения адаптационных возможностей личности использовалась интегральная шкала личностного адаптационного потенциала многоуровневого личностного опросника «Адаптивность», предложенного А.Г. Маклаковым и С.В. Чермяниным.

В результате исследования обнаружено, что 20% обследуемых с высоким уровнем самопринятия обладают низким и ниже среднего уровнем личностного адаптационного потенциала, что может свидетельствовать о несформированном уровне самопринятия, т.е. самопринятии условном. Условное самопринятие связано с

неприятием или неумением осознавать свои истинные эмоциональные состояния, чувства, мотивы, наличием защитных форм реагирования.

Данные исследования можно использовать для построения программы сопровождения процесса адаптации курсантов первого курса, направленную на осознание и принятие себя, своих особенностей с целью актуализации механизмов саморегуляции для дальнейшего саморазвития и самосовершенствования личности.

1. Апальков А.В., Горбатенко А.В. Профессиональная и социальная адаптация курсантов в процессе обучения в образовательной организации МВД России // Вест. Санкт-Петербургского университета МВД России, 2015, № 2 (66). С. 194 — 197.
2. Киселева Е.П. Самопринятие и стремление к самосовершенствованию субъектов образовательного процесса вуза как фактор направленности учебной мотивации студентов: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Курск, 2008. 26 с.
3. Маралов В. Г. Основы самопознания и саморазвития: учеб. пособие для студ. сред. пед. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2004. 256 с.
4. Посохова С. Т. Психология адаптирующейся личности: субъектный подход: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Санкт-Петербург, 2002. 38 с.

Особенности мотивации к социальному волонтерству современной российской молодежи

Волонтерство, мотивация волонтерства, добровольчество, молодежь

До сих пор статус современного волонтерства остается во многом размытым. Открытыми остаются вопросы о соотношении волонтерства с профессиональной помощью нуждающимся, об удельном весе помощи государства, бизнеса, психолого-медико-реабилитационных центров и волонтеров, осуществляющих свою помощь на добровольной основе [1]. Не так просто и с мотивацией различных организаторов и непосредственных участников помощи. В идеале, в основе исследований волонтерства должна лежать теоретическая модель, отражающая разные направления и аспекты волонтерской деятельности, соотносимая с вариантами работы с разными категориями нуждающихся.

Для этого могут быть использованы типологии мотивации, разработанные как в психологии, так и в менеджменте. Традиционно выделяются внешние и внутренние мотивы; сами мотивы обычно делят на материальные и нематериальные, включая и моральные мотивы.

Применительно к волонтерам чаще выделяют моральные мотивы, хотя ряд исследований показывает определенную карьерную заинтересованность части волонтеров, связанную с поиском работы, приобретением деловых связей и т.п. ([2]; [3]). Известно также, что некоторые волонтеры участвуют в благотворительных акциях «за компанию», что по-человечески понятно в условиях явного недостатка досуговых предложений для совместного проведения времени современной молодежи. Опыт общения с разными студенческими аудиториями показывает, что подавляющее большинство молодежи с гордостью рассказывают о своем опыте участия в волонтерском движении.

В настоящем исследовании с помощью Опросника функциональной мотивации волонтерства (Volunteer Function Inventory, в русскоязычной адаптации) выделялись основные функциональные мотивы волонтерства. Выборка исследования составила 100 респондентов. Рассматривались различные аспекты мотивации волонтерства: ценностный аспект, мотивация профессионального и личностного развития, социальная мотивация. Результаты исследования свидетельствуют об относительно высоком уровне мотивации молодежи к волонтерству. Среди лидирующих предпочтений — волонтерство как ценность ($M=26,86$) и как источник компетенций ($M=26,68$). Чуть меньше в волонтерстве привлекают возможность развития ($M=22,35$), потенциальный рост карьерных возможностей ($M=19,65$) и социальное взаимодействие ($M=18,57$). Наименее выраженным мотивом является забота волонтеров о себе, защитный мотив ($M=17,49$). Таким образом, у современных молодых людей в волонтерстве преобладает внутренняя мотивация помощи: они считают важным помогать

другим людям, искренне обеспокоены социальными проблемами общества. Большая часть молодежи стремится расширить свой круг знаний и компетенций.

Результаты показывают наличие значимых различий в мотивации к волонтерству у девушек и юношей ($p \leq 0,05$). Юноши в большей степени, чем девушки, мотивированы возможностью установления социальных связей в волонтерской деятельности и указывают на высокую ценность волонтерской деятельности.

В целом, можно сказать, что волонтерская деятельность имеет высокий статус престижности среди современной молодежи, что можно было бы использовать и при развитии волонтерского движения, и для поиска новых его форм, в большей степени соотносимых с реальной проблематикой разных категорий нуждающихся в масштабах всей нашей страны. Это позволит также способствовать развитию молодежи в контексте социальной помощи.

1. Алмазова О.В., Пряжников Н.С., Чурбанова С.М. Профорентация в системе социального волонтерства// Национальный психологический журнал, № 1(25), 2017, с. 45-55.
2. Нежина Т.Г., Петухова К.А., Четкина Н.И., Миндарова И.С. Вопросы государственного и муниципального управления. 2014, № 3, с. 49-71.
3. Anderson, J. C., and Moore, L. F. (1978). The motivation to volunteer. Journal of Voluntary Action Research, 7(3-4), 120-125.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ проекта «Моральная идентичность как условие участия в волонтерской деятельности молодежи-пользователей социальных сетей в период вхождения во взрослость» № 20-013-00439

Особенности мотивационно-потребностной сферы в зависимости от возраста военнослужащих контрактной службы

Мотивационно-потребностная сфера, возрастные особенности, военнослужащие контрактной службы

В связи с реализацией Федеральной целевой программы «Переход к комплектованию военнослужащими, проходящими военную службу по контракту» одной из актуальных задач для командиров и офицеров-воспитателей является формирование и развитие профессиональной мотивации у действующих воинов-контрактников.

Цель нашего исследования — изучение специфики мотивационно-потребностной сферы военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, в зависимости от их возраста.

Эмпирическая часть исследования осуществлялась на базе одной из войсковых частей Военно-космических Сил РФ ЦВО. В исследовании приняли участие 100 военнослужащих контрактной службы (ВКС) в возрасте от 22 до 44 лет. Мотивационно-потребностная сфера изучалась с помощью следующих методик: «Мотивация профессиональной деятельности» (К. Замфир, модификация А. Реана), «Методика диагностики социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере» (О. Потемкина), «Якоря карьеры» (Э. Шейн, адапт. В. Чикер, В. Винокурова), «Изучение мотивационного профиля личности» (Ш. Ричи, П. Мартин). Для обработки данных применялись методы описательной статистики, корреляционный анализ по Спирмену, кластерный анализ (K-means clustering) и сравнительный анализ по Манну-Уитни.

В результате корреляционного анализа у показателя «возраст» обнаружены прямые взаимосвязи с показателями внутренней мотивации, установок на альтруизм и власть, потребностей в стабильной работе, в служении, интеграции стилей жизни, в креативности, в интересной работе и обратные — с показателями внешней положительной и внешней отрицательной мотивации, потребностей в стабильности места жительства, в предпринимательстве, в четком структурировании работы и в социальных контактах.

С помощью кластерного анализа общая выборка испытуемых была разделена на две группы: в первую вошли военнослужащие в возрасте от 22 до 30 лет (48 чел.), во вторую — от 31 до 44 лет (52 чел.). Средний возраст ВКС в первой группе — 26 лет, во второй — 36 лет.

Результаты сравнительного анализа показали, что для обеих выборок характерен мотивационный комплекс типа «ВМ (внутренняя мотивация) > ВПМ (внешняя положительная мотивация) > ВОМ (внешняя отрицательная мотивация)», который автор «Методики исследования мотивации профессиональной деятельности» К. Замфир оценивает как «наилучший, оптимальный мотивационный комплекс», но при этом у военнослужащих в возрасте до 30 лет значительно более выражены как внешние положительные, так и внешние отрицательные мотивы, нежели у их коллег в возрасте старше 30 лет. Анализ результатов «Методики диагностики социально-

психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере» показал, что в обеих выборках наиболее ярко выраженными являются установки на свободу и на результат. Вместе с тем между выборками выявлены значимые различия по показателям установок на процесс и на альтруизм. Обе установки ярче выражены у ВКС в возрасте старше 30 лет. Анализ результатов методики «Якоря карьеры» выявил, что в структуре потребностей в обеих выборках преобладают потребности в стабильной работе, в служении и в интеграции стилей жизни. Однако в выборке ВКС старше 30 лет эти потребности значительно более выражены, кроме того в этой же выборке значительно выше показатель потребности в вызове, связанной со стремлением сделать невозможное возможным, решать уникальные задачи. Значимые различия между выборками ВКС разного возраста были обнаружены и по показателям «Методики изучения мотивационного профиля личности». В обеих выборках доминирующей потребностью оказалась потребность в вознаграждении, в качестве наименее выраженной выступила потребность во власти, но при этом у ВКС в возрасте старше 30 лет более ярко выражены потребности в достижениях и в креативности, а у молодых военнослужащих — потребности в четком структурировании работы и в социальных контактах.

Таким образом, гипотеза о существовании различий в мотивационно-потребностной сфере военнослужащих контрактной службы разного возраста подтвердилась.

Сергеева Т.Б.
Екатеринбург, УрФУ им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Жураховская А.Ю.
Екатеринбург, УрФУ им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Самоактуализация и рефлексивность работающих и неработающих людей пожилого возраста

Самоактуализация, рефлексивность, пожилой возраст, профессиональная занятость

В рамках исследования личностной мобильности как предиктора сохранения профессионального здоровья в пожилом возрасте закономерно встает вопрос о роли и месте рефлексивности и самоактуализации в модели сопряженности названных конструкторов (Сергеева, 2019).

Способность и готовность к анализу и структурированию собственного опыта традиционно считается в психологии развития нормативной задачей и одновременно ресурсом развития. Отмечается и негативное влияние непродуктивных форм рефлексии на психологическое благополучие пожилых людей. Самоактуализация рассматривается исключительно в положительном ключе как форма движения к зрелости личности и профессионала. Однако исследования самоактуализации сосредотачиваются в основном на зрелом возрасте, в то время как профессиональное и тем более личностное развитие субъекта на нем не завершается.

Противоречивость научных представлений о роли рефлексии в пожилом возрасте, а также недостаточная изученность самоактуализации в поздние периоды жизни позволили определить цель исследования: сравнение выраженности рефлексивности и самоактуализации, а также характера их взаимосвязи у работающих и неработающих пенсионеров.

В эмпирическом исследовании приняли участие 274 жителя Екатеринбурга и Свердловской области в возрасте от 55 до 75 лет. Были выделены две группы сравнения: неработающие пенсионеры (147 человек) и работающие пенсионеры (127 человек). Использовались «Самоактуализационный тест» (САТ) в адаптации Л.Я. Гозмана, М.В. Кроз; «Дифференциальный тест рефлексивности» Д.А. Леонтьева, Е.Н. Осина; сравнительный U-критерий Манна-Уитни и корреляционный метод по Спирмену.

Исследование самоактуализации у людей пожилого возраста показало, что все параметры находятся в области нормативных значений, различий между подвыборками работающих и неработающих пенсионеров обнаружено не было. В результате сравнительного анализа параметров рефлексии были выявлены достоверные различия по шкале «интроспекция» ($U = 7687$; $p = 0.012$), которая оказалась выше у неработающих пожилых людей. По показателям системной рефлексии и квазирефлексии различий между подвыборками не выявлено.

Анализ характера корреляционных связей параметров самоактуализации и рефлексивности выявил как общие тенденции, так и различия в двух подвыборках. И у работающих, и у неработающих пожилых людей обнаружена обратная взаимосвязь интроспекции с показателями самоактуализации. Однако у неработающих пожилых

людей эта взаимосвязь касается всех показателей самоактуализации, а у работающих — только ее базовых измерений (компетентность во времени и поддержка), блока самовосприятия и шкалы ценностных ориентаций. Приверженность пожилого человека ценностям самоактуализации связана и с другими видами рефлексии: у работающих пенсионеров выявлена положительная взаимосвязь с системной рефлексией, а у неработающих — отрицательная с квазирефлексией.

Результаты исследования позволяют предположить, что с утратой профессиональной занятости активизируются так называемые «непродуктивные» формы рефлексии, к числу которых относится и интроспекция. Неработающие пожилые люди погружаются в собственные переживания в ущерб личностному росту и возможной самореализации во внепрофессиональных сферах. Полученные результаты составили информационную основу разрабатываемой технологии формирования готовности к мобильному поведению в пожилом возрасте.

1. Сергеева, Т. Б. Личностная мобильность как предиктор профессионального здоровья и благополучия в пожилом возрасте / Т. Б. Сергеева, А. А. Печеркина, Н. С. Глуханюк, Г. И. Борисов– DOI: 10.32744/pse.2019.6.33 — Текст: Электронный // Перспективы науки и образования. — 2019. — № 6 (42). — С. 397–408. — URL: <https://pnojurnal.wordpress.com/2019/12/31/sergeeva-pecherkina-glukhanyuk-borisov/> (дата обращения: 20.06.2020)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-013-00431 «Личностная мобильность как предиктор сохранения профессионального здоровья в пожилом возрасте»

Темпоральная модель становления и развития профессионального самосознания сотрудника полиции на различных этапах профессиогенеза

Темпоральная модель, профессиональное самосознание, внутренний опыт, субъективное время, рефлексия, "предел-опыт"

Разрабатывая проблему активности личности в профессиональной деятельности, следует отметить отсутствие единого подхода к пониманию структуры и содержания феномена профессионального самосознания. Многие авторы, рассматривая данное явление, проводят субъективную границу между тем, как личность начинает самоопределяться с выбором профессии, в ней развиваться и по истечению определенного времени завершать построение своей карьеры. Однако, обращаясь к идеям русского философа В.Соловьева, важно подчеркнуть тот факт, что «плоский» подход к пониманию плеяды экстрапсихологических категорий, куда несомненно относиться феномен самосознание, а вместе с ним и профессиональное самосознание способен зафиксировать лишь крошечную долю явления. Недостаточность существующей практики понимания и техник психологического обеспечения становления и развития профессионального самосознания сотрудника полиции на разных стадиях онтогенеза не способно обеспечить связность структуры опыта в сензитивное для личности время.

Сложность однозначно предсказать диапазон изменений, уровень и вектора развития личности, раскрытия внутренних интенций провоцирует нас искать такой психологический подход, который был бы способен уйти от неклассической объяснительной системы и прояснить механизмы динамичной внутренней непрерывной работы. Рассмотрение темпоральной модели становления и развития профессионального самосознания личности, как непрерывного процесса трансформации внутреннего опыта, позволяет преодолевать господствующее в психологии объяснение развития личности в онтогенезе как преимущественно процесса возрастных изменений в рамках существующей нормы.

Базовыми понятиями темпоральной модели выступают:

1. Субъективное время (залучается в рассмотрении категории времени через единение трех базовых понятий: прошлого, настоящего и будущего). В данном случае, следует оговориться, что время не рассматривается нами как нечто цикличное, перетекающее из одного состояния в другое. Время прошлого, настоящего и будущего это некое символическое обозначение трансформационного процесса, который протекает одномоментно и при этом используется прошлый накопившийся опыт, трансформируется под текущие задачи и нацелен на решение целей в будущем.

2. Субъективный внутренний опыт. Под внутренним опытом понимается особое состояние личности, проявляющееся в динамике становления структурных элементов системы ее профессионального самосознания — самоопределение, самоотношение, саморазвитие и самореализация. Так же, включает в себя ценности и смысловые конструкторы имеют так называемые «внутренние интенции» личности. Они характеризуются как совокупность сил, внутренних ресурсов и возможностей, которые сопровождают личность на всех этапах онтогенеза и которые формируются, развиваются и приумножаются в процессе жизни каждого субъекта. Таким образом, становление профессионального самосознания выступает в форме продукта субъектности, процесс развития которого осуществляется как непрерывное восхождение субъекта к вершине (акме) профессиональной самореализации.

3. Рефлексия. Заключается в осмыслении личности на предмет смысла жизненных ориентиров, ценностных установок, приводящих к формированию личностной диспозиции. Рефлексия выступает в роли механизма, связывающего и направляющего трансформационный процесс во временном континууме и внутреннего опыта. Таким образом, рефлексия способствует некому личностному «вопросанию», который способствует самосознанию субъекта не только в профессиональной деятельности, но и в жизни в целом, позволяющий определить свое предназначение, выстроить свой жизненный путь и определить свое место в социуме.

4. Конструкт «предел-опыт». Развивая концептуальную основу «Предел-опыта», данное явление нами было охарактеризовано следующим образом: Предел-опыт — это стиль (образ) и философии жизни, основанный на максимальном напряжении физических, душевных и духовных сил человека и направленный на реализацию его жизненных целей и смыслов.

Особенности самореализации сотрудников полиции в отставке

Самореализация, сотрудники полиции, пенсионный возраст, трудовая деятельность, геронтология

В современной отечественной и зарубежной психологии имеется ряд работ в области изучения лиц пенсионного возраста (Л.И. Анцыферова, И.С. Кон, А.Г. Лидерс, Т.З. Козлова, Г. П. Сергеева, Е. И. Стеженская, Н. Н. Сачук, А. А. Дыскина, М. Д. Александрова, К.М. Мамыкина, А. Маслоу, К. Рифф, В. Франкл, И. Ялом и др.). Широких социально-психологических исследований проблем геронтологии в настоящее время не проводится. В монографии В. Д. Шапиро «Человек на пенсии: социальные проблемы и образ жизни» представлен многообразный материал изучения особенностей развития человека пенсионного возраста. О личностных характеристиках лиц старшего возраста имеются рассуждения в работах В. Я. Ядова. Объектом нашего рассмотрения являются особенности самореализации сотрудников полиции в отставке, ветеранов, которые имеют законное право «уйти на заслуженный отдых», но в то же время, при желании, могут быть продолжить работу. Выборку исследования составили женщины и мужчины от 50 до 70 лет. Предметом исследования выступают компоненты самореализации личности сотрудников полиции в отставке, связанные с жизненными позициями человека. Для получения исследовательских данных была составлена специальная анкета изучения различных сторон жизнедеятельности и отношения к окружающей действительности.

По данным нашего исследования более 60 % сотрудников полиции в отставке продолжают активно работать. Отмечая свое стабильное финансовое положение, эти люди обладают личностными характеристиками, определяющими проактивное отношение к работе. Высокий уровень образования, интеллектуальные нагрузки, работа с Интернет-ресурсами, освоение электронных услуг оказывают положительное влияние на активный образ жизни, способствуя появлению новых мотивов трудовой деятельности, преодолению появляющихся проблем, связанных с недостатком общественного признания, препятствуя появлению физических ограничений.

Более 70 % сотрудников в отставке отмечают, что нуждаются в квалифицированной медицинской помощи, во внимании со стороны общества и государства. Более 40 % подчеркнули наличие размышлений по укреплению семейных связей, значимость занятий с детьми, внуками.

С выходом на пенсию, 80 % испытуемых хотят быть полезными, желают себя реализовывать в обществе. Те пенсионеры, которые находятся в отставке и не работают, помогают воспитывать внуков, занимаются патриотическим воспитанием молодежи (4 %), занимаясь в Советах ветеранов.

Анализ корреляционных связей показателей позволяет сделать следующие выводы. Ветераны, которые после выхода на пенсию продолжают работать, используют современные гаджеты ($r=0,64$), являются активными пользователями социальных сетей ($r=0,66$), не много уделяют времени своей семье, внукам ($r=0,52$), используют

электронную почту ($r=0,48$), мало нуждаются в медицинском сопровождении и обладают более высоким уровнем жизненных сил ($r=-0,40$), более позитивно относятся к жизни, уверены в себе и эмоционально стабильны. Общественная активность, трудовая деятельность положительно коррелирует с субъективными представлениями людей пенсионного возраста о своем здоровье. Таким образом, люди, которые продолжают работать после ухода в отставку, в работе видят больше возможностей своей самореализации.

Однако, в ситуации дальнейшей самореализации лиц пенсионного возраста особенно важным становится социальное воздействие на личность при подготовке ее к старости, выявление потенциальных ресурсов для развития и саморазвития, социализации, интеграции в общественную жизнь для продления активной, продуктивной деятельности в интересах личности пенсионеров, общества и государства.

ПСИХИЧЕСКАЯ ТРАВМАТИЗАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: РИСКИ, ПОСЛЕДСТВИЯ, ПОМОЩЬ

Антонова Д.В.
Санкт-Петербург, СПбГУ,
Санкт-Петербургский благотворительный фонд "Гуманитарное действие"

Мотивация сокрытия положительного ВИЧ-статуса: анализ исследований

ВИЧ-инфекция, мотивация сокрытия ВИЧ-инфекции, стигма, связанная с ВИЧ

Рост эпидемии ВИЧ-инфекции остается серьезной проблемой глобального здравоохранения. Отмечают, что Россия занимает лидирующие позиции по уровню распространения ВИЧ [5]. Рост эпидемии связывают, в том числе, с сокрытием ВИЧ-статуса. Сокрытие рассматривают как фактор, снижающий эффективность профилактических мероприятий и лечения ВИЧ [1, 3].

Цель: изучение мотивации сокрытия положительного ВИЧ-статуса с теоретической точки зрения.

Выделяют следующие характеристики сокрытия ВИЧ: является осознанным актом, включает в себя активные действия, направлено на сообщение ложной информации [4]. Сокрытие определяют как многоуровневый феномен, который оказывает влияние на личность и на общество в целом. При этом и отношение общества к ВИЧ влияет на феномен сокрытия. Иначе говоря, ответственность за несообщение ВИЧ-статуса лежит не только на лице, скрывающем информацию, но и на обществе в целом [2].

В том числе, сокрытие ВИЧ определяют как длительный и сложный процесс принятия решения, при котором происходит борьба мотивов, то есть взвешивание возможных выгод и потенциальных рисков [4]. Сложность процесса связывают с распространенными в обществе искаженными представлениями о ВИЧ. Согласно им, риску заражения подвержены лица, принадлежащие к маргинальным группам и практикующие асоциальное поведение. Такие представления формируют стигму, связанную с ВИЧ [2].

Мотивы сокрытия ВИЧ отличаются многообразием. К основным мотивам относят страх стигматизации, осуждения и отвержения [2, 4]. Иначе говоря, сокрытие необходимо рассматривать как реакцию на социальную стигму. Ее определяют как продукт социального и структурного неравенства. Отмечают, что стигма, связанная с ВИЧ, распространена широко [2]. К ее последствиям относят рост эпидемии, увеличение показателей летальности, частоты участия в рискованных сексуальных практиках, сокрытие ВИЧ, редкое тестирование на ВИЧ [3]. Кроме основных мотивов сокрытия ВИЧ, выделяют большое количество других видов мотивов, но их единая и четкая классификация не была обнаружена в доступной литературе.

Выделяют как позитивные, так и негативные последствия сокрытия ВИЧ для физического и психического здоровья. В целом их связывают с низким уровнем удовлетворения основных потребностей психики. При этом отмечают, что негативные последствия присутствуют всегда. Их тяжесть зависит от стадии заболевания ВИЧ-инфекция [4].

К позитивным последствиям сокрытия ВИЧ относят возможность сохранить «нормальную» жизнь, и избежать осуждения [2]. Отмечают, что негативные последствия являются именно теми исходами, которые лицо стремилось избежать при несообщении ВИЧ-статуса. Иначе говоря, наблюдается парадоксальная ситуация — в основе мотивации сокрытия лежит потребность человека в безопасности и любви, при этом к последствиям сокрытия относится нарушение удовлетворения именно этих потребностей [4]. Наиболее серьезным негативным последствием сокрытия ВИЧ является рост эпидемии [3]. Помимо этого среди них выделяют несвоевременность и неэффективность лечения, увеличение уровня летальности, в том числе, у ВИЧ-положительных детей [4].

Таким образом, сокрытие ВИЧ-статуса это сложный и многомерный феномен, изучение которого является важным для формирования эффективных профилактических программ.

1. Dolan K. et al. Global burden of HIV, viral hepatitis, and tuberculosis in prisoners and detainees // *LANCET*. 2016. V. 388. № 10049. P. 1089-1102.
2. George M.S. et al. «I am doing fine only because I have not told anyone»: the necessity of concealment in the lives of people living with HIV in India // *Culture, Health & Sexuality*. 2015. V. 17. № 8. P. 933-946.
3. Li L. et al. Gendered aspects of perceived and internalized HIV-related stigma in China // *Women & Health*. 2017. Vol. 57. № 9. P. 1031-1043.
4. Rodkjaer L. et al. Disclosure decisions: HIV-positive persons coping with disease-related stressors // *Qualitative health research*. 2011. V. 21. № 9. P. 1249-1259.
5. World Health Organization. HIV/AIDS surveillance in Europe 2018–2017 data. 2018. 122 p.

Современные представления о феномене посттравматического роста у родственников, опекающих хронически больного

Родственники хронически больного, стресс, психотравматизация, кризис, совладание, посттравматический рост, методология

Возникновение неизлечимой болезни часто сопряжено с выраженной психотравматизацией не только самого больного, но и его близких. Шоковое состояние, связанное с постановкой диагноза, может сменяться переживанием «хронического горя», ощущением беспомощности, эмоциональным «выгоранием» опекающих больного родственников. Однако, в качестве последствий стрессового воздействия, обусловленного заболеванием близкого, могут выступать не только негативные изменения соматического и психосоциального функционирования членов семьи. Среди позитивных компонентов переживаемого опыта родственники больных отмечают, например, возможность учиться и развиваться, стать более терпимым и способным к состраданию, описывают болезнь близкого как событие, дающее ощущение цели в жизни.

Данные феномены получили название так называемого «посттравматического роста» — ПТР (Tedeschi, Calhoun, 1995), термин «посттравматический» здесь подчеркивает, что рост происходит после чрезвычайного по силе стрессового (травматического) события, а не в результате какого-либо незначительного стресса или как часть естественного процесса развития. Термин «рост» показывает наличие качественных изменений в развитии, выходящих за пределы предыдущего уровня адаптации, психологического функционирования или осознания жизни.

Ряд исследователей представляют ПТР исключительно как результат работы личности в ситуации, связанной с трансформацией базовых мировоззренческих представлений и целей человека (Tedeschi, Calhoun, 1995, 2004).

В качестве альтернативы выступает рассмотрение ПТР как механизма совладания (адаптивного ответа) в рамках общих теорий совладания со стрессом (Affleck, Tennen, 1996). Травмирующее событие входит в противоречие с мировоззренческими представлениями человека и тем самым инициирует процессы определения значения происходящего, интерпретации и конструирования новых жизненных смыслов.

Вне зависимости от того, рассматривается ли ПТР как процесс или как результат переработки травматического опыта, во главу угла ставятся когнитивные процессы, при этом роль эмоций в формировании ПТР представляется явно недооцененной.

Ряд авторов строит гипотезы о многомерности конструкта ПТР. Например, описывая двухкомпонентную модель ПТР, получившую название в честь двуликого Римского Бога Януса «Janus-Face-model», исследователи А. Maercker и Т. Zoellner

(2004) предполагают наличие функциональной «самосовершенствующей» стороны и иллюзорной («самообманной») дисфункциональной стороны феномена ПТР, представляющей собой вариант деструктивного копинга «Избегание» и оказывающей скорее палиативный эффект при переживании травмы.

Недостаточная разработанность теоретического конструкта ПТР отражается и в отсутствии четких представлений о его соотношении с такими феноменами, как психологический дистресс, посттравматическое стрессовое расстройство, жизнестойкость, а также в трудности определения потенциальной адаптивной значимости ПТР в процессе переживания травматического опыта индивидом.

Дальнейшее изучение феномена ПТР представляется перспективным, поскольку углубляет понимание возможного реагирования человека в психотравматизирующей ситуации, что расширяет клиническую перспективу. Рассмотрение ПТР как потенциального результата преодоления травмы и исследование его предикторов позволит определить «мишени» специализированной помощи людям, пережившим травматический опыт (в частности, в процессе опеки хронически больного родственника), игнорируемые в рамках симптоматического подхода.

1. Affleck, G. Construing benefits from adversity: Adaptational significance and dispositional underpinnings / G. Affleck, H. Tennen // *Journal of Personality*. — 1996. — Vol. 64. — P. 900–922.
2. Maercker, A. The Janus face of self-perceived growth: Toward a two-component model of posttraumatic growth / A. Maercker, T. Zoellner // *Psychological Inquiry*. — 2004. — Vol. 15. — P. 41–48.
3. Tedeschi, R. G. Posttraumatic growth: Conceptual foundations and empirical evidence / R. G. Tedeschi, L. G. Calhoun // *Psychological Inquiry*. — 2004. — Vol. 15. — P. 1–18.

Особенности проявления фактора наличия хронических заболеваний у подростков со склонностью к суицидальному поведению

Суицидальное поведение, хронический заболевания, факторы риска, психотерапевтическая помощь

Различные документы ООН содержат информацию о том, что одна из основных проблем XXI века увеличение числа больных хроническими заболеваниями.

Хронические заболевания, по определению ВОЗ, — это неинфекционные заболевания, не передающиеся от человека к человеку. (https://www.who.int/topics/chronic_diseases/ru/) Хронические заболевания — соматические патологии, медленно прогрессирующие, влияющие на жизнь людей (детей, подростков) и сохраняющиеся на протяжении многих лет или всей жизни. Последствия болезни могут проявляться в соматических и физических ограничениях, нарушениях психического развития или в форме острых душевных кризисов.

Согласно исследованиям Амбрумовой А.Г., Бородина С.В., Михлина А.С. существует связь между выявленными хроническими и острыми заболеваниями и суицидами. 28%, совершивших попытку суицида, имели установленный диагноз, а 45% за две недели до этого обращались к врачам. В течение 6 месяцев примерно 30% находились на лечении, 70% из них страдали острыми или хроническими заболеваниями. Среди исследованных 90% суицидов были спровоцированы болезнью. (Ефремов В.С. Основы суицидологии)

Целью данного исследования является установление особенностей проявления фактора наличие хронических заболеваний у подростков со склонностью к суицидальному поведению. Задачи работы: изучение уровней внутренней картины болезни и эмоциональных реакций в данном возрасте; анализ психологической и физиологической составляющей хронических заболеваний в подростковом возрасте; изучение связи выхода из кризисного состояния подростка с принятием его болезни родителями; разработка рекомендаций, применяемых в психотерапевтической работе с подростками и родителями.

С точки зрения социально-психологического подхода, учитывая специфику подросткового возраста, любое кризисное состояние подростка следует рассматривать как суицидогенное. При переходе к подростковому возрасту возникает повышенная склонность к самоанализу, пессимистической оценке своей личности, отрицание смерти. Важное значение имеет чувство принадлежности к «подростковой» группе сверстников, в которой формируются и осознаются нравственные оценки своих поступков.

Тяжелые заболевания ребенка или близких родственников входят в таблицу факторов риска развития кризисных состояний и наличия суицидальных знаков в группу факторов семейной ситуации.

Заболевание ребенка, особенно если он находится в подростковом возрасте, это проблема для всей семьи. Реакция на болезнь во многом зависит от поведения родителей и форм воспитания подростка.

Сложность работы психотерапевта заключается в необходимости вывода из кризисного состояния, как родителей, так и подростков. Когда фаза отрицания заболевания, непринятие ситуации затягивается на долгое время, подростку приходится справиться с данной ситуацией самому, что усугубляет процесс выхода из кризиса.

Психологическая помощь больным с хроническим заболеванием может осуществляться в следующих направлениях:

$\frac{3}{4}$ принятие человеком своей болезни и изменяющегося, нового образа жизни, обусловленного заболеванием;

$\frac{3}{4}$ выявление психогенеза хронического заболевания и психотерапевтическая работа по устранению психосоматических причин, вызвавших данное заболевание;

$\frac{3}{4}$ краткосрочная (экстренная) психотерапевтическая помощь в периоды обострения хронических заболеваний, в кризисные периоды.

Психотерапевтическая работа на начальном этапе должна быть направлена на выявление и создание источников ресурсного состояния. Этот период будет связан с неизбежным изменением мировоззрения личности, переоценкой жизненных ценностей.

Задача психотерапевта помочь справиться с негативными эффектами, вызванными заболеванием (депрессией, тревогой, чувством вины, разочарованием, стыдом), а также помочь адаптироваться к новым условиям жизни, повысить самооценку, наладить общение с родителями, вернуть утраченное равновесие и отказать от попыток суицида в дальнейшем.

Профессиональное выгорание медицинского персонала родильного дома

Медицинский персонал, профессиональное выгорание, отношение к работе

Тема профессионального выгорания в медицинской среде остается актуальной всегда. Медицинский персонал роддома не является исключением: ответственность за жизнь матери и ребенка, необходимость оказания неотложной помощи и принятия решений при дефиците времени и информации наглядно демонстрирует экстремальный характер данной профессиональной деятельности.

На базе одного из родильных домов г. Санкт-Петербурга было проведено исследование уровня и возможных причин профессионального выгорания врачей разных специальностей. В наших ранних исследованиях медицинского персонала экстремальных отделений [1], [2], были выделены два основных фактора, которые влияют на психологическое состояние и успешность работы медперсонала: психологическая пригодность к работе по данной специальности и психологическая подготовленность к эмоционально сложным рабочим ситуациям. Поэтому в числе прочих целей в данном исследовании мы попытались выяснить, какие рабочие ситуации воспринимаются эмоционально сложными и какие способы совладания с напряжением в них используются медицинским персоналом.

Целями исследования были: 1. Составление перечня профессиональных рабочих ситуаций, воспринимаемых медицинским персоналом как напряженных, времени и способов совладания с напряжением. 2. Диагностика уровня профессионального выгорания персонала родильного дома. 3. Разработка плана действий психолога в соответствии с полученными результатами.

В исследовании приняли участие 84 человека. 13 мужчин и 71 женщина, в возрасте от 27 до 59 лет. Из них 37 врачей следующих специальностей: акушеры-гинекологи, анестезиологи-реаниматологи, неонатологи, неонатологи-реаниматологи. А также 47 медсестер и акушерок всех отделений родильного дома. Были использованы следующие методики: «Профессиональное выгорание» Н.Е.Водопьяновой и Е.С.Старченковой [3], «Отношение к работе» К. Маслач и М. Лейтер [4]. 3. Анкета «Психологическая характеристика рабочих ситуаций», специально разработанная психологом родильного дома, врачами и средним персоналом для каждой специальности. Использовались следующие методы статистической обработки: непараметрические парные корреляции по Пирсону, ранжирование рабочих ситуаций по степени напряжения, частотный анализ времени и способов совладания с напряжением в каждой рабочей ситуации.

В результате был выявлен средний уровень эмоционального истощения и редукции личностных достижений у всего медперсонала, высокий уровень деперсонализации у врачей и средний у среднего медперсонала. Эмоциональное истощение и деперсонализация у медперсонала значимо связаны с неудовлетворенностью по всем шкалам отношения к работе. Редукция личностных достижений у врачей напрямую

связана с напряжением в рабочих ситуациях, а у среднего медицинского персонала связана со шкалами «вознаграждение» и «ценности».

Структура конкретных рабочих ситуаций, влияющих на профессиональное выгорание, у каждой группы врачей и среднего медперсонала своя. С нашей точки зрения, это важный вывод, позволяющий составлять программу психологического сопровождения более адресно, с учетом специфики каждой специальности. В частности, психологом в роддоме периодически проводятся занятия для медицинского персонала, касающиеся конкретных рабочих стрессовых ситуаций и направленные на повышение психологической грамотности.

1. Замахаева Ю.В., Фрумкин А.А. Психологическая помощь медицинскому персоналу: постановка проблем и пути решения. Информационный бюллетень. СПб: СПб-МИАЦ, 2005
2. Замахаева Ю.В., Минаев А.С., Лахаткин А.А. Психологические особенности деятельности медсестер взрослых и детских реанимационных отделений // Материалы конференции «Петербургская школа психологии: прошлое, настоящее, будущее». СПб: СПбГУ, 2006
3. Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С., Наследов А.Д. Стандартизированный опросник «Профессиональное выгорание» для специалистов социомических профессий // Вестник СПбГУ. Сер.12. 2013. Вып.4. С. 17-27
4. Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С. Синдром выгорания: диагностика и профилактика. СПб: Питер, 2005

Особенности личности несовершеннолетних, совершивших кражи

Преступность несовершеннолетних, личность несовершеннолетнего правонарушителя, личностные особенности, кража

Современное состояние преступности несовершеннолетних характеризуется рядом негативных тенденций: увеличение количества групповых преступлений; вовлечение в преступную деятельность под криминальным влиянием взрослых; увеличение доли участия в преступлениях несовершеннолетних женского пола; рост преступлений со стороны несовершеннолетних из внешне благополучных семей; высокий процент повторной преступности; стабильно высокая доля корыстной преступности.

Целью исследования стало изучение личностных особенностей несовершеннолетних, совершивших кражи.

Объект исследования: 73 несовершеннолетних, совершивших административные правонарушения и уголовные преступления путем кражи, в возрасте от 14 до 17 лет ($M=16\pm 1,2$).

Методы исследования: стандартизированный метод исследования личности (СМИЛ, «Подростковый вариант») Л.Н. Собчик [4]. Математико-статистическая обработка данных проводилась в программе «SPSS Statistics, 19.0».

Обсуждение результатов. Усредненный тип профиля личности несовершеннолетних, совершивших кражи (код: $1>2\#3\#8\#5\#4\#7\#6\#0\#9\#F>K>L$) выстроен в диапазоне значений от 31 до 61 Т-баллов с возрастанием показателей по шкалам: 1 — (59 ± 14 Т-баллов), 2 (48 ± 8 Т-баллов), 3 (46 ± 4 Т-баллов), 8 (45 ± 4 Т-баллов). Усредненный профиль соответствует критерию надежности, однако, значения шкалы F находятся в максимально допустимых значениях (60 ± 5), что говорит о стремлении подростков привлечь внимание к собственной личности с целью получения сочувствия, поддержки.

У несовершеннолетних, совершивших кражи, средние значения по 1-й шкале (59 ± 14 Т-баллов) существенно превышают показатели по остальным основным шкалам. У значительной доли несовершеннолетних (46,7%) невротический сверхконтроль имеет вид акцентуации. В совокупности со сниженными значениями по 0-й шкале (36 ± 4), а также с учетом относительного здоровья несовершеннолетних, повышение по 1-й шкале говорит о неадекватности их самооценки, недостаточном общем самоконтроле, инфантильности, склонности избегать ответственности.

У 24,6 % несовершеннолетних, совершивших кражи, значения 2-ой (депрессия), 3-ей (демонстративность) и 8-ой (индивидуалистичность) шкал находится на высоком уровне, превышая показатель в 55 Т-баллов, что характеризует их, как эмоционально и личностно незрелых с плохой социальной приспособляемостью.

У 57% обследуемых показатели по 9-ой шкале (оптимизм, активность) ниже 35 Т-баллов, что свидетельствует об их невысоком уровне отношении к судьбе и тенденции полагаться на волю случая или действия других людей. В этой связи их поведение определяется воздействием ситуативных факторов, которые А.А. Реаном рассматриваются в качестве модуляторов преступного поведения [1].

43% несовершеннолетних демонстрируют сниженные показатели (менее 35) по 0-ой шкале (социальной интраверсии), что в сочетании с высокими значениями по другим шкалам говорит об их эмоциональной незрелости (Шкала 3), низком самоконтроле (Шкала 1), объясняя их снисходительность к собственным недостаткам и отвержение социальных норм.

Выводы:

1) Профиль СМИЛ у несовершеннолетних, совершивших кражи, свидетельствует о личностной дисгармонии, осложненной нарушениями отношений в социальном пространстве.

2) К личностным особенностям несовершеннолетних, совершивших кражи, относятся: низкий самоконтроль, инфантильность, эмоциональная и личностная незрелость, плохая социальная приспособляемость, неадекватная самооценка, склонность избегать ответственности, снисходительность к собственным недостаткам и отвержение социальных норм.

3) Указанные особенности личности являются предметом психокоррекционного воздействия на несовершеннолетних с целью недопущения повторного совершения краж (как одной из негативных тенденций современной преступности несовершеннолетних) и должны быть заложены в основу программ психологической коррекции личности.

1. Реан, А.А. Факторы риска девиантного поведения: семейный контекст // Национальный психологический журнал. — 2015. — №4 (20). — С. 105-110

Взаимосвязь взглядов экстремистской направленности с психологическими чертами личности у молодежи

Молодежный экстремизм, взгляды экстремистской направленности, экстремистская деятельность, отношение к экстремизму

Активно растущая угроза экстремизма в настоящее время представляет наибольшую опасность для молодых людей в возрасте до 35 лет. В связи с растущими социально-экономическими трудностями, недовольством положением дел в стране и стремительно развивающимися каналами коммуникации юноши и девушки легко становятся вовлеченными в запрещенную деятельность. Идеологи экстремистских организаций воздействуют на них с целью формирования соответствующих убеждений, позволяющих рассматривать экстремистские взгляды и действия как способ самореализации, а также решения социально-политических, межнациональных, межрелигиозных и иных конфликтов.

Целью нашего исследования являлось выделение признаков склонности молодежи разделять взгляды экстремистской направленности и проверка предположения о взаимосвязи подобной склонности с определёнными психологическими качествами личности.

Теоретико-методологическую основу исследования составили концепции отношения молодежи к экстремизму [2], подход к выделению причин приверженности к экстремистской деятельности и оценки возможных рисков [3, 4, 5], теоретические взгляды на проблему распространения экстремизма в современном мире [1].

При проведении эмпирического исследования был использован метод анкетного опроса и психодиагностические методики: пятифакторный личностный опросник Р. МакКрае и П. Косты и Опросник волевого самоконтроля А.Г. Зверькова и Е.В. Эйдмана.

В исследовании приняли участие 275 человек г. Калуги в возрасте от 18 до 25 лет. Опрос проводился анонимно, при помощи веб-сервиса Google Form, в течение 2х месяцев.

На основании теоретического анализа нами были выделены вопросы анкеты, которые позволяют оценить склонность человека разделять взгляды экстремистской направленности. Ответы на выделенные вопросы были приведены к единой шкале и на их основе был вычислен интегральный показатель «Взгляды экстремистской направленности». Для проверки предположения о взаимосвязи данного показателя с рядом личностных характеристик был выполнен корреляционный анализ с применением коэффициента Пирсона.

Установлено наличие отрицательной корреляционной связи выраженности показателя «Взгляды экстремистской направленности» с такими личностными чертами как дружелюбие: $R = -0,262$, $p \leq 0,01$, и открытость новому опыту: $R = -0,147$, $p \leq 0,05$.

Исходя из полученных результатов низкая степень доброжелательности по отношению к окружающим и склонность к ригидным, консервативным взглядам могут рассматриваться как внутренние психологические условия для формирования взглядов экстремистской направленности у молодежи.

1. Абдрахманов Д.М., Максимов К.В., Нугуманов М.М., Сафина Э.Н. Экстремизм. 100 ответов на насущные вопросы об экстремизме и терроризме. Информационно-справочное пособие. Уфа: Мир печати, 2018. — 80 с.
2. Бочаров А.В., Мещерякова Э.И., Ларионова А.В. Типология психологических факторов отношения студентов к экстремизму (по результатам анкетирования и психодиагностики) // Прикладная юридическая психология, 2015. №1. С. 21-33.
3. Кружкова О.В., Воробьева И.В., Никифорова Д.М. Психологические аспекты вовлечения в экстремистские группировки молодежи в среде Интернет // Образование и наука, 2016. №10 (139). С. 66-90
4. Майкова Е.С., Бонкало Т.И. Психологические особенности подростков, склонных к экстремистскому поведению // Ученые записки Российского государственного социального университета, 2013. Т.1 (№ 2). С. 122-125.
5. Хавыло А.В., Кузнецова А.С. Психологические аспекты отношения молодежи к проявлениям экстремизма // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: сборник XXIII международная научно-практическая конференция, Красноярск, 2-3 апреля 2020 года. — Красноярск, 2020. С. 54-57

Курилова Е.В.
Москва, ФКУ ЦЭПП МЧС России

Логачева Е.А.
Пятигорск, Северо-Кавказский филиал ФКУ ЦЭПП МЧС России

Алпатова О.С.
Пятигорск

Особенности когнитивного оценивания и способов совладания с трудными жизненными ситуациями молодежи г. Черкесск

Этнокультурные особенности совладания, трудные жизненные ситуации, экстремальные ситуации, абазин, Северный Кавказ

Вопрос этнокультурных особенностей в области психологии совладания с трудными жизненными ситуациями (далее ТЖС) остается мало изученным. В нашем исследовании мы опираемся на представление о регулятивной функции культуры, определяющей поведение людей [1]. Мы считаем, что заданные в культурной среде модели поведения присваиваются членами общества и влияют на актуализацию копинга в конкретной ситуации [2].

Для Центра экстренной психологической помощи МЧС России и его филиалов актуальным является вопрос оказания психологической помощи представителям различных этнических групп. Цель исследования — определить культурные особенности реагирования в ТЖС у представителей народов Северного Кавказа, составить рекомендации по оказанию психологической помощи. В данном сообщении представлена часть результатов предварительного исследования совладания с ТЖС представителей абазин.

Выборка: студенты Московского финансово-промышленного университета «Синергия», г. Черкесск, возраст 16-20 лет, n=84.

Процедура сбора данных: письменный опрос с использованием стандартизованных опросников «Когнитивное оценивание ТЖС» [3], «Опросник способов копинга» [4] (n=53); фокус-группы (n=31).

Процедура обработки данных: 1) систематизация по жизненным сферам и ранжирование по частоте результатов категоризации ТЖС; сравнение средних значений по когнитивному оцениванию, способам копинга подгрупп наиболее частотных ТЖС (критерий Манна-Уитни); 3) корреляционный анализ (коэффициент Спирмена). Результаты фокус-групп обрабатывались с использованием качественных методов, в данном сообщении не представлены.

Результаты категоризации ТЖС: категоризация трудных ситуаций по различным жизненным сферам показала, что наиболее частотные ситуации межличностной (конфликты с близкими, 40%) и экстремальной сфер (потеря близких, угроза жизни, 32%).

Результаты анализа средних значений (когнитивное оценивание): наиболее высокие значения получили критерии Перспектива будущего, Общий фактор, Сильные эмоции и Активное реагирование, что также справедливо для оценок трудных ситу-

ации в наиболее частотных подгруппах межличностной и экстремальной сфер. Статистически значимые различия подгруппы имеют по категории Трудность в принятии решения ($p0,01$).

Результаты анализа средних значений (способы копинга): в трудных ситуациях межличностной сферы наиболее активно используется Позитивная переоценка и Фантазирование, в экстремальных ситуациях — Социальная поддержка, Планомерное решение. Статистически значимые различия подгруппы имеют по категории Социальная поддержка ($p0,05$).

Результаты корреляционного анализа: для ТЖС межличностной сферы с увеличением трудности ситуации увеличивается вероятность использования планомерного решения и уменьшается — дистанцирования; с повышением значимости последствий ситуации усиливается самоконтроль; затруднение прогноза ситуации связано с использованием копинга, направленного на решение ситуации. Для экстремальных ситуаций обнаруживается связь необходимости быстрого реагирования с обращением за помощью к социальному окружению и активным противостоянием. Для ТЖС обеих сфер: с уменьшением контроля над ситуацией уменьшается вероятность использования планомерного решения.

Выявленные особенности позволяют в дальнейшем описать паттерны поведения, характерные для представителей абазин.

1. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М.: Институт психологии РАН, «Академический проект», 1999. 320 с.;
2. Курилова Е.В., Битюцкая Е.В., Логачева Е.А. Коллективные формы совладания с трудными жизненными ситуациями //Сборник материалов XVIII Международных Чтений памяти Л.С. Выготского. Москва: Левь. 2017. — Т. 2 С. 95-101;
3. Битюцкая Е.В. Когнитивное оценивание трудной жизненной ситуации с позиций деятельностного подхода А.Н. Леонтьева // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2013. № 2. С. 40–56.;
4. Битюцкая Е.В. Факторная структура русскоязычной версии методики «Опросник способов копинга» // Вопросы психологии. № 5. 2014. С. 138–150."

Мильчарек Н.А.
Омск, ОмГТУ

Мильчарек Т.П.
Омск, ОмГТУ

Горбунов В.В.
Омск, ОмГТУ

Диагностика психологических рисков экстремизма на ранних этапах формирования: взаимосвязь психологического комплекса экстремиста с акцентуациями характера личности

Экстремизм, некоммуникативность, комплекс война, терроризм, психологический комплекс экстремиста, акцентуации характера

Актуальность диагностики и профилактики экстремизма обусловлена нарастающим правонарушений экстремистской и террористической направленности во всем мире. В Российской Федерации эта проблема также является одной из наиболее острых социальных проблем. Это объясняется, в том числе и последними событиями в целом ряде городов России, таких как Москва, Волгоград, Керчь, Красноярск, Тюмень и др.

С нашей позиции важно определить психологические признаки экстремизма. Учитывая тот факт, что 85% членов экстремистских группировок — представители молодежи, вопрос диагностики психологических признаков экстремизма на ранних этапах формирования приобретает принципиальное значение.

Для этих целей мы используем понятие психологического комплекса экстремиста, который включает в себя два признака: некоммуникативность и комплекс война.

На основании данных признаков нами было разработано два психологических опросника: психодиагностический опросник «Некоммуникативность» и психодиагностический опросник «Комплекс война». Психодиагностический опросник «Некоммуникативность» включает в себя 18 субтестов соответственно 18 параметрам, включаемым нами в качество некоммуникативности [1]. Психодиагностический опросник «Комплекс война» включает в себя 9 субтестов соответствующих девяти измеряемым параметрам, включаемым в качество комплекса война. Каждый субтест измеряет соответствующее качество-параметр в обоих опросниках. Общее количество вопросов в каждом опроснике 144 [2]. Оба опросника прошли предварительную экспертизу профессионального сообщества — сотрудников кафедры психологии труда и организационной психологии ОмГТУ и сотрудников психологической службы УФСИН России по Омской области.

Оба опросника легли в основу серии исследований проведенных на базе Омского государственного технического университета, десяти омских колледжей и 18 школ города Омска. Общая выборка исследования составила более 3000 человек. Опросники подтвердили свою валидность и надежность. В том числе, путем установления корреляций с уже имеющимися валидными и надежными методиками. В частности, с опросником Леонгарда-Шмишека и МПДО А.Е. Личко.

В результате проведенных нами исследований была выявлена значимая взаимосвязь формирования психологического комплекса экстремиста с такими акцентуациями характера личности как демонстративная, экзальтированная и гипертимная (t -Кендалла=0,623; 0,427 и 0, 442 соответственно). Это объясняется закрытостью возможностей внутреннего диалога и, как следствие, значительной сконцентрированностью жизни лиц с высокой степенью выраженности психологического комплекса экстремиста в пространстве социальной драматургии. Их жизненные перспективы отличаются пребыванием в театрализованности, сюжетно-постановочном режиме, смене ролей, склонности к вытеснению и ко лжи, впаданию в крайности и манипулированию на фоне стертой идентичности истинного Я. Наличие выявленных типов акцентуаций вызвано также особенностями реализации культурно-обусловленной агрессии.

Данные нашего исследования позволяет сделать вывод, что наличие выделенных акцентуаций в совокупности с другими факторами может рассматриваться как показатель психологического риска раннего формирования экстремистской направленности личности.

1. Мильчарек, Т.П. Нонкоммуникативность и комплекс воина в диагностике психологического комплекса экстремиста / Т.П. Мильчарек, Н.А. Мильчарек // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия: Гуманитарные науки. — 2018. — №3 (45). — С. 93 — 99.
2. Мильчарек Т. П., Мильчарек Н. А. Психодиагностический опросник «Комплекс воина» в системе выявления психологического комплекса экстремиста // Вестник Омского университета. Серия «Психология». 2019. №4. С. 35–42. DOI: 10.24147/2410-6364.2019.4.35-42.

Психологические риски формирования экстремистской направленности личности в когнитивном смысловом пространстве интернет-мессенджера telegram

Экстремистская направленность личности, психологический комплекс экстремиста, некоммуникативность, комплекс воина

Актуальность исследования обусловлена необходимостью создания нового эффективного диагностического инструментария для выявления рисков экстремизма в социальных сетях. В качестве объекта исследования нами был выбран мессенджер Telegram, так как он отличается от всех остальных мессенджеров полным отсутствием цензуры и фильтрации предлагаемого контента.

Проблема исследования: недостаточная определённость деструктивного воздействия Telegram-каналов и возможность его влияния на формирование экстремистской направленности личности.

В связи со специфичностью интернет-платформы Telegram, которая заключается в отсутствии цензуры, нами была выдвинута гипотеза, что отсутствие фильтрации контента на данной платформе может привести к возникновению психологических рисков экстремизма.

Мы выделили основные компоненты психологического комплекса экстремиста. Ими являются некоммуникативность и комплекс воина.

Некоммуникативность представляет собой комплексную характеристику субъекта, которая заключается в его ориентации на скорейшее исключение социальных связей и контактов для достижения желаемой цели, чаще всего социально неприемлемой [1].

Комплекс воина является совокупностью поведенческих признаков культурно обусловленной агрессии и связанной с ней невротической констелляцией психических состояний, вызванных невозможностью её конструктивного проявления [2].

В качестве основных методов мы использовали сравнительный анализ текстов и контент-анализ. На основании полученных данных мы обнаружили в большинстве рассмотренных контентов такие признаки некоммуникативности, как:

1. Стёртая идентичность.
2. Затрудненный социальный диалог.
3. Отказ от неопределённости.
4. Высокий уровень агрессии.
5. Гиперзависимость от сверхценностей.
6. Инфантильность и низкая степень осознанности.
7. Избегание ответственности и свободы.
8. Выраженная склонность к манипулированию.

Содержательный анализ также показал наличие следующих признаков комплекса воина: возможность применять силу, использовать оружие, подчинять, причинять боль, телесное повреждение, возможность убивать.

Основным пользователем Telegram является молодёжь, она получает львиную долю информации именно через социальные сети и мессенджеры. Именно молодёжь попадает в группу риска и легко поддаётся на провокации в силу своего низкого уровня критического восприятия.

Telegram обрёл популярность благодаря своей независимости и отсутствию цензуры. На этой платформе можно увидеть самый разнообразный контент. Однако не каждый Telegram-канал служит распространению исключительно информационных и развлекательных ресурсов. Можно встретить каналы, которые публикуют материалы, не предназначенные для просмотра несовершеннолетними лицами.

У каждого человека существует своё индивидуальное восприятие мира, которое формируется под воздействием множества факторов. Получаемая информация имеет значительное влияние в конструкции человеческого восприятия.

Исходя из вышеизложенного, мы можем предположить, что активные пользователи данного мессенджера, использующие его в целях удовлетворения своего любопытства по неприемлемому контенту, больше подвержены когнитивному искажению, поскольку данный контент может носить в себе особую экстремистскую концепцию.

Таким образом, когнитивно-смысловое пространство Telegram несёт в себе высокие риски формирования экстремистской направленности личности.

1. Мильчарек, Т.П. Нонкоммуникативность и комплекс воина в диагностике психологического комплекса экстремиста / Т.П. Мильчарек, Н.А. Мильчарек // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия: Гуманитарные науки. — 2018. — №3 (45). — С. 93 — 99. [1].
2. Мильчарек Т. П., Мильчарек Н. А. Психодиагностический опросник «Комплекс воина» в системе выявления психологического комплекса экстремиста // Вестник Омского университета. Серия «Психология». 2019. № 4. С. 35–42. DOI: 10.24147/24147 [2].

Матрица суицидального риска в психологии кризисных состояний

Кризисное состояние, самоубийство, суицидальная матрица суицидальный риск

Проблема подростковых суицидов крайне актуальна. Современные исследования рассматривают самоубийство как междисциплинарный феномен, динамичный процесс, в котором суицидальная активность прогрессирует от неосознаваемых внутренних форм до практической реализации суицидальных действий [1]. Знание структуры и стадий развития суицида дает возможность определить степень суицидального риска, объем и характер психологической помощи.

В исследовании приняли участие 153 подростка 14-17 лет. Цель: объяснить механизм суицидогенеза на основе построения суицидальной матрицы. С помощью «Опросника суицидального риска» Т.Н. Разуваевой, шкалы безнадежности А. Бека, теста жизнестойкости С. Мадди в модификации Д.А. Леонтьева, опросника DAP-R в адаптации Т.А. Гавриловой, опросника SACS С. Хобфолл, мы выявили группу подростков из 27 человек с риском суицида. Причины многообразны: проблемы в семье, школе, социальная изоляция, перенапряжение, неразделенная любовь, беременность, влияние Internet.

В выявленной группе отмечается корреляция: чем выше уровень суицидального риска, тем сильнее чувство безнадежности ($r=-0,59$, при $p0,05$). Коэффициент жизнестойкости напрямую коррелирует с антисуицидальным фактором и используемыми копинг-стратегиями: чем выше коэффициент, тем адаптивнее модели поведения, шире набор и выше антисуицидальный фактор; использование моделей поведения по типу избегания, манипулятивных и агрессивных действий коррелирует с недостаточным коэффициентом жизнестойкости ($p\leq 0,1$), высоким суицидальным риском ($Sr\geq 0,8$) и низким антисуицидальным фактором ($Af\leq 4$). Анализ результатов изучения страха смерти выявил, что юноши без риска суицида, испытывая тревогу по поводу смерти, склонны как к ее избеганию, так и принятию как способа избавления от страданий. Девочек с аутомортальной тревожностью характеризует невосприятие смерти как естественного события; им присуща тенденция к уклонению от решения проблем и вера в счастливую послежизнь. В группе риска у мальчиков порог страха смерти так низок, что тонато-совладающие реакции и механизмы копинг-стратегий практически чужды. У девочек с риском суицида результаты аналогичны, однако они более откровенны в признании проблем и открыты для изменений. При обработке данных использовался пакет STATISTICA 6.0. Корреляционный анализ Пирсона и сравнение средних показателей по критерию Манна–Уитни осуществлялся при помощи пакета статистических программ SPSS.16, что позволяет утверждать достоверность результатов исследования.

Исследование позволило описать матрицу суицидального риска и объяснить закономерности развития. Согласно когнитивно-поведенческому подходу, кризисная ситуация всегда рождает мысли по поводу ее решения. Недостаточный жизненный опыт, боязнь обратиться за помощью, кризис идентичности, экзистенциальный вакуум, несформированная система ценностей, фатальное чувство взрослости в подростковом возрасте приводит к осознанию собственной несостоятельности в решении проблем. Деструктивные мысли рождают негативные эмоции и чувства. Осознание безысходности сопровождается обидой, гневом, чувством вины; затем наступает безразличие к происходящему, апатия, уныние. Нередко суицидальные намерения сопровождаются агрессией, аутоагрессией. Она влечет за собой глубину переживаний и появление психалгии — невыносимой душевной боли. Негативные эмоции обуславливают выбор неадаптивных моделей поведения. В итоге под действием внешнего фактора, выполняющего роль «последней капли», подросток решает покончить собой [1]. Часто суицид подростков не запланирован, это спонтанный импульс.

Вывод: состояние кризиса — это не результат происходящей с подростком ситуации, а неумение сформулировать конструктивное объяснение. Матрица суицидального риска аккумулирует факторы самоубийства и, раскрываясь в формуле: Событие–Мысль–Эмоции–Поведение, — объясняет закономерности его развития

1. Зотов Б.П. Суицидальное поведение: роль «внешнего ключа»// Российский медико-биологический вестник им. академика И.В. Павлова. № 4, 2015. — с. 133-137

Аутентичность личности в условиях хронического и повседневного стресса

Аутентичность, личность, повседневный стресс, посттравматический стресс, позитивная психология

Аутентичность личности — это черта личности, обеспечивающая способность человека быть верным себе, быть самим собой, сохранять соответствие собственной природе, жизненному пути и призванию. Согласно Г. Барретт-Леннард, аутентичность личности представляет собой композицию трех измерений (Wood et al., 2008). Аутентичная жизнь — это соответствие стиля жизни ценностям; Подверженность внешним влияниям — склонность поддаваться неавторитетным влияниям; Самоотчуждение — непонимание самого себя. Две последние составляющие реверсивны.

Аутентичность представляет собой предиктор психологического благополучия, предотвращает выгорание и экзистенциальные кризисы (Бочавер и др., 2019; Wood et al., 2008; Нартова-Бочавер, 2011). В то же время не совсем понятно, как она проявляет себя в трудных жизненных ситуациях.

В настоящем исследовании изучалась диспозициональная аутентичность в зависимости от уровня стресса. Гипотеза: респонденты, находящиеся в условно стабильной жизненной ситуации, обладают более высоким уровнем аутентичности, чем те, кто находятся в трудных жизненных ситуациях (Дымова и др., 2015).

Участвовало 140 человек (16 — 40 лет, 66 женского пола). Первая группа (условно благополучные) включала 40 студентов-москвичей, обучающихся в гуманитарном вузе городского значения. Этот университет имеет репутацию прогрессивного вуза с гуманным отношением к студентам, уровень отчисления составляет не более 5%, практикуется гуманное отношение к студентам. Вторая группа (повседневный стресс) включала 50 студентов одного из наиболее престижных классических университетов всероссийского значения; студенты приезжают из других городов и стран, учебный план очень насыщен, атмосфера отличается жестким ассесментом и высокой конкуренцией, 21% студента не заканчивают вуз. Наконец, третья группа (хронический стресс) включала 50 пациентов одного из реабилитационных центров, имеющих тяжелые спинальные травмы.

Основной метод — Шкала аутентичности А. Вуда (три шкалы, 12 утверждений, Wood et al., 2008). Использовался однофакторный дисперсионный анализ.

Вопреки ожиданиям, что показатель аутентичной жизни имеет наибольшее значение в группе хронического стресса, затем — в группе условно благополучных, и наконец — переживающих повседневный стресс ($p=0,001$). Подверженность внешним влияниям и самоотчуждение сильнее выражены в группе повседневного стресса, за которой следуют условно благополучные и затем — респонденты, переживающие хронический стресс (соответственно, ($p=0,041$ и $p=0,000$).

Парадоксальные результаты показывают, что наиболее уязвимой с точки зрения проявления аутентичности личности является группа повседневного стресса, а наименее — группа хронического стресса. Возможно, что хронический стресс пробуждает «высшие» качества личности и стимулирует ресурсы, в то время как повседневный — всего лишь истощает. Результаты требуют дальнейшего осмысления.

1. Бочавер К.А., Данилов А.Б., Нартова-Бочавер С.К., Квитчастый А.В., Гаврилова О.Я., Зязина Н.А. Перспективы салотогенного подхода к профилактике синдрома выгорания у российских врачей. Клиническая и специальная психология. — 2019.- Т. 8. — № 1.- С. 58-77.
2. Дымова, Е.Н., Тарабрина, Н.В., Харламенкова, Н.Е. Параметры психологического благополучия/неблагополучия при разном уровне психической травматизации. Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. — 2015. — № 2. — С. 37-50.
3. Нартова-Бочавер, С.К. Понятие аутентичности в зарубежной психологии личности: история, феноменология, исследования. Психологический журнал. — 2011. — Т. 32. — № 6. -С. 18-29.
4. Wood, A.M., Linley, P. A., Maltby, J., Baliousis, M., Joseph, S. The Authentic Personality: A Theoretical and Empirical Conceptualization and the Development of the Authenticity Scale. Journ. of Counseling Psychology. — 2008. — V. 55. — № 3. — P. 385–399."
5. Бочавер К.А., Данилов А.Б., Нартова-Бочавер С.К., Квитчастый А.В., Гаврилова О.Я., Зязина Н.А. Перспективы салотогенного подхода к профилактике синдрома выгорания у российских врачей. Клиническая и специальная психология. — 2019.- Т. 8. — № 1.- С. 58-77.
6. Дымова, Е.Н., Тарабрина, Н.В., Харламенкова, Н.Е. Параметры психологического благополучия/неблагополучия при разном уровне психической травматизации. Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. — 2015. — № 2. — С. 37-50.
7. Нартова-Бочавер, С.К. Понятие аутентичности в зарубежной психологии личности: история, феноменология, исследования. Психологический журнал. — 2011. — Т. 32. — № 6. -С. 18-29.
8. Wood, A.M., Linley, P. A., Maltby, J., Baliousis, M., Joseph, S. The Authentic Personality: A Theoretical and Empirical Conceptualization and the Development of the Authenticity Scale. Journ. of Counseling Psychology. — 2008. — V. 55. — № 3. — P. 385–399.

Участие Нартовой-Бочавер С.К. (идея, метод, сбор данных групп повседневного стресса и благополучных) поддержано РФФ, проект 20-18-00262

Аналитический подход в работе с родными и близкими онкобольных

Психологическая помощь, онкология, психическая травма, страх смерти

Моя работа с клиентами, чьи родные болели или болеют онкологией, и мой личный опыт позволяют мне говорить о том, что не только для больного смертельно опасная болезнь становится поворотным пунктом, но и для тех людей, которые находятся рядом с ним. Ключевой идеей З.Фрейда в подходе к травме была мысль о том, что момент травматизации избыточное количество возбуждения не может быть психически связано и тогда оно затапливает Эго, прорываясь сквозь защиты. В связи с этим психический аппарат регрессирует к более примитивным защитам. Эта идея помогает мне в понимании того, что происходит с моими клиентами, которые не пережили травму, но в своем анамнезе имеют факт болезни родителя. Очень важен возраст, когда клиент это переживал.

Если мы говорим о детском возрасте, то смертельный диагноз родного человека (мамы или папы) оказывает влияние на формирование привязанности у ребенка. Джон Боулби в своей книге «Созидание и разрушение эмоциональных связей» пишет о том, что происходит с теми детьми, которые пережили расставание с мамой на ранних этапах своего развития. Я полагаю, что смертельно опасную болезнь мы можем символически рассматривать, как эмоциональное расставание. Взрослый в своем актуальном состоянии не может в должной степени быть включенным в детско-родительский процесс. Это, в свою очередь, оказывает влияние на формирование внутреннего объекта в психике ребенка. Мои клиенты, чьи родители в детстве умерли от онкологии особые трудности в формировании отношений с другими людьми и с самими собой. По- моим наблюдениям, в основе этих сложностей лежит не просто тревога и травма утраты. Состояние этих клиентов очень напоминает характер кумулятивной травмы.

Несколько иная картина предстает, когда клиент узнает о смертельном диагнозе родителя во взрослом возрасте. В этих случаях возникали трудности в выражении агрессии и выстраивании внутренних границ. Больной онкологией, находясь на длительном лечении и принимая сильно действующие препараты, личностно меняется. Он может становиться капризным, раздражительным, агрессивным. И это вызывает большие трудности у родных: чувство любви, привязанности и заботы, смешанные с чувством обиды и естественным желанием защитить себя, рождают сильное чувство тревоги и напряжения. Так же я наблюдала, что эти клиенты сталкиваются с переживанием чувства беспомощности и незащищенности, вызванными неожиданностью диагноза.

Помимо прочего, у этих клиентов смертельно опасный диагноз родного человека может актуализировать страх одиночества, травмы сепарации и травмы, связанные с объектными отношениями. И в этом случае мы уже имеем дело с иной парадигмой травмы: парадигма травмы в теории объектных отношений. И в своей

работе с такими клиентами я нахожу подтверждение мысли Баллинта о том, что чем тяжелее травма, тем больше нарушение объектных отношений. Иными словами, чем тяжелее клиент переживает диагноз близкого человека, тем более были нарушены отношения с родителями в детстве.

Таким образом, главная задача психотерапии с клиентами, переживающими смертельно опасную болезнь своих близких, является создание пространства, в котором клиент будет иметь возможность соприкоснуться со своими чувствами и принять их равноценность с чувствами самого больного родственника. Очень часто можно слышать от этих клиентов: «Я-то, что! Я здоров! А вот ему/ей сейчас нужна помощь» или «Да, что там говорить, это было давно».

В связи с этим, я считаю, очень важно создавать группы психологической поддержки для людей, чьи близкие имеют диагноз смертельно опасной болезни.

1. «Созидание и разрушение эмоциональных связей»/ Боулби Дж.// Академический проект, М., 2006.
2. «У последней черты. Смертельно опасная болезнь как путешествие души» / Болен Джин Шинода// Когито-центр, М., 2017.

Развитие коммуникативного компонента психологической готовности к оказанию помощи пострадавшим в экстремальной ситуации

Психологическая готовность, коммуникативный компонент психологической готовности, программа формирования и развития психологической готовности, психологическая готовность к деятельности по оказанию помощи пострадавшим

Изучение особенностей психологической готовности к оказанию помощи пострадавшим (ПГОПП) в экстремальной ситуации (ЭС) нами ведется с 2015 года в связи с необходимостью разработки специальных программ по подготовке населения к этому виду деятельности. Для оценки их эффективности нами создан опросник, позволяющий изучать уровень ПГОПП, которая предьявляет определенные требования к развитию волевых процессов, коммуникабельности, самоконтролю, саморегуляции, мотивационной направленности личности на другого человека и т.д.

На данном этапе нами апробируется программа, состоящая из 4 блоков, соответствующих структурным компонентам ПГОПП (познавательный, мотивационно-поведенческий, эмоционально-волевой и коммуникативный), выделенных в ходе теоретического анализа научной литературы, а затем уточненных в результате факторного анализа.

В данных тезисах мы остановимся на рассмотрении коммуникативного компонента, представляющего собой определенный уровень включенности человека в социальную среду, его возможности устанавливать взаимодействие с разными людьми и владения определенными навыками конструктивного общения. В рамках нашего исследования этот компонент был расширен за счет учета специфических особенностей деятельности в условиях ЭС. Человек, вступающий в процесс взаимодействия с пострадавшим должен уметь общаться с такой категорией лиц и налаживать взаимодействие с различными специалистами, привлеченными на место происшествия. Он должен уметь расшифровывать и использовать получаемую, благодаря всем трем компонентам общения (вербальный, невербальный и паравербальный), информацию, учитывать культуральные особенности пострадавших, а также обладать такими важными личностными качествами как эмпатия, толерантность и др.

В процессе оптимизации коммуникативного компонента ПГОПП мы акцентировали внимание на отношении людей к физическим и психологическим особенностям пострадавших.

Каждый блок программы рассчитан на 2,5 часа и в ней четко соблюдена структура тренинга, имеющего вводную (упражнение-приветствие и повтор правил групповой работы), основную (упражнения, например, «Невербальная коммуникация», «Невербальный контакт», «Что с тобой?», «Пустой стул», «Интервью», «Леопольд», «Моя проблема в общении» и др.) и заключительную части (подведение итогов, обратная связь). Все используемые задания объединены общей тематикой: налаживание коммуникаций с представителями различных социальных групп и с разными видами травм (физическими и психологическими).

На данный момент в апробации программы приняло участие более 50 студентов-психологов, которые смогли на занятиях побывать в роли условного пострадавшего и человека, оказывающего помощь. Это позволило им проникнуть в суть данной проблемы, ощутить зачастую предвзятое отношение к пострадавшему, возникающее по разным причинам, выявить факторы, влияющие на выстраивание коммуникации и т.д.

После каждого упражнения проводился фиксированный сбор обратной связи от участников занятия с целью обобщения и расширения имеющихся эмпирических данных, по рассматриваемой проблеме. Многие участники отмечали, что такая форма проведения занятий помогает принять собственный уровень ПГОПП, расширить представления о специфике оказания помощи пострадавшим, понять, что любой человек имеет право на гуманное отношение, в какой бы жизненной ситуации он не оказался, осознать ценность жизни, что повышает общий шанс на спасение.

Таким образом, на основе, получаемой в исследовании информации, можно заключить, что разработка и внедрение программы по развитию ПГОПП является актуальной в современных условиях развития общества. Самими участниками отмечается значимость, необходимость и эффективность этих занятий в плане личностного развития.

Проблема ресоциализации осужденных к длительным срокам лишения свободы

Уголовно-исполнительная система, осужденные к длительным срокам лишения свободы, ресоциализация осужденных, потенциал ресоциализации

Развитие уголовно-исполнительной системы России направлено на повышение эффективности процесса ресоциализации осужденных, формированию в процессе отбывания уголовного наказания качеств личности, способствующих восстановлению нарушенных социальных связей и идентификации личности как субъекта собственной жизнедеятельности. Такими качествами выступают законопослушность и социальность, призванные обеспечить соблюдение личностью правовых норм, ее ориентацию на социально полезный образ жизни (Пищелко А.В., Сочивко Д.В.). Значительное число психологов и педагогов обосновывают реальность возможности позитивного изменения личности осужденных (Пастушеня А.Н., Ковалев А.Г., Высотина Л.А., Стурова М.П., др.), несмотря на значительное десоциализирующее влияние на личность длительных сроков лишения свободы (более 5 лет), негативные личностные изменения, происходящие в условиях социальной изоляции под влиянием депривации, фрустрации значительного числа потребностей и ценностей личности (Антонян Ю.М., Пищелко А.В., Рогач В.Г.).

В 2019 году нами было проведено интервьюирование осужденных, повторно попавших в исправительные учреждения после отбытия длительных сроков лишения свободы (135 человек), а также проведен анализ данных специализированных Интернет-форумов, посвященных обсуждению проблем ресоциализации родными и близкими осужденных (200 человек). Анализ данных проводился с помощью контент-анализа и методов математической статистики (Ф* Фишера).

Выявленные в исследовании факторы, препятствующие успешной ресоциализации осужденных к длительным срокам лишения свободы, можно разделить на три группы: «сам человек», «другие люди» и «окружающий мир». Осужденные чаще отмечают влияние таких факторов, как «сам осужденный» (наличие зависимости от ПАВ, непризнание собственной ответственности и внешний локус контроля) и «окружающий мир» (трудности трудоустройства, отсутствие жилья и поддержки государства). Близкие осужденных чаще называют такие факторы, как «сам осужденный» (трудности адаптации к изменившемуся миру, рентная жизненная ориентация, проблемы саморегуляции — вспыльчивость, конфликтность) и «другие люди» (стигматизация в обществе, «выгорание» и отсутствие доверия у самих родственников). При этом у родственников отмечается самообвиняющая позиция (принятие на себя ответственности за неудачи бывшего осужденного в процессе ресоциализации). В то время как в ответах осужденных чаще наблюдаются внешнеобвинительные или самооправдывающие тенденции.

В исследовании также были выделены факторы, способствующие успешной ресоциализации осужденных после освобождения:

- социально-демографические (возраст, наличие образования, профессии, семьи и т.п.);
- социально-психологические (отсутствие аддикций, наличие устойчивых социальных связей, поддержка социально благополучного окружения, включенность в трудовую, учебную, культурно-массовую деятельность в учреждении, др.);
- социально-криминологические (характер преступления, срок лишения свободы, признание вины, отсутствие признаков криминальной зараженности, др.);
- психологические (мотивационная готовность к исправлению, «внутренний» локус контроля, эмоциональная устойчивость, когнитивный потенциал, сохранность морально-нравственной сферы, др.).

Данные факторы могут выступать в качестве критериев ресоциализации личности, при этом их можно разделить на статичные и динамичные (последние могут меняться в процессе исправления). Нами предложено рассматривать их в качестве пунктов шкалы потенциала ресоциализации личности, которая позволит оценить вероятность успешной ресоциализации осужденных после освобождения на основании оценки внешних и внутренних ресурсов личности.

1. Ломакина А.Н. Проблемы ресоциализации лиц, осужденных к длительным срокам отбывания наказания/ А.Н.Ломакин//Вестник Владимирского юридического института — 2015. — № 3 . — С.14.
2. Пастушеня А.Н. Психологическая диагностика степени исправления осужденных: основы теории и методики/А.Н.Пастушеня//Прикладная юридическая психология. 2015.

Тиссен Ю.А.
Новосибирск, НГПУ

Куприна Н.С.
Новосибирск, НГПУ

Суботялов М. А.
Новосибирск, НГПУ

Социально-психологические особенности студентов, занимающихся спасательным делом

Социально-психологические особенности, спасатели, спасательное дело

Профессиональная деятельность спасателей — один из наиболее важных и психологически напряженных видов социальной деятельности. Она входит в группу профессий с большим присутствием рисков [1]. Неопределенность складывающейся обстановки, постоянное ожидание опасности, необходимость непрерывного осмысления и анализ быстро меняющихся ситуаций, усиление внимания, столкновение с человеческим горем оказывают мощное и неоднозначное влияние на психику человека.

Работа спасателей требует мобилизации всех его физических и психических возможностей для эффективного решения поставленных задач.

Целью нашей работы было исследование социально-психологических характеристик студентов спасательного отряда «SALUS» при ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет», занимающихся спасательным делом. При организации комплексного исследования был проведён мониторинг социально-психологических параметров студентов, обучающихся спасательному делу до и после аттестации на статус спасателя с помощью теста «Социально-психологическая адаптация» (по Осницкому А.К.). Также были использованы: «16-факторный опросник Р. Кеттела», «Реактивная и личностная тревожность по Спилбергеру-Ханину», «Стрессоустойчивость (Т. Холмс, Р. Райх)».

В процессе исследования выявлено повышение уровень адаптивности. У юношей данный показатель увеличился со $155,7 \pm 2,9$ до $160,3 \pm 6$ баллов. У девушек со $144,4 \pm 2$ до $151,2 \pm 2,4$. Адаптивность помогает принять правильное решение и действовать в экстремальных и потенциально опасных ситуациях.

Эскапизм у юношей после аттестации уменьшился с $11,6 \pm 0,7$ до после $8,0 \pm 0,7$. Это значит, что курсанты студенческого спасательного отряда «SALUS» готовы воспринимать реальность, переходить к действиям, преодолевать возникающие трудности.

Показатели доминирования увеличились с $65,6 \pm 3,7$ до $76,4 \pm 2,5$ баллов после аттестации, что свидетельствуют о том, что курсанты готовы взять на себя ответственность и распределить роли при оказании первой помощи либо при чрезвычайной ситуации.

По методике Кеттелла достоверные различия выявлены по показателям F, G, H у юношей. Фактор F у юношей ($3,8 \pm 0,6$ до аттестации, $5,3 \pm 0,4$ баллов после аттестации) демонстрирует, что курсанты энергичны, жизнерадостны и, как правило, веселы

и подвижны. Фактор G у юношей ($7,3 \pm 0,8$ до аттестации, $9,2 \pm 0,4$ после аттестации) свидетельствует о том, что курсанты добросовестно выполняют все обязанности, настойчиво идут к своим целям — на них всегда можно положиться. Фактор H у юношей ($6,4 \pm 0,5$ до аттестации, $8,2 \pm 0,6$ после аттестации) демонстрирует возможность идти на риск, принимать неординарные решения.

По уровню тревожности студентов-спасателей выявлено достоверное уменьшение у юношей с $19,2 \pm 1,3$ баллов до аттестации до $15,4 \pm 1,1$ после аттестации. У девушек личностная тревожность уменьшилась с $36,0 \pm 1,6$ до $31,9 \pm 1,4$.

Стрессоустойчивость курсантов увеличивается, что свидетельствует о хорошей адаптации юношей ($163,3 \pm 9,3$ балла до аттестации, после аттестации — $151,7 \pm 6,3$) к новым профессиональным условиям как будущих специалистов службы спасения.

Таким образом, можно сказать, что дополнительное образование студентов, занимающихся спасательным делом, даёт положительные результаты. Это видно из динамики исследования социально-психологических особенностей студентов: повышается адаптивность, стрессоустойчивость, снижается тревожность, эскапизм, улучшаются личностные показатели.

1. Айзман Р.И., Айзман Н.И., Суботялов М.А. Психофизиологические основы профориентации учащихся. Новосибирск: НГПУ, 2009. 112 с.

Использование кейс-метода при проведении занятий по психологической подготовке пожарных и спасателей в рамках получения специальности и повышения квалификации

Кейс-метод, активные методы обучения, пожарные, спасатели, психологическая подготовка

Основной целью психологической подготовки является обеспечение условий для формирования и развития профессионально важных качеств и системы психологических знаний, которые необходимы для выполнения стоящих перед пожарными и спасателями задач. От степени сформированности этих качеств и знаний зависит успешность адаптации в коллективе, эффективность деятельности и сохранение профессионального здоровья.

Ограниченное количество часов на психологическую подготовку и разнородность учебных групп остро ставит вопрос о методах преподавания. Одним из способов повышения эффективности обучения является использование активных методов, в частности, кейс-метода. Под кейсом понимается сложная реальная или смоделированная ситуация, не имеющая однозначного решения, с отсутствием нужного количества информации, которую необходимо индивидуально или в группах проанализировать и решить. По сравнению с традиционными методами, кейс позволяет активизировать мыслительную деятельность обучающихся, содействует командной работе, интегрирует теоретическое и практическое знание, мотивирует на дальнейшее изучение материала.

При подготовке кейсов для специалистов экстремального профиля нужно учитывать ряд условий. Во-первых, наличие специфических особенностей и потребностей в обучении у обучающихся в рамках получения специальности и повышения квалификации. Привычная позиция ученика для них некомфортна. Потребность в получении новых психологических знаний может отсутствовать. Для них важно быть компетентными, в общении с коллегами, делиться собственным опытом и знаниями, оказывать помощь друг другу при выполнении заданий.

Во-вторых, выбор вида кейса оказывает влияние на процесс организации обучения и мотивацию обучающегося. Оптимально использование кейсов объемом 2-5 страниц. Это позволяет отработать необходимое качество и провести обсуждение без дополнительной самостоятельной подготовки. Увеличение объема кейса вызывает дополнительные обсуждения, не касающиеся темы, что, в свою очередь, снижает мотивацию обучающихся. Относительно содержания, специалисты активнее работают с кейсами, связанными с их профессиональной деятельностью, написанными интересным, простым и доступным языком.

В-третьих, разработка методической части кейса осуществляется с учетом особых требований. Например, этапов работы над кейсом. Чаще всего выделяют такие этапы, как: введение в кейс, ознакомление участников с ситуацией; индивидуальная разработка решения; разработка решения по подгруппам; презентация вариантов ре-

шения по каждой подгруппе; групповое обсуждение, подведение итогов, завершающее выступление преподавателя (Кутбиддинова, 2014). Наш опыт показывает, что особое значение на этапе введения в кейс имеют заранее подготовленные преподавателем стимулирующие вопросы. Они позволяют актуализировать знания обучающихся и сориентироваться в проблеме. Это делает для специалистов комфортным этап индивидуальной разработки решения. Так же следует прописать последовательность тех заданий, которые участники занятий должны выполнить в рамках этапа групповой разработки решения. Это дает возможность выбрать правильное направление хода обсуждения, уменьшает необходимость контроля над группой, позволяет эффективно реализовать намеченные образовательные цели.

Таким образом, мы считаем, что использование кейс-метода в психологической подготовке пожарных и спасателей в рамках получения специальности и повышения квалификации при учете соответствующих условий может стать эффективным средством конкретизации теоретических знаний. Он позволяет преодолеть основные недостатки традиционных методов. Полученный при решении кейсов опыт, специалисты могут использовать в своей практической деятельности при работе в условиях неопределенности и риска.

1. Кутбиддинова, Р.А. Использование кейс-метода для подготовки будущих психологов / Р.А. Кутбиддинова. — Текст : непосредственный // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. — 2014. — №9. — С. 153-161. — Рез. англ. — Библиогр.: с. 160 (5 назв.).

Экстремальные переговоры: типология стратегий взаимодействия в кризисной ситуации

Психология переговоров, стратегии переговоров, экстремальные переговоры, имитационное моделирование

В нашей работе предложен новый подход к анализу переговоров в кризисной ситуации (катастрофы, аварии и др.), в которой стороны выступают как партнеры в решении жизненно важной задачи. Исследования психологии переговорного процесса чаще направлены на изучение ситуации политического конфликта или коммерческого обмена (Цепцов, 2007).

Выделены основные психологические характеристики таких переговоров: экстремальные требования к психологическим ресурсам, вызванные эмоциональным состоянием, ограничениями времени, отсутствием сложившегося опыта решения сходных задач. Существенно нарушена структура переговорного процесса, что вызвано необходимостью быстрой организации общения и взаимодействия с неизвестными людьми, налаживание коммуникации в условиях помех, использования непривычных технических средств. В рамках теоретической модели мы определили экстремальные переговоры, как процесс общения и взаимодействия в ситуации, представляющей существенную угрозу, с целью снятия последней посредством решения задачи экстремальных переговоров.

Научная проблематика психологии экстремальных переговоров складывается на пересечении психологии стресса, когнитивных ресурсов и общения (Цепцов, Цулина, 2016) и если в психологии стресса и когнитивных ресурсов достаточно исследований о влиянии кризисных ситуаций на психические процессы, то психологические аспекты общения и взаимодействия остаются малоизученными. Мы полагаем что экстремальные переговоры меняют поведение участников переговоров и усиливают тенденцию к стереотипным стратегиям и тактикам взаимодействия. Это проявляется в структуре дискурса экстремальных переговоров, их динамике. Для того чтобы выявить психологические механизмы экстремальных переговоров необходимо изучить структуры и динамику дискурса. Одной из гипотез настоящего исследования было предположение о различии аргументативной или инструктивной стратегиях экстремальных переговоров.

Исследование проводилось методическим приемом имитационного моделирования переговоров в кризисной ситуации (сценарий «катастрофа», лимит времени, ответственность за результат). Видеозаписи процесса переговоров подвергались анализу экспертами. Единицами анализа были паттерны дискурса, характерные для стратегий, в качестве маркеров использовались вербально выраженные предложения о необходимости действий (аргументация), побуждение к действиям (инструкция).

Эффективность переговоров оценивалась по результату (достигнуто/не достигнуто за поставленное время) и типу (принято предложение одной из сторон дистрибутивный исход или учтены предложения сторон интегративный исход).

Результаты подтвердили, что в ситуации экстремальных переговоров инструктивного дискурса показатель интерактивности (число индикаторов интерактивности -«переходов» в дискурсе) был ниже, по сравнению с дискурсом аргументативным. Однако, это приводило к снижению качества переговорного процесса, которое выразилось в снижении числа альтернативных предложений, генерируемых сторонами.

Наличие инструктивного дискурса повышало уверенность у инициатора такой тактики в достижении цели переговоров, но вызывало снижение у контрагента. В то же время, в случае аргументативного дискурса, эта уверенность не была сходной у обеих сторон.

Сравнение влияния дискурсивных характеристик стратегии на исход переговоров подтверждает значимость этих параметров как для динамики процесса переговоров, так и для результата.

На основании исследования могут быть предложены рекомендации по использованию типологии стратегий и тактик на экстремальных переговорах на этапе решения задачи или выхода из экстремальной ситуации.

1. Цепцов В. А. Психологические детерминанты переговоров: индивидуальные особенности целеполагания // *Общение и познание* /Отв. ред. В. А. Барабанщиков, В. С. Самойленко. М., 2007. С. 274–299.
2. Цепцов В.А., Цулина В.В. Влияние силовой диспозиции на когнитивные и дискурсивные компоненты взаимодействия в процессе экстремальных переговоров.//*Организация дискурса и его психологическое воздействие* //

Психология в особых условиях: психологическая помощь в чрезвычайных ситуациях

Психология экстремальных ситуаций, чрезвычайные ситуации, экстренная психологическая помощь, психологическая служба МЧС России

Чрезвычайные ситуации, ввиду внезапности возникновения и катастрофичности последствий, имеют крайне высокую степень опасности для психического здоровья людей. Мы предполагаем, что эффективно реализованные мероприятия по оказанию экстренной психологической помощи пострадавшим в чрезвычайных ситуациях в острый период способствуют сохранению психического здоровья человека и являются важной составляющей возможности возвращения к нормальной жизни после переживания трагических событий.

Сегодня ни у кого не вызывает сомнения, что оказание экстренной психологической помощи (далее — ЭПП) населению, пострадавшему при чрезвычайных ситуациях (далее — ЧС), является не только неотъемлемой частью мероприятий по ликвидации последствий крупномасштабных ЧС, но и важнейшей составляющей реализации комплексного подхода оказания помощи людям, пережившим трагические события. Данное направление деятельности является специфическим, требующим уникальных навыков и профессиональных знаний от специалистов. Технологии оказания ЭПП, в том числе и технологии организации этой работы, применяемые специалистами психологической службы МЧС России, являются результатом ряда научных исследований и многолетнего практического опыта.

В Российской Федерации в контексте оказания психологической помощи пострадавшим в ЧС (при происшествиях), как правило, встречаются несколько понятий. Нам видится важным обозначить два из них и дать определения:

- Психологическая поддержка — набор простых приемов помощи и самопомощи, которые включены в алгоритм оказания первой помощи, и на ее оказание имеет право любой человек, прошедший специальную подготовку, в том числе не имеющий профильного психологического образования.
- Экстренная психологическая помощь пострадавшим в ЧС и их близким — это целостная система мероприятий, направленных на оптимизацию актуального психического состояния пострадавших, а также родственников и близких погибших и пострадавших в условиях ЧС, снижение рисков возникновения массовых негативных реакций и профилактику отдаленных негативных психических последствий, включающая в себя как отдельные специальные методы психологического воздействия, так и организацию особой среды, окружающей пострадавших, а также родственников и близких погибших и пострадавших в ЧС, в процессе ликвидации последствий ЧС. Данная деятельность является государственной функцией МЧС России, реализуемой психологической службой ведомства.

Основываясь на анализе многолетнего опыта работы психологов МЧС России при ликвидации последствий различных крупномасштабных ЧС, нами было выделено две основные группы параметров, являющихся объективными характеристиками. Условно мы обозначили их как:

- особенности региона (например, климатические условия; транспортная доступность; культурные, религиозные особенности; профессиональные нормы и др.);
- особенности ситуации (например, наличие погибших и/или пострадавших; характеристика группы пострадавших (профессиональный коллектив, дети, случайные люди и пр.); завершенность/незавершенность ситуации; степень нарушения условий жизнедеятельности и др.).

В докладе подробнее описываются группы представленных объективных характеристик, присущих конкретной чрезвычайной ситуации и определяют важность их учета при планировании, организации и реализации мероприятий по оказанию экстренной психологической помощи.

Безусловно, необходимый набор мероприятий всегда будет зависеть от конкретных условий ситуации и актуального психоэмоционального состояния людей, находящихся в ней. Однако своевременный комплексный учет специфических характеристик региона, чрезвычайной ситуации и психического состояния пострадавших позволяют наиболее эффективно организовать мероприятия по оказанию помощи пострадавшим в чрезвычайных ситуациях.

Опыт применения методики десенсибилизации и переработки движениями глаз при оказании помощи в ситуации психологической травмы

Методика десенсибилизации и переработки движениями глаз, психологическая травма, пострадавшие

Ежегодный рост числа чрезвычайных ситуаций и распространенности онкологической патологии в мире приводит специалистов психологов к поиску более эффективных методов оказания помощи людям, столкнувшимся с ситуациями угрозы жизни. Оказываясь в чрезвычайной ситуации, пострадавший получает не только телесную, но и психологическую травматизацию, вызванную угрозой жизни сочетанную с чувством беспомощности и безнадежности. Ситуация онкологического заболевания также может становиться источником психологической травмы для пациента, поскольку угрожает его жизни и вызывает чувство беспомощности от тяжело поддающегося лечению заболевания. В отдаленных последствиях для человека, психологическая травма ухудшает качество его жизни, и может приводить к формированию посттравматического стрессового расстройства. Сегодня актуален вопрос о поиске и использовании эффективных методов помощи таким пострадавшим и пациентам.

Метод десенсибилизации и переработки движениями глаз (ДПДГ) был разработан Ф. Шапиро (1987г.) для лечения посттравматических стрессовых расстройств. Основной упор в этой технике делается на искусственную активацию процесса ускоренной переработки и нейтрализации травматических переживаний или другой негативной информации заблокированных в нейронных сетях мозга. Ее целью является преодоление травматических переживаний. Движения глаз (аналогичные движениям глаз в фазу быстрого сна) используемые в процедуре запускают процессы быстрой переработки информации. Воспоминания, имеющие отрицательную направленность, переходят в нейтральную форму, а соответствующие им убеждения приобретают более адаптивный характер (Доморацкий В.А., 2007).

При реагировании на чрезвычайные ситуации нам необходимы эффективные и быстрые в применении методы краткосрочной помощи, позволяющие не только стабилизировать актуальное психическое состояние пострадавших, но снизить возможность развития ПТСР в отдаленных последствиях.

В нашей практике, с 2009 года по настоящий момент, методика ДПДГ показала себя очень эффективно при оказании помощи в максимальной приближенности к месту чрезвычайной ситуации (ДТП, техногенная авария на СШ ГЭС, землетрясение и др.). Признаками эффективности использования методики являются снижение интенсивности переживаемых чувств, расслабление мышц (в том числе лицевых), исчезновение «картинки события» перед глазами, стабилизация текущего психического состояния у пострадавших. Методика использовалась нами и в отдаленном времени после чрезвычайного события, при формировании и нарастании у

пострадавших симптомов ПТСР таких как нарушение сна, «картины события» перед глазами, интенсивные чувства страха, вины, тревоги, при формировании зависимого поведения они обращались к нам за психологической помощью. Использование методики ДПДГ помогло эмоционально переработать травматическую ситуацию, и улучшить качество жизни пострадавших.

При работе с онкологическими больными пациентами принцип оказания помощи оказался схожим. Выбиралось травматическое событие, приводящее к высокой интенсивности переживания страха сопряженное с угрозой жизни и чувством беспомощности в момент события (сообщение о диагнозе, о малой эффективности лечения или неблагоприятных результатах анализов, чувство страха при мысли о возможной скорой смерти). Эффективность метода для онкобольных пациентов заключалась в снижении интенсивности чувства страха, что позволяло получить эмоциональный ресурс для дальнейшего лечения.

При использовании данного метода необходима достаточная профессиональная подготовка психолога и наличие признаков психологической травмы у обратившегося. Противопоказаниями являются психотические состояния, эпилепсия, неспособность переносить высокий уровень тревоги.

1. Доморацкий В.А. Краткосрочные методы психотерапии. — М.: Издательство Института психотерапии, 2007. — 221с.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ДИАГНОСТИКА В СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Баринов П.Н.
Челябинск, ЮУрГУ

Ускова А.В.
Челябинск, ЮУрГУ

Личностные профили сотрудников пожарно-спасательных формирований с различными показателями успешности действий в непригодной для дыхания и зрения среде

Пожарно-спасательные формирования, экстремальные условия деятельности, индивидуально-психологические особенности

Боевая работа пожарного характеризуется огромным количеством стресс-факторов, что формирует потребность в исследовании индивидуально-психологических профессионально-важных качеств специалистов с целью прогнозирования успешности выполнения боевой работы в непригодной для дыхания и зрения среде (НДЗС) [1,2].

Гипотезой нашего исследования стало предположение о существовании взаимосвязи между индивидуально-психологическими особенностями пожарных и успешностью выполнения действий в НДЗС. Методики исследования: многостороннее исследование личности по Ф.Б. Березину; 16-ти факторный личностный опросник Кеттелла; Кольца Ландольта; Диагностика распределения и переключения внимания; Диагностика слуховой и зрительной памяти; Диагностика уровня тревожности Дж. Тейлора (адаптация Т.А. Немчина); Модифицированный личностный опросник Г. Айзенка. Выборку составили сотрудники пожарно-спасательных подразделений, всего 80 мужчин в возрасте от 20 до 45 лет и стажем работы от 1 года до 20 лет. По итоговым оценкам аттестации на право работы в средствах индивидуальной защиты (СИЗ) органов дыхания и зрения испытуемые были выделены в 2 группы. К группе «успешных» специалистов (43 чел.) были отнесены сотрудники, итоговая оценка по аттестации которых составила 4 балла и выше. К группе «неуспешных» (37 чел.) — сотрудники, чьи оценки достигли 3-х баллов и ниже.

Полученные результаты позволили составить усредненный профиль по методикам ММИЛ и 16 PF в группах «успешных» и «неуспешных» специалистов. Усредненные профили практически идентичны в обеих группах испытуемых. Такое совпадение профилей возможно связано с тем, что все специалисты проходили единую процедуру профессионально психологического отбора и были приняты на службу как соответствующие требованиям профессии. Получены достоверные различия между группами испытуемых в показателях точность и продуктивность внимания, объем слуховой и зрительной памяти. Указанные показатели заметно ниже в

группе «неуспешных» специалистов, в то время как в группе «успешных» специалистов значения находятся на среднем и высоком уровнях. Продуктивность, распределение и переключение внимания, в группе «неуспешных» специалистов, обладают более низкой выраженностью по сравнению с группой «успешных» специалистов, в то же время остаются на достаточно высоком уровне. В группе «неуспешных» специалистов выше количество ошибок, допущенных при выполнении заданий на распределение и переключение внимания. Также, различия были выявлены в показателях таких личностных характеристик, как уровень нейротизма и тревожности: они заметно выше в группе «неуспешных» специалистов.

Таким образом, выдвинутая нами гипотеза подтвердилась: успешность прохождения аттестации на право работы в средствах индивидуальной защиты органов дыхания и зрения, зависит от таких свойств внимания, как скорость, точность и продуктивность, объема зрительной и слуховой памяти, наблюдательности, на уровень которых, в свою очередь, оказывают влияние тревожность и нейротизм.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования полученных результатов при проведении профессионального психологического отбора [3], а также итоговой оценки аттестации специалистов на право работы в СИЗ органов дыхания и зрения. Кроме того, полученные в исследовании данные могут быть использованы при организации процесса обучения в рамках служебной подготовки личного состава пожарно–спасательных формирований.

1. Апарин, А.А. Система работы звена ГДЗС на основе передовых технологий / А.А. Апарин, О.Г. Волков, А.Н. Бочкарев, Д.Ю. Захаров. — Пожарная безопасность: проблемы и перспективы. — 2016. — №1. Т1. — С.296 — 298.
2. Грачев, В.А. Газодымозащитная служба: Учебно — методическое пособие / В.А. Грачев, В.В. Тербине

Психодиагностика осознанной саморегуляции профессиональной жизни

Осознанная саморегуляция, психологическая диагностика, субъект профессиональной жизни, карьера, целеположение

Осознанная саморегуляция профессиональной жизни в значительной мере обуславливает производительность труда, дисциплинированность, профессиональную успешность и прочие аспекты развития и функционирования личности как субъекта профессии.

В этой связи особую научную и практическую ценность приобретают методы психологической диагностики, предназначенные для выявления сформированности и функциональной оптимальности системы осознанной саморегуляции профессиональной жизни.

Первейшей задачей при разработке нового диагностического инструмента является обеспечение его содержательной валидности — соответствия содержания стимульного материала той области психических явлений, которая подлежит диагностике.

В этой связи в пилотажную версию опросника были отобраны 48 утверждений, направленных на диагностику сформированности функциональных блоков системы осознанной саморегуляции профессиональной жизни: целевого блока; модели значимых условий; блока планирования и программирования профессиональной жизни; блока контроля и оценки реальных результатов; блока коррекции всей системы саморегулирования.

Вошедшие в пилотажную версию опросника утверждения (N=48) в дальнейшем подверглись экспертизе на предмет содержательной валидности. Эксперты оценивали каждое утверждение с помощью баллированной шкалы на соответствие следующим критериям: лексическая простота; уникальность (низкие баллы приписывались утверждениям, которые полностью или частично повторялись, были схожими по содержанию). Данный критерий был введен с целью оптимизации последующей работы респондента с опросником; сбалансированность (оценке подвергалось количество утверждений, направленных на диагностику сформированности каждого из блоков системы осознанной саморегуляции личности).

Утверждения, набравшие по итогам экспертного оценивания минимальное количество баллов, были отсеяны, что позволило сократить стимульный материал опросника до 30 утверждений.

Сконструированный опросник был подвергнут апробации на репрезентативной выборке (1193 человека).

В ходе проверки дискриминативности опросника было отсеяно 5 пунктов с недопустимо низким показателем. Оставшиеся 25 утверждений полностью удовлетворяли требованиям дискриминативности и внутренней консистентности (коэффициенты дискриминативности — от 0,29 до 0,56 при среднем показателе 0,43;

коэффициент надежности α -Кронбаха — 0,87). В таком варианте опросник был подвергнут оценке расщепленной надежности: коэффициенты расщепленной надежности Спирмена-Брауна ($r_{SB} = 0,81$) и Гутмана ($r_{Guttman} = 0,83$). Полученные результаты указывают на высокий уровень надежности разработанного опросника.

В силу того, что утверждения охватывают все блоки осознанной саморегуляции (целеполагание, моделирование, планирование, контроль, оценка, коррекция и практическая реализуемость намерений) пункты опросника были объединены в одноименные шкалы и подвергнуты проверке дискриминативности и надежности (коэффициенты дискриминативности — от 0,21 до 0,56; коэффициент надежности α -Кронбаха — от 0,56 до 0,87). Способ расщепления опросника на шкалы соответствует теоретическим взглядам на осознанную саморегуляцию профессиональной жизни.

Опросник «Саморегуляции профессиональной жизни» (СПЖ) является одним из первых инструментов диагностики осознанной саморегуляции карьеры и её структурных звеньев. Окончательная редакция опросника, таким образом, включает 25 утверждений, разбитых на 6 шкал. Согласно проведенному анализу, пункты, вошедшие в данную версию опросника, характеризуются достаточно высокой дискриминативностью, а шкалы — удовлетворительным уровнем консистентной надежности. Методика пригодна для использования в научных и практических целях

Исследование проводилось при поддержке гранта БРФФИ № Г19М-065 от 02.05.2019 г. «Психологические факторы раскрепощения деловой инициативы студенческой молодежи»

Диагностика использования математико-статистических методов в психологических исследованиях по текстовым данным резюме с помощью нелинейных алгоритмов

Математические методы в психологии, психологические исследования, нейронные сети, тексты, PsycARTICLES, поисковые базы данных

В задачи нашего исследования входило изучение динамики применения различных математических методов в ведущих международных журналах APA. Для этих целей с помощью поисковых алгоритмов базы PsycARTICLES были отобраны статьи из 8 журналов (Горбунов И.А. 2019). В поисковых запросах к базе были введены ключевые слова, относящиеся к 34 математическим методам.

После частичной проверки полученных данных (392 статьи из выборки были проверены экспертами) оказалось, что поисковый алгоритм PsycARTICLES выдает ошибки по различным методам: до 29% ошибочных отнесений. При этом существуют отдельные периоды времени, в которых наблюдаются систематические ошибки алгоритма поиска, которые отмечаются в других работах (Piotrowski С., Perdue В. 2003).

Исходя из этого, мы решили провести коррекцию, полученных поисковым алгоритмом данных для повышения их точности. Входными данными для корректирующего алгоритма были частоты используемых слов в названии и абстракте статьи, а также исходное решение поискового алгоритма базы об использовании этого метода.

Алгоритм разрабатывался на основе моделей нейронных сетей реализованных в пакете Deep learning в приложении Matlab v.R2019. Для обучения правильному распознаванию метода в статье мы использовали трехслойный перцептрон (функция patternnet) с функцией ошибки вычисляемой как кроссэнтропия, и алгоритмом обратного распространения ошибки с коррекцией методом масштабированного сопряженного градиента (Алгоритм Левенберга-Макквардта). Для каждого метода подбиралась наилучшая нейросеть. Так как на качество обучения влияет как размер скрытого слоя, так и начальная конфигурация весов (Хайкин С. 2008), то при обучении варьировался размер скрытого слоя от 2 до 30 нейронов, для каждого размера выбирали наилучшую из 12 сетей, по проценту ошибок распознавания. Для исключения эффекта переобучения использовано случайное разделение выборок на обучающую — 65%, тестовую — 15% и контрольную 20%.

Подбор входного набора данных. При ограничении перечня слов в абстракте до частоты встречаемости >500 раз во всей выборке, словарь слов в абстрактах достигал 1015 слов, не считая слов в названии статьи. В результате весь набор входных параметров для обучения составлял 2044. Включение всех входных параметров во входной слой было невозможно, вследствие эффектов переобучения (Хайкин С. 2008).

Поэтому необходимо было произвести индивидуальный подбор входных данных для каждого метода. Мы использовали следующий алгоритм:

1. Входным параметром назначаем переменную: «результат подбора поисковым алгоритмом PsycARTICLES»

2. Обучается оптимальная сеть с перебором размеров и начальных точек

3. Если входных параметров больше 2, проверяем, лучше ли диагностирует нейросеть. Если не лучше, удаляем параметр из входных

4. Если неудачных добавлений параметров более 30 запоминаем результаты, и выходим из алгоритма

5. Вычисляется функция ошибки для всех данных.

6. Коррелируем массив ошибок со всеми возможными входными переменными.

7. Самую скоррелированную с ошибкой переменную, добавляем на вход и переходим к пункту 2.

Длительность работы алгоритма на ПК с процессором Intel Xeon E3-1220 3.0ГГц порядка 32 часов. В результате обучения прирост точности диагностики каждого метода, в среднем улучшился в 2.96 раз. Удалось улучшить точность выявления использованного математического метода во всех случаях. Полученные нейросети провели диагностику на оставшихся 33627 статьях, что позволило эффективнее продолжить анализ динамики использования математических методов.

1. Горбунов И. Использование программного ""Робота"" при анализе статистической практики (на примере базы PsycARTICLES) // В книге: Ананьевские чтения — 2019, С-Пб, 2019. С. 154-155.

2. Хайкин С. Нейронные сети: полный курс, 2-е издание. — Издательский дом Вильямс, 2008.

3. Piotrowski C. et al. The PsycARTICLES database: Attributes and limitations // Perceptual and motor skills. — 2003. — Т. 97. — №. 3. — С. 993-994.

Исследование выполнено при поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-013-00279

Дорошева Е.А.

Новосибирск, Новосибирский государственный университет, Институт физиологии и фундаментальной медицины СО РАМН, Новосибирский государственный медицинский университет

Гольдфельд С.В.
НГУ

Интенсивность мыслительного потока во взаимосвязи с алекситимией и дисрегуляцией эмоций

Мыслительный поток, алекситимия, дисрегуляция эмоций, руминации, подавление мыслей

Организация мыслительного потока является одним из ключевых факторов когнитивного функционирования личности. Изменения его структуры связаны с формированием психопатологических симптомов (Давтян и др., 2017; McCarthy-Jones, Fernyhough, 2011), а направленная перестройка может вести к повышению психического здоровья и благополучия (Chiesa, Serretti, 2001). Представляет интерес изучение связи интенсивности мыслительного потока с особенностями функционирования и регуляции аффективно-когнитивной сферы.

Выборка исследования составила 694 человек (465 женщин и 229 мужчин в возрасте от 13 до 85 лет).

Сконструирован опросник, выявляющий характеристики мыслительного потока. Он включил 27 пунктов, оцениваемых по пятибалльной шкале (1 — никогда, 5 — очень часто). В пунктах, описывающих внутренний диалог с собеседником, уточнялось, кто им является.

Методом главных компонент с вращением Варимакс выявлено шесть факторов: наличие воображаемого собеседника, наличие собеседника — значимого человека, внутренние споры, рассказы самому себе, не контролируемые ответы себе во внутреннем диалоге, усиление обращений к воображаемому собеседнику в состоянии стресса. Внутренняя согласованность выделенных шкал оказалась хорошей (от 0,79 до 0,94). В итоговые шкалы вошло 25 пунктов.

Описана статистика распространенности выделенных компонентов мыслительного потока (в частности, представляет интерес наличие «отчужденных» от личности, неконтролируемых ответов себе на условно здоровой выборке — так, во внутренних спорах их как очень частые отметили 6,6 % респондентов, как частые — 11,5%).

Также респонденты заполняли Торонтскую алекситимическую шкалу (TAS-26), шкалу руминаций и опросник подавления мыслей, вызывающих нежелательные эмоции (Дорошева, Князев, 2017).

Выделяли группы людей с алекситимией (74 и более баллов по TAS-26, 179 человек: 126 женщины, 53 мужчины), без алекситимии — (62 и менее баллов, 271 человек: 163 женщины, 103 мужчины).

Сравнение с помощью t-критерия Стьюдента показало, что для людей с алекситимией характерна большая интенсивность всех выделенных компонентов мыслительного потока (высокозначимые различия групп). Корреляционный анализ по

Пирсону на общей выборке выявил значимые невысокие положительные корреляции всех шкал опросника и алекситимии (r от 0,08 до 0,13).

Для руминаций в целом и их компонентов (навязчивых размышлений, навязчивых депрессивных переживаний, рефлексии) и склонности к подавлению мыслей, вызывающих нежелательные эмоции, также показаны прямые высокозначимые корреляции как всех пунктов разработанного нами опросника, так и для всех его шкал (r от 0,4 до 0,28).

Рассматриваемые дезадаптивные способы регуляций эмоций, по-видимому, прямо отражаются в усилении мыслительного потока, характерном для руминаций и ожидаемом при подавлении нежелательных мыслей (которое приводит к их спонтанному появлению и, возможно, к попыткам заменить их размышлениями другого характера). Представляет интерес то, что и руминации, и подавление мыслей вносят заметный вклад в общий мыслительный поток (специфического усиления отдельных его компонентов не выявлено).

При алекситимии интенсификация мыслительного потока может быть компенсаторным механизмом, заменяющим недостаточность рефлексии собственных и чужих эмоций.

1. Давтян Е.Н., Ильичев А.Б., Давтян С.Э. Симптом диалогического расщепления «я» как начальный этап нарушения внутренней речи при шизофрении. Психиатрия и психофармакотерапия. 2017; Т.6, №19. С. 62-70.
2. Дорошева Е.А., Князев Г.Г. Психометрические свойства трех опросников регуляции эмоций // Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Современные проблемы клинической психологии и психологии личности», 2017. С. 193-198.
3. Chiesa A., Serretti A. Mindfulness based cognitive therapy for psychiatric disorders: A systematic review and meta-analysis // Psychiatry Research, 2001. — V. 187. P. 441-453.
4. McCarthy-Jones S., Fernyhough C. The varieties of inner speech: Links between quality of inner speech and psychopathological variables in a sample of young adults // Consciousness and Cognition, 2011. №20. P. 1586–1593.

Особенности психодиагностики профессиональной направленности личности студентов специальности «Психология служебной деятельности»

Профессиональная деятельность, профессиональная направленность личности, студенты, психология служебной деятельности, курс обучения, психодиагностика, методика

Профессиональная направленность личности — это, прежде всего, одна из разновидностей общей направленности личности, которая обладает своей спецификой, особым содержанием и характеристиками [2]. В структуру профессиональной направленности входят профессиональные ценностные ориентации, интересы, установки, мотивы и отношения. В процессе профессионального становления личности эти компоненты изменяются, образуют разнообразные сочетания и взаимосвязи, что приводит к возникновению относительно устойчивых комплексов направленности [1]. В ходе профессионального становления личности эти составляющие могут изменяться, и образовывать между собой различные взаимосвязи и сочетания.

В научной литературе отмечается, что именно студенческий возраст является наиболее ответственным и важным для формирования личностных и профессиональных особенностей человека, особенно это касается профессии психолога [3]. Психология служебной деятельности — это достаточно новая и востребованная практикой специальность. Однако, методическая, диагностическая и экспертная функция ее психологического сопровождения еще недостаточно изучены и представлены в современной психологической литературе. Поэтому психодиагностика составляющих профессиональной направленности личности студентов, обучающихся по специальности «Психология служебной деятельности» является достаточно значимой и актуальной проблемой для исследования.

Исследование проводилось на базе Гуманитарно-педагогического института СевГУ среди студентов четвертого курса специальности «Психология служебной деятельности». В исследовании приняли участие 30 студентов в возрасте 20-23 лет, среди них 5 юношей, остальные — девушки. Диагностический комплекс был представлен набором: тест-опросник для определения уровня профессиональной направленности Т.Д. Дубовицкой; методика на определение типа направленности личности практического психолога Т. Н. Даниловой; «Мотивы выбора профессии» Р.В. Овчаровой и анкетирование с целью выявления профессиональных интересов.

Обобщение результатов эмпирического исследования показало, что студенты стремятся к овладению избранной профессией, получаемая профессия им нравится, в будущем они хотели бы работать и совершенствоваться по выбранной специальности. У более, чем половины студентов (60%) определен высокий уровень профессиональной направленности личности, преобладает гуманистический и экзистенциальный типы профессиональной направленности личности психолога (44% и 20% соответственно). Такие результаты могут свидетельствовать о том, что у значительного числа обследованных студентов цели, интересы и потребности других

людей имеют первоочередное значение. Установлено преобладание позитивных профессиональных интересов, внутренних индивидуально значимых мотивов.

Однако, у части обследованных студентов (20%) выявлены показатели, характеризующие слабую сформированность профессиональной направленности (низкий общий уровень профессиональной направленности, прагматический и эгоцентрический тип, преобладание внешних положительных мотивов). Такие студенты нуждаются в психологическом сопровождении процесса профессионального становления личности [2].

Возможно, использованный комплекс методик несовершенен и требует более дифференцированного рассмотрения, однако его применение может рассматриваться как инструментарий для мониторинга качества личностно ориентированной профессиональной подготовки специалистов в области психологии служебной деятельности.

1. Зеер, Э.Ф. Личностно-ориентированное профессиональное образование / Э.Ф. Зеер. — Екатеринбург: Из-во УГППУ, 2013 — 126 с.
2. Зеер, Э. Ф. Психология профессионального образования : учебник для вузов / Э. Ф. Зеер. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2020. — 395 с.
3. Серый, А. В. Ценностные ориентации личности в структуре профессионально значимых качеств практических психологов: Автореферат; канд. псих. наук. — под ред. А.В. Серый/ Иркутск, 2015. — 25 с.

Личностные корреляты антисоциальной креативности

Креативность, антисоциальная креативность, ценности социального фокуса, агрессия, враждебность, доброжелательность, макиавеллизм, психопатия

В современном мире меняющиеся условия требуют от человека творческого подхода к решению проблем. Актуальность исследования заключается в возрастающей потребности общества в людях, которые могут нестандартно и неординарно решать возникающие проблемы. В последние годы наблюдается интерес к изучению негативной и антисоциальной креативности. Негативный креативный потенциал может проявляться в обыденной жизни — во лжи и обмане, злословии, отказе от сотрудничества, манипулятивном поведении, в физической и пассивной агрессии. В современном мире существуют провоцирующие условия для проявления негативной креативности в обыденной жизни: люди придумывают новые способы отомстить своему обидчику, нарушить общественные традиции и нормы, избежать наказания за свои поступки [3].

Антисоциальная креативность — это применение креативного потенциала с осознанным и преднамеренным желанием причинить вред другим. Это то, что Кропли, Кауфман и Кропли назвали «вредоносной» или «антисоциальной» креативностью. Творческое поведение может быть понято как позитивное или негативное, если принять во внимание намерения, что помогает дифференцировать вредоносную креативность от негативной креативности [5].

Целью нашего исследования была адаптация русскоязычной версии опросника «Поведенческие особенности антисоциальной креативности» на выборке жителей г. Ташкента, а также изучение взаимосвязи антисоциальной креативности с диспозиционными личностными чертами, ценностями и чертами Темной триады. В исследовании приняли участие 130 человек от 20 до 65 лет. Методиками исследования являлись: методика «Альтернативное использование предметов» АУТ, адаптированный опросник «Поведенческие особенности антисоциальной креативности» [3], опросник агрессии Басса—Перри [2], HEXACO-100, Опросник «Тёмная триада» [1], Портретный ценностный опросник Шварца [4].

Согласно результатам нашего исследования, была выявлена положительная связь между просоциальной креативностью и антисоциальной креативностью, а именно значимые умеренные связи между показателями оригинальности в ситуациях с положительной и отрицательной коннотацией, а также связи между показателями по методике АУТ и показателями по социальным ситуациям.

Антисоциальная креативность в целом и на уровне отдельных шкал негативно коррелируют с социально одобряемыми чертами (честность, скромность, доброжелательность и экстраверсия), позитивно коррелирует с социально неодобряемыми

чертами (агрессия, враждебность, макиавеллизм и психопатия), а также с открытостью к новому опыту. Помимо этого, были выявлены не очень высокие отрицательные корреляции с ценностью «Традиция».

В заключении нами был построен профиль антисоциально-креативной личности: низкий уровень честности, скромности и доброжелательности, склонность к манипулированию другими людьми (макиавеллизм), отсутствие боязни быть пойманными (психопатия), высокие уровни враждебности и физической агрессии, а также сниженная значимость традиционных ценностей. Необходимо отметить, что люди, креативные в генерации идей в позитивном плане, будут также креативны в генерации идей в ситуациях, где им необходимо обмануть или отомстить другим.

1. Егорова М.С., Ситникова М.А., Паршикова О.В. Адаптация Короткого опросника Темной триады // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 43. С. 1.
2. Ениколопов С.Н., Цибульский Н.П. Психометрический анализ русскоязычной версии опросника диагностики агрессии А. Басса и М. Перри // Психол. журн. 2007. № 1. С. 115—124.
3. Мешкова Н.В., Ениколопов С.Н., Митина О.В., Мешков И.А. Адаптация опросника «Поведенческие особенности антисоциальной креативности» // Психологическая наука и образование. 2018. Т. 23. № 6. С. 25—40.
4. Шварц Ш., Бутенко Т.П., Седова Д.С., Липатова А.С. Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9. № 1. С. 43—70.
5. Cropley D.H., Cropley A.J., Kaufman J.C., Runco M., The dark side of creativity. New York, NY: Cambridge University Press, 2010.

Две методологии в психологии

Математические методы, корреляционная психология, методология, журналы

Продолжая исследование проблемы использования количественных методов в психологии, в этом исследовании мы сосредоточились на проверке гипотезы о существовании двух методологий психологии. Об этом феномене в психологии говорил еще Л. Кронбах в 1957 г. в президентском обращении к членам АПА. (Cronbach L.J., 1957)

Выборку составили 24657 статей из 8 журналов (American Psychologist, Journal of Abnormal Psychology, Journal of Applied Psychology, Journal of Comparative Psychology, Journal of Educational Psychology, Journal of Experimental Psychology: General, Journal of Personality and Social Psychology, Journal of Consulting and Clinical Psychology), издающихся АПА. Анализировалось использование следующих методов: ANOVA, t Student's test, correlational analysis, factor analysis, reliability analysis, regression analysis, SEM. Методы были объединены в две латентные переменные.

Процедура исследования включала несколько этапов: 1. подготовка данных к анализу, в том числе с использованием нейронных сетей, 2. расчет общей факторной модели математических методов для всех журналов (ЭФА); 3. расчет основной и двух альтернативных структурных моделей (SEM).

Оценка полноты имеющихся данных по БД Scopus показала, что до 1985 г. удалось выявить 38,5% статей, начиная с 1985 г. уже лучше — 66,5% (в целом 24657 статей из 57491). Результат можно считать хорошим, т.к. полного совпадения быть изначально не могло, ведь далеко не во всех статьях использовались какие-либо количественные методы. Подробнее о методике сбора данных смотрите (Горбунов И.А., 2019).

Модели SEM включали следующие переменные: цитирования (общая сумма цитирований по БД Scopus), методология (статьи из журналов смешенной методологии — 0, или из Journal of Experimental Psychology — 1), информация о годе выхода статьи (до 1957, 1958-1985, после 1985). Альтернативные модели отличалась направлением связей между факторами и методологией, или тем, что переменная методология была исключена.

Полученная основная структурная модель имеет характеристики: $X^2=28.343$, $df=20$, $p=0.102$, $X^2/df=1.417$, $CFI=1.000$, $GFI=1.000$, $RMSEA=0.004$, $PCLOSE = 1.000$. Интерпретация этой структурной модели показала, что корреляционные методы менее часто встречаются в Journal of Experimental Psychology, чем методы выборочного сравнения ($\beta = -0.15$ против $\beta = -0.04$). Общее количество цитирований статей зависит от использования методов выборочного сравнения ($\beta = 0.15$), а также непосредственно от двух методов: ANOVA ($\beta = -0.11$) и корреляций ($\beta = 0.03$). В целом количество случаев использования методов выборочного сравнения положительно влияет на количество случаев использования корреляционных методов ($\beta = 0.24$). Важно, что в основной модели именно факторы математических методов вли-

яют на методологию. Также выявлено три направленных связи от методологии к конкретным методам: к SEM ($\beta = 0.03$), к факторному анализу ($\beta = -0.02$) и корреляциям ($\beta = -0.05$). Также было обнаружено влияние года на конкретные методы.

В целом модель подтверждает идею существования двух методологий в психологии.

1. Горбунов И.А. Использование программного «робота» при анализе статистической практики (на примере базы PsycARTICLES) // Ананьевские чтения — 2019: Психология общества, государству, политике. Материалы международной научной конференции. 2019. С. 154-155
2. Cronbach L. J. The two disciplines of scientific psychology // American psychologist. 1957. Vol. 12. №. 11. P. 671-684

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-013-00279

Наследов А.Д.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Ткачева Л.О.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Мирошников С.А.
Санкт-Петербург, ООО "Лонгитюд"

Разработка скрининговых шкал для диагностики нарушений психического развития детей дошкольного возраста в России: психометрический подход

Задержка психического развития, расстройства аутистического спектра, скрининговые шкалы, сбор данных онлайн

Известно, что чем раньше диагностировано нарушение психического развития ребенка, тем эффективнее коррекционные мероприятия. Для раннего выявления нарушений развития во всем мире используются различные скрининги. Однако в России существует дефицит современных нормированных на российской популяции скринингов и их разработкой для детей 3-6 лет занимается наша группа. Целью нашего исследования является разработка шкал для мониторинга психического развития детей 3-6 лет, позволяющих получить достоверные результаты с помощью современных информационных технологий, в отношении таких нарушений развития, как задержка психического развития (ЗПР) и расстройства аутистического спектра (РАС).

В последнем завершенном этапе исследования разрабатывались короткие шкалы для выявления риска ЗПР (Наследов и др., 2019). Обследовано 2700 детей, из них 252 ребенка с диагнозом ЗПР, в возрасте от 3 до 7 лет. Для сбора данных использовалась методика «Многофакторное исследование развития» в составе ПО «Лонгитюд» (Иванова, Мирошников, 2001), включающая 502 задания для детей дошкольного возраста. Разработка шкал производилась для каждого из 4-х годовых периодов в следующей последовательности. С применением дискриминантного и факторного анализа выявлялся набор шкал, наиболее точно предсказывающих Диагноз (принадлежность к группе Норма и ЗПР). Проверялась надежность шкал, точность прогноза и относительный вклад предикторов Диагноза. Применялось моделирование структурными уравнениями для выявления структуры влияния шкал и возраста на прогноз Диагноза. Для каждого возраста разрабатывались тестовые нормы, позволяющие оценить вероятность ЗПР с учетом возраста ребенка в днях. Для каждого возраста получен набор 3-5 шкал, длиной от 19 до 35 пунктов каждый. Наибольший вклад в предсказание диагноза вносят шкалы (в порядке убывания): «Логическое суждение», «Моторика» и «Общая осведомленность». Эти шкалы оказались ведущими для детей 3-5 лет. Дополнительно, для 3-леток выделена шкала «Исполнительные функции». Принципиальным отличием 6-летних детей от более ранних возрастов является то, что наибольшим весом в различении групп «Норма» и «ЗПР» у них обладают новые шкалы — «Произвольное внимание» и «Счет». Точность предсказания Диагноза при помощи разработанных шкал не ниже 90%.

Проводился также анализ данных детей с РАС, прежде всего с точки зрения применимости используемых методов сбора данных и их статистического анализа. Выяснилось, что задания, пригодные для детей с ЗПР, в случае РАС дают неопределенный результат, и в этом случае для диагностики более специфическими признаками являются характеристики поведения, социального взаимодействия и особенностей восприятия, сведения о которых могут быть получены в результате опроса ближайшего окружения ребенка. Для следующего этапа исследования, направленного на выявление достоверных прогностных паттернов РАС разработано новое ПО, позволяющее проводить сбор данных онлайн, фиксируя формализованные наблюдения ближайшего окружения ребенка, и экспортировать данные в массив для статистического анализа. Формализованные наблюдения сгруппированы в 11 разделов: Интересы ребенка, Эмоции, Речь, Социальное взаимодействие, Коммуникация, Игра, Самообслуживание и независимость, Поведение, Познавательные функции, Физическое развитие, Сенсорные процессы. В каждый раздел входит от 1 до 5 групп из 5-10 утверждений, характеризующих ребенка, которые предлагается отметить наблюдателю. В частности, используются мультимедийные стимульные материалы, для наблюдения реакций детей, в том числе и тех, кто не вступает в контакт с наблюдателем.

1. Наследов А., Мирошников С., Ткачева Л. Психодиагностика риска задержки психического развития детей дошкольного возраста. Монография — М.: Мир науки, 2019.

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ №20-013-00312 «Исследование прогностных индикаторов расстройств аутистического спектра у детей в возрасте 3-4 лет»

Руминации и рефлексия: субъективная иллюзия сходства у больных депрессиями

Руминации, рефлексия, когнитивные факторы, депрессивные расстройства, хронификация

Введение. Понятие руминаций включает повторяющиеся неприятные размышления. Их основная отличительная черта — непродуктивный характер, мысленное «хождение по кругу». Руминации являются фактором риска возникновения и хронификации в первую очередь депрессивных расстройств, однако выступают и трансдиагностическим фактором риска.

Одно из метакогнитивных убеждений, которое поддерживает руминации — это идея их «полезности», возможности улучшить самочувствие (разрешить жизненные проблемы, избежать повторения неприятностей в будущем и т.п.) благодаря глубокому обдумыванию его причин. Отдельные психологические рекомендации, при их неточном восприятии, подкрепляют руминации — например, идея о том, что негативный опыт нужно тщательно «переработать», чтобы не вытеснять его остатки в виде напряжения. Руминации для пациентов с одной стороны, тягостны, неприятны и как будто бесполезны, а с другой — могут выглядеть как адаптивные рефлексивные процессы.

Для оценки руминативного мышления часто используется Шкала руминативного мышления (Nolen-Hoeksema, Morrow, 1991), в которой выделена подшкала рефлексивных руминаций (Treyner et al, 2003). Авторы не подвергают сомнению тезис о принципиальной непродуктивности руминативного мышления, но предполагается, что некоторые из описанных в опроснике действий (подразумевающие намеренное участие во внутреннем, мысленном решении проблемы — рефлексивные действия) могут быть достаточно успешны для снижения депрессивных симптомов. Вопрос о возможности подобной условно адаптивной рефлексии, о соотношении руминаций и рефлексии при депрессиях остается недостаточно изученным (Joormann et al, 2006; Whitmer, Gotlib, 2011).

Результаты и обсуждение. В настоящем исследовании проводилась валидизация Шкалы руминативного мышления (Nolen-Hoeksema, Morrow, 1991). 22 вопроса, представляющие темы руминативных размышлений, объединены в подшкалы депрессивных, аффективно-центрированных и рефлексивных руминаций.

В исследование были включены 22 пациента с депрессивными расстройствами (F 32.X, 33.X) 18-54 лет, в контрольную группу — 240 испытуемых в возрасте 17-63 лет.

Эксплораторный факторный анализ с применением косоугольного вращения в контрольной группе (без включения группы больных депрессиями) показал валидность трехфакторной структуры и выделения подшкалы «рефлексивных руминаций»

(CFI = 0.91, RMSEA = 0.069, $\chi^2/df = 1.41$, α -Кронбаха всего опросника = 0.91). Однако при включении в анализ подгруппы больных депрессиями факторная структура искажалась, «смешивая» факторы. Факторная нагрузка вопросов, относящихся к шкале рефлексии, снижалась, а один из вопросов, ранее отнесенный к фактору депрессивных руминаций, со включением депрессивных больных перешел к группе «рефлексивных».

Несмотря на то, что для проведения факторного анализа только на выборке лиц с депрессивными расстройствами ее объем был недостаточным, результаты предвзвешенно говорят в пользу гипотезы о невыраженности фактора рефлексии и «смешении» его с остальными руминациями у больных депрессиями, что подтверждается данными литературы.

Выводы: При депрессивных расстройствах может существовать иллюзия рефлексивного и адаптивного характера руминаций, которая выступает препятствием для конфронтации с собственно руминативным мышлением.

1. Nolen-Hoeksema S., Morrow J. (1991). A prospective study of depression and posttraumatic stress symptoms after a natural disaster: The 1989 Loma Prieta earthquake. *Journal of Personality and Social Psychology*, 61, 115–121.
2. Whitmer A., Gotlib I.H. (2011). Brooding and reflection reconsidered: A factor analytic examination of rumination in currently depressed, formerly depressed, and never depressed individuals. *Cognitive Therapy and Research*, 35(2), 99–107.
3. Joormann J., Dkane M., Gotlib I.H. (2006). Adaptive and maladaptive components of rumination? Diagnostic specificity and relation to cognitive biases. *Behavior Therapy*, 37, 269–280

Исследование самооценки мотивационной готовности специалистов-психологов РСЧС к оказанию экстренной психологической помощи при ЧС и пожарах

Мотивационная готовность, экстренная психологическая помощь, самооценка, психологи

В условиях чрезвычайных ситуаций (ЧС) и при пожарах для оказания экстренной (ЭПП), а также пролонгированной психологической помощи пострадавшим и родственникам погибших и пострадавших привлекаются психологи системы единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций (РСЧС). Для повышения эффективности взаимодействия психологов РСЧС с психологической службой МЧС России, а также с целью профилактики возникновения профессиональных деструкций актуальным является изучение мотивационной готовности психологов РСЧС к данному виду деятельности. Как указывают Н.Ю. Марчук и Л.В. Карапетян (Марчук, Карапетян, 2017), мотивационная готовность — особое состояние мотивационной сферы специалиста, обеспечивающее его активность по реализации профессиональных функций, необходимых в (за)данных условиях конкретной деятельности. Адаптируя модель Е.В. Вороновой (Воронова, 2018), мы предлагаем изучать мотивационную готовность на двух уровнях: общем (общая мотивационная направленность на психологическую деятельность, включающая в себя мотивацию достижения, отношение к профессиональной деятельности в целом, осмысленность и продуктивность собственной жизни) и специфическом (готовность к оказанию именно ЭПП).

Цель исследования — изучение взаимосвязи самооценки мотивационной готовности с показателями общего и специфического (конкретные мотивы) уровней. В выборку вошло 63 психолога организаций РСЧС Свердловской и Курганской областей. Общая мотивационная направленность изучалась с помощью теста смысложизненных ориентаций (адаптация Д.А. Леонтьева), опросника «Мотивация успеха и боязнь неудачи» (А.А. Реан), методики диагностики мотивации к достижению успеха и мотивации избегания неудач (Т. Элерс), опросника «Диагностика мотивационной структуры личности В.Э. Мильмана». Специфические мотивы к оказанию ЭПП, а также самооценка мотивационной готовности (по 10балльной шкале) оценивались при помощи анкеты.

Были выявлены следующие результаты.

1. Самооценка мотивационной готовности положительно связана (по критерию Спирмена) с такими мотивами, как «интерес к процессу оказания ЭПП» ($r=0,37$ при $p<0,01$), «самоутверждение себя как профессионала» ($r=0,31$ при $p<0,05$), «достижение успеха» ($r=0,30$ при $p<0,05$), «желание помочь (альтруизм)» ($r=0,29$ при $p<0,05$), «желание почувствовать себя нужным, необходимым, ценным» ($r=0,29$ при $p<0,05$). Таким образом, те психологи, для которых наиболее значимы мотивы, связанные

непосредственно с содержанием деятельности, с желанием достигать профессионального успеха, быть значимым и помогать окружающим, отмечают у себя высокую мотивационную готовность.

2. Выявлены значимые корреляционные связи самооценки мотивационной готовности с показателями: «локус контроля — Я» (тест смысложизненных ориентаций, $r=0,28$ при $p<0,05$), мотивация достижения успеха (методика А.А. Реана, $r=0,25$ при $p<0,05$), мотивация избегания неудач (опросник Т. Элерса, $r=-0,26$ при $p<0,05$). Психологам, которые проявляют высокую самооценку мотивационной готовности к оказанию ЭПП, присущи выраженная мотивация достижения, низкий уровень мотивации избегания неудач, представление о себе как о сильной личности, имеющей свободу выбора и самостоятельно контролирующей события собственной жизни. Корреляционный анализ самооценки мотивационной готовности с показателями методики В.Э. Мильмана выявил устойчивую положительную связь со шкалой «социальный статус», причем как в общежитейском (идеальный $r=0,30$ при $p<0,05$, реальный $r=0,34$ при $p<0,01$), так и рабочем варианте (идеальный $r=0,43$ при $p<0,001$, реальный $r=0,32$ при $p<0,05$). Кроме того, высокая самооценка мотивационной готовности характерна для психологов РСЧС с выраженной реальной направленностью на творческую активность ($r=0,28$ при $p<0,05$) и общественную полезность в целом ($r=0,29$ при $p<0,05$).

Полученные результаты позволяют изучать мотивационную готовность психологов РСЧС не только посредством анализа конкретных мотивов к оказанию ЭПП, но и с помощью характеристик общей мотивационной направленности.

Использование методики ДАП-2 для оценки нервно-психической устойчивости курсантов после каникулярного отпуска

Нервно-психическая устойчивость, ДАП-2, курсант, отклоняющееся поведение, суицид

Важнейшими задачами, стоящими перед военными психологами, военно-политическими органами и другими должностными лицами Вооруженных Сил РФ, являются профилактика нарушений воинской дисциплины, а также работа по предотвращению суицидальных происшествий среди военнослужащих (Руководство по психологической работе в ВС РФ, 2006). Несмотря на снижение числа суицидов, совершенных в ВС РФ в течение последних трех лет (в 2017 г. — 9 случаев на 100 тыс. чел.; в 2018 и 2019 гг. — 8 случаев), наиболее сложная обстановка сохраняется в войсках (силах) ВВО, ЦВО, ЮВО, ЗВО, СФ и ВДВ, где коэффициент самоубийств выше среднего уровня.

Особое беспокойство вызывает резкий рост самоубийств среди офицеров — выпускников высших военных учебных заведений, что указывает на низкую эффективность психологической работы по профилактике суицидального поведения, которое относится (В.Д. Менделевич, Ю.А. Клейберг и др.) к разновидности отклоняющегося.

В условиях военного училища эмпирическим путем установлены два критических периода, в течение которых отмечается наибольшее число происшествий дисциплинарного характера: каникулярный и «постканикулярный» (до 14 дней после возвращения из отпуска). При нахождении вне территории вуза курсанты склонны ослаблять внутренний контроль над своими действиями, терять чувство ответственности в силу отсутствия внешнего надзора, употреблять алкогольные напитки. В первые две недели после прибытия из отпуска курсанты нередко негативно высказываются по поводу возвращения в училище, переживают расставание с близкими. Именно в это время возникает наиболее острая необходимость в проведении психологами дополнительных мероприятий, направленных на минимизацию проявления отклоняющегося поведения, выявление лиц группы риска.

В Новосибирском ВВКУ применяется сплошная диагностика курсантов, прибывающих из каникулярного отпуска, по методике ДАП-2. Указанная методика разработана на кафедре ВМедА, входит в диагностический блок автоматизированного рабочего места психолога, содержит 60 утверждений, касающихся особенностей поведения и самочувствия испытуемого.

В исследовании приняли участие курсанты выпускного курса численностью 181 чел. (131 курсант мотострелкового батальона, 55 — батальона разведки). Все испытуемые — мужчины от 21 до 24 лет. Проведено два диагностических обследования

(сентябрь 2019, январь 2020), в ходе которых были обнаружены 5 чел. (2,8%) с высоким суицидальным риском (СР), 39 чел. (21,5%) с негативным отношением к военной службе (НГ), 26 чел. (14,3%) с признаками аддиктивного и делинквентного поведения (АДП). После проведенной психологической работы и повторного тестирования суицидальный риск не подтвердился ни у одного испытуемого, 2 чел. повторно выразили стойкое нежелание продолжать военную службу, у 24 чел. сохранилось разочарование в своей будущей профессии. Из 26 чел. с признаками отклоняющегося поведения трое рекомендованы для занесения в журнал динамического наблюдения. Повторное тестирование показало эффективность проведенной психологической работы, что отразилось в снижении доли испытуемых, нуждающихся в помощи психолога и наблюдении командиров (СР↓ на 2,8%, НГ↓ на 7,2 %, АДП↓ на 12,7%).

Таким образом, методика позволяет достаточно эффективно выявлять курсантов, требующих повышенного внимания психолога, с целью предотвращения суицидальных происшествий и проявлений отклоняющегося поведения. В то же время следует отметить, что повторные тестирования по этой методике могут вызвать эффект привыкания испытуемых к тесту и умение «распознавать» нужные ответы. Для более точной диагностики необходимо привлекать дополнительный диагностический материал. Наиболее эффективной формой коррекционной работы на первом этапе является проведение индивидуальных бесед, поскольку методика позволяет распознавать ключевые моменты личностных проблем курсантов.

Системно-эволюционный подход (СЭП) как методологический базис проверок на полиграфе

Полиграф, детекция лжи, теория функциональных систем, системно-эволюционный подход, вариабельность сердечного ритма

В настоящее время опросы с применением полиграфа производятся повсеместно, при этом, остается открытым вопрос о природе регистрируемых в ходе проверки изменений физиологической активности.

Существует большое количество теоретических моделей, объясняющих психофизиологические механизмы поведенческих актов сокрытия значимой информации и объясняющие различия изменений физиологической активности при правдивых и ложных ответах [см., например: 3; 5]. Однако в описанных моделях, как правило, происходит объяснение отдельных психофизиологических феноменов, а не целостного поведения по сокрытию информации.

В настоящей работе предлагается использование СЭП [1], направленного на анализ целостного поведения и являющегося дальнейшим развитием положений теории функциональных систем (ТФС) в рамках психофизиологии, в качестве методологического базиса проведения проверок на полиграфе. Ранее в литературе был описан шаг в направлении применения ТФС в качестве объяснительного принципа наблюдаемых в ходе проверки психофизиологических феноменов [3]. В указанной работе предполагается наличие двух конкурирующих систем, одна из которых отвечает за правдивый ответ, реализующийся автоматически, а вторая подразумевает ложный ответ и последующую модификацию поведения в соответствии с обстановкой. В СЭП устанавливается, что структура субъективного опыта отражает историю формирования адаптивного соотношения организма и среды. Осуществление поведенческих актов обеспечивается одновременной активацией множества систем, различных по онтогенетическому возрасту [см. в 1].

С позиции системной психофизиологии как индикатор динамики вовлечения (отражение включенности) сердечной деятельности, наряду с мозговой активностью, в организацию функциональных систем, которые рассматриваются как общеорганизменные, возможно выделить вариабельность сердечного ритма (ВСР). Динамика ВСР отражает постоянную “адаптацию” активности сердца к активности остальных компонентов актуализируемых систем в поведенческом континууме, обеспечивающую достижение результатов поведения. Причем сложность (энтропия) сердечного ритма возрастает с увеличением количества актуализируемых в поведении более дифференцированных систем [2].

Исследование регистрируемых в ходе опросов с использованием полиграфа особенностей ВСР в рамках СЭП позволит получить представления о системном

обеспечении формирования и реализации поведения по сокрытию информации, в т.ч. при намеренном обмане полиграфолога.

Полученные данные помогут разработать новую модель тестирования, основанную на системно-эволюционном понимании структуры индивидуального опыта. Причем сделает ее интегративной, где описываются не только наблюдаемые вегетативные сдвиги, как это происходило ранее, а происходит изучение целостного индивида, находящегося в ситуации сокрытия информации. Применение СЭП для решения указанных задач уже позволило выявить связанные с ментальными различиями индивидов особенности системной организации у них поведения по сокрытию информации [4].

1. Александров Ю. И. В. Б. Швырков: формирование новой парадигмы в психологии и смежных науках//Выдающиеся ученые Института психологии РАН / Под ред. А. Л. Журавлева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2020. с. 218-255.
2. Бахчина А.В., Александров Ю.И. Сложность сердечного ритма при временной системной дедифференциации // Экспериментальная психология. 2017. Т. 10. №. 2. С. 114–130.
3. Исайчев Е. С., Исайчев С. А. Методологические аспекты инструментальной детекции лжи // Мир психологии. — 2016. — Т. 88, № 4. — С. 202–214.
4. Учаев А.В., Александров Ю.И. Успешность сокрытия информации в процессе тестирования на полиграфе индивидами разных типов ментальности // Экспериментальная психология, принята к печати.
5. Ben-Shakhar G., Furedy J. J. Theories and applications in the detection of deception: A psychophysiological and international perspective. — Springer Science & Business Media, 2012.

Разработка комплексной модели диагностики свойств внимания в системе психодиагностических мероприятий в МЧС России

Комплексная модель внимания, психодиагностические мероприятия, корректурная проба

Деятельность целого ряда профессиональных контингентов МЧС характеризуется таким фактором как состояние оперативной готовности, что подразумевает постоянную включенность внимания. Как отмечают исследователи, «... в определенных ситуациях и видах профессиональной деятельности последствия ошибок невнимания могут быть печальными и даже катастрофическими» (Дормашев, Романов, 1995, 24). На фоне усталости, неблагоприятного физического состояния, монотонной и однообразной деятельности, состояния оперативного ожидания возможно развитие состояния утомления и появления рассеянности, которая может проявляться в ошибках невнимания, возникающих по ходу привычной, автоматизированной деятельности. С практической точки зрения важно уметь оценить данную способность (бдительность) и найти факторы снижения вероятности обнаружения сигнала с течением времени, уметь оценить способность различать значимые и незначимые сигналы и оперативно и своевременно реагировать на значимые сигналы и игнорировать незначимые.

Теоретический анализ литературы выявил минимальную разработанность проблемы диагностики психофизических характеристик, связанных с вниманием, применительно к прикладным психодиагностическим задачам в МЧС России. Специалисты, занимающиеся психодиагностикой, используют преимущественно традиционный бланковый инструментарий, который не включает нормативных расчетов для специфической выборки профессиональных контингентов МЧС России.

В этой связи целесообразно говорить об актуальности исследования свойств внимания с целью решения научных и практических задач психологической и психофизиологической диагностики в системе психологической службы МЧС России.

Магистральным направлением в рамках этой проблематики стала разработка комплексной модели диагностики свойств внимания в системе психодиагностических мероприятий в МЧС России.

Работа по достижению этой цели велась в следующих измерениях:

- 1) Теоретический анализ подходов к исследованию внимания; анализ и обобщение результатов исследований современной отечественной и зарубежной когнитивной психологии по проблеме внимания; реконструкция исторической перспективы экспериментального исследования внимания.
- 2) Обзор ключевых методических инструментов исследования внимания, действующих принципы корректурного метода (монотонная селективная интервальная задача).
- 3) Формулирование принципов подбора диагностического инструментария для решения конкретных задач, связанных с оценкой аттенциональных характеристик.

Ключевыми итогами данной работы можно назвать следующие:

- Во-первых, разработка проекта комплексной модели диагностики свойств внимания, который включает 4 блока: 1) описание принципов оценки аттенциональных характеристик, 2) представление теоретической модели внимания, которая должна сопрягать в себе анатомо-физиологическое, психологическое и психометрическое понимание аттенциональных процессов, 3) описание разработки системы первичных и вторичных психометрических параметров и соотнесение их со свойствами внимания, 4) реализация процедуры стандартизации Корректирующей пробы.

- Во-вторых, проведение стандартизации простой Корректирующей пробы для профессиональных контингентов МЧС России (основные группы реагирующего состава: пожарные, спасатели, водители, оперативные дежурные, младший начальствующий состав (начальники караулов), с учетом возрастных подгрупп.

Стандартизация представлена в виде процентильных таблиц, которые могут быть использованы как ориентир в оценке внимания с использованием Корректирующей пробы, то есть решать прогностическую задачу. Также полученные результаты могут быть использованы для понимания имеющегося состояния дел в плане оценки различных параметров внимания, то есть решать экспертную задачу.

1. Дормашев Ю.Б., Романов В.Я. Психология внимания. М.: Тривола, 1995. 352 с.

Чудакова Т.Л.
Ярославль, ЯрГУ им. П.Г. Демидова

Субботина Л.Ю.
Ярославль, ЯрГУ им. П.Г. Демидова

Методика диагностики склонности к переживанию состояния безопасности как инструмент военного психолога

Методика, диагностика, безопасность, состояние безопасности, мотивация достижений, склонность к риску

Психология безопасности и военная психология в настоящее время приобретают особое значение. Деятельность военного предполагает службу в опасных для жизни условиях. Особенно важным в этой связи становится вопрос определения профессиональной пригодности человека к осуществлению такой деятельности.

Ранее нами была разработана методика диагностики склонности к переживанию состояния безопасности, позволяющая определить, насколько тому или иному человеку свойственно состояние безопасности. Эта методика успешно прошла психометрическую проверку [1]. Цель работы: показать возможности использования оригинальной методики в ходе осуществления психологического отбора военнослужащих для прохождения военной службы по контракту или обучения в ВВУЗе.

В профотборе особое внимание уделяется изучению готовности кандидата к осуществлению деятельности в определенных условиях, а также его мотивации («хочет и может»). Деятельность военного протекает в опасных условиях, насыщена риском для жизни или готовностью осуществить этот риск; склонность к риску, в свою очередь, связана с мотивацией достижений. Таким образом, методами исследования явились: оригинальная методика диагностики склонности к переживанию состояния безопасности (Субботина Л.Ю., Смирнова Т.Л.); методика «Готовность к риску» (Шуберт А.М.); методика «Мотивация успеха и боязнь неудачи» (Реан А.А.). Статистические методы: расчет t-критерия Стьюдента, расчет коэффициента ранговой корреляции Спирмена.

Выборку составили 110 испытуемых: 55 испытуемых (55 мужчин, 19 — 47 лет) — военнослужащие контрактной службы и курсанты военного училища; 55 испытуемых (35 мужчин, 20 женщин, 18 — 40 лет) — не являются военнослужащими.

Результаты. Военнослужащие в большей степени склонны к ощущению собственной безопасности, чем не состоящие на военной службе ($t = -5,08$, $p 0,001$). Это говорит о роли состояния безопасности в деятельности военных и может объясняться тем, что у профессиональных военнослужащих сдвинут «порог» (критерии) опасности. Соответственно, меньшее число ситуаций будет воспринято ими как опасные. У военнослужащих выше мотивация достижений (далее — МД) ($t = -4,69$, $p 0,001$) и склонность к риску (далее — СР) ($t = -4,48$, $p 0,001$), чем у лиц, не состоящих на военной службе.

В группе людей, не состоящих на военной службе, склонность к переживанию состояния безопасности связана с МД ($r = 0,58$, $p 0,001$) и со СР ($r = 0,68$, $p 0,001$).

МД не связана со СР. В группе военнослужащих склонность к переживанию состояния безопасности связана только с МД ($r = 0,36$, $p < 0,01$). Между остальными переменными наблюдаются U-образные зависимости. Так, СР постепенно снижается при увеличении частоты ощущения собственной безопасности, становится минимальной на среднем уровне, а далее вновь повышается. СР также выше при превалировании мотивации избегания неудачи и мотивации достижения успеха и снижается при отсутствии преобладания того или иного полюса МД. На наш взгляд, здесь включаются компенсаторные механизмы для возможности осуществления деятельности такого рода. В профессиональной деятельности, вероятно, будут успешнее военнослужащие, у которых наблюдается положительная взаимосвязь между мотивацией достижений, склонностью к риску и склонностью к переживанию состояния безопасности. Военнослужащие, у которых характеристики связаны между собой отрицательно, не смогут длительное время выдерживать психоэмоциональные нагрузки, т.к. склонность к риску носит у них компенсаторный характер.

Таким образом, в психодиагностике военнослужащих представляется важным использование методик в комплексе с оригинальной методикой. Равные значения склонности к риску и мотивации достижений могут соответствовать разным уровням склонности к переживанию состояния безопасности. Мы считаем продуктивным включение оригинальной методики в инструментарий военного психолога.

1. Субботина Л.Ю., Смирнова Т.Л. Разработка методики на диагностику субъективного предпочтения состояния безопасности // PSIXOLOGIYA, №1, 2018. С. 40 — 45.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ СПЕЦИАЛИСТОВ СОЦИАЛЬНЫХ И МЕДИЦИНСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Андрущенко Н.В.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Феномены группового процесса при работе специалистов помогающих профессий в балинтовском формате

Балинтовская группа, супервизия, профессиональное выгорание, профилактика профессионального выгорания

Балинтовские группы (БГ) получили распространение среди специалистов помогающих профессий, в первую очередь — врачей и психологов. Ощущение групповой поддержки, разделение чувств после представления случая, уже после первого опыта участия дает осязаемое ощущение принадлежности к общему профессиональному полю, снижает уровень профессионального стресса (В.А. Винокур, 2019). Этим не исчерпываются феномены, наблюдаемые участниками, лидерами и супервизорами БГ.

Необычный для специалиста свободный формат представления случая лишает привычных защит и делает возможным ""диагностику коммуникации"" наблюдающему участнику БГ. Процесс обсуждения протекает не только в когнитивной плоскости. БГ помогает вновь прожить и осознать чувства в отношении своей профессии, клиента, взаимодействия с ним. В обсуждении случая затрагиваются различные уровни взаимодействия — за исключением личностного, т.е. обсуждение задано и ограничено рамками профессионального поля. Феномены балинтовской группы в литературе представлены двояко. С одной стороны, описываются эффекты, получаемые участниками в результате работы. В этом случае можно также говорить о функциях БГ (Scholler et al., 2000):

1. Согласно Балинту, в группе первоначально проходит процесс обучения — обучения восприятию аспектов отношений, — переносу, контрпереносу, сопротивлению. ""Теория обучения"", описанная М. Балинтом, состоит из трех этапов: врач ""разучивается"" думать и воспринимать пациента согласно биомеханической модели. ""Учиться"" глубоко и целено воспринимать его. В заключении происходит интеграция обеих моделей — ""переучивание"". 2. Супервизия. БГ предлагает тренинг самовосприятия и восприятия другого, а также возможность рефлексии профессионального опыта. Проясняются не только осознанные, но и бессознательные аспекты отношений врач-пациент (клиент-терапевт) — перенос, контрперенос. 3. Обсуждение остается в рамках профессионального поля. Однако личностная проблематика может быть ""обнаружена"" докладчиком и пониманию того, насколько она

отражена в представленном случае. 4. Возможен анализ неосознанных межличностных процессов в рамках профессиональных отношений специалистов помогающих профессий.

Вторым значимым аспектом феноменологии группы является описание собственно групповых процессов и наблюдаемых во время работы феноменов: 1. Реконструкции. Получая неполное описание происходящего в кабинете, по реакциям врача, группа восстанавливает "картину отношений", дает им наименование — т.е. производит "диагностику отношений". 2. Феномены сопротивления проявляются в виде молчания участников, упорного расспрашивания, анализа референта вместо отношений врач-пациент. Этот феномен выражается также в желании участников группы обсуждать второстепенные темы и в попытках обсуждать подобные случаи. 3. Феномен отзеркаливания, обнаруживаемое многократное воспроизведение различных аспектов представленной истории в ткани группового обсуждения и в форме работы группы.

Сложность феноменов БГ определяет необходимость супервизионного процесса, проводимого в идеале под эгидой международной балинтовской федерацией. Технологии балинтовской супервизии лидеров БГ предполагает при этом гибкое использование приемов групповой работы в виде своеобразного эксперимента. Например, практика осознанной минимальной интервизии лидера, работа с метафорическим полем и другие разнообразные приемы, предлагающие пространство для свободных ассоциаций, превращающие групповую работу в процесс увлекательный, творческий и эффективно снижающий профессиональное выгорание.

Специфика и основные функции психолога, работающего со специалистами социальных и медицинских учреждений для детей

Специалисты детских учреждений, психологическое сопровождение, функции психолога, трудные жизненные обстоятельства, дети

В течение жизни ребенок может оказаться в ситуации, когда нарушен благополучный ход его развития и близких отношений, например, остается без попечения родителей или нуждается в лечении и/или госпитализации, и тогда важную роль в обеспечении его жизни и здоровья играют специалисты — врачи, медсестры, педагоги, социальные работники, представители правоохранительных органов. Психологическое сопровождение специалистов важно для обеспечения благополучия ребенка и нивелирования негативного влияния жизненных обстоятельств; сами специалисты, сталкиваясь с болезнью, трудными обстоятельствами жизни ребенка, могут нуждаться в психологической помощи.

Исследования и опыт практической деятельности показывают, что учет закономерностей развития ребенка, его отношений, процессов горевания, совладания и пр., положительным образом сказываются на его развитии, а психологическое сопровождение специалистов является крайне важным (Филиппова, 2009; Ward-Zimmerman, Cannata, 2012; Великанов и др., 2018). Например, обучение сотрудниц домов ребенка чувствительности и обеспечение условий стабильного окружения способствует улучшению развития ребенка (Влияние изменения раннего социально-эмоционального..., 2013), а партнерские отношения врача с пациентом приводят к более быстрому выздоровлению (Вольская, 2013; Godoy, Carter, 2013). Тем не менее, данные о работе психолога со специалистами разрознены и зависят от учреждения. Нам представляется возможным выделить специфику и основные функции психолога, работающего со сотрудниками организаций различных направлений, оказывающих помощь детям.

Работа учреждения проводится во благо ребенка, но непосредственно работают с ним специалисты учреждений, поэтому работа психолога носит опосредованный характер, который должен так построить свою работу, чтобы взаимодействие специалистов с ребенком способствовало благополучию последнего. При этом, сотрудники имеют определенный функционал, график, административную (а иногда и уголовную) ответственность и подчинение, и психологу в работе нужно учитывать знания из социальной и организационной психологии. Ребенок, оказавшийся в трудных жизненных обстоятельствах, уязвим, и это требует повышенной чувствительности со стороны специалистов, однако, именно столкновение с трудными обстоятельствами жизни ребенка, его сильными чувствами, и, нередко, кризисность ситуации требует немедленных, часто основанных на рациональном осмыслении

действиях; а соприкосновение с сильными чувствами способствует срабатыванию психологических защит, и это также специфика психологической работы в учреждении, в которой нужно учитывать знания из области клинической психологии, психологии развития, психического здоровья, раннего вмешательства.

Можно выделить ряд функций психолога при работе со специалистами: 1) информирующая: вопросы нормативного и отклоняющегося развития ребенка, функционирования семейной системы, психологические особенности реагирования на стресс, болезнь, а также чувств сотрудников в связи с работой с ребенком; 2) диагностическая: развития ребенка, его социального окружения, описание сильных сторон и уязвимых зон; 3) кризисная: помощь ребенку, его законным представителям, специалистам; 4) терапевтическая: психологическая работа с ребенком и его окружением; 5) обучающая: тематическое обучение для специалистов, развитие определенных навыков; 6) супервизорская: помощь в применении на практике полученных в обучении навыков, встречи с разбором случаев, участие в междисциплинарном обсуждении; 7) координационная: помощь в координировании усилий различных специалистов, преемственности служб, участие в составлении маршрута ребенка, помощь ребенку и его семье в расставлении приоритетов в назначенных процедурах и этапах; 8) профилактическая: профилактика эмоционального выгорания сотрудников, создание благоприятных условий для ребенка в учреждении.

Для выполнения данных функций рекомендуется создание психологической службы, ее Проект был разработан сотрудниками СПбГУ (Аринцина, Мухамедрахимов, 2012).

Деятельность службы сопровождения замещающих семей в Республике Адыгея

Сопровождение, замещающая семья, программа сопровождения, поддержка взаимодействия, трудности деятельности

Сопровождение замещающих семей в России представляет собой довольно молодое направление и насчитывает немногим более 10 лет. Вместе с тем, за этот недолгий срок своего существования удалось накопить немалый опыт в области поддержки и оказания помощи замещающим семьям, а также осмыслить проблемы и трудности, с которыми сталкиваются специалисты.

В Республике Адыгея поддержка семей, принявших на воспитание детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, осуществляется в рамках деятельности трех служб сопровождения. Настоящее исследование проводилось на базе Службы сопровождения замещающих семей государственного бюджетного учреждения Республики Адыгея «Центр психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи», которая функционирует с января 2009 года и ориентирована на подготовку и психологическую диагностику потенциальных замещающих родителей, сопровождение действующих замещающих семей, мониторинг благополучия воспитания приемных детей в семьях, а также на оказание консультативной помощи специалистам органов опеки и других организаций, взаимодействующих с детьми и их семьями. В состав службы входят 3 педагога-психолога и 1 социальный педагог.

В службе реализуется модель сопровождения замещающих семей, направленная на поддержку взаимодействия и привязанности между детьми и родителями, осуществляемая в течение первых 1,5 лет после приема ребенка в семью и состоящая из четырех условно выделенных этапов. Все потенциальные родители перед приемом ребенка в семью проходят программу обучения в школе замещающих родителей, рассчитанную на 80,5 часов и включающую в себя, кроме стандартной подготовки, психотерапевтический модуль, в котором особое внимание уделяется качеству отношений, складывающихся между специалистами службы сопровождения и будущими родителями.

Первый этап программы сопровождения ориентирован на поддержку ребенка и замещающей семьи в период их знакомства друг с другом, помощь родителям при повышении тревоги в связи с приемом нового члена в семью, установление начального контакта между родителями и ребенком, укрепление связи специалистов сопровождения с семьей. В ходе второго этапа в процессе домашних визитов происходит сопровождение знакомства замещающих родителей и ребенка с индивидуальными особенностями друг друга, а также поддержка формирования взаимодействия. Третий этап представляет собой наиболее интенсивный период работы с точки зрения предлагаемых семьям мероприятий и нацелен на сопровождение и укрепление возникающих в результате взаимодействия отношений между приемным ребенком и замещающими родителями, на формирование отношений привязанности и поддержку

развития ребенка. На последнем, четвертом, этапе сопровождаемая семья переводится в систему поддержки сообществом действующих замещающих семей республики Адыгея (в рамках деятельности Клуба замещающих семей, функционирующего на базе службы сопровождения). Как показывает практика, замещающие семьи могут проявлять разную степень активности участия в мероприятиях сопровождения: минимальную, среднюю и максимальную.

К основным трудностям в деятельности службы сопровождения можно отнести: физическую нехватку специалистов для осуществления сопровождения замещающих семей; вынужденное совмещение функциональных обязанностей в рамках обширной деятельности центра; ограниченные полномочия специалистов службы сопровождения и необязательность для семей участия в программе поддержки; недостаточная эффективность связей между органами опеки и службой сопровождения, замедляющая обмен информацией между ними и практически полностью исключающая своевременное оказание специалистами помощи в кризисных случаях, когда семья готова отказаться от ребенка; и др. Перечисленные трудности не могут быть решены только усилиями небольшого числа специалистов локальной службы сопровождения, но требуют глобальных мер, объединенных общей методологией и направленных на трансформацию всей существующей системы сопровождения в целом.

Психологическая помощь врачам клиник вспомогательных репродуктивных технологий

Психолог, врач, комплаенс, ВРТ, бесплодие

В современном мире вспомогательные репродуктивные технологии (ВРТ) прочно вошли в спектр медицинских услуг населению, за 20 лет в России количество протоколов экстракорпорального оплодотворения выросло в 30 раз (Хабаров С.В., 2018). Многие клиники и отделения ВРТ имеют в своем штате психолога, однако, направления его работы до сих пор четко не регламентированы. Предполагается, что психолог принимает участие в сопровождении бесплодной пары на этапах реализации программ ВРТ, осуществляет психологическую поддержку и коррекцию эмоционального состояния для повышения успешности процедуры. При этом, не стоит забывать, что бесплодная пара обращается в первую очередь к врачу, именно с ним выстраивает коммуникацию, под наблюдением врача планирует и осуществляет все диагностические и лечебные процедуры, от врача ожидает включенности и участия в процессе ВРТ. Многие репродуктологи, гинекологи, андрологи и другие специалисты клиник ВРТ отмечают сложности в построении коммуникации с бесплодными пациентами в связи со спецификой психологического состояния последних (Кавер О.Д., 2019). Диагноз «бесплодие» многими пациентами воспринимается как приговор и вызывает психологическую травму, затрагивающую качества их самооценки и состоятельности себя как полноценной личности. Переживания в связи с диагнозом, трудности его принятия, а также наличие прошлого негативного опыта в осуществлении репродуктивной функции, длительность и, зачастую, болезненность лечения создают предпосылки для стрессового расстройства, проявляющегося в неадекватном поведении пациента в процессе лечения, погруженности в негативные эмоции, перекладывании ответственности за результат на врача, вплоть до проецирования на него роли «высших сил» и/или родительских фигур и формирование соответствующих нереалистичных ожиданий и требований. С другой стороны, сама специфика работы врача в клинике ВРТ предъявляет высокие требования к его профессионализму, соответствует сфере высокоинтеллектуальной работы, ориентированной на передовые достижения науки и новейшие технологии, постоянной включенности во взаимодействие с пациентами. Кроме того, работа в области оказания помощи людям с репродуктивными проблемами — это высокая ответственность за жизнь и здоровье пациентов и их будущих детей, она обладает острой общечеловеческой значимостью, врачи работают в условиях большой напряженности, неопределенности результатов лечения, высокого процента неудач (наступление беременности в результате применения процедур ВРТ по разным данным составляет 27-38%, при этом далеко не каждая беременность заканчивается благополучным вынашиванием и рождением ребенка (Исупова О.Г., 2017)). Все это может участвовать в возникновении синдрома профессионального выгорания специалиста, проявляющегося в усталости от длительного и эмоционально насыщенного общения, груза

возложенных ожиданий, неудовлетворенности собственной профессией, что негативно сказывается на контакте «врач–пациент», в свою очередь снижая эффективность проводимого лечения.

Таким образом, одним из важных направлений работы психолога в клинике ВРТ является психологическая помощь, ориентированная на коррекцию эмоционального состояния врача с помощью обучения навыкам саморегуляции и восстановления психических ресурсов, формирование умений эффективного комплаенса с пациентами с учетом их психологического состояния и текущей ситуации в процессе лечения, осознание собственной позиции во взаимодействии с пациентами и коллегами, потребностей и возможностей профессиональной самореализации, что будет способствовать профилактике эмоционального выгорания специалистов и, в целом, повышению успешности лечения бесплодной пары.

Исследование поддержано грантом РФФИ №20-013-00859 А

Блохина А.В.
Санкт-Петербург, ООО "Первая школа современных родителей"

Куперман Е.И.
Санкт-Петербург, ООО "Первая школа современных родителей"

Опыт разработки и внедрения дистанционных программ развития для детей от 0 до 2 лет

Раннее развитие, онлайн курсы для родителей, младенчество

Тенденции развития современного общества таковы, что каждый день мы видим людей разного возраста погруженных в свои гаджеты — планшеты, мобильные телефоны, решение многих вопросов перешло на дистанционный уровень, обучение, в том числе маленьких детей, во многом тоже стало дистанционным. В интернете можно найти много онлайн программ, обучающих рисовать, решать примеры, развивать внимание, а на детских площадках все больше молодых мам, которые не беседуют друг с другом, а что-то изучают в своих телефонах, в то время как ребенок спит в коляске или играет в песочнице.

Ситуация дома у многих не меняется, во время кормления или чтобы успокоить, мамы включают ребенку мультфильмы, покупают интерактивные игрушки, которые обнимут, когда нет рядом мамы и поиграют в «ку-ку».

Когда наша команда First.School приступила к разработке развивающих программ для детей от 0 до 2 лет, мы решили воспользоваться интересом к дистанционному обучению и при этом помочь родителям сформировать безопасную привязанность, показать, как они могут развивать своего малыша, используя собственный ресурс.

В тестирование пошло 2 варианта развивающих программ — психологические марафоны и короткие онлайн курсы.

Марафонов мы запустили три — марафон «Растем и развиваемся. Развитие органов чувств в 3 месяца», «Спим спокойно 0+», и «Речь и общение в 10-12 месяцев». Все марафоны были различной продолжительности — от 10 до 32 дней, с разной подачей материала — видео, тексты, аудио файлы и методический материал, необходимый для занятий с ребенком. Каждый день родителю открывалось новое игровое упражнение.

Онлайн курсы состояли из 5-7 видео уроков по 15-20 минут и методических пособий к занятиям. То есть родитель получал всю информацию сразу и мог создавать собственную программу занятий для своего ребенка, используя, например, те игровые упражнения, которые нравятся ребенку. Такой формат мы выбрали для курсов «На пути к успеху. Развитие интеллектуального потенциала ребенка в возрасте 6-9 месяцев», «Первые навыки в 1,5-2 года». Это наверное не нужно, ты ведь не про эти программы здесь пишешь.

Кроме того, для родителей, которые участвовали в тестировании программ, 24/7 был открыт чат в личном кабинете, а также в WhatsApp.

Наши наблюдения, которыми мы хотим поделиться с коллегами, использующими в обучении родителей платформу онлайн:

- Более 70% участников предпочитали общение в WhatsApp, чем разговор со специалистом.
- Только примерно 50% прошли длинные марафоны до конца. Вторая половина родителей переставали заниматься с ребенком через 7-9 дней, объясняя большой загруженностью в течение дня (уход за ребенком, прогулки, поездки) или говорили, что им все нравится, ребенок доволен, хотя мы в системе видели, что занятия были прекращены. Большая часть родителей продолжили занятия с ребенком по следующим нашим программам, отмечая что стали лучше понимать своего ребенка, и их физическое и эмоциональное состояние улучшилось.
- Краткие онлайн курсы, состоящие из 5-7 видео уроков, посмотрели 80% пользователей. Остальные, несмотря на проявленную заинтересованность, так и не начали обучение.

В опросе, посвященном какой подарок мама хотела бы получить в роддоме, из вариантов: памперсы и предметы ухода, программа развития, консультации по грудному вскармливанию и сну ребенка, 100% мам ответили — комплексную онлайн программу развития ребенка.

Наши программы еще проходят тестирование и экспертизу, но 2 вывода уже есть:

1. Когда между родителем и ребенком улучшается качество взаимодействия, родитель «настраивается» на ребенка, в нем включается желание заниматься с ребенком и дальше, они продолжают участие в следующих программах.

2. Короткие онлайн курсы и марафоны (не более недели) более предпочтительны, так не происходит снижение интереса и не переключается внимание. А возможность моделировать и изменять программы дают родителю ощущение «экспертности» и способствует укреплению родительской позиции.

Организация дистанционной работы службы ранней помощи в условиях мер самоизоляции

Ранняя помощь, раннее вмешательство, дети раннего возраста, нарушения в развитии

Качественное развитие системы раннего вмешательства определяется не только качеством комплекса услуг ранней помощи детям с ограниченными возможностями здоровья или с риском появления нарушений в развитии, но и их своевременностью и доступностью для нуждающейся семьи. В условиях продолжительного применения мер самоизоляции в связи с пандемией принципиально важным является непрерывное оказание ранней помощи детям целевой группы. Организация дистанционного формата услуг ранней помощи показана на примере работы отделения раннего вмешательства для детей в возрасте до трех лет СПб ГБУСОН «ЦСРИиДИ Калининского района». В течение трех месяцев программа ранней помощи осуществлялась специалистами (педагог-психолог, социальный педагог, учитель-дефектолог, логопед и инструктор по АФК) в дистанционной форме для 84 семей с детьми раннего возраста с различными нарушениями в развитии (задержка психомоторного и речевого развития, нарушения опорно-двигательного аппарата, недоношенность, РАС, генетические нарушения и т.д.), которые были зачислены в отделение до введения мер самоизоляции. Основной формой дистанционной работы являлось проведение индивидуальных коррекционно-развивающих занятий специалистов с 52 детьми при участии их матерей и семей в целом по средством видеосвязи через приложения WhatsApp, Viber, Skype. В таком формате взаимодействия оказалось возможным не только выполнение задач ранней помощи, связанной с коррекцией когнитивной, коммуникативной, двигательной и социально-эмоциональной сфер развития ребенка, но и оказание необходимой психологической помощи родителям в условиях длительной самоизоляции, а также качественное содействие в организации оптимальной развивающей игровой среды для ребенка в домашних условиях и повышение родительской компетенции. Для остальных 32 семей, находящихся в самоизоляции в условиях низкого качества Internet связи, были разработаны индивидуальные письменные рекомендации для игрового взаимодействия с детьми и организовано консультирование родителей по телефону. Дополнительно осуществлялась ежедневная публикация обучающего материала в форме видеороликов с участием специалистов службы в профилях социальных сетей («ВКонтакте», Instagram, видеохостинг YouTube), позволяющей использовать материал в удобной форме не только родителям воспитанников службы ранней помощи, но и любой семье с детьми раннего возраста. Для своевременного организационного решения различных задач, возникающих в процессе оказания специалистами услуг ранней помощи, а также для психологической поддержки и профилактики эмоционального выгорания педагогов еженедельно осуществлялся консилиум специалистов в формате видеоконференции.

В течение периода дистанционной работы службы было проведено более 580 индивидуальных и 60 групповых онлайн занятий с детьми раннего возраста с нарушениями в развитии, 830 консультаций по телефону, 15 онлайн консилиумов и опубликовано 110 обучающих материалов, которые были доступны для 550 семей с детьми раннего возраста. Результаты опроса родителей детей раннего возраста с нарушениями в развитии являлись ключевым фактором для анализа эффективности дистанционного формата ранней помощи. В результате анализа степени удовлетворенности семей данным форматом было выявлено, что 93% родителей полностью довольны результатами онлайн занятий. По мнению, 64% родителей значительных положительных изменений для их детей удалось достичь в познавательной и коммуникативной сферах развития. Всего 87% родителей хотели бы попробовать дистанционный формат ранней помощи вне периода самоизоляции в ситуациях длительной госпитализации ребенка, при ограничении физических контактов ребенка по рекомендациям лечащего врача, а также в период летнего и др. отдыха. Таким образом, дистанционный формат работы службы ранней помощи показал свою состоятельность в условиях самоизоляции для семей с детьми раннего возраста с различными нарушениями в развитии и может быть использован для различных целей в системе раннего вмешательства.

Психологическая помощь в структуре медико-генетического консультирования в рамках ВРТ

Психологическая помощь, генетическое консультирование, ВРТ, донорство

В настоящее время в России 17-19% супружеских семей страдают бесплодием. Для преодоления бесплодия широко применяется экстракорпоральное оплодотворение (ЭКО) в структуре вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ), однако, и эта процедура имеет свои возможности и ограничения. В последнее время генетические исследования становятся важной составляющей программ ВРТ, позволяя осуществить преимплантационное генетическое тестирование (ПГТ) эмбрионов, тем самым значительно снизить вероятность рождения детей с наследственной патологией хромосомного или генного генеза.

Ключевым фактором, влияющим на результативность ЭКО, является возраст пациентов, так как в старшем репродуктивном возрасте снижается овариальный резерв и возрастает частота хромосомных нарушений при созревании половых клеток. Одним из возможных решений в крайних ситуациях является использование донорских половых клеток — женских или мужских, а так же донорских эмбрионов. Кроме того, донорские программы используются при сохранной фертильности, но высоком риске рождения детей с наследственной как хромосомной, так и генной патологией, в случае невозможности проведения ПГД (преимплантационной генетической диагностики) или по решению супругов.

Безусловно, репродуктивный выбор совершает сама семья, но для этого партнеры должны обладать достаточной и понятной им информацией о рисках и преимуществах каждого используемого метода ВРТ, необходимости и/или желательности его проведения. Супруги проходят медико-генетическое консультирование, представляющее собой коммуникативный процесс, направленный на помощь семье в принятии решения при выборе методов ВРТ, оценки необходимости назначения преимплантационной диагностики и её объёмов, а так же планирования программы пренатальных исследований плода для снижения вероятности или исключения конкретных наследственных патологий и врожденных пороков развития с целью рождения здорового ребенка.

Для партнеров является стрессовым как сам процесс принятия решения о необходимости и выборе метода ВРТ, так и осознание генетических данных, имеющих непосредственное отношение к ним лично, многие не готовы к восприятию информации о наследственных заболеваниях и генетических закономерностях, одни страдают от чувства неполноценности, другие обвиняют партнера или сами переполнены чувством вины, третьи приходят с нереальными ожиданиями и запросами. Необходимость применения донорских программ актуализирует чувства собственной

неполноценности, обиды, нередко вызывает депрессивные и/или тревожные переживания со стороны как одного, так и другого супруга, что формирует дальнейший психологический статус каждого партнера и среды, в которой будет воспитываться ребенок. Возникают подозрения в необходимости и качестве предстоящих лечебных мероприятий, снижение доверия или перекладывание ответственности на медицинский персонал. Специалисты, оказывающие генетическую и репродуктивную помощь, применяют свои профессиональные инструменты и решают специфические задачи, не обладая временем и навыками для определения психологических особенностей пациента, характера взаимоотношений в семье, которые являются существенными составляющими психологического здоровья пациентов, нуждающихся в применении различных методов ВРТ. При этом многим парам требуется не только помощь репродуктолога и генетика, но и психологическая поддержка или коррекция их эмоционального состояния.

На основании вышесказанного, мы считаем целесообразным организацию комплексного подхода с включением психологической помощи в структуру медико-генетического консультирования и репродуктивной помощи, особенно на этапе выбора оптимального репродуктивного решения. Стабилизация эмоционального состояния, нахождение ресурсов, поддержка семейных взаимоотношений может оказаться важной составляющей успеха программ ВРТ.

Исследование поддержано грантом РФФИ №20-013-00859 А

Потребности родителей детей с нарушениями развития в семейно-центрированных программах ранней помощи

Ранняя помощь, раннее вмешательство, потребности родителей, семейно-центрированный подход

Ранняя помощь — система междисциплинарного обслуживания детей раннего возраста и семей, направленная на оптимизацию физического и психического развития ребенка, формирование позитивного опыта взаимодействия между ребенком и взрослым, включение ребенка в социум и повседневные жизненные ситуации [1]. Программы ранней помощи опираются на семейно-центрированный подход, в соответствии с которым вся семья оказывается в фокусе внимания специалиста и учитывается ее структура, история, социальные связи и особенности отношений между ее членами [4;5]. В рамках данного подхода сопровождение будет направлено на то, чтобы помочь семье справляться с трудностями, связанными с воспитанием ребенка с особыми потребностями, а также способствовать закреплению адекватных, теплых способов взаимодействия между ребенком и взрослыми [4]. Для этого необходимо учитывать собственно особенности развития ребенка, специфику отношений ребенка и близких взрослых, а также потребности взрослых. Это не возможно без установления партнерства между специалистом и семьей [5]. Важно опираться на информацию о потребностях, предоставленную родителями, т.к. часто представления специалиста и родителей не совпадают.

В конце 80-х годов стали разрабатываться первые опросники потребностей родителей, воспитывающих детей с нарушением в развитии [3]. По результатам иностранных исследований тех лет было обнаружено, что родители испытывают потребности в эмоциональной поддержке со стороны специалистов; информации; общении с другими семьями; приобретению родительских навыков, которые будут содействовать развитию ребенка [5]. Однако, с тех пор не было разработано новых опросников по оценке потребностей родителей.

Проанализировав отечественные исследования, можно заключить, что данная тема мало представлена, а имеющиеся исследования проведены в рамках реабилитационных программ или же с опорой на активно развивающийся функциональный подход, согласно которому необходимо развивать практически-полезные навыки с целью включения ребенка в социум, а взрослый выступает скорее инструментом, при помощи которого обеспечивается лучшее

развитие функциональных навыков [2]. Но необходимо не просто включать семью в процесс сопровождения, где специалист обращается к взгляду родителя на имеющиеся нарушения ребенка, обозначая это как потребности, и вовлекает его в совместную деятельность, которая помогала бы обучаться навыкам, но и обращаться

к психическому миру взрослого, его переживаниями, а также рассматривать развитие ребенка через призму отношений.

Таким образом, представляется необходимым провести современное исследование потребностей и ожиданий родителей детей с нарушениями развития, а также разработать новый метод оценки с опорой на семейно-центрированный подход, поскольку имеющиеся опросники могут не отвечать критерию современности.

1. Ермолаева Е.Е., Казьмин А.М., Мухамедрахимов Р.Ж., Самарина Л.В. (2017). О ранней помощи детям и их семьям // Аутизм и нарушения развития. Т. 15. No 2. с. 4-18.
2. Самарина Л.В. (2015). Построение программ раннего вмешательства на основе международной классификации функционирования, ограничений жизнедеятельности и здоровья // Социальное обслуживание семей и детей: научно-методический сборник // под ред. В.Л. Рыскиной. — СПб.– вып. 6 — С.47-58
3. Bailey DB Jr, Blasco PM, Simeonsson RJ (1992). Needs expressed by mothers and fathers of young children with disabilities. *Am J Ment Retard*, 97(1), 1-10
4. Bailey DB, Simeonsson RJ, Winton PJ, Huntington GS, Comfort M, Isbell P, O'Donnell K, Helm JM (1986). Family-Focused Intervention: A Functional Model for Planning, Implementing, and Evaluating Individualized Family Services in Early Intervention. *Journal of Early Intervention*, 10(2), 156-171
5. Hanson MJ, Lynch EW (2013). *Understanding families: Supportive Approaches to diversity, disability, and risk* (2nd ed.). Paul H Brookes Publishing

Пальмов О.И.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Ярыгина О.Ю.
Санкт-Петербург, ЦССВ №11

Бондарева Е.И.
Санкт-Петербург, ЦССВ №11

Потребности и психологические характеристики воспитателей детских домов как фокус программы сопровождения персонала

Воспитатели детских домов, дети-сироты, детский дом, семейные группы, психологические характеристики

Требования, предъявляемые к воспитателям учреждений социального обслуживания детей с каждым годом возрастают соразмерно сложностям, с которыми поступают дети. В связи с этим человек, занимающий должность воспитателя в учреждении для детей, лишенных попечения родителей, нуждается в формировании и поддержке рефлексивных способностей и целого ряда навыков, позволяющих справляться с трудным поведением детей (Селиванова, 2010).

В 2018 году было проведено первое исследование психологических характеристик воспитателей ЦССВ (Центр содействия семейному воспитанию). В выбранных для исследования учреждениях в течение 1,5 лет действовала новая модель организации жизни детей и работы персонала («семейные группы»). Было обнаружено, что в целом воспитателей больше всего беспокоит необходимость заниматься со сложными детьми и детьми, которые не становятся лучше. Так же сотрудники были обеспокоены работой в стрессовых условиях переживаниями в связи с провоцирующим поведением детей (Селина, Пальмов, 2019). К 2020 году семейные группы в детских домах функционируют в среднем уже около 4,5 лет. За это время у воспитателей была возможность адаптироваться к новым условиям. Актуальность продолжения исследования определяется необходимостью организации психологической помощи людям, временно являющимся близкими взрослыми для детей-сирот (Кабанов, 2018).

Методы исследования: социально-биографическая анкета, шкала самооценки личностной и ситуативной тревожности Спилбергера, Торонтская алекситимическая шкала.

В исследовании сравнивались психологические характеристики воспитателей через 1,5 (2018 г.) и через 4,5 (2020 г.) года со времени создания «семейных групп».

К важным результатам следует отнести следующие: большая часть воспитателей ЦССВ в 2020 году обеспокоены осознанием травматического опыта детей, необходимостью решать конфликтные ситуации и справляться с ненормативным поведением детей. По сравнению с 2018м в 2020 г. воспитатели считают меньшей проблемой занятия с детьми, не имеющими положительной динамики и работу со сложными детьми, но в большей степени обеспокоены недостатком командного взаимодействия. Выявлено, что личностная тревожность у воспитателей положительно связана с их обеспокоенностью в связи с затратностью заботы о детях и с тем, что приходится работать с коллегами, не ценящими их труд, а ситуативная тревожность

коррелирует с плохим взаимодействием между руководителями и сотрудниками и особенностями в организации работы в ЦССВ; чем больше рабочих часов в неделю — тем меньше обеспокоенность необходимостью решать конфликты из-за поведения детей, но тем более выражены трудности из-за необходимости сдерживать свои негативные чувства в связи с поведением ребенка; чем больше стаж работы в системе сиротских учреждений, тем выше обеспокоенность травматическим опытом ребенка. Уровень алекситимии положительно связан со стажем работы воспитателей, с количеством детей с нарушениями здоровья и беспокойством в связи с работой со сложными детьми.

Данные исследований 2018 и 2020 года и их сравнительный анализ позволили создать, провести и уточнить программу тренинга и последующей супервизии воспитателей на рабочих местах «Провоцирующее поведение ребенка с травматическим опытом» в соответствии с трудностями и изменяющимися потребностями воспитателей.

1. Кабанов В.Л. О подготовке педагогов в области семейного воспитания, в том числе для замещающих родителей. //Наука и Школа. — 2018. — №5.
2. Селиванова Е.А. Современные технологии повышения квалификации специалистов психолого-педагогического сопровождения детей-сирот // Научно-теоретический журнал. — 2010. — 2 (4).
3. Селина Н.А., Пальмов О.И. Психологические особенности воспитателей семейных групп воспитателей детского дома. // Научные исследования выпускников факультета психологии СПбГУ. — 2019. — Том 7.

Психолого-педагогическое сопровождение профессиональной деятельности воспитателей специализированного дома ребенка

Сопровождение, психолого-педагогическое сопровождение воспитателей, направления работы психолога

Понятие «психолого-педагогическое сопровождение» активно используется в профессиональной деятельности психологов, социальных педагогов, специалистов управления. Основной смысл термина «сопровождение» заключается в оказании помощи человеку на различных этапах его жизни: дошкольной, школьной, студенческой, профессиональной.

Организация эффективного сопровождения профессионала относится к категории актуальных проблем психологии профессионального становления и реализации личности. Если рассматривать сопровождение, как системную интегративную технологию социально-психологической, педагогической помощи личности, то для этого подходит «психолого-педагогическое сопровождение».

В современной психологической, педагогической науке и практике интенсивно обсуждается проблема психолого-педагогического сопровождения. Однако, не сложилось целостных, концептуальных представлений о системе психолого-педагогического сопровождения всех субъектов образовательного процесса в специализированном доме ребенка. В организациях, где проживают дети младенческого и раннего возраста оставшихся без попечения родителей, дети сироты, наблюдается противоречие между необходимостью в психолого-педагогическом сопровождении воспитателей и отсутствием единой, модели, программы психолого-педагогического сопровождения, отсутствием специальности в вузе «воспитатель дома ребенка», недостаточностью методических рекомендаций по данному вопросу.

Наиболее полно понятие «сопровождение» представлено в работах Э.Ф. Зеера, который под психологическим сопровождением понимает целостный процесс изучения, формирования, развития и коррекции профессионального становления личности. В его исследованиях подробно раскрываются функции психолога на каждом этапе профессионального становления человека. Следует отметить, что «психологическое сопровождение», определенное в рамках концепции Э.Ф. Зеера позволяет выработать единое понимание этого понятия, но не решает комплексной проблемы понимания феномена психолого-педагогического сопровождения профессионального развития деятельности воспитателей в условиях специализированного дома ребенка.

В «Специализированном доме ребенка» г. Екатеринбурга организовано психолого-педагогическое сопровождение служебной деятельности воспитателей, воспитывающих детей младенческого и раннего возраста, которое включает следующие направления: реализация мероприятий, направленных на восполнение информационного ресурса психологических знаний по темам: «Содержание психолого-педагогической работы с детьми раннего возраста», «Агрессия у детей раннего возраста».

Понятийное поле. Методы коррекции», «Ранний детский аутизм», «Нарушения поведения детей раннего возраста», «Привязанность в жизни ребенка раннего возраста»; реализация мероприятий, направленных на профилактику эмоционального выгорания воспитателей, проведение занятий с элементами тренинга; разработка рекомендаций по взаимодействию воспитателя с детьми в период адаптации, с детьми имеющими отставания в развитии от условно-возрастной нормы и имеющими поведенческие нарушения, нарушения эмоционально-волевой сферы, разработка пооперациональных карт для детей с синдромом детского аутизма; психологическая диагностика эмоционального выгорания, психологического напряжения, неудовлетворенности трудом у воспитателей; консультирование по вопросам воспитания, обучения, взаимодействия с детьми младенческого и раннего возраста; оказание методологической помощи воспитателям в построении индивидуальных программ обучения для детей с ОВЗ, подбор дидактических игр для решения задач воспитания и обучения детей. Психолого-педагогическое сопровождения включает процесс повышения квалификации и аттестации воспитателей.

Благодаря организации психолого-педагогического сопровождения, наблюдаются изменения: повысилась мотивации деятельности воспитателей, масштабное применение личностно-ориентированного стиля деятельности, снизилось эмоциональное выгорание и психологическое напряжение, повысилась сплоченность педагогического коллектива.

Ямщикова Н.А.

Санкт-Петербург, Детский городской многопрофильный клинический специализированный центр высоких медицинских технологий

Казан А.В.

Санкт-Петербург, Детский городской многопрофильный клинический специализированный центр высоких медицинских технологий

Плотникова Е.В.

Санкт-Петербург, Детский городской многопрофильный клинический специализированный центр высоких медицинских технологий

Андрущенко Н.В.

Санкт-Петербург, СПбГУ, СЗГМУ им. И.И. Мечникова

Опыт организации и особенности дистанционной формы ранней помощи недоношенным детям в младенческом возрасте и членам их семей в условиях пандемии

Онлайн-служба в сфере психологического консультирования, дистанционный формат психологического консультирования, интернет-консультирование, телемедицинское консультирование, недоношенные дети, детско-родительское взаимодействие, ранняя помощь

В литературе отмечаются эффективность, доступность дистанционной формы психологического консультирования, как составной части ранней помощи, а также ее ограничения: сложности осуществления психодиагностического этапа, необходимость дополнительной защиты клиентских данных (Баулина М.Е., 2015; Казмин А.М., Словохотова О.В., 2018). Опыт организации дистанционной формы ранней помощи семьям в условиях пандемии пока не нашел достаточного отражения в литературных источниках.

При СПб ГБУЗ «Детского городского многопрофильного клинического специализированного центра высоких медицинских технологий» (далее Центр) организовано медико-психолого-педагогическое направление реабилитации развития (Хелльбрюгге Т., 1994; Schmidt G.R., 2014) для детей с последствиями перинатальной патологии или рождённых раньше срока. Закрытие в связи с пандемией плановой медицинской госпитализации диктовало прекращение амбулаторной работы и большинства реабилитационных мероприятий. Экстренные и реанимационные службы Центра работали в прежнем объеме, при этом по санитарно-эпидемиологическим правилам выпуск родителей в стационар был запрещён. С апреля 2020 г. психологическая служба Центра перешла на дистанционный формат работы. В короткие сроки удалось организовать и приступить к реализации Проекта помощи семье недоношенного ребенка, находящегося в стационаре без возможности посещения матери. В междисциплинарную команду вошли 9 специалистов: 5 медицинских психологов, 2 логопед, эрготерапевт, врач ЛФК. Дистанционная помощь была доступна родителям, находящимся отдельно от ребенка, а также матерям, находящимся на совместном пребывании (поступившим в больницу сразу из родильного дома). За 2 месяца в проекте было проведено 39 консультаций в режиме видеоконференций.

Родители обращались в службу по назначению врачей в 74% случаев, 5% родителей обратилось по рекомендации других матерей, самостоятельно обратились 21%. В 79% обращения были от родителей детей, находящихся в отделениях реанимации или патологии новорождённых, 21% от родителей детей раннего возраста, ранее получивших курсы реабилитации развития. 85% были связаны с психологической помощью, 13% родителей обратились к логопеду-дефектологу/эрготерапевту, в 2% случаев потребовалась консультация врача ЛФК. За первый месяц работы от числа всех родителей новорождённых детей, поступивших в стационар, к специалистам по раннему развитию обратилось 5%. Причинами стало малое информирование родителей и врачей, непонимание специфики работы специалистов, боязнь обратиться к психологу и отрицание проблем. Это потребовало проведения дополнительной работы с врачами, разработки уточнённых показаний для обращения за помощью психолога, логопеда или эрготерапевта, упрощение алгоритма взаимодействия сотрудников Центра. В мае 2020 г в службу обратилось уже 9%. Число повторных обращений составило 23%.

Ведущей формой работы было психологическое консультирование родителей. Направлением работы по содержанию родительских запросов:

1. Кризисное консультирование
2. Консультирование и обучение членов семьи (повышение их компетенций в сфере жизненных навыков — грудное вскармливание, общение, игра)
3. Поддержка ранних детско-родительских отношений
4. Разработка, координация и реализация индивидуальной программы ранней помощи ребенка и семьи. Для выполнения этой задачи психологом привлекались и другие специалисты Центра.

В заключении можно отметить, что увеличение количества запросов на дистанционный формат работы отражает рост доверия к службе, а также начало осознания специалистами и родителями значимости психологического консультирования в реабилитации развития детей с последствиями перинатальной патологии или рождённых раньше срока.

Научно-исследовательская работа выполняется при поддержке гранта Российского фонда научных исследований (№ 18-013-01183) на тему "Комплексное изучение особенностей психического развития недоношенных детей младенческого возраста с внутрижелудочковыми кровоизлияниями и постгеморрагической гидроцефалией"

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РАЗЛИЧНЫХ ВЕДОМСТВАХ

Андреева О.С.
Тюмень, ТГУ

Лукьяненко А.Е.
Тюмень, ТГУ

Толкунова А.С.
Тюмень, ТГУ

Обеспечение психологической безопасности граждан в ситуациях взаимодействия с «черными» коллекторами

Психологическая безопасность, психологические методы воздействия, давление, манипуляция, «черный» коллектор

В современном обществе люди часто сталкиваются с деятельностью коллекторских агентств. Коллекторская деятельность — это работа организационно–психологического характера по возврату суммы задолженности в обход судебной процедуры и стадии исполнения решения, осуществляемая коммерческой организацией на основании договора с кредитором (Иванов, 2011). «Черный» коллектор — лицо, осуществляющее воздействие на должника и его окружение, используя методы, выходящие за рамки правовых норм, регулирующих деятельность по возврату просроченной задолженности.

Умение граждан справляться с оказываемыми на них психологическими методами воздействиями является важным условием психологической безопасности в ситуации взаимодействия с «черными» коллекторами.

Методы и результаты исследования. Для выявления способов психологического воздействия «черных» коллекторов на должников и их окружение нами было проведено эмпирическое исследование, основным методом которого выступил контент-анализ аудиозаписей разговоров с «черными» коллекторами и скриншотов переписки с ними в социальных сетях. По результатам исследования были выявлены наиболее часто используемые методы воздействия, а также выделены различия в специфике воздействия на мужчин и женщин (Андреева, Лукьяненко, Толкунова, 2018).

Обсуждение и выводы. Исходя из выявленных способов воздействия «черных» коллекторов на граждан, выделим способы повышения безопасности такого взаимодействия. Первое — это информирование об особенностях деятельности «черных» коллекторов, применяемых ими методах запугивания (оскорбления, угрозы сексуального и физического насилия, угрозы распространения порочащей информации). Исследование показало, что коллекторы не оскорбляют адресно конкретного человека, а используют формулировки-шаблоны. Важно пресекать попытки грубого общения, напоминая коллектору о праве гражданина обратиться в правоохранительные

органы в случае поступления угроз жизни, здоровью, при этом сохраняя спокойствие и сдержанность. В случае звонков окружению (друзьям, родственникам, супругу(е), работодателю, коллегам) объекта воздействия коллектора необходимо проинформировать и их о деятельности «черных» коллекторов.

Еще одним способом воздействия «черных» коллекторов является распространение о должнике или его окружении ложной и/или оскорбительной информации, отсюда возникает необходимость при первом же контакте обезопасить себя в социальных сетях — закрывать профиль, не распространять личную информацию, фильтровать фотоконтент. Кроме того, в социальных сетях существуют группы поддержки, направленные на борьбу с действиями «черных» коллекторов; в этих же группах можно получить информацию на различные вопросы, прочитав истории и советы от тех, кто уже имел опыт взаимодействия с «черными» коллекторами.

Основная задача запугивания — демонстрация намерения идти до конца, угроза может быть не обозначена конкретно, а подразумеваться, то есть коллектор заставляет объект воздействия фантазировать на тему того, какими ресурсами он обладает, и на сколько эти ресурсы могут быть опасны для человека и его окружения. Общий механизм противодействия коллекторам — непредсказуемость, которая является наиболее универсальным защитным приемом. Если должник ведет себя так, что сложно прогнозировать его поведение, стандартные шаблоны воздействия оказываются неэффективными.

Заключение. Основная задача «черных» коллекторов — напугать, создать ситуацию максимального дискомфорта. Чтобы минимизировать угрозу психологической безопасности, необходимо информировать должников и их окружение о методах воздействия «черных» коллекторов, о возможных угрозах с их стороны, а также о том, что необходимо делать в подобных ситуациях.

1. Иванов И.С. Коллекторам нужен закон // ЭЖ-Юрист. — 2011. -№ 26. — С. 1-4.
2. Андреева О.С., Лукьяненко А.Е., Толкунова А.С. Психологические методы воздействия «черных» коллекторов на должников и их окружение // Таврический журнал психиатрии. 2018. Т. 23, № 3 (83). С.

Психологические особенности применения копинг-стратегий сотрудниками органов внутренних дел женского пола

Успешность профессиональной деятельности, женщины — сотрудники органов внутренних дел, копинг — стратегии

Деятельность сотрудников правоохранительных органов характеризуется напряженностью и влиянием стрессогенных факторов.

Стресс-преодолевающее поведение сотрудников ОВД является важнейшим условием успешности профессиональной деятельности наряду с личностными особенностями, мотивационной направленностью и карьерными ориентациями. Изучение стратегий совладающего поведения, используемых сотрудниками правоохранительных органов, становится важным направлением в психологическом обеспечении профессиональной деятельности.

В отечественной психологии изучению «совладающего поведения» посвящены труды В.А. Бодрова, Л.И. Анцыферовой, С.В. Фроловой, В.М. Ялтонского.

Наиболее интересным представляется рассмотрение совладающего поведения как формы взаимодействия личности с ситуацией, которая отражает готовность к решению проблемы, характеризуется наличием личностных ресурсов и умением использования различных средств для преодоления психоэмоционального стресса (Нартова — Бочавер, 2007).

Важными функциями совладающего поведения, по мнению С. Фолькмана, являются способность к регуляции эмоционального состояния, а также способность управления и разрешения трудностей, вызвавших стрессовую напряженность (Folkman, 1984)

В исследовании приняли участие женщины — сотрудники ОВД в количестве 40 человек в возрасте от 22 до 50 лет, имеющих различный стаж службы в ОВД.

В качестве психодиагностического аппарата были использованы методики: личностный опросник «SACS» (С. Хобфолл) и авторская методика экспертной оценки успешности профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел. В исследовании была использована процедура сравнения средних значений с помощью t-критерия Стьюдента для независимых выборок и коэффициент корреляции Пирсона.

По результатам экспертной оценки, которая включала в себя показатели «Служебная нормативность», «Дисциплинированность», «Коммуникативность», «Ответственность», «Частота заболеваемости», респонденты были разделены на две группы: успешные и неуспешные сотрудники.

В результате проведенного сравнительного анализа была выявлено наличие достоверно значимых различий между группами женщин — сотрудников по показателям: «Вступление в социальный контакт» (неусп. 19.6 ± 4.978 / усп. 24.35 ± 3.99 , $p \leq 0,002$), «Поиск социальной поддержки» (21.1 ± 3.919 / $24.65 \pm 4.0690,008$) «Избегание» (20.45 ± 5.744 / 16.05 ± 3.471 , $p \leq 0,006$).

Корреляционный анализ выявил прямые умеренные и заметные взаимосвязи успешности служебной деятельности с такими показателями, как: вступление в социальный контакт ($r=0,51$) ($p\leq 0,01$), поиск социальной поддержки ($r=0,43$) ($p\leq 0,05$) и осторожные действия ($r=0,64$) ($p\leq 0,01$). В свою очередь показатель «вступление в социальный контакт» имеет сильные корреляционные связи с показателями осторожные действия ($r=0,48$) ($p\leq 0,01$), и поиск социальной поддержки ($r=0,63$) ($p\leq 0,01$).

Для успешных сотрудников характерно использование активных стратегий преодоления стрессовых ситуаций, которые выражаются в активности в отстаивании своих интересов, уважении мнения окружающих. Направленность стратегий преодоления имеет просоциальный характер, что свидетельствует о стремлении к одобрению со стороны субъективно значимых лиц и ориентации на использование прямых конструктивных стратегий в ситуациях, требующих мобилизации.

Неуспешные сотрудники чаще используют пассивные стратегии преодоления, не стремятся к социальному одобрению своей деятельности, в качестве приоритетной копинг-стратегии используют стратегию «избегание».

Таким образом, применение социально направленных копинг-стратегий в профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел влияет на уровень успешности женщин в служебной деятельности и способствует повышению ее эффективности.

1. Нартова-Бочавер, С.К. «Coping behavior» в системе понятий психологии личности / С.К. Нартова-Бочавер // Психологический журнал. 2007. — № 5. — С. 21-24.
2. Folkman S. Personal Control and Stress and Coping Processes: A Theoretical Analysis // J. of Person. And Soc. Psychology. 1984. Vol.

Психологическое сопровождение адаптации молодых сотрудников к профессиональной деятельности в силовых структурах

Особенности профессиональной адаптации молодых сотрудников МЧС России, психологическое сопровождение адаптации

Процесс адаптации молодых сотрудников к службе требует пристального внимания со стороны руководителей всех уровней в связи с тем, что от успешности адаптации молодых сотрудников к службе прямо зависит эффективность служебной деятельности в целом. Учитывая то, что подбор и прием на работу сотрудников силовых структур очень трудоемкий процесс, руководители учреждения заинтересованы, чтобы принятый сотрудник не уволился через несколько месяцев и как можно быстрее адаптировался в коллективе, разобрался с трудовыми функциями, которые он должен выполнять, в связи с чем обращают особое внимание на способы оптимизации процесса адаптации новичка в должности.

Психологическое сопровождение адаптации молодых сотрудников к профессиональной деятельности в силовых структурах включает различные мероприятия, например, плановые беседы с психологом; обучение; саморазвитие; наставничество [2,3]. Эффективность данной работы повышается, если она проводится на основе плана становления в должности молодого сотрудника. Совершенствование психологического сопровождения процесса адаптации молодых сотрудников должно также включать в себя разработку стратегий преодоления кризисов профессионального становления и методов их профилактики [3].

Экспериментальная база нашего исследования — Отдел надзорной деятельности и профилактической работы УНД и ПР ГУ МЧС России по Ставропольскому краю. Целью исследования являлось выявление психологических особенностей адаптации молодых сотрудников в силовых структурах. Были использованы: методика диагностики социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонда; опросник для оценки социально-психологической профессиональной адаптации М.А. Дмитриевой; многоуровневый личностный опросник Маклакова А.Г. и Чермянина С.В. «Адаптивность» и методы математико-статистической обработки данных. У большинства молодых сотрудников установлены умеренный и высокий уровень адаптации, преобладание высоких и низких показателей нервно-психической устойчивости, что указывает на предпочитаемую позицию личности: психоэмоциональную стабильность личности с низкой вероятностью нарушений психической деятельности, высоким уровнем поведенческой регуляции в служебной среде, социализацией и постановкой определенной цели профессионального становления. Молодых специалистов со средним уровнем коммуникативных способностей и

моральной нормативности характеризует наличие трудностей в установлении межличностных контактов в коллективе и затруднения во взаимопонимании с окружающими. Тем не менее, это свидетельствует о принятии установленной общественной роли в коллективе и нравственно-моральных норм, наличии адекватного отношения к условиям трудовой деятельности. Результаты корреляционного анализа указывают на взаимосвязь адаптации с такими феноменами как: принятие себя, принятие других, эмоциональный комфорт, внутренний контроль. Значимыми показателями, которые отрицательно взаимосвязаны с результатом адаптации, являются следующие: непринятие себя, непринятие других, эмоциональный дискомфорт, ведомость, эскапизм.

Таким образом, адаптация как процесс привыкания специалиста к внутренним и внешним условиям работы в силовых структурах, потребностям и нормам новой профессиональной среды, является фундаментом всей дальнейшей профессиональной деятельности. В процессе адаптации к служебной деятельности происходит психологическая перестройка личности сотрудника от профессионального самоопределения и оценки правильности сделанного жизненного выбора к самореализации в занимаемой должности.

1. Емельянова О.Я., Самсонов В.С., Шершень И.В. Диагностика аспектов проблемы профессиональной адаптации курсантов и молодых специалистов в учреждениях МЧС России // *Фундаментальные исследования*. — 2018. — № 2. — С. 66-71;
2. Харин В.В. Проблемные аспекты профессиональной адаптации молодых специалистов ФПС ГПС МЧС России / В.В. Харин, М.В. Шишков, Э.В. Лазарева, Т.А. Шавырина, Е.Ю. Удавцова, О.В. Стрельцов // *Безопасность и пожарная техника*. — 2013. — № 4. — С. 43-52.

Волевые качества личности рядовых сотрудников и младшего начальствующего состава органов внутренних дел

Волевые качества личности, сотрудники ОВД, рядовые, младший начальствующий состав, профессиональная деятельность, напряженные условия деятельности

Профессиональная деятельность сотрудников ОВД требует от них постоянного проявления волевых качеств личности в сложных, напряженных профессиональных условиях. Волевые качества помогают сотрудникам ОВД выдерживать эмоциональные и физические нагрузки. В исследовании приняли участие 69 сотрудников ОВД, в возрасте 20 — 46 лет, стаж деятельности в ОВД 0,5-26 лет. В исследовании участвовали сотрудники подразделений: ППС, дежурная часть, ДПС ГИБДД, служба участковых уполномоченных. В исследовании участвовали рядовые сотрудники и младший начальствующий состав. Методики: «Тип поведенческой активности» (Л.И. Вассерман, Н.В. Гуменюк) [Блейхер В.М., Крук И.В., Боков С.Н., 2002], 8-цветовой тест М. Люшера (в обработке В.И. Тимофеева, Ю.И. Филимоненко) [Тимофеев В.И., Филимоненко Ю.И., 2012], «Волевые качества личности» (М.В. Чумаков) [Чумаков М.В., 2006]. Проверка распределения данных показала, что распределение части шкал отличается от нормального (согласно критерию Шапиро-Уилка), обработка данных проводилась г-критерием Спирмена.

Было получено, что средний итоговый показатель волевых качеств личности сотрудников ОВД ($M=167,3$) находится в зоне высоких значений. Такие волевые качества личности как ответственность (19,7), решительность (15,8), самостоятельность (15,6), выдержка (22), настойчивость (14,3), внимательность (18,13), целеустремленность (21,6) — находятся выше среднего уровня. Качества инициативности (17,7) и энергичности (22,15) — на среднем уровне. Особенности профессиональной деятельности сотрудников ОВД таковы, что необходимо постоянно преодолевать трудности, но при этом соблюдать служебную иерархию. Полагаем, что именно с этим связано выраженность инициативности на среднем уровне. Энергетические показатели, а именно суммарное отклонение от аутогенной нормы (9,6) и вегетативный коэффициент (1,2) по тесту М. Люшера показывают, что сотрудники в целом испытывают незначительное нервно-психическое напряжение и обладают оптимальной мобилизацией физических и психических ресурсов. Тип поведенческой активности сотрудники демонстрируют преимущественно промежуточный АБ (439), что позволяет говорить о сбалансированной, эмоционально-стабильной личности, с неявной склонностью к доминированию. Выявлены корреляционные связи между показателями 1) тип поведенческой активности: волевое качество ответственность (-0,28 при $p0,05$); пол (-0,31); 2) возраст: ответственность (0,42), целеустремленность (0,55).

В среднем по выборке сотрудников ОВД: чем менее напряжен человек, тем меньший уровень ответственности он стремится проявлять. Умеренная активность, осторожность не предполагают стремления к высокому уровню ответственности, по-

сколько это потребует больших затрат психоэмоциональных, волевых, психофизических ресурсов. Более напряженными, деятельными, активными проявляют себя женщины-сотрудники ОВД. Мужчины чаще проявляют умеренную активность, осторожность. Чем сотрудники старше, тем более выражены у них ответственность и целеустремленность.

Выводы: 1) рядовые сотрудники и младший начальствующий состав ОВД характеризуются выраженностью волевых качеств выше среднего;

2) с возрастом у сотрудников повышаются ответственность и целеустремленность.

1. Блейхер В.М., Крук И.В., Боков С.Н. Клиническая патопсихология: Руководство для врачей и клинических психологов / В.М. Блейхер, И.В. Крук, С.Н. Боков. Москва-Воронеж: Московский психолого-социальный институт, 2002. — 511 с.
2. Тимофеев В.И., Филимоненко Ю.И. Цветовой тест Люшера. Диагностика нервно-психического состояния: Методическое руководство / В.И. Тимофеев, Ю.И. Филимоненко. Издание 2-е. — Спб.: ИМАТОН, 2012. — 40 с.
3. Чумаков М.В. Диагностика волевых особенностей личности // Вопросы психологии. — 2006. — №1.- С.169-178.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-013-00423

Мотивационно-личностные корреляты жизнеспособности у сотрудников УИС

Жизнеспособность, профессиональная пригодность, психология служебной деятельности, мотивационная направленность, эмоционально-оценочная направленность личности

Условия и содержание профессиональной деятельности в учреждениях современной уголовно-исправительной системы являются серьезным испытанием на прочность для профессионалов, работающих в ней. Особенности контингента заключенных, жесткая иерархизованность и регламентированность системы не способствуют закреплению позитивного мировосприятия и реализации личностного потенциала, у сотрудников высок риск эмоционального выгорания и профессиональных деструкций. Тем не менее, в УИС работает большое количество сотрудников, имеющих стаж работы от 5-7 и более лет.

Цель нашего исследования — изучение свойств личности у сотрудников УИС, позволяющих им сохранять профессиональную пригодность в течение длительного периода службы. Ключевым, с этой точки зрения, на наш взгляд, является жизнеспособность, как интегральное свойство личности, включающее в себя способность к адаптации, осмысленности жизни, саморегуляции и саморазвитию. По мнению Е.А. Рьльской, жизнеспособность личности повышается с возрастом, и, вероятно, имеет тесную связь с достижением личностной зрелости. Мы предполагаем также, что жизнеспособность имеет тесные генетические связи с личностной направленностью, а именно, с такими ее проявлениями, как преобладание мотивационной направленности на достижение успеха или избегание неудачи, а также с эмоционально-оценочной направленностью, выражающейся в преимущественно позитивном отношении к себе и к другим людям.

В исследовании приняли участие 64 сотрудника уголовно — исполнительной службы, в возрасте от 18 до 45 лет, среди них исключительно мужчины, разных должностей и званий.

Сравнительное исследование характеристик жизнеспособности у молодых и опытных сотрудников УС показало, что с возрастом и увеличением стажа происходит «расслоение» выборки по показателю «адаптация» (снижается число испытуемых со средними показателями и возрастает число сотрудников с высокими и низкими показателями адаптации). С увеличением стажа возрастает показатель «осмысленность жизни».

В ходе исследования мотивационной направленности на достижение успеха или избегание неудачи было обнаружено, что среди сотрудников, независимо от стажа, преобладает направленность на избегание неуспеха, причем у опытных сотрудников

эта особенность мотивации выражена сильнее. Вероятно, большое количество запретов и ограничений в данной сфере служебной деятельности, сама философия системы исполнения наказаний способствуют тому, что в эту сферу приходят люди с преобладанием мотивации избегания неуспеха. Те, у кого преобладает мотивационная направленность на достижение успеха, проявляют ее на уровне активных действий, но при этом не верят в их эффективность. Они испытывают потребность в избегании неуспеха, но программируют себя на него, в соответствии с принципом «стремись к лучшему, готовься к худшему».

Исследование личностной направленности показало, что среди сотрудников УИС преобладают люди с преимущественно негативным отношением к себе и позитивным отношением к другим людям. Среди опытных сотрудников возрастает количество людей с преимущественно негативным отношением и к себе, и к другим людям. Скорее всего, это происходит потому, что люди с позитивным отношением к себе реже выбирают карьеру в УИС и продолжительность их службы в данной системе редко превышает 7 лет.

Рассмотрев связи показателей жизнеспособности с особенностями мотивационной и личностной направленности мы обнаружили, что их структура у молодых сотрудников отличается от структуры связей между данными параметрами у опытных сотрудников. У молодых сотрудников выявлена прямая связь между способностью к саморазвитию и мотивационной направленностью на достижение успеха, проявляющейся преимущественно в потребности в достижениях и ожидании успеха. У опытных сотрудников выявлена обратная связь между способностью к саморегуляции и мотивацией избегания неуспеха.

Таким образом, гипотеза о связи жизнеспособности с особенностями личностной направленности подтвердилась.

Мотивационные кадровые риски государственных гражданских служащих с разным отношением к себе как профессионалу

Профессионал, отношение к себе, кадровый риск, мотивация

В системе государственной гражданской службы, в связи с повышающимися требованиями и возрастающими ожиданиями от сотрудников, проблема кадровых рисков служащих приобретает свою значимость. Особенно это касается трудовой мотивации служащих и их отношения к себе как профессионалу. Таким образом, в исследовании, мы предполагали, что государственным гражданским служащим с разным видом отношения к себе как профессионалу свойственны кадровые риски, обусловленные их трудовой мотивацией.

В обследовании приняли участие 143 государственных гражданских служащих (стаж работы на госслужбе от 1 до 3 лет), проходивших повышение квалификации на базе «РАНХиГС» (Курганский филиал). В качестве психодиагностических методик использовали: авторскую разработку «Определение отношения к себе как профессионалу» (ОСП) и «Методику определения мотивационных типов» («Мотайп», разработанную В.И. Герчиковым). В качестве методов математической статистики использовали: анализ первичных статистик, оценка достоверности различий в выраженности исследуемых характеристик, выявление взаимосвязей между характеристиками методом корреляционного анализа.

На основании исследований установлено следующее. Нашло своё эмпирическое подтверждение предположение о взаимосвязи показателей отношения к себе с показателями мотивационных типов государственных гражданских служащих (коэффициенты корреляции находятся в диапазоне от 0,39 до 0,51, при $p \leq 0,05$). Исключение составляет шкала «избегательный» тип мотивации (методика «Мотайп»). Показатели по данной шкале обратно пропорциональны значениям по шкалам методики «ОСП» (коэффициенты корреляции находятся в диапазоне от -0,42 до -0,49, при $p \leq 0,05$).

По результатам методики «ОСП», выявлены группы служащих, в зависимости от выраженности доминирующего отношения к себе. Первая группа – госслужащие с «активно-позитивным отношением к себе как профессионалу» ($n=94$ госслужащих), вторая – служащие с «пассивно-позитивным отношением» ($n=49$ госслужащих).

У служащих с «активно-позитивным» отношением к себе выражена «профессиональная» и «инструментальная» типы мотивации трудовой деятельности. Среди показателей отношения к себе как профессионалу, у госслужащих с «профессиональным» типом мотивации выражены «установка на профессиональное саморазвитие». Тогда у субъектов с «инструментальным» типом мотивации преобладают высокий «уровень притязаний» и «установка на должностное развитие».

Служащие с «пассивно-позитивным» отношением к себе как профессионалу, отличаются «патриотической» и «избегательной» типами трудовой мотивации. Об-

щим, в отношении к себе для данной категории служащих, является умеренный «уровень притязаний» и «установки на профессиональное саморазвитие». Несмотря на это, показатели отношения к себе, такие как «принятие» и «представление о себе как профессионале», у служащих с «патриотической» мотивацией находятся на повышенном уровне. Тогда как у служащих с «избегательной» мотивацией — на высоком уровне.

Установлено, что у служащих с «активно-позитивным» отношением к себе и «профессиональной» мотивацией, кадровые риски обусловлены отсутствием признания как профессионала, карьерного роста и оплаты труда в соответствии со своей квалификацией. Тогда как у служащих с «инструментальной» мотивацией кадровые риски связаны с недостаточным (по их мнению) уровнем заработной платы или иных благ, получаемых в качестве вознаграждения за труд. Для служащих с «пассивно-позитивным» отношением к себе и «патриотической» мотивацией кадровыми рисками могут выступать дисгармоничные отношения в трудовом коллективе, отсутствие переживания нужности, причастности к общему делу. Кадровыми рисками служащих с «избегательной» мотивацией является стремление минимизировать свои трудовые усилия на уровне, допустимом со стороны непосредственного руководителя.

В завершение отметим, что формируя активное и позитивное отношение к себе как профессионалу, возможно, конструктивно влиять на трудовую мотивацию госслужащих, снижая, тем самым, кадровые риски.

Психолого-правовые аспекты проявления конфликтов интересов в мотивационном менталитете государственных гражданских служащих

Конфликт интересов, мотивационный менталитет, риск-мотивировки, Я-концепция госслужащего

Объективным юридико-психологическим маркером формирования формирования возникновения конфликта параметры интересов свойства являются выступают система нарушения госслужащим стандарта антикоррупционной деятельности поведения. Субъективным признаком — деформация мотивационного менталитета госслужащего. Предмет исследования: мотивационный менталитет государственных гражданских служащих как совокупность обыденных представлений и научно-теоретических мотивационных категорий определяющих уровень сложности вербального обоснования побудительных причин своих служебных действий и поступков. Теоретической основа исследования: модель мотива как сложного интегрального психологического образования (Ильин, 1995). Объект: государственные гражданские служащие разного должностного уровня Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Кировской области (n=37). Цель: выявление степени выраженности в мотивационном менталитете действующих чиновников конфликта интересов. Гипотеза: госслужащие при обосновании мотивов своих служебных действий и поступков актуализируют в сознании некоторое количество риск-мотивировок как субъективных маркеров внутриличностного конфликта интересов, коррелирующих с искажённой Я-концепцией. На первом этапе выявлялась мера глубины и полноты осознания мотивов служебных действий и поступков. В ходе психосемантического и контент-анализа откликов были выделены мотивировки, которые по содержанию относились к зоне риска (риск-мотивировки). 24,3% составили высказывания семантически игнорирующие нормы и правила служебной субординации по трём основным причинам: чрезвычайная ситуация, неформальные отношения и наличие некоторых угроз своей чести и достоинству. 21,6% респондентов обнаружили правовой релятивизм, т.е. допускают возможные правовые нарушения, оправдывая их несовершенством законодательства, морально-правовой дилеммой и некими интересами государства и профдеятельности. 21,6% риск-мотивировок оправдывают необязательность тотального волевого самоконтроля госслужащим своих действий и поступков вне работы: потребность в эмоциональной разрядке; свобода самовыражения. Один участник (2,7%) допускает возможность использования служебного положения в личных целях («личное дело каждого»). На втором этапе методом семантического дифференциала была выявлена индивидуальная «Я-концепция личности госслужащего» и определена самооценка соответствия идеалу/антиидеалу. Среднегрупповая самооценка по положительному множеству —

0,5, по отрицательному множеству — 0,2, что является признаком адекватности. Часть категорий с отрицательной коннотацией была отнесена участниками исследования в идеальный кластер личности госслужащего, а именно — рискованность (43,2%), хитрость (8,1%), импульсивность (5,4%), меркантильность (2,7%). 15 участников (40,5%) отнесли аскетичность в отрицательное множество. На третьем этапе была выявлена корреляция между наличием риск-мотивировок с индивидуальной Я-концепцией личности госслужащего по методике семантического дифференциала. У двух участников исследования были обнаружены по 3 риск-мотивировки в сочетании с отмеченными в позитивном множестве категории «рискованность». Психопрофилактика внутриличностного конфликта интересов для данных служащих будет заключаться в поддержании нравственно-правового запрета (самостоятельно и в альянсе с работодателем) на поведенческие девиации при исполнении служебных обязанностей при встрече с конфликтогенными служебными ситуациями. Выводы: 1) Мотивационный профиль личности госслужащего может быть дополнен таким психологическим критерием, как внутриличностный конфликт между декларируемыми и реальными мотивационными установками служебного поведения. 2) Достоверными признаками внутриличностного мотивационного конфликта государственного гражданского служащего являются противоречия между содержанием риск-мотивировок при ответах на вопросы мотивационного интервью и ответах при составлении индивидуальной Я-концепции идеального госслужащего.

Исследование взаимосвязи акцентуаций характера и копинг-стратегии у сотрудников силовых структур

Стресс, совладающее поведение, копинг-стратегии, акцентуации характера

В ситуации, когда внешние или внутренние трудности вызывают напряжение, которое нельзя преодолеть при помощи обычных способов и стратегий поведения, т.е. это напряжение превышает «обычные» силы организма, человек применяет копинг. Анализ зарубежных исследований позволяет понимать копинг-поведение как постоянно изменяющиеся когнитивные и поведенческие усилия с целью управления внешними и внутренними факторами, которые человек оценивает угрозой превышения его ресурсов в стрессовой ситуации. В отечественной психологии под совладающим поведением понимается поведение, которое позволяет человеку осознанно справляться со стрессовыми жизненными ситуациями (Аббатов, 2012).

Особенности выбора типа совладающего поведения сотрудниками силовых структур позволяют предположить стратегии поведения в трудных или конфликтных ситуациях. В свою очередь, определение акцентуаций характера также может являться основой для прогнозирования стратегий поведения сотрудников силовых структур в ситуациях, требующих совладания и преодоления (Деркач, Зазыкин, 1998, Комаров, 2004).

Цель исследования — изучение взаимосвязи акцентуаций характера и копинг-стратегии у сотрудников силовых структур.

Для достижения цели исследования и нами была сформулирована исследовательская задача: изучить особенности влияния акцентуаций характера на проявления копинг-стратегий у сотрудников силовых структур.

Для проведения исследования были использованы следующие методики: опросник изучения акцентуаций характера К. Леонгарда — Г. Шмишека; опросник для определения стратегий преодоления стрессовых ситуаций (SACS) (С. Хобфолл, русскоязычная версия Н. Водопьяновой, Е. Старченковой; индекс жизненного стиля Г. Келлермана и Р. Плутчика; копинг-тест Лазаруса. Выборку испытуемых составили 36 сотрудников МЧС России (Крюкова 2010).

Статистический анализ результатов с использованием коэффициента корреляции Пирсона позволил определить силу корреляционной связи между типами акцентуации характера и копинг-стратегиями.

Демонстративный тип акцентуации характера взаимосвязан с регрессией ($r=0,342^{**}$), компенсацией ($r=0,248^*$) и самоконтролем ($r=-0,233^*$). Аффективно-экзальтированный тип взаимосвязан с импульсивными действиями ($r=0,264^*$), что говорит о быстром, необдуманном принятии решений или в следовании интуитивным импульсам. Эмотивный тип связан с интеллектуализацией ($r=0,412^{**}$). Циклотимический тип имеет отрицательную взаимосвязь с непрямыми действиями ($r=-0,322^{**}$). Возбудимый тип отрицательно коррелирует с ассертивными действиями ($r=-0,253^*$), то есть, не предполагает адекватную оценку ситуации, спокойные решительные дей-

ствия, что характерно для возбудимого типа. Положительная же взаимосвязь наблюдается с конфронтацией ($r=0,306^{**}$), таким людям свойственна импульсивность в поведении (иногда с элементами враждебности и конфликтности). Педантичный тип взаимосвязан с дистанцированием ($r=0,235^*$). Застревающий тип связан с компенсацией ($r=0,236^*$). Дистимический тип отрицательно коррелирует с вступлением в социальный контакт ($r=-0,294^*$). Тревожный тип акцентуации характера у испытуемых выявлен не был, но обнаружена корреляционная связь с бегством-избеганием ($r=0,251^*$).

Таким образом, гипотеза о том, что для сотрудников силовых структур с различными типами акцентуаций характера характерна выраженность специфичных копинг-стратегий подтвердилась.

1. Абабков, В.А. Соправление со стрессом: теория и психодиагностика / В.А. Абабков, Л.И. Вассерман, Е.А. Трифонова. — СПб.: Речь, 2012. — 192 с
2. Деркач А. А., Зазыкин В. Г. Профессионализм деятельности в особых и экстремальных условиях. — М.: РАГС, 1998.
3. Комаров А.В. Система построения психологической защиты в деятельности сотрудников силовых структур / Психология XXI века. — СПб, 2004.
4. Крюкова, Т.Л. Психология совладающего поведения в разные периоды жизни: монография / Т.Л. Крюкова. — Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2010. — 296 с

Специфика влияния служебной деятельности на ценностно-смысловую сферу личности и индивидуально-типологические особенности сотрудников органов внутренних дел

Смысложизненные и ценностные ориентации, индивидуально-типологические особенности, служебная деятельность, ценностно-смысловая сфера, сотрудники органов внутренних дел, профессиональный профиль личности, профессиональная деформация

Особые условия, в которых осуществляется профессиональная деятельность сотрудников органов внутренних дел и ее специфичность, в том числе угроза жизни и здоровью, вызывают не только огромные физические, но и психические перегрузки, что ведет к развитию стрессовых состояний и, как результат, к возникновению психической дезадаптации и эмоциональному выгоранию, а также часто к конфликтам в коллективе и «текучести» кадрового состава.

В научной литературе представлены работы, посвященные исследованию различных аспектов психической адаптации специалистов к экстремальным условиям служебной деятельности, эффективности в деятельности и организации труда, а также профессиональной деформации личности сотрудников в процессе службы.

Однако на наш взгляд в настоящее время в психологии существует потребность в рассмотрении специфики служебной деятельности с ценностно-смысловой точки зрения; в исследованиях, раскрывающие взаимосвязь между смысложизненными и ценностными ориентациями и индивидуально-типологическими особенностями сотрудников органов внутренних дел, которые определяют профессиональный профиль личности данной категории специалистов. Такие исследования позволили бы более детально описать специфику влияния служебной деятельности на человека, а также разработать программы более точного отбора и сопровождения персонала на разных этапах служебной деятельности.

С целью изучения специфики влияния служебной деятельности на ценностно-смысловую сферу (а именно на смысложизненные и ценностные ориентации) и профессионально значимые личностные качества сотрудников органов внутренних дел на разных этапах профессиональной деятельности были применены следующие диагностические методики: «Тест смысложизненных ориентаций» (Д.А. Леонтьев); «Методика ценностных ориентаций» (М. Рокич); «Индивидуально-типологический опросник» (Л.Н. Собчик); «13-факторный личностный опросник» (Р. Кеттелл); «Локус-контроля» (Дж. Роттер); а также проведено анкетирование.

Объектом выступили 46 сотрудников органов внутренних дел, со стажем служебной деятельности от 1 года до 18 лет в возрасте от 20 до 42 лет. Контрольную группу составили 15 гражданских лиц. Полученные данные были подвергнуты статистической обработке.

В результате можно сделать следующие выводы.

В процессе служебной деятельности (уже к 3 годам службы) происходит снижение общей осмысленности жизни и изменение смысложизненных ориентаций с процесса жизни и личной ответственности за события своей жизни (стаж 1-3 года) на

то, что жизнь вообще подвластна контролю со стороны человека (стаж 3-8 лет) и на результат и достижения жизни (стаж 10-18 лет).

Происходит изменение жизненных ценностей-целей с «продуктивности» и «познания» (стаж 1-3 года) на «здоровье», «работу» и «материальную обеспеченность» (стаж 3-18 лет). Также изменяются и ценности-средства — с «воспитанности», «образованности» и «честности» (стаж 1-3 года) через «аккуратность», «ответственность» и «непримиримость» (стаж 3-8 лет) на «жизнерадостность», «самоконтроль» и «рационализм» (стаж 10-18 лет). При этом с увеличением стажа служебной деятельности значимость профессиональной самореализации, конкретных ценностей и ценностей дела снижается, а значимость этических ценностей, ценностей общения и индивидуалистических ценностей возрастает.

Такие индивидуально-типологические особенности, как «экстраверсия», «спонтанность», «ригидность» и «лабильность» сменяются «агрессивностью», «интроверсией», «сензитивностью» и «тревожностью».

Характеризуя коммуникативные свойства личности сотрудников органов внутренних дел, можно отметить, что с увеличением стажа служебной деятельности происходит, с одной стороны, рост подозрительности, а, с другой, — рост дипломатичности. В эмоциональной сфере снижается эмоциональная устойчивость и смелость в социальных контактах, при этом возрастает напряженность. В интеллектуальной сфере происходит снижение «интеллектуальности». Также со стороны регуляторных свойств личности происходит снижение моральной нормативности и самодисциплины.

Психологическая готовность к службе в Вооруженных силах Российской Федерации призывников-срочников и курсантов-кадетов

Психологическая готовность, армия, служба, кадет, призывник, сформированность, компоненты

Сегодня вместе с реформированием в социально-политической и экономической области происходят изменения в Российской армии. На Вооруженные силы оказывается серьезное воздействие, тем самым, предъявляя особые требования к индивидуально — личностным характеристикам будущего солдата, к особенностям его психологической готовности к службе в армии.

Анализ исследовательских работ позволил рассмотреть психологическую готовность к службе в армии, как определенное внутреннее состояние, включающее ценностно — смысловой, мотивационный и эмоционально — волевой компоненты, благодаря которым происходит мобилизация личности к действиям в условиях армейской службы, обеспечивающее актуализацию возможностей и направленность на выполнение воинских обязанностей.

Для изучения психологической готовности был использован комплекс взаимосвязанных методов исследования: обзорно — аналитические и теоретические методы, психодиагностические методики («Доминирующее эмоциональное состояние» (Л.В.Куликов), «Склонность к отклоняющемуся поведению» (А.Н.Орел), «Смысложизненные ориентации» (Д.А.Леонтьев), опросник терминальных ценностей (И.Г.Сенин), «Стиль саморегуляции поведения» (В.И.Моросанова), «Волевые качества личности» (М.В.Чумаков)), математико-статистические методы, U — критерий Манна -Уитни, факторный анализ. Общее количество исследовательской выборки 60 человек, из них: 30 курсантов — кадетов и 30 призывников — срочников.

Результаты исследования:

1. Кадеты более обязательны и дисциплинированы в поступках, стремятся к старательному и ответственному выполнению обязанностей и различного рода исполнительской дисциплины.

2. Кадеты более оптимистичны по отношению к жизненным ситуациям, верят в себя и свои силы преодолевать возникающие проблемы и затруднения. Для них характерно снижение эмоционального самоконтроля и тревожного состояния, выражено стремление достигать конкретных и осязаемых результатов в своей деятельности.

3. Призывники способны своевременно находить правильную тактику и модель поведения, не испытывать затруднений при построении межличностных коммуникаций; склоны давать социально-желательные ответы, производить правильное впечатление на окружающих, быть в центре внимания.

4. Кадеты в целом не заинтересованы во мнениях окружающих о себе и своем поведении. Для них наименьшую актуальность представляет высокое материальное положение, увлечения и хобби, вовлечение в какие-либо общественные организации.

Для кадетов характерно наличие конкретных и осмысленных целей на будущее, которые определяют стремление к их исполнению. Они предпочитают свободу выбора, сохраняя верность своим нормам и принципам, готовы при определенных обстоятельствах, например в ситуации повышенной психологической напряженности, совершить правонарушение против норм и правил, при этом контролируя любые поведенческие проявления эмоциональных реакций и чувственных влечений.

5. Для призывников важна сфера своей профессиональной деятельности, они склонны к реализации творческого потенциала, способны включаться в решение затруднений профессионального характера, однако, менее ориентированы на конкретные цели, предпочитая процесс протекающих жизненных событий. У призывников наблюдается тенденция к проявлению (иногда демонстративных) агрессивных форм поведения при построении межличностных коммуникаций. Склонны решать возникающие конфликтные ситуации путём эмоционального давления и унижения партнера по общению с целью стабилизации собственной самооценки.

После соотнесения выявленных факторов с компонентами психологической готовности к службе в армии, получен следующий результат: курсанты — кадеты обладают более высоким уровнем сформированности психологической готовности к военной службе по всем компонентам, а для призывников — срочников характерно снижение степени сформированности эмоционально-волевого компонента психологической готовности к военной службе.

Леонова Е.В.
Калуга, КГУ им. К.Э. Циолковского

Кривова О.И.
Калуга, Отдел морально-психологического обеспечения по работе с личным составом
УМВД России

Соболев А.А.
Калуга, КГУ им. К.Э. Циолковского

Мураев Н.А.
Калуга, КГУ им. К.Э. Циолковского

Стрессогенные факторы в профессиональной деятельности сотрудников МВД

Профессиональная деятельность сотрудников МВД, стрессогенные факторы, копинг-стратегии, оперуполномоченные, дорожно-патрульная служба

Стресс является неотъемлемой частью профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов. Длительное воздействие стресса может вызвать патологические изменения психики, неприятие выполняемой деятельности, изменения морально-ценностной сферы, эмоциональное выгорание и психосоматические заболевания.

Целью настоящего исследования являлось изучение стрессогенных факторов (СФ) и копинг-стратегий в профессиональной деятельности сотрудников МВД. Было проведено два исследования, общий объем выборок 112 человек — сотрудники УМВД РФ по г. Калуге. Применялись методики: «Опросник трудового стресса» Ч.Спилбергера, адаптация А.Б.Леоновой и С.Б.Величковой; «Копинг-поведение в стрессовой ситуации» С. Нормана, адаптация Т.Л.Крюковой; тест эмоционального интеллекта Д.В.Люсина.

В первом исследовании приняли участие 26 оперуполномоченных уголовного розыска (УГР) и 26 сотрудников дорожно-патрульной службы (ДПС). Наиболее выраженными общими СФ для сотрудников МВД являются сверхурочная работа, борьба за продвижение по службе, низкая трудовая мотивация сослуживцев. Специфическими СФ для сотрудников ДПС являются несправедливость в оплате труда, отсутствие времени для отдыха, необходимость выполнять работу за других. Для сотрудников УГР — повышенная ответственность за работу, переходы от вынужденных периодов пассивности и безделья к интенсивным нагрузкам, отсутствие полноценного руководства.

Нами была изучена связь силы и частоты СФ с копинг-стратегиями, что также позволило выявить различия между сотрудниками УГР и ДПС.

Так, у сотрудников УГР обнаружилась прямая связь между эмоционально-ориентированным копингом (ЭОК) и силой таких СФ как наличие неприятных обязанностей и противоречивых поручений $r=0,43^*$; необходимость незамедлительно принимать ответственные решения $r=0,41^*$; обиды и оскорбления со стороны нару-

шителей $r=0,48^*$; недостаточное участие в планировании и принятии организационных решений $r=0,45^*$; борьба за продвижение по службе $r=0,47^*$; отсутствие полноценного руководства $r=0,52^{**}$; переходы от вынужденных периодов пассивности и безделья к интенсивным перегрузкам $r=0,61^{**}$; жесткие сроки выполнения работы $r=0,42^*$. Для сотрудников УГР с копинг-стратегией ориентированной на избегание (КОИ) взаимосвязи с силой СФ обнаружено не было.

Для сотрудников ДПС ЭОК связан с такими СФ как несоответствие поручаемых задач профессиональным обязанностям $r=0,44^*$ и борьба за продвижение по службе $r=0,43^*$. А КОИ связан с такими стресс-факторами как: плохая подготовка персонала для качественного выполнения трудовых задач $r=0,47^*$ и необходимость незамедлительно принимать ответственные решения $r=0,43^*$.

Интересные результаты получились относительно проблемно-ориентированного копинга (ПОК). У сотрудников УГР ПОК обратно связан с силой таких СФ, как наличие неприятных обязанностей и противоречивых поручений $r=-0,43^*$; необходимость выполнять новые или совершенно незнакомые задания $r=-0,40^*$; постоянные прерывания и отвлечения от работы $r=-0,46^*$; чрезмерная нагрузка по работе с документацией и справочной информацией $r=-0,39^*$. У сотрудников ДПС аналогичных связей не обнаружено. Это означает, что чем более выражен ПОК у сотрудника МВД, тем менее значимы для него СФ.

Во втором исследовании изучалась связь копинг-стратегий с эмоциональным интеллектом и профессиональной успешностью сотрудников УГР ($N=60$). Результаты свидетельствуют, что выраженность проблемно-ориентированного копинга имеет сильную прямую связь с эмоциональным интеллектом ($r=0,31^*$), который, в свою очередь, связан с успешностью профессиональной деятельности ($r=0,49^{**}$).

Таким образом, в профессиональной деятельности сотрудников разных подразделений правоохранительных органов существуют как общие, так и специфические стрессогенные факторы. Как специфика подразделения, так и ведущая копинг-стратегия предопределяют значимость СФ профессиональной деятельности. Профессионально значимым для сотрудников МВД является проблемно-ориентированный копинг.

Гендерные особенности ценностных ориентаций сотрудников органов внутренних дел в прогнозе надежности

Ценностные ориентации, успешность профессиональной адаптации, гендерный аспект, сотрудники органов внутренних дел

Профессиональная деятельность сотрудников органов внутренних дел характеризуется максимальной ориентацией на общечеловеческие ценности, что отражено в Федеральном законе РФ «О полиции», и является главной гуманистической сущностью служебной деятельности. Поэтому деятельность, выполняемая сотрудниками полиции в соответствии с социально значимыми ценностями, будет отражать степень надежности субъектов и профессионализма (Гончарова, Костылева, 2018).

В отечественной психологии проблема ценностей рассматривается в качестве компонента психологической структуры личности, определяющей ее направленность (Б.Г. Ананьев, Г.М. Андреева, А.Н. Леонтьев, Д.А. Леонтьев, Б.Ф. Ломов, В.С. Мерлин, В.Н. Мясищев, А.А. Реан, В.А. Ядов). Б.Г. Ананьев рассматривает ценности как базальные характеристики личности, которые определяют мотивационную направленность деятельности (Ананьев, 2001). С.Л. Рубинштейн рассматривает ценностную направленность как динамическую тенденцию личности (Рубинштейн, 2003).

Для надежности служебной деятельности идеальным вариантом выступает согласование субъектом ценностей внешних — прагматического содержания с ценностями внутренними — нравственно-делового содержания, которые составляют гармоничную основу личностных смыслов в профессиональной сфере. Сравнение показателей ценностной сферы личности сотрудников мужского и женского пола позволяет определить как общий уровень, так и различия в ценностных ориентациях сотрудников органов внутренних дел.

В ходе эмпирического исследования было сформировано две выборки респондентов — мужская и женская, общей численностью 105 человек, средний возраст 26 лет, стаж до 2 лет. Оценка уровня выраженности ценностных ориентаций осуществлялась с помощью психодиагностических методик (методика «Якоря карьеры» — Э. Шейн, и Опросник терминальных ценностей — И.Г. Сенин). В статистическом анализе различий использован t-критерий Стьюдента для независимых выборок.

Сравнительный анализ показателей мужской и женской выборок позволил установить достоверно значимые различия в значениях карьерных ориентаций «Менеджмент» (муж. $6,44 \pm 2,21$ / жен. $5,46 \pm 2,30$; $p \leq 0,04$) и «Предпринимательство» ($3,98 \pm 1,77$ / $3,16 \pm 1,52$, $p \leq 0,01$). Различия в ценностных ориентациях личности установлены между значениями показателей «Собственный престиж» ($6,42 \pm 1,83$ / $5,25 \pm 2,83$, $p \leq 0,02$), «Активные социальные контакты» ($7,01 \pm 2,15$ / $5,81 \pm 1,95$; $p \leq 0,005$), и показателях ценностных сфер: «Обучение и образование» ($5,55 \pm 2,82$ / $6,89 \pm 2,20$,

$p \leq 0,009$), «Семейная жизнь» ($7,03 \pm 2,38 / 5,89 \pm 2,49$ $p \leq 0,027$), «Общественная жизнь» ($7,71 \pm 1,86 / 6,58 \pm 2,06$, $p \leq 0,008$).

На основании проведенного исследования ценностной сферы сознания можно дать положительный прогноз надежности в деятельности сотрудников органов внутренних дел, который определяется приоритетными и более высокими значениями карьерных ориентаций «Стабильность места работы» и «Служение» и ценности «Достижений».

Ценностные ориентации представителей мужской выборки отличаются направленностью на служение, достижения, выполнение управленческих функций. Отмечается приоритет ценностей в сфере общественной и семейной жизни. Ценностная сфера представителей женской выборки характеризуется значимостью карьерных ориентаций служения, ценностей достижений и отличается приоритетными значениями ценностной сферы обучения и образования.

1. Ананьев Б.Г. О проблемах современного человекознания / Б.Г. Ананьев. — СПб.: Питер, 2001. — 336 с.
2. Гончарова Н.А., Костылева И.В. Психологические особенности аксиологической надежности сотрудников органов внутренних дел на различных стадиях профессионализма [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018. Том 8. № 3. С. 25–33. doi:10.17759/psylaw.2018080302 (дата обращения: 25.05.20).
3. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир — СПб.: Питер, 2003. — 508 с.

Самоубийства в вооруженных силах — факторы риска, закономерности и международный опыт превенции

Суицид, вооруженные силы, факторы риска, превенция

Самоубийства в вооруженных силах — актуальная тема в суицидологии, предмет большого числа исследований. Исторически такие суициды известны столько же, сколько известны регулярные войска. Анализ открытых публикаций за последние 40-50 лет свидетельствует о том, что индексы самоубийств среди военнослужащих как правило ниже, чем в соответствующих демографических группах в общей популяции. В то же время, из этого правила бывают исключения. Так, в период сразу после распада СССР наблюдался значительный подъем суицидов в вооруженных силах России, в Великобритании в 90-е годы среди молодых военнослужащих уровни были выше, чем в общей популяции среди мужчин, в последние 15 лет наблюдается беспрецедентный рост суицидов в армии США. В каждом конкретном случае причины таких подъемов во многом уникальны, искать их следует в общественно-политическом контексте, степени вовлеченности в военные конфликты различного характера, в том, чем заканчиваются эти конфликты, или во внутриармейских процессах (реформирование, сокращение численного состава, уровень финансирования и т.д.) [1, 2]. В последние годы многие авторы обращают внимание на еще одну потенциальную причину — рост нарушений психического здоровья среди нового поколения молодежи и возможность «импорта» в военную среду новых рисков [3]. Концепция факторов риска (любых внешних и внутренних факторов, повышающих вероятность неблагоприятного исхода) является ведущей при обсуждении проблемы суицидов среди военнослужащих. При этом необходимо учитывать как общие (психические расстройства, кризисы, межличностные отношения, финансовые проблемы, проблемы с законом и т.д.), так и специфические факторы, характерные для воинской среды [1, 2]. Они, в свою очередь, могут различаться применительно к различным категориям (командный и личный состав, призывники срочной службы, контрактники, представители родов войск и т.д.) [3]. Основными специфическими факторами риска являются постоянный контакт с оружием, трудности армейской жизни и адаптации к новым условиям, ограниченность ресурсов социальной поддержки и неприятие самой идеи обращения за помощью (особенности армейской культуры). Наряду с этим в воинской среде существуют дополнительные защитные факторы — тестирование на этапе отбора, возможность постоянного контроля психологического состояния, своевременное комиссование лиц с психическими расстройствами, а также практика расследования каждого случая самоубийства, позволяющая отслеживать тенденции и делать выводы относительно эффективности программ превенции. Что касается таких программ, то опыт последних лет в Израиле, Канаде, странах ЕС и особенно в США дает примеры развернутых и продуманных стратегий. Они включают повышение эффективности скрининга при рекрутинге, меры психосоциального характера, направленные на улучшение психи-

ческого здоровья, психообразовательные программы для командования и медицинской службы, более эффективное выявление ситуаций риска, укрепление психического здоровья больших контингентов военнослужащих, тренинги конструктивных копинг-стратегий и т.д. В докладе будут представлены примеры таких программ и обзор исследований по оценке их эффективности.

1. Nock, M.K., Deming, C.A., Fullerton C.S. et al. Suicide among soldiers: A review of psychosocial risk and protective factors // *Psychiatry*. — 2013. — V.76(2). — P. 97-125. doi: 10.1521/psyc.2013.76.2.97
2. Rozanov V.A., Mehlum L., Stiliha R. Suicide in military settings. Combatants and veterans. In: *Oxford Textbook on Suicidology and Suicide Prevention* / D. Wasserman and C. Wasserman (eds.), 2009. Oxford University Press. — p.257-265.
3. Rozanov V. Mental health problems and suicide in the younger generation — implications for prevention in the Navy and merchant fleet // *International Maritime Health*. — 2020. — V.71(1). — P.34-41.DOF: 10.

Влияние психологического благополучия на профессиональный стресс у сотрудников органов внутренних дел

Психологическое благополучие, профессиональный стресс, профессиональная деятельность в системе МВД

Профессиональный стресс — это понятие, используемое для характеристики комплекса явлений, связанных с повышенными требованиями к адапционным ресурсам человека и их деструктивными последствиями под воздействием факторов, присущих как конкретной трудовой ситуации, так и профессиональной жизни человека в целом (А.Б. Леонова, 2003). Профессиональная деятельность в системе МВД представляет собой специфическую деятельность, требующую значительного психологического и физического напряжения, сопряженного с высокой профессиональной и социальной ответственностью. Стрессоустойчивость, психологическое здоровье, адаптационные возможности сотрудника — личностные факторы, позволяющие противостоять профессиональному стрессу. Среди данных факторов психологическое благополучие занимает особое место, и рассматривается как системный многоуровневый психологический феномен, оказывающий влияние на самочувствие, эмоциональные переживания, выбор жизненных стратегий и поведение [1]. Нами проведено эмпирическое исследование, цель которого — изучение влияния уровня и компонентов психологического благополучия на профессиональный стресс у сотрудников органов внутренних дел с разным стажем профессиональной деятельности. Выборку исследования составили 100 сотрудников МВД России, 39 женщин и 61 мужчина, стаж службы от 2 до 27 лет. По критерию стажа профессиональной деятельности выборка разделена на 4 подгруппы (группы равновеликие по 25 человек): 1 группа — стаж службы в ОВД до 5 лет (средний возраст — 25 лет); 2 группа — стаж службы в ОВД от 6 до 10 лет (средний возраст — 29 лет); 3 группа — стаж службы в ОВД от 11 до 15 лет (средний возраст — 36 лет); 4 группа — стаж службы в ОВД свыше 15 лет (средний возраст — 41 год). Методы: диагностико-превентивная система «Интегральная диагностика и коррекция стресса» (ИДИКС — Леонова, 2007), «Опросник поведения и переживания, связанного с работой» (У. Шааршмидт и А. Фишер, адаптация Т. Ронгиской, 2002 г.); методика «Шкала психологического благополучия» (К. Рифф, адаптация Н.Н. Лепешинского, 2007 г.).

Результаты. Было обнаружено, что психологическое благополучие влияет на развитие профессионального стресса у сотрудников органов внутренних дел. Данный предиктор снижает выраженность индекса стресса и обуславливает 42% его дисперсии. Наибольший вклад в возникновение профессионального стресса и составляющих данного синдрома вносят такие компоненты психологического благополучия как Управление средой и Самопринятие (от 35 до 49% дисперсии). Это означает, что при условии контроля собственной деятельности и самопринятии, уровень

профессионального стресса и негативное влияние на профессиональную деятельность условий и организации труда, острого и хронического стресса значительно снижается. Психологическое благополучие и профессиональный стресс изменяются в зависимости от стажа службы в системе МВД. Повышается ранга до 15 лет профессиональной деятельности и резкий спад после наблюдается по таким компонентам психологического благополучия как позитивное отношение к другим людям ($\chi^2 = 16,666$, при $p = 0,001$), управление средой ($\chi^2 = 19,741$, при $p = 0,000$), личностный рост ($\chi^2 = 19,634$, при $p = 0,000$), цели в жизни ($\chi^2 = 14,703$, при $p = 0,002$) и самопринятие ($\chi^2 = 13,275$, при $p = 0,004$). Таким образом, на пик самореализации, целеустремленности, эффективного использования представляющихся возможностей, построения близких отношений с другими, а также знание и принятие различных своих сторон сотрудники выходят в период 11 — 15 лет своей профессиональной деятельности.

Таким образом, психологическое благополучие и его компоненты оказывают значимое влияние на возникновение и развитие профессионального стресса и составляющей синдрома ПС сотрудников ОВД. Был обнаружен период службы, на котором сотрудники ОВД выходят на пик своего функционирования и максимальной реализации своих возможностей, а также период, когда наиболее уязвимы воздействию профессионального стресса и его компонентов.

1. Водопьянова Н.Е., Гофман О.О., Густелова А.Н., Мясникова С.В. Интрасубъектные детерминансы психологического благополучия // Психология стресса и совладающего поведения: вызовы, ресурсы, благополучие. — 2019. — С. 160-164.

Исследование проводится при финансовой поддержке РФФИ, проект 18-013-01001

Взаимосвязь профессиональной мотивации с уровнем удовлетворенности трудом у военнослужащих

Удовлетворенность трудом, профессиональная мотивация, военнослужащие

Профессиональная мотивация и удовлетворенность трудом остаются одними из главных тем в работах многих авторов и исследователей, поскольку удовлетворенность трудом работников зависит от множества факторов, а один из них — это система мотивации, которая существует в организации.

Важнейшей составляющей профессиональной мотивации является степень удовлетворенности сотрудником своей профессиональной деятельностью. Удовлетворенность трудом является выражением его общего отношения к своей работе.

Под мотивацией профессиональной деятельности военнослужащих понимается система определенных дополнительных благ, имеющих цель отдать предпочтение, выделить определенные сферы военной деятельности, отличающиеся от обычной своей интенсивности, работой в экстремальных условиях, климатическими и другими особенностями осуществления деятельности, а также степенью опасности для здоровья и жизни военнослужащих.

Смысл военно-профессиональной мотивации заключается в том, чтобы отыскать и найти именно такие стимулы, которые соответствуют основной, закреплённой в жизни установке личности военнослужащего.

Нами была выдвинута гипотеза о том, что существует взаимосвязь между профессиональной мотивацией и удовлетворённостью трудом военнослужащих.

Для подтверждения гипотезы работы было проведено эмпирическое исследование. Для создания необходимой мотивации испытуемых к участию в исследовании использовались следующие методические приемы: участие в исследовании было анонимным (испытуемые указывали ник, по которому в случае необходимости можно было их идентифицировать); каждый респондент, желающий ознакомиться с результатами собственного исследования, имел возможность ознакомиться с ними.

Были использованы следующие методики: Методика, выявляющая основные типы мотивации В. Герчикова; «Мотивация профессиональной деятельности» К. Замфир в адаптации А. Реан; Методика изучения интегральной удовлетворенности трудом (Н.П.Фетискин, В.В. Козлов, Г.М. Мануйлов); Методика Фанталовой на определении ценностных ориентаций и уровня интеграции мотивационно-личностной сферы; Опросник МД в адаптации М.Магомед-Эминова для оценки выраженности мотивации достижения успеха; М-профиль для оценки структуры профессионально значимых мотивов. Модифицированный вариант методики «Мотивационный профиль» Ш.Ричи и П.Мартина.

В ходе эмпирического исследования было выявлено, что некоторые потребности военнослужащих непосредственно влияют на уровень удовлетворенности трудом.

Преобладающим стимулом для большинства военнослужащих является оплата труда, многие также ориентированы на высокие профессиональные достижения, а также проявляют повышенный интерес к работе. В целом военнослужащие удовлетворены трудом, однако, есть те, у кого уровень удовлетворенности на низком уровне.

Таким образом у удовлетворенных сотрудников выражена внутренняя положительная мотивация. Это говорит о том, что работники интересуются своей работой, стремятся к профессиональному росту, вносят предложения по улучшению качества работы. У неудовлетворенных сотрудников, напротив, выражена внутренняя отрицательная мотивация, что говорит о стремлении избежать критики возможных наказаний или неприятностей, а также стремление избежать возможных наказаний и неприятностей, что является непродуктивным мотивом в профессиональной деятельности человека. Также необходимо отметить, что степень удовлетворенности трудовой деятельностью военнослужащих влияет на их вовлеченность в процесс труда, что позволяет военнослужащим вкладывать больше усилий в деятельность при наименьшей затрате психической энергии, таким образом добиваться успехов в профессиональной деятельности.

1. Асеев, В.Г. Проблема мотивации и личности // Теоретические проблемы психологии личности. — М., 1974. — 122 с.
2. Герцберг, Ф. Мотивация к работе / Ф. Герцберг, Б. Моснер, Б. Блох, Б. Снидерман. — М.: Вершина, 2006. — 240 с.
3. Герчиков, В. И. Мотивация, стимулирование и оплата труда персонала: Учеб. Пособие / В. И. Герчиков. — М.: ГУ Высшая школа экономики, 2008. — с. 110–112.

Прогностические факторы негативных последствий служебно-боевой деятельности сотрудников правоохранительных органов

Сотрудники правоохранительных органов, служебно-боевая деятельность, контр-террористическая операция, структурно-динамическая модель

Широкий спектр стрессовых и психотравмирующих ситуаций, с которыми сталкиваются сотрудники правоохранительных органов при решении повседневных и служебно-боевых задач, в раннем периоде активизирует адаптационное стрессовое реагирование, а в отдаленном — приводит к формированию полиморфных (по выраженности и качеству) личностных изменений в границах индивидуального диапазона.

Объект исследования: 426 сотрудников правоохранительных органов (ОВД, ОМОН), участвовавших в контртеррористической операции и не имеющих боевого опыта.

Гипотеза исследования: Психологические последствия служебно-боевой деятельности детерминируются динамическим комплексом профессиональных, возрастных и социальных факторов, которые приводят к усилению или ослаблению психотравмирующего воздействия, при этом роль медиаторов играют психологические и биологические особенности специалистов. Ранние и отдаленные последствия психотравмирующих стрессоров высокой интенсивности, разной степени сложности и длительности проявляются в виде донозологических типов, отражающих различные этапы (уровни) в континууме «психическое здоровье — промежуточные формы психического здоровья — психопатология».

На основе обобщения результатов одномерных (описательной статистики, сравнительного, корреляционного анализа) и многомерных методов обработки эмпирических данных (множественного регрессионного, иерархического кластерного анализа, моделирования структурными уравнениями) была создана структурно-динамическая модель последствий служебно-боевой деятельности, включающая:

1. Динамические предикторы — возраст, стаж, частота и длительность участия в контртеррористической операции, продолжительность периода реадaptации к обычной жизни.

2. Особенности и свойства личности сотрудников, которые способствуют возникновению негативных последствий: пессимистичность, социальная интроверсия, ригидность, невротический контроль, импульсивность, эмоциональная лабильность, низкий волевой самоконтроль, индивидуалистичность черепно-мозговые травмы (медиаторы 1-го порядка), фрустрационная напряженность, тревожность, чувство вины, замкнутость, низкая нормативность поведения (медиаторы 2-го порядка). Препятствуют возникновению негативных последствий: оптимистичность, экстраверсия, демонстративность, эмоциональная устойчивость, волевой самоконтроль, гибкость мышления и поведения, рациональность (медиаторы 1-го порядка), общительность, спокойствие, нормативность поведения (медиаторы 2-го порядка).

3. Типы последствий служебно-боевой деятельности (конструктивно-адаптивные, неустойчиво-адаптивные и пограничные). Конструктивно-адаптивный тип характеризуется отсутствием симптомов ПТСР, зависимости от психоактивных веществ, признаков личностной дисгармонии, низкими показателями заболеваемости, оптимальной психофизиологической мобилизованностью, стеническим типом стрессового реагирования, рациональной конструктивной активностью, оптимизмом, мужественностью, конформизмом. Неустойчиво-адаптивный тип отличается умеренно выраженными симптомами ПТСР, средним уровнем заболеваемости и дистресса, стеническим типом стрессового реагирования с преобладанием возбудимых черт, индивидуалистичностью, признаками личностной дисгармонии на фоне сохраненного социального функционирования. Пограничный тип последствий характеризуется выраженными симптомами ПТСР, частой и длительной заболеваемостью, психической напряженностью, утомлением, гипостеническим или смешанным типом стрессового реагирования, дисбалансом противоречивых личностных черт, неконформизмом, склонностью к употреблению алкоголя, курению. В ранний период реадaptации (до 1 года) у комбатантов ОВД преобладают неустойчиво-адаптивный (45 %) и конструктивно-адаптивный (37,5 %) типы последствий. В отдаленные сроки (от 2 до 13 лет) конструктивно-адаптивные последствия наблюдаются у 62 % комбатантов ОМОН, а неустойчиво-адаптивный тип — у 51 % сотрудников ОВД. Пограничный тип последствий у профессионалов всех групп составляет 16-19 %.

Устойчивость психологических характеристик во времени у специалистов МЧС России

Устойчивость, специалисты МЧС России, адаптация, нервно-психическая устойчивость, индивидуально-психологические качества

Деятельность специалистов МЧС России является многопрофильной, связанной не только с использованием технических средств, но и с коммуникативным взаимодействием. Это все требует от специалистов МЧС России наличия определенных индивидуально-психологических качеств, сформированных либо при выполнении профессиональных задач, либо имеющихся у человека изначально. При этом такие качества должны быть не только определенного уровня выраженности, но и быть неизменны во времени, либо претерпевать изменения незначительно и подвергаться необходимой корректировке. Все это связано с тем, что индивидуально-психологические качества способствуют психологической адаптации, нарушение которой приводит не только к изменениям у человека во внутреннем плане (тревожность, раздражительность, утомляемость, нарушения когнитивных процессов, вегетативные реакции и т.д.), но и к изменениям психо-социальных функций (межличностные конфликты, изменения обычного уклада жизни, изменения поведенческих паттернов и др.) [1]. Таким образом, актуальным и важным является определение устойчивости индивидуально-психологических качеств во времени у специалистов МЧС России, что поможет проводить с ними своевременные психопрофилактические и психокоррекционные мероприятия для поддержания продуктивности профессиональной деятельности и сохранения психологического здоровья. Общее количество обследованных специалистов МЧС России составило 351 человек; средний возраст составил $41,9 \pm 7,2$ года. Исследование индивидуально-психологических качеств в эмпирической выборке проводилось неоднократно, в результате чего были получены группы, распределенные по временным этапам: 1 группа—«1 обследование—обследование через 1 год», 2 группа—«1 обследование—обследование через 2 года», 3 группа—«1 обследование—обследование через 3 года», 4 группа—«1 обследование—обследование через 4 года», 5 группа— «1 обследование—обследование через 5 лет». В рамках исследования использовались метод тестирования и метод статистической обработки данных (критерий Т-Вилкоксона, корреляционный анализ, коэффициент вариативности). Метод тестирования включал в себя психодиагностический инструментарий, направленный на изучение интеллектуально-мнестической сферы (базовый интеллект, свойства внимания и памяти, стиль мышления), эмоционально-личностной сферы (коммуникативные способности, организаторские склонности, лидерские качества, нервно-психическая устойчивость, личностные и характерологические особенности), мотивационно-волевой сферы (направленность личности, субъективный контроль). Общее количество—48 изучаемых показателей.

Полученные результаты исследования позволили установить, что за указанные временные этапы изучаемые индивидуально-психологические качества не претерпевают существенных изменений, то есть являются устойчивыми. Так, в 1 группе неизменными остались 33 показателя, во 2 группе-45 показателей, в 3 группе-28 показателей, в 4 группе-30 показателей, в 5 группе-29 показателей. Все это может говорить об адаптационном потенциале, то есть специалисты МЧС России имеют индивидуально-психологические качества, способствующие приспособлению к изменяющимся внешним условиям. При этом, сравнивая между собой временные периоды, обнаружено, что вариации подвергается лишь одно качество—нервно-психическая устойчивость, а остальные качества устойчивы во времени.

В связи с тем, что нервно-психическая устойчивость является целостной характеристикой личности и обуславливает регуляцию поведения человека, то рекомендуется опираться на полученные результаты исследования с целью подбора оптимальных психопрофилактических и психокоррекционных мероприятий со специалистами МЧС России. Также полученные результаты можно рассматривать как одно из обоснований для проведения повторного (периодического, внеочередного) психодиагностического обследования в рамках сопровождения профессиональной деятельности специалистов МЧС России.

1. Березин Ф.Б. Психическая и психофизиологическая адаптация человека. Л., Наука. 1988.

Готовность к риску сотрудников ГПС в зависимости от мотивационной направленности

Риск, готовность к риску, склонность к риску, мотивационная направленность, мотивация достижения успеха, мотивация к избеганию неудач

Профессиональная деятельность сотрудников силовых структур предполагает наличие высокого уровня психологической готовности к выполнению служебно-боевых задач в условиях повышенного риска. Поэтому в контексте психологической практики исследования, выявляющие специфику проявления склонности к риску, как составляющей комплексного феномена готовности к риску, и ее взаимосвязь с мотивационной направленностью приобретают особую актуальность.

В процессе теоретического анализа рассматриваемой проблемы было установлено, что в психологической науке существует много разных подходов к определению сущности понятий «риск», «склонность к риску» и «готовность к риску».

Для феноменологии риска доминирующими являются такие черты, как опасность, случайность и неопределенность. Поэтому риск чаще всего определяется как осознанно предпринятое действие при наличии возможной опасности в условиях неопределенности, в надежде на благоприятный исход, выбранное из нескольких вариантов достижения поставленной цели. Склонность к риску является наиболее устойчивой характеристикой личности, которая рассматривается как постоянное влечение человека к рискованным действиям. Готовность к риску трактуется как динамическое образование, которое определяется активностью самой личности, меняется в зависимости от ситуации и зависит от многих факторов (пола, возраста, интеллектуального развития, психофизиологических показателей). Это более широкое и многоаспектное понятие, состоящее из таких структурных компонентов, как обстановочный, деятельностный и личностный (который в свою очередь включает в себя индивидуально-психологические особенности (интеллект, решительность, смелость), отношение и склонность к риску, нервно-психическую устойчивость, тревожность, мотивационно-ценностный параметр). Таким образом, склонность к риску является составляющей личностного компонента готовности к риску и влияет на степень ее выраженности.

При исследовании готовности к риску сотрудников силовых структур важно принимать во внимание такой показатель деятельности, как мотивационная направленность на достижение успеха или избегание неудач. Данные переменные достаточно хорошо изучены отечественными и зарубежными учеными, однако их связь с феноменом готовности и склонности к риску у данной категории специалистов полностью не определена.

В эмпирической части исследования приняли участие 32 пожарных, в возрасте от 20 до 58 лет.

Психодиагностический комплекс включал методики диагностики личности на мотивацию к успеху и избеганию неудач (автор Т. Элерс) и степени готовности (склонности) к риску (автор А.М. Шуберт).

В ходе исследования было установлено, что большинство пожарных (75%) имеют средний уровень выраженности склонности к риску, что в целом может свидетельствовать об адекватном отношении к риску и реальной оценке своих возможностей. Рискованный стиль поведения выявлен у 19% сотрудников. А «сверхосторожность», способность к выполнению только простых алгоритмизированных задач и возможную склонность перекладывать ответственность на других продемонстрировали 6% респондентов.

В выборке присутствуют сотрудники, имеющие смешанный тип (41%) мотивационной направленности, ориентированные на избегание неудач (38%), и на достижение успеха (21%). Несмотря на то, что мотивационная направленность на избегание неудач представлена чуть в большей степени, применение F-критерия Фишера показало отсутствие статистической значимости ($\chi^2=1,938$; $p=0,380$) этих данных.

Корреляционный анализ выявил наличие обратной связи между склонностью к риску и мотивационной направленностью на избегание неудач ($r=-0,508$, $p<0,01$). Это говорит о том, что чем выше склонность к риску у сотрудников, тем ниже их мотивационная направленность на избегание неудач, и наоборот.

Полученные результаты способствовали актуализации программы деятельности психолога, включающей обсуждение данной проблематики с личным составом, так как от ее понимания может зависеть эффективность командной деятельности.

Мотивация военно-профессиональной деятельности и выраженность патриотизма современных военнослужащих контрактной службы Вооружённых Сил Российской Федерации

Мотивация военно-профессиональной деятельности, патриотизм, патриотическое воспитание, военнослужащие контрактной службы

В последнее десятилетие государственная политика направлена на повышение престижа профессиональной военной службы и на патриотическое воспитание граждан. Военнослужащим контрактной службы повысили заработную плату, дополнены социальные льготы. Появляются государственные программы, проводятся конференции, различные мероприятия, направленные на патриотическое воспитание. Такие действия, с нашей точки зрения, имеют направленность не только на укрепление внешней политики России, но и внутренней.

Проблема мотивации к профессиональной военной службе становится предметом исследования не только в психологии (Т.Г. Зотова, 2016; В.Е. Петров, Н.В. Сметанина, 2018; И.В. Пучка, 2017 и др.), но и в социологии (А.П. Абрамов, 2017; А.Д. Белоусов, 2017; И.В. Ткачёв, 2019 и др.), и в педагогике (А.П. Андруник, А.Н. Безматерных, 2013; А.В. Митрахович, 2012, 2014). Подчёркивается феномен патриотизма как важнейшей ценности в системе Вооружённых Сил (С.В. Бориснёв, 2017; А.Ю. Власенко, 2016; И.В. Черемисова, 2020 и др.). При этом, несмотря на устойчивый интерес многих ученых к указанным выше вопросам, проблема мотивации к военно-профессиональной деятельности и сформированности патриотизма у современных военнослужащих контрактной службы остаётся малоизученной, что позволяет с очевидностью говорить о своевременности и актуальности выбранного исследования.

Нами проведено исследование с применением методики «Анкета социально-психологического изучения», рекомендованной Министерством Обороны в ходе проведения мероприятий по профессиональному психологическому отбору, а также проведён письменный опрос с последующим контент-анализом ответов респондентов. Эмпирическая часть исследования проводилась на базе одной из воинских частей г. Волгограда. Выборку составили 116 военнослужащих контрактной службы в возрасте от 19 до 47 лет.

В результате исследования выявлено, что только 6% военнослужащих по шкале «Мотивация на военно-профессиональную деятельность» показали высокий уровень мотивационной готовности к воинской службе, что выражается в альтруистическом стремлении служить Отечеству, выполнять важные задачи по обеспечению боеспособности государства, также выявлены мотивация достижения успеха и направленность личности на военное дело.

Военнослужащие (24%), имеющие хороший уровень мотивации, ориентированы большей частью как на защиту интересов Родины и общества, так и на карьерный рост, и на получение материальной выгоды от службы.

Для большинства военнослужащих (64%) характерен удовлетворительный уровень мотивации. Контент-анализ ответов на вопросы показал, что для преобладающей части респондентов с такими показателями привлекательность службы по контракту заключается в стабильности, социальных льготах и возможности получения жилья. Следовательно, обследуемыми этой категории движет прежде всего рационально-осознанный, практико-ориентированный выбор профессии, а не альтруистический эмоциональный порыв.

Неудовлетворительный уровень мотивации выявлен также у 6% военнослужащих, в армии их держит возможность улучшить своё материальное положение, получить социальные льготы и жильё. Контрактная служба, как профессиональная деятельность, для них не интересна.

Стоит отметить, что контент-анализ письменного опроса продемонстрировал, что большая часть военнослужащих контрактной службы (70%) считают себя патриотами, 9% — не считают, а 22% — затруднились с выбором ответа.

Таким образом, мы выявили, что мотивация большинства современных военнослужащих контрактной службы к выбору профессии обусловлена преобладанием материальных ценностей над духовно-патриотическими. Следовательно, открывается достаточно перспективная исследовательская область поиска новых способов и методов формирования патриотизма у граждан России всех возрастных категорий и мотивационной готовности к военно-профессиональной деятельности, а также углубленного изучения причин изменения ценностных ориентаций личности не только среди молодёжи, но и среди более взрослого поколения в XXI веке.

Шамишкова О.А.
Новосибирск, НГПУ

Ермолова Е.О.
Новосибирск, НГПУ

Пикалова Е.С.
Новосибирск, НГПУ

Индивидуально-типологические особенности кандидатов на службу в правоохранительные органы

Индивидуально-типологические особенности, служба в правоохранительных органах, психологическое сопровождение, многофакторное исследование личности

В настоящее время психологическому состоянию сотрудников правоохранительных органов уделяется особое внимание, так как нестабильная политическая обстановка в мире, применение санкций к России, повышенная стрессогенность профессии накладывает отпечаток на психологическое состояние сотрудника. Исследование индивидуально — типологических особенностей в наше время является актуальным вопросом в сфере психологического сопровождения сотрудников органов правопорядка.

Традиционно для обозначения особенностей человека в психологии используются такие понятия, как «психологические особенности», «индивидуальные различия», «индивидуальные особенности», «индивидуально-психологические особенности», «типологические» или «индивидуально-типологические особенности». Одним из противоречий при формулировке каждого из указанных понятий является сложность определения компонентного состава той области, которую определяют данные понятия (Т.В. Ледовская, 2013). Из анализа существующих взглядов и теорий на проблему индивидуально-типологических особенностей, можно выделить три группы исследований. Первая группа исследований связана с изучением психофизиологических свойств как основы для различий, оказывающих наиболее сильное влияние на жизнь человека. К числу таких исследований относятся работы Г.Ю. Айзенка, Т. Рибо, Б.М. Теплова, В. Д. Небылицына и др. Вторая группа — исследования, связанные с изучением психических свойств: работы Ф. Гальтона, Дж.П. Гилфорда, Дж.М. Кеттела, Ч.Э. Спримена, Л. Терстоуна и др. Третья — работы, объединяющие изучение психофизиологических и психических свойств А. Бине, Э.А. Голубева, В.А. Москвин, В.М. Русалов и др.

Целью представленного фрагмента проведенного эмпирического исследования стало выявление индивидуально-типологических особенностей кандидатов на службу в правоохранительные органы в зависимости от пола. В исследовании была использована методика многофакторного исследования личности (ММИЛ) Ф.Б. Березина. Исследование проводилось на базе УРЛС ГУ МВД России по Новосибирской области. Выборку составили кандидаты на службу в правоохранительные органы в количестве 151 человек, из которых 69 женщин (ЭГ-1) и 82 мужчины (ЭГ-82). Проверка достоверности различий между эмпирическими группами осуществлялась с

помощью сравнительного анализа по критерию U-Манна-Уитни. В результате проведенного анализа было выявлено три достоверных различия. Сравнивая две группы респондентов по переменной «Выраженность мужских / женских черт характера» ($U=5295,5$ при $p \leq 0,01$), можно видеть, что ЭГ-1 превосходит ЭГ-2 по выраженности данного признака. Таким образом, можно отметить, что для ЭГ-1 (женщины) характерно в большей степени трансляция своей половой принадлежности в поведении и общении с противоположным полом, что связано с предстоящей работой в мужском коллективе. Также достоверные различия были обнаружены по переменной «Паранойдность или ригидность аффекта» ($U=3454,0$ при $p \leq 0,05$), где ЭГ-1 также превосходит ЭГ-2 по выраженности данного признака. Можно сделать вывод, что женщины более склонны к селективному отбору информации, подтверждающей адекватность проявляемых ими эмоций. Однако по шкале «Индивидуалистичность или аутизация» ($U=2266,0$ при $p \leq 0,05$) ЭГ-2 превосходит ЭГ-1 по выраженности данного признака. Таким образом мужчины более склонны при наличии незначительных фрустраций дистанцироваться от окружающих и уходить из окружающей среды во внутренний мир. Полученные результаты отражают возможность служению государству как мужчин, так и женщин, с учетом минимальных индивидуально-типологических различий.

Содержание ролевых конфликтов у сотрудников отдела безопасности ФСИН России

Ролевой конфликт, безопасность, служебная деятельность

Неочевидность ролевого конфликта и источников его возникновения создает дополнительные трудности для работы с ними в условиях организации. Целью исследования стало определение содержания ролевых конфликтов у сотрудников отдела безопасности ФСИН России. Объект исследования — ролевые конфликты сотрудников, осуществляющих служебную деятельность. Предмет исследования — содержание ролевых конфликтов сотрудников отдела безопасности ГУФСИН России по Челябинской области. В качестве гипотезы выступило предположение, что содержание ролевых конфликтов у сотрудников имеет сложную субъективную природу, в которой можно выделить когнитивный и эмоциональный компоненты, неодинаково проявляющиеся в общей структуре конфликта.

Методики исследования: шкалы семантического дифференциала «Моя работа» в модификации Н.Н. Мельниковой, а также анкета ролевого конфликта, специально разработанная для целей исследования на основе материалов интервью с сотрудниками организаций и опросников диагностики ролевого конфликта С.И. Ериной [1], а также S. Pandey. Анкета включает шесть шкал в соответствии с диагностируемыми типами конфликтов: личностно-ролевой, внутриролевой, межролевой, ролевая перегрузка, ролевая недогрузка, ролевая неопределенность.

В исследовании приняло участие 30 сотрудников отдела безопасности одной из ФКУ ИК в структуре ГУФСИН России по Челябинской области, из них мужчин — 21, женщин — 9, со стажем работы в организации от 6 месяцев до 12 лет.

На основе параметров эмпирических распределений результатов по когнитивному и эмоциональному компонентам ролевого конфликта (РК) все сотрудники были распределены на 3 группы: с низким, средним и высоким уровнем РК по каждому из описанных типов. Выявлено, что у 16 % сотрудников не выражен ни один тип РК. У остальных 84 % можно предположить наличие РК по одному и более типам. На основе этого можно утверждать о большой распространенности РК у сотрудников отдела безопасности, что, вероятно, обусловлено скорее организационными факторами (спецификой служебной деятельности в системах обеспечения безопасности [2]), чем личностными.

Содержание РК также анализировалось по характеру и степени взаимосвязей между типами РК. Обнаружено, что внутри эмоционального компонента связей между типами РК больше, чем внутри когнитивного (14 против 10). На основе этого можно предположить, что на уровне осознания человек дифференцирует источник РК более четко, чем на уровне переживания. Эту особенность эмоционального переживания конфликта можно объяснить явлением экспансии, т.е. вовлечении в конфликт других сфер внутриличностного пространства.

Кроме того, был проведен корреляционный анализ на поиск взаимосвязей между типами РК и параметрами восприятия работы. Все выявленные значимые взаимосвязи являются отрицательными: чем выше РК, тем меньше работа понятна, стабильна, согласована и целостна. Наиболее тесные связи со шкалами семантического дифференциала обнаружены по когнитивному компоненту РК (7 связей на уровне $p \leq 0,001$) по сравнению с эмоциональным (2 связи на уровне $p \leq 0,001$). Это можно объяснить тем, что структура эмоционального компонента РК по сравнению с когнитивным сложнее и богаче по количеству и характеру взаимосвязей с другими факторами, где на первое место выходят личностные, а не организационные факторы, как это, вероятно, имеет место в структуре когнитивного компонента конфликта.

В качестве мер по снижению и профилактике РК можно предложить проведение социально-психологических тренингов, а также различные формы внутрикорпоративного обучения на рабочем месте.

1. Ерина, С.И. Роль конфликт и его диагностика в деятельности руководителя / С.И. Ерина. — Ярославль: Изд-во ЯрГУ, 2000. — 108 с.
2. Натаров, В.И. Профессиональное здоровье и надежность человека в системах обеспечения безопасности / В.И. Натаров // Ананьевские чтения — 2019: Психология общества, государству, политике: материалы международной научной конференции, 22–25 октября 2019 года / Отв. ред. И.А. Самуйлова. — СПб.: Скифия-Принт, 2019. — С. 102-103."

ПСИХОЛОГИЯ ЖИЗНЕННОГО ПРОСТРАНСТВА (К 130-ЛЕТИЮ КУРТА ЛЕВИНА)

Адмакина Т.А.
Санкт-Петербург, СПбГУП

Проявление поля власти родителя в невербальном поведении ребенка в ситуации психолого-педагогической экспертизы

Поле власти, невербальное поведение, психолого-педагогическая экспертиза, психогенная индукция

В теории жизненного пространства К.Левина имеется понятие «поле власти» — способность одного человека концентрировать и сосредотачивать силы, действующие на другого человека [1]. По мнению К. Левина, обозначенное явление может эксплицироваться, например, в меняющемся поведении детей в присутствии авторитетного для них взрослого. Родитель сгущает и направляет силы, чтобы стимулировать ребенка, или, наоборот, ограничить его нежелательные действия.

В ситуации судебного спора родителей о праве на воспитание ребенка (решая вопрос месте жительства детей, порядке общения несовершеннолетнего с отдельно проживающим родителем и пр.) довольно часто наблюдается феномен психогенного индуцирования — явление, при котором значимый взрослый влияет на мнение сына/дочери, навязывает свою позицию, формируя негативный образ другого родителя. Особенно ярко это проявляется тогда, когда в основе мотива подачи иска родителем лежит не ценность самого ребенка, а желание контролировать привязанность сына/дочери к себе и иметь единоличное право на его/ее воспитание, стремление отомстить бывшему супругу, решить имущественный спор, вопрос с алиментными обязательствами, стремление вернуть жену/мужа через ребенка и пр. В таких случаях родитель прибегает к использованию неконструктивных и разрушительных для психики ребенка педагогических тактик. Чем сильнее мотивационный заряд родителя в конфликтном разводе, тем мощнее его влияние на ребенка.

Рассмотрим, как эксплицируется поле власти родителя в невербальном поведении ребенка в ситуации психолого-педагогической экспертизы (далее — ППЭ), назначаемой судом для решения обозначенных выше споров. Нужно отметить, что высказывания и поступки детей (особенно 3-7 лет) еще в недостаточной мере ими контролируются и осознаются, поэтому являются репрезентативным диагностическим материалом.

Из нашего практического опыта (более 150 семей, проходивших ППЭ в ООО «Центр независимой профессиональной экспертизы «ПетроЭксперт») можно привести примеры поведенческих реакций детей, которые можно рассматривать как референты индукции со стороны значимого взрослого. Пример 1. Девочка 4-х лет вошла в помещение, и, увидев в нем папу, который раскрыл руки для объятий, улыбнулась, подбежала и обняла (несовершеннолетняя находилась под спонтанным влиянием

поля власти отца). Через несколько секунд девочка «опомнилась», повернулась посмотреть на вошедшую вслед за ней маму. Отразив ее недовольство, следуя за более мощным (в данном случае) действием поля власти мамы, ребенок отодвинул руками отца. Пример 2. Девочка со слезами на глазах в присутствии мамы (находясь под влиянием ее поля власти) агрессивным тоном сообщает папе, что не хочет видеть его на свой день рождения, держится отстраненно, на него не смотрит. Когда мама вышла, и ребенок остался наедине с отцом (сила поля одного из значимых взрослых ослабла, и усилилось влияние поля власти другого родителя), девочка подошла ближе к папе, стала вести с ним диалог, включилась в совместный рисунок. Когда папа попытался войти в телесный контакт с ребенком (погладить, приобнять), девочка не стала сопротивляться.

Таким образом, в поведении ребенка можно наблюдать, как распределяются поля власти значимых для него взрослых. Выраженный межличностный спор разводящихся супругов порождает внутриличностный конфликт у их ребенка [2]. Наиболее разрушительным для его психики является равная ценность обоих родителей, и схожая по мощности объективная вынуждающая сила каждого из них.

Теория К.Левина о поле власти помогает эксперту-психологу в диагностике — становится возможным глубже понять и оценить ряд психологических феноменов: эмоциональное состояние ребенка, значимость и авторитетность родителя для него, наличие/отсутствие психогенной индукции.

1. Левин К. Теория поля в социальных науках. М.: Изд-во «Академический проект», 2019 г. 313 с.
2. Buchanan С., Maccoby Е.Е., Dornbusch S.M. Caught between parents: Adolescents' experience in divorced homes. *Child Development*, 1991, no 62, pp. 1008-1029

Прекаритизация современной студенческой молодежи мегаполиса

Прекариат, прекаритизация, студенты, молодежь, мегаполис

Термин «прекариат» образовался от соединения двух слов «precarious» — нестабильный, неустойчивый и «proletariat» — пролетариат. Изучение новой социальной группы или страты, объединяющей людей разного социального и финансового статуса, не имеющих стабильной занятости и постоянного дохода, ограниченных в правах и социальных гарантиях, ввиду социально-экономических изменений в мире стало трендом последних десятилетий в сфере гуманитарного знания. Прекаритизация характеризуется состоянием нестабильности, неопределенности и непредсказуемости условий жизни прекариата, которые приводят его к финансовому и психологическому неблагополучию и уязвимости. Г.Стэндинг относит молодежь и студенчество к группе риска по прекарности, в связи с этим, целью нашего исследования было пилотажное изучение прекаритизации студентов из Москвы. В исследовании приняли участие 127 респондентов (средний возраст 22 года), 102 девушки и 25 юношей. Нами был разработан опросник, включающий три блока вопросов.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что подавляющему большинству респондентов, нравится их будущая профессия (90,6%), не знали, что ответить 9,4%. Планируют продолжить образование в выбранной сфере 74,8% опрошенных студентов, не знают, как сложится их дальнейшая профессионализация 23,6%, и всего два человека (1,6%) не планируют продолжать учиться. Считают свое отношение к профессии лучшим, чем у других сокурсников 5,5% студентов, 73,2% высказали сомнение и так не считают 21,3%. Воспользовались бы предоставленной возможностью поменять профессию 9,4% участников опроса, высказали сомнение 20,5% и отказались бы от смены профессии 70,1% респондентов. Планируют в будущем работать по выбранной профессии 70,9% респондентов, не знают, где хотели бы работать 23,6% и 5,5% предполагают, что в будущем будут работать в иной сфере.

В выборе желаемой или «идеальной» карьерной реализации хотели бы стать «Руководителями» 42,5% респондентов «Востребованными работниками» — 47,2%, «Фрилансерами» 10,3% студентов. На вопрос о вариантах развития их возможной или «реальной» профессиональной карьеры, хотели бы стать «Руководителями» 11%, «Востребованными работниками» 63%, «Фрилансерами» 26% опрошенных студентов.

Среди опрошенных студентов 29 человек (22,8%) не работало, 98 респондентов (77,2%) работает или имеет трудовой опыт. Имели опыт работы или работают без официального оформления или с оформлением трудовых отношений с работодателем на срок менее года 49% студентов, работали только официально и на одном месте сроком более одного года 51% участников исследования. В сфере, не связанной напрямую с получаемым образованием, работает или работало 58,2% студентов, а в поле профильного образования или в близкой сфере работает 41,8% участников

опроса. Только 43,8% респондентов постоянно приходится (приходилось) перерабатывать более 8 часов в неделю, в установленное время работает или работало 56,2% участников исследования. Имели потребность подрабатывать или дополнительно работают в своей или сторонней организации 43% студентов, а 57% участников опроса не сталкивались с такой необходимостью. Получают неофициальную выплату заработной платы 40% участников исследования, в противовес 60% респондентов, получающих «белую» зарплату.

Таким образом, полученные результаты свидетельствуют о том, что в представленной выборке большая часть студенческой молодежи мегаполиса (77,2%) совмещает получение образования с работой, зачастую малооплачиваемой и нестабильной, но позволяющей покрывать часть своих материальных потребностей и получать опыт работы. Около половины респондентов с опытом работы отмечали такие признаки прекарности в сфере трудовых отношений, как несоответствие работы получаемому образованию, невозможность влиять на важные решения в своей организации, получение заработной платы «в конверте», отсутствие трудового договора с работодателем и частичная или временная занятость.

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 20-013-00075

Базаров Т.Ю.
Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова

Битюцкая Е.В.
Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова

Разработка нового опросника «Типы реагирования на ситуацию изменений» (ТРСИ)

Типы реагирования на изменения, ситуация изменений, восприятие ситуации

Актуальность разработки опросника определяется тем, что изменения жизни становятся непрерывным и постоянным процессом, в который вовлекается все человечество. На индивидуальном уровне ключевой составляющей процесса изменений выступает восприятие ситуации, определяющее поведение человека. При операционализации этого феномена и разработке соответствующей методики единицей анализа для нас становится тип реагирования на изменения, описывающий особенности восприятия ситуации.

Утверждения опросника разработаны на основе анализа большого массива качественных данных (Битюцкая, Базаров, 2019) и в опоре на предложенную ранее классификацию, включающую 4 стиля реагирования на изменения: консервативный, инновационный, реактивный, реализующий (Базаров, Сычева, 2012). Мы предположили, что можно выделить 4 одноименных типа реагирования или типа восприятия ситуации изменений.

Концептуальное отличие ТРСИ от опросника «Стили реагирования на изменения» (СРНИ) состоит в том, что ТРСИ — методика ситуационного типа, т.е. предполагает анализ опыта переживания ситуации изменений, происшедшей в жизни респондента (или актуальной для него). Для СРНИ же важна идея стиля как устойчивой характеристики личности, как предпочитаемого варианта реагирования в разных ситуациях.

Содержательное различие этих опросников состоит в том, что для ТРСИ специально разработаны оригинальные утверждения. Для этого было проведено эмпирическое исследование, основанное на качественном подходе ($n = 325$). По результатам работы удалось определить смысловые категории, описывающие для каждого стиля ожидания, смыслы ситуаций жизненных изменений, способы копинга и др. (Битюцкая, Базаров, 2019).

Первичная версия ТРСИ включала 100 пунктов. При разработке опросника пункты группировались в смысловые блоки: реакции в стабильных и быстро меняющихся условиях, способы адаптации к переменам; планирование и реализация плана; отношение к возможностям и ограничениям, к неудаче и успеху, к правилам в ситуациях изменений; восприятие будущего и др.

Апробация первичного опросника была проведена на выборке взрослых респондентов (в возрасте от 18 до 48 лет; $n = 488$). По результатам эксплораторного факторного анализа, большая часть пунктов сгруппировалась согласно предположениям в 4 фактора, соответствующих типам реагирования. Кроме того, был выделен 5-тый фак-

тор — отношения с людьми в ситуации изменений. Далее проводился как анализ психометрических показателей (описательной статистики пунктов, результатов процедуры «альфа Кронбаха при удалении пункта»), так и содержательный разбор пунктов.

По результатам первичной проверки методики мы отобрали 48 пунктов, которые соответствуют 4-м предполагаемым типам реагирования на изменения:

Консервативный тип — 11 пунктов (п.), описывающих стремление стабилизировать ситуацию изменений; попытки применения разработанных алгоритмов действий в новых условиях; негативное отношение к переменам.

Инновационный тип — 12 п., характеризующих высокую привлекательность ситуации изменений; интерес к условиям новизны и неопределенности; возможность действий в ситуации без заданных правил.

Реактивный тип — 10 п., определяющих сильные негативные эмоции, потери сил и ресурсов в ситуации перемен; необходимость долгого восстановления.

Реализующий тип — 15 п., описывающих рациональный подход к ситуации изменений (анализ решения, распределение ресурсов для выполнения задачи, оценка последствий и др.); позитивные эмоции; ориентированность на достижение цели; уверенность в успехе.

Следующий этап разработки опросника ТРСИ предполагает проведение конфирматорного факторного анализа и процедур проверки валидности методики.

1. Базаров Т.Ю., Сычева М.П. Создание и апробация опросника «Стили реагирования на изменения». Психологические исследования. 2012. Т.5. № 25.

2. Битюцкая Е.В., Базаров Т.Ю. Особенности восприятия жизненных событий людьми с разными предпочитаемыми стилями реагирования на изменения // Вопросы психологии. 2019. № 3. С. 94–106.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-013-00838

Дом как метафорическое осмысление жизненного пространства человека

Жизненное пространство, пограничная зона событий и процессов, Дом, поведение человека, со-бытие с миром

Понятия «психологической окружающей среды», «жизненного пространства», «пограничной зоны событий и процессов», сформулированные К. Левиным, остаются основополагающими для современных исследователей в их стремлении объяснить поведение человека (Левин, 2019).

Метафорический ракурс позволяет проанализировать Дом как феномен, соответствующий этим понятиям, и уточнить область решения научных задач, которые определены К. Левиным в качестве важных для психологии.

Постановка проблемы. Дом — архетип, феномен коллективного и личного бессознательного, он принадлежит обществу и личности, является частью личности, ее существенным свойством, связанным с физическим, социальным и психологическим бытием личности.

Дом существует органично и как реальная ситуация жизни в настоящее время, и как некое пограничное пространство, представленное в конструктах внешнего и внутреннего, постоянного и динамичного, вечного и временного, индивидуального и коллективного, субъектного и объектного, реального и воображаемого, настоящего и прошлого.

В дом можно войти и можно выйти из дома: именно вход и выход обеспечивают проницаемость границ, а значит и саму жизнь. Дом, из которого нельзя выйти, принадлежит иному миру — это дом «без окон, без дверей» — избушка Бабы-Яги, гроб, яйцо. Повседневное поведение опосредовано ритуалами, связанными с пограничным его значением, особым отношением к дверям, окнам, порогам, к входу и выходу, к отъезду, отражено в приметах, суевериях. Огромное количество примет связано и с окном, которое трактуется границей с миром и входом в потусторонний мир (Байбурин 1983, Красноперова 2002).

Методы и результаты. Представления о Доме как своей жизненной среде изучались через эссе, проводившихся в рамках спецкурса на кафедре социальной психологии МГУ в течение нескольких лет (68 человек). Анализ проведен феноменологическим методом (описательный этап (выделение ключевых тем) и интерпретативная феноменология для выявления обобщающих психологических категорий) (Хорошилов, Мельникова 2019).

В обобщенном виде описательная феноменология показывает, что Дом представлен в следующих ключевых темах: защиты, «ни одно место в мире мне не кажется таким безопасным», «дом- это место, которое тебя нежно обнимает и заботится о тебе», эмоциональной защиты (предоставление эмоционального покоя) «здесь у меня поднимается настроение, я заряжаюсь позитивными эмоциями», «особая атмосфера добра, тепла и уюта», «где мне всегда становится тепло, хорошо и спокойно»;

части «Я» (здесь «видят мою душу», «я больше, чем где-либо ещё чувствую себя собой», пристанища, которое тебя всегда ждет «возвращаясь домой, я чувствую счастье и радость, потому что я приезжаю в родное место, моё место», «мне всегда хочется возвращаться в свой дом снова и снова», «мой дом меня всегда ждет», связи с семьей «дом — это семья», «дом — это пять человек: мама, папа, я, брат и сестра».

Интерпретативный аспект усиливает «пограничный» статус Дома, как препятствия от нежелательных воздействий и расширяет его: дом всегда занимает пространство между мирами, здесь доступны измерения и прошлого, и настоящего, и будущего. Дом становится категорией со-бытия человека и мира, в нем сочетаются статус константы (опора и безусловное принятие), и постоянное развитие (изменения во временной перспективе, раскрытие возможностей). Дом может быть «развернут» в мир и «свернут» в человека» (Байбурин 1983, с. 11).

1. Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л.: Наука, 1983. 188 с.
2. Красноперова А.В. Символика крестьянского быта в культуре Древней Руси // Альманах «Studia culturae», №2. Спб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. С.130- 146
3. Левин К. Теория поля в социальных науках. М.: Академический проект, 2019. 313 с.
4. Хорошилов Д.А., Мельникова О.Т. Проблема обобщения и экстраполяции качественных данных (на примере исследования индивидуальных и коллективных переживаний) // Вопросы психологии, 2019. № 4. С.41-50

Осознанность как ресурс проактивного совладания с трудными ситуациями

Осознанность, проактивное совладание, копинг-стратегии, ресурсы совладания

Современные исследования осознанности эмпирически демонстрируют, что она оказывает позитивное влияние на эмоциональную сферу, когнитивные функции и в целом на психологическое благополучие субъекта (5). Возникает интерес, за счет чего это происходит. Одна из возможных причин — адаптивный копинг (3), к которому относится и опережающее (проактивное) совладание.

Цель исследования состояла в проверке предположения о наличии дифференцированной взаимосвязи осознанности как личностного ресурса совладания и выбора копинг-стратегий.

Выборка: 283 респондента от 18 до 26 лет ($M=22,1$), жители Москвы и Ташкента.

Методики: адаптированный опросник осознанности Е.Лангер с предварительной проверкой ее факторной, конвергентной и критериальной валидности, включавший в себя шкалы вовлеченности, создания новых категорий, открытости новому знанию; шкала оценки осознанности и внимательности (2); опросник «Проактивный копинг» (1). В качестве статистических методов использовался корреляционный анализ с помощью критерия Манна-Уитни и коэффициента Спирмена.

Результаты свидетельствуют о наличии значимых корреляционных связей между шкалами двух опросников осознанности. Этот результат согласуется с теоретическими представлениями автора западного подхода, Э. Лангер, подчеркивающей, что эти два подхода взаимно дополняют друг друга (4). По нашему мнению, две концепции осознанности отражают стадии единого процесса. Первая стадия соответствует восточной традиции, в которой субъект становится более внимательным к настоящему, сконцентрированным на своих эмоциях и мыслях в моменте, замечая их, но не подавляя и не избегая. Вторая стадия соотносится с западной традицией, которая трактует осознанность как избавление от упомянутых предрассудков через изменение субъектом собственных установок, формирование новых категорий и позиции активности при взаимодействии со средой. Иными словами, представляется, что можно говорить о комплиментарности этих двух подходов. Однако существуют и кросскультурные различия в этой взаимосвязи: в отличие от ташкентской выборки, в московской выборке количество связей между параметрами восточной и западной осознанностью меньше. Можно предположить, что на последней выборке опросник восточной осознанности измеряет более ситуативные характеристики личности, в то время как опросник западной осознанности — диспозиционные. При этом связь параметров западной осознанности с копинг-стратегиями проактивного совладания

больше, нежели у восточной осознанности: все показатели опросника западной осознанности связаны с проактивным совладанием. Предположительно причиной этому может быть то, что осознанность в ее западном понимании позволяет оценить стрессор как позитивную возможность для развития, так как препятствует доминированию в сознании человека одностороннего и негативного представления о стрессе.

1. Белинская Е.П., Вечерин А.В., Агадуллина Е.Р. Опросник проактивного копинга: адаптация на неклинической выборке и прогностические возможности // Клиническая и специальная психология. 2018. — Т. 7, № 3. — С. 192–211
2. Юмартова Н.М., Гришина Н.В. Осознанность (mindfulness): психологические характеристики и адаптация инструментов измерения // Психологический журнал, 2016. — Т. 37, №4. — с. 105-115
3. Keng Sh., Choo X., Tong E. Association between Trait Mindfulness and Variability of Coping Strategies: a Diary Study // Mindfulness, 2018. — 9(2). https://www.researchgate.net/publication/322712495_Association_between_Trait_Mindfulness_and_Variability_of_Coping_Strategies_a_Diary_Study
4. Langer E. Mindfulness Isn't Much Harder than Mindlessness. — 2016. — <https://hbr.org/2016/01/mindfulness-isnt-much-harder-than-mindlessness>
5. Sibinga E. et al. Mindfulness-Based Stress Reduction for Urban Youth // The Journal of Alternative and Complementary Medicine, 2011. — Vol. 17. — pp. 213-218

Работа выполнена в рамках гранта РФФИ №19-013-00612 «Кросс-культурный анализ личностных и ситуационных факторов совладания с трудными жизненными ситуациями»

Особенности построения самопрезентации в социальных сетях молодыми людьми

Социализация, социальные сети, информационное пространство, цифровая социализация, технологии

Современные исследования доказывают, что средства массовой информации и средства массовой коммуникации становятся одним из ведущих институтов социализации [1;2;3].

Социальные сети является самым модным и актуальным способом самопрезентации и самореализации молодых людей.

Социальные сети на сегодняшний день рассматривается как способ проведения досуга современной молодежи; актуальная площадка для самореализации, личностного и профессионального продвижения; новая среда социализации. Молодые люди познают и себя и окружающих через социальные сети.

Цель нашего исследования: выявить и описать способы построения самопрезентации в социальных сетях.

Выборка. Исследование проводилось в рамках выборки из 88 человек в возрасте от 18 до 25 лет. В исследовании принимали участие студенты московских ВУЗов (52 участника), а также студенты Пермской фармацевтической академии (36 участников).

Методы исследования. Для анализа особенностей построения самопрезентации в социальных сетях был разработан опросник «Я в социальных сетях», включающий 16 вопросов.

Результаты и их обсуждение. Результаты исследования особенностей самопрезентации показали, что при публикации контента в социальных сетях большинство респондентов — 75% опираются на события, происходящие в их жизни, 16% респондентов ориентируются на тренды, а 9% респондентов не делают никаких публикаций в социальных сетях.

В ходе исследования было выявлено, что 64% респондентов предпочитают публиковать контент о себе и своей жизни, 30% больше склоняются к контенту, содержащим информацию об отвлеченных темах, не имеющих отношения к своей жизни, 6% воздерживаются от публикаций. Было установлено, что при создании аккаунта в социальных сетях большинство респондентов — 93% предпочитают рассказывать о себе лишь общие факты, подробности же своей жизни рассказывают только 7% респондентов.

В ходе исследования изучалось, какой вид контента более предпочтителен для публикации в социальных сетях. Большинство респондентов — 77% предпочитает публиковать фотографии и видео, 14% респондентов публикуют текстовые материалы, а 9% воздерживаются от публикаций.

В ходе исследования были выявлены следующие особенности построения самопрезентации:

1) При создании аккаунта в социальных сетях респонденты предпочитают публиковать информацию о своей жизни и о событиях, которые с ними происходят. Однако большинство из них старается излагать о себе лишь общие факты, воздерживаясь от подробностей. При этом они не стремятся приукрашивать информацию о себе;

2) Наиболее предпочтительным видом контента являются фотографии и видеоматериалы. При этом большинство респондентов не используют специализированные программы для создания контента;

3) В основном респонденты делают публикации в свои аккаунты раз в месяц; Чаще всего респонденты предпочитают публиковать яркие жизненные события в ленте и повседневную жизнь постить в сторис (72%);

4) Респонденты не склонны подчеркивать принадлежность к социальной группе в социальных сетях; Большинство респондентов считают, что количество лайков, репостов и комментариев не имеют значения (60%);

5) Большинство респондентов (76%) склонны вести не более двух аккаунтов, при этом стараются не публиковать одинаковый контент;

1. Белинская, Вознесенская 2016 — Белинская Е.П., Вознесенская В.С. Проблема регуляции социального поведения в теориях информационного общества и реальность сетевого взаимодействия [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2016. № 9 (48). С 5. URL: <http://psystudy.ru>.
2. Голубева 2018 — Голубева Н.А. Феноменология межличностного и межгруппового общения современной молодежи в реальном и виртуальном пространстве [Электронный ресурс] // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2018. № 2 (12). С. 45 — 59.
3. Аянян, Марцинковская, 2016 — Аянян А.Н., Марцинковская Т.Д. Социализация подростков в информационном пространстве [Электронный ресурс] // Психологические исследования, 2016, № 9 (46), С. 8. URL: <http://psystudy.ru>.

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 19-18 00516 «Транзитивное и виртуальное пространства — общность и различия»

Проблема толерантности к неопределенности современных подростков в транзитивном обществе

Транзитивное общество, современные подростки, социализация, толерантность, неопределенность

Социальная транзитивность характеризуется не только множественностью, то есть одновременным существованием нескольких вариантов социального мира в одном временном и пространственном континууме, но и постоянным изменением этих вариантов в непредсказуемом направлении и с неопределенным содержанием.

Можно констатировать, что разные аспекты транзитивности связаны с разными трудностями для человека. Так, изменчивость и неопределенность связаны с разрушением целостности идентичности — как ее отдельных составляющих, так и временной перспективы. Множественность затрудняет выбор группы идентификации и направления, пространства социализации (Марцинковская, 2017).

Неопределенность современной социальной ситуации связана с трудностями социально-психологической адаптации к постоянно меняющимся условиям, а сама непредсказуемость социальных условий может приводить к усилению эмоциональной напряженности, невротизации детей и подростков, особенно в условиях жестко заданных и контролируемых взрослыми ситуациями. Изменчивость и текучесть современной социальной ситуации развития, которая увеличивает вариативность в выборе групп социализации и дает дополнительные возможности для проявления активности и самостоятельности, одновременно приводит к усилению ответственности за сделанный выбор (Социализация в мультикультурном пространстве, 2016).

В условиях транзитивного общества процесс социализации приобретает принципиальную противоречивость. С одной стороны, социализация — трансляция устоявшегося, закрепившегося социального опыта, с другой — в современной ситуации опыт поколений фиксируется совершенно по-новому (Дубовская, 2014). Новая ситуация транзитивности характерна для всех поколений, хотя, конечно, наиболее значимой становится для молодежи и подростков. При этом молодыми людьми, детьми транзитивность осознается как естественная ситуация, в которой происходит процесс их взросления и вхождения в окружающий мир (Марцинковская, 2015).

Цель эмпирического исследования: определение толерантности к неопределенности у современных подростков. Диагностический инструментарий: методика определения толерантности к неопределенности (адаптация Н.А. Бажановой и Г.Л. Барднер).

Выборка: подростки 14-16 лет, обучающиеся в образовательных учреждениях г. Москвы в количестве 100 человек.

Выводы:

1) Большинство современных подростков в транзитивном обществе констатируют высокие показатели энергичности, повышенного жизненного тонуса; умеют

находить выходы из сложных ситуаций, обращаться к новым источникам для решения новых проблем; верят в успех, стремятся фиксироваться не на проблемах, а на возможностях их решения.

2) Предприимчивость у современных подростков занимает средние показатели.

3) Современная ситуация неопределенности показывает, что современные подростки недостаточно адаптивны и уверены в себе, могут терять самообладание в ситуациях, когда не ясна суть происходящего или не ясен исход дела, когда не определены цели и ожидания, что свидетельствует о недостаточной толерантности к неопределенности.

1. Дубовская Е.М. 2014- Дубовская Е.М. Транзитивность общества как фактор социализации личности // Психологические исследования. 2014. Т. 7, № 36. С.7. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2014v7n36/1018-dubovskaya36.html> (дата обращения 1 июня 2020)
2. Марцинковская Т.Д. 2015- Марцинковская Т.Д. Современная психология — вызовы транзитивности // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 42. С.1. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n42/1168-martsinkovskaya42.html> (дата обращения 5 июня 2020)
3. Марцинковская Т.Д. 2017- Марцинковская Т.Д. Культура и субкультура в пространстве психологического хронотопа. М.: Смысл, 2017.
4. Социализация в мультикультурном пространстве 2016: методическое пособие / Т.Д. Марцинковская, Е.М. Дубовская [и др.] М.: МПГУ, 2016.

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ 19-18-00516 «Транзитивное и виртуальное пространства — общность и различия»

Экзистенциальный кризис: дезинтеграция жизненного пространства

Жизненное пространство, изменения, экзистенциальный кризис, психологические последствия

Кризисная ситуация, переживаемая людьми как невозможность существования в актуальных условиях, приобретает характер экзистенциального кризиса. Кардинальные изменения жизненного пространства человека на основе массового опыта изоляции могут быть описаны в следующих характеристиках: (1) изменения жизненного пространства в силу невозможности осуществления привычных форм деятельности и коммуникации, необходимость реализации новых форм активности и коммуникации; (2) отсутствие или существенное ослабление внешних факторов, структурирующих повседневную активность, необходимость самостоятельного структурирования времени; (3) нарушение привычных границ социального и личного пространства индивида и необходимость выстраивания новых границ; (4) нарушение временной перспективы будущего как реакция на неопределенность ситуации и др. Разрушение привычного жизненного пространства вынуждает человека к выстраиванию нового пространства, которое он заполняет новыми видами активности и новыми способами структурирования времени. Острота переживаемой ситуации определяется степенью разрушения жизненного пространства; в частности, возможность осуществления привычной рабочей деятельности (даже в другом формате) становится эффективным фактором адаптации жизненного пространства к новым условиям. Основное следствие кризиса — нарушение чувства безопасности и необходимость выстраивания новых способов взаимодействия с окружающим миром. По полученным данным (Р. Гмызин, декабрь 2019 — апрель 2020) в период пика пандемии уменьшаются показатели жизнестойкости как способности справляться с жизненными трудностями; уменьшаются показатели экзистенциальной исполненности как реализованности в окружающем мире; снижаются оценки способности воплощения желаемых Я и вероятности их воплощения; уменьшается показатель способности противостоять воплощению негативных Я и увеличивается показатель вероятности их воплощения. Фактически речь идет об ослаблении уверенности человека в позитивном развитии сценария собственной жизни и, напротив, в увеличении вероятности его неблагоприятного развития. Однако при очевидных влияниях ситуации глобальной пандемии на жизнь человека на уровне обыденного сознания ее последствия могут ограничиваться «здесь-и-сейчас». По данным исследования (П. Лупуляк, 2020; 402 русскоязычных респондента; 203 иностранца) в создавшейся ситуации задумываются о смене деятельности 5,5% русскоязычных респондентов (33,3% иностранцев), готовы выполнять любую, даже не нравящуюся работу 10,7% русскоязычных (23,5% иностранцев), ориентируются на стратегию «преждедать карантин и вернуться к привычным занятиям» 43,6% русскоязычных респондентов. Понятно, что ориентация на стратегию восстановления привычного жизненного про-

странства в условиях изменений окружающего мира потенциально чревата усилением противоречий между жизнью «по старым правилам» и новыми реалиями действительности. Одним из последствий кризисов является усиление дифференциации (экономические и финансовые кризисы усиливают расслоения в обществе, политические кризисы усиливают поляризацию позиций). Соответственно одним из последствий психологического кризиса может стать усиление дифференциации людей по способам их отношений с окружающим миром. Эти процессы были обозначены в известной гипотезе Лиотара о том, что по мере нарастания сложности мира будет усиливаться дифференциация людей на принимающих сложность реальности, и тех, кто стремится к упрощению картины мира. Ситуация психологического кризиса, вызванного пандемией, способна интенсифицировать эти процессы. Таким образом, можно ожидать, что острые вызовы современной ситуации создадут более жесткую необходимость в определении человеком своих способов отношений с окружающим миром и, тем самым, приведут к более явной дифференциации людей по типам их жизненных миров, что может стать более мощным по сравнению с другими основаниям дифференциации.

При поддержке РФФИ проекта № 18-013-00703

«Жизненное пространство» в контексте психологии повседневности

Жизненное пространство, психология повседневности, субъект, трансформации современности, методология

Теоретико-методологическими источниками психологии повседневности наряду с историей, антропологией и социологией выступают психологические концепции Ханса Томе (Hans Thomae) и Курта Левина (Kurt Lewin). Изучение повседневности предполагает дифференциацию и выявление сложного взаимодействия психологического, социального, культурального, национального, гражданского и иных пространств активности субъекта. Противоречивость и целостность человеческого бытия, текучесть и ситуативность психического, переживание настоящего и обнаружение в нем воссоздаваемого прошлого и воображаемого будущего — проблемы, встающие перед психологией повседневности, где в жизненном пространстве субъекта смешаны сферы приватного и публичного, индивидуального и персонального, личного и профессионального, экзистенциального и рутинного. Актуальность наследия К. Левина обусловлена трансформациями современности, выходящими на передний план вопросы социокультурной динамики и полимотивации, столкновения ценностей и осознанного выбора жизненного пути, становления субъекта в изменении жизненных ситуаций и разнообразия стилей жизни в усложнившемся обществе.

Повседневность неоднородна и гетерогенна, в ней представлена динамика видимого и невидимого, дифференцированного и синкретичного, реального и ирреального, современного и архаического. Для обнаружения постепенных и незаметных изменений нередко необходим иной методологический инструментарий. Конструкт К. Левина «жизненное пространство» в контексте психологии повседневности позволяет соединить разные аспекты развития человека в ситуации социокультурных трансформаций, где социальное пространство может быть как поддерживающим, так и подавляющим, потенциально конфликтным относительно персонального пространства, а сферы приватного и публичного, личного и профессионального утрачивают нормативные границы и смешиваются. В трансформациях временной перспективы психологическое время субъекта способно мигрировать в прошлое или будущее, утрачивая фокусировку на настоящем. Аналогичные процессы происходят и с сообществами, живущими лишь в видимости единого социокультурного пространства. Культурно-психологическое время на географически общем пространстве протекает различно для разных людей и сообществ. Это не только создает риски потенциальных конфликтов, прочерчивая линии разломов социальной ткани, но и ставит проблему языка описания, способного совместить номотетический (выявляющий тенденции и закономерности) и идиографический (направленный на биографическую детализацию, раскрытие уникальных феноменов и анализ частных случаев) дискурсы. Сходные методологические и социально-политические проблемы решал К. Левин.

Представляется, что его подход, согласно которому реконструкция жизненного пространства субъекта обнаруживает психологические характеристики последнего, окажется весьма перспективным для диагностики и терапии культурно-психологических травм российского общества. Не утратившей значимости идеей является выявление в социокультурном пространстве факторов, как способствующих манифестации кризисов, так позволяющих их избежать. При этом стратегия «действенного исследования» К. Левина близка социальному конструктивизму, присущему и российской интеллектуальной традиции. Это позволяет осмысливать деятельность психолога в качестве задач гуманизации общества и системы образования. Однако в этом плане все еще недостаточно отрефлексирована мысль К. Левина, что любой реформаторской деятельности, организации образовательного процесса или осуществлению социальных действий должен предшествовать скрупулезный анализ социокультурной ситуации.

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ, проект 20-013-00075-А «Человек в повседневности: психологическая феноменология и закономерности»

Домашняя среда как фактор сохранения психического здоровья личности

Домашняя среда, личность, семья, психическое здоровье, психические расстройства, ресурсы, адаптация, охрана здоровья

Введение. Актуальность изучения домашней среды индивида с различным уровнем психического здоровья определяется трансформацией парадигмы здоровья и многофакторностью причин возникновения и развития заболеваний; необходимостью идентификации ресурсов личности и семьи для формирования равноуровневых адаптационных компетенций, направленных на сохранение психического здоровья; важностью получения новых знаний о механизмах охраны психического здоровья, развертывающихся в семье, которая фокусирует в себе практически все аспекты человеческой жизнедеятельности, проявляя психолого-социальную и биологическую сущности [1].

Постановка проблемы. Домашняя среда является комплексом позитивных чувств и переживаний по отношению к дому как к лично значимому месту, влияющему на поведение и ценности, направляющему жизнь, поддерживающему психологическое благополучие человека [2]. Пространство домашней среды формируется, в том числе и семьей. Семейное функционирование и адаптация, описываемые в том числе, психолого-генетическими феноменами и психогенеалогией, являются в определенной степени интегральным критерием, учитывающим многомерную совокупность показателей психического здоровья [3]. Наиболее уязвимыми сферами жизни в семье респондентов с хроническими психическими расстройствами и повторными госпитализациями являются отношения с окружающими их близкими людьми. По данным тестирования с использованием разработанной нами «Анкеты антирецидивного поведения» установлено, что у подавляющего большинства пациентов-женщин есть члены семьи или друзья, которые их поддерживают, мужчины чаще отвечали отрицательно; выявлены особенности ежедневной деятельности дома, в семье, в которой они будут участвовать [4]. Настоящее исследование проведено для получения стандартизированных оценок отношения к домашней среде, к дому как месту функционирования семьи лиц с психическими расстройствами.

Методы и результаты исследования. Цель — апробация метода оценки привязанности к дому в пилотном исследовании психически больных лиц разного возраста. Методы и материалы — экспериментально-психологический опросник «Мой дом» [5], методы математической статистики. Обследовано 12 пациентов в возрасте от 21 года до 60 лет с расстройствами шизофренического спектра (по МКБ-10 F2) с давностью заболевания более 1 года и повторными госпитализациями в стационар. Результаты тестирования опросника «Мой дом» показали, что средний балл «силы значимости дома для его обитателей» по массиву данных составил 4,14, что отличается от среднего значения 3,73 при исследовании здоровых лиц разного возраста [5].

Обсуждение. Психологические основы привязанности могут быть сопряжены с множеством фактов, в том числе, вероятно, и частым нахождением пациентов вне домашней среды в периоды повторных госпитализаций.

Выводы. Выявленные особенности субъективного отношения к дому в перспективе могут стать индикаторами психологической адаптации при расстройствах психического здоровья, что требует проведения дальнейших исследований.

1. Бохан Н.А., Гуткевич Е.В. Охрана психического здоровья семьи как ресурс развития, повышения качества жизни и активного долголетия всех поколений / Психическое здоровье семьи в современном мире: сборник тезисов III Российской конференции с международным участием (Томск, 24-25 октября 2019 г.) / под ред. Н.А. Бохана, А.В. Семке, Е.В. Гуткевич. Томск: Отдел полиграфии Томского ЦНТИ, 2019; 5-9.
2. Нартова-Бочавер С.К., Дмитриева Н.С., Резниченко С.И., Кузнецова В.Б., Брагинец Е.И. Метод оценки дружелюбности жилища: опросник «Функциональность домашней среды». Психологический журнал. 2015; 36; 4; 71-84.
3. Гуткевич Е.В., Шатунова А.И. Межпоколенная передача психической травмы, психогенеалогия и психическое здоровье в семье (феноменологическое исследование). Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2019; 3 (104); 21-32. doi.org/10.26617/1810-3111-2019-3(104)-21-32.
4. Gutkevich E., Lebedeva V., Bokhan N., Vladimirova S. "Features of the phenomenon of re-hospitalizations and opportunities of formation of anti-relapse behavior in mental disorders". 19th WPA World Congress, 21-24 August, 2019, Lisbon, Portugal. Morressier. doi: 10.26226/MORRESSIER.5D1A037757558B317A1407AF.
5. Резниченко С.И., Нартова-Бочавер С.К., Кузнецова В.Б. Метод оценки привязанности к дому. Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2016; 13; 3; 498-518.

Взаимосвязь характеристик Возможных Я с особенностями самопрезентации в социальных сетях

Возможные Я, Я-концепция, самопрезентация, социальная сеть, виртуальное пространство, киберпсихология

Виртуальная среда вообще и социальные сети в частности являются новым, активно разрабатываемым жизненным пространством современного человека. Отличительными особенностями этого пространства являются, среди прочих, анонимность и высокая степень свободы самопрезентации. В данном исследовании производится попытка соотнести самопрезентацию в сети с так называемыми Возможными Я, расширяющими традиционные представления о Я-концепции. Они позволяют включить в нее не только реальные самоописания, но и возможные — как желаемые, так и нежелательные [2]. Представляется, что именно Возможные Я, из всех элементов Я-концепции, наиболее близки сетевым самоописаниям — и те, и другие имеют дело не столько с реальным, сколько с потенциальным в личности. В силу своих особенностей Интернет является той средой, которая наиболее располагает к созданию различных видов Возможных Я.

Целью данного исследования является изучение взаимосвязи сетевой самопрезентации с характеристиками Возможных Я.

Выборку составили 43 студента ($J = 33$, $M = 10$) в возрасте от 18 до 24 лет ($M = 21,5$ $\sigma = 1,77$). Для изучения Возможных Я использовалась методика К.Хукер (адаптация на русский язык В.Ю.Костенко и М.М.Гришутинной) [1]. Для изучения самопрезентации в социальной сети Вконтакте нами была создана авторская анкета, включающая в себя как открытые вопросы, так и вопросы с вариантами ответа. Вопросы анкеты касаются публикаций (постов), которые человек размещает на странице, имени и фотографии профиля, а также его мотивов для размещения той или иной информации, ее адресности и направленности. Вопросы анкеты объединены в 5 шкал, характеризующие самопрезентацию личности в сети: «активность» (включает частоту публикаций пользователя в сети, частоту смены фото на странице, а также степень оригинальности постов), «открытость» (открытость профиля для сторонних пользователей, а также подробность заполнения данных о себе), «направленность» (на себя/на других), «достоверность» (соответствие представленных на странице данных действительности) и «аутентичность» (соответствие создаваемого в сети образа реальному). Проводился корреляционный анализ выделенных шкал и количественных параметров Возможных Я с применением критерия корреляции Спирмена.

Результаты показали, что открытость самопрезентации в социальной сети, проявляющаяся в подробности изложения информации о себе и доступности ее для широкого круга читателей, связана с тем, каким образом человек представляет свои

Возможные Я. Люди, которые более открыто проявляют себя в сети, склонны меньше обращаться к своим Возможным Я, как желаемым, так и нежелательным, и ниже оценивать важность желаемого Я. Такой результат может быть связан с тем, что открытость в сети становится некоторым механизмом «разгрузки мыслей» — создание подробного и открытого образа в сети позволяет человеку спокойнее относиться к своим стремлениям и страхам, снижая напряжение и навязчивые мысли. Возможно, такой способ поведения свидетельствует об отсутствии ориентации на Я-в-будущем и ориентации на настоящее время — Я-в-настоящем. Принятие себя может способствовать большей открытости в транслировании собственного образа (т.н. Я-реального) другим. Также вероятно, что люди, открыто проявляющиеся в сети, менее склонны к рефлексии.

Полученные результаты частично подтверждают гипотезу о наличии взаимосвязи между характеристиками Возможных Я и особенностями самопрезентации в социальной сети. Результаты данного исследования ограничены спецификой студенческой выборки. Требуются дополнительные исследования на других возрастных группах, а также с применением стандартизованных методов.

1. Костенко В.Ю., Гришутина М.М. Невозможное Я: предварительное исследование в контексте теории Хейзел Маркус // Пензенский психологический вестник. 2018. №1 (10)
2. Markus H., Nurius P. Possible selves // American Psychologist. 1986. Vol.41, No.9, 954-969

Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект 18-013-00703/18

Представления о жизненном успехе у молодых людей с разным уровнем самооффективности

Самоэффективность, успех, жизненная успешность, факторы жизненной успешности, молодые люди

В настоящее время проблема изучения личностных предикторов успешности личности приобретает особую значимость в силу того, что человек стал рассматриваться как автор собственной жизни, создатель своего уникального жизненного пути. Через осуществление жизненных выборов человек «пишет» свой жизненный сценарий, в котором одновременно отражаются его личностные характеристики и характеристики той реальности, которая находится в его жизненном пространстве (А.Г. Асмолов, 2015; С.Н. Костромина, 2018).

Одним из таких предикторов, способствующим формированию жизненной успешности человека может быть его самооффективность, которая определяет его представления о своих возможностях, ожидания относительно своих результатов и отражает его жизненную философию.

Целью пилотажного исследования стало изучение представлений о жизненном успехе у молодых людей с разным уровнем самооффективности (N=93, возраст — от 18 до 24 лет, средний возраст — 20,9, $\sigma=2,89$).

Для выявления представлений о жизненном успехе использовался опросник Д.А. Бухаленковой и О.А. Карабановой (2016) в авторской модификации. Самоэффективность молодых людей изучалась с помощью теста-опросника Дж. Маддукса и М. Шеера (модификация А.В. Бояринцевой, 1995).

Было выявлено, что для молодых людей в целом жизненный успех связан с «достижением поставленных целей» (75%), «удовлетворением от результата проделанной работы» (71%), «чувством заслуженного счастья» (64%), «возможностью воплощать свои способности, умения и знания в результатах деятельности» (68%).

Результаты сравнительного анализа показали, что респонденты с высоким уровнем самооффективности связывают успех в жизни с самосовершенствованием и личностным ростом (71%), а также с преодолением препятствий и различных трудностей (68%), тогда как респонденты с низким уровнем соотносят успех с достижением душевного равновесия, гармонией с самим собой (58%), с везением (24%) и популярностью в обществе, известностью (16%). Для респондентов с высоким уровнем самооффективности эти параметры оказались не значимы или малозначимы.

На основании полученных результатов можно предположить, что молодые люди с высоким уровнем самооффективности считают свои достижения и успехи результатом собственных усилий и собственной активности, что может указывать на интернальный локус контроля, ориентацию на внутриличностные факторы. Респон-

денты с низким уровнем самооффективности склонны приписывать причины большинства жизненных событий, в том числе и успехов, факторам, независящим от личности. Можно предположить преобладание у них экстернального локуса контроля. В результате применения критерия χ^2 были установлены статистически значимые различия в представлениях о жизненном успехе у молодых людей с разным уровнем самооффективности ($p \leq 0,05$).

Таким образом, для молодых людей с высокой эффективностью представление об успехе включает в себя процесс преодоления препятствий, различных трудностей, а для респондентов с низким уровнем — везение, популярность в обществе и известность.

Полученные результаты свидетельствуют о верности гипотезы о том, что самооффективность, как компонент жизненной философии человека, отражающий его отношение к жизни, может выступать одним из предикторов жизненной успешности человека. В дальнейшем мы планируем дополнительные исследования, посвященные вкладу самооффективности в жизненную успешность человека на примере молодых людей, характеризующихся успешностью по объективным и субъективным показателям.

1. Асмолов А.Г. Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия // Психологические исследования (электронный журнал). — 2015. — Т. 8. — № 40.
2. Костромина С.Н. Процессуальный подход в психологии личности / С.Н. Костромина, Н.В. Гришина // Психология человека как субъекта познания, общения и деятельности: сб. статей / отв. ред. В.В. Знаков, А.Л. Журавлев. — М.: Институт психологии РАН, 2018. — С. 506-512.

Грант РФФИ: No 18-013-00599 («Жизненные модели молодежи: межпоколенное и внутрипоколенное исследование»)

Семантика психической самоорганизации личности в жизненном пространстве индивидуального опыта

Семантические конструкты, психическая самоорганизация личности, жизненное пространство индивидуального опыта, целеполагание личности

Динамическая теория личности К. Левина основывалась на базовом принципе потребности как источнике активности [3]. Основная проблема в данной теории состояла в понимании механизмов целенаправленности поведения личности. Если человеком движут потребности (квазипотребности), то его поведение строится с целью снятия напряжения, возникающего в результате возникшей потребности в определенной ситуации, что создает психологическое поле познания и понимания значения происходящего и определения смысловой позиции отношения к нему, т.е. возникает семантическое поле и складывается семантический конструкт опыта. Таким образом, в процессе накопления опыта в жизненном пространстве, формирование и развитие личности, а также ее характер поведения складываются в семантические паттерны чувств и мыслей, определяющих свойства-качества отношения в мотивационно-ценностной структуре направленности и целеполагания личности [2].

Проблема. Проблема объяснения психологических принципов и механизмов целенаправленности поведения личности остается актуальной. В ракурсе данной проблемы нами разрабатывается семантическая концепция психической самоорганизации (ПСО) личности как субъекта жизни [2].

Методы и результаты. Нами предложен метод семантического категориально-концептуального моделирования, который в системологическом моделировании [1] ПСО позволил классифицировать и структурировать семантические конструкты личностной идентификации (решетки Келли) относительно механизмов ПСО субъектности личности в пространстве социокультурного опыта.

Семантика ПСО личности образует 3 иерархических уровня ПСО: 1) нижний функционально-психический уровень (эмоционально-когнитивная и волевая ПСО (непроизвольный и произвольный самоконтроль, саморегуляция психических и практических процессов и состояний)); 2) ценностно-мотивационный уровень (конструкты моральных, эстетических и интеллектуальных чувств, сознательно направляемых отношений (мотивов), базируемых на семантических эталонах ценностей); 3) верхний смысловжизненный идеологический уровень (интегративные перспективные ценности-идеи жизни).

Значительную часть в структуре субъектности личности составляют конструкты морально-волевых качеств личности — 55 % (относительно других: функциональных, интеллектуальных, эстетических и смысловжизненных), что подтверждает социокультурный приоритет в субъектной идентификации.

Новизна подхода. В моделировании структуры личности сделана ориентация на психические механизмы, отражающие семантические конструкты и паттерны индивидуального опыта в отличие от общепринятого лингвистического подхода в персонологии, раскрывающего характеристику черт в аспекте поведения («16-PF» — Р.

Кеттелл; «Big five» — П. Коста, Р. Мак-Крей; «HEXACO» — М. Эштон, К. Ли; «EPI» — Г. Айзенк и др.), что позволяет раскрыть причины поведения, а не строить его описание. Раскрыты семантические факторы (волевые, интеллектуальные и эмоциональные, мотивационные, ценностные и идеологические), свойства (интрасубъектные и экстрасубъектные) и уровни (высокий-низкий) субъектности [2].

Ценностно-смысловая сфера ПСО раскрывает типы, уровни и позиции актуализации выборов направленности личности как субъекта самореализации. Определяющим фактором смысложивущей ПСО современной личности выступает «индивидуальная сфера» ценностей, что указывает на прагматичность мотивов субъектности. Социальные и духовные мотивы практически отсутствуют. Вместе с тем у молодежи выражены личностно-творческие мотивы.

Выводы. Интегрирующей идеей в семантике потребностей-мотивов и ценностей личности является идея счастья, а идея свободы имеет дополняющее значение. Воля субъекта раскрывается в моральном контексте. Интегрирующей сферой в семантической системе ПСО субъекта является МЦО, консолидирующаяся в идеологии жизни.

1. Богданов В.А. Системологическое моделирование личности в социальной психологии / Богданов В.А. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. — 143 с.
2. Дьяков С.И. Психосемантика самоорганизации человека как субъекта жизни. Основы психологии

Журавлев А.Л.
Москва, Институт психологии РАН

Китова Д.А.
Москва, Институт психологии РАН

Структура интереса к личностному пространству Петра I (на примере поисковых запросов Яндекс)

Петр I, личностное пространство, историческая память, поисковые запросы, реформы, род, жизненный путь, личность

Личностное пространство рассматривается, с позиции активного субъекта жизнедеятельности, «формирующего мир и себя посредством собственных действий и поступков» (Н.А. Кондратова) или «царство субъективного» (Э. Гуссерль), с одновременным утверждением психологической «неотделимости личности и окружающей ее среды» (У. Джеймс), а также с учетом творческого, стремящегося к саморазвитию свойства человеческой природы — «проприум» (Г. Олпорт). Таким образом, личностное пространство определяется как феномен, связанный с субъективной самостоятельностью, жизненной активностью и характером социального взаимодействия с окружающими.

Актуализация проблемы происходит в контексте изучения исторической памяти — разделяемых людьми представлений о событиях прошлого (Б.Д. Парыгин, Т.П. Емельянова), которая определяет социальную идентичность группы (по принципу «свой-чужие»), поддерживает ее единство, ориентацию на позитивную самоидентификацию (Х. Тэшфел).

Организация исследования. Представленные положения позволяют сформулировать гипотезу исследования: выраженность интереса к личностному пространству Петра I обусловлена его ролью государственного деятеля. Объектом исследования выступили пользователи поисковой системы Яндекс, а предметом — содержание поисковых запросов, в которых присутствовало слово «Петр I». Собрано и изучено 50 870 таких запросов. Методологический подход исследования основан на предположении, что характер интереса к императору будет проявляться в структуре запросов пользователей в интернете (Журавлев, Китова, 2017). В исследовании использовались прагматические методы, в частности, контент-анализ поисковых запросов. Выделение смысловых категорий запросов производилось путем их распределения по смысловым категориям.

Эмпирические результаты. Анализ содержания и структуры поисковых запросов показал, что пользователей в основном интересуют реформы императора (44% запросов), с дифференциацией запросов на «первые реформы» (31%). Выделены запросы, связанные с учебными целями (9%), а также с интересом к личности Петра I и его пространству. Последних оказалось 7 433 (16%). В этом направлении, пользователей интересуют родовая принадлежность (2887), становление и реализация жизненного пути в качестве императора (2230), интерес к его личностным характеристикам (1829) и вне семейному кругу общения (487).

Обсуждение результатов. Интерес пользователей вызывают как онтологические, феноменологические, так и деятельностные компоненты (А.Н. Леонтьев) личного пространства императора. Выявленный приоритет интереса к династии императора можно объяснить тем, что родовая принадлежность выступает ведущим компонентом в формировании представлений о бинарной структуре мира, его организованности по принципу «своё — чужое» (Колесов, 1986). Последнее «пронизывает всю культуру и является одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения» (Мазай, 2005, с. 40).

Выводы. Интерес к личностному пространству Петра I связан с его родовой принадлежностью, особенностями жизненного пути и неординарностью личности. Характер интереса в первую очередь обусловлен объединяющим потенциалом Петра I как государственного деятеля.

Заключение. Историческое прошлое, так же как соотносимые между собой ценности и идеалы настоящего и будущего, детерминирует «процессы конструирования и интерпретаций исторических событий, соответствующих целям и ценностям конкретной социальной общности» (Т.П. Емельянова), и вызывает интерес со стороны социо-гуманитарных наук. Работа выполняется в рамках реализации проекта РФФИ № 20-013-42001.

1. Журавлев А.Л., Китова Д.А. Социально-психологические детерминанты развития глобальной информационной сети // Наука. Культура. Общество. 2017. № 3-4. С. 10-21.
2. Колесов В.В. Человек в слове Древней Руси. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986.
3. Мазай Н.И. Род как исконное понятие русской культуры // Успехи современного естествознания. 2005. № 2. С. 40-40.

Работа выполняется в рамках реализации проекта РФФИ № 20-013-42001

Негативные возможные Я и самоактуализация у людей с различной самооценкой

Негативные возможные Я, самоактуализация, самоуважение, самопонимание

В 1986 году Х.Маркус и П.Ньюриус был предложен конструкт Возможных Я [1]. Выделяют «позитивные» (желаемые) и «негативные» (нежелаемые) возможные Я. Негативные возможные Я — это представления о себе в будущем, воплощения которых человек опасается или хотел бы избежать. В своей работе мы сделали акцент на изучении именно негативных возможных Я.

По мнению А.Маслоу, каждый человек обладает врожденным стремлением к самоактуализации [2]. В нашем исследовании мы изучали взаимосвязь негативных возможных Я человека, его самооценки и самоактуализации. Самооценка рассматривалась как состоящая из двух компонентов: самоэффективности и самоуважения [3].

Мы предположили, что взаимосвязь негативных возможных Я и самоактуализации по-разному проявляется у людей с различной самооценкой.

Методы и методики:

- модификация методики диагностики Возможных Я (К. Хукер);
- опросник диагностики самоактуализации личности САМОАЛ (А. В.Лазукин, Н. Ф. Калина);
- шкала самоуважения М.Розенберга;
- шкала самоэффективности в адаптации В.Ромека;
- полуструктурированное интервью, которое проводилось индивидуально с каждым участником.

В исследовании участвовало 30 человек, в возрасте от 20 до 27 лет (средний возраст 23 года). Участники набирались с помощью объявления, размещённого в социальных сетях.

Были получены следующие результаты:

1) большинство респондентов отмечают высокую вероятность воплощения негативных возможных Я, не часто обращаются к негативным образам, предпочитая вспоминать их, когда они непосредственно связаны с событиями, происходящими в жизни в настоящем;

2) показатель «Частота мыслей о негативном образе» коррелирует с пятью шкалами самоактуализации — «Ценностями» ($r=-0,501, p0,01$), «Автономностью» ($r=-0,402, p0,05$), «Спонтанностью» ($r=-0,407, p0,05$), «Самопониманием» ($r=-0,487, p0,01$) и «Аутосимпатией» ($r=-0,394, p0,05$). Личность, имеющая свой взгляд на мир, доверие к другим, уверенная в своих побуждениях, будет реже думать негативно о себе в будущем;

3) оценка вероятности воплощения негативных Я отрицательно коррелирует со шкалой «Взгляд на природу человека» ($r=-0,382, p0,05$). Человек, который не верит в

могущество человеческой природы, считает более вероятным воплощение своих негативных возможных Я;

4) все показатели оценок негативных возможных Я коррелируют со шкалой «Самопонимание»: частота мыслей о негативных Я ($r=-0,487$, $p0,01$), важность их предотвращения ($r=-0,485$, $p0,01$), вероятность их воплощения ($r=0,379$, $p0,05$), возможность противостоять их воплощению ($r=0,391$, $p0,05$). Люди, имеющие высокие показатели по шкале «Самопонимание», реже обращаются к мыслям о своих негативных Я, не считают важным их предотвращать, хотя высоко оценивают вероятность их воплощения;

5) оценка своей возможности противостоять воплощению негативных возможных Я связана со шкалой «Ориентация во времени» ($r=0,414$, $p0,05$). Человек, который ценит свою жизнь «здесь и сейчас», выше оценивает возможность противостоять воплощению своих негативных Я в будущем;

6) количество негативных возможных Я и самооценка личности не взаимосвязаны друг с другом. Репрезентация негативных возможных Я (подробность и насыщенность их описания) не зависит от уровня самоуважения личности;

Негативные возможные Я человека проявляются сложным образом, сочетая в себе множество разных страхов и опасений человека относительно своего будущего. У людей с низкой или высокой самооценкой (относительно самоуважения и самоэффективности) нет различий в количестве и репрезентации негативных возможных Я. Однако самопонимание и осознание ценности настоящего времени взаимосвязаны с тем, как человек относится к своим негативным возможным Я.

1. Markus H., Nurius P. Possible Selves // American Psychologist. 1986. Vol. 41. № 9. P.954-969.
2. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб., 1999.
3. Mruk C. Self-Esteem: Research, theory, and practice. New York: Springer, 1999.

Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект 18-013-00703/18

Сетевое и реальное пространство информационной социализации

Информационная социализация, сетевое пространство, реальное пространство, социальные сети, киберпсихология

Современная ситуация развития, как и всё пространство вокруг современного человека существует в двух мирах: сетевом и реальном. Эти миры пересекаются, образуя смешанную реальность. Точки пересечения виртуального и реального — это современные гаджеты и интернет — пространство, в котором человек функционирует, перенося все события жизни в онлайн среду и работая с компьютером как инструментом решения задач из различных сфер жизни. Современный человек, пребывая в абсолютно реальном осязаемом мире, способен изолироваться от него и сконструировать собственный виртуальный мир, с различными местами работы, учёбы, профессии и даже географическим положением человека.

Сетевое и реальное. Интернет расширил возможности человека, но «сузил» мир до одной точки, инструмента — гаджета, с помощью которого можно получить столько информации, сколько ни один человек не способен изучить, расширяя возможности до недостижимых ранее горизонтов, усугубляя, таким образом, ситуацию транзитивности и неопределенности. Неопределенность связана с постоянными трансформациями ценностей, норм, эталонов в современном, изменяющемся мире. (Голубева, Марцинковская 2011).

Пребывая в потоке информации, человек постепенно формирует своё собственное виртуальное пространство. В это пространство входит его личная страница, подборка сайтов, на которых он бывает, люди, с которыми он общается. Это и есть момент конструирования виртуального мира где виртуальное и реальное пространства имеют точки пересечения, например с одними и теми же людьми человек может общаться и в сети и очно, удовлетворяя таким образом свою естественную потребность в общении сразу в двух пространствах (Брызгин, Войскунский 2018)

Однако этот мир не изолирован, он представляет единое, неоднородное поле (мировую паутину), которое состоит из индивидуальных виртуальных пространств каждого пользователя на территории общих виртуальных объектов — интернет страниц и приложений. Индивидуальное виртуальное пространство имеет скорее диффузные границы, поскольку любой другой человек может легко пересечь эти границы и инициировать общение напрямую своим сообщением, либо посредством «слайка», «дизлайка», комментария.

В целом, вышеуказанное видение виртуального пространства соответствует описанию «жизненного пространства» в теории поля К. Левина (Левин 2001), что ещё раз доказывает тезис о схожести и единстве двух пространств: реального и виртуального.

Виртуальный конструкт, часть нашего виртуального «Я», следует назвать одним из институтов социализации, который, как и классические институты социализации, формирует личность человека, поскольку здесь также познаются и

принимаются нормы и ценности, которые являются своеобразными трансляторами социального опыта. Но в отличие от классических институтов социализации, этот конструкт имеет ряд отличительных особенностей, он более индивидуален и присутствует на протяжении всей жизни человека, меняясь вместе с ним.

Заключение. Теоретико-эмпирические материалы, посвященные взаимосвязи двух пространств, показывают, что сетевое и реальное не отдельные, изолированные миры. Вместе они образуют смешанную реальность, оказывающую серьезное влияние на личность человека. Индивидуальное виртуальное пространство человека может рассматриваться как новый институт социализации, влияющий на развитие личности на протяжении всей жизни современного человека.

1. Брызгалин Е.А., Войскунский А.Е. Удовлетворение потребностей посредством виртуальной реальности // Цифровое общество в культурно-исторической парадигме, М., РГГУ, 2018 С. 39-42
2. Голубева Н.А., Марцинковская Т.Д. Информационная социализация: психологический подход. Психологические исследования 2011. N 6(20). С. 2.
3. Левин К. Динамическая психология: Избранные труды, М.: Смысл, 2001

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ, проект № 19-18-00516
«Транзитное и виртуальное пространства — общность и различия*

Сетевое пространство социализации — кроскультурный контекст

Территориальная идентичность, социальное пространство, информационные предпочтения, сетевое пространство

Социальное пространство в ситуации высокой мобильности людей подвергается частым изменениям, что приводит к трансформации территориальной идентичности (Марцинковская, 2018), которая рассматривается как часть социальной идентичности (Голубева, Кончаловская, 2013). Большое значение для мигрантов играет информация, которая содержится на официальных сайтах. Однако, в последнее время особую популярность набирает сетевое пространство

Выборка. В исследовании приняли участие представители этнической группы «российские немцы». Всего обследованы 400 человек, составивших две группы по 200 человек: 1 — российские немцы, проживающие на территории РФ, 2 группа — проживающие на территории Германии.

Методики: «Территориальная идентичность»; «Информационные предпочтения (Идентичность и социализация, 2015).

Результаты и обсуждение. Обработка данных, полученных по методике «Территориальная идентичность», показала, что респонденты обеих групп выделяют ограниченное количество мест, определяющих содержание территориальной идентичности. В выборе любимого города русские немцы, проживающих в РФ, разделились на четыре равные группы: 25% в качестве любимого города называют Раменское, 25% — Санкт-Петербург, 25% — Сыктывкар, 25% — Москва, Калининград. Для русских немцев, проживающих в Германии, самым любимым городом стал Сыктывкар (50%), для 30% респондентов этой группы любимым городом является Санкт — Петербург, а для 20% любимым город — «родной». Примечательно, что ни один респондент из этой группы не назвал в качестве любимого города ни тот город, где проживает сейчас, ни вообще не один город Германии.

Самым популярным источником получения информации по двум группам в целом является интернет. При этом у респондентов из России роль Интернета несколько выше, чем у респондентов, проживающих в Германии. На втором месте у всех респондентов стоит личный опыт и опыт близких. На третьем месте — книги. Среди различных источников наиболее популярной оказалась познавательная информация. В равной степени по двум группам оказалась предпочтительна следующая информация: политическая, информация о шоу-бизнесе, культуре и кулинарии. Интересно, что культурная информация в большей степени интересует респондентов из Германии, в то время как экономическая — респондентов, проживающих в России. Интересным является факт, что российские немцы, проживающие на территории Германии, указывают важность для них пребывание в виртуальных социальных сообществах, в том числе в сообществах мигрантов из разных стран, где они могут поделиться опытом адаптации, что способствует позитивной социализации. Именно в

интернет-сообществах они получают эмоциональную поддержку, а также обсуждают сходные проблемы.

Выводы :

1) Респонденты всей выборки в целом продемонстрировали ограниченность социального пространства. Содержание реальной и идеальной территориальной идентичности совпадают для большинства респондентов всех групп.

2) Для русских немцев, проживающих в РФ, территориальная идентичность, как реальная, так и идеальная, определяется прошлым, связана с местами детства и юности, и не привязана к физическому социальному пространству.

3) Наиболее предпочтительным источником информации для всех респондентов является Интернет. На определённом этапе — интернет даёт возможность сетевого взаимодействия, что компенсирует нехватку общения с одной стороны и оказывает поддержку, с другой.

1. Голубева Н.А., Кончаловская М.М. Территориальная идентичность и ценностные ориентации как факторы структурирования социального пространства. // Психологические исследования, 2013, 6(32), 7. <http://psystudy.ru>
2. Идентичность и социализация в современном мире. М.:МПГУ, 2015.
3. Марцинковская Т.Д. Проблема позитивной социализации в современном мультикультурном мире // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 3. С. 79–89.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ, проект № 19-18-00516
«Транзитное и виртуальное пространства — общность и различия»*

Жизненное пространство подлинного Я

Подлинное Я, аутентичность, жизненное пространство, события жизни, нарратив, рефлексия, ресурс

В обществе 21 века меняется традиционный жизненный цикл людей, что делает чрезвычайно востребованной способность человека гибко проектировать жизненное пространство, свободно выбирать траектории жизненного пути, утверждая собственную аутентичность. В данных условиях человек опирается на внутренний ресурс, который помогает утвердиться в правильности и подлинности своего жизненного пространства.

Одним из таких ресурсов может выступать «подлинное Я» — динамичная структура, образованная совокупностью характеристик, которыми личность наделяет свое «Я» как аутентичное, конгруэнтное собственным ценностно-смысловым ориентациям и убеждениями. В жизненном пространстве «подлинное Я» проявляется как интерпретация и рефлексия человеком возможности бесконфликтного проявления в событиях жизни своей аутентичности. К примеру, «подлинное Я» выражается как: открытость и искренность в межличностных отношениях, понимание другими людьми, доверие к людям, преодоление влияния и утверждение своей точки зрения, выражение истинных чувств и желаний, самоконтроль за своими действиями и поступками, свобода жизненного выбора, признание достоинств и недостатков, безоценочное принятие себя, что сопровождается переживанием удовлетворения и счастья (Wilt et al, 2019).

Цель настоящего исследования — выделить и описать дескрипторы, характеризующие рефлексия «подлинного Я» в событийном контексте жизненного пространства личности.

Выборку составили данные, полученные от 300 человек в возрасте от 18 до 40 лет.

Авторская методика предполагала предъявление заданий, ориентирующих респондентов на тезаурусное и нарративное изложение событий жизни с последующей оценкой (по шкале Ликерта) степени воплощения в них «полинного Я». Данные обработаны с использованием контент-анализа, а затем подвергнуты статистическому анализу (φ*-критерий углового преобразования Фишера).

В результате исследования выделены 6 концептов, характеризующих признаки «подлинного Я»: удовлетворенность, независимость, свобода, близость, авторство жизни, открытость миру, одобрение, экзистенциальный опыт. Обнаружены возрастные различия: «близость» наиболее часто встречается в группе людей старше 25 лет (при $p = 0.001$). Дальнейший анализ показал, что «подлинное Я» воплощается в нарративах о событиях жизни через дескрипторы, характеризующие когниции (знания о своей аутентичности), аффекты (эмоции и чувства), поведение (поступки и действия), ценности и смыслы, мотивы, интеракции (взаимодействия с другими

людьми). Возрастные различия касаются когнитивных и ценностно-смысловых ориентаций: эти категории значимо чаще встречается в группе людей старше 25 лет (при $p = 0.001$).

Обсуждая полученные данные, отметим многомерность рефлексивного содержания «подлинного Я» в жизненном пространстве личности, а также повышение разработанности и осмысленности аутентичности, её рационализации с возрастом, что в целом отражает центральные линии жизненного развития человека на этапе взрослости. Вместе с тем мы далеки от объяснения выявленных различий как только «возрастных». Важным является накопление жизненного опыта с возрастом, связанного в первую очередь с выражением экзистенциального отношения к своему жизненному пространству, в которое взрослый человек вкладывает свое «подлинное Я». А возраст в этом случае представляет интегративный показатель, который демонстрирует накопительный эффект влияния многих детерминант.

Таким образом, «подлинное Я» является необходимым внутренним ресурсом, использование которого позволяет личности выстраивать и поддерживать жизненное пространство в соответствии с вызовами внешнего мира и внутренними устремлениями. Гетерогенность «подлинного Я» обеспечивает гибкость воплощения аутентичности в событийном контексте жизненного пространства личности.

1. Wilt J. A., Thomas S., McAdams D.P. (2019). Authenticity and inauthenticity in narrative identity. *Heliyon*, 5(7), e02178. DOI:10.1016/j.heliyon.2019.e02178.

Представления обыденного сознания о родительстве: связь с ценностными установками и традиционными представлениями о мире

Родительство, современная модель, традиционная модель, обыденное сознание, представления, ценности, традиционное мышление

Одной из центральных тем современной психологии является описание и анализ изменений современной реальности, трансформации социальных представлений и установок, изменения картины мира.

Особую значимость приобретает изучение отношения человека к трансформации человеческого взаимодействия, в том числе — к изменению представлений о таких социальных феноменах, как семья и родительство.

В нашем исследовании предпринята попытка анализа представлений о родительстве как о социальном феномене в контексте его изменчивости. Изучение факторов, определяющих склонность людей к принятию/одобрению традиционной или современной модели родительства, может позволить выдвинуть более общие предположения о факторах, лежащих в основе стремления людей к предпочтению стабильности или принятию изменений.

Были поставлены, в частности, следующие исследовательские вопросы.

Насколько в обыденном сознании представлены традиционные и современные установки о родительстве? Какие факторы влияют на их формирование?

В выборку вошли 569 респондентов, проживающих в России (n=473) и за рубежом (n=96). Средний возраст составил 31,72; 95,8% женщин, 4,2% мужчин. Опрос проведен в декабре 2019 г.

Методы:

1) Опросник представлений о родительстве, позволяющий выделить традиционную и современную модели родительства.

2) Опросник «Ценностный портрет личности» Ш. Шварца (в адаптации Т.П. Бутенко, Д.С. Седовой, А.С. Липатовой).

3) Опросник традиционных стереотипов, апробированный нами в предыдущих исследованиях.

Результаты. Большинство респондентов разделяют представления о современном родительстве (86,7%). Выявлены связи представлений о родительстве с ценностными ориентациями личности, в частности, ориентация на традиционную модель семьи коррелирует с ориентацией на ценность Традиции.

Традиционность представлений о мире измерялась с помощью опросника стереотипов. Выявлено, что представления о традиционном родительстве положительно коррелируют с традиционными стереотипами, а представления о современном родительстве, напротив, отрицательно.

Основные выводы. Анализ представлений о родительстве позволяет утверждать, что изменения в представлениях современного общества о семье принимаются людьми. Подавляющее большинство респондентов демонстрируют открытость идеям современного родительства (86,7%).

Также выявлены индивидуальные вариации в приверженности тем или иным представлениям и некоторые факторы, оказывающие на них влияние:

- Ценности личности. Для сторонников традиционной модели семьи характерна ориентация на ценности традиций, конформизма, власти, безопасности, что говорит о том, что предпочтение традиционной семьи имеет опору в системе ценностных ориентаций индивида.

- Картина мира. Приверженность стереотипам, отражающим предпочтение стабильного, устойчивого характера жизненного контекста, а также традиционным нормативам человеческих отношений, оказывает сильное влияние и на установки человека в отношении традиционного / современного типа семьи.

Результаты, полученные в данном исследовании, позволяют утверждать, что установки людей в отношении традиционных и современных моделей семьи и родительства отражают их фундаментальные позиции в отношении принятия изменений современного мира.

Исследование выполнено при поддержке РФФИ проекта № 18-013-00703

О возможном подходе к типологии жизненного пространства личности

Жизненный мир, жизненное пространство личности, типы жизненного пространства личности

Возрастание сложности современного общества, динамизм происходящих в нем изменений, индивидуализация социальной жизни, стремительное увеличение доли и роли виртуальной реальности порождают в нем постоянные и неконтролируемые личностью перемены, следствием чего становится рост у современного человека ощущения неопределенности и незащищенности, отсутствия опоры перед лицом этих перемен.

Через свои жизненные отношения человек связан с какой-то частью этого большого мира, они собственно и создают его жизненный мир. Далеко не все ему в этом мире подвластно и близко. Вместе с тем, в жизненном мире человека есть сфера, которая обладает для него повышенной значимостью, наиболее тесно связана с его собственными интересами, симпатиями и ценностями, переживается им как «свой» и контролируемый им самим мир. Эту сферу мы обозначаем термином «жизненное пространство личности». При всей сложности состава, оно являет определенную целостность, поскольку выражает смысловое единство личности, воплощает и поддерживает ее направленность и автономность. Его структурная организация неоднородна: в нем выделяются центр (ядро), периферия и границы. В центре находятся объекты, наиболее ценные для субъекта (он ощущает их как часть себя). То, что имеет более низкую субъективную значимость, оказываются на периферии.

Это пространство используется человеком как инструмент регуляции собственных отношений с миром, выполняет функции посредника в этих отношениях, поддерживая необходимую автономность личности и ее внутреннего мира.

Нами было проведено исследование субъективной репрезентации жизненного пространства личности. Одним из его результатов стало выделение типов жизненного пространства. Респондентами были молодые люди подросткового и юношеского возраста. Использовался методический прием, основанный на принципах качественно-феноменологического подхода: после вводной беседы их просили описать собственное жизненное пространство.

Типы были выделены с помощью процедур контент-анализа текстов-описаний, их сопоставления и группировки по некоторым общим признакам. Основаниями для их выделения стали следующие признаки: широта — узость (разнообразие элементов жизненного пространства), открытость — закрытость (степень представленности в нем «большого» мира), внешне/внутренне — полицентрированность (представленность и соотношение элементов, относящихся к внешнему или внутреннему миру),

Полагая, что за каждым описанием жизненного пространства стоит его субъективный образ, отражающий некоторые актуальные характеристики этого пространства, и опираясь на указанные выше признаки, было выделено 10 типов жизненного пространства личности. Их можно представить как некоторую последовательность

условных областей в непрерывном многообразии выделенных нами признаков, располагающимися между двумя полюсами, образованными такими типами как: «узкие, закрытые, внешне/внутреннецентрированные» — «широкие, открытые, полицентрированные». Между ними находится ряд других, среди которых, например, такие: «относительно широкие, полуоткрытые, человекоцентрированные», «относительно широкие, полуоткрытые, деятельностноцентрированные».

Осмысляя полученные результаты, следует подчеркнуть, что нельзя подходить к этой типологии оценочно. Мы не можем знать, какие «широта» и «разнообразие» жизненного пространства необходимы человеку в данных обстоятельствах его жизни.

Важно также понимать, что жизненное пространство не статично, в нем происходят динамические процессы: процессы отождествления создают его ядро, процессы обособления формируют его границы. Особенности этой динамики отражают становление личности: развитие и смену интересов, ценностей, значимых человеческих отношений, сферы деятельности.

Эту динамику можно уподобить пульсации: открылся, расширился, встретился с новым — закрылся, вернулся к привычному, устойчивому, «своему», прибавив к нему что-то новое. Насторожить в плане неблагополучия может именно отсутствие динамики, фиксация на закрытости, а возможно, и на чрезмерной открытости.

Теория поля: от категории «поле» к мировоззрению практикующих гештальт-терапевтов (переосмысление идей Курта Левина)

Гештальтпсихология, поле, полевая парадигма

Курт Цадек Левин — немецкий, а после американский психолог, автор теории поля. Категория «поля» как научное понятие и концепция была разработана им в школе гештальтпсихологии.

Ф. Перлз, автор и основатель гештальт-терапии, экстраполировал ряд идей школы гештальтпсихологии. Ф. Перлз открыто говорил, что при разработке концепции гештальт-терапии опирался на работы гештальт-психологов (К. Гольдштейн, В. Келер, К. Коффка, К. Левин). Среди основных идей, вошедших в практику гештальт-терапии, стали — гештальт, принцип функционирования «фигура и фон», контактная граница «организм — среда», организмическая саморегуляция, завершение незавершенной ситуации, роль внимания в организации актуального фона здесь и теперь, поле, холизм. Наиболее тесно гештальт-терапия связана с идеями К. Левина и К. Гольдштейна.

В настоящее время теория поля — это одно из самых современных направлений развития современной гештальт-терапии. Можно говорить об описании и выделении не просто категории «поля», а о целой системе мировоззрения практикующих гештальт-терапевтов — полевая парадигма. М. Фогарти были выделены основные атрибуты, принципы гештальт-терапии среди, которых принцип здесь и сейчас, сознание, опора на феноменологическое исследование, опыт телесности, контакт и отношения, полевая перспектива, как мы видим одно из них — полевая перспектива. Что такое поле и полевая перспектива? К. Левин поле интерпретировал как связь внешних и внутренних факторов, находящихся в динамических взаимоотношениях (предопределяющих друг друга). Со стороны внутренних факторов в такие динамические отношения вступает личность и ее потребность, со стороны внешних факторов — окружение. Результатом работы поля являлось поведение человека. Следовательно, поведение — есть результат работы поля, поведение человека стоит понимать и интерпретировать в терминах поля. Поведение человека — результат некоторого изменения состояния поля в единицу времени «здесь и сейчас». Концепция поля позволяла сделать акцент на целостности и взаимосвязи внешних и внутренних факторов, позволяла рассмотреть психологический факт как что-то происходящее, случающееся.

Гештальт-терапия говорит о поле «организм — среда» и предлагает рассматривать поле не столько как научную категорию, сколько совокупность принципов и особый способ понимания психической реальности. Индивид существует и проявляется только в среде, с которой индивид составляет единое целое. Поле представляет собой дополнительное измерение, которое не является ни субъективным, ни объек-

тивным, но в котором субъект и объект появляются и становятся различимы. В настоящее время можно говорить о трех направлениях практики гештальт-терапии — интрапсихическая (внутренние процессы, потребности и переживания человека), интерпсихическая (субъектные отношения) и полевая парадигма. Содержательно Е. Ласая методологию гештальт-терапии, ориентированную на полевую парадигму, определяет следующим образом — из недифференцированного «мы» рождается «я» и как «я» превращается в «мы».

1. Булюбаш, И. Д. Руководство по гештальт-терапии. / И. Д. Булюбаш. — М.: Психотерапия, 2011. — 768 с.
2. Левин, К. Теория поля в социальных науках / К. Левин. — СПб.: Речь, 2000. — 768 с.

К вопросу о психологических исследованиях лидеров мнений среди молодежи в социальных сетях

Лидеры мнений, социальные сети, молодежь, инфлюенсер, поколение Z

Сегодня жизненное пространство современного молодого человека состоит из двух реальностей: оффлайн-реальность, включающая в себя элементы традиционной повседневности (посещение школы или вуза, совместное времяпровождение с родителями и друзьями, походы на досуговые мероприятия и т.д.), и онлайн-реальность — альтернативная, жизненно важная среда, предоставляющая возможности для удовлетворения своих потребностей: в коммуникации, информации, развлечении и т.д. По данным социологических опросов молодые люди от 15 до 22 лет («поколение Z»), проводят в социальных сетях около 6 часов в день (Гугуева, 2015). Условно пользователей социальных сетей можно разделить на две группы: модераторы (генераторы) и потребители контента (Абрамов, Венерина, 2015). Среди генераторов контента, то есть пользователей, которые создают свои страницы или каналы в социальных сетях, активно и регулярно их наполняют соответствующим материалом, взаимодействуют со своими подписчиками, выделяются «лидеры мнений». Понятие «лидер мнения» было введено социологом П. Лазарсфельдом (Лазарсфельд, 1955) — это индивид, активно распространяющий свою точку зрения, которая может воздействовать на мнение окружающих. Как правило, лидеры мнений близки по возрасту своей аудитории. В настоящее время семантически близким понятию лидер мнения является понятие инфлюенсер (от англ. Influencer), которое перешло из области рекламы, PR, SMM продвижения в повседневную речевую практику пользователей сетевых коммуникаций. Анализ исследований, посвященных лидерам мнений и инфлюенсерам, показал, что первые изучаются преимущественно в социологии, а эффективность вторых, в сфере маркетинга и технологий продаж. В психологии такие исследования малочисленны, их результаты не сравниваются и не обобщаются. На наш взгляд, в первую очередь это связано с отсутствием психологического определения критериев, по которым мы можем отнести того или иного генератора контента к лидерам мнений молодежи. Проведенные нами в 2018 и 2020 году среди молодых людей интервью, посвященные выявлению популярных и значимых для них генераторов контента на Youtube, показали: большинство тех каналов и персоналий, которые были популярны среди молодых людей в 2018 году, в 2020 году уже занимают нижние места в рейтинге значимости или вовсе отсутствуют (Зиновьева, Кузнецова, 2020). Таким образом, если лидеры мнений предыдущих поколений это конкретные авторитетные люди, с определенной биографией, являющиеся экспертами в своей области и транслирующие свое мнение через традиционные медиаплощадки (телевидение, печать), то «лидер мнений» для поколения Z характеризуется «текучестью»,

«размытостью», быстрой сменяемостью. Это может быть конкретный человек со своим настоящим именем и фамилией, человек с псевдонимом, аноним и даже коллектив с ведущим спикером или без него, необязательно являющийся авторитетом или экспертом. Исследование показало, что есть «ситуативные» лидеры мнений для молодых людей. Такими «лидерами», как правило, являются генераторы развлекательного контента: они скорее транслируют не свое мнение, а отражают уже имеющиеся в обществе молодых людей тренды, тем самым вызывая позитивный отклик и рост подписчиков (например, такие популярные среди молодежи каналы как «TrashSmash», «Сыендук»). В то же время, есть и те, кто транслирует свое мнение, касающееся тех или иных социально-значимых событий в обществе и мире (например, каналы «ВДудь», «Поперечный»). Они, как правило, являются авторами каналов, имеющих научно-популярную и социальную направленность. Такие «лидеры» сохраняют свои позиции и свою значимость для молодых людей, их мнение остается для них важным даже с течением времени. Фактически именно они являются «настоящими» лидерами мнений молодежи и именно они должны быть в фокусе психологических исследований.

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ №20-013-00738 «Влияние мнения лидера поколения в цифровой среде на ценностные установки поколения Z»

Межличностные отношения в период пандемии

Межличностные отношения, личный кризис, кризис пандемии, стратегии совладания, поддержка семьи

Переживаемый в период пандемии кризис — это разрушение жизненного пространства, в том числе привычного мира человеческих отношений.

Результаты ранее проведенного нами исследования (2019, 143 русскоговорящих и иностранных мигранта, проживающих в Испании) показали особое значение межличностных отношений для представителей русскоязычной культуры — в мотивации их миграции интересы близких играют едва ли не решающую роль (32% русскоговорящих испытуемых эмигрируют в интересах близких, среди иностранцев такую мотивацию отметили лишь 3,6% респондентов). Кроме того, в число важнейших параметров, по которым русскоязычные мигранты оценивают то, в какой мере ситуация миграции оправдала их ожидания, входит фактор «оправдавшихся ожиданий близких людей» (статистически значимый). Полученные результаты позволили сделать вывод об особой роли межличностных отношений, в частности семьи, в жизни мигрантов русскоязычной культуры.

Данные недавно проведенного нами исследования (Отношения к пандемии КО-ВИД-19, апрель-май 2020, 402 русскоговорящих респондентов и 203 иностранцев), однако, отразили непростую природу межличностных отношений мигрантов.

Оценки преобладающего фона настроения в группах респондентов показали, что разные группы участников исследования эмоционально переживали ситуацию пандемии примерно одинаково, при этом значимо более высокий процент русскоязычных испытуемых указывает на наличие личного кризиса (18,8% жителей России и стран постсоветского пространства, 27,6% русскоговорящих мигрантов, 6,9% и 8,3%, соответственно, иностранцы и иностранные мигранты). При этом 37,7% иностранцев отмечают, что именно семья помогает им пережить кризис. Среди русскоговорящих респондентов, находящихся в своих странах, к поддержке семьи обращается лишь 17,7% участников, а среди русскоговорящих мигрантов еще меньше — 13,6%. Большинство участников исследования считают, что их отношения с близкими людьми в период карантина не изменились, при этом 35% иностранцев отметили, что их отношения стали более близкими, в русскоязычной выборке таких ответов существенно меньше (24,6%). Большинство иностранных респондентов (73,4%) заявили, что после снятия карантинных мер, прежде всего, отправятся на встречу с близкими и родными людьми, в русскоязычной выборке данную опцию выбрали 46,8% опрошенных. Почти треть из них (29,9%) посвятит свои первые встречи общению с друзьями а также коллегами, учениками или клиентами (8,2%); среди иностранцев подобные варианты ответов указали всего 13,3% и 3% опрошенных.

Немалое внимание в исследовании было уделено стратегиям совладания с трудностями переживаемой ситуации. 42,8% русскоговорящих опрошенных указали, что с тяготами ситуации им помогает справиться вера в то, что как бы ни сложились обстоятельства, все обязательно будет хорошо, в отличие от 24,6% иностранцев, выбравших такой ответ. В целом, полученные данные позволяют сделать вывод о том, что при выборе стратегий совладания с тревогами ситуации пандемии, жители Европы предпочитают выбирать стратегии конкретного характера, проистекающие из внешних источников и лежащие в плоскости настоящего времени (поддержка семьи, друзей, получение информации от властей и СМИ — 48,3% опрошенных). Русскоговорящие участники опроса в большей степени обращаются к иррационально-абстрактным стратегиям (вера в бога, вера в себя, вера в то, что как бы ни сложилась ситуация, все будет хорошо — 62,5% опрошенных).

Таким образом, несмотря на ранее выявленную более высокую вовлеченность в интересы близких людей, в переживаемой ситуации пандемии русскоговорящие респонденты в гораздо меньшей степени, чем иностранцы, рассматривают семью и друзей как источник поддержки, но придают большее значение абстрактной вере в благоприятный исход ситуации.

Социальное, личностное и интернет-пространства в ситуации кризисной транзитивности

Транзитивность, реальное, виртуальное, жизненное пространство, экзисфера

В настоящее время жизненное пространство людей во всем мире существенно трансформировалось, в связи с жесткими барьерами, возникшими с появлением карантина, вызванного серьезной болезнью COVID-19. И это актуализировало вопрос о пространстве жизни, о том, что человеку надо для того, чтобы комфортно чувствовать себя в этом мире.

Психология пространства — связь разных пространств

Существует мнение о том, что человеку нужен весь мир, ему мало его душевной индивидуальной закрытой системы — комнаты, города, страны. Иногда даже Земли. С другой стороны, можно возразить, что многие люди создавали свои замечательные произведения, не выезжая за пределы своей страны или даже дома. Можно также вспомнить о том, что главное жизненное пространство — это человеческая личность, поэтому многим людям не бывает скучно даже наедине с самими собой. Здесь уместно и упоминание о миро-проекте и экзистенции С.Л. Рубинштейна, (Рубинштейн, 1973) и о психологическом поле К. Левина (Левин, 2001).

В ситуации кризисной транзитивности вопрос о жизненном пространстве, его наполненности и даже размерах, его связи с личностью и индивидуальными особенностями человека приобретает особую актуальность.

Не менее важным в настоящей ситуации становится и вопрос о связи реальных и виртуальных пространств. Виртуальное пространство не может рассматриваться изолированно от общего социального пространства человека, оно входит в общую структуру социального/персонального хронотопа (Марцинковская, 2015). При этом важным моментом является то, что наиболее активно Интернетом пользуются именно подростки, для которых Интернет стал одной из привычных граней бытия и для которых операциональная сторона использования электронных СМИ не представляет сложностей, в отличие от старших поколений. Тот факт, что образ мира современных, прежде всего, молодых, людей во многом строится на основании той информации, которая приходит из виртуального пространства, позволяет говорить о связи представлений о мире и о себе, которые формируются в Интернете и в социуме.

Новые технологии меняют картину мира и способы переработки информации. Это дает основания говорить о том, что технологическое общество уже перешло в следующую стадию развития, на которой техника не является чем-то внешним для человека. Человек воспринимает машины уже не столько как механизмы, но как часть нашей среды, часто как продолжение наших психических способностей, а не только как орудия труда. Можно, видимо, говорить о том, что технические средства интериоризируются людьми, определяя специфику их восприятия мира, взаимодействия с предметами, общения с окружающими.

Заключение. Размышления о психологии пространства многоаспектны, они включают в себя как междисциплинарные концепции, так и теории пространства

мира, психологического и физического поля, сети Интернет, сферу внутренней сущности личности.

Объединяет все эти концепции идея о том, что каждому необходимо выстроить свое пространство, встать над полем, без чего невозможно ни выстроить барьеры, ни преодолеть их, что часто связано между собой как две стороны одной медали.

Связь между виртуальным и реальным пространствами существенно влияет на границы социального поля, позволяя преодолеть разные виды внешней фрустрации, а часто даже самые жесткие барьеры. Одновременно отношение к этим пространствам дает возможность выстроить экзисферу, а также расширить границы личностного пространства, подтверждая связь между внешними и внутренними границами с индивидуальными и личностными характеристиками.

1. Левин К. (Lewin K.) Динамическая психология: Избранные труды. М.: Смысл, 2001.
2. Марцинковская Т.Д. Проблема социализации в историко-генетической парадигме. М.: Смысл, 2015.
3. Рубинштейн С. Л. Человек и мир. М.: Педагогика, 1973.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ, проект № 19-18-00516
«Транзитное и виртуальное пространства — общность и различия»*

Марцинковская Т.Д.
Москва, Институт психологии им. Л.С. Выготского РГГУ

Преображенская С.В.
Москва, Институт психологии им. Л.С. Выготского РГГУ

Роль виртуального пространства в трансформации языка современных подростков

Транзитивность, интернет, интернет-язык, мемы, гипертекст

Современная ситуация, характеризующаяся как ситуация транзитивности (изменчивости, множественности и неопределенности) становится все более всеобъемлющей, затрагивая все поколения, сферы жизнедеятельности и социальные группы. Для того, чтобы ответить на новые вопросы и решить новые проблемы, стоящие перед психологией, необходимо раскрыть и новые детерминанты, влияющие на психическое развитие современных подростков, на которых оказывает огромное влияние не только реальная ситуация транзитивности, но и Интернет, социальные сети.

Язык и мышление в интернет-пространстве.

В современном мире роль информации и информационного воздействия на мотивацию и поведение людей всех возрастов постоянно увеличивается. При этом информационная культура позиционируется как особый вариант культуры, а информация рассматривается как один из способов организации, структурирования образа мира (Кастельс, 2000). Изменяется и язык, способ осознания репрезентации образа мира. Наряду с этим меняется и коммуникация, создается и новая форма речи. Появляется и новый язык, соединяющий образный, вербальный и символический языки. В Интернете формируется и новый вид текста — гипертекст, который может быть многократно трансформирован и интерпретирован благодаря гиперссылкам. Особенностью гипертекста является не только «клипповость», о которой писал еще Э.Тоффлер (Тоффлер, 2002), но и возможность структурировать и переструктурировать информацию, состоящую из отдельных связанных между собой и, одновременно, независимых друг от друга гештальтов

Говоря о специфическом языке Интернет — коммуникации, важно отметить сходство между внутренней речью и речью в чатах, где также доминирует предикативная форма и общий контекст разговора, не требующий большой развернутости предложений. Свернутая форма изложения присутствует даже в блогах, которые, в принципе, особенно у подростков, являются формой дневников (Марцинковская, 2016). При этом важным отличием и блогов, и чатов, становится образно-вербальный характер текстов, то есть наряду со словами, в них присутствуют рисунки, аватарки и фотографии, расширяя и дополняя излагаемый материал, а также усиливая его эмоциональное воздействие.

В этом контексте встает вопрос и о способах передачи эмоций. Для компенсации традиционных невербальных языков, в Интернет — коммуникации разрабатываются собственные языки и способы усиления эмоциональной окраски речи. Это, прежде всего, широко распространенные «смайлики». Помимо смайликов для акцентирования высказывания используется написание слова или фразы ЗАГЛАВНЫМИ

БУКВАМИ. Использование знаков препинания также применяется для передачи эмоций, например большое количество восклицательных или вопросительных знаков.

Если же говорить о когнитивной составляющей внутренних форм слов и предложений сетевых текстов, необходимо подчеркнуть большую роль мемов. Интернет-мемы обычно представляют собой информацию (тексты, ссылки), передаваемую пользователями друг другу. Функционально интернет-мемы служат не только для развлечения или обмена информацией, но используются и в качестве создания социально нормативного стиля коммуникации и ролевых отношений.

Заключение. Таким образом, модно констатировать серьезное влияние интернета на язык, который унифицируется под влиянием формального интернет-языка.

Изучение новых взаимосвязей между языками и мышлением, прежде всего в контексте нового Интернет-языка, становится все более востребованным для понимания нового стиля мышления и структурирования образа мира современных школьников.

1. Кастельс М. (Castells M.) Информационная эпоха: экономика, общество, культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000.
2. Марцинковская Т.Д. Культура и субкультура в пространстве психологического хронотопа. М.: Смысл, 2016.
3. Тоффлер Э. (Toffler A.) Шок будущего. М.: АСТ, 2002.

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ №19-313-90026 «Влияние современного информационного, транзитивного пространства на психическое развитие школьников»

Исследование жизненных моделей молодых людей: близость «реальных» и «сетевых» ориентиров

Жизненный сценарий, жизненная модель, молодежь, цифровое пространство

Современное жизненное пространство человека все больше становится единым повседневным офлайн и онлайн существованием. С развитием соцсетей в цифровом пространстве стало востребованным общение реальных, идентифицируемых личностей, презентация себя и в ординарных проявлениях, и в начинаниях, творческих проектах, трансляция для множества подписчиков своих мыслей, взглядов и образа жизни. Актуальной научной проблемой является изучение влияния интенсивной интернет-коммуникации на формирование личности молодых людей, что, в частности, может быть выявлено через изучение степени близости транслируемых в сетях жизненных ориентиров и собственных ценностных представлений молодежи. Решение этой задачи было частью исследования жизненных моделей молодежи, определяемых как фрагменты жизненного сценария личности в ведущих сферах жизни (профессиональная деятельность, межличностные отношения, саморазвитие), каждая из которых может быть операционально описана через систему параметров и индикаторов. Было проведено сопоставление результатов контент-анализа персональных страниц молодых людей в социальной сети с результатами предыдущего этапа исследований жизненных моделей молодежи, реализованного с помощью анкетирования [1]. Оба исследования опирались на единую теоретическую основу и разработанную в соответствии с ней матрицу контент-анализа. Выборку составили, соответственно: 1) 100 персональных страниц пользователей социальной сети «ВКонтакте», отобранных случайным образом среди молодых людей Санкт-Петербурга и Новоуральска, средний возраст $23,63 \pm 1,21$; 2) 100 студентов СПбГУ; средний возраст $21,02 \pm 1,11$; 43% постоянно проживают в Санкт-Петербурге, 57% — из разных регионов России. Результаты контент-анализа персональных страниц в профессиональной сфере показали высокую степень близости с ответами на опросник, отражая значимость профессионального роста и общения, что в сети проявляется в насыщенности ленты пользователей объявлениями о профессиональных событиях и проектах (чаще в крупном городе), профессиональных вехах (чаще в небольшом городе), сопровождаемых эмоциями гордости и удовлетворения, выкладыванием соответствующих постов и визуальных материалов. В сфере отношений в контенте соцсетей более высока доля традиционных представлений: значимость дружбы и любви, стремление к поддержанию семейных отношений, что, в частности, проявляется в выкладывании соответствующих фото и комментариев. Как и при анкетировании, выявлена дифференциация выборки, связанная, в первую очередь, с местом проживания: в малом городе объем визуального и текстового контента, посвященного сфере отношений, значимо больше ($p = 0,003$): чаще публикуется информация

о братьях и сестрах, фото с родителями на знаковых событиях (например, вручении диплома). Важным результатом проведенного сопоставления явилось подтверждение разных вариантов выстраивания молодежью жизненных моделей. Анализ категорий, касающихся сферы саморазвития, как и результаты опроса, выявили параметры, по которым различаются жизненные модели: активность, уверенность в себе, «вкладывание» в жизненный успех и др. Полученные данные отражают тенденции, полученные в рамках данных выборок, и с учетом норм и интерфейса социальной сети (в данном случае — Вконтакте), однако, дают основания говорить о вариативности жизненных моделей молодежи, как в зависимости от места проживания, так и внутри одного города, выражающихся в значительном разбросе данных по многим индикаторам. Показанные связи «виртуальных» и «жизненных» параметров поведения на примере молодых людей подтверждают возможность их изучения с использованием общего исследовательского языка.

1. Moskvicheva N.L., Kostromina S.N., Grishina N.V., Zinovieva E.V. Life models of students in educational and family sphere: the influence of parent family. 2019. EDULEARN19 Proceedings. стр. 639-648.

*Выполнено при поддержке РФФИ, исследовательский проект № 18-013-00599
«Жизненные модели молодежи: межпоколенное и внутрипоколенное исследование»*

Переживание ситуации неудачи людьми с различными типами совладающего поведения

Неудача, психология личности, совладающее поведение, психология ситуации

На фоне большого числа работ по психологии ситуаций, ситуация неудачи остается недостаточно исследованной, в то время как ее психологическая значимость весьма велика, в частности, как стимула к изменению и самоизменению. Восприятие ситуации как неудачи и процессы ее переживания определяются личностью субъекта, его представлением о мире и самооценкой, поэтому здесь в существенной мере проявляются индивидуально-личностные особенности. Представляется, что стратегии совладания, представление о которых в психологии теоретически и методически проработано, могут послужить здесь хорошей основой для выделения типологических вариантов переживания ситуации неудачи.

Теоретическим основанием настоящего исследования служат:

- субъектный подход к исследованию жизненного пути личности, жизненных ситуаций и переживаний [1,2,3]
- ситуационный подход [4,5]

Цель данного исследования: выявить особенности субъективного переживания ситуации неудачи людьми с различными типами совладающего поведения.

Гипотезы:

1. Переживание ситуации неудачи различается у людей с различными типами совладающего поведения.

2. Взаимосвязь особенностей переживания неудачи и типов совладающего поведения опосредована как общими чертами (диспозициями) личности, так и некоторыми специфическими чертами (мотивация избегания неудачи).

Методы и методики, использованные в работе:

- 1) Полуструктурированное интервью (разработано автором исследования)
- 2) Анализ эссе на актуальную тему ситуации пандемии
- 3) Психодиагностические методики:

- Опросник «способы совладающего поведения» (R. Lazarus, S. Folkman, 1988 г.)
- Методика диагностики личности на мотивацию к избеганию неудач (Th. Ehlers, 1984 г.)
- Пятифакторный опросник личностных черт (Авторы: P.T. Costa, Jr., R.R. McCrae, 1992 г.)

Основные выводы:

1) Взаимосвязь особенностей переживания неудачи со стратегиями совладания проявляется как часть комплекса взаимосвязанных личностных особенностей переживания неудачи, с состав которых входят такие общие личностные диспозиции, как экстраверсия и нейротизм, а также мотивация избегания неудач.

2) Выявлены различия переживания неудачи между респондентами с преобладающими конструктивными стратегиями совладания и теми, у кого преобладают неконструктивные стратегии. Для тех, кто использует конструктивные копинги, более характерны высокие показатели мотивации избегания неудач и по шкале нейротизма; оценивание последствий неудачи положительными. Те, кто использовали неконструктивные копинги, чаще рассказывали про неудачу в сфере учебы и в сфере межличностные отношения. Те, кто используют конструктивные копинги, делали это достоверно реже.

3) Для тех, кто использует эмоционально-ориентированные копинги, более характерны низкие или средние значения мотивации избегания неудач, выделение только внешних причин того, что неудача произошла. Для тех, кто использует проблемно-ориентированные копинги, характерны высокие значения мотивации избегания неудач, выделение внешних причин или совокупности внешних и внутренних факторов того, что неудача произошла.

4) Результаты анализа эссе показали, что респонденты с эмоционально-ориентированными копингами чаще воспринимали самоизоляцию как возможность, в то время как респонденты с проблемно-ориентированными копингами воспринимали ситуацию частично или полностью как неудачу.

1. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни М.: Мысль, 1991.-299 с.
2. Анцыферова, Л.И. К психологии формирования личности как развивающейся системы / Л.И. Анцыферова // Психология формирования и развития личности. — М., 2001. 145с.
3. Василюк Ф.Е. Психология переживания. Анализ преодоления критических ситуаций. — М.: Издво Моск. ун-та, 1984.
4. Гришина Н.В. «Самоизменения» личности: возможное и необходимое. // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2018. Психология, 8(2), С.126–138.
5. Психология социальных ситуаций / Сост. И общая редакция Н.В. Гришиной. — СПб.: Питер, 2001. — 416 с.: ил. — (Серия «Хрестоматия по психологии»).

Связь потенциала самоизменений личности с жизнестойкостью и толерантностью к неопределенности

Потенциал самоизменений, жизнестойкость, толерантность к неопределенности, открытость опыту

Одна из примечательных тенденций современной психологии — рост интереса исследователей к проблеме изменчивости личности, её способности, находясь в постоянном взаимодействии с окружающим миром, гибко реагировать на его вызовы, находя эффективные способы совладания с неопределенностью, самоизменяться, преобразуя свое жизненное пространство. Способность изменяться и самоизменяться — необходимое условие успешного существования человека в современной мире, что объясняет актуальность рассматриваемой проблемы (Психология личности: пребывание в изменении, 2019).

Для оценки возможностей в сфере самоизменений Н.В. Гришиной предложено понятие «потенциал самоизменений», имеющее динамическую природу и понимаемое как совокупность возможностей реализации изменений, относящихся к различным уровням психической организации человека, которые могут им осознанно актуализироваться и инициироваться.

Цель — изучение взаимосвязи потенциала самоизменений с жизнестойкостью и толерантностью к неопределенности.

Выборка: 80 респондентов (68 женщин и 12 мужчин) 18-61 года ($M=32,4$; $SD=9,1$). Методы: опросник «Потенциал самоизменений» (В.Р. Манукян и др.); Тест жизнестойкости С. Мадди (адаптация Д.А. Леонтьева, Е.И. Рассказовой); Шкала толерантности к неопределенности Д. Маклейна (адаптация Е.Н. Осина).

Результаты: выявлено, что шкалы «Потребность в самоизменениях», «Способность к осознанному самоизменениям» и общий показатель потенциала самоизменений образуют положительные связи с показателями жизнестойкости ($p \leq 0,001$), что свидетельствует о том, что стремление к новизне, позитивное отношение к изменениям и способность планомерно воплощать задуманное в жизнь присущи активным, уверенным в своих силах людям, способным эффективно справляться с неопределенными ситуациями, находить новые пути решения проблем, готовым рисковать и извлекать опыт из любых ситуаций. Шкала «Возможность самоизменений», имеющая обратный характер и отражающая повышенный уровень психической ригидности, ограничивающий индивидуальные возможности самоизменений личности, образует отрицательные связи со всеми показателями жизнестойкости ($p \leq 0,001$). То есть люди с высоким уровнем психической ригидности в ситуациях, требующих изменений и вызывающих стресс, склонны к фиксированным формам поведения, обеспечивающим стабильность, неизменность и безопасность, незначительное напряжение может вызывать негативные переживания, ухудшение работоспособности. Нами не выявлено значимых связей между шкалой «Вера в возможность самоизменений» и показателями жизнестойкости: это может объясняться независимостью имплицитных

представлений личности о возможности людей осознанно меняться в течение жизни от уровня жизнестойкости, жизненной позиции и готовности к риску.

Также были получены тесные положительные связи практически всех шкал потенциала самоизменений с показателями толерантности к неопределенности ($0,015 \leq r \leq 0,000$), шкала «Возможность самоизменений» образует с ними отрицательные связи ($r \leq 0,000$). Полученные положительные корреляции указывают на связь толерантности к неопределенности и её предпочтения со стремлением к новизне и личностному росту, позитивным отношением к изменениям, способностью к сознательной работе над собой и умением планомерно воплощать задуманное в жизнь, а также представлениями о возможности человека сознательно меняться в течение жизни. Отрицательные корреляции свидетельствуют о связи высокого уровня психической ригидности в ситуациях, требующих изменений, невозможности изменений с низкими показателями толерантности к неопределенности.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что потенциал самоизменений тесно связан со способностью личности выдерживать неопределенные жизненные ситуации, преобразуя их в новые возможности, расширяя жизненное пространство, а также с толерантностью к неопределенности, отсутствием стремления к её избеганию. Исследование поддержано РФФИ, проект № 18-013-00703.

1. Психология личности: пребывание в изменении / под ред. Н.В. Гришиной. СПб.: СПбГУ, 2019. 576 с.

Исследование поддержано РФФИ, проект № 18-013-00703

Орестова В.Р.
Москва, Институт психологии им.Л.С.Выготского РГГУ

Соколова А.А.
Москва, Институт психологии им.Л.С.Выготского РГГУ

Социальные сети как жизненное пространство человека: возрастной контекст

Социальные сети, поведение в социальных сетях, потребности пользователей социальных сетей, жизненное пространство

Сегодня виртуальное пространство уже стало важнейшим пространством социализации, причем оно входит в общую структуру пространства жизни человека и не может рассматриваться изолировано от него (Голубева, Марцинковская, 2011). Социальные сети предоставляют возможности для удовлетворения самых разных потребностей, и мы предполагаем, что будут существовать отличия в реализации потребностей у людей разных возрастных групп.

Методы. В нашем исследовании приняли участие 77 активных пользователей социальных сетей VK, Facebook, Instagram в возрасте от 20 до 41 лет, составивших две возрастные группы: 20-30 лет и 31-41 лет. Наиболее часто посещаемой социальной сетями для обеих групп является Инстаграм, но также характерно увеличение доли сети Фейсбук и уменьшение доли Вконтакте у респондентов старшей группы.

В исследовании был проведен контент анализ всех публикаций пользователей за полгода. Всего было проанализировано 3 937 публикаций. Так же нами была использована авторская анкета с целью исследования особенностей активности и поведения респондентов.

Результаты свидетельствуют, что пользователи социальных сетей более молодой группы (20-30 лет), чаще используют это пространство для размещения информации, лишенной личной и эмоциональной окраски, их публикации чаще направлены на то, чтобы повеселить подписчиков или поделиться информацией. Самым распространенным контентом в этой группе являются перепосты без текста или с минимальным текстом (63% от общего числа публикаций), а самые популярная тематика в публикациях — «Смешное» (45% от общего числа публикаций, тогда как в старшей группе лишь 1%). Также в этой группе большая частота публикаций связана с их нейтральным содержанием и отсутствием информации о пользователе.

Респонденты старшей группы склонны публиковать больше информации о себе и своей жизни, они чаще делятся эмоциями. Самым распространенным контентом в этой группе является авторский контент без текста или с минимальным текстом (57% от общего числа публикаций). Самая популярная тематика публикаций «Я и моя жизнь» (59 % от общего контента, тогда как для более молодых пользователей — только 21%). Большая частота публикаций у более зрелых пользователей прямо связана с большей частотой рассказа о себе в публикациях и обратно связана с частотой публикаций, в которых пользователь ничего о себе не рассказывает.

В этой группе статистически значимо выше доля контента в категориях «Социальное и политическое» и «Социальные интеракции», что может говорить о том, для

пользователей этой группы социальные сети являются пространством для обсуждения социальных проблем. Так же в этой группе выявлены статистически значимые прямые связи частоты публикаций с категориями тематики «Я и моя жизнь», «Социальное и политическое», с авторскими публикациями, с выражением противоречивых эмоций и юмора, а также обратные связи с отсутствием выражения эмоций в публикациях. Все это может быть отражением того, что социальные сети являются пространством для реализации познавательных потребностей, потребности в творчестве и личностном общении у более взрослых респондентов.

Заключение. Виртуальное пространство, предоставляя практически неограниченные возможности для реализации потребностей, становится неотъемлемой частью нашей реальной жизни, границы между ними размываются, что особенно ярко стало видно в период самоизоляции, когда большинство сфер жизни ушли в он-лайн. Он-лайн и офф-лайн образует общее жизненное пространство личности, подтверждая идеи К. Левина (Левин, 2001) о широких возможностях замещения и преодоления барьеров.

1. Голубева Н.А., Марцинковская Т.Д. Информационная социализация: психологический подход // Психологические исследования, 2011. N 6(20). С. 2.
2. Левин К. Динамическая психология: Избранные труды. М.: Смысл, 2001.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ, проект № 19-18-00516
«Транзитное и виртуальное пространства — общность и различия»*

Прекарность как стратегия адаптации и развития субъектности в условиях транзитивной повседневности

Прекарность, переживания прекарности, транзитивность, повседневность, фрустрация пространства

Постоянство нестабильности, непрерывность изменений и фатальная неопределенность как атрибуты транзитивной повседневности, становятся константой образа жизни современного человека. Прекарность как экзистенциальная категория связана с переживанием неопределенности и неуверенности в завтрашнем дне, уязвимости и хрупкости человеческого существования. В таком дискурсе человек выступает как объект негативного влияния транзитивности и прекарности, когда прекарность и гибкость из стратегии и ресурса, обеспечивающего успешность адаптации, трансформируется в угрозу нарушения целостности идентичности и схлопыванию временной перспективы. Другой стороной дискурса является понимание прекарности как латентной субъектности с ее интенциональностью и активностью (Гусельцева, 2019).

Прекарность как результат фрустрации жизненного пространства.

В прекарности заложена возможность и способность к коллективному действию, то есть в результате фрустрации прекарность наделяется энергетической функцией и выступает маркером протестной активности, готовой принять открытые формы коллективного гражданского сопротивления, которое выводит тысячи протестующих на улицы городов по всему миру. Необходимым условием возникновения субъектности являются коллективные переживания прекарности, которые становятся идентификационным маркером протестного сообщества и предиктором личного участия в массовых протестах (Хорошилов, Ильжер, 2019). Таким образом, в широком социальном контексте прекарность становится источником пассивности, когда уязвимость и незащищенность из слабости трансформируются в реальную силу, способную изменить существующий порядок. Опасность такой общей социальной прекарности в том, что канализация фрустрированной энергии может быть направлена как на дальнейшую демократизацию существующего порядка, так и проявляться в различных формах радикализации.

На уровне личности понимание прекарности, как результата прекарнизации и фрустрации личного пространства, базируется на положении Т.Д. Марцинковской о двух уровнях детерминации развития личности (Марцинковская, 2017). Первый уровень связан с адаптивными формами поведения, активизирующими синергетический потенциал человека. Это та гибкость, заложником которой становится человек, выбирая прекарность как адаптивную стратегию в ответ на вызовы транзитивности современного мира. Второй уровень детерминации, опосредованный культурой, открывает возможности индивидуализации личностного пространства, как ресурса формирования экзистосферы и субъектности. Положение о двух уровнях детерминации созвучно концепции Н.В. Гришиной о трех контекстах существования человека (Гришина, 2017).

Закключение. Можно предположить, что второй уровень детерминации позволяет рассматривать личностную прекарность в оптике развития, когда личностное пространство трансформируется в пространство ответственности, свободы, развития и креативности (Гусельцева, 2019). Индивидуальные переживания прекарности лежат в основе индивидуализации повседневности — конструирования повседневности как индивидуального стиля жизни и формирования субъектности как авторства индивидуальных стратегий жизнестроительства и жизнотворчества.

1. Гришина Н.В. Поведение в повседневности: жизненный стиль, повседневная креативность и «жизнотворчество» // Психологические исследования. 2017. Т. 10, № 56. С. 2.
2. Гусельцева М.С. Психология повседневности в свете методологии латентных изменений. Монография. М.: Акрополь, 2019.
3. Марцинковская Т.Д. Психология повседневности: оксюморон или новый тренд психологии // Психологические исследования. 2017. Т. 10, № 56. С. 1.
4. Хорошилов Д. А., Ильжер Е. А. Коллективные переживания прекарности и гражданские движения // Национальный психологический журнал. 2019. №. 2 (34).

Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 20-013-00075 «Человек в повседневности: психологическая феноменология и закономерности

Жизненное пространство подростков в контексте социализации в условиях жесткой и текучей транзитивности

Социализация, транзитивность, кризис, подростки

Социализация современных подростков протекает в рамках транзитивного общества, которое является «внешней оболочкой жизненного пространства», характеризующейся неопределенностью, постоянной изменчивостью и наличием множества выборов (Марцинковская, 2015). При этом транзитивность может протекать в двух содержательно разных формах — жесткой (кризисной) и текучей (Марцинковская, 2018). Сам же подростковый возраст является переломным этапом в становлении жизненного пространства: происходит увеличение его широты и возрастает дифференциация уровней, усложняется организация и изменяется подвижность и жесткость его границ (Левин, 2000). Таким образом, изменения жизненного пространства подростков в условиях жесткой и текучей транзитивности теснейшим образом взаимосвязано с особенностями их социализации.

Исходя из этого, главной целью нашего исследования стало выявление особенностей социализации современных подростков на разных этапах транзитивности.

Методы. Психологические характеристики социализации изучались «Методикой диагностики социальности-психологической адаптации» К.Роджерса и Р.Даймонда (адаптация Осницкого К.А.). Выявление особенностей социализации осуществлялось посредством программы STATISTICA 12.0 с использованием непараметрического критерия Манна-Уитни (Manna-Whitney U-test) и описательной статистики.

Выборка. Участие в исследовании приняли студенты первого курса Гуманитарного колледжа РГГУ — 251 респондент в возрасте от 15 до 18 лет, среди них 198 девушек (ср. возраст 15,9; SD=0,71) и 53 юноши (ср. возраст 15,8; SD=0,62). Сбор данных проводился срезами в течении 4 лет. Выборка была разделена на три группы в соответствии с годом поступления и с учетом социально-экономических процессов, происходивших в России за время исследования: 2013-14 учебный год — «Стабильная» (N=105), 2014-15 — «Переходная» (N=103), 2016-17 учебный год — «Кризисная» (N=43).

Результаты статистического анализа свидетельствуют о том, что в сравнении с подростками-представителями Стабильной (С) и Переходной (П) подростки Кризисной группы демонстрируют низкий уровень эмоционального комфорта (С: $p=0,00$; П: $p=0,01$) и, соответственно, высокий уровень эмоционального дискомфорта (С: $p=0,01$; П: $p=0,01$), а также низкие показатели адаптивности (П: $p=0,01$) и склонности к доминированию (С: $p=0,00$; П: $p=0,00$). Кроме того, подростки-представители Кризисной группы отличаются низкими показателями приятия других (С: $p=0,01$; П: $p=0,00$) и себя (С: $p=0,03$; П: $p=0,03$), при этом у них выше показатели внешнего контроля (С: $p=0,04$). Между подростками-представителями Переходной и Стабильной групп обнаружено единственное различие по показателю приятия других ($p=0,02$), что позволяет рассматривать их как единую когорту.

Обсуждение результатов. Вслед за процессами, которые спровоцировал социально-экономический кризис российского общества в 2014-15 годах, изменился характер социализации подростков, вошедших в активную фазу расширения своего жизненного пространства и развития личности. Значительно снизился адаптационный потенциал их социализации в условиях жесткой транзитивности общества, что отразилось на эмоционально-личностном благополучии подростков и их стремлении к достижению высокого положения среди группы сверстников. При этом отношение к сверстникам и самим себе стало значительно более негативным, а локус контроля сместился вовне. Можно заключить, что подростки кризисного этапа развития общества представляют отдельную когорту со своим жизненным пространством и особенностями социализации.

1. Левин К. Теория поля в социальных науках. СПб.: Сенсор, 2000.
2. Марцинковская Т.Д. Новая эстетика транзитивности // Психологические исследования. 2018. Т. 11, № 61. С. 12. URL: <http://psystudy.ru>.
3. Марцинковская Т.Д. Современная психология — вызовы транзитивности // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 42. С. 1. URL: <http://psystudy.ru>.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ, проект № 19-18-00516
«Транзитное и виртуальное пространства — общность и различия»*

Проблема социальной детерминации личности во «Второй книге» Н.Я. Мандельштам

Социальная детерминация, психология личности, Н.Я. Мандельштам как психолог

Проблема социальной и культурной детерминации личности — одна из ключевых для отечественной психологии, а включение фактора среды или контекста развития человека в исследовательские методологии стало визитной карточкой советских и российских ученых. Анализ обозначенной проблемы был асимметричен: социальность рассматривалась скорее в ракурсе языка и общения, знаковых средств, опосредствующих межличностные отношения и практическую деятельность, в то время как общественные институты и власть публичного над частным фактически оказались вынесены за дисциплинарные границы психологии.

Иллюстрацией асимметричного понимания социальности, не отрефлексированного в истории отечественной науки, может служить сравнительный анализ психологических идей О.Э. Мандельштама и его вдовы Н.Я. Мандельштам.

В 1920-е гг. одновременно с разработкой концепции личности как наивысшей формы социальности у Л.С. Выготского великий поэт выпускает цикл статей, в которых ставит знак равенства между словом и психеей. Художественные прозрения Мандельштама оказались необычайно важными для формирования современной парадигмы культурно-исторической психологии (В.П. Зинченко, А.Г. Асмолов). Имя поэта встречается и в записках Выготского. О встрече с Выготским вспоминает Надежда Яковлевна во «Второй книге», в поздние годы напишет в письме: «Зря Вы не интересуетесь психологией. Это грандиозная область (наш Выготский и структуралисты)», а также советует найти только вышедшую (1965 г.) книгу «Психология искусства», «очень интересную».

В скандально знаменитых мемуарах Надежда Яковлевна делает важный шаг вперед — в сравнении с покойным мужем и, следует отметить, всей отечественной психологией — она дополняет условно «горизонтальное» измерение социальной детерминации личности языком и словом «вертикальным» измерением власти и насилия. «Вторая книга» — одна из наиболее бескомпромиссных и точных попыток анализа социальных, культурных и психологических причин катастроф XX столетия, которые стали предпосылками для возникновения «текущей современности», неопределенности и транзитивности нашего времени. О. Седакова называет эти мемуары «учебником политической истории СССР». По ее мнению, Надежда Яковлевна не только дополняет поэзию мужа радикальным видением социальной реальности, но и ищет пути сознательного сопротивления процессам распада культуры.

Основные психологические идеи «Второй книги» Н.Я. Мандельштам можно свести к следующим трем тезисам. 1) Объясняется происхождение «болезни» века — «потери я», «сужения» и «оцепенения личности» — «рухнувшие социальные связи», «человек очутился один перед таинственной силой, которая именуется властью и служит распределителем жизни и смерти». Причины того, что сегодня называется кризисом идентичности, Надежда Яковлевна видит в насильственном встраивании

института власти в персональное жизненное пространство (ср. с классическими экспериментами социальной психологии). 2) Она находит стратегии сопротивления тотальной социальной обусловленности в решительном отказе от смысловой детерминации личности и обращении к целевой: «упражняйтесь в уничтожении смысла и в заготовке целей». 3) Наконец, Мандельштам призывает отказаться от концепции коллективного сознания (или, по ее словам, соборности), воплощением которого становится количественный подход к человеку, и вернуться к индивидуальной судьбе в многообразии ее жизненных миров: от повседневности до сновидений. «Я требую, чтобы все пересмотрели мои сны за полстолетия, включая тридцать с лишком лет полного одиночества».

И. Бродский называет Надежду Яковлевну «вдовой культуры», а обращение супруги поэта к прозе интерпретирует как сохранение души языка и тонкости восприятия человеком мира. Думается, что пронизательные размышления Н.Я. Мандельштам дают возможность расширить конвенциональное понимание социальной, негласное в психологии, и включить в него анализ автобиографии, жизненного пути как «символа исторического дня» и картины мира.

Исследование поддержано грантом РФФИ № 19-013-00612

Способы совладания с тревогой в ситуации переезда в другой город

Тревога, жизненный выбор, толерантность к неопределенности, жизнестойкость, стратегии саморегуляции

В условиях неопределенности современного мира человек вынужден приспосабливаться к изменяющейся жизненной ситуации, реализуя всевозможные выборы. Жизненный путь человека — череда жизненных выборов, осуществляемых в соответствии с приоритетами в долгосрочной перспективе, либо в ситуациях, имеющих личностное и социальное значения для человека [1]. В качестве такого выбора рассматривается ситуация переезда в другой город в связи с поступлением в вуз. Реализованный в пользу переезда выбор влечет за собой переживание тревоги, связанной с неопределенностью, с которой сталкивается человек, и препятствующей его успешной деятельности. Возникает вопрос, как человеку совладать с возникающей тревогой?

Выборка: 77 первокурсников (43 девушки и 34 юноши), обучающихся по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры СПбГУ, в возрасте 17-24 лет ($M=18$, $SD=1,64$).

Методы: интервью; психодиагностические методики: методика оценки тревожности Ч.Д. Спилбергера, Ю.Л. Ханина; шкала толерантности к неопределенности (ТН) Д. Маклейна в адаптации Е.Н. Осина; тест жизнестойкости С. Мадди в адаптации Д.А. Леонтьева, Е.И. Расказовой; опросник «Стиль саморегуляции поведения» В.И. Моросановой.

В результате анализа данных выявлено, что наиболее характерные переживания при осознании предстоящего переезда — тревога (11,3%) и тоска по дому (сепарационная тревога) (3%). В процессе переезда 48,1% респондентов испытывали тревогу и беспокойство, 51,9% студентов тревогу не переживали. 46,8% респондентов охарактеризовали себя как тревожных; 53,2% студентов отметили, что тревожность не является их личностной чертой.

Проведенный анализ способов совладания с тревогой, включивший в себя иррациональную, рациональную стратегии саморегуляции и индивидуальные способы совладания с тревогой, показал, что 55,8% студентов не использовали никакие техники и приемы осознанной саморегуляции. 44,2% молодых людей используют техники рациональной саморегуляции (35,1% девушек и 9,1% юношей). Говоря про иррациональную саморегуляцию, 89,6% студентов отметили, что не верят в приметы и суеверия, лишь 10,4% респондентов пользуются иррациональной стратегией совладания в неопределенной ситуации (9,1% девушек и 1,3% юношей).

Девушки и юноши в целом различаются по использованию приемов саморегуляции: девушки чаще прибегают к стратегиям саморегуляции и используемые ими

приемы разнообразнее. Они чаще, чем юноши, используют рациональные техники саморегуляции ($\varphi^*=3,869$; $p=0,01$), что выявлено по результатам интервью ($U=422,5$; $p0,001$). Кроме того, девушки также обращаются к социальной поддержке (22,9%) и освоению нового пространства (9,6%) для совладания с тревогой; юноши чаще прибегают к рационализации (16,1%) и игнорированию, вытеснению тревожащих мыслей (10,7%).

Изучение психологических особенностей первокурсников показало, что девушки демонстрируют более высокий уровень ситуативной и личностной тревожности ($U=450$; $p=0,004$; $U=401,5$; $p=0,001$). Юноши характеризуются более высоким уровнем ТН ($U=506,5$; $p=0,021$) и более высоким показателем толерантности/избегания неопределенности ($U=492$; $p=0,014$), они не стремятся избегать ситуаций неопределенности, убеждены в возможности контроля жизненной ситуации как компонента жизнестойкости ($U=530$; $p=0,039$), а также обладают более высоким общим уровнем саморегуляции, чем девушки ($U=506$; $p=0,021$). Что может объясняться тем, что высокий уровень саморегуляции помогает справиться с возникающей в ситуации переезда неопределенностью и тревогой. По показателю жизнестойкости различий не обнаружено.

Таким образом, в ситуации переезда девушки чаще юношей используют рациональную стратегию совладания; характеризуются более высоким уровнем ситуативной и личностной тревожности, менее толерантны к неопределенности, а также демонстрируют менее высокий уровень саморегуляции, чем юноши.

1. Психология личности: Пребывание в изменении / под редакцией Н. В. Гришиной. СПб.: СПбГУ, 2019. — 576 с.

Антонова Н.Л.
Екатеринбург, УрФУ

Иностранные студенты: взаимодействие в поликультурном пространстве университета

Иностранные студенты, взаимодействие, коммуникация, общение, университет

Глобальные процессы в современном мироустройстве определяют траектории развития социальных институтов и затрагивают все сферы жизнедеятельности человека. Система высшей школы также претерпевает значительные изменения: университеты вступают в конкурентную борьбу за иностранных студентов, численность которых является показателем рейтинговых позиций в образовательном пространстве. В этих условиях возникает острая необходимость исследований межкультурной коммуникации и взаимодействия студентов — представителей разных культур, их включенность в университетскую среду. Особого внимания требуют условия, создаваемые университетом для иностранных студентов, их адаптации и интеграции в принимающее сообщество.

С целью определения основных проблемных зон взаимодействия иностранных студентов мы в 2019 году провели опрос студентов из КНР и Индии, приехавших в Уральский федеральный университет по программам краткосрочной академической мобильности. При этом, опросный лист для студентов из КНР был переведен на китайский язык, для индийских студентов — на английский язык. Авторская анкета состояла из 15 вопросов. Результаты были обработаны с использованием программы Vortex. Всего в ходе исследования было опрошено 96 человек; из них: 74 — юноши, 22 — девушки. Средний возраст респондентов — 21 год. Опрошены студенты 2-4 курсов бакалавриата.

Материалы исследования свидетельствуют, что одной из актуальных проблемных зон в системе взаимодействия с принимающим сообществом выступает слабое знание русского языка (81%). «Не все понимаю, что мне говорит преподаватель, буду дальше учить русский язык» (муж., 23 года). Владение языком принимающего сообщества выступает важным условием становления систем взаимодействия с разными социальными группами. Так, студенты из КНР отметили значимые практики повседневной жизни, в которых испытывали наибольшие трудности. Это, прежде всего, взаимодействие с работниками комбинатов питания (столовые, кафе), а также общение с российскими студентами. «Очень трудно общаться со студентами, когда я один, только жесты или переводчик в телефоне» (жен., 20 лет).

Существенное значение в процессе взаимодействия с принимающим сообществом имеет информированность о нормах и обычаях повседневной жизни россиян. Исследование показало, что 35,5% опрошенных из КНР и 16,9% студентов из Индии

не знали о стандартах и поведенческих образцах жизнедеятельности населения крупного российского города. Это, несомненно, стало барьером для эффективной коммуникации. «Не знала, как оплачивать проезд в транспорте, кондуктор на меня накричала...» (жен., 22 года). Индийские студенты, в отличие от китайских коллег, более «подкованы» в вопросах повседневных взаимодействий: 3/4 респондентов отметили, что еще на Родине собирали информацию о культуре, традициях и обычаях россиян.

Что касается взаимодействия с преподавателями университета, то иностранные студенты практически не испытывали трудностей: лишь 7,7% индийских студентов указало на отсутствие понимания со стороны профессорско-преподавательского состава университета. Это связано с тем, что преподавателю вуза сегодня приходится осваивать новые компетенции, а именно — владение психолого-педагогическими инструментами общения с иноязычными студентами.

Результаты опроса позволили прийти к следующим выводам. Одной из конкурентных характеристик современных университетов становятся условия для обучения иностранных студентов, которые включают в себя и возможности преодоления барьеров коммуникации. Отсюда важно создание программ как психолого-педагогического сопровождения иностранных студентов, так и повышения квалификации преподавателей, нацеленных на освоение коммуникативных компетенций в поликультурном пространстве университета.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00236)

Личностная мобильность как необходимое качество современного педагога

Личностная мобильность, профессиональная деятельность, профессиональная компетентность, педагог, образование

Современный педагог должен обладать профессиональной и личностной мобильностью.

Личностную мобильность мы понимаем, как умение изменять стиль поведения, демонстрируя психологическую гибкость, готовность к активным действиям, умение ориентироваться в информационном пространстве, перестраиваться в соответствии с квалификационными задачами. Следовательно, субъект должен быть носителем определенных личностных особенностей.

Материалы и методы: Самоактуализационный тест (САТ), «Самооценка личности в профессии», «Методика исследования самоотношения». Рабочая выборка — 36 воспитателей: 1 группа — воспитатели с высшим образованием, стаж 2 до 17 лет, 2-я — воспитатели со средним педагогическим образованием, стаж работы от 2 до 10 лет, 3-я — воспитатели со средним педагогическим образованием, стаж работы более 10 лет, 4-я — воспитатели без специального педагогического образования. Количество участников в каждой группе равное.

Обсуждение результатов. Проведен анализ частотного распределения показателей. Из массива данных выбраны параметры, соответствующие определению личностной мобильности.

В 1 группе для 66,6 % респондентов относятся к уровню самоактуализированных, в других группах преобладают средний и низкий уровни. По блоку «ЦО» и «ГП» высокие показатели зафиксированы по первым двум группам: выявлена способность достаточно быстро реагировать на изменяющуюся ситуацию. Равномерное распределение результатов по данным шкалам подтверждает сбалансированность соотношения ценности способности реализации в поведении. Участники группы 1 обладают развитой способностью самоощущения, рефлексией собственных переживаний (44,4 и 55,5 %), для участников же 4 группы в большей степени свойственна «бесчувственность» (для 66,6 % респондентов).

Работая в системе «человек-человек», важно учитывать параметр «принятие агрессии» и «контактность». Отметим, что преобладают средние показатели по всем группам, но по 3 и 4 группам низкий показатель по контактности (88,8 и 44,4 %). Необходимо обратить внимание на развитие способности устанавливать глубокие и тесные контакты с окружающими, т.к. это важная профессиональная компетенция. Рассматривая данные позиции в контексте личностной мобильности, отметим их недостаточную сформированность.

Готовность ориентироваться в информационном пространстве обеспечивается высокими и средними показателями по шкале «ПП», что сформировано у участников 1 и 4 групп (66,6 и 44,4 %). У участников 4ой группы они выражены слабо. Шкала «Креативность» измеряет выраженность направленности личности. Высокий балл получен только в 4 группе (22,2 %), при этом только в 3 группе отмечен низкий уровень (у 44,4 %).

По результатам исследования самоотношения показатели по 1 и 3 группам совпадают. Высокие показатели по шкале «самоуверенность» у воспитателей доминирует мотив успеха, ощущение своей компетентности и способности решать жизненные вопросы. Воспитатели этих групп положительно относятся к себе, ощущают баланс между собственными возможностями и требованиями окружающей реальности. Результаты исследования самоотношения во 2 и 4 группах также оказались схожи: высокие результаты по шкале закрытости свидетельствует о том, что испытуемые отражают выраженное защитное поведение личности, желание соответствовать общепринятым нормам поведения и взаимоотношений с окружающими людьми.

Педагоги 1 и 2 группы имеют адекватную и повышенную самооценку, отвечающую за объективное оценивание своих успехов и неудач. В новой ситуации чувствуют себя уверенно, способны проанализировать свои ошибки, прислушаться к мнению коллег, скорректировать собственное поведение. Большинство педагогов 2 и 4 групп имеют пониженные показатели самооценки: ставят перед собой более низкие цели, чем те, которые они могут достичь.

Таким образом, участники 1 группы в большей степени демонстрируют сформированные компоненты личностной мобильности, которая необходима для эффективного осуществления профессиональной деятельности педагога.

Образовательные технологии в педагогическом образовании: анализ отечественных и зарубежных публикаций

Образовательные технологии, педагогическое образование, анализ отечественных и зарубежных публикаций

Владение и эффективное использование широкого спектра образовательных технологий в системе педагогического образования повысили интерес ученых и практиков к отбору, проектированию, внедрению и оценке эффективности образовательных технологий в вузе, что подтверждается увеличением числа отечественных и зарубежных публикаций, в которых предлагаются самые разнообразные точки зрения на их использование.

Анализ отечественных и зарубежных публикаций по проблеме проектирования и применения образовательных технологий в профессиональном педагогическом образовании нами производился на основе использования взаимодополняющих качественных и количественных методов (контент-анализ, системный, сравнительно-сопоставительный, контекстологический анализ, методы обобщения и систематизации, аналитическая группировка). Выборочная совокупность статей формировалась на основе журналов, включенных в библиографические и реферативные базы данных Web of Science, Scopus, а также в перечень ВАК (для российских периодических изданий). Корпус текстов представлен 122 статьями (72 — российские, 50 — зарубежные), опубликованными в период с 2010 по 2019 гг. и раскрывающими проблемы проектирования, реализации и оценки эффективности применения образовательных технологий в сфере высшего педагогического образования.

Анализ содержания статей позволил выделить пять основных направлений исследований в теории и практике проектирования и применения образовательных технологий: описание свойств, разновидностей и дидактического потенциала образовательных технологий (Везиров Т.Г., Костина Е.А., 2016; Киреев Б.Н., 2016 и др.); эффективность образовательных технологий в формировании академических, информационно-коммуникационных и профессионально-личностных компетенций студентов (Добротин Д.Ю., Добротина И.Н., 2015; Максимова Е.В., Бережных Е.А., 2019 и др.); оценка ресурсов преподавателей, студентов и образовательной среды в отборе и применении образовательных технологий (Bower M., Vlachopoulos P., 2018; Fernández-Batanero J.M., Cabero J., López E., 2019; Nistor N., Stan-ciu D., Lerche T. & Kiel E., 2019 и др.); анализ масштабов внедрения образовательных технологий в границах отдельной учебной дисциплины, образовательной среды вуза или вне ее (Весманов С.В., Жадько Н.В., Весманов Д.С., Источников В.В., 2019; Luckin R., Sukurova M., 2019 и др.); определение оптимальных условий эффективного применения образовательных технологий (Молчанова А.В., 2010; Осадчук О.Л., 2012 и др.).

Сопоставительный анализ распределения российских и зарубежных статей по выявленным нами направлениям исследований позволил выделить следующие особенности. Отечественные авторы в большей мере ориентированы на изучение специфических признаков образовательных технологий (24% публикаций) и условий их эффективного применения (26% публикаций), а зарубежные — на оценку ресурсов внедрения образовательных технологий (46% публикаций) и на расширение масштабов их внедрения (36% публикаций). Данные различия мы можем объяснить тем, что процессы технологизации образовательного процесса в России начались относительно недавно. Внедрение образовательных технологий в практику требует осмысления и их дидактического потенциала, и условий, определяющих и эффективность.

Внимание зарубежных авторов сконцентрировано на цифровизации как главного тренда в развитии современного образования. Внедрение цифровых образовательных технологий в педагогическое образование обеспечивает подготовку учителя нового формата, расширяет формы коммуникации субъектов образовательного процесса. Особенностью зарубежных исследований является оценка экономической целесообразности внедрения и поиск оптимальных способов интеграции традиционных и цифровых образовательных технологий.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-113-50056

Мотивы выбора профессиональной деятельности студентов сестринского отделения медицинского колледжа

Мотивация, сестринское дело, здравоохранение, выбор профессии, мотивы

Мотивация сотрудников в профессиональной деятельности является важным условием для функционирования системы здравоохранения. Основными лицами в данных системах выступают врачи и медицинский персонал (Будницкая, Мамус, Строменко, 2018). Выявление ведущих мотивов позволяет сформировать общую картину направленности студента на учебный процесс, оценить уровень его мотивации по отношению к будущей карьере. Профессиональная деятельность и психологические характеристики среднего медицинского персонала были рассмотрены Н. Н. Аниськиным, Э. М. Аванесьянцем, Л. А. Корчинским, А. Ф. Красновым (Овчарова, 2015).

Мотивация выступает одним из условий успеха выполнения деятельности: больше усилий ради достижения цели, больше вероятность ее достижения, чем больше мотивов задействуется в выполнении деятельности, тем выше уровень мотивации (Занюк, 2001). Именно поэтому проблема мотивации медицинских работников является актуальной в со-временном обществе.

Исследование проводилось на выборке студентов ГАПОУ «Казанский Медицинский колледж», обучающихся по направлению сестринское дело (2 курс). Общее количество: 47 человек. Для диагностики использовалась методика «Мотивы выбора профессии» (Р.В. Овчаровой). Учащиеся оценивали, в какой мере те или иные утверждения повлияли на их выбор профессии.

Доминирование внутренних социально значимых мотивов выявлено у 20 человек (43%), что может выражаться в потребности быть полезными обществу. Далее, отмечены внутренние индивидуально значимые мотивы у 13 человек (28%). Для данных студентов профессия может согласовываться с индивидуальными качествами, навыками, способностями. В целом, преобладание внутренних мотивов отметили 8 человек (17%). Такие студенты будут получать удовольствие от приобретения новых знаний и осваивания новых компетенций. Внутренние социально значимые мотивы и внешние положительные были отмечены у 2-ух человек (4%), что может выражаться в стремлении помогать людям, одновременно реализовывая потребность в самореализации, или одобрении. Внутренние индивидуально значимые мотивы и внешние отрицательные преобладают у 1-ого человека (2%), что может выражаться в потребности проявлять свои личностные качества и свойства при осваивании профессии, и стремлении избежать наказания со стороны руководства. В целом преобладание внешних мотивов отмечены у 1-ого человека (2%), внешние положительные мотивы у 1-ого человека (2%); и внешние отрицательные мотивы у 1-ого человека

(2%). Для таких студентов может быть характерно получить признание, высокую зарплату, или избежать критики, следовать семейной преемственности.

Можно сделать вывод, что у студентов сестринского отделения при выборе профессии доминируют внутренние социально значимые мотивы. Также было отмечено преобладание внутренних мотивов над внешними. Опираясь на знание ведущих мотивов группы (или индивида) психолог и преподаватели смогут помочь в развитии необходимых компетенций, формировании индивидуальных особенностей и способностей у учащихся.

1. Будницкая М. В., Мамус М. А., Строменко О. А. Мотивация врачей как характеристика профессиональной группы // Международный студенческий научный вестник. — Пенза : Общество с ограниченной ответственностью «Информационно-технический отдел Академии Естествознания», 2018. — № 1. — 4 с. — URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32517597> (дата обращения: 30.04.2020).
2. Занюк С. С. Психология мотивации. Теория и практика мотивирования. Мотивационный тренинг. — Киев : Ника-центр, 2001. — 351 с.
3. Овчарова Е. В. Особенности мотивации профессиональной деятельности медицинских сестер и ее влияние на проявление психических состояний // Современные проблемы науки и образования. — Пенза : Издательский Дом «Академия Естествознания», 2015. — № 2-2. 546 с. — URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=22573> (дата обращения: 17.05.2020).

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ 19-013-00325

К вопросу об образовательной мотивации студентов

Образовательная неуспешность/успешность, учебная мотивация, образовательная мотивация

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-07016 «Трансфер человеческого капитала образовательных общностей: от неуспешности к успешности».

Образовательная успешность/неуспешность является комплексным феноменом, который проявляется на уровне условно объективных результатов образовательной деятельности (формальные — баллы, отметки, рейтинги; содержательные — знания, компетенции) и на уровне субъективного ощущения благополучия/неблагополучия (преобладание положительных/отрицательных эмоций и чувств, удовлетворенность/неудовлетворенность процессом и результатами своей образовательной деятельности) (Т. О. Гордеева [1], Г. Е. Зборовский, П. А. Амбарова, 2019 [1] и др.).

Обособое значение для формирования образовательной успешности студента имеет образовательная мотивация. В психологической литературе прочно закрепилось понятие учебной мотивации (мотивации учебной деятельности (Т. О. Гордеева, 2016) [2]), хотя, на наш взгляд, наиболее корректно использовать понятие образовательной мотивации, поскольку сюда включаются не только учебные мотивы, но и познавательные, творческие, профессиональные и коммуникативные мотивы, мотивы получения документа об образовании и его престижности, мотивы самореализации. Л. С. Илюшин (2004) рассматривает образовательную мотивацию как совокупность факторов, определяющих отношение обучающегося к образовательной деятельности. В представлении автора это проекция мотивационной сферы личности на образовательную деятельность, которая, в свою очередь, понимается как форма проявления активности, направленная на познание и преобразование действительности. Обучающийся наследует опыт прошлого, осваивает предметный мир, достраивает его, обогащает общественную жизнь и достраивает себя. Н. В. Примчук [3], опираясь на труды Б. И. Додонова и А. А. Реана, рассматривает образовательную мотивацию как совокупность мотивов позитивного (удовольствие от процесса образовательной деятельности, значимость достижения образованности и «моральная мотивирующая сила» вознаграждения) и негативного (значимость получения документа об образовании, «материальная мотивирующая сила» вознаграждения, и приносящее давление) характера.

Нам кажется особенно важным выделение двух обобщенных групп мотивов, связанных с адаптивной и трансцендентной составляющей. Адаптивная составляющая образовательной мотивации выражается в стремлении ориентироваться на конкретные результаты и критерии качества образовательной деятельности, ожиданием положительной обратной связи и высоких оценок, предпочтением задач, которые не предъявляют за пределами требований к возможностям обучающегося, стремлением не отставать от других студентов и успешно справляться с учебной программой. Трансцендентная составляющая выражается в том, что обучающийся допускает

неопределенность в процессе образовательной деятельности, осознает ценность самого процесса образования, готов браться за трудные задачи и проекты с не предре- шенным исходом, чувствует себя субъектом образовательной деятельности и не склонен сравнивать свои академические результаты с результатами других студен- тов. В процессе образовательной деятельности для оптимальной образовательной мотивации студентов необходимо уравнивать эти две составляющие.

1. Гордеева, Т. О. Мотивация: новые подходы, диагностика, практические рекоменда- ции //Сибирский психологический журнал. — 2016. — № 62. — С. 38–53.
2. Зборовский, Г. Е. Социология высшего образования: монография / Г. Е. Зборовский, П. А. Амбарова. — Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2019. — С. 440–506.
3. Примчук Н. В. Образовательная мотивация учащихся и критерии ее измерения. Из- вестия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. 2015. — Т. 11. — № 32. — С. 368–372.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного про- екта № 19-29-07016 «Трансфер человеческого капитала образовательных общно- стей: от неуспешности к успешности»

Проблемы обеспечения безопасности дистанционной компьютерной психодиагностики в образовании

Психологическая безопасность личности, дистанционная компьютерная психодиагностика, психологическое сопровождение учащихся

В последнее время количество доступных в интернете психодиагностических методик, а также разработанных программ для компьютерной психодиагностики, значительно возросло [1]. В связи с этим особенно актуальным нам представляется проблемы, которые могут возникнуть при обеспечении безопасности проведения такого вида психодиагностики в образовании.

Большинство исследователей обращают внимание на то, как технически обеспечить конфиденциальность хранения данных тестирования [2]. На наш взгляд, не менее острым и сложным для реализации вопросом является разработка автоматизированного валидного заключения в такой формулировке, чтобы его использование не повредило респонденту. Существуют рекомендации для психологов относительно необходимости с осторожностью относиться к заключениям, сгенерированным компьютерной программой [3]. Однако данные рекомендации актуальны только в том случае, если такие заключения изначально переназначены для психологов и осмысляются ими прежде, чем станут известны администрации школы или педагогам. На практике есть риск, что заключения напрямую попадут к людям, не имеющим соответствующей квалификации для их интерпретации, что может привести к серьезным последствиям для ученика. Одним из путей повышения безопасности автоматизированных заключений является тщательная их разработка — не простое копирование интерпретации теста из методического пособия, а привлечение экспертов на этапе их создания.

Наименее разработанной областью является обеспечение безопасности процедуры заполнения тестов на компьютере. Условия, в которых находится ученик, могут никак не контролироваться психологом или создателем программы — кто находится рядом с ним в данный момент? Насколько комфортна и психологически безопасна ситуация, в которой происходит выполнение методик? Как правило, забота разработчиков дистанционного теста в большей степени сводится к рекомендациям об организации пространства (физическом комфорте и эргономике работы с программой), а не об обеспечении психического комфорта и психологической безопасности респондента в момент работы с тестом.

Таким образом, нам кажется возможным выделить несколько направлений по обеспечению безопасности дистанционной компьютерной психодиагностики для респондентов:

1. Забота о безопасности самой процедуры компьютерного тестирования с точки зрения не только физического, но и психологического комфорта (рекомендации респондентам о том, в каких условиях лучше проходить диагностику, как обезопасить себя от присутствия нежелательных лиц во время тестирования и т.д.).

2. Обеспечение безопасности автоматических компьютерных заключений: учет того, кто и как их создает, кому они будут доступны и как ими могут в дальнейшем воспользоваться. Ощущение психологической безопасности у респондентов также может повыситься в результате их осведомленности о правилах использования результатов тестирования [4].
3. Обеспечение конфиденциальности при хранении результатов психодиагностики (доступ по индивидуальному логину и паролю, кодирование имен респондентов, место (сервер) хранение базы данных, его защита от взлома и др. технические возможности).

Решение каждой из этих проблем имеет свою специфику, и их нужно учесть разработчикам дистанционного компьютерного психологического тестирования до его внедрения в массовое использование.

1. Barak A., English N. Prospects and limitations of psychological testing on the Internet // *Journal of Technology in Human Services*. — 2002. — Vol. 19. — Issue 2/3. — P. 65-89.
2. Naglieri J.A., Drasgow F., Handler L., Prifitera A., Margolis A., Velasquez R. Psychological Testing on the Internet. New Problems, Old Issues // *American Psychologist*. — 2004. — Vol. 59. — № 3. — P. 150-162.
3. American Psychological Association. Ethical principles of psychologists and code of conduct // *American Psychologist*. — 2002. — №47. — P. 1597-1611.
4. Kersting K. How do you test on the Web? Responsibly // *Monitor on Psychology*. — 2004. — Vol. 35. — № 3. — P. 26-27.

Невербальная коммуникация в условиях онлайн-обучения как вызов профессиональному мастерству педагогов

Невербальная коммуникация, онлайн-обучение, преподаватель, пандемия

Введение. В настоящее время образование находится в состоянии «шоковой» модернизации, связанной с пандемическим бумом и вызванными им изменениями во всех сферах жизни. Не остались в стороне и преподаватели вузов, которые были вынуждены перейти в режим дистанционного взаимодействия с обучающимися и «перезагрузить» свои профессиональные компетенции. Это касается не только умений обращаться с гаджетами, но и коммуникативных умений, в том числе, невербальных. Зачастую в процессе удаленного взаимодействия именно они помогают сформировать образ коммуниканта, гибко реагировать на изменение ситуации [1]. В этой связи невербальная компетенция может рассматриваться как интегральная характеристика, определяющая способность преподавателя решать профессиональные задачи, возникающие в ситуациях педагогического общения, умение адекватной интерпретации невербальных феноменов во всем их многообразии [2], [3].

Проблема. В процессе перехода на онлайн-обучение по программе «Преподаватель высшей школы» мы задались вопросом: есть ли различия в умениях невербальной коммуникации у будущих преподавателей по сравнению с обучающимися, не планируемыми стать педагогами? Насколько будущие преподаватели способны выстраивать безопасное, т.е. комфортное для всех коммуникантов взаимодействие?

Методы и результаты. В пилотажном исследовании участвовали 25 человек: экспериментальная группа (слушатели программы «Преподаватель высшей школы», возраст 27 — 47 лет) — 10 человек; контрольная группа (студенты медицинского факультета, 19 — 21 год) — 15 человек, не планирующие заниматься педагогической деятельностью.

В результате исследования по методике В.А. Лабунской было установлено, что испытуемые в обеих группах имеют средние способности и не всегда способны адекватно понять состояние и отношение человека на основе его позы (9,06 и 9,47); не четко оценивают эмоциональные и интеллектуально-волевые состояния человека на основе его мимики (5,19 и 6,47); могут не разбираться как в конфликтных, так и в дружеских взаимоотношениях людей, включенных в невербальную интеракцию (12,38 и 12,93).

Изучение оценки частных способностей понимания поведения людей в соответствии с тестом социального интеллекта Дж. Гилфорда показало, что показатели испытуемых в обеих группах соответствуют нормативным, т.е. респонденты имеют средний уровень способностей предвидения последствий поведения (9,94 и 9,73), понимания логики развития сложных ситуаций межличностного взаимодействия (8,06 и 8,40) и понимания внутренних мотивов поведения людей (5,56 и 5,53).

Обсуждение и вывод. В целом, не выявлено значимых различий в умениях невербальной коммуникации у будущих преподавателей по сравнению с обучающимися, не планирующими стать педагогами. И те, и другие в ситуациях педагогического онлайн-взаимодействия, вероятно, столкнутся с похожими коммуникативными трудностями. Можно предположить, что недостаточно высокий уровень развития невербальной компетенции связан с отсутствием специальной подготовки у обучающихся в области невербальной коммуникации; недостаточностью опыта педагогической деятельности и психолого-педагогических знаний.

В этой связи возникла необходимость в дальнейших исследованиях в этом направлении и разработке и апробации тренинга невербальной онлайн-коммуникации для педагогов.

1. Moskvicheva N., Kostromina S. (2019). Technology of Conducting Group Training to Increase Communicative Competence for Teachers of Socio-Humanitarian Disciplines /L. Darinskaia, G. Molodtsova// Modern Technologies for Teaching and Learning in Socio-Humanitarian Disciplines. Hershey, PA: IGI Global. PP. 36-66.
2. Погорелова И.Г., Жукова Е.В., Калягин А.Н. Невербальные коммуникации в деятельности преподавателя высшей школы// Сибирский медицинский журнал. 2009. №3. С. 172-174.
3. Чернышенко О.В. Методика диагностики моделей и стилей педагогического общения в рамках работы со студентами вуза// Казанский педагогический журнал. 2017. №3. С. 11-14.

Даукиша Л.М.
Беларусь, Гродно, ГГУ им. Янки Купалы

Бондарук Н.Н.
Беларусь, Гродно, ГГУ им. Янки Купалы

Риск буллинга в школе и субъективное благополучие подростков

Буллинг, подростки, субъективное благополучие, профилактика школьного насилия

Психологи обращают внимание на увеличение количества случаев буллинга (bullying) среди детей и подростков. С насилием в школе по результатам различных исследований сталкиваются постоянно или эпизодически порядка трети учеников [1, 2, 3].

В своей работе мы разделяем положение А.А. Бочавер, согласно которому буллингом следует признать прямое (через физическую и вербальную агрессию, принуждение, обзывание и т.п.) или косвенное (распространение слухов и сплетен, игнорирование, отвержение) преследование ребенка другим ребенком или группой детей [2].

В современной психологии представлены результаты исследований причин и последствий буллинга в школе, половозрастных, и индивидуально-психологических особенностей участников буллинга [1, 2, 3].

Целью нашего исследования являлось изучение связи субъективного благополучия подростков и риска буллинга в школе. В нашем исследовании приняли участие 120 подростков в возрасте от 13 до 17 лет (61 девочка и 59 мальчиков). Респонденты ответили на вопросы следующих методик: 1. Адаптивный вариант Бернский опросник «Субъективного благополучия подростков» (С.В. Ступиш). 2. Опросник риска буллинга в школе (А.А. Бочавер и другие).

В результате корреляционного анализа, мы обнаружили статистически значимые связи (как положительные, так и отрицательные) шкалы «небезопасность» и следующими шкалами опросника «Субъективного благополучия подростков»: позитивное отношение к жизни ($r = -0,21, p \leq 0,05$), депрессивное настроение ($r = 0,33, p \leq 0,05$), беспокойство и тревога ($r = 0,29, p \leq 0,05$), соматические жалобы ($r = 0,41, p \leq 0,05$) и неблагополучие ($r = 0,40, p \leq 0,05$). У подростков с усилением субъективного ощущения небезопасности возрастает неблагополучие, обостряются соматические жалобы, усиливается беспокойство и тревога, набирают силу депрессивные настроения и понижается позитивное отношение к жизни. Шкала «благополучия», которая представляет собой качественную альтернативу ценности власти и силы и служит фактором защиты от риска развития ситуаций буллинга, отрицательно коррелирует с депрессивным настроением ($r = -0,26, p \leq 0,05$). Таким образом, чем в большей степени присутствует устойчивость границ, соблюдаются правила и утверждается уважение как норма в группе, тем в меньшей степени подростки характеризуются депрессивным настроением.

Шкала «разобщенности» в свою очередь обнаруживает положительную корреляцию с уровнем неблагополучия ($r = 0,19, p \leq 0,05$), депрессивным настроением (

$r=-0,29$, $p\leq 0,05$), соматическими жалобами ($r=0,21$, $p\leq 0,05$) и отрицательно коррелирует с позитивным отношением к жизни ($r=-0,27$, $p\leq 0,05$) и самооценкой ($r=-0,28$, $p\leq 0,05$). Выраженная разобщенность в группе, отсутствие сплоченности, усиливающаяся дистанция между подростками связана с негативным отношением к жизни респондентов, более выраженными депрессивными состояниями подростков, которое проявляется в отсутствии интереса к жизни и в отсутствии желания делать что-либо. Выраженная разобщенность и отсутствие диалога в группе провоцируют соматические жалобы подростков.

В результате эмпирического исследования, мы выявили связь субъективного благополучия подростков и риска буллинга в школе. Чем выше субъективное благополучие подростков, тем в меньшей степени развивается риск буллинга в школе. Анализ результатов проведенного исследования позволяет говорить о целесообразности учета субъективного благополучия подростков при планировании работы психолога учреждения образования по предотвращению и минимизации риска школьной травли.

1. Алексеева, Л.С. Жестокое обращение с детьми: его последствия и предотвращение / Л.С. Алексеева. — М., 2016. —180 с.
2. Бочавер, А.А. Опросник риска буллинга / Бочавер А.А., Кузнецова В.Б., Бианки Е.М., Дмитриевский П.В., Завалишина М.А., Капорская Н.А., Хломов К.Д. // Вопросы психологии. — 2015. — №5. — С. 146 — 157.
3. Шалагинова, К.С. Гендерные особенности буллинга в подростковом возрасте / К.С. Шалагинова, Т.И. Куликова, С.А. Залыгаева // Психологическая наука и образование. — 2019. — Т. 24. — № 4. — С. 62 — 71.

Теоретические предпосылки моделирования системы психологического сопровождения профессионально-личностного развития педагогов

Педагог, психологическое сопровождение, профессионально-личностное развитие, антропологический подход

Термин «сопровождение» семантически восходит к значению «следование вместе», что содержательно соответствует категориальному полю избранного нами в качестве основной теоретико-методологической базы моделирования системы психологического сопровождения профессионально-личностного развития педагогов антропологическому подходу (С.Н. Костромина, Р.В. Демьянчук, 2016).

Путь профессионально-личностного развития не является линейно детерминированным и равномерным (А.А. Реан, Р.В. Демьянчук, 2016). Он имеет тенденцию как проявлений в рамках определённых этапов, так и ярко выраженную индивидуализированность, связанную со значительной совокупностью внутренних и внешних факторов. В этой связи мы обосновали актуальность рассмотрения категории развития в двух значениях (Р.В. Демьянчук, 2015).

В одном из них профессионально-личностное развитие является интегрированной категорией, значение которой может подчёркивать появление у личности в условиях профессиональной деятельности психических новообразований, отражающих сближение Я-образа и образа эталона личности профессионала, сопровождающегося формированием образа «Я» как субъекта профессиональной деятельности (С.Н. Костромина, Р.В. Демьянчук, 2016). В другом — нами предлагается вариант рассмотрения понятия профессионально-личностного развития как процесса направленного воздействия на формирующегося профессионала, которое характеризуется интенцией стимулирования становления профессионального самосознания и профессионально-значимых качеств.

Механизмом реализации указанной интенции и является сопровождение, направленность которого может рассматриваться в двухвекторном виде. Первый вектор представляет собой субъект-объектную ориентацию (где в роли объекта выступает развивающийся педагог, а субъекта — педагог-психолог, руководители образовательной организации, члены педагогического коллектива, обладающие уровнем компетентности педагога-наставника). Второй вектор — субъект-субъектная ориентация (на уровне взаимодействия внутри педагогического коллектива, когда через создание благоприятных условий внутри системы отношений обеспечивается содействие механизму сопряжения личностного и профессионального в становлении развитии личности педагога).

Несомненно, что реализация сопровождения должна быть обеспечена с учётом и интрасубъектных процессов, которые выступают своеобразным предметом психологического сопровождения, будучи связанными с трансцендированием «Я» субъекта профессиональной деятельности от «Я актуального» к «Я желаемому».

В этой связи моделирование процесса психологического сопровождения профессионально-личностного развития педагогов не может рассматриваться только как узкоспециализированная психологическая задача, а требует конструирования психологической системы отношений на уровне всего учреждения. Следовательно, важным условием эффективности сопровождения профессионально-личностного развития педагогов становится участие в его обеспечении не только психологической службы, но и руководителей образовательной организации, и иных членов педагогического коллектива.

1. Демьянчук Р.В. Профессиональное становление и развитие личности педагога: основные понятия и контексты // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. Т.3, № 11. С. 197-198.
2. Костромина С.Н., Демьянчук Р.В. Концепция профессионально-личностного развития педагогов: антропологический подход // Проблемы современного педагогического образования. Сер.: Педагогика и психология. 2016. Вып. 51, Ч. 7. С. 342-352.
3. Реан А.А., Демьянчук Р.В. Методологические основания психологического сопровождения на разных этапах профессионально-личностного становления педагога // Российский психологический журнал. 2016. Т.13, №1. С. 85-93.

Организация командной работы студентов на занятии в онлайн-формате

Учебный процесс в онлайн-формате, командная работа, подход eduScrum

С 16 марта 2020 года обучение в вузах перешло в онлайн-формат, «с применением электронного обучения и дистанционных образовательных технологий». Для многих преподавателей это стало испытанием. Е.И. Казакова, директор института педагогики СПбГУ, сформулировала гипотезу «разница между обычным и цифровым миром оказалась больше, чем разница между системами образования» (Казакова, 2020). Решение дидактических проблем осуществлялось в два этапа: 1) «организационно-инструментальный» (Велединская, 2020): поиск эффективных инструментов преподавания и обучения для преподавателей и студентов. Были определены способы доставки информации от преподавателя к студенту, организации обратной связи и т.д.; 2) «методический» (там же): поиск новой дидактики, методики преподавания в онлайн-формате: «оказались востребованными многоканальность, персонализация ... различные форматы быстрого освоения информации» (Заболотная, 2020). Наибольшее количество проблем (данные опроса) возникло при организации самостоятельной и командной работы студентов (анализ анкет студентов). Командная работа студентов была организована при изучении педагогических дисциплин на основе SCRUM (от англ. «схватка»). Суть подхода предложили Хиротака Такэути и Икудзиро Нонака (Harvard Business Review, 1986) как концепцию управления проектами (Сазерленд, 2018). Опыт применения Scrum в образовании (EduScrum) относят к началу XXI века. В России первые публикации о Scrum в вузе появились около 2013 — 2017 гг. (Лукашенко, Телегина, 2019). Основная идея: освоение нового материала студентами на основе их взаимодействия с другими участниками учебного процесса. Преподаватель — «владелец продукта», продукт создается студентами. Команда работает, чтобы к концу спринта (завершенного модуля учебной программы или части занятия) достичь цели. Процесс работы над задачами спринта отражается на Scrum-доске. Переводя задачи из раздела «Необходимо сделать» в раздел «Сделано», студенты управляют процессом обучения в команде. При организации работы в онлайн-формате на основе Scrum необходимы инструменты взаимодействия со студентами и создания пространства командной работы (виртуальная Scrum-доска). Взаимодействие осуществлялось в режиме видеоконференцсвязи на основе Google-meet и чата: одна общая комната, комнаты для каждой команды. Для работы на Scrum-доске использовался сервис обучающих приложений <https://learningapps.org> («доска объявлений»). Доставка материалов студентам — в Google-class, совместное редактирование Google-документов. Это использовалось в курсах «Педагогика» (бакалавриат «Физическая культура и спорт», специалитет «Стоматология и медицинские технологии»), «Педагогика высшей школы» (магистратура Института философии). Задания для команд включали кейсы, в т.ч. разработку фрагмента занятия для конкретной аудитории. Выводы. 1. Применение подхода Scrum в сочетании с инструментами онлайн-обучения существенно повышает продуктивность взаимодействия

преподавателя со студентами. Более 85% студентов оценили такой способ взаимодействия как «эффективный». 2. Все студенты отметили значительное повышение образовательной мотивации. 3. Важным стало освоение студентами командной работы в онлайн-формате как потенциальными преподавателями.

1. Велединская, С. Б., URL: https://mel.fm/distantsionnoye-obucheniye/852694-distance_education_university, (дата обращения: 12.06.2020)
2. Заболотная, В. А., «Люди выгорают, когда работают только с экраном». Как мы будем учиться после коронавируса, URL: https://mel.fm/obrazovaniye/6351204-after_coronavirus (дата обращения: 12.06.2020)
3. Казакова, Е. И. Мир, как выяснилось, очень мал, когда речь идет о педагогике, URL: <http://phil.spbu.ru/news/news/direktor-instituta-pedagogiki-spbgu-elena-kazakova-mir-kak-vyyasnilos-ochen-mal-kogda-rech-idet-o-pedagogike>. (дата обращения: 18.05.2020)
4. Лукашенко, М. А., Телегина, Т. В., Научить студента думать. //Азимут научных исследований: педагогика и психология № 2(27) 2019

Субъективный контроль у учителей с признаками личностной беспомощности на стадии профессионального мастерства

Личностная беспомощность, самостоятельность, субъективный контроль, учителя общеобразовательной школы

Термин личностная беспомощность введен Д.А. Циринг, под которым понимается системное качество, представляющее собой единство личностных особенностей, определяющих низкую способность человека противостоять трудностям, преобразовывая действительность, становясь автором жизненного пути (Д.А. Циринг, 2010). Противоположным по своим характеристикам феноменом является самостоятельность.

Личностная беспомощность проявляется в снижении успешности деятельности (Е. В. Веденеева, Е. В. Забелина), трудностями в социальном взаимодействии (Е. В. Забелина), склонностью к пассивному поведению (Д. А. Циринг). Самостоятельность, напротив, характеризуется успешностью деятельности и активностью поведения (Д. А. Циринг, Ю. В. Яковлева).

Личностная беспомощность представляет собой четырехкомпонентную структуру, состоящую из мотивационного, эмоционального, когнитивного и волевого компонентов. Показателем мотивационной сферы в структуре личностной беспомощности является субъективный контроль.

Мотивационный дефицит в работах М. Селигмана, Х. Хекхаузена, Д. Хирото и др. проявляется в отсутствии инициативы, в неспособности активно действовать и преобразовывать действительность, влиять на происходящее, что может негативным образом сказаться в педагогической деятельности учителя, локализации контроля над значимыми событиями.

В исследовании приняли участие учителя общеобразовательных школ г. Челябинска на стадии профессионального мастерства, в возрасте от 38 до 55 лет. На первом этапе исследования общая совокупность выборки была разделена с помощью кластерного анализа (метод К-средних) на три группы: учителя с признаками личностной беспомощности (44 человека), с признаками самостоятельности (72 человека) и с промежуточными значениями (32 человека). Критериями формирования групп являлись три шкалы методики СМИЛ (Л.Н. Собчик): 2 шкала «Пессимистичности», 7 шкала «Тревожности», 0 шкала «Социальной интроверсии». Однофакторный дисперсионный анализ показал различия на высоком уровне статистической значимости между данными группами по 2 шкале ($F=121,025$ при $p=0,000$), 7 шкале ($F=44,056$ при $p=0,000$), 0-ой шкале ($F=98,957$ при $p=0,000$).

На втором этапе исследования были выявлены различия в показателях субъективного контроля («УСК» Е.Ф. Бажина и др.) у учителей с признаками личностной беспомощности. В результате сравнения были выявлены отличия по шкале «Интернальность в области неудач» ($t=-3,185$ при $p=0,002$); «Интернальность в области производственных отношений» ($t=2,129$ при $p=0,03$); «Интернальность в области межличностных отношений» ($t=-3,289$ при $p=0,001$). В группе учителей с признаками

личностной беспомощности средние значения по указанным выше шкалам значительно ниже, чем у учителей с признаками самостоятельности. Заниженные показатели по шкале в области неудач свидетельствуют о том, что свои неудачи они приписывают внешним обстоятельствам, в отличие от «самостоятельных» учителей, которые считают все свои неудачи делом своих намерений и действий. Также выявлены различия показателей в области производственных и межличностных отношений, что говорит о тенденции учителей с признаками личностной беспомощности как в деловой, так и в личной сфере перекладывать ответственность с себя на коллег по работе, близких людей и своих родственников. Таким образом, для учителей с признаками личностной беспомощности характерен экстернальный локус контроля в оценке происходящих с ними событий. Они в большей степени боятся неудач. При таком виде мотивации любая активность связана с потребностью избежать срыва, порицания, осуждения. «Самостоятельные» учителя на этапе профессионального мастерства в большей степени ощущают себя активными субъектами собственной жизнедеятельности. В основе их педагогической деятельности и активности лежит надежда на успех и потребность в достижении успеха. Такие учителя более уверены в себе, в своих силах, ответственны, проявляют инициативность и заинтересованность в процессе обучения. Их отличает настойчивость в достижении цели и целеустремленность.

Профессиональный путь педагога в контексте проблемы профессионального долголетия

Карьера, профессиональное развитие, профессиональное долголетие, ценностно-смысловая регуляция, педагоги

Проблема профессионального долголетия в настоящее время все больше выдвигается на первый план ввиду стремительного старения как общества в целом, так и конкретно — педагогического состава образовательных учреждений России. В контексте анализа процессов ценностно-смысловой регуляции жизненного пути личности изучение трудовой биографии современных педагогов-долгожителей очень важно ввиду того обстоятельства, что именно им пришлось столкнуться с ситуацией коренного перелома общественных ценностей. Оставшись в профессии, они были вынуждены перестраивать не только операциональный состав деятельности, но и — в первую очередь — мотивационный, который, согласно подходу А.Н.Леонтьева, включает в себя и смысловые составляющие.

Основным методом исследования выступала авторская методика интервью, в которую были включены вопросы относительно всей профессиональной карьеры респондента. Испытуемыми выступали педагоги, достигшие порога пенсионного возраста, в общем количестве свыше 40 человек.

В предыдущих публикациях, реализованных в рамках указанного выше проекта, нами были обобщены результаты исследования педагогов при помощи батареи тестовых методов, что позволило выдвинуть ряд гипотез, касающихся классификации этапов профессиональной карьеры педагогов, а также ценностно-смысловых механизмов регуляции педагогом своего жизненного и профессионального пути. Полученные данные в основном подтвердили наши предположения. В частности, речь идет о следующем:

1) Подтверждается гипотеза о наличии некоторых переломных точек, связанных именно со смысловыми координатами достижений, которые являются рубежными ориентирами профессиональной карьеры в сознании педагога. Респонденты выделяют этапы профессиональной карьеры соответственно переменам, произошедшим в их ценностно-смысловой картине восприятия жизни в целом. В ряде случаев эти смысловые точки определяются карьерными изменениями (повышение должности, предложение новой должности). Однако более общим их признаком является смена ценностей деятельности. Так, один из респондентов (более 45 лет стажа) заявил, что для него есть только два этапа профессиональной карьеры — до распада СССР и после. В другом случае, педагог отказался от долгожданного повышения в должности, так как вдруг она потеряла для него смысл и именно это стало рубежным событием в карьере.

2) Подтверждается гипотеза о том, что система «целевых ориентиров профессионального самоопределения личности» остается неизменной на всем протяжении карьеры. Все испытуемые сообщили, что их трудовая мотивация оставалась постоянной.

3) Подтверждаются данные о динамике ценностей на этапе профессионального финиша. Практически все педагоги, завершившие профессиональную деятельность, отмечают у себя «выгорание», понимаемое ими прежде всего как истощение смысла и потерю всякого интереса к профессии, включая материальный.

4) Подтверждается значимость организационного фактора в профессиональном долголетии. Так, в большинстве интервью педагогов, завершивших карьеру, звучит тема, связанная с негативной оценкой деятельности руководства, психологической атмосферы в коллективе, описываются случаи острых межличностных конфликтов, приведших к завершению карьеры. При этом многие респонденты отмечают, что могли бы еще поработать некоторое время при соответствующей поддержке вышестоящих руководителей.

5) Подтверждается гипотеза о двух типах профессионального финиша, обозначенного нами как «профессиональное долголетие» и «доживание в профессии».

6) Предварительно можно выделить некоторые общие проявления механизмов ценностной регуляции профессиональной деятельности: а) интерес к педагогической деятельности как основа профессионализации; б) стремление к реализации системы ценностей, заложенной в период обучения, даже несмотря на изменения, произошедшие в обществе; в) стремление к постоянному освоению нового как условие работы с учениками.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-013-00712

Дифференциация эмоций младшими школьниками с расстройствами аутистического спектра и легкой степенью умственной отсталости

Расстройства аутистического спектра, умственная отсталость, эмоции, дифференциация эмоций

В младшем школьном возрасте ребёнок учится управлять своими чувствами и эмоциями, учится понимать своих партнеров по общению, проникаться их настроением, чувствовать и распознавать эмоциональные состояния окружающих, что необходимо для установления межличностного взаимодействия в кругу сверстников, а так же при общении со взрослыми и, в целом, для успешной социализации ребёнка.

Одной из модально-специфических особенностей детей с расстройствами аутистического спектра являются выражение нарушения эмоциональной сферы. На недостаточность развития понимания эмоционального состояния другого человека указывали Л. Каннер, Г. Аспергер, Л. Винг, К.С. Лебединская, О.С. Никольская и др. Недоразвитие адекватного восприятия эмоций другого человека может существенным образом затруднить социализма детей с РАС. В настоящее время интересным представляются исследования Дрогуновой А.В., Каримулиной Е.Г. [2], Грининой Е.С., Бессоновой А.А. [1], Казанской В.Л., Беляевой Д.В [3].

Цель настоящего исследования состояла в изучении особенностей распознавания эмоций младшими школьниками с расстройствами аутистического спектра (РАС) и легкой степенью умственной отсталости

Для изучения особенностей распознавания эмоций были использованы методика «Распознавание эмоций по фото» П. Экмана, «Методика изучения мимической моторики» Г. А. Волковой, модифицированный тест «Незавершённые предложения» (Т.М. Грабенко, И.А. Михаленкова).

На основе исследования можно сказать, что специфика распознавания эмоций младшими школьниками с РАС и умственной отсталостью в следующих аспектах:

- Представления об эмоциях у младших школьников с РАС и умственной отсталостью менее дифференцированы, чем у младших школьников с умственной отсталостью. Это подтверждено результатами 4-х использованных методик и методов, направленных на исследование специфики распознавания эмоций других людей, абстрактного изображения эмоций и дифференциации своих собственных эмоций.
- Младшие школьники с РАС и умственной отсталостью дифференцируют собственные эмоции хуже, чем дети с умственной отсталостью, распознавая меньшее количество эмоций, часто их путают или совсем не распознают.
- Трудности дифференциации собственных эмоций младшими школьниками с РАС связаны так же и с тем, что они испытывают затруднения в вербализации эмоций и сопоставления их с конкретными жизненными ситуациями. Это так же связано с тем, что младшие школьники с РАС не всегда понимают заданную инструкцию и выполняют задания не по заданному алгоритму действий, что так же снижает показатели распознавания эмоций, получаемые посредством использованных методик.

• Младшие школьники с РАС дифференцируют эмоции других людей хуже, чем дети с умственной отсталостью. Особенно это проявляется в распознавании эмоций других детей, в данном исследовании — своих одноклассников, т. е. таких же младших школьников с РАС. Низкая дифференцированность распознавания эмоций младшими школьниками с расстройствами аутистического спектра у одноклассников связана с тем фактом, что у данной категории младших школьников на сниженном уровне находится не только распознавание эмоций, но и их проявление.

• Легче всего младшим школьникам с РАС удаётся распознавать эмоцию радости и печали. Труднее всего удивления, обиды, стыда. Эмоцию «страх» младшие школьники с расстройствами аутистического спектра у других людей распознают хуже, чем эмоцию «гнев». При распознавании своих эмоций данные эмоции проявляются соответственно противоположно: эмоция «гнев» распознаётся хуже эмоции «страх».

1. Гринина Е.С., Бессонова А.А. Исследование идентификации эмоций у детей с расстройствами аутистического спектра // Специальное образование и социокультурная интеграция — 2019: формирование коммуникативно-речевой компетенции в условиях инклюзии. Сборник научных статей по материалам Международной научно-практической конференции. Издательство: Издательство "Саратовский источник" (Саратов). 2019. С. 141-146.
2. Дрогунова А.В., Каримулина Е.Г. Восприятие эмоций по лицевой экспрессии детьми с расстройствами аутистического спектра // Клиническая и специальная психология. 2014. Т. 3. №. 4. С. 11-27.

Рефлексивный анализ как инструмент изучения субъектной активности педагога в инклюзивном образовании*

Инклюзивное образование, обучающиеся с ОВЗ, индивидуализация образовательной деятельности, субъектная активность, рефлексивный анализ

Задача обеспечения высокой результативности образования детей с ОВЗ с учетом многообразия особенностей их индивидуального развития и соответствующих этим особенностям вариантов индивидуальных образовательных маршрутов является одной из центральных проблем обеспечения качества инклюзивного образования. Обобщение современных научных подходов показывает смену приоритетов с фиксации недостатков в развитии обучающихся с ОВЗ на поиск ресурсов удовлетворения их особых образовательных потребностей путем индивидуализации образовательной деятельности. В данном контексте особую ценность представляет перевод индивидуализированного знания о ребенке, полученного разными специалистами (дефектологами, педагогами-психологами, логопедами и учителями и др.), в конкретные педагогические задачи, решаемые коллегиально специалистами школы (Коробейников, Кузьмичева, 2019). Проблема исследования определяется тем, что, несмотря на направленность многолетней модернизации системы образования на командную работу педагогов, осуществляющих практику инклюзивного образования, сегодня доминирующей остается автономия их профессиональной деятельности, не позволяющая обеспечить действенную индивидуализацию образования обучающихся с ОВЗ.

Важно, чтобы эмпирические методы исследования процессов индивидуализации были направлены не только на регистрацию фактов взаимодействия участников образовательного процесса, но и на их рефлексивный анализ субъектами сложившихся образовательных отношений, что требует разработки новых диагностических психолого-педагогических инструментов. В качестве одной из таких процедур предлагаем рефлексивный анализ педагогом своих профессиональных затруднений в отношении индивидуализации в практике работы с обучающимся с ОВЗ в условиях инклюзивного образования. Проведенное нами исследование таких затруднений показывает, что педагоги испытывают трудности методического (82%), организационного (63%) и социального характера (40%). В то же время большинство из них не рассматривают контекст проблемной ситуации во взаимосвязи пространственно-временных, социальных и педагогических факторов, что осложняет определение эффективных путей ее разрешения. В ходе использования в исследовательских целях рефлексивного анализа как диагностического инструмента внимание педагога направляется на содержание его затруднений, действий участников проблемной ситуации, ее динамики и препятствий для ее разрешения, что позволяет судить о характеристиках его субъектной активности. Тем самым педагог подходит к пониманию

причин своих профессиональных затруднений, исходя из чего им определяются способы их разрешения на основе осознания профессиональных дефицитов и ресурсов. Таким образом, педагог приближается к разрешению противоречий своей профессиональной деятельности и проявляет готовность к проектированию педагогических инструментов индивидуализации образовательной деятельности с ее ориентацией на особенности и условия индивидуального психосоциального развития ребенка с ОВЗ. В свою очередь, активная профессиональная позиция педагога делает его успешным участником командного взаимодействия в ходе психолого-педагогического сопровождения обучающихся с ОВЗ в инклюзивной образовательной среде.

1. Коробейников, И.А. Освоение профессиональных компетенций будущими педагогами и психологами в ходе совместной подготовки в вузе (Development of Professional Competences of teachers and Psychologists in the Conditions of Joint training) (статья) / И.А. Коробейников, Т.В. Кузьмичева // Высшее образование в России. — 2019. Т. 28. — № 6. — С. 97–106. (Авторский вклад — 0,3 п.л.) — DOI: 10.31992/0869-3617-2019-28-6-97-106.

Исследование подготовлено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект 20-013-00811 «Индивидуализация образовательной среды как фактор развития инклюзивных процессов в обучении и воспитании детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), проживающих на городских и сельских территориях»).

Структурно-функциональная модель воспитания культуры здорового и безопасного образа жизни

Образование, воспитание, здоровье, безопасность, культура

В связи с необходимостью подготовки современного человека жить в динамичном и неопределенном будущем, возникает потребность воспитания культуры здорового и безопасного образа жизни.

Модель формирования здорового и безопасного образа жизни включает семь основных модулей: организационно-педагогический, когнитивный, методический, диагностический, информационно-аналитический, поведенческий.

Организационно-педагогический модуль предполагает проведение следующего комплекса мероприятий: повышение квалификации педагогов в области здорового и безопасного образа жизни; консультирование воспитанников, их родителей по вопросам здорового и безопасного образа жизни педагогами; служба сопровождения (из специалистов разных организаций).

Когнитивный модуль начинается с изучения группы факторов, воздействующих на здоровье населения и индивида; излагаются основные понятия образа жизни и схема реализации индивидуальной программы здоровья.

Методический модуль ориентирован на формирование качеств, отражающих основные компоненты индивидуального здоровья учащегося.

Нравственная составляющая формируется на основе ответственности за свое здоровье и здоровье окружающих людей.

Психическое развитие базируется на принципе «зоны ближайшего развития» (Л. С. Выготский). Психическое благополучие личности обеспечивается не столько обеспечением комфорта, сколько формированием навыков психогигиены, стрессоустойчивости.

Физическое здоровье поддерживается благодаря полноценному правильному питанию, соблюдению режима дня и гигиенических требований. Особое внимание уделяется сенсорной сфере (оптимизация зрительной нагрузки, вестибулярные тренировки).

Социальная составляющая предусматривает обретение коммуникативных навыков, формирование коммуникативной культуры.

В методический модуль включены система оценки, контроля и определения уровня знаний, умений и навыков, система психолого-педагогических методик изучения уровня педагогического воздействия на создание здорового и безопасного психологического климата в коллективе.

Диагностический модуль — это мониторинг здоровья и образа жизни, основная цель которого — выявление факторов риска для здоровья учащихся.

Информационный модуль предназначен для накопления банка данных по результатам мониторинга проблем и достижений, на основе которого осуществляется коррекция деятельности образовательного учреждения.

Аналитический модуль рассчитан на диагностику, анализ и формирование ценностных ориентаций и потребностно-мотивационно сферы ребенка. Одновременно формируются навыки самодиагностики, анализируются факторы среды и их воздействии на здоровье.

Поведенческий модуль выстраивается постепенно по мере освоения предыдущих модулей. Его реализация изначально предусматривает проектирование системы работы по формированию здорового и безопасного образа жизни учащихся.

В целом, модель включает в себя освоение элементов программы здорового и безопасного образа жизни, проектирование индивидуальной программы, апробацию, ее реализацию и коррекцию.

1. Организация и оценка здоровьесберегающей деятельности образовательных учреждений. Руководство для работников системы общего образования / под общей ред. М. М. Безруких, В. Д. Сонькина — М.: Московский городской фонд поддержки школьного книгоиздания, 2014. — 380 с.
2. Обеспечение психологической безопасности в образовательном учреждении: практическое руководство / под ред. И. А. Баевой. — СПб: Речь, 2018. — 288 с.
3. Колбанов В. В. Факторы социальной среды как детерминанты здоровья и образа жизни человека // Академический Вестник. — №1 (10), 2010. — с. 5-20.
4. Купцова С. А. Психическая саморегуляция как компонент культуры здоровья // Вестник Челябинского государственного педагогического университета, № 2, Психологические науки, 2018. С. 222-233.
5. Татарникова Л. Г. Педагогика здоровья: здоровьесберегающие образовательные технологии.- СПб: СПб АППО, 2010. — 184 с.

Развитие творческой активности студентов как способ решения проблем дистанционной формы обучения в кризисной ситуации

COVID-19, дистанционное обучение, творческая активность

В 2020 г. высшие учебные заведения мира столкнулись с серьезным вызовом из-за карантинных мер, принятых для борьбы с пандемией COVID-19. Произошел переход на дистанционные формы обучения. Наиболее уязвимыми стали университеты развивающихся стран, прибегнувшие к низкотехнологичным ресурсам: PowerPoint, Facebook, Google Classroom и др. В то же время в странах, где вузы выстроили собственные электронные информационно-образовательные системы (ЭИОС), речь шла не о минимизации рисков с помощью доступных средств, а развитии “онлайн-педагогики” [1].

Постановка проблемы. Несмотря на то, что в России вузы активно используют собственные ЭИОС, затруднений избежать не удалось. Так опрос, проведенный в СибГУТИ [2] с целью выяснения отношения студентов к дистанционному обучению в форсированных условиях, выявил две главные проблемы: недостаточный уровень коммуникации с преподавателями и одногруппниками и технические сбои. Мы могли бы списать их на чрезвычайные условия перехода к дистанционной форме обучения, однако пилотажное исследование, проведенное нами до пандемии, вскрыло аналогичные проблемы.

Методы и результаты исследования. В 2019 г. мы провели анкетирование среди 136 бакалавров 3-4 курсов социогуманитарных направлений бакалавриата СПбГУ, РГПУ им. А.И. Герцена, СПбГИКиТ, РХГА с целью выявить отношение студентов к работе в ЭИОС. Выяснилось, что лишь 26,7% опрошенных устраивает нынешний формат работы в ЭИОС вуза. Основные проблемы, указанные респондентами: технические сбои, неудобный интерфейс, сложность в использовании, низкий уровень педагогической организации процесса обучения. Очевидно скорее негативное отношение студентов к дистанционному обучению.

Мы выдвинули гипотезу о том, что формирование позитивного отношения студентов к обучению в ЭИОС вуза возможно, если дистанционное обучение организовано с учетом педагогических условий развития творческой активности обучающихся в процессе обучения в ЭИОС. Под творческой активностью мы понимаем, с одной стороны, свойство личности, с другой — высший уровень познавательной деятельности, результатом которой является создание творческого продукта.

Анализ компонентов творческой активности (мотивационного, операционного, креативного) позволил сформулировать педагогические условия развития творческой активности студентов в ЭИОС: 1) регулярное педагогическое взаимодействие субъектов процесса обучения; 2) новизна содержания ЭОР и деятельности студентов

в ЭИОС; 3) поэтапное формирование репродуктивно-подражательной, поисково-исполнительской и творческой активности; 4) информирование студентов о типах контента и овладение базовыми инструментами по его созданию.

Обсуждение. Мы согласны с точкой зрения А.В. Лубского и В.В. Ковалева о том, что педагогические проблемы организации дистанционного обучения вызваны применением информационно-знанийовой парадигмы вместо познавательно-развивающей [3].

Мы предполагаем, что организация дистанционного обучения с учетом выявленных педагогических условий, будет способствовать решению назревших проблем. Нами была разработана модель обучения, апробация которой позволит сделать вывод о правильности или неправильности выдвинутой гипотезы.

Выводы. Кризисная ситуация, вызванная пандемией COVID-19, обнажила проблемы дистанционного обучения, существовавшие и ранее. Их педагогическое решение необходимо искать в рамках познавательно-развивающей парадигмы, исследуя развитие личностных качеств, различных типов мышления, активности студентов в процессе обучения в ЭИОС.

1. Crawford J. et al. COVID-19: 20 Countries' Higher Education Intra-Period Digital Pedagogy Responses // *Journal of Applied Teaching and Learning (JALT)*. — 2020. — Т. 3. — №. 1.
2. Ценер Т.С., Ошкина А.В. Особенности обучения в онлайн-формате в высшей школе в форсированных условиях // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2020. №5-3.
3. Лубский А.В., Ковалев В.В. От «онлайнизации» высшей школы в онлайн-образованию // *Гуманитарий Юга России*. 2020. №2.

Developing psychologically comfortable and safe environment in an inclusive educational system

Educational environment, psychological safety, health limitations, inclusive education, needs

Nowadays, inclusive education becomes particularly relevant aimed at ensuring the full life of people with disabilities, their safe existence in the environment.

The educational environment is a certain social community that develops the totality of human relations; it is a condition and a means of training and upbringing. Security is such a phenomenon without it neither a person, nor a social organization, nor a society can develop normally; first of all, the state of security is the quality of any system that determines its ability to self-preservation and a system of guarantees that ensure sustainable development and protection against internal and external threats.

I. A. Bayeva gives a definition of psychological safety in the following aspects:

- as a system of interpersonal relationships causing participants a sense of belonging;
- as a state of the educational environment, in which there is no psychological violence in the interaction, which helps to satisfy the needs for communication of a personal trust plan, and creates the relational value of the environment, and also ensures the mental health of all participants;
- as a system of measures aimed at preventing threats to the sustainable development of the individual. [1]

The main indicators of the psychological safety of the educational environment are: quality of interpersonal relationships; comfort of the educational environment; protection from psychological violence; educational environment satisfaction.

The educational environment will be safe for a student with disabilities if it has conditions for satisfying physiological, social, psychological and cognitive needs. Physiological needs are met through the architecture of the university providing a barrier-free environment and taking into account the principles of universal design.

Social needs are provided by legislative education and socialization. Psychological needs suggest a comprehensive psychological support for the educational process.

Educational needs are implemented through the development of adapted curricula as well as include pedagogical support for students with disabilities in the process of their education.

1. Bayeva I.A. Psychological safety in an educational institution: a practical guide / I.A. Bayeva; under the editorship of I.A. Bayeva. — Saint Petersburg.: Rech Publ., 2006. — 288 p.

Возможности внеучебной деятельности в формировании профессиональной идентичности будущих психологов

Профессиональная идентичность, психолог, добровольческий отряд, внеучебная деятельность

На этапе получения профессионального образования вопрос профессионального становления приобретает особую значимость. Важно в процессе обучения сформировать не только профессиональную компетентность, но и привить ценности будущей профессии, познакомить с нормами, правилами, традициями. В особой степени это касается будущих психологов служебной деятельности, поскольку работа в силовых структурах и государственных ведомствах предъявляет к ним серьезные требования. В связи с этим формирование профессиональной идентичности входит в число первостепенных задач обучения.

По мнению Л.Б. Шнейдер, профессиональная идентичность это не только осознание своей тождественности с профессиональной общностью, но ее оценка, психологическая значимость членства в ней, разделяемые профессиональные чувства, своеобразная ментальность, ощущение своей профессиональной компетентности, самостоятельности и самоэффективности [2].

В этой связи при подготовке психологов важно использовать не только возможности, предоставляемые в рамках изучения психологических дисциплин, но и активно привлекать студентов к различным внеучебным проектам. Одной из форм внеучебной деятельности является добровольческое движение. Студенческий психологический добровольческий отряд (СПДО) Уральского федерального университета (УрФУ) был создан в 2010 году на базе Уральского филиала Центра экстренной психологической помощи МЧС России. За 10 лет существования количество добровольцев выросло с 19 до 105 человек и существенно расширились возможности для проявления профессиональной активности студентов. Сегодня члены СПДО проводят интерактивные занятия по формированию у различных категорий населения культуры безопасного поведения, обучаются и обучают других навыкам оказания первой помощи и психологической поддержки, оказывают психологическую поддержку детям, находящимся на длительном стационарном лечении в больницах, а также социально незащищенным слоям населения. По данным направлениям деятельности ими достигнуты высокие результаты: за период с 2010 года по настоящий момент проведено 450 мероприятий с охватом 7984 человек. Важно, что в качестве наставников выступают действующие психологи МЧС, которые делятся не только своим профессиональным опытом, но и знакомят с ценностями, традициями, нормами профессии.

Проведенное исследование мотивации показало, что в качестве основного внешнего мотива участия в добровольческом движении студенты называют возможность применения полученных знаний в практической деятельности (48%). В систему внутренних мотивов входят получение знаний и навыков в области экстремальной психологии, оказания первой помощи (42%), а также возможность самореализации (40%) [1]. Данные мотивы являются конструктивными не только в отношении формирования профессиональной идентичности, но также способствуют достижению членами СПДО высоких результатов в учебной деятельности и дальнейшему самоопределению: большинство членов СПДО после окончания обучения идет работать в силовые структуры.

С сентября 2020 г. впервые в департаменте психологии УрФУ начнут учиться студенты, поступившие на программу специалитета «Психология служебной деятельности». С уверенностью можно сказать, что внеучебные формы организации деятельности, в том числе, участие в работе СПДО, обеспечат возможности для формирования позитивного отношения студентов к выбранной профессии психолога и будут способствовать отождествлению с ее представителями.

1. Карапетян Л.В., Воденикова М.А. Мотивация студентов-волонтеров к деятельности по формированию у населения культуры безопасного поведения // Современная модель медицинского обеспечения детей в образовательных организациях: сборник статей VI Национального конгресса по школьной и университетской медицине с международным участием. Екатеринбург: Изд-во УГМУ, 2018. Вып.6. С. 96 — 98.
2. Шнейдер Л.Б. Профессиональная идентичность: структура, генезис и условия становления : дис. ... д-ра психол. наук. М., 2001. 400 с.

Отношение к будущему курсантов образовательного учреждения

Мотивация, перспектива будущего, установка, мотивационные индукторы, протяженность, структурированность, цель

В настоящее время, одной из главных задач Министерства обороны РФ является квалифицированная профессиональная подготовка офицеров командного состава для военных частей и подразделений. В профессии необходимы навыки для принятия решений, умение работать в группе, разрабатывать совместные решения, навыки адаптации к полевым условиям, организации и ведению боевой работы в любых условиях и обстановке и др. [2].

Одной из важных характеристик личности является временная перспектива, восприятие как своего прошлого, так и будущего влияет на способность принимать решения в данный момент (настоящее). Для умения правильно принимать решения в условиях неполной информации, оценки эффективности принимаемых решений, установлением связи между различными действиями, важно иметь конструктивную временную ориентацию будущего [1]. Конструктивная ориентация на будущее способствует принятию во внимание будущих последствий, развитию таких личностных черт, как: организованность, амбициозность, стремление к цели, готовность пожертвовать сиюминутным удовольствием в пользу достижения цели, стрессоустойчивость, эффективное использование времени.

Исходя из этого, мы предположили, что у курсантов в высших образовательных учреждениях временная установка будущего, имеет свою специфику: обладает меньшей протяженностью, большей структурированностью и реалистичностью, чем у студентов других высших учреждений.

Эмпирическую базу исследования составили: 1. курсанты НВВКУ (1-3 курс); 2. студенты НГУ (1-3 курс).

Психодиагностический комплекс включал: ММИ Нюттена, полуструктурированное интервью.

Результаты исследования: Результаты сравнения групп по методике Мотивационной Индукции выявили наличие достоверных различий с вероятностью ошибки менее 2%, по всем параметрам (рассматривались такие параметры как протяженность будущего, открытое настоящее, близкое будущее, удаленное будущее, наполненность будущего, индекс ПБ).

Следовательно, перспектива будущего курсантов характеризуется длительной локализацией и планированием, им в меньшей степени свойственно думать о чем-то неопределенном, например, «Мне хочется быть счастливым», тратить время на «просто так» — провести с друзьями и т. д., стараются использовать время более эффективно (дефицит свободного времени в их текущей жизни). Содержание перспективы

будущего наполнено более конкретными целями, это отражает высокую структурированность будущего (когнитивная трансформация потребностей в целевые объекты «средство-цель»). Несмотря на отсутствие различий в протяженности перспективы будущего, они в большей степени планируют близкое будущее (до 2 лет), большинство мотивационных индукторов (объектов, влияющих на поведение индивида) расположены в данном диапазоне, это подчеркивает реалистичность поставленных целей. Например, «Я буду вполне доволен, если...закончу службу майором», «Лучшей наградой для меня будет...победа на армиях».

У студентов НГУ мотивационные объекты расположены преимущественно в далеком будущем (более, чем через 5 лет с текущего момента): «Я надеюсь...что мои дети будут более счастливы», «Я мечтаю, что...прославиюсь и обо мне напишут книгу после смерти». Им характерно, в большей степени, думать о чем-то неопределенном, например, «Я хочу...полностью себе нравиться» и т. д. мотивационные объекты более «размыты» и удалены, следовательно, их «объекты — цели» в меньшей степени влияют на поведение в настоящий момент.

Таким образом, перспектива будущих курсантов характеризуется длительной протяженностью, реалистичностью, структурированностью. Это способствует развитию стрессоустойчивости, толерантности к неопределенности, планированию, прогнозированию и др. и помогает формированию их профессиональных навыков [2].

1. Нюттен Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего. — М.: Смысл. 2004. — 607 с.
2. Шишков А.И. Формирование профессиональной компетентности курсантов военных вузов в ходе тактико-специальной подготовки: дис. ... канд пед.наук: 13.00.08 / Шишков Андрей Иванович. — М., 2014. — 278 с.

Реорганизация работы психологической службы школы: апробация модели в связи с переходом на дистанционное обучение в условиях пандемии 2020 года

Психологическая служба, дистанционное обучение, пандемия, социальная изоляция, дистантная психологическая помощь и поддержка, преодоление негативных состояний, адаптация, развитие

Экстренный переход школ в связи с пандемией весной 2020 года к дистантным условиям обучения потребовал смены фокуса работы с психологического сопровождения на поддержку и индивидуализированную психологическую помощь в дистанционном формате ученикам, родителям, учителям в решении триады жизненных задач [1] (предотвращения дезадаптации, неуспешности; адаптации к новому, стойкости; развития и роста личности) с акцентом на разделение ответственности с другими участниками образовательного процесса; кризисную интервенцию (по актуальным запросам); опережающее реагирование на потенциальные риски. Реорганизация работы психологической службы ГБОУ Школа №1505 г. Москвы в форме дистантного проекта «Доступный психолог» началась с запроса от администрации школы обеспечить информирование учеников, родителей, учителей как справиться с ситуацией изоляции и дистанционного обучения. В ходе запуска проекта был проведен анализ технологических ресурсов: сайта школы, мессенджеров, социальных сетей (ФБ) и образовательных платформ (Zoom, Moodle, Skype); определены каналы связи, удобные для консультирования детей, родителей и учителей, для супервизии классных руководителей, учителей, родителей, интервизии психологов (WhatsApp, Telegram, Skyp, Zoom). С помощью разработанной онлайн экспресс-методики проведен выборочный опрос эмоционального состояния (до перехода и через 3 недели дистанта) среди учащихся 5-7 классов, 20 учителей. На главной странице школьного сайта и тематической странице «В период дистанта» в период дистанционного обучения происходило оперативное размещение психологических материалов (рекомендаций, развивающих методик и др.).

Психологами осуществлялся постоянный мониторинг состояний учителей (анализ учительского чата школы, супервизия кураторов, телефонное или интернет-консультирование родителей, учеников, интервизия психологов службы), опосредствованно (через мониторинг чатов учителей, ведущих конкретные классы, чата психологов разных структурных подразделений школы) отслеживались потенциальные запросы на психологическую помощь.

Деятельность психологов в дистанционном режиме была направлена на оптимизацию дистанционного обучения как ученических коллективов (во взаимодействии с классными руководителями внедрены рекомендации по поддержке

коллективной общности, по культуре дистантного общения, профилактике кибербуллинга; разработки творческих инициатив, программы дополнительного образования психологического плана), так и индивидуальная психологическая поддержка учащихся, их родителей, семьи, и учителей (направленная на преодоление негативных эмоциональных состояний, выгорания, сохранение и поддержание учебной мотивации у ребёнка, тайм-менеджмент, самоорганизацию, овладение способами контроля эмоций, культурой визуализированного дистантного общения, совладания при нехватке реальной коммуникации со сверстниками и учителями, развитие целеполагания, познавательных процессов, личностного проектирования (профильного и профессионального выбора)), а также активные учебные и коррекционные занятия, гимнастика, игры (Zoom), профилактическая работа с детьми из группы риска.

Реализация проекта показала положительную перспективу использования с точки зрения решения психологических задач образовательных платформ: Moodle для организации дистантного обучения, Google-формы и Onliene Test Pad — для психологической диагностики, сайт школы и Facebook — для информирования, Смарт Гейминг — для игровых технологий, занятий, что в целом способствует интеграции в педагогическое сообщество, созданию единого виртуального психолого-педагогического пространства.

Опыт деятельности в экстремальных условиях пандемии открывает возможности для повышения эффективности деятельности психологической службы в пост-пандемической ситуации.

1. Магомед-Эминов М.Ш. Психологические рекомендации о поведении и деятельности человека в экстремальной ситуации пандемии (COVID-19)

[www.psy.msu.ru/news/events/covid19/phyrecomend.pdf].

Тихомирова М.А.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Бордовская Н.В.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Мотивы учения и терминологическая компетентность студентов с разным стилем мышления

Терминологическая компетентность, мотивы учения, мотивация, стиль мышления, студенты

В исследовании решается вопрос о взаимосвязи мотивации учения студентов-филологов 3 курса СПбГУ с их терминологической компетентностью в области дидактики в зависимости от преобладающего стиля мышления.

Владение терминологией в определенной области профессиональной деятельности является неотъемлемой частью профессиональной компетентности специалиста. Поэтому проблема повышения эффективности усвоения научной терминологии студентами давно находится в центре внимания психологов и педагогов. Причем результатами специальных исследований отечественных и зарубежных ученых доказывается зависимость такой эффективности от индивидуально-психологических особенностей самих студентов. Так как в основе любой компетентности лежит мотивация (Raven, 2001), мотивация учения студента, определяющая его заинтересованность в изучении определенного предмета, безусловно, влияет на эффективность результата обучения, в том числе и на усвоения новых научно-профессиональных терминов.

Как известно, индивидуальный стиль мышления человека определяет индивидуальные способы решения проблем, поведения, представления своих размышлений и знаний в речи. Поэтому мы предположили, что у студентов с разным стилем мышления будут отличаться мотивы учения, способствующие развитию терминологической компетентности (ТК) в области дидактики.

В исследовании применялись следующие методики: опросник «Стили мышления» (Алексеев, 1993), «Методика для диагностики учебной мотивации студентов» (Бадмаева, 2004), методика изучения терминологической компетентности (Бордовская, 2017).

В выборку исследования вошло 132 студента 3 курса филологического факультета СПбГУ, которым, согласно плану обучения, будет присуждена квалификация «Педагог», и большинство из которых планируют в будущем осуществлять педагогическую деятельность. Студенты были объединены в 5 групп в зависимости от доминирующего стиля мышления.

В результате выявлен высокий уровень развития ТК (ср.зн = 4,13) в среднем по всей выборке. Среди трех компонентов ТК наиболее развит Предметно-познавательный, наименее — Коммуникативно-речевой. Этот факт можно объяснить спецификой курса «Психология и педагогика», в ходе которого проводилось исследование: в нем предусмотрены только занятия лекционного типа.

Установлено, что статистически значимо (Н-Краскалла-Уоллиса) различается уровень развития Интеллектуально-рефлексивного компонента ТК у студентов с разными стилями мышления ($p \leq 0,01$): самый высокий уровень развития данного компонента наблюдается у студентов с прагматическим стилем мышления, самый низкий — у студентов с реалистическим стилем мышления.

Результаты регрессионного анализа позволили выявить мотивы учения, способствующие повышению уровня развития Коммуникативно-речевого компонента терминологической компетентности: в группе студентов с синтетическим стилем мышления мотивы избегания неудач в учебной деятельности снижают уровень развития Коммуникативно-речевого компонента; в группе студентов с прагматическим стилем мышления учебно-познавательные мотивы повышают уровень развития данного компонента; в группе студентов с реалистическим стилем мышления социальные мотивы повышают уровень развития Коммуникативно-речевого компонента. Также наличие учебно-познавательных мотивов повышает уровень развития терминологической компетентности в группе студентов с прагматическим стилем мышления.

Выявленные мотивы учения для групп студентов с различным стилем мышления позволяют обозначить практическое применение полученных данных. А именно, направленность в работе со студентами на развитие интереса к определенным сферам будущей профессиональной деятельности.

Тезисы подготовлены при финансовой поддержке РФФИ (проект N 16-06-00486)"

Тезисы подготовлены при финансовой поддержке РФФИ (проект N 16-06-00486)

Введение программ по хатха-йоге в систему дополнительного образования младших школьников

Дополнительное образование, йога, хатха-йога, младшие школьники

В развитии системы дополнительного образования заинтересовано как государство, так и общество. На государственном уровне разработан пакет документов, регламентирующий деятельность данной структуры. Одним из основных документов является закон « Об образовании в Российской Федерации ». Согласно ст. 75 Федерального закона от 29.12.2012 № 273- Ф дополнительное образование направлено на « формирование культуры здорового и безопасного образа жизни, укрепление здоровья, а также организацию свободного времени»[1] Общество в свою очередь заинтересовано в доступности образовательной среды, в развитии задатков и способностей подрастающего поколения, а также их дальнейшем профессиональном становлении через систему дополнительного образования.

В ГБОУ школа № 104 Выборгского района Санкт-Петербурга проводилось анкетирование родителей учащихся 1-4 классов с целью определения востребованности дополнительного образования. В опросе приняли участие 233 семьи. На вопрос « Занимается ли Ваш ребенок в какой-либо секции, студии , кружке? » утвердительный ответ дали 82 %. Одной из главных причин, по которой дети не посещают секции и кружки , родители называют «отсутствие необходимых учреждений близко к дому» (26 %) При этом только 25 % респондентов согласились на введение платных образовательных услугах. Как показали результаты опроса, родители заинтересованы в доступности (территориальной и материальной) секций, кружков, студий и т.п.

Практика йоги, зародившаяся на Востоке, нашла своих почитателей и на Западе. А в последние десятилетия разновидности йоги активно завоевывают свои позиции и в России. Немаловажную роль в этом сыграла ориентация современного общества на здоровый образ жизни. На данном этапе занятия йогой в основном проводятся в йога-студиях и фитнес-центрах на платной основе. В системе образования данное направление развито недостаточно. В основном отдельные элементы йоги используются на уроках по физической культуре и физкультминутках. Внедрение программ по практике йоги в систему дополнительного образования будет способствовать доступности данного направления, как территориально, так и с материальной точки зрения.

На базе ГБОУ школа №104 Выборгского района г. Санкт-Петербург реализуется программа по хатха-йоге « Тропинка к здоровью» для учащихся 1- 2 классов. С появлением учебной деятельности возникает необходимость длительного нахождения в статичном положении школьников. В свою очередь это оказывает негативное влияние не только на физическое тело, но и на психоэмоциональную сферу учащихся [2]. Реализуемая программа будет содействовать сохранению и укреплению физического и психического здоровья младших школьников.

Таким образом, введение программ по хатха-йоге будет способствовать расширению спектра программ в системе дополнительного образования, а также формировать культуру здорового образа жизни среди учащихся.

1. Федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 2012 г. N 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».
2. Воловая, Т. А. Программа развития здоровья младших школьников средствами хатха-йоги / Т. А. Воловая // Здоровьесберегающее образование — залог безопасной жизнедеятельности молодежи: проблемы и пути решения : матер. VIII междунар. науч.-практ. конф. — СПб. : ЦНИТ Астерион ; Челябинск: изд-во ЧГПУ, 2013 — С.31-34.

Обеспечение безопасности учебного процесса путем выявления факторов саморазвития педагогов дополнительного образования детей

Дополнительное образование, саморазвитие, развитие, безопасность учебного процесса

По мнению Л.М.Митиной и В.Н.Барцевич (2012) психологическая безопасность учащихся представляет собой специфическое эмоциональное состояние, обусловленное переживанием психологического благополучия, защищенности, комфорта, отсутствием тревоги, страха, стрессов, возникающих в результате взаимодействия учеников с учителем. Это выдвигает повышенные требования к эмоциональной, волевой, коммуникативной, творческой сфере учителя. И не всегда учитель может соответствовать данным требованиям. Саморазвитие как процесс непрерывного развития педагога может стать тем инструментом, с помощью которого он может способствовать появлению психологической безопасности своих учеников.

Нами обследованы 120 педагогов: 40 школьных, 40 — из государственных учреждений дополнительного образования, 40 — из негосударственных учреждений дополнительного образования.

Использованы методики: большая пятерка (модификация А.Г.Грецова), тест смысло-жизненных ориентаций Д.А. Леонтьева, мотивация профессиональной деятельности (методика К. Замфир в модификации А.А. Реана), оценка уровня готовности педагога к развитию (методика В.И.Зверевой, Н.В.Немовой), ценностный опросник Ш. Шварца. Полученные данные проанализированы качественно и количественно при помощи корреляционного анализа, сравнения средних значений по критерию Т-Стьюдента, факторного анализа, контент-анализа.

Установлены значимые ($p < 0,05$):

- ценности стимуляции, самостоятельности, гедонизма имеют прямую корреляцию с саморазвитием педагога; преобладая у педагогов негосударственного дополнительного образования и у педагогов государственных учреждений дополнительного образования в возрасте до 40 лет (после 40 преобладают ценности безопасности, традиции и универсализма, которые имеют отрицательную корреляцию с уровнем саморазвития);

- внешняя мотивация (положительная и отрицательная) имеет обратную связь с саморазвитием педагога;

- с увеличением возраста и стажа у педагогов снижается доброжелательность, открытость новому опыту, самостоятельность и стремление к гедонизму.

Выявлены следующие общие и частные особенности:

- стремление к саморазвитию у педагогов дополнительного образования выше чем у школьных вне зависимости от сектора;

-внутренняя мотивация выше, чем внешняя у педагогов дополнительного образования;

-превалирующие ценности у педагогов школы и педагогов государственных учреждений дополнительного образования одинаковы: безопасность, универсализм, доброта; у педагогов негосударственного дополнительного образования ведущие ценности — это самостоятельность, доброта, универсализм;

-по тесту смысло-жизненных ориентаций у педагогов дополнительного образования вне зависимости от сектора выше показатели, касающиеся удовлетворенностью жизнью и результативностью жизни.

1. Демьянчук Р.В. Методологические ориентиры совершенствования психологической подготовки будущих педагогов к дальнейшему профессионально-личностному развитию / Р.В. Демьянчук// Высшее образование сегодня. — СПб., 2016. — № 2. — С. 52-55.
2. Маркова А.К. Психология профессионализма / А.К. Маркова. — М., 1996. — 312 с.
3. Митина Л.М., Барцевич В.Н. Психологическая безопасность учащихся в системе взаимодействия ""учитель-ученик"" // Теоретическая и экспериментальная психология. 2012. №2.

Возможности и проблемные зоны школьной медиации

Школьная медиация, культурно-исторический подход, национальная идентичность

Актуальность медиативного подхода продиктована такими факторами, как: усиление конкуренции и борьбы, создающее угрозу согласию и солидарности в различных областях человеческой жизни. Кроме того, рост информационных и террористических угроз дестабилизирует общество, повышает уровень напряжения и конфликтогенность. Мы, педагоги, психологи, на практике знаем, что многие антиобщественные формы поведения обусловлены особенностями той среды, в которой проходят детские и подростковые годы будущего гражданина. Согласно теории поля Курта Левина, поведение человека, если у него нет актуальной цели, регулируется особенностями его окружения. Это и семейная обстановка, и реклама, и магазины, и природа, и люди, — всё, что окружает ребенка. И, если в близком окружении привычным содержанием стали ссоры, неуважительное отношение друг к другу, культ силы, пренебрежение к нормам закона и социальных, общечеловеческих норм — это с высокой долей вероятности может обусловить деструктивное развитие юной личности.

Школьную медиацию можно рассматривать как альтернативную возможность досудебного (или внесудебного) урегулирования конфликтных ситуаций, сопряженных с нарушением прав и свобод одной из сторон; кроме того, школьная медиация, как вид социально и эмоционально нейтрального посредничества, может служить инструментом цивилизованного преодоления разногласий и затруднений, предлагая четкие алгоритмы и технологии.

Вместе с тем, я убеждена: проблемной зоной медиативного подхода является то, что широкое внедрение его принципов в жизненное пространство общества, может негативным образом отразиться на его традиционных культурно-нравственных ценностях. Обратим внимание на то, что медиативные технологии и практики особенно распространены в странах с высокой правовой культурой, где учтено и регламентировано наибольшее количество возможных проблем во всех областях социальной жизни, разработаны четкие правовые способы их урегулирования. С одной стороны, это дает гражданам ощущение защищенности, стабильности и понимания, что происходит и как следует поступать. С другой стороны, обычный человек все реже сталкивается с ситуацией или событием, где он может проявить себя как личность, как представитель уникальной культурно-исторической общности, а не «запрограммированный» участник гражданско-правовых отношений, когда вся его жизнь регламентирована и стандартизована, а он сам лишь «винтик» системы, с усредненным набором характеристик.

Вызывает опасение возможное разрушение нашей российской национальной идентичности. В России пока отсутствует такая широкая регламентация и стандартизация в вопросах урегулирования конфликтов, но нельзя не замечать: в нашу

страну внедряются не просто технологические приемы медиативного подхода, ставшего нормой в странах Европы и в США,-внедряется (подчас мягко, незаметно) новое сознание, новые ценности.

Между тем, русская культура уникальна по разнообразию, эмоциональной глубине подлинно гуманистических традиций братской любви, милосердия, способности прощать. Конечно, самобытность, сила и величие России — это вплетение самых различных культурных влияний, но влияний органично принятых, прошедших сложный и долгий путь своеобразного «прилаживания» к нашей собственной национальной культуре.

Поэтому, не отвергая медиативный подход в целом, я считаю, что нельзя механически переносить сложившиеся на западе формы и технологии медиативной помощи на российскую «почву». Нельзя насаждать даже полезные социальные практики без учета национальных культурных норм, особенностей менталитета, мировоззрения, ценностных ориентиров и нравственных приоритетов, без учета уже сложившихся и давно действующих конкретных способов общаться, взаимодействовать, и, в том, числе, разрешать конфликты. Тем более, это нельзя внедрять в так называемом «рекомендательно-приказном порядке».

Школьная медиация, несмотря на ее возможности, это очень тонкий социальный инструмент, которым нельзя злоупотреблять. Применять медиативные практики в школе нужно с особой осторожностью, чтобы сохранить традиции российского народа и дать возможность свободно и естественно развиваться юной личности на основе не только общечеловеческих, но и этнических, национальных ценностей. Тем более, что требования к воспитанию и личностному развитию российского выпускника, как человека, который любит и уважает историю, духовно-нравственные традиции своего народа, и своей семьи, умеет осуществлять свободный и ответственный выбор, в тоже время, ощущая свою сопричастность к судьбе Отечества, относятся к основным требованиям ФГОС.

Особенности самоотношения и эффективность саморегуляции состояний студентов на экзамене

Психическое состояние, самоотношение, эффективность саморегуляции, экзамен, студент

На сегодняшний день в психологии существуют достоверные данные о взаимосвязи между самоотношением личности и саморегуляцией поведения и деятельности (Крылова, 2013). Стабильное позитивное самоотношение и саморегуляция являются важными условиями максимальной эффективности человека в любых видах деятельности. Развитые ресурсы саморегуляции обеспечивают стабильное функционирование адаптационных процессов, гибкую поддержку работоспособности и сохранение здоровья (Кузнецова, 2019).

Очевидно, что студенты в ходе учебной деятельности сталкиваются с необходимостью саморегуляции психических состояний. Особенно это касается ситуации экзамена, где уровень напряжения оказывается высоким, а способность эффективно регулировать свои состояния оказывается существенным фактором успешной сдачи экзамена. Большинство исследователей ведущим фактором успешной саморегуляции называют сформированность у человека регуляторных свойств личности (Моросанова, 2012), в то время как значимость сознания и ее компонентов рассматривается значительно реже (Прохоров, Чернов, 2016). По-прежнему не изученным остаётся вопрос о роли системы-Я и ее компонентов в ментальной регуляции психических состояний студентов в ходе учебной деятельности.

В исследовании приняли участие студенты 1 курса Казанского федерального университета (96 человек). Были использованы следующие методики:

1) Методика «Рельеф психического состояния личности» А.О. Прохорова. В ходе исследования экзамен прерывался и студентов просили описать их состояния.

2) Методика «Эффективность саморегуляции психических состояний» А.О. Прохорова и А.Н. Назарова. В результате были выделены 2 группы — с высоким и низким уровнем эффективности саморегуляции.

3) Методика исследования самоотношения С.Р. Пантелеева (МИС).

Применялся частотный анализ данных, анализ средних значения по Т-критерию Стьюдента, корреляционный анализ. Обработка данных осуществлялась при помощи программы SPSS 16.0.

В результате исследования установлено, что у студентов с субъективно высоким уровнем эффективности саморегуляции на экзамене преобладают оптимальные психические состояния (сосредоточенность, мобилизация и др.) с высоким уровнем интенсивности. В то же время, у студентов с низкой эффективностью саморегуляции доминируют негативные состояния низкой интенсивности (подавленность, тупость и др.). Данная закономерность отмечена по всем подструктурам психических состояний ($p < 0,05$).

Отметим, что у студентов с низкой эффективностью саморегуляции психические состояния не связаны с компонентами самооотношения личности. В данной группе значимо более выражены внутренняя конфликтность и самообвинение.

В то же время, в группе студентов с высоким уровнем эффективности саморегуляции ведущим показателем самооотношения выступает самопривязанность, проявляющаяся в нежелании человека менять собственное состояние и самого себя. При низких значениях параметра наблюдается более высокая эффективность саморегуляции состояний ($p < 0,05$). Значимую положительную роль играет самопринятие и одобрение человеком собственных поступков и реакций ($p < 0,05$). В данной группе достоверно выше показатели самоуверенности и самооценности.

1. Крылова, Н. Н. Самоотношение как компонент в структуре саморегуляции учебной деятельности студентов / Н. Н. Крылова // Вестник Пензенского государственного университета. — 2013. — № 2. — С. 30-34.
2. Кузнецова, А.С., Психологическая саморегуляция функционального состояния и профессиональная успешность. / А. С. Кузнецова, М. А. Титова, Т.А. Злоказова // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. — 2019. — №1. С. 51-68.
3. Моросанова, В. И. Психология саморегуляции: учебное пособие. / В. И. Моросанова — М.; СПб.: Нестор-История, 2012. — 280 с. — ISBN 978-5-905986-94-9.
4. Прохоров, А. О. Рефлексия и психические состояния при разных формах учебной деятельности студентов / А. О. Прохоров, А. В. Чернов // Психологический журнал. — 2016. — Том 37. — № 6. — С. 47-56.

Исследование осуществлялось при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-013-00076

Динамика показателей личностных ресурсов старших подростков в условиях исследовательской и творческой деятельности

Толерантность к неопределенности, мотивация достижения, автономия, самооффективность

Одна из тенденций современного образовательного процесса — развитие у старших подростков навыков самоорганизации и построения траекторий личностного и профессионального развития в быстро меняющемся мире. Личностные ресурсы как «характеристики внутренней и внешней среды, которые устойчиво связываются в ментальном опыте субъекта с позитивным эффектом, наличием осязаемого преимущества в условиях решения жизненно важных проблем» наиболее необходимы в ситуациях, связанных с достижениями, ситуациях неопределенности, трудных жизненных ситуациях [1, с. 63 — 64]. Цель данного исследования: изучить динамику личностных ресурсов в условиях интенсивной исследовательской и творческой активности в старшем подростковом возрасте.

В исследовании приняли участие 39 человек, обучавшихся по программе дополнительного образования, среди них 23 девушки и 16 юношей (средний возраст $15,7 \pm 1,5$ лет). В программе использовались активные формы обучения, направленные на выполнение исследовательских и творческих проектов; обучение проводилось в групповой и индивидуальной формах; предоставлялась возможность самостоятельно ставить цели, регулировать интенсивность образовательной деятельности, оценивать результат. Продолжительность одного образовательного цикла составляла три недели, итогом деятельности подростков была защита проекта.

В качестве личностных ресурсов подростков изучались: мотивация достижения («Мотивация успеха и боязнь неудачи», А. А. Реан, 2006); автономия (шкала «Автономия» К. Рифф, адаптация Т.Д. Шевеленковой, П.П. Фесенко, 2005); коммуникативная и предметная компетентность («Тест определения уровня самооффективности», Дж. Маддукс, М. Шеер, модификация Л. Бояринцевой, 2011); толерантность к неопределенности («Шкала общей толерантности к неопределенности» в адаптации Е.Н. Осина, 2010). Оценка толерантности к неопределенности осуществлялась по шкалам: отношение к новизне (Н), отношение к сложным задачам (СЗ), отношение к неопределенным ситуациям (НС), предпочтение неопределенности (ПН), толерантность к неопределенности (ТН), общий показатель (ОП) [2]. Диагностика исследуемых параметров проводилась во второй и предпоследний день образовательного цикла. Статистический анализ полученных данных осуществлялся с использованием критерия Спирмена (rs) и Т-критерий Вилкоксона.

Исследование динамики личностных ресурсов в условиях исследовательской и творческой деятельности показало значимые изменения только у девушек в уровне

мотивации достижения ($MД1=13,86$; $MД2=14,95$; $Tэмп=37$, $p=0,03$) и автономии ($A1=52,21$; $A2=55,6$; $Tэмп=54$; $p=0,02$). Наиболее ярко динамика проявилась во взаимосвязях между параметрами толерантности к неопределенности и коммуникативной компетентностью: общая выборка — $HCrs=0,43$; $PHrs=0,38$; $THrs=0,48$; $OPIrs=0,47$; девушки — $THrs=0,44$; $OPIrs=0,46$; юноши — $HCrs=0,73$; $THrs=0,60$; $OPIrs=0,64$ при $p \leq 0,05$. Более тесными стали взаимосвязи между параметрами толерантности к неопределенности, с одной стороны, и автономией и мотивацией достижения, — с другой ($p \leq 0,01$).

Таким образом, условия исследовательской и творческой деятельности оказывают положительное влияние на динамику личностных ресурсов старших подростков. Но в большей степени имеет значение не столько количественные, сколько качественные изменения. В процессе творческой исследовательской деятельности не просто возрастает уровень мотивации достижения и автономии, но и укрепляется взаимосвязь между данными параметрами и положительным отношением к неопределенности, ее принятием.

1. Хазова, С. А. Ментальные ресурсы субъекта в разные возрастные периоды: дис...доктора псих.наук: 19.00.13 / С. А. Хазова; Кострома 2014. — 540 с.
2. Осин, Е. Н. Факторная структура русскоязычной версии шкалы общей толерантности к неопределенности Д. Маклейна / Е. Н. Осин // Психологическая диагностика. — 2010. — №2. — С. 65–86.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-07016 «Трансфер человеческого капитала образовательных общностей: от неуспешности к успешности»

Особенности эмоционального интеллекта как важной составляющей профессионально-личностного развития педагогов

Эмоциональный интеллект, профессионально-личностное развитие, педагоги, эмпатия

Социальное назначение профессии педагога, выполняемые функции определяют особенности его профессиональной деятельности.

Одной из таких особенностей является интенсивность работы, выходящая за пределы школы: взаимодействие с родителями и учениками, разрешение трудных и конфликтных ситуаций. Поэтому педагогу необходимо уметь понимать источники проявления эмоций, определяющих ту или иную модель поведения; уметь идентифицировать эмоции с целью продуктивного сотрудничества и взаимодействия.

А.К. Маркова выделила профессионально-важные качества педагогов: рефлексия, интуиция, оптимизм, находчивость, предвидение, целеполагание [2]. Данные качества рассматриваются в модели эмоционального интеллекта (ЭИ) Д. Гоулмана [1], которая легла в основу исследования.

В эмпирической части исследования (с выделением экспериментальной и контрольной групп) приняли участие 60 педагогов.

В рамках исследования проверялась гипотеза о том, что общий уровень эмоционального интеллекта (ОУЭИ) не зависит от стажа, возраста и уровня образования педагогов. Для этого был проведён корреляционный анализ г-Пирсона. Между стажем и ОУЭИ в Э.Г. корреляция отсутствует ($r\text{-Пирсона}=0$; $p\leq 0,05$). Между уровнем образования и ОУЭИ ($r\text{-Пирсона}=0,003$; $p\leq 0,05$); возрастом и ОУЭИ ($r\text{-Пирсона}=0,002$; $p\leq 0,05$) обнаружена слабая корреляция.

В ходе работы было выявлено, что уровень эмпатии до и после программы отрицательно коррелирует с возрастом ($r\text{-Пирсона}=-,411$; $p\leq 0,05$). Таким образом, можно предположить, что с возрастом уровень эмпатии у педагога становится ниже. Допускаем, что это может быть связано с эмоциональным выгоранием, однако данная область в исследовании затронута не была.

В рамках контент-анализа проанализированы ответы на вопросы авторской анкеты на определение уровня знаний в сфере ЭИ (С.М. Шингаев и Институт тренинга).

На вопрос «Эмоциональный интеллект — это...» 92 % педагогов дали верный ответ. Таким образом, подавляющее большинство педагогов представляют на уровне знания, что такое «ЭИ».

57 % педагогов выбрали верное определение эмоций. Такой результат является сигналом в области развития в процессе повышения квалификации для педагогов.

В среднем, из пяти каналов управления эмоциями (тело, мысль, слово, действие, образ) педагоги называют 1. Наиболее часто встречающийся канал — «слово»: 54%

испытуемых указали его в своих ответах. 40% педагогов не дали верного ответа на вопрос.

3% педагогов выбрали верный алгоритм осознания собственных эмоций. 28% педагогов указали верную последовательность двух из трёх составляющих. Можно заключить, что алгоритм осознания своих эмоций педагога представляют слабо.

Педагоги имеют недостаточный запас способов влияния на собственное негативное состояние. Так большинство участников исследования (46%) назвали один способ, 36 % — два, и лишь 6% назвали три способа. Из четырёх способов влияния чаще всего назван «переключение на виды активности» (85%); реже всего — «изменение мышечного тонуса» (6,3%).

Подавляющее большинство педагогов используют ограниченное количество способов влияния на эмоции ученического класса. Так 46% педагогов удалось назвать один способ, 29% — 2 способа, и 9% — 3. 16% педагогов не дали верного ответа на вопрос.

Таким образом, полученные результаты подтвердили актуальность развития эмоционального интеллекта и компонентов, составляющих его структуру. В результате исследования удалось сделать акцент на важности разработки программ повышения квалификации в области ЭИ. В целом, уровень знаний педагогов в области эмоционального интеллекта можно оценить как средний: у педагогов отсутствуют устойчивые знания о том, как идентифицировать, направлять и управлять эмоциями других людей, детей. С нашей точки зрения, это ближайшая область развития педагогов.

1. Гоулман Д. Эмоциональный интеллект на работе; пер. с англ. А.П. Исаевой. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА; Владимир: ВКТ, 2010. — 476 с.
2. Маркова А.К. Психология профессионализма. — М.: Международный гуманитарный фонд «Знание», 1996. — 312 с.

Filyasova Y.A.

Санкт-Петербург, Saint-Petersburg University of Management Technologies and Economics

The Problem of University Faculty's Burnout: Students' Perception

Burnout, survey, burnout prevention, factors of burnout, professional development, work-life balance, adaptation

The aim of the research was to study factors, causes and preventive measures against burnout. 100 bachelor students took part in a survey containing the issue-related questions.

As a result, it was found that the main factors of burnout development are work (45%), family (25%), lecturers' personality (20%) and their health (10%). Psychological state which accompanies occupational burnout is characterized by neuroticism and depression. Occupational burnout is viewed as an accumulative phenomenon: it increases with age. The older the lecturer, the more susceptible they become to burnout. However, R.V. Demyanchuk's research shows that burnout can develop at any age (Demyanchuk, 2016).

Women are more vulnerable to occupational burnout than men: 65% vs. 35%. Lecturers with three and more children are more susceptible to burnout than those with one or two children — mainly because of the economic necessity to provide the younger generation with material benefits. The second high-risk group includes single individuals who tend to work overtime and totally devote themselves to work due to the lack of other meaningful activities. Workaholism is viewed as a serious negative factor of burnout (Kruglova et al., 2019).

80% of the respondents believe that lecturers' vision of their professional development, growth and job satisfaction is low when exposed to occupational burnout, though their career expectations are high.

The line manager's and colleagues' aggressive attitude, excessive workload and low pay are the principle external causes of occupational lecturers' burnout; low motivation to professional activity, low level of occupational competence are referred to the main internal causes.

Absenteeism (85%), personal intention to leave the job (64%), high turnover (42%), firm determination to resign (40%) are viewed as consequences of burnout.

The respondents suggest the following prevention measures against burnout: work fewer hours, feel less anxious about work issues, discuss the problem with the manager and colleagues, spend more time with the family, find a new job, take up a hobby, go travelling, do sport, reconsider values, change the occupation. The measures are aimed at increasing the faculty's adaptability to the external conditions and developing strong adaptation skills (Posokhova, 2011).

To summarize, there are different burnout factors — personal, communicative, competence-related, organizational, economic (Filyasova, 2020). Competence-related factor is

considered to be the main one. A high level of pedagogical skills and pedagogical excellence which becomes obvious through practical application of modern didactic approaches, a combination of active and interactive methods (Bordovskaia et al., 2017), prevent burnout development. Lecturers can overcome the psychological effect of burnout by means of re-considering their personal attitude to work-life balance, a series of consultations with the line manager and colleagues, discussing the problem with their family members and friends, increasing their physical activity.

1. Bordovskaia N.V., Darinaksya L.A., Zhebrovskaia O.O. Didactic Tools' of Selection in the Use of Active and Interactive Training Methods // *Procedia — Social and Behavioral Sciences*, 2017, vol. 217, p. 26-33.
2. Demyanchuk R.V. The manifestations of emotional burnout among teachers at different stages of professional and personal formation // *Kazan Pedagogical Journal*, 2016, vol. 2, p. 166-168.
3. Filyasova Yu.A. The problem of emotional burnout and managing the emotional state of the pedagogical personnel // *Problems of Modern Economics*, 2020, vol. 1, p. 201-205.
4. Kruglova M.A., Vodopyanova N.E., Stolyarchuk E.A. et al. Perfectionism and employment as predictors of the burnout // *Stress Psychology and coping behavior*, 2019, p. 206-210.
5. Posokhova S.T. Adaptation Syndrome under Extreme Conditions in Professional Activities // *Vestnik St. Petersburg University*. 2011, Ser. 12, vol. 4, p. 7-13.

Алферова И.С.
Екатеринбург, ФГБОУ ВО "УГМУ Минздрава России"

Потапов О.А.
Екатеринбург, УФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

Акулова Д.А.
Екатеринбург, ЕМУ

Копинг-поведение медицинских работников в особых условиях деятельности

Копинг-поведение, медицинские работники, особые условия деятельности

Стремительное изменение социальной среды заставляет человека искать новые алгоритмы и формы поведения, которые позволяют быстрее адаптироваться к новой ситуации, при этом используя имеющийся жизненный опыт, когнитивные способности, творческий потенциал и инициативность. Он поставлен перед необходимостью решать более ответственные задачи, учитывать большее количество факторов, которое способствует продуктивной и успешной деятельности. Не существует единственного универсального средства, позволяющего одним определенным способом предотвратить появление последствий стрессов, поэтому профилактические средства должны подбираться в зависимости от преобладающих копинг-стратегий, личностных особенностей и специфики ситуации. Для борьбы со стрессом необходимо уметь управлять своей психической деятельностью и развивать эмоциональную стабильность. Условия нестабильного информационного положения, повышение роли и профессиональной ответственности медицинских работников в условиях пандемии выдвигают новые задачи психологического сопровождения профессиональной деятельности.

В концепциях копинга делается попытка осмыслить процесс, который начинается с переработки информации и посредством стрессовых эмоций приводит к адаптивным реакциям индивида. Соответственно, копинг означает адаптивное поведение в целях восстановления равновесия. В теории Р. Лазаруса когнитивные процессы обуславливают как качество, так и интенсивность эмоциональных реакций. Последующее поведение зависит от когнитивной оценки значимости взаимодействия с ситуацией, определяемой исходя из благополучия личности (Р. Лазарус, 1970).

Цель данного исследования — выявить особенности копинг-стратегий у медицинских работников в различных условиях профессиональной деятельности. Изучение копинг-стратегий проводилось в течение двух временных срезов: октябрь 2019 года (1 срез), май 2020 года (2 срез). Испытуемыми выступили медицинские работники (врачи) Свердловской области — 62 человека, стаж работы от 3 до 12 лет. Для выявления особенностей копинг-поведения использовался опросник «Способы совладающего поведения» (Р. Лазарус и С.Фолкман).

Доминирующими стратегиями совладающего поведения у медицинских работников при первичном срезе явились планирование решения проблемы (32%), принятие ответственности (27 %) и самоконтроль (22%). Для них характерно преодоление

проблемы за счет целенаправленного анализа ситуации и возможных вариантов поведения, выработки стратегии разрешения проблемы; признание субъектом своей роли в возникновении проблемы и ответственности за ее решение, в ряде случаев с отчетливым компонентом самокритики и самообвинения; преодоление негативных переживаний за счет целенаправленного подавления эмоций, минимизации их влияния на восприятие ситуации, стремление к самообладанию. В мае 2020 года в условиях повышенной ответственности профессиональной деятельности, всеобщего внимания к деятельности врачей был проведен повторный срез. Статистически значимые различия (Т-критерий Уилкоксона) в реагировании на стресс были обнаружены по копингам «поиск социальной поддержки» ($T=245$), «планирование решения проблемы» ($T=219$): ситуация стимулирует взаимодействие с другими людьми, ожидание поддержки, внимания, сочувствия; требует более глубокого анализа ситуации и возможных вариантов поведения.

Преобладающие копинг-стратегии могут быть эффективны в зависимости от той или иной жизненной ситуации. Ее изменение приводит к расширению сферы реагирования на стресс. В силу умения противостоять стрессовым ситуациям, человеку намного легче справиться и пережить неблагоприятные жизненные ситуации, при этом сохранять внутреннее спокойствие и позитивно думать о будущем.

Профессиональная деятельность в позднем возрасте: возможные нейропсихологические детерминанты

Старение, профессиональная активность, нейропсихология, компенсаторные механизмы

С середины прошлого века в мире заметно увеличивается доля пожилых и старых людей в населении. Эта тенденция сохраняется и сегодня; она ставит ряд серьезных проблем перед экономикой, медициной, социальной психологией и психологией служебной деятельности. Все больше и больше пожилых людей в России продолжают работать после достижения пенсионного возраста. Какие психологические особенности старения влияют на качество профессиональной активности? Существует ли связь между профессиональной деятельностью и когнитивным функционированием?

Нейропсихология нормального старения и профессиональная деятельность.

Первый факт, выявленный в нейропсихологических исследованиях нормального старения, касается сужения объема психической деятельности (Корсакова, Балашова, 1995; Корсакова, 1996). Оно выражается в сокращении возможностей симультанной обработки информации в восприятии, памяти, мышлении и т.п., в предпочтении использования сукцессивных стратегий. Подобные феномены, связанные с изменениями функционирования правой гемисферы мозга в позднем онтогенезе, позволяют сохранить на оптимальном уровне различные виды активности.

Другой факт — замедление темпа деятельности. Оно позволяет избежать ошибок и неточностей, возникающих вследствие излишней торопливости; его можно рассматривать как действие определенных компенсаторных механизмов. Подобный взгляд согласуется с положениями адаптационно-регуляторной теории старения о том, что в организме наряду с процессами старения обязательно происходят и многоуровневые процессы антистарения — т.н. витаукта (Фролькис, 1970).

Сохранение профессиональной активности на этапе позднего онтогенеза в значительной степени зависит от особенностей предшествующего жизненного пути человека. Известно, например, что у многих профессиональных музыкантов долго сохраняется тонкий музыкальный слух, музыкальная память, моторные функции. Лица высокоинтеллектуальных профессий часто и в старости в полном объеме сохраняют и совершенствуют мнестические, речевые и мыслительные навыки, творческие способности. Кроме того, для пожилых людей профессия является регулярным и весьма эффективным когнитивным тренингом. Для активного долголетия важно сохранять установки и стиль поведения, свойственные предшествующему периоду онтогенеза, т.е. среднему возрасту. Этот стиль поведения включает и профессиональную активность.

Ответ на вопрос о целесообразности продолжения трудовой деятельности зависит и от конкретной социальной ситуации развития, и от иерархии мотивов и предпочтений, и от соматического статуса, и от формирования на протяжении жизни полноценного «рабочего альянса» между человеком и профессией.

Еще два фактора, которые могут влиять на возможность продолжения профессиональной активности в позднем возрасте — образовательный уровень и социальный статус. У лиц с высшим образованием лучше состояние вербальной памяти, внимания, пространственных функций, восприятия времени. Вероятно, это связано с исходно более высоким уровнем способностей и/или с влиянием характера профессиональной деятельности на состояние когнитивной сферы. Продолжающие работать пожилые люди показывают более высокие результаты, чем их сверстники, находящиеся на пенсии.

Заключение. Все эти факты говорят о том, что продолжение профессиональной деятельности в позднем возрасте имеет позитивный смысл и для самого стареющего человека, и для его окружения.

1. Корсакова Н.К. Нейропсихология позднего возраста: обоснование концепции и прикладные аспекты // Вестник МГУ. Сер.14, Психология. 1996. № 2. С.32-37.
2. Корсакова Н.К., Балашова Е.Ю. Опосредование как компонент саморегуляции психической деятельности в позднем возрасте // Вестник МГУ. Сер.14, Психология. 1995. № 1. С.18-23.
3. Фролькис В.В. Регулирование, приспособление и старение. Л.: Наука, 1970.

Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 20-013-00075 «Человек в повседневности: психологическая феноменология и закономерности»

Особенности проактивного совладающего поведения студентов

Проактивное совладающее поведение, студенты, проактивность

Сегодня активно изучается проактивное совладание как поведение, способное заранее реализовывать траекторию «обхода» стрессовых и трудных ситуаций. Проактивное совладание студента связано с ресурсным потенциалом личности, его отношением ко времени, антиципацией, веса социальной и эмоциональной поддержки в его жизни. Сложности в построении планов на будущее у студентов связаны с разными причинами и отражают, как правило, проблемы личностного, даже субъектного плана. Проактивная личность — это тот субъект, который способен осознанно делать выбор из множества возможных вариантов и нести за это ответственность. Один из частых запросов от студента на консультации психолога — боязнь будущего, отсутствие смысла будущего, которые связаны не только с негативным прошлым опытом, но и с трудностями настоящего. Возможно поэтому частая стратегия студента — это избегание. Наше исследование может немного расширить представления о проактивном совладающем поведении студента и его связях с другими феноменами его личности для повышения эффективности в оказании психологической помощи.

Целью нашего исследования было выявить особенности проактивного совладающего поведения у студентов. Наше эмпирическое исследование проходило на базе Психологического центра ТОГУ г. Хабаровска, выборка состояла из 160 студентов разных факультетов в возрасте от 19 до 25 лет. В ходе исследования, были использованы следующие методики: опросник проактивного совладающего поведения (адаптация Старченковой Е.С.), опросник «Способы совладающего поведения» (Р. Лазарус), тест жизнестойкости (в адаптации Леонтьева), опросник «Стиль саморегуляции поведения» (В.И.Моросановой), Опросник временной перспективы (Зимбардо), методика «Проактивное поведение» (А.И.Ерзин).

В результате нашего исследования было выявлено, что студенты обладают средними показателями проактивного совладания, склонны действовать избегать стресса или положительно переоценивать стрессовую ситуацию, ориентированы на фаталистическое и гедонистическое настоящее, проявляют высокую степень гибкости в трудных ситуациях и достаточную проактивность.

На основе корреляционного анализа мы выявили значимую корреляцию между шкалами «Метамотивация» и «Конструктивная проактивность» ($r=0,8$ при $p\leq 0,01$), что говорит о высокой потребности в социальных контактах студентов. Значимые отрицательные корреляционные связи обнаружены между шкалой «Негативное прошлое» и шкалами «Вовлеченность» ($r=-0.5$ при $p\leq 0,01$), «Контроль» ($r=-0.5$ при $p\leq 0,01$), «Принятие риска» ($r=-0.6$ при $p\leq 0,01$), «Моделирование» ($r=0.5$ при $p\leq 0,01$). Мы полагаем, что это может указывать на трудности контроля и планирования своей

деятельности при неудовлетворенности прошлым опытом, невозможность погружения в активные жизненные события, идти на риск в разных ситуациях.

Наше исследование показало, что проактивное совладание студентов связано с параметрами саморегуляции, жизнестойкости и временной перспективой, с проактивностью как свойством личности. Понимание этих взаимосвязей может помочь в работе психолога высшей школы в индивидуальном консультировании студентов и при разработке тренингов по формированию проактивного совладающего поведения.

Особенности представлений о здоровой жизнедеятельности у студентов-психологов в процессе обучения в вузе

Здоровье, здоровая жизнедеятельность, ценностный, когнитивный, поведенческий компоненты здоровой жизнедеятельности студентов

В современных медицинских, педагогических, социально-психологических исследованиях активно изучаются понятия здоровый образ жизни, психологическое здоровье, здоровая жизнедеятельность, отношение к здоровью. Здоровье человека — одна из высших ценностей человеческой жизни и базовая национальная ценность. На фундаменте своего здоровья человек строит здание личного и общественного благополучия. Проблема сохранения и развития здоровья молодежи рассматривалась в работах Н.А. Агаджанян, В.А. Ананьева, Ю.П. Лисицына, Н.Т. Лебедевой, Г.С. Никифорова и др. Приобщение молодежи к культуре здоровья осложнено рисками современной социокультурной ситуации. Несмотря на активную здоровьесберегающую деятельность как общества в целом, так и образовательных организаций, продолжают сохраняться негативные тенденции в состоянии здоровья нации. Молодежь стала группой риска, подверженной манифестации многих заболеваний [3]. В своих исследованиях В.П. Озеров подчеркивал, что здоровье подрастающего поколения зависит от качественного совершенствования психолого-педагогических компонентов валеологического образования школьников и студентов, сформированности у них навыков здорового образа жизни или здоровой жизнедеятельности [2].

Валеологическое сопровождение образовательного процесса одной из главных задач определяет обеспечение возможности каждому обучающемуся наиболее полно совершенствоваться в физическом, нравственном, социальном и психологическом отношении. Выпускники вуза не только должны иметь общее представление о здоровой жизнедеятельности человека и ее значении, но и сформированное ответственное отношение к собственному здоровью, являющееся важным условием их становления и профессионального развития.

Нами проведено анкетирование студентов-психологов первого, третьего и пятого курса специалитета, позволившее изучить сформированность основных компонентов здоровой жизнедеятельности (ценностный, когнитивный, поведенческий) как основных параметров здоровья в процессе обучения. Результаты диагностики ценностного компонента здоровой жизнедеятельности и их анализ показали следующее: для студентов-психологов V курса среди жизненных ценностей наиболее значимы любовь, здоровье, развитие, причем, здоровье на 1 месте. Студенты III курса на 1 место ставят свободу, а студенты I курса — ценность познания. Изучив сформированность когнитивного компонента здоровой жизнедеятельности, можно отметить содержательность, адекватность и осмысленность в понимании «здоровья» студентами-психологами. Изучение поведенческого компонента здоровой жизнедеятельности студентов-психологов показало, что, при равномерной динамике желающих улучшить свое здоровье от I к V курсу, наиболее высокий процент студентов, веду-

щих здоровый образ жизни, отмечается на V курсе, а наименьший — на III. Для будущего психолога важно не только самому быть психически и соматически здоровым, но и, владея научными знаниями в области здоровой жизнедеятельности, профессионально реализовывать методы и приемы сохранения активного здорового профессионального долголетия.

Таким образом, проведенное нами исследование подтверждает, что ценностное отношение к здоровью и навыки здорового поведения будущего специалиста-психолога должны формироваться уже в процессе обучения в вузе [2]. Для этого необходимо обеспечить такие формы учебной и профессиональной подготовки, которые, сохраняя и совершенствуя резервные возможности организма, обеспечат дальнейшее успешное выполнение своих социальных и профессиональных функций.

1. Бондаренко Е.В. Здоровая жизнедеятельность как условие профессионального становления будущего психолога // Высшее образование сегодня: ежемесячный журнал. Рецензируемое издание ВАК России по психологии и педагогике. — Москва. № 4, 2008, с. 32-36.
2. Бондаренко Е.В., Соловьева Е.В. Воспитание ценностного отношения к здоровью у обучающихся педагогической направленности // Мир науки, культуры, образования: Международный научный журнал. Рецензируемое издание ВАК. — 2019. — № 3 (76).— С. 221-226.

К вопросу о профессиональной деформации сотрудников службы безопасности с различной личностной направленностью

Личность, качества личности, личностная направленность, профессиональная деформация

Интерес исследования составила профессиональная деформация — это изменение личности под воздействием инертности действий в профессиональной деятельности, связанной с потерей интереса, социальной ответственности, переживания состояния рутины и однообразия при выполнении профессиональных действий.

Постановка проблемы. Безусловно, знание о профессиональной деформации личности играет большую роль в ее предупреждении. Однако, на современном этапе наука накопила фрагментарные теоретических знания, чаще об отдельных элементах феномена, что вызывает трудности эмпирического изучения профессиональной деформации. Это обусловило проблему исследования особенностей профессиональной деформации сотрудников службы безопасности.

Методы и результаты исследования. На основе теоретического анализа было установлено, что профессиональная деформация личности сотрудника службы безопасности имеет следующий симптомокомплекс [1]: выраженный синдром эмоционального выгорания (стадия), преобладание амбивалентного, быстроменяющегося эмоционального фона настроения, специфические психологические защиты (проекция, замещения, отрицания и др.), отрицательное отношение к себе и действительности.

В эмпирическом исследовании были задействованы 60 человек в возрасте от 24 до 51 года. На основе теоретических положений о профессиональной деформации личности, проявляющейся в психической реальности, для сбора данных, значимых для исследования, была использованы: анкета самоанализа С.П. Андреева «Профессиональная деформация и я» [1], методика диагностики уровня эмоционального выгорания В.В. Бойко, опросник «Механизмы психологической защиты», разработанный Р. Плутчиком, методика «Личностного дифференциала», методика диагностики направленности личности Б. Басса [2]. Математическая обработка полученных данных осуществлялась средствами: критерий Фишера, критерий корреляции Пирсона.

Обсуждение и выводы. Основной целью исследования стало выяснение описание профессиональной деформации сотрудников службы безопасности. Специфика работы сотрудников службы безопасности предполагает определенные формы поведения и реагирования, деструктивные по сути.

Деформация личности сотрудника, описана в исследовании. По данным нашего исследования, можно утверждать, что профессиональную деформацию, сформиро-

ванную имеют 40% респондентов, которая проявляется в высоком уровне профессионального выгорания (стадия истощения эмоционального выгорания), в высоком уровне напряженности, в преобладании отрицательного отношения к окружающим и к себе, и со сформированным, преобладающим психологическим механизмом защит «проекция», с тенденцией формирования «рационализации» и «отрицание». Такого уровня профессиональная деформация положительно коррелирует с личностной направленностью на дело.

Респонденты с формирующейся профессиональной деформацией (50%), согласно исследования, имеют следующий симптомокомплекс: стадия напряжения, в среднем уровне личностной напряженности, в преобладании отрицательного отношения к окружающему, с механизмами защит — «проекция» и «замещение». Формирующаяся профессиональная деформация сотрудников службы безопасности положительно коррелирует с личностной направленностью на общение.

Сотрудники с направленностью на себя демонстрируют отсутствие профессионального выгорания и деформации — всего 10% от общего количества респондентов.

Полученные результаты, подтверждают гипотезу о том, что сотрудники службы безопасности с личностной направленностью на дело чаще имеют сформированный психологический симптомокомплекс, соответствующий профессиональной деформации, чем сотрудники с направленностью на себя или на общение. Распространение полученных выводов, на генеральную популяцию условно, но основные тенденции выявлены.

1. Безносов С.П. Профессиональная деформация личности. — СПб.: Речь, 2004. — 272 с, илл.
2. Лужецкая А.М. Структура личностной направленности педагогов на разных стадиях профессионализации и ее оптимизация /Автореферат диссертации. — Иркутск, 2012.

Вассерман Л.И.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Чугунов Д.Н.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Никифорова Е.А.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Социально-психологические факторы в системных механизмах личности при мотивированной профессиональной деятельности

Субъект профессиональной деятельности, уровень социальной фрустрированности, система отношений личности, копинг

Успешность профессиональной деятельности определяется многими факторами и рассматривается с системных позиций психологии личности, психологии труда, инженерной и социальной психологии. В клинической психологии анализ мотивационно-потребностных факторов предполагает изучение не только индивидуально-личностных особенностей субъектов профессиональной деятельности (СПД), но и учет уровня значимости условно патогенных социально-фрустрирующих факторов, являющихся неизбежным «фоном», особенно при высоком уровне мотивации деятельности. Следует отметить факторы межличностных отношений, определяющие социальное функционирование и потенциал развития личности (в историческом и генетическом аспектах по В.Н.Мясищеву). Под патогенетическими факторами подразумеваются механизмы расстройств психической адаптации при прорыве адаптационного барьера; в этом случае риск пограничных нервно-психических расстройств особенно велик (Л.И.Вассерман, О.Ю.Щелкова, 2003). Динамическую систему адаптации следует рассматривать не только как клинический, но и как социально-психологический феномен. В особенности, когда профессиональная деятельность осуществляется в коллективе и связана с формированием сложных, нередко противоречивых в плане социальной стрессогенности отношений, в контексте интеллектуального и эмоционального напряжения.

Реализация комплекса взаимосвязанных профессионально значимых действий и операций специфическим образом модифицирует поведенческий компонент отношений, но в тоже время, может являться риском психической дезадаптации, например, в форме профессиональной «деформации» и «выгорания», поведенческих аномалий, и т.д. Усложнение выполняемых задач и накопление профессионального опыта, развивает не только когнитивные способности СПД, но также и компоненты системы отношений в широком психологическом контексте. Например, аффективно-окрашенные переживания в связи с выполняемой деятельностью отражают соотношения субъективной и объективной оценки ее эффективности и относительной социальной «успешности» личности, а также степень удовлетворенности деятельностью в целом в сопоставлении с ценностями профессионального «мировоззрения» и личностными смыслами. В этой связи, необходимо подчеркнуть, значимость коммуникативной сферы СПД в процессе идентификации с профессионально-

значимой группой, имеющей двойственную реализацию: высокий уровень фрустрированности, который может отражать дезадаптирующий характер отношений и проявляется в когнитивно-аффективных и социально-поведенческих нарушениях. С другой стороны- способность конструктивного разрешения внутренних противоречий «защищает» СПД, особенно в условиях пролонгированной социальной фрустрированности, создает условия для личностного роста и самоактуализации в системе ценностного сознания.

Важную роль в анализе и оценке указанных особенностей играет психодиагностика. Например, экспресс-психодиагностическая методика «Уровень социальной фрустрированности(УСФ)» (Л.И.Вассерман, с соавт., 2004), позволяет анализировать степень удовлетворенности в межличностных отношениях, в сферах физического и психического здоровья; ее интегральный показатель отражает актуальный потенциал развития значимых отношений, который также целесообразно исследовать в сопоставлении с другими факторами. Например, в диаде с методикой для психологической диагностики совладающего поведения в стрессовых и проблемных для личности ситуациях (Л.И.Вассерман., Е.А.Дубинина, 2019). Показано, в частности, что преобладающее копинг-поведение в форме поиска социальной поддержки отражает не только социальную ситуацию развития личности, но и возможность перехода от оценки относительной успешности межличностных отношений к процессам внутриличностной когнитивно-аффективной динамики, определяя зоны риска дезадаптации на индивидуальном уровне и уровне группы. Также представляется целесообразным изучение механизмов психологической защиты личности в связи с задачами психогигиены и психопрофилактики.

Личностные факторы социальных работников, противодействующие профессиональному выгоранию

Профессиональное выгорание, социальные работники, личностные факторы

Несмотря на многочисленные исследования синдрома выгорания проблема противодействия ему остается малоизученной для разных профессий. В частности, недостаточно изучены особенности выгорания и противодействия ему для социальных работников.

Постановка проблемы. Социальные работники ежедневно сталкиваются со множеством трудных ситуаций в следствие специфики их деятельности. Это вынужденное общение с нездоровыми или немощными людьми, высокая эмоциональная напряженность, моральная и социальная ответственность за их жизнь, зависимость от их физического и эмоционального состояния, относительно низкий социальный статус, функциональные перегрузки и др. (Сирота, Ярославская, 2010; Скороумова, Исаев, 2013; Социальная работа, 2004, с. 118). В этой связи важным является выявление личностных факторов жизнестойкости и устойчивости к профессиональному выгоранию (ПВ) для применения этих знаний в системе психологического обеспечения профессиональной подготовки и сохранения профессионального здоровья социальных работников.

Цель исследования — выявление личностных особенностей специалистов социальной работы и их связи с жизнестойкостью и ПВ.

Выборка — социальные работники г. Санкт-Петербурга. Общее количество 100 социальных работников (все женщины). Возраст от 26 до 65 лет.

Методы исследования: «Шкала оценки стрессогенности трудных ситуаций на рабочем месте» Н.Е. Водопьянова, Е. С. Старченкова; «Тест жизнестойкости» Е.Н. Осин, Е.И. Рассказова; Опросник «РАО-2018» Н.Е. Водопьянова, В.Б Чесноков; Опросник «Когнитивной регуляции эмоций» (ОКРЕ) Е.И. Рассказова; «Профессиональное выгорание» Н.Е. Водопьянова, Е.С. Старченкова.

Результаты исследования.

Обнаружены значимые отрицательные корреляции ПВ с личностными переменными — жизнестойкость, ресурсосохраняющие копинг-стратегии, активность и оптимизм, отношение к трудным ситуациям, как «вызову», знание своих сильных сторон. С позиций ресурсного подхода данные переменные мы рассматриваем как ментальные ресурсы совладания с рабочими стрессами и ПВ (Водопьянова, 2014). В целях профилактики и преодоления ПВ, а также повышения жизнестойкости для психологов служб занятости рекомендуется включать в систему психологической подготовки и сопровождения социальных работников обучение ресурсосохраняющих

копинг-стратегий, развитие позитивного отношения к трудным ситуациям профессиональной деятельности, рефлексии собственных ресурсов и компетентностей, формирование сильной «Я-концепции».

Выводы:

1) Профессиональное выгорание социальных работников развивается по типу деперсонализации и редукции персональных достижений.

2) В большем мере, у социальных работников выражены ресурсосохраняющие копинг-стратегии «позитивная переоценка» и «рефокусирование на планирование», а также ресурсоразрушающие стратегии «Самообвинение» и «Катастрофизация».

3) Подтвердилась гипотеза о том, что социальные работники с высокими проявлениями оптимизма и активности, ресурсосохраняющими копинг-стратегиями отличаются большей жизнестойкостью и меньшей выраженностью ПВ.

1. Водопьянова Н.Е. Ресурсное обеспечение противодействия профессиональному выгоранию субъектов труда: автор. дисс. докт.психол. наук: 19.00.03. / Водопьянова Наталья Евгеньевна. — СПб. — 2014. — 48 с.
2. Социальная работа: Введение в профессиональную деятельность: учеб.пособие/отв.ред. А.А. Козлов — М.: «Логос», 2004.
3. Сирота Н.А., Ярославская М.А. Психологические особенности адаптации медицинских и социальных работников в проблемных ситуациях // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. 2010. N 2.
4. Скороумова С.Н., Исаев В.П. Специфика профессиональной деятельности специалистов помогающих профессий//Педагогическое образование в России, 2013, №4,С. 186-190.

Горчинская А.А.,
Челябинск, ЧелГУ

Капелюшник Р.Е.
Челябинск, ЧелГУ

Оперативная саморегуляция в деятельности сотрудников органов внутренних дел

Сотрудники органов внутренних дел, оперативная саморегуляция, компоненты эмоции, психоэмоциональные состояния, психологическая компетентность

Деятельность большинства сотрудников органов внутренних дел осуществляется в конфликтном поле, где в противодействие вступают интересы, мотивы и эмоциональные состояния. Проявление эмоциональной выдержки является одним из профессионально-значимых качеств лиц, обеспечивающих охрану правопорядка. Однако решение оперативно-служебных задач в условиях ненормированного рабочего дня, угрозы жизни и здоровью, повышенной социальной ответственности, возможных агрессивных нападков и оскорблений со стороны граждан, постоянных физических и психических нагрузок существенно сужают возможности саморегуляции, что обуславливает длительное нахождение сотрудников в состоянии психического напряжения. При этом чаще всего потребность в стабилизации эмоционального состояния должна быть реализована незамедлительно, так как в процессе решения оперативно-служебных задач промедление способно катализировать неблагоприятное развитие профессиональной ситуации, повлечь за собой превышение служебных полномочий и аффективные реакции со стороны сотрудников полиции, создать угрозу жизни и здоровью. В связи с этим остро встает вопрос о профессиональной необходимости оперативной саморегуляции.

Под оперативной саморегуляцией мы понимаем быстрое и своевременное управление своим психоэмоциональным состоянием посредством слов, мысленных образов и специальных приемов.

Нами был проведен опрос 1226 действующих сотрудников органов внутренних дел, в ходе которого 85% респондентов отметили, что в профессиональной деятельности часто попадают в ситуации необходимости быстрой стабилизации эмоционального состояния, при этом 79% указали, что хотели бы обучиться методам оперативной саморегуляции.

На сегодняшний день вопросу психологической компетентности сотрудников органов внутренних дел уделяется недостаточное внимание. Чаще всего лица, осуществляющие правоохранительную деятельность, не имеют базового психологического образования и получают необходимые психологические навыки только в начале службы при прохождении первоначальной (профессиональной) подготовки в Центрах профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел. В связи с этим в дальнейшем целесообразно использовать возможности занятий по морально-психологической подготовке, которые еженедельно проводятся в подразделениях органов внутренних дел. Привлечение штатных психологов к проведению

занятий позволит решить указанную проблему и обучить сотрудников методам оперативной саморегуляции в целях обеспечения регламентированных форм поведения.

Оперативная саморегуляция строится на основе содержания структурных компонентов эмоций. Так, согласно исследованиям, проведенным доктором психологических наук Ильиным Е.П., любая эмоция представляет собой комплекс взаимодействующих и взаимообусловленных компонентов [1]. Анализ содержания каждого компонента позволяет выявить его потенциал для оперативной саморегуляции. При этом слабая регулируемость одних составляющих компенсируется за счет более регулируемых, что определяет конечный положительный результат: достижение быстрой эмоциональной стабилизации при решении оперативно-служебных задач. Таким образом, оперативная саморегуляция в профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел обеспечивается, прежде всего, когнитивным и экспрессивным компонентами эмоций. Первый представляет собой сознательную оценку полезности или вредности для человека происходящего события. Второй выполняет сигнальную функцию в структуре эмоций и является внешним выражением возникающих переживаний. Это обуславливает использование для регуляции эмоционального состояния возможностей замедления темпа речи, осанки победителя, составления ценностной иерархии, актов прощения, поиска положительных сторон и т.п., что определяет характер и содержание оперативной саморегуляции в деятельности сотрудников органов внутренних дел.

1. Ильин, Е. П. Эмоции и чувства. 2-е изд. — СПб. : Питер, 2007 — 783 с. — ISBN 978-5-91180-231-8

Специфика проявления синдрома эмоционального выгорания врачей-хирургов

Эмоциональное выгорание, профессиональное выгорание, врачи-хирурги, врачи-терапевты

В научной литературе наглядно демонстрируется значительная распространённость синдрома профессионального выгорания, который наиболее характерен для специалистов в сфере «Человек–Человек», а среди врачей различных специальностей это наблюдается в 30-50% случаев [2,3,4]. Также было доказано, что у подавляющего большинства врачей наблюдается вероятность срывов [1].

В исследовании были использованы следующие методы: опросник выгорания К. Маслач — Maslach Burnout Inventory (вариант для медицинских работников в адаптации Н.Е. Водопьяновой); методика «Диагностика эмоционального выгорания личности» (В.В. Бойко); методика Копинг-поведение в стрессовых ситуациях (С.Норман, Д.Ф.Эндлер, Д.А.Джеймс, М.И.Паркер; адаптированный вариант Т.А.Крюковой); пакет IBM SPSS Statistics (U-Критерий Манна-Уитни).

В исследовании приняло участие две группы испытуемых: 1-я группа численностью 34 человека — врачи-хирурги; 2-я группа численностью 34 человека — врачи-терапевты. Возраст испытуемых варьируется от 17 до 56 лет. Группы были приблизительно уравнены между собой по полу, а также все участники исследования имеют высшее медицинское образование.

Было выявлено, что у хирургов зрелого возраста отмечается эмоциональное отстранение и безразличие, формальное выполнение профессиональных обязанностей без личностной включенности и проявлений эмпатии, тенденция к негативной оценке своей компетентности и продуктивности, снижение профессиональной мотивации. При этом у них отмечается когнитивная направленность и склонность к практическому способу преодоления стресса (изменение ситуации, а не изменение взгляда на нее).

Терапевты проявляют беспокойство, страх, связанные с рабочей деятельностью, пытаются облегчить или сократить обязанности, которые требуют эмоциональных затрат, используют стратегию избегания, связанную с отвлечением, уходом от конфликта и быстрым переключением на другую проблему.

Также было выявлено, что врачи обеих групп переживают нарушения психосоматического и психовегетативного характера: плохое настроение, бессонницу, неприятные ощущения в области сердца, расстройства желудочно-кишечного тракта и обострения хронических заболеваний. В совокупности эти симптомы являют собой обширный ряд признаков наличия эмоционального выгорания.

1. Бозыкова А.Н., Пфау Т.В. Нервно-психическая устойчивость врачей-терапевтов в Республике Хакасия // РЕМ: Psychology, Educology, Medicine. 2013. — № 1-2. — С. 75-79.
2. Бойко В. В. Синдром «эмоционального выгорания» в профессиональном общении. СПб.: Сударья, 1999. — 32с.
3. Евдокимов В. И. Оценка формирования синдрома профессионального выгорания у врачей и его профилактика // Вестник психотерапии. 2009. — № 30. — С. 106-119.
4. Козина Н. В. Экспериментально-психологическое исследование эмпатии у врачей-психотерапевтов и педиатров // Обозрение психиатрии и мед. психологии им. В. М. Бехтерева. 1998. — № 1. — С. 61-62.
5. Маслач К. Профессиональное выгорание: как люди справляются. Практикум по социальной психологии — СПб: Питер, 2001.

Психологическое сопровождение сотрудников сферы обслуживания пассажиров при профессиональном стрессе

Психологическое сопровождение, профессиональный стресс, саморегуляция

Стрессы окружают человека во всех сферах его жизни, но существует такое многомерное явление, как профессиональный стресс, и оно напрямую связано с трудовой деятельностью человека.

Профессиональный стресс определяется как многообразный феномен, выражающийся в психических и физических реакциях на напряженные ситуации в трудовой деятельности человека. Причины такого стресса в значительной мере определяются индивидуальными особенностями сотрудника, поэтому выявление неблагоприятного состояния профессионально важных качеств личности и их развитие до уровня требований профессии являются одним из направлений предупреждения стресса.

Главным средством социально-психологической поддержки является обращение к индивидуальному опыту человека совладания с жизненными трудностями, к внутреннему ресурсу человека. Для осуществления данных видов деятельности сотрудникам рекомендуется обратиться к психологам, работающим в конкретной сфере.

Одной из областей, сотрудники которой могут нуждаться в психологическом сопровождении, является область авиации. Деятельность сотрудников сферы обслуживания пассажиров наполнена всевозможными факторами стресса. В качестве их детерминант выступает значительное количество различных противоречий, затрагивающих многие сферы. В основном, как и ожидается, эти противоречия связаны на постоянном и регулярном общении с людьми (другими сотрудниками и пассажирами), а также на особенностях организационной иерархии в системе деятельности сотрудников.

Основной проблемой профилактики стресса, выступающей в данной сфере, является создание и применение нужного инструментария, который мог бы считаться эффективным при борьбе со стрессовыми факторами.

Целью психологического сопровождения в данной области является восстановление личностного, профессионального и социального статуса человека. Оно должно обязательно проводиться со специалистом на регулярной основе.

При психологическом сопровождении используются различные обучающие методы преодоления стрессовых состояний. Это могут быть такие методы, как: тренинги, ролевые игры, имитационные эксперименты, антистрессовые методики, позволяющие людям эффективно справиться со стрессовым состоянием.

Однако, главным в преодолении стрессовых состояний, можно считать процесс обучения методикам и приёмам саморегуляции, позволяющий человеку самому кон-

тролировать и справляться со стрессовой ситуацией. Отработка умений саморегуляции производится при постоянном обращении к конкретным ситуациям индивидуального опыта.

Этот процесс необходим по многим причинам:

- Стандарты общения. Одним из факторов стресса является постоянное общение с людьми, которое должно быть вежливым и тактичным, вне зависимости от ситуации.
- Большая включённость сотрудников в работу, наполненную большим количеством стрессовых факторов.
- Требовательность к этическому поведению, и другое.
- Саморегуляция может принести положительный результат по ряду причин:
- Процесс будет выполняться человеком самостоятельно, в любой подходящей для этого ситуации.
- Оперативное восстановление своего состояния.
- Более высокий контроль своих реакций.

При коррекции стрессовых состояний, также как при любой саморегуляции оптимально использовать следующий алгоритм:

- 1) Определить характер и степень выраженности текущего состояния.
- 2) Оценить характер текущей или предстоящей деятельности.
- 3) Определить оптимальное состояние.
- 4) Выбрать из своего арсенала или придумать метод саморегуляции, адекватный задаче и текущей ситуации (самому состоянию, запасу времени, обстановке).
- 5) Применить данный метод, отслеживая эффект.

С нашей точки зрения акценты в профилактике стресса в сфере обслуживания следует делать именно на методах саморегуляции.

Таким образом, все сказанное выше, позволяет сказать, что психологическое сопровождение сотрудников сферы обслуживания пассажиров является необходимым и может применяться в форме профилактики и коррекции состояний стресса.

Зайцева О.Ю.
Иркутск, ИГУ

Аршинская Е.Л.
Иркутск, ИГУ

Проблема совершенствования профессионального здоровья педагогов

Профессиональное здоровье педагогов, здоровье участников образовательного учреждения

Здоровье участников образовательного процесса является актуальной задачей, решению которой посвящены работы отечественных и зарубежных исследователей. Особого внимания заслуживает профессиональное здоровье педагогов, что обусловлено следующими положениями: во-первых, профессионально здоровая личность педагога способна создать условия для формирования и развития здоровой личности обучающегося, во-вторых, такая личность открыта для восприятия и внедрения педагогических инноваций. Многие исследователи относят педагогические профессии к категории высокого риска в плане нарушений физического, психического, социального, профессионального здоровья (Ахмерова С. Г., 2001., Глушкова Н. И., 2007, Корытова Г. С., 2007 и др.). Вышесказанное позволяет говорить об актуальности создания и реализации программ, направленных на укрепление профессионального здоровья педагогов. Анализ литературных источников позволил определить профессиональное здоровье как интегративное свойство организма, которое зависит от физического, психического и социального здоровья, от сформированности профессионально важных качеств, индивидуальных психологических особенностей. Целью исследования стала разработка, реализация и оценка эффективности программы, направленной на обеспечение профессионального здоровья педагогов дошкольных образовательных учреждений. Программа основывалась на принципах системности, в качестве элементов системы выступали уровни здоровья личности и принципе субъектности, который определял направленность на наличие активности, ориентированной на самопознание, стремление к саморазвитию. Для решения данного вопроса нами была разработана и реализована комплексная модульная психологическая программа, направленная на укрепление профессионального здоровья педагогов дошкольных образовательных учреждений. Программа реализовывалась в течение учебного года, в ней приняли участие 47 педагогов ДОУ г. Иркутска, предполагала последовательное развитие личностных и профессиональных качеств педагогов на следующих уровнях: рефлексивный — формирование и развитие способностей понимать себя, осознавать и осуществлять рефлексию своего эмоционального и физического состояния, умений понимать свои возможности и соотносить их с целями, прогнозировать трудности, обусловленные психологическими особенностями, недостатком профессиональных компетенций; эмоционально-волевой — овладение различными средствами саморегуляции, способности управлять физическими, психологическими, временными ресурсами; когнитивный — овладе-

ние знаниями о способах сохранения и укрепления здоровья, расширение и углубление профессиональных знаний; личностный — формирование мотивации целенаправленного поведения, осознанного отношения к своему здоровью, стремления к саморазвитию; социальный — умение осуществлять конструктивное социальное взаимодействие. При оценке результативности программы мы основывались на положении о том, что профессиональное здоровье — это физическое психическое и социальное благополучие человека в условиях выполняемой им деятельности (Никифоров Г. С., 2006). В соответствии с этим был подобран диагностический инструментарий: опросник для оценки проявлений дезадаптации (О.Н. Родина); методика изучения интегральной удовлетворенности трудом (Н.П. Фетискин, В.В. Козлов, Г.М. Майнулов). Оценка результативности программы показала ее эффективность в отношении следующих показателей: улучшение самочувствия в эмоциональном состоянии, повышение общей активности, снизилось ощущение усталости, произошли позитивные изменения в области социального взаимодействия (значимость изменений при $p \leq 0,01$); снижение спматовегетативных нарушений, повышение мотивации профессиональной деятельности, удовлетворенности достижениями в работе (значимость изменений при $p \leq 0,05$). У 45 % участников отмечена нормализация цикла «сон- бодрствование» (значимо при $p \leq 0,002$). Таким образом, полученные данные позволяют говорить о результативности разработанной программы.

Технология развивающей беседы со специалистами социального профиля

Профессиональные деструкции, профессиональное выгорание, социальная сфера деятельности, технология развивающей беседы, специалист социального профиля, профилактика профессиональных деструкций, оптимизация профессиональной деятельности

Профессиональные деструкции — это постепенно накопившиеся изменения сложившейся структуры деятельности и личности, негативно сказывающиеся на продуктивности труда и взаимодействии с другими участниками этого процесса, а также на развитии самой личности [1].

Специалисты помогающих профессий сосредоточиваются на оказании поддержки людям, находящимся в трудной жизненной ситуации, выявлении и решении этих ситуаций и расширении знания относительно дальнейших человеческих возможностей.

Проблема заключается в том, как организовать процесс профессиональной деятельности специалиста оптимальным образом. Решению данной задачи служит технология развивающей беседы, как одно из средств повышения эффективности деятельности и сохранения здоровья специалиста.

Технология развивающей беседы основана на идее регулярного общения руководителя и сотрудников, совместного обсуждения основных рабочих моментов, планирования работы учреждения и закономерностей управления. Специалистом по работе с персоналом разрабатывается перечень тем и вопросов, на которые предлагается ответить сотрудникам.

Как правило, беседа проводится раз в год, примерные темы: прошедший год, условия работы и удовлетворенность работой, ваша рабочая среда, профессиональное развитие и развитие профессиональной сферы, соотношение ценностей, обсуждение работы руководителя и т.п. Примерные вопросы: довольны ли вы своей работой, как вы оцениваете сотрудничество с коллегами, есть ли в вашей работе то, что вызывает у вас физический или психологический дискомфорт, каких перемен вы хотели бы в вашей профессиональной деятельности или рабочей обстановке, чувствуете ли вы уважение руководителя к вашим особенностям и индивидуальным качествам, знания в каких областях вы хотели бы приобрести в следующие годы, что должен содержать ваш план по развитию профессиональных способностей, какие вы ставите себе цели, есть ли у вас какие-либо предложения по тому, как сделать работу структурного подразделения лучше, какой совет вы могли бы дать своему руководителю и т.п..

Перечень тем и вопросов раздается за 12-15 дней до намеченного собеседования. Беседа руководителя со специалистом проходит в индивидуальной форме, время заранее согласовывается. Темой беседы становятся те аспекты работы, которые представляют наибольшую важность для конкретного специалиста. В ходе разговора выявляется профессиональный потенциал специалиста с целью мобилизации

положительной профессиональной мотивации. Мероприятие проводится в форме обмена мнениями, участники занимают позицию равноправных партнеров. В конце собеседования руководитель и специалист формулируют основные выводы, которые станут ориентиром для будущих изменений каждого.

По окончании собеседования с каждым подчиненным руководитель проводит анализ ответов. Обобщенные данные обсуждаются на внутреннем совещании руководителей структурных подразделений и руководителя учреждения.

Таким образом, на основании собеседований со специалистами, руководители проводят анализ кадровых ресурсов, делают заключение о работе отделов, и определяют логику стратегического планирования деятельности учреждения. Такая деятельность позволяет минимизировать риски возникновения профессиональных деструкций (выгорания и личностной деформации) у специалистов помогающих профессий.

1. Зеер Э.Ф. Психология профессионального образования: учебник для студ. учреждений высш. проф. образования / Э.Ф.Зеер. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Издательский центр «Академия», 2013. — 416 с.

Профессиональное психологическое благополучие специалистов МЧС России

Профессиональное психологическое благополучие, МЧС России

В последние годы достаточно интенсивно развиваются психологические исследования, предметом которых является оценка качества жизни человека в отдельных ее сферах (социальной, семейной, личной и т.д.). Отдельного внимания заслуживает оценка качества профессиональной сферы жизнедеятельности, поскольку именно профессиональная деятельность создает платформу для прогрессивного развития человека, его самоактуализации и самосовершенствования. Одним из критериев качества профессиональной жизни Р.А. Березовская, Д.М. Зиновьева, М.Д. Петраш и др. называют психологическое благополучие трудящихся. При этом доказано, что благополучие, переживаемое трудящимися различных профессиональных сегментов, имеет специфический характер (Карапетян, Глотова, 2018). Исследования зарубежных ученых содержат доказательства зависимости силы влияния от специфики профессиональной деятельности, например, подчеркивается, что психологическое благополучие особо важно в профессиональной деятельности полицейских (Pakhol, 2019). Мы считаем, что оно так же важно и для специалистов МЧС России, от эффективности деятельности которых зависит не только их собственная жизнь, но и жизнь многих людей.

Профессиональное психологическое благополучие оценивается по показателям стандартизованных психодиагностических методик, позволяющих вскрыть индивидуальные, личностные проблемы, негативно влияющие на качество трудовой жизни, здоровье и профессиональную надежность специалиста. В качестве индикаторов профессионального психологического благополучия у специалистов МЧС России нами рассматривается отсутствие признаков: агрессивности (опросник агрессивности А. Басса и А. Дарки в адаптации А.К. Осницкого), эмоционального выгорания (методика Диагностика эмоционального выгорания» В.В. Бойко), симптомов посттравматического стрессового расстройства (опросник для диагностики симптомов ПТСР И.О. Котенева в адаптации Т.Н. Гуренковой, О.Ю. Голубевой), невротических состояний (Клинический опросник для выявления и оценки невротических состояний К.К. Яхин, Д.М. Менделевич) (Приложение к методическим рекомендациям по проведению мониторингового психодиагностического обследования в системе МЧС России, 2016), суицидальных намерений (опросник суицидального риска в модификации Т.Н. Разуваевой) (Методические рекомендации по диагностике суицидального поведения, 2009). Выраженность этих показателей диагностируется в ходе мониторингового психодиагностического исследования, проводимого 1 раз в 2 года (Методические рекомендации по проведению мониторингового психодиагностического обследования в системе МЧС России, 2016).

Для анализа нами были взяты результаты мониторингового психодиагностического исследования, проведенного в 2014, 2016, 2018 годах. Выборку исследования

составили специалисты подразделений МЧС России в количестве 146 человек. Анализ полученных данных (критерий Вилкоксона) показал, что в целом за период с 2014 по 2018 год негативных изменений в исследуемых параметрах не произошло. Агрессивность респондентов характеризуется умеренной выраженностью, проявления невротических состояний, симптомов ПТСР и признаков склонности к суицидальному поведению не выявлено. Это свидетельствует о психологическом благополучии личного состава, вошедшего в выборку, о его психологической готовности выполнять профессиональные задачи. Кроме этого, результаты исследования являются показателем эффективности мероприятий по психологической профилактике и психологической коррекции, проводимых с личным составом МЧС России на постоянной основе.

Эмоциональное выгорание врачей-неонатологов как психологическая проблема

Эмоциональное выгорание, профессиональная деформация, стресс, психология профессиональной деятельности, психологическое консультирование

Проблематика эмоционального выгорания и профессиональной деформации является уже традиционной для научной повестки психологических исследований последних десятилетий. Накоплено достаточное количество экспериментальных данных, разработаны теоретические основания этого явления. При этом, проблема не теряет актуальности, а запрос со стороны практики на научные исследования в этой области только возрастает. Всемирная организация здравоохранения отмечает рост числа данных расстройств в мире, что подтверждается недавним включением синдрома эмоционального выгорания (СЭВ) в МКБ-11.

В основе СЭВ лежит стресс-реакция в ответ на повышенные производственные и эмоциональные нагрузки. В исследованиях В.В. Бойко эмоциональное выгорание определяется как «выработанный личностью механизм психологической защиты в форме полного или частичного исключения эмоций в ответ на избранные психотравмирующие воздействия» [1]. Эмоциональное выгорание обычно приводит к устойчивому изменению профессиональной деятельности со снижением ее эффективности.

Проблема эмоционального выгорания является наиболее актуальной для представителей социономических профессий, где предметом труда является взаимодействие людей [2]. К их числу относятся и так называемые «помогающие» профессии, предполагающие значительные психоэмоциональные перегрузки и требующие от работников высокого самообладания и саморегуляции. Медицинские работники представляют одну из самых сложных с точки зрения моральной и эмоциональной насыщенности помогающих профессий, которая, согласно имеющимся исследованиям, часто способствует формированию эмоционального выгорания [3, 4].

При достаточном количестве исследований СЭВ у медицинских работников, большинство из них не направлено на изучение профильной специфики медработников. Так, обращает на себя внимание фактическое отсутствие доступных публикаций, связанных с СЭВ у врачей-неонатологов. При этом, профессия врача-неонатолога в высокой мере деонтологически нагружена, даже в сравнении с другими областями медицины — ввиду сочетания специфических психоэмоциональных и внешних условий работы с предельным значением морально-нравственной ответственности, стоящей перед личностью специалиста — именно так можно охарактеризовать условия работы с роженицами (женщинами в родах), родильницами (родившими женщинами) и, особенно, новорожденными детьми. Специфичность условий работы неонатологов заключается в необходимости контроля своих эмоциональных реакций

в общении с женщинами, новорожденными, а также их родственниками. Существенным стрессогенным фактором является повышенная личная ответственность за свои действия и поступки при принятии решений. Немаловажным фактором является необходимость работать в условиях интенсивных потоков информации, сочетающейся с отсутствием возможности планировать режим труда и отдыха (дежурства; частые экстренные ситуации связанные с изменением состояния пациентов).

Таким образом, изучение эмоционального выгорания у врачей-неонатологов выступает проблемой психологического исследования, актуальность которой определяется вероятной спецификой эмоционального выгорания у врачей-неонатологов, связанного у них с работой в условиях особенно высокой моральной ответственности, необходимостью разработки мероприятий по психологической профилактике и помощи врачам-неонатологам. Новизна представленных материалов состоит в изучении синдрома эмоционального выгорания у врачей-неонатологов.

1. Бойко, В. В. Синдром ""эмоционального выгорания"" в профессиональном общении / В. В. Бойко. — СПб. : [Сударья], 1999. — 28, [1] с.; 19 см.; ISBN 5-87499-048-8. — Текст : непосредственный.
2. Климов, Е. А. Психология профессионала / Е. А. Климов. — М.: Издательство «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996. — 400 с.; ISBN 5-87224-108-9. — Текст : непосредственный.
3. Палченкова, М. В. Синдром эмоционального сгорания врачей / М. В. Палченков, А. В. Коньков, Л. А. Конькова — Текст : непосредственный // Медицинский вестник МВД. Психология. — 2016. — №6 (85). — С. 65-69.
4. Чичерина, А. В. Эмоциональное выгорание медицинских работников / А. В. Чичерина — Текст : непосредственный // Научный альманах. Психологические науки. — 2016. — № 9-2(23). — С. 341-345.

Москва, ОСП ГБОУ "Школа №109" в ФГБУ НМИЦ ДГОИ им. Дмитрия Рогачева Минздрава России

Катцова А.П.

Москва, ОСП ГБОУ "Школа №109" в ФГБУ НМИЦ ДГОИ им. Дмитрия Рогачева Минздрава России

Зорина Е.С.

Преодоление профессионального выгорания у педагогов госпитальных школ

Профессиональное выгорание, госпитальная школа, ресурсы противодействия профессиональному выгоранию

В госпитальной педагогике отмечается новый этап развития и появляется необходимость специальной подготовки и профессионального сопровождения педагогов, чья деятельность осуществляется в больницах. [1,2]

Поэтому было проведено крупное исследование особенностей профессионального выгорания (далее ПВ) и личностных ресурсов для его преодоления у педагогов, работающих с длительно тяжелобольными детьми.

В исследовании использовались общенаучные теоретические методы и также эмпирические методы: опросник «Эмоциональное выгорание» В.В. Бойко, опросник МВ1 в адаптации Н.Е. Водопьяновой, Е.С. Старченковой, расчет коэффициента профессионального выгорания В.И. Евдокимова, Фрайбургский многофакторный личностный опросник (FPI), многоуровневый личностный опросник «Адаптивность» (А.Г. Маклаков и С.В. Чермянин), тест «Смысложизненные ориентации» Д.А. Леонтьева, методика «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций (SACS), тест «Преодоление трудных жизненных ситуаций» В. Янке и Г. Эрдманн в адаптации Н.Е. Водопьяновой.

В исследовании приняли участие 253 педагога госпитальных школ: 196 женщин и 57 мужчин.

Возраст от 20 и более 60 лет, стаж общепедагогической работы: от 1 года до 48 лет, и стаж работы с тяжелобольными детьми: от 1 года до 26 лет.

Исследование выявило прямую зависимость ПВ от таких личностных особенностей педагогов как спонтанная и реактивная агрессивность, депрессивность, застенчивость, открытость, раздражительность, эмоциональная лабильность. И обратную зависимость с такими чертами как общительность, экстравертированность, маскулинность, уравновешенность.

Педагоги с низким уровнем выгорания показали достаточно быстрое приспособление к меняющейся обстановке, тенденцию к высокому уровню нервно-психической устойчивости, адекватной самооценке и хорошей связи с реальностью, они не склонны к конфликтному поведению, умеют быстро устанавливать качественные межличностные отношения, адекватно оценивают свое место и роль в коллективе.

Исследование стрессоустойчивости педагогов с помощью теста «Преодоление трудных жизненных ситуаций» выявило обратную зависимость выгорания от позитивных стратегий: снижение значимости стресса, самоутверждение, психомышечная

релаксация, прямую от негативных стратегий: социальной замкнутости, агрессии, самообвинения и т.д.

В стрессовых ситуациях педагоги с низким уровнем ПВ в большей степени используют активные стратегии, ориентированные на использование личных ресурсов, и склонны предпринимать индивидуальные усилия в преодолении стрессовых ситуаций.

Педагоги, как с высоким уровнем выгорания, так и с низким, характеризуются высокими показателями по всем параметрам смысложизненных ориентаций. При этом сравнительный анализ показал статистические различия только по шкале «локус контроля-жизнь».

У педагогов с высоким уровнем выгорания характерно смещение смысла жизни с собственных достижений и текущей самооценки в будущее в сочетании с падающей оценкой собственных результатов и низким показателем ЛК-жизнь.

Таким образом, в результате исследования были выявлены специфические личностные ресурсы противодействия выгоранию у педагогов, работающих с длительно тяжелобольными детьми:

Общительность, уравновешенность, экстравертированность, маскулинность, адаптивные способности, нервно-психическая устойчивость, коммуникативные способности, локус-контроля жизни, ассертивные действия, снижение значимости стресса, самоутверждение, психомышечная релаксация, адекватное оценивание своего места в коллективе и соблюдение общепринятых норм поведения.

1. Гайдамашко И.В., Катцова А.П. Комплексный подход к профилактике профессионального выгорания у педагогов, работающих с тяжелобольными детьми // Человеческий капитал. 2019. №7 (127). С. 161-167.
2. Катцова А.П. Особенности синдрома эмоционального выгорания у педагогов, работающих в школах при больницах / Человеческий капитал. 2017. № 9 (105). С. 98-102.

Кизиярова А.А.
Калуга, КГУ

Белинская Т.В.
Калуга, КГУ

Нервно-психическая устойчивость в системе подготовки студентов военных учебных центров гражданских университетов

Нервно-психическая устойчивость, стрессоустойчивость, коррекционно-развивающая работа, психологическое сопровождение, военное образование, профессионально-важные качества

В настоящее время для удовлетворения запроса вооруженных сил в квалифицированных кадрах создаются и развиваются военные учебные центры, которые являются альтернативой обучения в военном ВУЗе [1]. При прохождении такого обучения студенты получают одновременно две профессии.

В связи с этим очень остро встает вопрос о сохранении на должном уровне профессионально-важных качеств таких будущих военнослужащих [2]. Наиболее важным является сохранение стрессоустойчивости. Изучив данную проблематику, нами было проведено эмпирическое исследование.

Цель нашего исследования: разработать и апробировать программу развития нервно-психической устойчивости студентов военного учебного центра высшего учебного заведения и изучить ее эффективность.

Объект исследования: Нервно-психическая устойчивость в структуре профессионально важных качеств военнослужащих.

Предмет исследования: развитие нервно-психической устойчивости студентов военного учебного центра высшего учебного заведения.

Гипотеза исследования: Коррекционно-развивающая работа со студентами ВУЦ университета способствует формированию у них более высокого уровня нервно-психической устойчивости.

Для проверки гипотезы исследования был использован метод формирующего эксперимента. Для его осуществления была разработана коррекционно-развивающая программа, рассчитанная на 18 месяцев. Программа включала в себя занятия направленные на адаптацию студентов к коллективу, аутогенную тренировку, дыхательные и медитативные техники.

Исследование проводилось на базе Военного учебного центра калужского филиала МГТУ им. Н.Э. Баумана в течение двух лет (2018г. и 2019 г.) В исследовании приняли участие 60 студентов двух наборов обучения (38 студентов, поступивших на первый курс в 2018 году и 22 студента, поступивших на первый курс в 2019 году). Для проведения формирующего эксперимента каждый набор испытуемых был разделен на группы с хорошими или высокими показателями НПУ и группы с неудовлетворительным или удовлетворительным уровнем НПУ.

Чтобы определить уровень нервно-психической устойчивости была использована методика Прогноз-2 (В.Ю. Рыбников) [3]. Для изучения эффективности коррекционно-развивающего воздействия был использован критерий изучения различий Т-критерий Вилкоксона.

Проведя эмпирическое исследование, мы получили следующие результаты:

- В группе испытуемых с хорошим и высоким уровнем НПУ первой серии исследования (набор 2018 года) 4,5% испытуемых перешли на более высокий уровень НПУ.
- В такой же группе второй серии исследования (набор 2019 года) 23% испытуемых смогли перейти на более высокий уровень НПУ
- В группе испытуемых с удовлетворительным и не удовлетворительным уровнем НПУ первой серии исследования 14,3 % испытуемых перешли на более высокий уровень НПУ.
- В такой же группе второй серии исследования 40% испытуемых смогли перейти на более высокий уровень НПУ

Для второй серии исследования результаты были подсчитаны только для первого этапа коррекционно-развивающей программы, так как в связи с эпидемиологической ситуацией в стране, нам не удалось закончить проведение полного цикла коррекционно-развивающего воздействия.

С помощью статистического критерия были выделены статистически значимые различия в объединенной группе испытуемых с удовлетворительным и неудовлетворительным уровнем НПУ $T = -2,22$ ($p = 0,026$).

1. Костин К.В., Палачев Н.И. Военные учебные центры в системе подготовки военных кадров // ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ВОЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ — 2019. — С. 99 — 103.
2. Маркелова Т.В. Психолого-педагогические условия военной подготовки офицеров запаса на военных кафедрах и факультетах военного обучения гражданских вузов // Сибирский педагогический журнал — 2008. — №. 2. — С. 388 — 393.
3. Рыбников В.Ю. Экспресс-методика «Прогноз-2» для оценки нервно-психической неустойчивости кандидатов на учебу в ВУЗ // Профессиональный психологический отбор в военно-учебном заведении: материалы всероссийского учеб.-метод. сбора. — М.: Минобороны СССР — 1990. — С. 132 — 135.

Динамика процессуально-результативного компонентов эмпатии как фактор профессионального здоровья будущих педагогов инклюзивного образования

Дистресс, забота, инклюзивное образование, педагог, процессуальный компонент, профессия, результативный компонент, студент, фантазирование, эмпатия

Значимым фактором профессионального здоровья будущего педагога инклюзивного образования выступает соответствие объективных и субъективных условий личностным особенностям, так работа в этой сфере предъявляет повышенные требования к специалисту [4]. В этой связи отмечена необходимость развития эмпатии, формирования произвольности ее проявления, регуляции выражения эмпатических переживаний, а не только их углубления [1-3]. Высокий уровень стресса этой сфере обусловлен специфическими условиями профессии, среди которых: психическая напряженность, наличие «профессионального риска», нестабильность, процессуальность — не всегда можно добиться положительных видимых результатов; дисбаланс между прилагаемыми усилиями и изменениями психофизиологического статуса детей с разными образовательными потребностями.

Для изучения динамики процессуальных и результативных характеристик эмпатии студентов Института инклюзивного образования БГПУ им. М.Танка проводилось тестирование (2017-2019 гг.), опросник «Межличностный индекс реактивности» (М.Дэвис). Выборка — студенты 18-22 лет с 1 по 3 курс (n=80).

Результаты диагностики показателей индекса межличностной реактивности у первокурсников показали средний уровень выраженности процессуальных компонентов эмпатии. «Способность поставить себя на место другого» ($10,76 \pm 0,32$) отражает тенденцию уважать другого, принять его точку зрения, эмоциональное состояние. «Фантазирование» ($14,35 \pm 0,40$) показывает понимание чувств и действий героев художественных произведений и произведений искусства (книг, кинофильмов, произведений живописи и реальных историй) с помощью своего воображения. Динамика процессуального компонента в ходе обучения отмечена только по шкале «Фантазирование» (2 к — $13,33 \pm 0,47$; 3 к — $14,69 \pm 0,43$, $t=2,17$, $df=79$, $p=.001$). Студенты к 3 курсу показали большие возможности понимать идею произведения, переживать состояние героев, представив себя на их месте, что связано с развитием их эмоциональной и интеллектуальной сферы.

Среди результативных компонентов эмпатии отмечена положительная динамика в отношении шкалы «Эмпатическая забота» (1 к. — $6,80 \pm 0,41$), которая характеризует способность сочувствие и беспокойство о других. Ко 2-му курсу наблюдается снижение готовности прийти на помощь другому, приходит осознание, что готовность оказывать поддержку другим игнорирует свои потребности и интересы. К 3-му курсу проявление эмпатической заботы повышается, доступ к чувствам

других людей становится гибким (2 к. — $5,53 \pm 0,48$, 3 к. — $7,83 \pm 0,44$, $t = 3,61$, $df = 79$, $p .05$). Наиболее выражена динамика шкалы «Личностный дистресс» (1 к. — $12,48 \pm 0,30$; 2 к. — $11,64 \pm 0,38$; $t=2,00$, $df = 80$, $p.05$; 3 к. — $13,09 \pm 0,34$, $t=3,04$, $df=80$, $p.001$). В этой связи актуальна разработка специальных коррекционно-развивающих программ. Полученные данные согласуются с результатами динамики эмпатии у обучающихся по специальностям «Социальная работа», «Социальная педагогика» [2].

Таким образом, необходимо включать в образовательный процесс задания и упражнения, направленные на осознание студентами своего психологического пространства. Развитие указанных структурных компонентов эмпатии как необходимых профессиональных компетенций в сфере инклюзивного образования приведёт к способности регулировать личностный дистресс и снизит риск угрозы эмоционального выгорания.

1. Долгова, В.И. Эмпатия: монография / В.И. Долгова, Е.В. Мельник. — М.: Перо, 2014. — 185 с.
2. Карягина, Т.Д. Эмпатия как способность: структура и развитие в ходе обучения психологическому консультированию / Т.Д.Карягина, А.В. Иванова // Консультативная психология и психотерапия. — 2013. — №4. — С.182–207.
3. Олифиревич, Н.И. Динамические характеристики эмпатии будущих и работающих педагогов / Н.И.Олифиревич // Научные труды РИВШ. Исторические и психолого-педагогические науки: сб. науч. ст. Вып. 17. Ч.3. Минск: РИВШ, 2015. — С. 181–188.
4. Хитрюк В.В. Инклюзивная готовность педагогов: генезис, феноменология, концепция формирования: монография / В.В.Хитрюк. — Барановичи: БарГУ, 2015.

Личностные детерминанты склонности к переживанию экстремальных состояний у сотрудников правоохранительных органов

Склонность к риску, обусловленная беспомощность, склонности к переживанию экстремальных состояний

Проявление склонности к риску у сотрудников правоохранительных органов, с одной стороны, может основываться на стремлении переживать и получать удовольствие от переживания опасности, с другой стороны, на осознанном стремлении к расширению границ своих профессиональных возможностей и переживаниям победы над опасностью. В связи с этим, вопрос определения личностных детерминант проявления склонности к переживанию экстремальных ситуаций у сотрудников правоохранительных органов является особенно актуальным.

Приступая к исследованию, мы полагали подвергнуть проверке гипотезу о существовании факторов, детерминирующие склонность к переживанию экстремальных состояний.

Для сбора данных использовались: Методика определения доминирующего состояния; Тест жизнестойкости С. Мадди; Индивидуально типологический опросник Л.Н. Собчик; разработанная нами анкета, посвященная вопросам самооценки эмоциональности и склонности к переживанию экстремальных ощущений. Исследование проводилось среди сотрудников органов внутренних дел МВД России. Объем выборки — 71 человек.

Согласно ответам на вопросы анкеты выборку разделили на две группы: «Эмоциональный тип» и «Рациональный тип». Стоит отметить, данные названия носят чисто формальный характер. При проведении сравнительного анализа с использованием F-критерия Фишера различия между выборками являются статистически не значимыми.

Вопросы анкеты коррелируют со шкалами «Сензитивность» ($r=0,275$; $p \leq 0,05$), и «Внутренний конфликт» ($r=0,314$; $p \leq 0,01$), при проведении корреляционного анализа мы сделали упор на данные шкалы.

Шкала «Сензитивность» имеет положительные корреляционные связи со шкалами «Конформизм» ($r=0,849$; $p \leq 0,01$); «Внутренний конфликт» ($r=0,624$; $p \leq 0,01$), «Тревожность» ($r=0,586$; $p \leq 0,01$), «Компромисность» ($r=0,527$; $p \leq 0,01$), «Спонтанность» ($r=0,501$; $p \leq 0,01$); «Стеничность» ($r=0,353$; $p \leq 0,01$); «Деадаптация» ($r=0,345$; $p \leq 0,01$), «Депрессия» ($r=0,340$; $p \leq 0,01$); «Лабильность» ($r=0,243$; $p \leq 0,05$).

Шкала «Внутренний конфликт» имеет положительные корреляционные связи со шкалами «Лабильность» ($r=0,523$; $p \leq 0,01$); «Ригидность» ($r=0,464$; $p \leq 0,01$), «Тревожность» ($r=0,443$; $p \leq 0,01$), «Конформизм» ($r=0,347$; $p \leq 0,01$); «Деадаптация» ($r=0,295$; $p \leq 0,05$), Интроверсия» ($r=0,235$; $p \leq 0,05$), «Агрессия» ($r=0,251$; $p \leq 0,05$), «Депрессия» ($r=0,288$; $p \leq 0,05$).

Полученные данные позволяют сделать ряд выводов: сензитивность (эмоциональность) не является показателем склонности к экстремальным переживаниям;

склонность к переживанию экстремальных состояний характерна для лиц с повышенной тревожностью, неустойчивостью настроения, эмоциональной гипервозбудимостью, склонных к конформизму, при этом, обладающих высокой работоспособностью, устойчивостью к различным помехам, способностью к длительным непрерывным нагрузкам. Столкновение столь различных характеристик, подтверждает наличие когнитивного диссонанса, характеризующегося угнетённым состоянием индивида, вызванным столкновением противоположных убеждений, мыслей, желаний. Данную картину можно соотнести с состоянием обусловленной (вынужденной) беспомощности [1]. Можно предположить, что переживание экстремальных ощущений и вырабатываемый при этом адреналин снижают пики внутреннего напряжения — выброс адреналина на время «поднимает тонус». Но вскоре эффект проходит, тревога снова накапливается, и возникает необходимость в новых острых ощущениях.

1. Мартин Селигман, Как научиться оптимизму. Измените взгляд на мир и свою жизнь / Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «АЛЬПИНА ПАБЛИШЕР», 2013.

Ответственность специалиста железнодорожного транспорта как фактор профессионального выгорания

Профессиональная деятельность, профессиональное выгорание, ответственность как качество личности

Ответственность как качество личности, заключающееся в способности взять на себя груз принятия решения, контролировать исполненное, отвечать за порученное.

Опрос специалистов железнодорожного транспорта показал, что ответственность является их ведущим качеством личности. Респонденты называли ответственность положительным качеством личности. Однако анализ производственных ситуаций показал, что зачастую ответственность приводит к работе в повышенном уровне трудности к ненормированному рабочему дню и, как следствие, к профессиональному выгоранию.

Синдром профессионального выгорания на сегодняшний день изучен достаточно глубоко, однако исследований взаимосвязи между ответственностью личности и профессионального выгорания недостаточно.

С целью восполнения пробела в изучении взаимосвязи между ответственностью личности и профессиональным выгоранием было проведено исследование.

Объектом исследования выступила ответственность, как качество личности; предметом — ответственность специалистов как фактор профессионального выгорания.

В качестве гипотезы было сформулировано предположение о том, что внутренние регуляторы деятельности способствуют формированию профессионального выгорания.

Анализ литературы показал, что единого понимания «ответственности» как качества личности в современной психологии нет. Остановимся на определении Ф. Перлза, который писал, что ответственность — это способность отвечать на ожидания других людей, соответствовать их желаниям и фантазиям, отвечать за их действия. В этом определении четко указывается на то, что ответственность — это внутренняя направленность на соответствие ожиданиям другого.

Проблема профессионального выгорания в настоящее время крайне актуальна и разрабатывается многими исследователями. Для уточнения нашего понимания термина «профессиональное выгорание» обратимся к традиционному в современной науке пониманию выгорания, предложенному С. Маслач и С. Джексон. Авторы считали, что профессиональное выгорание — это состояние физического, эмоционального и умственного истощения, проявляющегося в профессиях социальной сферы. Указанная трактовка значима и для респондентов нашего исследования, так как специалисты ОАО РЖД выполняют социально значимую деятельность, тесно контактируя с коллегами и с клиентами.

В целях изучения взаимосвязи между ответственностью, как качеством личности, и профессиональным выгоранием были проведено эмпирическое исследование.

Для респондентов со сформированным профессиональным выгоранием характерен интернальный локус контроля, они готовы выполнять любое поручение, однако не любят проявлять инициативу; осознают значимость своих поступков, но порой могут избегать избыточной ответственности и принятия сложных решений, стремятся доказать свою надежность; при участии в коллективных делах может отсутствовать продуктивность или добросовестность. Ответственность проявляется у них в направленности на результат, во внутреннем контроле действий, в обвинении себя в ошибках коллектива, в возможности самореализации.

Для респондентов с низким уровнем профессионального выгорания характерен экстернальный локус контроля, они уверены: их успехи и неудачи зависят от внешних обстоятельств; они избегают брать на себя ответственность; имеют низкие результаты при выполнении ответственных дел. Безответственность, проявляется у них в низком уровне субъективного контроля как при положительном, так и при отрицательном результате; в склонности к переносу выполнения ответственных заданий на последний момент; в четком разделении личной и профессиональной жизни, в понимании, что не все в жизни зависит от самого человека.

Корреляционный анализ позволил установить, что способствует формированию профессионального выгорания такие характеристики ответственности, как: занижение своих профессиональных достижений и успехов, негативная самооценка в профессиональной деятельности, максимальный личный контроль всех действий, стремление брать на себя ответственность за свою жизнь; гиперответственность.

Особенности копинг-стратегий у студентов военного и гражданского вузов

Совладающее поведение, копинг-стратегии, военный вуз, гражданский вуз

Использование эффективных копинг-стратегий является необходимым условием успешной профессиональной деятельности индивида, особенно это касается профессиональной реализации психолога в служебной деятельности. Развитие стратегий совладающего поведения является важнейшей задачей становления личности, особенно в студенческом возрасте. Период адаптации студентов к новым условиям жизнедеятельности в период обучения в вузе охватывает все сферы личности: эмоциональный, поведенческий и когнитивный уровни. Успешную или неуспешную адаптацию определяют конструктивные и неконструктивные копинг-стратегии (Муздыбаев, 1998). Обучение же в военных университетах накладывает еще больший отпечаток на личность студентов, в том числе на проявление их самоконтроля, на характер отношений с окружающими, а также и на способы разрешения противоречий и конфликтов.

Целью нашего исследования выступила проверка гипотезы о том, что существуют различия копинг-стратегий у студентов гражданского и военного вузов, а именно, для студентов гражданского вуза более характерны такие копинг-стратегии как «поиск социальной поддержки» и «избегание», в то время как для студентов военного вуза — «разрешение проблем».

В качестве базы эмпирического исследования выступили Воронежский государственный университет и Институт ГПС МЧС России. Исследованием было охвачено 120 человек, из них 60 студентов ВГУ и 60 студентов Института МЧС.

В работе использовалась методика «Индикатор копинг-стратегий» Д. Амирихана.

Обратимся к полученным результатам. У студентов ВГУ по шкале «разрешение проблем» высокий уровень выявлен у 12% испытуемых, средний — у 63% и низкий уровень — у 25%. У студентов института ГПС МЧС по этой же шкале высокий уровень выявлен у 58%, средний — у 20% и низкий уровень — у 22%.

По параметру «поиск социальной поддержки» были получены следующие данные: у студентов ВГУ высокий уровень представлен у 40%, средний — у 35% и низкий уровень представлен у 25%. Очень низкие показатели не были обнаружены. Студенты института ГПС МЧС проявили себя следующим образом: высокий уровень представлен у 22%, средний — у 18% и низкий уровень представлен у 23%; очень низкие показатели были обнаружены у 37% студентов.

При анализе шкалы «избегание» у студентов ВГУ средний уровень представлен у 38%, низкий уровень — у 53%, а очень низкий уровень выявлен у 9%. У студентов Института МЧС средний уровень представлен у 53%, низкий уровень — у 35%, а очень низкий уровень выявлен у 12%.

Использование критерия Манна-Уитни показало наличие значимых различий по шкалам «разрешение проблем», «поиск социальной поддержки». Соответственно,

студенты Института МЧС в большей степени склонны к самостоятельному разрешению проблем и трудностей, чем студенты ВГУ. Также студенты военного вуза направлены на окончательное разрешение проблем, а не на избегание их или уклонение от них. Напротив, студентам ВГУ при столкновении с трудностями более свойственно обращаться за помощью к другим людям. Студенты института МЧС, напротив, прибегают к помощи посторонних людей крайне редко. Возможно, полученные различия связаны с тем, что в процессе обучения в военном ВУЗе перед студентами ставятся те или иные задачи, выполнение которых является обязательным, а методы и способы достижения задачи не обозначаются. Это стимулирует студентов к развитию самостоятельности, пониманию того, что при решении проблем необходимо опираться, в первую очередь, на самого себя.

На основании полученных результатов видится полезным рекомендовать психологам гражданских вузов уделять больше внимания развитию у студентов самостоятельности, уверенности в себе, а психологам военных вузов — развивать у курсантов навыки социального взаимодействия, в том числе и связанные с возможностью обращения за поддержкой и помощью к другим людям.

1. Муздыбаев К. Стратегии совладания с жизненными трудностями. Теоретический анализ / К. Муздыбаев // Журнал социологии и социальной антропологии. — 1998. — Т. 1. — № 2. — С. 43–48.

Эмпирическое изучение эмоционального интеллекта как фактора профилактики эмоционального выгорания

Эмоциональный интеллект, коммуникативный эмоциональный интеллект, эмоциональное выгорание

В работе представлены результаты эмпирического исследования эмоционального интеллекта как фактора профилактики эмоционального выгорания. Исследовано влияние уровня коммуникативного эмоционального интеллекта на такие аспекты как редукцию личных достижений, психическое истощение и деперсонализация, которые определяют способность специалиста экстремального профиля к профессиональной деятельности.

В настоящее время мало эмпирических исследований, посвящённых изучению эмоциональной компетенции специалистов экстремального профиля, учитывая, что эмоциональный интеллект напрямую влияет на способность контролировать свои эмоции и является необходимым для достижения наилучшего результата в профессиональной деятельности.

Исходя из этого, в контексте нашего исследования, в котором приняли участие сотрудники экстремального профиля в возрасте от 24 до 35 лет, был сделан акцент на такое профессионально важное качество личности специалиста экстремального профиля, как эмоциональный интеллект.

Для проведения исследования были выбраны «Уровень эмоционального интеллекта» Беляев С.А., Янович А.И., Мазуров М. И.; опросник «Эмоциональное выгорание» (МВІ) К. Маслач и С. Джексон, адаптация Водопьянова Н.Е.; «Опросник структуры темперамента» В.М. Русалов (ОСТ); корреляционный анализ.

Результаты проведенного исследования были подвергнуты корреляционному анализу (для N=50: на уровне 0,05 значимая корреляция 0,27, а на уровне 0,01– 0,35), по итогам которого выявлена прямая связь между уровнем коммуникативного интеллекта и показателями шкалы «редукция личных достижений» (-0,25121 $p > 0,01$).

Корреляционный анализ определил обратные связи между уровнем коммуникативного эмоционального интеллекта и показателями по шкалам психическое истощение (-0,35451 $p > 0,05$) и деперсонализация (-0,31456 $p > 0,01$).

Исходя из результатов корреляционного анализа, нами были определены общие критерии группы риска и выделено три блока проблем, которые включают в себя: умение понимать чувства других [1,3]; способность к взаимовыгодному сотрудничеству; навыки конструктивного общения через вербальные и невербальные коммуникации [3], умение чувствовать себя свободно и комфортно в социальных контактах [2]. На проработку этих проблем была направлена тренинговая программа, длительность занятий в которой составляла по 30-45 мин, что обусловлено спецификой работы сотрудников МЧС.

Анализ результатов исследования по итогам тренинга показал, что за счет повышения уровня коммуникативного эмоционального интеллекта произошло повышение личностного эмоционального интеллекта и общего коэффициента эмоционального интеллекта и положительная динамика по всем шкалам методики «Эмоциональное выгорание», которые позволяют говорить о существовании возможности повышения качества профессиональной деятельности сотрудника экстремального профиля.

Таким образом, в ходе теоретического анализа и, исходя из собственных наблюдений, мы пришли к выводу о том, что уровень эмоционального интеллекта влияет на способность к преодолению профессиональных стрессов и может являться профилактической мерой синдрома профессионального выгорания у сотрудников экстремального профиля.

1. Салогуб, А.М. Структура и содержание эмоционального выгорания сотрудников силовых структур / А.М.Салогуб // Научное мнение — 2015 — №4-5 — С. 209-214
2. Салогуб А.М. Влияние особенностей эмоционального выгорания у специалистов международных пунктов пропуска/ Автореф. дисс. канд. псих. наук / Салогуб Александра Михайловна. — Голицыно. — 2015. — 230 с.
3. Винокурова, Н.Г. Взаимосвязь жизнестойкости, эмоционального интеллекта и индивидуально-типологических особенностей курсантов университета ГПС МЧС России /Н.Г.Винокурова, Горская Е.А., И.В.Чернова// Вестник Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России — 2012 — №2 — С. 143-150

Особенности совладающего поведения у сотрудников органов внутренних дел с разным уровнем эмоционального выгорания

Эмоциональное выгорание, совладающее поведение, копинг, агрессия

Синдром эмоционального выгорания, являясь причиной профессиональной деформации, чаще всего возникает в ситуациях интенсивного профессионального общения и проявляется в «угасании» эмоций. Одним из наиболее уязвимых в отношении эмоционального выгорания является профессиональное сообщество сотрудников силовых структур. В реальных условиях полицейской деятельности личность сотрудника ОВД подвергается постоянному давлению со стороны психотравмирующих обстоятельств. Среди личностных факторов, оказывающих влияние на формирование профессионального выгорания, можно выделить predisposed disposition к стресс-реакциям, locus субъективной ответственности личности, характерные стратегии совладания со стрессом (копинг).

С целью изучения особенностей совладающего поведения у сотрудников силовых структур с разным уровнем эмоционального выгорания, было проведено эмпирическое исследование на базе ГУ МВД России по Ставропольскому краю. В качестве испытуемых в нем приняли участие 75 сотрудников органов внутренних дел в возрасте от 20 до 50 лет, из которых 25 человек со стажем службы менее 3 лет и 50 человек со стажем службы более 10 лет. Решение поставленных задач обеспечивалось следующим комплексом диагностических методик: методика диагностики эмоционального выгорания личности (В.В. Бойко); методика диагностики доминирующей стратегии психологической защиты в общении (В.В. Бойко); методика диагностики показателей и форм агрессии (А. Басса, А. Дарки, в адаптации А.К. Осницкого).

Результаты проведенного исследования показывают, что доминирующими стратегиями психологической защиты в общении сотрудников со стажем службы более 10 лет являются избегание и агрессия. Сотрудники с небольшим стажем службы (менее 3 лет) часто прибегают к стратегии «миролюбие», а показатели избегания и агрессии у них наиболее низкие. Полученные данные свидетельствуют об уменьшении со стажем службы конструктивности совладающего поведения. Возможно, в этом проявляется компенсаторный механизм преодоления внутреннего дискомфорта или психологических комплексов неуверенности в себе.

В зависимости от стажа службы сотрудники различаются по формам агрессии. Физическая и вербальная формы агрессии являются ведущими у сотрудников ОВД со стажем службы более 10 лет, аутоагрессия с чувством вины преобладает у сотрудников со стажем службы менее 3 лет.

Выявлена взаимосвязь симптомов эмоционального выгорания с доминирующими стратегиями психологической защиты и формами проявления агрессии. Так, у сотрудников ОВД со стажем службы более 10 лет выраженность фаз напряжения и резистенции отрицательно коррелирует с выраженностью физической агрессии (-

4,51 при $p < 0,05$ и $-0,503$ при $p < 0,05$ соответственно). В то же время выраженность резистенции отрицательно коррелирует с выраженностью обиды как формы проявления агрессии ($-0,408$ при $p < 0,05$). Полученные результаты могут быть обусловлены спецификой профессиональной деятельностью полицейских, которая изобилует интенсивными переживаниями психотравмирующих ситуаций.

У испытуемых со стажем службы менее 3 лет выраженность фазы напряжения отрицательно коррелирует с вербальной агрессией ($-0,543$ при $p < 0,05$) и положительно с аутоагрессией с чувством вины ($0,453$ при $p < 0,01$) как проявлениями агрессии. Иными словами, молодые сотрудники ОВД еще не приобрели в своей профессиональной деятельности специфических личностных качеств, у них не сформировался синдром эмоционального выгорания, а лишь наблюдаются некоторые его симптомы, проявляющиеся в форме адаптивных механизмов к фрустрирующим ситуациям. У сотрудников ОВД со стажем службы более 10 лет симптом «неудовлетворенность собой» фазы напряжения отрицательно коррелирует со стратегией психологической защиты в общении «миролюбие» ($-0,518$ при $p < 0,01$) и положительно с «избеганием» ($0,569$ при $p < 0,01$).

Полученные результаты позволяют сделать вывод, что сотрудники ОВД в зависимости от стажа службы различаются между собой в доминирующих стратегиях психологической защиты в общении и формах агрессии.

Набойченко Е.С.
Екатеринбург, Уральский государственный университет Минздрава РФ

Вершинина Т.С.
Екатеринбург, Уральский государственный университет Минздрава РФ

Подготовка психологов силовых структур: когнитивный аспект

Служебная деятельность, психологическое здоровье, когнитивная сфера, подготовка специалистов, метакогнитивные компетенции

Специфика служебной деятельности сотрудников силовых структур, обусловленная интенсивностью и напряженностью, а также влиянием агрессивности профессиональной среды и травмирующих обстоятельств, требует высокого уровня устойчивости к психологическому воздействию и функциональных резервов организма для решения служебных задач. Особенности реализации различных видов служебной деятельности доказывают, что при сопоставимости психологических характеристик и уровня эмоциональной устойчивости к стресс-факторам профессиональной деятельности у сотрудников силовых структур под влиянием среды и др. способы решения профессиональных задач, психологическая нагрузка и эмоциональные реакции могут отличаться.

Формирование психологических качеств у специалиста любой сферы не решает вопросов эффективности трудовой деятельности. Снижение стрессоустойчивости и адаптационных возможностей механизмов регуляции могут быть следствием нарушения когнитивной сферы сотрудника. На поведение человека в профессиональной деятельности влияют не только физические и психические характеристики, но когнитивные способности. Об этом свидетельствуют наши исследования, одной из задач которых являлось выявление корреляционных зависимостей свойств личности и уровня общего интеллекта.

Исследования, проводившиеся с 2014 г. по 2019 г. у курсантов МЧС на основе методик, направленных на определение самочувствия в экстремальных условиях, уровня агрессивности, склонности к риску, 16-факторного личностного опросника Кеттелла, IQ-теста, выявили, что при уровне общего интеллекта среднем и выше среднего респонденты предъявляют сформированность компенсаторных механизмов, склонность к риску и уровень агрессии в пределах нормы; в то же время заметно повышаются показатели агрессивности и склонности к риску при уровне общего интеллекта ниже среднего. В исследовании претендентов на должности в органы принудительного исполнения (2020 г.) использовался другой психодиагностический инструментарий, включавший тест КОТ (В.Н. Бузин, Э.Ф. Вандерлик), СМЛ (Л.Н. Собчик), методику «Несуществующее животное» (М.З. Друкаревич), опросник Г. Шмишека. Анализ результатов показал, что при низком уровне общего интеллекта у претендентов отмечались неустойчивость эмоционально-волевой сферы, преобладали гипертимические акцентуации, у некоторых претендентов обнаружены инертность в принятии решений, средний уровень агрессии, избирательность контактов, признаки девиантного поведения. При уровне общего интеллекта выше среднего и высокомо претенденты демонстрировали организованность, ответственность, адаптивность к стрессовыми ситуациями, конструктивное выстраивание коммуникации,

однако у некоторых отмечались эмоциональная напряженность, стремление скрыть дефекты характера, преобладали демонстративные или гипертимические акцентуации, также отмечалась импульсивность либо не выявлялись акцентуации характера. Несмотря на различие комплекса методов оба исследования показывают зависимость личностных психологических показателей и уровня общего интеллекта, что указывает на необходимость систематической психологической работы с сотрудниками силовых ведомств с учетом специфики служебной деятельности.

Отсюда следует, что эффективность работы сотрудников силовых структур зависит и от интеллектуального и психического состояния, для этого необходимо готовить специалистов психологов, обладающих метакогнитивными компетенциями, гибкостью стратегий, навыками когнитивного анализа, способных диагностировать и своевременно выявлять психологические деформации в дуальной модели «психологическая сфера — когнитивная сфера», разрабатывать особый инструментарий, применять методы психологической работы для сохранения эмоционально-энергетических и личностных ресурсов сотрудников силовых структур.

Структура Темной Триады личности у представителей профессионального сообщества педагогов

Субъект профессиональной деятельности, педагог, маккиавелизм, нарциссизм, психопатия, Темная Триада личности

Психологическое изучение личностных черт маккиавеллизма, нарциссизма и психопатии (комплекс которых называется Темной Тριάдой личности) началось в XIX в., а этому предшествовал многовековой допсихологический период рефлексии данных черт. С конца XX в. развивается подход, в рамках которого эти черты личности рассматриваются как взаимосвязанные проявления общего генерализованного комплекса. Опыт изучения Темной Триады личности многими авторами привел к противоречивым результатам, поэтому дальнейшее развитие концептуальных основ целесообразно осуществлять с позиций основанности на доказательствах, получаемых в эмпирических исследованиях, в том числе, различных профессиональных групп.

К группам, мало изученным с позиций Темной Триады личности, относятся педагоги, представляющие различные уровни системы образования: в частности, воспитатели детского сада, учителя школы и преподаватели вуза. Цель нашего исследования включала выявление степени выраженности изучаемых черт личности, а также возможной специфики их структуры, осуществляемое в разрезе анализа профессиональных групп педагогов. Участниками были представители трех различных групп: 154 воспитателя детского сада, 147 учителей школы и 101 преподаватель университета. Общий объем выборки составил 402 человека, в том числе, 372 женского пола и 30 мужского пола. Для измерений использовалась русскоязычная адаптация Короткого опросника Темной Триады (SD3) (Jones & Paulhus, 2014).

Дизайн исследования предусматривал: выявление средних значений и интеркорреляций черт Темной Триады в каждой из групп педагогов (учителей детского сада, школы и вуза); проведение межгрупповых сравнений между группами с помощью однофакторного дисперсионного анализа (ANOVA); сравнение полученных результатов по выраженности и структурным особенностям изучаемых черт личности педагогов с аналогичными результатами, полученными другими авторами на иных социальных и профессиональных группах.

ANOVA выявил статистически значимые различия в выраженности черт Темной Триады между указанными профессиональными группами. Кроме этого, результаты корреляционного анализа показали различия в структуре черт, характерной для каждой из рассматриваемых групп педагогов.

Полученные результаты дают подтверждение следующих закономерностей: для различных профессиональных групп педагогов выраженность изучаемых черт личности изменяется нелинейно под влиянием фактора уровня профессиональной деятельности педагога в системе образования; влияние данного фактора является различным для разных черт (маккиавелизма, нарциссизма и психопатии); суще-

ствуют различные типы структуры черт Темной Триады, проявляющиеся в профессиональных группах. Условно эти типы обозначены так: тип 1 — «полная триада», когда сильны связи между всеми тремя чертами; тип 2 — «ослабленная триада», когда сохраняются сильными две из трех интеркорреляций черт, среди которых обязательно есть корреляция маккиавелизма с психопатией; тип 3 — «диада» характеризует ситуацию, когда корреляции нарциссизма с маккиавелизмом и психопатией являются менее сильными или отсутствуют вовсе; такой тип выявлен в исследовании для учителей школы и преподавателей вуза.

Результаты позволяют обосновать прикладные закономерности: учителя школы характеризуются самой высокой (среди обследованных групп) выраженностью психопатии, что целесообразно учитывать при организации работы по сохранению психического здоровья и профилактике профессиональных деформаций личности; педагоги вуза характеризуются высокой выраженностью маккиавелизма, что важно учитывать в контексте организации работы вузов и формирования их организационной культуры.

Результаты согласуются с продолжающейся дискуссией о противоречивости выводов исследований темной триады личности, проведенных на различных профессиональных и социальных выборках, позволяя предположить, что структура изучаемых черт личности является профессионально специфичной, потому что различается даже среди родственных профессиональных групп.

Никифоров Г.С.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Гофман О.О.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Психолог здоровья: профессия XXI века

Психология здоровья, жизненный путь, профессиональные задачи, психолог здоровья

Во второй половине двадцатого века психология здоровья вышла на одно из лидирующих мест в общем перечне актуальных направлений развития психологической науки и заняла приоритетную позицию в решении общегосударственной задачи по развитию и воспитанию здоровой нации. В этой связи остро стоит вопрос о тех специалистах, тех психологах здоровья, на которых будет возлагаться ответственность за практическую реализацию этой области знаний. С нашей точки зрения, профессиональная деятельность психолога здоровья должна быть распределена на континууме жизненного пути человека и предусматривать последовательное раскрытия вопросов психологического обеспечения здоровья человека на соответствующих этапах его бытия. Отметим кратко ключевые задачи психолога здоровья на каждом из них.

Деятельность психолога здоровья должна начинаться в перинатальный период, ведь уже на этапе принятия решения родителями о появлении ребенка и планировании его зачатия требуется создание позитивных и жизнестойких установок в отношении беременности и будущего воспитания ребенка, психологическое сопровождение беременности, подготовка к родам и сопровождение роженицы в них в качестве компаньона. В дошкольный период задачи психолога здоровья связаны с психологическим сопровождением и корректировкой состояния матери и отношений с ребенком в послеродовой период, просветительской работой с молодыми родителями о возрастных и индивидуальных особенностях развития ребенка в контексте биопсихосоциальной модели здоровья. В школьный период в сотрудничестве с учителями, родителями, социальными работниками он предпринимает все необходимые меры по воспитанию у учеников должного отношения к здоровому образу жизни и потребности в нем, осознанному пониманию роли гармоничного сочетания ряда факторов в обеспечении здоровья, а также предпринимать ряд здоровьесозидающих действий на уровне школьной системы. Так, на этапе младшей школы психолог здоровья решает задачи по формированию здорового поведения и его необходимости для успешной учебы (режим дня, гигиена в школе и дома, безопасность), выявляет значимые для детей школьные стресс-факторы и помогает вырабатывать стратегии их преодоления; обучает культурным эталонам здорового поведения. В средней школе необходима помощь подросткам в части психологического принятия их «нового» тела и внешности, выявления и консультирования по коррекции образа жизни (превентивные меры различных аддикций, суицидального поведения), обучения корректным формам построения отношений с противоположным полом и развития жизнестойкости. У старших школьников уровень учебной нагрузки значительно воз-

растает в связи с одновременным решением вопросов профессионального самоопределения, а это значит, что психологу здоровья следует, во-первых, диагностировать и предупреждать возможные ухудшения здоровья, рекомендовать учитывать показатели здоровья при планировании будущей профессии, а во-вторых, обучать старшеклассников навыкам психического самоуправления и самоконтроля. Психолог здоровья должен входить в службу психологического сопровождения в средних профессиональных и высших учебных заведениях в части формирования жизненно важных навыков преобразования себя и адаптации к среде обитания. Концепция психологического обеспечения профессионального здоровья предполагает включенность психолога здоровья в ее реализацию на всем протяжении профессиональной деятельности и связана, в том числе с разработкой и организацией оздоровительных программ, программ преодоления стрессов и напряжения, анализа психологических причин несчастных случаев и травматизма, и обеспечения их психологического благополучия. Содействие профессиональному долголетию и психологическая подготовка работников к выходу на пенсию также входит в сферу задач психолога здоровья.

Психическая устойчивость и саморегуляция поведения у будущих врачей

Психическая устойчивость, студент, медицинский вуз, саморегуляция

Психическая устойчивость связана с профессией врача и относится к деятельности «человек-человек». Врачам часто приходится оказываться в стрессовых ситуациях. Поэтому им необходимо уметь совладать с собой для того, чтобы выполнять свою врачебную деятельность на высоком уровне. Нельзя не отметить, что профессия врача — эмоционально напряженная профессия, так как связана с коммуникацией в диаде «врач-пациент». Было проведено исследование, в котором показано, что медики занимают второе место по степени стрессогенности. Причем к стрессогенным специальностям относят не только хирургов и врачей скорой помощи, но и участковых врачей [1]. Это исследование очень важно по отношению к медицинскому персоналу, так как «ценой ошибки» в их деятельности нередко является человеческая жизнь. Врачи вынуждены в силу специфики своей деятельности сталкиваться с человеческими страданиями, и обязаны брать на себя повышенную ответственность за жизнь и здоровье своих пациентов [2]. Нервно-психическая устойчивость представляет собой свойство характеризующую личность в процессе деятельности, эмоциональные механизмы которого, взаимодействуя друг с другом, ведущие к успешности в достижении поставленных целей.

Целью исследования являлось выявление уровня нервно-психической устойчивости и стилей саморегуляции поведения студентов медицинского вуза.

В исследовании приняли участие студенты 1-го курса лечебно-профилактического и педиатрического факультетов Уральского государственного медицинского университета. Общая выборка составила 582 человека, из них 32% юношей и 68% девушек, средний возраст участников составил $18,1 \pm 0,8$ лет. В качестве психодиагностического инструментария были выбраны методики: «Анкета оценки нервно-психической устойчивости «Прогноз-2» Ю. Рыбникова и опросник «Стиль саморегуляции поведения» В.И. Моросановой.

Анализ результатов на выявление уровня нервно-психической устойчивости (НПУ) показал, что у большинства студентов (48,4%) превалирует удовлетворительный уровень, 22,6% обучающихся имеют средний (хороший) уровень, 6,4% будущих врачей продемонстрировали высокий уровень. Высокий уровень НПУ показывает, что у обучающихся низкая вероятность нервно-психических срывов, адекватная самооценка и оценка окружающей действительности. Особое внимание обращает тот факт, что некоторые студенты имеют признаки нервно-психической неустойчивости (22,6%). У них могут проявляться нервные срывы, склонность к нарушениям психической деятельности при умственных и психических нагрузках, развитие психосоматических заболеваний, что может негативно сказаться на успешности обучения и в будущем в профессиональной деятельности. Этим студентам необходима своевременная психологическая помощь и психологическая коррекция.

Анализ стилей саморегуляции поведения студентов показал, что превалирует средний уровень показателей планирования, моделирования, программирования, оценивания результатов, гибкость. В целом, студенты умеют планировать свою деятельность, ставить цели, расставлять приоритеты, обдумывать свои действия и поведение, вносить коррекцию в систему саморегуляции при изменении внешних и внутренних условий. Однако иногда могут возникнуть возникают проблемы в определении алгоритма действий, не всегда заметить изменения ситуации, проявить не критичность к своим действиям, что может привести к ухудшению состояния и снижению работоспособности.

На основании проведенного исследования, можно сказать, что у студентов медицинского вуза преобладает благоприятный прогноз нервно-психической устойчивости, и средний уровень общей саморегуляции. Полученные результаты могут быть использованы в психологическом консультировании для оптимизации потенциала студентов.

1. Свєргун О.Ю. «Профессиональное выгорание — проблема личная или организационная? // Главная медицинская сестра. — 2013. — № 2. — С. 113 — 123.
2. Бозыкова А. Н., Пфау Т. В. Нервно-психическая устойчивость врачей — терапевтов и фтизиатров в Республике Хакасия // РЕМ: Psychology. Educology. Medicine. — 2013. — №1–2. — С. 75

Влияние повседневных стрессоров на удовлетворенность жизнью курсантов военных вузов

Стресс, стрессоры повседневности, удовлетворенность жизнью, психологическое благополучие

Повседневность современного человека наполнена незначительными неприятными, стрессовыми событиями, воздействие которых в современной психологии рассматривается как источник психологического и соматического неблагополучия человека (Головей, Петраш и др., 2018). Кроме того, повседневные стрессы, испытываемые курсантами военных вузов, нередко сопутствуют стрессам, связанным со специфическими особенностями процесса обучения: высокий уровень дисциплины и контроля, относительная закрытость учебного заведения, ограничения свободы передвижения и общения с близкими и т.д. Основными причинами отчисления курсантов из вузов, связанные с их психологическим состоянием, являются невротические, связанные со стрессом и соматоформные расстройства (Лобачев, 2011).

Целью исследования стало выявление наиболее чувствительных к повседневному стрессу аспектов качества и удовлетворенности жизнью курсантов. Выборка: 99 мужчин-курсантов военной академии г. Кострома 17-24 лет ($n=19,1$, $SD=1,7$). Методики исследования: Опросник качества жизни и удовлетворенности (Q-Les-Q-18), Ritsner et al, 2005 в адаптации Е.И. Рассказовой, 2012; Опросник повседневных стрессоров (М.Д. Петраш и др., 2018). Математико-статистический анализ осуществлялся с помощью программы SPSS-12 методами одновыборочного Т-критерия Стьюдента, регрессионного анализа.

Результаты. Курсанты военного вуза имеют значимо более высокие показатели удовлетворенности жизнью в сфере физического здоровья ($t=4,078$, $p=0$); эмоциональных переживаний ($t=3,916$, $p=0$) и в сфере общения ($t=3,940$, $p=0$); по сравнению со средними показателями по шкалам данной методики. Наиболее сильные различия выявлены по шкале «Физическое здоровье», что может быть характерно для учащихся военных вузов, к уровню здоровья которых часто предъявляются особые, высокие требования. При этом среди наиболее часто встречающихся стрессоров у курсантов военных вузов были выявлены стрессоры в сфере «Работа/дела» (36%), также значимы оказались стрессоры в сферах «Общее самочувствие» (30,6%), «Взаимоотношения с окружающими» (28,8%), «Финансы» (28,7%), «Семья» (28%). В целом можно отметить, что уровень повседневных стрессоров у курсантов военных вузов выше, чем в среднем у русскоязычных мужчин, однако, сами нет различий в сферах жизни, в которых эти стрессы встречаются.

Построение регрессионных моделей, в которых зависимыми переменными являются шкалы удовлетворенности жизнью, позволили выявить следующие закономерности. Модель, в которой зависимой переменной выбран показатель «благополучие в целом», а независимыми переменными стали стрессоры повседневности описывает 53,38% дисперсии ($R^2=0,538$, $p0,000$). Стрессоры в сферах «Общее

самочувствие-одиночество» ($B=-0,47$, $p0,009$) и «Финансы» ($B=-0,618$, $p0,000$) снижают уровень удовлетворенности своим общим благополучием. Таким образом, переживания одиночества, физического дискомфорта, финансовой неопределенности и разочарования в уровне доходов у курсантов военных вузов оказывает существенное негативное влияние на их восприятие общего благополучия и удовлетворенности собственной жизнью.

1. Головей Л.А., Петраш М.Д., Стрижицкая О.Ю., Савеньшева С.С., Муртазина И.Р. Роль психологического благополучия и удовлетворенности жизнью в восприятии повседневных стрессоров // Консультативная психология и психотерапия. 2018. Т.26. № 4. С. 8—26.
2. Лобачев А.В. Стрессоустойчивость курсантов военных образовательных учреждений с разными психофизиологическими особенностями / А.В. Лобачев, К.К. Конюшенко, Т.М. Ятманова, Г.П. Костюк // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2011. № 1 (49). С. 172-177.
3. Петраш М.Д., Стрижицкая О.Ю., Головей Л.А., Савеньшева С.С. Опросник повседневных стрессоров // Психологические исследования. 2018. Т. 11, № 57. С. 5. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 20.05.2020).

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-013-01001)

Психологические предикторы удовлетворенности качеством жизни сотрудников органов внутренних дел

Удовлетворенность качеством жизни, жизнестойкость, сотрудники ОВД

Деятельность правоохранительных органов многими исследователями характеризуется как экстремальная. Для нее характерны постоянное воздействие эмоциональных факторов, которые могут стать причиной снижения общей психической устойчивости организма, появление чувства неудовлетворенности результатами своей деятельности, отказу от выполнения заданий в ситуациях повышенных требований и т.д.

При этом профессиональное долголетие, работоспособность и надежность деятельности сотрудников полиции во многом определяется их отношением к службе, удовлетворенностью деятельностью, эмоциональными переживаниями, испытываемыми в процессе работы [Панина Е.Н., Поршук А.С. Исследование особенностей субъективного благополучия полицейских в процессе их служебной деятельности // Вопросы психологии экстремальных ситуаций. — 2016. — № 1. — С. 26–32.].

В связи с этим актуальным является вопрос о развитии у человека навыков решения проблем, развитие таких качеств, свойств личности, которые бы позволили ему эффективно адаптироваться к различным жизненным ситуациям, в том числе и неблагоприятным.

Согласно эмпирическим исследованиям удовлетворенность качеством жизни является первым выявленным показателем счастья и значимой составляющей психологического и психического здоровья личности.

Для изучения данного явления нами были использованы следующие методики: опросник для оценки качества жизни (Н.Е. Водопьянова), тест жизнестойкости С. Мадди, методика диагностики иррациональных установок (А. Эллис), методика «Ценностный опросник» Ш. Шварца.

Всего в исследовании приняли участие 55 человек в возрасте от 24 до 46 лет. Из них 97% мужчины и 3% женщины.

С целью выявления групп испытуемых по степени выраженности показателей удовлетворенностью жизнью нами был применен кластерный анализ.

В результате которого было выделено 2 кластера. В первый кластер (первая группа) вошло 75% сотрудников, в возрасте от 24 до 41 года. Второй кластер (вторая группа) составили 25 % сотрудников, в возрасте от 25 до 46 лет.

С целью изучения взаимосвязи личностных свойств с показателями удовлетворенности жизнью был проведен корреляционный анализ. На основании которого были выявлены взаимосвязи между показателями качества жизни «Работа» со шкалами опросника «Жизнестойкость»: «Вовлеченность», «Контроль», «Принятие риска» ($r=0,587$, $p\leq 0,05$; $r=0,406$, $p\leq 0,05$; $r=0,321$, $p\leq 0,05$), с отдельными компонентами методики диагностики иррациональных установок А. Эллиса — «Долженствование в отношении других» ($r=0,396$, $p\leq 0,05$), а также с такими ценностями, как

стимуляция, универсализм, самостоятельность ($r=0,350$, $p\leq 0,05$; $r=0,304$, $p\leq 0,05$; $r=0,283$, $p\leq 0,05$).

Следовательно, чем выше показатель оценки качества жизни по шкале «Работа» тем больше человек вовлечен в происходящее и получает удовольствие от собственной деятельности, в том числе профессиональной. Кроме того, взаимосвязи между показателями теста жизнестойкость «Принятие риска» и компонентами методика диагностики ценностных ориентаций Шварца — «Стимуляция», «Универсализм», «Самостоятельность» позволяет отметить, что потребность в разнообразии и глубоких переживаниях позволяет сотрудникам поддерживать оптимальный уровень активности, а также способствует их развитию, стремлению к получению новых знаний, опыта. Их также отличает независимость мышления и выбора действий, они самостоятельны при принятии решения и готовы нести ответственность за свой выбор. При этом в процессе своей деятельности они учитывают не только свои потребности, но также ориентированы и на других людей, защиту их прав и интересов [Отраднава А.С. Психологические особенности удовлетворенности жизнью сотрудников органов внутренних дел // Вестник Челябинского государственного университета. Образование и здравоохранение. 2019. № 1-2 (5-6). С. 22-26.].

Полученные результаты могут быть использованы при работе с сотрудниками органов внутренних дел с целью развития их личностных ресурсов и повышения уровня удовлетворенности жизнью.

Практические психокоррекционные мероприятия для сотрудников МЧС России различного профиля профессиональной деятельности

Сотрудники МЧС России, стресс, групповая психологическая коррекция, программа коррекции, психоэмоциональная разгрузка

Одним из основных направлений государственной политики является защита населения от пожаров и чрезвычайных ситуаций для полноценного обеспечения безопасности нашей страны. Обязанность по сохранению жизни и здоровья граждан возложена на пожарно-спасательные формирования Государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, что подразумевает повышенную готовность её сил и средств. Стрессогенность условий профессиональной деятельности вызывает психофизиологическое напряжение и переутомление. Актуален вопрос психологической коррекции сотрудников, отсутствие которой может привести к возникновению нервно-психических и психосоматических заболеваний.

Большое значение имеют прикладные работы, предлагающие психокоррекционные занятия для поддержания профессионального здоровья пожарных и спасателей. Тем не менее, разработка дифференцированных занятий для практического применения позволяет учесть специфику, связанную с неоднородностью решаемых задач у профессиональных контингентов.

Автором разработано вариативное практическое занятие, проводимое в рамках психологической коррекции. Чтобы улучшить эффект практического воздействия, проведено анкетирование по авторской анкете для выявления психофизиологических проблем, возникающих у сотрудников в процессе трудовой деятельности в зависимости от их принадлежности к профессиональным группам. По результатам анкетирования произведена дифференциация применения методов оптимизации функционального состояния.

В результате были сформированы три модели практических занятий для сотрудников различного профиля профессиональной деятельности, исходя из различий в нагрузках и рабочем расписании, выявленных по профессиографическому экспертному опросу с помощью модернизированного варианта «Опросника позиционного анализа» (Position Analysis Questionnaire — PAQ). Практические занятия включают психокоррекционные методы телесно-ориентированной психотерапии, арт-терапии (рисуночная терапия, сказкотерапия), методы психологической саморегуляции (дыхательная гимнастика, аутотренинг, визуализация).

Модели прошли апробацию на базе пожарно-спасательных частей Ленинградской области (г. Сосновый Бор, г. Выборг, г. Тихвин, г. Кировск). В исследовании приняли участие 222 человека: 182 мужчины и 40 женщин с различным трудовым стажем, занимающих разные должности.

Для оценки эффективности проведенных практических психокоррекционных занятий был проведен сравнительный анализ показателей психологического и психофизиологического состояния испытуемых до и после проведения мероприятий, который статистически показал улучшение самочувствия.

Часть методик проводилась с использованием психофизиологического анализатора Устройство психофизиологического тестирования — 1/30 «Психофизиолог»; оценка функциональной подвижности нервных процессов по А.Е.Хильченко; оценка уровня операторской работоспособности на основе сложной зрительно-моторной реакции на движущийся стимул; методика «Вариационная кардиометрия»; теппинг-тест. Остальные тесты предлагались в распечатанном варианте: методика «Шкала дифференциальных эмоций» К. Изард, в адаптации А. Леоновой; опросник «Самочувствие, активность, настроение».

По отзывам реабилитантов, после цикла занятий с психологом их настроение повысилось, исчезло внутреннее напряжение, снизилась тревожность. Комментарии руководителей подразделений также были положительными: работоспособность и настроение сотрудников, прошедших краткосрочную психокоррекционную программу, улучшились.

Результаты проведенного анализа на основании специфических характеристик профессиональной деятельности сотрудников, привели к созданию нового методического руководства, что позволило дополнить программу психокоррекционных мероприятий по сопровождению профессиональных контингентов. Руководство было рассмотрено и одобрено на методическом совете Федерального казенного учреждения «Центр экстренной психологической помощи МЧС России» (г. Москва) под руководством директора филиала — Ю.С. Шойгу.

Взаимосвязь психологических защит и психодинамических свойств курсантов

Механизмы психологической защиты, психодинамические свойства, темперамент

Множество факторов в обучении военному делу оказывают влияние на моральное состояние и психическое здоровье курсантов военных вузов. Люди, обучающиеся или работающие в военных структурах, часто подвержены стрессу, моральному давлению, экстремальным ситуациям. Одним из направлений в психологии является изучение адаптации человека к условиям жизнедеятельности, выработка эффективных стратегий поведения, помогающих преодолевать сложные жизненные обстоятельства [1]. Одним из таких способов адаптации человека к обстоятельствам являются механизмы психологической защиты. Также, процесс адаптации зависит от психодинамических свойств личности [2]. Многие авторы, изучая взаимосвязь этих феноменов, имеют довольно противоречивые взгляды [3, 4].

Цель: выявить взаимосвязи психологических защит с психодинамическими свойствами курсантов.

Гипотеза: психодинамические свойства курсантов взаимосвязаны с их доминирующими психологическими защитами.

Выборка: 82 курсанта ГОУВПО Челябинского высшего военного автомобильного командно-инженерного училища им. главного маршала бронетанковых войск П.А. Ротмистрова (18-23 года).

Методики: «Индекс жизненного стиля» Плутчика-Келермана-Конте, в адаптации У.Б. Клубова, опросник темперамента В.М. Русалова.

Результаты:

Для выявления взаимосвязей психологических защит с психодинамическими свойствами курсантов использовался коэффициент ранговой корреляции r_s Спирмена.

Максимально взаимосвязаны с психодинамическими свойствами курсантов проекция и регрессия. Оба механизма связаны с эргичностью в работе ($r_s = -0,24$, $p \leq 0,05$ и $r_s = -0,23$, $p \leq 0,05$), пластичностью в общении ($r_s = 0,35$, $p \leq 0,01$), эмоциональностью в работе и общении ($r_s = 0,28$, $p \leq 0,01$ и $r_s = 0,31$, $p \leq 0,01$ для проекции; $r_s = 0,44$, $p \leq 0,01$ и $r_s = 0,56$, $p \leq 0,01$ для регрессии).

Замещение и гиперкомпенсация взаимосвязаны с такими психодинамическими свойствами, как пластичность в общении ($r_s = 0,28$, $p \leq 0,05$ и $r_s = 0,34$, $p \leq 0,01$); эмоциональность в работе ($r_s = 0,35$, $p \leq 0,01$ и $r_s = 0,44$, $p \leq 0,01$) и общении ($r_s = 0,32$, $p \leq 0,01$ и $r_s = 0,38$, $p \leq 0,01$). Аналогичные взаимосвязи выявлены у показателя общей напряженности: с пластичностью в общении ($r_s = 0,32$, $p \leq 0,01$); эмоциональностью в работе ($r_s = 0,47$, $p \leq 0,01$) и общении ($r_s = 0,44$, $p \leq 0,01$).

Компенсация взаимосвязана с эргичностью в общении ($r_s=0,30$, $p\leq 0,01$), темпом в работе ($r_s=0,28$, $p\leq 0,05$) и общении ($r_s=0,34$, $p\leq 0,01$).

Вытеснение имеет обратные взаимосвязи с темпом в работе ($r_s=-0,24$, $p\leq 0,05$) и общении ($r_s=-0,41$, $p\leq 0,01$).

Рационализация имеет прямую взаимосвязь с эмоциональностью курсантов в работе ($r_s=0,28$, $p\leq 0,05$).

Отрицание не имеет взаимосвязей с психодинамическими свойствами курсантов.

Выводы:

1) В результате исследования выявлены взаимосвязи психодинамических свойствам курсантов с доминирующими психологическими защитами.

2) Максимально связаны с психологическими защитами курсантов такие психодинамические свойства, как пластичность в общении и эмоциональность в работе и общении. Минимально связаны с психологическими защитами курсантов эргичность и темп в работе. Отрицание не зависит от психодинамических свойств курсантов.

1. Квасов, С.Е. Социально-психологические аспекты адаптации молодого пополнения к военной службе. / С.Е. Квасов, А.А. Кузнецов // Н. Новгород.: Изд. Военно-медицинский институт, 1999. — 120 с.
2. Калугин, А.Ю. Вклад свойств темперамента в ценностно-смысловую сферу личности / А.Ю. Калугин // Интегративная перспектива в гуманитарных науках. 2016. № 2. — С. 22–31.
3. Котенева, А.В. Защитные механизмы личности, гендер и тип темперамента / А.В. Котенева // Наука и школа. — 2010. — № 4. — С. 105–109.
4. Кулева, И.В. Особенности использования стилей поведения в конфликте и механизмов психологической защиты личности в зависимости от типа темперамента / И.В. Кулева // Актуальные проблемы психологического знания. — 2015. — № 2. — С. 100–106.

Травматический стресс и посттравматический рост у военнослужащих по призыву

Армия, адаптация, военнослужащие по призыву, травматический стресс, посттравматический рост

Актуальность исследования обусловлена концентрацией усилий командования ВС РФ на обеспечении надежности, эффективности, устойчивости военнослужащего; повышением социальной значимости его деятельности, необходимостью обеспечения оптимального протекания процессов социализации и воспитания юношества в период службы для формирования социальной зрелости молодежи, преодоления гражданского инфантилизма и социального нигилизма. У военнослужащих по призыву психологи фиксируют выраженность таких дезадаптивных качеств, как высокий индекс враждебности, повышенный психотизм и нейротизм; акцентуацию черт экставертированности, эмоциональной незрелости, неконструктивного поведения, раздражительность, конфликтность.

Постановка проблемы. В то же время многие авторы указывают на способность военнослужащего к активному преобразованию действительности, саморазвитию и самосовершенствованию; переходу от инфантилизма к личностной зрелости. Основной гипотезой исследования стало предположение о том, что среди призывников по характеру протекания адаптации к условиям службы в первом полугодии можно выделить две подгруппы: с преобладанием развития травматического стресса и с преобладанием посттравматического роста.

Методы исследования: Опросник «SACS» (С. Хобфолл); Опросник «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» (С. Норман, Д.Ф. Эндлер и др. в адаптации Т.А. Крюковой); Шкала оценки влияния травматического события — ШОВТС (IES-R); Шкала субъективного благополучия — ШСБ (в адаптации М.В. Соколовой); Опросник посттравматического роста — ПТР (Tedeschi & Calhoun; Магомед-Эминов М.Ш.). Первый диагностический срез проводился в ноябре 2019 г; второй — в июне 2020 г. Выборку составили военнослужащие по призыву (осенний призыв 2019), 40 чел.; возраст 19-22лет.

Результаты и обсуждение. Призывники отличаются относительным субъективным благополучием, умеренным эмоциональным комфортом и адекватным поведением, средне-низкими значениями шкалам опросника ПТР; низким уровнем эмоционального копинга, средним — проблемно-ориентированного и высоким уровнем копингов избегания и отвлечения. При этом ассертивная и агрессивная стратегии преодоления слабо выражены, а стратегии вступления в контакт, поиск поддержки и осторожность выражены выше нормы. Большинство призывников не испытывают травматического влияния ситуации призыва.

У военнослужащих наблюдается типичная картина первой фазы реакции адаптации, с замиранием, осторожностью, попытками подстроиться и осмотреться в новой среде. Невысокие показатели ПТР связаны с личностной незрелостью и

возрастным инфантилизмом молодых людей; солдаты с наиболее высокими показателями ПТР реагируют наиболее эмоционально ($r_s = 0,39$, $p = 0,014$), склонны к импульсивным реакциям ($r_s = 0,34$, $p = 0,008$).

После полугода пребывания призывника в условиях армии ухудшаются показатели субъективного благополучия и посттравматического роста; кардинально трансформируется рисунок корреляционных взаимосвязей: возникают множественные сильные отрицательные связи ПТР и ШСБ. При этом частотный анализ показывает возникновение небольшой группы респондентов (10%) с резким возрастанием показателей ПТР, чьи результаты позволяют предположить, что развитие способности получать удовлетворение от повседневной деятельности ($r_s = -0,82$, $p = 0,008$) и повышение внимания к окружающим ($r_s = -0,82$, $p = 0,008$) являются факторами, «запускающими» личностный рост.

Выводы. 1. В первые полгода воинской службы у большинства военнослужащих по призыву наблюдается дезадаптация, связанная с ухудшением их субъективного благополучия, развитием признаков травматического стресса и выраженности дезадаптивных поведенческих стратегий.

2. Выявлена небольшая группа призывников, демонстрирующая адаптивную реакцию: посттравматический личностный рост и развитие субъективного благополучия.

3. Трансформация корреляционных взаимосвязей от первого ко второму диагностическому срезу позволяет описывать механизмы происходящих внутрличностных процессов.

Система Я и психические состояния студентов: регуляторный аспект

Система Я, самосознание, неравновесные психические состояния, саморегуляция, субъективный опыт

Проблема исследования. Изучение процессов регуляции психических состояний и активности личности является одной из наиболее важных задач современной психологической науки. Представление о самосознании, как важнейшем признаке сознания, его «эпицентре», позволяет говорить о ключевой роли системы Я в психической реальности человека. Система Я, как экзистенциальное ядро личности, обеспечивает ее внутреннюю самоорганизацию и саморегуляцию, выступая детерминантой человеческого поведения. Взаимоотношения и динамика составляющих системы Я рассматриваются как необходимое условие саморегуляции и являются внутренним условием для понимания закономерностей ее процессов. В то же время именно регулятивные компоненты самосознания изучены крайне недостаточно. Не изучен их вклад в изменения состояний субъекта, их роль и значение в регуляторном процессе. Знание об интегрирующей, развивающей, самоорганизующей функциях психических состояний, позволяет предположить, что исследование взаимосвязей элементов системы Я и субъективного опыта переживания психических состояний является наиболее перспективным и актуальным для понимания процессов ментальной регуляции. В этом ключе особенно показательным представляется исследование феноменов Я во взаимосвязанности и взаимопроникновении на всех уровнях субъективного опыта в разрезе неравновесных (неустойчивых) психических состояний. Последнее обусловлено тем, что одной из важнейших и основных функций неравновесных состояний является их способность к самоорганизации пространства психики (Прохоров, 1997). Исследование взаимосвязи элементов системы Я и характеристик неравновесных состояний раскрывает широкие возможности для изучения феномена Я в структуре субъективного опыта человека. Исходя из вышеуказанного, целью исследования являлось исследование Я личности, как единой системы взаимосвязанных элементов, имеющей свою структуру и иерархию; изучение характера взаимосвязей между компонентами системы Я и особенно с компонентами переживания психических состояний. Методы исследования: тестирование, контент-анализ текстов самоотчетов, методы обработки и анализа статистических связей и различий. В исследовании приняли участие 30 студентов в возрасте от 20 до 23 лет. Выводы. Система Я личности имеет уровневую структуру, компонентами которой являются представления, образы и оценки индивида о самом себе, а также представления об оценке и отношении к нему других людей. Все компоненты системы Я личности взаимосвязаны с различными составляющими переживания психических состояний. Интенсивность и характер взаимосвязей имеют особенности в

зависимости от модальности и энергетической составляющей состояния. Элементы системы Я участвуют в актуализации рефлексивных процессов и формировании новых моделей поведения, происходящих в процессе переживания неравновесных психических состояний.

1. Прохоров, А.О. Психология неравновесных состояний / А.О. Прохоров — Казань. Казанский государственный педагогический университет. — 1997 г. — 145 с. — ISBN 978-5-2010-2254-9. — Текст: непосредственный.

Исследование осуществлялось при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-013-00076

Профилактика манипулятивного поведения сотрудников у сотрудников, контактирующих с осужденными

Манипуляция, стратегии поведения человека, психологическая устойчивость, антимаанипулятивное поведение

На сегодняшний день в учреждениях ГУФСИН России по Красноярскому краю 3850 сотрудников, непосредственно контактирующих в ходе служебной деятельности с подозреваемыми, обвиняемыми, осужденными, что составляет 39% от всего количества сотрудников в подразделениях. С данной категорией сотрудников было проведено психодиагностическое обследование с целью выявления лиц подверженных манипуляциям.

По результатам психодиагностического обследования выявлено 272 сотрудника с комплексом выраженных черт, которые могут попасть под влияние со стороны манипуляторов. Данная категория сотрудников постоянно находятся в прямом взаимодействии с осужденными и нередко подвергаются манипуляциям со стороны последних, что приводит к нарушениям служебной деятельности и законности (пронес запрещенных предметов, предоставление осужденным незаконных благ).

Сотрудниками межрегионального отдела психологической работы ГУФСИН России по Красноярскому краю была разработана программа для пенитенциарных психологов, направленная на обучение сотрудников, контактирующих с осужденными, навыкам эффективного противодействия манипуляциям со стороны осужденных.

Тема манипулятивного воздействия на психику людей является одной из ключевых проблем человечества. Различные психотехнологии манипулирования позволяют внедрить в подсознание человека негативные установки и паттерны поведения.

Цель программы: научить сотрудников, контактирующих с осужденными, навыкам эффективного противодействия манипуляциям со стороны осужденных, применять методы эмоциональной и когнитивной регуляции для оптимизации собственной деятельности для повышения психологической устойчивости в сложных и экстремальных условиях.

Задачи программы:

1. Ознакомить сотрудников с причинами, механизмами, условиями, способами, приемами феноменологии манипулятивного поведения;
2. Обучить сотрудников проявлять психологическую устойчивость в сложных и экстремальных условиях;
3. Применять методы эмоциональной и когнитивной регуляции для оптимизации собственной деятельности и психологического состояния;
4. Противостоять манипуляциям со стороны осужденных.

Программа включает в себя 10 занятий из них:

С целью отслеживания динамики проводится входная и итоговая диагностика, направленная на выявление подверженности манипуляциям следующими методами: FPI, НПУ, ШСВ.

Апробация данной программы проходила в ФКУ ИК-6. В программе приняли участие 18 сотрудников, непосредственно контактирующих с осужденными, у которых по результатам психодиагностического обследования был выявлен низкий уровень нервно-психической устойчивости, склонность поддаваться манипуляциям.

По завершению программы было проведено повторное психодиагностическое обследование. Результаты обследования подтвердили эффективность мероприятий заявленных в программе, которые способствовали выработке у сотрудников, непосредственно контактирующих с осужденными психологической устойчивости в сложных и экстремальных условиях и навыков противостояния манипуляциям.

Знания в области антиманипулятивного поведения позволяют сотрудникам избегать отрицательного влияния со стороны осужденных, а в случае манипулятивного воздействия прибегнуть к эффективным и действенным способам противодействию манипуляции и осуществлению профессиональной деятельности без нарушений в служебной деятельности.

1. Богомолова Н.Н. Социальная психология массовой коммуникации: учеб. пособие для вузов Аспект Пресс, 2010.
2. Крысько В.Г. Социальная психология 4-е изд., пер. и доп. Учебник для бакалавров: Гриф УМО ВО М.: Издательство Юрайт, 2019.
3. Левкин В.Е. Тренинг эффективного общения: Учебники и учебные пособия для ВУ-Зов Директ-Медиа, 2016.
4. Мальханова И.А. Коммуникативный тренинг: учеб. пособие М.: Академ. Проект, 2006.
5. Суховершина Ю.В., Тихомирова Е.П., Скоромная Ю.Е. Тренинг коммуникативной компетенции: М.: Академ. Проект, 2006.

Психологические ресурсы здоровья как фактор профессионального развития

Психология здоровья, психология профессионального здоровья, ценностно-смысловые ориентации студентов, мотивация профессионального развития, ресурсный подход, психологические ресурсы здоровья

Необходимость в высококвалифицированных специалистах, отвечающих на вызовы современности сложно переоценить. Создание условий для развития здоровой личности с устойчивой мотивацией к трудовой деятельности является насущной задачей современной психологии.

Специалисты в области психологии обеспечения профессиональной деятельности убеждены, что психологическое сопровождение субъектов труда должно опираться на знание их ресурсов здоровья с учетом возраста и этапов профессионализации (Никифоров, Водопьянова, Шингаев, Столярчук, 2019).

Формирование человека как субъекта труда, осуществление психолого-профессиональной подготовки будет происходить более успешно, если человек в своей трудовой деятельности будет опираться на внутренние ценности и развиваться не только как специалист, но и как личность. В структуре субъектности ценностно-смысловой компонент является определяющим показателем уровня профессионального развития (Деркач, 2016).

Согласно мнению Д.А. Леонтьева (1996), личностные ценности образуют «точку опоры» личности, позволяющую ей встать в независимую позицию по отношению к внешнему миру и всем его требованиям, при этом связывая внутренний мир личности с жизнедеятельностью общества и отдельных социальных групп.

В одном из современных исследований подчеркивается, что согласованная система ценностных ориентаций, осознанность жизненных целей, сформированность представлений о своем будущем являются субъективными предикторами успешной самореализации и дальнейшего развития личности (Ежак, 2017).

Значение ценностно-смысловой определенности для профессионального развития специалиста подкрепляется данными многочисленных исследований: возможность субъекта реализовывать значимые жизненные ценности в трудовой деятельности в решающей степени определяет характер мотивации («уровень вовлеченности») (Гусева, 2018).

Поэтому, можно говорить о тесной связи профессионального развития личности со сформированностью субъектной позиции и наличием согласованной системы ценностно-смысловых ориентаций, которые обеспечивают долгосрочный характер мотивации саморазвития.

Ценностно-смысловой компонент предполагает «активность личностных ресурсов», что в свою очередь невозможно без высокой меры ценности всего, что объединяется в сферу профессиональной деятельности (Яркина, 2009).

На основе приведенных идей мы сделали предположение о том, что мотивация профессионального развития личности связана со степенью активизации ею психологических ресурсов здоровья: проактивности, рефлексивности и экзистенциальной исполненности.

Эта гипотеза проверялась нами на выборке студентов. Всего было опрошено 203 респондента двух вузов г. Санкт-Петербурга. Сравнивались показатели психологических ресурсов здоровья студентов с разным отношением к ценностным ориентациям: 1) стремлению достичь вершин профессионального мастерства, и 2) внести личный вклад в развитие общества.

Установлены различия между группами респондентов, отличающимися как по стремлению к высокому профессиональному уровню, так и по социально-ориентированной направленности мотивации. Показано наличие связи мотивации профессионального развития студентов со степенью активированности психологических ресурсов здоровья. Молодые специалисты, заинтересованные в высшем уровне профессионального мастерства и личном вкладе в общественное развитие, демонстрируют более выраженные показатели исследованных ресурсов: проактивности, рефлексивности, экзистенциальной исполненности, а, значит, в большей степени актуализируют потенциал собственного здоровья.

Таким образом, важными условиями, обеспечивающими формирование устойчивой мотивации профессионального развития, выступают ценностно-смысловые ориентации личности и психологические ресурсы здоровья.

Практическая значимость результатов исследования в том, что они могут использоваться специалистами, осуществляющими психологическое сопровождение студентов в период их профессионального становления.

Родионова Е.А.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Никифоров Г.С.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Доминяк В.И.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Отношение к профессиональному здоровью в контексте с вовлеченностью в работу

Профессиональное здоровье, эксплицитное и имплицитное отношение к профессиональному здоровью, вовлеченность в работу

Отношение к профессиональному здоровью сегодня — один из факторов сохранения продуктивности и профессиональной успешности как отдельных субъектов труда, так и целых коллективов. На концепциях вовлеченности строится целый ряд как эмпирических, так и теоретических постулатов повышения эффективности профессиональной деятельности.

Постановка проблемы. Проблема профессионального здоровья изначально рассматривалась как в науке, так и в практике в контексте регламентации и улучшения сложных производственных условий и тяжелого, часто опасного труда. Психологическим аспектам приписываются анализ причин здоровья/нездоровья, а также методов и средств его (здоровья) сохранения и укрепления (В.А. Ананьев, 1998). Анализ факторов профессионального здоровья позволяет выделить предикторы сохранения и укрепления профессионального здоровья (Г.С. Никифоров, 2006), в том числе связанные с вовлеченностью в профессию, в работу как в процесс. Следуя концепции здоровой личности Г.С. Никифорова, компоненты вовлеченности в работу могут стать не только ресурсом для профилактики профессионального выгорания, но и обеспечивать долгую профессиональную продуктивную жизнь. Целью исследования стал анализ связи вовлеченности и отношения к профессиональному здоровью (как эксплицитного, так и имплицитного).

Методы и результаты. Исследование проводилось на выборке из 134 сотрудников нефтеперерабатывающего предприятия (операторы нефтеперерабатывающих установок). В исследовании использовались: методика вовлеченности У. Шауфели и А. Беккера, анкета оценки профессионального здоровья Г. С. Никифорова, методика, основанная на модели ортогональных имплицитных установок для категорий «здоровье-болезнь» (В. Доминяк, Е. Родионова), оценка продуктивности сотрудников (нормы выработки, безопасности, качества и сроков).

Были получены результаты о вкладе вовлеченности и некоторых критериев профессионального здоровья в группу продуктивности. В 1 группе продуктивности (самая высокая) такие составляющие вовлеченности, как энергичность (*vigor*) и поглощенность (*absorption*), а также стрессоустойчивость и работоспособность (физическая и умственная). Была выявлена положительная связь компонентов вовлеченности с удовлетворенностью трудом, физическим уровнем профессионального

здоровья и эмоциональным благополучием. Все показатели вовлеченности имеют отрицательно отрицательную связь с выгоранием (что подтверждает концепцию W. Schaufeli (2003) на российской выборке), в которое входит эмоциональное истощение и редукция личных достижений. При этом первый тип отношения к здоровью статистически значимо более вовлечен в процесс и связан с такими эксплицитными показателями отношения к здоровью, как работоспособность (умственная и физическая) и эмоциональное благополучие.

Обсуждение и выводы. Анализ таких составляющих профессионального здоровья, как вовлеченность в работу, подтверждает постулат профессора Г.С. Никифорова о том, что профессиональное здоровье — это не только отсутствие профессиональных болезней или травм, но и полное физическое, психическое и социальное благополучие (Г.С. Никифоров, 2013). При этом социальное благополучие также охватывает активную профессиональную позицию, соблюдение баланса в работе и удовлетворённость профессиональной деятельностью (С.М. Шингаев, 2017). И в этом константе анализ составляющих вовлеченности в работу вносит новый и перспективней вклад в гармонизацию личности в профессии и повышению ее профессиональной успешности.

1. Ананьев В.А. Введение в психологию здоровья: Учебное пособие. — СПб., 1998.
2. Никифоров Г.С. Психология здоровья. — СПб.: Питер, 2006 г.
3. Никифоров Г. С. Понятие профессионального здоровья// Ананьевские чтения-2013. Психология в здравоохранении: материалы научной конференции. СПб.: СПбГУ, 2013.
4. Schaufeli W., Bakker A. «Utrecht work engagement scale». — Occupational Health Psychology Unit Utrecht University, 2003.

Исследование проводилось при поддержке гранта РФФИ, номер проекта 18-013-00568

Нервно-психическое напряжение у студентов в условиях самоизоляции

Нервно-психическое напряжение, студент, самоизоляция, COVID-19, адаптация

Исследование нервно-психического напряжения — (НПН) у студентов представляется важным и актуальным в разрезе современных реалий. Мир столкнулся с новыми обстоятельствами, последствия которых не известны. Предпринятое исследование дополнит знания о влиянии вынужденной социальной изоляции и дистанционного образования на студентов, позволит оценить негативное влияние на психологическое состояние вынужденных мер, предпринятых для сдерживания распространения вируса, и наметить задачи профилактической и коррекционной работы. Ключевыми задачами программ могут стать рассматриваемые особенности НПН: саморегуляция, психические состояния и структура деятельности.

Важным критерием процесса адаптации и его успешности выступает нервно-психическое напряжение (НПН) [1, С.24-28].

Научная новизна определяется изучением НПН у учащихся как составного элемента адаптации к сложным и динамичным ситуациям в период эпидемии глобального масштаба, вызванной COVID-19.

Целью представленного исследования является эмпирическое изучение особенностей НПН у студентов в условиях вынужденной самоизоляции, выявление факторов, оказывающих существенное влияние на формирование НПН.

В исследовании приняли участие 93 студента в возрасте от 16 до 20 лет.

Предполагается, что успешность регуляции деятельности, процессов адаптации и собственного состояния у человека в ситуациях НПН определяется его психологическими особенностями и способами саморегуляции поведения, а также фоном психических состояний.

Использовали методики: Методика «Оценка нервно-психического напряжения» [2, С.27-31.]. Опросник «Стиль саморегуляции поведения» [3, С.54-57]. Методика диагностики самооценки психических состояний [4, С.141-145]. Опросник «Цель-Средство-Результат» [5, С.73-76].

Результаты исследования обработаны Statistica (линейная корреляция и факторный анализ).

Таким образом, НПН у студентов характеризуется следующими особенностями:

1. Адаптивность, как способность адаптироваться к изменяющимся условиям;
2. Вариативность действий, как способность в новых условиях находить и использовать различные средства для достижения желаемых результатов;
3. Осознанная регуляция активности, как способность детально прорабатывать структуру деятельности, проявлять гибкость и адекватность к динамичным обстоятельствам;
4. Целеобразование, как возможность действовать самостоятельно в выдвиженные цели;

5. Потребность действовать, как активность деятельности, направленная на поиск дефицитных ресурсов, соотносимых с желаемыми результатами.

В результате проведенного исследования удалось определить особенности НППН у студентов в условиях необходимой самоизоляции, описать свойства взаимосвязей и основных факторов, влияющих на проявления НППН. Представленные данные факторного и корреляционного анализов выявляют мишени для психопрофилактической и коррекционной работы, направленной на предупреждение развития чрезмерного уровня НППН у учащихся в ограничительных условиях.

1. Березин Ф. Б. Психическая и психофизиологическая адаптация человека. — Л., 1988. — 270 с.
2. Немчин Т.А. Состояния нервно-психического напряжения / Т. А. Немчин. — Л. : Изд-во ЛГУ, 1983. — 166 с. : граф.; 21 см.
3. Моросанова В.И. Индивидуальный стиль саморегуляции: феномен, структура и функции в произвольной активности человека / В. И. Моросанова; Рос. акад. образования. Психол. ин-т. — М. : Наука, 2001. — 191, [1] с. : табл.; 20 см.; ISBN 5-02-013166-0.
4. Практическая психодиагностика : Методики и тесты : [Учеб. пособие] / [Ред.-сост. — Д. Я. Райгородский]. — Самара : БАХРАХ-М, 2002 (ГУП ИПК Ульян. Дом печати). — 667, [1] с. : ил.; 20 см.; ISBN 5-89570-005-5 (в обл.).
5. Малкина-Пых И.Г. Психосоматика : Новейший справ. / И.Г. Малкина-Пых. — М. ; СПб. : Эксмо ; 2003 (Н. Новгород : ГИПП Нижполиграф, Сова). — 926 с. : табл.; 21 см.; ISBN 5-699-04298-9 (в пер.).

Взаимосвязь профессионального выгорания и особенностей профессиональной мотивации у специалистов социэкономических профессий

Профессиональное выгорание, профессиональная мотивация, карьерные ориентации

Синдром выгорания представляет собой ответную реакцию на длительные профессиональные стрессы межличностных коммуникаций, включающую в себя три компонента: эмоциональное истощение, деперсонализацию и редукцию профессиональных достижений. Наиболее подвержены риску развития профессионального выгорания профессии «человек-человек» (Maslach, 1976, 1982; Водопьянова, Старченкова, 2005).

Профессиональная деятельность специалистов социэкономических профессий содержит определенные риски ухудшения профессионального здоровья: высокая насыщенность рабочего дня, обусловленная общением с другими людьми; большое количество различных по смысловому и эмоциональному содержанию деловых контактов; высокий уровень ответственности за результат общения; необходимость понимания индивидуальных особенностей, притязаний и экспектаций своих партнёров по общению; притязания на неформальное общение при решении различных вопросов; наличие конфликтных и напряженных ситуаций общения, связанных с недоверием, несогласием и отказом от дальнейшего взаимодействия и др. В связи с этим важными задачами психологии труда являются поиск путей превенции синдрома выгорания и укрепления профессионального здоровья представителей социэкономических профессий.

Цель исследования состояла в изучении взаимосвязи профессионального выгорания и типов профессиональной мотивации у специалистов социэкономических профессий.

Задачи: 1) изучить выраженность профессионального выгорания у специалистов социэкономических профессий; 2) определить особенности профессиональной мотивации у специалистов социэкономических профессий; 3) изучить взаимосвязь видов профессиональной мотивации, профессионального выгорания и отношения к различным аспектам работы у специалистов социэкономических профессий.

Методики исследования: «Мотивация профессиональной деятельности» (методика К. Замфир в модификации А. А. Реана), методика диагностики трудовых мотивов (В.И. Герчиков), «Якоря карьеры» (Э. Шейн, перевод и адаптация В.А. Чикер, В.Э. Винокурова), опросник профессионального выгорания ПВ Н.В. Водопьяновой, Е.С. Старченковой, опросник «Отношение к работе» К. Маслач, М. Лейтера.

Выводы. Специалисты социэкономических профессий имели высокий уровень профессионального выгорания. Для большинства респондентов была характерна внешняя мотивационная направленность (инструментальный тип мотивации).

Ведущими карьерными ориентациями в работе специалистов социэкономических профессий были «Стабильность работы» и «Интеграция стилей жизни», то есть они стремились сохранить рабочее место и сбалансировать различные сферы своей жизни. Респонденты были не удовлетворены такими аспектами своей деятельности, как «Вознаграждение», «Справедливость» и «Ценности».

Способствуют профессиональному выгоранию специалистов социэкономических профессий такие карьерные ориентации, как «Менеджмент», «Предпринимательство», «Автономия», «Вызов», а также «Люмпенизированный» тип мотивации. Препятствуют развитию выгорания профессиональный тип мотивации и ее внутренняя направленность.

Полученные результаты могут найти свое применение в психологическом отборе и обучении персонала, а также в программах стресс-менеджмента в организациях.

1. Maslach, C. (1976). Burned-out. *Human Behavior*, 5, 16–22.
2. Maslach, C. (1982). *Burnout The Cost of Caring*. Englewood Cliffs, NJ Prentice-Hall.
3. Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С. Синдром выгорания: диагностика и профилактика. СПб., 2005.

Психологические факторы профессионального стресса и модель поведения в стрессовой ситуации у сотрудников, входящих в кадровый резерв ОАО «РЖД»

Адаптация, профессиональный стресс, стрессовая ситуация, личность, профессиональная деятельность

Изучение профессионального стресса является на сегодняшний день актуальной темой исследования из-за его влияния, с одной стороны, на здоровье и личность сотрудников, с другой стороны, на работу организации в целом.

Цель исследования: выявление факторов, провоцирующих профессиональный стресс, и разработка модели поведения в стрессовой ситуации сотрудников, входящих в кадровый резерв ОАО «РЖД».

Выборка исследования: 105 человек со стажем работы от одного года до десяти лет.

Психодиагностические методики: «Определение доминирующего состояния Л.В. Куликова», «Дифференциальная диагностика состояний сниженной работоспособности» А.Б. Леоновой и С.Б. Величковой», «Многоуровневый личностный опросник «Адаптивность» А.Г. Маклакова и С.В. Чермянина», «Мотивационный профиль личности Ш. Ричи и П. Мартина» «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях (в адаптации Т.А. Крюковой)».

Методы статистической обработки: факторный анализ.

В результате исследования были выделены следующие психологические факторы, повышающие риск развития профессионального стресса. Кумулятивный (накопленный) процент общей дисперсии по данным факторам достигает 59,22%.

1. Особенности эмоциональной сферы, которые влияют на процесс принятия решения (9,1%).

2. Адаптивные способности (8,59%).

3. Личностное самоопределение (8,13%).

4. Самокритичность в профессиональной деятельности (6,78%).

5. Избегание профессионально трудных ситуаций (5,77%).

6. Направленность на социальное взаимодействие (5,76%).

7. Неопределенное отношение к нововведениям (5,75%).

8. Потребность в организации труда (5,41%).

9. Потребность в креативности (3,93%).

На основе выделенных психологических факторов была создана модель поведения сотрудников в ответ на стрессовую ситуацию.

В случае возникновения стрессовой ситуации сотрудники кадрового резерва ОАО «РЖД» проявляют растерянность, испытывают нарастающее чувство тревоги, но достаточно самокритичны. Сотрудники осознают, что существующих привычных способов решения проблемы недостаточно. Если они какое-то время находятся под

воздействием стрессора, то могут демонстрировать раздражительность или компенсировать напряжение в шуточной форме. Как правило, испытуемые ориентированы на мнение рабочего коллектива и вышестоящего руководства. Даже в стрессовых ситуациях они стараются поддерживать с другими людьми хорошие отношения. Иногда процесс принятия решения может осуществляться с помощью такого метода как мозговой штурм. Здесь стоит отметить наличие потребности в креативности.

На позицию резервистов влияют особенности самой стрессовой ситуации. Если у них есть опыт, то эта ситуация может восприниматься как вызов и предоставляет специалисту возможность убедиться в своих силах. В том случае, если ситуация нестандартна, сотрудники тревожатся, занимают пассивную позицию и испытывают нарастающее чувство беспокойства. Основной стратегией специалистов, входящих в кадровый резерв, является избегание стрессовых ситуаций в профессиональной деятельности.

В стрессовой ситуации у представителей группы кадрового резерва наиболее ярко проявляется потребность в нововведениях. Это может быть связано, например, с отсутствием соответствующего регламента для некоторых нестандартных случаев. Усилить профессиональный стресс могут такие ситуации, в которых сотрудник не получает должного вознаграждения за свои труды, недоволен физическими условиями и компания игнорирует его потребность в росте и развитии как профессионала.

Полученные результаты могут быть использованы на практике для разработки профилактических и тренинговых программ.

1. Степанова, Д.С., Долотина, Т.М. Исследование копинг-поведения сотрудников, входящих в кадровый резерв ОАО «РЖД» // Психология в меняющемся мире: проблемы, гипотезы, исследования. — 2020 (в печати).

Информационно-психологическая устойчивость как показатель профессионального психологического здоровья сотрудников полиции

Информационно-психологическая устойчивость, профессиональное психологическое здоровье, центральные Я-функции личности, конструктивность, деструктивность, дефицитарность, Психодинамически ориентированный личностный опросник (ПОЛО) «Ресурс», информационно-психологическое воздействие

В современных условиях информационно-психологического противоборства, гибридных угроз, информационных войн и беспрецедентной по своим масштабам и ожидаемым последствиям инфодемии COVID-19, когда целенаправленное информационное воздействие становится орудием достижения контроля над сознанием и скрытого управления поведением людей с помощью манипулятивных технологий навязывания деструктивно-дефицитарных паттернов, объектом негативного информационно-психологического воздействия неизбежно становятся и сотрудники полиции (СП).

Непрерывный деструктивный социальный прессинг, интегрирующий негативное воздействие макро- и специфической микросреды маргинально-криминального контингента, провоцирует непрекращающийся рост числа правонарушений коррупционного, агрессивно-насильственного характера, суицидов, аддикций и других форм отклоняющегося поведения, отмечаемого среди самих стражей закона, а также системные организационные трудности всех уровней ведомственной вертикали.

В этой связи высокую актуальность приобретает разработка проблемы информационно-психологической устойчивости (ИПУ) СП, как центрального, интегративного профессионально-важного качества, отражающего степень выраженности их профессионального психологического здоровья (ППЗ) и эффективности профессиональной деятельности. Данная проблема является многоаспектной и требует тщательной концептуально-методологической и методической проработки, а также практической реализации в виде разработки комплекса мероприятий по обеспечению информационно-психологической безопасности СП и конкретных целевых программ повышения их устойчивости к системным и ситуативным негативным информационно-психологическим воздействиям.

Наиболее перспективным направлением исследований указанной проблемы нам представляется их проведение в рамках современных психодинамических подходов и в частности — с позиций Я-структурной психодинамической модели личности Г. Аммона [1], ориентированной на выявление неосознаваемых личностных протекторов (детерминант) ИПУ. При этом установлена детерминированность ИПУ СП качеством центральных Я-функций их личности, укорененных в бессознательном, а также интегральных характеристик Я-идентичности (в смысле преобладания

их конструктивных проявлений над деструктивно-дефицитарными) [2]. Для валидной психодиагностической оценки и мониторинга последних, проводимых с помощью периодических массовых психопрофилактических обследований СП, наиболее релевантной на сегодняшний день является автоматизированная экспертная психодиагностическая система, разработанная на основе Психодинамически ориентированного личностного опросника (ПОЛО) «Ресурс» [3].

Научная и практическая значимость данного подхода состоит в том, что в нем впервые конструкт «ИПУ СП» рассматривается с позиций психодинамических характеристик их ППЗ, что позволяет разрабатывать адресные программы повышения ИПУ СП к негативному воздействию и реализовывать их в контексте массовых психопрофилактических обследований, направленных на оценку, прогнозирование и мониторинг ППЗ сотрудников ОВД, а также комплексных мероприятий по его сохранению и укреплению.

1. Гюнтер Аммон. Динамическая психиатрия в ракурсах времени. К столетию со дня рождения. Сб. — М.: ИД «Городец», 2018. — 568 с.
2. Смутина А.И., Зайырбекова А.А., Шаповал В.А. К вопросу исследования протекторов личностной устойчивости к негативному информационному влиянию (на примере курсантов образовательных организаций МВД России) // Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии (Васильевские чтения — 2018): материалы международной научно-практической конференции. — СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2018. С. 357-361.
3. Шаповал В.А. Экспертная психодиагностическая система оценки, прогнозирования и мониторинга профессионального психологического здоровья сотрудников органов внутренних дел: монография. — СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2019. — 231 с.

Семейные проблемы авиадиспетчеров как предикторы рисков в профессиональной деятельности

Психоэмоциональное напряжение, семейные проблемы, риски в профессиональной деятельности авиадиспетчеров

Из-за значительного объема работы, множества срочных поручений, решений, периодически возникающих конфликтов, сотрудники разных сфер деятельности могут находиться в состоянии повышенного психологического напряжения [1]. Одновременно, семейные проблемы являются одним из важных факторов, влияющих на психоэмоциональное напряжение профессионала [3].

Учитывая специфику профессиональной деятельности авиадиспетчеров, основанную на четком, быстром принятии решений, можно выделить спектр рисков, влияющих на рабочий процесс, в ходе которого они выполняют значительное количество задач и операций за короткий промежуток времени. Отвлекаться и размышлять о семейных проблемах становится критично недопустимо [2].

Эти факты подчеркивают актуальность исследования, предпринятого в рамках решение проблемы: насколько значим феномен семейных проблем как предиктор рисков в профессиональной деятельности авиадиспетчеров?

Объект исследования — семейные проблемы как психологический феномен, предмет — семейные проблемы как предикторы рисков в профессиональной деятельности.

Цель исследования — выявить и изучить семейные проблемы авиадиспетчеров.

Гипотезы:

1. Основные семейные проблемы авиадиспетчеров находятся в спектре взаимоотношений родителей и детей.

2. Семейные проблемы-предикторы риска в профессиональной деятельности авиадиспетчеров г. Москвы и г. Калининграда отличаются.

Для проверки гипотезы применялись:

1. Авторская анкета, направленная на изучение семейных проблем как предикторов рисков в профессиональной деятельности;

2. «Экспресс-диагностика уровня психоэмоционального напряжения и его источников (ПЭН)» (Е.В. Заикин, О.С. Копина, Е.А. Суслова);

3. Методика «Анализ семейной тревоги (АСТ)» (Э.Г. Эйдемиллер, В.В. Юстицкий);

а также коэффициент корреляции г-Спирмена и U-критерий Манна-Уитни.

Выборку составили 60 респондентов, из них 30 — авиадиспетчеры аэропортов г. Москвы и г. Калининграда.

В ходе исследования удалось установить, что у всех респондентов схожие представления о феномене семейных проблем: большинство определили их как внутрисемейные трудности в коммуникативной сфере, такие, как непонимание, ссора, развод и др.. Есть различия в спектре семейных проблем, описанных авиадиспетчерами и контрольной группой (специалистами профессиональных групп, в меньшей степени зависящих от уровня психоэмоциональной устойчивости): у авиадиспетчеров более «популярна» проблема недопонимания, в то время как у контрольной группы — открытые конфликты любого рода.

Для большинства авиадиспетчеров высказывание «семейные проблемы» носит негативный характер, хотя оно тождественно высказываниям спектра «семейные обстоятельства». Семейные обстоятельства они связывают с событиями, определяющими систему семейных взаимодействий (необходимость перенести смену из-за праздника, рождение ребенка, отпуск и др.).

Основное различие в спектре выделенных семейных проблем авиадиспетчеров г. Калининграда и г. Москвы лежит в зоне финансовой обеспеченности и безопасности.

Выявлены различия показателей стресса и показателей удовлетворения потребностей: все они выше у авиадиспетчеров по сравнению с контрольной группой. Различий в удовлетворенности жизнью в целом не установлено.

В общем фоне переживаний респондентов, связанном с их позицией в семье, у авиадиспетчеров показатели вины, тревожности, напряженности выше.

На основе результатов разработаны рекомендации для специалистов кадрового отдела по снижению влияния семейных проблем на профессиональную деятельность авиадиспетчеров.

1. Рогачева Т. В., Залевский Г. В., Левицкая Т. Е. Психология экстремальных ситуаций и состояний. — Томск: Издательский Дом ТГУ, 2015.
2. Шахторина Е.В. Стрессоустойчивость сотрудников службы организации пассажирских авиаперевозок // Педагогика и психология: перспективы развития: Сб. материалов III Междунар. научн.-практ. конф. — Чебоксары, 2017.
3. Эйдемиллер Э.Г. Психология и психотерапия семьи / Юстицкий В.В. — СПб: Питер, 2010.

Синдром самозванца: определение, история изучения, способы измерения

Феномен самозванца, определение, шкалы, психометрические свойства

Термин «феномен самозванца» был предложен Р. Слансе в 1978 году [2]. Феномен самозванца характеризуется внутренней убежденностью человека в том, что его успех зависит исключительно от случайности, внешней ошибки, личного обаяния. Люди с такой чертой личности опасаются, что их сочтут нечестными, они полагают, что не вписываются в организационную среду, несмотря на квалификацию и достижения.

С 1978 в зарубежных научных журналах было опубликовано более 1200 исследований, посвященных феномену самозванца, при этом 80% работ появилось за последние 20 лет [3]. В рамках данных работ можно выделить несколько крупных направлений изучения феномена самозванца: 1) группы людей и ситуационные переменные, связанные с проявлением данного феномена 2) связь с другими конструктами психики, 3) психометрические свойства шкал для измерения данного феномена.

П. Кланс было показано, что данная личностная диспозиция характерна для женщин, занимающих высокие должности или имеющих высокие академические достижения [1]. В последующих исследованиях было обнаружено, что феномен самозванца имеет более широкое распространение. Он характерен для групп расовых и этнических меньшинств, сексуальных меньшинств, профессиональных групп, где успех не поддается количественному исчислению, а также для тех, кто в обществе считается экспертами или специалистами, благодаря возрасту или накопленным знаниям. Феномен самозванца чаще всего проявляется в новых для человека ситуациях, при принятии новой роли или в начале истории успеха. Он развивается в условиях, когда люди пытаются изменить свое поведение, чтобы их положительно оценивали в новой ситуации или в новой группе, в связи с чем данный феномен может стать препятствием вхождения в новую среду и успешной адаптации. Существуют доказательства того, что развитие феномена самозванца может быть связано с переменными социального положения, изменяющимися контекстуальными факторами и факторами окружающей среды. Таким образом, изучение феномена самозванца позволяет рассматривать его как фактор, препятствующий достижениям в конкретной сфере деятельности, и ведущий к переживанию негативных эмоциональных состояний в профессии.

В рамках второй группы исследований было показано, что феномен самозванца отрицательно коррелирует с самооценкой, самовосприятием, и, положительно — с тревожностью и депрессией, страхом неудачи, перфекционизмом. Также была подробно изучена взаимосвязь феномена самозванца с «большой пятеркой» черт личности.

Диагностический инструмент для измерения феномена самозванца был разработан П. Кланс [1]. В дальнейшем появилось еще три инструмента: шкала феномена

самозванца Харви, шкала субъективного обмана Коллигиана и Стернберга, шкала самозванца Лири. Изучение валидности, надёжности, исследование психометрических свойств данных шкал, а также их адаптаций на другие языки составляет третью значительную группу исследований феномена самозванца.

Предварительный анализ показал, что исследований феномена самозванца в России не проводилось. В связи с этим обзор зарубежных исследований феномена самозванца вносит вклад в расширение проблемного поля отечественной психологии.

1. Clance P. R. The impostor phenomenon: Overcoming the fear that haunts your success. — Peachtree Pub Ltd, 1985.
2. Clance P. R., Imes S. A. The imposter phenomenon in high achieving women: Dynamics and therapeutic intervention //Psychotherapy: Theory, Research & Practice. — 1978. — Т. 15. — №. 3. — С. 241.
3. Mak K. K. L., Kleitman S., Abbott M. J. Impostor phenomenon measurement scales: A systematic review //Frontiers in psychology. — 2019. — Т. 10.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-013-00743

Психология профессионального здоровья руководителей как научное направление

Профессиональное здоровье, руководители, понятие, направления исследований, методологическая база

В общем круге проблем новой научной области психологических знаний — психологии профессионального здоровья — считаем обоснованным рассмотрение темы «Психология профессионального здоровья руководителей» с формулированием понятия «профессиональное здоровье руководителя», выделением методологической базы, определением перспективных направлений теоретических и эмпирических исследований.

Управленческая деятельность требует профессионального здоровья руководителя, поскольку характер управленческого труда относится к тем видам профессиональной деятельности, которые предъявляют повышенные требования к физическим и психоэмоциональным аспектам здоровья человека. Руководителю приходится испытывать социальные, психологические, физические, профессиональные нагрузки, возникающие в организационной деятельности и личностно-профессиональном развитии.

Предлагается авторское определение: профессиональное здоровье руководителя — это комплекс характеристик человека, позволяющий ему успешно справляться с вызовами и требованиями профессиональной среды, обеспечивающий эффективное выполнение управленческой деятельности и предполагающий отсутствие профессиональных заболеваний, а также физическое, психическое и социальное благополучие управленца.

Рассматривая проблему профессионального здоровья руководителей, обоснованным выглядит системный подход, позволяющий проанализировать всю совокупность феноменов, касающихся этой важной и сложной темы. На наш взгляд, методологической базой исследования может выступать концепция психологического обеспечения профессионального здоровья (С.М.Шингаев, 2014), концепция психологического обеспечения профессиональной деятельности (Г.С. Никифоров), основополагающие идеи психологии менеджмента (Г.С. Никифоров, А.В. Карпов, Р.В. Овчарова, Л.М. Gilbreth, H. Fayol), теоретические взгляды зарубежных и отечественных ученых в области психологии профессионального здоровья (В.А. Пономаренко, А.Г. Маклаков, Г.С. Никифоров, Р.А. Березовская, G.S. Everly, P.M. Muchinsky), ключевые положения психологии стресса (Л.А. Китаев-Смык, Н.Е. Водопьянова, Ю.В. Щербатых, J. Lewis, J. Bright, F. Jones, C.L. Cooper).

К перспективным направлениям теоретических изысканий и эмпирических исследований можно отнести: критерии профессионального здоровья руководителей, профессиональные вредности руководителей и пути их профилактики, психологические факторы профессионального здоровья руководителей на разных этапах профессионального пути; сравнительный анализ особенностей профессионального здоровья

руководителей различных организаций (например, образовательных и коммерческих).

1. Никифоров, Г. С., Шингаев, С. М. Психология профессионального здоровья как актуальное научное направление / Г. С. Никифоров, С. М. Шингаев. — Текст : непосредственный // Психологический журнал. — 2015. — Том. 36. — № 2. — С.12-16. — Библиогр.: с. 15-16 (21 назв.).
2. Психология профессионального здоровья : учебное пособие / Г. С. Никифоров, А. Г. Маклаков, В. И. Шестак и др. ; под редакцией Г. С. Никифорова. — Санкт-Петербург : Речь, 2006. — 480 с. — 1000 экз. — ISBN 5-9268-0436-1. — Текст : непосредственный.
3. Шингаев, С. М. Психологическое обеспечение профессионального здоровья менеджеров : специальность 19.00.03 «Психология труда, инженерная психология, эргономика» : диссертация на соискание ученой степени доктора психологических наук / Шингаев Сергей Михайлович ; Санкт-Петербургский государственный университет. — Санкт-Петербург, 2014. — 556 с. — Библиогр.: с. 389-432. — Текст : непосредственный.
4. Шингаев, С. М., Никифоров, Г. С. Профессиональное здоровье руководителя : монография / С. М. Шингаев, Г. С. Никифоров ; Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования. — Санкт-Петербург: СПб АППО, 2017. — 188 с. — 160 экз. — ISBN 978-5-7434-0655-5. — Текст : непосредственный.

Проблема формирования продуктивных копинг-стратегий курсантов образовательных учреждений МЧС России в процессе профессионального обучения

Профессиональный стресс, формирование продуктивных копинг-стратегий, профессиональное обучение, курсанты пожарно-спасательной академии

Для специалистов профессий экстремального профиля особенно значимо умение применять разнообразные адаптивные (продуктивные) копинг-стратегии, которые позволяют успешно совладать со множеством стрессогенных факторов профессионального стресса, как хронического, так и травматического. Сформированностью адаптивных стратегий копинг-поведения и личностными копинг ресурсами определяется эффективность профессиональной деятельности сотрудников ГПС МЧС России в экстремальных ситуациях (Бухвостов А.В., 2004), а также профессиональное здоровье и профессиональное долголетие специалистов. Поэтому в процессе профессионального обучения необходимо сформировать не только профессиональные компетенции и профессионально-важные качества, но и такие компетенции, которые повысят готовность будущих специалистов к эффективному выполнению деятельности в экстремальных ситуациях и профилактике негативных последствий профессионального стресса. Таким образом, изучение стратегий совладающего поведения курсантов и формирование продуктивных копинг-стратегий является одной из актуальных задач образовательных учреждений высшего образования МЧС России.

В 2019 г. проведено эмпирическое исследование с целью выявления структуры и выраженности копинг-стратегий курсантов, в котором приняли участие 93 обучающихся Сибирской пожарно-спасательной академии ГПС МЧС России: 64 курсанта 4 курса и 29 сотрудников МЧС России (слушатели 6 курса заочной формы обучения). Методы: методика «Опросник способов совладания» ОСС (Крюкова Т.Л., 2010). Обработка данных: критерий U-Манна-Уитни.

Выявлено, что в структуре копинг-стратегий курсантов и сотрудников МЧС все стратегии, за исключением стратегии «избегание», представлены в диапазоне средних значений тестовых норм опросника ОСС (Крюкова Т.Л., 2010), ближе к нижней границе диапазона. Непродуктивная стратегия «бегство-избегание» находится в диапазоне низких значений тестовых норм опросника, у курсантов — ближе к верхней границе, у сотрудников — к нижней, различие статистически не значимо. Статистически значимые различия между выборками курсантов и сотрудников (U-критерий Манна-Уитни) выявлены по двум стратегиям. Стратегию «Поиск социальной поддержки» курсанты (средний показатель выраженности стратегии — 9,19) используют реже ($p=0,048$) сотрудников МЧС (средний показатель — 10,45). Стратегию «Положительная переоценка» курсанты (средний показатель — 10,52) применяют намного реже ($p=0,023$) сотрудников (средний показатель — 12,17). Это может свидетельствовать о том, что курсанты предпочитают решать сложные ситуации без посторонней помощи привычными способами, не задумываясь о поиске ресурса и более

адаптивной модели поведения в этой ситуации. Вероятнее всего, это связано с особенностями возраста, не достаточным уровнем развитости коммуникативных умений и эмпатии, чтобы обратиться к кому-либо с просьбой о помощи.

Наиболее эффективно решить задачу формирования продуктивных копинг-стратегий можно путем целенаправленного формирования навыков саморегуляции (при изучении психологических дисциплин) и развития коммуникативной компетентности (при проведении занятий семинарского типа, решении кейсов, групповых форм организации учебного процесса).

1. Бухвостов, А. В. Психологические особенности копинг-поведения сотрудников Государственной противопожарной службы МЧС России : специальность 05.26.02 «Безопасность в чрезвычайных ситуациях» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук / Бухвостов Алексей Владимирович ; Всероссийский центр экстренной и радиационной медицины МЧС России. — Санкт-Петербург, 2004. — 23 с. : ил.
2. Крюкова, Т. Л. Методы изучения совладающего поведения: три копинг-шкалы / Т. Л. Крюкова. — Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова — Авантитул, 2010. — 64 с. — Текст : непосредственный.

Шойгу Ю.С.
Москва, МГУ им. М.В.Ломоносова, факультет психологии; ФКУ ЦЭПП МЧС России

Цыбуля В.И.
Москва, МГУ им. М.В.Ломоносова, факультет психологии; ФКУ ЦЭПП МЧС России

Мамедова Э.А.
Москва, ФКУ ЦЭПП МЧС России

Модель интегральной оценки здоровья специалистов МЧС России

Медико-психологическая реабилитация, здоровье, функциональное состояние, интегральная оценка здоровья

При проведении медико-психологической реабилитации со специалистами МЧС России важно опираться на индивидуальные результаты оценки актуального уровня. На сегодняшний день существуют разные научные подходы к пониманию здоровья, определению критериев и методов его оценки. Предлагаемые различными исследователями методики интегральной оценки здоровья не могут в полной мере применяться в рамках медико-психологической реабилитации со специалистами МЧС России, так как в них не учитываются профессионально обусловленные требования к уровню здоровья специалистов, принимающих участие в аварийно-спасательных мероприятиях.

Целью исследования была разработка модели интегральной оценки здоровья специалистов МЧС России для применения в рамках медико-психологической реабилитации. Выборка состояла из 90 специалистов МЧС России, профессиональная деятельность которых связана с участием в ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций и пожаров. Возраст участников исследования не превышал 45 лет. Большую часть выборки составили мужчины.

Процедура исследования включала два этапа. На первом этапе проводилась оценка показателей функционального состояния специалистов МЧС России, проходивших медико-психологическую реабилитацию на базе ФКУ ЦЭПП МЧС России и филиалов. Антропометрические и физиологические показатели измерялись с помощью таких методов, как: биомпедансометрия, кистевая динамометрия, проба Штанге, проба Мартине, методика расчета коэффициента выносливости Кваса. Для оценки психологических показателей применялись методики: «Дифференциальная диагностика состояний сниженной работоспособности» А.Б.Леоновой, С.Б.Величковой, «Степень хронического утомления» А.Б.Леоновой, И.В.Шишкиной, «Шкала реактивной тревожности» Ч.Спилбергера, в адаптации Ю.Л.Ханина. Диагностика психофизиологических показателей проводилась с помощью вариационной кардиоинтервалометрии, теста сложной зрительно-моторной реакции и теппинг-теста.

На втором этапе проводилась статистическая обработка данных, которая включала проверку нормальности распределения (одновыборочный критерий Колмогорова-Смирнова), проверку данных на возможность проведения регрессионного

анализа (коэффициент корреляции Спирмена), создание регрессионной модели интегрального показателя здоровья (пошаговый регрессионный анализ). С целью расчета зависимой переменной (индивидуальный показатель здоровья) проводилась категоризация показателей с узким диапазоном нормы, нормировка всех показателей, инверсия показателей с отрицательной динамикой.

Результаты исследования. В ходе пошагового регрессионного анализа была определена модель, обладающая высоким коэффициентом детерминации (объясняет 88% результатов выборки). Высокая предсказательная способность модели была подтверждена значением коэффициента детерминации ($R^2=0,877$), отсутствием автокорреляции (значение Дурбин-Уотсона в пределах [1,5; 2,5]), достоверностью построенных связей переменной (Sig. = 0,000), а также гомоскедастичным распределением остатков. Данная регрессионная модель включает 10 показателей, оказывающих наибольшее влияние на общий уровень здоровья специалистов МЧС России: индекс массы тела (X_1), время задержки дыхания на вдохе (X_2), силовой индекс (X_3), уровень силы нервной системы (X_4), уровень стабильности реакций (X_5), уровень безошибочности (X_6), показатели монотонии (X_7), стресса (психоэмоционального напряжения) (X_8), реактивной тревожности (X_9) и индекс напряжения (X_{10}). Формула регрессионного уравнения интегрального показателя здоровья (Y): $Y(\text{инт.показ.здоровья}) = 13,596 + (-0,055 * X_1) + (0,903 * X_2) + (1,912 * X_3) + (0,205 * X_4) + (0,010 * X_5) + (0,416 * X_6) + (-0,140 * X_7) + (-0,122 * X_8) + (-0,031 * X_9) + (-0,004 * X_{10})$.

Выводы: полученная регрессионная модель может использоваться для интегральной оценки здоровья специалистов МЧС России на этапе составления программы реабилитационных мероприятий, что позволит реализовывать индивидуальный и комплексный подход к проведению медико-психологической реабилитации.

Эмоциональное выгорание у специалистов МЧС России: возможности профилактики и коррекции

Специалист МЧС России, структура эмоционального выгорания, психопрофилактика, психокоррекция, общеоздоровительная программа

Деятельность специалистов МЧС России относится к профессиям экстремального профиля с высоким риском развития синдрома эмоционального выгорания (далее — СЭВ), что обусловлено риском для жизни и здоровья, дефицитом времени на анализ и принятие решений, высокой ответственностью за результат, широким диапазоном профессиональных задач, выраженными физической и психологической нагрузками [3].

В.В. Бойко рассматривает «эмоциональное выгорание» как механизм психологической защиты в форме полного или частичного исключения эмоций в ответ на определенные психотравмирующие воздействия [1].

Мероприятия по психологической профилактике, коррекции и общеоздоровительные программы медико-психологической реабилитации (МПР) в системе МЧС России осуществляются по результатам мониторингового и постэкспедиционного обследования, а также по индивидуальному запросу специалиста.

При наличии I и II групп рекомендаций профилактика эмоционального выгорания реализуется посредством групповых психопрофилактических занятий, индивидуальных консультаций и краткосрочной программы оперативного восстановления работоспособности.

При III группе рекомендаций реализуются комплексные программы коррекции и индивидуальная психологическая коррекция. При наличии проявлений СЭВ рекомендована комплексная программа «Феникс», реализуемая на базе комнат психоэмоциональной разгрузки [2].

Наличие III группы рекомендаций также выступает основанием для направления на общеоздоровительную программу МПР в ФКУ ЦЭПП МЧС России и его филиалах.

В 2018 году на базе Сибирского филиала ФКУ ЦЭПП МЧС России проводилось исследование влияния общеоздоровительной программы МПР на психофизиологическое состояние лиц с эмоциональным выгоранием. По опроснику В.В. Бойко было обследовано 78 специалистов МЧС России Сибирского федерального округа, направленных на МПР. В выборку лиц с наличием признаков СЭВ вошел 41 человек (52,6% от общего количества).

С целью выявления динамики психофизиологического, субъективного соматического и эмоционального состояний специалистов МЧС России в ходе общеоздоровительной программы МПР были проведены: формализованное интервью, психофизиологическое обследование на комплексах «Психофизиолог», «Реакор»; Гиссенский опросник, шкалы дифференциальных эмоций К. Изарда.

Складывающиеся фазы СЭВ у специалистов МЧС России были представлены: напряжением — 9,7%; резистентностью (сопротивлением нарастающему стрессу) —

53,7%, а также истощением — 7,3%. Сложившиеся фазы: резистентностью — 24,4% и истощением — 4,9%.

Реализация общеоздоровительной программы МПР привела к статистически значимым сдвигам в сторону улучшения функциональной подвижности нервных процессов и координации движений ($p<0,05$), улучшения эмоционального состояния ($p<0,05$) преимущественно у лиц со складывающимися фазами эмоционального выгорания, а также к субъективному улучшению самочувствия ($p<0,01$), в том числе — у лиц со сложившимися фазами выгорания.

Результаты исследования показывают отсутствие СЭВ у 47,4% специалистов МЧС России, что подтверждает необходимость проведения для специалистов психопрофилактических и коррекционных мероприятий, направленных на проявления СЭВ.

Общеоздоровительная программа МПР приводит к статистически значимым сдвигам психофизиологических показателей у лиц с наличием признаков СЭВ, однако, представляется перспективным усиление программы методами проработки психологических аспектов синдрома, а также увеличение ее продолжительности.

1. Бойко, В.В. Энергия эмоций / В.В. Бойко. СПб.: Питер, 2004. — 474 с. — ISBN: 5-94723-888-8.
2. Методические рекомендации по психологической профилактике и коррекции в МЧС России / Под об. ред. Ю.С. Шойгу. М.: ФКУ ЦЭПП МЧС России. 2016. 300 с.
3. Овчарова, Р.В. Влияние специфики профессиональной деятельности на эмоциональное выгорание сотрудников МЧС / Р.В. Овчарова, Е.М. Агафонцева // Вестник Курганского государственного университета. Серия: физиология, психология и медицина. — 2017. — №3 (46). — С. 73-79. ISSN: 2222-3312.

Догматизм и темная триада в контексте профессиональной подготовки к служебной деятельности

Служебная деятельность, нормативность, догматизм, «темная триада» личности

Понятие служебной деятельности является общим для различных групп профессий, объединенных категорией служения, профессиональной приверженности и выполнения долга перед Родиной. Анализ служебной деятельности и подготовки к ней невозможны вне категорий правовой, экономической, социальной, личной нормативности.

Постановка проблемы. Актуальной задачей является обоснование тех психологических характеристик и их комплексов, которые будут снижать эффективность профессиональной деятельности, выступать в роли фильтра при отборе кандидатов на этапе профессиональной подготовки. В настоящей работе в качестве таких характеристик рассмотрены догматизм и комплекс «темной триады».

Предпосылки психологического исследования догматизма в служебной деятельности определяются включенностью догматизма в конструирование социально-когнитивных моделей поведения, в том числе в организации. Догматизм и компоненты авторитарной индивидуальности изучены в контексте социальных установок к закону и порядку, регуляции этических решений, отношения полиции к избирательному исполнению закона (например, Steffnsmeier, 1974; Colman, Gorman, 1982; Wortley, 2003).

Комплекс «темной триады», представленный свойствами макиавеллизма, нарциссизма и психопатии обсуждается в русле нарушений социальных норм, установок и переживаний, которые сопровождают или возникают после их нарушения. Среди коррелят «темной триады» («темной тетрады» с учетом садизма) выявлены делинквентность, кибербуллинг (троллинг), нарушение самоконтроля поведения, злобность (spitefulness), жадность (greed), нарушение межличностных отношений, жесткость (harshness) и непредсказуемость (например, Marcus and Zeigler-Hill, 2015; Jonason et al., 2016; Dinić & Jevremov, 2019).

Методы исследования. В исследовании приняли участие студенты, обучающиеся по направлению управление персоналом n=43, 17 девушек и 26 юношей в возрасте от 17 до 26 лет (M=18,2 SD=1,39). Была использована шкала догматизма С. Ширмэн и Т. Ливайн (Shearman and Levine, 2006), короткий опросник «темная триада» (SD3), (М.С. Егорова и др., 2015). Догматизм операционализирован как когнитивный стиль. Для его концептуализации наиболее значимыми являются: 1) степень открытости-закрытости; 2) степень, с которой индивид верит в единственную правильную точку зрения; 3) степень, с которой человек отвергает идеи или точки зрения, противоречащие его собственным; 4) слепое уважение или чрезмерная опора на авторитет (Shearman and Levine, 2006).

Результаты исследования. Корреляционный анализ показал взаимосвязи догматизма и психопатии ($r=,624$ $p\leq,01$), макиавеллизма и нарциссизма ($r=,363$ $p\leq,05$), макиавеллизма и психопатии ($r=,624$ $p\leq,01$). Выявлены различия по признаку пол по всем показателям темной триады ($p=,024$; $p=,02$; $p=,001$). Мужчины демонстрируют тенденцию к макиавеллизму и нарциссизму, тогда как женщины к психопатии. На уровне тенденции обнаружены различия в большей когнитивной закрытости мужчин ($p=,082$).

Обсуждение. Получено подтверждение того, что «темная триада» выступает комплексом черт макиавеллизма, нарциссизма, психопатии. Закрытый новому когнитивному опыту стиль познания может являться защитной реакцией личности на неустойчивость. Результаты сравнения показали, что пол играет роль опосредующего фактора во взаимосвязях между переменными, что требует дополнительной проверки.

Выводы. Выбор служебной деятельности как профессионального поля самореализации может явиться способом социализации неустойчивости личности и при умеренном уровне догматизма будет способствовать профессиональной приверженности. Высокие показатели свойств «темной триады» в сочетании догматизмом будут приводить к деформированным формам служения.

1. Егорова М.С., Ситникова М.А., Паршикова О.В. Адаптация Короткого опросника Темной триады // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 43. С. 1. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 21.06.2020).
2. Shearman S.M & Levine T.R Dogmatism Updated: A Scale Revision and Validation // Communication Quarterly. 2006. Vol. 54. № 3.P."

Астраханцева А.М.
Санкт-Петербург, НГУ им. П. Ф. Лесгафта

Развитие чувства времени у юношей — боксеров

Психологическая подготовка спортсмена, телесность в спорте, спортивные чувства, тренажёр СИГВЕТ-БОКС, бокс, чувство времени

Постановка проблемы. Развитие телесности спортсменов как термине обобщающим в себе «спортивные чувства» и «специализированные спортивные восприятия» отмечается в практике и теории и методике Спорта (ТиМ ФКиС) как очень важная часть психологической подготовки спортсмена. В психологии спорта и ТиМ ФКиС пока не выработано определение телесности. Приведём пример определения телесности из философии.

Телесность — это категория для обозначения телесной структуры человека, являющейся результатом процесса онтогенетического, интеллектуально-личностного развития и выражающее культурную, индивидуально-психологическую и смысловую составляющие уникального человеческого существа. Развитие телесности связано с возникновением телесных феноменов, которые рассматриваются как аналог высших психических функций и обладают всеми их характеристиками, то есть социальны по происхождению, опосредованный по строению, произвольны по характеру регуляции. Т. о., в процессе субъектного овладения своим телом натуральные телесные функции превращаются в детерминированные культурно и развиваются далее внутри и под контролем культурного.

Методика. Развитие чувства времени у юношей — боксеров с помощью тренажера СИГВЕТ-БОКС во время выполнения двигательной задачи — прямого удара по мишеням тренажера. Тренажёр СИГВЕТ-БОКС (круглая макивара с тремя размером 7 на 10 см кнопками — мишенями). Закреплён на неподвижной опоре — шведской стенке, на уровне плеч спортсмена. В ответ на световые сигналы (которые подаются в случайном порядке) с помощью светодиодных лампочек разного цвета на контактных мишенях спортсмен наносит удары по мишеням. При появлении зелёного сигнала — надо как можно быстрее сделать удар в эту же мишень. При появлении красного сигнала — как можно быстрее сделать удар в другую свободную мишень. При появлении синего сигнала — делается пауза в 1,5 сек. и далее удар в эту же мишень. Время подачи следующего сигнала 0,9 сек. Все подаваемые сигналы, и время ответов на них, регистрируются в ПК. В режиме реального времени в виде графика с точками разного цвета выводятся результаты на экран ПК.

Выборка. В проведённом эксперименте приняли участие 47 юношей — боксеров (7 — 27 лет) различной спортивной квалификации (от без разряда до КМС) и стажем занятий боксом от 0,5 года до 15 лет.

Спортсмены били две серии по 50 ударов правой и левой рукой (отдельно). Заранее ни с кем из боксеров не отработывался интервал в 1,5 сек.

Цель. Сформировать у боксеров чувство времени (1,5 сек) во время выполнения упражнения сходного с их основной спортивной деятельностью. Подтвердить, таким образом, возможность формирования разнообразных «спортивных чувств» (телесности спортсмена) сопряжённых с выполнением спортивных упражнений.

Результаты и выводы. В первой серии: средние ударов на синий сигнал правой рукой=1023 см, станд. откл. (S)=187 см. Средние ударов на синий сигнал левой рукой=1056 см, S=198 см. Коэффициент корреляции между реакциями на синий сигнал в первой серии правой и левой рукой =0,52. Далее в последующих сериях идёт увеличение среднего времени реагирования на синие сигналы, приближение к эталону (1500 мс).

Время реагирования на красные и зелёные сигналы постепенно снижается. Среднее время реагирования на зелёные сигналы немного быстрее, чем на красные. Что говорит о том, что когнитивная часть задания при красном сигнале более сложная, чем при зелёном.

Коэффициенты корреляции между правой и левой рукой на красные сигналы в первой серии =0,79, на зелёные сигналы $r=0,67$. И далее в следующих сериях также высокие. Так же высокой корреляцией связаны время ударов во разных сериях на красные и зелёные сигналы.

В целом спортсмены справились с заданием на воспроизведение удара за определенное эталонное время (1500 мс).

Психологические аспекты применения принципа наглядности при обучении спортсменов новым упражнениям

Психологическая подготовка тренера, психологическое обеспечение спорта, наглядность, обучение новым упражнениям

Для организации психологического обеспечения и психологической подготовки важно понимать особенности вида спорта, его психологическую структуру, связанную с достижением результата. Существенны и особенности тренировочной деятельности, специфика познания и обучения в конкретном виде спорта.

Постановка проблемы. Общие закономерности обучения реализовываются в спорте в виде дидактических принципов, например, «оптимальной трудности», «доступности», «наглядности» и т.п. Значение принципа наглядности для эффективности обучения в спорте велико. В процессе обучения формируется образ необходимого движения, который в дальнейшем является залогом успешности действий, поэтому в литературе по спортивной педагогике к демонстрации предъявляются высокие требования: необходимо обеспечить не только наглядность факта, но и наглядность закономерности движения, что позволит спортсмену быстрее самостоятельно решать двигательные задачи. Отмечается важность перехода от смысла действия к смыслу отдельных компонентов, добиваться понимания назначения каждой изучаемой операции в смысловой структуре действия.

Целью исследования являлось изучение использования наглядности в работе спортивных тренеров при обучении новым упражнениям. В исследовании приняли участие 330 спортсменов из 47 видов спорта, мы их разделили на группы в соответствии с олимпийской классификацией: скоростно-силовые (37 человек), циклические (75), единоборства (46), многоборья (21), спортивные игры (60), гимнастика (56), танцы/ фигурное катание (35).

Методика. Спортсмены отвечали на вопрос анкеты, оценивая применение разных средств наглядности в работе тренера: как тренер дает вам задание — новое (плохо освоенное) упражнение? 1. Подробно рассказывает все словами, иногда использует жесты 2. Показывает сам все упражнение либо его значительную часть 3. Показывает фото, видео выполнения упражнения квалифицированным спортсменом. 4. Приглашает старшего ученика и дает ему задание на выполнение этого упражнения 5. После объяснения тренер просит мысленно несколько раз проделать это движение, и только затем мы выполняем его вживую. Респондентам предлагалось оценить каждое утверждение в процентах (общая сумма 100%) в соответствии со своим опытом. Для статистической обработки использовался критерий Краскелла-Уоллиса с последующей проверкой тестом Данна.

Результаты и выводы. Средние оценки по каждому пункту: п.1 «Словами»=37,1; п.2 «Показ»=27,4; п.3 «Фото»=8,1; п.4 «Показ старший»=17,7; п5 «Мысленно»=10,4. В результате проверки значимости различий между ответами спортсменов разных групп видов спорта были выявлены значимые различия в оценке п.1 «Словами» ($p=0.033$), различия между ответами групп спортсменов по п.2 «Показ» близки к значимой ($p=0.052$), по остальным пунктам значимые различия не выявлены.

Если суммировать п.2-3-4 как наглядные средства, то эта сумма больше, чем п.1 «Словами» для всех групп видов спорта. Больше всего разница (37,4 балла) в танцах (п.1=26,3; п.2-4=63,7). Минимальная разница (3,5) в скоростно-силовых (п.1=43,4; п.2-4=46,9).

Самый применяемый прием наглядности — п.2 «Показ» упражнений тренером. Чаще всего его используют в танцах (33,9), менее всего в многоборьях (19,5).

Далее по применимости идет п.4 «Показ старшим» учеником. Чаще всего его применяют в танцах (23,3), менее всего в скоростно-силовых видах (12,3).

Третьим по применимости идет п.3 «Фото» и видео показ. Чаще всего его применяют в циклических (12), менее всего в скоростно-силовых (4,5).

Наиболее равноценно выглядит применение средств наглядности в многоборьях (п.2-3-4: 19,5-10,2-20,7).

Т.о., при объяснении нового упражнения в различных видах спорта тренеры в разном объеме используют средства наглядности.

Менее всего применяется п.3 «Фото» и видео показ. Вероятно, это связано с отсутствием материальных носителей в местах тренировок, удачных подборок фото, видео пособий по выполнению конкретных спортивных упражнений, большими временными затратами тренера на их создание. Малой эффективностью имеющих, по мнению тренеров.

Специфика вклада социального и эмоционального интеллекта в профессиональные достижения спортсменов

Социальный интеллект, эмоциональный интеллект, психическая устойчивость, спортсмены, командные, индивидуальные виды

В последнее время в научной литературе уделяется внимание поиску ресурсов повышения эффективности деятельности специалистов в различных областях [2]. Спортивная деятельность характеризуется наличием соревновательного стресса и организационного стресса, на фоне которого атлетам необходимо демонстрировать высокий уровень подготовки [1]. Социальный и эмоциональный интеллект рассматриваются как значимые регуляторы выбора стратегий преодолевающего поведения, профилактики эмоционального выгорания, повышения способности к саморегуляции [1, 3]. При этом в литературных источниках не упоминается о специфических особенностях вклада данных видов интеллекта в профессиональные достижения спортсменов. В связи с этим целью нашего исследования явилось изучение специфики вклада социального и эмоционального интеллекта в профессиональные достижения спортсменов. Исследование реализовывалось с помощью методики Н. Холла, теста Дж. Гилфорда, опросника ССП-98 В.И. Моросановой, копинг-теста Р. Лазаруса, шкалы самооценки Дембо-Рубинштейн, теста нервно-психической устойчивости «Прогноз», анкеты психической надежности спортсмена В.И. Мильмана. При обработке данных применялись корреляционный анализ Пирсона и множественный регрессионный анализ. Выборку составили 100 профессиональных спортсменов (командные виды спорта) и 61 спортсмен (индивидуальные виды спорта).

Эмоциональный интеллект у спортсменов командных видов спорта является ресурсом повышения психической устойчивости к соревновательному стрессу. Это выражается в повышении нервно-психической и соревновательной эмоциональной устойчивости с одной стороны и снижении чувствительности к стрессорам — с другой. Он детерминирует выбор стратегий преодоления стресса, ориентированных на планирование решения проблемы, поиск социальной поддержки и положительной переоценки ситуации. Вместе с ростом его показателей усиливаются моделирование, регуляторная гибкость, самооценка и уровень притязаний. Социальный интеллект в меньшей степени участвует в поддержании психической устойчивости, но в большей — в коррекции самооценки и уровня притязаний.

В индивидуальных видах спорта эмоциональный интеллект в большей степени связан с усилением нервно-психической устойчивости и в меньшей — со снижением чувствительности к стрессорам. С ростом показателей эмоционального интеллекта усиливаются проблемно-ориентированные копинг-стратегии, регуляторная гибкость и самостоятельность. Социальный интеллект связан с уровнем притязаний и расхождением между самооценкой и уровнем притязаний.

Таким образом эмоциональный интеллект и в командных и в индивидуальных видах спорта регулирует устойчивость к соревновательному стрессу у спортсменов.

Социальный интеллект больше связан с самооценкой спортсменов, поскольку позволяет эффективнее воспринимать обратную связь от социального окружения и корректировать представление о себе. В зависимости от видов спорта влияние оказывают различные компоненты эмоционального и социального интеллекта.

1. Горская Г.Б. Личностные ресурсы самореализации спортсмена: стратегии раскрытия / Г.Б. Горская. — Текст : непосредственный // Актуальные вопросы физической культуры и спорта. — 2015. — Т. 17. — С. 71-78. — Рез. англ. — Библиогр.: с. 78 (7 назв.).
2. Толочек В.А. Стили деятельности : ресурсный подход / В.А. Толочек ; Институт Психологии РАН. — Москва : Институт Психологии РАН, 2015. — 366 с. — Библиогр.: с. 326 — 348. — 500 экз. — ISBN 978-5-9270-0299-3. — Текст : непосредственный.
3. Хазова С.А. Ментальные ресурсы субъекта в разные возрастные периоды : специальность 19.00.13 «Психология развития и акмеология» : диссертация на соискание ученой степени доктора психологических наук / Хазова Светлана Абдурахмановна ; Костромской Государственный Университет имени Н.А. Некрасова. — Кострома, 2014. — 426 с. — Библиогр.: с. 371 — 423. — Место защиты: Институт Психологии РАН. — Текст : непосредственный.

Бочавер К.А.
Москва, Московский институт психоанализа

Довжик Л.М.
Москва, Московский институт психоанализа

Антиценности в спорте высших достижений: эксплораторное исследование позиции тренера

Антиценности, система ценностей, спорт высших достижений, тренер

В силу интенсивности стресса и выраженной конкуренции спорт высших достижений требователен к сплоченности, в том числе, единству ценностей спортсмена и команды специалистов, принимающих участие в его подготовке. Долгая профессиональная траектория спортсмена и прохождение им череды кризисов-переходов подразумевает расширение амплуа тренера от коуча до наставника, лидера и даже персоны, олицетворяющей родительский авторитет. В связи с этим целесообразным представляется поиск ответов на вопрос о многообразии установок, разделяемых успешными тренерами, успевшими реализовать трансляцию ценностей нескольким поколениям профессиональных спортсменов.

Основной задачей данного исследования стал сравнительный анализ антиценностей в спорте высших достижений как деструктивной категории, вызывающей отторжение и осуждение. Выборку составили профессиональные тренеры (N=31, Mвозраст=31,6), представители разных видов спорта. Им было предложено исследовательское интервью о ценностях (Квале, 2003). Обработка интервью проходила путем частичного контент-анализа, кодирование было ограничено совокупностью реплик, содержащих слова-маркеры в комментариях к группе вопросов «Что в качествах, поступках или взглядах спортсмена вы считаете неприемлемым и неправильным?» (Бочавер, Бондарев и соавт., 2017).

Результаты показали высокое разнообразие позиций вкупе с высокой рефлексией; индивидуальный негативизм в отношении отдельных черт и поступков, как правило, обосновывается ценностными и прагматическими установками: «Спортсмен, даже достигая свою цель, должен оставаться человеком, достойным членом общества и не забывать об этом. На него смотрят, ему подражают», «От характера спортсмена зависит спортивная карьера, любой конфликт с членами команды или тренером способен навредить ему не меньше, чем плохой результат», «Очень многое зависит от лидера, на него равняются остальные партнеры, а особенно молодое поколение. Любое отрицательное качество вожака многократно усиливается в подражании остальных». Вместе с тем неоднократно прослеживалась позиция наставника, близкая к психотерапевтической: «Но всё это (дурные поступки) лишь показатели того, что спортсмену нужна помощь. Конечно, далеко не каждый признается в слабости, далеко не каждый захочет разобраться в себе. Но если мне дорог этот спортсмен, если он слышит, что я говорю — это первый сигнал для меня, что мне нужно работать больше».

Категории выявленных антиценностей («Отсутствие огня в глазах, когда все только ради денег», «Когда спортсмен ставит свои личные интересы выше командных», «Переход в другую команду, не поставив в известность тренера», «Наплевательское отношение к коллективу») после кодирования были обобщены в иерархическую структуру:

а) в первую по популярности группу вошли категории «Высокомерие / Гордыня», «Неуважение к товарищам», «Неуважение к тренеру», «Предательство», «Агрессия по отношению к товарищам», «Неспортивное грубое поведение» и «Эгоизм»;

б) вторую группу наполнили категории «Лживость / Неискренность», «Неуважение к сопернику», «Трусость / Малодушие», «Нарушение дисциплины» и «Лень»;

в) третья группа объединила менее популярные категории «Подлость», «Неуважение к зрителю», «Отсутствие самоотдачи», «Безразличие к работе», «Вредные привычки», «Расизм», «Буллинг» и др.

Полученные результаты значимы в контексте гуманистических трендов психологии спорта; изучение антиценностей показывает риски возможных коммуникативных трудностей взаимодействия спортсмена и тренера, а также ключевые позиции механизма трансляции ценностей в спортивном профессионогенезе.

1. Бочавер К.А., Бондарев Д.В., Савинкина А.О., Довжик Л.М. Интервью в спортивной психологии: метод исследования и подготовка интервенции [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. 2017. Том 6. № 4. С. 148–167. doi: 10.17759/psyclin.2017060410
2. Квале С. Исследовательское интервью. М.: Смысл, 2003. 301 с.

Подготовлено при поддержке гранта РФФИ 20-013-00695 «Трансляция и формирование ценностей в профессионогенезе спортсмена».

Динамическая регуляция психической устойчивости к долговременным стрессовым воздействиям

Долговременные стрессовые воздействия, личностные ресурсы, регуляция психической устойчивости, командная деятельность

Длительное время исследования психологических ресурсов устойчивости к неблагоприятным воздействиям касались преимущественно острого стресса. Насыщенность жизни человека стрессорами длительного действия привлекла внимание к проблеме преодоления личностью долговременных стрессовых факторов (Водопьянова, 2011).

Цель данного исследования — установление динамики включения личностных и командных ресурсов устойчивости к соревновательному стрессу в спортивных командах на протяжении соревновательного сезона продолжительностью от четырех до шести месяцев.

В исследовании проверялись следующие предположения.

1. Поддержание психической устойчивости спортсменов, выступающих в командном виде спорта, осуществляется за счет стабильных личностных регуляторов, обусловленных спецификой вида спорта, и ситуативных регуляторов, которые активируются в зависимости от ситуации осуществления командной деятельности.

2. Изменение регуляции психической устойчивости по мере увеличения времени действия стрессовых факторов может иметь характер как интеграции, так и дифференциации личностных ресурсов, необходимых для ее поддержания.

3. По мере увеличения продолжительности действия стрессовых факторов может происходить рассогласование поддержания индивидуальной и командной устойчивости к действию стресса, которое чаще всего носит характер повышения внимания к поддержанию индивидуальной психической устойчивости в ущерб командной.

Для исследования была избран метод анализа отдельных случаев (case study). В исследовании приняли участие три женских команды высокого класса: команда по пляжному гандболу, состоящая из четырнадцати спортсменов в возрасте 19-27 лет, и две команды по эстетической гимнастике, включавшие по 10 спортсменок в возрасте 16-23 лет. У всех спортсменок оценивалась психическая устойчивость по методике А.Голдберга. Показатели личностных и командных ресурсов поддержания психической устойчивости в командах по пляжному гандболу и эстетической гимнастике различались в связи с задачами исследования. Измерение изучаемых показателей проводилась трижды: в начале, середине и конце соревновательного сезона.

Исследование в команде по пляжному гандболу позволило получить подтверждение первого и третьего из проверяемых предположений.

Анализ корреляционных связей показателей на разных этапах соревновательного сезона свидетельствует о перестройке ресурсов поддержания психической устойчивости. При наличии устойчивых корреляционных связей показателя психи-

ческой устойчивости и показателей подвижности нервных процессов и силы процесса торможения, которые отражают специфику деятельности спортсменок, были зафиксированы и изменения корреляционных связей, обусловленных ситуативными особенностями. От начала к концу сезона увеличивается число показателей, коррелирующей с показателем психической устойчивости с трех на первом этапе исследования до семи на третьем. Вместе с тем наблюдается обособление групп корреляционных связей показателей личностных и командных ресурсов преодоления стресса.

В исследовании двух команд по эстетической гимнастике получила подтверждение вторая из проверяемых гипотез. В команде с более высокой успешностью от начала к концу сезона отмечается меньшая вовлеченность личностных ресурсов поддержания психической устойчивости по сравнению с менее успешной командой. В менее успешной команде от начала к концу сезона зафиксирована дезинтеграция ресурсов поддержания психической устойчивости, отражающая их слабую сформированность.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что динамический анализ ресурсов поддержания устойчивости к длительно действующим стрессорам дает реалистичное представление о психологических механизмах.

1. Водопьянова Н.Е. Профилактика и коррекция синдрома выгорания. /Н.Е.Водопьянова. СПб.: Издательство С.-Петербур. Ун- та. 2011. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та. 2011. — 160 с. — 22 см.-Библиография: с.150-158. — 550 — экз. ISBN 978-5-288-05209-5. Текст: непосредственный.

Восприятие спортсменами-подростками деятельности тренера как фактор влияющий на формирование самооценки

Тренер, общение, взаимоотношения, самооценка, уровень притязаний

Важным социализирующим фактором становления личности в подростковом возрасте является общение. Взаимодействие с окружающими оставляет след на развитии различных сторон личности, в том числе и на самооценке. Общение в спортивной секции имеет специфические особенности, где целенаправленность воздействия среды на личность спортсмена регулирует тренер. От того, насколько успешно состоит общение тренер с обучающимися, зависит направленность влияния на личностные качества спортсменов. Поэтому целью нашего исследования является выявление взаимосвязей показателей восприятия компонентов деятельности тренера с компонентами самооценки спортсменов подросткового возраста [1,2]. Выборка исследования составила 100 спортсменов в возрасте 12-13 лет ($n=50$) и 14-16 лет ($n=50$), занимающихся единоборствами. В группах не велась целенаправленная психологическая подготовка. В исследовании использовалась методика диагностики самооценки Дембо-Рубинштейн и шкала «Тренер-спортсмен»

В возрастной группе спортсменов-единоборцев 12-13 лет показатель самооценки характера имеет отрицательные корреляционные взаимосвязи ($p0,05$) с гностическим ($r=-0,29$), эмоциональным ($r=-0,29$) и итоговым ($r=-0,35$) компонентами деятельности тренера, показатель уровня притязаний «характер» имеет корреляционные взаимосвязи ($p0,01$) с показателями эмоционального ($r=-0,48$), поведенческого ($r=-0,38$) и итогового ($r=-0,4$) ее компонентов. Уровень притязаний «авторитет у сверстников» коррелирует с эмоциональным компонентом деятельности тренера ($r=-0,38, p0,01$). Расхождение самооценки и уровня притязаний по показателю умения многое делать своими руками имеет отрицательные корреляционные взаимосвязи с поведенческим компонентом деятельности тренера ($r=-0,41, p0,01$). Интегральный показатель уровня притязаний коррелирует с эмоциональным компонентом ($r=-0,36, p0,01$). Полученные данные говорят о том, что чем более юные спортсмены удовлетворены общением с тренером, тем более критично они относятся к себе. Это значит, что юные спортсмены опасаются не оправдать ожиданий тренера и испытывают неуверенность в себе, связанную с недостаточным опытом оценивания своих личностных качеств и отсутствием необходимых для этого ясных критериев. Важной задачей тренера связи с этим становится формирование у спортсмена адекватного уровня самовосприятия и реалистичного целеполагания как средства предотвращения неадекватного снижения самооценки.

В группе спортсменов 14-16 лет выявлены корреляционные взаимосвязи ($p0,05$) показателей расхождения самооценки и уровня притязаний характера с гностиче-

ским компонентом деятельности тренера ($r= 0,28$), самооценки авторитета у сверстников с гностическим ($r= -0,31$), поведенческим ($r= -0,32$), итоговым ($r= -0,29$) компонентами деятельности тренера, интегрального показателя уровня притязаний с показателем эмоционального компонента деятельности тренера ($r= -0,28$). Данные корреляционного анализа свидетельствуют о сохранении важной роли восприятия отношения тренера как фактора становления самооотношения спортсменов-подростков.

Выводы. Восприятие отношений с тренером и удовлетворенность этими отношениями является важной предпосылкой становления самооотношения спортсменов подросткового возраста.

Высокая удовлетворенность отношениями с тренером, с одной стороны, способствует повышению реалистичности уровня притязаний, а, с другой стороны, может снижать самооценку спортсменов и, как следствие, их уверенность в своих силах.

Развитие личностных ресурсов достижения высоких результатов в спорте требует целенаправленной работы тренера над реалистичностью уровня притязаний своих учеников и адекватной самооценки, что является средством профилактики расхождения уровня притязаний и самооценки, являющегося фактором риска повышения тревожности и социальной дезадаптации.

1. Ханин Ю.Л. Психология общения в спорте/ Ю.Л. Ханин. — Москва: Физкультура и спорт, 1980. — 209 с.
2. Горская Г.Б. Психологическое обеспечение многолетней подготовки спортсменов/ Г.Б. Горская. — Краснодар: КГУФКСТ, 2008. —

Ивашко С.Г.
Беларусь, Минск, УО "БГУФК"

Гаврилова В.В.
Беларусь, Минск, УО "БГУФК"

Особенности самоактуализации студентов-спортсменов

Самоактуализация, студенты-спортсмены, спортивная карьера, спортивная деятельность

Спорт является уникальной моделью, где достижение профессионального мастерства происходит в более короткие сроки, а профессиональная карьера может завершиться рано, временные рамки которой определяются активной спецификой вида спорта, теми физическими и психическими ресурсами, необходимыми для эффективной самореализации личности в спортивной деятельности [4].

А. Адлер считал самоактуализацию основанием для полноценной жизнедеятельности человека как субъекта личного и общественного бытия, а целью человеческого существования является как собственное совершенство, так и благополучие окружающих, ибо поиск одного лишь «личного счастья» приводит к эгоцентризму, тогда как постоянное стремление к «совершенствованию других» не приносит ничего, кроме неудовлетворенности [1].

Вслед за Л.С. Выготским, С.Л. Рубинштейном, К.А. Абульхановой-Славской, Л.И. Анцыферовой считаем, что самоактуализация относится не к отдельным типам, формам самодеятельности, а ко всей ее индивидуально-целостной структуре в связи с предметным жизнеутверждением сущностных сил личности. Осознание и развитие личностью своего собственного потенциала позволяет эффективно воплощать свои способности в личной и профессиональной жизни, ощущать удовлетворение от собственных достижений [3].

Для выявления особенностей самоактуализации студентов-спортсменов обучающихся в учреждении образования «Белорусский государственный университет физической культуры» использовалась методика «Самоактуализация», разработанная Э.Шостромом и адаптированная А.В. Лазукиным и Н.Ф. Калиным.

Студенты способны наслаждаться актуальным моментом жизни не сопоставляя его с прошлыми радостями и не обесценивая предвкушение грядущих успехов; об этом свидетельствуют высокие показатели по шкале «Ориентация во времени — $9,19 \pm 0,58$ баллов из 10 возможных.

По шкале «Ценности» студенты-спортсмены продемонстрировали средний уровень ($8,19 \pm 0,45$ баллов из 15); они стремятся к гармоничному бытию и здоровым отношениям с людьми, далеким от желания манипулировать ими в своих интересах.

По шкале «Взгляд на природу человека» спортсмены продемонстрировали высокий уровень ($8,57 \pm 0,40$ из 10 баллов); они предпочитают искренние и гармоничные межличностные отношения, им свойственны доверие к людям и честность.

Студенты-спортсмены автономны и независимы и в то же время способны критически воспринимать свою личность, для них характерна устойчивая и адекватная самооценка; об этом свидетельствуют показатели по шкалам («Автономность» — $7,96 \pm 0,41$, Аутосимпатия» — $7,92 \pm 0,45$ из 15 баллов).

Респонденты чувствительны к своим желаниям и потребностям, не склонны подменять собственные вкусы и оценки внешними социальными стандартами («Самопонимание» — $7,73 \pm 0,37$ баллов из 10 баллов), однако, они обладают уверенностью в себе и не способны доверять окружающему миру («Спонтанность» — $7,57 \pm 0,41$ из 15 баллов), однако стремятся к установлению полезных и приятных контактов с другими людьми («Контактность» — $9,23 \pm 0,38$ из 10 баллов).

Таким образом, спортсмены стремятся к наиболее полному раскрытию своего личностного потенциала, формированию смысложизненных и ценностных ориентаций, максимально проявлять свои лучшие качества (доброта, справедливость, гуманность, жизнелюбие, оптимизм), заложенные в них от природы [2].

1. Адлер, А. Понять природу человека / Пер. Е.А. Цыпина. — СПб.: «Академический проект», 1997 — 256 с.
2. Практикум: исследования экзистенциально-бытийной сферы личности: учеб. пособие / Сост. И. А. Красильников. — Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2013. — 66 с.
3. Развитие личности в процессе жизнедеятельности / К.А. Абульханова-Славская. // Психология формирования и развития личности / Ред. Л.И. Анцыферова. — Москва : Наука, 1981. — С. 19–44.
4. Стамбулова, Н.Б. Кризисы спортивной карьеры / Н.Б. Стамбулова // Теория и практика физической культуры. — 1997. — № 10. — С. 13–17.

Мотивация спортивной деятельности студентов-психологов

Мотивация к спорту, студенты-психологи, достижение результата, активность спортивной деятельности

Мотивация к спортивной деятельности — особая направленность и активность личности, позволяющая достигать физическую готовность студентов к будущей профессиональной деятельности.

Анализ последних исследований показывает, что психологами (К.Б. Илькевич [1], М.Н. Фирсов[2], А. В. Шаболтас [3]) изучались проблемы, связанные с: возникновением потребности к спортивно-физкультурной деятельности, соотношением спортивных мотивов и целей, определением направлений формирования спортивной мотивации, выявлением механизмов возникновения спортивной активности и т.п.

Остаётся мало изученным вопрос о формировании мотивации к спорту у студентов-психологов, которые по роду своей будущей профессиональной деятельности будут осуществлять её в экстремальных условиях.

В исследовании приняли участие 40 студентов-психологов очной формы обучения Севастопольского Государственного Университета в возрасте 17-20 лет.

Для изучения данного показателя был применен комплекс методик:

1. Методика «Диагностика личности на мотивацию к успеху» (Т. Элерс).
2. Методика «Мотивации к избеганию неудач» (Т. Элерс).
3. Методика «Изучение мотивов занятий спортом» (В.И. Тропников).

В результате исследования было выяснено, что низкий уровень мотивации к успеху имеют 7,5% обучающихся, на среднем уровне развития данного показателя находятся 50,0% студентов, умеренно высокий имеют 27,5%, слишком высокий уровень свойственен 15,0% испытуемым.

Выраженность мотивации к успеху означает стремление индивидуума в достижении лучшего результата. Данные доказывают, что большая группа испытуемых наделена данными характеристиками, однако часть студентов по данному показателю имеют средние и низкие результаты.

Иногда личность начинает проявлять особую активность в спортивной деятельности, чтобы избежать ситуацию неуспеха, доказать себе и другим, что всего можно достичь, желая этого.

По результатам определения мотивации к избеганию неудач было выяснено, что слишком высокий уровень проявления данного показателя соответствует 12,5% испытуемым, высокий уровень у 22,2% студентов, на среднем уровне находятся 47,5% и низком уровне 17,5% обучающихся. Данные доказывают, что большая группа студентов не связывают занятия спортом с преодолением личных проблем.

Особый интерес вызвал анализ выбора мотивов занятия спортом среди студентов-психологов, готовящих себя для психологического обеспечения служебной деятельности в экстремальных условиях.

Было выяснено, что основными мотивами к данной деятельности являются: мотив физического совершенства (50,7%), развития характера и психических качеств (30,6%), эстетическое удовольствие и остроты ощущений (18,7 %).

Выводы: мотивация к спорту является побудительным фактором к развитию необходимых личностных качеств у будущих специалистов: большая группа студентов-психологов наделены внутренней спортивной мотивацией, отмечается высокая доля её осмысления для осуществления важных профессиональных функций психологического обеспечения служебной деятельности в экстремальных условиях.

1. Илькевич, К.Б. Мотивация студентов к спортивной деятельности / К.Б. Илькевич, Р.А. Корнеев // Актуальные проблемы физической культуры и спорта: Сборник научно-методических трудов профессорско-преподавательского коллектива, аспирантов, соискателей и студентов / Под ред. Т.К. Ким, Г.А. Кузьменко. — М.: Прометей, 2013. — С.58-65.
3. Фирсов, М.Н. Изучение мотивации достижения как фактор психологической подготовки спортсмена / М.Н. Фирсов // Южно-Российский вестник геологии, географии и глобальной энергии. — Астрахань: Астраханский университет, 2006. — С.293-299.
4. Шаболтас, А. В. Мотивы занятия спортом высших достижений в юношеском возрасте: автореферат дис. ... кандидата психологических наук : 19.00.03 / Санкт-Петербург, ун-т. — Санкт-Петербург, 1998. — 21 с

Мотивационный климат и психологическая атмосфера в спортивном коллективе

Мотивационный климат, ориентация на задачу, ориентация на себя, психологическая атмосфера в коллективе

В настоящее время различные исследователи в сфере спорта пытаются выявить ресурсы, способные вывести спортсмена на более высокий уровень спортивных достижений. Это связано с тем, что уровень спортивных результатов в последнее время очень высокий, в ряде случаев спортсмены показывают практически одинаковые результаты. Как правило, при высокой физической подготовленности, технических и тактических навыков спортсменам не хватает мотивации, уверенности в себе, способности справиться с давлением, стрессоустойчивости, навыков самоконтроля и других крайне важных психологических составляющих. Поэтому очень важно уделять внимание психологической подготовке спортсменов, искать возможные ресурсы.

Одним из таких ресурсов может стать мотивационный климат, который формирует мотивацию спортсмена. Мотивационный климат — это совокупность определенных установок, ценностей, идеалов, задаваемых окружением спортсменов [2]. Большое влияние на формирование мотивационного климата спортсмена оказывает психологическая атмосфера в коллективе, особенности взаимоотношений между спортсменами, наличие или отсутствие конфликтов, помощи и поддержки со стороны членов команды.

Для изучения особенностей мотивационного климата в группе спортсменов, занимающихся вместе у одного тренера нами была использована методика РМСУС (мотивационный климат, задаваемый сверстниками) [1] и методика А.Ф. Фидлера [3]. В исследование приняли участие 20 футболистов от 17 до 19 лет, из них 13 мастеров спорта и 7 спортсменов с разрядом КМС.

В ходе исследования было установлено, что психологическая атмосфера в коллективе находится на высоком уровне (29,05), это свидетельствует о том, что в команде царит дружелюбная атмосфера, сотрудничество, присутствует взаимная поддержка и согласие, спортсмены успешно работают в команде.

В методике изучения мотивационного климата выделяется две шкалы: «ориентация на задачу» и «ориентация на себя». «Ориентация на задачу» подразумевает, что спортсмены помогают друг другу, работают вместе, чтобы улучшить свои навыки. При ярко выраженной «ориентации на себя» для членов команды важно обыграть своих товарищей, показать, что они лучше, успешнее.

Было установлено, что в группе футболистов преобладает мотивационный климат, ориентированный на задачу 61,45, по ориентации на себя показатель 33,2. Можно сделать вывод, что члены команды заботятся о мнении каждого; подают пример, чтобы проявить максимум усилий; поощряют своих товарищей по команде продолжать пытаться после того, как они допускают ошибку.

В ходе проведения корреляционного анализа было установлено, что показатель «ориентация на задачу» связан с психологической атмосферой в коллективе. Значит,

чем лучше атмосфера в коллективе, тем больше «ориентация на задачу». Исследователи отмечают, что «ориентация на задачу» более благоприятна для достижения успеха в спорте [1, 2], так как предполагает готовность к трудностям, упорство, стремление к своей цели. При благоприятной атмосфере в коллективе спортсменам легче преодолевать трудности, неудачи, поддержка товарищей по команде помогает не падать духом и двигаться вперед, найти в себе новые силы, а это так необходимо в спорте.

1. Ntoumanis N., Vazou S. Peer motivational climate in youth sport: Measurement development and validation / N. Ntoumanis, S. Vazou // *Journal Sport Exerc Psychol*, 2005. — P. 432–455.
2. Горская Г. Б. Мотивационный климат как психологический регулятор деятельности спортсменов / Г. Б. Горская // *Физическая культура, спорт — наука и практика*. № 4. 2016 — С. 85-91.
3. Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М. Методика оценки психологической атмосферы в коллективе (по А.Ф.Фидлеру) / Н. П. Фетискин В. В. Козлов Г. М. Мануйлов // *Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп*. М., Изд-во Института Психотерапии, 2002. — С.190-191.

Коваль Т.Е.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Лукина С.М.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Ярчиковская Л.В.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Психологические особенности студенческого спорта в период пандемии (на примере занятий северной ходьбой в СПбГУ)

Студенческий спорт, пандемия, самоизоляция, психология спортивных online турниров, заочный фестиваль по северной ходьбе в СПбГУ

Пандемия коронавирусной инфекции COVID-19 нарушила образовательный процесс во всем мире, включая образование в высших учебных заведениях. С целью обеспечения непрерывности образовательного процесса в течение этого периода ЮНЕСКО предоставило 10 основных рекомендаций [1]. Для сохранения непрерывности образовательного процесса и организации занятий физической культурой студентов, находящихся на самоизоляции, на кафедре физической культуры и спорта СПбГУ было предложено организовать online спортивные мероприятия, включая северную ходьбу. Идея online забегов, как тренд, принадлежит компании Nike. Online забег — это пробежка на любую выбранную дистанцию в любой точке мира, в любое время, в выбранном темпе, самостоятельно или в группе.

18 апреля 2019 года Минюст России зарегистрировал Приказ Министерства спорта России от 14 марта 2019 года № 199, согласно которому в составе вида спорта «спортивный туризм» появилась новая спортивная дисциплина — «северная ходьба». Развивая новую спортивную дисциплину «Северная ходьба», опираясь на систему знаний психологии спорта, на кафедре физической культуры и спорта в СПбГУ в период пандемии, было принято решение о переводе мероприятий в режим online. При проведении online турниров по северной ходьбе среди студентов в условиях пандемии можно назвать следующие психологические преимущества: возможность принять участие в массовом спортивном мероприятии, не нарушая режима самоизоляции; свободный выбор времени участия; возможность организовать заход в ранние утренние часы или поздние вечерние часы, когда минимальны контакты с населением; свободное место участия; творческий подход к составлению своего личного маршрута захода; отсутствие необходимости материальных затрат на поездку, проживание и питание при проведении турнира и другие.

В настоящее время для фиксации трека и времени прохождения участником предлагается на выбор многочисленные инструменты. Так можно использовать фитнес-браслеты (Apple, Xiaomi и тд.), спортивные часы (Suunto, Garmin, и тд.). Возможно использование мобильного телефона, на котором должно быть установлено приложение (фитнес-трекер), фиксирующее дистанцию и время её преодоления (Strava, Runtastic, RunKeeper и тд.). Если заход осуществляется на беговой дорожке в помещении, то использовать показания датчиков с беговой дорожки.

Скриншоты и фотографии с используемых гаджетов отправляются организаторам по указанным электронным адресам. Примером проведения студенческого online турнира можно назвать «Марш Победы», который был инициирован кафедрой физической культуры и спорта СПбГУ и проведён с 01 по 11 мая 2020 года среди студенческих клубов Российской Федерации. В турнире приняли участие 12 студенческих клубов РФ, численность участников составила 56 человек. Участникам предлагалось преодолеть дистанцию в 75 километров, не нарушая режима самоизоляции. В опросе участников турнира 99% респондентов дали высокую оценку организации предложенного вида физической активности. На основании анализа ответов студентов были выделены психологические аспекты участия в данном турнире: мотивация к спортивной деятельности в период пандемии и самоизоляции, повышенная ответственность к выполнению турнирного задания, ощущение причастности к коллективу участников. Таким образом, вышеописанная организация физической активности способствовала не только укреплению физического здоровья, но и позволила оптимизировать, негативные для психического здоровья, последствия самоизоляции: у студентов уменьшилось чувство одиночества, улучшилось настроение, повысилась активность.

1. UNESCO[Электронный ресурс]. 2020. URL: <https://ru.unesco.org/news/%25253Bpage=2&title=&page=2>.
2. Приказ Министерства спорта Российской Федерации от 14.03.2019 № 199 ""О признании и включении во Всероссийский реестр видов спорта спортивных дисциплин, видов спорта и внесении изменений во Всероссийский реестр видов спорта"". [Электронный ресурс]. 2019. URL:<http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201904180018?index=0&rangeSize=1>.

Кузьмич В.А.
Беларусь, Минск, БГУФК

Ивашко С.Г.
Беларусь, Минск, БГУФК

Влияние психической надежности легкоатлетов на успешность в спорте

Психическая надежность, легкоатлеты, успешность, спорт, соревновательная деятельность

Спортивная деятельность предполагает большое физическое воздействие на организм спортсмена, а также и на его эмоционально-волевую сферу, где задействованы различные эмоции и чувства, включающие механизмы регуляции деятельности в стрессовых ситуациях. Спортсмен может стабильно выступать на соревнованиях разного уровня благодаря сформированной психологической надежности, под которой В. Э. Мильман [4] понимал устойчивость функционирования основных психических механизмов в сложных соревновательных условиях, состоящую из ряда компонентов: соревновательной эмоциональной устойчивости, саморегуляции, мотивационно-энергетического компонента, стабильности и помехоустойчивости.

Для выявления влияния психической надежности, ее факторов на успешность соревновательной деятельности проводилось исследование со спортсменами-легкоатлетами ($n=50$) в возрасте от 17 до 22 лет с использованием методики «Оценка психической надежности спортсменов», предложенной В.Э.Мильманом [3].

Результаты спортсменов по шкале «Соревновательная эмоциональная устойчивость» ($-1,58 \pm 0,53$) — низки, что говорит о том, что спортсмены склонны к неадекватной эмоциональной оценке соревновательной ситуации, а также появление неуравновешенных эмоциональных реакций в условиях соревновательного выступления.

«Спортивная саморегуляция» находятся в диапазоне низких величин ($-2,36 \pm 0,53$); это свидетельствует о недостаточном умении спортсменов настраивать себя и управлять своими эмоциями.

Ниже среднего уровня ($0,31 \pm 0,53$) находятся показатели по шкале «Соревновательная мотивация», что свидетельствует о заниженном осознании собственных целей и задач во время соревнования.

Однако показатели по шкале «Стабильность-помехоустойчивость» ($3,59 \pm 0,11$) находятся в диапазоне высоких показателей, что свидетельствует о сосредоточении спортсменов на выполнении двигательных соревновательных движений, неожиданные раздражители существенно не влияют на ход выступлений.

По показателям «чувствительности к стрессовым факторам» доминируют факторы внутренней неопределенности ($4,09 \pm 0,11$), возможно проявление связанное с характером деятельности, когда спортсмен не уверен в том, что важные для результата события могут произойти, что влечет за собой нарушения функционального состояния спортсмена, а так же могут возникать сомнения в физических, технических и тактических качествах.

Показатели чувствительности к стрессовым факторам внутренней значимости составляют $(2,81 \pm 0,32)$ балла — это высокий показатель, поэтому спортсмены не испытывают волнения и негативных мыслей о том, что возможен проигрыш или травма, факторы внешней неопределенности — $(0,32 \pm 0,11)$ балла. Проявление этого фактора заключается в том, что из-за недостатка информации об условиях, в которых планируется выступить или об участии новых соперников, это может стать помехой для достижения планируемого результата.

Таким образом, для успешного выступления спортсменам необходимо высокое проявление специальных свойств личности, которые формируются в ходе тренировочной и соревновательной деятельности и позволяет демонстрировать высокий уровень мобилизационной готовности организма спортсмена для успешной демонстрации рекордных результатов на протяжении долгих сезонов [1; 4].

1. Аболин, Л. М. Психологические механизмы эмоциональной устойчивости человека / под ред. В. В. Давыдова. Казань, 1987. — 262 с.
2. Марищук, В. Л. Поведение и саморегуляция человека в условиях стресса / В. Л. Марищук, В. И. Евдокимов. — СПб.: Сентябрь, 2001. — 260 с.
3. Методики психодиагностики в спорте / под общ.ред. В. Л. Мари-щука и [и др.]. — М.: Просвещение, 1984. — 386 с.
4. Мильман, В. Э. Стресс и личностные факторы регуляции деятельности. Стресс и тревога в спорте. / В. Э. Мильман. — М.: ФИС, 1983. — 104 с.

Особенности самоотношения подростков, занимающихся спортом, в связи с их проблемными переживаниями

Самоотношение, проблемные переживания, подростки, спортсмены

Проблема самоотношения человека, являясь одной из наиболее значимых для психологической науки, особенно остро встает, когда речь заходит о подростках (Регуш, 2009): в данный период повышается интерес к самому себе, возникает потребность исследовать себя, самоотношение становится более многогранным и сложным. В то же время, подростковый возраст характеризуется как наиболее кризисный в жизни человека, подростки остро реагируют на происходящие события и изменения (Регуш, 2017). Поэтому, изучая особенности самоотношения подростков, необходимо учитывать, что беспокоит молодых людей, какие трудности они испытывают и как такие переживания могут влиять на их отношение к самим себе.

Целью нашей работы стало изучение особенностей самоотношения в связи с проблемными переживаниями подростков, занимающихся спортом, в сравнении с не спортсменами, так как до сих пор среди ученых нет единого мнения о роли спортивной деятельности в развитии подростков. Некоторые исследователи отмечают, что ранняя профессионализация юных спортсменов имеет позитивные последствия (Пархоменко, 2002), другие — говорят о негативном влиянии (Бондаренко, 2006; Речкалов, 2017).

В эмпирическом исследовании приняли участие 80 подростков в возрасте от 13 до 15 лет, обучающиеся в общеобразовательных школах. Половина из них посещает занятия в спортивных школах и секциях (лыжи, легкая атлетика, футбол, единоборства, теннис), другая половина не посещает.

Для диагностики самоотношения и проблемных переживаний использованы следующие методики: Тест-опросник самоотношения (В.В. Столин, С.Р. Пантеев), Методика Дембо-Рубинштейн в модификации А.М. Прихожан, «Психологические проблемы подростков» Л.А. Регуш, Е.В. Алексеева, А.В. Орлова, Ю.С. Пежемская, анкета (направлена на выявление биографических данных и изучения особенностей самоотношения подростков). Для математико-статистической обработки данных применялись: корреляционный анализ (коэффициент корреляции r -Пирсона и r -Спирмена), методы сравнения двух независимых выборок (критерий t -Стьюдента), метод контент-анализа.

Результаты. Выявлено, что у подростков, занимающихся спортом, самоотношение ($t = -2,67$ $p \leq 0,05$), самооценка ($t = 0,60$ $p \leq 0,05$) и уровень притязаний ($t = 1,45$ $p \leq 0,05$) выше, а проблемные переживания выражены ниже ($t = -3,23$ $p \leq 0,05$), чем у подростков, не занимающихся спортом. При этом, как показали данные анкеты, юных спортсменов больше, чем не спортсменов, волнуют школа, будущее, организация времени и спортивная деятельность. Анализ анкетных данных также позволил

определить, что своими достоинствами подростки-спортсмены, в больше степени, считают волевые качества: «целеустремленность», «трудолюбие», «упорство» — что, очевидно, развивается в спортивной деятельности для достижения результатов. Тогда как подростки, не занимающихся спортом, преимущественно, отмечают как достоинства качества личностные («щедрость», «доброта» и пр.).

Шкалы самооотношения у подростков, занимающихся спортом, положительно связаны ($r = 0,36$ $p \leq 0,01$) с квалификаций в спорте; отрицательно — с такими проблемными переживаниями, как собственное самоощущение ($r = -0,69$ $p \leq 0,01$), профессия ($r = -0,69$ $p \leq 0,01$), спортивная карьера, учебные и спортивные успехи ($r = -0,64$ $p \leq 0,01$). Тогда как у не спортсменов наблюдаются отрицательные корреляции с переживаниями положения среди сверстников и оценки окружающих ($r = -0,57$ $p \leq 0,05$).

Можно заметить, что самооотношение подростков, занимающихся спортом, в основном, связано с их переживаниями о будущем, а не занимающихся — с настоящим. Так, занятия спортом, предполагающие более загруженный график, определяют необходимость самостоятельного планирования времени, понимания своих стремлений, направленность на достижения в учебной и спортивной деятельности. Юные спортсмены более уверены в себе и своей ценности, а тренировочный процесс и постоянная обратная связь о результатах и индивидуальных возможностях могут выступать условием развития положительного отношения к себе.

Таким образом, проведенное исследование показало, что занятие спортом взаимосвязано с формированием позитивного самооотношения в подростковом возрасте, а квалификация в спорте является для подростков-спортсменов объективным фактором успешности.

Метакогнитивные умения спортсменов при принятии решений в ситуациях неопределенности

Метакогнитивная включенность, метакогнитивные стратегии, спортивная деятельность

В последние годы все более актуальными становятся исследования метакогнитивных умений в различных видах профессиональной деятельности, включая спорт. Наиболее часто в перечень метакогнитивных умений включают метакогнитивную включенность и метакогнитивные стратегии [1, 3].

Целью настоящего исследования являлось изучение метакогнитивной включенности и метакогнитивных стратегий у спортсменов при принятии ими решений в ситуациях неопределенности. В качестве данных ситуаций рассматривались ситуации принятия решения в условиях дефицита времени — на соревнованиях, и без ограничений по времени принятия решения — при решении вопросов продолжения спортивной карьеры (переход в другому тренеру, в другой клуб, смена вида спорта и др.). Выборку составили высококвалифицированные спортсмены различных видов спорта: в ситуациях с дефицитом времени 35 мужчин и 34 женщины, в ситуациях без дефицита — 34 мужчин и 56 женщин. Для оценки изучаемых показателей использовались опросник Г. Шроу, Р. Деннисон, в адаптации А.В. Карпова и анкета «Метакогнитивные стратегии при принятии решений» А.Е. Ловягиной [1, 2].

Результаты исследования показали, что у спортсменов в неопределенных ситуациях при принятии решения в условиях дефицита времени метакогнитивная включенность выше, чем при принятии решений без ограничений по времени (критерий Стьюдента: мужчины $t = 2, 65$; $p \leq 0,01$; женщины $t = 2, 31$; $p \leq 0,05$). По выраженности метакогнитивных стратегий (планирование, контроль, коррекция когнитивных процессов и др.) статистически достоверных различий не выявлено.

Полученные результаты можно использовать для психологической подготовки спортсменов, в частности для формирования навыков психической саморегуляции в условиях дефицита времени.

1. Карпов, А.А. Введение в метакогнитивную психологию / А.А. Карпов, А.В. Карпов — М: Изд. Московского психологосоциального университета, 2015. — 512с.
2. Ловягина, А.Е. Метакогнитивные стратегии спортсменов при принятии решений в трудных ситуациях спортивной карьеры / А.Е. Ловягина, В.В. Андреев, А.Л. Штукерт // Спортивный психолог. — 2019. — № 3. (54). — С. 11-14.
3. MacIntyre, T. Metacognition and action: a new pathway to understanding social and cognitive aspects of expertise in sport / T. MacIntyre, E.R. Igou, A.P. Moran, M. Campbell, J. Matthews // *Frontiers in psychology*. — 2014. — N. 5. — P. 1151-1155.

Исследование поддержано грантом Российского фонда фундаментальных исследований 18-013-00256а "Эффективность метакогнитивных стратегий принятия решений в условиях неопределенности и трудных жизненных ситуаций"

Копинг-стратегии преодоления психологических барьеров у футболистов

Психологические барьеры, психология спортивной деятельности футболистов, копинг-стратегии

Проблема преодоления психологических барьеров— одна из актуальных областей прикладных исследований в психологии спорта. В каждом виде спорта ее решение зависит от ряда уникальных факторов. Предметом нашего исследования является изучение особенностей преодоления психологических барьеров в спортивной деятельности футболистов в свете концепции копинг-поведения. Футболисты вынуждены преодолевать не только внутренние барьеры, но и внешнее давление, что вынуждает спортсмена искать способы совладания. Именно поэтому наше внимание привлекла концепция копинга.

В качестве основного метода использовались анкетирование, неструктурированное интервью, нестандартизированное наблюдение. В исследовании приняло участие 15 футболистов в возрасте 18-20 лет. Мы стремились выделить типы копинга, которые используются или использовались ими. Основные результаты представлены ниже.

Практически все испытуемые отметили, что сталкивались с необходимостью преодоления психологических барьеров и иных трудностей. При этом у многих спортсменов основным источником трудностей выступало физическое переутомление и эмоциональные переживания по поводу межличностных отношений. Количество упоминаний о собственно психологических барьерах оказалось не столь значительным, как мы ожидали. При этом практически все футболисты указали похуже способы решения проблем. С опорой на известную классификацию стратегий копинга (проблемно-сфокусированные стратегии; эмоционально — сфокусированные стратегии; копинг — стратегии избегания[2]) — нами были выделены преобладающие типы выбранной копинг—стратегии у каждого спортсмена.

Наиболее типичным для наших респондентов было использование проблемно-сфокусированного копинга. Содержанием данной стратегии являются попытки изменить внешние условия за счет активизации или реструктуризации собственной активности. Так, футболисты искали помощи у тренера или близких им людей, пытались бороться со своей проблемой, используя полученные советы.

Менее распространенной оказалась стратегия эмоционально-сфокусированного копинга. Этот копинг направлен на анализ собственного эмоционального состояния и поиск способов управления им. Большинство футболистов из тех, кто предпочёл использовать данную копинг—стратегию, составили квалифицированные спортсмены, имеющие спортивный разряд. Как правило, они стремились найти источник негативных эмоциональных переживаний и предпринимали разные действия по его

устранению либо превращению его в стимул для приведения себя в оптимальное спортивное состояние.

Копинг-стратегии избегания были выявлены у некоторых респондентов, как правило, не имеющих спортивной квалификации. Содержание этих стратегий обычно выстраивается вокруг поиска причин отказа от выполнения деятельности или способов переключения на альтернативную. В нашем исследовании лишь один респондент рассказал, что решил отказаться от соревновательной деятельности, так как не смог преодолеть внутренний психологический барьер, связанный со страхом совершить ошибку.

Выводы. Наилучший результат в плане преодоления психологических барьеров дает использование продуктивных стратегий разных типов. Так, интересные данные сообщили нам футболисты, которые научились иначе воспринимать конкретную проблему, интерпретируя ее в свою пользу. Например, эмоциональное давление тренера, товарищей оценивается ими не как психологический прессинг, с которым нужно справляться (эмоционально-фокусированный копинг), а как рабочая информация, подсказка (проблемно-фокусированный копинг). Использование этого приема делает их сильнее и более устойчивыми к трудностям.

1. Кобзева, О.В. Проявление копинг-поведения в юношеском возрасте // Вектор науки ТГУ. Серия Педагогика, психология. 2011. — №3. — С.155-158.
2. Босенко, Ю. М. Особенности копинг-стратегий у спортсменов разной квалификации и пола, в командных и индивидуальных видах спорта // Спортивный психолог. 2012. — №1. — С. 27-32.

Самооценка здоровья в модели здоровьесберегающего поведения профессиональных спортсменов с травмами конечностей

Здоровьесберегающее поведение, самооценка здоровья, спортивная травма, профессиональные спортсмены

Самооценка спортсменов изучалась в работах В.И. Палий, В.А. Сохликовой, Д.Н. Волкова и др. Авторы отмечают, что самооценка здоровья является одним из важнейших компонентов, необходимых для успешной реализации в спорте высших достижений [2]. Спортивная деятельность всегда сопряжена с травмами, которые являются фрустрирующим фактором профессиональной деятельности и наиболее частой причиной завершения карьеры [1]. В такой сложной ситуации спортсмену необходимо сохранять способность оценивать свои собственные ресурсы и состояние здоровья. Мы предполагаем, что на процесс формирования самооценки здоровья профессионального спортсмена оказывает влияние погруженность в спортивную деятельность с раннего детства, поэтому самооценка здоровья имеет специфические особенности и отличается от самооценки здоровья спортсменов-любителей, что особенно выражается в ситуации травмы.

Выборка представлена спортсменами-мужчинами с травмами конечностей: профессиональные спортсмены (32 испытуемых) и спортсмены-любители (30 испытуемых), средний возраст — 22 г.

В исследовании использовались методики: шкала «Здоровье» методики «Исследование самооценки» (Т. Дембо, С.Я. Рубинштейн, модификация А.М. Прихожан, 1988г), «Индекс отношения к здоровью» (С.Д. Дерябо, В.А. Ясвин, 1999г), «Опросник исследования здоровьесберегающей деятельности» (Н.В. Яковлева, В.В. Яковлев, 2012г).

Полученные результаты демонстрируют, что профессиональные спортсмены склонны оценивать уровень здоровья и здоровьесбережения как менее выраженный, в отличие от спортсменов-любителей, которые оценивают эти показатели достоверно выше.

Согласно результатам корреляционного анализа, самооценка здоровья профессиональных атлетов представляет собой довольно обособленный компонент, не имеющий значимых взаимосвязей с другими компонентами, в отличие от спортсменов-любителей, где отмечается отрицательная взаимосвязь с эмоциональным составляющей отношения к здоровью, что позволяет нам говорить о важности эмоциональной вовлеченности в заботу о своем здоровье для спортсмена-любителя.

Построенная на основании факторного анализа модель здоровьесбережения профессиональных спортсменов, включает в себя факторы, связанные с особенностями

оценки состояния здоровья. Фактор 4 (который был назван нами «Самооценка здоровья») объясняет 8% дисперсии и отражает такие переменные как «Уровень самооценки здоровья» и «Разница между уровнем самооценки и уровнем притязаний». Показатели внутри фактора разнонаправлены, что отражает тенденцию к развитию внутриличностного конфликта. Также в модели здоровьесбережения профессиональных спортсменов были выделены факторы «Уровень притязаний» и «Эффективность здоровьесбережения». При этом факторная модель спортсменов-любителей включает в себя только один фактор, связанный с самооценкой здоровья — фактор «Уровень притязаний».

Таким образом, особенности формирования самооценки профессиональных спортсменов оказывают влияние на их модель здоровьесбережения. Это выражается в обособленности самооценки от других компонентов здоровьесбережения, низкой оценке не только состояния своего здоровья, но и здоровьесберегающего поведения в ситуации травмы. Спортсменам-любителям более свойственна эмоциональная вовлеченность в оценку своего здоровья, высокий уровень самооценки здоровья и уровень притязаний. Данная особенность позволяет говорить о существовании профессиональной специфичности в самооценке здоровья и здоровьесбережения [3].

1. Довжик Л.М., Бочавер К.А. Психология спортивной травмы : монография / Л.М. Довжик, К.А. Бочавер. — М.: Спорт, 2020. — 264 с.
2. Палий В. И., Сохликова В. А. Экспериментальный анализ соотношения самооценки и притязаний высококвалифицированных спортсменов // Вестник Костромского государственного университета. — 2017. — №1. — С. 63-68.
3. Яковлева Н.В., Карпов А.В. Профессиональная специфичность как свойство витальной метакомпетентности личности // Вестник Костромского государственного университета. -2014. — № 20 (2). — С. 20-23.

Мельник Е.В.
Беларусь, Минск, БГУФК

Боровская Н.И.
Беларусь, Минск, БГУФК

Особенности проявления этических принципов в спортивной психологии

Психолог, спортсмен, спортивная психология, тренер, этика, этические принципы

Введение. Профессиональная деятельность спортивного психолога направлена на внутренний мир человека, на личность спортсмена. Это работа с особым психологическим (диагностическим, коррекционным и др.) инструментарием. В 1995 г. был разработан мета-кодекс этики Европейской федерации психологических ассоциаций [1]. Среди основных принципов: уважение прав и достоинства человека, компетентность, ответственность целостность. Их подробное описание содержится в изданной в 2019 году на русском языке книге «Этика для Европейских психологов» [2]. Итогом многолетней работы специалистов в этой области стала поддержка создания национальных этических кодексов европейских стран и применения этических норм на практике.

Целью исследования выступил теоретический анализ и обобщение материала об этических принципах в психологии через призму спортивной деятельности.

Постановка проблемы. В деятельности любой профессиональной группы вырабатываются свои нормы, правила поведения, в совокупности образующие профессиональную этику. Не является исключением и спортивная психология. Она, как специальная отрасль психологической науки, изучает закономерности проявления психики в специфических условиях спортивной деятельности, которые и определяют особенности работы психолога в сфере спорта.

Обсуждение результатов. Спортивному психологу важно работать в пределах уровня своей профессиональной компетентности, осознавать свои возможности и ограничения, а также знать специфику вида спорта и его проблемы. Это необходимо для принятия психолога и создания с ним доверительных отношений. От специалиста часто требуют оперативных сиюминутных консультаций или быстрого решения давно возникших проблем. Работа психолога в спорте не всегда происходит в отдельном оснащенном кабинете. Наличие специальных условий — скорее исключение из правил. Чаще эта работа осуществляется в «полевых условиях» — в зале, раздевалке, у кромки поля на тренировке или соревновании.

Существует и специфика работы психолога в спортивной команде, представляющей собой закрытую систему, в которую принимают не всех, не сразу и не всегда легко. Несмотря на осознаваемую важность психологической подготовки спортсмена, зачастую обходятся и без психолога. Система «тренер-спортсмен» может существовать сама по себе. Психолог может быть частью команды или же приглашаться для решения конкретной задачи. В спорте заказчиком не всегда выступает сам спортсмен, зачастую взаимодействие с психологом инициируют родители

или тренер. Психологу важно уметь находить баланс между задачами команды, тренера и самого спортсмена.

Спортивному психологу необходимо использовать средства и методы с учетом не только возраста, пола, вида спорта, состояния спортсмена, но и целей, условий и этапа подготовки. Психолог берет на себя ответственность не только за принимаемые спортсменом решения, но и за его психическое здоровье. Реализация этого принципа в спорте вступает в противоречие с целями деятельности, особенно когда для достижения успеха «все средства хороши». Психолог в спорте обеспечивает не результат деятельности, а процесс ее достижения, и, осознавая свои функции, не «берет на себя» роль тренера. Его знания и умения не могут служить средством манипуляции спортсменами и формировать у них зависимость от себя. Известно, что самый лучший психолог тот, кто научит справляться с проблемами самостоятельно.

Выводы. Спортивный психолог работает с внутренним миром не просто человека, а человека особенного — спортсмена! Все это требует соблюдения особых этических принципов и правил. Несмотря на большую работу, проводимую в разных странах, многие этические вопросы еще не разрешены, не выделена специфика проявления этических принципов в области спортивной психологии и пока не разработан этический кодекс спортивного психолога.

1. Линдсей Дж. Межнациональное регулирование этических вопросов и разработка Мета-кодекса этики ЕФРА / Дж.Линдсей // Национальный психологический журнал. — 2012. — №1(7). — С. 33–41.
2. Этика для Европейских психологов / Дж. Линдсей [и др.]; науч. ред. и конс. русского изд. И.Симоненкова. — ООО «Simir», 2019. — 296 с.

Индивидуальность как фактор преодоления психического стресса в спортивных соревнованиях

Спортивные соревнования, соревновательный стресс, стиль преодоления соревновательного стресса, индивидуальность спортсмена

Спорт высших достижений отличает постоянно растущая конкуренция, увеличивая влияние психологических составляющих готовности спортсмена к успеху в особо ответственных соревнованиях (А.Ц. Пуни, П.А. Рудик, Б.А. Вяткин, Л.Д. Гиссен, О.А. Черникова,, В.Ф. Сопов, В.Р. Малкин, Г.Б. Бабушкин, А.В. Родионов, В.А. Москвин, Г.Б. Горская и др.). Спортсмен высокого класса регулярно, активно и самостоятельно противостоит соревновательному стрессу, учиться задействовать свои ресурсные возможности, познает себя, что ведет к осознанному или стихийному формированию стиля совладания психическим на основе его индивидуальных свойств (В.В. Попова, 2014).

Сегодня в психологии и смежных дисциплинах приоритетными становятся исследования совладания психическим стрессом в экстремальных условиях деятельности и жизнедеятельности (R. Lazarus, S. Folkman, В.А. Абабков, В.А. Бодров, Т.А. Крюкова, А.В. Либина и др.). Одной из методических проблем при этом является необходимость использования объективных индикаторов психического стресса в конкретной ситуации, поскольку без доказательства высокого уровня стресса говорить о факте совладания стрессом не имеет смысла (Б.А. Вяткин, 2019).

Задача исследования заключалась в том, чтобы выяснить условия при которых у спортсмена в соревнованиях проявляется индивидуальный стиль преодоления психического стресса.

Испытуемые — 128 спортсменов высокого класса, члены сборной команды России по карате. Методом фиксированного наблюдения в ходе поединков регистрировались тактико-технические действия. «Спектрографический анализ голоса» (Б.А. Вяткин, 2012) позволил фиксировать уровень психического стресса в различных условиях: тренировка (фон), региональные (умеренный стресс) и федеральные соревнования (высокий стресс). Опросниками диагностировались компоненты совладающего поведения по Лазарусу и выраженности нейродинамических, психодинамических, личностных и социально-психологических свойств, принятых в лаборатории В.С. Мерлина.

Предположили, что по мере увеличения уровня стресса у спортсменов будет происходить реструктуризация связей показателей тактико-технических действий, совладания, свойств индивидуальности.

Обнаружено, что стиль преодоления психического стресса в соревнованиях имеет место у спортсменов только при высоком уровне стресса. Выявлено три раз-

личных стиля преодоления стресса, детерминированных индивидуальными свойствами: агрессивно-атакующий, рациональный, гармоничный. При этом каждый из них в соревнованиях эффективен.

Агрессивно-атакующий стиль характеризуется как рискованный. Спортсмен непрерывно атакует, пренебрегая защитой. Этот стиль в большей степени детерминирован силой процесса возбуждения, психомоторной скоростью и эргичностью.

Рациональный стиль отличается концентрацией на противнике. Боец защищается и контратакует. Этот стиль детерминирован силой процесса торможения, интеллектуальной пластичностью, эргичностью и эмоциональностью.

Гармоничный стиль проявляется в том, что спортсмен обдуманно применяет и атакующие и контратакующие действия, максимально используя любую ситуацию в поединке. Этот стиль обусловлен подвижностью нервных процессов, а также в большей мере личностными свойствами: высоким интеллектом, осторожностью, независимостью от группы (В.В. Попова, 2014).

1. Вяткин Б.А., Использование спектрографического анализа голоса как индикатора уровня стресса во время спортивных соревнований / Б.А. Вяткин // Спортивный психолог. 2012. № 2 (26). С. 49-51.
2. Вяткин Б.А., Актуализация индивидуального подхода в деятельности триады: ""СПОРТСМЕН-ТРЕНЕР-ПСИХОЛОГ"" / Вяткин Б.А., Маркелов В.В., Сысоев Ю.В., Краев Ю.В. // Теория и практика физической культуры. 2019. №3. С. 81-86.
3. Попова В.В., Совладание со стрессом в период подготовки к соревнованиям / В.В. Попова // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2014. №3 (58). С. 61-64.

Романовская М.В.
Санкт-Петербург, ПНД №4

Андреева Е.Ю.
Санкт-Петербург, ПНД №4

Зиннурова В.Р.
Санкт-Петербург, ДС №2, ПНД №4

Чугунов Д.Н.
Санкт-Петербург, ПНД №4

Кризис завершения спортивной карьеры

Спорт, завершение карьеры, кризис, совладание, подготовка

Спортивная деятельность подразумевает специфический образ жизни, соподчиняющий поставленным целям и задачам структуру мотивационно-эмоциональной сферы личности [2,3]. Важно учитывать, что относительно «узкая» направленность подготовки, а также специфическое переживания успеха и максимальное признание преимущественно в конкретной области спорта, чаще всего реализуются за счет других сфер жизни, относительно менее ярких и эмоционально насыщенных. В результате, соотношение потенциальных ресурсов адаптации и негативных вариантов реагирования на профессионально-важные изменения, включая феномен потери привлекательности образа жизни у относительно молодых людей, определяет возможные риски различных декомпенсаций [4,5].

Каждый этап спортивной карьеры характеризуется своими специфическими вызовами и комплексными ответными действиями, включающими формирование системы отношений и личностных установок, механизмов психологической защиты и копинг поведения [5]. Можно описать некоторые психологические факторы, характерные для завершающих этапов: осознание возрастных изменений, высокая конкуренция, идеализированные ожидания, необходимость поддержания имиджа, прогрессивно возрастающая «цена ошибки», риск травматизации, сложно реализуемые спортивные амбиции, наличие сопутствующих социально-психологических проблем и т.д., усиливающих субъективно значимые переживания в связи со спортивной деятельностью, доводя их до масштаба «судьбоносных событий», влияющих на общий уровень адаптации и качество жизни в целом.

Особенности симптомокомплекса дезадаптации и «глубина» переживания кризиса завершения спортивной карьеры определяются не только функциональным состоянием спортсмена, но и спецификой психологических механизмов саморефлексии и принятия профессионально значимых решений в связи с необходимостью перехода в смежные направления спорта, переквалификацией в тренерскую или другую деятельность, и т.д. Отдельно рассматриваются эмоционально-поведенческие реакции в случае дисквалификации и т.д. Важно подчеркнуть, что механизмы пролонгированного избегания, вытеснения и отрицания (по принципу «со мной такого точно не будет»), приводят к тому, что изменения карьеры могут иметь реактивно-вынужденный характер, не связанный с первоначальным планированием,

реализацией потребности в развитии и расширении навыков, профессионально значимых компетенций и копинг-стратегий.

В случае конструктивного разрешения кризиса, в результате качественного рефрейминга смыслов и значений, становятся доступными когнитивные ресурсы долгосрочного планирования, переосмысления как необходимый фактор совладания с эффектами возможной «деморализации». Юные спортсмены, потенциал которых находится на стадии раскрытия, как правило, не осознают психологическую сложность в переживании этого периода спортивной карьеры. Однако, в дальнейшем, жесткие требования к физической форме, самодисциплине, особенно в период соревнований, а также повышенная рефлексивность в связи с изменением диапазона возможностей, потенцируя друг друга, могут стать патогенетическими факторами в развитии эмоционально-поведенческих расстройств тревожно-депрессивного спектра, с риском формирования различного рода зависимостей и декомпенсаций.

Индивидуальная и групповая работа со спортивным психологом в психопрофилактических и психокоррекционных целях, может рассматриваться как один из вариантов конструктивного разрешения профессионального кризиса, и явиться условием дальнейшего личностного роста и самореализации [3,5].

1. Ананьев, Б.Г. Избранные психологические труды / Б.Г. Ананьев. Т. 1. — М., 1970.
2. Ильин, Е.П. Психология спорта / Е.П. Ильин. — СПб.: Питер, 2018.
3. Ловягина А.Е., Ильина Н.Л., Волков Д.Н., Медников С.В. Психология физической культуры и спорта: учебник и практикум для акад. бакалавриата.- М.: Юрайт, 2018.
4. Сенатрова, О.Ю. Психолого-педагогические условия социальной адаптации спортсменов, завершающих спортивную карьеру: автореф. ... дис. канд. пед. наук / О.Ю. Сенатрова. — М., 2006. — 23 с.
5. Стамбулова, Н.Б. Кризисы спортивной карьеры // Теория и практика физической культуры. — 1997. — № 10, — С. 13-17.

Исследование диспозиционных переменных и копинг-стратегий у девушек, занимающихся профессиональным спортом

Стратегии совладающего поведения; темперамент; характер; спортсмены; девушки; синхронное фигурное катание; плавание

Спорт представляет собой соревновательную деятельность: побеждает тот, кто обладает наилучшей физической подготовкой и психологической устойчивостью. В литературе отмечается влияние диспозиционных переменных на стиль деятельности спортсмена [3] и его совладающее поведение [4]. Данное эмпирическое исследование позволит разработать программы обучения эффективному совладающему поведению с учетом личностных особенностей человека в разных видах спорта.

Цель исследования — анализ взаимосвязи копинг-стратегий с диспозиционными переменными личности у девушек, занимающихся плаванием и синхронным фигурным катанием. В исследовании приняли участие 53 девушки в возрасте от 14 до 19 лет (ср. возраст =15,6): пловчихи (n=20) и фигуристки (n=33). В числе респонденток были члены сборных команд: Свердловской области по плаванию и РФ по фигурному катанию. Диагностический комплекс состоял из опросников: общая форма «Юношеская копинг-шкала» Э. Фрайденберг и Р. Льюиса в адаптации Т. Л. Крюковой [1], «Опросник формально-динамических свойств индивидуальности для подростков (ОФДС-П-26)» В. М. Русалова [2], «Опросник черт характера подростка (ОЧХ-П-20)» В. М. Русалова и О. Н. Маноловой [2]. Статистическая обработка включала описательную статистику, сравнительный анализ (кр. U Манна-Уитни), корреляционный анализ (кр. r Спирмена).

Сравнительный анализ диспозиционных переменных показал, что фигуристки по сравнению с пловчихами обладают более высокой коммуникативной (U=148,50; p=0,001) и общей активностью (U=220,00; p=0,043), гипертимностью (U=198,00; p=0,014) и демонстративностью (U=175,00; p=0,004). Они достоверно чаще используют разные способы эмоциональной разрядки (U=173,50; p=0,004).

При изучении совладающего поведения и особенностей темперамента в обеих группах установлено: стратегии Работа, достижения, Решение проблемы, Активный отдых значимо связаны с интегральными показателями темперамента (ИПА, ИИА, ИКА, ИОА, ИОЭ, ИОАД) (p≤0.05).

Отличительной чертой у синхронисток с высокой общей эмоциональностью является связь со стратегией Беспокойство (r=0,36; p=0,039); отрицательная связь коммуникативной активности со стратегией Религиозная поддержка (r=-0,38; p=0,031). Стратегию Позитивный фокус чаще выбирают синхронистки с высокой педантичностью (r=0,36; p=0,043) и низкой циклотимностью (r=-0,45; p=0,008).

У пловчих по сравнению с фигуристками установлено большее количество отрицательных корреляций в непродуктивном копинг-стиле; в социальном стиле выявлена связь индекса коммуникативной активности со стратегией Социальная поддержка ($r=0,52$; $p=0,020$). Обнаружено, что у пловчих социальная стратегия Принадлежность отрицательно связана с чертой характера Педантичность ($r=-0,56$; $p=0,010$).

Проведенное исследование подтверждает литературные данные о том, что выбор копинг-стратегии зависит от особенностей темперамента и характера. Учет индивидуально-психологических особенностей спортсмена и вида спорта необходим для разработки эффективных программ подготовки спортсменов.

1. Крюкова Т. Л. Методы изучения совладающего поведения: три копинг-шкалы. Кострома: Авантитул, 2007. — 60 с.
2. Русалов В. М. Темперамент в структуре индивидуальности человека: Дифференциально-психофизиологические и психологические исследования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. — 528 с.
3. Ханов Р. Г., Моисеев А. В., Чемпалова Л. С., Сурнин Д. И. Формирование активной саморегуляции пловцов высшей категории // Ученые записки университета Лесгафта. 2016. №11 (141). С. 304-307.
4. Шевцова Т. Н. Копинг-стратегии у подростков с разной мотивацией занятия спортом // Научный результат. Педагогика и психология образования. 2016. №4 (10). С. 77-82.

Сонов В. Ф.

Москва, Российский Государственный Университет Физической Культуры, Спорта, Молодежи и Туризма (ГЦОЛиФК)

Макаров А. Ю.

Российский Государственный Университет Физической Культуры, Спорта, Молодежи и Туризма (ГЦОЛиФК)

Модельные характеристики личности хоккеистов различных игровых амплуа

Свойства личности, психодиагностика, амплуа, сравнение, хоккей, модельные характеристики

Одним из ключевых вопросов современной психологии спорта, и спортивной науки в целом, является профессиональный отбор. Проблематичность этого вопроса обуславливается в первую очередь неоднозначностью критериев и требований, как к представителям отдельных видов спорта, так и спортсменов в целом [1]. Для решения данной проблемы уже продолжительное время ведется разработка модельных характеристик для различных видов спорта [3,5]. Однако, так или иначе все еще ведется диспут о способах применения и внедрения этих моделей и их необходимости в целом.

В данном исследовании мы сосредоточимся на психодиагностической составляющей спортивного отбора, поскольку именно здесь можно увидеть ярко выраженность особенностей личности спортсмена, подтвержденную объективными данными. Так же стоит отметить, что в данной работе речь пойдет о более сложной конструкции чем вид спорта, а именно амплуа в командных видах спорта.

Было обследовано 75 хоккеиста высокой квалификации, участвующих в чемпионатах хоккейных лиги. Использовались следующие методики: 16-ти факторный тест Кеттелла; тест уровня агрессивности Басса-Дарки; опросника ситуативной и личностной тревожности Спилбергера. В ходе проведенного исследования были получены следующие ярко выраженные различия по ряду факторов, между которыми существует достоверное различие по t-критерию Стьюдента в диапазоне $p < 0.05$ - 0.5 , что является значимым различием [2].

Благодаря полученным данным, мы можем выстроить модели каждого игрового амплуа, которые будут соответствовать игрокам высокой квалификации. Для данной модели выделяются следующие наиболее значимые сферы личности хоккеиста: волевая сфера, эмоциональная сфера, сфера интеллекта и сфера общения [2,4].

Таким образом мы получаем следующие модельные характеристики, каждого игрового амплуа:

Нападающий. Эмоциональная сфера: Нападающий спокойный, проявляет эмоциональную стабильность, достаточно решителен и гибок.

Волевая сфера: Смелый, обладает высокой нормативностью поведения и высоким самоконтролем.

Сфера интеллекта: Нападающий хорошо воспринимает новую информацию, обладает высокой оперативностью мышления, воображением, хитростью.

Сфера общения: В общении яркий нон-конформист, проявляет доминантность, экстраверт.

Защитник. Эмоциональная сфера: Защитник достаточно тревожен, однако эмоционально устойчив, решителен.

Волевая сфера: Обладает низкой нормативностью поведения, робкий и неуверенный, обладает средним уровнем самоконтроля.

Сфера интеллекта: Обладает развитым конкретным мышлением, практичностью, естественен и резок.

Сфера общения: достаточно скромный и уступчивый, конформист, экстраверт.

Вратарь. Эмоциональная сфера: Эмоционально устойчив (однако сильно ниже остальных амплуа), спокойный, решительный, гибкий.

Волевая сфера: Вратарь обладает средней нормативностью поведения, средним самоконтролем, смелый.

Сфера интеллекта: Обладает конкретным, ригидным мышлением, практичен и дипломатичен.

Сфера общения: В общении вратарь проявляет уступчивость, подвержен влиянию группы, достаточно интровертен.

Подобная система моделей необходима не только для улучшения процесса профессионального отбора в спорте, но так же и для совершенствования и

1. Мельников В.М. Теоретические подходы к построению психологической модели идеального спортсмена / В.М. Мельников, И.А.Юров.– М.: Спортивный психолог, 2013.– 64 с.
2. Макаров А.Ю; Сопов В.Ф. Особенности индивидуально-психологических свойств личности хоккеистов различных амплуа. — Спортивный психолог — 2019, — 47.с.
3. Серова, Л.К. Спортивная психология: профессиональный отбор в спорте: учеб. пособие для вузов / Л. К. Серова. -2-е изд., испр. и доп.-М.: Издательство Юрайт, 2017.— 161 с
4. Сопов В.Ф. Теория и методика психологической подготовки в современном спорте. Методическое пособие / В.Ф. Сопов. — М.: Физическая культура и спорт, 2010. — 120.
5. Юров, И.А. Эмпирическое исследование спортивной индивидуальности / И.А. Юров. — т.5, № 3 — М.: Эмпирическая психология, 2012. — 126 с.

Системный подход в анализе и структурировании практических рекомендаций по психологической подготовке спортсменов

Спортивная психология, профессиональная подготовка, информация, контент, целевые аудитории, практические рекомендации

Системный анализ большого объема данных и практических рекомендаций в области практической психологии является необходимой частью профессионального становления спортивного психолога и в существенной степени определяет успех его самореализации в профессии. Информационный и образовательный тип работы требует регулярного обновления материала и его систематизацию и структурирование в зависимости от компетенций различных целевых аудиторий. Умение оперативно структурировать информации также актуальна для слушателей курсов повышения квалификации тематических семинаров и участников научно-практических конференций.

В спортивной практике для каждой целевой аудитории нужен не только практически ориентированный контент, но и система сортировки информации, позволяющая эффективно сотрудничать с другими категориями участников спортивной подготовки.

На основе многолетнего опыта научной, образовательной и практической работы [1, 2] нами разработана система структурирования информации, которую спортивные психологи могут использовать в своей информационно-образовательной деятельности, а также рекомендовать своим слушателям для качественного восприятия большого объема информации комплексного характера. В качестве тематических «блоков» можно использовать шесть категорий, оправдавших себя в планировании и проведении индивидуального консультирования спортсменов [3]: «жизненная база», «спортивная база», «подготовка к соревнованиям», «соревновательная деятельность», «анализ опыта побед и поражений». Каждый такой тематический блок может включать в себя множество тем, которые, в свою очередь, касается компетенций различных участников спортивной подготовки.

Помимо категорий «тема» и «блок» при восприятии практически ориентированной информации целесообразно использовать ещё два понятия:

«адресат информации» и «исполнитель практических рекомендаций». Таким образом, любая практическая рекомендация или конкретная методика/технология может характеризоваться этими четырьмя существенными и дополняющими друг друга признаками. Сбор и анализ информации, а также подготовка практических рекомендаций по психолого-педагогическому обеспечению спортивной деятельности нужно проводить с их использованием.

Первый вариант группировки материала: а) выбор одного из шести «блоков» информации, б) определение тем, входящих в этот блок, в) подбор материала для различных целевых аудиторий («адресатов» информации), г) формирование практических рекомендаций (программ) для самостоятельной реализации каждой категорией слушателей и/или взаимодействия или влияния на остальных участников

процесса. Второй вариант: а) определение целевой аудитории, б) подбор тематик или выбор блока, в) формирование практических рекомендаций (программ) для самостоятельной реализации данной целевой аудиторией, а также взаимодействия или влияния на остальных участников процесса спортивной подготовки. Третий вариант: а) определение целевой аудитории, б) выбор исполнителя практической части рекомендаций, в) подбор тематик или выбор блока.

Представленный методологический подход будет полезен специалистам, реализующим подготовку и повышение квалификации спортивных психологов.

1. Тиунова, О.В. Разработка и реализация многоуровневой системы повышения квалификации по спортивной психологии / О.В.Тиунова — Текст: непосредственный // Ученые записки университета имени П.Ф.Лесгафта. — 2017.- №3(145). — С.223-228. — Рез.англ.- Библиогр.: с.228 (9 назв.)
2. Тиунова, О.В. Организационные аспекты планирования и реализации психолого-педагогического обеспечения спортивной деятельности / О.В.Тиунова — Текст: непосредственный // Спортивный психолог. — 2019. — №1(52). — С.4-7. — Рез.англ.- Библиогр.: с.7 (8 назв.)
3. Тиунова, О.В. Построение рабочих взаимоотношений спортивного психолога с родителями юных спортсменов/ О.В.Тиунова — Текст: непосредственный // «Рудиковские чтения»: материалы XII Международной научно-практической конференции психологов физической культуры и спорта — Москва: РГУФКСМиТ, 2016 — С.299-303

Повышение экстремальности деятельности спортсменов на современном этапе развития спорта

Риск, напряжение, самореализация, модель

В современном мире продолжительная деятельность с предельным для человека напряжением может стать ведущим принципом существования.

Согласно общей теории риска, первые варианты которой разрабатывались М. Дугласом, Э. Гидденсом, Н. Луманом и У. Бекком (2000), современный социум переходит от индустриальной модернизации не к постиндустриальному обществу, а к новой ступени общества модерна, где производство рисков превалирует над производством богатства, характерного для индустриального общества.

Рискогенный социум снижает унифицированность, стимулирует людей к риску, к экстремальной деятельности, делает предприимчивость нормой общественного поведения, а экстремальность — неизбежной составляющей человеческой жизни. В изучение проблем риска в настоящее время вовлечено более 20 научных дисциплин, среди которых технические, естественные, медицинские и психологические науки (Зубков, В., 2003).

Увеличение возможностей самореализации при высоком риске их использования и постоянном возникновении ограничений — основное противоречие деятельности в современном обществе. Это касается и спорта. За травмы, полученные спортсменами, ущерб, нанесенный его здоровью, зачастую никто не несет ответственности, даже СМИ не освещают широко подобную статистику.

Понимание того, что результатом деятельности станет нанесение ущерба независимо от принимаемых решений при понимании риска самих решений или бездействия создает условия для экстремальной деятельности как для предпосылки самоорганизации рискогенного социума (Волкова, Н.Г., 2011). Спорт можно рассматривать как модель реальности, дающую возможность:

- а) просчитать риски;
- б) научиться распределять нагрузки, поддерживать необходимый уровень напряжения в течение времени, необходимом для получения надежного результата без возникновения стресса;
- в) принимать нестандартные решения, проявлять свои способности.

Эти возможности стимулируют интерес к занятиям среди широких масс населения, приводят к росту популярности и рекордных достижений многих видах спорта. Растет и конкуренция, все более жесткой становится спортивная борьба.

Повышению экстремальности деятельности спортсменов на современном этапе развития спорта также способствует:

1) Развитие и коммерциализация индустрии спорта, конкуренция за набор кандидатов для занятий спортом, стремление вывести их на рекордные достижения, обострить борьбу, сделать соревнования зрелищными, максимально привлекательными для зрителей и СМИ с одной стороны и появление финансовых возможностей, свободного времени и желания людей быстро добиваться успеха и известности, с другой.

2) Создание позитивного имиджа спортсмена-экстремала, трансляция образцов социального поведения в сложно организованном социокультурном пространстве, где ведущую роль часто играют не традиционные институты, а средства массовой информации, формирование «спроса на личность», популяризация новых идей по повышению результативности, провоцирующая спортсменов к повышению активности, волевых усилий, к риску, соперничеству.

3) Включение некоторых экстремальных видов спорта в состав Олимпийской программы.

4) Развитие субкультур со своими устоями, высокой ценностью экстремальной деятельности и предельных достижений, привлекающих большое количество неподготовленных людей, первоначально ориентированных только на расширение круга общения и повышение двигательной активности.

5) «Антивитальные» настроения, которые могут быть проявлением скрытой депрессии, девиаций, ранним этапом суицидального поведения.

6) Потребность в достижении успеха, соперничестве, самоутверждении, проявлении активности, эмоций, агрессии и аутоагрессии, реализации рефлексов цели и свободы, в переживании предельных, пограничных состояний и т.п.

1. Зубков, В. Социологическая теория риска / В. Зубков. — М.: РУДН, 2003. — С. 41.

2. Волкова, Н.Г. Экстремальность в обществе риска : автореферат дис. ... кандидата философских наук : 09.00.11 / Волкова Надежда Геннадьевна. — Саратов, 2011. — 17 с.

ПСИХОТЕРАПИЯ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ: ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПСИХОЛОГА

Артемьева А.А.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Тромбчиньски П.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Исследование невротических компонентов личности у лиц с пограничной личностной организацией

Расстройства личности, акцентуации характера, невротические черты личности

Пациенты с расстройствами личности представляют научный интерес в связи частой коморбидностью с другими психическими и поведенческими расстройствами, которые возникают в период декомпенсаций. Изучение выраженности невротических черт личности у пациентов с расстройствами личности интересно с точки зрения их участия в формировании нарушений в периоды декомпенсаций.

Цель исследования: изучение выраженности невротических компонентов личности у пациентов с диагнозом расстройства личности (РЛ) в сравнении с их выраженностью у здоровых лиц с выраженными акцентуациями характера (ЗЛ).

Изучено 62 человека: пациенты с расстройствами личности (21 человек, возраст — $M=26,1$), здоровые люди с выраженными акцентуациями характера (41 человек, возраст — $M=21,8$). Методы: социально-биографическая анкета, SCL-90 [3], методика Леонгарда-Шмишека [1], KON-2006 [3], методика изучения внутриличностных конфликтов [3], методика Незаконченные предложения [2]. Статистические методы: ANOVA и корреляционный анализ (r -Спирмена).

Сравнительное изучение выраженности характерологических особенностей показало, что по 7 шкалам опросника Леонгарда-Шмишека выше в группе здоровых лиц, чем у пациентов с РЛ. Различия обнаружены по шкалам ($p \leq 0,05$): застревание, эмотивность, экзальтированность. Пациентам характерна большая стойкость аффекта, а здоровым — изменчивость эмоциональных состояний и впечатлительность.

Изучение выраженности психопатологической симптоматики показало различия по шкалам ($p \leq 0,001$): межличностная чувствительность и фобическая тревожность. ЗЛ чаще отмечают у себя чувство неполноценности в межличностном взаимодействии, а пациенты — иррациональные реакции страха на определенные стимулы, ведущие к избегающему поведению.

Выраженность интрапсихических конфликтов у пациентов с РЛ и ЗЛ не достигает высоких значений. Пациенты с РЛ чаще, чем ЗЛ ($p=0,003$) переживают конфликт, между потребностью самореализации во всех сферах при наличии жестких

представлений об общепринятых правилах и требованиях, чему сложно соответствовать в реальной жизни.

Нарушения в сферах отношений в обеих группах определяются как легкие. Различия найдены в сфере отношения к будущему, нарушение в которой выше в группе пациентов ($p=0,032$). Сфера характеризуется отсутствием временной перспективы (невозможность представить себя в старости) и высказывание надежд о светлом будущем при отнесении к нему негативных событий.

Сравнение выраженности невротических черт личности характеризует пациентов с РЛ большим объемом личностных дисфункций, чем ЗЛ. Различия обнаружены по шкалам KON-2006 ($p\leq 0,01$): склонность к мечтанию, нарциссизм, чувство опасности, экзальтированность поведения, иррациональность, педантизм. Обнаружено различия во взаимосвязях коэффициента X-KON и психопатологической симптоматики. В группе РЛ он связан с чувством неполноценности во время взаимодействия с людьми, в группе ЗЛ — с симптомами депрессии, чувством неполноценности, индексом PSI.

Результаты показывают, одинаковую выраженность невротических компонентов в структуре личности в обеих группах. У здоровых лиц нарушения отражают единый невротический комплекс, а у пациентов с РЛ присутствующие невротические черты, не всегда складывающиеся в психогенно-невротический симптомокомплекс. Предполагаем, что невротические компоненты личности пациентов осознаются ими и не воспринимаются как чуждые, оказываются не связанными с актуальной ситуацией, потому не отражаются в симптомах и не развиваются под влиянием внутриличностных конфликтов или нарушения значимых отношений.

1. Блейхер В.М. и др. Толковый словарь психиатрических терминов. Воронеж: «МОДЭК». 1995. 640 с
2. Румянцев Г.Г. Опыт применения метода «незаконченных предложений» в психиатрической практике/Исследования личности в клинике и в экстремальных условиях. Л., 1969.
3. Тромбчиньски П.К. Личностные характеристики больных с невротическими расстройствами: исследование в связи с задачами позитивной диагностики невротозов: диссертация кандидата психологических наук. СПб. 2017.

Арт терапия в помощи гармонизации состояния психиатрических пациентов в больнице

Арт терапия, баланс, взаимосвязь, уменьшить страдания, трансформация чувств, потенциал

«Если мы понимаем, что все, из чего состоит наш мир, необходимо для поддержания в нем баланса, что все взаимосвязано, то все может быть использовано в лечебных целях. Каждый лепесток поддерживает другого, и вместе они создают гармонию цветка.» (Нида Ченангцанг, 2019)

Чтобы видеть мир и себя более объемно, как единое целое (в чем заключается здоровье), наслаждаться этим видением, необходимо спокойное состояние ума и радостное сердце. Именно этого не хватает человеку, находящемуся в болезни и разного рода нарушениях. Зная, что есть прямая связь между цветом, звуком, первоэлементами, из которых создан мир и наше тело, то можно предположить, представить и проверить, как выйти из разного рода дисбаланса, используя креативные терапии (изобразительная деятельность, музыка, движение). Каждое произведение в изображении, танце или музыкальном сочетании вмещает целую Вселенную автора. Каждый мазок, линия, цвет кричит или шепчет о Живом. Все выраженные нервы сплетаются в композицию цветов, линий и форм. Если мы хотим увидеть, т.е. быть удостоенным чести открыть священный мир пациента, в котором сплетены боль и наслаждение, уныние и радость, ненависть и любовь, страхи и свобода, беспомощность и вера в себя, одиночество и экстаз слияния, то наше, как терапевта, откровенность будет сотворчествовать в преображениях страданий пациента в мудрость...

При длительной практике в психиатрической больнице, у меня проявился более ясный план терапии, которого применяю для восстановления самочувствия пациентов, которые имеют психические нарушения, разного рода и сложности.

Сначала необходимо уменьшить страдания пациентов, поступающих в больницу в сложных состояниях (как на ментальном, так и на физическом уровне). Техники и терапии используются для «рассеивания» страдания. Ясность видения часто заслоняются негативными эмоциями, которые рождаются от трех ядов ума (неведение, привязанности и гнева), так говорит Восточная медицина и это отслеживается на практике. Иногда одного внезапного прозрения достаточно, чтобы депрессия сдвинулась со своего застоя.

Следующий этап — развитие чувства присутствия и ясности ума. Техники и терапии подбираются для развития концентрации и внимания. Каждый пациент работает в силе своих возможностей.

Многочасовая арт-терапия включает все чувства, желания, страсти и ничего не отбрасывает как вредное. В процессе они трансформируются сами собой. Открываются возможности для возвращения надежды, радости, блаженства. Творческая практика с аккуратной подготовкой используется для того, чтобы дать человеку, занимающимся самоисцелением некую внешнюю структуру для проецирования на нее своей внутренней силы и божественности. Весь процесс расширенной

арт-терапии (с интеграцией музыки и движения) проводится с целью учиться видеть внешние и внутренние связи соотношений как в изобразительной продукции, так и отслеживать, распознать в ней возможности выздороветь. Процесс дает условия почувствовать, как преобразовываются чувства, даже негативные проявления начинают представляться нам в виде чистых и благих выражений нашего собственного потенциала, если при творческом опыте мы открываем лежащее в их основе пробуждение (от заблуждений и разного рода иллюзий).

Даже при кратковременной арт-терапии (срок пребывания пациентов в больнице 2-3 недели) можно участвовать в свидетельстве как смягчаются или исчезают напряжения и страдания у пациентов. Они переходят в более мягкое, более приятное состояние. Для таких изменений нужно хотя бы маленькое движение воли, интереса к себе, в свое необъятное, безграничное сердце. На этом подготовительном к творческому процессу этапе для терапевта возникают задачи и ответственность, чтоб начать процесс должным образом.

Представления о краткосрочном формате консультирования студентов-психологов

Краткосрочное консультирование, процесс обучения, профессиональная подготовка в области психологии

В настоящее время возникает все больше запросов на краткосрочный формат в консультировании, что обусловлено рядом причин: интенсивным ритмом жизни; потребностью к разрешению конкретных (иногда ситуативных) психологических трудностей; как к формату, в котором можно попробовать, что такое работа с психологом прежде, чем решиться на длительную работу. Поэтому центры, оказывающие подобную помощь уже не редкость. Подобный формат зачастую оказывается необходимым и имеющим определенную эффективность. Однако, зачастую сталкиваешься с прямо противоположными представлениями как и у лиц, не имеющих психологическое образование, так и тех, кто выбрал психологию как свою профессию. Подобные представления могут удерживать от обращения за психологической помощью к специалистам, практикующим краткосрочное консультирование, а студентов-психологов от рассмотрения такого варианта как профессиональной реализации.

Более точное понимание подобных представлений позволит помочь в разработке адресного информирования, профориентационной деятельности и подготовке будущих специалистов.

Целью нашей работы было выявления некоторых представлений у одной из обсуждаемых категорий респондентов (а именно у будущих психологов) для дальнейшего подбора методов исследования и корректировки плана исследовательской работы. Для этого нами была разработана авторская анкета, включающая открытые и закрытые вопросы, которые касались представлений о возможности оказания психологической помощи в рамках пяти встреч. В пилотажном исследовании приняли участие студенты 1 курса факультета психологии СПбГУ в возрасте от 17 до 23 лет, всего 42 человека (средний возраст 19 лет).

В соответствии с целью исследования был проведен сравнительный анализ ответов, результаты которого говорят о том, что для эффективной работы, с точки зрения респондентов, потребуется от 5 до 58 встреч с психологом и формат, ограниченный пятью встречами, представляется 73% респондентов как сложный (4,88% — невозможный), в том числе из-за высокой интенсивности работы — так ответили 7,69%. К другим сложностям данного взаимодействия психолога-консультанта и клиента отвечающие отнесли поверхностность работы (26,15%), а также трудности с установлением доверия между консультантом и клиентом — так ответили 23,08%.

Когда психологическое консультирование ограничено только пятью встречами, то в качестве тем возможных для обращения за помощью были названы следующие

(тройка лидирующих тем): проблемы в отношениях (10,87%), проблемы в эмоциональной сфере (9,8%) и конфликты разного рода (8,7%).

Не смотря на то, что проблемы так или иначе, связанные с отношениями входят в тройку тем для обращения за краткосрочной помощью, проблемы именно в отношениях в семье респонденты отмечают как тему неподходящую для работы в данном формате (12,77%). Среди тем, которых также не стоит касаться в условиях ограниченного числа встреч, молодые специалисты отмечают травматический опыт (14,89%), наличие зависимости (6,78%) и депрессивные проявления (6,78%).

Таким образом, подтвердилось наше предположение о рассмотрении формата психологического консультирования сложного, причем, судя по указанным респондентами трудностям, как для психолога, так и для человека обратившегося за помощью. С нашей точки зрения, обозначенные представления о трудностях требуют дальнейшего детального исследования. В них могут содержаться как страхи будущих специалистов, характерные перед началом любой практической деятельности, так и соответствующие действительности сложности обсуждаемого формата. Все это может быть учтено в образовательном процессе. Точно также эти предположения касаются и представлений о темах, с которыми не стоит обращаться к психологу, работающему в формате пяти встреч. Поскольку из всего указанного списка, нет ни одной темы, относительно которой нельзя было бы провести консультационную сессию (например, в направлении информирования, адресного перенаправления к специалисту другого профиля, оказания психологической поддержки).

Профессиональные и личностные качества в работе психотерапевта

Психотерапия, психотерапевт, личностные и профессиональные качества психотерапевта, подготовка психотерапевтов

Важными факторами, оказывающими влияние на психотерапевтический процесс и его результативность, являются профессиональные и личностные характеристики психотерапевта. Проблема соотношения профессиональных и личностных качеств психотерапевта долгие годы дискутируется в литературе и профессиональном сообществе. Взаимосвязь этих характеристик очевидна, так как уровень освоения профессиональных навыков во многом определяется индивидуально-психологическими и личностными особенностями человека, а они, в свою очередь, существенно влияют на выбор определенной теоретической парадигмы в которой вначале обучается, а затем и работает психотерапевт.

Однако существует тенденция к рассмотрению личностных характеристик психотерапевта как доминирующих, т.е., оказывающих чуть ли не решающее влияние на процесс и результат психотерапии. В качестве таких характеристик указывают открытую позицию психотерапевта в отношении пациентов, заинтересованность, принятие, умение воспринимать отличные от своих взгляды, позиции, убеждения и суждения; личностную интегрированность, зрелость, отсутствие склонности к тревоге, развитую интуицию, эмпатичность, устойчивость по отношению к состояниям фрустрации и неопределенности, отсутствие оценочного подхода, образованность, адаптивность, успешную социализацию и адаптивность, гибкость, терпимость, смелость, теплоту, умение ориентироваться во времени, интеллект, самопознание и высокую степень самопонимания, искренность, аутентичность, уважение к другому, желание помочь, сердечность, умение создать доброжелательную и безопасную атмосферу и многие другие. Этот перечень характеризует некоего идеального человека. Вряд ли такие люди вообще существуют. Конечно, психотерапевт не может быть мизантропом, но полностью удовлетворять подобным требованиям скорее всего не может никто. Вывод, который напрашивается из приведенного выше перечня личностных характеристик психотерапевта, состоит в том, что он должен быть зрелой «доброкачественной» личностью (хорошим человеком). Но этому невозможно научиться, а можно только с детства целенаправленно воспитывать будущего психотерапевта или же производить сверхжесткий личностный отбор для обучения этой профессии. Однако, с нашей точки зрения, личностный подход в данном случае, скорее всего, не является эффективным. Как показывает опыт, к нему прибегают в том случае, когда система подготовки психотерапевта далека от совершенства, а, следовательно, недостаточно разработаны теоретические основы того или иного направления в психотерапии и психотерапевт для успешности своей работы должен опираться только на собственные личностные ресурсы. Такая ситуация не может восприниматься как профессиональная и считаться нормальной.

Ответ на вопрос, какому фактору — личностному или профессиональному — придается большее значение, в целом соответствует пониманию сущности и целей психотерапии и зависит от теоретической ориентации. Если психотерапевтический процесс понимается, прежде всего, как специфический межличностный контакт, то в этом случае более важное значение имеют индивидуальные, личностные особенности психотерапевта. Если же психотерапевтический процесс рассматривается преимущественно как целенаправленное воздействие с применением определенных методов и техник, то тогда на первый план выходят профессиональные навыки. При этом следует подчеркнуть, что личностные характеристики и индивидуальные особенности, безусловно, имеют большее значение в работе непрофессионалов (например, группы анонимных алкоголиков и наркоманов) или психотерапевтов с недостаточной подготовкой и малым опытом.

Техники Эриксоновского гипноза в деятельности психолога

Трудная жизненная ситуация, внушение, Эриксоновский гипноз, гипнотический транс, недириективный метод, психологическая помощь.

В качестве технологии в профессиональной деятельности психолога предлагается Эриксоновский гипноз. Эриксоновский гипноз является эффективным инструментом для работы со скрытыми внутренними ресурсами своего организма и психики [1]. Правильное владение данным инструментом, в сочетании с некоторыми фундаментальными знаниями, расширяет потенциалы человека, позволяет раскрыть и развить свой творческий потенциал, сделать свою жизнь лучше и интереснее. Эриксоновский гипноз как способ поиска внутренних ресурсов [5, 6]. Именно в таком состоянии человеку открывается доступ к внутренним ресурсам, которые были забыты, но сохранились в бессознательном состоянии. Одно из гениальных достижений Милтона Эриксона состоит в том, что он определил: каждый человек время от времени впадает в непроизвольный транс, каждый человек имеет такую же потребность в транс, как и во сне [3]. Микродинамика наведения гипнотического транса и внушения состоит из следующих стадий: 1) фиксация внимания; 2) депотенциализация установок сознания; 3) бессознательный поиск; 4) гипнотический отклик [4].

В исследовании М.Н. Гордеева [2] было установлено, что использование недириективных суггестивных методов является условием улучшения общего эмоционального состояния респондентов, избирательно влияет на различные процессы эмоциональной сферы, в частности на: снижение тревожности; увеличение показателей спокойствия; повышение уровня энергичности; уверенность в себе; ощущение состояния приподнятости.

Таким образом, используя недириективные техники гипноза, возможно расширение механизмов деятельности психики при кризисной ситуации, а также при работе с эмоциональным выгоранием. Однако, необходимы комплексные экспериментальные исследования, подтверждающие эффективность данного метода, так как в настоящий момент, в психологии недостаточно экспериментальных исследований, посвященных роли Эриксоновского гипноза при работе с людьми на разных этапах профессиональной деятельности.

1. Гиллиген С. Терапевтические транссы. Руководство по эриксоновской гипнотерапии / Пер. с англ. — М.: НФ Класс, 1997. — 364 с.
2. Гордеев, М.Н. Влияние недириективных суггестивных методов на изменение личности в тренинговых группах: дисс. канд. психол. наук. Ярославль, 2001, 189 с.
3. Коуплан Р. Гипноз: практическое руководство. — СПб.: «Питер», 2001. — 288 с.
4. М. Эриксон. Мой голос останется с вами: Авторский сборник: XXI век / перевод В.В. Турыгин. 1995. — 368 с.

5. М.Р. Гинзбург, Е.Л. Яковлева. Эриксоновский гипноз: систематический курс. — М.: Московский психолого-социальный институт, 2008. — 312 с.
6. Эриксон М., Росси Э., Росси Ш. Гипнотические реальности: Наведение клинического гипноза и формы косвенного внушения / Пер. с англ. -- М.: НФ Класс, 2000. — 342 с.

Проблемы взрослых детей эмоционально незрелых родителей: направления психологической помощи

Эмоционально незрелые родители, взросление, отрицательный «образ Я»

Содержание отношений с родителями важнейший фактор формирования ребенка. Этот факт признается психологической практикой, независимо от теоретического и методологического подходов. В последнее время в психотерапии закрепилось понятие «эмоционально незрелые родители». Практика психологического консультирования взрослых людей подтверждает, что их проблемы уходят корнями в детство.

Феномен эмоциональной незрелости родителей сформулирован Ж. Аррюс-Ревиди (2015). Она рассматривает его не только как один из симптомов клинических нарушений (истерии, пограничный состояний и т.д.), но и как самостоятельное психологическое нарушение. Если подобное нарушение присуще родителям, то это влияет на взросление ребенка.

Эмоциональная незрелость родителя проявляется в:

- эгоцентрической позиции по отношению к детям,
- ослабленном самоконтроле, быстрой смене эмоций (они могут быть яркими, но поверхностными), слабый контроль поведения,
- обвинениями в неудачах только окружающих, в том числе и детей,
- трудности с принятием обязательств,
- склонности к манипулированию.

Потребности ребенка в этом случае грубо нарушаются. Отсутствует необходимая опора на близкого взрослого, которому доверяешь и который понимает твои чувства и потребности. Особая сложность ситуации в том, что зачастую такие семьи выглядят как вполне благополучные. Л.К.Гибсон (2018 г.) выделяет четыре типа эмоционально незрелых родителей: эмоциональный родитель, (часто сам становится опекаемым для своих детей); одержимые родители, постоянно заняты своими делами (интересы ребенка — дело второстепенное); пассивные, все пускают на самотек; отвергающие родители, (воспринимают детей как помеху). При всех поведенческих отличиях такие родители лишают своих детей чувства защищенности.

Принятие родителей как идеальной модели поведения естественно для детей. Это здоровая зависимость ребенка от взрослого дает ему уверенность. Развитие способности самостоятельно справиться с трудностями — процесс постоянный и постепенный. В случае семьи с эмоционально незрелыми родителями и постепенность, и константность процесса взросления нарушены.

Ребенок теряет ощущение собственной ценности для родителей, а, следовательно, и ценности для себя самого. Его сопровождает чувство одиночества и пустоты, отсутствует доверие к собственным чувствам. Такого рода нарушения не

могут не сказаться во взрослости. Один из клиентов определил такие отношения со своей семьей, как «беспольная семья». Зачастую именно те, чье взросление прошло в таких семьях, оказываются клиентами психотерапии. Работа с ними длительна, часто происходит возвращение на более ранние ее этапы.

Наиболее характерно для таких клиентов:

- Заниженная самооценка (при высоком уровне образования и профессиональной реализации), отрицательный «образ Я». Фактически у всех клиентов.
- Сложности в отношениях с другими людьми, особенно с противоположным полом. Часто имеют место отношения зависимости. «Надо делать, так ему (ей) хочется, и тогда он (она) оценит, тогда отношения будут устойчивыми». Выбор партнеров, которые игнорируют их чувствами и потребности, не признают их личных границ.
- Депрессивные состояния. Беспомощность («все уже произошло, ничего не изменить»).
- Ощущение пустоты жизни, «я живу чужую жизнь».

У 75% клиентов с подобной семейной историей есть серьезные хронические заболевания (диабет, астма и т.д.).

Клинический материал был собран и проанализирован на материале групп психодрамы (Центр «12 коллегий», 2018 — 2020 г.г.) и индивидуального консультирования (нарративный подход). Опыт групповой работы в парадигме психодрамы с ее эффективностью, как метода отреагирования и получения нового опыта понимания и поддержки группы. Нарративный подход способствует переосмыслению своей жизненной истории.

Взаимосвязь регуляции психологических границ и когнитивных искажений у лиц с социальными фобиями

Психологические границы, когнитивные искажения, социальные фобии

По результатам современных исследований примерно у 13% населения отмечаются социальные фобии. Почти каждый сталкивался со страхом взаимодействия в какой-либо социальной ситуации. Но, несмотря на актуальность этого феномена, социальные фобии на данный момент мало изучены. Таким людям тяжело быть частью общества, контактировать с окружающими. У них часто возникают проблемы с поиском работы, обучением в школе или в высшем учебном заведении. Социальные фобии мешают личностной реализации. У людей с этим расстройством очень затруднено развитие личностного потенциала, даже при наличии высокого уровня интеллекта. Однако, на данный момент, исследований, проведенных на данную тему недостаточно, так как понятие социальной фобии относительно молодое. Мы не нашли работ, посвященных исследованию взаимосвязи регуляции психологических границ и когнитивных искажений у лиц с социальными фобиями. Поэтому рассмотрим эту связь необходимо.

Эмпирическую базу исследования составили 122 человека, мужчины и женщины в возрасте 16 — 77 лет, из числа которых были сформированы 2 группы испытуемых: лица с социальной фобией — эмпирическая группа (29 человек); люди, не имеющие страха социального взаимодействия — контрольная группа (29 человек).

Данные подвергались статистическому анализу с использованием пакета программ SPSS STATISTIC 23.0. Для анализа результатов был использован непараметрический U-критерий Манна-Уитни.

Получены достоверные отличия между суверенностью физического тела, суверенностью территории, суверенностью привычек, суверенностью социальных связей и общим показателем суверенного пространства. Все показатели экспериментальной группы не достигают 30 баллов, то есть мы можем отметить «гравмированность» суверенности в этих областях. Показатели контрольной группы выявляют умеренную или нормальную суверенность, кроме общего показателя суверенности психологического пространства личности — этот показатель попадает в диапазон депривированности.

Респонденты экспериментальной группы имеют нервно-психическую неустойчивость переживания соматического дискомфорта, связанного с прикосновениями, запахами, а также удовлетворением физиологических потребностей в присутствии других людей.

Таким образом, респонденты экспериментальной группы по суверенности ценностей могут осознавать свои ценности, но, находясь в обществе, не всегда могут их защищать, отстаивать, им вероятнее проще уклониться от социальных контактов, чтобы сохранить себя, свою индивидуальность, соответствовать своему мировоззрению, своим ценностям. Возможно эти показатели мы получили потому, что в группе

преобладают лица молодого возраста, когда групповые ценности превалируют над индивидуальными.

Таким образом, у лиц с социальной фобией психологические границы будут более «тонкие», чем у лиц контрольной группы.

У лиц с социальной фобией общий показатель суверенности психологического пространства личности ниже, чем у лиц контрольной группы. Наиболее значимыми, оказались шкалы «суверенность физического тела» и «суверенность социальных связей». Это говорит о том, что таким людям сложнее всего взаимодействовать с другими людьми, вступать в контакт, устанавливать социальные связи, а также выдерживать дискомфорт, появляющийся в связи с прикосновениями, запахами, удовлетворением физиологических потребностей в присутствии людей. Можно сделать вывод, что эти зоны — самые проблемные у людей с социальными фобиями.

Мы можем отметить, что у лиц с высоким уровнем социальной фобии (не клинический вариант) преобладают такие иррациональные установки как: «Самооценка и рациональность мышления» и «Фрустрационная толерантность». Это говорит нам о том, что у лиц с такими симптомами наиболее выражены иррациональные мысли об оценивании своей личности в целом, а не об отдельных поступках и качествах индивида, а также они наиболее подвержены стрессу, не выдерживают тяжелых ситуаций, сдаются.

Рецер Р.А.
Новосибирск, НГМУ

Соловьева И.Г.
Новосибирск, НГМУ

Патрикеева О.Н.
ГБУЗ НСО "Новосибирский областной наркологический диспансер"

Психологические трансформационные игры как способ профилактики отклоняющегося поведения у подростков

Подростки, отклоняющееся поведение, психологические трансформационные игры

В последние годы растет частота использования дизайнерских синтетических наркотиков, начало употребления которых, приходится на подростковый и юношеский возраст. Причем, наблюдается высокая коморбидность зависимого поведения с другими видами отклоняющегося поведения. Согласно результатам проведенных нами исследований, у потребителей синтетических наркотиков в 7,5 раз чаще, чем среди здоровых встречаются полиморфные варианты генов, детерминирующих низкий уровень функционирования дофаминергической системы мозга, что сопряжено с тревожно-мнительными чертами характера, неуверенностью в себе, страхом неудачи [1, 2]. Низкий уровень дофамина, с одной стороны, и влияние психосоциальных факторов (жестокое обращение, дистантные отношения в семье, социальные и экономические трудности), что также значимо чаще встречается в семьях лиц, зависимых от наркотиков, — с другой, снижают восприимчивость к обычному вознаграждению, провоцируют рискованное поведение подростков [3, 4].

На наш взгляд, одним из путей формирования устойчивой самооценки через развитие навыков взаимной поддержки и самоподдержки, позитивный опыт переживания успеха как результата собственных достижений и постепенное формирование мотивации достижения, может быть использование в работе школьного психолога трансформационных психологических игр (Т-игр).

Нами начато проведение онлайн Т-игр («Угадай меня», автор А. Колендо-Смирнова; «Островитяне», автор Е. Скуратова) с подростками 12-13 лет на базе МБОУ «Лицей №200» г. Новосибирска. Получены первые результаты снижения уровня тревоги ($p<0,05$), улучшение самочувствия и настроения ($p<0,01$), повышения коммуникативной компетентности ($p<0,05$), навыков и стратегий достижения цели, признаки формирования адекватной системы подкрепления.

Задача настоящего этапа — разработать психофизиологически и социально-психологически обоснованную методологию проведения Т-игр, которая может быть использована в работе школьного психолога с целью профилактики отклоняющегося поведения подростков.

1. Соловьева И.Г. Зависимость от синтетических наркотиков у европеоидов Западно-Сибирского региона: возможная роль DAT1 VNTR — полиморфизма / И.Г. Соловьева, М.А. Губина, О.Н. Патрикеева, О.Н. Кунгурцева, Р.А. Рецер, О.М. Кормилина // Наркология. — 2019. — Т.18. — №12. — С.27-32.

2. Соловьева И.Г. Биопсихосоциальные предпосылки развития наркотической зависимости в подростковом возрасте / И.Г. Соловьева, О.Н. Патрикеева, М.А. Губина, Р.А. Рецер, А.В. Ларин, Д.А. Карпенко, Д.Е. Сундуева // Казанский педагогический журнал. — 2020. — №1 (138). — С.249-254.
3. Соловьева И.Г. Особенности структуры родительской семьи у лиц с химической аддикцией / И.Г. Соловьева, С.В. Гиркин, С.С. Лысенко, И.А. Чуйкина, О.Н. Патрикеева // Клиническая психология в России. — 2016. — №3 [электронный ресурс] www.medpsy.ru/mprj/archiv_global/2016_3_38/nomer03.php
4. Weeland J., Overbeek G., Orobio de Castro B., Matthys W. Underlying Mechanisms of Gene–Environment Interactions in Externalizing Behavior: A Systematic Review and Search for Theoretical Mechanisms// Clin Child Fam Psychol Rev. — 2015. — Vol.18. — P. 413–442.

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 18-013-00919 А — Клинико-патофизиологические аспекты наркозависимости от синтетических каннабиноидов и синтетических катинонов: роль полиморфизма генов дофамин-β-гидроксилазы (DBH) и транспортера дофамина (DAT)

Азарко Е.М.

Ростов-на-Дону, член МОО ОПСС

Методы аппаратной коррекции функционального состояния, применяемые в работе со специалистами опасных профессий

Функциональное состояние, транскраниальная электростимуляция, аудио-визуально-вибротактильная стимуляция, ароматерапия, музыкотерапия, цветотерапия, БОС-тренинг

Работа специалистов опасных профессий, сотрудников ФПС МЧС России, спасателей, военнослужащих, связана с риском для жизни, напряженностью, принятием решения в сокращенные лимиты времени, суточными дежурствами. При этом могут наблюдаться негативные последствия влияния профессионального стресса на психоэмоциональное и ФС [2].

Постановка проблемы. В настоящее время в системе психологического сопровождения специалистов опасных профессий сложились традиции планового наблюдения, психологического мониторинга за общим состоянием работающих специалистов, выявления случаев отдельных проблем или нарушений с последующим направлением на медико-психологическую реабилитацию (МПР). Опыт показывает, что существует противоречие между реальной подготовленностью специалиста-психолога, начинающего профессиональную деятельность в подразделении МЧС России, и необходимостью психологического сопровождения личного состава, в частности, проведения МПР начинающим психологом с использованием методов аппаратной коррекции.

Методы. АВВС, ТЭС, арома-, музыка-, цветотерапия, БОС-тренинг.

Результаты работы и их обсуждение. При проведении МПР актуален комплексный подход [5]. Использование методов (АВВС, ТЭС, ароматерапии, музыкотерапии, цветотерапии, БОС-тренинга) позволяет усиливать естественные физиологические ресурсы организма, тем самым помогая решать задачи по снижению негативных последствий влияния стресса и оптимизации ФС.

Эффект полимодальной стимуляции с использованием бинауральных звуков, синхронизированных со слабыми световыми и вибротактильными воздействиями используется в АВВС; способствует нормализации АД, улучшению качества сна и режима сон-бодрствование, быстрому восстановлению физиологических возможностей. ТЭС снижает психоэмоциональное и мышечное напряжение, болевые симптомы, восстанавливает работоспособность. По процедуре БОС-тренинг позволяет формировать навыки саморегуляции на основе тренировки отдельных вегетативных реакций. Косвенным эффектом является улучшение функций дыхания, терморегуляции, нормализации сердечного ритма, связанных с состоянием баланса

парасимпатической и симпатической систем[3]. Музыка- и цветотерапия — снижению напряженности, восстановлению работоспособности.

Система МПР включает психопрофилактику, психокоррекцию и комплексные общеоздоровительные программы[1,5]. Опыт практического применения отдельных методов и их сочетаний показал, что их регулярное применение улучшает ФС и способствует профессиональному долголетию специалистов опасных профессий[3,4].

Выводы. 1) комплекс психофизиологических методов улучшает ФС; 2) можно рекомендовать включение в образовательные программы «Психология служебной деятельности» внедрение рабочих программ, позволяющих студентам получить навыки применения основных методов аппаратной коррекции, применяемых для специалистов опасных профессий [5].

1. Азарко Е.М. Направления медико-психологической реабилитации с пожарными и спасателями. // Материалы Всероссийского психологического форума «VI съезд Российского психологического общества» 5-7 октября 2017 года. –Казань, 2017.
2. Азарко Е.М., Володенко Д.В. , Клокова Н.В. Опыт применения устройства «Эгоскоп» в предреабилитационной диагностике пожарных и спасателей. // Актуальные проблемы экстремальной и кризисной психологии материалы Всероссийской научно-практической конференции Уральского форума психологов государственных структур и силовых ведомств. — Екатеринбург, 2018.
3. Азарко Е.М., Володенко Д.В. Применение БОС-тренинга в комплексных программах медико-психологической реабилитации. // Эффективность личности, группы и организации; проблемы, достижения, перспективы. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. — Ростов-на-Дону, 2017.
4. Заборовская В.Г., Куричкова Е.В., Штумф В.О. Эффективность краткосрочной (однодневной) программы оперативного восстановления работоспособности. // Вестник СПб.ун.ГПС МЧС России, 2017, №1.
5. Методические рекомендации по психологической профилактике и коррекции в МЧС России.–М., ФКУ ЦЭПП МЧС России, 2016

Сферическая модель психики и изоморфизм сфер

Сферы психики, эндопсихика, мезопсихика, экзопсихика, метапсихика, изоморфизм

Ранее нами была описана сферическая модель психики, состоящая из трех сфер [1]. Обоснование схемы строится на таких предпосылках. Все органы человека и вышших позвоночных развиваются из трех зародышевых листков: энтодермы, мезодермы и эктодермы. Им можно поставить в соответствие вегетативный, соматический и центральный (психический) отделы нервной системы. Каждый из указанных отделов является субстратом для своей психической сферы.

Можно говорить о трех основных сферах индивидуальной психики:

1. Эндопсихика — это ядро индивидуальной психики. Ее субстрат $\frac{1}{4}$ вегетативная нервная система. Приоритетная базовая генетическая программа $\frac{1}{4}$ обеспечение питания и энерготрат. Биологическая функция $\frac{1}{4}$ самозащита.

2. Экзопсихика — внешний слой индивидуальной психики. Субстратом является психический мозг. Приоритетная генетическая программа $\frac{1}{4}$ регуляция поведения в социуме. Биологическая функция — индикация свойств среды.

3. Мезопсихика — средний слой индивидуальной психики. Субстрат — двигательная нервная система. Приоритетная генетическая программа — продление рода. Биологическая функция — совмещение возможностей организма с требованиями окружающей среды.

4. В границах данной схемы можно говорить и о четвертой психической сфере $\frac{1}{4}$ метапсихике. Ее составляют социально-психологические явления. Поведение конкретного индивида в известном смысле произвольно. Однако когда идет речь о поведении больших групп людей, в их поступках просматриваются общие черты. Мы воспользовались классификацией типов поведения, описанных в свое время Ж. Польти, французским драматургом. Он считал, что все сюжетные линии, описанные в литературе, можно, в сущности, свести к 36 позициям [2,3]. Такой способ отвечает признаку полноты, поскольку многовековая практика написания литературных произведений уже произвела селекцию наиболее существенных тем, представленных в описаниях. Их количество конечно, стремясь к числу 36. Описываются способы поведения людей вне зависимости от их национальных или культурных особенностей.

Список сюжетов: Мольба, Спасение, Мечь, преследующая преступление, Мечь близкому за близкого человека, Преследуемый, Внезапное бедствие, Жертва, Бунт, Дерзкая попытка, Похищение, Загадка, Достижение, Ненависть к близким, Соперничество близких, Адюльтер, приводящий к убийству, Безумие, Роковая неосторожность, Невольное преступление любви, Невольное убийство близкого, Самопожертвование во имя идеала, Самопожертвование ради близких, Пожертвовать всем ради страсти, Пожертвовать близким в силу необходимости, Соперничество, Адюльтер, Преступление любви, Узнавание о бесечности близкого, Препятствие любви, Любовь к врагу, Честолюбие и властолюбие, Борьба против бога, Неосознаваемая ревность, зависть, Судебная ошибка, Угрызения совести, Потерянный и найденный, Потеря близких.

Эту схему можно дополнить, введя такие понятия, как роль, амплуа, и т.п. 36 сюжетов — это 36 возможных типов поведения.

Человек формирует поведение также исходя из своих индивидуальных особенностей. Мы можем констатировать, что поведение формируется под влиянием диспозиций, описанных в концепции Келлермана: Истерия, Паранойя, Пассивность, Агрессия, Obsessивная диспозиция, Психопатия, Мания, Депрессия [4].

Диспозиции, как бы противостоят сюжетам в пространстве признаков среды обитания человека, находясь с ними в балансе. Все четыре слоя целостной психики изоморфны друг другу.

Создание опросника «36 сюжетов». Процедура и результаты

Сюжеты, опросник, механизмы исполнения сюжетов и ролей. уравнения регрессии

Существующие психологические тесты имеют ряд недостатков, некоторые из которых мы постарались учесть при создании опросника. Во-первых, постоянно существует проблема устаревания метода. Во-вторых, многие из существующих тестов измеряют «отношение» человека к изучаемому явлению, но совсем не обязательно, что человек всегда поступает так, как говорит или думает: изучать последовательность поступков надежнее, чем изучать намерения. В-третьих, тест должен отвечать требованию полноты, т.е. он отражает все возможные аспекты изучаемого явления. В-четвертых, тест должен быть компактным, т.е. он должен изучать достаточно широкое понятие, так, что по одному тесту можно определить достаточно много более частных параметров психики человека.

При создании нового теста мы в качестве основы взяли список 36 сюжетов Ж. Польти. Он считал, что все сюжетные линии, описанные в литературе, можно, в сущности, свести к 36 позициям [1, 2]. Такой способ хорош и тем, что он отвечает признаку полноты, поскольку многовековая практика написания литературных произведений уже произвела селекцию наиболее существенных тем, представленных в описаниях.

Первоначально был создан I-й вариант теста, где по 10-бальной шкале оценивалась степень принятия испытуемым каждой из 36 ролей Ж. Польти. После этого подсчитывались корреляции каждой роли с большим набором психофизиологических и психологических параметров. Таким способом решался вопрос о психофизиологических механизмах, лежащих в основе реализации каждой сюжетной линии конкретным испытуемым. Были описаны механизмы, определяющие поведение человека при реализации того или иного сюжета. На основе обнаруженных механизмов составлялся новый, второй, вариант опросника «36 сюжетов». В нем каждому сюжету были адресованы 9 вопросов (т.е. всего 324 вопроса). Из этих 9 вопросов 6 адресовались социально-психологическим параметрам человека, а 3 вопроса оценивали влияние на поведение соответственно корковой, двигательной и вегетативной активации.

Далее подсчитывалась корреляция между показателями исходного варианта опросника и его новым значением. Оказалось, что между ними нет корреляции, т.е. они измеряют разные характеристики поведения. Анализ полученных данных показал, что исходный вариант измеряет реализуемую в действительности роль, а новый вариант определяет тип поведения, который соответствует психофизиологическим особенностям данного человека, к чему у него есть предрасположенность. В связи с этим было введено понятие «Напряжение сюжета» — это разница между желаемыми

и исполняемыми ролями. Этот параметр является движущей силой поведения человека в социуме. В свою очередь, такие ранее известные параметры, как перфекционизм, невротизация, психопатизация и т.п. есть всего лишь частный случай параметра «Напряженность сюжета», вариант искажения играемой роли. Они просто описывают разные его аспекты. В практическом плане это означает, что достаточно предъявить испытуемому один (новый) тест «36 сюжетов», а все остальные можно определить, используя выведенные уравнения регрессии. Приведем, в качестве примера, два уравнения регрессии.

Перфекционизм = $0,28 \times S3 + 0,32 \times S16 + 0,31 \times S25 + 0,23 \times S26 + 0,3 \times S27 + 0,4 \times S32 + 0,43 \times S34$,

Психопатизация = $0,43 \times S4 + 0,32 \times S6 + 0,31 \times S8 + 0,32 \times S10 + 0,27 \times S13 + 0,27 \times S15 + 0,34 \times S17 + 0,32 \times S19 + 0,26 \times S26 + 0,38 \times S28 + 0,43 \times S31$, где

S1 — S36 — численное значение представленности каждого сюжета у конкретного испытуемого, а числа перед ними в уравнении — весовые коэффициенты, означающие степень влияния каждого сюжета на искомое психологическое качество.

1. Луначарский А. В. Тридцать шесть сюжетов // «Театр и искусство», 1912, № 34. — См.: Луначарский А. В. О театре и драматургии. — М., 1958. — Т. II, с. 113—117.
2. Cécile De Bary. Georges Polti, ou l'anticipation du théâtre potentiel // Poétique: Revue de théorie et d'analyse littéraires, No. 138, 2004, pp. 183—192.

Реабилитация инвалидов по зрению посредством танцев

Реабилитация, психологическая реабилитация, танцевальные занятия, инвалиды по зрению, воздействие на эмоционально-волевую сферу, невербальная коммуникация, особенности процесса общения у незрячих

Реабилитация — это широкое понятие, она рассматривается как совокупность медицинских, психологических и социальных мер по восстановлению автономности и здоровья лиц с ОВЗ. Мы же затронем лишь психологический аспект реабилитации.

Психологическая реабилитация преимущественно нацелена на достижение адекватного понимания инвалидом своего актуального положения, осознание психологических проблем, стоящих перед ним, оптимизацию взаимоотношений с людьми, выявление ресурсов и поддержку статуса личности.

Основной целью нашей работы было выявить возможности использования танцевальных занятий в ходе реабилитации инвалидов по зрению, показать влияние этих занятий не только на физическое состояние, но и на психические процессы, на эмоциональную сферу и общение, и на качество жизни в целом.

Описывая практику использования танцевальных занятий в реабилитации инвалидов по зрению, необходимо отметить, что танцы, прежде всего, воздействуют на эмоционально-волевую сферу.

Танец — это подлинное выражение глубочайших душевных чувств, высвобождаемое через движение тела. Радость, бодрость и весёлое настроение запрограммированы самим сценарием танца. И участник танцевальных занятий невольно присоединяется к этим чувствам. Позитивные эмоции, возникающие у незрячего в танце — душевный подъем, радостное волнение, закрепляют связь движений и эмоций, что, в свою очередь, ведет к более позитивному восприятию движений, как таковых.

Совершая в танце ряд непривычных, сложносвязанных движений, постоянно расширяя репертуар танцевальных фигур, которые весьма затруднительно делать без зрительного контроля, незрячий производит своеобразный тренинг воли. Воля, в свою очередь, мобилизует мышление, воображение. Достижение цели в результате волевого усилия переживается эмоционально, как «победа над собой».

Необходимо указать на особенности процесса общения у незрячих. Круг общения у них, зачастую, весьма узок, социальные контакты ограничиваются реабилитационными учреждениями или ближайшими родственниками. Участие же в танцевальных занятиях открывает широкое поле возможностей для новых контактов, выработки стиля взаимодействия, понимания и оценки другого человека. Все эти аспекты общения требуют развития, формирования навыков, что весьма эффективно происходит непосредственно во время коммуникации в танцах.

В общении человек познает и тренирует определенные виды ролевого поведения. Так формируется репертуар ролей. Он не является данностью, а целиком зависит

от широты и качества взаимодействия. Обширный репертуар ролей — это фундамент для всестороннего развития личности. Танец — это небольшой спектакль, в котором проигрываются различные сцены и многообразные роли. Незрячий имеет возможность «примерить» их, войти в различные амплуа.

Важный аспект взаимодействия в танце составляет невербальная коммуникация (позы, жесты, мимика, интонации). Это своеобразный язык, который является не дополнительным аккомпанементом, а составляет большую, а может быть, и главную, часть взаимодействия. Невербальная коммуникация, возникающая в танце, оживляет репертуар проявлений различных эмоций. Незрячий, не видя в обычном акте коммуникации невербальных проявлений, в свою очередь и не может продемонстрировать собственные невербальные ответы. Танцуя же, незрячий, вольно или невольно, проявляет и тренирует весь невербальный репертуар, поскольку этот репертуар «запрограммирован» самой логикой танца.

В танцевальной студии для незрячего формируется референтная группа, где оценка его, как успешной личности, легко реализуется среди себе подобных и способных к определенным достижениям. Во время занятий танцами у незрячего происходит формирование нового образа «Я», осознание себя как полноценной личности. Формируется позитивная установка по отношению к самому себе, к своим способностям, внешности, повышается собственный статус. Человек перестает воспринимать себя как ограниченного в действиях инвалида.

Механизмы синхронизации электрической активности у живых существ разного эволюционного возраста

Прокариоты, бактерии, электрическая активность, осцилляции, электрические синапсы, синхронизация

Изучение происхождения синхронизированной электрической активности включает два вопроса — какого типа электрическая активность синхронизируется и каким способом. У самых древних прокариотов — цианобактерий, возраст которых около 4 млрд лет — зарегистрирована внутриклеточная активность в форме ритмических колебаний. Эксперименты на более высоко организованных существах доказали присутствие осцилляторных клеток во многих отделах нервной системы высокоразвитых живых существ (Нейрон, 2008). Результаты регистрации полевых потенциалов от организмов, принадлежащих разным уровням эволюции, от прокариот-цианобактерий до человека, показали, что осцилляторная активность имеет основные частоты 1–5 Гц, 10–12 Гц, 14–30 Гц (Греченко и др., 2015). Этот факт приводит к предположению о наличии сходных механизмов синхронизации электрической активности отдельных элементов у всех организмов. Роль химических синапсов для этой цели сомнительна, так как у прокариот, миксомицетов и плодов растений они отсутствуют. Предполагается, что основой для синхронизации являются электрические синапсы и их функциональные аналоги. В колониях бактерий выявлено два типа контактов: плотное слипание и цитоплазматические мостики (Рыбальченко, 2003). У многоклеточных эукариотов обнаружены электрические синапсы, которые присутствуют во множестве у живых существ разных видов. Электрические синапсы эволюционируют, у позвоночных и беспозвоночных животных они представлены молекулярно разными структурами, осуществляющими коммуникацию и другие функции: они могут возбуждать и тормозить, синхронизировать и десинхронизировать, усиливать и уменьшать ритмы, фазовый сдвиг, повышать сигнал относительно шума, и взаимодействовать с нелинейными мембранами (Connors, 2017). Новые подходы, предпринятые для тщательного рассмотрения механизма синхронизации, показали распространенность щелевых контактов, присутствие протенина коннексина во многих этих соединениях. Дальнейший анализ показал, что электрические синапсы являются ключевым элементом управляющим активностью ансамблей электрически связанных нейронов. В филогенезе усложняется строение контактов между нервными элементами. Межклеточные связи, первоначально представленные цитоплазматическими отростками близко расположенных элементов, эволюционировали в электрические синапсы со специализированной молекулярной структурой и стали основным механизмом синхронизации электрической активности индивидуальных элементов (Pereda and Macagno, 2017).

1. Греченко Т.Н., Харитонов А.Н., Жегалло А.В. Александров Ю.И. Психофизиологический анализ осцилляторных процессов в поведении биосоциальных систем // Психологический журнал. 2015, Т. 36, № 6, С.75–87.

2. Нейрон. Фундаментальное руководство. Изд. Тюменского Гос. Универ., 2008. 548 с.
3. Рыбальченко О.В. Морфо-физиологические аспекты взаимодействий микроорганизмов в микробных сообществах // Автореферат докт. дисс. биол. наук., 2003. Санкт-Петербургский Государственный Технологический институт.
4. Connors B. W. Synchrony and So Much More: Diverse Roles for Electrical Synapses in Neural Circuits // Dev Neurobiol. 2017 V. 77, №5. P. 610–624.
5. Pereda A.E. and Macagno E. Electrical transmission: two structures, same functions? // Dev. Neurobiol. 2017. V. 77. №5. P.517–521.

Исследование выполнено по госзаданию Минобрнауки, № 0159-2019-0001

Взаимосвязь перфекционизма с психофизиологическими показателями

Перфекционизм, 36 сюжетов, ролевые сюжеты, психофизиология

Исследование, проведенное в рамках кандидатской диссертации, выявили роли, отражающие глубинные архетипические варианты ситуаций эмоционально насыщенного общения людей, и включающих весь спектр основных потребностей, мотиваций и базовых эмоций.

Исследование проводилось в три этапа на базе Санкт-Петербургского государственного университета (студенты 2-3 курса факультета психологии). В исследовании принимало участие 40 человек, в возрасте 19-20 лет. Обработка полученных результатов производилась факторным анализом в программе "StatSoft STATISTICA" 8. Использовались психологические и психофизиологические методы диагностики: опросник определения уровня невротизации и психопатизации; опросник перфекционизма Гаранян Н.Г., Холмогорова А.Б.; тест включенных фигур Готтшальдта; опросник «36 сюжетов», разработанный в Лаборатории психофизиологии факультета психологии СПбГУ; опросник "Индекс жизненного стиля"; Калифорнийский психологический опросник (СРІ). Электроэнцефалография. Методы изучения состояния зрительной системы. Регистрация критической частоты слияния мельканий и электроокулограммы. Измерение полей зрения. Регистрация кожно-гальванической реакции (КГР). Измерение температуры. Исследование деятельности сердечно-сосудистой системы. Исследование деятельности дыхательной системы. Методы изучения координации движений. Изучение скоростно-силовых параметров движений [1]. Выявлены корреляции общего показателя перфекционизма с вегетативными показателями: ТемпЛВ ($r=0,36$; $P\leq 0,05$); ТемпПрВ ($r=0,32$; $P\leq 0,05$); ТемпЛба ($r=0,31$; $P\leq 0,05$). Присуще появление навязчивости, мешающей мыслить, преобладают негативные переживания, нет способности сосредоточиться, тревога.

Выявлены корреляции общего показателя перфекционизма с корковыми показателями: ОмегаЛ ($r=0,31$; $P\leq 0,05$). Повышенная активация частоты зрительного анализатора скорее всего связана с повышенным напряжением и тревогой, с попыткой контроля того, что не может. Необходимость проверять и перепроверять, педантичность из-за стремления казаться лучшим.

Выявлено отсутствие корреляций общего показателя перфекционизма с двигательными показателями. Отсутствие таких корреляций можно объяснить тем, что используемые методы носят искусственный характер. Исследования, проведенные в границах дипломных работ показали, что хорошими диагностическими свойствами обладают сочетания двигательных показателей. Это заставляет объединять двигательные показатели в сюжеты. Полученные данные с помощью опросника «36 сюжетов» (Балин В.Д., Горбунов И.А., Коваль В.М.) и опросника перфекционизма, были подвергнуты корреляционному анализу (подсчитывалась корреляционная матрица).

S16. Безумие ($r=0,34$; $P\leq 0,05$); S25. Адюльтер ($r=0,31$; $P\leq 0,05$);

S27. Узнавание о бесчестии любимого или близкого ($r=0,31$; $P\leq 0,05$); S28. Препятствие любви ($r=0,40$; $P\leq 0,01$); S32. Неосознаваемая ревность, зависть ($r=0,31$; $P\leq 0,05$); S34. Угрызение совести ($r=0,43$; $P\leq 0,01$).

Тема безумия — про нейротизм личности с перфекционизмом, три темы о любви — про неуверенность в себе и, возможно, поиск идеальной любви, что сопоставимо с перфекционистской установкой, преломлённой к восприятию отношений. Тема ревности и зависти тем более понятна, о связи этих тяжелых чувств с перфекционизмом (или с нарциссизмом) пишет Гараян Н.Г. [2]. Угрызания совести — это осознание собственного несовершенства. Выводы: 1) Малое количество корреляционных связей между общим показателем перфекционизма и психофизиологическими данными свидетельствует о том, что перфекционизм — это социально обусловленное убеждение и стремление индивида. 2) Взаимосвязь перфекционизма с литературными сюжетами также направляет на культуру, на усвоение культурных норм, таких как стремление к совершенству, успеху, высокому уровню достижений.

1. Балин В.Д. Практикум по психофизиологии: Учеб. пособие/сост. В.Д. Балин- С.-Петербургский гос. Ун-т, 2015.-148 стр.
2. Холмогорова А.Б., Гараян Н.Г. Нарциссизм, перфекционизм и депрессия // Консультативная психология и психотерапия. — 2004. — № 1. — С. 18-35.

Методы исследования бимануальной координации

Перцептивно-моторное взаимодействие, бимануальная координация, межполушарная асимметрия и взаимодействие

В зарубежной когнитивной психологии сложились следующие основные линии изучения бимануальной координации:

1. Роль доминирующей руки и ее влияние на субдоминантную при координации бимануальных движений.
2. Степень легкости решения бимануальных двигательных задач в зависимости от фазовых соотношений обеих рук при выполнении движения.
3. Влияние сложности задания (по закону Фиттса) на исполнение различных бимануальных движений.
4. Степень (а)синхронизации одновременных движений левой и правой руки в зависимости от условий двигательной задачи

Все вместе ответы на данные частные вопросы помогут психологии действия лучше разобраться в природе формирования координации бимануальных движений.

Приведем примеры экспериментальных стендов исследования бимануальной координации.

1. Два графических планшета, независимо друг от друга подключенные к двум компьютерам. Планшеты размещаются друг к другу так, что граница между ними проходит по сагиттальному разрезу. Как правило, в данном случае мы задаем графомоторные задачи, однако диапазон контингентов движений здесь многообразен: от хаотических движений до письма. Типичным примером задания здесь является бимануальное рисование окружностей [2].

2. Аппарат с двумя рычагами, подвижными на горизонтальной плоскости с последующей аналого-цифровой обработкой. Дополнительно может быть установлен экран, на котором будут проецироваться перемещения курсоров, закрепленных за рычагами, и помещены другие объекты и линии, символизирующие «мишени» или «лабиринты». За двумя рычагами можно закрепить всего один курсор, так что, скажем, движения курсора по оси абсцисс будет закреплено за правым рычагом, а движение по оси ординат — за левым [3].

3. Аппаратура, представляющая из себя горизонтальную поверхность с механическими клавишами, реагирующими на нажатие и расслабление, и в свою очередь запускающими или останавливающими подключенный к ним таймер. На поверхности присутствуют клавиши двух обозначений: клавиша-старт и клавиша-мишень. Клавиша-старт — то место, откуда начинается движение, а клавиша-мишень — конечная цель движения. Варьируются положение клавиши и ее размер согласно закону Фиттса. Для большей наглядности, клавиши могут иметь подсветку или

издавать звук, информирующие испытуемого о том, справился ли он с заданием. Другой вариант использования подобного устройства — пространственные манипуляции с объектами (например, переворачивание или перемещение деревянных брусочков с дополнительными маркерами). Каждый раз при подобных операциях клавиша сжимается или встает в исходное положение, фиксируя начало и конец [4].

4. Оптические методы, в частности оптоэлектронная циклография — метод исследования, состоящий в том, что на суставах испытуемого крепятся миниатюрные излучатели, работающие в инфракрасном диапазоне спектра. Инфракрасный сигнал от датчиков поступает в телевизионную камеру, матрица которой преобразует поступающие сигналы в цифровой вид и передает в компьютер. Посредством оптоэлектронной циклографии бимануальные движения изучаются как в плоскости, так и в пространстве [1]

5. Экспериментальные ситуации, в которых выявляются возможности бимануальной координации человека без специального научения. Как правило, возможности испытуемого здесь оцениваются качественно — экспертизой. Примером подобной ситуации может послужить проба на реципрокную координацию рук.

1. Amazeen E.L. The effects of attention and handedness on coordination dynamics in a bimanual Fitts' law task // *Exp Brain Res*, Vol. 164. 2005. P. 484-499.
2. Franz E.A. Does Handedness Determine Which Hand Leads in a Bimanual Task? // *Journal of Motor Behavior*, Vol. 34. P. 402-412.
3. Gribova A.D. Bimanual coordination: electrophysiological and psychophysical study. 2001. P. 95.
4. Kelso J. On the coordination of two handed movements // *Journal of experimental psychology: Human perception and performance*, Vol. 5(2). 1979. P. 229-238.

Научение восприятию глубины изображения с помощью звукового кодирования зрительной информации

Зрительное восприятие, восприятие, научение, альтернативное использование сенсорных систем, прогнозирование

Способность научиться новым видам деятельности обеспечивает огромную вариативность человеческого поведения и широкие возможности в использовании данных человеку сенсорных и моторных систем организма. Эту способность, с точки зрения теории нейробиолога Карла Фристонна, обеспечивает одна из важнейших функций мозга – прогнозирование (Friston K., 2003). Результатом научения является навык, который помогает эффективно взаимодействовать с миром при решении определенных задач (Olson M. H., 2015). Ребенок постепенно учится владеть своими сенсорными системами, с помощью которых в последствии он привычным образом будет взаимодействовать с миром.

У человека есть ограниченное количество видов чувствительности, с помощью которых он получает информацию о мире, но они не отражают полностью характеристики этого мира ни качественно, ни количественно. К тому же «привычное» использование сенсорных систем не всегда является самым эффективным. Поэтому ученые постоянно придумывают разнообразные приборы, которые помогают поймать характеристики мира, неуловимые человеком непосредственно.

Был разработан и проведен эксперимент, в ходе которого 10 испытуемых научались альтернативному способу восприятия изображения – через предъявления его в звуке. Испытуемые должны были определить, какой из представленных на экране компьютера шаров «находиться ближе» к ним. На одном из этапов испытуемые выполняли задачу только с помощью изображения, на другом этапе – к изображению добавлялся звук, который кодировал то же изображение, перевёрнутое на 90°. Так же был использован субтест «Пространственное обобщение» теста Структуры интеллекта (TSI) Амтхауэра для того, чтобы узнать, влияет ли на скорость научения предложенному способу восприятия пространственный интеллект.

Результаты исследования

Анализ полученных данных, произведенный с помощью многофакторного дисперсионного анализа с использованием случайных факторов (random factors – номер испытуемого), выявил влияние независимых переменных: этап эксперимента ($p = 0,023856$); наличие звукового альтернативного анализатора ($p = 0,000067$); а также ковариаты: результаты субтеста «Вращение фигур — пространственное мышление» теста Амтхауэра; порядка предъявления стимулов ($p = 0,042503$) на зависимую переменную — ответ испытуемого (правильный — 1, неправильный ответ — 0).

Уменьшение количества ошибок при наличии звука в задаче и разница в результатах на этапах тренировки и теста может говорить о том, что происходит научение

использованию предложенного алгоритма для решения задачи. Обнаруженные различия в результатах групп с разным порядком проведения эксперимента можно объяснить так, что группа проходившая эксперимент с прямым порядком изначально использовала более «привычные» предсказательные модели. Группа проходившая эксперимент в обратном порядке была вынуждена сразу использовать предложенный алгоритм. Можно предположить, что из этого эффекта может вытекать сложность освоения нового способа использованного какого-либо вида чувствительности, так как человек склонен использовать стереотипные алгоритмы оценки с опорой только на зрительное восприятие и не переходить от них к более эффективным в данной ситуации звуковым. Это может быть связано с ригидностью-пластичностью нервной системы.

Способности зрительного восприятия человека можно расширить путем научения использованию альтернативной информации из слуховой модальности, в которой закодированы дополнительные характеристики воспринимаемых объектов. При использовании дополнительной информации к зрительному восприятию, динамика научения определению глубины изображения отличается от стандартной повышением скорости и зависит от алгоритмов, усвоенных в процессе научения.

1. Friston K. Learning and inference in the brain //Neural Networks. — 2003. — Т. 16. — №. 9. — С. 1325-1352. 46.
2. Olson M. H. Introduction to theories of learning. — Psychology Press, 2015.

- Хавыло А.В.*
Обнинск, Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского
- Енгальчев В.Ф.*
Калуга, Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского
- Леонова Е.В.*
Калуга, Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского
- Еремина И.И.*
Калуга, Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского
- Никуличева Е.О.*
Калуга, Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского
- Седенкова И.С.*
Калуга, Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского
- Семина А.В.*
Калуга, Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского

Оценка психических состояний с использованием объективных аппаратных методов

Судебно-психологическая экспертиза, электродермальная активность, психофизиологическое исследование с применением полиграфа, кожно-гальваническая реакция

Задача дифференциации и оценки психических состояний с использованием объективных аппаратных методов, относящаяся к фундаментальной психофизиологической проблеме, напрямую связана с практикой судебной психолого-психофизиологической экспертизы по оценке степени достоверности сообщений подэкспертного. Одним из методов, активно применяющихся как при проведении расследований и экспертиз, так и при организации профессионального отбора в силовые структуры является психофизиологическое исследование (ПФИ) с применением полиграфа. В настоящее время происходит переосмысление основных теоретико-методологических принципов применения полиграфа с позиций современной научной психологии [1].

Настоящее исследование является частью исследовательского проекта по изучению возможностей аппаратных методов в СПЭ и повышению надежности экспертных выводов [2, 3]. Проверяется гипотеза о более низких показателях электродермальной активности (ЭДА) в межстимульные интервалы времени при предъявлении релевантных (значимых) стимулов в предъявляемых тестах (по сравнению с ситуациями предъявления однородных рядов нерелевантных стимулов).

Участники исследования (N=15) получали задания, которые они должны были выполнить и держать это в секрете ото всех. Часть участников (экспериментальная группа) получили задание совершить игровое преступление, «похитить» конкретный предмет. К контрольной группе были отнесены участники, получившие нейтральное задание. В помещении где происходила игровая «кража», присутствовало несколько

примечательных деталей, которые выступали в качестве запоминающихся уликовых признаков.

При проведении ПФИ был использован «Тест на фактическую осведомленность», которые применяется для проведения служебных расследований и психофизиологической экспертизы [1]. Формат теста подразумевает, что один из предъявляемых стимулов является уликовым и известен участнику расследуемого события. Другие признаки являются нейтральными и однородными с уликовым. Таким образом, для непричастных участников все признаки являются однородными и нейтральными.

При проведении обследования в качестве ответа участник эксперимент должен был повторить признак (слово), озвученный полиграфологом. С каждым участником было проведено шесть тестов. Каждый тест включал в себя три предъявления набора из пяти признаков, один из которых являлся уликовым. В ходе обследований велась видеозапись с целью дальнейшего анализа мимики респондентов.

Для решения задач данного исследования использовалась регистрация реакций по каналу электродермальной активности (фазический компонент).

Было показано, что частота ЭДА всплесков непосредственно после предъявления стимула (в «окне реакции» — в течение пяти секунд после предъявления стимула) во время ПФИ у «причастных» и «непричастных» участников исследования значительно не различается. Для оценки статистической значимости использовался U-критерий Манна-Уитни.

В межстимульные интервалы времени у участников из экспериментальной группы частота спонтанных ЭДА всплесков оказалась существенно ниже: $p < 0.05$. Мы объясняем это тем, что для причастных лиц ПФИ имеет большую значимость в целом, поскольку в результате предтестовой беседы у них оказались актуализированы воспоминания об игровой «краже» и они ожидают целевой (релевантный) стимул, что в свою очередь не дает им отвлекаться на посторонние мысли (которые сопровождаются ЭДА всплесками).

1. Пеленицын А.Б., Сошников А.П. Современные технологии применения полиграфа: В 4 ч. Ч. 1 / А.Б. Пеленицын, А.П. Сошников, М., 2015.
2. Leonova E. et al. Mimic indicators of mental processes during forensic psychological expertise: assessment and analyzing methods. ECP2019, Book of abstracts. p. 69.
3. Енгальчев В.Ф. [и др.]. Психологическая оценка мимических индикаторов эмоционального состояния человека с использованием специализированного программного обеспечения при производстве судебно-психологической экспертизы. Казань, 2017. С. 292–293.

Исследование выполнено при поддержке РФФИ проект № 18-013-01045

РЕЧЕВАЯ ФУНКЦИЯ ЧЕЛОВЕКА: ФЕНОМЕНОЛОГИЯ И НЕЙРОКОГНИТИВНЫЕ ОСНОВЫ

Андрющенко Е.А.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Щербакова О.В.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Вклад эмоциональных характеристик личности в полноту понимания переносного смысла вербальных текстов

Понимание, переносный смысл, регуляция эмоций, эмоциональный интеллект, IQ, theory of mind

На сегодняшний день большинство исследователей согласны с тем, что эмоции играют важную роль в когнитивном функционировании человека. Направление работы, связанное с изучением взаимосвязи когнитивной и эмоциональной сфер, представляется крайне перспективным, поскольку хорошо согласуется как с классическими (Васильев и др., 1980; Ушаков, 2004), так и современными (Луков, Луков, 2014) теоретическими представлениями о единстве когнитивных и аффективных процессов, а также с рядом эмпирических работ. Однако данная проблема все ещё является дискуссионной и требует дальнейшей прояснения. Данное исследование посвящено изучению такой когнитивной функции, как полнота понимания переносного смысла вербальных текстов, и ее связи с эмоциональными характеристиками личности: выраженностью различных паттернов регуляции эмоций, уровнем эмоционального интеллекта и theory of mind.

В исследовании на добровольной и безвозмездной основе приняли участие 70 человек (из них 57 женщин) в возрасте от 18 до 32 лет (ср. возраст = 21 ± 2.4 года). Были использованы следующие методы: «Стандартные прогрессивные матрицы» Дж. Равена; опросник на эмоциональный интеллект «ЭМИн» Д.В. Люсина; методика «Когнитивная регуляция эмоций» (перевод и адаптация О.Л. Писаревой, А. Гриценко); методика «Reading the Mind in the Eyes» в адаптации Е.Е. Румянцевой; авторское глубинное полуструктурированное интервью для оценки полноты понимания переносного смысла вербальных текстов на основе 9 притч (3 сета по 3 притчи в каждом) (Shcherbakova, Nikiforova, 2018).

По результатам регрессионного анализа не было обнаружено значимых связей между полнотой понимания притч и выраженностью различных паттернов регуляции эмоций, уровнем эмоционального интеллекта и уровнем функционирования theory of mind. Однако была обнаружена связь полноты понимания притч с уровнем IQ. Согласно полученным данным, показатели IQ вносят вклад в результаты оценок за полноту понимания и объясняют 12% дисперсии полноты понимания переносного смысла (R -квадрат = .120; p = .003). Был сделан вывод о том, что психометрический

интеллект является показателем, в наибольшей степени связанным с полной пониманием переносного смысла вербальных текстов. Также было выявлено, что понимание переносного смысла вербальных текстов является сложной когнитивной задачей для взрослых интеллектуально сохранных молодых людей, т.к. большинство из них (86%) не продвинулись дальше житейского уровня понимания притч.

Качественный анализ протоколов позволил обнаружить проявления таких стратегий регуляции эмоций, как «рассмотрение в перспективе» и «перефокусировка внимания», а также отождествление с позицией персонажа как особенность работы theory of mind. Таким образом, несмотря на отсутствие значимых результатов статистического анализа относительно вклада эмоциональных характеристик личности, качественный анализ позволил обнаружить некоторые паттерны работы с переносным смыслом текста, которые могут быть основанием для выдвижения дальнейших гипотез о связи понимания переносного смысла и эмоциональной сферы личности.

1. Васильев И.А., Поплужный В.Л., Тихомиров О.К. Эмоции и мышление. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. 192 с.
2. Луков Вал.А., Луков Вл.А. Методология тезаурусного подхода: стратегия понимания // Гуманитарные науки: теория и методология №1, 2014. С. 18–35.
3. Ушаков Д.В. Социальный интеллект как вид интеллекта // Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования / Под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. М.: ИП РАН, 2004. С. 11–28.
4. Shcherbakova O.V., Nikiforova E.A. Fables comprehension in healthy adults: Does IQ matter? // Journal of the Higher School of Economics, Vol. 15. No. 2, 2018. P. 222–231.

Исследование поддержано грантом Правительства РФ № 14.W03.31.0010.

Воскресенская В.А.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Васильева М.Ю.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Князева В.М.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Александров А.А.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Штыров Ю.Ю.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Влияние артикуляторных паттернов на освоение новых словоформ родного языка у детей

Научение, словоформы, артикуляция, вызванные потенциалы головного мозга

Согласно традиционной модели, обработка языковой информации осуществляется в областях ниже-лобной и верхней височной коры левого полушария мозга, при этом сопутствующие активации за пределами левых перисильвиевых зон рассматриваются как «эпифеномены», не обязательные для эффективного извлечения смысла из языкового высказывания. Однако нарастающий объем нейрофизиологических данных указывает, что лингвистическая и, в частности, семантическая обработка может быть напрямую связана с активацией нейронных контуров за пределами «базовой языковой системы» и задействовать различные модально-специфические кортикальные области: моторные, слуховые, зрительные, обонятельные. Показано, что при освоении конкретных семантических категорий локальные различия в активации перцептивных областей (например, слуховых, зрительных и др.) отражают семантические различия в значении слова [1]. В настоящее время рядом ЭЭГ, ТМС и фМРТ-исследований убедительно документирована взаимосвязь сенсорных, моторных систем и языка, в частности, выявлено участие моторных областей мозга в семантической обработке слов, связанных с действиями [2]. В целом, данные результаты поддерживают модель языка, связывающую восприятие и действие, и включающую модально-специфичные (т.н. «воплощенные») механизмы семантической обработки, опосредуемые распределенными нейронными контурами, в которых базовые языковые области «привязаны» к функционально взаимозависимым системам «восприятия и действия» [3]. Кроме того, данные исследования предполагают, что сенсорная и моторная референции являются неотъемлемой частью формирования семантических репрезентаций в мозге [2]. Однако, не смотря на значительное количество исследований остается неясным, как и когда именно модально-специфические области включаются в обработку языковой информации. Кроме того, несмотря на убедительные доказательства, детализирующие связи между языком и моторными областями у взрослых, аналогичные нейрофизиологические данные практически отсутствуют для онтогенетически более ранних популяций, особенно для детей младшего возраста. При этом важно подчеркнуть, что представление о том,

что сенсомоторный опыт необходим для успешного освоения языка, не является новой идеей в области детского развития. Тем не менее в настоящее время вопрос о том, каким образом созревание структур мозга способствует более эффективной интеграции модально-специфических, моторных и базовых языковых областей в процессах семантической обработки и освоения новых языковых элементов остается не выясненным. В связи с этим цель настоящего исследования — изучение роли артикуляторных паттернов на формирование быстрых репрезентаций новых словоформ с родной фонологией при ассоциативном научении у детей дошкольного возраста методом вызванных потенциалов. Используется модифицированный вариант парадигмы «fast mapping» [4], сопровождаемый коротким артикуляторным заданием, позволяющий изолированно исследовать процессы артикуляторного научения и моделирующий процесс освоения ребенком-дошкольником новых слов в естественной среде. Стимулы представляют собой двусложные слова и псевдослова русского языка. Регистрация ЭЭГ проводится в условиях пассивного прослушивания знакомых и новых словоформ. Предполагается, что в развивающемся мозге артикуляторные программы, включенные в процедуру быстрого ассоциативного научения, могут быть вовлечены в усвоение семантики новых словоформ с родной фонологией.

1. Pulvermüller F. How neurons make meaning: brain mechanisms for embodied and abstract-symbolic semantics. Trends in Cognitive Sciences, 2013, 458-470.
2. Vukovic N., Feurra M., Shtyrov Y. Primary motor cortex functionally contributes to language comprehension. Neuropsychologia, 2017, 222–229.
3. Barsalou L. Grounded Cognition. Topics in Cognitive Science, 2010, 716-724.
4. Vasilyeva M., Knyazeva V., Aleksandrov A., Shtyrov Y. Neurophysiological Correlates of Fast Mapping of Novel Words in the Adult Brain. Frontiers in Human Neuroscience, 2019, 13:304.

Исследование поддержано грантом Правительства РФ № 14.W03.31.0010.

Гнедых Д.С.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Мкртычян Н.А.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Курмакаева Д.М.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Благовещенский Е.Д.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Костромина С.Н.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Штыров Ю.Ю.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Влияние транскраниальной электрической стимуляции зоны Вернике и ее правополушарного гомолога на усвоение новых конкретных и абстрактных понятий

ТЭС, абстрактные понятия, конкретные понятия, контекстное усвоение

Несмотря на длительную историю изучения феноменов языка и речи, их нейрокогнитивные основы до сих пор остаются малоизученными. Особенно это касается нейрофизиологических механизмов усвоения различных типов семантики, например, конкретной и абстрактной [2]. Поэтому важно обратиться к методам нейромодуляции, которые позволяют выявлять причинно-следственные связи на нейрофизиологическом уровне.

Целью исследования являлось выявление влияния анодной и катодной транскраниальной электрической стимуляции (ТЭС) зоны Вернике на усвоение конкретных и абстрактных понятий. Было создано 20 новых псевдослов (образованных от реальных слов русского языка, напр.: барбарис → барбанок*) и новых значений, связанных с конкретными объектами и абстрактными явлениями. Участники научались новым словам, читая на экране компьютера предложения, постепенно раскрывающие значения этих слов через соответствующий контекст. Выборка состояла из 5 групп по 24 человек, каждая из которых в течение 15 мин. до обучения получала катодную или анодную ТЭС (1,5 мА) зоны Вернике или ее правополушарного гомолога, либо псевдостимуляцию (плацебо). Оценка результатов усвоения проводилась как сразу после обучения, так и на следующий день, чтобы проверить эффект ночной консолидации новых следов памяти [1]. Степень усвоения нового понятия определялась с помощью следующих заданий: воспроизведение словоформ по памяти, узнавание, лексическое решение, формулировка и выбор определений. Статистический анализ: критерий Манна-Уитни; поправки на множественные сравнения.

Для всех групп во второй день наблюдалось снижение точности формулируемых определений для новых понятий ($p < 0,028$), кроме абстрактных слов у группы с катодной ТЭС зоны Вернике. В первый день проверки по сравнению со вторым в

группе с анодной ТЭС зоны Вернике выбор определений для конкретных слов был точнее ($p=0,004$), а в группе с анодной ТЭС гомолога зоны Вернике — лучше узнавание ($p=0,032$) и точность формулировки определений ($p=0,091$) абстрактных слов. Катодная ТЭС гомолога зоны Вернике ухудшала точность лексического решения во второй день ($p=0,096$) для абстрактных понятий и способствовала воспроизведению конкретных слов в первый день ($p=0,092$).

Также были выявлены различия между стимуляционными группами. Катодная ТЭС Вернике положительно влияла на консолидацию абстрактной семантики, что проявлялось в более высокой точности соотнесения значения со словоформой по сравнению с группой плацебо при формулировке определений ($p=0,078$). Группа с анодной ТЭС гомолога зоны Вернике была более успешной по сравнению с группой, получившей катодную ТЭС той же зоны при формулировке определений ($p=0,036$ для соотнесения словоформ со значениями, $p=0,012$ для точности сформулированных определений) абстрактных слов в первый день. Межполушарное сравнение выявило большую успешность в выборе определений для абстрактных слов во второй день при катодной ТЭС зоны Вернике по сравнению с ее гомологом ($p=0,031$).

Таким образом, оба типа стимуляции зоны Вернике и ее гомолога оказывают разнонаправленное влияние на контекстное усвоение новых конкретных и абстрактных слов на лексическом и семантическом уровнях, что в большей степени проявляется для абстрактных слов (при сравнении стимуляционных групп с группой плацебо). Интересным результатом представляется улучшение процессов научения при помощи катодной ТЭС зоны Вернике и противоположный эффект стимуляции ее правополушарного гомолога, что может объясняться как разным вовлечением двух полушарий в семантические репрезентации, так и опосредованным влиянием ТЭС на контралатеральные области коры через кросс-каллозальные связи.

1. Davis M.H., Gaskell M.G. A complementary systems account of word learning: Neural and behavioural evidence // *Phil. Trans. R. Soc. B.* — 2009.- Vol.364. — №1536. — P. 3773-3800.
2. Mkrtychian N. et al. Concrete vs. abstract semantics: From mental representations to functional brain mapping // *Front. Hum. Neurosci.* — 2019. — №13.

Исследование поддержано грантом Правительства РФ № 14.W03.31.0010

Взаимосвязь полноты понимания текста и цифрового или печатного формата его предъявления

Цифровая среда, чтение, понимание текста, чтение с экрана компьютера, когнитивные ресурсы, полуструктурированное интервью

Исследования того, как современный человек обрабатывает информацию, в частности, читает, становятся все более актуальны из-за диджитализации общества. Известно, что психика «учитывает» как содержание информации, так и свойства ее физического носителя [1], а отношение к чтению в конкретной среде может оказывать влияние на усвоение информации [2]. Из-за растущего количества времени, проводимого в цифровой среде, начинает преобладать сканирующий режим чтения [3], а гиперссылочные материалы повышают когнитивную «стоимость» чтения в цифровом формате [4]. Описанные различия приводят к тому, что понимание печатных текстов является более полным, чем понимание цифровых [5].

Мы предположили, что полнота понимания текста связана со средой его предъявления: в цифровой среде полнота понимания будет ниже, чем в печатной, из-за более высокой когнитивной нагрузки на реципиента. Также мы предположили наличие взаимосвязи между частотой обращений к дополнительному материалу (ДМ) и форматом предъявления текста: ДМ, доступный по гиперссылкам в цифровой среде, будет использоваться реже, чем печатный ДМ к бумажному тексту.

В исследовании приняли участие 40 человек (18–25 лет, ср. 19,5±0,5 лет; 31 женщина). Испытуемые были случайно распределены на две группы: контрольной группе стимульный текст предъявлялся в печатном формате, экспериментальной — этот же текст в цифровом. Для оценки полноты понимания респонденты заполняли тест по содержанию текста. Также проводилось полуструктурированное интервью для оценки распределения когнитивных ресурсов в процессе работы и использовались «Стандартные прогрессивные матрицы» Дж. Равена для определения уровня психометрического интеллекта. Интервью записывались на диктофон, все аудиозаписи были дословно транскрибированы.

Для проверки первой гипотезы мы сравнили группы по параметру «количество ошибок», полученному на основании ответов в анкете (t-критерий Стьюдента), и по параметру «полнота понимания», основанному на ответах респондентов на вопросы интервью (U-Манна-Уитни). В обоих случаях достоверные различия не были выявлены ($p > 0,05$). Для проверки второй гипотезы мы сравнили группы по параметру «количество обращений к ДМ» (U-Манна-Уитни; $p < 0,05$). Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что респонденты больше использовали ДМ в печатной среде.

Полученные результаты позволяют говорить о том, что полнота понимания не различается в группах, читающих текст в цифровом и печатном формате, что противоречит результатам предыдущих исследований [5]. При этом наличие взаимосвязи между количеством обращений к ДМ и средой предъявления текста может указывать на то, что чтение в цифровой среде требует больших затрат когнитивных ресурсов респондента. Для уточнения полученных результатов необходимы дальнейшие исследования.

1. Morineau T. et al. The emergence of the contextual role of the e-book in cognitive processes through an ecological and functional analysis //International Journal of Human-Computer Studies. — 2005. — V. 62. — №. 3. — P. 329-348.
2. Ackerman R., Goldsmith M. Metacognitive regulation of text learning: On screen versus on paper //Journal of Experimental Psychology: Applied. — 2011. — V. 17. — №. 1. — P. 18-31.
3. Coiro J., Dobler E. Exploring the online reading comprehension strategies used by sixth-grade skilled readers to search for and locate information on the Internet //Reading research quarterly. — 2007. — V. 42. — №. 2. — P. 214-257.
4. DeStefano D., LeFevre J. A. Cognitive load in hypertext reading: A review //Computers in human behavior. — 2007. — V. 23. — №. 3. — P. 1616-1641.
5. Mangen A., Walgermo B. R., Brønnick K. Reading linear texts on paper versus computer screen: Effects on reading comprehension //International journal of educational research. — 2013. — V. 58. — P. 61-68.

Исследование поддержано грантом Правительства РФ № 14.W03.31.0010.

Курсанов А.С.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Мирошник К.Г.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Благовещенский Е.Д.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Щербакова О.В.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Филиппова М.Г.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Штыров Ю.Ю.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Влияние артикуляции на интеграцию новых словоформ в лексикон: данные ВП-эксперимента с семантическим надпороговым праймингом

Fast mapping, надпороговый прайминг, научение, семантика, артикуляция

Процесс усвоения новых словоформ родного языка вызывает интерес исследователей уже не одно десятилетие. Известны два различных способа пополнения словарного запаса: эксплицитный и имплицитный. Первый — это прямое назначение соответствия акустического образа визуальному сигналу. Второй основывается на индуктивном выводе при встрече с новой словоформой и референтом (неизвестным объектом) в контексте известных объектов и называется *fast mapping* [1]. Однако некоторые авторы считают, что *fast mapping* — это моделируемая в лаборатории искусственная ситуация, а мозг взрослого человека не способен к этому типу научения [2]. Кроме того, в реальной жизни часто встречаются ситуации, в которых субъект не только воспринимает новое слово, но и вокализует его; при этом вклад артикуляторного обучения в формирование новых следов памяти изучен слабо.

Целями нашего исследования были сопоставление эффективности *fast mapping* с эксплицитным научением и проверка того, насколько процессы семантизации новых слов зависят от создания артикуляторной программы. Во время обучающего блока испытуемым акустически предъявлялись не известные ранее словоформы в эксплицитном и имплицитном контекстах с последующим предъявлением новых изображений; всего использовалось 8 новых словоформ, 4 из которых соответствовали новым предметам и 4 — новым животным. Для проверки успешности усвоения использовалась парадигма семантического прайминга с записью ЭЭГ, в которой в роли прайма выступали известные слова, соответствующие животным, предметам или абстрактным понятиям, а в роли целевого стимула — вновь освоенные слова. Данные сочетания могли быть как конгруэнтными по смыслу (напр., прайм «кот» и новое слово, означающее животное, в роли цели), так и неконгруэнтными (напр., «кот» и новое слово, обозначающее неодушевленный предмет).

В результате анализа реакций головного мозга 43-х испытуемых в интервале 424-464 мс после визуального предъявления целевого стимула в отведении Cz были обнаружены значимые различия для новых словоформ, предъявляемых без артикуляции ($F=4.39$, $p=.02$), между группой конгруэнтных и двумя группами неконгруэнтных условий. Для группы словоформ, прошедших семантизацию в условиях артикуляции, различия обнаружены только на уровне тенденции ($F=2.55$, $p=.09$). Также следует отметить, что фактор «тип обучения» не показал значимых эффектов.

Известно, что компонент вызванных потенциалов с латентностью, приближенной к 400 мс после предъявления вербального стимула, в парадигме надпорогового прайминга чувствителен к категориальным рассогласованиям [3]. Т. о., отсутствие в компоненте N400 различий между словами, предъявляемыми в эксплицитном и имплицитном контексте, может свидетельствовать об успешной интеграции слов, усвоенных в каждом из них. Полученные результаты говорят о том, что слова, усвоенные без артикуляции, имеют сформированные семантические репрезентации категории нового слова сразу после обучающего блока, а слова, усвоенные с артикуляторной составляющей, остаются менее интегрированными. Возможно, усвоение семантических свойств новой словоформы в сочетании с артикуляцией представляет собой когнитивно более сложное задание по сравнению с условием без артикуляции, что усложняет процесс интеграции семантических свойств новых словоформ на категориальном уровне.

1. Carey S., Bartlett E. (1978). Acquiring a single new word. Proceedings of the Stanford Child Language Conference. 15. pp. 17–29.
2. Cooper E., Greve A. and Henson R.N. (2019) Investigating Fast Mapping Task Components: No Evidence for the Role of Semantic Referent nor Semantic Inference in Healthy Adults. Front. Psychol. 10:394. doi: 10.3389/fpsyg.2019.00394
3. Kutas M., Federmeier K. D. Thirty years and counting: finding meaning in the N400 component of the event-related brain potential (ERP). Annual review of psychology. 2011. V. 62. P. 621–647.

Исследование поддержано грантом Правительства РФ № 14.W03.31.0010

Новиковская Н.А.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Штыров Ю.Ю.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Андрющенко Е.А.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Блинова Е.Н.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Щербакова О.В.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Динамика ментальных репрезентаций конкретных и абстрактных понятий: отсроченные эффекты транскраниальной электрической стимуляции

Концептуальная система, динамика ментальных репрезентаций, транскраниальная электрическая стимуляция

Концептуальная система — это сеть понятий, представленных в виде набора разных по значимости признаков, связанных в сложные ментальные образования. С точки зрения нейролингвистики, единица концептуальной системы — понятие — включает в себя: 1) знак, 2) ментальную репрезентацию, 3) референт и 4) специфический паттерн нейрональной активации (Pulvermüller, 2018).

На сегодняшний день существует ряд проблем, решение которых может существенно расширить понимание принципов функционирования концептуальной системы (Холодная, 2012; Pulvermüller, 2018). В частности, остается открытым вопрос о том, как различные условия активации понятий влияют на структуру их ментальной репрезентации, чувствительной к контексту актуализации (Barsalou et al., 2003). Другая проблема — устройство ментальных репрезентаций абстрактных понятий, которые, в отличие от конкретных, лишены референтов во внешнем мире (Paivio, 1965). Кроме того, до сих пор не установлено, каким образом влияют различные виды транскраниальной микрополяризации на усвоение и отсроченную активацию понятий.

Целью нашего исследования стало изучение динамических свойств ментальных репрезентаций конкретных и абстрактных понятий. Участники (N = 47, ср. возраст — 21 год) были разделены на 3 группы по протоколу стимуляции (плацебо, анодная, катодная). В 1-й день эксперимента испытуемые учили новые понятия, во 2-й день значение понятий модифицировалось посредством их актуализации в различных контекстах. В конце каждого дня респонденты выполняли проверочные задания, тестирующие успешность активации разных уровней усвоения понятия: от словоформы до семантики. Мы проверяли 3 гипотезы: 1) тип модификации содержания понятия (разрушение, обобщение, уточнение, повторение) влияет на эффективность его активации, 2) эффективность усвоения и активации конкретных понятий выше,

чем абстрактных, 3) анодная и катодная стимуляция повышают эффективность усвоения и активации понятий.

В результате статистического анализа было обнаружено, что способ модификации содержания понятия влияет на эффективность его активации. Тип модификации «Разрушение» понижает ($p < .05$) эффективность активации словоформ ($m = 40.13$) по сравнению с контрольным типом модификации «Повторение» ($m = 55.03$). Тип модификации «Разрушение» хуже ($p < .01$) влияет на эффективность активации семантических признаков понятий ($m = 4.8$), лучше всех влияет «Повторение» ($m = 29.8$). Следовательно, контекст является средством управления ментальной репрезентацией понятия и на уровне обозначающего символа, и на уровне значения.

Семантика абстрактных понятий активируется хуже ($p < .01$) ($m = 11.3$), чем семантика конкретных ($m = 17.1$), что подтверждает классический «эффект конкретности» понятия.

Тип стимуляции влияет на эффективность усвоения и активации словоформы понятия: катодная стимуляция влияет положительно, анодная — отрицательно. Так, в одном из заданий, тестирующих успешность активации словоформы, скорость реакции участников, получавших катодную стимуляцию, оказалась выше ($p < .01$) ($m = 488$), чем скорость реакции тех, кто получал анодную стимуляцию ($m = 509$). Эффекты стимуляции сохраняются и на 2-й день. Т.о., транскраниальная электрическая стимуляция проявляет себя как эффективный инструмент нейромодуляции, принципы работы которого ещё предстоит исследовать.

1. Холодная М.А. Психология понятийного мышления: от концептуальных структур к понятийным способностям. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. — 288 с.
2. Barsalou L.W., Simmons W.K., Barbey A.K., Wilson-Mendenhall C.D. Grounding conceptual knowledge in modality-specific systems // Trends in Cognitive Sciences. — 2003. — №7. — P. 84–91.
3. Paivio A. Abstractness, imagery, and meaningfulness in paired-associate learning // Journal of Verbal Learning & Verbal Behavior. — 1965. — № 4(1). — P. 32–38.
4. Pulvermüller F. Neurobiological Mechanisms for Semantic Feature Extraction and Conceptual Flexibility // Topics in Cognitive Science. — 2018. — №10. — P. 590–620.

Исследование поддержано грантом Правительства РФ № 14.W03.31.0010

Перикова Е.И.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Благовещенский Е.Д.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Филиппова М.Г.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Щербакова О.В.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Курсанов А.С.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Андрющенко Е.А.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Блинова Е.Н.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Штыров Ю.Ю.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Влияние транскраниальной электрической стимуляции зон Брока и Вернике на эксплицитное и имплицитное научение новым словам

Транскраниальная электрическая стимуляция, зоны Брока и Вернике, язык, речь, усвоение

В исследовании осуществлялась транскраниальная электрическая стимуляция (ТЭС) речевых зон мозга с целью модулирования процессов научения языку и прояснения их роли в различных типах научения. В ряде предыдущих исследований показаны положительные эффекты ТЭС речевых зон, связанных с процессами изучения новых слов, как у здоровых испытуемых, так и пациентов с речевыми нарушениями [1, 2, 3]. При этом пока не проводилось комплексного исследования влияния ТЭС речевых зон Брока и Вернике с учетом двух различных типов научения: 1) эксплицитного, осуществляемого на основе прямого объяснения, и 2) имплицитного усвоения новой информации, полученной из контекста.

В рамках экспериментальной парадигмы влияние ТЭС изучалось посредством варьирования режима стимуляции (анодная/катодная/плацебо), подлежащей стимуляции зоны мозга (Брока/Вернике), типа научения (эксплицитного/имплицитного) и предъявляемых (новых/известных) слов.

Общая выборка исследования составила 160 человек (в возрасте 23.19 ± 4.01 лет) и была разделена на 5 групп по 32 человека по типам получаемой стимуляции: (1) анодная стимуляция зоны Брока; (2) анодная стимуляция зоны Вернике; (3) катодная

стимуляция зоны Брока; (4) катодная стимуляция зоны Вернике и (5) плацебо-стимуляция. До обучающей серии каждый респондент (не считая группы плацебо) подвергался 15-минутной ТЭС постоянным током 1,5 мА.

Обучающая часть экспериментов заключалась в предъявлении испытуемым 8 иконических и вербальных стимулов, содержащих несуществующие в их родном языке словоформы, по 10 раз в эксплицитной или имплицитной парадигмах научения. Усвоение словоформ проверялось посредством задания на свободное вербальное воспроизведение по памяти. Оценивалась точность запоминания словоформы по количеству верно воспроизведенных фонем. Например, после изучения словоформы «сен» за точное воспроизведение слова респондент получал 3 балла, а за воспроизведение его как «сем» — 2.

Обработка данных проводилась в SPSS Statistics 23.0. с использованием критерия Краскела–Уоллиса и поправки Данна–Бонферрони.

Общая точность воспроизведения новых слов по типам стимуляции не обнаружила значимых различий ($\chi^2[4]=7.386$; $p=0.117$), тогда как попарные сравнения выявили значимые различия между анодной стимуляцией зоны Брока (56.11 ± 17.87) и плацебо (43.62 ± 23.78 ; $p=0.032$). Точность воспроизведения новых слов не обнаружила значимых различий по типам стимуляции как для имплицитного ($\chi^2[4]=8.173$; $p=0.085$), так и эксплицитного ($\chi^2[4]=5.922$; $p=0.205$) типов научения. Парные сравнения в случае эксплицитного научения показали большую точность воспроизведения слов при анодной стимуляции зоны Брока (59.12 ± 23.89) в сравнении с плацебо (47.13 ± 27.32 ; $p=0.016$). В случае имплицитного научения наблюдалась тенденция лучшего воспроизведения словоформ после анодной стимуляции зоны Брока (53.12 ± 22.77) в сравнении с плацебо (40.10 ± 28.74 ; $p=0.574$, до поправки $p=0.057$).

Итак, был зафиксирован как общий (усвоение новых словоформ), так и частный (эксплицитное усвоение новых словоформ) эффект улучшения научения в группах испытуемых, подвергшихся воздействию анодной стимуляции зоны Брока, по сравнению с группой, где применялась плацебо. Показано, что неинвазивная стимуляция речевой зоны Брока улучшает усвоение новых понятий на лексико-семантическом уровне.

1. Flöel A., Rösler N., Michka O., Knecht S., Breitenstein C. Noninvasive brain stimulation improves language learning // *Journal of Cognitive Neuroscience*.—2008.—20(8).—P.1415–1422.
2. Cattaneo Z., Pisoni A., Papagno C. Transcranial direct current stimulation over Broca's region improves phonemic and semantic fluency in healthy individuals // *Neuroscience*.—2011.—183.—P.64–70.
3. Blagovechtchenski E., Gnedykh D., Kurmakaeva D., Mkrtchian N., Kostromina S., Shtyrov Y. Transcranial Direct Current Stimulation (tDCS) of Wernicke's and Broca's Areas in Studies of Language Learning and Word Acquisition // *Journal of visualized experiments*.—2019.—149.—P.e59159.

Исследование поддержано грантом Правительства РФ № 14.W03.31.0010

Филиппова М.Г.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Перикова Е.И.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Благовещенский Е.Д.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Новиковская Е.И.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Щербакова О.В.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Курсанов А.С.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Штыров Ю.Ю.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Нейрокогнитивные механизмы имплицитной и эксплицитной стратегий научения: связь между поведенческими и электрофизиологическими данными

Имплицитная и эксплицитная стратегии научения, поведенческие и нейрофизиологические показатели

Существуют две стратегии научения новым словам: имплицитная и эксплицитная. Первая стратегия подразумевает использование явной инструкции, указывающей на новый объект; вторая включает в себя научение на основе контекста. Имплицитная стратегия научения играет ключевую роль в освоении новых слов в детстве (1), и целый ряд исследователей предполагают, что имплицитное научение является более эффективным (2, 3). Другие исследователи сообщают о преимуществах использования для взрослых эксплицитной стратегии научения и указывают на частично различающиеся мозговые субстраты двух стратегий (4). Тем самым подразумевается, что упомянутые типы научения могут иметь разную динамику и механизмы. Однако это мнение оспаривается (5).

Наше исследование было посвящено проблеме различения мозговых механизмов имплицитного и эксплицитного научения: испытуемые-носители русского языка (N=36) научались названиям неизвестных им объектов. Регистрировались вызванные потенциалы (ВП) мозга, возникающие в ответ на звучание этих названий до и после научения. Эффективность научения оценивалась с помощью задачи установления семантического соответствия, в которой испытуемому предлагалось выбрать из четырех изображений объектов то, которое соответствовало звучащему названию.

Как выяснилось, испытуемые научались названиям новых объектов с использованием обеих стратегий научения. В обоих случаях точность ответов превысила уровень случайного угадывания ($p = 0.001$). Причем использование эксплицитной

стратегии оказалось более эффективным (точность ответов = 78%), чем использование имплицитной (точность ответов = 69%) ($t = 2.99$; $df = 35$, $p = 0.005$).

Анализ ЭЭГ-данных выявил три пика активности ВП: негативный пик во временном окне 176-216 мс и два позитивных пика — 260-300 мс и 544-584 мс. Амплитуда данных пиков менялась после обучения по сравнению с ВП, записанными до обучения.

Основной результат настоящего исследования состоял в обнаружении взаимосвязи величины ВП на выявленных пиках и точности ответов испытуемых с использованием имплицитной и эксплицитной стратегий научения: точность научения с использованием имплицитной стратегии коррелировала с изменением амплитуды ВП на первом, негативном, пике ($r = -0.401$; $p = 0.015$), а точность научения с использованием эксплицитной стратегии — с изменением амплитуды ВП на втором, позитивном, пике ($r = 0.339$, $p = 0.043$).

Полученные данные свидетельствуют в пользу различия мозговых механизмов имплицитного и эксплицитного научения, подтверждая идею о том, что имплицитное научение соответствует более ранним этапам когнитивной переработки стимула. Обнаруженные временные параметры говорят о том, что эксплицитное научение, по всей видимости, связано с процессами внимания и системой когнитивного контроля, находящими свое отражение в вызванном потенциале P300, тогда как более ранняя активация при использовании имплицитной стратегии научения предполагает автоматическую обработку слухового сигнала, которая не подвержена прямому влиянию внимания и отражается в ранней активации лексических следов памяти.

1. Carey, S. & Bartlett, E. (1978). Acquiring a single new word. *Proceedings of the Stanford Child Language Conference*, 15. pp. 17–29.
2. Halberda, J. (2006). Is this a dax which I see before me? Use of the logical argument disjunctive syllogism supports word-learning in children and adults. *Cognitive Psychology*, 53(4), 310-344.
3. Horst, J. & Samuelson, L. (2008). Fast mapping but poor retention by 24-month-old infants. *Infancy*, 13, 128-157.
4. Merhav M, Karni A, Gilboa A. (2015). Not all declarative memories are created equal: fast mapping as a direct route to cortical declarative representations. *NeuroImage*, 117, 80–92.
5. O'Connor, R. J., Lindsay, S., Mather, E., & Riggs, K. J. (2019). Why would a special FM process exist in adults, when it does not appear to exist in children? *Cognitive neuroscience*, 10(4), 221-222.

Исследование поддержано грантом Правительства РФ № 14.W03.31.0010

СОПРОВОЖДЕНИЕ ДЕТЕЙ РАННЕГО ВОЗРАСТА И ИХ БЛИЗКИХ ВЗРОСЛЫХ

Аринцина И.А.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Направления современных исследований пищевого поведения детей младенческого и раннего возраста

Питание и пищевое поведение, ранний возраст, пищевое программирование, диетический темперамент, ситуация кормления ребенка

Актуальность исследований, посвященных питанию и пищевому поведению детей связана с часто встречающимися нарушениями, такими как недостаточность/избыточность питания и расстройства пищевого поведения. Обзор литературных источников показывает, что они лежат в поле интереса специалистов разных областей. В работах последних лет разрабатывается концепция пищевого программирования, согласно которой, характер питания ребенка в первые годы жизни предопределяет особенности метаболизма организма человека на протяжении всей последующей жизни, и, как следствие, предрасположенность к определенным заболеваниям и особенностям их течения (Бельмер, 2015); активно изучается вопрос о влиянии питания на модуляцию экспрессии генов («нутритивная эпигенетика») как механизма этого программирования (Лукоянова, Боровик, 2015). Представлена модель первых 1000 дней существования человека, определяющих его здоровье и продолжительность жизни, первые 270 дней из них (период беременности) играют зачастую основополагающую роль (Нетребко, 2013). Показано, что при удовлетворении потребности детей в питании и уходе, модели их роста в первые 5 лет жизни одинаковы в разных странах мира (ВОЗ, 2008).

Пищевые предпочтения начинают формироваться внутриутробно при заглатывании ребенком околоплодной жидкости, после рождения этот процесс продолжается, при этом авторы находят, что при грудном вскармливании дети знакомятся с разными вкусами через молоко матери, у них в большей степени есть возможность развивать самоконтроль за количеством съеденного, регулировать чувства голода/насыщения, чем у детей при кормлении из бутылочки. Общей практикой кормления детей младенческого возраста является переход от молочного моно кормления к разнообразию в питании в 5-6 месяцев, когда ребенок проявляет интерес к пище взрослых, обладает моторной способностью брать и исследовать ее орально. Примерно к 8 месяцам большинство детей могут сидеть без поддержки, у них появляются первые зубы, они обладают достаточной гибкостью языка, чтобы проглатывать более твердые комки пищи. Вскоре у них вырабатываются навыки манипулирования для самостоятельного кормления, питья из чашки, они могут есть пищу с семейного стола (Национальное рук-во по педиатрии, 2009; Benoit, 2009; Методические рекомендации ВОЗ, 2003).

Много работ посвящено как раз этому периоду, особенно сенситивному и уязвимому для развития пищевого поведения. Ряд исследований посвящены изучению вкусовых предпочтений у детей. Обнаружено, что маленькие дети предпочитают сладкий вкус, реагируя на него комплексом положительных эмоций, и не принимают горький, кислый и соленый, реагируя негативными проявлениями. В период перехода от моно кормления молоком или смесью дети постепенно привыкают к разным вкусам других продуктов — солёному, медленнее к вариантам кислого и горького, что определяется не только чувствительностью рецепторов, но и некоторыми врожденными предпочтениями, так называемым диетическим темпераментом, а также общим контекстом ситуации кормления (Nicklaus et al., 2005, 2009, 2015, 2018). Изучение взаимодействия ребенка и кормящего взрослого показало, что дети усваивают модели пищевого поведения ухаживающих, контроль, поощрение или ограничения в питании могут влиять на вкусовые предпочтения детей противоположным образом, запрет повышает интерес, противоречивые послания о еде, использование ее в качестве вознаграждения могут снизить степень, в которой дети используют внутренние сигналы голода и насыщения в качестве основы для регулирования потребления энергии; они в большей степени приучаются ориентироваться на внешние признаки, одобрение родителей, предоставляемые порции и т.д. Высокий контроль родителей связан с низким самоконтролем детей, провоцирует протестное поведение, борьбу за столом, когда голод теряет важность, что может способствовать развитию детского ожирения и другим проблемам питания (Brazelton, Sparrow, 2004; Birch, Doub, 2014).

Майер М.А.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Андрущенко Н.В.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Мухамедрахимов Р.Ж.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Особенности моторного функционирования у недоношенных детей в младенческом возрасте в связи с биологическими и социальными факторами риска*

Недоношенные дети, младенческий возраст, Международная классификация функционирования, жизнедеятельности и здоровья (МКФ), внутрижелудочковое кровоизлияние (ВЖК), перивентрикулярная лейкомаляция (ПВЛ), моторное функционирование, матери недоношенных детей, психическое функционирование, эмоциональные состояния

Несмотря на многочисленные исследования развития недоношенных детей, представленные в литературе данные, касающиеся их развития, в том числе, двигательного, разнородны и недостаточно проанализированы в связи с совместным влиянием биологических и социальных факторов (Кельмансон И.А., 2018; Пальчик А.Б, 2014). Для анализа двигательного развития редко используются диагностические инструменты, позволяющие планировать индивидуальные программы реабилитации.

В исследование было включено 26 пациентов (12 мальчиков, 14 девочек), достигшие скорректированного возраста от 11 до 13 месяцев (средний скорректированный возраст $11,9 \pm 0,7$ месяцев). Средний хронологический возраст детей — $14,7 \pm 1,3$ (от 12 до 17 месяцев). Эти дети были рождены в период с 23-й по 33-ю неделю беременности (средний гестационный возраст $28,5 \pm 3,3$ — неделя, от 23 до 33 недель) средний вес при рождении — $1158,0 \pm 467,2$ г, от 630 до 2250 г). Средний возраст матерей недоношенных детей составил $33,8 \pm 3,4$ года (от 28 до 40 лет).

Биологические факторы для компонентов МКФ Структуры и Функции организма оценивались с помощью методов нейровизуализации, клинических неврологических шкал, врачебных заключений педиатра, невролога, нейрохирурга, неонатолога, хирурга, офтальмолога, отоларинголога. Клинико-anamnestические данные матери и ребёнка, социально-демографические данные семьи регистрировались в специально разработанных исследовательских формах. Оценка моторного функционирования младенцев проводилась при помощи методик: "Ages and Stages Questionnaires" (ASQ-3; Squires J., Bricker D., Twombly E. et al., 2009); «Система классификации глобальных моторных функций» Gross Motor Function Measurement System-88; GMFCS, GMFMS-88, Palisano R. et al., 1997); Мюнхенская функциональная диагностика развития для детей первого года жизни („Münchener Funktionellen Entwicklungs –diagnostik“, Hellbrugge Th., 1994). Для оценки эмоционального состояния матерей недоношенных детей младенческого возраста: «Шкала депрессии Бэка» (BDI-II; Beck, Steer, & Brown, 1996); Шкала тревоги Спилбергепа — Ханина (State-Trait Anxiety Inventory — STAI, Spielberger, C.D.; Gorsuch, R.L.; Lushene, 1983).

Нами выявлено, что на успешность освоения моторных навыков оказывали влияние психо-социальные характеристики среды. Депрессивные переживания матерей недоношенных младенцев и их тревожность связаны с низкими показателями двигательных функций: переворачивание, безопорное сидение, координированное ползание, являющихся у младенцев первоочередными на линии развития моторного функционирования. Сниженный эмоциональный фон матери, следовательно, низкая вовлечённость в процесс активного взаимодействия со своим недоношенным ребёнком может влиять на низкий уровень ответной заинтересованности к игре, нежелание предпринимать усилия для смены положения в целях достижения предмета, находящегося на доступном расстоянии от ребёнка.

Ухудшение функционирования крупной (навыков ходьбы и бега) и мелкой моторики у недоношенных младенцев связано с наличием внутрижелудочковых кровоизлияний (ВЖК) II степени. Наличие ВЖК способствует диспропорции между развитием крупной и мелкой моторики у детей, рождённых до срока. Кроме того, была выявлена связь между последствиями перивентрикулярной лейкомаляции и уровнем как моторного развития: навыками сидения, самостоятельного стояния и координированного ползания, так и мелкой моторики. Важно отметить, что задержка двигательного развития не могла быть связана с диагнозом ДЦП, так как он был установлен только у 5 из обследованных нами детей.

Благодаря новым экспериментальным данным была разработана оценка реабилитационного потенциала у недоношенных детей в младенческом возрасте на основании Международной классификации функционирования, жизнедеятельности и здоровья, применение которой даст возможность междисциплинарной команде специалистов выстраивать последовательный, комплексный и непрерывный процесс реабилитации.

Исследование подготовлено при поддержке гранта Российского фонда научных исследований № 18-013-01183

Туманьян К.Г.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Черного Д.И.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Дожер Мэри
США; Ньюарк; Университет Делавэр

Мухамедрахимов Р.Д.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Взаимодействие матерей с детьми и социально-эмоциональное развитие детей в замещающих семьях РФ*

Ранний возраст, социально-эмоциональное развитие, замещающие семьи, особенности взаимодействия

Введение. Известно, что дети, пережившие в раннем возрасте опыт разлучения с матерью и помещенные на воспитание в учреждения, демонстрируют отставание в физическом и психическом развитии, а после перевода в замещающие семьи, испытывают значительные трудности при формировании взаимодействия с родителями (Dozier, Bernard, 2017). Кроме того, у детей наблюдается снижение уровня социально-эмоционального развития, и проявляются трудности во взаимодействии со сверстниками (Garvin et al., 2012). В последние 20 лет в странах Западной Европы и США получили широкое распространение научно-обоснованные программы сопровождения, нацеленные на усиление ключевого компонента во взаимодействии — чувствительности близкого взрослого к сигналам ребенка (Dozier, Bernard, 2017; Juffer et al., 2017). Несмотря на то, что в зарубежных работах было неоднократно доказано положительное влияние таких программ на социально-эмоциональное развитие детей и взаимодействие в паре «ребенок — близкий взрослый», в российской литературе и практике наблюдается недостаток изучения и использования результатов при организации сопровождения замещающих семей.

Целью настоящего исследования является изучение социально-эмоционального развития детей раннего возраста во взаимосвязи с качеством взаимодействия матерей с детьми в замещающих семьях Российской Федерации (РФ).

Метод. В настоящем исследовании участвовали 23 замещающие семьи с детьми в возрасте от 8 до 47 месяцев. Уровень социально-эмоционального развития детей оценивался с помощью опросника «Ages & Stages Questionnaires: social-emotional, second edition» (ASQ: SE-2; Squires et al., 2015). Метод охватывает 7 поведенческих областей: саморегуляция, послушность, коммуникация, адаптивное поведение, автономность, аффект и взаимодействие с людьми. Для оценки поведения близкого взрослого (матери) во взаимодействии с ребенком была использована процедура оценки видеозаписи 5-минутной свободной игры с последующим применением методики ORCE (Observational Record of the Caregiving Environment, ORCE; NICHD

ЕСССRN, 1996). Оценка качества взаимодействия производилась по 3 шкалам: «Чувствительность/отзывчивость к нестрессовым проявлениям ребенка», «Интрузивность», «Позитивное отношение».

Результаты. В настоящее время производится анализ и математическая обработка эмпирических данных, результаты исследования будут представлены в рамках доклада.

Заключение. Проведенное исследование позволит расширить представления о взаимосвязи качества взаимодействия матерей с детьми и социально-эмоциональном развитии детей в замещающих семьях. Впоследствии, полученные выводы будут использованы при организации научно-обоснованного сопровождения замещающих семей, принимающих на воспитание детей раннего возраста в РФ.

1. Dozier M., Bernard K. Attachment and Biobehavioral Catch-up: Addressing the needs of infants and toddlers exposed to inadequate or problematic caregiving. *Current Opinion in Psychology*, 2017. — Vol. 15, P. 111–117.
2. Garvin M. C., Tarullo A. R., Van Ryzin M., Gunnar M.R. Postadoption parenting and socioemotional development in postinstitutionalized children. *Development and Psychopathology*, 2012. — Vol. 24, P. 35-48.
3. Juffer, F., Struis, E., Werner, C. & Bakermans-Kranenburg, M.J. (2017) Effective preventive interventions to support parents of young children: Illustrations from the Video-feedback Intervention to promote Positive Parenting and Sensitive Discipline (VIPP-SD), *Journal of Prevention & Intervention in the Community*, 45(3), 202-214.
4. NICHD Early Child Care Research Network Characteristics of infant child care: Factors contributing to positive caregiving. *Early Childhood Research Quarterly*. 1996;11:269–306.
5. Squires J., Bricker D. D., Twombly E. ASQ-SE-2 User's Guide. — Paul H. Brookes Publishing, Company, 2015.

Исследование поддержано грантом РФФИ №20-013-00249/20 «Изучение нейроромальных показателей развития у детей младенческого и раннего возраста, воспитывающихся в замещающих семьях»

Черного Д.И.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Туманьян К.Г.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Мухамедрахимов Р.Ж.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Особенности дневного ритма секреции кортизола у детей младенческого и раннего возраста в замещающих семьях

Дети, младенческий и ранний возраст, опыт ранней депривации, кортизол, замещающие семьи

Введение. К настоящему времени проведенные научные исследования свидетельствуют о негативном влиянии ранней депривации на нейрогуморальные показатели развития ребенка, в частности, на дневной ритм секреции кортизола, как во время проживания в условиях сиротского учреждения, так и в долгосрочном периоде — при воспитании ребенка в замещающей семье (Gunnar et al., 2001; Koss et al., 2014; Kroupina et al., 2012).

Результаты освещенных исследований представлены на основе изучения групп детей международного усыновления в США. При этом дети, воспитывающиеся в замещающих семьях РФ и имеющие опыт пребывания в сиротских учреждениях РФ, отдельно не изучались. Многие дети имели опыт пребывания в нескольких приемных семьях до момента проведения обследования, а также тяжелый ранний опыт пребывания в условиях тотальной депривации, например, в сиротских учреждениях Румынии. Это значительно отличается от ситуации, которая представлена в настоящее время в РФ. В нашей стране, в отличие от зарубежных стран, практика переводов ребенка из одной приемной семьи в другую встречается крайне редко. Кроме того, за последние годы в РФ значительно изменились сиротские учреждения. Все вышеперечисленные факты указывают на то, что ранний опыт детей, оставшихся без попечения биологических родителей и переданных на воспитание в замещающие семьи, значимым образом отличается от такого у детей, обследованных в представленных выше исследованиях.

Целью настоящего исследования является изучение дневного ритма секреции кортизола в связи с ранней социально-эмоциональной депривацией детей младенческого и раннего возраста, воспитывающихся в замещающих семьях РФ.

Метод. В исследование включены дети младенческого и раннего возраста, воспитывающиеся в замещающих семьях (приемных и семьях усыновителей) и биологических семьях Санкт-Петербурга. Для изучения секреции кортизола проводился сбор биологического материала слюны в утренние (в течение 30 минут после пробуждения) и вечерние (перед сном) часы.

Результаты. Собранный эмпирический материал исследования находится на стадии анализа данных.

Заключение. Результаты исследования позволят расширить теоретические представления клинической психологии развития и психофизиологии, связанные с

пониманием закономерностей нарушений психофизиологического развития человека на наиболее ранних этапах онтогенеза, роли средовых факторов риска нарушений развития в младенческом и раннем возрасте, в том числе при переводе из депривационных условий учреждения в семейное окружение. Теоретические обобщения, полученные на основании анализа эмпирических данных, помогут оценить значимость качества первичного социально-эмоционального окружения для механизмов нейрогуморального функционирования детей-сирот и детей, оставшихся без попечения биологических родителей, помещенных на воспитание в замещающие семьи.

1. Gunnar, M.R., & Vazquez, D.M. Low cortisol and a flattening of expected daytime rhythm: Potential indices of risk in human development // *Development and Psychopathology*, 2001. — Vol. 13 (3). — P. 515-538
2. Koss, K.J., Hostinar, C.E., Donzella, B., & Gunnar, M.R. Social deprivation and the HPA axis in early development // *Psychoneuroendocrinology*, 2014. — Vol. 50. — P. 1-13
3. Kroupina, M.G., Fuglestad, A.J., Iverson, S.L., Himes, J.H., Mason, P.W., Gunnar, M.R., Johnson, D.E. Adoption as an intervention for institutionally reared children: HPA functioning and developmental status // *Infant Behavior and Development*, 2012. — Vol. 35 (4). —P. 829–837

Исследование поддержано грантом РФФИ №20-013-00249/20 «Изучение нейрогормональных показателей развития у детей младенческого и раннего возраста, воспитывающихся в замещающих семьях»

Взаимодействие детей с опытом институционализации с близкими взрослыми в родственных и неродственных замещающих семьях

Дети, опыт институционализации, замещающая семья, близкий взрослый, взаимодействие

Введение. Известно, что депривация стабильных и чувствительных отношений с близким взрослым в типичных домах ребенка негативно сказывается на развитии детей [1]. При этом одним из факторов, определяющих траекторию развития ребенка, признается качество взаимодействия с близким взрослым как в учреждении, так и в замещающей семье [3]. Данные литературы показывают, что поведение и уровень развития детей после перехода в замещающие семьи может различаться в зависимости от типа семьи размещения [2]. В то же время в литературе отсутствует информация о качестве взаимодействия детей с близкими взрослыми при переводе из дома ребенка в родственные и неродственные замещающие семьи.

Метод. Участниками исследования были 18 замещающих семей с детьми, ранее проживавшими в типичном доме ребенка (9 мальчиков, 9 девочек; средняя длительность пребывания в учреждении — 12.6 ± 7.6 мес., время в семье — 23.1 ± 11.3 мес., возраст — 49.8 ± 16.7 мес.). Оценка взаимодействия детей с близкими взрослыми проводилась по методике PCERA (Clark, 1985) по видеозаписи 5 минут свободной игры ребенка и взрослого на двух этапах: 1) в течение первых 24 месяцев в замещающей семье ($N=12$; возраст $43.8(15.3)$); 2) 25-48 месяцев в замещающей семье ($N=9$; $57.8(15.7)$). В зависимости от типа размещения детей семьи были разделены на 2 группы: 1) родственные (биологические семьи, опека родственниками, $N=8$); 2) неродственные (усыновление, приемные семьи, опека не родственниками, $N=13$). Для анализа данных использовались факторные показатели взаимодействия со стороны ребенка, взрослого и в диаде, а также соответствующие суммарные показатели.

Результаты исследования свидетельствуют о более низком качестве взаимодействия в целом по суммарному показателю со стороны взрослых-родственников, по сравнению с не родственниками ($9.35(.63)$ и $9.99(.51)$, $p=.025$), несмотря на его улучшение в обеих группах ко второму этапу ($9.12(.57)$ и $10.23(.61)$, $p=.012$), а также о более низких оценках на втором этапе по отдельным показателям детей, проживающих со своими родственниками: «Активность, качество исследовательской игры» ($3.39(.26)$ и $4.16(.26)$, $p=.05$) и «Эмоциональная стабильность, отсутствие негативного аффекта, сотрудничество» ($3.3(.2)$ и $3.9(.2)$, $p=.053$).

Обсуждение. В литературе показано, что дети, принятые в родственные замещающие семьи, реже формируют безопасные паттерны привязанности и чаще проявляют неразборчивое дружелюбие, чем дети, от рождения растущие в семье и

усыновленные дети [2]. В данном исследовании в замещающих семьях, где дети воспитываются родственниками, продемонстрирован более низкий уровень взаимодействия, что не соответствует условиям формирования безопасной привязанности. Улучшение взаимодействия со стороны взрослых после двух лет проживания ребенка в семье может быть связано с завершением периода адаптации и взаимной подстройки. При этом снижение оценок по детским показателям ко второму этапу в семьях родственников может быть следствием возвращения детей в неблагоприятные социально-экономические условия [2], усиливающие последствия раннего депривационного опыта.

Выводы. Результаты исследования подтверждают данные литературы о более безопасных для развития детей условиях в неродственных семьях, что отражается на взаимодействии детей с близкими взрослыми, а также подчеркивает необходимость разработки и внедрения эффективных программ сопровождения родственных замещающих семей, берущих на воспитание детей с опытом институционализации.

1. Влияние изменения раннего социально-эмоционального опыта на развитие детей в домах ребенка / Под ред. Р.Ж. Мухамедрахимова. М., 2009.
2. Julian M. M., McCall R. B. The development of children within alternative residential care environments //Int. J. Child Fam. Welf. — 2011. — Т. 3. — С. 119-47.
3. McCall R. B. et al. Early caregiver-child interaction and children's development: Lessons from the St. Petersburg-USA Orphanage Intervention Research Project //Clinical child and family psychology review. — 2019. — Т. 22. — №. 2. — С. 208-224.

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Блинова Н.Н.
Ростов-на-Дону, ЮФУ

Васильева О.С.
Ростов-на-Дону, ЮФУ

Кондратьева Т.Н.
Ростов-на-Дону, ДГТУ

Взаимосвязь эмоционального интеллекта и готовности к прощению у студентов технического вуза

Образование, прощение, эмоциональный интеллект, управление эмоциями, самомотивация, эмоции

На современном этапе общественного развития в связи с большим количеством информационных потоков, переноса общения в виртуальное пространство снижается время реального взаимодействия между людьми, вместе с этим меняются смыслы и ценности, растёт уровень агрессии, недовольство собой, другими, миром. Поэтому повышается внимание к процессу прощения и исследованиям, посвященным эмоциональному интеллекту.

Актуальностью данной темы исследования является сложный характер взаимосвязи уровня готовности к прощению с эмоциональным интеллектом у обучающихся, а также разнородность интерпретации причин и проявлений этой связи, требующих поиска исследовательских стратегий и создания соответствующих психологических инструментов [1].

В исследовании приняло участие 99 человек в возрасте от 18 до 22 лет — учащиеся Донского государственного технического университета.

Целью исследования является изучение уровня готовности к прощению во взаимосвязи с эмоциональным интеллектом у студентов технического ВУЗа.

В работе была выдвинута следующая гипотеза: существует взаимосвязь между готовностью к прощению и эмоциональным интеллектом.

Исследование проходило в несколько этапов. На первом этапе были проведены организационно-деятельностные игры, в ходе которых были выявлены индивидуальные представления о прощении, портрет человека умеющего прощать, портрет человека не умеющего прощать, что можно простить, что нельзя простить, кого можно простить, кого нельзя простить. В результате была разработана авторская анкета, определяющая уровень готовности к прощению.

На втором этапе было проведено исследование эмоционального интеллекта; изучена взаимосвязь с уровнем готовности к прощению у студентов технического

ВУЗа. Уровень готовности к прощению определяется как суммарный показатель степени недовольства, претензий, направленных к себе, другим, миру; степени принятия травмирующей ситуации и благодарности. Варианты ответов опросного листа анкеты имеют фиксированную оценку по семибалльной шкале от -3 до +3 баллов. Получена количественная оценка уровня готовности к прощению, которую следует интерпретировать следующим образом: чем выше балл, тем выше готовность к прощению. В соответствии с полученной оценкой респонденты были разделены на три группы: с высоким (13%), средним (68%) и низким (19%) уровнем готовности к прощению. Определение уровня готовности к прощению как количественной переменной позволило применять инструменты статистического анализа без ограничений.

Респонденты испытывают сложности в процессе прощения: 94% респондентов не могут полностью простить измену; 96% респондентов полностью не могут простить убийство; 93% респондентов полностью не могут простить физическое насилие.

Для определения уровня эмоционального интеллекта у респондентов была использована методика Н. Холла. Были выделены три группы с высоким (5%), средним (29%) и низким (66%) показателем EQ.

Выявлена значимая корреляционная связь показателей EQ и уровнем готовности к прощению ($r = 0,253$; $p = 0,011$).

Наиболее значимая связь наблюдается по Шкалам «Управление своими эмоциями» $r = 0,2874$; $p = 0,0039$; и «Самотивация» $r = 0,3623$; $p = 0,0002$. Это говорит о том, что человек обладающий навыком управления своими эмоциями и с высоким уровнем самотивации человек, быстрее может простить обидчика.

Таким образом, чем выше уровень EQ, тем выше уровень готовности к прощению. Субъекты с высоким уровнем EQ способны в большей мере распознавать эмоций других людей, проявлять эмпатию и управлять своими эмоциями.

Полученные результаты могут быть использованы в консультативной и коррекционной работе практикующих психологов как инструмент развития эмоционального интеллекта у студентов через обучение умению прощать, а так же для разработки рекомендаций по организации учебно-воспитательной деятельности в ВУЗах.

1. Blinova N., Vasilyeva O., Kondratieva T. Research of social and psychological aspects of forgiveness // В книге: XVI EUROPEAN CONGRESS OF PSYCHOLOGY. 2019. С. 1264.

Васягина Н.Н.
Екатеринбург, УрГПУ

Шемтелева Н.И.
Екатеринбург, УрГПУ

Модель комплектования групп воспитанников специального учебно-воспитательного учреждения закрытого типа

Модель комплектования, специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа, реабилитация, ресоциализация, ценностно-мотивационная сфера личности, девиантное поведение

На территории Российской Федерации расположено одиннадцать специальных учебно-воспитательных учреждений закрытого типа. В такие учреждения поступают подростки, совершившие преступления средней тяжести, склонные к проявлениям девиаций. Подростков помещают в исправительные учреждения по решению суда, с целью прохождения реабилитации и дальнейшей ресоциализации. Однако по данным статистики 62% воспитанников по выпуску из учреждения вновь совершают правонарушения и привлекаются к уголовной ответственности уже по более тяжким статьям. Одной из причин совершения повторного правонарушения выпускниками СУВУЗТ является низкая эффективность реабилитационных мероприятий, проводимых в специальных учреждениях, влияющих на степень ресоциализации подростков. Среди факторов, влияющих на эффективность коррекционных и реабилитационных мероприятий в учебно-воспитательном учреждении можно выделить специфику комплектования групп воспитанников.

Проведенный в 2019г. SWOT анализ существующей модели распределения воспитанников по группам СУВУЗТ, расположенных на территории Свердловской области, позволил сделать следующие выводы. Распределение воспитанников по группам осуществляется по трем критериям: возраст, степень вовлеченности в криминальную среду и степень принятия норм криминальной субкультуры. Распределение происходит на субъективном уровне по результатам анализа истории воспитанника, без опоры на надёжные методы, которые позволили бы оценить степень влияния криминальных норм на каждого воспитанника, а также не учитывает индивидуально-психологические особенности личности воспитанников, в том числе уровень сформированности ценностно-мотивационной сферы.

По результатам проведенного теоретического исследования нами была обоснована и предложена модель комплектования групп воспитанников, в основе которой находится современное представление о структуре ценностно-мотивационной сферы личности, динамике её развития у подростков с нарушением поведения.

Модель основана на теоретическом и экспериментальном анализе строения самосознания, его формах и функциях, на идее развития личности ребенка через развитие и воспитание его ценностно-мотивационной сферы [1], что позволяет раскрыть роль поступков и внутренних противоречий в развитии девиантных форм поведения.

Ценностно-мотивационная сфера подростков с нарушением поведения в большей степени сосредоточена на эгоистичных потребностях (получение выгоды, снятие с себя ответственности, стремление получить желаемое несмотря ни на что), при этом направленность на установление эффективных, общепринятых взаимоотношений и на интеграцию в общество, с соблюдением общепринятых норм практически отсутствует. В силу того, что отдельные мотивы имеют накопительный эффект на поведение, то риск девиаций возрастает по мере увеличения количества эгоцентричных мотивов в структуре ценностно-мотивационной сферы личности. Таким образом, согласно основным положениям модели воспитанников СУВУЗТ можно разделить на 4 основные группы (на основе результатов диагностики ценностно-мотивационной сферы):

1. Воспитанники с ярко выраженными индивидуалистическими ценностями, разделяющие ценности криминальной субкультуры, имеют больше одного эпизода правонарушений;

2. Воспитанники, имеющие больше одного эпизода правонарушений, не разделяющие ценности криминальной субкультуры или принимающие их не полностью, имеющие выраженные ценности: быть включённым в группу, благосостояние, приятное времяпрепровождение;

3. Воспитанники с однократным нарушением законодательства с выраженными мотивами: потребность быть включённым в группу, благосостояние, приятное времяпрепровождение;

4. Воспитанники с однократным нарушением законодательства, с преобладанием общественно поощряемых ценностей.

Данное распределение позволит эффективно осуществлять коррекционно-воспитательные воздействия с целью изменения структуры ценностей, потребностей и мотивов воспитанников.

1. В.В. Столин Самосознание личности. — М.: Издательство Московского Университета, 1983. — 284 с.

Приемлемость нарушения правил пунктуальности: как ее оценивают студенты

Правила поведения, этикет, пунктуальность, преподаватели, студенты

Условием эффективного и бесконфликтного взаимодействия людей является согласованность взаимных ожиданий относительно содержания и форм общения. Культурным инструментом для достижения такой согласованности являются нормы и правила поведения. Они могут выступать как в форме институционализированных предписаний, нарушение которых чревато санкциями, так и в форме правил этикета, нарушение которых кажется не столь явно, но имеет негативные последствия для участников общения.

Взаимодействие преподавателей и студентов вуза в рамках учебного процесса регламентируется правилами внутреннего распорядка и иными нормативными документами. Содержание, детализированность предписаний и строгость ответственности в случае их нарушения существенно различаются в разных вузах в соответствии с их спецификой. Однако есть ряд положений, обязательно присутствующих в таких документах. В их числе пунктуальность при проведении и посещении занятий, что подразумевает запрет на опоздания как для студентов, так и для преподавателей. При этом опыт педагогической деятельности свидетельствует, что запрет на опоздания нередко нарушается. Можно предположить, что психологической предпосылкой нарушения этого правила является представление о приемлемости/неприемлемости такого рода требований, причем степень приемлемости/неприемлемости зависит от того, к каким актерам и в какой ситуации обращено требование.

Для проверки этой гипотезы мы воспользовались данными, полученными посредством авторского опросника «Приемлемость правил — 90». В исследовании приняли участие 140 студентов, в том числе 40 мужчин и 100 женщин от 18 до 29 лет. Респондентам предлагалось оценить допустимость той или иной формы поведения, отметив цифру от 1-совершенно неприемлемо до 10-вполне приемлемо. Первые восемь пунктов из девяноста, представленных в опроснике, касались приемлемости опозданий. В случае, если респондент отметил цифры 10,9,8, мы рассматривали этот ответ как признание приемлемости, если цифры 1,2,3 — неприемлемости соответствующего поведения. В качестве показателя приемлемости/неприемлемости использован процент таких ответов от общего числа респондентов.

Обнаружено, что при оценке допустимости опозданий студенты учитывают время опоздания (чем больше, тем менее допустимо опоздание), ситуацию (опоздание в случае групповых занятий менее допустимо, чем при индивидуальных консультациях с научным руководителем) и статус участников учебного процесса (опоздание на то же время, в той же ситуации для преподавателя студенты считают более допустимым, чем для студента). В такой оценке студентами опозданий можно увидеть ориентацию на общекультурные правила этикета. При общем требовании соблюдения пунктуальности, как проявления уважения к участникам взаимодействия, правила этикета предполагают учитывание времени опоздания и особенностей

ситуации. А главное, именно правила этикета предписывают поведение и его оценку в соответствии со статусами участников взаимодействия, причем субъект с более высоким статусом имеет преимущество перед субъектом с более низким статусом (Байбурин, 1988). Полученные результаты позволяют сказать, что при оценке допустимости/недопустимости опозданий студенты ориентируются скорее на имплицитно присутствующие в сознании этикетные модели поведения, чем на эксплицитированные в документах правила вуза, где не оговариваются условия взаимодействия и не учитываются статусы участников общения. По-видимому, в вузах с разной организационной культурой общекультурные этикетные модели поведения, в том числе регулирующие деловое общение, будут трансформироваться в соответствии со спецификой вуза. Эти предположение требует эмпирической проверки.

1. Байбурин А.К. Об этнографическом изучении этикета // Этикет у народов Передней Азии. М., Наука, 1988. С.12-37.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №19-013-00369

Представление о взаимодействии с окружающими у хулиганствующих подростков

Подростки, хулиганство, вандализм, самооценка, социальное познание

Введение. Хулиганство это преступное деяние, характеризующееся грубым нарушением общественного порядка и выражающее неуважение к обществу. Проблема профилактики хулиганских действий актуальна, поскольку нередко фигуранты данных правонарушений — подростки, позднее становятся участниками преступлений. Научная значимость заключается в отсутствии единых концепций хулиганского поведения и моделей, позволяющих его предсказывать.

Постановка проблемы. Проблема исследования базируется на теоретических представлениях о девиантном поведении (Т.Парсонс), а также идее о переживании отчужденности и исключенности как детерминанте противоправного поведения. Мы сфокусировались на изучении представления о социальном взаимодействии, считая, что у хулиганствующих подростков оно будет иметь определенные искажения. Нами предполагается, что представление о социальном взаимодействии это репрезентация личностью своего взаимодействия с окружающими. На основе обобщения теоретических знаний об организации представления и его содержания (А.Л. Журавлев, А.Б. Купрейченко), нами сконструирована модель представления о социальном взаимодействии. Модель включает два компонента: 2) рефлексивный компонент, характеризующий представление об отношении окружающих людей и социальных групп к личности, выражающий, по сути, мнение личности о социальной оценке; 3) рецептивный компонент, описывающий субъективно оцениваемые возможности и ограничения — барьеры взаимодействия при достижении личностно-значимых целей, существующие во взаимодействии с окружающими.

Методы. Метод сбора данных: самоотчет. Для изучения представления о социальном пространстве был разработана специальная анкета. Структура анкеты соответствует модели представления и состоит из двух блоков вопросов: рефлексии (5 утверждений, напр. «Искреннее или ложное отношение окружающих людей к Вам?») и рецепции (5 утверждений, напр. «Каким Вы ощущаете себя в отношениях с другими людьми?»). Ответы респондентов имели достаточную согласованность и связность, что дало основания рассматривать их в качестве шкал.

Метод обработки результатов. Использовались непараметрические методы анализа: Н-критерий Краскела-Уоллиса для оценки различий между сопоставляемыми группами.

Выборка исследования: 85 молодых людей, склонных к совершению хулиганских действий, что устанавливалось характеризующими материалами подразделений по делам несовершеннолетних и 85 молодых людей, ведущих право послушный образ жизни. В исследовании участвовали учащиеся старших классов школ и техникумов. Перед анкетированием проводилось информирование о целях и процедуре исследования. Персональные данные не собирались. Ср.возраст 15,6 года, SD =1,5 лет. 100% — мужчины.

Результаты исследования. Рефлексия социального отношения статистически различается у лиц с хулиганствующим и правопослушным поведением (Kruskal-Wallis test: $H(2, N=169) = 17,3$ $p = ,001$). Рецепция свойств социального пространства статистически различается у лиц с хулиганствующим и правопослушным поведением (K-W: $H(2, N= 169) = 10,73$ $p = ,04$);

Обсуждение. Опираясь на результаты статического измерения можно говорить о различиях в оценках хулиганствующих и правопослушных подростков отношения к ним окружающих людей, а также представлений о возможностях взаимодействия с окружающими. Хулиганы более экспансивны в своем представлении отношения к ним окружающих, склонны воспринимать его более положительным, нежели правопослушные. С другой стороны, хулиганы ожидают больше проблем во взаимодействии, видят больше препятствий и трудностей, чем правопослушные.

Выводы. Результаты показывают продуктивность исследования представлений о социальном взаимодействии у хулиганствующих подростков, поскольку свидетельствуют об определенных диспозициях, влияющих на восприятие и оценку ими социального окружения.

Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда (проект №17-18-1278)

Казачёнок Ж.И.
Беларусь, Минск, Учреждение образования "Военная академия Республики Беларусь"

Марищук Л.В.
Беларусь, Минус, Российский государственный социальный университет (филиал г. Минск)"

Учет фактора влияния социальной среды в психологическом сопровождении специалиста

Социальная среда, психологическая готовность специалиста, интегративные качества личности, психологическая зрелость

Скрытые и незаметные в потоке повседневной жизни особенности личности становятся очевидными в сложных социально-экономических условиях ситуациях профессионального неблагополучия. Анализируя причины неуспешности специалиста, психологи, связывают их с «пробелами» профессионально-психологического отбора и «шероховатостями» профессиональной подготовки.

Постановка проблемы. Анализ психологических требований к специалистам указывает на необходимость уточнения критериев оценки пригодности личности, к профессиональной деятельности. Закономерности становления и развития специалиста позволяют выделить еще один значимый вектор — особенности социальной и организационной среды.

Часто компетентный специалист хочет работать конкретной стране, крупных городах, определенном коллективе и не всегда основным выступает материальное благополучие. В условиях возрастающего уровня политической жесткости и экономической неопределенности специалист должен обладать не только инновационными способностями и компетенциями, но возможностями их реализации вне зависимости от социальных изменений. Отток и миграцию специалистов, может снизить качество личности, минимизирующее ее уязвимость от воздействий социальной среды — ее зрелость, что и сохранит нацию в целом.

Обсуждение. Потенциал личности является более широким понятием, чем профессиональные способности (Б.Ф. Ломов) ибо определяет успешность в жизни. Необходимо обобщенный ракурс рассмотрения личности сотрудника, позволяющий оценить интегрированную совокупность характеристик и достижений, отражающую самостоятельность, осознанность, нравственное развитие, ориентировку в социуме, активность и творчество — зрелость личности. Она выступает критерием определения ее готовности к продуктивной жизнедеятельности, в том числе и профессиональной. Подчеркнем, что Б.Г.Ананьев, считал зрелость важнейшей интегративной характеристикой личности, обеспечивающей успешность профессиональной деятельности в самых различных и сложных профессиональных и социальных ситуациях.

Выводы:

1. Психологическая зрелость выходит за рамки индивидуального в психических проявлениях. Для ее определения и оценки важны характеристики включенности

специалиста в профессиональную деятельность и взаимодействие с окружающей социальной средой, качество вступления в различные формы и виды отношений с другими людьми;

2. Особым маркером зрелости является профессиональная и социальная успешность;

3. Особую роль в определении уровня развития психологической зрелости играет направленность личности. Оценка мотивации и смысла — очень сложный для исследования предмет. Недостаточно определить ведущие потребности и систему мотивации специалиста. Нужно осознавать миссию организации и личные установки конкретного специалиста, сталкивающегося с конфликтом потребностей и социальных ролей, находящимся вне сферы его сознания. Выделяя наличие равновесия и прогрессивности личности, психолог обозначает и выраженность психологической зрелости. Немаловажный аспект изучения — наличие чувства юмора, оптимистичности и легкости решения профессиональных и личных задач;

4. Проявление психологической зрелости личности не зависит от социальной группы, профессиональной подготовки и квалификации. Специалист, интеллектуально и социально соответствуя своему возрасту, имея высокий уровень профессионального мастерства по квалификации, иногда, к сожалению, с точки зрения адаптации к современным условиям и включенности в решение конкретных задач, может оставаться на уровне «подростка», полагающего, что ему обязаны все (государство, общество, коллеги и др.);

5. Процесс психодиагностики психологической зрелости усложнен из-за гетерохронности ее компонентов, что определяет дальнейшие направления исследований. Прикладные комплексные методики оценки уровня развития интегративных психологических явлений отсутствуют.

Феномен чайлдфри: жизненный выбор, удовлетворенность, эгоизм

Феномен чайлдфри, жизненный выбор, удовлетворенность, эгоизм

Актуальность темы обоснована появляющимся большинством приверженцев чайлдфри. Многие исследователи феномена добровольной бездетности рассматривают в качестве основной детерминанты репродуктивного выбора женщины социальную ситуацию. Такого рода тенденции наблюдаются как в отечественных, так и в зарубежных исследованиях. Тем не менее, выбор репродуктивной установки на бездетность зависит не только от внешних факторов, а и от внутренней позиции женщины, что и рассматривается нами в качестве проблемы. Цель исследования состояла в изучении феномена чайлдфри. Феномен чайлдфри изучается в основном социологами, демографами и не достаточно изучен психологами. Нам представляется важным рассмотреть его со стороны психологических особенностей личности. Отметим, что в зарубежной и отечественной научно-исследовательской литературе наблюдается большое разнообразие используемых терминов, несущих различную семантическую нагрузку: чайлдфри, чайлдхейт, добровольно бездетные, сознательно бездетные, бездетные по собственному выбору, осознанно отказывающиеся от детей, намеренно бездетные. Это влияет на смысловую нагрузку данного явления и указывает на недостаточность проработки темы. Чайлдфри — это люди добровольно не желающие иметь детей по разным причинам. Изучение чайлдфри отличается междисциплинарным подходом. Некоторые отечественные исследователи в области социологии (Д.В. Белинская, М.М. Бичарова, П.Н. Устин, Р.Р. Халфина и др.) описывают чайлдфри как «сообщество», «субкультуру», «идеологию» или «движение». Российские чайлдфри не являются общественным или политическим движением, не пытаются изменить мир, не выдвигают лозунгов и требований. Это скорее сообщество имеющие установку на бездетный образ жизни, встретить которое можно в интернет-пространстве. Некоторые исследователи в области психологии указывают на участие в сообществе чайлдфри как на обращение за поддержкой и носит психотерапевтический характер (Р.Р. Халфина, Т.В. Тимченко, Е.В. Сафронова и др.).

Таким образом, на основе анализа отметим некоторые аспекты:

1. Возлагаемая на чайлдфри ответственность за демографический кризис в стране представляется чрезмерной. Не учитываются психологические особенности личности находящихся в тех или иных условиях и приводящих к принятию данного выбора.
2. Изучались ценности, мотивы, но недостаточно работ по изучению удовлетворенность жизнью, способность к осознанному жизненному выбору чайлдфри.
3. Исследования, маркирующие чайлдфри как форму девиантного поведения, деформацию женской идентичности, отклонение от репродуктивной нормы, безнадёжно отстают от скорости развития современного общества.

4. Ориентация на себя, возрастающая индивидуализация, стирание гендерных границ и гетеронормативности неизбежно ведут к трансформации институтов семьи и материнства.

5. Современное материнство предполагает множество форм реализации в реальной жизни: «яжемать», «мать», «немать», «небиологическая мать», «чайлдфри», «чайлдхейт», каждая из которых претендует на нормативность и включенность в социальный контекст.

6. Таким образом, решение вопроса о деторождении необходимо рассматривать в плоскости индивидуального жизненного выбора самой женщиной. Где под жизненным выбором мы понимаем выбор действий в узловых точках существования, который конструирует жизненный путь человека. Человек может выбрать аутентичное (быть собой, жить своей жизнью) или неаутентичное существование. Совершая непрерывную череду выборов, человек становится творцом собственной жизни. Выбор предполагает ответственность за реализованные и отклоненные возможности и за то, чем в итоге является личность. В современном мире важным жизненным выбором для женщины становится репродуктивный выбор — осознанное решение, определяющее рождение или отказ от рождения ребенка.

Самопрезентация и личностные черты у студентов — пользователей социальных сетей ВКонтакте и Instagram

Самопрезентация, социальные сети, личностные черты, ВКонтакте

Социальные сети на сегодняшний день приобретают все большее значение, так как обеспечивают альтернативный способ взаимодействия между людьми, они заменяют непосредственный контакт, позволяют осуществлять и поддерживать взаимодействие независимо от времени, места и других условий (Elphinston, Noller, 2011). Вместе с тем, остается открытым вопрос о том, как люди представляют себя в социальных сетях, какие стратегии самопрезентации являются успешными (Белинская, Гавриченко, 2018), как конструируется виртуальное Я. В данном исследовании была поставлена цель изучить взаимосвязи между характеристиками самопрезентации и личностными чертами у пользователей социальных сетей.

Выборку исследования составили 327 студент пермских вузов в возрасте от 18 до 26 ($M=21,06$; $SD=1,93$) из них были сформированы выборки пользователей ВКонтакте ($N=217$) и Инстаграм ($N=85$).

Для диагностики характеристик самопрезентации использовались Шкала перфекционистской самопрезентации П. Хьюитта (Золотарева А.А.) и Шкала самомониторинга (Полежава Е.А.). Диагностика личностных черт осуществлялась при помощи Портретного опросника Большая пятёрка (Егорова М.С., Паршикова О.В.) и краткого опросника Темная триада (Егорова М.С. и др.). Полученные данные обрабатывались в программе SPSS 20, значимость $p < 0,05$.

Результаты. Анализ различий в показателях перфекционистской самопрезентации не выявил значимых различий среди пользователей социальных сетей ВКонтакте и Instagram, тогда как среди показателей самомониторинга обнаружено различие в показателе Направленность на других ($t=2,44$). Различия в личностных чертах проявились для Экстраверсии ($t=-2,74$) и Доброжелательности ($t=-3,12$), а среди негативных черт для Нарциссизма ($t=-1,99$).

Корреляционный анализ позволил обнаружить общие для выборок связи показателей самопрезентации и личностных черт, а именно связи: Вербального непрявления несовершенства и Экстраверсии ($r=-0,252$), Публичной самопрезентации с Экстраверсией ($r=-0,606$) и Нарциссизмом ($r=0,583$). Для выборки пользователей ВКонтакте также обнаружены связи Нарциссизма и Демонстрации совершенства ($r=0,323$), Поведенческого непрявление несовершенства и Экстраверсии ($r=-0,262$;) и Доброжелательности ($r=-0,135$).

Пользователи ВКонтакте более ориентированы на других, тогда как пользователи Instagram демонстрируют готовностью к взаимодействию, более ориентированы на себя и поддержание образа собственной исключительности. Анализ взаимосвязей показывает, что при высоком стремлении к общению и положительном

отношении к другим людям, а также при стремлении к превосходству, снижаются характеристики перфекционистской самопрезентации проявляющиеся в опасении обсуждать собственные неудачи. Вдобавок к этим связям пользователей ВКонтакте характеризует стремление к проявлению нарциссических характеристик и избегание демонстрировать поведение, которое может подвергнуться критике, при низкой социальной направленности и альтруизме.

Обнаруженные факты позволяют сделать следующие выводы: 1) пользователи ВКонтакте скорее ориентированы на социальное взаимодействие, тогда как пользователи Instagram на создание собственного более совершенного образа; 2) экстраверсия и доброжелательность связаны со снижением перфекционистской самопрезентации, что может приводить к демонстрации более реалистичного образа; 3) у пользователей ВКонтакте при высоком нарциссизме усиливается стремление производить впечатление на других через демонстрацию собственных способностей, компетенций и успеха.

1. Белинская Е. П., Гавриченко О. П. Самопрезентация в виртуальном пространстве: феноменология и закономерности // Психологические исследования. 2018. № 60 (11). 12 с. <http://psystudy.ru/> (дата обращения: 21.06.2020).
2. Elphinston R. A., Noller P. Time to Face It! Facebook Intrusion and the Implications for Romantic Jealousy and Relationship Satisfaction // Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking. 2011. № 11 (14). С. 631–635.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-013-00775

Взаимосвязь видов отношения к праву с личностными особенностями и системой ценностей студентов

Правовое сознание, виды отношения к праву, ценности, личностные особенности

Целью исследования явилось изучение взаимосвязи видов отношения к праву с личностными особенностями и системой ценностей студентов психологического и юридического факультетов университета. Выделение четырёх компонентов отношения к праву (когнитивного, эмоционального, поведенческого и оценочного) позволяет классифицировать виды правосознания [Безносов,2008]. В зависимости от объема знаний о праве, направленности и интенсивности чувств, правомерности или противоправности поведения, а также оценки значимости выделяются следующие основные виды правосознания: реализм, идеализм, конформизм, фетишизм, инфантилизм, скептицизм, цинизм и нигилизм. Зрелым видом правосознания является правовой реализм. Деформированные виды правового сознания: правовой идеализм, правовой фетишизм, правовой конформизм демонстрируют позитивное отношение к праву; правовой скептицизм, правовой цинизм, правовой нигилизм — негативное отношение к праву; правовой инфантилизм — незрелое отношение к праву [Безносов,2004]. В исследовании приняли участие 60 студентов 3 курса университета, среди них 30 психологов — 28 девушек и 2 юношей, 30 юристов — из них 20 девушек и 10 юношей, в возрасте 19 — 20 лет. В исследовании использованы психодиагностические методики: методика «Отношение к праву», разработанная Безносовым Д. С.; 16-ти факторный личностный опросник Кеттелла; методика изучения системы ценностей Шварца.

Результаты исследования показали, что у студентов двух факультетов преобладает такой вид отношения к праву, как правовой реализм, опирающийся на полноту правовых знаний, правомерное поведение и, соответственно, высокую оценку значимости законов в регуляции социальных отношений. Наряду с правовым реализмом, студенты-юристы в большей степени, чем студенты-психологи, склонны проявлять негативное отношение к праву — правовой цинизм (асимпт. знч. = 0,013 при $p < 0,05$) и правовой нигилизм (асимпт. знч. = 0,044 при $p < 0,05$). Проверка статистически значимых различий по основным видам отношения к праву проводилась с помощью параметрического критерия Манна-Уитни для двух независимых выборок. Для многих студентов регуляторами поведения могут являться только социально-психологические факторы (совесть, страх осуждения или наказания), но не правовое сознание. Достаточно низкие показатели соответствуют правовому инфантилизму, который характеризуется отсутствием целостности и системности правовых знаний, и правовому фетишизму, возникающему при завышенной оценке роли права и придания ему магического значения.

Корреляционный анализ с помощью критерия Спирмена показал обратную взаимосвязь между правовым реализмом и нормативностью поведения ($r = -0,305$; $p = 0,018$). Также отмечается сильная обратная взаимосвязь между правовым скептициз-

мом, демонстрирующим негативное отношение к праву, и нормативностью поведения ($r = -0,369$; $p = 0,004$). Это говорит о том, что нормативность поведения, то есть развитое чувство долга и ответственности, осознанное соблюдение личностью общепринятых моральных правил и норм, является одним из самых значимых регуляторов положительного отношения к праву. Такой вид отношения к праву, как правовой идеализм, имеет значимую взаимосвязь с консервативностью личности ($r = 0,343$; $p = 0,007$), а правовой нигилизм взаимосвязан с критичностью интеллекта ($r = -0,316$; $p = 0,014$). Отмечается статистически достоверная взаимосвязь между ценностью власти и следующими видами отношения к праву: правовым скептицизмом, правовым цинизмом; правовым идеализмом,

Тенденция умаления роли права в условиях современного общества должна быть преодолена. Одним из необходимых условий для этого являются исследования структуры правосознания различных социальных групп и, в частности, изучение особенностей правосознания студенческой молодёжи, исследования основных видов отношения к праву как проявлений правового сознания. [Гулевич, Голынчик, 2003; Ратинов, Ефремова, 2001; Потякин, 2000; Романов, 2010; Ясюкова, 2008]. Только опираясь на данные научного исследования можно выявить факторы, оказывающие влияние на формирование правового сознания молодых людей, вовремя пресечь их негативное воздействие или усилить положительное влияние.

Крюкова Е.А.
Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова

Чжоу Ц.
Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова

Корнилова Т.В.
Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова

Эмпатия у студентов-медиков: кросс-культурное сравнение российской и китайской выборок

Эмпатия, шкала эмпатии Джефферсона, психологический профиль медицинских работников.

Исследования эмоционального интеллекта (ЭИ) и эмпатии (Эм) как его составляющей приобретают особую значимость в становлении профессионалов, работающих с людьми. В частности, эти качества важны для оценки психологического профиля медицинских работников. При этом оба свойства включают регулятивную роль контекстуальных переменных культуры. В докладе будет представлен сравнительный анализ выраженности эмпатии у российских и китайских студентов по опроснику, который в отличие от широко известного опросника IRI [1] специально направлен на диагностику эмпатии у врачей и студентов-медиков (имеет две формы).

Проблема. Изучение мотивации, имплицитных теорий и ряда личностных свойств уже включало сопоставление с другими профессиональными группами представителей студентов-медиков, фельдшеров и врачей [3]. Вместе с тем разработанный именно для этой профессиональной группы опросник измерения эмпатии Jefferson Scale of Empathy (JSE) впервые апробирован нами для российских выборок (с согласия правообладателей из университета Джефферсона, США) [2]. Целью исследования стало сопоставление результатов апробации (JSE) на российских и китайских выборках и сравнение характеристик эмпатии этих культурных групп.

Метод. Участниками исследования стали российские студенты-медики -111 человек; 26 муж. (M=26, SD=5, 5) и 90 жен. (M=28.1, SD=5,5), а также китайские студенты-медики — 88 человек, 35 муж. (M=26, SD=2, 5) и 52 жен. (M=24,6, SD=3,1). Методика предъявлялась индивидуально и в малых группах в период до января 2020 г. Переводы перепроверялись тремя психологами, владеющими английским и китайским языком. Опросник включает 20 пунктов с 7-балльной оценкой согласия, которые группируются в шкалах: «взятие ответственности», «сострадательная забота», «ощущение нахождения в роли пациента».

Результаты. Факторная структура опросника проверялась с помощью конфирматорного факторного анализа в программе EQS 6.4 for Windows и показала удовлетворительные результаты соответствия оригинальной трехфакторной модели (для российской выборки: $SBx^2=358,7$; $df=167$; $p<0,005$, $CFI=0,778$, $RMSEA=0,076$; для китайской выборки: $SBx^2=175,8$; $df=128$; $p<0,001$, $CFI=0,879$, $RMSEA=0,066$). Сравнение средних показало значимые различия по шкале «сострадательная забота», более высокий уровень выявился у отечественных студентов-медиков ($p=0,006$).

Обсуждение результатов. Как показывают предварительные результаты апробации опросника JSE, его психометрические характеристики для обеих культурных групп позволяют его применять как в России, так и в Китае. Прерванное нами исследование в связи с пандемией будет продолжено с целью увеличения надежности данных.

Выводы.

1) Предварительный анализ психометрических свойств опросника JSE на российской и китайской выборках воспроизводит оригинальную авторскую трехфакторную модель и позволяет проводить кросс-культурное сравнение.

2) Установлены различия по такому параметру эмпатии как «сострадательная забота», что будет обсуждаться в контексте различия культурных норм выражения эмоций.

1. Davis, M. H. (1983). Measuring individual differences in empathy: Evidence for a multidimensional approach. *Journal of Personality and Social Psychology*, 44(1), p.113–126, <https://doi.org/10.1037/0022-3514.44.1.113>.
2. Hojat M., LaNoue M. (2014). Exploration and Confirmation of the Latent Variable Structure of the Jefferson Scale of Empathy. *Int. J. Med Educ.* p. 73-81, doi: 10.5116/ijme.533f.0c41.
3. Kornilova, T.V., Pavlova, E.M., Bogacheva, N.V., Kamenev, I.I., & Krasavtseva, Yu.V. (2020). Representations of Medical Risks and Their Connection to Different Personal Characteristics of Doctors and Medical Students. *Psychology in Russia: State of the Art*. 13(1), p. 99–120. <https://doi.org/10.11621/pir.2020.0109>.

Политические установки студенческой молодежи к российской власти

Политическая установка, власть, государственная политика, трехкомпонентная структура установки, эмоциональный компонент, поведенческий компонент, когнитивный компонент

Данная работа посвящена исследованию политических установок студенческой молодежи к одному из важнейших инструментов государственной власти — действующей государственной политике. Рассматриваются такие понятия, как социальное представление, социальная и политическая установка. Изучается трехкомпонентная структура установки, включающая в себя эмоциональное отношение, поведенческую активность и знания по интересующей нас тематике, а также изучаются социальные и личностные особенности респондентов.

В качестве основы данной работы послужил анализ трудов С. Московиси, В.А. Ядова и Е.С. Кузьмина, Г.М. Андреевой, В.Н. Коновалова, Е.Б. Шестопала, Д.В. Ольшанского, Н.А. Шматко, Х. Айзенка и др.

Высокая актуальность изучения политических установок обусловлена тем, что они могут быть расценены как некая обратная связь в ответ на результаты проводимой в государстве политики. Таким образом, учет преобладающих в обществе политических установок имеют огромное значение в контексте образования стабильного и процветающего государства.

В исследовании приняли участие 107 человек в возрасте от 18 до 32 лет.

Методической основой данного исследования стали: авторский опросник на изучение компонентов политических установок граждан относительно действующей государственной политики, авторский опросник на изучение патерналистских и волонтаристских установок граждан; опросник уровня субъективного контроля Дж. Роттера, многофакторный опросник личности Кеттелла (форма С), авторская анкета на выявление социально-демографических особенностей. Обработка данных производилась с помощью программы SPSS 22.0.

Результаты проведенного исследования позволили сделать следующие выводы:

1. Политическим установкам студенческой молодежи относительно действующей государственной политики преимущественно свойственна нейтральная оценка по всем трем компонентам. Но также в каждом компоненте оказалась достаточно ярко выражена одна из полюсных оценок. Так, существует тенденция к отрицательной оценке действующей государственной политики с одной стороны, при невысоком уровне проверки и/или уточнения поступающей информации — с другой. При этом выявлена готовность некоторого процента выборки быть активными субъектами политики и помогать государству.

2. Отрицательная выраженность эмоционального компонента взаимосвязана с субъективными представлениями о степени оппозиционности собственных взглядов и уровне текущего образования (неполное высшее образование), а также с низким уровнем личностного консерватизма.

Положительная выраженность когнитивного компонента обуславливается актуальностью политической тематики и полом (характернее для мужчин), а также частотой интереса политическими новостями, уровнем имеющегося образования и интернальностью в области здоровья и семейных отношений.

Готовность быть активным субъектом государственной политики (поведенческий компонент) обуславливается актуальностью политической тематики. На выраженность поведенческого компонента оказывают влияние такие личностные характеристики, как практичность, смелость, а также частота интереса политическими новостями.

Предиктором волонтаризма является степень общительности, а патернализм обратно пропорционально связан с оппозиционностью политических взглядов.

3. Анализ различий по полу выявил, что мужчины склонны проявлять больший интерес к актуальным новостям и они с большей вероятностью будут предпринимать попытки к более детальному изучению поступающей информации. Значимых различий по возрасту и роду деятельности обнаружено не было.

1. Айзенк Х. Психология политики / пер. с англ. В. Егорова. — Москва: Мысль, 2016. — 392 с.
2. Дилигенский Г. Г. Социально-политическая психология. М.: Наука, 1994. — 304 с.
3. Почебут Л. Г. Социальная психология / Л. Г. Почебут, И. А. Мейжис. — СПб.: Питер, 2010. — 672 с.
4. Moscovici S. (1972). Society and theory in social psychology. In J. Israel & H. Tajfel (Eds.), *The context of social psychology: A critical assessment* (pp. 17–68). London: Academic Press.

Модели поведения в конфликтных ситуациях курсантов военного института

Воинский коллектив, модели поведения в конфликте

Особенности социально-профессионального пространства воинской среды предполагает высокую вероятность возникновения конфликтных ситуаций и развития конфликтов [1, 2, 3]. Конфликты влияют на психофизиологическое состояние военнослужащих, снижают уровень боевой готовности воинского подразделения, уменьшают стрессоустойчивость [2]. В связи с чем, актуальным является изучение готовности офицерского состава к разрешению и профилактике конфликтных ситуаций.

Целью настоящего исследования является изучение моделей поведения в конфликтных ситуациях курсантов военного института, и связь моделей поведения в конфликте с личностными особенностями и социальным статусом курсанта в группе.

Материал и методы исследования. В исследовании приняли участие 24 курсанта выпускного курса военного института (учебная группа курсантов). Возраст испытуемых — $23 \pm 1,1$ года. При исследовании использовали: опросник поведения в конфликте К. Томаса и Р. Килманна, Фрайбургский личностный опросник, методику диагностики межличностных отношений Т. Лири, опросник коммуникативных установок В. В. Бойко, метод изучения самооценки Т. В. Дембо — С. Я. Рубинштейн, метод социометрических измерений Дж. Морено.

Результаты исследования. В обследуемой группе адаптивные стратегии поведения в конфликтной ситуации (сотрудничество и компромисс) предпочитают 52% курсантов, к соперничеству склонны 21%, избегают конфликтные ситуации — 17%, приспосабливаются к другим — 10%.

Предпочтение курсантами стратегии «сотрудничество» прямо коррелирует со склонностью к доминированию ($r=0,03$), авторитарностью ($r=0,04$). «Здоровая» авторитарность, ощущение собственной компетентности позволяют курсантам в конфликтных ситуациях придерживаться собственного мнения и, в тоже время, учитывать мнение других, находить пути конструктивного разрешения конфликтов через отношения сотрудничества.

Курсанты, склонные к конфронтации, более раздражительны ($r=0,02$), проявляют спонтанную агрессию ($r=0,04$), неуверенны в себе ($r=0,03$), малообщительны ($r=0,04$), хотя внутренне готовы к проявлению дружелюбия и альтруизму ($r=0,04$), в сравнении с одноклассниками, использующими конструктивные стратегии. Причем, оказалось, что степень выраженности стратегии «соперничество» обратно коррелирует со статусом курсанта в группе ($r=0,03$).

Курсанты, использующие стратегию «приспособление», отличаются от сокурсников выраженными негативными установками в отношении окружающих ($p=0,04$), более высоким уровнем невротизации ($p=0,01$).

Выводы. В ходе исследования выявлено, что более половины обследуемых курсантов обладают лидерскими качествами, способны конструктивно, решать возникающие конфликты. В тоже время, значительная часть курсантов, вследствие личностных особенностей и негативных установок в общении, используют мало адаптивные стратегии разрешения конфликтов.

Учитывая высокую значимость для офицера навыка профилактики конфликтов в военном коллективе и навыков их конструктивного разрешения, является актуальным дальнейшее совершенствование психологических аспектов подготовки высшего воинского состава.

1. Невструева Т.Х., Лагуткина М.Н. Взаимосвязь личностных факторов и стратегий реагирования на конфликт в особых условиях жизнедеятельности// Мир науки. — №2. — 2015. — С. 5 — 12.
2. Сиразетдинов М.Р. Конфликты в сфере военно-профессиональной деятельности: теоретический анализ проблемы// Саратовский военный Ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии Российской Федерации. — 2019. — №3. — С. 105 — 107.
3. Шадрин А.А. Межличностные взаимоотношения как фактор субъективного благополучия курсантов в процессе военно-профессиональной социализации // Педагогика в правоохранительных органах. — 2014. — № 3. — С. 41 — 44.

Развитие толерантности к неопределенности у студентов вуза

Толерантность к неопределенности, развитие, психологический тренинг

В процессе решения задач, связанных с профессиональной деятельностью, а также в трудных жизненных обстоятельствах отсутствие необходимой информации, неясные критерии результативности и вероятностный характер развития ситуации порождают неопределенность. В силу того, что неопределенность (сложность, непредсказуемость, противоречивость) лишь возрастает в современном мире, то образование должно готовить к данным ситуациям обучающихся, формируя у них соответствующие знания, навыки и установки.

Нами было проведено лонгитюдное исследование, целью которого было выявление различий в динамике уровня толерантности к неопределенности у студентов вуза в ситуации естественного формирования в течение трех лет обучения в вузе без каких-либо специальных воздействий и в ходе проведения психологического тренинга, направленного на развитие этой характеристики. В исследовании приняли участие 148 студентов Новосибирского государственного медицинского университета, обучающиеся на 1-3 курсах. Из них 25 юноша и 123 девушек. Исследование влияния психологического тренинга проводилось в экспериментальной группе — 43 чел., в контрольную группу входило 64 чел. Были использованы: методика, направленная на исследование толерантности к неопределенности С. Баднера (версия Г.У. Солдатовой), шкала толерантности к неопределенности С. Баднера (версия Т.В. Корниловой), шкала толерантности к неопределенности Д. МакЛейна (в адаптации Е.Н. Осина), новый опросник толерантности к неопределенности (Т.В. Корнилова); методика оценки творческого потенциала (Тест креативности Н.Ф. Вишняковой); шкала реактивной и личностной тревожности Спилберга — Ханина.

Результаты эмпирического исследования позволили сделать следующие выводы:

1. Уровень толерантности к неопределенности студентов связан с другими личностными особенностями: уровнем тревожности и характеристиками креативности. Чем выше уровень личностной тревожности, тем ниже толерантность к неопределенности. Чем выше показатели креативности, тем выше уровень толерантности к неопределенности.

2. Толерантность к неопределенности является довольно устойчивой личностной характеристикой. В естественных условиях обучения в вузе без специальных формирующих воздействий большинство исследованных нами характеристик толерантности к неопределенности не претерпевают значимых изменений. При этом наши данные показывают, что интолерантность к неопределенности является более подвижной характеристикой, чем толерантность к неопределенности: она может

спонтанно изменяться под влиянием внешних обстоятельств по мере взросления студентов и приобретения социального опыта.

3. Анализ результатов влияния тренинга на развитие толерантности к неопределенности при использовании средних значений исследованных нами разнообразных характеристик не показал значимых изменений. Однако выделение крайних групп студентов в зависимости от исходного уровня толерантности свидетельствует о том, что значимые позитивные изменения после проведения тренинга наблюдаются в группе студентов с низким уровнем толерантности. Это указывает на действие закона начальных значений Уайлдера. Дополнительно это подтверждается и наличием отрицательной корреляции между исходным уровнем характеристик толерантности и величиной сдвига их значений после проведения тренинга: чем ниже исходный уровень характеристики, тем больше величина ее изменения под влиянием формирующих воздействий. Было также обнаружено влияние тренинга на изменение характера и тесноты (силы) связи между исследованными психологическими характеристиками: после направленных развивающих воздействий возрастает интеграция характеристик толерантности к неопределенности между собой, а также с показателями креативности и тревожности личности, что может свидетельствовать о формировании целостного паттерна разных психологических характеристик, отвечающего за поведение личности в ситуации неопределенности.

Исследование этнической идентичности у молодежи России и молодёжи-мигрантов из Центральной Азии

Этническая идентичность, миграция, этноизоляционизм, этнофанатизм, этнонигилизм, этническая индифферентность, этноэгоизм

В настоящее время, в связи с новыми геополитическими факторами, отмечается новый шаг в развитии миграционных процессов. Появление новых миграционных процессов оказывает серьёзное влияние на политику большинства стран. Возникает острая необходимость в пересмотре существующих миграционных прогнозов и того, что может оказывать влияние на их формирование. Одним из таких факторов является этническая идентичность. Актуальным является психологический анализ тех преобразований этнической идентичности, которые могут наблюдаться у людей в процессе миграции. Это может способствовать разработке как адекватных способов адаптации мигрантов, так и решению проблем, возникающих со стороны коренного населения России.

Цель нашей работы заключалась в изучении этнической идентичности у молодежи из России и из числа мигрантов стран Центральной Азии.

Методы исследования:

1. Методика изучения типов этнической идентичности (Г.У. Солдатова, С.В. Рыжова)

В исследовании приняли участие 261 человек, из них 169 молодых людей из России и 92 из числа мигрантов Центральной Азии (студенты проживающие на территории РФ). Испытуемые были предварительно проинформированы о том, что они имеют право не принимать участие в тестировании, могут в любой момент завершить тестирование. Всем участникам тестирования пояснялась процедура тестирования, кратко объяснялась цель исследования.

Нами были получены следующие результаты: у молодежи из России показатель по шкале этническая индифферентность достоверно выше, чем у мигрантов из Центральной Азии ($U=5475$; $p=0,001$). В связи с этим можно предположить, что для современной молодежи из России, границы этнической идентичности размыты в сравнении с мигрантами. Для мигрантов в условиях проживания в другой стране важна роль этнических особенностей в процессе коммуникации. Также для молодежи из России характерен более высокий показатель по такой шкале как позитивная этническая идентичность ($U=4183,5$; $p=0,001$). Исходя из этого можно сказать, что молодые люди из России более толерантны по отношению к другим этническим группам, они могут отдавать предпочтение собственным социокультурным ценностям, но при этом они более расположены к межэтническим контактам.

У молодежи из числа мигрантов Центральной Азии преобладающими является показатель по шкале этнонигилизм ($U=4827$; $p=0,001$). Мы предполагаем, что данный

показатель у мигрантов выше в связи с тем, что молодежь находится вне своей этнической группы и в процессе адаптации способна отходить от своей этнической группы в том числе для поиска устойчивых социально-психологических ниш не по этническому критерию. Высокие баллы по шкале этноэгоизм ($U=4872$; $p=0,001$) могут говорить о том, что мигранты могут испытывать напряжение и раздражение при общении с представителями других этнических групп. Более высокий уровень может наблюдаться на начальном этапе адаптации, когда сложности в коммуникации больше и напряжение может увеличиваться. Этноизоляционизм ($U=4412,5$; $p=0,001$) характеризует мигрантов как людей, которые убеждены в превосходстве своего народа, они могут негативно относиться к межэтническим брачным союзам во благо сохранения своей национальной культуры. Они могут быть готовы идти на любые действия в борьбе за благополучие и сохранение своей культуры и своего народа. Об этом говорит высокий показатель по шкале этнофанатизм ($U=5060,5$; $p=0,001$).

Полученные данные свидетельствуют о том, что мигранты часто неспособны к пониманию другого этноса и чужой культуры. В связи с этим могут возникать сложности в адаптации, конфликты. На начальном этапе они более ориентированы на свою культуру испытывая при этом напряжение по отношению к представителям другой этнической группы. Молодые люди из России в свою очередь более благоприятно, нежели это воспринимается мигрантами.

*Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ (проект № 19-013-00949 А
Культурно-этнические детерминанты самостоятельности-личностной беспомощности молодежи России и стран ближнего зарубежья (на материале мигрантов из Центральной*

Психологические особенности мотивации и профессиональных ценностей студентов, обучающихся в вузах МЧС России

Учебная мотивация студентов, ценностные ориентации, профессиональные ценности

Введение. Для реализации успешной профессиональной деятельности становятся востребованными специалисты, обладающие не только определенным набором знаний, умений, навыков, приобретенных в высшем учебном заведении, но и имеющие сформированную мотивацию и систему профессиональных ценностей, понимающие сущность своей будущей профессиональной деятельности.

Обучение в образовательных организациях высшего образования МЧС России, имеет свою специфику и особенности отбора курсантов. Однако в последние десятилетия в таких вузах обучаются студенты и по гражданским специальностям. Отметим, что мотивационные особенности к учебной деятельности и к будущим трудовым отношениям у студентов, выбравших для обучения вузы силовых структур, практически не изучались (Е.В. Камнева, Н.В. Анненкова, 2014; Ю.Ю. Стрельникова, 2013).

Материалы и методы. Целью исследования стало — выявление различий в компонентах мотивации и профессиональных ценностей студентов, обучающихся по разным специальностям в вузе МЧС России.

Для этого были отобраны следующие методики: «Изучение мотивов учебной деятельности студентов» (модификация А.А. Реана и В.А. Якунина), опросник В.Э. Мильмана «Диагностика мотивационной структуры личности», «Уровень соотношения «ценности» (Е.Б. Фанталова в модификации А.А. Шарова). [2,3,5].

Эмпирическое исследование проводилось на базе ФГБОУ ВО «Уральский институт ГПС МЧС России». В данном исследовании приняли участие 92 студента 1, 4 и 5 курсов обучающихся по специальностям 20.05.01 Пожарная безопасность (44 человека) и 40.05.03 Судебная экспертиза (48 человек). Возраст участников исследования от 17 до 23 лет, 45 женщин и 47 мужчин.

Результаты. Результаты описательной статистики в группе студентов, обучающихся по специальности Пожарная безопасность, показали, что наиболее значимыми учебными мотивами стали такие как: стать высококвалифицированным специалистом (68 %) и получить диплом (68 %). При этом как наименее значимый мотив проявился — постоянно получать стипендию (49 %).

По уровню соотношения ценностей у студентов этой специальности как наиболее значимые проявилась ценность, связанная с комфортностью условий труда (71 %). Наименее ценным оказалось — работа предполагающая общение с широким и меняющимся кругом лиц (38 %).

Профессиональные ценности, которые ребята считают наиболее достижимыми, — это четко расписанный трудовой процесс (65 %), а наименее достижимой профессиональной ценностью — возможность работать в престижной профессии (42 %).

При этом студенты обеих специальностей демонстрируют общежитейскую направленность личности (78,5 % от всех опрошенных).

В группе студентов, обучающихся по специальности Судебная экспертиза, наиболее значимыми учебными мотивами стали: стать высококвалифицированным специалистом (68 %) и обеспечить успешность будущей профессиональной деятельности (68 %), а наименее значимый мотив, так же как и предыдущей группе стал — постоянно получать стипендию (38 %). По уровню соотношения ценностей наиболее высокие результаты показали профессиональные ценности по своей значимости: комфортность условий труда (73 %), компетентный руководитель (66 %). Профессиональная ценность — возможность социальных льгот — у студентов-юристов проявилась в меньшей степени (34 %). С точки зрения достижений проявились такие ценности как комфортность условий труда (70 %) и работа, предполагающая общение с большим кругом лиц (67 %). При этом престижность профессии (37 %) студенты-юристы посчитали менее достижимой ценностью.

Сравнительный анализ соотношения «ценностей» выявил статистически значимые отличия в исследуемых группах студентов. Учебные мотивы такие как: постоянно получать стипендию, быть постоянно готовым к очередным занятиям, быть примером для сокурсников, добиться одобрения родителей и окружающих, избежать осуждения и наказания за плохую учебу сильнее выражены у студентов, обучающихся по специальности Пожарная безопасность. У этой же группы студентов были выявлены статистически значимые отличия по профессиональным ценностям: работа по полученной специальности, возможность карьерного роста и социальных льгот, компетентный руководитель, комфортность условий труда.

Заключение. По результатам проведенных исследований можем отметить, что у студентов, обучающихся по специальности Пожарная безопасность, более четко проявляются учебные мотивы и профессиональные ценности. На наш взгляд, это может быть связано, во-первых, с имеющейся специализацией и традициями Уральского государственного института ГПС МЧС России в области подготовки профессионалов в этой области. Во-вторых, перед будущими специалистами есть очень много ярких примеров построения успешной профессиональной карьеры, как в рамках самого вуза, так и в СМИ, и они видят к чему можно и необходимо стремиться.

Некая размытость профессиональных ценностей, которую демонстрируют студенты, обучающиеся по специальности Судебная экспертиза, может быть обусловлена несколькими факторами. Во-первых, эта специальность является юридической, и прикладной для самой системы МЧС России. Во-вторых, эта специальность является достаточно новой как для всей системы высшего образования, так и для Уральского института ГПС МЧС России. И пока у студентов нет ярких примеров построения успешной карьеры таких специалистов.

Однако полученные данные позволяют проводить больше мотивационных мероприятий. Например, таких как экскурсии, на предположительные (возможные) места работы, тематических игр, психологических тренингов, так же разработать

программу психолого-педагогического сопровождения студентов на период профессиональной подготовки обучающихся в вузах МЧС.

1. Камнева, Е.В. Особенности самоактуализации в студенческом возрасте [Электронный ресурс] / Е.В. Камнева, Н.В. Анненкова. — М.: Прикладная психология и психоанализ. 2014. — Т. 1. — URL:<http://ppip.idnk.ru>. Дата обращения: 08.03.2019.
2. Мильман В.Э. Метод изучения мотивационной сферы личности / Практикум по психодиагностике. Психодиагностика мотивации и саморегуляции. — М., 1990. — С.23-43.
3. Реан А.А. Социальная педагогическая психология: Учеб. пособие для психол. факультетов и психол. дисциплин гуманитарных факультетов вузов / А.А. Реан // СПб.: Питер, 1999.
4. Стрельникова Ю.Ю. Мотивационная сфера личности сотрудников профессий экстремального профиля деятельности // Научно-аналитический журнал «Вестник Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России». 2013. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/motivatsionnaya-sfera-lichnosti-sotrudnikov-professiy-ekstremalnogo-profilya-deyatelnosti> (дата обращения: 16.11.2019).
5. Якунин В. А. Психология учебной деятельности студентов/Валерий Александрович Якунин //М.: ИЦПКПС, Корпорация «Логос». — 1994.

К вопросу о связи понятий взаимоотношения и социально-перцептивный образ в отечественной психологии

Взаимоотношения, отношения, отражение, образ, субъект

В последние годы обозначилась тенденция опираться на положения отечественной концепции отношений А. Ф. Лазурского-В. Н. Мясищев при рассмотрении большинства вопросов социальной психологии и психологии личности (С. В. Духновский, Е. В. Левченко, В. П. Позняков, Т. В. Слотина и др.). Особое значение в системе отношений личности В. Н. Мясищев, уделял отношениям к людям, которые становятся взаимоотношениями (Мясищев, 2003).

Сегодня существует проблема создания всеобъемлющей теории психологии отношений. Развитие исследования взаимоотношений идет как в направлении уточнения их структуры, функций и видов, так и в направлении описания связей с важнейшими категориями. В трудах отечественных ученых рассмотрена связь отношений/взаимоотношений с понятиями установка, аттитюды, ценности (В. Н. Мясищев, Е. В. Левченко, В. П. Позняков, И. Р. Сушков и др.). Однако, мало исследована связь отношений с категорией образов, которая, по утверждению Б. Ф. Ломова, принадлежит к числу важнейших проблем науки психологии (Ломов, 1985). Еще в 1935 году Б. Г. Ананьев писал, что оценка формирует отношения между субъектами педагогического процесса и способен менять их восприятие и самовосприятие.

Взаимоотношения начинают складываться в совместной жизнедеятельности (В. П. Позняков, 2017). Являясь одним из источников социализации личности (В.М. Брушлинский), взаимоотношения предполагают не только ее активность, но и процесс переработки, коррекции получаемой информации. Взаимоотношения не могут формироваться и передаваться непосредственно. Я. Л. Коломинский пишет, что взаимоотношения — это личностно значимое эмоциональное, образное и интеллектуальное отражение людьми друг друга, которое представляет собой их внутреннее состояние и допускает взаимность (Коломинский, 2010).

Одной из функции образов в жизнедеятельности личности является регуляция взаимоотношений людей. Образ объединяет в себе когнитивный и эмоционально-оценочный компоненты. Он во многом зависит от взаимоотношений субъектов. Необходимость анализа оценочной стороны образа в исследовании взаимоотношений подчеркивали В. С. Тюхтин, П. Н. Шихирев, они определяют центральную роль этого аспекта в регулировании взаимоотношений (Сушков, 2008).

Структура образа наиболее полно раскрывает содержание взаимоотношений. Образ создает третью реальность, связывая объективную и субъективную (П. Н. Шихирев). Мы выделяем в структуре образа 6 групп связанных компонентов: реальные, приписываемые, типичные, индивидуальные, стабильно и ситуативно актуализируемые компоненты. Постоянные компоненты составляют основу структуры образа, а

ситуативные определяют их временную динамику и зависят от условий и причин актуализации образов (Ситников, 1996). Образ стал универсальным инструментом регулирования, адекватным средством исследования основ человеческий взаимоотношений (Сушков, 2008).

Взаимоотношения определяются реально существующими взаимообусловленными личностными отражениями людьми образов друг друга как субъектов жизнедеятельности. Эти отношения формируются и проявляются в когнитивной, эмоциональной и конативной сферах. Обоснование данного определения обусловлено тем, что взаимоотношения интерпретируются субъектом на основе социально-перцептивного образа другого субъекта, как результата межсубъектного взаимодействия.

1. Ананьев Б. Г. Избранные труды по психологии. Том второй/Под ред. Логиновой Н. А. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007.
2. Коломинский, Я. Л. Социальная психология взаимоотношений в малых группах. Учебное пособие для психологов, педагогов, социологов/Коломинский Я. Л. . М.: АСТ, 2010. — 446 с.
3. Мясичев, В. Н. Психология отношений/В. Н. Мясичев.—М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2003. — 400 с.
4. Ситников, В. Л. Образ ребенка в сознании педагога/Ситников В. Л. диссертация кандидата психологических наук/Санкт-Петербургский государственный университет. СПб. 1996. 150 с.
5. Слотина Т. В. Психология личности/Слотина Т. В. СПб., Питер. 2017. 44

Личностные детерминанты доверия в Военно-морских экипажах

Доверие, личностные детерминанты, экипажи Военно-морского флота

С целью определения личностных детерминант доверия было проведено исследование в экипажах Военно-морского флота.

Исследование охватило 3 экипажа Военно-морского флота. Всего в исследовании приняли участие 172 человек в возрасте от 19 до 54 лет (все мужчины). По социально-демографическому составу экипажи между собой существенно не различались.

Методы исследования: методика «Доверие» (Л.Г. Почебут, М.И. Килошенко, А.Л. Свендицкий, Т.В., Казанцева), методика изучения структуры ценностей (Ш. Шварц), методика многофакторного исследования личности Р. Кеттелла (Форма С).

С помощью методики «Доверие» определен уровень интегрального показателя доверия в экипажах (максимальное значение которого равно 50 баллам). Поскольку средние арифметические значения интегрального показателя доверия в экипажах существенно не различались между собой, все участвующие в исследовании члены экипажей по набранному количеству баллов были разделены на три примерно равные группы: члены экипажей с высоким, средним и низким уровнями доверия. Сравнение средних значений показателей уровней доверия с использованием t-критерия Стьюдента выявило, что различия в выделенных группах являются достоверными ($p \leq 0,001$).

При сравнении профилей личности респондентов с различными уровнями доверия (опросник Р. Кеттелла) с помощью однофакторного дисперсионного анализа обнаружены различия между исследуемыми группами на высоком уровне статистической значимости по факторам опросника: MD — «самооценка» ($p=0,001$), С — «эмоциональная стабильность» ($p=0,018$), Н — «смелость» ($p=0,026$), L — «подозрительность» ($p=0,001$), Q2 — «нонконформизм» ($p=0,002$). Это доказывает, что лица, относящиеся к одному уровню доверия, образуют по своим качествам устойчивый психотип. Члены экипажей с высоким уровнем доверия отличаются эмоциональной стабильностью, социальной смелостью, доверчивостью, большей общительностью, спокойствием, высоким самоконтролем и нормативностью поведения, дисциплинированностью, самодостаточностью, ориентацией на групповые нормы поведения. Для членов экипажей с низким уровнем доверия характерны меньшая доверчивость, осторожность, напряженность в контактах, ориентация на собственное мнение.

С помощью корреляционного анализа Пирсона выявлены положительные корреляции интегрального показателя доверия в экипажах с факторами по опроснику Р. Кеттелла: MD — «самооценка» ($r = 0,262$; $p \leq 0,01$), С — «эмоциональная стабильность» ($r = 0,365$; $p \leq 0,05$). Отрицательные взаимосвязи интегрального показателя доверия обнаруживаются с фактором Q2 — «нонконформизм» ($r = -0,355$; $p \leq 0,05$), по опроснику Шварца — с ценностями «стимуляции» ($r = -0,357$; $p \leq 0,05$), «гедонизма» ($r = -0,321$; $p \leq 0,05$) (на уровне индивидуальных приоритетов личности).

С помощью однофакторного дисперсионного анализа выявлены статистически значимые различия (при $p \leq 0,01$) в структуре ценностей респондентов с различными уровнями доверия по ценностям: «конформизм», «универсализм», «доброта» (на уровне нормативных идеалов и индивидуальных приоритетов), «безопасность» (на уровне нормативных идеалов) ($p=0,037$). Респонденты с высоким уровнем доверия больше ориентированы на понимание в межличностных контактах, позитивное взаимодействие, на безопасность группы и окружающих людей. Не значимыми являются индивидуальные ценности — потребности в новых переживаниях, получении удовольствий, достижения престижа, авторитета. У респондентов с низким уровнем доверия в структуре ценностей преобладают потребности в понимании других, эмпатии (на уровне нормативных идеалов), а также потребности в стимуляции эмоций, переживании новых впечатлений (на уровне индивидуальных приоритетов). При этом ценности безопасности, конформизма, самостоятельности, потребности в получении удовольствий не являются значимыми.

В проведенном исследовании в экипажах были изучены и сопоставлены личностные детерминанты доверия членов экипажей, склонных и не склонных к проявлению доверия.

Отношение сотрудников полиции к партнерству — ресурс или тормоз в развитии взаимодействия с обществом?

Социальное взаимодействие, партнерство, полиция, толерантность к неопределенности, community policing, принципы партнерства

В деятельности органов внутренних дел прикладное значение социального взаимодействия связано с реализацией стратегии Community policing, с необходимостью его осуществлять между полицией и обществом, гражданами, населением для обеспечения безопасности и реализации правоохранительных функций с привлечением иных ресурсов, без увеличения штатной численности сотрудников полиции [2].

В основе взаимодействия лежит построение доверительных отношений полиции с гражданами для предотвращения правонарушений, соответственно правоохранительные мероприятия должны проводиться не изолированно от граждан, а в сотрудничестве с ними. Социально ориентированные полицейские мероприятия способствуют снижению уровня страха в обществе, уровня преступности и социальных беспорядков именно в силу того, что в их основе лежит взаимодействие полиции и населения [1].

В исследовании партнерского взаимодействия участвовало 195 сотрудников полиции. Анализировалось отношение к партнерству, восприятие ситуаций партнерства с точки зрения ориентации на ресурсы или на отношения с другими людьми; принципы партнерства и частота доверия, ответственности, а также личностный фактор — толерантность к неопределенности (методика С. Баднер).

Респонденты достаточно высоко оценивают значимость партнерства для современного человека, еще выше оценивают его важность и необходимость в профессионально-служебной деятельности. Доля оценивших значение партнерства невысоко составила по 12,8% — как в оценке партнерства в целом, так и в собственной деятельности.

Анализ ситуаций, соответствующих разным видам социального взаимодействия, показал, что респонденты воспринимают партнерство в большей мере как личностноориентированное (основано на доверии друг к другу, на симпатиях и уважении, с опорой на взаимопонимание, сложившееся в период совместной деятельности). Ситуации такого партнерства 60% респондентов оценило в своей деятельности как «частые» и «очень частые».

Наиболее востребованным принципом партнерства у сотрудников стала «справедливость», а такие как «равенство», «практическая польза для себя» и «нравственность» как ориентиры партнерского взаимодействия используются сравнительно реже.

В контексте вопроса о том, является ли ресурсом отношение сотрудников к партнерству, считаем важным следующее.

Поскольку многие сотрудники воспринимают взаимодействие в контексте личностноориентированного партнерства — это вызывает затруднения в построении

партнерства с гражданами, обществом, в отношении которых малоприменимы принципы данного вида партнерства. Малоприменимы в силу отсутствия совместной деятельности и личностных симпатий, каких-то общих событий, создающих контекст совместного опыта. Это объясняет трудности перехода на партнерские принципы взаимодействия с гражданами — они другого типа, чем привычные сотрудникам в их деятельности, в отношениях с коллегами. Эти партнерские отношения должны быть не персонализированные, а ориентированные на задачу, с подбором соответствующих инструментов ее решения.

Преобладание у сотрудников средней (70%) и низкой (28%) толерантности к неопределенности также не добавляет ресурса партнерстве с гражданами. Они склонны воспринимать необычные и сложные ситуации, к которым смело можно отнести партнерство с обществом, скорее как угрожающие, приносящие дискомфорт, чем дающие новые возможности. А психологические технологии для целей партнерства полиции и общества пока весьма ограничены в своей доступности.

1. Попов, Д.В. Инновационные подходы к пониманию сущности взаимодействия полиции и населения на основе доверительных отношений / Д.В. Попов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2018. — №4(80). — С. 202-207.
2. Столяренко, А.М. Социально-психологические факторы педагогики партнерства общества и полиции / А.М. Столяренко, Н.В. Сердюк, О.В. Филимонов // Психологическая наука и образование. — 2017. — Т. 22. — №4. — С. 93-100. DOI: 10.17759/pse.2017

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-013-00735

Стратегии жизни женщин в семейной контекстуализации

Стратегии жизни, сепарация, детско-родительские отношения, партнерские отношения, жизненный сценарий

В данной работе исследуются стратегии жизни женщин в период взрослости. Актуальность проблемы объясняется тем, что в настоящее время окружающий мир требует от женщины многоплановой самореализации, определенной степени независимости в семейных отношениях от партнеров и родителей, что само по себе уже содержит определенное внутреннее противоречие. Сепарация становится важным субъективно значимым показателем самодостаточности, успешного изучения своего Я, взаимодействия с другими (Харламенкова, Кумыкова, Рубченко, 2015), при этом сохраняется и значимость внутрисемейных связей (Сапоровская, 2012). Данное обстоятельство не может не находить отражение в жизненном планировании, способах поведения, смысложизненных ориентирах современной женщины. Проблема исследования: какова специфика стратегий жизни женщин в различной семейной контекстуализации? Мы исходили из предположения, что специфика жизненных стратегий современных женщин сопряжена со степенью зависимости/независимости от двух значимых фигур: партнера и матери. Основной методического инструментария стали: методика «Незаконченные предложения» (Солдатова, 2007); «Тест смысложизненных ориентаций» (Леонтьев, 1988); опросник «Когнитивно-поведенческие стратегии преодоления» (Сизова, Филиппченкова, 2002); методика «Мой жизненный путь» (Соломин, 2008); опросник «Psychological Separation Inventory» Дж. Хоффмана (Садовникова, Дзукаева, 2014); опросник ПЭА (Слепкова, 1990); опросник удовлетворенности браком (Столин, Романова, Бутенко, 1984). Исследование выполнено на стыке нометического и идеографического подходов. В исследовании приняли участие 230 женщин, из них 85 взрослых дочерей ($M=33$), 85 их матерей ($M=58$); 30 женщин, состоящих в браке; 30 — в сожительстве ($M=32.8$).

Результаты. У женщин ранней и средней взрослости временная перспектива наполнена объективными событиями индивидуально-личностного характера. Для них присущи интрапунитивный локус контроля, ориентированность на результат жизни. Наиболее часто используемые стратегии преодоления носят амбивалентный характер: наряду с неконструктивными («Уход из трудной ситуации»; «Отрицание», «Фокусировка на эмоциях» $7.87 \leq \bar{X} \leq 8.87$), они прибегают и к конструктивно преобразующим стратегиям: «Когнитивная репетиция»; «Превосходящая печаль», «Коррекция ожиданий и надежд» $8.84 \leq \bar{X} \leq 10.7$. Преобладающими на этом этапе являются «Созерцательная» и «Деятельная стратегии» ($U=636$, $p=0.01$). У дочерей и матерей с низкой сепарацией одинаково слабо выражена пассивная стратегия жизни ($R=0.94$, $p<0.05$). Дочери с высокой сепарацией и их матери имеют целый ряд схожих сопряженных когнитивно-поведенческих стратегий преодоления: «Коррекция ожиданий и надежд», «Идущее вверх сравнение», «Уход или бегство из трудной ситуации»

($0.58 \leq R \leq 0.89$; $p \leq 0.001$). Наличие брачных отношений способствует более гармоничному формированию жизненных стратегий. Замужние женщины имеют достоверно более выраженную удовлетворенность партнером ($U=137$; $p=0.00$), высокие показатели понимания, эмоционального притяжения, уважения; осмысленности жизни ($p0.05$): процесс жизни ($U=94$), результат ($U=152$), локус контроля — Я ($U=309$). Можно отметить, что замужние женщины в большей степени, чем проживающие в сожительстве уверены, что человеку дана свобода в принятии решений и их реализации. Таким образом, стратегии жизни женщин в различной семейной контекстуализации (степень сепарации от значимой родительской фигуры матери, тип отношений с партнером) имеют как ряд отличий, так и общих черт, сопряженных с возрастом.

1. Сапоровская М.В. Межпоколенные отношения как социальный капитал: о социально-психологической поддержке в семье // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2012. №3. С.55-59.
2. Харламенкова Н.Е., Кумыкова Е.В., Рубченко А.К. Психологическая сепарация. Подходы, проблемы, механизмы. М.: Институт психологии РАН, 2015. 367 с.

Исследование выполнено при финансовой поддержке госзадания Министерства науки и высшего образования FZEW-2020-0005

Индивидуальные представления как предикторы диспозиционной надежды

Представления, надежда, ресурс личности

В последнее время возрастает интерес к проблеме изучения ресурсов личности. Одним из них является надежда. Однако существует противоречивость взглядов на ее природу и сущность. Трудность заключается в том, что переживание надежды индивидом весьма субъективно и индивидуально. А используемый в исследованиях психодиагностический аппарат в основном позволяет изучить надежду как когнитивно-мотивационную модель, которая включает способность к концептуализации целей, поиск путей к достижению этих целей и мотивацию двинуться по намеченному пути (Snyder, 2002). Всестороннему осмыслению внутреннего содержания надежды и ее структуры способствует изучение представлений личности, так как именно представления используются индивидом для выстраивания отношений с миром.

Цель данного исследования — выявить представления, которые выступают предикторами диспозиционной надежды.

Для изучения представлений на основе пилотажного исследования были разработаны метрические шкалы от 1 до 7, с помощью которых респонденты оценивали степень согласия с интерпретациями смыслового содержания надежды и степень значимости для них тех или иных объектов надежды. Также в качестве психодиагностического инструментария использовалась «Шкала надежды» Р. Снайдера, адаптированная К. Муздыбаевым. В исследовании приняли участие 229 респондентов от 20 до 60 лет (средний возраст 31 год), 59% женщин, 41% мужчин.

Было обнаружено, что диспозиционная надежда и ее аддитивная шкала «сила воли» имеет значимые положительные корреляционные взаимосвязи (анализ r-Пирсона) с объектами надежды на себя ($r=0,257$; $p=0,01$) на членов семьи ($r=0,132$; $p=0,05$), на друзей ($r=0,18$; $p=0,05$), на коллег ($r=0,203$; $p=0,01$) и с представлением о надежде — «чувство, помогающее добиваться поставленных целей» ($r=0,198$; $p=0,01$). Кроме этого шкала надежды «сила воли» имеет отрицательную корреляционную взаимосвязь с представлением о надежде как иллюзии, утешающем и облегчающем жизнь самообмане ($r=-0,132$; $p=0,05$).

Регрессионный анализ данных позволил установить обусловленность диспозиционной надежды надеждой на себя ($\beta=0,236$), на коллег ($\beta=0,195$) и представлением о надежде — «чувство, помогающее добиваться поставленных целей» ($\beta=0,17$) ($R^2=0,134$; $F=11,595$; $p=0,001$). Аддитивная шкала надежды «сила воли» детерминирована надеждой на себя ($\beta=0,262$), на коллег ($\beta=0,155$) и представлением надежда как «иллюзия» ($\beta=-0,152$) ($R^2=0,112$; $F=9,446$; $p=0,001$).

Осмысливая полученные данные, можно заключить, что надежда как способность индивида оценивать возможность получения труднодоступного блага и формулировать цели по его достижению (К. Муздыбаев, 1999) обеспечивается верой индивида в собственные силы и тех кто способен помочь, что надежда неразрывно

связана с достижением целей при объективном взгляде на факты. Следует отметить, что шкала «способность находить пути», отражающая способность индивида генерировать альтернативные пути достижения целей, не имеет значимых взаимосвязей ни с одним представлением. Обнаружено отсутствие корреляционных связей шкалы надежды с представлением «способ сохранять психологическое равновесие, помогающее преодолевать препятствия», имеющим равный средний балл и стандартное отклонение по степени значимости с представлением «чувство, помогающее добиваться поставленных целей», входящим в регрессионное уравнение.

Данное исследование показало, что диспозиционная надежда обуславливается представлениями, которые вселяют уверенность в достижении цели. Однако в репрезентациях индивида, надежда объединяет в себе не только эффективность деятельности, но и стремление к сохранению выдержки, самообладания, пластичность взаимоотношений с миром, что свидетельствует о важности продолжения изучения надежды в ее аксиологическом аспекте.

Коммуникативная структура организации в метафорических образах сотрудников ИТ-компаний

Коммуникация, организационная коммуникация, коммуникативная структура, метафора, метафорический образ, ИТ-специалист

Сфера информационных технологий выступает в качестве динамично развивающейся отрасли с постоянной конкуренцией внутри нее. Конкурентным преимуществом служит не только уникальный продукт, но и коммуникативная структура организации, позволяющая сотрудникам обмениваться информацией для решения различных задач. Тема организационных коммуникаций была разработана такими авторами, как Л.Г. Почебут, В.А. Чикер, А.Л. Свенцицкий, Т.Ю. Базаров и др.

Метафорическое описание организации может послужить новым средством диагностики коммуникаций внутри организации. В метафорическом образе отражаются специфические черты коммуникативной структуры отдельной организации и та роль, которую исполняет каждый сотрудник в общем рабочем процессе. Под метафорическим образом понимается репрезентация организации, полученная через установление связи между ее содержанием и свойствами других объектов. Использование организационных метафор позволяет сформировать новое видение на организационную жизнь, которое будет полезно для интеграции и координации сотрудников. Концепцию метафорических образов, применимых к организационной жизни, разработал G. Morgan.

По причине отсутствия исследований схожей тематики было принято решение разработать авторскую методику и провести пилотажное исследование. В исследовании приняли участие 120 сотрудников ИТ-компаний Санкт-Петербурга. Среди респондентов было 60 разработчиков информационных продуктов и 60 маркетологов в качестве контрольной выборки. Для исследования также использовались анкета для оценки значимости различных каналов коммуникации и анкета оценки удовлетворенности сотрудников коммуникацией в организации под авторством А.М. Рудько.

Были выдвинуты следующие гипотезы:

1. Метафорические образы программистов соответствуют метафорам организации как «мозга» и как «живого организма».
2. Метафорические образы программистов будут отличаться от метафор сотрудников тех же организаций, занимающихся маркетингом.
3. При метафорах организации как «мозга» и организации как «организма» сотрудники больше удовлетворены коммуникацией, чем при метафорах организации как «механизма» и «культуры».
4. Структура метафорического понимания коммуникаций организации различается в зависимости от социально-демографических характеристик сотрудников (пол, возраст).

Для выявления различий показателей в двух независимых выборках использовался непараметрический критерий Манна-Уитни. Было обнаружено, у программистов статистически значимо выше показатель метафоры «организма» ($U = 571,5$, $p \leq 0,01$) и метафоры «мозга» ($U = 331$, $p \leq 0,01$), чем у маркетологов, что подтверждает нашу гипотезу. У маркетологов статистически значимо выше показатель метафоры «культуры» ($U = 115,5$, $p \leq 0,01$) и метафоры «механизма» ($U = 61,5$, $p \leq 0,01$), чем у программистов. Это подтверждает гипотезу о различиях в метафорических описаниях организации у маркетологов и программистов.

У женщин преобладают метафоры «механизма» ($U = 1130$, $p \leq 0,01$) и «культуры» ($U = 1236$, $p \leq 0,04$), а у мужчин преобладают метафоры «организма» ($U = 1403,5$, $p \leq 0,04$) и «мозга» ($U = 1077$, $p \leq 0,01$). Сравнительный анализ не выявил различий в метафорических образах, связанных с возрастом респондентов.

Показатель удовлетворенности коммуникацией у маркетологов статистически значимо выше ($U = 623$, $p \leq 0,01$), чем у программистов. Это противоречит гипотезе о том, что сотрудники с метафорами «организма» и «мозга» больше удовлетворены коммуникацией, чем сотрудники с метафорами «механизма» и «культуры».

Таким образом, метафорические образы сотрудников IT-компаний различаются в зависимости от их сферы деятельности и их пола.

1. Базаров Т.Ю. Психология управления персоналом. Теория и практика: учебник для бакалавров. — М.: Издательство Юрайт, 2014. — 381 с.
2. Почебут Л.Г., Чикер В.А. Организационная социальная психология. — СПб.: Проспект, 2020. — 552 с.
3. Свенцицкий А.Л. Организационная психология: учебник для вузов. — М: Юрайт, 2016. — 504 с.
4. Morgan G. Images of organization: The executive edition //Thousand Oaks, CA. — 1998.

Социально-психологические аспекты реализации преподавателем проектной деятельности в образовательном процессе ВУЗа

Проектная деятельность, образовательный процесс вуза, жизненный цикл проекта, индивидуальная, групповая и командная форма деятельности

Актуальной тенденцией современного образовательного процесса в высшей школе является нацеленность на формирование у студентов умения самостоятельно учиться, актуализацию их познавательных интересов, готовности формировать и решать проблемы. Механизмом ее реализации выступает проектная деятельность, проектные методы и технологии обучения. Наш исследовательский опыт, использованный при разработке курса «Основы предпринимательской деятельности» и спецкурса «Психологические аспекты предпринимательства» свидетельствуют о том, что применение проектного метода должно основываться на следующих принципах: ориентация на означающая получение знаний в ходе самостоятельного и ответственного осуществления проекта; ориентация на действительность, выражающаяся в разработке практической задачи в условиях, близких к реальной жизни; ориентация на получение продукта как запланированного результата. Эти принципы определяют содержательные, организационные и процессуальные аспекты проектной деятельности.

Содержательный аспект представлен включением в содержание обучения реальных жизненных проблем и, соответственно, проблемным, творческим характером решения проектных заданий.

Организация проектной деятельности подразумевает очередность выполнения последовательного ряда действий. Так, предполагаемому результату в проекте должны предшествовать замысел, идея, собственно проектирование (планирование, анализ, поиск ресурсов) и реализация (создание продукта). Проектирование начинается с формулировки идеи и обоснования содержащейся в ней проблемы и заканчивается выработкой способа решения данной проблемы. Полный жизненный цикл проекта проходит следующие этапы:

- постановка проблемы (проблематизация);
- разработка способа решения проблемы (определение задач исследования);
- планирование процесса реализации решения (выдвижение гипотезы, обосуждение методов исследования, способов оформления результатов проекта);
- практическая реализация проекта (сбор, систематизация и анализ полученных данных);
- завершение проекта (подведение итогов, оформление результатов и их презентация, рефлексивный анализ деятельности).

Каждый последующий этап обусловлен результатом предыдущего и определяет результат последующего. Проектная деятельность оптимально сочетает в себе инди-

видуальную, групповую и командную формы деятельности, предполагая вариативность методов и средств обучения, применяемых на различных этапах реализации проекта. Командное обсуждение содержательной стороны проекта помогает его участникам глубже понять сущность и стратегию реализации выдвинутой идеи, способствует формированию умения координировать свои усилия с усилиями других.

Процессуальный аспект проектной деятельности связан с необходимостью педагогического обеспечения данного процесса. Функция преподавателя при организации проектной деятельности заключается в создании оптимальных условий для развития личности обучающегося. При этом преподаватель из носителя и транслятора знаний и информации превращается в фасилитатора познавательной деятельности студентов, консультанта и коллегу. При соблюдении указанных условий работа над проектом воспринимается ее участниками как самостоятельная, творческая деятельность.

Включение самих обучающихся в разработку проекта означает включение их в деятельность по выявлению и решению социально значимых проблем. Ее результатом может служить получение реального продукта и развитие личности обучающегося.

Было установлено, что достижение таких результатов осуществимо, если:

- преподаватель ориентируется не только на получение студентом предметных знаний, но и на его личностное становление и развитие;
- студент воспринимает идею проекта как лично значимую, сам планирует ход ее реализации и прогнозирует будущие практические результаты, получая таким образом, возможность развития коммуникативных и организаторских способностей, мотивации достижения умения принимать решения в ситуации неопределенности.

Яничева Т.Г.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Непочатых А.В.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Социальные представления педагогов о буллинге

Педагоги, учителя, буллинг, моббинг, отношение к буллингу, социальные представления, образовательная среда

Вопросами исследования буллинга занимались многие авторы (D. Olweus, P. Heinemann, Бочавер А.А., Хломов К.Д., Кривцова С.В., Петросянц В.Р.). Буллинг оказывает влияние на всех субъектов образовательного процесса, по этой причине крайне важно исследовать этот феномен комплексно. С каждым годом буллинг ужесточается, поскольку подросткам становится всё труднее выражать свою индивидуальность. Несмотря на это, в нашей стране отсутствуют специалисты по работе с буллингом- всё ложится на плечи педагога. Многие педагоги не используют руководства по предотвращению буллинга на практике, что приводит к игнорированию ситуации, а антибуллинговые программы с трудом интегрируются в образовательную среду.

На наш взгляд, именно по этой причине особое внимание следует уделять изучению поведенческих реакций, отношения к буллингу у педагогов, а также умению своевременно распознавать проявления буллинга. Мы предположили, что существуют различия в отношении педагогов и представителей других профессий к буллингу, а также взаимосвязь между показателями интегрального травматического опыта моббинга и уровнем образования, стажем и возрастом педагогов.

Целью исследования являлось изучение представлений педагогов о буллинге. Для его проведения было опрошено 83 респондента, из которых 27 являются педагогами и 56 представителями других профессиональных групп.

При проведении исследования измерялись: интегральный показатель травматического опыта моббинга (методика А.В. Трифонова), отношение к моббингу (методика К.В. Батура), так же применялась авторская анкета, направленная на изучение представлений респондентов о буллинге.

В ходе работы нами использовались: описательная статистика, построение таблиц сопряженности — с целью оценки статистической значимости, был рассчитан Хи-квадрата Пирсона и определена его значимость, путем сравнения с табличным значением. Для значимых таблиц по формулам были рассчитаны коэффициенты взаимной сопряженности Чупрова и Крамера, с целью оценки тесноты связи между рассматриваемыми факторами. Был проведен корреляционно — регрессионный анализ, включающий в себя построение уравнения регрессии, произведен анализ его значимости с помощью t-критерия Стьюдента и оценки значимости уравнения в целом с помощью F-критерия Фишера.

Результаты нашего исследования показывают, что:

Оценка травматического опыта в группе педагогов ниже, чем в группе представителей других профессий, т.е. по мнению респондентов- педагогов, они реже подвергались всем видам моббинга. Показатель интегрального травматического опыта в

группе непедagogических профессий выше в два раза. При этом, значимых различий в отношении к буллингу между двумя группами выявлено не было ($V < 33\%$). Уровень травматического опыта зависит от того, какими чертами, по мнению респондентов, обладает агрессор. В зависимости от наличия опыта буллинга в жизни респондентов, показатель травматического опыта меняется. Согласно результатам корреляционного анализа, уровень травматического опыта зависит от образования ($R=0,320$;

$R^2=0,103$; $F=9,3$; $t=2$). С ростом стажа ($R=0,455$; $R^2=0,207$; $F=6,5$; $t=2,1$)

и возраста ($R=0,472$; $R^2=0,223$; $F=7,2$; $t=2$) педагога показатель интегрального травматического опыта снижается.

Мы полагаем, что причиной этого являются защитные механизмы, постепенно субъективное восприятие травматического подросткового или детского опыта «стирается». Представления педагогов о буллинге отличаются меньшей эмоциональной насыщенностью, по сравнению с представителями других профессиональных групп.

Наиболее перспективными мы считаем направления работы нашего исследования, связанные с просветительской деятельностью. Практическую работу, направленную на внедрение антибуллинговых программ в образовательную среду в нашей стране. Сравнение уровня травматического опыта и представлений о буллинге между педагогами и студентами педагогических вузов, а также педагогами и родителями школьников, в том числе, для оценки уровня готовности следования предложенным программам.

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ №19-013-00560 «Методология и социально-психологические методы исследования социального капитала организации»

СТРЕСС ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ПОГРАНИЧНЫЕ ПСИХИЧЕСКИЕ И ПСИХОСОМАТИЧЕСКИЕ РАССТРОЙСТВА

Баранова А.В.
Рязань, ФГБОУ ВО РЯЗГМУ МИНЗДРАВА РОССИИ

Яковлева Н.В.
Рязань, ФГБОУ ВО РЯЗГМУ МИНЗДРАВА РОССИИ

Психологическое время личности и его взаимосвязь с особенностями здоровьесберегающей деятельности у больных

Психологическое время личности, субъективное восприятие времени, здоровьесберегающая деятельность, саморегуляция, дегенеративно-дистрофические заболевания позвоночника

Психологическое время личности как субъективное отражение временных отношений между событиями индивидуального настоящего, прошлого и будущего признается одним из полиморфных переживаний, связанных с ситуацией заболевания и влияющим на его течение [1]. В то же время вопрос о характере и механизме данного влияния остается малоизученным. Так как ситуация заболевания актуализирует потребность в здоровьесбережении, представляется актуальным рассмотрение взаимосвязи психологического времени личности с конструмом здоровьесберегающей деятельности (ЗСД) [2]. Это позволяет перейти непосредственно к вопросу о том, как внутренние условия психики в ситуации болезни оказывают влияние на целенаправленную активность субъекта по сохранению и укреплению ресурса здоровья.

Целью исследования стало изучение факторов субъективного восприятия времени и их взаимосвязи с особенностями ЗСД у больных. Исследование проводилось на базе ГБУ РО «Областная клиническая больница» г. Рязани. Объем выборки составил 33 испытуемых, имеющих дегенеративно-дистрофические заболевания позвоночника (ДДЗП), средний возраст 41,6±12.1. В исследовании использовались методики: опросник «Семантический дифференциал времени» Л.И. Вассермана, опросник «Исследование здоровьесберегающей деятельности» (ИЗД) Н.В. Яковлевой; опросник количественной оценки приверженности к лечению (КОП-25); опросник «Стили саморегуляции поведения» (ССПМ) В.И. Моросановой. При обработке данных применялся непараметрический коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Выявлена устойчивая взаимосвязь восприятия структуры будущего с компонентами ЗСД в виде самооценки уровня здоровья ($p<0,01$) и оценки самоэффективности в области ЗСД ($p<0,01$). Чем выше субъективная оценка актуального уровня здоровья и возможности его сохранить, тем более прогнозируемым, понятным и безопасным

представляется будущее. Гибкость как компонент саморегуляции имеет прямые корреляции с факторами эмоциональности, величины и структурированности как настоящего ($p < 0,01$), так и будущего времени ($p < 0,01$). При этом отмечается обратная связь программирования и ощущения прошлого ($p < 0,01$), компонента самостоятельности и эмоциональности прошлого ($p < 0,01$). Саморегуляция, в отличие от приверженности лечению, отражает аспект ЗСД, инициируемый самим субъектом деятельности. Чем слабее эмоциональная включенность в события прошлого, тем легче принимаются ответственные решения в условиях настоящего. Психологическая вовлеченность в события прошлого будет так же препятствовать разработке детализированных последовательностей действий по достижению значимых целей.

Выявленные взаимосвязи согласуются с пониманием ЗСД как метапроцесса, направленного на обеспечение других видов деятельности и в целом устойчивости функционирования личности. Здоровье для личности в состоянии заболевания имеет высокое значение как ресурс адаптации к изменяющимся условиям жизнедеятельности, позволяющий сохранять оптимальный уровень деятельности, а развитая регуляторная гибкость позволяет воспринимать предполагаемые события будущего, в том числе трудности, как преодолимые, подвластные контролю.

Таким образом, результаты исследования указывают на существование взаимосвязи особенностей ЗСД и субъективного восприятия психологического времени. Это согласуется с результатами предшествующих исследований в данной области и может быть использовано в дальнейшем теоретическом изучении заданной проблематики; также результаты имеют значение для практической деятельности специалистов и могут быть использованы в психокоррекции.

1. Люц Ю. А. Психологическое время личности у больных с психосоматическими расстройствами : дис. ... канд. психол. наук: 19.00.04 — Медицинская психологи. Москва. 1997. 187с.
2. Яковлева Н.В. Здоровьесберегающая деятельность как базовый жизненный метапроцесс // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. 2013. №1. Доступно по ссылке: <http://humjournal.rzgmu.ru/art&id=25> (дата обращения: 12.06.20).

К вопросу о роли межполушарных асимметрий в формировании нарушений пищевого поведения

Межполушарные асимметрии, пищевое поведение, психосоматическое расстройство

Исследования нарушений пищевого поведения, относящихся к категории психосоматических расстройств, актуализируются в связи с полифункциональностью сопровождающих их клинико-психологических симптомов и индивидуально-поведенческих коррелят. Не вызывает сомнений наличие у психосоматических больных некоторых особенностей преморбиды их личности, которые возможно изучить, обращаясь к поиску взаимосочетаний индивидуальных свойств, проявляющихся в деятельности и коммуникациях психосоматического больного, и демонстрирующих его адаптационный потенциал в достижении оптимального психического и психофизиологического состояний.

Клинико-психологические симптомы психосоматических нарушений носят функциональный, «приходящий» характер и не всегда остаются в компетенции клинических психологов, в связи с обращением за помощью самих носителей психосоматической симптоматики к медицинским работникам. Последние же, как справедливо отмечает Гройсман А.Л., либо не диагностируют психосоматическую симптоматику в силу функциональной ее природы, а также в силу отсутствия органических изменений в физиологических системах человека, либо в принципе не признают факт наличия таковой (Гройсман, 2002). Одной из наиболее остро стоящих психосоматических проблем является проблема, связанная с нарушением пищевого поведения, разрешение которой представляется возможным благодаря исследованию вклада функциональных асимметрий в их формирование. А именно, опираясь на представления в отечественной психологии о специализированно-динамической организации функциональных асимметрий возможно установить влияние нарушенного пищевого поведения на представления о себе (через образ собственного тела) и вкладе каждого из полушарий головного мозга в формировании одного из вида нарушений пищевого поведения — булимии. По мнению Звоникова В.М. динамические сдвиги межполушарной асимметрии являются приспособительным регуляторным актом, поддерживающим оптимальное функциональное состояние организма применительно к складывающимся на данный момент времени внешним и внутренним условиям (Звоников, 2013).

Исходя из выше обозначенной актуальности исследования индивидуально-психологических коррелят, наблюдаемых при пищевых нарушениях, постановка проблемы состоит в поиске ответа на вопрос: существуют ли индивидуально-поведенческие особенности лиц с разной выраженностью булимического расстройства и какова, в частности, роль функциональных асимметрий в формировании психосоматического нарушения? Для решения данного вопроса предлагается следующий дизайн эмпирического исследования:

выборка исследования — контрольная группа — условно здоровые респонденты с отсутствием клинико-психологических симптомов булимического расстройства; экспериментальная группа — клиенты, обратившиеся за психологической помощью по проблеме неконтролируемой тревоги и переживанию страхов, связанных с озабоченностью лишнего веса тела и возможным его набором;

методы исследования — психодиагностические — тест отношения к приему пищи (ЕАТ), Голландский опросник пищевого поведения (DEBO), опросник исследования образа собственного тела (ООСТ), опросник изучения типов пищевого поведения S.C. Grunert, нейропсихологические пробы на оценку стабильных и динамических показателей асимметрий и определение типов ПЛО Е.Д. Хомская; статистические — корреляционный анализ с помощью непараметрического критерия R Спирмена, U Манна-Уитни, однофакторный дисперсионный анализ.

1. Гройсман, А.Л. Клиническая психология, психосоматика и психопрофилактика / А.Л. Гройсман. — М. : Магистр-Пресс, 2002. — 452 с.
2. Звоников В.М. Особенности динамики функциональных асимметрий человека в условиях воздействия хронического стресса // Вестник восстановительной медицины. — 2013. Спец. выпуск. — С. 108-115.

Бурина Е.А.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Мошкиска В.А.
Санкт-Петербург, СПб ГБУЗ «Родильный дом №18»

Кулиева А.К.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Личностные особенности женщин, беременных в результате применения вспомогательных репродуктивных технологий

Беременность, вспомогательные репродуктивные технологии, личностные особенности

Насыщенная и разнообразная современная жизнь открывает перед женщинами множество возможностей, открыты творческие, научные пути; практически во всех областях деятельности, где раньше можно было представить только мужчин, теперь занимают равные активные позиции и женщины. Однако заложенная природой задача материнства по-прежнему остается одной из приоритетных жизненных задач, которую современные женщины встраивают в свою повседневную жизнь. В некоторых случаях отсрочивание материнства на более поздний возрастной период, влияние негативной городской среды, множество стресс-факторов, некачественное питание, врожденные и приобретенные заболевания и пр. способны привести к репродуктивным трудностям, первичному или вторичному бесплодию, а также к невозможности стать родителями в течение долгого времени. Довольно большой процент семейных пар в сложившейся ситуации обращаются за помощью к врачам-репродуктологам, которые способны предложить альтернативные вспомогательные репродуктивные технологии (ВРТ) как способ решения проблем бесплодия. На данный момент известны различные ВРТ, способные помочь устранить как фактор мужского либо женского бесплодия, так и сочетанный совместный супружеский фактор.

Целью данного исследования явилось изучение личностных особенностей беременных женщин, обратившихся за помощью врачей-репродуктологов. Выборку исследования составила 81 женщина, беременная с помощью различных ВРТ и 80 женщин с физиологической беременностью, в возрасте от 18 до 49 лет. 96% (n=155) женщин проживают с постоянным партнером, который является отцом ребенка. Базами исследования выступили родильный дом №18 и женская консультация №41 (г. Санкт-Петербург). Срок беременности женщин варьировался от 22 до 40 недель. Для реализации цели исследования был применен Фрайбургский личностный опросник, разработанный группой немецких ученых И. Фаренбергом, Х. Заргом, Р. Гампелом в 1963 году (FPI), позволяющий оценить личность женщин по 12 параметрам.

Результаты исследования демонстрируют отсутствие достоверно значимых различий по шкале невротичности (средний показатель в двух сравниваемых группах находится в диапазоне средних баллов), шкале депрессивности, спонтанной агрессивности, раздражительности, общительности, уравновешенности, реактивной агрессивности, застенчивости, открытости, эмоциональной лабильности (диапазон средних значений также не выходит за нормативные пределы). Среднее значение по

шкале феминность / маскулинность в двух группах указывает на достаточно гармоничное сочетание как мужских, так и женских качеств, как в группе женщин беременных с помощью ВРТ, так и в группе женщин, забеременевших физиологическим путем. Средний показатель двух групп по шкале экстраверсии / интроверсии не указывает на четкое преобладание одного из возможных полюсов, а находится в сглаженных средних значениях в обеих группах беременных женщин.

Таким образом, у женщин двух сравниваемых групп не обнаружены четкие статистические различия по изученным личностным шкалам. Подавляющее большинство беременных женщин не характеризуется наличием каких-либо заостренных черт личности, нуждающихся в экстренной психокоррекции. Все исследуемые показатели находятся в пределах статистической нормы. Резюмируя, представляется возможным заключить, что женщины, испытывающие сложности с зачатием ребенка по различным причинам, не имеют выраженных личностных особенностей, а также более высокого уровня депрессии и невротичности в сравнении с женщинами с физиологической беременностью. На данный момент исследование продолжается.

Исследование выполняется при поддержке гранта РФФИ № 20-013-00759

Бурина Е.А.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Пазарацкас Е.А.
Санкт-Петербург, СПбГУЗ «Женская консультация № 33»

Аббков В.А.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Капранова С.В.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Мизинова Е.Б.
Санкт-Петербург, ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.М. Бехтерева»

Особенности дисстресса у беременных женщин

Дисстресс, беременность, совладающее поведение

В данном исследовании беременность рассматривается как макрострессовое событие, с необходимостью адаптации как на физиологическом, так и на психологическом уровнях.

Целью исследования дальнейшее явилось изучение клинко-психологических особенностей беременных женщин. Дизайн предполагал лонгитюд с 3 замерами: 1 замер — при постановке беременной на учет в женской консультации, 2 замер — после прохождения психокоррекционных мероприятий, 3 замер — в период от 2 до 6 месяцев после родов. Все замеры осуществлялись при личном контакте с респондентами.

Методами исследования выступили: анализ медицинской карты, авторская анкета, опросник «Шкала воспринимаемого стресса-10» (Аббков В.А. и др.), методика «Способы совладающего поведения» (Вассерман Л.И. и др.), «Симптоматический опросник SCL-90» (Тарабрина Н.В.).

В качестве метода психологической коррекции была выбрана краткосрочная психодинамическая психотерапия, подробно описанная и обоснованная в диссертации Мизиновой Е.Б. на тему «Краткосрочная групповая личностно-ориентированная (реконструктивная) психотерапия при невротических расстройствах». В диссертационном исследовании проведена оценка эффективности данного метода и получены подтверждения, что такой вид коррекции обоснован также при расстройствах, связанных со стрессом. Этот метод психотерапии совмещает техники когнитивно-бихевиорального и личностно-ориентированного подходов.

Выборку исследования составили 120 женщин. По первичным результатам были выбраны 40 женщин с высокими показателями дисстресса, с которыми далее реализовалась психокоррекционная программа. Таким образом, в выборку были включены 40 женщин, возраст которых составил от 18 до 46 лет (M=30). Все респонденты состояли в браке, беременность у них протекала без выраженных медицинских осложнений.

Текущие результаты уточняют и детализируют полученные результаты на предыдущих этапах исследования. Результаты изучения воспринимаемого стресса

выявили средние значения. Используемые способы совладающего со стрессом поведения респондентов охватывают весь возможный диапазон на умеренном уровне выраженности. Результаты первого замера показали, что значения по всем шкалам симптоматического опросника попадают в диапазон высоких показателей при сравнении с нормой.

Полученные результаты после проведения психокоррекционных мероприятий на статистически значимом уровне демонстрируют значительное снижение изученных показателей по всем шкалам симптоматического опросника, а также по показателям воспринимаемого стресса. Это ожидаемый результат, подтверждающий необходимость применения психокоррекционных мероприятий с теми беременными женщинами, у которых были выявлены явные симптомы дистресса при постановке на учет в женской консультации. Проведение подобных мер снижает в том числе психосоматические реакции на стресс и увеличивает адаптационные возможности беременных женщин, что в свою очередь необходимо для протекания более здоровой и спокойной беременности.

Результаты третьего замера демонстрируют дальнейшее снижение изученных показателей — большинство находятся в диапазоне нормативных значений. Данные результаты в большинстве случаев могут быть объяснены благополучными родами с улучшением физического и психологического состояния.

Прикладная значимость работы определяется возможностью регистрации дистресса и его психологической коррекции в условиях женских консультаций и других подобных медицинских и психологических учреждений, в частности центров репродуктивного здоровья. В общем, применение результатов исследования может способствовать повышению эффективности работы специалистов акушерско-гинекологического и клинико-психологического профилей.

По результатам проведенного исследования будет проводиться дальнейший анализ и интерпретация данных.

Исследование выполняется при поддержке гранта РФФИ № 19-013-00417а

Механизмы развития алекситимии у пациентов с алкогольной и наркотической зависимостью

Алекситимия, алкогольная зависимость, наркотическая зависимость, социально-психологические факторы, механизмы развития

Алкоголизм и наркомания является масштабной мировой проблемой, которая каждый год уносит большое количество жизней во всем мире. По последним данным ВОЗ, в результате употребления алкоголя в 2016 г. умерло более 3 млн. человек. От употребления наркотиков умерло 450 000 человек в 2015 г. Приведенные данные находятся на недопустимо высоком уровне, где общее бремя алкоголизма и наркомании оказывает негативные медико-социальные последствия (суициды, насилие, ДТП, развитие различных заболеваний и т.д.).

Этиопатогенез алкоголизма и наркомании рассматривается в рамках мультифакторного заболевания, где основными являются генетические, физиологические, психологические и социальные факторы [1]. Одним из малоизученных предикторов в развитии алкогольной зависимости (АЗ) и наркотической зависимости (НЗ), является феномен алекситимии.

Под алекситимией понимают трудности в описании и определении своего эмоционального состояния, бедный эмоциональный словарь и незрелость рефлексивного компонента эмоций. По мнению ряда авторов, существует связь алекситимии с АЗ и НЗ [2]. В проведенных исследованиях, посвященных изучению роли алекситимии в развитии АЗ и НЗ, значительная часть пациентов с данными заболеваниями, имеют выраженные черты алекситимии. Психоактивное вещество является средством «облегчения» этого напряженного состояния, вызванного алекситимией. Однако в литературе до сих пор не до конца раскрыты основные механизмы, которые лежат в основе формирования алекситимии у лиц с АЗ и НЗ.

Среди факторов, влияющих на развитие алекситимии у пациентов с алкогольной и наркотической зависимостью, некоторые авторы выделяют социально-психологические [2, 3]. Алекситимия была связана с социальным статусом, депрессией и уровнем образования респондентов [4]. Проведенное нами исследование на группе подростков с алкогольным аддиктивным поведением подтверждает приведенные данные, которые свидетельствуют о влиянии социальных факторов на развитие алекситимии. Подростки, которые имели проблемы в обучении, имели более высокий уровень алекситимии по сравнению с группой контроля (OR=5,1; 95% CI [2,3-11,0], p0,05) [5]. Социально-психологические факторы являются одними из главных предикторов, влияющих на развитие вторичной алекситимии. Социально-психологическая обусловленность вторичной алекситимии указывает на возможность ее изменения с помощью психологической коррекции, как прижизненно формирующейся. Более углубленное и расширенное изучение социально-психологических факторов будет способствовать эффективному воздействию психологической коррекции на данный феномен у пациентов с АЗ и НЗ в дальнейшем.

Таким образом, на сегодняшний день взаимосвязь зависимости от психоактивных веществ и алекситимии остается малоизученной проблемой. Недостаточно изучены вопросы влияния социально-психологических и социально-демографических характеристик, которые могут быть значимым фактором в развитии алекситимии у данной категории пациентов.

Проведенные исследования свидетельствуют об актуальности и значимости дальнейшего изучения данного феномена, его роли в развитии алкогольной и наркотической зависимости с ориентацией на социально-психологические факторы.

1. Руководство по наркологии / под ред. Н.Н. Иванца. — Москва: Медпрактика-М, 2002. — 444 с.
2. Alexithymia: Advances in Research, Theory, and Clinical Practice / O. Luminet, M.R. Bagby, G.J. Taylor. — Cambridge: Cambridge University Press, 2018. — 372 p.
3. Factors associated with alexithymia among the Lebanese population: results of a cross-sectional study / S. Obeid, M. Akel, C. Haddad [et al.] // BMC Psychology. — 2019. — Vol. 7. — P. 80.
4. Lane, R.D. Sociodemographic correlates of alexithymia / R.D. Lane, L. Sechrest, R. Riedel // Comprehensive Psychiatry. — 1998. — Vol. 39. — P. 377-338.
5. Быченко, И.В. Роль алекситимии в формировании алкогольных проблем у подростков и молодых людей / И.В. Быченко, А.В. Копытов, Е.А. Климович // Медицинский журнал. — 2018. — №4. — С. 137-141.

Воликова С.В.

Москва, Московский научно-исследовательский институт психиатрии (филиал ФГБУ
«НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России),
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»

Данилова Е.К.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»

Снегирева Т.В.

Москва, Московский научно-исследовательский институт психиатрии (филиал ФГБУ
«НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России)

Эмоциональные коммуникации в родительских семьях у молодежи с запретом на выражение чувств

Запрет на выражение чувств, тревога, депрессия, семейные факторы

Актуальным остается вопрос исследования факторов, влияющих на возникновение, течение и хронификацию эмоциональных расстройств у молодежи. Многофакторная модель расстройств аффективного спектра А.Б.Холмогоровой и Н.Г.Гараян (1998) убедительно доказывает, что дисфункциональные личностные убеждения и нарушения на уровне семейной системы вносят существенный вклад в возникновение и хронификацию эмоциональных нарушений. Дисфункциональные установки в виде запрета на выражение чувств можно рассматривать в качестве одного из личностных факторов. Запрет на выражение чувств (ЗВЧ) у молодежи зависит от норм, правил в родительской семье по отношению к эмоциональной сфере, от характера эмоциональных коммуникаций в семье. Исследования этих факторов важны, т.к. позволяют более точно понять механизм возникновения нарушений в эмоциональной сфере у молодежи.

Цель работы: исследовать дисфункциональные характеристики родительской семейной системы у молодежи с запретом на выражение чувств.

Методики: 1) для исследования нарушений семейной системы: опросник «Семейные эмоциональные коммуникации» (СЭЖ) (Холмогорова, Воликова); опросник «Self-Expressiveness in the family questionnaire» (SEFQ) (Halberstadt, Cassidy, Stifter, Parke, Fox); 2) для исследования уровня запрета на выражение чувств: опросник «Запрет на выражение чувств» (ЗВЧ) (Зарецкий, Холмогорова, Гараян); опросник «Emotion Regulation Questionnaire» (ERQ) (Гросс, адаптация А. А. Панкратовой, Д. С. Корниенко).

Выборка: 200 человек из популяции (110 девушек, 90 юношей) в возрасте от 21 до 24 лет.

Результаты: Выделены три подгруппы: 1) с высоким уровнем ЗВЧ (основная группа), 2) с низким уровнем ЗВЧ (контрольная группа), 3) со средним уровнем ЗВЧ (группа сравнения). В настоящей публикации будут представлены результаты сравнения группы с высоким и низким уровнем ЗВЧ. Сравнение норм и правил, а также особенностей эмоциональных коммуникаций в родительских семьях у молодых людей с высоким и низким уровнем ЗВЧ выявило, что молодые люди с высоким уровнем ЗВЧ росли в семьях с большим количеством дисфункциональных установок по

отношению к эмоциональной сфере. В их родительских семьях было больше, чем в норме, критики, или эмоции и чувства игнорировались родителями, родители были склонны фиксироваться на негативных событиях и чувствах, при этом в семье обнаруживается установка на то, чтобы представить семью в глазах окружающих исключительно в позитивном свете. Также результаты исследования позволяют говорить, что чем выше запрет на выражение чувств, тем больше нарушений в семейных коммуникациях. Также было выявлено, что в своих родительских семьях молодые люди с низким уровнем ЗВЧ чаще испытывают и выражают позитивные эмоции. Молодые люди с высоким уровнем ЗВЧ в семье чаще испытывали и выражали негативные эмоции. Молодые люди с высоким уровнем ЗВЧ отмечают, что, когда они испытывают негативные эмоции, то им проще выразить эмоции негативно-пассивного спектра (апатия, печаль, разочарование, ощущение хрупкости и уязвимости), чем негативно-активного спектра (гнев, презрение и др.). Это может свидетельствовать о подавляемых эмоциях, что может приводить к риску возникновения симптомов эмоциональных нарушений. Опросник «Emotion Regulation Questionnaire» подтверждает, что молодые люди с высоким уровнем запрета на выражение чувств склонны к подавлению эмоций.

Выводы: На основе проведенного исследования можно сделать следующие предположения. Нарушения семейных коммуникаций в родительской семье могут приводить к тому, что у растущего в такой семье ребёнка формируется убеждение, что чувства надо игнорировать, подавлять или скрывать. Запрет на выражение чувств возникает, закрепляется в детском, подростковом возрасте и сохраняется в виде убеждений во взрослом возрасте. Молодым людям с ЗВЧ проще проявлять негативные эмоции, например, пассивно-агрессивного характера. Все это может негативно сказываться на эмоциональной сфере, усиливать риски возникновения и хронификации симптомов эмоциональных нарушений.

Грандилевская И.В.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Исурина Г.Л.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Подсадная М.О.
Санкт-Петербург, НКиОЦ "Психотерапия и клиническая психология" ИВМТ СПбГУ

Тарарыкова В.О.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Тромбчиньски П.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Восприятие студентами-медиками особенностей обучения с использование высокотехнологичных тренажеров

Студенты-медики, высокотехнологичные тренажеры, стресс, обучение, симуляционная реальность

В настоящее время в практике подготовки студентов-медиков активно используются высокотехнологичные тренажеры (ВТТ). Эта форма обучения имеет несомненные преимущества, позволяя отработать навыки оказания неотложной помощи без риска для пациента. Однако это новая образовательная реальность с новыми требованиями к обучающимся, что и обуславливает актуальность изучения особенностей психологической адаптации студентов к обучению с использованием ВТТ.

Цель пилотного исследования состояла в выявлении психологических феноменов, возникающих в процессе взаимодействия студентов с ВТТ, а также психологических факторов, влияющих на уровень адаптации студентов к новому формату обучения. В исследовании использовался метод фокусных групп. Было проведено 4 фокус-группы — 30 студентов медицинского факультета СПбГУ, имеющих опыт обучения в Симуляционном центре. В фокусных группах обсуждались вопросы, связанные с восприятием и оценкой студентами новой образовательной реальности, а также трудностями, возникающими в процессе такого обучения.

В результате качественного контент-анализа материала фокус-групп с применением программы ATLAS.ti было выявлено четыре основных тематических блока стрессогенных факторов: Организация работы центра, Особенности программы обучения, Особенности процесса обучения и Симуляционная реальность. К блоку Организация работы центра были отнесены такие факторы как отсутствие постоянного свободного доступа к тренажерам; ограниченное использование функций тренажеров; недостаток информации о Симуляционном центре; нехватка данного цикла обучения на более ранних курсах. Блок Особенности программы включал отсутствие подготовки к коммуникации с реальным пациентом; перегруженность протоколов действий; ориентированность курса на сдачу экзамена. В результате анализа блока была выявлена тревога и сомнение студентов в собственной коммуникативной компетентности в условиях работы с реальными пациентами. Различия между унифицированным чек-листом и имеющимся у студентов опытом, полученным в условиях

реальной больницы, снижают ощущение реалистичности и удовлетворенность обучением. В блок Особенности процесса обучения вошли большие ожидания со стороны преподавателей; необходимость признавать свои пробелы знаний; стиль преподавания без ориентации на новый формат обучения; специфика проведения экзамена. Выявлено, что для студентов достаточно стрессогенным представляется фактор аккредитации, новизна данного экзамена и его отличие от привычной формы. Применение функции подсчета слов показало, что слово «аккредитация» (и его склонения) встречается более 60 раз (0,44% от всех слов).

В психологическом контексте наибольший интерес представляет категория Симуляционная реальность. В эту группу вошли психологические проблемы, с точки зрения студентов характерные для обучению с использованием ВТТ: отсутствие ответственности при взаимодействии с тренажером (восприятие как игры); отсутствие ощущения реальности (отсутствие ощущения, что оказывается реальная помощь, в частности, из-за несовпадения некоторых последовательностей действий с реальной практикой); непривычный жесткий характер обратной связи на допускаемые студентом ошибки; в целом оценочный характер ситуации, страх испортить дорогостоящее оборудование, ограниченность во времени.

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о наличии ряда психологических проблем, возникающих в процессе обучения с использованием ВТТ, который могут оказывать влияние на успешность психологической адаптации к новой форме обучения. Выявлено, что наиболее стрессогенным является ситуационный фактор — соотношение симуляционной ситуации и реальности, жесткий контроль, а также потребность в формировании коммуникативных навыков. Полученные результаты свидетельствуют о необходимости разработки программ психологического сопровождения обучения с использованием ВТТ на основании результатов дальнейших исследований и дополнении симуляционного обучения тренингами коммуникативной компетентности.

Григорьева А.В.
Ставрополь

Польшакова И.Н.
Ставрополь

Сравнительный анализ тревожности, стрессоустойчивости, личностно-характерологических свойств сотрудников силовых структур и государственных учреждений

Тревожность, стресс, стрессоустойчивость, темперамент, характер

Тема является актуальной и изучается многими учеными в контексте исследования: стрессоустойчивости и темперамента; либо тревожности и темперамента; а также тревожности и стрессоустойчивости.

Темпераментом называется характерная для данного человека совокупность психических особенностей, связанных с эмоциональной возбудимостью, т. е. быстротой возникновения чувств, с одной стороны, и силой их — с другой. [Теплов Б. М., 1985 г.]

В психологии понятие «характер» означает совокупность индивидуальных психических свойств, складывающихся в деятельности и проявляющихся в типичных для данного человека способах деятельности и формах поведения. [Маклаков, А. Г. 2008 г.]

Также важной проблемой нашего исследования является тревожность. Тревожность — это «склонность индивида к переживанию тревоги, характеризующаяся низким порогом возникновения реакции тревоги» [А.В. Петровский, М.Г. Ярошевский, 1998 г.]

Стрессоустойчивость — это система личностных качеств, которые помогают человеку спокойно переносить воздействие стрессоров, без вредных последствий для человека, его тела, личности, окружающей среды. [Селье Г. 2009 г.]

В исследовании приняли участие 50 пожарных и 52 педагога.

Во время проведения экспериментальной части исследования для установления эмпирической верификации поставленной проблемы, нами были использованы следующие методики: тест на исследование тревожности (Опросник Ч.Спилбергера-Ю.Л.Ханина), методика определения стрессоустойчивости и социальной адаптации Т.Холмса и Р.Раге, опросник структуры темперамента (методика В.М.Русалова), опросник акцентуаций характера К.Леонгарда-С.Шмишека.

На основании полученных результатов нашего исследования мы пришли к следующим выводам:

В ходе проведения исследования было замечено, что испытуемые с преобладающим гипертимным типом характера являются обладателями сангвинического типа темперамента, а также имеют большую и пороговую степень сопротивляемости стрессовым ситуациям и умеренную степень проявления личностной и ситуативной тревожности. Такие данные были получены у сотрудников силовых структур (сотрудников МЧС). Испытуемые с преобладающим демонстративным и возбудимым типом являются обладателями холерического типа темперамента и менее устойчивы

к стрессовым ситуациям и проявлениям тревожности (педагоги). На основе выше-сказанных фактов мы можем говорить о том, что сотрудники силовых структур в большей степени способны противостоять стрессовым ситуациям и тревожным проявлениям, а также отличаются хорошей мобильностью и имеют более подвижную нервную систему, что помогает им легко переносить экстремальные ситуации. Сотрудники образовательных учреждений менее стрессоустойчивы и более тревожны.

Таким образом, гипотеза о том, что такие свойства личности как темперамент и характер, а также уровни проявления тревожности и стрессоустойчивости имеют значительные различия у специалистов разных организаций подтвердилась.

1. Маклаков, А. Г. Общая психология / А. Г. Маклаков. — СПб: Питер, 2008. — 592 с.
2. Немов, Р.С. Психология / Р.С. Несов. — М.: ВЛАДОС, 2003. — Кн. 1: Общие основы психологии. — 688 с.
3. Селье Г. Стресс без дистресса. — М.: Прогресс, 2009. — 318 с

Образ тела у больных шизофренией

Шизофрения, образ тела, схема тела, концепция тела, образ физического «Я»

Исследование образа тела может дать ценную информацию о закономерностях психологического онтогенеза в целом, становлении самосознания и развития личности [1]. Кроме того, изучение вопроса отношения к собственному телу разного контингента пациентов является важной частью телесно-ориентированной психотерапии. Данное направление становится все более востребованным в связи с его близостью непосредственно к медицине, из-за общего предмета исследования и приложения усилий — тела человека [2].

Целью работы является комплексное изучение образа тела больных шизофренией, а также его влияния на качество жизни и взаимосвязи с личностными особенностями. Образ тела рассматривался как многомерный феномен, представленный на 4 уровнях: когнитивном, эмоционально-ценностном, уровнях схемы и концепции тела.

Клинико-психологические методы исследования включали социально-биографическую анкету, полуструктурированное интервью. При изучении схемы тела применялись нейропсихологические пробы: проба на исследование пространственной ориентировки (проба Хеда), показ частей своего тела и лица. Когнитивный компонент образа тела оценивался через анализ фактических и субъективных показателей весо-ростовых, диаметра указательного пальца правой руки и размера стопы. Изучение концепции тела проводилось при помощи 10-ого субтеста Векслера «собрание фигур». Методы исследования отношения к собственному телу включали «Многокомпонентный опросник отношения к собственному телу» (MBSRQ) и «Опросник влияния образа тела на качество жизни» (BIQLI). Для исследования личностных характеристик применялся «Сокращённый многофакторный опросник для исследования личности» (Мини-мульти, СМОЛ). В качестве методов обработки данных применялись математико-статистические методы: первичные описательные статистики, таблицы сопряженности χ^2 -Пирсона, корреляционный анализ при помощи коэффициента г-Спирмена.

Выборку составили 17 пациентов СПб ГКУЗ «Городская психиатрическая больница № 6» и СПб ГБУЗ «Психоневрологический диспансер №1» мужского пола, имеющих диагноз шизофрения (F20), а также 17 мужчин без заболевания. Возрастной диапазон в экспериментальной группе составил от 20 до 45 лет; средний возраст — 32,67 года. Возрастной диапазон в контрольной группе составил от 23 до 37 лет; средний возраст — 27 лет.

Результаты проведенного исследования указывают на отсутствие нарушений схемы тела и эмоционально-ценностного компонента образа тела у мужчин с шизо-

френий в изучаемой выборке. Тем не менее, у данной группы пациентов были выявлены когнитивные искажения при оценке размеров собственного тела и его частей, а также нарушения концепции тела. Кроме того, в изучаемой выборке установлены взаимосвязи между влиянием образа тела на качество жизни и тем, насколько для пациента значим собственный внешний вид; депрессивными чертами личности и озабоченностью лишним весом. Обратные взаимосвязи были выявлены между истерическими или психастеническими чертами личности и тем, как пациенты оценивают собственный вес. Обратная связь на уровне тенденции обнаружена между ипохондрическими чертами личности и удовлетворенностью параметрами собственного тела. Кроме того, связь между гипоманическими чертами личности и значимостью внешнего вида была обнаружена у здоровых мужчин в изучаемой выборке. Дальнейшее изучение темы планируется на более широкой выборке. Выявленные когнитивные искажения при оценке размеров собственного тела и его частей и нарушения концепции тела могут являться терапевтическими мишенями при комплексной реабилитации пациентов с шизофренией.

1. Баранская Л.Т., Татаурова С.С., Методика исследования образа тела. Издательство Уральского университет. — 2009.
2. Матвеева В. В., Енин К. А. К вопросу использования современной телесно-ориентированной психотерапии в медицине и психологии //Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. — 2015. — №. Спецвыпуск ч. 2.

Психоэмоциональное состояние пациентов травматолого-ортопедического профиля на амбулаторном этапе реабилитации

Травматология и ортопедия, реабилитация

В литературе широко представлены данные о влиянии психосоциальных факторов на течение и исход заболеваний и травм, в том числе состояний, относящихся к профилю «травматология и ортопедия» (Наурт, 2018; Vincent, 2018). Такое свойство, как резилентность, т.е. способность противостоять трудностям и разрешать их социально приемлемым путем, является предиктором хорошего исхода лечения и реабилитации (Rebagliati, 2016; Nehra, 2019). Травма или тяжелое заболевание может нарушать картину мира пациента (Ямщикова, 2015) и его восприятие самого себя.

Цель исследования — изучить психоэмоциональное состояние пациентов травматолого-ортопедического профиля, получающими амбулаторную медицинскую реабилитацию.

Материалы и методы. Было обследовано 62 пациента травматолого-ортопедического профиля, получающих амбулаторную медицинскую реабилитацию в Межрайонном центре медицинской реабилитации (МЦМР) СПб ГБУЗ «Городская поликлиника №38» (г. Санкт-Петербург) в 2019 — 2020 гг. Женщин было 41 (66%), мужчин — 21 (34%), средний возраст составил $44,2 \pm 11,9$ ($45,1 \pm 12,1$ для женщин, $42,4 \pm 11,6$ для мужчин). Пациенты заполняли опросник «Самочувствие, Активность, Настроение» (САН).

Результаты. Средний балл по показателю «самочувствие» составил $4,98 \pm 1,19$, по активности — $4,96 \pm 0,97$, настроению — $5,39 \pm 0,98$ при максимально возможном в 7,0. Статистически достоверных различий между мужчинами и женщинами ни по одному из показателей выявлено не было ($p > 0,05$). Не было обнаружено корреляций показателей самочувствия, активности и настроения с возрастом (коэффициент Пирсона 0,04, 0,08 и 0,1, соответственно).

Выводы. Пациенты травматолого-ортопедического профиля в качестве самооценки демонстрировали благоприятное психоэмоциональное состояние на этапе амбулаторной реабилитации. При этом не выявлено зависимости данных показателей от пола или возраста пациентов данного профиля. Поскольку исследование проведено на небольшой выборке, требуется дальнейшее изучение вопроса для распространения полученных результатов на генеральную совокупность травматолого-ортопедических пациентов.

1. Ямщикова О.А. Психология восприятия времени пациентом, перенесшим инфаркт, инсульт, оперативное вмешательство. Процесс реабилитации в амбулаторных условиях: учебно-методическое пособие для врачей [Текст] / О.А. Ямщикова, В.В. Реут. — СПб, 2015 г. — 30 с.

2. Haupt E. Pre-Injury Depression and Anxiety in Patients With Orthopedic Trauma and Their Treatment / E. Haupt, HK. Vincent, A. Harris, T. Vasilopoulos, R. Guenther, S. Sharififar, J. Hagen // *Injury*. — 2018. — №49 (6). — P. 1079.
3. Nehra D. Resilience and long-term outcomes after trauma: An opportunity for early intervention? / D. Nehra, JP Herrera-Escobar, SS Al Rafai, J Havens, R Askari, S Nitzschke, G Velmahos, G Kasotakis, KJ Brasel, N Levy-Carrick, A Salim, A Haider // *Journal of Trauma and Acute Care Surgery*. — 2019. — №87 (4). — P. 782.
4. Rebagliati GA. Frailty and Resilience in an Older Population. The Role of Resilience During Rehabilitation After Orthopedic Surgery in Geriatric Patients With Multiple Comorbidities / GA. Rebagliati, L. Sciume, P. Iannello, A. Mottini, A. Antonietti, VA. Caserta, V. Gattorochieri, L. Panella, C. Callegari // *Functional Neurology*. — 2016. — №31 (3). — P. 171.
5. Vincent HK. Patient-Reported Outcomes Measurement Information System Outcome Measures and Mental Health in Orthopaedic Trauma Patients During Early Recovery / HK. Vincent, J. Hagen, L. Zdziarski-Horodyski, M. Patrick, K.K. Sadasivan, R. Guenther T. Vasilopoulos, S. Sharififar, M. Horodyski // *Journal of Orthopaedic Trauma*. — 2018. — №32 (9). — P. 467.

Взаимосвязь детского травматического опыта, ранних дезадаптивных схем и психопатологической симптоматики у пациентов с параноидной шизофренией

Детский травматический опыт, негативный детский опыт, ранние дезадаптивные схемы, параноидная шизофрения

Многочисленные зарубежные исследования показывают, что детская психологическая травма может быть фактором риска для развития психозов [3]. Однако в отечественной клинической психологии отмечается дефицит исследований среднего контекста расстройств шизофренического спектра при наличии подобных исследований в клинике неврозов [2].

Под психологической травмой понимается личностно значимая ситуация, имеющая характер патогенного воздействия на психику и способная привести к психическим расстройствам [1].

Ранние дезадаптивные схемы, рассматриваются нами как теоретический конструкт, который мог бы описывать механизмы взаимосвязи детской психологической травмы с психопатологией. Ранняя дезадаптивная схема — это стабильная модель, состоящая из воспоминаний, эмоций, когний и телесных ощущений относительно себя и своего взаимоотношения с другими [5].

Целью нашего исследования являлось изучение характеристик детского травматического опыта (вид, интенсивность, значимость, актуальность, возможность отреагирования, субъективное ощущение справедливости), взаимосвязи данного вида опыта с психопатологией и ранними дезадаптивными схемами у взрослых пациентов с параноидной шизофренией.

Исследование проводилось на базе ГПБ № 6 (30 мужчин, F20.0, 18-40 лет). Дизайн исследования включал: опросник психопатологической симптоматики SCL-90; опросник неблагоприятного детского опыта (WHO ACE IQ); методику диагностики ранних дезадаптивных схем «YSQ-S3R»; структурированную анкету. Для математической обработки использовался непараметрический корреляционный анализ Спирмена.

Полученные данные демонстрируют, что у всех респондентов имеется более 2 видов детского травматического опыта: наиболее представлены являются эмоциональное насилие, разлучение с родителями и коллективное насилие (ситуации, когда дети были свидетелями жестокого обращения во дворе, школе) — 90%; наименее — психические заболевания у ближайших родственников (10%) и сексуальное насилие (13%).

Пациенты отмечали психотравмирующие события как объективно-значимые, 57% не имели возможности отреагирования случившегося события, 89% считают их несправедливыми и 46% — актуальными. По интенсивности были представлены все

виды событий с преобладанием пролонгированных, приводящих к психическому перенапряжению.

Ряд видов детского травматического опыта имеет множество взаимосвязей с психопатологической симптоматикой: это шкалы «Физическое насилие» ($p0,05$), «Эмоциональное насилие» ($p0,05$ и $p0,01$), «Сексуальное насилие» ($p0,05$), «Употребление ПАВ родителями или опекунами» ($p0,05$), «Эмоциональное пренебрежение» ($p0,05$ и $p0,01$), «Физическое пренебрежение» ($p0,05$ и $p0,01$), «Буллинг» ($p0,05$) и «Коллективное насилие» ($p0,01$).

3 домена ранних дезадаптивных схем («Разрыв связей/отвержение», «Дефицит автономии/боязнь проявить себя», «Ориентация на других») имеют множество взаимосвязей ($p0,05$ и $p0,01$) с детским травматическим опытом и психопатологической симптоматикой.

Таким образом, выявленные взаимосвязи между детским травматическим опытом, ранними дезадаптивными схемами и психопатологической симптоматикой могут свидетельствовать о том, что детская психологическая травма является фактором риска для развития параноидной шизофрении, а ранние дезадаптивные схемы могут быть включены в механизм данной взаимосвязи.

1. Волкова Е. Н., Исаева О. М. Ребенок и насилие: диагностика, предотвращение и профилактика: монография //Н. Новгород. — 2015.
2. Коновалова А. Х., Холмогорова Б. А., Долныкова А. А. Репрезентации родительской семьи у больных психозаффективными расстройствами и шизофренией //Консультативная психология и психотерапия. — 2013. — №. 4. — С. 70-95.
3. Berenbaum H. et al. Psychological trauma and schizotypal personality disorder //Journal of Abnormal Psychology. — 2008. — Т. 117. — №. 3. — С. 502.
4. Young J. E., Klosko J. S., Weishaar M. E. Schema-focused therapy: A practitioner's guide. — 2003.

Связь психологического благополучия с оценками физического и эмоционального состояния

Психическое здоровье, эмоциональное состояние, физическое здоровье

Психическое здоровье в соответствии с позицией Всемирной организации здравоохранения понимается, как состояние благополучия, в котором человек реализует свои способности, может противостоять обычным жизненным стрессам, продуктивно работать и вносить вклад в развитие общества [3]. В связи с этим целью исследования выступила проверка связи между психологическим благополучием и оценками физического и эмоционального состояния.

В исследовании приняли участие 699 человек от 14 до 76 лет ($M=26,9$; $SD=13,7$) из разных субъектов РФ. Для определения психологического благополучия респондентов использовалась шкала психологического благополучия Варвик-Эдинбург [1,2]. Кроме того, участников исследования просили по пятибалльной шкале оценить свое физическое и эмоциональное состояние.

Большинство оценок психологического благополучия респондентов ($M=51,52$; $SD=8,56$) находятся в том же интервале, что и оценки, полученные исследователями других стран. При помощи t -критерия для независимых выборок было установлено, что нет значимых различий в оценках психологического благополучия мужчин и женщин ($t=-0,615$; $p=0,539$). Нет прямой связи между психологическим благополучием и возрастом участников исследования. Однако, разделив респондентов на возрастные группы, можно отметить, что значимо более высокий, чем в остальных возрастных группах, уровень психологического благополучия наблюдается в группе респондентов от 25 до 39 лет (ANOVA, $p0,01$).

При помощи коэффициента корреляции Пирсона, было выявлено, что:

1) для всей выборки оценки физического здоровья и психологического благополучия связаны слабыми, но статистически значимыми связями ($r=0,329$; $p0,001$), такие же связи наблюдаются отдельно для мужчин ($r=0,328$; $p0,001$) и отдельно для женщин ($r=0,337$; $p0,001$);

2) для всей выборки оценки эмоционального состояния и психологического благополучия связаны слабыми, но статистически значимыми связями ($r=0,414$; $p0,001$), такие же связи наблюдаются отдельно для мужчин ($r=0,443$; $p0,001$) и отдельно для женщин ($r=0,403$; $p0,001$);

3) для всей выборки оценки физического здоровья и эмоционального состояния связаны связями средней силы ($r=0,507$; $p0,001$), такие же связи наблюдаются отдельно для мужчин ($r=0,516$; $p0,001$) и отдельно для женщин ($r=0,489$; $p0,001$).

При всей, казалось бы, банальности полученных результатов, хотелось бы подчеркнуть их значимость. Психологическое благополучие является довольно устойчивой характеристикой. Более устойчивой, чем, к примеру, уровень тревожности. Поэтому выделение детерминант, в качестве которых выступают оценки не только эмоционального, но и физического состояния, представляется важным и значимым.

Планируется продолжение исследования психологического благополучия личности с включением в анализ таких характеристик, как уровень стресса, тревожности, оценки недавнего опыта и аффекта и т.д.

1. Шилко Р.С., Долгих А.Г., Алмазова О.В. Измерение психического здоровья в образовательном пространстве: шкала психологического благополучия Варвик-Эдинбург // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. Материалы I Международной научно-практической конференции (10-11 октября 2018 г., Санкт Петербург). 2018, ч.1, с. 278-283.
2. Tennant R., Hiller L., Fishwick R., Platt S., Joseph S., Weich S., Parkinson J., Secker J., Stewart-Brown S. The Warwick-Edinburgh Mental Well-being Scale (WEMWBS): development and UK validation//Health and Quality of Life Outcomes. 2007. P. 5-63.
3. World Health Organization: Promoting Mental Health; Concepts emerging evidence and practice. Summary report Geneva. World Health Organization, 2004.

Исследование было выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 17-29-02506

Прогностическая оценка когнитивного функционирования пациентов, перенесших коронарное шунтирование

Когнитивное функционирование, коронарное шунтирование, ишемическая болезнь сердца, психосоциальные характеристики, клинические характеристики, эмоциональное состояние, тревожность

Развитие нарушения когнитивного функционирования может не только снижать эффективность проведенного лечения, но и является надежным предиктором неблагоприятного отдаленного прогноза основного заболевания (Бокерия Л. А. с соавт., 2008). Неблагоприятное прогностическое значение когнитивных нарушений обусловлено также и тем, что прогрессивное ухудшение когнитивных функций может приводить к развитию деменции, которая в свою очередь препятствует деятельности пациента, как профессиональной, так и социальной, что ассоциируется с социальной дезадаптацией и ранней инвалидизацией (Левин О. С., 2009).

В связи с этим разработка диагностических мероприятий, направленных на оценку послеоперационного когнитивного статуса пациентов на как можно более ранних стадиях лечения и реабилитации, является крайне актуальной. Для этого в настоящей работе были изучены потенциально значимые для годовичного прогноза состояния когнитивной сферы пациентов факторы, включающих клинические особенности основного заболевания и специфики операции, индивидуально-психологические и эмоционально-личностные характеристики пациентов, а также показатели когнитивного функционирования.

Исследование проведено на базе ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр имени В. А. Алмазова» (Санкт-Петербург). Исследовано 118 больных ишемической болезнью сердца, готовящихся к коронарному шунтированию; средний возраст $59,86 \pm 7,31$ лет. Исследование проводилось в пять этапов: первый — непосредственно перед операцией (за 2 дня до), второй этап — на 12-14 день после, третий этап — через три месяца после операции, четвёртый этап — через 6 месяцев после КШ, пятый этап — через год после КШ.

Исследование реализовано с использованием клинико-психологического метода (структурированное интервью) и набора психодиагностических методик, направленных на изучение различных сфер когнитивного функционирования больных ИБС в период подготовки к высокотехнологичному оперативному вмешательству и на разных этапах реабилитации: «Методика последовательных соединений»; субтесты «Сходства» и «Кубики Кооса» (WAIS); патофизиологические пробы «10 слов», «Запоминание рассказов», «Простые аналогии»; «Тест зрительной ретенции» А. Бентона; «Тест интерференции» Струпа; нейропсихологические методики «Острота зрения» и «Голлин-тест».

Результаты проведенного динамического исследования показателей когнитивного функционирования пациентов с ИБС, подвергшихся коронарному шунтированию, детально демонстрируют с одной стороны дифференцированную динамику состояния когнитивной сферы пациентов на протяжении года после перенесенного

хирургического лечения, а с другой — сложную нелинейную зависимость когнитивной деятельности пациентов от клинических особенностей основного заболевания и специфики операции, а также от индивидуально-психологических характеристик самих пациентов. Разработана и описана система из 7 факторов, позволяющая предсказывать состояние когнитивной сферы пациента в любой день на протяжении года после перенесенной операции.

На основании полученных данных была разработана и запатентована (свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2019618523) компьютерная программа для прогнозирования состояния когнитивной сферы пациентов после кардиохирургических операций (получившая название «CognPrediction»).

1. Бокерия Л.А., Камчатнов П.Р., Ключников И.В. и др. Цереброваскулярные расстройства у больных с коронарным шунтированием. Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова 2008;108(3):90–5
2. Левин О. С. Диагностика и лечение деменции в клинической практике / О. С. Левин. — М.: Медпресс-информ, 2009. — 255 с.

Работа выполнена при поддержке гранта Президента РФ для молодых ученых № МК-1933.2019.6

Связь эмоционального состояния и репродуктивной мотивации беременных женщин

Беременные женщины, эмоциональные переживания, репродуктивные мотивы, деструктивные мотивы, материнская ролевая идентичность

В настоящее время большой интерес вызывают работы, посвященные изучению психологического статуса личности в процессе гестации, выявления причин возникновения осложнений беременности и проблемам коррекции и психотерапии состояний психологической дезадаптации у беременных женщин [1]. Не только эмоциональная, но и репродуктивная мотивация беременных в значительной степени детерминируют успех протекания и благополучного исхода беременности.

Однако изучение интрапсихической картины беременных женщин, имеет ряд проблем, связанных с трудностями исследования эмоций, различных мотиваций, необходимостью учета особенностей личности, социально-бытовых условий семьи беременной и др. факторов [4].

Целью нашего исследования являлось комплексное исследование эмоционального процесса и репродуктивных мотивов, влияющих на беременность.

Выборку составили 30 беременных женщин, с физиологическим течением беременности, состоящих на учете в женской консультации. Использовались методики САН [2] и Опросная методика «Репродуктивные мотивы» [3]. Статистический анализ данных проводился с помощью корреляционного анализа (критерий Спирмена).

У большинства беременных женщин 96,7% был обнаружен положительно окрашенный аффект, радостное, повышенное настроение, обусловленное чувством счастья, радости, благополучия, довольства от переживаемого материнства. Изучение конструктивных мотивов беременных женщин показало, что сильная выраженность мотива присуща для 66,7%; испытуемых; средняя выраженность установлена у 25% испытуемых; слабая выраженность свойственна только для 8,3% испытуемых.

Согласно результатам изучения деструктивных мотивов установлено, что для большинства беременных женщин (71,7%) характерна слабая выраженность данного мотива. Средняя выраженность деструктивных мотивов присуща для 28,3% женщин. Сильная выраженность данных мотивов в исследованной выборке не установлена. Полученные результаты свидетельствуют о том, что деструктивные мотивы в данной выборке не выражены или слабо выражены.

Наибольшую выраженность в выборке имеют конструктивные мотивы, а именно: мотив «беременность ради ребенка» — 74% и мотив «беременность от любимого человека» — 55,33%

Среди деструктивных мотивов наиболее выражен мотив «соответствия ожиданиям семьи» — 40,33%. Следующими по выраженности в выборке выступают такие

деструктивные мотивы как мотив «беременность как уход от настоящего» — 37,67% и «Мотив рождения ребенка для получения материальной выгоды» — 33,67%.

Выявлено, что позитивный эмоциональный фон настроения положительно взаимосвязан с конструктивным мотивом «Беременность ради ребенка» ($p \geq 0,05$) и отрицательно связан с деструктивными мотивами «Беременность как протест» ($p \geq 0,05$) и «Мотив воплощения своих нереализованных стремлений через ребенка» ($p \geq 0,05$). Это позволяет сделать вывод о том, что эмоционально-положительная материнская ролевая идентичность согласована с репродуктивной мотивационной установкой на рождение ребенка.

В случае негативного отношения к репродукции, когда беременность является способом доказать кому-либо свою независимость, самостоятельность, либо обусловлена эгоцентрическими установками на собственную самореализацию через ребенка, диссонирует с позитивным переживанием беременности.

Таким образом, у женщин с разным репродуктивно-мотивационным статусом есть различия в психоэмоциональных особенностях: настроение беременных женщин с конструктивной репродуктивной мотивацией находится в границах высокого актуального уровня, с преобладанием позитивного эмоционального фона. Напротив, настроение беременных женщин с деструктивной репродуктивной мотивацией, находится в границах низкого актуального уровня, с преобладанием негативного фона переживаний.

1. Абрамченко В. В. Психосоматическое акушерство. / В. В. Абрамченко — Санкт-Петербург: СОТИС, 2001. — 320 с.
2. Барканова О. В. Методики диагностики эмоциональной сферы: психологический практикум / сост. О. В. Барканова . — Вып.2. — Красноярск: Литера-принт, 2009 — С.16-19.
3. Морозова И. С., Белогай Ю. В., Борисенко Ю. В., Отт Т. О. Технологии формирования конструктивной репродуктивной мотивации и профилактики abortивного поведения молодежи: учебно-методическое пособие для бакалавров направления 050400.62 «Психолого-педагогическое образование» / И. С. Морозова, Ю. В. Белогай, Ю. В. Борисенко, Т. О. Отт — Кемерово: КГУ, 2014. — С. 95-101.
4. Чеботарева И. С. Эмоционально-личностные особенности беременных женщин и динамика их изменений в процессе позитивной психотерапии : дис. ... канд. психол. наук / И. С.Чеботарева — Казань, 2001. — С. 28-56.

Козлова Н.В.

Томск, Национальный исследовательский Томский государственный университет

Левицкая Т.Е.

Томск, Национальный исследовательский Томский государственный университет

Атаманова И.В.

Томск, Национальный исследовательский Томский государственный университет

Quality of life in post-stroke patients with different lesion localizations

Quality of life, higher mental functions, cerebral hemispheres, stroke lesion localization, health recovery

Addressing the problem of acute cerebrovascular accidents is in line with the world's research trends because of a marked increase in stroke cases globally, including those among the working-age population. Based on the WHO statistics, stroke remains one of the most frequent causes of severe disease and death. Seeking for effective and efficient ways of health recovery in patients with acute cerebrovascular accidents requires taking into account various aspects of such patients' rehabilitation, namely biological, psychological and social ones (Kozlova et al., 2019). For example, exploring post-stroke patients' higher mental functions depending on the lesion localization along with their psychological characteristics can contribute to a better understanding of their psychological resources and deficits to be involved in the rehabilitation process. In connection to this, quality of life seems to be of great importance as a psychological indicator to interpret the relationship between the lesion localization and impaired functioning in post-stroke patients.

The study undertaken was aimed at examining post-stroke patients' quality of life and impaired higher mental functions depending on the left or right cerebral hemisphere injured. A number of techniques were applied to diagnose the level of impaired functioning, as well as to evaluate psychological characteristics (personal and situational anxiety, attitude to disease, attitude to treatment, quality of life, etc.). The data collected were statistically processed using SPSS 23.0 (descriptive statistics and correlation analysis).

The study sample involved 92 post-stroke patients (50 were male and 42 were female) aged from 36 to 68 years. The study participants were in their early rehabilitation period (between 3 and 6 months after stroke). 40 post-stroke patients had a left-hemisphere stroke and 52 study participants had a right-hemisphere one.

The study revealed that there is a difference in correlations between post-stroke patients' quality of life and other parameters in question depending on the lesion localization. There were more correlations between quality of life and the parameters analyzed in post-stroke patients with a left-hemisphere stroke compared to those having a right-hemisphere one. Thus, for example, the quality of life in patients with a right-hemisphere lesion was more related to their level of self-care which is in turn associated with preserving their right hand functioning as a leading one. In other words, self-care in patients with left-sided hemiparesis is much facilitated by their healthy right hand, leading to a higher quality of life.

On the contrary, patients with a left-hemisphere lesion, despite the fact that in most cases they suffer from impaired speech functions, had fewer problems with their cognitive

and mental processes. Their quality of life is more closely related to the preservation of higher mental functions, rather than to their level of self-care. Meanwhile, they were more anxious because their two leading functions (speech and right-hand activity) were impaired.

Thus, the study findings confirmed that post-stroke patients' lesion localization because of its relationship with the higher mental functions impaired should be taken into account to help such patients involve their psychological resources in the rehabilitation process and enhance their quality of life.

1. Kozlova, N. V. Biopsychosocial model of rehabilitation of patients with cerebrovascular diseases in Russian and foreign practice / N. V. Kozlova, E. I. Meshcheryakova, T. E. Levitskaya, V. V. Obuhovskaya, D. G. Nazmetdinova, A. A. Zajtsev, E. A. Tsekhmejstruk. — DOI 10.17223/17267080/71/9. — Text : electronic // *Sibirskiy Psikhologicheskiy Zhurnal* — Siberian journal of psychology. — 2019. — Vol. 71. — P. 159–179. — In Russian, English Summary.

The paper was prepared within the RFBR research project (18-013-00937)

Психологические предикторы возникновения интернет-зависимости

Нехимические аддикции, интернет-зависимость, психологические предикторы, взрослость

Основателями психологического изучения феномена интернет-зависимости считаются К. Young и психиатр I. Goldberg [1]. I. Goldberg определил интернет-зависимость как навязчивое (компульсивное) желание к использованию Интернета, приводящее к негативным последствиям в профессиональной деятельности, семейной сфере, социальном взаимодействии. В 1996г. К. Young предложила рассматривать зависимость от Интернета как реальную новую клиническую патологию. Основываясь на критериях патологической игромании в DSM-IV, она создала 20-опросный тест, который измерял насколько серьезно сеть влияет на социальную жизнь человека. Отечественными и зарубежными учеными проведено немало исследований, посвященных изучению феномена интернет-зависимости. Одни исследователи делают акцент на изучении индивидуально-психологических особенностей личности, другие выделяют физиологические аспекты формирования зависимости, третьи указывают на связь с психическими заболеваниями [1, 2, 3].

В нашем исследовании мы выдвинули гипотезу о наличии определенного сочетания личностных черт, которые выступают в качестве предикторов возникновения интернет-зависимости. С целью проверки данной гипотезы было проведено эмпирическое исследование. В исследовании приняли участие 289 человек в возрасте от 18 до 38 лет ($X=23,7$; $SD=5,26$), из них 137 женщин (47,4%) и 151 мужчина (52,6%). Испытуемым было предложено заполнить следующие психодиагностические методики: «Шкала интернет-зависимости Чена» в адаптации В.Л.Мальгина, К.А.Феклисова, опросник «Жизнеспособность человека» Е.А.Рыльской, опросник рефлексивности А.В. Карпова, многофакторный личностный опросник 16 PF Кеттелла (форма С) в адаптации А.Н. Капустиной, Л. В. Мургулец. По результатам методики «Шкала интернет-зависимого поведения Чена» выборка испытуемых была разделена на 3 группы: контрольную группу ($N = 104$), группу риска ($N = 113$) и группу с интернет-зависимостью ($N = 72$). В качестве методов математической обработки данных использовались первичные описательные статистики, непараметрические методы сравнения выборок Н-критерий Краскала-Уоллеса, дискриминантный анализ. В исследовании был использован дискриминантный анализ с пошаговым отбором предикторов. В прогностическую модель, отражающую психологические особенности человека с интернет-зависимостью вошли 7 переменных: фактор С «эмоциональная нестабильность», фактор Q3 «низкий самоконтроль», фактор О «тревожность», фактор G «низкая нормативность поведения», уровень рефлексивности, общий показатель жизнеспособности, фактор Q4 «напряженность». Человек с интернет-зависимостью характеризуется эмоциональной нестабильностью, потворством своим желаниям, импульсивностью, тревожностью, низким контролем эмоций и поведения неустойчивостью интересов, незрелостью чувства ответственности.

Рефлексивность и жизнеспособность выступают в качестве анти-предикторов интернет-зависимости.

1. Young, K.S. The evolution of Internet addiction // Addictive Behaviors. — 2017. — № 64. P. 229–230.
2. Малыгин, В.Л. Интернет-зависимое поведение: биологические, психологические и социальные факторы риска формирования у подростков / В.Л. Малыгин, Ю.А. Меркурьева и др. // Психолого-педагогические технологии. Профилактика зависимостей. — 2015. — № 4. — С. 61–65
3. Трусова, А.В. Психологические факторы риска интернет-зависимости: данные пилотного исследования здоровых молодых взрослых / А.В. Трусова, С.В. Гречаный и др. // Социальная и клиническая психиатрия. — 2019. — Т. 29, № 3. — С. 23 — 29.

Особенности восприятия болезни пациентами сахарным диабетом II типа

Сахарный диабет II типа, когнитивные стратегии, самостигматизация, уровень субъективного контроля, депрессивное состояние

Сахарный диабет (СД) II типа является одной из важных проблем современной диабетологии, так как достижение компенсированного течения заболевания предотвращает развитие сосудистых осложнений. Особенности восприятия болезни играют важную роль в выполнении врачебных инструкций и приверженности к лечению. С целью изучения особенностей восприятия болезни пациентами СД II типа на базе эндокринологического отделения ГБУЗ РА «Адыгейская республиканская клиническая больница» были исследованы 406 больных СД II типа, средний возраст $60,4 \pm 16,5$ года. Нами были использованы следующие частные методики: тест-опросник депрессии (А.Т. Бека); опросник самостигматизации больных (В.А. Михайлова); тест-опросник субъективного контроля Д. Роттера (адаптирован Е.Ф. Бажиным, С.А. Голькиной, А.М. Эткиндо); методика «Исследование волевой саморегуляции» (А.В. Зверькова и Е.В. Эйдмана); опросник «Когнитивная регуляция эмоций» (Н. Гарнефски и В. Крайга). Статистическая обработка результатов проводилась с помощью программы SPSS 20.0. По данным интервью, 68% пациентов СД II типа не соблюдают углеводную диету, крайне редко посещают Школу Диабета, обращаются к эндокринологу только при ухудшении состояния. Нами выявлено, что пациенты не всегда системно принимают сахароснижающие препараты, т.к. помимо диабета, имеют другие заболевания, требующие лекарственной терапии. Негативное влияние на восприятие заболевания оказывает сопутствующее депрессивное состояние, что влияет на режим питания, вызывает астению, гиподинамию и пессимизм. У пациентов с экстернальной локализацией контроля наибольшая выраженность аффективных нарушений ($p < 0,05$), которые ведут к социально-психологической дезадаптации и неудовлетворительному восприятию заболевания, что связано с декомпенсацией диабета. Интернальный локус контроля повышает стремление пациента адекватно воспринимать рекомендации врача, быть активным в отношении контроля и лечения диабета. Большинство пациентов СД II типа с субкомпенсированным течением заболевания (72%) имеют низкий уровень самостигматизации (среднее — $49,2 \pm 7,1$), что указывает на отсутствии предубеждений против себя самого, свое заболевание от окружающих они не скрывают, не испытывают ограничения из-за диабета в семье, надеются на улучшение состояния здоровья, но при этом не готовы полностью соблюдать терапевтический режим. Самостигматизация повышается ($p = 0,048$) при утяжелении течения заболевания с развитием стойкой декомпенсации и инвалидности из-за диабетических осложнений, так как повышается необходимость помощи со стороны членов семьи, что подкрепляют и фиксируют «стигму». Значимых различий в проявлении общего уровня волевой саморегуляции, настойчивости и самообладания у больных СД II типа в зависимости от тяжести течения не выявлено. Большинству

больных СД II типа свойственны высокий уровень волевой саморегуляции с устойчивостью намерений, реалистичностью взглядов и развитым чувством собственного долга. Низкие уровни волевой саморегуляции в ряде случаев у больных СД II типа выполняют компенсаторные функции, позволяя защищаться от интенсивных переживаний, вызывая их импульсивность, обидчивость и неустойчивость намерений, приводящих к непоследовательности в поведении, особенно при декомпенсированном течении заболевания. По методике «Когнитивная регуляция эмоций» пациенты с декомпенсированным течением заболевания чаще используют деструктивные когнитивные стратегии преодоления стресса: самообвинение, руминацию, катастрофизацию и обвинение других в том, что случилось с ними. Деструктивные когнитивные стратегии взаимосвязаны с депрессивной симптоматикой ($p < 0,05$) и диабетическими осложнениями у пациентов СД II типа. Таким образом, на восприятия болезни пациентами с СД II типа могут оказывать влияние депрессивное состояние, повышение уровня стигматизации, экстернальный локус контроля, снижение волевых процессов и деструктивные когнитивные стратегии, поэтому в терапии важен комплексный подход, включающий помощь медицинского психолога.

Краско А.С.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Михайлова Н.Ф.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Одинцова Г.В.
Санкт-Петербург, НИЛ эпилептологии НИО клинической нейрофизиологии и эпилепто-
логии РНХИ им. проф. А.Л. Поленова — филиал ФГБУ НМИЦ им.В.А.Алмазова МЗ РФ

Влияние предгравидарной подготовки беременности женщин, страдающих эпилепсией на психическое развитие их детей

Эпилепсия, предгравидарная подготовка, тератогенные эффекты

Несмотря на большие успехи в неврологии и нейрофармакологии, эпилепсия является серьезным вызовом, как для врача, так и для женщины, страдающей эпилепсией, решившейся на рождение ребенка, и требует заблаговременной (до зачатия) подготовки и сопровождения процесса беременности.

Подготовка заключается в подборе индивидуального плана лечения — снижении, где это возможно, дозировок антиэпилептических препаратов (АЭП) в первом триместре беременности, назначении различных витаминных комплексов и прочих мероприятий, что позволяет значительно снизить риски тератогенного воздействия на плод и последующее психическое развитие ребенка.

Несмотря на явный интерес клиницистов к данной теме, исследования отдаленных тератогенных эффектов на психическое развитие детей, подвергавшихся внутритробно воздействию АЭП и других ассоциированных с эпилепсией факторов, практически отсутствуют.

Данная работа вносит свой вклад в изучение механизмов тератогенеза при эпилепсии. В исследовании приняли участие 40 матерей, страдающих эпилепсией и 40 детей в возрасте от 3 до 9 лет. Матерям предлагались клинические шкалы — СВСЛ (Т. Ахенбах) и родительская анкета (Н. Н. Заваденко). Для диагностики психического развития детей использовались шкала интеллекта WSIC (Д. Векслер) и Луриевская батарея нейропсихологических тестов в адаптации Ж.М. Глоzman. Были собраны клинические данные о заболевании матери (форма эпилепсии, стаж заболевания, терапия АЭП), а также о протекании беременности и родов.

Дети матерей, беременность которых сопровождалась изменением плана лечения, в дальнейшем демонстрировали лучшую адаптацию и развитие — были менее тревожными ($p=,003$), замкнутыми ($p=,012$), меньше склонны к нарушениям социализации ($p=,002$), агрессии ($p=,009$) и делинквентному поведению ($p=,047$), имели менее выраженные проблемы внимания ($p=,001$) и мышления ($p=,017$). Кроме того, у них были менее выражены проблемы экстернализации ($p=,009$) и интернализации ($p=,004$), а общий показатель нарушений развития имел более низкие значения ($p=,001$).

В случае отсутствия такой подготовки матери — у их детей в дальнейшем отмечалась склонность к психосоматическим нарушениям ($p=,034$), страхам и навязчивым состояниям ($p=,073$, тенд.), гиперактивности ($p=,001$) и моторной неловкости

($p=,038$). Хотя они лучше оперировали числовым материалом ($p=,059$, тенд.) и продемонстрировали лучшее состояние слухоречевой памяти ($p=,061$, тенд.).

Результаты корреляционного и регрессионного анализов, также подтвердили важность подготовки матерей к рождению ребенка.

Были обнаружены отрицательные корреляции между подготовленностью к родам и степенью выраженности у детей ранее перечисленных нарушений развития. Кроме них, подготовленность беременности и родов отрицательно коррелировала с низкой выраженностью таких нейропсихологических синдромов у детей, как праксис, понимание ребенком грамматических структур, а также с менее выраженной гиперактивностью.

Предикторами возникновения соматических проблем у ребенка ($R=,560$; $R^2=,313$) стали неподготовленные роды ($b=-,390$) и возраст беременной матери ($b=,456$). Неподготовленность родов стала также предиктором замкнутости ребенка ($R=,458$, $R^2=,209$, $b= -,458$).

Отсутствие подготовленности родов ($b=-,325$), ремиссии эпилепсии ($b=-,703$) и отказ от приема нескольких препаратов (политерапия) ($b=-,664$) повышали вероятность появления проблем мышления у ребенка в дальнейшем ($R=,854$; $R^2=,729$).

Предикторами возникновения у ребенка проблем внимания ($R=,710$; $R^2=,505$) стали неподготовленность к родам ($b=-,350$), приступы во 2 триместре ($b=,357$) и перенесенные матерью в период беременности ОРВИ ($b=,365$).

Отсутствие подготовки беременности ($b=-,460$) и отказ от политерапии ($b=-,561$) при наличии приступов во 2 триместре беременности ($b=,458$) повышали риски проявления агрессии у ребенка ($R=,717$; $R^2=,514$).

Таким образом, подготовка и сопровождение беременности больных эпилепсией позволили снизить риски появления нарушений у детей в дальнейшем и в целом повысить их потенциал развития.

Алекситимия в контексте враждебности и ее роль в развитии психоэмоциональных нарушений

Враждебность, алекситимия, дистресс, тревога, депрессия, соматизация, психоэмоциональные нарушения, фактор риска

Введение. Алекситимия является многомерным конструктом, состоящим из двух компонентов, которые, в свою очередь, представляют отдельные алекситимические черты. Аффективный компонент составляют следующие характеристики: 1) низкая эмоциональная возбудимость, 2) сниженная способность к символизации, бедность фантазии и воображения. Когнитивный компонент алекситимии отражается в 1) трудностях с определением эмоций и чувств, в 2) затрудненности в вербализации эмоциональных состояний и 3) конкретном мышлении [1]. Алекситимия считается фактором риска психосоматических расстройств. Роль алекситимии в развитии психоэмоциональных нарушений может быть рассмотрена при изучении, согласно Е.Ю. Брель, особого алекситимического пространства, психологическими компонентами которого являются сильная тревожность, сниженные эмпатийные способности и враждебно-агрессивное поведение [2]. А.А. Абрамова с соавт. обнаружили, что с уменьшением способности к оценке эмоционального состояния повышается риск агрессивных проявлений и ухудшается течение депрессивных расстройств [3].

Постановка проблемы. В связи с тем, что алекситимические черты неоднородны по своему содержанию, а некоторые из них вряд ли можно считать психопатологическими, необходимо уточнение роли отдельных алекситимических черт в развитии психических расстройств с учетом их взаимодействия с агрессивными характеристиками личности. Предполагается, что трудности с определением эмоций и чувств и враждебность по сравнению с другими алекситимическими чертами и формами агрессии являются значимыми факторами риска дистресса и тревожно-депрессивной симптоматики у практически здоровых молодых лиц.

Материалы и методы. 90 обучающихся в высших учебных заведениях лиц женского пола в возрасте 19-34 лет ($M = 20,0$) заполняли следующие тесты методом «карандаш-бумага»: 1. Опросник алекситимии Бермонда-Ворста; 2. Опросник агрессии Басса-Перри; 3. Четырехмерный опросник для оценки дистресса, депрессии, тревоги и соматизации. Применены методы описательной статистики, множественный регрессионный анализ, анализ медиации.

Результаты. Умеренно повышенный и сильно повышенный уровень дистресса наблюдался у 46,7% и 17,8% исследуемых лиц. Трудности с определением эмоций и чувств и враждебность в большей мере, чем другие алекситимические черты и формы агрессии связаны с дистрессом, тревожной и депрессивной симптоматикой. Лица с умеренно повышенным и сильно повышенным уровнем депрессивной симптоматики менее способны понимать собственный эмоциональный опыт, чем лица с нормальным уровнем. Трудности с определением эмоций и чувств являются очень сильным

предиктором депрессивной симптоматики и дистресса. Враждебность является предиктором дистресса и тревожной симптоматики. Трудности с определением эмоций и чувств частично опосредуют зависимость враждебности с дистрессом ($p < 0,05$).

Обсуждение. На основе теоретических представлений и эмпирического исследования предполагается, что затруднение с пониманием собственных чувств является ключевой психопатологической чертой алекситимии. Вероятно, что данная алекситимическая черта и враждебность взаимодействуют и взаимообуславливают друг друга, что может быть связано как с развитием дистресса, так и более серьезных нарушений психической природы.

Выводы. Значимыми факторами риска развития психоэмоциональных нарушений у молодых лиц женского пола являются трудности с пониманием собственных чувств и враждебность.

1. Vorst H.C.M., Bermond B. Validity and reliability of the Bermond-Vorst Alexithymia Questionnaire // *Personality and Individual Differences*. 2001. Vol. 30, № 3. P. 413-434.
2. Брель Е.Ю. Алекситимия в структуре «практически здоровой» личности // *Сибирский психологический журнал*. 2018. № 67. С. 89-101.
3. Абрамова А.А., Кузнецова С.О., Ениколопов С.Н., Разумова А.В. Специфика проявлений агрессивности у больных с депрессией разной нозологической принадлежности, степени тяжести и длительности // *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*. 2014. № 4. С. 75-89.

Враждебность и дисфункциональная когнитивная регуляция эмоций как факторы риска дистресса, тревожной и депрессивной симптоматики у практически здоровых молодых лиц

Враждебность, когнитивная регуляция эмоций, дистресс, тревога, депрессия, соматизация, психоэмоциональные нарушения, факторы риска, защитные факторы

Введение. Враждебность считается неспецифическим психологическим фактором риска психических и соматических расстройств [1]. Е.В. Луканова рассматривает враждебность как комплекс враждебных отношений, проявляющийся на трех уровнях: когнитивном (враждебные атрибуции), эмоциональном (комплекс негативных эмоций) и поведенческом (враждебные действия) [2]. С.Н. Ениколопов и Н.В. Чудова предполагают, что враждебная установка связана с нарушениями в переработке информации. Неверная интерпретация событий личности отражается в негативных ожиданиях по отношению к другим людям и миру. Враждебная личность решительно склонна считать других лиц злонамеренными и вызывающими угрозу [3]. Исследователи считают, что комплекс враждебных отношений личности способствует интенсификации психоэмоционального напряжения посредством формирования стрессовых ситуаций [4].

Постановка проблемы. Несмотря на длительную историю изучения враждебности, механизмы, посредством которых эта личностная особенность приводит к психоэмоциональным нарушениям, практически не изучены [1]. В исследовании была проверена гипотеза, согласно которой враждебность, отраженная в неверной интерпретации жизненных событий, способствует развитию психоэмоциональных нарушений посредством формирования дисфункциональной когнитивной регуляции эмоций (РЭ). Предполагается, что враждебная личность во время совладания с трудными ситуациями будет чаще использовать неадаптивные когнитивные копинг-стратегии и реже адаптивные стратегии РЭ, что в свою очередь будет способствовать развитию дистресса.

Материалы и методы. 109 практически здоровых студентов (82,6 % женщин) в возрасте 19-34 лет ($M = 20,8$, $SD = 2,8$) заполняли следующие тесты методом «карандаш-бумага»: 1. Опросник агрессии Басса-Перри; 2. Опросник когнитивной регуляции эмоций; 3. Четырехмерный опросник для оценки дистресса, депрессии, тревоги и соматизации. Применены методы описательной статистики, множественный регрессионный анализ, анализ медиации.

Результаты. Нормальный уровень дистресса наблюдался у 36,7 % лиц, умеренно повышенный у 44,0 % и сильно повышенный у 19,3 %. Факторами риска дистресса являются враждебность и частое использование неадаптивных стратегий РЭ (само-

обвинение, руминация, катастрофизация и обвинение других), а защитным фактором — частое использование адаптивных стратегий РЭ (принятие, позитивная перефокусировка, фокусирование на планировании, позитивная переоценка и рассмотрение в перспективе). Фактором риска депрессивной симптоматики является редкое использование адаптивных стратегий РЭ. Фактором риска тревожной симптоматики и соматизации является враждебность. Неадаптивные стратегии РЭ опосредуют связь враждебности с дистрессом (наблюдается статистически значимый частичный медиационный эффект).

Обсуждение. С усилением враждебности возрастает использование личностью неадаптивных стратегий РЭ, что может способствовать развитию дистресса и на его основе более серьезных нарушений психической природы.

Выводы. Факторами риска психоэмоциональных нарушений у практически здоровых молодых лиц являются враждебность и дисфункциональная когнитивная РЭ, выраженная в виде частого использования неадаптивных стратегий РЭ и редкого использования адаптивных стратегий РЭ.

1. Кузнецова С.О., Абрамова А.А. Враждебность и психическое здоровье [Электронный ресурс] // Психология и право. 2011. Том 1, № 2. URL: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2011/n2/40886.shtml>
2. Луканова Е.В. Враждебность как коммуникативная установка личности: психосемантический аспект // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. 2008. № 3. С. 428-433.
3. Ениколопов С.Н., Чудова Н.В. Проблема проявлений враждебной установки [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2017. Т. 10, № 54. С. 12. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2017v10n54/1459-enikolopov54.html>
4. Ениколопов С.Н. Враждебность в клинической и криминальной психологии // Национальный психологический журнал. 2007. № 1(2). С. 33-39.

Индивидуально-психологические особенности девушек с расстройством пищевого поведения

Расстройства пищевого поведения, булимия, акцентуации характера, мотивационная сфера, мотивация достижения

Изучение расстройств пищевого поведения (РПП) получило широкое распространение в современной психологии. Психологический фактор оказывает значительное влияние на происхождение данных расстройств и их течение. Стоит отметить, что зачастую булимию и анорексию объединяют в одно расстройство — булимарексию. Однако это не совсем верно; необходимо различать факторы, в первую очередь психологические, влияющие на развитие РПП, для постановки точного диагноза и оказания соответствующей психологической и медицинской помощи, а также в целях коррекции.

Целью исследования является изучение индивидуально-психологических особенностей девушек, страдающих РПП.

Выборку исследования составили 30 девушек в возрасте 18-23 лет: 1) группа №1 — 10 девушек с РПП (булимия), подтвержденным медицинским заключением; 2) группа №2 — 10 девушек, которые сами себе диагностировали РПП; 3) группа №3 — 10 девушек без РПП.

Методики исследования:

1. Тест-опросник Г. Шмишека, К. Леонгарда.
2. Тест-опросник мотивации достижения, модификация тест-опросника А. Мехрабиана (адаптация М.Ш. Магомед-Эминова).
3. Опросник мотивации А.А. Реана.

Результаты исследования:

Опросник «Акцентуация характера» К. Леонгарда-Г. Шмишека позволил выявить некоторые различия между группами. В группе №1 оказалось наибольшее число испытуемых с выраженными акцентуациями характера; в ней были выявлены все типы акцентуаций, кроме «застывания»: гипертимность (20%), эмотивность (10%), педантичность (20%), тревожность (30%), циклоидность (10%), демонстративность (20%), возбудимость (20%), дистимность (10%), экзальтированность (50%). Т. о. наиболее часто встречаемая в данной группе акцентуация — экзальтированность, характеризующаяся способностью восторгаться событиями, которые у обычного человека не вызывают эмоционального подъема, и восприятием неудач и горестных событий как трагических.

Среди испытуемых второй группы было выявлено лишь две акцентуации: экзальтированность (у 10%) и возбудимость (у 40%).

Третья группа характеризуется следующей распространенностью типов акцентуаций: эмотивность (10%), циклоидность (20%), возбудимость (20%), экзальтированность (60%).

На следующем этапе с помощью теста мотивации достижения, формы «б», (автор А. Мехрабиан) была исследована мотивация достижения поставленных целей испытуемых. Наименьший балл был зарегистрирован в первой группе — 86,6; во второй группе этот показатель равнялся 95,7 баллам. Различия между показателями первых двух групп не значимы (U-критерий Манна-Уитни); т. о. в обеих группах движущей силой в достижении поставленных целей является избегание неудач. В свою очередь третья группа также попадает в эту категорию, и ведущей направленностью мотивации является избегание неудач.

Для решения задачи изучения мотивационной сферы испытуемых также был использован опросник А.А. Реана. С его помощью удалось установить различия между первой и второй группой: во второй группе средний результат 6,9 баллов — ведущая роль боязни неудач в деятельности. В первой группе средний балл 9,4 — неявно выраженный мотивационный полюс. Следовательно, не представляется возможным утверждать, какая именно компонента мотивационной сферы преобладает.

Таким образом, была выявлена особенность испытуемых из первой группы, страдающих РПП, — высокая частота встречаемости акцентуаций характера. Полученные результаты, а также имеющиеся в литературе данные о взаимосвязи образа Я и акцентуаций характера позволяют предполагать наличие связей и между РПП и акцентуированием тех или иных черт характера, что особенно актуально в подростковом возрасте, на который приходится пик проявления РПП [1]. Это подчеркивает необходимость учета всего ряда многочисленных факторов развития РПП и, следовательно, корректного соотношения медикаментозного лечения и психотерапии.

1. Дубовицкая Т.М. Взаимосвязь образа Я и акцентуаций характера в старшем подростковом возрасте // Инновации в науке и практике: Сб. ст. по мат. IX межд. науч.-практ. конф. — Уфа: ООО «Дендра», 2018. — С. 171-177.

Особенности образа тела у пациентов с избыточной массой тела и ожирением

Образ тела, бариатрия, психологическое сопровождение

Соотнесение реального телесного облика с обликом тела, как его ментальной репрезентации является одной из задач реабилитационного процесса по сопровождению больных после операционного вмешательства в результате бариатрической хирургии (бандажирование желудка, продольная резекция или гастропунтирование), направленного на повышение уровня осознания собственной способности контролировать события своей жизни, отношения с другими людьми и состояние своего здоровья, в том числе — массу тела.

Реализуемая программа психологического сопровождения действует в ФГАУ «НМИЦ ЛРЦ» Минздрава России с 2016 года и соответствует стандартам международных протоколов ведения бариатрических больных. В работе представлены результаты исследования 40 человек в возрасте от 25 до 54 лет. В исследовании принимали участие: 1я экспериментальная группа — ИМТ > 35, что при наличии сопутствующих заболеваний, соответствует хирургическим показаниям для бариатрической операции; 2 экспериментальная группа — ИМТ характерный для показателей избыточного веса или 1й степени ожирения (25-34,9) — что соответствует рекомендациям для установления внутрижелудочного баллона; контрольная группа — ИМТ соответствовал нормативным показателям. Используемая в работе методика «Образ собственного тела»/«Промеры по М. Фельденкрайзу» в адаптации И.А. Соловьевой (Соловьева, 2017), является одной из пула комплексного скринингового инструментария, направлена на выявление бессознательного образа тела или телесного образа Я. Полученные результаты фиксируют качественное своеобразие группы с избыточной массой тела и ожирением I стадии: наиболее выраженные искажения образа тела приходится на ширину головы (среднее искажение 41%), ширину грудной клетки (31%), талию (27%) и бедра (28%), что характеризует проблемные зоны соответствующие экзогенно-конституциональному ожирению гиноидного (ягодично-бедренного) или абдоминального (висцерального) типа, а также отражают трансформацию образа тела в соответствии с оральной структурой характера (с позиции бодинамического анализа Л.Марчер). Ширина грудной клетки традиционно соотносится с эмоциональной сферой. Искажение образа тела в этой области в сторону увеличения (67%) свидетельствует о избыточных чувствах, которые переживает этот человек и фрустрацию сферы достоинства за счет носительства лишнего веса. Искажения образа тела на уровне талии (область живота) неотъемлемо связывается с потребностью в питании/существовании. Искажение этой области может быть интерпретировано как ущемление права на жизнь, любовь, заботу, а также на экспрессию своих чувств. Наиболее яркий результат, полученный в ходе подсчетов данных по данной методике — искажения образа тела по параметрам «ширина головы» и «высота головы», может свидетельствовать о преобладании механизмов рационализации, отказ от осознания и рефлексии по поводу своего собственного состояния.

Неудовлетворенность образом своего тела входит в число ведущих причин эмоционального дискомфорта и хронического стрессового состояния. Зафиксированное искажение образа физического Я у больных с избыточной массой тела и ожирением, в частности, переоценка ими размеров собственного тела, может рассматриваться как фактор, усиливающий дезадаптацию больных и затрудняющих лечебный процесс. Полученные результаты позволяют скорректировать программу психологического сопровождения бариатрических пациентов, дополнив работу по социально-психологической адаптации к новому стилю жизни, психокоррекционной работой по снижению влияния механизмов рационализации, раскрытию эмоциональной сферы, поддержанию человеческого достоинства и укреплению права на принятие, заботу и любовь.

1. Соловьева И.А. Кто мы на самом деле. О бессознательном образе тела. — М.: Институт консультирования и системных решений, 2017

Миرونченко М.Н.
Томский государственный университет

Важенин А.В.
Челябинск, Южно-Уральский государственный медицинский университет

Циринг Д.А.
Томский государственный университет, Челябинский государственный университет

Особенности психологических факторов риска заболевания люминальным раком молочной железы в зависимости от средовых условий жизнедеятельности

Онкопсихология, рак молочной железы, средовые условия жизнедеятельности

Введение. Решение проблемы снижения заболеваемости злокачественными новообразованиями является не только задачей науки, но и национальной целью и стратегической задачей развития России. Проект направлен на системное исследование психологических факторов риска и носит пролонгированный характер, что позволит оценить риск заболевания в связи с субъективными психологическими факторами, индивидуальными особенностями самого больного человека [1,2], а также средовыми условиями жизнедеятельности (место проживания).

Существуют различия заболеваемости злокачественными новообразованиями среди жителей городской и сельской местности, что ежегодно подтверждается статистическими отчетами онкологической службы Челябинской области. Так, в 2018 году заболеваемость городского населения злокачественными новообразованиями составила 489,6 на 100 тыс. населения, а сельского — 451,2 на 100 тыс. населения,

Проект поддержан Российским фондом фундаментальных исследований, грант № 20-013-00824 А «Психологические факторы риска заболевания злокачественными новообразованиями у женщин, проживающих в промышленном мегаполисе и сельской местности»

Материалы и методы. В исследование включены 143 женщины, больные раком молочной железы, проживающие в Челябинской области. Критери отбора: морфологически верифицированный люминальный рак молочной железы и получение специальной противоопухолевой терапии по радикальной программе. Данные критерии включения были выбраны, так как исследование включает изучение одно-, трех- и пятилетней выживаемости.

Средний возраст женщин, включенных в исследование, составил 56,03 года. Люминальный А тип был у 106 пациенток (74,1%), люминальный В — у 37 женщин (25,9%). G2- 62,2% случаев, низкодифференцированный рак встретился у 29,37%, высокодифференцированный рак — 6,29% случаев, и Gx — 2,1% случаев. Рак левой молочной железы был в 55,2% случаев. По стадиям распределение следующее: I стадия — 70 пациенток (48,95%), II стадия — 56 (39,16%), III стадия — 11 (7,69%), одна пациентка имела IV стадию заболевания.

Первая группа, пациентки, проживающие в сельской местности, оказалась самой малочисленной, 20 человек (13,99%), средний возраст в группе составил 55,89

лет. В группе преобладал люминальный А тип опухоли, 90% случаев, по степени дифференцировки инвазивной карциномы случаи распределились поровну между низко- и умереннодифференцированными опухолями, по 50% ровно. Чаще встречались опухоли левой молочной железы, в 60% случаев. I стадия была у 18 человек, что составляет 90% численности группы, II стадия была у 6 человек, III стадия не встретилась.

Группа 2 составлена из пациенток, живущих в городах, численностью населения менее 500 тыс. человек, n=58. Средний возраст в группе 56,1 лет. Gx — 1,72%, G1 — 31,03%, G2 — 60,34%, G3 — 6,9%. В этой группе локализация в правой молочной железе была чаще, в 55,2% случаев. I стадия — 39 человек, что составляет 67,2% численности группы, II стадия была у 12 человек, III стадия — у 9 человек и у одной женщины была IV стадия заболевания.

Группа 3 (n=65) — пациентки, живущие в г. Челябинск с населением более 1 млн. человек. Средний возраст: 56,04 лет, опухоль чаще локализовалась в левой молочной железе (63%), чаще была умереннодифференцированная инвазивная карцинома (67,7%). I стадия — 53 человека (81,5%), II стадия была у 7 человек, III стадия — у 7 человек.

Выводы: таким образом, мы видим, что по медицинским факторам течения болезни группы отличаются между собой. Следующим этапом исследования является изучение психологических факторов совладания с психотравмирующей ситуацией у этих пациенток.

1. Беляев А.М., Чулкова В.А., Семиглазова Т.Ю., Рогачев М.В. Онкопсихология для врачей-онкологов и медицинских психологов. / Руководство. — Любавич. — СПб. — 2017. — 352 с.
2. Manne S.L., Pape S.J. Functional impairment, marital quality, and patient psychological distress as predictors of psychological distress among cancer patients' spouses. / Health Psychol. — 2001. — № 20. — p.p. 452–457.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00426)

Панические атаки у лиц, больных миастенией

Панические атаки, миастения, тревога, депрессия, лабильность

Актуальность исследования четко прослеживается, так как неврологическое заболевание Миастения все больше начинает распространяться среди населения. Данное заболевание часто сопровождается приступами панических атак, которые различаются по интенсивности тяжести, что также осложняет лечение и реабилитацию больных с миастенией. В связи с этим актуальным становится рассмотрение проблемы взаимосвязи заболевания миастенией и наличием панических атак на выраженность тревоги и депрессии, а также на уровень выраженности определенных личностных черт.

Гипотеза: Существуют особенности уровня проявления депрессии и тревоги, а также выраженности личностных черт у людей с заболеванием миастения и здоровых людей, страдающих паническими атаками и не страдающих ими.

Наше исследование одно из первых обращается к особенностям совместного влияния проявлений миастении и панических атак на личностные черты и уровень депрессии у больных миастенией.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что результаты исследования расширят знания об психологических особенностях заболевания миастения, влияние на эти особенности панических атак.

Практическая значимость. Результаты исследования могут быть полезны при работе с больными миастенией в период лечения и реабилитации, а также при составлении психокоррекционных программ для работы с депрессией и тревогой больных миастенией.

Исследование проходило с января 2018 года по апрель 2018 года. Сбор данных происходил дистанционно. Испытуемые проходили онлайн исследование. Оно состояло из 3 методик исследования, направленных на изучение характерологических особенностей и психосоматических проявлений. Испытуемые были разделены на 4 группы по 20 человек в каждой, в зависимости от наличия миастении и панических атак всего в исследование приняло участие 80 человек.

- Группа 1: лица, болеющие миастенией и страдающие паническими атаками.
- Группа 2: лица, болеющие миастенией без проявлений панических атак.
- Группа 3: лица, не болеющие миастенией, но страдающие паническими атаками.
- Группа 4: лица, не болеющие миастенией и не страдающие паническими атаками.

Применялись следующие методики исследования: тест тревоги Шихана (Тарабрина Н.В., 2007), использовалась для выявления выраженности расстройств тревожного спектра. Опросник депрессии А. Бека (Тарабрина Н.В., 2007), для выявления уровня депрессии. Индивидуально-типологический опросник Л.Н. Собчик (Собчик Л.Н., 2007), для определения уровня выраженности свойств личности.

По результатам исследования мы можем сделать следующие выводы:

1. Для больных миастенией характерен высокий уровень тревоги и высокий уровень депрессии, а также выраженность сензитивности как черты личности, предполагающей чувствительность к окружающей среде.

2. Уровень депрессии выше у людей, которые больше склонны к интровертированности и для которых не характерно проявление независимости и принятия необдуманных решений. При этом люди с высоким уровнем депрессии более чувствительны к внешнему миру.

Выявлен факт взаимовлияния наличия заболевания миастения и панических атак на выраженность лабильности как черты личности. Лабильность выше в группе людей, не имеющих заболевания миастения, но страдающих паническими атаками в отличие от людей, имеющих заболевание миастения, и страдающих паническими атаками. Было проведено исследование взаимосвязи факта заболевания миастенией и наличия панических атак на выраженность депрессии, тревожности и личностных черт. Были рассмотрены особенности выраженности депрессии, тревожности и других личностных черт больных миастенией и здоровых людей, а также людей, страдающих паническими атаками.

В итоге мы можем говорить о том, что поставленная в начале исследования гипотеза подтвердилась частично — выявлен эффект взаимного влияния на выраженность лабильности как черты личности. Полученные данные согласуются с уже ранее подтвержденными фактами относительно уровня депрессии и тревожности больных миастенией (Конькова Д.Ю., Карнаух В.Н., 2016).

Программа психологической реабилитации больных с ОНМК (острое нарушение мозгового кровообращения)

Психологическая реабилитация, поведенческие стратегии, тревога, депрессия, когнитивные установки, больные с ОНМК

Проблема лечения и реабилитации больных с ОНМК (острое нарушение мозгового кровообращения) является одной из наиболее актуальных и трудных в современной неврологии.

В настоящее время отмечается рост числа сосудистых заболеваний. Примерно 40% инсультов влекут нарушения высших психических функций в большинстве случаев приводит к инвалидизации. (1,2).

Ежегодно в Российской Федерации свыше 450 тыс. человек переносят острые нарушения мозгового кровообращения. Последствия острых нарушений мозгового кровообращения лидируют среди причин первичной инвалидности.. (2,3).

Состояние пациентов после инсульта в пост операционный период отличается высокой тревожностью, высоким уровнем депрессии, возможны неадекватные когнитивные установки.

В дальнейшем психологическое состояние больного и его ощущение благополучия/неблагополучия, зависят как от течения болезни и эффективности медикаментозной терапии, так и от его способности справиться со своими проблемами либо примириться с ними (4,5,6).

Целью данной работы является изучение психологического состояния пациентов с ОНМК и разработка программы лично-ориентированной психологической реабилитации.

Задачи:

1. выявить степень выраженности уровня тревоги и уровня депрессии;
2. исследовать специфику когнитивных установок и поведенческих стратегий пациентов с ОНМК
3. разработать программу лично-ориентированной психологической реабилитации

Объект:

Пациенты с ОНМК (острое нарушение мозгового кровообращения) с диагнозом «Ишемический инсульт».

Предмет:

эмоциональное состояние, отношение к болезни и поведенческие реакции пациентов с ОНМК,

Методики исследования

- Исследование эмоционального состояния — шкала ситуативной и личностной тревожности Ч.Д. Спилбергера (адаптация Ю.Л.Ханина.)
- исследование психопатологической симптоматики — шкала депрессии (адаптация Т.И.Балашовой).

- исследование поведения в болезни — скрининговая методика диагностики копинг-механизмов тест Э.Хейма (E.Heim)
- исследование отношения к болезни — методика «ТОБОЛ» (Санкт-Петербургский научно-исследовательский психоневрологический институт им. В.М. Бехтерева), направленная на диагностику типа отношения к болезни;
- исследование актуальных психологических потребностей клиента — анкета «Мои потребности и пожелания» (разработана Пинеквич О.Ю.)

Результаты

Из результатов статистического анализа следует, что ситуативная (67,74%) и личностная (58,06%) тревожность высока.

Предположение о высоком уровне депрессии не подтвердилось. У 87,1% обследуемых депрессия не диагностировалась.

Большой процент обследуемых отмечают высокую потребность в информировании:

Мне хотелось бы более полной информации о моем заболевании — 77,42%

Мне не хватает информации о моем состоянии и перспективах выздоровлении — 96,77%

Мне нужна возможность обсудить свои сомнения и опасения — 64,52%

Необходимость моральной и психологической поддержки отметили 38,1% испытуемых

Потребность во взаимодействии с другими больными отметили 41,94% испытуемых

Готовность принимать новую жизненную ситуацию готовы 25,81% испытуемых

Анализ результатов копинг — стратегий показал, что когнитивный фактор владеющего поведения адекватен у 51,6% выборки, эмоциональный — у 58,1% , а поведенческий — у 35,5 процентов обследуемых.

По итогам исследования разработана программ психологической реабилитации больных с ОНМК

Программа состоит из четырех модулей и включает в себя:

- Информирование.
- Эмоциональное отреагирование.
- Принятие ситуации.
- Поиск психологических ресурсов.

1. Виленский Б.С. Инсульт — современное состояние проблемы. Неврологический журнал. — 2008. — № 2.
2. Виленский Б.С., Тупицын Ю.С. Аффективно-эмоциональные нарушения, осложняющие инсульт. Неврологический журнал. — 2003. — Т. 8, № 2.
3. Григорьева В.Н., Тхостов А.Ш. Психологическая помощь в неврологии: монография. — Н. Новгород: Нижегород. гос. мед. академия, 2009. — 444 с.

Специфика самоповреждения и эмоциональной дисрегуляции при пограничных психических расстройствах

Эмоциональная дисрегуляция, осознанность, самоповреждающее поведение, пограничные психические расстройства

В сообщении изложены результаты клинико-психологического исследования эмоциональной дисрегуляции в связи с самоповреждающим поведением (СП). В качестве гипотезы выступило предположение о связи частоты и тяжести самоповреждения с эмоциональной дисрегуляцией у пациентов с пограничными психическими расстройствами (ППР).

Выборку составили пациенты, госпитализированные с несуицидальными самоповреждениями или суицидальными попытками в соматопсихиатрическое отделение для хирургических больных НИИ скорой помощи им. Н.В. Склифосовского (N=30) с диагнозами: реакция на тяжелый стресс и нарушения адаптации (F43), специфические расстройства личности (F60), психические и поведенческие расстройства, вызванные употреблением алкоголя (F10), депрессивный эпизод (F32). Из них 12 (40%) женщин и 18 (60%) мужчин в возрасте от 18 до 52 лет (Mвозр.=32, SD= 9,36). Специфика самоповреждений характеризовалась преимущественно одиночными или множественными резаными ранениями в областях предплечий, кистей рук, голеней, бьюшины.

Использовались следующие методики: опросник эмоциональной дисрегуляции — ЭДР (Польская, Разваляева, 2017), шкала причин самоповреждающего поведения — ПСП (Польская, 2014), пятифакторный опросник осознанности — ПФОО (Юмартова, Гришина, 2016).

Шкала ПСП позволяет выделить соматические самоповреждения — самоповреждения, связанные с расцарапыванием, ударами по телу, расчесыванием кожи и т.п.; и инструментальные самоповреждения (с использованием инструмента) — порезы, проколы, прижигание кожи и т.п. Также можно выделить две общие стратегии самоповреждений: 1) изменение своего эмоционального состояния — самоконтроль; 2) изменение межличностных отношений (получение поддержки, демонстрация своих чувств и др.) — межличностный контроль.

В целом, были выявлены значимые взаимосвязи ($p .05$) между эмоциональной дисрегуляцией и СП. Соматический тип СП коррелирует с избеганием ($r_s = .41$) и трудностями ментализации ($r_s = .63$), имеет отрицательные связи ($p .05$) с такими факторами осознанности как осознанность в действиях ($r_s = -.55$), безоценочность» ($r_s = -.48$), описание ($r_s = -.42$). Аналогичные связи ($p .05$) были получены между инструментальным типом СП и избеганием ($r_s = .63$), трудностями ментализации ($r_s = .68$), руминацией ($r_s = .59$), и отрицательные связи с осознанностью в действиях ($r_s = -.42$).

Стратегии СП — самоконтроль и межличностный контроль — оказались отрицательно связаны со шкалами осознанности ($p = .01$).

Анализ с точки зрения специфики самоповреждения — 1) «однократное, простое резаное ранение», 2) «множественное, тяжелое резаное ранение» — позволил обнаружить, что в 1й подгруппе наибольшее число значимых взаимосвязей между способами СП и ЭДР, что говорит о реактивной природе данных самоповреждений, ориентированных, прежде всего, на межличностные отношения и отыгрывание эмоций. Тогда как значимые связи множественных порезов фокусируются на конкретных стратегиях СП и формах ЭДР, что может указывать на уже сформированную модель СП.

Анализ различий внутри групп по диагнозу показал, что наиболее высокие показатели по такой стратегии СП как воздействие на других были получены у пациентов с психическими и поведенческими расстройствами, вызванными употреблением алкоголя.

Были также обнаружены половые различия: мужчины значимо чаще указывали стратегию «воздействие на других» как причину самоповреждений (критерий Манна-Уитни, $p = .04$).

Таким образом, полученные данные свидетельствуют о связи эмоциональной дисрегуляции с самоповреждениями. Частота самоповреждений связана как со снижением осознанности, так и с повышением дисрегулятивных форм эмоциональной жизни. Однократные порезы свидетельствуют в большей степени об отыгрывании негативных эмоций, а множественные, тяжелые саморанения — о сформированной модели самоповреждения, когда оно становится осознанным приемом межличностного взаимодействия. В данном исследовании это наиболее выражено у пациентов мужского пола с психическими и поведенческими расстройствами, вызванными употреблением алкоголя.

Эмоциональная дисрегуляция и психологический дистресс при нарушениях пищевого поведения

Эмоциональная дисрегуляция, психологический дистресс, нарушения пищевого поведения

В сообщении представлены результаты исследования, проведенного в онлайн-сообществах, связанных с нарушениями пищевого поведения. Совокупная выборка составила 402 респондента в возрасте от 15 до 25 лет, из них 378 женщин. Методики: опросник эмоциональной дисрегуляции — ЭДР (Польская, Разваляева, 2017), краткий опросник «Большой пятерки» — КОБП (Корнилова, Чумакова, 2016), опросник выраженности психопатологической симптоматики SCL-90 (Тарабрина, 2001), а также анкета, включившая вопросы об особенностях пищевого поведения. В качестве гипотезы было выдвинуто предположение о связи нарушений пищевого поведения с психологическим дистрессом и эмоциональной дисрегуляцией.

Результаты. На основе анализа анкеты были выделены подгруппы участников онлайн-сообществ: а) ориентированные на похудение — да (64,7%) / нет (35,3%); б) имеющие клинически установленные диагнозы расстройств пищевого поведения (РПП) (16,3%) / условно здоровые (83,7%). При проведении сравнения между подгруппами по наличию/отсутствию диагноза РПП группа сравнения подбиралась рандомизированным образом из условно здоровых.

Наиболее высокие показатели по психопатологической симптоматике и эмоциональной дисрегуляции были выявлены у респондентов: а) указавших клинически установленные диагнозы РПП ($p < .001$); б) ориентированных на похудение ($p < .001$). Так, самые высокие значения почти по всем шкалам SCL-90 и по руминации (ЭДР) обнаружались в подгруппе с избегающим/ограничительным расстройством приема пищи; а у респондентов с нервной булимией оказались наиболее высокие значения по шкале психотизма (SCL-90), избегания и трудностей ментализации (ЭДР).

Наиболее сильные связи между шкалами ЭДР и SCL-90 были выявлены в подгруппах с диагностированным РПП и/или ориентированных на похудение. Связи Большой пятерки с ЭДР и SCL-90 имели отрицательное значение. В группе с РПП наиболее высокозначимыми оказались связи ($p < .01$) между шкалами: руминация и — тревожность ($r_s = .76$), депрессия ($r_s = .69$), эмоциональная стабильность ($r_s = -.56$); избегание и — депрессия ($r_s = .62$); трудности ментализации, психотизм ($r_s = .64$) и др.

При сравнении по возрасту наибольшая частота диагностированных РПП оказалась в группе 15–19 лет ($p = .00$) по сравнению с 20–25-летними. В этой же возрастной подгруппе оказались более высокие значения по шкалам: трудности ментализации ($p < .05$), соматизация ($p < .05$), обсессивно-компульсивная симптоматика ($p < .01$), враждебность ($p < .05$), паранойяльность ($p < .05$) и общий индекс тяжести симптомов ($p < .05$).

Таким образом, гипотеза о связи эмоциональной дисрегуляции и психопатологической симптоматики с нарушениями пищевого поведения подтверждается представленными результатами, причем в более молодом возрасте (15–19 лет) эти связи более выражены и распространены проблем, связанных с нарушениями пищевого поведения более высокая. Это может быть связано как возрастными рисками личностной патологии [2], так и с современными культурными установками и идеализацией в социальных медиа «худого тела» [1; 3].

1. Григорьева Д.А., Польская Н.А. Идеализация тела в социальных сетях как фактор риска нарушений пищевого поведения у девушек // VII Всероссийская научно-практическая конференция по психологии развития (чтения памяти Л.Ф. Обухова) «Возможности и риски цифровой среды». Т. 2. / ред. Баилова Т.А. и др. М.: Изд-во ФГБОУ ВО МГППУ, 2019. С. 346–348
2. Польская Н.А., Соловьянова Ю.А. Нарциссические черты личности и их взаимосвязь с разными аспектами самооотношения в молодежной выборке [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. 2019. Т. 8. № 4. С. 74–92.
3. Якубовская Д.К., Польская Н.А. Идеал «худого тела» и самообъективация в социальных медиа // VII Всероссийская научно-практическая конференция по психологии развития (чтения памяти Л.Ф. Обухова) «Возможности и риски цифровой среды». Т. 2. / ред. Баилова Т.А. и др. М.: Изд-во ФГБОУ ВО МГППУ, 2019. С. 368–371.

Подготовлено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), № 20-013-00429

Субъективное восприятие физического и ментального здоровья у женщин с онкологическим диагнозом, проживающих в промышленном мегаполисе и сельской местности

Онкопсихология, рак молочной железы, средовые факторы, качество жизни

Интегральным показателем физического, психологического, эмоционального и социального функционирования больного, основанным на его субъективном восприятии выступает качество жизни (Bush J.W., Kaplan R.M., 1982). Качество жизни связано с протеканием болезни, а также с процессом выздоровления (John E. Ware, Cathy D. Sherbourne, 1992). Кроме психологических факторов течения болезни, важно изучать связь со средовыми условиями жизнедеятельности, в частности местом проживания. Сравнительный анализ качества жизни женщин, больных злокачественными новообразованиями на различных стадиях, проживающих в промышленном мегаполисе и сельской местности, представляет возможность выявить факторы риска возникновения онкологического заболевания, описания психологических особенности больных, проживающих в различных экологических и социокультурных условиях.

Цель исследования — изучить различия показателей качества жизни женщины, с онкологическим диагнозом (рак молочной железы), проживающих в промышленном мегаполисе и сельской местности.

Выборка исследования: 146 российских женщин в возрасте от 25 до 80 лет с диагнозом — рак молочной железы на различных стадиях болезни. Из них 63 чел. проживает в мегаполисе, 59 чел. — в малом городе и 24 чел. в сельской местности.

Методы исследования: Опросник SF-36 (Medical Outcomes Study 36-item short form health survey). Непараметрический критерий Н-Крускала-Уоллиса.

Результаты и обсуждение. Математическая обработка эмпирических данных свидетельствует о достоверных различиях некоторых показателей качества жизни женщин больных раком молочной железы, проживающих в промышленном мегаполисе, малых городах и сельской местности. Различия на уровне тенденции получены по показателю «Жизненная активность» (VT) ($H=5,3; p=0,7$). Женщины, проживающие в промышленном мегаполисе ($M=50,7$), а также женщины из малых городов ($M=45,8$) в меньшей степени, чем женщины из сельской местности ($M=61,9$) ощущают себя полными сил и энергии, то есть жизнеспособными. Женщины, больные раком молочной железы, проживающие в мегаполисе и малых городах, чаще испытывают состояние утомления и снижение жизненной активности. Достоверные различия получены по показателю «Психологическое здоровье» (MH) ($H=7,02; p=0,03$). Психологическое здоровье как интегративный показатель положительных эмоций, статистически ниже у женщин, больных раком молочной железы, проживающих в малых городах ($M=44,7$), а также у женщин, проживающих в мегаполисе ($M=46,5$). Эти женщины чаще чувствуют тревогу, переживают депрессивные эмоции, психологическое неблагополучие, чем женщины проживающие в сельской местности ($M=60$).

Полученные особенности могут быть связаны с наличием большего числа городских стресс-факторов, а также экологической составляющей, характерных для мегаполисов и малых городов.

Таким образом, женщины, больные онкологическим заболеванием, проживающих в промышленном мегаполисе, малых городах и сельской местности имеют особенности субъективного восприятия физического и ментального здоровья. Учет полученных данных при лечении может способствовать эффективности выздоровления.

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ (проект № 20-013-00824 Психологические факторы риска развития злокачественных новообразований женщин, проживающих в промышленных мегаполисах и сельской местности)

Жизненная ориентация и картина мира у женщин, больных раком молочной железы

Онкопсихология, рак молочной железы, жизненная ориентация, картина мира, убеждения

Решение проблемы выживаемости и эффективности лечения при заболеваниях злокачественными новообразованиями является не только задачей науки, но и национальной целью и стратегической задачей развития Российской Федерации. Данные о психологических личностных детерминантах создают научные основы, позволяющие использовать субъективные психологические факторы, наряду с медицинской практикой, в работе с онкобольными для улучшения их качества жизни. То, как женщины с раком молочной железы думают о себе, о других и о мире вокруг них, оказывает большое влияние на их диагностику, лечение, разработку жизненных стратегий и реорганизацию их жизненного пространства, и, что наиболее важно, на исход болезни. Жизненная ориентация в контексте теории диспозиций рассматривается как особенности ожиданий человека относительно будущего. Ч.С.Карвер, М.Ф.Шейер связывают диспозиционный оптимизм и здоровье [1].

Цель исследования — изучить взаимосвязь жизненной ориентации и картины мира у женщин, больных раком молочной железы, находящихся на различных стадиях заболевания.

Выборка исследования: 191 женщина в возрасте от 25 до 65 лет с диагнозом — рак молочной железы на различных стадиях заболевания.

Методы исследования: World Assumptions Scale, Janoff-Bulman R., адаптация М. А. Падун, А. В. Котельниковой [2], Life Orientation Test, Scheier M.F., Carver C.S, адаптация Циринг Д. А, Эвниной К. Ю.[3].

Результаты и обсуждение. Во-первых, полученные эмпирические данные, свидетельствуют о специфической картине мира женщин больных раком молочной железы. Несмотря на смертельный диагноз, картина мира женщин с раком молочной железы имеет позитивный образ: убежденность в доброжелательности окружающего мира ($M=35,1$), в справедливости окружающего мира ($M=21,9$), убежденность в возможности контролировать события ($M=26,1$), представление о ценности и значимости собственного «Я» ($M=28,8$), и удачливости ($M=32$). Также жизненная ориентация как личностная predisposition занимает промежуточное значение ($M=67,9$), что означает, что женщины с РМЖ не проявляют крайнего пессимизма в отношении своего будущего, но и не демонстрируют оптимистического представления о своём будущем. Корреляционный анализ показателей картины мира с показателем жизненной ориентации у женщин с раком молочной железы свидетельствует о положительных взаимосвязях на высоком уровне значимости ($p=0,001$). Оптимизм/пессимизм как черта личности сопряжена с картиной мира у женщин с раком молочной железы.

Выводы. Рассматривая вслед за Ч.С.Карвер, М.Ф.Шейер оптимизм как черту личности, можно предположить, что она является буфером против неблагоприятных психологических и физических последствий болезни. Показатели оптимизма/пессимизма являются медиаторами между благоприятным психологическим климатом в медицинском учреждении (высококвалифицированные врачи, отзывчивый медицинский персонал, поддержка другими женщинами по палате), физическим облегчением симптомов болезни и картиной мира, которая приобретает позитивный образ. Таким образом, показатели оптимизма являются медиаторами позитивной картины мира у женщин с раком молочной железы, опосредуя социальную поддержку и эффект от лечения.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00426)

Попова Т.Л.

Салехард, Государственное Казенное учреждение Ямало-ненецкого автономного округа
"Научный центр изучения Арктики"

Семикин В.В.

Государственное Казенное учреждение Ямало-ненецкого автономного округа "Научный
центр изучения Арктики"

Кострицын В.В.

Салехард, Государственное Казенное учреждение Ямало-ненецкого автономного округа
"Научный центр изучения Арктики"

Социально-психологические и клинические аспекты адаптации коренных жителей в условиях трансформации образа жизни на Ямале

Коренное малочисленное население, нервно-психическая адаптация

Активное развитие нефтяной и газовой промышленности в связи с освоением Арктических территорий ЯНАО приводит к серьезным изменениям «образ жизни» жителей коренного малочисленного населения. Все чаще происходит переход к оседлому образу жизни при котором аборигенное население вынуждено адаптироваться к новым социальным условиям [Харючи 2004]. В этой связи социально-психологическая адаптация, уровень психического здоровья становится основным предметом изучения, так как полное психическое здоровье расценивается как оптимальная адаптация, при которой взаимодействие человека с присущими ему биологическими и психологическими факторами обуславливает не только степень психического здоровья, но и, при возникновении заболеваний оказывает влияние на клинические проявления, течение и дальнейший прогноз.

Цель исследования: определение уровня нервно-психической адаптации, уровня стресса у поселковых жителей из числа КМНС в условиях трансформации образа жизни, проживающих на ЯМАЛЕ.

Материалы и методы. В социально-психологическом исследовании приняли участие 337 человек из числа коренного малочисленного населения (ненцы) проживающие в отдаленных поселках на ЯМАЛЕ. Средний возраст всех респондентов 42 года, из них мужчин 30,0% средний возраст 40,5 лет, женщин 70,0% средний возраст 42,9 лет. Оценка психической адаптации проводилась с применением психометрической методики (Тест нервно-психической адаптации (НПА) [Гурвич 1992], уровень стресса определяли при помощи шкалы психо-социального стресса Л. Ридера [Копина 1994].

Было выявлено, что респонденты с высоким уровнем НПА (оптимальная адаптация) составили 40,6%. Средний уровень НПА, классифицируется как психоадаптационные состояния отмечался в 27,0% случаях. Низкий уровень НПА был отмечен у 32,4% респондентов, у которых отмечалось ограничение психического здоровья, признаки стресса и которое обычно классифицируется как психозеадаптационное состояние.

Гендерный анализ показал, что мужчин достоверно больше с оптимальной адаптацией по сравнению с женщинами (59,4% и 32,6% соответственно при $p=0,01$). Обратная тенденция отмечается в группе респондентов с низким уровнем НПА, женщин достоверно больше по сравнению с мужчинами (40,2% и 13,9% соответственно при $p=0,01$).

Проведенный эпидемиологический анализ распространенности отдельных жалоб — симптомов «актуального характера» у респондентов с психодезапатационными состояниями, показал высокую распространенность жалоб как психосоматического, так и психосоциального характера. «Чувство общей слабости и вялости» отмечали у себя подавляющее большинство опрошенных и составили 61,4%, «быстрая утомляемость, чувство усталости и учащенное сердцебиение» отметили 53,2% опрошенных. С близкой частотой выделяли симптомы — жалобы «головные боли и ощущение «комка» в горле и составили 42,2% и 38,7% соответственно. Отмечено было высокая распространенность психосоциальных актуальных жалоб-симптомов: «сниженное, плохое и подавленное настроение» и составили 58,7% случаев; «опасение по поводу возможного возникновения тяжелого заболевания» в 49,5% случаях, «изменение настроения без видимых причин» отмечали у себя 40,3% респондентов, «чувство тревоги» отметили у себя 31,1% опрошенных.

Заключение: Проведенное исследование показывает необходимость проведения комплексных мероприятий, проведение углубленного психодиагностического и медицинского обследования, в сочетании с методами психологической или психотерапевтической коррекции, с респондентами со средним и низким уровнем НПА. В этой связи, развитие системы психологической помощи жителям национальных поселков на ЯМАЛЕ остаётся весьма важной задачей.

1. Гурвич И.Н. Тест нервно-психической адаптации// Вестник гипнологии и психотерапии. — 1992.- №3.- С. 46-53.
2. Копина О.С., Сулова Е.А. Методические рекомендации для психологов и медицинских работников. — М., 1994. 17 с.
3. Харючи С.Н., Коренные малочисленные народы: проблемы законодательства/ С.Н. Харючи. — Томск: Издательство Томского университета, 2004. — 360 с.

Ростов-на-Дону, Донской государственный технический университет

Сетянова Е.Б.

Ростов-на-Дону, Донской государственный технический университет

Воробьева Е.В.

К вопросу о влиянии пандемии COVID-19 на психическое здоровье населения

Пандемия, вирус, психическое здоровье, стресс, фобии

Вспышка нового вируса застала врасплох не только общество, но и всю систему здравоохранения, которая оказалась недостаточно финансируемой, неравномерно развивающейся и труднодоступной.

В данной работе приведены результаты анализа научных источников, изучавших влияние пандемий и эпидемий на психическое здоровье человека.

По данным опроса, проведенного Фондом семьи Кайзер в марте 2020 года, было установлено, что 45% взрослого населения США считают, что пандемия оказала значительное влияние на их психическое состояние. Федеральная горячая линия США по чрезвычайным ситуациям заявила о том, что в апреле 2020 года нагрузка на операторов увеличилась более чем на 1000% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года[1].

«Служба-112» по Ростовской области приводит статистику, согласно которой количество звонков увеличилось на 40% по сравнению с январем 2020 года, при этом ежедневно поступает более 10000 звонков. Чаще всего обращаются по вопросам медицинской и психологической помощи[2].

Во время подобных социально-экономических потрясений всегда возникает новая пандемия психических заболеваний. Так, исследования установили тесную связь между мировыми экономическими кризисами и суицидами. Ученые из института политики в области психического здоровья Медоуз в Техасе, создали модели, исходя из анализа данных Великой депрессии, которые предполагают, что если уровень безработицы в результате пандемии вырастет на 15%, то суицид совершат 4000 человек и 4800 умрут от передозировки. Если уровень безработицы увеличится на 35%, то самоубийства могут увеличиться на 18000, а смертность от передозировки — на 22000 человек[3].

Стоит отметить, что наиболее уязвимой группой населения, которые более подвержены стрессу из-за пандемии являются люди: пожилые, с хроническими заболеваниями, дети и подростки, медицинские работники, с психическими заболеваниями, бездомные, потерявшие работу, с повышенной тревожностью, страдающие фобиями.

В конце 2019 года нами было проведено исследование психологических особенностей женщин 25–50 лет с проявлениями дисморфофобии с помощью методик: «Ценностные ориентации» М. Рокича, Q-сортировки В. Стефансона, MBSRQ (многокомпонентный опросник отношения к собственному телу) Т. Кэша. Были получены данные о том, что женщины с дисморфофобическими проявлениями выделили для себя такую ценность как «уверенность в себе» ($p=0,02$) как наиболее значимую.

Помимо этого, была обнаружена обратная связь между возрастом и шкалой «Ориентация на внешность» ($r = -0,487$, $p0,013$), интерпретировать это можно как, озабоченность женщин своей внешностью возрастает по мере того как они становятся старше. Для данной группы женщин по методике Q- сортировка средний балл имел значение 0,70 (Q25 = 0,40, Q75 = 0,90), что говорит о низкой самооценке.

Очевидно, что у мирового научного сообщества пока нет долгосрочных прогнозов для COVID-19, но изучение прошлых эпидемий может дать нам представление о том, на что следует обратить внимание в ближайшие несколько месяцев или даже лет.

Подводя итоги, можно отметить, что человечество переживает невероятно сложное время, которое не могло не отразиться на психическом здоровье населения. Изоляция, потеря работы, отрыв от социума, беспокойство о собственном здоровье и здоровье близких, разрушение привычного уклада жизни погрузило многих людей в стресс, тревогу и депрессию. Примером могут послужить женщины с дисморфофобией, которые в следствии низкой самооценки и неуверенности в собственных силах испытывают разного рода страхи. В последствии планируется изучение данной группы уже после окончания пандемии.

1. Шамшева О.В. Новый коронавирус COVID-19(Sars-CoV-2) // Детские инфекции. — 2020. — №19. — С.6-8.
2. «Служба-112» Ростовской области: [сайт]. — Ростов-на-Дону, 2009 — . — URL: <http://112ro.donland.ru/main.aspx> (дата обращения: 11.06.2020). — Текст: электронный.
3. Balachandar Vellingiri, Mahalaxmi Lyer COVID-19: A promising cure for the global panic // Sci Total Environ. — 2020. — №4. — С.72-80.

Локус контроля у пациентов с раком молочной железы с разными личностными характеристиками

Локус контроля, рак молочной железы, личностная беспомощность, самостоятельность

Онкологическое заболевание является заболеванием, представляющим угрозу для жизни и здоровья человека. Относительно природы данного заболевания можно встретить предположения о том, что психологические факторы и определённые личностные особенности могут выступить в роли пускового механизма болезни, а также способствовать её прогрессированию или возникновению рецидива заболевания. В связи с этим, особую актуальность приобретают комплексные исследования, направленные на получение новых знаний о факторах риска заболевания злокачественными новообразованиями, выживаемости онкопациентов и об особенностях течения болезни.

Целью данной работы является изучение особенностей локуса контроля у пациентов с раком молочной железы с личностной беспомощностью и самостоятельностью. В исследовании приняли участие 190 человек с диагнозом «рак молочной железы», находящихся на различных стадиях заболевания, среди которых были сформированы две группы: пациенты с личностной беспомощностью (N=57) и пациенты с самостоятельностью (N=30). Пациенты, имеющие промежуточные показатели, на данном этапе нами не изучались. В качестве методов исследования выступили: тест-опросник субъективного контроля (Дж. Роттер, адаптация Е.Ф. Бажин, С.А. Гольякина, А.М. Эткинд), опросник личностной беспомощности (Д.А. Циринг, А.В. Степаненко). В качестве метода математической статистики использовался U-критерий Манна-Уитни.

Локус контроля — склонность индивида объяснять происходящие события внутренними или внешними факторами, причинами. Самостоятельность / личностная беспомощность являются системным качеством субъекта и задают особую реализацию субъектности, которая проявляется во взаимодействии с миром, поведением и деятельностью. В результате проведённого сравнительного анализа было обнаружено, что пациенты с самостоятельностью считают ответственными за результаты собственной деятельности, достижения и успехи ($p=0,000$), неудачи ($p=0,021$), за события в своей семейной жизни ($p=0,002$) и в области рабочих отношений ($p=0,000$) самого себя, по сравнению с пациентами с личностной беспомощностью. Также женщины с раком молочной железы, характеризующиеся самостоятельностью, считают себя ответственными за собственное здоровье и полагают, что выздоровление во многом зависит от их действий ($p=0,09$). В ряде работ указывается, что интернальный локус контроля играет положительную роль в течение онкологического заболевания,

а также является предпосылкой высоких показателей надежды на выздоровление (Goldzweig, Hasson-Ohayon, Shalit и др., 2016; Van Der Biessen, Klein и др., 2018; Забелина, 2019; Циринг, Евстафеева, 2020).

Таким образом, в результате проведённого сравнительного анализа было обнаружено, что пациенты, характеризующиеся самостоятельностью, обладают внутренним локусом контроля, а пациенты с личностной беспомощностью склонны считать происходящее с ними результатом невезения, стечения обстоятельств, отрицательного влияния других людей. Выявленные различия служат основой дальнейшего эмпирического изучения психологических факторов выживаемости и течения болезни у пациентов со злокачественными новообразованиями, а также для разработки системы психологической поддержки пациентов с онкологией.

1. Забелина Е.В. Локус контроля у больных злокачественными новообразованиями: постановка проблемы // *Ананьевские чтения — 2019: Психология обществу, государству, политике: материалы международной научной конференции*. 2019. С. 205-206.
2. Циринг Д.А., Евстафеева Е.А. Личностные характеристики, копинг-стратегии и качество жизни женщин, больных раком молочной железы // *Общество: социология, психология, педагогика*. 2020. № 4 (72). С. 87-91.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00426)

Трусова А.В.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Березина А.А.
Санкт-Петербург, НМИЦ ПН им. В.М. Бехтерева; СПбГУ

Гвоздецкий А.Н.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Климанова С.Г.
Санкт-Петербург, НМИЦ ПН им.В.М.Бехтерева, СПбГУ

Взаимосвязь показателей импульсивности и воспринимаемого стресса у лиц с зависимостью от алкоголя

Импульсивность, стресс, алкогольная зависимость

Введение. Восприимчивость к стрессу и импульсивность являются независимыми предикторами срывов и рецидивов заболевания у лиц с алкогольной зависимостью, однако на данный момент отсутствует как теоретическое понимание механизмов, связывающих эти два фактора риска, так и представления о характере их взаимодействия и потенциальном аддитивном эффекте с точки зрения развития рецидива. Цель исследования — оценить взаимосвязи между показателями воспринимаемого стресса и проявлениями импульсивности у лиц с зависимостью от алкоголя.

Материалы и методы исследования. В исследование включались пациенты с алкогольной зависимостью (F10.2), проходящие стационарное лечение в НМИЦ ПН им. В.М. Бехтерева, после купирования проявлений синдрома отмены алкоголя. Выборку исследования составили 58 пациентов с зависимостью от алкоголя, из них 50 мужчин (86,2%) и 8 женщин (13,8%), средний возраст составил 39,1 (9,1) (M (σ)) лет. Воспринимаемый стресс оценивался с помощью шкалы воспринимаемого стресса-10 (Perceived

Stress Scale–10, PSS-10) (Абабков с соавт., 2016), проявления импульсивности оценивались с помощью шкалы Барратта (Barratt Impulsiveness Scale, BIS-11) (Ениколопов, Медведева, 2015) с подсчетом факторной структуры по версии Patton с соавт. (Patton с соавт., 1995). Показатели импульсивности и воспринимаемого стресса описывались медианой, 1-3 квартилями Me [Q1;Q3], для анализа взаимосвязей использовался коэффициент корреляции r Спирмена.

Результаты. Показатели воспринимаемого стресса в изучаемой группе составили Перенапряжение = 23 [18; 25], Противодействие стрессу = 11 [8; 12], Общий показатель воспринимаемого стресса = 33 [27; 38]. Показатели импульсивности распределились следующим образом: Общая импульсивность = 67 [60; 73], Импульсивность внимания = 17 [14; 19], Двигательная импульсивность = 23 [21; 27], Импульсивность планирования = 26 [2; 29]. Корреляционный анализ показал значимые взаимосвязи между общим показателем воспринимаемого стресса и всеми показателями импульсивности, кроме двигательной. Перенапряжение из-за

воспринимаемого стресса обнаруживает положительную связь как с Импульсивностью внимания ($r=0,415$, $p=0,001$), так и с Импульсивностью планирования ($r=0,436$, $p=0,001$), в отличие от Противодействия стрессу, показатель которого связан только с Импульсивностью планирования ($r=0,324$, $p=0,013$).

Выводы. Полученные предварительные данные свидетельствуют о том, что у пациентов с зависимостью от алкоголя субъективно воспринимаемый стресс и импульсивность как многомерный конструкт имеют отчетливые взаимосвязи. Импульсивность планирования, отражающая дефицит когнитивных усилий по упорядочиванию повседневной активности, обнаруживает положительную взаимосвязь со способностью противодействовать стрессу и регулировать текущее эмоциональное состояние. Предполагается дальнейший анализ данных с включением показателей эмоциональной регуляции и построение модели, дифференцированно оценивающей вклад данных показателей в усиление влечения к алкоголю.

1. Абабков В. А., Барышникова К., Воронцова-Венгер О. В., Горбунов И. А., Капранова С. В., Пологаева Е. А., Стуклов К. А. Валидизация русскоязычной версии опросника «Шкала воспринимаемого стресса-10» // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 16. Психология. Педагогика. 2016. Вып. 2. С. 6–15. DOI: 10.21638/11701/spbu16.2016.202
2. Ениколопов С.Н., Медведева Т.И. Апробация русскоязычной версии методики «шкала импульсивности Барратта» (BIS-11) [Электронный ресурс] // Психология и право. 2015. Том 5. № 3. С. 75–89. DOI:10.17759/psylaw.2015050307
3. Patton J. H., Stanford M. S., Barratt E. S. Factor structure of the Barratt impulsiveness scale // Journal of Clinical Psychology. 1995. №51. С.768–774.

*Исследование проводится при поддержке РФФИ в рамках научного проекта
№18-013-01237*

Усманова Е.Б.
Москва, НМИЦ онкологии им. Н.Н. Блохина

Щелкова О.Ю.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Сушенцов Е.А.
Москва, НМИЦ онкологии им. Н.Н. Блохина

Софронов Д.И.
Москва, НМИЦ онкологии им. Н.Н. Блохина

Качество жизни пациентов с опухолевым поражением таза в предоперационном периоде

Качество жизни, опухоль костей таза, динамическое исследование, аддитивные технологии

Актуальность. В современной литературе представлены немногочисленные работы, посвященные исследованию КЖЗ пациентов с опухолевым поражением костей таза. Исследователи делают акцент на важности для достижения наилучших функциональных результатов и поддержания качества жизни на оптимальном уровне правильно выбранной тактики лечения и адекватного объема хирургического вмешательства для пациентов с опухолевым поражением таза, что требует динамического изучения основных параметров качества жизни пациентов с данной патологией до и после хирургического лечения.

Целью исследования состоит в изучении основных параметров качества жизни пациентов с опухолевым поражением костей таза в предоперационном периоде.

Выборку исследования составили 10 пациентов с опухолевым поражением таза, среди которых 7 (70%) мужчина; средний возраст $48,15 \pm 8,95$. Все пациенты находились на лечении в хирургическом отделении опухолей опорно-двигательного аппарата и в отделении вертебральной хирургии НМИЦ онкологии им. Н.Н. Блохина. Для изучения основных параметров КЖ использовались «Опросник качества жизни» EORTC QLQ-C30 (Quality of Life Questionnaire Core-30), разработанный группой оценки КЖ при Европейской организации лечения и исследования рака (EORTC — European Organization for Research and Treatment Cancer) и дополнительный модуль VM-22 для оценки КЖ пациентов с опухолевым поражением костей. Математико-статистическая обработка данных проводилась с помощью программы Excel XP.

Результаты. Результаты изучения основных параметров качества жизни пациентов с опухолевым поражением костей таза в период подготовки к операции в объеме эндопротезирования с применением аддитивных технологий свидетельствуют о значительном снижении общего состояния здоровья у больных (данные опросника QLQ-C30), а также о значительном снижении качества жизни пациентов по шкале «Психосоциальные аспекты» (данные модуля VM-22).

Заключение. На следующем этапе исследования будут изучены основные параметры качества жизни пациентов с опухолевым поражением таза после операции, что

позволит в дальнейшем реализовать задачу динамического изучения основных характеристик функционального состояния и ограничений жизнедеятельности больных с опухолевым поражением костей таза в период до и после эндопротезирования с применением аддитивных технологий.

Исследование выполнено при поддержке РФФИ (Рег. № 19-013-00154 А)

Особенности личности женщин с диагнозом рак молочной железы

Особенности личности, онкопсихология, качество жизни, базисные убеждения, субъективный контроль, жизнестойкость

Проблема заболеваемости и лечения рака молочной железы является серьёзной медико-социальной проблемой и заслуживает серьезного внимания, поскольку число таких больных неуклонно увеличивается, а результаты лечения и социально-психологическая реабилитация не могут быть признаны в полной мере достаточно удовлетворительными.

Цель исследования — выявление особенностей личности женщин с диагнозом рак молочной железы.

Методы и методики исследования: «Шкала базисных убеждений» (в адаптации М.А. Падуна и А.В. Котельниковой), «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса, Опросник SF — 36 «Оценка качества жизни», опросник УСК Е.Ф. Бажина, Е.А. Голынкина, А.М. Эткинды, «Тест жизнестойкости» Д.А. Леонтьева, Е.И. Рассказовой, а также методы математической обработки данных. Всего в исследовании приняли участие 294 человека, из них женщины с диагнозом рак молочной железы (191 человек) и здоровые женщины (102 человека).

Результаты. Было выявлено следующее:

- У женщин с диагнозом рак молочной железы (далее — рмж) на уровне статистической тенденции более высокий уровень в убежденности и веры в благосклонности мира, преобладании добра над злом, положительного над негативным, хороших событий над плохими (шкала «Доброжелательность окружающего мира» $U=9111,5$ при $p=0,07$), при этом отмечается значительно более низкий уровень убежденности в ценности собственного «Я», преобладании отрицательных черт характера и плохих поступков (шкала «Образ Я» $U=8186,0$ при $p=0,002$) в сравнении со здоровыми женщинами.
- Учитываяотягощенностьзаболеваниемженщинс диагнозом рмж, в сложившихся условиях, они в меньшей степени используют такие стратегии как «конфронтационный копинг» ($U=7849,0$ при $p=0,000$) и «бегство-избегание» ($U=7278,0$ при $p=0,000$).
- По методике «Уровень субъективного контроля» выявлены отличия между женщинами с диагнозом рмж и здоровыми женщинами только по показателю «Интернальность в области производственных отношений» ($U=8217,5$ при $p=0,01$). Отмечается интерпретация событий в области производственных отношений как результат своей собственной деятельности в результате снижения активности и общего состояния здоровья.

- Результаты методики «Тест жизнестойкости» показывают, что женщины с диагнозом РМЖ, в отличие от здоровых женщин, имеют более развитый компонент вовлеченности ($U=8159,0$ при $p=0,006$), который подразумевает большую убежденность в том, что их вовлеченность в происходящее дает максимальный шанс найти нечто стоящее и интересное для личности (Д.А. Леонтьев, 2006).
- По методике «Оценка качества жизни», которая в целом показывает уровень качества жизни женщин с диагнозом рак молочной железы по сравнению со здоровыми женщинами по всем показателям на высоком уровне статистической значимости у женщин с диагнозом рмж выявлены более низкие значения, что свидетельствует о более низком уровне качества жизни.

Итак, проведенное научное исследование позволяет сделать вывод о том, что существуют особенности личности женщин с диагнозом рак молочной железы, связанные с их базисными убеждениями, стратегиями совладающего поведения, уровнем субъективного контроля, показателями жизнестойкости, а также в оценке качества жизни.

Не смотря на более низкий показатель качества жизни в физическом, социальном и ролевом функционировании, обусловленном физическим и эмоциональным состоянием, общим состоянием здоровья, интенсивностью боли, жизненной активности, психическом здоровье, у женщин с диагнозом рак молочной железы отмечаются особенности в их личности, которые позволяют им успешно справляться с жизненными трудностями, быть вовлеченными в процесс своей жизнедеятельности, использовать эффективные способы совладания в ситуациях, требующих повышенного внимания и включенности, брать ответственность за происходящие с ними события.

Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 20-013-00824)

Эмпирическое исследование внутренней картины болезни у лиц с разными типами наркомании

Внутренняя картина болезни, защитные механизмы, наркомания, психоактивное вещество

Обзор различных подходов к пониманию психологических особенностей наркозависимой личности, показал, что основные аспекты психологической жизни наркозависимого включают чувства, самооценку, человеческие взаимоотношения, заботу о себе [1]. Так же в анамнезе выявлено отягощение неврозами, психопатиями и акцентуациями характера, аффективными расстройствами, вялотекущей шизофренией, органическими поражениями мозга и центральной нервной системы.

Что касается внутренней картины болезни у наркозависимых, то исследователи не пришли к единому пониманию данного феномена во всей совокупности проявлений. Исследователи выделяют: снижение критичности [2, 4], значительные нарушения в психологической сфере и амбивалентное отношение к наркомании (И.П. Лысенко, А.В. Надеждин, 1981), выраженность агрессии, нарушение способности к эмоционально-волевой регуляции, степень зрелости психологических защит [3].

В данном исследовании индивидуально-психологические особенности рассматривались как набор своеобразных черт психической активности личности, которые выражаются в механизмах психологической защиты и самооценке личности. А внутренняя картина болезни как представления больного о своём заболевании и совокупность переживаний, возникающих в связи с заболеванием (Р. А. Лурия, 1935; Е. К. Краснушкин, 1950).

Организация и методы исследования. Исследование проводилось на базе краевой клинической психиатрической больницы. Выборка состояла из 26 реабилитантов в возрасте от 19 до 43 лет, которые были разделены на две группы по 13 человек в каждой. В первую группу вошли лица, употреблявшие опиоиды, во вторую лица, употреблявшие психостимуляторы.

В качестве методов исследования были выбраны: личностный опросник Бехтеревского института (Лоби), психогеомерическая самооценка личности С. Делингер в адаптации А.А. Алексеева, диагностика типологий психологической защиты Р. Плутчик в адаптации Л.И. Вассермана, О.Ф. Ерышева, Е.Б. Клубовой.

В результате эмпирического исследования психологических особенностей личностей и внутренней картины болезни у наркозависимых были получены следующие данные:

- Лица, употребляющие опиаты, характеризуют себя как решительные, с высокой концентрированностью на деле, уверенные в себе. Наряду с этим, типичными чертами для них являются эгоцентризм, эгоизм и категоричность,

беспечность, расточительность и склонность к самобичеванию. Основными механизмами психологических защит являются проекция, замещение и подавление. Что касается отношению к болезни, то для этой группы характерны гармоничный, эргопатический и сенситивный типы отношения к болезни.

- Лица, употребляющие психостимуляторы, считают себя мечтательными, эксцентричными, экспрессивными. Имеется склонность к несдержанности, неорганизованности, непрактичности и распущенности, наблюдается беспечность, расточительность и склонность к самобичеванию. Основными механизмами психологических защит являются проекция, отрицание, компенсация и реактивное образование. Наиболее часто встречаются анозогнозический, тревожный, неврастенический и апатический типы отношения к болезни.

Метод статистической обработки эмпирического материала (критерий «хи-квадрат» независимости) показал наличие значимой связи между индивидуально-психологическими особенностями личности, типом наркомании и внутренней картиной болезни.

1. Даулинг, Скотт. Психология и лечение зависимого поведения / Перевод с английского Р.Р. Мургазина под редакцией А.Ф. Ускова. — Москва, 2000.- 260 с.
2. Кабанов, М. М. Психотерапия и реабилитация в современной клинической медицине / М.М. Кабанов. — В кн. : Руководство по психотерапии. Ташкент, 2010, — С. 76-85.
3. Лисецкий, К.С. Наркомания: особенности и взаимосвязь отношения к болезни зависимых и созависимых / К.С. Лисецкий, Е.В. Литягина. — Самара, 2006.- 150 с.
4. Рохлина, М.Л. Наркомания. Медицинские и социальные последствия. Лечение / М.Л. Рохлина, А.А. Козлов. — М.: изд-во «Анахарсис», 2001. — 208 с.

Взаимосвязь проактивных копинг-стратегий и склонности к суициду

Проактивные копинг-стратегии, суицид, факторы профилактики суицида

Фокусом данного исследования является рассмотрение суицидальных склонностей в контексте выраженности различных проактивных копинг-стратегий.

Методики исследования: Шкала вероятности самоубийства (Cull & Gill, 1982) измеряет 4 шкалы — суицидальные мысли, чувство безнадежности, негативную самооценку и враждебность; Сокращенная версия опросника проактивного копинга содержит 6 субшкал: проактивное совладание, рефлексивное совладание, стратегическое планирование, превентивное совладание, поиск инструментальной поддержки и поиск эмоциональной поддержки (Белинская, Вечерин & Агадуллина, 2018);

Выборка: итоговую выборку составляют 874 респондента возрастом от 18 до 71 года ($M = 32.44$, $SD = 11.72$). У 14% участников исследования были попытки суицида, у 23% респондентов были суицидальные планы.

Было выдвинуто предположение, что проактивные копинг-стратегии могут быть отрицательно взаимосвязаны с суицидальным риском. В качестве целевой переменной были выбраны суммарные значения субшкал «Шкалы вероятности самоубийств», обозначающие суицидальный риск. В качестве предикторов — значения по отдельным шкалам проактивных копинг-стратегий. Полученная модель объясняет 29% дисперсии суицидальных рисков на российской выборке.

Для сравнения силы взаимосвязи предикторов с суицидальными рисками удобно использовать значения стандартизированных коэффициентов. Наиболее сильная отрицательная взаимосвязь суицидальных рисков была обнаружена для шкалы «Проактивное совладание» ($\beta = -0.30$, $p < 0.001$). Вторым по величине значения предиктором выступает шкала «Поиск эмоциональной поддержки» ($\beta = -0.27$, $p < 0.001$). Менее значимым предиктором выступает шкала «Стратегическое планирование» со слабой отрицательной взаимосвязью ($\beta = -0.11$, $p \leq 0.01$).

Обсуждение результатов. Стратегии превентивного, проактивного и рефлексивного совладания вместе со стратегическим планированием исходят из первого ключевого положения проактивного взгляда на мир — он отражает высокую степень ответственности человека за свои действия, которую человек осознает и принимает. В то же время стратегии поиска эмоциональной и инструментальной поддержки отражают второе ключевое положение — о бездонных ресурсах этого мира, с которыми стоит научиться взаимодействовать. Таким образом, хотя обе группы отображают проактивный взгляд на мир, они делают это немного с разных сторон, — и это характеризует опросник с положительной стороны, ведь его нельзя назвать направленным на один узкий конструктор.

Несколько неожиданной стала отрицательная корреляция стратегии поиска эмоциональной поддержки с суицидальным риском в целом и негативной самооценкой в частности, а также ее высокие предиктивные показатели суицидального риска, что подтверждается некоторыми зарубежными исследователями (Emad & Hadianfard, 2019), — однако тогда следовало бы ожидать аналогичную корреляцию со стратегией поиска инструментальной поддержки, а она оказалась гораздо ниже. Можно объяснить результаты с учетом антисуицидальных факторов, например интенсивной эмоциональной привязанностью к значимым близким. Альтернативным объяснением является формирования идентичности — человек является другом, партнером, родственником, и это укрепляет его идентичность и самооценку, делает более устойчивым.

Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект 19-013-00612 «Межкультурный анализ личностных и ситуационных детерминант преодоления трудных жизненных ситуаций».

1. Белинская, Е.П., Вечерин А.В., Агадулина Е.Р. (2018). Опросник проактивного копинга: адаптация на неклинической выборке и прогностические возможности. 192–211. <https://doi.org/10.17759/psycljn>
2. Cull, J. G., & Gill, W. S. (1982). Suicide Probability Scale. In *Western Psychological Services*.
3. Emad, Y., & Hadianfard, H. (2019). Forecasting suicide based on sexuality, marital status, coping strategies, religious orientation, and depression rate. *Iranian Journal of Psychiatry and Clinical Psychology*, 25(2), 178–193. <https://doi.org/10.32598/ijpcp>.

Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект 19-013-00612 «Межкультурный анализ личностных и ситуационных детерминант преодоления трудных жизненных ситуаций»

Яковлева М.В.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Усманова Е.Б.
Москва, НМИЦ онкологии им. Н.Н. Блохина

Щелкова О.Ю.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Взаимосвязь качества жизни и выраженности болевого синдрома у пациентов, перенесших ампутацию нижней конечности в связи с онкологическим заболеванием: пилотное исследование

Качество жизни, болевой синдром, онкологические заболевания, ампутация конечностей, симптоматические шкалы, функциональные шкалы

Введение. Проблема качества жизни в современном обществе приобретает особое значение. Благодаря новым методам лечения ряд ранее неизлечимых патологий стал успешно излечиваться, хотя органосохраняющее лечение удается провести не всегда и лица, перенесшие ампутацию нижней конечности, часто оказываются исключенными из общественной жизни и трудовой деятельности. Расширение возможностей медицины с ее новейшими технологиями протезирования и реабилитации делают вопрос адекватной психологической помощи пациентам, проходящим через ампутации, актуальным.

Данное исследование направлено на изучение взаимосвязи показателей качества жизни и интенсивности болевого синдрома пациентов, перенесших ампутацию нижней конечности в связи с онкологическим заболеванием.

Материал и методы исследования. На пилотной стадии исследования было обследовано 18 пациентов обоих полов (средний возраст $56,32 \pm 11,45$), перенесших ампутацию нижней конечности в связи с онкологическим заболеванием. Для оценки выраженности болевого синдрома использовались визуальная аналоговая шкала (Visual Analogue Scale VAS) и шкала Watkins; качество жизни пациентов исследовалось с помощью специализированного «Опросника качества жизни при онкологической патологии» EORTC QLQ-C30 («Quality of Life Questionnaire-Core 30»).

Результаты исследования. Проведение корреляционного анализа (р-Спирмена) позволило установить ряд статистически значимых взаимосвязей. Была выявлена положительная корреляция между субъективной оценкой выраженности болевого синдрома (VAS) и показателями симптоматических шкал опросника EORTC QLQ-C30 «Слабость» ($p=0,01$), «Боль» ($p=0,01$), «Потеря аппетита» ($p=0,05$), а также отрицательная корреляция с функциональными шкалами EORTC QLQ-C30 «Когнитивная активность» ($p=0,05$) и «Социальная активность» ($p=0,05$). Большая интенсивность болевого синдрома, оцениваемая врачами по шкале Watkins, значимо положительно связана с симптоматическими шкалами «Боль» ($p=0,01$) и «Одышка» ($p=0,05$) и отрицательно коррелирует с функциональной шкалой «Когнитивная активность» ($p=0,05$).

Обсуждение и выводы. Результаты исследования согласовываются с имеющимися представлениями о значимой роли болевого синдрома в определении качества жизни пациентов; для пациентов, перенесших ампутацию конечности, это становится особенно актуально в связи с фантомными болями, на наличие которых указывает большинство обследуемых. Полученные данные свидетельствуют о необходимости учета всех вышеуказанных показателей при оценке общего клинико-психолого-социального статуса пациента, а также подтверждают эффективность применения специализированного узконаправленного опросника, направленного на оценку качества жизни данного контингента пациентов.

Изучение объективных и субъективных показателей выраженности боли в соотношении с показателями качества жизни пациентов позволит усовершенствовать реабилитационный процесс с точки зрения психологического состояния больных, позволит сделать восстановительный процесс более эффективным и менее продолжительным за счет разработки психокоррекционных программ, а также будет способствовать реализации индивидуального подхода к пациентам, перенесшим ампутацию нижней конечности в связи с онкологическим заболеванием.

Исследование проводится при поддержке гранта РФФИ «Психосоциальные факторы качества жизни онкологических пациентов после ампутации нижней конечности» (Рег. № 20-013-00573)

Научное издание

АНАНЬЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ — 2020
Психология служебной деятельности: достижения и перспективы развития
(в честь 75-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.)

Материалы международной научной конференции
8–11 декабря 2020 года

Подписано в печать 03.12.2020.
Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 65,75.
Заказ 6931.

Издательство и типография «Скифия-принт»
197198 С.-Петербург, ул. Б. Пушкарская, д. 10, лит. 3.